

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как упоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

B 1,365,894

PROPERTY OF
*University of
Michigan
Libraries*
1817
ARTES SCIENTIA VERITAS

М 64
ср 1-60
9163

ПАМЯТНИКИ

15L X do

СТАРШЕЮ РУССКОЮ ЛИТЕРАТУРОЮ,

ИЗДАВЛЕМЫЕ

Графомъ Григоріемъ Кушелевымъ-Безбородко,

подъ редакціею Н. Костомарова.

Сказанія, легенды, повѣсти, сказки и притчи.

выпускъ первый. — IV

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1860.

Grand.

891.708

P186.

1860a

v.1-4

Inscrpt.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ, узаконенное число экземпляровъ,
С. Петербургъ. Сентября 3-го дня 1860 года.

Ценсоръ А. Ярославцовъ.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной ценсуры печатать дозволяется. Сентября 3-го 1860 года.

Ценсоръ Архимандритъ Серій.

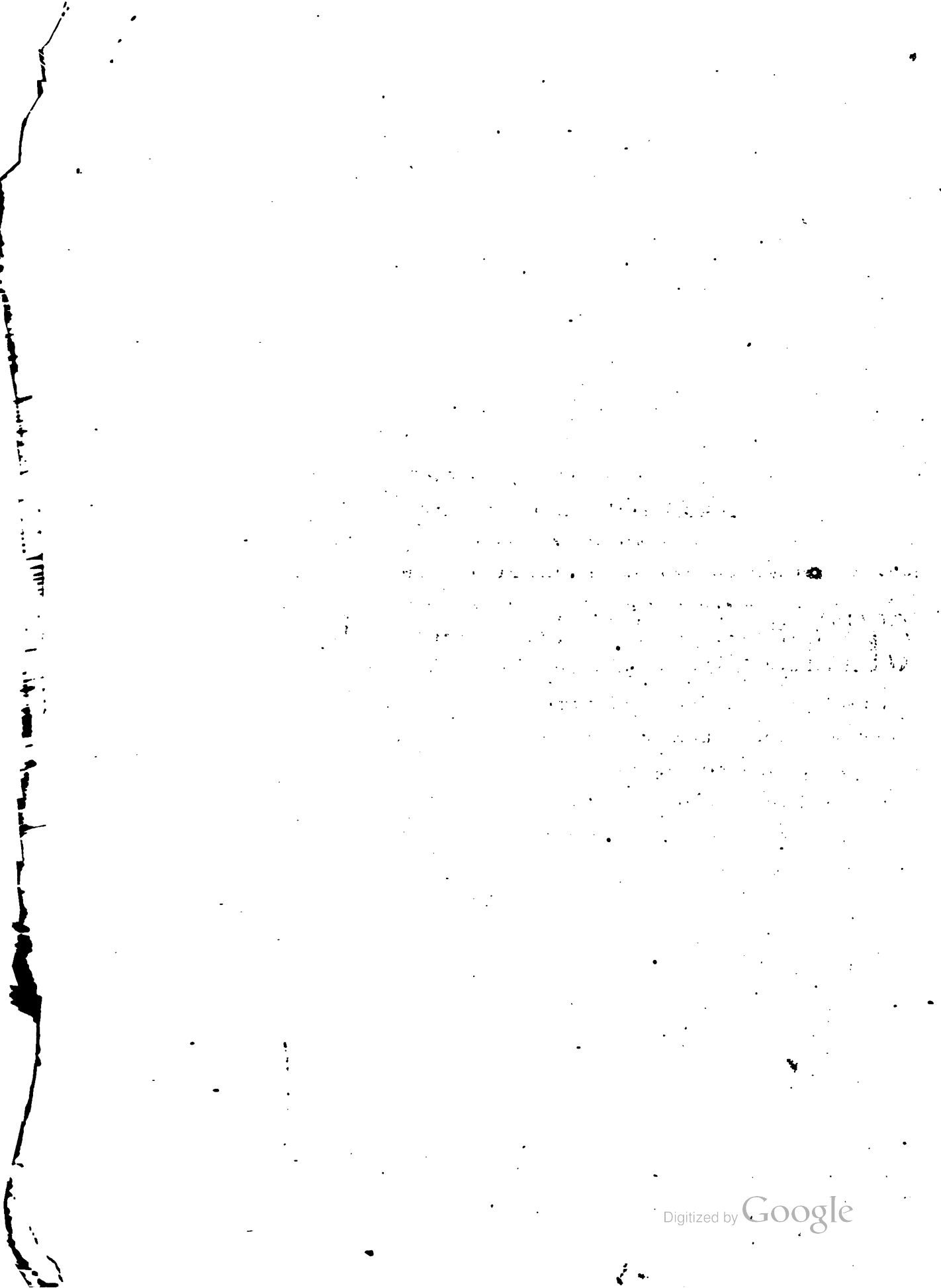
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ П. А. КУЛИША.

На углу Сѣнной площади и Обуховскаго проспекта, въ домѣ Котомина, № 2.

F203-283532

ПАМЯТНИКИ

СТАРШЕЮЩОЮ РУССКОЮ ЛИТЕРАТУРЫ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ настоящее время, кажется, уже созрѣло сознаніе, что, для уразумѣнія смысла исторіи, недостаточно однихъ повѣствованій о минувшихъ политическихъ событіяхъ, законоположеній, указовъ, дипломатическихъ сношеній и вообще всѣхъ источниковъ, относящихся до государственнаго и административнаго строя. Только упорные старовѣры могутъ еще сомнѣваться въ томъ, что государственность со всѣми ея признаками есть только видимое историческое явленіе народной жизни, и что послѣдняя составляетъ сущность того, что подлежитъ историческому уразумѣнію. Безъ знанія народнаго духа, понятій, воззрѣній, вѣрованій, сочувствій, антипатій, добродѣтелей и пороковъ народныхъ, невозможенъ ясный взглядъ ни на политическія событія, ни на внутреннія утребденія. — Служа отечественной исторіи и желая содѣйствовать успѣхамъ ея научной обработки, редакция Русскаго Слова признала не безполезнымъ, при своемъ журналѣ, печатать, въ видѣ приложеній, памятники старинной русской литературы до-петровскаго времени, болѣею частію до сихъ поръ скрытые въ рукописяхъ нашихъ книгохранилищъ или извѣстные по изданіямъ, разсѣяннымъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, нерѣдко въ отрывочномъ видѣ. Съ этою цѣлію, издатель Русскаго Слова поручилъ профессору санктпетербургскаго университета Костомарову, въ текущемъ 1860 году, въ видѣ приложенія къ Русскому Слову составить сборникъ памятниковъ, раздѣленный для удобства на два выпуска, и заключающій сказанія, легенды, повѣсти, сказки и притчи въ слѣдующемъ порядкѣ.

1. Горе-злочастіе.

2. Повѣсть о посадникѣ Новгородскомъ Щазѣ (въ двухъ вариантахъ).

3. Повѣсть о муромскомъ князѣ Петрѣ и супругѣ его Феброніи (въ трехъ вариантахъ).

4. Легенда о Марѣ и Маріи (въ двухъ вариантахъ)

5. Повѣсть объ Ульяніи Муромской.

6. Сказаніе о плѣнномъ Половчанинѣ.

7. Сказаніе о старцѣ, низводившемъ дождь съ неба (съ отъѣнами по другому варианту).

8. Повѣсть о благочестивомъ рабѣ (въ двухъ вариантахъ).

9. Легенда о двухъ сапожникахъ.

10. Легенда о показаніи князя (въ двухъ вариантахъ).

11. Повѣсть о грѣшной матери (въ двухъ вариантахъ).

12. Видѣніе нукъ грѣшницы во адѣ.

13. Легенда о временномъ пощеніи ада.

14. Легенда о прельщенномъ инокѣ.

15. Легенда объ умерщвленномъ младенцѣ.

16. Легенда о братствѣ.

17. Легенда о св. Георгии. 18. Легенда о купце. 19. Легенда о происхождении выкуренія. 20. Легенда о пьяницѣ, продавшемъ душу бѣсу. 21. Легенда объ игрокѣ. 22. Легенда о лѣтѣ и пресвитерѣ. 23. Повѣсть о бѣсовою жентѣ Соломонѣ (съ отиѣнами по другому варианту). 24. Повѣсть о Савѣ Грудницѣ (въ двухъ вариантахъ). 25. Повѣсть о пресвитерѣ Тимоѣѣ. 26. Сказаніе о бѣсовскихъ искушеніяхъ (числомъ семь). 27. Повѣсть о цѣломудренной вдовѣ. 28. Легенда объ оживленной курицѣ. 29. Повѣсть о водвореніи христіанства въ Ростовѣ (съ отиѣнами по другому варианту). 30. Повѣсть о водвореніи христіанства въ Муромѣ. 31. Повѣсть о побѣдѣ Новгородцевъ надъ Суздальцями. 32. Повѣсть о путешествіи Іоанна Новгородскаго. 33. Легенда о островіи варяжской божницы въ Новгородѣ. 34. Повѣсть о островіи Благовѣщенскаго монастыря въ Новгородѣ. 35. Повѣсть объ Антоніи Риллаицѣ. 36. Новгородскій судъ и св. Варлаамъ. 37. Пророчество св. Варлаана. 38. Видѣніе пономара Тарасія. 39. Повѣсть о Новгородскомъ бѣломъ клубкѣ (съ отиѣнами по другому варианту).	40. Бѣсѣда Іерусалимская. 41. Повѣсть о семи багатыряхъ. 42. Сказка объ Иванѣ пономаревичѣ. 43. Сказка о Ерусалѣ Лазаревичѣ. 44. Сказка о царѣ Даріанѣ. 45. Повѣсть о Дмитріѣ кіевскомъ купцѣ и его сынѣ (въ двухъ вариантахъ). 46. Повѣсть о премудромъ Акврѣ (въ двухъ вариантахъ). 47. Повѣсть объ иверской царевнѣ Динарѣ. 48. Повѣсть о прекрасномъ Девгеніи. 49. Повѣсть о градѣ Вавилонѣ. 50. Сказаніе о вавилонскомъ царствѣ. 51. Повѣсть о мультанскомъ воеводѣ Дракулѣ. 52. Повѣсть о Шенакиномъ судѣ. 53. Прѣтіе о вѣрѣ. 54. Отрывокъ повѣсти о молодцѣ, о его конѣ и саблѣ. 55. Отрывокъ повѣсти о Михаилѣ Скопинѣ Шуйскомъ. 56. Легенда о кровосѣятелѣ (въ трехъ вариантахъ). 57. Легенда о происхожденіи табака. 58. Притча о нитѣхъ и о смерти (въ двухъ вариантахъ). 59. Притча о хлѣбѣ. 60. Притча о старомъ мужѣ и о молодой дѣвицѣ. 61. Притча о бражникѣ и старая застольная пѣснь. 62. Сказаніе о роскошномъ житіи и веселіи. 63. Притча о женской злобѣ. 64. Притча о корыстолюбцѣ.

Эти памятники извлечены изъ рукописныхъ сборниковъ, хранящихся въ санктпетербургскихъ публичныхъ книгохранилищахъ, а въкоторые сообщены частными лицами. Редація, принося благодарность всѣмъ, оказавшимъ ей участіе, поставляетъ долгомъ изъявить особенную признательность г. директору Императорской Публичной Библіотеки Барону М. А. Корфу, г. директору Руминцоваго музея князю В. О. Одоевскому, г. бібліотекарю Императорской Публичной Библіотеки А. О. Бычкову, за радушное содѣйствіе, оказанное ими при извлеченіи памятниковъ изъ рукописей, и профессору Императорскаго Московскаго Университета О. И. Буслеву за дозволеніе помѣстить нѣсколько памятниковъ изъ принадлежащаго его бібліотекѣ сборника, составляющаго истинную драгоценность для цѣнителей старинной русской письменности. О памятникахъ, извле-

ченныхъ изъ рукописей публичной Библиотеки и Музея, если при заглавіи ихъ не означено къ какому вѣку принадлежать списки, изъ которыхъ они извлечены, слѣдуетъ разумѣть, что они печатаются со списковъ XVII вѣка. Редакція старалась, по возможности, сохранить способъ правописанія списковъ со всеми уклоненіями, допуская, однако, для уразумѣнія смысла, разстановку слитыхъ вмѣстѣ частей рѣчи, употребленіе обычныхъ знаковъ препинанія и, для избѣжанія двусмысленности, замѣну однозвучныхъ буквъ другими, но вмѣстѣ съ тѣмъ считалось недозволительнымъ всякое измѣненіе, которое касается выговора. Буквы *а* и *и* сохранены только въ памятникахъ по древѣйшимъ спискамъ; въ другихъ, при совершенной произвольности ихъ постановки въ памятникахъ, онѣ замѣняются буквою *я*. Въ тѣхъ памятникахъ, гдѣ удержана буква *а* — буквою *я* замѣнено *и*, и, напротивъ того, гдѣ удержано *и*, — *я* замѣняетъ *а*. Тамъ, гдѣ встрѣчаются явные опіски, итшающіи смыслу, рядомъ въ скобкахъ поставлены правильныя формы. Нѣкоторые памятники снабжены примѣчаніями, по итрѣ представленія къ тому поводу.

При выборѣ памятниковъ для печати принималось правиломъ помѣщать преимущественно русскія оригинальныя произведенія, допуская, однако, и такія, которыя первоначально могли быть и чужеземнаго происхожденія, но усвоены народнымъ вкусомъ и приняли на себя характеръ русской народности. Вообще же въ этомъ собраніи допускалось и будетъ впередъ допускаться то, что представляетъ матеріалъ къ разъясненію прошедшей народной общественной и домашней жизни, понятій и вѣрованій народа.

UNIVERSITY OF TORONTO

ГОРЕ-ЗЛОЧАСТІЕ.

ENTDAPMAG-1907

ГОРЕ-ЗЛОЧАСТІЕ.

ПОВѢСТЬ О ГОРѢ И ЗЛОЧАСТІИ И КАКЪ ГОРЕ-ЗЛОЧАСТІЕ ДОВЕЛО МОЛОДЦА ВО ИНОЧЕСКІИ ЧИНЪ.

(Млв. Публ. Библ. рукоп. Поход. древлехран. № 1773.)

Наволеніемъ Господа Бога и Спаса Нашего,
Исуса Христа Вседержителя,
отъ начала вѣка человѣческаго....
а въ началѣ вѣка сего глѣбнаго
сотворилъ небо и землю,
сотворилъ Богъ Адама и Еву;
повелѣлъ имъ жити во святомъ раю,
далъ имъ заповѣдь божественну:
не повелѣлъ вкушати плода винограднаго,
отъ едемскаго древа великаго.
Человѣческое сердце несмысленно и неуничиво:
прельстился Адамъ со Евою,
позабыли заповѣдь Божію,
вкусилъ плода винограднаго
отъ дивнаго древа великаго, —
и за преступленіе великое
Господь Богъ на нихъ разгнѣвался,
и нагналъ Богъ Адама со Евою
изъ святаго раю изъ едемскаго,
и вселилъ ихъ на землю на низкую,
благословилъ ихъ раститися-плоднися,
и отъ своихъ трудовъ велѣлъ имъ сытымъ быть,
отъ земныхъ плодовъ.... (*)

(*) Впрочемъ, съдугетъ питатися.

Учинилъ Богъ заповѣдь законную:
велѣлъ онъ бракомъ и женитбамъ быть
для рожденія человѣческаго и для любимыхъ дѣтей.
Ино зло племя человѣческое:
вначалѣ пошло непокорливо,
ко отцову ученію зазорчиво,
къ своей матери непокорливо, (*)
и къ совѣтному другу обманчиво.
А се роди пошли слабы добрубожливн (?)
а на безуміе обратилися,
и учили жить въ суетѣ,
и въ правдѣ вечеркио (?) великоо, (?)
а прямое смиреніе отринули.
И за то на нихъ Господь Богъ разгнѣвался:
положилъ ихъ въ напасти великія,
пустилъ на нихъ скорби великія
и срамныя позоры немѣрныя,
безживотіе злое, сопостатныя находы,
злую немѣрную наготу и босоту,
и безконечную нищету,
и недостатки послѣдніе,
все смиряючи насъ наказуя,
и приводе насъ на спасенный путь.

(*) Впрочемъ, непослушное.

(?) Срезавскій читаетъ это слово: отъ вечеркио (Млв. Акад. 1856).

Тако рожденіе человѣческое отъ отца и отъ матери,

Будеть молодецъ уже въ разумѣ въ безлюбіи,
и возлюбилъ его отецъ и мать:
учить его учили, наказывать,
на добрыя дѣла наставлятъ: (1)

»Милос ты наше чадо!

»Послушай ученія родительскаго,
эты послушай пословицы
»добрыя, и хитрыя, и мудрыя!
»не будешь тебѣ нужды великія,
эты не будешь въ бѣдности великой:
»не ходи, чадо, въ пиры и въ братчины;
»не садися ты на мѣсто большее;
»не пей, чадо, двухъ чаръ за одну.
»Еще, чадо, не давай очамъ воли;
»не прельщайся, чадо, на добрыхъ красныхъ женъ
отеческія дочери....

»Не ложися, чадо, въ мѣсто заточное; (2)
»не бойся, не бойся мудра, бойся глуха,
»чтобы глухыя на ты не подумали,
»да не силны бы съ тебя драгихъ порть, (3)
»не доспѣли бы тебѣ позорства и стыда великаго,
»и племеню укору и поносу бездѣльнаго.
»Не ходи, чадо, въ костаремъ (4) и корчмишкамъ;
»не знайся, чадо, съ головами кабацкими;
»не дружися, чадо, съ глухими, немудрыми;
»не думай украсти-ограбннть,
»и обмануть-солгать и неправду учинить.
»Не прельщайся, чадо, на злато и серебро;
»не збйрай богатства неправдаго;
»не (5) буди послухъ лжесвидѣтельству,
»за зла не думай на отца и матери
»и на всякаго человѣка, —

(1) Вероятно слѣдуетъ *наставляема*.

(2) Заточное, изъясн. точити, польск. *zocid się* — затнтся, въ такое мѣсто, гдѣ казнятъ пленица.

(3) Олхдѣ.

(4) Играть въ кости.

(5) Не возмущать въ подлинникѣ.

»да и тебе покрытъ Богъ отъ всякаго зла.
»Не безчествуй, чадо, богата и убога,
»за нѣтъ всѣхъ равно по одному;
»за знайся, чадо, съ мудрыми,
»и съ (6) разумными водися,
»и съ друзи надежными дружися,
»которыя бы тебѣ злу не доставили.»

Молодецъ былъ въ то время-се малъ и глупъ,
не въ полную разумѣ и не совершенъ разумомъ;
своему отцу стыдно покорнтся,
и матери поклоннтся,
а хотѣлъ жить, какъ ему любо!
Наживалъ молодецъ пятьдесятъ рубльскъ,
загнзъ (10) онъ себѣ пятьдесятъ друговъ;
честь его яко рѣка текла;
другова къ молодцу прибывалися,
родъ-племн причиталися (11).

Еще у молодца былъ нѣтъ-надежень-другъ —
назвался молодцу названой братъ;
прельстилъ его рѣчи пролостными,
завалъ его на кабацкой дворъ,
завелъ его въ пѣбу кабацкую,
поднесъ ему чару зелена-вина,
и кружку поднесъ пива пиваго,
самъ говорить таково слово:

»Испей ты, братецъ мой названой;
»въ радость себѣ и въ веселіе, и во здравіе.
»Испей чару зелена вина,
»этой ты чашею пьду сладкова;
»хощь и увьешься, братецъ, до-пивна,
»нико гдѣ нѣтъ, тутъ и спать ложися,
»надѣйся, надѣйся на меня, брата названова.

(6) Съ ведестью въ подлинникѣ.

(10) Нашель — слово, очень вѣстное въ старомъ русскомъ языкѣ. Польское *znalsid*.

(11) Вероятно, здѣсь пропущенъ предлогъ *съ*; слѣдовало бы: *съ родъ-племн причиталися*.

«Я сяду стеречь и досматривать:
 «въ головахъ у тебя, мила-друга,
 «я поставлю кружку ишему сладкова, (12)
 «вскрай поставлю зелено-вино,
 «близъ тебя поставлю пиво пьяное,
 «сберегу я, миль-другъ, тебя на-крѣпко,
 «сведу я тебя ко отцу твоему и матери.»

Втѣпоры молодець понадѣялся
 на своего брата названого;
 не хотѣлося ему друга ослушатца;
 принимался онъ за питья за пьяныя,
 и пснивалъ чару зелена-вина,
 запивалъ онъ чашею меду сладкаго,
 и пилъ онъ, молодець, пиво пьяное.
 Упился онъ безъ памяти,
 и гдѣ пилъ, тутъ и спать ложился:
 понадѣялся онъ на брата названого.

Какъ будетъ день до вечера а солнце на западѣ,
 отъ сна молодець пробужаецца,
 втѣпоры молодець озирается:
 а что (13) святы съ него драгіе порты,
 чары (14) и чулочки все поспимано,
 рубашка и портки все слуплено,
 и вся собина (15) у его ограблена,
 а кирпичекъ положонъ подъ буйну его голову,
 онъ накинута гункою (16) кабацкою,
 въ ногахъ у него лежатъ лапотки-отопочки,
 въ головахъ мила-друга и близко нѣтъ.

И вставалъ молодець на бѣлыи ноги,

(12) Въ рукописи было *кружку ишею*; слово *ишею* очевидно калмычани, потому что написано *ишелу*.

(13) Не важно ли?

(14) Черевичи.

(15) Илудство. Слово, употребительное въ старшіи вѣсты — *собиная рухлада*.

(16) Отресь, собственно кусокъ грубаго холста. У нидеросійскитъ *вазковъ* зумя называлась *конская полова*. Богатиря *нашты* бывають *блвзвотъ* иногда зумю.

учалъ молодець наряжатися:
 обувалъ онъ лапотки (17),
 надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
 покрывалъ онъ свое тѣло бѣлое,
 умывалъ онъ лице свое бѣлое;
 стоя, молодець закручинился,
 самъ говорить таково слово:

«Житіе нѣтъ Богъ далъ великое:
 «ясти-кушати стало нѣчево!
 «жакъ не стало деньги, ни полуденьги,
 «такъ не стало не друга, не подруга;
 «родъ и племя отчитаются,
 «всѣ друзи прочь отпираются!»

Стало странно молодцу повитися
 къ своему отцу и матери,
 и къ своему роду и племени,
 и къ своимъ прежнимъ милымъ другомъ.

Пошелъ онъ на чужу страну, дагну-незнаему,
 нашелъ дворъ, что градъ стоитъ,
 изба на дворѣ — что высокъ теремъ,
 а въ избѣ идеть великъ пиръ почестенъ:
 гости пьютъ, ядятъ, потѣшаются.
 Пришелъ молодець на честенъ пиръ,
 крестилъ онъ лице свое бѣлое,
 поклонился чюднымъ образомъ,
 былъ челомъ онъ добрымъ людемъ
 на всѣ четыре стороны.
 А что видать молодца люди добрые,
 что гораздъ онъ креститися,
 ведеть онъ все по писанному ученію,
 емлютъ его люди добрыя подъ руки,
 посадили его за дубовой столъ,
 не въ большое мѣсто не въ меньшее, —
 садятъ его въ мѣсто среднее,

(17) Врожденно пропускъ *слово* холстины, какъ выше сказано.

идь сѣять дѣти гостинные.
 Какъ будетъ пирь на веселію,
 и всѣ на пиру гости пьяны-веселы,
 в сѣдѣ всѣ похваляютца, —
 молодець на пиру не весель сѣдять,
 кручиновать, скорбенъ, не радостенъ,
 а не вьсть, ни вѣсть онъ, ни тѣшнѣца,
 и ничѣмъ на пиру не хвалитца.

Говорятъ молодцу люди добрыя:

»Что еси ты, доброй молодець,
 хачѣмъ ты на пиру не весель сѣдишь,
 »кручиновать, скорбенъ, но радостенъ,
 »ни вьсть ты, ни тѣшнѣца,
 »да ни чѣмъ ты на пиру не хвалишься?
 »Чара ли зелена-вина до тебя не дохаживала?
 »или мѣсто тебѣ не по отчнѣ твоей?
 »или нилые (?) дѣти тебя изобидѣли?
 »или глухые люди немудрыя
 »чѣмъ тебѣ, молодцу, насѣдѣлися?
 »или дѣти наши къ тебѣ мо ласковы?»

Говоритъ нѣтъ, сѣдѣ, доброй молодець:

»Государи вы, люди добрыя!

»Скажу я вамъ про свою вужду великую,
 »про свое ослушаніе родительское,
 »и про нитье кабацкое,
 »про чашу медвяную,
 »про лествое нитье пьяное.
 »Яль какъ принался за нитье за пьяное, —
 »ослушался азъ отца своего и матери:
 »близколюбенію нѣтъ отъ нилъ живовался;
 »Господь Богъ на меня разгѣвался,
 »и на мою бѣдность вели великая (?)
 »ниогдѣ сворби неискѣльнныя,
 »и печали всуѣшныя,

(10) Вѣсто нилые вѣрнѣе сѣдѣть читать лалые.

»скудость и недостатки и нищета послѣдняя....

»Укротила скудость мой рѣчистой языкъ;
 »визушила печаль мое лице и бѣлое тѣло:
 »ради того мое сердце не месело,
 »а бѣлое лице уныливно,
 »и ясныя очи замутились;
 »все нѣтъ (?) и взоры у мене изгѣнились;
 »отечество (?) мое потерялося,
 »храбрость молодецкая отъ мене миновалася!
 »Государи вы, люди добрыя!
 »скажите и научите, какъ мнѣ жить
 »ча чюжей сторонѣ, къ чюжихъ людехъ,
 »и какъ загѣсти мнѣ нилыхъ друзей?»

Говорятъ молодцу люди добрыя:

»Добро еси ты, и разумный молодець!
 »Не буди ты слѣснавъ на чюжей сторонѣ:
 »поборися ты другу и недругу,
 »поклонися ты стару и молоду,
 »а чюжихъ ты дѣлъ не объявлявай,
 »а что слышишь или видишь — не сказывай!
 »не лести ты межъ други и недруги;
 »не нѣтъ ты упадки вилавыя (11);
 »не вейся знією лукавою;
 »смиреніе ко всѣмъ нѣтъ,
 »и ты съ кротостію держися истинны съ правдою.
 »То тебѣ будетъ честь и хвала великая;
 »Первое тебе люди овѣдаютъ
 »и учнутъ тея чтить и жаловать
 »За твою правду великую,
 »За твое смиреніе и за вѣжество;
 »Будутъ у тебя нилыя други,
 »Названныя братья надежныя.»

(11) Въ смыслѣ достоинства, то есть: я потерялъ право быть величавымъ по отчеству, какъ честный и добродѣтельный человекъ.

(12) Смыслъ этого неупотребительнаго теперь выраженія, вѣрнѣе, таковъ: не прескѣмался предъ другими коварно. Вилавый — пометъ быть, вилавый. Упадка — отъ глагола упадать, въ смыслѣ вилаваться. Малороссіане о вѣрнѣе, уклончивыхъ человекѣхъ, говорятъ: лествю удаде.

И отгуду пошелъ молодецъ на чужу сторону
и учалъ онъ жити умбючи;
отъ великаго разума наживалъ онъ живота большы
старова,
присмотрилъ повѣсту себѣ по обычаю, —
захотѣлся молодцу женитися.
Средилъ молодецъ честенъ ниръ
отчествомъ и вѣжествомъ,
любовнымъ своимъ гостемъ и другомъ билъ челоу.

И по грѣхамъ молодцу,
и по Божію поущенію,
а по дѣйству діаволу,
предъ любовнымъ своимъ гостемъ и други
и названымъ браты похвалился
(а всегда гнило слово похвальное:
похвала ⁽²¹⁾ живеть челоуку пагуба):
наживалъ-де я, молодецъ, живота большы старова! —

Подслушало Горе-Злочастіе хвастанье молодецкое!
Само говорить таково слово:

»Не хвались ты, молодецъ, своимъ счастіемъ,
»не хвастай своимъ богатствомъ;
»бывали люди у меня, Гора,
»и мудре тебя и досужае,
»и я ихъ, Горе, перемудрило.
»Учинися низъ злочастіе великое:
»до смерти со мною боролися;
»во зломъ злочастіи позорилися;
»не могли у меня, Гора, уѣхати,
»знаки (?) ⁽²²⁾ они во гробъ вселилися;
»отъ мене на крѣпко они землю накрылиса,
»босоты и наготы они избыли,
»и я отъ нихъ, Горе, множалось,
»а Злочастіе на ихъ въ могилѣ осталось!

⁽²¹⁾ Т. е. похвальба, самохвалство.

⁽²²⁾ Срезневскій читаетъ слово мамъ и объясняетъ — лишь только, едва.

»Еще возгряло ⁽²³⁾ я, Горе, къ нимъ привязалось:
»а ниѣ, Горю и Злочастію, не впустиѣ же жить:
»хочю я, Горе, въ людехъ жить;
»и батономъ меня не выгонить;
»а гнѣздо ноо и вотчина во бражникахъ!»

Говорить сѣро Горе-горниское:
»какъ бы ниѣ молодцу повнитися!»
Ино зло то Горе излукавилось,
»во снѣ молодцу привидѣлось:
»Откажи ты, молодецъ, невѣстѣ своей любимой;
»быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
»еще быть тебѣ отъ тое жены удавлену,
»изъ злата и сребра быть убитому!
»Ты пойди, молодецъ, на царевъ кабацкъ;
»не жали ⁽²⁴⁾ ты, пропивай свои животы,
»а синь ты платье гостинное, ⁽²⁵⁾
»надежи ⁽²⁶⁾ ты на себя гунку кабацкую;
»кабаконъ-то Горе избудотца,
»а то злое Злочастіе останетца, ⁽²⁷⁾
»а магнѣ-то Горе не погонитца,
»а никто къ нагому не привяжется.
»а нагому-босому шумить разбой.» ⁽²⁸⁾

Тому сну молодецъ не повѣровалъ.
Ино зло то Горе излукавилася;
горѣ архангеломъ Гавріиломъ молодцу
по прежнему еще въ ново злочастіе привязалоса.

»Али тебѣ, молодецъ, невѣдома
»нагота и босота безмѣрная,

⁽²³⁾ Т. е. закарало воронкомъ. Слово древнее: ср. Слово о Полю Игоря: *орани трахуть*. Въ белорусскій дуб: *ворони загру*.

⁽²⁴⁾ Вѣсто не жалѣй; стар. форма: *лѣй* перекидается въ *и*.

⁽²⁵⁾ Кушечное у гостей, хорошаго сорта — гостинные товары.

⁽²⁶⁾ Надѣя.

⁽²⁷⁾ Въ рукахъ, въ связкахъ между *злое* и *злочастіе* — *горе*.

⁽²⁸⁾ Въ томъ же значеніи, какъ пословица: «голому разбой не страшеть». *Шумить разбой*: если голый и слышитъ его, то не боится и не ищетъ возможности избѣжать отъ него.

мзгота, безпроторица ⁽¹⁹⁾ великая,
 ма себя что кунить, то проторится,
 ма ты, удалъ молодець, и такъ живешь!
 ма да не бьютъ, не мучать нагихъ-босыхъ,
 ма изъ раю нагихъ-босыхъ не выгонятъ,
 ма съ того свѣту сюды не вытепуть ⁽²⁰⁾;
 ма никто къ нему не приважится;
 ма нагону-босому шумить розбой!^с

Тону ему молодець онъ повѣровалъ;
 совель ⁽²¹⁾ онъ пропивать свои животы,
 а скинулъ онъ платье гостинное, —
 надѣвалъ онъ гунку кабацкую,
 покрывалъ онъ свое тѣло бѣлос;
 стало молодцу срамно повѣстися своимъ иллымъ дру-
 гомъ.

Пошелъ молодець на чужу страну, дальну-незнаему,
 на дорогѣ пришла ему быстра рѣка;
 ма рѣкою перевозчики,
 а просать у него перевознаго,
 иво дать молодцу нечего;
 не везутъ молодца безденежно.
 Сѣдять молодець день до вечера,
 ивовалясь донь до вечера ⁽²²⁾, ни до обѣднешъ
 не ѣдалъ молодець ни полукуса хлѣба;
 вставалъ молодець на скоры ноги,
 стоя, молодець закручинился,
 а самъ говоритъ таково слово:

»Ахти мнѣ, Злочастіе-горинское!
 ма бѣды меня, молодца, домыкало,

»уморило меня, молодца, смертью голодною:
 ма уже три дни мнѣ были не радощны, —
 ма не ѣдалъ я, молодець, ни полукуса хлѣба!
 ма иво кинусъ я, молодець, въ быстру рѣку:
 ма иволочи мое тѣло, быстра рѣка!
 ма иво бѣте, рыбы, мое тѣло бѣлос!
 ма иво лутчи мнѣ житія сого позорнаго!
 ма ивуду ли я у Горя злочастнаго!^с

И въ тотъ часъ у быстры рѣки
 скоча ⁽²³⁾ Горе изъ-за камени,
 босо, наго, вѣтъ на Горѣ ни пшочки,
 еще лычкомъ Горе подиосано,
 богатырскимъ голосомъ воскликано:

»Стои ты, молодець: меня, Горя, не увидешь никуды!
 ма нечиса въ быстру рѣку,
 ма да не буди въ горѣ кручинивать:
 ма въ горѣ жить — покручинну быть!
 ма кручинну въ горѣ погнути!
 »Спамятуй, молодець, житіе свое первое;
 ма самъ тебѣ отецъ говорилъ, ⁽²⁴⁾
 ма какъ тебѣ мати наказывала.
 »О чемъ ⁽²⁵⁾ тогда ты ихъ не послушалъ?
 ма не захотѣлъ ты ихъ покоритися,
 ма иностыдилса ихъ поклонитися,
 ма хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо есть!
 »А кто родителей своихъ на добро ученія не слушаетъ,
 ма этого выучю я, Горе-злочастное!
 ма не къ любому онъ учить упадывать.
 ма и учить онъ недругу покоритися!^с
 Говоритъ Злочастіе таково слово:
 »Покорися мнѣ, Горю нечистому,
 ма поклонися мнѣ, Горю, до сыры земли,
 ма и вѣтъ меня, Горя, мудря на сець свѣтъ:

⁽¹⁹⁾ Легкость, въ насильственномъ смыслѣ, какъ вѣсто обокрала, огра-
 били говорить: облагчили. Безпроторица — отсутствие вѣкаль проторовъ.
 иже въ насильственномъ смыслѣ.

⁽²⁰⁾ Усталость. Въ некоторыхъ губерніяхъ говорятъ женомъ камолю, а
 въ другихъ — бить. Топка — дрябле, который полтъ.

⁽²¹⁾ Въ смыслѣ онустился, дошелъ до того, что началъ прои-
 овать.

⁽²²⁾ По выраженію: три дни, сѣдять-чуть иже, видно, что въ этомъ мѣстѣ
 ирочтъ.

⁽²³⁾ Вероятно, описка: сѣдять читать скоки.

⁽²⁴⁾ Вероятно, говоривалъ.

⁽²⁵⁾ Вѣсто для чего.

»и ты будешь перевеземъ за быструю рѣку,
знаюць ты, накормятъ люди добрыя.»

А что видитъ молодецъ ⁽²⁶⁾ неминуемую —
покорился Горю нечистому,
поклонился Горю до сыры земли!

Пошелъ, поскачилъ доброй молодецъ,
по круту по красну по борезку,
по желтому песочнику;
идеть воевалъ, искручинивать,
утѣшалъ онъ Горе-Злочастию;
а самъ, влудчи, думу думаетъ:
»Когда у меня нѣтъ ничего,
»и тужить нѣтъ не о чемъ!
Да еще молодецъ искручинивать,
запѣлъ онъ хорошую напѣвочку,
отъ великаго крѣпкаго разума:

»Безпечална мать моя породила,
»гребешкомъ кудорцы расчесывала,
»драгини порты меня одѣвала,
»и, отшедъ, подъ ручку ⁽²⁷⁾ посмотрѣла:
»хорошо ли мое чадо въ драгиньхъ портахъ?
»а въ драгиньхъ портахъ чаду и цѣны нѣтъ!
»Какъ бы до вѣку она такъ пророчила!
»Ино я самъ знаю и вѣдаю,
»что не класти скарлату безъ мастера,
»не утѣшити дѣтяти безъ матери,
»не бывать бражнику богату,
»не бывать костарю въ славѣ доброй.
»Завѣченъ ⁽²⁸⁾ я у своихъ родителей,
»что нѣтъ быти блѣшеньку,
»а что родился голоденкою!» ⁽²⁹⁾

⁽²⁶⁾ Блуду. Пронуждено въ подлинникѣ.

⁽²⁷⁾ Т. е. держа ладонь надъ глазами.

⁽²⁸⁾ Опредѣленъ на весь вѣкъ. Иначе, чтобъ миль на роду написано.

⁽²⁹⁾ По толкованію профессора Срезневскаго *голоденкою* значить — бѣдность, горемыкою.

Услышали перевозчики молодецкую напѣвочку, —
перевезли молодца быстру рѣку,
а не взяли у него перевозного.
Наполни, накормили люди добрыя:
Сняли съ него гунку кабацкую,
Дали ему порты крестьянскіе.

Говорятъ молодцу люди добрыя:

»А что еси ты, доброй молодецъ?
»ты поди на свою сторону,
»къ любимымъ честнымъ своимъ родителямъ,
»во отцу своему и къ матери любимой,
»простися ты съ своими родителями,
»во отцень и матерію,
»возьми отъ нихъ благословеніе родительское!»

И оттуду пошелъ молодецъ на свою сторону.
Какъ будетъ молодецъ на чистомъ полѣ,
а что злое Горе напередъ зашло,
на чистомъ полѣ молодца встрѣтило,
учало надъ молодцемъ грать,
что злая ворона надъ соколомъ;
говорить Горе таково слово:

»Ты стой, не ушелъ, доброй молодецъ!
»не на часъ я къ тебѣ, Горе злочастное, привизалося,
»хощь до смерти съ тобою помучуся!
»Не одно я, Горе, — още сродники,
»а вся родня наша добрая;
»всѣ мы гладкіе, умилныя;
»а кто въ семью къ намъ прихѣщается, —
»ино тогъ между нами замучится!
»такова у насъ участь и лутчая.
»Хотя кинся во птицы воздушныя;
»хотя въ синее море ты пойдешь рыбою, —
»а я съ тобою пойду подъ руку подъ правую.»

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,

а Горе за нинь бѣлымъ кречатомъ;
 молодець полетѣлъ сизымъ голубемъ,
 а Горе за нинь сѣрымъ ястребомъ;
 молодець пошелъ въ поле сѣрымъ волкомъ,
 а Горе за нинь съ борзими вѣзлцы; ⁽⁴⁰⁾
 молодець сталъ въ полѣ ковыль-трава,
 а Горе пришло съ косою острою,
 да еще Злочастию надъ молодцомъ насѣялося:
 »Быть тебѣ, травонька, посяченой,
 а лежать тебѣ, травонька, посяченой, ⁽⁴¹⁾
 да буйны вѣтры быть тебѣ развѣяной.«

Пошелъ молодець въ море рыбою,
 а Горе за нинь съ щастыни ⁽⁴²⁾ новодами;
 еще Горе злочастиое насѣялося:
 »Быть тебѣ, рыбонькѣ, у березку уловеной,

⁽⁴⁰⁾ Сидорова бы охотлеца. Палеа. wufoi загавя собака.

⁽⁴¹⁾ Вѣроятно здѣсь ошибка надобно читать пошепеной.

⁽⁴²⁾ Вѣроятно, съ щастыни.

»быть тебѣ да и сѣденой,
 »умереть будетъ напрасною смертию!«

Молодецъ пошелъ пѣшь дорогою,
 а Горе подъ руку подъ правую:
 научаетъ молодца богато жить,
 убить и ограбить,
 чтобы молодца за то повѣсилъ,
 или съ каменемъ въ воду посадилъ.

Спамятуеть молодець спасенный путь,
 и оттолкъ молодець въ монастырь пошелъ постригаться;
 а Горе у святыхъ воротъ остается,
 къ молодцу впередъ не приважетца!

А сему житію конецъ ны вѣдземъ:
 забави Господи вѣчныя муки,
 а дай намъ, Господи, свѣтлый рай!
 Во вѣки вѣковъ! аминь.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ,

СОСТАВЛЕННАЯ РЕДАКТОРОМЪ НЫНѢ ИЗДАВАЕМАГО СБОРНИКА ПРИ ПЕРВОМЪ ИЗДАНІИ ГОРЕ-ЗЛОЧАСТІЯ
ВЪ СОВРЕМЕННОМЪ 1836 Г.

Драгоценное это произведение старинным отыскано А. Н. Пыпинымъ въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ конца XVII вѣка, хранящихся въ Публичной Библіотекѣ. Оно такъ записано подъ названіемъ: «Повѣсть о Горѣ и Злочастіи, какъ Горь-Злочастіе довелю холода во ивоческій чинъ». По формѣ оно принадлежитъ къ разряду тѣхъ памятниковъ нашей старой самобытной литературы, которыми въ ученый міръ усвоено названіе *быльи* и которые въ первый разъ появились въ свѣтъ подъ именемъ «Древнихъ Русскихъ Стихотвореній, собранныхъ Киршемъ Давидовичемъ». Въ послѣднее время число ихъ умножено новыми, записанными изъ устъ народа и напечатанными въ «Извѣстіяхъ» Второго Отдѣленія Академіи Наукъ. Но, по содержанію нашей *повѣсти* и по нравственной идее, которою она проникнута отъ начала до конца, она совершенно отлична отъ всѣхъ послѣднихъ и составляетъ новое, оригинальное явленіе. До сихъ поръ всѣ наши *быльи* и *пѣсни*, за исключеніемъ немногихъ, записанныхъ однимъ англичаниномъ въ XVII вѣкѣ и отысканныхъ академикомъ Гамелемъ въ Оксфордѣ, показывались намъ въ позднѣйшей одеждѣ, не ранѣе XVIII вѣка. Надаваемая теперь *повѣсть* является въ томъ видѣ, въ какомъ рассказывалась или пѣлась назадъ тому около двухъ вѣковъ, а можетъ быть и ранѣе, потому что нѣкоторые описки, изъ которыхъ нѣмы поправлены тою же рукою, заставляютъ допустить, что въ XVII вѣкѣ она была списана съ другаго списка. Притомъ же и философскій тонъ и стройное изложеніе показываютъ въ ней не чисто народное, а сочиненное произведеніе; если же это сочиненіе, то его простота и отсутствіе напыщенной риторики, которой едва ли могъ избѣжать русскій грамотѣй XVII вѣка, описывая предметъ нравственно-ре-

лигиознаго содержанія, побуждаютъ предполагать, что она составлена раньше. Какъ бы то ни было, это произведеніе чисто русское, самобытное по содержанію, духу, языку: самый строгій критикъ не въ силахъ будетъ отыскать въ немъ чуждаго элемента. Здѣсь живыми и вѣрными красками рисуются и жизнь, и философія нашихъ предковъ, и ихъ вѣрованія, и ихъ нравы, и ихъ образъ выраженія. Его величавый тонъ, грустно поэтическое чувство, разлитое во всенъ стихотвореніи, живость образовъ, послѣдовательность и стройность разсказа и, наконецъ, прекрасный народный языкъ съ неподдѣльными красками оборотовъ юной, народной, неизсушенной школою рѣчи ставятъ эту *повѣсть* на первое мѣсто между старинными нашими поэтическими произведеніями подобной формы, — но содержанію оно единственное до сихъ поръ и не можетъ быть ни съ чѣмъ сравниваемо.

Повѣсть о Горѣ-Злочастіи начинается благочестивымъ размышленіемъ, въ видѣ приступа. Послѣ этого приступа слѣдующій стихъ:

«такъ рожденіе человѣческое отъ отца и отъ матери»

не имѣетъ связи ни съ предыдущими, ни съ послѣдующими; вѣроятно, здѣсь пропускъ.

Правозученія, проповѣдуемыя воченными родителями ихъ неопытному сыну, вовсе не общія мѣста. Старики предостерегаютъ юношу отъ тѣхъ пороковъ, которые въ особенности заражали старое русское общество. Стоитъ только прочитать рассказы косяцавшихъ насъ иностранцевъ, чтобъ повѣрить это. Непричастные нашей общественной жизни, они рѣзче замѣчали наши особенности и удачно схватывали наши пороковыя черты, хотя не всегда умѣли подмѣтить, потому

что дурное скорее бросается въ глаза. Прежде всего благочестивые родители оберегают сына от пировъ и братчинъ — увеселенія позволительныя, повидимому, онъ былъ искушеніемъ для молодого человѣка и первымъ путемъ къ разгулу. На пирахъ у русскихъ — говоритъ Олсарій (иѣи. изд. 1656 г. стр. 194) — подвешеніе чарки вина означало честь, и считалось предосудительнымъ отказываться отъ нея; а потому иной нехотя пьетъ другой, третій, четвертый разъ, пьетъ до тѣхъ поръ, пока не упадетъ безъ чувствъ. Кого больше уважаютъ, того больше заставляютъ пить. Вотъ что значитъ совѣтъ родителей не садиться на большое мѣсто и не пить двухъ чаръ вмѣсто одной. Непозволительное обращеніе съ добрыми красными жеманми слѣдовало исключительна за попойками. Иностранцы описываютъ нашихъ предковъ вообще скронными и цѣлзудренными въ трезвомъ состояніи; но зато въ пьяномъ предавались они самому безстыдному разврату (Олсарій, стр. 195), который изображаютъ въ отвратительныхъ картинахъ. Приучившись пить на братчинахъ и пирахъ, молодецъ начиналъ посѣщать кабаки, гдѣ головы и вѣрные цаловальники, чтобъ выказать свое рачительство и представить къ первому сентября въ Приказъ большую кривиль промиев прошмла юдеса, заводили умышленно знакомство и дружбу съ олопниками до пинья и увскали ихъ въ порокъ. Тутъ собирались гуляки, сидѣли, балагурили и часто выходили оттуда безъ одежды (Флотч., стр. 44), а если успѣвали не пропить ел, то, выходя на воздухъ, падали безъ чувствъ въ грязь, и счастье гуляки, если найдеть мимо знакомый извозчикъ: онъ подбереть его и привезетъ къ роднымъ, съ которыхъ получить за это плату (Мейерб. Voyage, стр. 131); а перѣдко воры обирали пьяного до ниточки (тамъ же, стр. Дохо-стр. 14) и даже убивали, и на другой день тѣло бѣдлака привозилось въ Земскій Приказъ, гдѣ, на масленицѣ или на святой недѣлѣ, за одну ночь собирали нѣсколько десятковъ такихъ труповъ. Но главнымъ приносомъ безпутства были у насъ въ старину корчмы, дома пьянства, разврата и игры, строго преслѣдуемо правительствомъ, которое въ каждомъ воеводскомъ приказѣ подтверждало воеводамъ строго смотрѣть, чтобы никто не держалъ корчмы и не игралъ въ зернь (костя). Родители, между прочимъ, научаютъ сына не обманывать, никого не безчестовать и любить всѣхъ равно по единому. Въ этихъ словахъ тоже до одна общія черта. Русскіе были вообще въ старину под-

вержены склонности обманывать и, обманывая другихъ, сами были ко всѣмъ недоверчивы и часто старались въ самыхъ безлнтростныхъ словахъ другаго отыскивать тайный смыслъ (Мейерб., стр. 66). Олсарій (стр. 169) замѣтилъ, что они бывають высокомерны, когда счастье или богатство поставятъ ихъ на высшую предъ другими ступень. Этихъ прихворъ достаточно, чтобъ видѣть, что родительскіе совѣты сыну въ нашей повѣсти касаются современныхъ пороковъ общества.

Приключеніе съ нашимъ молодецъ въ кабацк — самое обыкновенное, случавшееся очень часто съ московскими гуляками. Названный братъ въ кабацк — чисто-русскій типъ, да и молодецъ, проснувшись, изливаетъ свое горе насмѣшкою надъ своимъ положеніемъ также чисто по-русски.

Трудно рѣшить, изображенъ ли здѣсь пиръ, даваемый хозяиномъ гостямъ, или братчина въ чужой сторовѣ, куда зашелъ молодецъ; но, вѣроятно, послѣднее, потому что присутствіе хозяина не показывается.

На пиру или на братчинѣ не то, что въ кабацк: здѣсь требуютъ приличія, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока выпные пары не затмили разсудка. Основною тогдашнего приличія вчиталось — водки въ доукъ, прежде съ благоговѣніемъ поклониться образамъ, а потомъ уже сдѣлать привѣтствіе всѣмъ, начиная отъ старшихъ до меньшихъ. Объ этомъ, строго наблюдаемомъ, обычаѣ говорятъ писавшіе о насъ иностранцы: Герберштейнъ, Олсарій, Мейербергъ и другіе. На пирахъ и братчинахъ участвовали люди разныхъ сословій, отчего и осталась пословица: эпиръ на весь мѣръ. Тамъ были и воеводы, и дѣяки, и люди торговые, и просто посадскіе, или уѣздные. Во многихъ наказахъ воеводствъ и воеводамъ подтверждается не ходить незванными на пиры и братчины и внушаются правила, какъ вести себя на такихъ собраніяхъ, если они будутъ приглашены. Мѣстничество и здѣсь прилагалось: каждый садился по своему достоинству. Вообще у насъ въ старину люди дѣлились на лучшихъ или большихъ, среднихъ и меньшихъ: такое раздѣленіе прилагалось и къ происхожденію, и къ состоянію, и къ отправленію служебныхъ обязанностей. И въ царской думѣ и въ отдаленномъ селѣ являлась та же тропчность. Она являлась и на пиру.

Молодца не знали по происхожденію, а принимали по его обхожденію и дали ему среднее мѣсто между гостинными дѣтьми; слѣдовательно, на этомъ пиру были выше торговыхъ (гостинныхъ) — дворяне и дѣти бояр-

скіе, и ниже торговых—люди черные. Гостинные вообще означаютъ торгующихъ на гостинныхъ дворахъ.

Здѣсь замѣчательно выраженіе: «ведеть онъ по писанному ученію.» Чѣмъ нечѣ грамотны были наши предки, тѣмъ болѣе уваженія оказывали всему книжному, писанному: съ писаннымъ для нихъ соединилось все нравственное, полезное, потому что на письмѣ они знали только правила религіознаго, законодательскаго и предписанія правительства.

Обстоятельства нашего героя поправились какъ нельзя лучше. Но не забудемъ, какъ онъ расстался съ родителями: по нравственному понятію вѣка, это ему не должно пройти даромъ.

Приступая къ великому дѣлу въ жизни, онъ не подумалъ о родительскомъ благословеніи, не изъявлялъ благодарности Промыслу, изведшему его изъ печальнаго положенія, а приписывалъ свое возвышеніе собственнымъ силамъ, положился на земное пріобрѣтеніе, словомъ болѣе старая пріизывалъ какъ будто правильность своего разрыва съ родителями, съ семьей, съ родиной: потеря этихъ священныиъ связей замѣняется для него богатствомъ, важными собственными силами. Благочестивая философія русская не прощаетъ такого матеріализма.

Горе-Злочастіе, послѣ перваго неудачнаго опыта искушенья добраго молодца, пріизываетъ на себя видъ свѣтлаго, добраго ангела и снова искушаетъ и уже сводитъ его съ ума своими лукавыми совѣтами.

Олицетворенія отвлеченныхъ понятій общи всѣмъ народамъ въ извѣстный періодъ ихъ развитія и составляютъ существенную стихію всякой мифологіи, когда она возымется отъ неопредѣленнаго шаманства, бессмысленнаго страха таинственной неизвѣстной силы на степень антропоморфизма и свободнаго творчества образовъ. Что русская фантазія олицетворяла Горе—это не новость. Въ «Древнихъ Русскихъ Стихотвореніяхъ, собранныхъ Киршемъ Даниловичемъ, есть пѣсня, гдѣ Горе является босымъ, нагимъ, подпоясаннымъ львомъ, привязывается къ несчастливцу и расточаетъ ему насильственными утѣшенія. Я слышалъ въ народѣ полнѣйшій вариантъ этой пѣсни. Но нигдѣ Горе не является такъ очорченнымъ, такъ опредѣлительнымъ, какъ въ нашей повѣсти: это какое-то ирачное божество, духъ злой, но справедливый, карающій человека за преступ-

леніе и безразсудство, что-то въ родѣ Эвмениды; и действительно, борьба нашего молодца съ нимъ напоминаетъ эсхилову трагедію, въ которой эриніи преслѣдуютъ матерубицу Ореста. Такъ и наше Горе-Злочастіе преслѣдуетъ презрѣннаго родителя сына. Какъ Эвмениды—оно не одиноко; но крайней мѣрѣ, говоритъ, что у него есть семья, что вѣ они сами по себѣ добрыя, но кто понадется къ нимъ, того они научатъ. Какъ Эвмениды смягчались на время жертвами, такъ Горе-Злочастіе смягчилось навремя, когда молодецъ повинился ему. Онъ покорился Горю и сталъ бодръ—для новой борьбы съ нимъ. Наконецъ, какъ Эвмениды прекращаютъ свои преслѣдованія и надаютъ въ сонъ, когда Орестъ убѣжалъ въ храмъ Аполлона, такъ наше Горе-Злочастіе оставляетъ добра молодца, когда онъ нашелъ убѣжище подъ свѣию храма истиннаго Бога, въ святыхъ стѣнахъ обители ирранныхъ отшельниковъ. Молодецъ отрывается отъ міра, и Горе-Злочастіе, духъ мятежнаго міра, отрывается отъ него. Таковъ смыслъ нашей повѣсти, — смыслъ истинно высокій, заключающій въ себѣ нравственную философію вѣка.

Трудно рѣшить, когда написано это замѣчательное произведеніе. Во всякомъ случаѣ, сюжетъ его очень древній: вѣрованіе въ олицетвореніе Гора и его похождения принадлежитъ далекой древности: доказательствомъ этому служитъ поразительное сходство нашей повѣсти по идеѣ съ одною малороссійскою пѣсню, гдѣ играетъ ту же роль *Лиха-Доля*. Только въ этой пѣснѣ лицо, терзаемое лихой долей, не молодецъ, а дѣвица. Она совершенно невинна, но терпитъ потому, что мать дала ей при рожденіи этого демона. Страдалца хотеть убѣжать отъ ней въ поле, въ лѣсъ, въ воду—лихая доля повсюду за нею; наконецъ она бросается въ церковь, но лихая доля врывается и туда и тамъ уцѣпляется за нее. Наша повѣсть оставляетъ по себѣ болѣе отрадное впечатленіе: у нашихъ предковъ въ монастыряхъ находили пріютъ страдальцы, испившіе въ мірѣ горькую чашу, подобно нашему доброму молодцу: удобства жизни и тарханныя грамоты служили стражами дверей святыхъ обителей.

Въ рукописи эта повѣсть написана сплошь какъ проза; я разбилъ ее на стихи, потому что стихотворный составъ ея слишкомъ очевиденъ.

О МИФЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНИИ

ГОРЯ-ЗЛОЧАСТІЯ.

Въ прекрасной своей статьѣ о *Горь-Злочастіи* («Рус. Вѣстн.», т. IV июль, кн. 2) г. Буслевъ высказалъ свое несогласіе съ мнѣніемъ итѣнскихъ относительно мифическаго значенія «Горь-Злочастіа». Ученый изслѣдователь называетъ древность нашего стихотворенія мнимой и находитъ неуцѣпнымъ основывать ее, а итѣскіе съ тѣмъ и мифическое значеніе «Горь-Злочастіа», на сходствѣ съ малороссійскою пѣсней, которую называетъ повѣщью. Ученныя заслуги г. Буслева даютъ ему такой авторитетъ, что всякое указаніе, сообщенное имъ относительно взгляда на произведенія нашей древней и народной литературы, должно приниматься съ благодарностію; тѣмъ не менѣе, однако, основанія, на которыхъ я утверждалъ свое мнѣніе о «Горь-Злочастіи», побуждаютъ меня высказать нѣсколько объяснительныхъ словъ.

Г. Буслевъ говоритъ: какъ правда, которая улетаетъ на небо, и кривда, которая пошла по всей землѣ восхваляема въ стихѣ о Голубиной Книгѣ, олицетворенія нравственныхъ понатій, или какъ «Злодѣй-тоска» въ известной русской пѣснѣ, такъ и «Горь-Злочастіе» есть только поэтический образъ, а не мифическое существо. Старинное вѣрованіе Славянъ въ судьбу или встрѣчу нисколько не уполномочиваетъ насъ видѣть и въ «Горь-Злочастіи» языческое или полужязыческое божество, точно такъ же, какъ смерть или дьяволъ въ гравюрѣ Альбрехта Дюрера или какъ классическій купидонъ и госпожа смерть во французской поэмѣ — только поэтическіе образы, въ которыхъ выражены нравственныя понатія эпохи, а не мифическія силы, которымъ поклонялись итѣнскій художникъ и французскій поэтъ. Въ противномъ случаѣ, пришлось бы и мифическія картины Рафаэля или Рубенса принять въ источники классической мифологіи XVI и XVII вѣковъ,

или изъ нѣкоторыхъ аллегорическихъ изображеній венеціанскаго живописца вывести то заключеніе, что они поклонялись мифическому олицетворенію Венеціи въ образѣ роскошной женщины. Аллегорія, олицетворенія и художественный символъ очень рано получили широкое развитіе въ христіанскомъ искусствѣ народовъ западныхъ. Дантъ уже ввелъ ихъ въ свою *комедію*, а современный ему живописецъ Джотти изображалъ на стѣнахъ храмовъ олицетворенныя въ человѣческихъ образахъ добродѣтели и пороки.

Между правдою и кривдою въ стихѣ о Голубиной Книгѣ, а въ особенности между «Злодѣемъ-тоскою», въ известной пѣснѣ: «Ужъ какъ палъ туманъ», и «Горемъ-Злочастіемъ» мы видимъ важное различіе въ тѣхъ чертахъ, какія могутъ вести къ признанію или непризнанію мифологическаго значенія въ олицетвореніи отвлеченной идеи. Такимъ образомъ, въ стихѣ: «а злодѣй тоска въ ретиво сердце», тоска по сравненію носитъ человѣческій эпитетъ *злодѣй*, но не говорится о ней, какъ о существѣ. Напротивъ, «Горь-Злочастіе» въ нашей стихотвореніи представляется въ образѣ дѣйствующаго человѣкоподобнаго существа, описывается его наружный видъ, впадаютъ въ уста его рѣчи, изображаются его поступки, обрисовывающіе его характеръ. Приведенные вслѣдъ затѣмъ г. Буслевымъ примѣры, взятые изъ западнаго міра, такого свойства, что подтверждаютъ поводъ видѣть въ «Горь-Злочастіи» скорѣе мифическое существо, чѣмъ единъ только поэтический образъ. Дѣйствительно, смерть и купидонъ — такіе образы, которымъ не поклонялись итѣнскій художникъ и французскій поэтъ (существованіе дьявола они, конечно, признавали); дѣйствительно, мифическія картины Рафаэля и Рубенса нельзя признать источниками классической мифологіи XVI и XVII вѣковъ, а изъ

аллегорическаго изображенія Венеція въ видѣ женщины не слѣдуетъ, чтобъ ей поклонялись; но смерть, купидонъ и сюжеты мифологическихъ картинъ Рафаэля и Рубенса были въ древности предметами върованія, мифологическими существами. Художники изображали ихъ потому, что получили воспитаніе, въ кругъ котораго входила древняя классическая образованность, неразлучная съ мифологіею. Изображеніе странъ и государствъ въ видѣ антропоморфическихъ существъ, истекало также изъ классической мифологіи, признававшей существованіе истинныхъ боговъ и богинь. Если художники не признавали дѣйствительнаго существованія въ природѣ изображаемыхъ ими образовъ, то это не лишаетъ самыхъ образовъ ихъ мифологическаго происхожденія. Морская дѣвица въ «Конрадѣ», взятая изъ народной мифологіи, остается для насъ съ своими мифологическими значеніями, хотя мы увѣрены, что поэтъ не признавалъ ея бытія въ природѣ. Что касается до «Божественной Комедіи», то главные образы въ ней или заимствованы изъ классической мифологіи, какъ, напр., Фуріи, Плутонъ, Харонъ, Стиксъ и пр., или составлены върованіемъ тогдашняго вѣка и для современниковъ были тѣми, чѣмъ для Грековъ и Римлянъ ихъ мифы. Такихъ образовъ, мы видимъ, что олицетворенія и художественные символы художниковъ и поэтовъ, приводимые г. Буславскимъ, мифологическаго происхожденія, что мы видимъ и въ «Горѣ-Злочастіи».

Мифологичность образа для изслѣдователя не теряется оттого, что тотъ, кто воспроизвелъ этотъ образъ, самъ не вѣрилъ въ его существованіе въ природѣ. Но вѣрилъ ли, или не вѣрилъ въ существованіе «Горы-Злочастіи» слагатель стихотворенія о немъ, этого не рѣшить никто. Это зависѣло отъ степени образованности, отъ понятій, наконецъ отъ характера неизвѣстнаго сочинителя. Въ XVI — XVII вѣкахъ только такіа фантастическія формы не допускали къ себѣ вѣры, которыя были несовмѣстны съ христіанствомъ, и, притомъ, такіа, противъ которыхъ церковь возвысила голосъ. Такихъ образомъ, тогдашній гранотій не признавалъ бы Перуна или другаго языческаго бога, потому что церковь представляла достаточный запасъ доказательствъ того, что богамъ языческимъ не слѣдуетъ вѣрить, водъ опасеніемъ гибели души въ будущемъ мірѣ. Впрочемъ, если разбирать строго, то и существованіе языческихъ боговъ не было совершенно исключительно изъ области върованія: ихъ признавали только за злыхъ духовъ, бѣсовъ, ослѣ-

пленныхъ и въкогда родъ человѣческой. Тогда вѣрили въ лѣшыхъ, домовыхъ, ушурей и т. под. остатки древней мифологіи: почему же не могли вѣрить въ «Горь-Злочастіе»?

Мнѣніе г. Буславскаго, что «Горь-Злочастіе» есть только поэтический образъ, а не мифологическое существо, не подтверждается. Но насъ спросать: на чемъ же мы основываемъ противоположное?

(Способность человѣка облекать въ формы (ирреально-существенно антропоморфическія) нравственные понятія и созданія мифологическихъ образовъ находится между собою въ ближайшемъ отношеніи. Последнее вытекаетъ изъ первой. Въ юношескомъ возрастѣ человѣчество легко признавало въ произведеніяхъ собственной фантазіи отдѣльное отъ него бытіе. На темномъ въ началѣ образы набрасывались черты за чертами: образы дѣлались яснѣе, выпуклѣе; возникалъ рядъ отношеній къ нимъ, какъ къ существующимъ лицамъ, слагались рассказы о ихъ дѣяніяхъ; привычка исключала возможность отыскать ихъ настоящее происхожденіе, и страхъ, которымъ воображеніе окружало свои дѣйствія, отгонялъ отъ нихъ и пытливые умы, по своей природѣ, болѣе другихъ склонные къ анализу. Мужая, человѣчество мало по малу путемъ опыта и размышленія освобождалось изъ-подъ ига собственныхъ созданій. Эта борьба происходила медленно и постепенно: не всѣ вдругъ фантастическіе образы теряли право на дѣйствительность въ глазахъ человѣка; они исчезали по мѣрѣ того, какъ върованіе въ ихъ существованіе становилось несовмѣстнымъ со степенью уразумѣнія силъ нравственной и матеріальной природы. Но, переставая вѣрить въ дѣйствительность созданій своей фантазіи, человѣкъ не теряетъ способности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и потребности олицетворять свои идеи. Превжнія върованія остаются ему матеріаломъ для поэзіи, дѣлаются буквами для художественнаго выраженія. Такихъ образомъ, вымыслы Греціи, потерявъ для поэта свое независимое бытіе, какое имѣли въ глазахъ прежнихъ вѣковъ, долго удовлетворяли его потребности выражаться посредствомъ олицетвореній. То же самое происходитъ и съ народными върованіями нашего времени. Большая часть олицетвореній фантастическихъ существъ, фантастическихъ событій не созданы воображеніемъ самихъ поэтовъ и художниковъ, а заимствованы изъ угасшихъ или живыхъ, но чуждыхъ самимъ творцамъ народныхъ мифовъ. По большей части поэтическіе образы были и въкогда мифами, признавались живыми существами и до-

та впитались подъ талантовъ художниковъ, но всегда высказывали свое мифологическое происхождение. Какъ мало такихъ олицетвореній, которыя бы нѣкогда не были мифами, которыми бы, другими словами, нѣкогда не вѣрили, это показываетъ самъ г. Буслаевъ, доказывая, что «Горе-Злочастіе» есть только поэтический образъ, а не мифологическое существо. Онъ привелъ притчи, которые всѣ безъ исключенія имѣютъ мифологическое происхождение. Думаю, что г. Буслаевъ соглашается, со мною, что тѣмъ народъ менѣе развитъ и образованъ, тѣмъ болѣе имъ вѣра въ существованіе фантастическихъ личностей, которыя перешли къ нему отъ предковъ, но олицетворяетъ современныя явленія и даетъ мифическое значеніе своимъ олицетвореніямъ. Такимъ образомъ, въ Малороссіи скотскій падежъ олицетворяется въ видѣ женщины, которую называютъ *мозаряча смерть*; въ Великой Россіи въ настоящее время олицетворяется холера, и народъ вѣритъ въ существованіе личности, которая называется холерою и отъ котораго происходятъ болѣзненные припадки эндемичныя.

Когда мы видимъ въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ олицетвореніе горя или нужды подъ именемъ «Горе-Злочастіе», естественно должны задать себѣ вопросъ: создано ли это фантастическое существо самимъ слагателемъ, или же заимствовано имъ? Сходство нашей повѣсти съ народными пѣснями указываетъ на послѣднее и это болѣе всего заставляетъ отыскивать въ немъ не простую аллегорію, а мифическое существо, которому вѣрилъ народъ. Независимо отъ пѣсни, которая помѣщена въ сборникѣ Кириши Данилова (стр. 381), приведу здѣсь еще двѣ народныя пѣсни о горѣ:

I.

Ой, ты горе мое, горе сѣрое!
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужь и гдѣ ты, горе, не моталось?
На меня, бѣдную, навязалось!
Я не знаю, какъ быть,
Недостало, какъ мнѣ гора избыть!
Я отъ гора во чисто поле,
Оглянусь я назадъ — горе за мной идетъ,
За мной идетъ, во слѣдъ грозитъ:
«Ужь я выжну, пожну все чисто поле,
А сыщу я, найду тебя, горькую!»

Ой, ты, горе мое, горе сѣрое!
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужь и гдѣ ты, горе, не моталось?
На меня, бѣдную, навязалось!
Я не знаю, какъ быть,
Недостало, какъ мнѣ гора избыть!
Я отъ гора во темны лѣса!
Оглянусь я назадъ — горе за мной идетъ,
За мной идетъ, во слѣдъ грозитъ:
«Порублю я, поѣску всѣ темны лѣса,
А найду я тебя, горемычную!»

Ой, ты, горе мое, горе сѣрое!
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужь и гдѣ ты, горе, не моталось?
На меня, бѣдную, навязалось!
Я не знаю, какъ быть,
Недостало, какъ мнѣ гора избыть!
Ужь я отъ гора къ гробовой доскѣ,
Оглянусь я назадъ — горе за мной идетъ,
Съ топоромъ, со лопаточкой.

II.

Охти, горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ гора во чисто поле —
И тутъ горе сизымъ голубемъ!
Охти, горе, тоска-печаль,
Тоска-печаль великая!
Я отъ гора въ темны лѣса —
И тутъ горе соловьемъ летать.
Я отъ гора на синю море —
И тутъ горе сѣрой утицей.
Я отъ гора во сыру землю —
Вотъ тутъ горе миналось!

Вторая изъ этихъ пѣсень напоминаетъ слѣдующіе стихи *Гора-Злочастіе*:

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ;
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ.

Первая же пѣсня сходна съ малороссійской о лихой долѣ. Я приведу здѣсь ее во варианту, записанную мною въ Волынской губерніи:

Породила мене мати у святі неділю:

Дала чині лиху долю — де жъ її подіу!

»Та віді, доле, віді, нещастная, въ полі загубіся,

А за мною та за молодю, та й не волочіся!»

— »Хочъ я віду, молоді дівчино, въ полі загубіся,

А якъ підешъ шениці жати — я за тебе вчеплюся!»

— »Та віді, доле, віді, нещастная, въ лісі заблудіся,

А за мною та за молодю, та й не волочіся!»

— »Хочъ я віду, молоді дівчино, въ лісі заблудіся,

А якъ підешъ калині ломати — я за тебе вчеплюся!»

»Та віді, доле, віді, нещастная, въ воді утопіся,

А за мною та за молодю, та й не волочіся!»

— »Хочъ я віду, молоді дівчино, въ воді утопіся,

А якъ вийдешъ рано воді брати — я за тебе вчеплюся!»

»Та віді, доле, віді, нещастная, въ церкві присватіся,

А за мною та за молодю, та й не волочіся!»

— »Хочъ я віду, молоді дівчино, въ церкві присватіся,

А якъ прийдешъ Бѣгу моліться — я за тебе вчеплюся!»

Основою на сходстві цихъ пісень, я позволю собі вкратче дивитися — не самого стихотворенія, о чьому я не говоривъ — а вѣрованія въ его олицетворенію и походженію. Г. Буслевъ думаетъ, что сходство стихотворенія о «Горі-Злочастіи» съ *новолітньою* малоросійською пісню мало говорить въ пользу моего мнѣнія. Но слово *новолітня пісня* можно понимать въ двухъ смыслахъ: или потому она новітня, что недавно записана, или потому, что недавно сложена. Г. Буслевъ, конечно, не понимавъ слова *новолітня пісня* въ першому смыслі. Но что она сложена не въ недавнее время, это доказується распространією ея повсюду, гдѣ только живеть малоросійскій народъ, и еще болѣе сходство ея съ великоросійскою. Эта пісня поется какъ въ Галиціи и Волині, такъ равно и у малоросійскихъ переселенцевъ, обитающихъ въ Воронежской губерніи. Предки послѣднихъ оставили свое прежнее отечество, задніпровскую южную Русь, еще въ началі XVII вѣка и, безъ сомнѣнія, тогда еще привнесли съ собою эту пісню. Если намъ возразить: можетъ быть, эта пісня занесена къ нимъ изъ Малоросіи впоследствии, мы отвѣчаемъ: во первыхъ, обичай малоросійскихъ пісень у нихъ чрезвычайное множество, и, безъ сомнѣнія, гораздо правдоподобнѣе думать, что предки ихъ пришли на новыя мѣста жительства съ этими піснями, чѣмъ подозревать, что вся ихъ пісенность занесена впоследствии, ибо, такимъ образомъ, можно сдѣлать вопросъ: не занесенъ ли къ нимъ впоследствии

самый языкъ южно-русскій? во вторыхъ, пісня, гдѣ олицетворяется доля, не одна въ своемъ родѣ — такое олицетвореніе попадається очень часто въ южно-русскихъ пісняхъ. Напр. двіица посылаетъ долю:

Пливй, доле, за водою,

Щобъ не було жалю за тобою.

Или, напримѣръ, козакъ разговариваетъ съ долею, жадується и называетъ ее причиною своихъ несчастій; тогда

Обізвілася доля по тімъ бѣці моря:

Козаче бурліче! дурний розумъ маєшъ!

О долі существуютъ сказки и легенды, гдѣ доля представляется въ антропоморфическихъ формахъ, чаще всего въ видѣ женской (ср. ст. Аванасьева въ Арх. Калачова. Кн. II., пом. I. стр. 138). Вѣрованію въ существованію *долы*, доброй и лихой, какъ отдельныхъ мифическихъ существъ, до сихъ поръ не исчезло у Малоросіянъ; и, конечно, каждый знакомый съ этнографією этого народа подтвердитъ мнѣ извѣстное.

Что же касается до пісни великоросійской, то мнѣ кажется, что вообще сходство нашихъ великорусскихъ пісень съ малорусскими служить, вмѣстѣ съ другими доказательствами, къ указанію относительной ихъ древности. Разумѣется, надобно отличать пісни, заимствованныя однимъ народомъ у другаго, отъ пісень, которыя различны у обоихъ, а между тѣмъ показываютъ одинакое происхожденіе. Великоросіянѣ и Малоросіянѣ съ XIV вѣка до временъ Екатерины II жили отдѣльно другъ отъ друга народною жизнью. Содержаніе ихъ пісень, языкъ, складъ, мѣра, напѣвъ, — все различно. Но между этими піснями есть такія, которыя сходны между собою по своей основѣ и кажутся варіантами на одну и ту же тему. Такія-то пісни я почитаю древними, ихъ темы должны восходить ранѣе XIV вѣка. Для отличія такихъ пісень отъ заимствованныхъ впоследствии, нужна строгая и осторожная критика. Но, къ счастью, угадать пісни послѣдняго рода нетрудно. О заимствованныхъ Малоросіянскими отъ Великоросіянъ и говорить нечего: онѣ съ перваго взгляда бросаются въ глаза, по уродливости языка и несвѣдѣтельности склада.

Пісни, заимствованныя Великоросіянскими отъ Малоросіянъ, являются въ лучшемъ видѣ, но все-таки не теряютъ чертъ, обличающихъ ихъ происхожденіе. Великоросіянскіе переводятъ иногда довольно удачно ма-

моросійскія слова, передѣлюють граматическія форми, иногда произвольно замѣняют обороты другини, иногда прибавляють малоросійскія слова и обороты тамъ, гдѣ они не слышкомъ рѣзко щекочать его слухъ или гдѣ оны не сладить съ переводомъ но ихъ мѣстности в особенности значенія, удерживають иѣру, отличную отъ иѣры великорусскихъ пѣсенъ, равно складъ и точіе пѣсеня. Вотъ, наприкладъ, общезвѣстная малоросійская пѣсня:

Ой за гасень, гасень, гасень зелененькинь,
Тамъ орала дівчинонька волюкомъ черненькинь;
Орала, орала — во вила гукати, ѓ
Та начала казаченька воливъ поганити (поють еще: у
скрипочку грати).
Казачъ поганіе (или: козачокъ играе), бровани моргае;
Враги жъ его батька знае, чого вінъ моргае.

Эта пѣсня вошла въ большое употребленіе у великоросіянъ. Между тѣмъ, вотъ какъ она воется такими лицами, которые никогда не видали въ глаза Малоросіянъ:

Какъ за лѣсомъ, лѣсомъ, за темнымъ зеленымъ,
Тамъ начала дѣвчоночка волюкомъ черненькинь.
Начала, начала, во утѣла кричати
И начала казаченьку на скрипку играти.
Казачокъ играеть, бровани моргаеть,
А чортъ его батьку знаеть, зачѣмъ оны моргаеть!

Вотъ другой вариантъ. Въ юго-западной Руси поется слѣдующая пѣсня:

Поизавъ козаченько на полюванія,
Зоставивъ Марусеньку на горюванія,
Пустивъ коняченка на попасанія,
А самъ пралігъ къ сврій землі на спочиванія,
Присинься козакowi дивесемький сонъ:
Зъ-відъ правої зъ-відъ рученьки вилинувъ соколъ,
Зъ-відъ ливої зъ-відъ білої сіра утинька.
Поизавъ козаченько до воріженьки:
»Воріженько! голубовько! отгадай мій сонъ!
Що вилинувъ зъ-відъ рученьки ясенький соколъ,
Зъ-відъ другої зъ-відъ білої сіра утинька.«
— »Біжй, біжй, козаченьку, и во стоючи.
А яко твої миленькой не застаючи.
Учора изъ вчора сіна привела,
Сама молоденька до грѣбу лигла....« и проч.

Великоросіянне усвоили эту пѣсню и поють ее такъ:

Поизавъ нашъ казаченька на восваньце,
Оставивъ свою Марышечку на гореваньце.
Не доизавъ казаченька до восваньца,
Становилса казаченька среди пути.
Среди пути дороженьки, близъ крутой горы,
Пустивъ своего добра коня въ зелены луга,
Раскинулъ оны, казаченька, свой бѣлый шаторъ,
Дожилися свать казаченька подъ бѣлымъ шаторомъ,
Увидѣлъ же казаченька дивный сонъ во снѣ:
Изъ-подъ правої волюшки соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвої волюшки сѣрал утица.
Вылетывалъ соколушка — оны высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговоривалъ:
»Въ твоємъ дому, казаченька, несчастье случилось!«
Какъ тутъ же нашъ казаченька призадумалса.
»Поиду, поиду къ старушечкѣ, своей ворожей.«
Попалъ же нашъ казаченька путемъ-дорогой;
Навстрѣчу казаченькѣ старушка идетъ.
Какъ сталъ же оны старушечку выспрашивать:
»Старушенька-бабушенька! разсуди мой сонъ!
Скажи, скажи, старушенька, всею правду мнѣ.«
— »Казаченька, мой батюшка! Какой же твой сонъ?«
— »Изъ-подъ правої волюшки соколъ вылеталъ,
Изъ-подъ лѣвої волюшки — сѣрал утица.
Вылетывалъ соколушка — оны высвистывалъ,
Высвистывалъ, выгаркивалъ, выговоривалъ:
»Въ твоємъ дому, казаченька, несчастье случилось!«
— »Казаченька, мой батюшка! нехорошъ твой сонъ:
Твоя жена, Марышечка, сына родила,
Къ бѣлой зарѣ ранехонько сама померла.«

Не много нужно навыка къ народной воэзи, чтобы видѣть въ пѣснѣ не чисто великорусскую, а перетянутую отъ Малоросіянъ. Совсѣмъ иное въ такихъ пѣсняхъ, къ которымъ принадлежать великорусскія пѣсни о горѣ и многія другія. Здѣсь общее съ малоросійскими — одна мысль, основа содержания и нѣкоторые обороты и поэтическіе образы, неразлучные съ мыслью; складъ же, иѣра — все различное, все носитъ печать своеобразности. Къ такимъ, наприкладъ, принадлежать великорусскія (пѣвѣтная: »Калинку съ малюшкою«) и малоросійскія (Метлицк., стр. 256 — 258) пѣсни о превращеніи женщины въ кукушку или пѣсни о матери и дочери въ татарской неволѣ. Въ Великоросіи послѣдняя пѣсня поется такъ:

Какъ за рѣчонькой за быстрою,
 Не огонь горитъ, а полыхъ.
 Зли татарченки города берутъ,
 Города берутъ — по себѣ дѣлать,
 Да кому что достанется:
 Кому золото, кому серебро,
 Кому добрый конь, кому платье цѣтвое,
 Кому платье цѣтвое, кому русска пляюшка.
 Доставался теща затушкѣ.
 Зять беретъ тещу за бѣлы руки,
 Посадилъ ее во колясочку,
 Подвозилъ тещу къ широку двору,
 Вскрикнулъ, возгаркнулъ громкимъ голосомъ,
 Громкимъ голосомъ молодецкиимъ:
 »Ты встрѣчай меня, молода жена,
 Я привезъ тебѣ русску пляюшку,
 Русску пляюшку — полоняночку.
 Ты заставь ее дѣлать три дѣла:
 Первое дѣльце — коври вышивать,
 Другое дѣльце — гусей стеречь,
 А третіе — дѣтей качать.
 — Я руками коври вышила,
 Я глазами гусей стерегла,
 Я ногами дѣтя качала:
 »Ты качу баю, мое дитятко!
 »Ты по батюшкѣ злой татарченкоу,
 »Ты крещеный, немольтвенный,
 »А во матушкѣ — мой боярченкоу,
 Мой боярченкоу, русска косточка!
 Услыхала молода княжна:
 »Почему знаешь, моя пляюшка,
 Что по батюшкѣ злой татарченкоу,
 А по матушкѣ — боярченкоу?
 — Какъ ниъ не знать, моя доченька,
 Ты семи лѣтъ во полонъ взята!

Въ червонорусской пѣснѣ (см. «Piesni Ludu Rusk. zehr.
 Zeg. Pauli» t. I 166) поется:

Татарове полонъ женуть;
 Одинъ полонъ зъ живочкани,
 Другій полонъ зъ дівочкани,
 Третій полонъ зъ диточкани.
 Стали кошомъ підъ яришомъ,
 Та взяли сі наювати.
 Дівка впала паробкові,
 А тещенька затенькові.

Взявъ вінъ її по при коні.
 Ой, кий біжить дорогою,
 А тещенька терниною,
 Назадъ себо поглядіае,
 Кровці сліди заливає,
 Чорний воронъ залітае,
 Тоту кровцію визивае.

Приїжджае вінъ до двору:
 »Відай, відай, татарочко!
 Привізь тобі невольницю,
 А до смерті робитицю!
 А вона їй та й завола,
 Три робіти загадала:
 Оченькани стадо пасти,
 Рученькани кужіль прісти,
 Ніженькани колісата.

Теща дитя колісала,
 И дитині приспівала:
 »Люлю, люлю, татарчатко!
 По доньці унучатко!
 Бодій стадо вигадіаю,
 Бодій кужіль попеліа,
 Бодій дитя скаменіаю!

Далѣе розказується, какъ услышалъ эти слова вѣр-
 ный слуга и передалъ госпожѣ. Госпожа разгнѣвалась,
 ударила невольницу по лицу. Она воскликнула:

»Ой ти, доню, мой доню!
 Не тільки ти годувала, —
 По личонку ти не біла!
 — Мамце жъ мой старенькая,
 Почомъ же съ на испозвала,
 Щось на доненькомъ назвала?

— Въ неділю барвинокъ різала,
 Та съ си пильчикъ відрізала
 И потону-мъ ты пізнала.

Несмотря на сходныя черты въ этихъ пѣсняхъ, каж-
 дая изъ нихъ сложена на особый своеобразный ладъ,
 и нельзя подозревать, чтобъ, та или другая въ своемъ
 образованіи народномъ складѣ послужила началомъ
 для другой. Такія-то пѣсни я признаю древними по ихъ
 тематъ. Къ нимъ принадлежатъ пѣсни о Горѣ. Если же

теза олицетворенія горы или лихой доли существовала раньше XIV вѣка, то старинное вѣрованіе Славянъ въ добрую и злую судьбу, доказанное въ послѣдніе годы нашими учеными: Шевыревымъ, Срезневскимъ, Бусласьемъ, Лозинскимъ, уполномочиваетъ насъ искать славянскаго олицетворенія съ областью славянской ми-

еологій, в «Горо-Злочастіа» въ открытомъ г. Пыпинъ стихотвореніи, единое съ горемъ и лихой долей народныхъ пѣсень, должно для насъ носить значеніе древняго мифологическаго существа.

(Редакт. изъ *Современн.* 1856. № 10).

ПОВѢСТЬ О ШИЛѢ

ПОСАДНИКЪ НОВГОРОДСКОМЪ.

ПОВѢСТЬ О ЩИЛѢ ПОСАДНИКѢ НОВГОРОДСКОМЪ.

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТЪ.

(Изъ Дубл. Библ. русск. рукоп. в 4 отд. XVII № 69.)

СВЯЗАНЪ СЪ ЦИМЛОЮ МОНАСТЫРЬ, ИЗЪ ЕЯ КЪВАНКОМЪ НОВЪГРАДѢ.

Бѣ въ великомъ Новѣградѣ гдѣто посадики мно-
гомъ Щилѣ, при архіепископѣ того же града Иванѣ;
вида же у себя сына единочада; живушу же ему въ
богатствѣ многѣ, мнозіе же людіе, купцы, во мнозице кунѣ,
визмаху у него серебро на торговлю въ кунѣ, визаше же
лнхы на 14 гривенъ и 4 деньги точно по одной
денгѣ на годъ, болѣ же того отнюдъ не визаше. Собра
же такового виѣнія многое множество и восхотѣ на то
кунное собраніе воздвигнути церковь и соградити мона-
стырь, и визашъ у архіепископа Ивана благословеніе
на аданіе церкви во имя Пречистые Богородицы чест-
наго ея Покрова; визашъ же дѣлатель многи и созда цер-
ковь близъ рѣки Волхова на луку, отъ града яко два
вопреча.

Бывшу же и архіепископу на основаніи же той
церкви со священнымъ соборомъ, вопрошашу же архі-
епископу Щилѣ, отъ какова виѣнія воздвигну Бо-
жію церковь, егда совершена бысть церковь, Щилѣ
же меля архіепископа освятити церковь, понеже о
той визашъ же вопрошилъ его, егда испроси бла-
гословеніе. Отъ же исповѣда ему истину, яко отъ
лнхивнаго собранія создана бысть церковь; архіепис-
копъ же рече ему: уподобился еси Исаву, достію визашъ
благословеніе отъ мене на таковое божественное дѣло;

имѣи же повелѣваю ти ити в домъ свой, и повелѣ (и)
у аданія своего въ стѣнѣ устроить гробъ, и повѣжи вся
своѣ тѣло отцу своему духовному, и визашъ срачицу
и саванъ и вся аже суть подобна на погребаніе мерт-
вымъ, и лязи въ создавіи своемъ во гробъ ономъ, и
повелѣ (и) и надгробное отпѣти, и Богъ всѣхъ насъ
свѣдѣи тайная сердець, елико хочеть, то и сотворитъ,
мы же ко освященію готовы будемъ. Щилѣ же въ пе-
доушнѣи велицѣ бысть, рыдая и плачась иде въ домъ
свой, повелѣнія же святителя не сиѣ прслушати,
вскорѣ же повелѣваетъ устроить зановѣданная свети-
телемъ. Егда же надгробное виѣніе соборне отпѣша надъ
нимъ, визашу же обрѣтеси гробъ съ положеннымъ въ
немъ и бысть въ томъ мѣстѣ пропасть. Святителю же
пришедшу на освященіе церкви по молонію щилову и
видѣти страшное оно и ужасное видѣніе страха и тре-
пета исполнь и повелѣ иконописцемъ написати вапы
на стѣнѣ, видѣніе повѣдающе о братѣ Щилѣ во адовѣ
днѣ надъ всѣмъ гробомъ его, и несвященну церковь
повелѣ запечатлѣти, дождеже изволитъ Богъ о немъ
своего человеколюбія смотрѣнємъ, и отъиде въ домъ
святѣи Софїи. Смыъ же щиловъ, видѣ отцю погибель
и свое лишеніе, въ велицѣ недоушнѣи бысть и приде
ко святителю, ница спасенія и помощи лишенной души

отца своего. Святитель же повелѣ ему молити Бога о отчей погибели и въ постѣ и во бдѣніи пребывать, и повелѣ на 40 дній у 40 церквей сорокоусты дати священникомъ съ причетники довольно, да поють въ ты дни во 40 навахъ и литургіи неизмѣнно, и в ту 40 дній милостиво безпрестанно творити; тогда же совершатся 40 дній пришесть возвѣсти нашему сиревію. Сынъ же щиловъ по заповѣди святителя вся совершивъ въ 40 дней и возвѣсти святителю. Святитель же отъ кнѣрса своего посылаетъ архидіакона къ запечатлѣнной церкви и повелѣваетъ сокровенно распечатать церковь дозрѣти разумно идже пропасть гроба и надъ нею стѣнное писаніе, и соглядать извѣстно, какъ запечатлѣти церковь и возвѣстити себѣ о семъ. Архидіаконъ же по повелѣнію святителя соглядаетъ вся разумнѣ и видать въ надстѣнномъ писаніи, яко надъ гробомъ, Щила во адѣ во гробѣ, главу же его виѣ ада, и возвѣсти о семъ святителю. Святитель же заповѣда сыну щилову какъ вторую 40 дній такожде сотворити, яко же напередъ изъяснися, и егда совершатся, какъ возвѣстити себѣ о семъ. Той же заповѣданная какъ совершивъ и возвѣщаетъ святителю о семъ. Святитель же какъ посла архидіакона своего по прежнему обычаю соглядати о немъ, въ надстѣнномъ писаніи. Архидіаконъ же видѣ въ надстѣнномъ писаніи Щила во гробѣ и съ гробомъ виѣ ада до

поиса и возвѣсти о семъ святителю. Святитель же какъ повелѣваетъ сыну щилову по прежнему обычаю 40 дней третиею сотворити. Той же по заповѣди совершивъ и возвѣщаетъ святителю о семъ. Святитель же третиею посла архидіакона своего по прежнему обычаю соглядати о немъ стѣннаго писанія. Архидіаконъ же видѣ въ надстѣнномъ писаніи Щила виѣ ада съ гробомъ всего изшедша; такоже и гробъ его верху земли обрѣтесе надъ пропастью, пропасти же не бѣ видѣти, во гробѣ же весь цѣлъ обрѣтесе, якоже и положенъ; и сіа вся архидіаконъ возвѣсти святителю. Слышавъ же сіа архіепископъ и пріимъ извѣщеніе отъ Бога, и подвижеса соборнѣ къ запечатлѣнной церкви ко освященію, и сицевое чудо предъвиное и ужаса и страха исполни хотя видѣти своими очима. Видѣвъ же сіа вся архіепископъ всякаго удивленія исполни, благодаривъ Бога о недождомныхъ и непостижимыхъ его судахъ праведныхъ, и пѣвъ соборно надгробная пѣнія надъ гробомъ щиловымъ и церковь освятивъ во славу Христу Богу нашему и Пречистѣй его Богоматери. И оттогда устроися монастырь, нарицаемый Щиловъ, идже и до нынѣ стоитъ. Нѣщимъ же глаголютъ: архіепископъ заповѣда сыну щилову по трижды на годъ по стѣ литургіи пѣти в три лѣта. И сію до адѣ.

ВТОРОЙ ВАРИАНТЪ.

(По списку изъ рукописнаго синодика съ рисунками, хранящагося въ Импер. Публ. Библиотецѣ.)

Бысть въ волыкохъ Повѣградѣ чюдо страшно и оудивленію достойно. Бѣ нѣкій посадникъ, именовъ Щилъ, ниѣи оу себѣ сына единаго, бѣ бо богатъ зѣло, и многинъ даше сребро свое въ лихву: взинаше на годъ во денгѣ, на новгородской рубль новгородскую денгу, и оттого собра много, и помысливъ на то сребро церковь поставити и монастырь создати. И обрѣте мѣсто

отъ града два поприща и приде ко Іоанну архіепископу, проса благословенія отъ него на основаніе церкви Пресвятыи Богородицы честнаго ея Покрова. Архіепископъ же даде ему благословеніе на такоее великое дѣло Божіе и отъиде. Щилъ же пріимъ благословеніе отъ Архіепископа, и посла сына своего вати дѣлатели и готовити вся потребная на созданіе церкви; сынъ же

сотвори вся повелѣнія, и возвѣсти отцу своему. Шціль же моля архієпископа, дабы ѣхалъ на основаніе церкви оной, начало положилъ; архієпископъ же моленія его не презрѣ, и иде на основаніе церковное со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ нимъ множество народа, и основаніе церкви положи, со освященнымъ соборомъ. Шціль же, по совершеніи церковномъ и основаніи, постави трансезу велию и добрѣ оучредивъ архієпископа, дарми одаривъ, и отпустивъ во градъ съ великою честью, а самъ въ домъ свой и отъиде, слава Бога. Архієпископъ же, пріѣхавъ въ домъ святыхъ Софій, и прилгъ книги и читаше правила святыхъ отецъ, и нача разсуждати въ себѣ, вдавъ благословеніе Шцилу, а вѣдалъ его богата суща и мадоица, понеже не вопросы его отъ коего собранія такоо великое дѣло замысли, и о томъ архієпископъ въ великомъ недоумѣніи бысть и въ скорби. Шціль же нача создати церковь; по совершеніи же церковномъ, прииде ко Архієпископу Іоанну, и моли его, дабы освятилъ храмъ той. Архієпископъ же повелѣ ему съ собою ийти въ тайную хранину. Шціль же шедъ въ тайную хранину, и рече ему святыи Іоаннъ архієпископъ: повѣждь ми, чадо, не скрый Господа ради: отъ коего собранія своего сицевоо дѣло начинаши? Шціль же отъ страха и оужаса паде къ ногамъ святителя, и глагола: согрѣшихъ, отче, прости мя; мнози же людіе прихождаху ко мнѣ, взимаху серебро и дахъ мнѣ въ лихву, на 14 гривень, и на 4 денги, на годъ во денгѣ. И на то серебро создяхъ церковь, и монастырь оградихъ, и выпѣ, владыко, что ми повелѣ ваши? Архієпископъ же глагола ему: и яви ти повѣдѣваю, оустрои себѣ вся погребальная, срачицу, и саванъ, и вся суть на погребовіе мертвыхъ; и исповѣдѣся отцу своему духовному вся согрѣшенія своя, и въ погребальныхъ ляги въ созданномъ своемъ гробѣ, и надгробная поклаи надъ собою пѣти, всемогій же Богъ открьметъ елико хочеть, а мы, чадо, готови будемъ со всѣмъ соборомъ. Шціль же, слышавъ отъ святителя, плача и рыдая, и вскорѣ оустроивъ гробъ и погребальная, и исповѣдѣся согрѣшенія отцу своему духовному: и скры-

нися во гробъ, и соборнѣ надъ нимъ пѣвши надгробная пѣнія, и везанну Шціль во гробъ оукрс, и разсѣдѣся мость церковный, и не обрѣтѣся гробъ предъ ними. И бысть ту пропасть велия; святитель же прииде на освященіе церковное, и видѣвъ страшное оное видѣніе, и повелѣ изуграфомъ вапы на стѣнахъ писати церковныхъ надъ пропастію въ подобіе образъ Шциловъ. Самъ же отъ страха и оужаса отъиде въ домъ святыхъ Софій, и неосвященну церковь повелѣ запечатати, дождеже изволятъ Богъ: той и сотворить.

Сынъ же шцоловъ, плача и рыдая, и прииде, и припаде къ ногамъ святителя, и рече: святитель великій, помози ми лишонія ради отца моего! что ми повелѣши да сотворю? Архієпископъ же повелѣ ему въ постѣ и въ молитвѣ пребыти, и рече: еще заповѣдаю ти, чадо, 40 дней да лутургисають оу 40 церквей. Дажь священникомъ довольно, и причетникомъ, и нищымъ и темничникомъ; и въ тѣхъ 40 дней на всякъ день понахиди поють и лутургии служатъ неизмѣнно, и на распутіяхъ никого не минуи, ни алчна, ни жадна, ни нага, да я монастырь препитаи елико возможно, и тако сотвори: и прииди къ нашему смиренію, и возвѣсти ми о семъ. Сынъ же шцоловъ повелѣ лутургии служити 40 дней, лишонія ради отца своего, и милостыню нищымъ довольно давати, и сотворивъ всю чотыредесятницу елика заповѣда ему святитель. Сынъ же шцоловъ прииде ко архієпископу и возвѣсти ему: что сотворихъ лишонія ради отца своего; вторницею повелѣ ему творити, яко же прежде сотворилъ 40 дней. Архієпископъ же посла архієпископа досмотрити въ церкви шцоловъ пропасти, архієпископъ же видѣ шцолова гроба наруже не много и отъиде запечатавъ церковь, и возвѣсти архієпископу чюдо сіе о немъ. Архієпископъ же прииде, и возвѣсти великому святителю, что шцолова гроба наруже не много видѣтъ. Архієпископъ же повелѣ шцолову сыну въ постѣ, и въ молитвѣ пребыти и творити еще и вторую чотыредесятницу: такожде сотворивъ, и прииди къ нашему смиренію, и возвѣсти о семъ. Архієпископъ же посла того же архієпископа досмотрити шц-

ловы пропасти, архідаконъ же приде и видѣвъ того гробъ половиною наруже, и приде и возвѣсти архіепископу чудо сіе. Сынъ же рекомаго Щила приде ко архіепископу и возвѣсти ему: еже сотворихъ лишенія ради отца своего, по повелѣнію его елико заповѣда ему святитель. Архіепископъ же призва щилова сына, и повелѣ ему въ тѣ дни пребывать въ молитвѣ и въ постѣ, и творити повелѣ ему ту четырехдесятницу, вдвое того болши давати божіимъ церквамъ, и нищимъ, и страннымъ. Сынъ же щилъъ четырехдесять дней подахъ (лъ) божіимъ церквамъ, священникомъ, и причту, и нищимъ, и темничникомъ, и страннымъ, болши прежняго вдвое. Архіепископъ же посла того же архіда-

кона, въ третіе досмотрити того великаго чудеса. Архідаконъ приде въ церковь, и видѣвъ той гробъ наруже весь, и возвѣсти святителю чудо сіе. — Щилъъ же сынъ повелѣ служити лугурги 40 дней лишенія ради отца своего, и милостыню доволну далше во всю четырехдесятницу, елико заповѣда ему святитель то и сотвори. Сынъ же щилъъ приде ко святителю и возвѣсти ему: что сотворихъ лишенія ради отца своего всю 40 дней. Архіепископъ же повелѣ надъ нимъ соборнѣ пѣти надгробная пѣнія всему освященному собору, и погребе его самъ со освященнымъ соборомъ съ великою честію, а храмъ той освяти самъ со освященнымъ соборомъ, во славу Отца и Сына, и Святаго Духа, аминь.

ОБЪЯСНЕНІЕ.

Къ какому именно времени относится эта повѣсть описываемое событіе — съ точностію опредѣлить трудно. Имя Оловія Щила встрѣчается въ лѣтописяхъ подъ 1309 годомъ: «поставиша церковь камєну на Дубєвѣ (или на Дубѣ) во имя святыя Богородицы Покровъ, стяжаніемъ раба Божіа Оловія мнѣша, нарицаемаго Щила (Новгор. четв. лѣт. стр. 47); но въ то время архіепископомъ Новгородскимъ былъ не Іоаннъ, называемый такимъ образомъ въ повѣсти, а Давидъ, поставленный въ 1306 году и правившій епархією до 1326 года. Сочинитель книги: Опытъ о посадникахъ Новгородскихъ (стр. 303), ссылаясь на Исторію Россійской Іерархіи, приписываетъ основаніе монастыря, о которомъ говорится въ нашей повѣсти, Оловію Щилу, но относитъ это событіе къ 1410 году, когда дѣйствительно архіепископъ новгорода назывался Іоанномъ. «Посадникъ Оловій (Леонтіи) Щилъ, по принятіи монашескаго чина, извѣстенъ основаніемъ въ 1410 г. покровскаго новгородскаго монастыря, его именемъ названнаго, находившагося на правомъ берегу Волхова, разстояніемъ отъ города къ югу въ 3-хъ верстахъ, противъ Юрьева монастыря». Но откуда знаетъ авторъ, что въ то время существовалъ такой посадникъ — объ этомъ у него нѣтъ ничего, и что всего страннѣе, — свѣдѣніе о Щилѣ напечатано въ прилѣчаніи къ 225 страницѣ сочиненія, а на 225 страницѣ нѣтъ ни слова о Щилѣ. — О Щиловомъ монастырѣ есть извѣстіе въ отрывкѣ русской лѣтописи, напечатанномъ приложеніемъ къ софійскому списку подъ 1528 го-

домъ; именно: въ это время устроено было общежительство во многихъ новгородскихъ монастыряхъ и въ томъ числѣ и въ Щиловѣ; изъ этого извѣстія видно, что монастырь этотъ былъ въ числѣ загородныхъ. »А около града того которые монастыри общины устроиша, а се ихъ имена: Антоніевъ монастырь на Деревяницѣ, Благовѣщенской, Оркажъ, на Колмовѣ, на Ковалевѣ, на Волотовѣ, на Ситицки, Чудо Архангела на Сквородкѣ, въ Переднихъ, въ Щиловѣ, на Коломцахъ, на Липнѣ, на Перыпѣ, Николаитъ конецъ Легощи улицы и проч. (П. Собр. Л. VI. 285). Въ росписи Новгородскихъ церквей, сдѣланной въ 1615 году, въ числѣ монастырей значится монастырь Щиловъ, а въ немъ храмъ камєнъ Покровъ Богородицы (Оп. о Посади. Новгород. стр. 303). Впоследствии, сколько извѣстно, не встрѣчается уже упоминовенія объ этомъ монастырѣ. Такъ какъ въ лѣтописи подъ 1309 г. говорится о построеніи Щиловъ церкви Покрова, а монастырь подъ именемъ Щилова былъ посвященъ празднику Покрова Пресвятыя Богородицы, то изъ этого вѣроятнѣе будетъ предположить, что событіе, описанное въ повѣсти, относится къ 1309 г.; что же касается до имени архіепископа Іоанна, то, вѣроятно, въ позднѣйшее время оно у переписчиковъ измѣнилось изъ имени Давида въ имя Іоанна.

Здѣсь изображается наказаніе за извманіе роста (процентова). Церковь безусловно оуждаетъ росты, и Щилъ представленъ вовсе не грабителемъ, но безжалостнымъ

ростовщизнѣ, напротивъ онъ беретъ чрезвычайно малые проценты, но тѣмъ не менѣе виноватъ и за то что беретъ. Самый способъ наказанія, каковъ постигаетъ Цѣла, указываетъ на подѣсъ къ церковнымъ понятиямъ какихъ-то свосбытныхъ вародныхъ; наказа-

ніе душъ послѣ смерти отражается на трупѣ, такъ что существованіе челоуѣка послѣ смерти соединено съ понятіями о состояніи его тѣла послѣ смерти. Трупъ проваливается: слѣдовательно воображеніе представляетъ какую-то подземную область.

Редкт.

ПОВѢСТЬ
О ПУРОШКОМЪ КНЯЗѢ ПЕТРѢ
И СУПРУГѢ ЕГО ФЕВРОНИИ.

ИЗДАНИЕ

О НАПРАВЛЕНИИ РАБОТЫ

ИЗДАНИЕ

ПОВѢСТЬ

О МУРОМСКОМЪ КНЯЗѢ ПЕТРѢ И СУПРУГѢ ЕГО ФЕВРОШѢ.

ВАРИАНТЪ ПЕРВЫЙ.

(Извест. Публ. Библ. в с. отд. I. № 294) (*).

Сей оубо въ роустѣи земли градъ нарицаемый Муромъ, в велико державствую благовѣрный князь, яко повѣдаху ния его Паволъ. Ископн же ненавѣдай добра роду человѣчю діаволъ всели неприязненнаго змѣа глѣтшаго к женѣ князя того блуд... са и своимъ мѣчты якоже тѣствонъ и приходящимъ людѣмъ ашеса якоже князь самъ сид..... же его не тоаше но повѣдаше ... жени своему вся ключашеся иже неприязнивыи осилѣ с..... князь мысляше что змѣеи недоумѣашеса и рече ж..... глю, жено; но недоумюся ... рити неприязнивому то.... оубо не вемъ како занесу бо глаголатъ к тебѣ каково слово сими лестию и о семъ воел.... азнивымъ духомъ отъ чего е..... глати по и въ будоущи въкъ велицѣнѣрнаго судію Христа милостива ми собѣ сотвориши, жена же мужа своего глаголь въ сердци се твердо принимиши, оумисли во оумѣ своемъ добро тако быти. Во единъ же отъ дни

неприязнивому тому змѣю пришедшу к нем, она же, добру наматъ при сердци нѣба; глаголь о лестию прилагаетъ к неприязни томъ глаголы многіа і нима рочи, и по сихъ мочтвеніемъ въспросавъ его хвала; рече: яко много вѣси и весе ли коньчину си какова будетъ и отъ чего? Он же неприязнивыи прелестникъ и прольщенъ добрымъ прольщеніемъ отъ вѣрныхъ жены, яко мѣшцева танну си, нарече к нем, глагола: смерть моя есть отъ петрова меча, отъ агрикова же меча. Жена же, слышавъ таковоу речъ, во сердци твердо сохрани, и, по отшествіи неприязниваго того, поведа князю мужевн своему, якоже реклъ ей змѣи. Князь же, послышавъ, недоумѣашеса что есть смерть отъ петрова меча и отъ агрикова меча. Ивѣаше же оу собѣ приснаго брата ижекоу князя Петра; въ единъ же отъ дни призва его к собѣ и нача повѣдати змѣеи речи, якоже реклъ есть женѣ его. Князь же Петръ слышавъ отъ брата своего, якоже змѣи нарече тезоименитому исходатаа смерти своей, нача мыслити, недоумѣяса в мочуство како оубити змѣа, и

(*). Рукопись эта — четырёхлист за тысячу лѣтъ, одной редакціи съ казанскаго. Конца XVI вѣка, писана полууставомъ. Въ ней вышечены нѣсколько партій, изображающихъ некоторыя событія изъ настоящей повѣсти. Мѣста, означенныя точками, вырваны изъ оригинала и залеплены бѣлой бумагой. Имъ остается позитивно образъ правописанія, позволяющъ себѣ только раздѣлить слова и разставитъ знаки препинанія. Большая часть наглазъ значить (s) въ среднѣи словѣ въ подлинникѣ означена настрочками значаніи (s). Такъ какъ этотъ вариантъ, хотя старте послѣдующихъ, неполонъ, то просимъ читателей, которые эта повѣсть познѣтельна, для скорѣйшаго знакомства съ ея содержаниемъ, прочесть прежде одинъ изъ слѣдующихъ за сими вариантѣмъ.

веще быше въ немъ мысль. яко не вѣдаше агрикова меча. Нѣбаше обычай ходити по церквамъ оудинаса, бо же вно града церковь въ женьстемъ монастыря Воздвиженію честнаго и животворящаго креста, и приде к немъ единъ помолитиса, явнжеса емоу отроча, глагола: княже, хочеш ли да покажу ти агриковъ мечъ. Онъ же, хотя желанію свое исполнити, рече: да вижду где естъ. Рече же отроча: иди в слѣдъ мени; и показа емоу во алтарьной стѣнѣ . . . средани сказанію въ ней же ле . . . Благотѣрній же князь Петръ, вземъ мечъ тотъ приде повѣда братоу своему, и от того дни искаша подобна времени да оубіетъ зміа, но вся же дни хода ко братоу своему и къ снохѣ своей на поклоненіа. Приключиса же ему принти въ хранину к братоу своему, и в том же часу шедъ къ сносе своей во вни хранину, и видѣ оу немъ брата своего сядаша, и, пакы отшодѣвъ неа, встрете отъ предстоящихъ нѣкаго братоу его и рече емоу: изыдохъ оубо от брата своего къ сносѣ, братъ же мой оста въ своемъ храни, ниъ же не косивъшю никакоже, но воскорѣ пришедшоу въ хранину къ сносѣ своей, не стѣмъ и чюжоуса яко братъ мой напредъ моиъ обретеса въ хранинѣ оу снохи моеа. Той же человекъ рече емоу: никакоже, господи, по твоимъ отшествіи не изыдѣ братъ твой ис своей хранины. Он же разоумѣвъ быти пронырѣстому лукаваго зміа, приде къ братоу и рече емоу: когда оубо сіамо приде; азъ бо от тебѣ всѣ съа хранины изыдохъ, и негде ли ничесомо поведывѣвъ, придохъ к женѣ твои во хранину, и видѣхъ ти с нею сядаша и чюдася како предъ нею обрѣтеса; придохъ же пакы сѣмо ни гдѣ же поведывѣвъ, ты же не вѣиъ како предтече и напредъ моеа адѣ обрѣтеса. Онъ же рече: никакоже бѣиъ. Князь же Петръ рече: се естъ, брате, пронырѣство лукаваго зміа, да тобою ми ся кажетъ, аще не быхъ хотѣлъ оубити его, яко вѣщшоуа своего брата тебѣ. Пыниъ оубо, брате, отсюду никакже иди: азъ же тамо иду братиса со змиемъ, да не ли же божією помощію оубіенъ да боудотъ лукавий змиа. И вземъ мечъ, нарицаемый агриковъ, и приде въ хранину къ сносѣ своей, и видѣ зміа зракомъ

акы брата, снѣиъ и твердо оувернѣтса, яко нѣсть братъ его, но прелесныи змиа, і оударя его мечемъ, змиа же явнса яко бѣше естествомъ, и нача трепетати, и бысть мертвъ и штрии блаженнаго княза Петра кровію своею. Шнъ же от нѣаприазннвыа тоа кровіи і штрии і азъ быша, и приде навъ болѣзнь тяжка зѣло; искаше въ своемъ державѣ ото многихъ врачъ исцеленіе, ни от единаго получи, и слышавъ же яко мнози соуть врачевъ въ пределехъ резанскіа земли, повеле себе тако повести; не бѣ бо . . . мощенъ на конѣ сидѣти от великіа болѣзни, привезенъ же беше въ прѣделы резанскіа земли, и посла сунѣклитъ свой възыскати врачевъ. Единъ же отъ предстоящихъ емоу ювоша оуклониса въ вѣсь нарицающую Ласково, приде к некоему вратомъ, и не видѣ никогоже, и вѣиде въ домъ, и нѣ бѣ кобы его чтиль, и вѣидѣ въ хранину и зра виденіе чюдно: сядаше бо дѣвица, тѣло красна, предъ нею же скача заецъ, и глагола дѣвица: не лѣно естъ быти дому без оушнѣи и храму без очію; ювоша же то не внятъ въ оушѣ глаголь . . . рече к дѣвици: гдѣ естъ человекъ мужеска полу или адѣ живѣтъ? онаже рече: отецъ мой и мати моя поидоша въ земъ плакати, братъ же мой идѣ черезъ ноги въ нави зрѣти; ювоша же то не разоумѣ глаголь еа, двалашеса зра, и слыша вѣиъ подобну чюдеса, и глагола дѣвици: вѣидохъ къ тебѣ зра та дѣлающъ, (у) и виде же заецъ предъ тобою скача и слышоу от оустну твою глаголы странны, никако сего не вѣиъ что глаголеши; нерве бо рече: не лѣно естъ быти дому без оушнѣи и храму безо очію; про отца же твоего и матеръ рече яко поидоша в земъ плакати, брата же своего глаголеши черезъ ноги въ нави зрѣти и ни единаго слово отъ тебѣ разоумѣхъ. Она же глагола емоу: сего же ли не разоумѣеши? приде въ домъ мой снѣи, въ хранину мою вѣиде, и видѣвъ ма сядашу въ простотѣ: аще бы былъ въ домоу маю несть и чювъ та къ дому приходаша, ласель бы на та: се бо естъ домоу оуши; аще бы было въ хранинѣ моеа отроча и видѣлъ та ис хранины приходаша, сказа а (о) бы ми: се бо естъ храму очіи; а еже сказахъ ти про отца и матеръ и

про брата, яко отець мой и мати моя идѣ въ заемъ плакати: пошли бо соуть на погрѣбаніе мертвого и тамо плачють; егда же по нихъ смерть придетъ, то нимъ не нихъ обучиуть плакати: се же есть замованный плачь; про брата же ти глаголахъ: яко отець мой и братъ дѣвоуѣзцы соуть, въ лѣсе бо медѣ отъ дрѣвъ всакъ въземлють; братъ же мой нимѣ на таково дѣло иде, и якоже лѣсти на дрѣво въ высоту чрезъ ноги въ нави зрѣти, мысла абы не оурыватиса с высоты; аще ли кто оурыветса, сен живота гонизетъ; сего ради рѣхъ, яко идѣ чрезъ ноги въ нави зрѣти. Глагола же онъ юноша: ви-жю те дѣвицу мудроу сущоу: повѣжь ми има свое. Она же рече: има ни есть Февронія. Той же юноша рече к ней: азъ есмь муромскаго князя Петра служакъ еси; князь же мой нѣма болѣзнь тажкоу и азъ оустремлену, бо бывшему отъ крови леташаго зма, егоже есть оубилъ своими рукама, и во своемъ одержаніи искаше исцеленія ото много врачей, и ни отъ единого получи; сего ради сею повелѣи собѣ привести, яко слыша адѣ мнози врачей, но мы не вѣимъ како (ко) нѣмоуютса, ни жилище ихъ вѣимъ, да того ради въпрошамъ отъ тею. Она же рече: аще бы кто требовалъ князя твоего собѣ и могъ бы оуврачевати. Юноша же рече: что оубо глаголеши еже комуоу тробовати князя моего собѣ? аще кто оуврачюеть и князь мой дастъ емоу нѣнѣа много; но скажи ми врача того, кто есть и како есть живетъ? Она же рече: да приведеша князя моего сѣмо; аще будетъ нахгосерды и сиренъ во шѣтѣхъ, да боудеть здравъ. Юноша же скоро возвратиса ко князю своему и повѣда емоу все порядку еже видѣ и еже слыша. Благовѣрный же князь Петръ рече: да возете ма, гдѣ есть дѣвица, и приведеша (его) въ домъ мой, в немъ же бѣ дѣвица. И посла к ней отъ отрокъ своихъ глагола: повѣжь ми, дѣвице, кто есть хотя ма оуврачевати, да оуврачюють ма и возметъ нѣнѣа много? Она же обвинуася рече же: азъ есмь хотя израчевати, но нѣнѣа во тробую отъ него пріяти, имать же отъ него слово таково: аще бо не имать быти соупруга емоу, не тробе ми есть вра-

чевати егѣ. Пришедъ человекъ тотъ и повѣда князю своему, яко же рече дѣвица. Князь же Петръ яко не брегъ словеси ея, и мысла: како князю соущу древо-ласца лица поати собѣ женоу и ри шедша рѣша ей слово то. Она же, вземъ сосудъ малъ, почерпе киследи своею и доуну на ма и рече: да оучредеть князю вашему баню и да покажутъ по телу своему, идѣ же есть струны и язвы, и единъ строунъ да оставитъ не помазанъ: и боудеть здравъ. И приносша к нему таково помазаніе. И повелѣи оучредити баню, дѣвицу же хота искоусити во шѣтѣхъ, аще мудра есть, яко слыша глаголы ея отъ юноши своего, посла к ней съ единымъ отъ слоугъ едино повѣсно льноу, рече: яко сіа дѣвица хочеть ми соупруга быти мудрости ради; аще мудра есть, да вземъ льноу оучинитъ ми срачницу, и порты и полотенець в ту годину, в нюже в бане пребоуду. Слоуга же принесе к ней льноу повѣсна и князь же (княже) слово сказа. Она же рече слоуге: изиди на пѣщъ нашу и снемъ з градъ полѣвнца, сѣвси ми сѣмо. Онъ же, послушавъ ея, сѣвсе полѣвнца; она же отпѣрнавъ надю и рече: шѣтки се отъ полѣвнца сего. Онъ же шѣтъкъ. Она же глагола: возни оутинокъ полѣвнца сего и шедъ дай же князю своему и отъ мене рцы емоу: въ кінъ часъ се повѣсна азъ отешу, а князь твой да приготovitъ ми в сѣвѣ оутиныцы становкъ и всѣ строеніе кымъ сочтотса пологно. Слоуга же принесе ко князю оутинокъ полѣвнца и речи дѣвицы сказа. Князь рече: шедъ, рцы дѣвицы, яко невозможнѣо есть въ такоу дрѣвцы въ малѣ и в такоу малу годину строенія сотворити. Слоуга же, пришедши, сказа ея князю же речъ; дѣвица же шрече князю: а со ли возможно есть человекѣо мужеска полу возраста во единѣ повѣснѣ льноу въ малу годину, въ нюже пребудеть въ банѣ, сотворити срачницу и порты, и оубрусоць? Слоуга же шѣидъ и сказа князю. Князь же дивласа отпѣту ея. И во времени князь Петръ идѣ въ баню мытиса и повелѣи оучити дѣвицу, показавъ язвы и строуны свои и единъ строунъ остави непомазанъ во повѣсенію дѣвицы. Намде же изъ бани вычюже болѣзнь

чюаше; на оутрѣ же оузрѣ и все тѣла азрава и гладка, развѣ одного струна, еже бѣ не поназанъ но повелѣнію дѣвичю, и дивалашеся скорому исцелѣнію; но не възмете поити ю себѣ женою отчества ради. И посла к нем дары. Она же не приѣтъ.

Князь же Петръ восха въ вочину свою во градъ въ Муромъ адравствуа. На немъ же бо единъ струнъ еже бо не поназанъ повелѣніемъ дѣвичимъ, и от того струна начаша мнози струны расходитися на тѣло его от первого дни, в оны же носха во отчину свою, и бысть весь остроулюмъ.

И наки възератися на готовое исцелѣнію къ дѣвицѣ; якоже присиѣ въ домъ ея і со студомъ посла къ нем проса врачеваніа. Она же, ни мала глѣва подоружавъ, рече: аще боудеть ни супружыникъ, да боудеть оуврачеванъ; онъ же с твердостію слово дастъ ей, яко внять воити женоу себѣ. Сіа же наки, якоже и преже, тожъ врачеваніе дастъ ему; се же преже нисахъ. Онъ же възскорѣ исцелѣніа получивъ, і поа женоу себѣ. Только ю виновю бысть Февроніа княинѣ. Придоша во отчину свою градъ Муромъ и жива ста во всакомъ благочестіи, ничтоже от Божіа заповѣди оставляюще.

Но накое дни предреченыи князь Павелъ отходитъ житіа своего; благовѣрный же князь Петръ во брата своего единъ самодержавецъ бызаетъ граду своему. Къ князю же Февроніи бояре же его не любяху жонъ своихъ ради, і яко бысть княгини, отчества ради ея, Богоу прославляющею ю добраго ради житіа ея. Ни когда (никогда) же бѣ некто от предстоящихъ ей приидѣ къ благоверному князю Петру наводити на ню: яко от невож... своего, безчину исхидитъ иногда бо во ... он и визнаеть въ руку свою крох... Благовѣрный же князь Петръ, хотя ю искусити, повелѣ да обѣдаеть с нимъ за единимъ столомъ. Яко оубо скончавшюуса столоу, она же яко обычаи имаше со стола в роуку свою крохи и князь приимъ за руку и развѣде и видѣ добровольной и финьянъ, и от того дни уста ю ктому не нскоушати.

Но инозель же врѣмени придоша к нему съ яростію

бояре его рыкуше: хочемъ, княже, вси ираведно слоужити тебѣ и самодержавцомъ нѣти тебѣ, но князю Февроніи не хочемъ, да господствуетъ жонани нашии, а хочемъ самодержавцемъ быти, да боудеть ти мнѣа княгини, Февроніа же возигѣтъ богатства довольно себѣ, и отидеть аноже хочеть. Блаженный же князь Петръ, яко ему обычаи, ни в часомъ ярости нѣа, сиропіемъ отвѣща: яко же речете, в тогда слышимъ. Она же, новожства наполивившися босьтоудіа, оумыслиша да оучредатъ пиръ. И сотворишъ (сотвори нѣтъ). Якоже быша весели, начаша простирати бестоудныи своа глаголы аки вси лающа отемлюще оу святыхъ Божіи даръ, еи еже Богъ и по смерти неразлучна обещалъ естъ, и глаголаху: Февроніа! Весь градъ и бояре глаголютъ тебѣ: даждь его егоже ни просишъ оу тебѣ? И она рече: да возмета его же просита. Она же единими оусты рече: мы оубо, госпоже, вси князя Петра хочемъ, да самодержествуетъ надъ нами. А тебѣ жонни наши не хотятъ яко господствоуеши надъ нами; вземъ богатство довольно себѣ, отидоши аноже хочоши. Она же рече: обещахса вамъ яко елико аще просите и ирѣмета. Азъ же вамъ глаголю: дадите ниѣ егоже аще азъ попрошу ваю. Уни же али ради быше и (не) сѣдоущо будоуща его, и глаголаше с клятвою: яко аще просиши единаго, бось ирекословіа вземши. Она же рече: нию прошу токмо соувруга моего князя Петра. Уни же рече: аще самъ восхощеть, ни е тожъ тебѣ глаголетъ. Врагъ бо наполиви нѣтъ мысли, яко аще во боудеть князь Петръ, да поставишъ себѣ много самодержавецомъ. Нѣкии же от бояръ во оуиѣ своего держаше яко самъ хочеть самодержавецомъ быти.

Блаженный же князь Петръ не возлюбилъ временнаго самодержавства кромѣ Божіихъ заповѣдей, но по заповѣдемъ его шествоуа, дѣржаса снхъ заповѣдей, яко боготлагоданныи Матѣен во своемъ благовѣстіи вѣщаеть, рече бо: яко аще пострижетъ (!) женоу свою развѣдъ слобѣси прелюбодѣйнаго и ожонитися нною, прелюбы тво-

(!) Въ Евангеліи читается: иже аще прустити жену свою... Мк. 19. 9.

рять; сей же блаженный князь по евангелію сотвори, да заповѣди Божіи не разрушитъ. Уни же злочестиви боаре даше нѣтъ соуды на рече; бѣ быше под городомъ рѣка, глаголемая Ока; уни же шловоуще по рѣкѣ в соудѣхъ, нѣкто же бѣ человекъ оу блаженныи княгини Февроніи в соудне и жена его в томъ же соудне бысть; той же человекъ, оубо принѣвъ помыслъ отъ ловакаго бѣса, взарѣвъ на святую с помыслонъ; уни же разоумѣхъ злонъ его помыслъ, и вскорѣ обличи в рече ему: почерныи воды из реки сѣя сію страну судна сего. Унѣ же почерно. И повелѣи ему испити. Унѣ же нивѣ. И рече же наки уни: почерныи оубо воды з другой страны судна сего. Унѣ же почерно. И повелѣи ему наки испити. Унѣ же нивѣ. Уни же рече: равна ли оубо си вода есть или единая сладши? Унѣ же рече: единая есть, госпожа, вода. Наки же уни рече: снче единое естество женское есть; почѣто оубо свою женоу чставлялаа и чюдѣа мыслиши? Той же человекъ оувидѣ, яко въ ней есть прозрѣніе даръ, боаса к тому таво помыслиа.

Вѣчороу же бывшоу, начаша ставитиса на брѣзѣ, блаженный же князь Петръ яко помышляти начатъ како боудеть, понеже волею самодержкство гозвуса. и врднѣнаа же княгини Февроніа глагола ему: не скорѣби, княже, милостивъ Богъ творецъ и промысленикъ всену не оставитъ насъ въ нищетѣ быти. На брѣзо же томъ блаженному князю Петру на вечерю его асть готовлахоу, и потомъ поворъ его дрѣвца малы, на нихъ же поплыи висахоу; но вѣчериже святѣа княгини Февроніа ходаша по брѣтоу и видѣвши дрѣвца тыи, благослови рече: да боудуть сѣи на оу . . . дрѣва великии и нушии лствіа. И бысть такоже. Вставши въ оутрѣ, обрѣтоша тыа дрѣвца велико дрѣвіе, мноуще вѣтвіе и лствіе.

Якоже хотахоу людѣ ихъ роухлѣдъ вѣтвѣти въсоуды со брѣга, придоша же нѣко вельможа отъ града Муромѣ, рекоуще: Господи княже! отъ всѣхъ вельможъ и отъ всего града придохъ к тебѣ: да не оставиши насъ сырыхъ, во возвратишиса на свое отече-

ствіе; мнози бо вельможи въ граде погибоша чѣтъ неча, кнждо ихъ хота державствовати, сами изгубиша, а чѣтавшіи вси с народомъ молатъ, глаголюще: господи княже! аще прогнѣвахъ та и раздражихъ та, не хотащитъ княгини Февроніа господствуеътъ жении нашимъ, и мынѣ же со всѣми домъ своимъ раби каю есмн, и хотимъ, и любимъ, и молимъ: да не оставио насъ, рабъ своихъ. Блаженный же князь Петръ и блаженнаа княгини Февроніа възвратишася во градъ свои, и бѣхоу державствоующи въ граде томъ, ходаша нѣтъ всѣхъ заповѣдехъ и шправданіихъ господнихъ бес порока, въ мольбахъ непрестанныхъ, и молитвахъ, и въ милостынахъ ко всѣмъ людемъ, под ихъ властію соущимъ, акн чадолюбивіи отецъ к нати нѣмѣста ко всѣмъ любовъ равныи мноущи, не любаста гордости ни грабленіа, ни богатства тлѣннаго щадаша, но въ Бога богатѣюще. Бѣсто бо своему граду истиннаа настыра, а не яко наснѣника: градъ бо свои истинною кротостію, а не яростію праваше, и странныи пріемляюще, злыиыи наснѣщающе, натиа шдѣвающи, бѣдныи отъ манасти избавляющи.

Егда же присѣлъ благочестно преставленію, и оумолиша Бога, да во единѣ часѣ боудуть преставленіе ею, и съвѣтъ сотвориша да боудуть положены оба въ единомъ гробѣ, и повелѣша оучредити собѣ во единомъ камени два гроба, едину токыме предградоу и нушии нежоу собою. Сами же во едно время облекошася во мнѣшескіи ризы, и наречеиъ бысть блаженный князь Петръ, во иноческомъ чиноу Давидъ, преподобнаа же Февроніа наречеиъ на бысть во иноческомъ чиноу Евфросиніа.

В тоже время преподобнаа Февроніа, нареченаа Евфросиніа, въ хрѣмѣ прочистыа соборныа церкви своиа роукама шниаша воздохъ, на немъ же бѣ лики святыхъ, преподобный же и блаженный князь Петръ, нареченный Давидъ, приславъ к ней, глагола: о сестро Евфросиніа! хошцу оуже чтии от тѣла, но ждоу тебѣ, да купио штондемъ. Уни же рече: пожди, господине, да яко дошю воздухъ во святоую церковь. Унѣ же въторницею послалъ к нѣи, глагола: оуже бо мало пождуоу тебѣ. I яко же третницею глагола, приславъ к нѣи: оуже бо хошцу преставитиса,

во ждоу тебѣ; она же устаношное дѣло въздоуха сятаго шнаше, оуже бо єдинаго сятаго ризъ еще не дошнвъ, лице же нашнвъ, и преста, и вотько вгложу, и приверъте внтю, еуже шнаше, и носла к блаженному нареченному и Давидоу в преставленіи коупьнѣхъ, и помолнса предста въкоупѣ сятаа своа душа в рукѣ Божіи мѣсца іюна въ 25 день.

Но преставленіи ежо ею, хотѣста людіе, яко да положнть блаженнымъ князь Петръ боудеть ввнутри града оу соборьныхъ церкви пречистыа Богородицы, Февроніа же вѣне града в женстехъ монастыри оу церкви Воздвиженіа честнаго креста, рькоуще: яко в нывнешкомъ образѣ во оугодно естъ положити сватыхъ въ єдинохъ гробѣхъ. Оучреднша ннхъ гробы особны и обложнша телеса нхъ вѣне: сятаго Петра, нареченнато Давида, тѣла вложнша во особныа гробѣхъ, и воставша вѣноутрь града въ церкви пречистыа Богородицы двоутрѣ, сятаа же Февроніа тѣло вложнша вѣне града оу церкви Воздвѣ-

женіа честнаго креста; ѡбшій же гробѣ, ежоже самн повѣлеша истесати собѣ во єдинохъ камени, ѡста тощъ въ томъ же храмѣ пречистые соборьные церкви, нже вѣноутрь града. На оутрѣа же воставша людіе, ѡбрѣтоша гробы нхъ ѡсобнаа тощи и въ на же в ннхъ вложнстася, сятаа же тѣлеса нхъ ѡбрѣтоста вѣноутрь града въ соборьныхъ церкви пречистыа Богородица во єдинохъ гробѣхъ, ежоже самн себѣ повелѣша сотворити. Людіе же неразумннн, якоже въ животѣ в ннхъ нагушаса, тако и по честннхъ ею преставленіи: наки положнша во особныа гробы и наки разнѣснша; и наки же ѡбрѣтоша на оутрѣи сватїи во єдинохъ гробѣхъ; и кътому не снбѣху прикоснутиса сватыхъ нхъ телеснхъ, и положнша во єдинохъ гробѣхъ, въ немъ же самн повелѣста, оу соборьныхъ церкви Рождества пречистыа Богородица вѣноутрь града, ежо естъ далъ Богъ на просвѣщеніе и на спасеніе граду темоу; нже бо о вѣроу прирышущнхъ к мощемъ нхъ поскудьво всцѣленіе ирнємлють.

ВТОРОЙ ВАРИАНТЪ.

(По списку Манск. Публ. Библ., отд. XVII № 18.)

Бѣ убо в роуснстей землѣ градъ, нарицаемый Муромъ, в вѣнже бѣ самодержавствующїи благовѣрный князь, повѣдаху нменовъ Паволъ. Искони же новавиди добра роду челоувѣческому днаволъ и вселн неправленна летнща зннѣа к женѣ князи того на блудъ. И влалшеса ей акорѣ же бѣаше естествохъ, приходящнхъ же людомъ влалшеса своини мечты, якоже князь сѣдѣше с женою своею; тѣни къ мечты мнози времена вродоша; жена же сего не гадше, но повѣдаше князю своему вся приключнвашася ей; зннїи же непризннвыи оснлѣ над всю. Князь же мыслнше что ашменн сотворити, но не доумѣннсся; и рече женѣ своей: мысля, жено, и ве- доумѣннсся что сотворити непризннн тому: смерть убо не

вѣнъ каку вѣнесу давъ; аще глаголетъ къ тебѣ какова словеса, да воспроснши его лостно е сннѣ. Вѣсть сей непризнннн днухомъ своинк отъ чего ему смерть хочеть быти; аще ли то увѣси и напѣ повѣдаши, сама свободншнса не токмо в ѣмылннхъ вѣне алаго дмхання, и сепеннн, і всего скареднн, его же снрадъ естъ и глаголати, но и въ будущїи вѣкѣ полнценѣрнаго судню Христа милостннн себѣ сотворнши. Жена же, мужа своего глаголъ въ серци си твердо прнннши, умнсла во умѣ своемъ добро тако быти. Во єдннхъ же отъ двїи непризннннн тому знннїи прилетѣвшу к ней, она же добру напѣа при серци ннѣа, глаголъ лостно предлагаетъ к непризннн той, глагола нвогна нннн рѣчи,

и во свѣхъ, с почтеніемъ вопросивъ его хвали, рече: яко много вѣси, і вѣси ли кончину свою: какова и отъ чего будетъ ти? Онъ же, неприязнивый прелестникъ, прельщенъ добрымъ прелщеніемъ отъ вѣрныхъ жены, яко нещцева тайну къ ней рещи, глагола: смерть моя есть от петрова плеча, а от агрикова меча. Жена же, слышавъ такую рѣчь, в сердцахъ си твердо сохрани, и во отшествіи неприязниваго того, повѣда князю мужу своему яко же реклъ есть змиѣ. Князь же то слышавъ, недоумѣяшеся что есть смерть отъ петрова плеча, а отъ агрикова меча. Нигдѣше же у себя приснаго брата, именомъ князя Петра. Во единъ же отъ дней призва его къ себѣ, и начатъ ему повѣдати зиневы рѣчи, якоже реклъ есть женѣ его. Князь же Петръ, слышавъ отъ брата своего, яко змиѣ нарече тезоименита ему: исходатая смерти своей, нача мыслити, во сумнялся мужествене, каковы убити змиѣ, во и еще беаше в немъ мысль, яко не вѣдмъ агрикова меча. Нигдѣше же обычай ходити по церквамъ, уединялся. Бѣваше же виѣ града церковь в женстемъ монастырѣ Воздвиженіи честнаго и животворящаго креста; и прииде и немъ единъ помолитися. Яви же ся ему отроча, глагола: княже, хочещи ли да покажу ти агриковъ мечъ? Онъ же, хоти желанно исполнити, рече: да яви гдѣ есть. Рече же отроча: иди вслѣдъ мене. И показа ему во алтарней стѣнѣ между каноніи скважиною в немъже нѣсто лежаше мечъ. Благосѣрный же князь Петръ взятъ мечъ той, и прииде повѣда брату своему, и отъ того дня искаше подобна времени да убьетъ змиѣ. Не вся же дни ходая къ брату своему и къ сношѣ своей на поклоненіи; і видѣ у нея сѣдяща брата своего, и пошедъ отъ нея, встрѣто нѣкогого отъ предстоящихъ брату его, и рече ему: изыдохъ убо отъ брата моего і сноше моея; братъ же мой еста в своемъ храмѣ; ни же не коснѣвшу никакоже, во скорѣ пришедшу в хранину къ сношѣ моея, и во свѣхъ чюжуса, како братъ мой напередъ меня обрѣтеся в хранинѣ у своихъ моихъ. Той же человекъ рече ему: никакоже, господи, во твоимъ отшествіи во изыде братъ твой изъ своей хранины. Онъ же разумѣ быти про-

мырству лукаваго змиѣ, и прииде ко брату, и рече ему: когда убо прииде сѣмо? Азъ бо отъ тебе изыдохъ и нигдѣ же ничесоме пошеднѣ, приидохъ къ женѣ твоея в хранину, і видѣхъ тя с нею сѣдяща, і почюдихся како напередъ мене обрѣтеся; приидохъ же пакы сѣмо, нигдѣ же ничесоме пакы пошеднѣ, ты же не вѣхъ како ни предтече, напредъ мене адѣ обрѣтеся? Онъ же рече: никако же, брате, изъ храма сего во твоимъ отшествіи во изыдохъ, и у жены своей никакоже бѣхъ. Князь же Петръ рече: есть, брате, со промырство лукаваго змиѣ, да тобою ни ся кажетъ, аще не бы хотѣлъ убити его, яко нещцуа тебе своего брата; ниѣ убо, брате, отсюду никакоже иди, азъ же тако иду братася со зиневъ, да негли Божіею помощію убюемъ будетъ. І взомъ мечъ, нарицаемый агриковъ, и прииде в хранину къ сношѣ своей, и видѣ змиѣ зракомъ яко брата си, и твердо утѣрися яко нѣсть братъ его, во прелестный змиѣ, и удари его мечемъ; змиѣ же явса ему якоже же бѣ естествомъ, и нача трепетатися і бысть яко мертвъ, и окрони блаженнаго князя Петра кровю своею. Онъ же отъ неприязнивыя той крови острупе; и извы быша; и прииде нанъ болѣзни тяжка зѣло; и искаше во своимъ одержаніи отъ много врачей исцѣлення, и ни отъ единого получи.

Слышавъ же яко мнози суть врачи во предѣлахъ резанския земли, и повелъ себе тако вести; не бѣ самъ мощенъ на конѣ седѣти отъ великия болѣзни. Привозенъ же бысть въ предѣлы резанския земли, и пославъ спивкити свой искати врачей. Единъ же отъ предстоящихъ ему юноша уклонися въ ось, нарицающуся Ласково, и прииде къ некоему дому вратомъ, и не видѣ никого же, и вниде въ домъ, и не бѣ кто бы его чель, и вниде в хранину, и зря видѣше чудно: сѣдяще бо одна дѣвица и ткаше красна, предъ нею же скача заецъ. И глагола дѣвица: во лѣпо есть быти дому безъ ушви и храму безо очю. Юноша же той во видѣти глагола...

....⁽¹⁾ во ушъ. Рече юноша во дѣвицы: гдѣ есть чело-

⁽¹⁾ Слово осталось неразобрано въ рукописи.

вѣкъ нужска волю, нѣже живеть здѣ? Она же рече: отецъ мой и мати моя поидоша в занитъ влакати, братъ же мой поиде чрез ноги в нави зрѣти. Юноша же той не разумѣ глаголь ея, двалише же ся зря и слыша вещь подобную чудеси, и глагола дѣвнны: выидошь к тебѣ, і вижу ты дѣлающую, и видѣ заецъ предъ тобою скача, и слышу ото устъ твоихъ глаголы странны иѣ-таки, и сего не вѣмъ что глаголеши; первое бо рече: вѣдѣно есть быти дому без оушню и храну безо очюю; про отца же своего и матеръ рече: яко вдоша в занитъ влакати, а брата же своего глагола чрез ноги в нави зрѣти; и ни единого слова отъ тебѣ не разумѣхъ. Она же глагола ему: сего ли не разумѣеши? прииде бо в домъ снѣ, и въ хранину мою выиде, і видѣвъ на сѣдану в простотѣ, аще бы былъ в дому наю пось и чюмъ ты к дому приходяща, даалъ бы на те: се бо есть дому уши; и аще бы было во храниѣ моемъ отроча, і видѣвъ ты къ хранинѣ приходяща, сказало бы: се бо есть храну очи. А еже сказахъ ти про отца и матеръ и брата яко отецъ мой и мати моя вдоша в занитъ влакати: шлю убо суть на погребенію мортальныхъ и тамо влачють, а егда же по насъ смерть приидеть, и ниини по насъ учнутъ влакати: се есть занюванный влачъ; про брата же ты глаголахъ, яко отецъ мой и братъ древолазцы суть, въ лѣсахъ медъ омлють отъ дресня; братъ же мой и нынѣ на таковое дѣло иде; и яко же лѣсти на древо в высоту чрез ноги зрѣти к земли, мыслить аже бы не урматыся і высоты; аще ли кто урматыца — сей живота гонзеть; сего ради рѣхъ ти: яко чрез ноги в нави зрѣти. И глагола ей юноша: вижу ты, дѣвица, мудру сущу; повѣжъ ми нини свое. Она же рече: нини ни есть Февронія. Той же рече к ней: азъ есмь муронскаго князя Петра служанъ ему; князь же мой вѣдѣ болѣзнь таяку и язвы; острушася бо бывшу ему от крови лотающаго сверѣнаго зива, его же убилъ своєю рукою; і во своемъ одержаннѣ искаше исцѣлени, отъ много врачевъ и ни отъ единого получи; сего ради сѣмо повелѣ привести, яко слыша здѣ мнози врачевъ, но ни не вѣмъ како и гдѣ именуютца, ни

жылицъ ихъ вѣмъ, да тог о ради вопрошаемъ о нею. Она же рече: аще бы кто требовалъ князя твоего себѣ, могъ бы уврачевати. Юноша же рече: что убо глаголеши еже кому требовати князя моего себѣ? аще кто уврачуетъ, то князь мой дастъ ему иѣвнѣа много; но скажи ми врача того: кто есть и како есть жылице его? Она же рече: да приведиши князя твоего сѣмо; аще будетъ мягкосердъ и смирень во отвѣтѣхъ, да будетъ здравъ. Юноша же скоро возвратиса ко князю своему, и повѣда ему подробу: еже видѣ и еже слыша отъ дѣвнцы. Благотѣрный же князь Петръ рече: да везите мя гдѣ есть дѣвица. И посла к ней князь ѿ отрокъ своихъ глагола: повѣжъ ми, дѣвица, кто есть хотя мя уврачевати, да аще уврачуетъ мя, воздасть иѣвнѣа много. Она же обвинуся рече: азъ есмь хотя уврачевати, но иѣвнѣа не требую отъ него прияти. Ниини же к нему слово таково: аще бо не имать быти супруга ему, не требе ни есть врачевати его. И приидеть чюловѣкъ той, повѣда князю своему еже рече дѣвица. Князь же Петръ, не брегнѣ словеса ея, и помысли: како князю сущу древолазца дщи поять себѣ жену. И посла къ ней, рече: рыцте ея что есть врачество ея, да врачуетъ. Аще ли уврачуетъ, имать пояти ю жему себѣ. Приидеши же юноша, рѣша ея слово то. Она же, взявъ сосудецъ мазъ, почерно кисляжды своея, и доуму на яа, и рече: да учредятъ князю вашему баню, и да поназуютъ снѣгъ во тѣлу своему, вѣдѣно суть струны и язвы, и единъ струнъ да оставитъ; не поназавъ: и будетъ здравъ. И принесоша к нему таковое поназаніе; и повелѣ князь учредити баню, дѣвцу же хотѣти во отвѣтѣхъ искусити аще мудра есть, якоже слыша о глаголахъ ея отъ юноши своего, посла к ней со единымъ отъ слугъ своихъ единю повѣсно лну, рекъ: яко си дѣвица хочеть ми супруга быти мудрости ради; аще мудра есть, да всенъ лну, учинитъ иѣ срачлицу, и ворты, и убрусецъ, в годину, в юже азъ в банѣ пребуду. Слуга же принесе к ней повѣсно лну и давъ ей, и княже слово сказа. Она же рече слуге: изыди на поць нашу, и снѣгъ з градъ погѣнце, свеси сѣмо. Слуга же, послушавъ ея, свесе погѣнце. Она же, отири

надю, рече ему: отсѣки снѣ отъ полѣнца сего. Онъ же отсѣче. Она же рече: возни утинюкъ полѣнца сего и шедъ, даждь князю своему, и рцы ему отъ мене: въ кий часъ снѣ новѣсно очешу, а князь твой да приготовить ми в семъ утиньце станъ і все стросние, кийъ сочтетца волотно его. Слуга же принесо ко князю утинюкъ полѣнца и речъ дѣвицѣ сказа. Князь же рече: шедъ рцы дѣвицы: яко не возможно есть в таково малѣ древо і в таково малу годину снѣца строения сотворити. Слуга же пришедъ, сказа ей князю рѣчь. Дѣвица же рече: или возможно есть челоуѣку мужеска возраста во единомъ новѣсно ану в малую годину, а иже требуетъ в бани пребыти, сотворити срачицу, и порты, и уброецъ? Слуга же отъиде и сказа князю. Князь же двиса отъѣту ея. И во времени князь Петръ иде в баню мытися, и повелѣиенъ дѣвица помазанекъ помаза извы и струны своя, и единъ струнъ остави непомазанъ по повѣленію дѣвицы. Изыдо же из бани князь, ничтоже болѣзненно пострада, на утро же уарѣ все тѣло здраво и гладко, развѣ одного струпа, иже бѣ не помазанъ по повелѣнію дѣвицы, и двилася скорому исцеленію, но не восхотѣ поити ея себѣ жему отечества ея ради. И восла к ней дары. Она же не прия.

Князь же Петръ поеха во отчину свою во градъ Муромъ здравствуйа, на немъ же бѣ единъ струнъ, еже бѣ не помазанъ повелѣиенъ дѣвицинъ. И оттого струпа начаша многи струны разходитися на телѣ его отъ пераго же дни, в онъ же поеха во отчину свою, и бысть наки острупленъ многими струны и язана, якоже бѣ и пераго.

И наки возвратися на готовое исцелѣніе к дѣвицы, и якоже прислѣ в домъ ея, со студомъ посла к ней, прося врачеванія. Она же, ни мало глѣву подоржавъ, рече: аще будетъ ми супружникъ, да будетъ уврачеванъ. Онъ же со твердостью слово давъ ей, яко пять поити ю си жену; сия же наки, якоже прежде, тоже врачеваніе дастъ, еяже преднесахъ. Онъ же вскорѣ исцелѣніе получи. И поитъ ю жену себѣ. Таковою же виною бысть Февронія княгиня. И придоша же во отчину

свою во градъ Муромъ, и живиша во всякомъ благочестіи, ничтоже отъ Божинхъ заповѣдей оставляюще.

По мале же дни предреченный князь Павелъ отходитъ житіа сего; благовѣрный же князь Петръ по брате своимъ единъ самодержецъ бываеъ граду своему. Боларе же его княгини Февронии не любляху, женѣ ради своихъ, яко бысть княгини не от отечества: того ради. Богу же прославляющу добраго ради житіа ея, вѣкогда убо от предстоящихъ ея приндѣ ко благовѣрному князю Петру, свадаи на ню: яко отъ когкогда, рече, стола своего бес чину исходитъ; вногда бо ей востати отъ стола своего, взимаетъ въ руку свою крохи, яко гладнии. Благовѣрный же князь Петръ, хотя ю искусити, повелѣ, да обѣдуеъ с нимъ за еданнымъ столомъ; и яко убо скончавшуся обѣду, она же, якоже обычай имаше, вземъ от стола в руку свою крохи, князь же Петръ приимъ ю за руку, и разведъ, видѣ ладанъ добровонный и емнианъ в руку ея, и от того дни остави ю ктому не вкушати.

По многѣ же времени, придоша к нему съ яростию боларе его, ркуще: хочемъ вси праведно служити тебѣ и самодержецъ жити ти, во княгини Февронии не хочемъ да государствуетъ желани нашими. Аще ли хочеша самодержецъ быти, да будетъ иная княгиня; Феврония же, вземъ богатство себѣ довольно, отидеть аюже хочеть. Блаженный же князь Петръ, якоже бѣ ему обычай ни о чессомъ себѣ ярости жити, но со смиреннѣмъ, отъѣща: да глаголита Февроніи: якоже речеть, то да слышишь. Они же, вестови и исполненихъ бестудни, и умыслиша да учредятъ ияръ; и сотвориша. И егда быша весели и начаша простирати бестоудныя своя глаголы, аки псы люща, отнемлюще у святыхъ Божинъ даръ, егоже Богъ в не смерти неразлучна общалъ есть. И глаголаху к ней: госпоже княгини Февронии! весь градъ в боларе тебѣ глаголютъ: даждь намъ, егоже имъ у тебѣ просимъ. Она же рече: возмете, еже просите. Они же яко единени усты рѣша: мы убо, госпоже, вси князя Петра хочемъ, да самодержавствуетъ надъ нами, тебо же жены наши не хотятъ

лю государствуеши надъ ними; возмъ богатство довол-
но собѣ, і идеши аможе хоцещи. Она же рече: обѣ-
щася вамъ, яко велико аще просита и принѣта; азъ
же вамъ глаголю: дадите мнѣ, егже аще азъ воспрошу
умю. Они же, аки, ради быша, не вѣдуце будущаго, и
глаголаша с клятвою: яко аще речеши единою, без про-
клятия возмещи. Она же рече: ничтоже ино прошу,
токмо супруга моего князя Петра. И рѣша же они: аще
самъ восхоцеть, ни о томъ тебѣ глаголюмъ. Врагъ бо
навалии нмѣ мысли: яко аще не будетъ князь Петръ,
да воставитъ собѣ иного самодержець; кійждо бо отъ
бегръ во угѣ своемъ держаше, яко самъ хоцеть са-
модержець быти; блаженный же князь Петръ не воз-
любѣ временнаго самодержавства кромѣ Божиихъ заповѣ-
дей, но во заповѣдехъ его шествуя и ждержася(?)⁽¹⁾ ихъ,
же же богогласный Матей во своемъ благовѣстии вѣ-
нчать, рече бо: яко иже аще пуститъ жену свою развѣ
словеси прелюбодѣйнаго и оженицца иною, прелюбы
творитъ; сей же блаженный князь Петръ по еванге-
лю сотвори: о самодержавии своемъ яко умети вѣдѣи,
да заповѣди Божия не разрушитъ. Они же, ачючести-
ши бегре, даша имъ суды на рѣце; баше бо подъ
градомъ тѣмъ рѣка, глаголемая Ока. Они же поплыву-
ше в судехъ, вѣктоже бѣ у блаженна княгини Фе-
вронии в судю, его же и жена в томъ же судю бысть,
і онъ же чоловікъ, прииць помысль от лукаваго бѣ-
са, возрѣмова на святую помыслить; она же, разувѣвъ
амѣ помысль его въскоре, облечи его, и рече убо
ему: почерни убо воды отъ рѣки сея сію страну судна
сего. Онъ же почерни. И поволѣ ему испити. Онъ же
питъ. Рече же она: почерни убо воды з другую страну
судна сего. И поволѣ ему испити. Онъ же питъ. Она
же, блжженная, рече: равнаи убо вода сея есть, или
едва сладчайши? Онъ же рече: една есть, госпоже,
вад. Паки же она рече: сице едно естество женско;
вотчо убо свою жену оставя, на чюжую мыслиши? Той
же чоловікъ увѣдовъ, яко есть в ней прозрѣния даръ,
бояся кому такаяя мыслити.

⁽¹⁾ Ошибк.; вероятно: и держался.

Вечеру же приспѣвшу, начаша ставитися на бро-
зѣ. Блаженный же князь Петръ яко промышлати на-
чатъ како будетъ, понеже волею самодержавства гон-
знувъ, предивная же княгини Февронии глагола ему:
не скорби, княже; милостивый Богъ творецъ и про-
мысленикъ всему да не оставитъ насъ в нищотѣ
быти! На брезѣ же томъ блаженному князю Петри
на вечерю ядъ готовяху, и вотчо поваръ его древца
малы, на нихъ же котлы висяху; но вечери же святая
княгини Февронии, ходяще по берегу і видѣвши древ-
ца тѣя, благослови ихъ, рекши: да будутъ сѣя на
утриа древе великое, инуца вѣтви и листви. И яко
же уже хотяху рухлю людие ихъ вметати со берега,
придоша же велможа от града Муромъ, ркуще: го-
сподине княже! отъ всѣхъ велможъ и отъ всего гра-
да придохомъ к тебѣ, да не оставиши насъ сирыхъ,
но да возвратимся на свое отечество; иноси бо вел-
можа во граде погибша отъ меча; кійждо бо ихъ хо-
таху державствовати, сами ся избѣша, и оставши вси
со всѣмъ народомъ молятъ тя, глаголюще: господине
княже! аще прогнѣвахомъ тя, и раздражихомъ тя, но
хотяще же княгини Февронии государствовати женами
нашими; ииѣ же со всѣми домъ своими есим хоцемъ,
и молимъ, и любимъ: да не остави насъ, рабъ своихъ.
Блаженный же князь Петръ и блаженная княгини Фе-
вронии во градъ свой ядаху, и державствующе во граде
своемъ, и ходяше во всѣхъ заповѣдехъ и оправданіихъ
господнихъ беспорочно, в молитвахъ впростанныхъ и
милостыняхъ, и во всѣхъ людехъ, под ихъ властною
сущиимъ, аки чадолубивый отецъ и мати: бѣста бо во
всѣхъ любовь равну инуца; не любляше гордости ни
грабловни, ни богатства тѣйнаго щадяще, но Богу
богатѣюще; бѣста бо своему граду истинная пастыря,
а не яко насеника, градъ свой истинною кротостию,
а не яростию правяще, страннаи приемлюще, ачючши
насыщающе, нагна одвѣающе.

Егда же приспѣ благочестное преставление; умоли-
ша Бога во единъ день будетъ преставленно ею, и
совѣтъ сотвориша да будетъ положена она во еди-

номъ гробѣ. И повелѣша учредить во единомъ каменѣ два гроба, одну токмо преграду мѣжду собою. Сани же во единое время облекшася во мѣшочскія ризы, и нареченъ бысть блаженный князь Петръ во инокескомъ чину Давидъ, преподобная же княгиня Феврония наречена бысть во инокескомъ чину Евросенія.

В то же время преподобная блаженная княгиня Феврония, нареченная Евросенія, во храмѣ пресвятыя соборныя церкви своими руками шилое воздѣхъ, на немъ же бѣ лѣкъ святыхъ преподобныхъ. Блаженный же князь Петръ, нареченный Давидъ, приславъ к ней, глагола: сестро Евросенія! хошу уже отати от тѣла, но жду тебе, яко да кунно отидемъ ко Господу. Она же рече: пожди, господине, яко да вошю воздѣхъ во святую церковь. Онъ же вторичею посла к ней, глагола: уже мало пожду тебе. Яко третичею посла к ней, глагола: уже бо хошу преставитися, иже жду (шу) тебе; она же останочное дѣло воздуха того святого шилое, уже бо еданаго святого ризъ не дошивъ, лице же нашивъ и преста, и вотче главу (1) свою в воздухъ и прверте нитю, ер же шилое, и пославъ к блаженному Петру, нареченному Давиду, о преставленнѣ купнень. И поможшася, продаста кунно святая своя душа в рудѣ Божіи мѣсяца Юня в 25 день.

Но преставленіи же ею, хотѣста людие, яко да по-

(1) Ошибка; слѣдуетъ: нгу.

Сей убо в рустей земли градъ нарицаемый Муромъ, в немъ же бѣ самодержавствуя благобѣрный князь Павелъ. Искони новавидя добра роду, человекю дивомъ всеми неприязненнаго, летящаго змиа в женѣ князя, того на

женѣ будетъ блаженный князь Петръ внутри града у соборныя церкви пречистыя Богородицы; Феврония же княгиня виѣ града в женстемъ монастыри да положитца у доркамъ Воздвиженна честнаго и животворящаго креста, ркуще: яко да во мѣшочстемъ образе не угодно положити святыхъ во единомъ гробѣ. И учредивша ина гробы особыя, и вложивша телеса ихъ в я: святаго Петра, нареченнаго Давида, тѣло вложивша во особый гробъ, и поставивша внутри града в церкви святаго Богородица доутриа, святаго же Февронии княгини, нареченнаго Евросенія, тѣло вложивша во особый же гробъ, и поставивша виѣ града в церкви Воздвиженна честнаго креста. Общей же ихъ гробъ, егоже сами повелѣша истесати во единомъ каменѣ, оста тецъ в томъ же храмѣ пречистыя соборныя церкви, иже внутри града. На утрне же воставше людие и обрѣтоша гробы ихъ особыя тѣми, в я же ихъ положиста; святая же тѣлеса ихъ обрѣтошася внутри града в соборній церкви пречистыя Богородица во единомъ гробѣ, егоже сами себѣ повелѣша истесати. Людие же неразумнии, якоже в животѣ о нихъ итущеся, тако и по честнѣ ихъ преставленнѣ, пакы преложиша я во особыя гробы, и пакы развесомша. И пакы на утрни обрѣтошася святые во единомъ гробѣ, в немъ же сами повелѣста, у соборныя церкви Рождества Пречистыя Богородица внутри града, еже есть далѣ Богъ на просвѣщеніи и на спасеніи граду тому: иже с вѣрою прериче къ мощемъ ихъ и неоскудно ищѣвения прислають.

ВАРИАНТЪ ТРЕТІЙ.

(Шестиску Шиперст. Публ. Биба, отд. XVII № 55.)

Сей убо в рустей земли градъ нарицаемый Муромъ, в немъ же бѣ самодержавствуя благобѣрный князь Павелъ. Искони новавидя добра роду, человекю дивомъ всеми неприязненнаго, летящаго змиа в женѣ князя, того на

блудъ, и являса ей яко вѣ баше естествомъ; приходивши же людие являшася своимъ мечты яко самъ князь; тѣми же мечты не мало время, пренде. Жена же того не тоаше, но повѣда, князю своему вся ключившася, и

зній, яко неприязный, есмь над нею. Князь же мысля что сотворити змиев, и недоумѣшася, и рече к жено своей: мысля, жено, но недоумѣюся: что сотворити неприязною змию: не вею бо того, како бы на него извести смерть; мыслѣ же заповѣдаю ти: блюди есмь, аще начнешь той лукавый зній глаголати каковы словеса, и вопроси его о семъ лъстивыми словѣсьми: вѣсть ли то лукавый и от чего ему смерть хочеть быти; и аще увѣси, то повѣдай мнѣ вскоре, яко да ты свободишися всяко в мыслѣхъ твоихъ алаго его дѣланья, и снѣжия, и всего скаредна, яко сирадно есть глаголати, въ будущемъ вѣцѣ судию величественнаго Христа милостива собѣ сотворити. Жена же таковой глаголѣ мужу своему в сердци своемъ приими твердо, во единъ же отъ дней неприязному тому змию прилѣтѣвшу к ней, она же, помяну заповѣданое слово мужа своего, нача тому треклятому змию многія речи с лъстиво простирати, и по многыхъ словесехъ вопроси его, яко хвала, речи (е): вижу, яко много вѣси, и веши ли свою кончину, и от чего ти будетъ смерть? Онъ же, лъстивый прелестникъ, прелестнѣ бысть отъ добрыя жены, или ея яко истинствующу к себѣ, и изрече ей тайную свою: смерть моя от петрова плеча, от агрикова нѣча. Жена же, слышавъ отъ него, и по отшествии его повѣда князю мужеву своему. Князь же, то слышавъ, недоумѣшася: что естъ ему смерть от петрова плеча, от агрикова нѣча. Пыташе же у себя приснаго брата ювейшаго себѣ, именемъ Петра зовома. Во единъ же отъ дней повѣда ему, брату своему Петру, подробну вся чиевы речи, яко сказа жонѣ его. Князь же Петръ, слышавъ отъ брата своего, яко зній изрече тезоименито ему смерти своей, и нача мыслити мужествово, не сунулася, каковы змий убити, но не вѣдый агрикова плеча: Пыташе же обычай ходити по церквамъ уединилася. Бысть же церковь в жевстемъ монастырѣ Воздвиженіе честнаго креста Господня; и приде к ней единъ воиновити. Яви же ся ему отроча, глаголи: княже, хочещи ли да покажу ти агриковъ мечъ. Онъ же рече: покажи ми. И рече отроча: иди во слѣдъ мене. И по-

каза ему во алтарной стѣнѣ между керениданъ скважню, в ней же мечъ лежаше; князь же Петръ, видѣвъ мечъ, нарицаемый агриковъ, и взя его, приде же в домъ свой, и повѣда брату своему князю Павлу. И от того дня начаша искати подобна времени. купно како погубити змию. В некое же время приключися блаженному князю Петру ирѣти в полату на поклонение брату своему; понеже явше обычай блаженный Петръ всегда приходити к брату своему на поклонение, яко бѣ инии его лѣты; и бывша у брата своего, потомъ иде в полату ко сношѣ своей, и видѣ у нея сѣдѣще мужа во образѣ брата своего, и взыде скоро из полаты, и срѣте нѣкоего челоуѣка от предстоящихъ брату своему, и рече: где естъ братъ мой? Онъ же повѣда ему, яко в полатѣ своей. Онъ же, разумѣвъ лукаваго пронырство змий и хоти испытати увѣдати, наки иде к брату своему в полату, и рече ему: когда убо семя приде? братъ же рече ему: азъ по твоимъ изшествіемъ отъ мене никако находилъ ис полаты своей. Князь же Петръ повѣда ему пронырство лукаваго змий и како виде у жены во образѣ его, рече же ему: отселе, брате, не изходи никако из полаты своей, дондеже азъ иду братися со змиемъ; ты же во время пробуди въ молитвѣ къ Богу: егда услышитъ Богъ молитву твою и подастъ ти помощь убити лукаваго змий. И тако увѣщавъ брата, и взявъ мечъ, нарицаемый агриковъ, и приде въ полату ко сношѣ своей, видѣвъ змию аракѣмъ брата своего сѣдѣща, и твердо увѣрився, яко вѣсть братъ его, но прелестный змий, и ударя его мечемъ толчко зѣло, яко зній возтрепета и бысть мертвъ, и явися яко въ баше естествомъ. Блаженный же князь Петръ нача его мечемъ сѣщи, дондеже до конца низложи; отъ неприязныя же его крови окровися лице блаженнаго князя Петра, отъ крѣпкаго его ударенія. И быша на блаженнѣмъ отъ той змиевы крови болезненныя струпы и язвы, и приде на ны болезнь тяжка зело, яко весь острунися. И искаше во своемъ одержаніи отъ многъ врачей, и изцѣленія не получи ни отъ одного. Понеже и бранъ его не быше с челоуѣки, но з дияволѣмъ; тако подобаше исполению

быти не от челоуѣкъ, но от божественныя силы, но реченному словѣси Господни во святемъ Еуангеліи: иже невозможно от челоуѣкъ, возможна суть от Бога, ему же слава имѣѣ, и присно, і во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Сущу же блаженному князю Петру в велицей болезни и слышавъ, яко в пределехъ реземскія области мнози врачеве жителствуютъ, и повѣле тамо вѣсти себѣ; бѣ бо немощенъ зѣло: от великия болезни на конѣ ѣздити не возможно. И егда присѣвши въ предѣлы разанокія, розосла весь спякыти свой искати врачей, яко да обратятъ таково врача, иже бы хто его от той болѣзни узрачевалъ. И повѣле общати врачемъ дары многи. Единъ же от того спякыти, иѣкто юноша, уклониса в-весь, наричому Ласкову, и приде к иѣкому дому, и не виде у вратъ никого; виде же в докъ, и не бѣ кто его ошутилъ; виде же и в хранину; і виде: седяше бо одна дѣвица, точаше поставъ; предъ нею же склечеть заецъ. Дѣвица же бысть яко в сомѣнїи, и нача глаголати иѣкакыи странныи глаголы, яко не удобразимыи юношо тому. Рече бо: нехѣно есть быти дому без ушей; а храну безъ очей. Юноша же не разумѣ глаголъ ея, и рече к девице: повѣждь ми, дѣво: гдѣ есть господниъ дому сего? Она же отвѣща со многинъ разумомъ: господниъ дому отецъ ми есть, но идоша с матерію моею вкуитъ в заимы плакати. Есть бо у меня и братъ, но поиде чрез ноги в нави зрѣти. Юноша же, слышавъ зѣщъ подобну чудеса, яко не разумѣ ни единого от глаголъ ея и дивляшоса, рече: о дѣво! вижу ты мудру сущу: виддохъ к тебѣ, і видехъ ты дѣлающа поставъ, и предъ тобою забца скачюща; и слышавъ от устъ твоихъ глаголы иѣкыи странныи, еже азъ не могу разумѣти! Она же глагола ему: челоуѣче, сего ли не разумѣши? Рече бо снѣ не суть странныи и незнаемы, иже глаголеши, но всякыи простоты исполнены, и аще не разумѣши, азъ ти повѣдаю простую беседу: приидель бо еси въ докъ мою, і въ хранину виде, видель ми въ толлице простоте седящу безобразну и всея дѣлноты лишешу, и аще бы в дому у мою былъ песъ, и ошутивъ ты к до-

му приходяща, аиу бо онъ естествомъ и безсловесенъ; но могъ бы ми бреханнемъ своимъ приходъ твой возвестити: то бо есть дому уши: и аще бы у меня в хранине сей было отроца, и видѣлъ ты еси хранинѣ приходяща, то бы мнѣ повѣдало: се бо есть очи хранину. Отецъ же мой и мати поидоша на погребеннѣи жертваго, да тамъ над нимъ плачють; егда же они проставится от жития сего, і над ними такожде учнутъ плакати: се бо есть земный плачь. Отецъ же мой и братъ древоделцы суть; в лѣсе бо от дрѣвни медъ смлютъ; и нимѣ иде братъ мой на таковое дѣло, яко лѣсти ему древо в высоту: чрез ноги долу зрѣти, еже бы не отторгнути и не лишитиса живота своего. Юноша же рече: о дѣво! вижу бо ты мудру сущу: повѣждь ми ния свое! Она же отвѣщавши рече: ния ми есть Февронна; повѣдай же и ты ми а собѣ: кто ты еси, и откуда, и како гредеши, и чего ради сею придохъ? Онъ же рече: азъ есмь от предстоющихъ муромскаго князя Петра. Князь же мой, нимѣ болѣзни зѣло тяжку и многи азвы на утѣлѣ своемъ и струны, понеже окровленъ бѣ отъ неприязнонаго лѣтащаго змѣя, егоже убилъ своею рукою, і во всемъ одержаниі искаша исцеленнѣи от многахъ врачевъ, и не получи, и сего ради зѣло собѣ сею привезти; слышавъ, яко суть здѣ врачевѣ мнози, и ныне во страну сию придохохъ, и не зѣимъ како иѣбнууться, или гдѣ пребывають врачеве, и о семъ молю ты повѣдати ми: аще гдѣ еси извѣстно зѣси врачевъ? Она же рече: аще бы кто требовалъ князя твоего себѣ, могъ бы его узрачевати. Юноша же рече: что, убо, дѣво, глаголеши? кому бо требовати князя моего себѣ: аще кто узрачуетъ его, князь мой дастъ ему нѣмнѣи многа; но скажи ми врача того: кто есть, и како жилище его? Она же рече: да привезите князя своего сею. И аще будетъ мягкосердыи и смиренъ во отвѣте, да будетъ узрачеванъ. Юноша же возвратиса ко князю своему, и повѣда ему вся поряду и подробну, еже видо и слыша. Благовѣрный же князь Петръ, слышавъ такова глаголы, удивиса разуму дѣвичю, и рече

к предстоищичъ: дойдите ли гдѣ есть она дѣвица. Предстоица же, слышавше повѣщеніе князя своего, повѣдоша его, и доидоша дому того, и несть же бѣ дѣвица. И посла к ней князь юному спросити: гдѣ есть той врачъ хотяи на уврачевати? Слуга же, пришедь к ней, спроси ю; она же рече: шедъ повѣдай князю своему, яко азъ есмь: хошу врачевати его, но витина его не требую; имамъ к нему слово таково: аще имамъ супруга быти ему, то могу уврачевати его. Слышавъ же человекъ той, шедъ повѣда князю, яко слыша от нея. Князь же Петръ помысливъ себѣ: како ни, князю сущу, древоделцеву тщерь поити жену себѣ, но изнемогаше болезнию зело и зжалнися, посла к ней, рече: что есть врачество ея, да врачуютъ: имамъ поити ю в жену себѣ. Человекъ же той пришедь, слово княже повѣда ей. Блаженная же и преблагенная, не требуа многаго врачевания, но токмо вземъ сосудецъ мала, и почерне выслакти своея, и дуну на нѣ, и благослови я; и даде слуге, рече: приими сие, и шедъ отнеси князю своему, и повѣле (и) прежде учредить баню измитися ему водою, и потомъ да помажется снѣгъ по всему тѣлу, токмо единъ стругъ оставитъ не показавъ, и будетъ здоровъ. И принесе слуга показавше то ко князю, и вся глагола ея повѣда ему; князь же повѣле баню учредить і восхоте блаженную искусити вренурости ея ради, якоже слышахъ глаголы ея от ювони своего. И посла к ней со единымъ отъ слугъ своихъ едино повѣсно льну, глагола: яко сна дѣвица хоцетъ ли супруга быти мудрости ради, и аще мудра есть, да учинитъ ми в семь повѣсно срачицу, и порты, и убрусецъ, в ту годину, в нуже азъ пребуду в банн. Слуга же принесе ей повѣсно льну, и княже слово сказа ей; она же, ни мало смутнися, но рече слуге: взиди на печь нашу и вземъ полѣнца, спеси сено. Онъ же послуша ея и спесе. Она же повѣле ему отперети нади единымъ утникомъ и отсеци. Слуга же повѣдннн ея сотвори, отсече утникомъ. Она же рече: возми себѣ утникомъ, отнеси князю своему, и рцы ему отъ жнѣ: в кий часъ азъ очншу повѣсно сие, а князь

твой да приготовитъ ми в семь утницъ в ту годину станъ и все строенно, чимъ сочтетца полютно его. Слуга же принесе князю утникомъ полѣнца и рцы блаженныя вси повѣда ему. Князь же, слышавъ, удивнися отъбту ея, и посла того же слугу: шедъ і рцы дѣвнцы, яко невозможно есть в такоу мале древце і в малу годину спсеза строення сотворити. Слуга же пришедь в слово княже сказа ей. Она же рече: а се ли возможно есть человекъ мужеска возраста во единомъ повѣсно і въ такоу годину, в неже в банн пребудеть, сотворити срачицу, и порты, и убрусецъ. Слуга же отаде и повѣда вси ея отъбты. Князь же, слышавъ, похвали ю. И по времени иде князь мытнся въ баню; и повѣщенннъ блаженныя показа онимъ князю, яко уготова ему блаженная, вся свои струны и измы, и единого же струпа не показа повѣсннннъ ея, измы же изъ банн, и бысть здоровъ, яко ничинъ болѣзнуа; и уарѣ до конца тѣло свое чисто и здорово, разѣв единого струпа и (же) бѣ не показавъ, и дивашеся князь скорому своему исцеленню, и бысть в размисле мнозо за оно слово, еже обѣщавшуса ему блаженную безрочнню поити в жену себѣ, безотчества ея ради. И посла к ней дары многи, и повѣле глаголати ей: яко не возможно князю поити та в жену себѣ безотчества твоего ради. Она же даровъ не приа, и глагола к слуге: шедъ, рцы князю своему, яко онъ во истиннѣ не пребываетъ; есть же истинствуай, яко надо всеми смѣ: той сотворитъ, яко восхоцетъ.

Князь же Петръ поеха во отчину свою во градъ Муромъ здоровствуя. И нача на немъ пакн струны являтися отъ того единого струпа, яко бѣ не показавъ, единъ по единому, и бысть весь острупенъ, и виде себя в болѣзни велицей, пакн возвратнся на готовое исцеленне ко блаженнѣ. Яко прише к дому ея, посла к ней с поленнемъ и з дары, прося врачевания и скората исцелення. Она же ни мала гнѣва подержавъ, и рече слугамъ его: аще будетъ ми князь супружннкъ, да будетъ уврачеванъ. Слуги же, шедше, возвѣстнша князю своему. Онъ же обѣщася с клятвою поити ю в жену себѣ, аще исце-

леть его. Она же увѣрися, и наки таково же врачеванія посла к нему, яко и прежде. Онъ же по предреченному сотвори: показа все струны своя и не остави ни единого не показана, и бысть весь здравъ, яко николиже болеть. И поеха во отчину свою во градъ Муромъ, вѣсть и блаженную с собою с великою честію: и дошедше града Муромъ, благословеніемъ епископа града того, сотвориша бракъ честенъ, поа блаженную в жену собѣ, і вѣчанъ бысть с нею в соборной и апостольской церкви, і радость велиа бысть во граде. И живяста блаженни во всякомъ благочестіи, и ничтоже отъ заповѣдей Божіихъ оставяюще, во все житие свое в сиренинѣ, і в протости, і во страхѣ Божіи провождающе.

По мале же времени старѣйшій братъ блаженного князя Петра, князь Павелъ, отъ житія сего отиде; благовѣрный же князь Петръ по брате своемъ бысть единъ самодержецъ граду Мурому. Ненавидя же добра врагъ дьяволъ вложи ненависть болярѣмъ его: начаша блаженна князья Февронія не любить, женъ ради своихъ, яко бысть не болярского роду, Богу же прославляюще ея добраго ради житія ея.

Чудо блаженна како предлагаше хлѣбныя крохи въ емникъ.

Нѣкогда отъ предстоящихъ слугъ ея приде ко благоверному князю Петру; и навади на ню, яко, рече, отъ стола своего безчестно исходитъ, вѣнегда убо востати ей, взинаятъ въ руку свою крохи яко гладна. Благовѣрный же князь Петръ, хотя ю искусити, повѣле ей обѣдати с собою за единымъ столомъ. Егда же скончаша обѣдъ, она же, яко же наше обычай, взявъ отъ стола в рукавъ свой крохи; князь же Петръ, примѣ ю за руку и разверзе, видо лаванъ добровоненъ и емникъ; и отъ того дѣян остави ю ктому не искушати. По прозе же времени придоша к ней съ яростию боляре его, рекуще; о княже! хочемъ ти вси праведно служити и самодержецѣмъ ти нѣбѣти, но князья Февронія не хочемъ, яко господствуетъ женами нашими; аще же хочешъ самодержецѣмъ быти, да будетъ ти неа кня-

ня; Февронія же, взявъ богатство си довольно, и отидеть аможь хочеть. Блаженный же князь Петръ, якоже бѣ ему обычай, ни о чемъ же ярости не имѣа, со смиреніемъ отвѣща: да глаголиа Февронія, и якоко рочеть, тогда слышишь. Она же наполнишася неистовія и безстудія, умыслиша учредити явръ, и сотвориша; и егда быша весели, начаша простирати безстудныя своя глаголы, аки вси брешуще, отнимающе у святыхъ Божіихъ даръ, егоже и по смерти ея Богъ неразлучно обща, глаголаху; о госпоже, княгиня Февронія! весь градъ и боляре вси глаголютъ: даждь намъ его же просишь у тебѣ. Она же рече: возниа его же просита. Она же едиными усты реща: ны убо, госпоже, вси князя Петра хочемъ, да самодержествуетъ надъ нами; тебѣ жь жены наши не хотять, яко господствуютъ надъ нами, но вземъ си богатство довольно, и отиди аможь хочещи. Она же рече: общахся вамъ, яко елико аще просите, приимѣте; азъ же вамъ глаголю: дадите ли его же азъ попрошу у васъ! Они же, зливъ, тому ради быша, не вѣдуще будущаго, и глаголиша с клятвою: яко аще речеши единою, бѣзъ пресловія возмещи. Она же рече: ничтоже ино прошу, токмо супруга моего князя Петра. Боляре же рѣша ей: аще самъ восхощеть, ничтоже ти глаголемъ. Врагъ бо наполни ихъ злыхъ мыслей: яко аще не будетъ князь Петръ, то поставимъ иного самодержца; кийждо отъ боляръ его держаще во умѣ своемъ, яко самъ будетъ самодержецъ. Блаженный князь Петръ не возлюбѣ временнаго самодержества противъ Божіихъ заповѣдей, но во заповѣдемъ Его шествуя и держася ихъ, яко богогласный Матеевъ и по (во) своемъ благовѣстїи вѣщеть, глагола: аще кто пуститъ жену свою развѣ словѣси прелюбодѣйнаго, и оженится иною, прелюбодѣи творить. Сей же блаженный князь Петръ по евангелію сотвори: одержаніе свое яко уцѣлы вѣрїи, да заповѣди Божїи не разрушитъ. Они же, зливъ боляре, даше имъ суды на реце, глаголемей Оке, яже и до нынѣ подъ стеною града того; и тако отидоша отъ своего отчества, упованіе возложше на всемогущаго Бога, промышляющаго своимъ угодики.

О прозорливии блаженных в шквемъ человецѣ лукавго помысла.

Шлюющихъ же ихъ по рече в судехъ, и некий человекъ бѣ у блаженныхъ княгини Февронии в суде, его же и жена в томъ же судно бысть, той же человекъ, принесть помысль от лукаваго бѣса, и возре на святую с помысломъ. Святая же разумѣ духомъ злыи его помысль, и вскорѣ обличи его, глагола ему: почерпи воды из реки сию сторону судна сего. Онъ же почерпил. И повѣла ему пити. Онъ же испи. И пакы повѣла ему святая почерпнути з другую сторону судна и испити. Онъ же сотвори тако. Она же рече: коя вода сладшеи? Онъ же отвѣща: одна есть вода и вкусъ единъ. Святая же рече ему сице: и женское естество едино есть. Ты же, свою жену оставя, на чюжую мыслиши. Человекъ же той увиде, яко в ней есть прозорливый даръ, бояся ктому таковая помышляти.

Вечеру же приспѣвшу, начаша ставитися на брѣзе; блаженный же князь Петръ нача помышляти: что се будетъ, елико волею гонзну самодержаста; предивная же княгиня Феврония глагола ему: во скорби, княже: милостивый Богъ, творецъ и промысленикъ всему, не оставитъ ны в нищете быти!

Чудо блаженныхъ о древнѣхъ.

На бресе же томъ блаженному князю Петру на вечерю его идъ готовилеху, и нечто поваръ его древца намы, на нихъ же котлы висаху; по вѣчери же святая княгиня Феврония ходяще по берегу, и видевши древца тма, и благослови я, глагола: да будутъ сиа древца на утрои велика древца, ниуще вѣтвля и листвля. Еже и бысть. Воставше бо заутра, обрѣтоша тма древца велика древца, ниуще вѣтвля и листвля.

О пршествовѣи людей от града Мурома.

И яко же хотяху люди ихъ рыхлю метатися в суди се брѣга, и абие придохша великожи от града Мурома, молаше и глаголюще: о господине княже! от всехъ великожи и от всего града придохомъ молити тя, да не оставиши насъ сырыхъ, но возвратиши на свое отечество! Мнози бо великожи во граде погибша от

меча, кийждо бо ихъ хотя державствовати, сами ся изгубиша, а оставшии со всею народомъ молятъ тя, глаголюще: о господине княже! аше и прогневахомъ тя, и раздражихомъ, не хотяще да княгиня Феврония господствуетъ женами нашими, нынѣ же со всеми дома своими раби есмы ваю, хочемъ, и любить, и молити, да не оставиши насъ, рабъ своихъ. Блаженный же князь Петръ и блаженная княгиня Феврония возвратистася во градъ свой, слава Бога, прославляющаго своя угодики. И бѣху державствующе во граде томъ, ходяще во всехъ заповѣдехъ и оправданнѣхъ Господнихъ без порока, и в непрестанныхъ молбахъ и милостнѣхъ ко всею людемъ, сущимъ под областю ихъ, аки чадалюбивыи отецъ и мати бѣста ко всею, и любовь равну ниущо, и любяще гордости, ни грабленна, но в Бога богатвлюще; бѣста бо всему граду истинная настира, а во яко наемшики; градъ бо свой истинно и протостию, а во яростию правяще, странныи приемлюще, алчныи насыщающе, нагна одѣвающе, бѣдныи от накази забавляюще, и во всякомъ благочестнѣ пребывающе и угождающе Богу, ему же слава и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ.

Егда же присаѣ благочестное ихъ преставленно, умолиша Бога, да во единъ часъ будетъ преставленно ихъ. И соизвѣ сотворивше, да будутъ положены во единомъ гробѣ и повѣлеста си учредити во единомъ камени два гроба, одну токмо преграду ниуще между собою; сами же во едино время облещася во нишеския ризы; и наречомъ бысть блаженный князь Петръ во нишескомъ чину Давидъ, преподобная же Феврония наречена бысть во нишескомъ чину Евросиния.

В тоже время преподобная и блаженная Феврония во храмъ пречистыя Богородицы соборныи церкви свояи рукама шыаше воздухъ, на немъ же ликъ святыхъ. Прблаженный же князь Петръ присла к ней, глагола: о сестро Евросиния! хошу уже отити от тела; нужду ты, яко купно отидемъ. Она же отрече: ножди, господине, да дошю воздухъ во святую церковь. Онъ же второе посла к ней, глагола: уже наю ножду ты. Якоже тре-

твиею посла к ней, глаголя: уже хочу преставися, и не жду тя. Она же остави точное дѣло воздуха того святаго шьяше, уже бо единого святаго ризь еще не шивъ, лица же нашивъ. И преста, и вотче нгулу свою в воздухъ, и привертѣ витию, ею же шьяше, и посла ко блаженному Давиду о купнѣхъ преставленнѣ; и помолвнхъся, предаста святыя своя души в руке Божии мѣсяца Июни въ 25 день.

По преставленнѣ ихъ же, восхотѣста людию положити блаженнаго Давида внутри града в соборной церкви пречистыя Богородицы, святыя же Евфросинии положиша тѣло въ градъ в женственъ монастыре в церкви Воздвижения честнаго креста, глаголюще: нево мнѣшномъ образе не угодне есть положити ихъ во единомъ гробѣ; и утредиша ихъ гробы особныя, и вложивше в нихъ тѣлеса святыхъ; святаго князя Петра тѣло поставиша внутри града в соборной церкви доутрея, а святыя Евфросинии тѣло поставиша въ градъ в цер-

кви Воздвижения честнаго креста; общій ихъ гробъ, егоже святѣи сами повѣлеша истесати во единомъ камнѣни, остави (ша) тощъ в той же соборной церкви. На утрие же вставше людие, обрѣтоша особныя гробы ихъ тощѣ, в нихъ же ихъ вложиста; святая же тѣлеса ихъ обрѣтоста внутри града в соборной церкви Рождства Пречистыя Богородица во единомъ гробѣ, его же сами себѣ повѣлеша сотворити; людно же неразумни, якоже в животе о нихъ матущеса, тако и по честнествѣ ихъ преставленнѣ, пакы преложиша я в особныя гробы, и пакы разнесошася; и пакы же на утриа обрѣтостася святѣи во единомъ гробѣ. И ктому не смелку прикоснутися святыхъ тѣлесемъ ихъ. И положиша я во единомъ гробѣ, в векъ же сами повѣлеша, въ соборной церкви Рождства Пречистыя Богородицы, внутри града, яко даде Богъ на просвѣщенне и на спасенне граду тому. Аще бо кто съ вѣрою приходитъ в раце ношей ихъ, неоскудно исцеленне приемлетъ.

... и ктому не смелку прикоснутися святыхъ тѣлесемъ ихъ. И положиша я во единомъ гробѣ, в векъ же сами повѣлеша, въ соборной церкви Рождства Пречистыя Богородицы, внутри града, яко даде Богъ на просвѣщенне и на спасенне граду тому. Аще бо кто съ вѣрою приходитъ в раце ношей ихъ, неоскудно исцеленне приемлетъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ ПЕРВАГО ВАРИАНТА.

Мы же во силѣ вашей, да приложимъ хваленіе вамъ. Радуѣса, Петре, яко дана бысть отъ Бога власть оубити яко летящаго свирѣпаго змія! Радуѣса, Февроніа, яко в женстей главѣ святыхъ поужь мудрость нишла еси! Радуѣса, Петре, яко струны и языы на телѣ своемъ нося доблественно скорьби претерпѣль еси! Радуѣса, Февроніа, яко отъ Бога нишла еси даръ въ дѣвственней юности недоуги исцелити! Радуѣса, славнымъ Петре, яко зановѣди ради Божіа самодержьства волею отступил, яко во оубавити супруга своего! Радуѣса, дивная Февроніа, яко твоиѣ благословеніехъ во единой нощи на лже древію велико возрасте и изнесоша вѣтви и листы! Радуѣса, честная глава, яко во удержавиіи васю, въ смиреніи, молитвахъ, и милости, и безъ гордысти пожиста, гнѣвно и Христовъ дастъ вамъ благодать: яко и по смерти телѣса васю неразлучно во гробѣ лежаша, духомъ же предстоѣта владыцѣ Христу! Радуѣтася, пренодобная и преблаженнаѣ; яко и по смерти исцѣленію с вѣрою к вамъ приходящихъ невидимо подаета, по молитвы, и преблаженнаѣ супруга Февроніа, помолитесь о насъ, творещихъ вѣрою память вашу! Да помянете же и мене грѣшнаго, сивсавшаго сію, елико слышахъ, но вѣдыв, аще выи соуть написали, вѣдоущо выше мене. Аще оубо грѣшенъ есмь и гробѣ, по на Божію благодать и на щедроты его уповаю, и на ваше моленію ко Христу надѣсаю, и трудихса мыслени, хотѣвый на земли

хвалити почитити, и оу хвалахъ коснухса хотѣхъ вамъ, ради вашего смиренія, и самодержьства, и пренодобства, и по преставленіи вашемъ вѣнцы власти и по оунгѣненію коснухса, прославлены бо есте на небесѣхъ и вѣнчани истинными и вѣнчанными вѣнцы отъ общаго владыки всѣхъ Христа, оуможе подобостъ со безъначальнымъ Отцемъ, коупно со пресвятыхъ, благимъ и животворящимъ Духомъ, всака слава, и честь, и поклонанію; и нынѣ, и присно, и во вѣки. Аминь.

ЗАГЛАВІЕ ВТОРАГО ВАРИАНТА.

Лица Іова съ еѣ домъ. Почѣсть ѣ житла стыхъ помыхъ чедоторцовъ абромскихъ елагосѣраго кнѣза Петра, нареченнаго ко иноческому чинѣ препимаго и достоудалаваго дѣда. и свѣрѣги его елагосѣрымъ кнѣзю Февроніи нареченнаго ко иноческому чинѣ пркнѣмъ Валеріи достоудалаваго. Елагослави, ѣчи!

ПОСЛѢСЛОВІЕ ВТОРАГО ВАРИАНТА.

Мы же во силѣ нашей да приложимъ хваления вамъ. Радуѣса, Петре, яко дана ти бысть власть отъ Бога оубити змія летящаго! Радуѣса, Февроніе, яко в женстей главѣ святыхъ мудрость нишла еси! Радуѣса, Петре, яко струны и языы на тѣлѣ своемъ нося, доблественно скорби претерпѣль еси! Радуѣса, Февроніе, яко отъ Бога претерпѣла (1) еси даръ въ дѣвственнѣй

(1) Вѣроятно: нишла.

юности недуги исцелати! Радуйся, Петре, яко заповѣди ради Божия самодержавства волею отступи! Радуйся, дивная Феврония, яко твоишь благословеніи въ одну ночь малое древо велико возрасте и внесоша вѣтви и листіи! Радуйтася, честныя глави, яко во одержанніи ваю, во смиренніи, и въ молитвахъ, и въ милостыни, без гордости поживста; тѣмже Христосъ дарова ваю благодать, яко и по смерти тѣлеса ваю неразлучно во гробѣ лежаше, духомъ же предстоите владыце Христу! Радуйтася, преподобная и прелюбленная, яко и по смерти исцеленіе вѣроу к ваимъ приходящихъ невидимо подаваста! Но молите вы, о прелюбленная супруга, покланяетеся о насъ, творящихъ вѣроу на вѣсть вашу, до поминста же и мене, грѣшнаго, списавшаго сего, елико слышахъ, не видѣи аще иныи сущи написали, вѣдуще наче мене. Аще бо и грѣшнѣесть въ гробѣ, но на Божію благодать, и въ щедроты его, и на ваше похощеніе ко Христу надѣяса, трудитася мыслями, хотя вы на земли хвалени почитати и во у хвалы коснухся. Хотѣхъ ваю вашего ради смиренія, самодержавства и преподобства, и по преставленіи вашемъ вѣнца власти и плетения коснухся. Прославленіи убо есте на небесехъ и вѣнчани истинными потлѣнными вѣнцы от общаго владыки Христа, ономуже подобаетъ всякая слава, честь и поклоненіе, со безначальнымъ Отцемъ, купно и со пресвятымъ, благимъ и животворящимъ Духомъ, вмѣстѣ, и присво, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ЗАГЛАВІЕ И ПРЕДСЛОВІЕ ТРЕТЬЯГО ВАРИАНТА.

Житіе и жизнь и блаженіе чюдеса святаго славотворнаго князя Петра со иноцехъ Аѣда и святаго славотворнаго княгини Февроніи со иноцехъ Вулагоніи. муромскихъ чюдотворницъ. Благки бѣи.

Богу и Отцу, и присносущному слову Божию Сыну, і пресвятому и животворящему Духу, единобожию естеству, безначальному, купно в Троице воссѣваему, и славиму, и почитаему, и вѣруему, і пресвосносиму, і поновѣдуому, і благодариму, Содѣтелю і Творцу невидимо-

му, и неописану, изкоимъ самосилну, неизреченною обычною си премудростію совершающему и строящему всическая, и прославляющему, еже хотя своимъ самовластиемъ, яко же бо исперва сотвори небеса, ангелы своя духи и слуги своя огнь налицѣ, умни чинове безтѣлесная воинства, ижеже несповѣдино есть величество, якоу уму человѣческому невозможно постигнути, і вся невидимая сотвори, еже не сущи вѣдома чловѣкомъ, видимую же тварь сотвори: небесная стихія, солнце, луну, звѣзды, и на земли дрвие созда чловѣка по своему образу, и ниже тѣлесный видъ разумѣ, ино мысленный, еже Содетель отъ своего трисолнечнаго Божества подобіемъ тричисленно лично дарова ему: умъ, слово, духу (ъ); еже пребываетъ в чловѣцехъ умъ, яко отецъ слову, слово же исходитъ отъ него яко сынъ посылаемъ; на вѣсть же духъ почнетъ, ибо у коегождо чловѣка нао устѣ слово без духа исходити не можетъ, но духъ с словомъ исходитъ, умъ же началствуетъ. Да не продолживъ слова отъ твари члвчій (ѣ), но на подлежащее возвратимся. Богъ же безначальный, создавъ чловѣка, почте и надо всѣмъ существомъ постави его и любя же в чловѣчествѣ роде вса приводинки, грѣшныя же милуа, хотя бо висомъ спастися і в разумъ истинный прийти. Егда же, благоволеніемъ Отчиихъ, и своимъ хотѣніемъ и спосѣшествіемъ Святаго Духа, единъ отъ Троицы Сынъ Божій ни шнѣ ни явнѣ (ѣ) но тойже Богъ Слово Сынъ Божій благоволи родитися плотию отъ Пречистыя Богородицы Маріи, и бысть чловѣкъ, еже мѣ (ѣ) бѣ на земли ходи, и никакоже Отчиихъ вѣдрѣ отлучиася, обаче же і в Пречистую его Матерь Божественное естество его пребысть неизреченно, и никакою притчею повѣдати возможно, или къ чему приложити, зажеже вса тварь его есть; но твари же его разумѣяснѣ безъ страсти его, ібо аще какову стоящу (древу) на земли, солнцу же с небеси силіиущу навѣ, в ту же годину дресу тому аще случитца посякати быти, и силъ страдати, лучъ же солнечный отъ дреса то (го) не отступитъ, ниже посякетца со дресомъ, того не отступитъ, ни стражетъ. Глаголемъ

о салце и о дръвѣ, повеже тварь его есть; Зикителя же и Садѣгола вензлаголавоу есть; себо пострада за ны влѣтны, і грѣхъ наша на крестѣ приплоди, всаунувъ от ниродержителя лосца цѣвою чествомъ своимъ кровію; о семъ бо рече ны Павелъ: побудите раба челоуѣкомъ, куплеви бо есте ценою кровію Христовою. По распятии же Господь нашъ Исусъ Христосъ тридневно воскресъ, і в чотыредесатый день вознесся на небеса, и селъ одесную Отца, и посла Духъ Святый на святыхъ своихъ ученики и апостолы. Они же всю вселенную просвѣтиша святыми крещеніемъ, и следи во Христа крестипася, во Христа облекошася, да не отступаютъ отъ заповѣдей его, но яко лесцы и блонители, яко не крещеніи оставаше заповѣди Божіи и астиася шира сего красотани, во яко же пророцы и апостолы, и музониды, і вси святіи, Христа ради пострадаше в скорбѣхъ, в бѣдахъ, в тѣснотахъ, в ранахъ, в томнидохъ, в востростныхъ, в трудахъ, во бѣднлахъ, во очищенныхъ, въ разумѣ, в долготерпѣніи, во благости, в Дусе свято, в любви полицентриче, в словѣси истинне, в силѣ Божіи, яко сѣдомы суть единому вѣдущему тайны сердечныя, ниже землю просвѣтилъ, яко вобо зѣлани украсилъ, и почто ихъ чудотворенныи, семъхъ убо ради молитвъ, и покаяния, и трудовъ, омыхъ же нужества ради і смирення, якоже сихъ святыхъ прослави, о нихъ же намъ слово предсказать.

ПОСЛѢСЛОВІЕ ТРЕТЬЯГО ВАРИАНТА.

ПОХВАЛА.

Мы же во силу нашей да приложимъ хваления нна.
Радуѣся, княже Петръ, яко на тѣбѣ бысть отъ Бога

власть убити летящаго змиа! Радуѣся, княгиня Оеврония, яко в женстей главѣ святыхъ нужъ мудрость нѣла еси! Радуѣся, княже Петръ, яко струны и азмы на теле своемъ нося и доблестивннѣи скорби претерпѣлъ еси! Радуѣся, Оеврония, яко от Бога нѣла еси даръ в дѣтственной юности недуги цѣлнты! Радуѣся, княже Петро, яко заповѣди ради Божия самодержавства волею отступн, еже не остави супруги своея! Радуѣся, дивная княгиня Оеврония, яко твоимъ благословеніемъ во одну ноць малое дръвце велико возрасте, і ветви и листы испусти! Радуѣся (таса), чистѣи главѣ, (и) воздержаниіи ваю, в молитвахъ, и смиреннѣи, і в милостынѣ, безъ гордости кожиста, тѣмъ и Христосъ даде намъ благодать, яко и во смерти тѣлеса ваша неразлучно лежать, духомъ же предстоита владыце Христу! Радуѣтася, преподобная и преблаженная, яко и во смерти исполненне с вѣрою к намъ приходящнхъ невидимо подаете, но молитъ вы: о преблаженная супруга, помолитася о насъ, творящихъ вѣрою память вашу, да воижеотъ же и неиѣ, прегрѣшншаго, списавшаго сие, не вѣды, аще ннн суть занисали; вѣдуще рыше неиѣ; аще бо грѣшенъ есть и грубъ, но на благодать Божию и на щедроты его уповаю, и на ваша моленне ко Христу надѣяхся, трудихся мыслыи, хотя вы на земли хвалани почести, и не у хвали коснухся: хотѣхъ вамъ, ради вашего смиреннаго самодержавства и преподобства, но преставленнѣи вѣнемъ вѣннца влѣсти и не уплетеннн коснухся. Прославленн бо есте на небестѣхъ, і вѣнчани истинныи і вѣтленныи вѣнцми от общего всехъ владыки Христа. Ему же честь и слава, купно со со безначалнымъ его Отцемъ, и с пресвятымъ, и благимъ, и животворящимъ Духомъ, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Повѣсть эта принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ созданіямъ древней нашей письменности и представляетъ драгоценный матеріалъ для изученія какъ народныхъ вѣрованій и понятій, такъ равно и для древняго быта. Основа ея очень древняя: загадка, составляющая важнѣйшій интересъ разсказа, находчивость и умѣнье выйти изъ затрудненія, обладаніе тайными силами на пользу человѣка. Повѣсть наша имѣетъ поразительное сходство съ старинною малороссійскою сказкою *о дівці семилітці*, которую для объясненія мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь на южнорусскомъ языкѣ.

Будь собі панъ, и загадавъ вінъ своїмъ людемъ загадку; и каже, що до ту загадку якá дівка, абб удовá одгадає, то вінъ її за паню собі візьме. А загадка та була ось-яка: *що є на світі надъ усє ситчійшє, шендчійшє и жидчійшє?* Отъ и стали приходити до пана люде; одиный каже: у мене дівка оттакъ велиа сказати, другий тебє, третій ще йнше; хто каже ситчійшє надъ усє свиная, шендчійшє — кошеня а жидчійшє — дитина.... а другі по свєому казали. А панъ имъ отказує: «ні, не тєс. Коли приходитъ до пана чоловікъ, бідний-бідний, саме послідній на селі и каже: «у мене, паню, є дівчина семилітка, послала мене до вашої милости, каже: ситчійшє надъ усє земля, шендчійшє око, а жидчійшє сонъ.» Панъ, якъ почувъ, такъ ажъ у долоні сплеснувъ: «якъ разъ такъ!» каже. — Треба її свѣтати, а панюві не хочетьца, бо вінъ єсть панъ, а вона прѣста, и ставъ вінъ думати — якъ-би одъ неї одвѣзатися. Отъ и послале вінъ свѣтитъ и давъ имъ лєць голубчійхъ. «Отдайте, каже, їй, щобъ вона живи къ світу голубчійхъ.» Отдайте, каже, їй, щобъ вона виросла, а на обідъ панюві носпіли. «Ті и пішли; увіходять у хату; отъ дівка сидить самá собі, гола, та красна гче, и каже имъ: «ви-

бачайте, панюво-сваті, що я гола, бо у мене хата безъ очей и безъ ушей, а хочъ и є очи, та завязані.» Ті стоять новачє дурні, нічого не второпаютъ: трѣхи постоляли, та и кажутъ: «за дѣ твою батько та мати?» — А вона имъ каже: «батько поїхавъ у лєсъ, а мати пішла на забивъ плаката.» — «А коли жъ батько твою вєрнетца?» питають сваті. — А вона каже: «коли поїде на обїздъ, то сєгодня ввєчєрї вєрнетца, а коли навпростецъ, такъ дохá не почуватимє.» Ті нічого не второпаютъ, тілько плечима адвигаютъ. А вона имъ каже: «чимъ же васъ панюво сваті частувати: чи прибилю, чи ўбилю, чи тинъ, що на пана Бѣга дивитца?» Сваті и кажутъ: «скажи, будь ласкава, дівчїно, що се ти такѣ говоришъ що ни нічого не второпаеть.» А вона каже: «за ви зъ своїмъ панюмъ уміете загадки загадовати, а одгадати не вивалили, мабутъ! А то бачте: що я сказала, що вь мене хата безъ ушей и безъ очей, а хочъ и є очи, такъ завязані, такъ то — що у васъ вь хаті вікна віконницями позачинювані, а на дворі собáки нема; бо якъ-би собáка була, такъ би дзвїгнула, а бь и почувла, а якъ-би віконницї не були зачинєні, то я бь у вікно глянула, такъ побачила бь васъ, та и одяглась. Отто жъ воно и єсть: що хата безъ ушей и безъ очей, а хочъ и є очи, такъ завязані. А те, що я сказала, що батько вєрнетца ввєчєрї, коли на обїздъ поїде, а коли навпростецъ, такъ дома не почуватимє, такъ то — що прима́ дорога до лєсу перекѣпана; коли батько поїде навпростецъ, то поламає візь, то и почуватимє къ полі, а коли на обїздъ поїде, то такъ дорога хороша, и вінъ носпіє у вєчєрї прибути. А те, що я сказала, що мати пішла на забивъ плаката, такъ, бачте, у сусїда дитина вмерла; мати и пішла надъ нею сидїти, а якъ у васъ помрє, такъ сусїда приїде надъ нашою сидїти: отъ воно и єсть, що на забивъ плакати. А то, що я сказала чимъ

насть частувати: чи прибллю, чи убиллю, чи тямъ що на пана Бога дивитця, такъ се бачте: прибиль — то мовѣ, бо якъ корову видкоуть, то ѡ корона ціла, в мовѣ е: отъ вонѣ в прибиль; а убиль, такъ то сѣло, бо якъ свиню заріжуть, такъ хочъ сѣла зъ неї добудуть, а свині въ хозяйстві не бѣде; а те, що на пана Бога дивитця, такъ то свирієць; бо нитъ у насть бѣз-казалишній, такій кисляк, що якъ покоштуєшь, то ѡ голову ввертъ задерешъ; неначе на образѣ дивисся! Тоді сваті ѡ кажутъ: »приславъ панъ насть до тебе сватіна, тільки казавъ, щобъ ти отсі ййця взяла в къ світу голубать вивела, в щобъ голубята панові на обідъ весила. А вона каже: »скажиъ панові, нехай вінъ зробить изъ одволітківъ шлугъ, та мѡре цілнву, та насіє прѣса, в щобъ те прѣсо къ світу впрѣсло, в щобъ єго убрѣли в номолотіли, щобъ будѣ чинъ тилъ голубать голудити!« А нѡтінъ скѡчала до їхъ, та якъ хвѣтять їхъ за сваткі, та водула ихъ підъ сваткі, та ѡ крикнула: »Оттакъ же! нехай горіть! Горіть тепѣрь!« А вона: »До горіть?« та сваткі зъ себе. А вона кричитьъ: »Горіть! Горіть!« Ті зъ перелѣку в сорочки зъ себе в убрання поскідали, вертатця-крутатця, та кричитьъ: »Дѣ, до горіть?« А вона ухоніла у їхъ въ обѣремекъ всю одѣжу, та ѡ сквѣла, а нѡтінъ вйпхала їхъ изъ хѣти, та ѡ каже: »Панъ голубить хотіть, отъ єму ѡ голубі! идіть собі голі — тепѣрь голубани стѣли; а сваткі згодѣтыда голубать уквивати.«

Тоді панъ носилѣе до неї знову в загадує іѡ такъ: »Щобъ вона прихала до мене ні конѣтъ, ні волѡтъ, ні савані, ні вѡзонъ, ні оглобляни, ні вѣкѡтъ, ні бѡса, ні обѣта, ні гѡла, ні вдягнута, ні зъ гостінецѣтъ, ні бѣзъ гостінца.« Вона сказѣла: »Дѡбре, прііду.« Та вѣла ѡ обмотѣлась усї бредивѣтъ, а самѣ сѣла въ чѡвонъ, а до чѡвна козлѣ привязѣла, підъ мѡшку зѣйца кѣла, та такъ в іде. Панъ якъ углѣдѣвъ в всѣвъ на неї хортѣвъ спустиѣти. Хорті до неї, а вона зъ підъ мѡшки зѣйца ихъ пустила; вони ѡ ушкварили за зѣйцѣтъ. А вона в вскѡчила до пана въ будинокъ. ѡ каже: »Ну, пано, тепѣрь ѡ вѣша, бо якъ казѣли, такъ ѡ в прихала: самі бачте: »ні конѣтъ, ні волѡтъ, ні савані, ні вѡзонъ, ні оглобляни, ні вѣкѡтъ, ні бѡса, ні обѣта, ні гѡла, ні вдягнута, ні зъ гостінецѣтъ, ні бѣзъ гостінца, бо гостінецъ бувъ, та втѣкъ.« Панъ в казѣ ѡ.

Отъ пришлїи мужикі судитця, ѡ кажутъ: буліи ни въ волі, та найшли сокиру, та вѣкъ не подѣлимось. Одинъ каже: »ѡ в попередѣ взглядиъ;« а другий каже:

»Ні, ѡ.с Панъ в задѣмвѣсь, не зна якъ ихъ розсудитъ. А вона каже: »Отъ, Богъ-зна надъ чинъ дѣмаєте дѡвго! Збїйте сокиру зъ топоріща; одному нехай топоріще, а другому сокира бѣде!«

Удруге уяіть пришлїи мужикі судитця. »Буліи ни, кажутъ, »въ волі, — єго кобѣла, а мѡй вѣзъ. Та ѡ заночувѣли. А вранці, дѣвимось, ажъ лошѣтко стоить на-лѣньке; ни ѡ заспѡрили: чѣе лошѣтко? Одинъ каже: мѡй кобѣла правѣмѣ, а другий каже: мѡй вѣзъ привѣвъ.с Панъ в задѣмвѣсь. А вона каже: »Отъ Богъ-зна надъ чинъ дѣмаєте дѡвго! Пустіть лошѣтко: куді вѡвѣ побїжить, чи до кобѣли, чи до воза? А лошѣтко було собі сѣливѣньке, та ѡ побїгло до воза. А той, що казѣвъ, що то єго вѣзъ привѣвъ лошѣтко, в каже тепѣрь: отъ бачте: ѡ жъ казѣвъ, що мѡй вѣзъ привѣвъ! А що не правду ѡ казѣвъ?«

Тоді панъ в каже: »Нѡ що ти мѡі судї пересѣжуєшь? не хочѣ в тебе за паню вѣти. Берї у мѣне, що тобі здаѣтця найліишого в наймѣліишого, та ѡди собі одъ мѡне.« А вона каже: »Дѡбре, підѣ: »абї бѣ позволивъ узѣти що є найліишого в наймѣліишого. Та ѡ каже: »Дѣтъ ни побрѣлись, то пилі-гулѣли, такъ в тепѣрь трѣба пѣти-гулѣти расхѡдчись.« Та напоѣла пана пѣвного, та положила на той вѣзъ, що гаїѡ вѡзѡуть, та ѡ возѣ. А панъ прокнѣвъсь, та ѡ пѣта: »Куді ти мѡнѣ вѣзѣшь?« А вона каже: »Ажѣ жъ ти позволивъ узѣти, що є найліишого в наймѣліишого. А для мѡнѣ вѡнѣ нічѡго найліишого в наймѣліишого одъ тебе, ѡ тебе в вѣзѣла.« Тоді панъ каже: »Ну, тоді жъ сваритця; вернимось до дому, та станемо жити въ-купі любѣньке.«

Аналогія между этой сказкой в нашей повѣстью видна сама собою в вѣтъ необходимости входить въ объяснительныя подробности. Другія черты изъ этой повѣсти общія вообще всякому сказочному эпосу. Зѣйѣ, летающій къ женщинѣ — старинное повѣрье, сохраняющееся до сихъ поръ. ѡ тепѣрь, если женщина начинаетъ страдать болѣзнью, отъ которой сохнетъ, то думаютъ, что къ ней летаетъ зѣйѣ в является єѣ въ видѣ знакомаго мужнины; говорятъ даже, что вѣне видѣтъ, какъ этотъ зѣйѣ прилетаетъ въ видѣ огненного метеора, разсмынается надъ избѡй, гдѣ живѡтъ обреченная ему жертва, потѡмъ превращается въ мужнину. Убїйство зѣйѣ, очевидно, вариантъ тѣхъ же бѡсчисленныхъ сраженїѣ съ зѣйѡтъ, которыя можно найти во множествѣ въ сказкахъ всѣхъ народовъ, в къ которыѣ принадлежитъ наше старое сказанїе о кїевскомъ богатырѣ Кирилѣ Кожемякѣ. Мальчикъ, который указы-

востъ Петру, гдѣ лежитъ агриковъ мечъ, — есть таинственное сказочное существо, возвышающее скрытую тайну, открывающее мудрость и часто являющееся въ видѣ дитяти въ народномъ эпосѣ. Къ этому сказочному представлению относится одна малороссійская пѣсня, въ которой спрашивается какое-то малое дитя (*малє пахолл*): какая птица лучше всѣхъ птицъ, какой цѣтокъ лучше всѣхъ цѣтковъ, и какая *людина* лучше всѣхъ людей! Пѣсня эта, раздѣляемая на куплеты, представляетъ нѣсколько разъ повтореніе восклицанія: *та скажежъ мнѣ правду, малє пахолл*. Такое же символическое *малє пахолл* является и въ этомъ отрочатѣ, указующемъ, гдѣ лежитъ агриковъ мечъ.

Что такое агриковъ мечъ и почему онъ агриковъ, объяснить сказка о Добрынѣ Никитичѣ.

Агрикъ или Агрика былъ богатырь, побѣждавшій исполиновъ и чудовищъ; онъ собиралъ со всего свѣта оружіе и нѣтъ: такое собраніе, какому подобнаго не было въ цѣломъ свѣтѣ. Въ числѣ оружій у него были мизуродово копье, сдѣланное изъ громовой стрѣлы и мечъ-кладенецъ, непобѣдимаго свойства. Когда умиралъ Агрикъ, то приказалъ, чтобы на его погребеніи сошлись богатыри и рѣшили споромъ и битвою, кому владѣть этими драгоценными оружіями. Съѣхались трижды-тридцать богатырей и послѣ погребенія агрикова стали сражаться, и всѣ перебили другъ друга. Одинъ изъ богатырей, нерожившій другихъ и смертельно-равенный, поручаетъ сокровища эти стеречь агрикову слугѣ, до тѣхъ поръ, пока явится достойный богатырь, которому предопредѣлено овладѣть ими. Ключъ отъ этихъ сокровищъ долженъ былъ лежать подъ головой убитаго, а этой головѣ слѣдовало вальтаться въ чистомъ полѣ до тѣхъ поръ, когда прѣдетъ желанный богатырь. Этотъ чаланный богатырь былъ Добрыня Никитичъ, и онъ овладѣлъ сокровищами Агрика и съ помощью его умертвилъ Тугарина-Змѣевича — сказочное олицетвореніе враждебной силы, которую на тѣхъ другихъ нельзя было побѣдить, какъ только агриковымъ оружіемъ.

Въ нашей повѣстѣ агриковъ мечъ запратавъ подъ церковью, но между *керемедями*; кереметями назывались мѣста языческаго богослуженія у восточныхъ народовъ финно-турецкаго племени. Это наводитъ на мысль, что все преданіе объ агриковомъ мечѣ заимствовано отъ этихъ народовъ и составило сущность ихъ мисологическихъ представленій. Церковь стояла на мѣстѣ прежнихъ кереметей, потому что въ тѣ вѣка, когда христіанство распространилось и заимало угасав-

шее язычество, церкви обыкновенно строились на мѣстахъ, прежде святилищъ для язычниковъ.

Въ повѣстѣ нашей заключаются нѣкоторыя любопытныя черты древняго быта вѣрваній гражданскаго устройства и домашней жизни:

1) Отправка князя Петра за врачами въ рязанскую землю показываетъ тогдашнее понятіе о врачествѣ. Врачество было знахарство, а не искусство; знатныя особы, заболѣвши, разсматривали своихъ слугъ разузнавать, гдѣ есть тѣ, которые выдаютъ себя за умѣющихъ пользоваться болѣвыхъ. Воображеніе, отодвигая все чудесное, мудро, необыкновенное въ даль, искало врачей не въ своей, а въ чужой землѣ. Такииъ образомъ и муромскій князь началъ искать врачей въ сосѣдней, рязанской землѣ.

2) Февронія говоритъ юношѣ, вступившему къ ней въ избу: *малєво есть дому безъ умію, а храму безъ очію*. Здѣсь домъ принимается въ смыслѣ всего домашняго заведенія, двора, а *храмъ* въ смыслѣ избы.

3) Указаніе Февроніи на то, что отецъ ея и братья были древолазы, показываютъ, что въ этихъ странахъ, въ древности обильныхъ медомъ, поселяне занимались разведеніемъ пчелъ въ лѣсахъ; пчелы содержались въ бортихъ и, какъ видно, владѣлись свободно, такъ что потомъ надобно было, собирая медъ и воскъ, иногда лазить на вершины деревьевъ.

4) Въ *Навы* — выраженіе старое, значащъ въ смерти. Здѣсь впервые, сколько извѣстно, является это слово во множественномъ числѣ. Въ одной малороссійской пѣснѣ *нава* значить гробъ: *та ще тобѣ ніхтѣ не видѣеъ, щѣбе умѣршикъ зѣ нави встаетъ*; въ Чешской хроникѣ Далмилла слово *Навы* употреблено также въ смыслѣ могилы: *potom krok jide do navy*; у Іоанна Экзарха Болгарскаго *навъ* — заимвръ: *навь изъ грѣба изходиль*. Въ этомъ смыслѣ, по извѣстію нашей лѣтописи, киевляне прозвали одного савонова мужа *наведемо*: *се навѣе пришло*; въ той же лѣтописи (подъ 1092, по поводу описанія страшныхъ явленій, совершавшихся въ Полоцкѣ) *навь* — бѣсы, привидѣнія, наносившія вредъ жителямъ Полоцка; *навіи* великдень — у южноруссовъ мертвецкій праздникъ. Въ нашей повѣсти *навы* во множественномъ числѣ какъ будто какое-то царство смерти, міръ усопшихъ.

5) Изгнаніе Петра и Февроніи представляетъ важныя указанія на общественный порядокъ и понятіе о власти. Видно, что въ восточной Руси, въ княжествахъ, рано образовалось сословіе, сильное и вліятельное, со-

словіе бояръ; оно успѣло уже развить аристократическія зачатки. Женильба князя на дѣвухѣ изъ земледѣльческаго сословія уже трогала самолюбіе и казалась выходящимъ изъ границъ дѣломъ. Власть княжеская завистля отъ бояръ, но разъ предоставленная князю, была *самодержавная* до тѣхъ поръ пока признають ее; подъ именемъ самодержавія, однако, нельзя почитать исполнѣ того, что впоследствии разумѣлось. Достоино замѣчанія, что въ повѣсти говорится, что когда князя изгнали, то нѣкоторые думали сами захватить власть. Слѣдовательно, достоинство правителя не было въ Муромѣ исключительнымъ достоинствомъ княжескаго рода; слѣдовательно считались возможными случаи, а можетъ быть и бывали, когда вмѣсто князя захватывали власть бояре, какъ подобныя примѣры видны на другомъ концѣ русскаго міра — въ Галичѣ. Но эти попытки были и здѣсь, какъ и тамъ, неудачны; князь изгнанный возвращенъ снова потому, что въ городѣ явилось много претендентовъ и открылись усобицы, что составляло характеристику вообще русской исторіи. Это объясняетъ почему необходимо былъ княжескій родъ и почему рюриковъ родъ держался въ Руси, не смотря на то, что власть его членовъ была слаба: безъ единого рода

не было бы ничего прочнаго и всё между собою соорились бы, и народъ страдалъ бы отъ ссоры сильныхъ. Какъ ни губительны казались иногда княжескія усобицы, но зло, происходившее отъ нихъ, не было такъ сильно, такъ ужасно, какъ то зло, которое могло возникнуть при совершенномъ отсутствіи опредѣленнаго понятія о правѣ лицъ на власть. Это-то самое образовывало и поддерживало, мало по малу, при согласномъ мнѣніи постороннихъ обстоятельствъ, самодержавную идею.

Когдабы ни составлялась эта повѣсть въ ея настоящей формѣ, несомнѣнно то, что основа ея взята изъ старыхъ временъ. Точность описываемаго событія здѣсь не важна; действительно ли происходило съ Петромъ то, что здѣсь разсказывается объ изгнаніи, для насъ все равно; довольно того, что въ народномъ понятіи существовало сознаніе, что такое событіе могло произойти.

Подробную оцѣнку этой замѣчательной повѣсти и отношенія ея къ сказаніямъ другихъ народовъ индоевропейскаго племени можно найти въ ученой статьѣ почтеннаго изслѣдователя нашей старины О. Н. Буслова, помѣщенной въ Атенѣ 1858 года.

Редакт.

ЛЕГЕНДА

О МАРѠЪ И МАРИИ.

AMERICAN

LIBRARY OF CONGRESS

ЛЕГЕНДА О МАРѠЪ И МАРІИ.

(По списку Импер. Публ. Библ. Поход. архивиз. № 1350).

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТЪ.

СВЯТЫЯ О ИВАННИ И О СОТЕОРЕННИ ЧТНАГО И ЖИВОТЕРАЩАГО КРТИ ГДНИ ЧТО ЕЗ МУРОДСКОМЪ
УЕЗДѠ НА РЕКѠ НА УНЖѠ.

Помоще благій и принаславный Богъ нѣтъ не
восхотѣ благодати своей въ молчаніи быти, но измѣ-
нитися въ ней и прозыти сущія отъ него человекѣмъ,
и милость его и человеколюбіе проповѣдуетъ вся тварь.

Тако и сія убо благочестивыя поклонницы святыхъ
единосущныхъ Троицы вѣрныя христіане, двѣ сестрѣ
МарѠа да Маріа едиnorodныя суще, добра рода и
благочестива, но лѣтѣхъ же вѣкиныхъ родители ихъ
вдана ихъ мужевѣ МарѠу именемъ Иоанну, Марію Ло-
гину, Иоаннъ живаше въ Муромѣ, а Логинъ въ ря-
занскихъ предѣлахъ, и бысть между ними разстояніе
не мало.

По вѣкоу же времени случися имъ быти у нѣ-
когого отъ сродникѣ своихъ, и в то время ненавист-
никъ роду христіанскаго врагъ, не хотя видѣти любви
христовы въ людехъ, учини вражду промежъ Иоанномъ
и Логиномъ, и вложи гордыню в сердца ихъ; и бысть
велика брань промежъ ихъ о мѣстѣхъ: ни единъ одно-
му мѣста не хощеть дати. Иоаннъ поносился богатствомъ,
а Логинъ хвалился отчѣствомъ, и о томъ велика пра-
нежду ихъ, потомукъ разыдошася во своя себѣ дома: Ио-
аннъ въ Муромѣ, а Логинъ на Рязани. О злыя козвы
дьяволи! Како отъ любви Божіи отарати, а вражду всѣ-
ла! Не токмо во гнѣвѣ разыдошася, но и клятву на

свои души положили, что другъ со другомъ и до смерти
не видѣться, и женамъ своимъ заповѣдали, чтобы нѣтъ
сестрѣ съ сестрою не съѣзжаться, и вискани не осмы-
латься. И тако в томъ гнѣвѣ многы лѣты живу-
шныи безъ вѣсти другъ друга, и судомъ Божиимъ пре-
ставися Иоаннъ въ Муромѣ, и того же мѣсца и дни
преставися и Логинъ на Рязани. Великое то чудо: ка-
ко одинаго дни и часа обѣ сестрѣ мужевѣ своихъ от-
лучилася, а не вѣдаютъ другъ про друга вдовства сво-
его! И минувъ (шу) годишному времени, востужися
МарѠа о сестрѣ своей Маріи, и мола Бога, дабы подаль
милости своей, чтобы видѣть ей сестра своя, и рече
въ помыслѣ своемъ: найду я на Рязань, и поклонюся
зятю своему Логину: да умилятся надо мною, вдовства
ради моего, потомукъ увижу сестру Марію. И милости-
вый Господь Богъ не презрѣ колени рабы своей Мар-
Ѡы: вложи ту же мысль въ сердце и сестрѣ ей Маріи
итти в Муромъ поклонитися зятю своему Иоанну и
видѣти сестру; а не вѣдаютъ обѣ вдовства своего.

По малѣ же времени, повелѣ МарѠа работѣ своимъ
изготовити кони и собѣ колесницу и возла запасомъ,
и поѣде в рязанскія предѣлы къ зятю своему Логину.
И тако повелѣніемъ Божиимъ и Маріа поѣде того-
же дни въ Муромъ къ зятю своему Иоанну, а вѣдвая

другъ про друга. И ѣдущи же Марѣѣ путемъ, по нѣкель дни прилучися стати на нѣкоемъ пустѣ полѣ, воюа ради: и в тоже время приѣде и Марія на тоже поле, призвавъ своего раба в рече ему: поѣди, раба, вопроси отъ служащихъ: кто на семъ полѣ стоитъ? мужескъ ли полъ или женскъ! аще мужескъ полъ стоитъ на семъ мѣстѣ, то поѣду дагъ отъ сего мѣста, аще ли женскъ полъ стоитъ, то и я адѣ пробуду. Рабъ же нарицѣи приѣде и вопроси единаго отъ служащихъ ту: брате, повѣждь ми, кто стоитъ на семъ мѣстѣ? Онъ же отвѣща: стоитъ адѣ из Мурома вдова Марѣа, а ѣдетъ на Рязань к сестрѣ своей Маріи. Рабъ же нарицѣи, слышя слово, тече скоро к госпожѣ своей Маріи, и повѣда все поряду слышанное отъ служащаго сего, Марія же, познавъ, что единоподная сестра ея Марѣа, повѣдавъ все, течаше скоро къ Марѣѣ со многими плачѣми; Марѣа же съ великими ужасѣми и со слезами иде на встрѣченіе ея, и рече: усташа еси мя, сестро! Кто еси ты? Съ плачѣмъ идешь ко мнѣ; азъ позвати тебя не могу. Она же едва проговори отъ зѣлной своей печали и рече: азъ из Рязани убогая вдова сестра твоя Марія, бреду къ тебѣ, да плачу своего вдовства. И зря другъ на друга много, и не може по образу позвати едина едну, токмо по отчеству и по имени, и ханься другъ со другомъ, и нападе на выискомъ, и проліа слезы, аки рѣку, в безмолвно рыданіе твора. Раба же ихъ и рабыни, видя такое ихъ познание и неутолимый плачь, приступиша къ нимъ со многими слезами, и молиша ихъ, дабы престали отъ зѣлного своего плача. Они же едва проглаголаша другъ ко другу: и рече Марія Марѣѣ: Когда мужъ твой Іоаннъ умре? И отвѣща Марѣа: одного лѣта и одного дни и часа мужъ мой умре. Тако и Марія рече: сестро моя милая! Велие то чудо показа Богъ надъ нами! от единаго дни и часа вдовство свое плачѣмъ съ тобою: в тоже время и мой мужъ Іоаннъ умре! И тако слезы къ слезамъ прилагаше, в плакастася горко, поминая безсѣмьне мужей своихъ, и о своихъ многихъ лѣтъ несвѣданіи. (даніи) Потомъ же, размыслиа о судьбахъ

Божіихъ, и глаголаша обѣ вкупѣ: о неизреченная премудрость Спасителя нашего Христа! О неисчерпаемая глубина милосердія своего! Изліа на насъ убогихъ благодать свою! Како многія лѣта не слышахомъ другъ про друга, а нынѣ видимъ над собою благодать Божію! И возрадовастася великою радостію о своемъ свиданіи. Потомъ же повелѣ (ша) работъ своимъ учредить трапезу, и тако веселися и радуся, пивши и адши, потомъ и рабъ своихъ насыщая довольно.

И скончавшу же ся тому дни, и бысть ношъ; ѡни же обѣ сестрѣ легше на единомъ одрѣ спати и явися (ша) имъ Ангелъ Господень въ тонцѣ снѣ и даде Марѣѣ злата, а Маріи сребра, и повелѣ имъ въ златѣ снѣи животворящій крестъ Господень, а въ сребрѣ ковчегъ кресту Господню, и рече имъ: заутра кого на встрѣчѣ узрите перваго челоуѣка, тому отдайте злато и сребро: той же вамъ крестъ и ковчегъ построятъ. И убудиастася отъ сна и поскочивши скоро отъ ложа своего, нападе на нихъ страхъ великъ о видѣніи томъ. И повѣдаста другъ другу: како явися имъ во снѣ ангелъ Господень, и како даде имъ злато и сребро, и что повелѣ имъ творити; и очютившася обѣ, и обрѣтше Марѣа въ рукавѣ срачицы своей данное ей отъ ангела злато, а Марія обрѣте у себя сребро, и возрадовастася великою радостію. О неизреченной благодати Божіи! Како во снѣ дадеса имъ злато отъ ангела, тако и на лѣтѣ бысть! Потомъ же Марѣа и Марія поѣде въ Муромъ къ своимъ сродинкомъ свиданіа ради, и мало отъѣде отъ того мѣста въ путь свой, и видѣша трехъ старцовъ достоулюбивыхъ зѣло и сѣдими украшенныхъ, грядущихъ къ нимъ прямо. Марѣа же и Марія увидѣша старцовъ и познаша ихъ по видѣнію ангелову; и страхомъ содержими, и воставше, поклонишася онѣмъ старцемъ до земли, и повѣдаша ихъ о видѣніи ангеловъ все поряду, о златѣ и сребрѣ, и како повелѣ имъ отдати злато и сребро первымъ людемъ на встрѣчу пути сего, и повелѣ въ златѣ снѣи животворящій крестъ, а въ сребрѣ ковчегъ сему кресту Господню. Что вы намъ сотворите, честніи отцы,

видимъ имъ убогін, вашу святость. Старцы же отвѣща-ша к нимъ: буди благодать Божія съ вами! Мы того ради к вамъ придохомъ. Маревъ же и Марія отдадо злато и сребро старцемъ съ великою радостію. Старцы же приаша злато и сребро, отъидоша въ путь свой.

Маревъ же, ни о чѣмъ сумняся, поѣде в путь свой, воѣтъ же и Марію сестру свою с собою, и приѣде в Муромъ в свой ей домъ. И признавъ свои сродники, и друзи, и сосѣди ближніи, Маревъ же обрадовася о неизроченной милости Божіей; и повѣда сродникомъ своимъ все порядку, како обрѣла сестру свою Марію, и о видѣніи ангеловъ, и о аданіомъ вамъ златѣ и сребрѣ, и како отдаша злато и сребро тремъ старцемъ на строенію креста Господня. Сродницы же Маревъ и Марія, не познавшо дѣла Божія, роптаху на ны и рѣша: безумніи есте жены! обрѣтосте толику казну и погубисте ю! Како невѣдомымъ и незнаемымъ отдасте толико злата и сребра? Или адъ во градѣ мастеровъ нѣтъ, кону крестъ Господень построи? И ропташа много не-смыслени, послаша рабъ своихъ по многимъ дорогамъ и по малымъ стезамъ на изысканіе тѣхъ старцовъ возвратити къ себѣ. Послѣди же тѣхъ посланныхъ рабъ, по собѣту праведныхъ тѣхъ жонъ, а своихъ сродницъ, Маревъ и Марія, по глаголу ихъ, поидоша съ ними на то мѣсто, гдѣ нѣкъ явися ангелъ Господень и вѣдае нѣкъ злато и сребро, и на коемъ мѣстѣ то злато и сребро отдаша тѣмъ старцемъ.

По времени же нѣкоемъ, приближающимся нѣкъ къ тому мѣсту, гдѣ отдаша старцемъ злато и сребро, и узрѣ (ша) надалеча градуша къ нимъ три старцы; и весоша съ собою животворящій крестъ Господень златый въ ковчезѣ сребряномъ. Маревъ же и Марія, познавъ дѣло Божіе, увидѣвшо старцовъ, текше къ нимъ со сродники своими скоро, и поклонистася старцемъ до земли, и

припадше со слезами къ честнымъ ногамъ ихъ, и рѣша къ нимъ: святче Божіи! вы ли есте на семъ мѣстѣ явистася намъ и взяста у насъ убогихъ вдовицъ аданное намъ отъ ангела злато на строеніе животворящаго креста и сребро на сотвореніе ковчеза кресту Господню? И отвѣщаше оны святые три старцы: мы взяли у васъ злато и сребро, а содѣла (ли) животворищій крестъ въ томъ златѣ, а въ сребрѣ ковчезъ кресту Господню. И рѣша старцы Маревъ и Марія: буди благодать Божія съ вами и по вѣрѣ вашей Богъ дарова вамъ! молитесь душамъ вашимъ на спасеніе, а міру на сохраненіе, и на очищеніе душамъ и болящимъ на исцѣленіе! И рѣша старцы: примите дарованіе вамъ отъ Бога, честный и животворящій крестъ Господень и ковчезъ! Они же приаша съ радостію великою; и молиша Маревъ и Марія и сродницы ихъ старцовъ; святче Божіи! повѣдайте намъ: откуда есте пришли сѣно? Они же отвѣщаша: от Царяграда! И рече Маревъ: Господине мой! поныи мѣсяцы и дѣньми доѣде до сего мѣста? Ониже отвѣщаша нѣкъ: третій часть. Потому же повидѣни быша. Маревъ же и Марія со сродники своими приидоша в домъ свой съ великою радостію славяще Бога, и пресвятую его Богоматерь, и признавъ священники, и молебная совершая честному и животворящему кресту Господню, и моля Бога, дабы явилъ нѣкъ Богъ, гдѣ поставитъ честный крестъ и молитися. Явившеся животворящій крестъ Господень во снѣ, и бысть нѣкъ гласъ отъ креста Господня: поставите на въ церкви соборной архистратига Михаила архангела от сего мѣста едаво поприще, и тутъ молитесь. Тако и бысть; и до нынѣ всѣмъ подаетъ исцѣленіе съ вѣрою притходящимъ к нему и молящимся. Мѣсто же въ Муромскомъ уѣздѣ, в Унженскомъ стану, на рѣкѣ на Унжѣ, за погостъ.

ВТОРОЙ ВАРИАНТЪ.

(Илл. Публ. Библ. отд. XVII № 35.)

СВЯЗАННО О ИЖАВНИ ЧВСТНАГО И ЖИВОТВОРАЩАГО КРЕСТА ГДНИ ИЖВ В МУРОМЦЕВОНХ ПРЪДЪВЪ НА
РВЪТЪ НА УНЖВ У ЦРКВН АРХАНГЛА ДИХАНАА.

Бѣша двѣ сестрѣ свиклицки дщера, имя единой Маріа, другой же Марѣа. И носашу Маріа за нѣкогого мужа, именемъ Іоанна въ Муромской области; Марѣа же была бысть мужикомъ, именемъ Логина въ Разивскую область. Бѣже Іоаннъ свиклицка роду, но нѣбѣице не богатъ; Логинъ же бѣ родомъ мѣшчн Іоаннова отчества, а нѣбѣице богатъ зело; и случися имъ быти закупъ у родителей жей своихъ на пиру и бысть промежъ нихъ бра о перасѣданіи ихъ. Іоаннъ бо хотѣ выше сѣсти Логина во своену отчеству; Логинъ же не даше ему мѣста, богатства своего ради. И отъ того времени много лѣтъ между себя не захуся и не схождахуся сами, и нощь не отгускаху, написаніемъ же смылахуся до умертвіа своего. И во многохъ лѣтахъ Іоаннъ и Логинъ, предсудоченная мука, упроста обо во единъ день и часъ, а жонимъ ихъ, Маріа и Марѣа, ни одна о сихъ не вѣдаше, но кажде о себѣ быста в скорби и в печали. И помысли Маріа в себѣ, глагола: поѣду къ зятю своему Логину, и вижду сестру свою, и аще онѣ возлюбятъ мя, и азъ учну у нихъ пребывать; аще ли не возлюбятъ, и азъ у сестри прощеніе шринну. Марѣа же сестра ея сіа же помысли, глагола в себѣ: поѣду къ зятю своему Іоанну и къ сестрѣ своей, и вижду, и аще они на призрятъ, и азъ имѣніемъ своимъ наполню ихъ, и будутъ онѣ богаты и славны, якоже былъ мужъ мой во своену отчеству. Яже помыслиша, тако и сотвориша. И поѣдоша во единъ день изъ домовъ своихъ. И срътостася на пути, и сташа станы особъ, а не жуиѣ, не вѣдаху бо ся кто есть; и послаша женшая се-

стра слугу своего прошати: кто есть стоить? Сама же помысли въ себѣ: егда будетъ сестра моя, то закупъ свидѣися; аще мужеска нощь, то отидеть подале. И пришеде слуга, вопроси, и увидѣвъ, яко ѣдетъ вдова отъ Мурома къ сестрѣ своей; слуга же, отшеде, поѣда господѣ своей. Она же рече: свидѣися закупъ. И свидѣяся, и поклонившася между себѣ и цѣловашася, но не познашася, яко сестры еси, доидеже увидѣвши отъ вопрошенія именъ и отчества, и отъ того познашася, и начаша лобызатися со слезами и радостію, и скорбѣти о мужехъ, и еже бяху не в любви, быста мужа ихъ и скончашася, и не готію о нихъ, но нощь о себѣ, еже только лѣтъ не видахуся, ни писаніемъ не возвѣщавуся, и о семъ радовахуся, еже даде ихъ Богъ видѣтися на жончиихъ вѣка ихъ. И уготовиша ту трапезу, и вдова и ниша в славу Божию, и веселяхуся, и опоятали начаша на томъ мѣстѣ, и во спяху совершенно, иже обѣти показу. И во мгновѣніи очесъ явися имъ во свѣтъ ангелъ Господень, и вдавъ имъ злато и сребро, Марѣѣ злато, а Маріи сребро, и повелѣ имъ то злато и сребро вдати первому чловѣку, яко во сону пути заутро поидеть, они же вдатъ во свѣтъ злато и сребро, и завертѣша себѣ за рукава, и возбудившася отъ сна, и поѣдати начаша сестра одна другой, глагола: явися имъ во свѣтъ ангелъ Господень и вда имъ, глагола: присладе къ тебѣ злато по твоей вѣрѣ; сотвори в нехъ животворящей крестъ! И посмотре у себе злата за рукавомъ, и обрѣте за рукавомъ на явѣ. И повелѣ имъ, рече, то злато отдати первому чловѣку, иже днесъ поѣ-

дѣть путемъ снѣтъ. Марія рече: такожде и мнѣ, сестро. Явился ангелъ Господень, вда ми серебро и повелѣ такожде отдати и сотворити животворящему кресту ковчегъ. И посмотрѣвъ, обрѣте у себя за рукомъ серебро, и наче плакати со слезами и радостию, Богу молитися о томъ чудивномъ чудеси, иже одари мнѣ Господь Богъ таковою благодать. И абіе узрѣша три мнѣхъ грядуща путемъ, и призваше ихъ к себѣ, повѣдаша мнѣ вся поряду прежде реченная: како явился мнѣ ангелъ Господень во снѣ и вда мнѣ злато и серебро, и повелѣ мнѣ в златѣ сотворити крестъ Господень, а в серебрѣ ковчегъ, и повелѣ мнѣ взяти. И отвѣщаша мнѣ мнѣхъ: мы того ради к вамъ придоша (хотѣ). Они же о томъ не поскорбѣша ни мало, и вдаша мнѣхъ злато и серебро, и повелѣша сотворити в златѣ крестъ, а в серебрѣ ковчегъ; мнѣхъ же взяша злато и серебро, и поидоша путемъ своимъ; сестреницы же отидоша в Муромъ к сродникамъ своимъ, и повѣдаша мнѣ вся бывшая. Сродницы же начаша на нихъ роптати, еже они таковою благодать отдаша невѣдомымъ старцемъ: или гдѣ во градѣ мѣсть хитрецовъ кому в томъ златѣ сотворити честный крестъ, а в серебрѣ ковчегъ? И отвѣщаша мнѣ сестреницы: намъ тако повелѣ явившися на ономъ мѣстѣ! И собравшася к нимъ много множество людей, и начаша урезати еже гнати в слѣдъ старцевъ онѣхъ, ради злата и серебра, даннаго мнѣ. И сотвориша совѣтъ таковъ: да единъ господинъ с чужимъ работъ, а рабъ

с чужимъ господиномъ, дабы гѣхъ мнѣхъ гдѣ обрѣсти и не утантн между собою злато и серебра. И егда восхотѣша ѣхати в разные пути, и абіе узрѣша тѣмъ снѣхъ трієхъ старецъ грядущихъ, несущихъ животворящій крестъ, сотворенъ в златѣ, и в серебрѣ ковчегъ. И начаша младыя юноши к нимъ прикасатися, старцы же рѣша мнѣ: идѣже совѣщашася, тако и грядито. И узрѣша се боляръ и великожи, запретивша юношамъ, да не оскорбятъ мнѣхъ, и сами снѣдоша с коней, поклонившася мнѣ, и прииша ихъ честно; они же приидоша ко онѣмъ двумъ сестрамъ. Рѣша Марѣ и Маріи: иже явился вамъ во снѣ ангелъ Господень, и вда вамъ злато и серебро, сотворити повелѣ в немъ господень животворящій крестъ и ковчегъ, и се вама сотворили на долготѣство, а міру на исцѣленіе! И вопросиша ихъ: гдѣ они быша? Они рѣша: во Царѣградѣ. И пакы вопросиша ихъ: колико мнѣ из Царяграда? Они же рѣша: третій убо есть часть! И вопросиша ихъ: что убо готовити мнѣ на трапезу ясти? Они же рѣша: мы не требуемъ ясти; вамъ повелѣ Богъ пити и ясти! И се рѣша, невидни быша. И потомъ явился онѣмъ обѣма сестрамъ животворящій крестъ Господень, да поставятъ его в церкви архангела Михаила. И сотвориша тако. Идеже есть и до нынѣ животворящій крестъ Господень, точитъ неизреченная чудеса всѣмъ молящимся ему с вѣрою и до сего дѣне. Ему же слава, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

The following information is provided for your information and is not intended to constitute an offer or a recommendation to buy or sell any securities or other financial products. It is intended to provide general information only and should not be relied upon as the sole basis for any investment decision.

The information is based on the information provided to us by the issuer and is not intended to be a complete statement of all the information that you should consider in making an investment decision. You should consult your financial advisor for more information.

The information is provided for your information and is not intended to constitute an offer or a recommendation to buy or sell any securities or other financial products. It is intended to provide general information only and should not be relied upon as the sole basis for any investment decision.

The information is based on the information provided to us by the issuer and is not intended to be a complete statement of all the information that you should consider in making an investment decision. You should consult your financial advisor for more information.

The information is provided for your information and is not intended to constitute an offer or a recommendation to buy or sell any securities or other financial products. It is intended to provide general information only and should not be relied upon as the sole basis for any investment decision.

The information is based on the information provided to us by the issuer and is not intended to be a complete statement of all the information that you should consider in making an investment decision. You should consult your financial advisor for more information.

The information is provided for your information and is not intended to constitute an offer or a recommendation to buy or sell any securities or other financial products. It is intended to provide general information only and should not be relied upon as the sole basis for any investment decision.

The information is based on the information provided to us by the issuer and is not intended to be a complete statement of all the information that you should consider in making an investment decision. You should consult your financial advisor for more information.

The information is provided for your information and is not intended to constitute an offer or a recommendation to buy or sell any securities or other financial products. It is intended to provide general information only and should not be relied upon as the sole basis for any investment decision.

The information is based on the information provided to us by the issuer and is not intended to be a complete statement of all the information that you should consider in making an investment decision. You should consult your financial advisor for more information.

ПОВѢСТЬ
ОБЪ УЛЯНИИ МУРОМСКОЙ.

ТОРБЦП

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ПОВѢСТЬ

ОБЪ УЛЪЯНИИ МУРОМСКОЙ.

(Шмидт. Публ. Библ. Русск. рукоп. (n° отд. I № 55.)

Во дни благовѣрнаго царя и великаго князя Іоанна Василевича всея Русіи, от его царскаго двора, бѣ мужъ благовѣренъ и нищелюбивъ, именемъ Іустинъ, пороклонъ Недоревъ, саномъ ключникъ, имѣя жену такоу же боголюбиву и нищелюбиву, именемъ Стеаниду, Григорьеву дочерь Церлукина; отъ града Муромъ; и живаша во всякомъ благовѣрїи и чистотѣ, и имѣша сныи и дщери, и много богатства, и рабъ множество; от него же родися сія блаженная Уляніи. Бывши же ей 6 лѣтъ, оумре мати ея, и пость ю в прадѣлѣ муромскіе баба ея, матери ея матъ, вдова Анастасія Никвора Дубельскаго, во всякомъ благовѣрїи и чистотѣ; 6 же лѣтъ и оумре баба ея, и по законѣди ея, пость ю к себѣ тетя ея, Наталія Путилова жена Аралова. Сія же блаженная Уляніи отъ младыхъ ногтей Бога возлюби и Пречистую Матерь, помногу чтише тетку свою и дщери ея, и имѣя во всемъ послушаніе и смиреніе, и молитвѣ и постоу прилѣжаше, и того ради от теткы много сварима бѣ, а от дщере ея посылася: и глаголаху ей: о безуумная! что в толпѣи младости плоть свою изуряеши, и красоту дѣвственную погубиши? И воуждаху ю равно ясти и пити; она же не вдрасяея воли ихъ, но все со благодареніемъ прїимаше, и с молчаніемъ отходяше; по-

слушаніе имѣя ко всякому челоуѣку, бѣ бо из млада кротка и молчалива, не буяна, не величана, и от смѣха и всякія игры отгребашеся; аще и многожды на игры и на пѣсни пустошныи от сверстыницъ нудима бѣ, она же не приставаше к совѣту ихъ, недоумѣіе на ся возлагаша, и тѣмъ поганци хотя своя добродѣточію в правдивомъ и в правдивомъ дѣлѣ прилѣжаніе воле имаше, и не угасаше свѣща ея вся ноци; а яко сироты и вдовы немощныи в веси той бѣху, и всѣхъ обѣшиваше, и всѣхъ поужныхъ и больныхъ вслѣдѣи добромъ назираше, яко рѣши дивитися разуму ея и благовѣрїю; и веселиа д ню страхъ Божїи. Не бѣ бо в веси той церкви близъ, но яко два поприща; и не научи ея в дѣвчествѣи возрастѣ в церковь приходити, ни слышати словеса Божїихъ почитаемыхъ, ни учителя учаща на спасеніе николїжа, но смысломъ бо господнимъ настадема ирину добродѣтельному. Егда же достиже 6-ю на 10 лѣтъ, вдова бысть моужу добродѣтельному и богату, именемъ Георгію, прореклонъ Осорину, и рѣнчача быша от сущаго ту пона, именемъ Потѣица, въ церкви праведнаго Лазаря, в салѣ мужа ея; сей поучитъ ихъ по правломъ святимъ закону Божїю; она же послуша ученїя и наказанїя днѣтво, и дѣломъ исполнѣше. Еще бо сво-

кру в свекрови ея в животъ соущимъ, иже видѣвши въ возрастѣхъ и всею добротою исполнену и разумну, и новелѣста ей все домовное стреніе правити, она же со смиреніемъ послушаніе имаше к нимъ, ни в чемъ не ослушася, ни вопреки глагола, но почиташе я и вся новелѣнная нѣи неспротивно совершаше, яко всѣхъ дивитися о ней: и многимъ искушающимъ ю в рѣчахъ и во отвѣтахъ, она же ко всякому вопросу благочиниѣ и смысловъ отвѣтъ даше; и вси дивляхуся разуму ея и славу Богу; но вся же вечера довольво Богу молишася и колѣнопреклоненія по 100 и множае, вставая рано по вся утра, также твораше и с мужемъ своимъ; егда же мужу ея на царскихъ службахъ бывающу лѣто или два, иногда же по три лѣта во Асторохани, она же в та времена по вся нощи безъ (сна) пребывающа, в молебѣхъ, и в рукодѣлїи, в раднѣхъ, и в млечномъ дѣлѣ, и то продавъ, нищихъ цѣну даше и на церковное стреніе, многу же милостыню отаи твораше в нощи, в день же домовное стреніе правашо; вдовами и сироты, аки истовая мать, вчашася, своими руками омы и кормя и напаса; рабы же и рабыни удовляше пищею и одеждою, и дѣло не силѣ молагаше, и никого простымъ именемъ называше, и не требоваше воды ей на омовеніе рукъ моющаго, ни сапогъ разрѣшающа, но все сама собою твораше, а неразумныя рабы и рабыни смиреніемъ и протестію наказуя, и исправляше, и на ся вину отлагаше, и никого не оклеветаше, по всю надежду на Бога и на Пречистую Богородицу возлагаше, и великаго чудотворца Николу на помощь призываше, отъ него же помощь прїимаше. Во едану же нощь, вставъ по обычаю на молитву, безъ мужа, бѣси же страхъ и ужасъ великъ наущаху ей, она же, млада еще и не искусна, тако убояся, и ляже на постели, усну крѣпко, увидѣ много бѣсы пршедша на ню со оружіемъ, хотаще ю убить, рекущо: аще не престанешъ таковаго начинанія, абіе погубимъ тя; она же помолися Богу и Пречистой Богородицѣ и святому Николѣ, и явися ѿ святаго Писанія держа книгу велику, и разгна бѣ-

сы, яко дымъ бо исчезоша, и воздвигъ десницу свою. благослови ю, глагола: дщи моя, мужайся и крѣнися, и не бойся бѣсовскаго прещенія! Христось бо нѣтъ повелѣ тебе соблюдать отъ бѣсовъ в злыхъ человекѣхъ! Она же абіе от сна возбнущъ, увидѣ нѣтъ мужа изъ храминны дверьми изшедша скоро аки молнію; и вставъ скоро, иде во слѣдъ ея, и абіе невидимъ бысть, но и притворъ храминны тоя крѣпко запертъ баше; она же оттолѣ извѣщеніе прїемши, возрадовася, слава Бога, и паче перваго добрыхъ дѣлъ прилѣжаше.

По малѣ же Божию гнѣву роускую землю постыгъшу, за грѣхи нашы, гладу велику зѣло бывшу, и мнози отъ глада того помппраху; она же многу милостыню отаи твораше, взимаше нищу оу свекрови на оутренее и на полдненное аденіе, и все нищихъ гладныхъ даше, свекры же глагола ей: какъ ты свой нравъ изменила? егда бѣ (у) Христа Бога изобиліе, тогда не ногохъ ты к раннему и проудонному аденію принудити, а нигѣ егда оскуднѣе нищи, и ты равне и полдннее аденіе взимаешъ! Она же, хотя утантиса, отвѣща ей: егда не родихъ дѣтей, не хоташемися ясти, и егда начяхъ дѣти родити, обезсилехъ, и не могу не ясти не то чю в день, но и нощію множицею хоцетѣмися ясти, но срамляюся у тебе просити. Свекры же се слышавъ, рада бысть, и носылаше ей нищу довольну не то чю в день, но и в нощь; бѣ бо у нихъ в дому всего обильно, хлѣба и всѣхъ потребъ. Она же отъ свекрови нищу прїимая сама, а не ядше, гладныхъ все раздаше; и егда кто умираше, она же наймаше омывати, и погребальной даше и на погребеніе сребреники даше, а егда в селѣ ихъ погребяхуть мертвыхъ кого вибоудн, о всякомъ молися о отпущеніи грѣхъ. По малѣ же моръ бысть на людя силенъ, и мнози умираху пострѣломъ, и оттого мнози в домѣхъ замирахуся и узавенныхъ пострѣломъ в домъ не пушаху, и ризамъ не прикасахуся; они же, отаи свекра и свекрови, извесныхъ многихъ своими руками в бани омывая цѣляше, и о исцѣленіи Бога молише, и аще кто умираше, она же многи сироты своими руками омывъ и поgre-

бати найма, и сорокоустъ даяше. Свекру же и свекрови ея въ глубоцѣй старости во иноцѣхъ умершимъ, она же погребе ихъ честно: многу милостыню и сорокусты по нихъ разда служити по нихъ литоргію, и в домоу своемъ покой мнѣхъ и нищимъ поставляше во всю 40-цу во вся дни, и в темницы милостыни посылаше. Моужу бо ея в то время на службу въ Астарохани три лѣта и болѣ бывшу, она же по нихъ многу ивѣія в милостыню истроши, не точію в ты дни, но и во вся лѣта творя память умершимъ. И тако поживъ с моужемъ лѣта довольна во иноцѣхъ добродѣтели и честотѣ по закону Божию, и роди сыны и дщери. Ненавидѣя же добра врагъ тѣшася спону ей сотворити; часты брани воздвизашася въ дѣтехъ и рабѣхъ; она же вся, смысленно и разумно разсуждая, смиряше; врагъ же наустити раба ихъ: и уби сына ихъ старѣйшаго; потомъ и другаго на службѣ убиша; она же вналѣ о ней (о семъ) оскорбися, но о душахъ ихъ, а не о смерти, но вочти ихъ пѣніемъ, и молитвою, и милостынею; потомъ моли моужа отпустити ю в монастырь; и не отпустивъ, во совѣщавшася вкоуитъ жити, а плотваго совокушенія не шити. И оустрои ея обичную постелью, сама же с вечера по иноцѣхъ молитвѣхъ возлегаше на пещи без постели, точію дрова острыми сторонами к тѣлу подстилалаше, и ключи желѣзны под ребра свои подлагаше, и на тѣхъ мало сна принимаше, дондеже рабы ея усывааху, и потомъ вставаше на молитву, во всю ночь и до свѣта, и потомъ въ церковь вхожаше к заутрени и к литоргіи, и потомъ ручному дѣлу прилѣжаше, и домъ свой богоугодно строаше, рабы свои довольно нищемо и одѣяніемъ удомляше, и дѣло комоуждо во силѣ задаваше, вдовицы и сироты печашася, и бѣднымъ во всемъ помагааше.

И поживъ с моужемъ 10 лѣтъ по разлученіи плотвѣхъ, нужу ея преставльшася, она же погребе и честно, и вочти пѣніемъ и молитвами, и сорокусты, и милостынею, и паче мірская отверже, и печашася о душѣ, какъ угодати Богу, ревнуюя прежнихъ святыхъ жеванъ, моляся Богу, и постясь, и милостыню безмѣрну творя, яко мно-

гажды во остаткѣ у нея ни одной сребреницы, и забывая даяше нищимъ милостыню, и въ церковь во вся дни ходяаше к пѣнію. Егда же приходяше зима, взымаше у дѣтей своихъ сребреники, чѣмъ устроить одежду, и то раздавая нищимъ, сама же без теплыя одежды в зиму ходяаше, в сапоги же босыма ногама обувашася, точію под нога свои орѣховы скорлупы и чресне острое вмѣсто стелекъ подкладяше, и тѣло томаше. Во едино же время зима бѣ студена зѣло, яко земля разсѣдася отъ мразы; она же нѣсколько время к церкви не ходяаше, но в домоу моляся Богу. Во едино же время зѣло рано попоу церкви той приходшю единому в церковь, и бысть емоу гласъ от иконы богородичны: шедъ, рцы милостивой Улѣянѣ, что в церковь не ходитъ на молитву? и домовная ея молитва богоприятна, во не яко церковная; вы же почитайте ю, уже бо она не менши; 60 лѣтъ, и Духъ Святый на ней почиетъ! Попъ же в величїи оужасѣ бысть, абіе прииде к ней, надъ при ногу ея, прося прощенія, и сказа ей видѣніе. Она же тяжко внять, еже онъ погѣда предъ многими, и рече: соблазнился еси, егда о себѣ глаголаши; кто есмь азъ грѣшница, да боуду достойна сего нарицанія! И закая его не повѣдати никому, сама же иде въ церковь и с теплыми слезами молебная совершивъ, цѣлова икону Богородицину, и оттолѣ болѣ подвижася к Богу, ходя к церкви, во вся вечера моляшася Богу во отходной хранивѣ; бѣ же ту икона Владыцины и святаго Николы. Во единъ же вечеръ видѣ в ню по обычаю на молитву, и абіе бысть хранина полна бѣсовъ со всякимъ оружіемъ, хотяху оубити ю; она же помолися Богу со слезами; и явися ей святый Никола, ииѣ палицу, и прогна ихъ от нея; яко дымъ исчезоша; одного же бѣса поймавъ мочашася; святоую же благослови крестомъ, и абіе невидимъ бысть. Бѣсъ же плача, вопіаше: азъ ти многу спону творяхъ во вся дни: воздвизахъ брань в дѣтехъ и в рабѣхъ, к самой же не смѣяхъ приблизити ради милостыни, и смиренія, и молитвы. Она бо безпрестанно, в рукахъ имѣя четки, глагола Исусову молитву;

аще ядше и пиаше, имъ что дѣлая, непрестанно молитву глаголаше: егда бо и почиваше, уста ея движастася и утроба подвизаста (ся) на славословіе божіе; иногда видѣхомъ ю спящу, а рука ея чотки отдвигаше. Бѣсъ же бѣжа от нея, вопиаше: многу бѣдоу имѣти прияхъ тебе ради, но сотворю ти спону на старость гладомъ измирати, не чюжихъ кормити! Она же знаменася крестомъ; исчезе бѣсъ от нея; она же к намъ приде оужасна вельми и лицемъ преѣвися; мы же видѣхомъ ю смущену, вопрошахомъ, и не повѣда ничтоже. Не по мнози же сказа намъ тайно и заповѣда не рещи никому.

И возникъ во здѣствіи 9 лѣтъ, многу добродѣтель показа ко'всѣмъ, и много милостию разточа, точію нужные потребности доховные оставаше, и нищу точію годъ до года разчиташе, а избытокъ вся требующимъ растакаше: и продолжася жизнь ея до царя Бориса. В тоже время бысть гладъ крѣпокъ во всей русскій земли, яко многини от нужды скверныхъ мясъ и человѣческихъ плотей вкушати, и множество чювѣкъ неизчетно гладомъ изомроша. В дому же ея велика скудость нищии бысть и всѣхъ потребныхъ, яко отнюдъ не прорасте из земли всѣное жита ея, кони же и скоты изомроша; она же моляше дѣти и рабы своя, еже отнюдъ ничему и татѣбѣ не косноутися, но елико оставашься скоты, и ризы, и сосуды вся распрода на жито, и от того челядь кормяше, и милостыню довольну даваше, и в нищѣтѣ обычныя милостыни не розстася, и ни единого от просящихъ не отпусти тща, доиде же в послѣднюю нищетоу, яко ни единому зерну оставася в дому ея, и о томъ не смѣтася, во все упованіе на Бога возложи. В то бо лѣто преселися во ино село в предѣлы нижеградскія, и не бѣ тоу церкви, но яко два шоприца; она же старостію и нищетоу одержима, но ходяшася к церкви, но в дому молящася, и о томъ немалу печаль имаше, но поминая святаго Коринтія, яко не вреди его и домовная молитва и нишыхъ святыхъ. Велицѣ же скудости умножылися в

дому ея, она же распусти рабы на волю, да не мзурятся голодомъ, от нихъ же добродѣтели общахути с нею терпѣти, а инни отъидоша, она же со благословеніемъ и молитвою отпусти я, не держа гнѣва ни мало, и повелѣ оставшимъ рабамъ собирать лебеду и кору древяноюу, и в томъ хлѣбъ сотворить, и от того сама съ дѣтьми и рабы питашеся, и молитвою ея бысть хлѣбъ сладокъ; от того же нищимъ даваше, и никого нища не отпусти; в то бо время без числа нищихъ бѣ. Сосѣди же ея глаголашу нищимъ: что ради взялъ (?) нимъ (къ нимъ?) в домъ ходите? она бо и сама гладомъ измираетъ! Они же повѣдаша имъ: многи села обходимъ в чистъ хлѣбъ вземлемъ, а такъ в сладость не ядохомъ, яко сладокъ хлѣбъ вдовы сея. Много бо многи ея не вѣдаху. Сосѣди же изобильный хлѣбъ (нѣюще?) посылаашу в домъ ея просити хлѣба искушающа и такоже свидѣтельствующа, яко вельми хлѣбъ ея сладокъ, и дивися чювѣку (?) к себѣ горазди рабы ея печь хлѣбамъ, и не разумѣюще яко молитвою ея хлѣбъ сладокъ. Потерпѣ же в той нищѣтѣ два лѣта, не опечалися, ни смутися, ни поронта, и не согрѣши ни во устахъ своихъ, и не дастъ безоуміа Богу, и не изнеомже нищетоу, но лаче первыхъ лѣтъ весела бѣ.

Егда же приближися честно ея преставленію, и разболѣся декабря в 26-й день, и лежа 6 дней: въ день лежа моляшеся, а в ноци вставая моляшеся Богу особь стояше, никимъ поддержима, глаголаше бо: и у больнаго Богъ истязуетъ молитвы духовныя. Января въ 4-й день, свѣтающу дню, призва отца духовнаго, и причастися святыхъ танихъ, и съдъ призва дѣти и рабы своя, и поучая о любви, и о молитвѣ, и о милостыни, и о прочихъ добродѣтеляхъ, прирече же и се: желаніемъ возжадохъ ангельскаго образа, ивоческаго не сподобихся грѣхъ моихъ нищеты ради, повеже недостобна быхъ трѣшница смѣи убогая, Богу такъ извольшу, слава праведному судоу его. И тоутъ повелѣ уготовити кадвлю, и омианъ положить, и цѣлова вся соуцаа ту, и всѣмъ миръ и прощеніе дастъ, возлеже, и прекрестися трижды, обливъ

чотки около руки своа, поспѣднсе слово рече: слава Богу всѣхъ ради! в роудѣ твоѣ, Господи, предаю духъ мой, аминь! И продаеъ доушу свою в роудѣ Божіи, его же возлюбя, и вси видѣше около главы ея кругъ златъ, якоже на иконахъ околѣ главъ святыхъ пишется; и омыше положыше ю в кѣлтѣ; и в тоу ноцѣ видѣша свѣтъ и свѣща горяща, и благоуханіе велие повѣзаше не кѣлтѣ тоя; и вложише ю во гробъ дубовый, везоша в предѣлы муромскіа, и погребыше у церкви праведнаго Лазаря подлѣ моужа ея в селѣ Лазаревѣ за четьре версты отъ града, в лѣта 7112 генваря въ 10 день.

Потомъ надъ нею поставиша церковь тесную во имя архистратига Михаила, надъ гробомъ ея лучиса пещи быти, земля же возрасташе надъ нею во вся лѣта. И бысть в лѣто 7122-го августа въ 8 день престависа сынъ ея Георгій, и начаши въ церкви конати оному ноглу, в притворѣ между церковію и пещію, бѣ бо притворъ той без моста, и обрѣтъше гробъ ея на ворухоу земли цѣлъ, невреденъ ничинъ, и недоумѣваху чѣи естъ, яко от многихъ лѣтъ не бѣ тоу погребенаго. Того же мѣсяца въ 10 день погребше сына ея Георгія подлѣ гроба ея, и поидоша в донъ его учредити погребателей. Жены же бывшима открыша гробъ и видѣша полъ мвра благовошна, и в той часъ от оужа-

сти не повѣдана ничтоже: но отшестви же гостей сказаши бывшая. Мы же, слышавъ, удивилося, и откывши гробъ, видѣхомъ такъ яко жены рѣша от оужасти, начерпахомъ малъ сосоудецъ мвра того, и отвезохомъ во градъ Муромъ в соборную церковь, и бѣ в день акн квасъ свекольный, в ящци же стусѣващася акн масло багряновидно, тѣлеси же ея до коньда от оужасти не смѣдохомъ досмотрѣти, точію видѣхомъ ногѣ ея и бедры цѣлы соуща, главы же ея не видѣхомъ; того дѣла, понеже на коньцѣ гроба бревно вещное налегаше, от гроба же под пещь свѣжия, ею же гробъ той не под пещь идше на востокъ с сажень, дондеже пришедъ ста у стѣны церковныа. В тоу же ноцѣ мнози слышаху у церкви тоя звонъ, и мѣша пожаръ, и прибѣгше, не видѣша ничтоже, точію благоуханіе исхождаше, и мнози слышавше и приходяху, и назавхуса мвромъ тѣмъ, и облегченію отъ различныхъ недуговъ приинаху. Егда же мвро то раздано бысть, нача подлѣ гроба исходити персть, акн песокъ, и приходятъ болящии различными недуги и обѣтираются пескомъ, тѣмъ и облегченіе приемлютъ и до сего дня. Мы же сего не смѣдохомъ писати, яко не бѣ свидѣтельство.

[The page contains extremely faint and illegible text, likely bleed-through from the reverse side of the document. The text is too light to transcribe accurately.]

СКАЗАНИЕ

О ПЛЪННОМЪ ПОЛОВЧИНЪ.

1917

UNIVERSITY OF MICHIGAN

СКАЗАНИЕ

О ПЛѢННОМЪ ПОЛОВЧИНѢ.

О ПОЛОВЧИНѢ, ЕГО ЖЕ ПРѢДА НА ПОРУКУ ИВѢТИ ХРИСТИАНИНЪ ИСКУПА ДѢЛА СВАТОМУ НИКОЛѢ.

(Матер. Публ. Библ. рукоп. in f. 293).

Въ вѣкии челоуѣкъ цѣломудровъ и смысленъ въ славейнѣ градѣ въ Кновѣ, ииѣ вѣроу вѣлику и любовѣ ко святому Николѣ, и не вѣмъ кою прѣтчею сѣдѣше оу него Половчинъ все лѣто желѣзы окованъ; но единъ же отъ дней глагола ему христианинъ: доволѣ хочешъ сидѣти оу мене? дай на себѣ искупъ и отущиѣ та въ землю твою. Онъ же рече ему: аще на отущиши, принесу ти искупъ; аще ли на держиши, не ииѣю что ти дати. Христианинъ же рече ему: дай на себѣ поруку; отущиѣ та. Половчинъ же рече ему: ты самъ вѣси, ако иѣсть кто въ Руси поручаеа ко ииѣ? И глагола сѣму христианинъ: хочешъ ли дамъ та на поруку святому Николѣ? Онъ же рече: не зѣиѣю его, ни онъ мене; то како поручиѣа на ииѣ? Христианинъ же воде его в церковь и показа ему икону святаго Николы, глагола: хочешъ ли сему та дамъ на поруку? Половчинъ же рече съ радостію: хощю; аще на покажете и все привезу, ииѣже должѣиѣ есмь тебѣ! Мнѣше бо ако ничтоже въ Руси вѣра челоуѣка того, еже ко святому Николѣ. Дивно бо есть, братіе, како не сматеса, нуща сего пленника; ни помысли въ сердцѣ своемъ: принесетъ ли сѣму искупъ или не принесетъ! По одно во оумѣ ииѣ порученіе святому Николѣ и не имать погинути. И си рекъ чюд-

ный мужъ, отпусти пленника, дамъ сѣму одѣиѣю и потребу на путѣ доволноу, и на конѣ своемъ всадивъ и обѣзъ дамъ, рече ему: брате, не вози солгати, сѣму же са вси обѣщалъ принестѣ искупъ или прислати; аще ли же солжешъ, извѣсто ти буди: не имашъ оубѣжати руки поручившагоса на тебѣ. Онъ же рече: створю все, ѡ немъ же глаголешъ. И си рекъ, поклонивъа поиде. Едоущи же путемъ, алу мысль во сердцѣ смысленъ, глаголаше: иѣсть смысла во истину въ Русанѣ семъ, еже на предаотъ образу на поруку, на дѣлѣ напичаюу, Николѣ нарицаему, что ни можеть створити? ииѣ бо не вижю его, ни онъ мене! како бо можеть доска ходити или вѣдити? аще бы и великоу челоуѣку дамъ на на поруку, и того въ своей земли не боюса, ни искупа дамъ! И ту мысль ииѣа, прѣвѣа въ землю свою; домашни же его ииѣла такоже ако безъ ума отпущенъ; а не вѣдуши силы Божіа и чудеса святаго Николы; безумнии скотѣ гордящиса суетнымъ богатствомъ, слышавши оу него, не боатиса сѣму велику своего поручника, мнѣши яко игру суща бывши, самѣ безумни во игрѣ не радѣши ѡ семъ. Мало же дней мину, ииѣса сѣму истинный и полезный и незамолсенный помощникъ и поборникъ христьяномъ святой великий Николъ, глагола: знаешъ ли на, друже? Половчинъ же

рече: не знаю. Кто ты еси? И глагола ему свѣтый Никола: не азъ ли поручихся по тебѣ, принести было ты искупъ хрѣстьянину оному, ты же что ради медлиши? се глаголю ти: повези на себѣ искупъ, да бѣды ти не створю! И си рекъ, не видимъ бысть. Половчинъ же дивиса явленію, мнѣши ничтоже суть и скоро забы. Единою же всѣдъ на конь поѣха на полѣ, явиса ему свѣтый Никола, и исторже съ кова, и потрясо вѣтъ, глагола: не рѣхъ ли ти, окаянно, повези на себѣ искупъ хрѣстьянину оному, яко данъ ми еси имъ на поруку; и вскорѣ забылъ глаголанное имоу, и се ещо ти глаголю: пожалуй себѣ самъ: повези на себѣ искупъ; аще ли забудеши се, то оузрѣши что ти будетъ отъ мене. И си рѣкъ свѣтый Никола къ нему, не видимъ бысть. Половчинъ же той всѣдъ на конь, поѣха въ домъ, на сердцѣ имѣа мысль повѣсти скоро искупъ, ниѣ, бо некакы болѣзнь отъ втораго явленія свѣтаго Никола; и бывшею ему во мнозѣ патѣи и во скотскомъ житіи, забы и то, мѣа яко мимо шло и ничтоже ему будетъ, якоже и нынѣ мнозихъ виднѣтъ: аще и законъ Божій свидѣтъ, егда найдеть болѣзнь на нихъ или бѣда велика, молатся Богови со слезами и на помощь призывають поим, и мнѣси, и нищии, глаголющи: господіе, помолитсѣа о насъ да помилуетъ ны Богъ насъ ради; такъ уже не будемъ ащѣ же нынѣ, во нынѣ обычай приимѣтъ, яко Богоугодно; разумѣемъ, яко всю млатенѣа въ житіи сомъ; егда же дастъ намъ Богъ тѣхъ молитвенн, къ нимъ же вѣру приложнша, тогда забудутъ, иногда помолчатъ ихъ, еже ркоша въ болѣзни или въ бѣдѣ молитсѣа: и здрави бывше, тѣхъ озлобляютъ, ихже призывана на молитвою, возносящо ихъ творятсѣа, а на воищихъ гнушаютсѣа и возрнѣти, аки безсмертнѣ сотворятсѣа. Такожъ и сей поганій половчинъ, егда потрясо вѣтъ явився свѣтый Никола, тогда оубоасѣа его; егда же мину несколько дней не являсѣа ему, тогда онъ забы. Неколи же потомъ за мало дней приключнѣа сонму быти княземъ ихъ и великимъ, съѣхавшимъ мнозихъ, и тоу Половчину ту же прѣхавшию, и егда ставшию на вышн въ сонмищи съ ними, стороже его съ кова сила

Божіа невидимая, всѣмъ зрацимъ и дивящимъсѣа, нача терзати и порѣвати его, глагола: не рѣхъ ли ти, окаянно, повези на себѣ искупъ, да негорѣ ти сего будетъ; онъ бо хрѣстьянинъ теплоу вѣроу прибеже ко мнѣ, и возверже печаль свою на мѣ, то како могу зрѣти его въ печали той; ты же, безумный варваръ, гордый, не помяну моего порученія, ни убоасѣа суда Божіа, еже приде на та скоро, ни моего перваго и втораго явленія! И глаголаше: и се нынѣ оуже въ третѣи явнѣтъ ти си, терпѣннѣе мукою си (?) за преслушаніе! Страшно же быше, братіе, видѣти мученія его: шегда бо бѣ главою потченъ въ землю, шегда же отъ земли восхмщенъ и въ землю разраженъ, иногда же быше глава его между ногъ его, и ктому невиднѣа аки батоги бѣаше его сила Божіа, одинако глаголющи: повези на себѣ искупъ хрѣстьянину оному. Шволо же его стоупнѣи всѣ разбѣгошасѣа; онъ же лежаше аки мертвъ. Знающнѣи же повѣдаша, ѣхавши, роду его бывшее мученіе то надъ нимъ, шѣже, прѣхавши, взяша его ель жива. Мнози же дни лежа во моты глаголати, но яко отъ сна возобноувъ и брашна вкуснѣтъ, оукрѣнѣса, и повѣда роду своему всѣ бывшаа: первое явленіе и второе свѣтаго Никола, и казнѣи и глаголаніе; шѣже, ничтоже вѣдущи бывшаго ему, нынѣ слышавши, начаша гнѣватисѣа на ны, сице глаголющи: кто тако безуменъ якоже ты? виднѣтъ явленіе первое и второе поручника своего и убоасѣа, ни повѣда намъ; мнѣхонъ бо якоже прѣжъ глагола намъ: кому на да на поруку? безъ ума данъ осмѣ Богови рускому! Шнѣ же рече ны: еи, не самому Богу, но свѣтцю его Никола! Шнѣ же рѣша ему: аще не богу ихъ, но слуги его; не вѣси ли яко великъ естъ богъ русскій и дивна чудоса творитъ; то великинъ слуги его; не токмо самъ дѣетъ преславная, но и тѣ слуги его, аще бо бѣда кая любо отъ насъ бываетъ нынѣ, то глаголютъ: за грѣхи наша Богъ не помогаетъ намъ; аще бы нынѣ помогъ, то ни единъ бы насъ осталъ отъ нихъ! Ты же, безъ ума не убоасѣа Бога ихъ и свѣтца того, вижѣ, что еси приобрѣлъ еси! Аще нынѣ не повѣдеши со искупомъ въ Русь, то отиди отъ насъ, и

едниъ погнаи, да и мы съ тобою казни не приимемъ. половчинъ же той убоавьса, то слышавъ отъ нѣхъ, ни мало пождавъ, повелѣ работъ своихъ нарядитиса в стадо коней отлучити, иже быше дати искупъ, и малое стаде къ тому прилучити, еже дати отъ порученио святому Николѣ, дабы уже не мучилъ его; баше бо богатъ зѣло. И тако скоро поѣха на Русь съ конми тѣми и не токмо искупъ пригна господину своему, но и боле боаса поручника своего, нашего поборника великаго помощника святаго Николы. Егда же пригнаса ко граду Киеву, не ѣха на дворъ, идѣже бѣ сѣдѣлъ у господина оного, во ѣха преже ко церкви святаго Николы, идѣже бѣ данъ на порукою ему, и слѣзъ съ коня, далече, пѣшъ приде, ведмъ за собою малое оно стадо коней, и вшедъ въ притворъ, оузрѣ икону евоу святаго Николы, сице со слезами надъ на землю рече: не мучи мене, Господи мой поручниче, сватче Божій Николо, се искупъ весь пригнахъ христѣяниноу твоему и тебѣ вощто мало отъ порученіа, да не гибзавшиса на ма; но леже хотѣхъ солгати и не добро ми бысть. И се изрекъ и кони отдавъ іерѣю тоа церкви, поѣха ко господину своему, и пригнавъ на дворъ его большее стадо коней, поклонивъса рече емоу: се искупъ мой, го-

споди, а оу поручника быхъ уже! И сказа емоу все порадѣ бывшее. Христѣянинъ же той, се слышавъ, и видивъ, оужасеся сердцемъ и оудивиса о преславнемъ семъ чудесе, и скоро вставъ, тече въ церковь святаго Николы, и падъ предъ образомъ его, многи слезы проліа, хвала милосердію его, глаголаше: что ти принесу, сватче Божій, за все, яже ми воздалъ недостойному рабу твоемоу; твоихъ бо даровъ весь есмь обленѣн, иждѣи бо ты широту царства небеснаго, и намъ отуди дароваа дары; мы жъ точію сіа ти приносимъ, оудивисея твоей милости, хвалимъ твоа щедроты, блажимъ твое заступленіе! И такоу оумножену створи въ молитву въ святѣй церкви его, иде въ домъ свой, и созва весь родъ свой, и племя, и други, и сусѣды своа, глагола: срадуйтесиса, яко оудиви милость свою на мнѣ убозѣмъ сватителъ христовъ Николае! И сказа имъ все порадѣ, еже створи половчинъ; онѣ же вси слышавши се, яко едиными усты похвалиша, глаголюще: дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, творяи чудеса святыми своими! Боголюбивый же той мужъ створи праздникъ честенъ святому Николѣ, якоже на память его творити чрезъ ноцъ стояніемъ и пѣніемъ, помы же и мнѣшъ на обѣдъ созва и нищяа милостынею учредъ.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Эта сказаніе составляетъ одно изъ чудесъ, приписываемыхъ Св. Николаю Чудотворцу и находится во многихъ старыхъ спискахъ житій этого святаго, издавна чествуемаго русскими народомъ съ особеннымъ уваженіемъ.

Начало его относится къ древнимъ временамъ до-татарскаго періода удѣльно вѣчеваго уклада и сколько можно судить, оно дошло до насъ въ видѣ, не слишкомъ удалившемся отъ первообраза. Это показываетъ и складъ, и отчасти языкъ, удержавшій древнія формы, хотя послѣдующія переходныя эпохи и положили на немъ печать свою. При скудости памятниковъ отъ этихъ отдаленныхъ временъ, оно составляетъ драгоценность для нашей исторіи.

Во время борьбы южно русскаго народа съ половцами, воцарились въ плѣнъ непріятель съ обѣихъ сторонъ; наше сказаніе показываетъ, что русины держали плѣнниковъ у себя и отпускали за выкупъ. Русинъ, войдя въ половчина смотрѣлъ на него какъ на выгодный источникъ дохода. Выкупъ со стороны половцевъ, за неимѣніемъ еще у нихъ монетъ, состоялъ въ скотѣ и лошадяхъ. Безъ сомнѣнія стада и табуны составляли предметъ торговли съ русскими, о которой встрѣчаются короткія извѣстія и въ нашихъ летописяхъ.

Уже въ эти далекія времена поручительство, игравшее столь важную роль въ послѣдствіи, было однимъ изъ важнѣйшихъ юридическихъ обычаевъ. Поручившемуся

давалось за то вознагражденіе отъ того, за кого онъ ручался, какъ это видно изъ того, что половчинъ считъ нужнымъ, кромѣ табуна, пригнаннаго для того, кто его держалъ въ плѣну, доставить еще небольшое стадо и Св. Николаю.

Христіанинъ, отпуская плѣнника, не смотря на то, что онъ былъ его должникъ, считъ нужнымъ надѣлать его на дорогу пищею и одеждою. Это древній коренной обычай отпустить изъ дома человѣка, въ какихъ бы отношеніяхъ онъ ни находился, вкоренивши и надѣливши вещь нужнымъ, и вообще съ заботливостію, чтобъ отпущенный не потерпѣлъ по выходѣ отъ хозяина. На такомъ основаніи в Владимірѣ, отпуская отъ себя проповѣдника Св. Бруно къ печенѣгамъ, оказывалъ ему такое заботливое попеченіе, какъ это видно изъ письма самого Бруно.

Сказаніе наше сообщаетъ тоже любопытныя черты половецкаго быта; видно, что у Половцевъ былъ вѣча; на нихъ съѣзжались князья разныхъ вѣжъ, на которыхъ дробилось половецкое племя. Вместе съ князьями сходились знатные (вельможи), собиравшись въ чистомъ полѣ, сидя на коняхъ верхами. Нашъ половчинъ вѣроятно былъ одинъ изъ знатныхъ особъ половецкаго народа.

Нѣтъ нужды распространяться о томъ, что самое важное достоинство этого древняго сказанія то, что оно рисуетъ живо и наглядно дѣтскій простодушный взглядъ русскаго человѣка стараго времени.

СКАЗАНИЕ

О СТАРЦЪ, ИЗВЕДШИИЪ ДОЖДЪ СЪ НЕБА.

СКАЗАНИЕ

О СТАРЦѢ, ПРІЗВЕДШЕМЪ ДОЖДЬ СЪ НЕБА.

(Илистр. Публ. Библи. Поход. дрвелегр. № 1606.)

СЛОВО О СТАРЦѢ, (Ъ) ИЖЕ ЯВЛЕНТЕЮ ДОЖДЬ С НЕБЕСЪ СЕВЪДЪ.

Бысть нѣкогда въ Моурьстей области бездождіе великое, и молящися имъ, епископъ и игуменове, и попови, ^{а)} и вси ^{б)} людие со усердіемъ къ Богу да подасть дождь; и не бысть по многи дни дожда. Бысть людехъ страны той велика скорбь, бездождія ради, яко отнюдь ^{в)} плодомъ верости, и от многа солнца зноя земля взыхаше. ^{г)} И молящися людехъ къ Богу, дабы помилувалъ ихъ, епископъ же прилежно молящеся Богу, да подасть ^{д)} земли дождь, и бысть с небеси гласъ глаголющъ: иди по утрени ^{е)} ^{ж)} к западнымъ вратамъ града: аще кого узриши перво ^{з)} ходяще ^{и)} во градъ, и того удержи, и рци ему: да помолится. И будетъ вамъ дождь. Епископъ же шедъ съ заутрени со всѣмъ прикосомъ своимъ, и сѣде во вратѣхъ ^{л)} града, и се вхождаше ^{м)} единъ старецъ, ^{н)} нося на плещу своемъ бремя дровъ; епископъ же повелѣ удержати, ^{о)} и воставъ сложи с плещу его ^{п)} бремя дровъ епископъ, ^{р)} и поклонися ^{с)} до земли, глагола ему: Господа ради, авва отче, помолися да Господь послетъ намъ милость свою и пуститъ дождь на землю. Старецъ же недостовна себе глаголаше и грѣшна. ^{д)}

Епископъ ему прилежно молящеся, да помолится за люди и за градъ. ^{е)} Умоленъ же бысть старецъ отъ епископа и преклонивъ колѣна молящеся Богу, и в тотъ ^{ж)} часъ бысть туча, и сииде дождь великъ; видѣвъ же епископъ и ^{з)} люди бывшое, прославивша ^{и)} Бога, епископъ же нача молити старца, глагола: Господа ради, сотвори любовь, отче, повѣждь намъ ползы ради житіе свое, да и мы поревнуемъ твоимъ добродѣтелямъ и доброму житію твоему. И рече старецъ: прости мя, Господи отче, азъ бо отнюдь ^{л)} грѣшенъ в убогъ, ничтоже имы поконна, ниже бы ми душа моя утѣшалася; но се яко видиши мя, вхожу во градъ, нося бремя дровъ; сеже творю по вся дни, со продаю, куплю си хлѣбъ, много же не имамъ ничтоже, и сплю во церкви по вся ноци, а утро исхода тоже творю; аще ли будетъ зима или слота, день или два, тогда алчень пребываю, донесю же, тихо исхода, пакы сѣку дрова, и на плещу моею ношу во градъ, и продаю: тѣмъ ядъ ^{м)} си ^{н)} куплю, а лишисе немущимъ раздаваю; от дому же чюжаго, ни от чюжая силы никогда не взяхъ хлѣба, ни ядохъ туне ни у кого же.

ПОВѢСТЬ

О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ РАБѢ.

HOBBES

0 EVALUATION PAPERS

ПОВѢСТЬ О БЛАГОЧЕСТИВОМЪ РАБѢ.

(По списку Им. Публ. Библ. Поход. дрессир. № 1550.)

ПЕРВЫЙ ВАРИАНТЪ.

Бысть вѣкій мужъ вѣроу Господени и житіенъ добръ, той же кнѣше у себя сына единородна суща. И во времена вѣкая бысть гладъ крѣпокъ по странѣ той, и оскудѣ добрый той мужъ всякою тѣлесною нищею; и рече онъ рабъ Христовъ: чадо мое любимое! видиши ли, яко мы оскудѣхомъ, и не имѣемъ что ясти: уже къ смерти гладной приближаемся, промысли ти о себѣ не съимъ, но токмо едино запродадимъ тя; и ты будешь живъ, а мы не умремъ голодомъ. И глагола ему сынъ его: отче мой, твори надо мною еже хочещи! Отецъ же его приведе ко единому от вельможъ и глагола ему: хочещи ли купити сына моего? Вельможа онъ возарѣ нанъ, рече: хочу. И вземъ цѣну, дастъ отцу его. Божій же человекъ и Христовъ рабъ призва къ себѣ сына своего, и прослезися жалостно, и рече: чадо мое возлюбленное! утроба моя! послушай мене и сохрани заповѣдь мою до кончины живота своего спасенъ будешь; се же ти, чадо, заповѣдаю: егда начнутъ служити божественную литургію, а ты никакоже не отступай в то время отъ церкви до послѣднія молитвы; или лучиттися мною или, в то время какъ литургію Божію служатъ, не мози ниимъ провѣти, не дослушавъ конца. И аще, чадо, сіе мое наказаніе сохраниши, а владыко Христосъ помилуетъ тя отъ всякіа бѣды, ради великіа

своея милости и для великіа службы божественныа покрываетъ тя милостію своею. И сіа рекъ, разоидошася кійждо в домы своя.

Доблій же онъ отрокъ, по наказанію отца своего, нача прилежати къ церкви Божіей, наче же во время божественныа литургіи, а сіе творящу ему не мало время. По лѣтѣхъ же вѣконхъ цѣломудреннѣй онъ юноша видѣ господю свою со нимъ вѣконѣ работъ не въ коемъ тайномъ блудѣ творящу; узрѣвъ же онъ и ужасеся и умолча, никому же сего не повѣда, наче же Бога моляше, глагола: Господи, отпусти господѣ моеи беззаконіе сіе, яко соблазнъ дїавола есть и прелесть его! Господжа его начатъ помышляти лукавое въ сердци своемъ на предивнаго отрока сего, и глагола въ себѣ: егда видѣлъ то, вѣкогда скажетъ господину своему на нихъ. И тако окаянная она умысли на цѣломудреннаго да погубитъ его, исполнися гнѣва и злобы, и глагола мужевн своему: се рабъ купленный вѣсть добръ, яко втайнѣ согладываетъ, а главы твоя нищетъ, а мыслитъ како бы погубити тебя, а ниѣ господѣ своей много досажаетъ укорными словесы злыми и беззаконными, да лѣпо ти есть сего убить, неже онъ насъ погубитъ. И слыша се вельможа господнѣ его, а вѣрова словесаи лукавыи, осуди кроткаго и молчаливаго сего от-

рока на смерть, и глагола епарху другу своему: друже мой! молю ти ся, учини по дружбѣ наю: имамъ раба, егже пришло к тебѣ съ убрусомъ, и ты отсѣки главу ему, и во егже пришло послѣ его, и тому отдаси главу, вложи въ убрусъ. И посла неповиннаго отрока, дасть ему убрусъ, глагола: иди к епарху другу моему с убрусомъ, и даждь ему. Онъ же не видѣше, яко на смерть посланъ быше; идущу жъ ему мимо церкви и слышитъ поющу божественную литургію, и по заповѣди отца своего ста у церкви, молиса Богу, дожидая конца ивѣію, да исполнитъ службу свою како посланъ. Госпожа же его гнѣва полна сущи, ускори послать вповостаго онаго раба к епарху по главу праведичу, и глагола к рабу своему: иди к епарху, и рцы ему, и еже дасть ти, принеси ко мнѣ вскорѣ, яко потребна ми вещь есть. Идущу же ему, видѣ друга своего въ церкви стояща, и божественнаго ивѣія слушающа, и рече ему: како идеши, друже? Онъ же рече: господиъ посла мя к епарху града сего со убрусомъ симъ. Онъ же рече: и азъ от госпожи своея къ нему жъ посланъ; молю ти ся, друже мой, азъ хочу послушать божественнаго ивѣія, ты же возми убрусъ сей и доно-

си его к епарху, да оба подъямъ орудіе едино. И възьмъ убрусъ другъ его, отвесе к епарху. И в той часъ епархъ отсѣче ему главу и вложи во убрусъ. И егда совершися божественная литургія, доблій же отрокъ приде к епарху; и въземъ епархъ главу во убрусъ, дасть ему, рекъ: даждь ю господину своему. Отрокъ же въземъ главу, принесе ю, дасть господину. Видѣше же господиъ и госпожа вещь дивну, ужасошася и диващася въ себѣ, глаголюще: яко осужденный на смерть живъ приде, а посланный на животъ мертвъ обрѣтеса! И призва вельможа того вѣрнаго раба своего, и нача его вопрошати отвѣта: како гонзю смерти? И повѣда отрокъ предъ всѣми: яко не хота преступити заповѣди отца своего, стахъ у церкви на молитву, додеже скончася божественная служба; видѣвъ же друга моего идуща, и вопросихъ, и дахъ ему убрусъ, сей да донесеть его к епарху. Сей же азъ скончася, азъ же по совершеніи ивѣія идохъ на свое орудіе, и дасть ивѣ епархъ убрусъ сей. Слышавше воздвигашася вси, прославиша Бога, яко соблюде Богъ отрока праведнаго от смерти, заповѣди ради отца его и многаго ради смиренія его и правды.

ВТОРОЙ ВАРИАНТЪ.

(Илл. Публ. Библ. езд. I. № 209 рукоп. XV в.)

Иже древо бысть се, повѣда намъ ивѣто от нестрѣмкы: бѣ моужь егеръ богобоязливъ и тѣ сына оу себѣ ивѣ еднородна; и бысть во странѣ той моужь, и рече сынови своему: о чадо! видиши ли, яко осиротехонъ и не имамъ что асти, хочещи ли да ты вродамъ, да и ты будещи живъ, и мы, твои родители, гладомъ не оувремъ? И глагола сынъ: твори, отче, еже хочещи. Отець повнъ его, и веде ко единому от вельможъ, и

взять цѣноу на сыноу своемъ, и рече ему: чадо мой! се заповедаю ти: егда ти боудеть служба во святѣй церкви, и не можн отити, доколѣ кончатъ святоую службу. То нарекъ, отиде от него в домъ свой. Отрокъ же послушывливый, свершая отца своего повѣію, и мивоувшоу лѣтоу, види госпожоу свою творащю блондъ съ слоугою своимъ, и никому же сего не повѣдаше, но молише Бога, дабы ниа грѣхъ оставилъ.

Госпоже же его исполнишася (исполнися) гнѣва, срама
 не мога терпѣти, глагола мужевн своему: сїи ново-
 купленный рабъ вѣсть добръ: о главѣ твоей мыслїти;
 да лавлѣ (?) есть его оубити, нежели онъ тебѣ, моего
 живота, оубыетъ. Сїи блудная жена и лъстивая мужю
 своему глаголаше; онъ же лужавая ея словеса слы-
 шавъ и гъзъ вѣроу, и осудитъ праведнаго оумрети, а
 онъ и не велаше, и съвѣщашася с епархомъ: его
 же ти с оуброусомъ пришлю, того оусецн главу и
 дасть ю кто ти по нее прїидеть. А не марече именемъ
 ни единого от слоугъ. И прїидеъ в домъ свой, по-
 славъ праведнаго, и даъ ему уброусъ. Онъ же не вѣ-
 дано на смерть ядѣ; бысть же ядоущю ему мимо
 церковь, слышавъ божественую пѣснь носку, вспо-
 ману отца своего наказанье и ста оу церкви, жды
 съвершенїя слоужбѣ. Госпоже же его, гнѣвомъ обдер-
 жима, оускори послати виноватаго по немъ к мечнику;
 пожде виноватый идущїи, и видѣ друга своего оу
 церкви стояща; тожде рече ему правнн той отрокъ:
 како, друже, идеши? Посланъ же рече ему: ко меч-
 нику повелено ни есть ити. И гъ глагола: и азъ ктоноу
 же есмь былъ посланъ с снмъ оубрусомъ, да возим оу

мене, друже, ты оуброусъ сей, и неси его ко мечни-
 коу томоу, да не оба трудився. Онъ же вземъ оуб-
 роусъ оу него, и несе его ко мечнику. И в томъ часѣ
 мечникъ оусекноу главоу виноватаго и в оубрусъ об-
 вить. И съвершенїи же бывши божественїи слоужбѣ во
 церкви, прїиде правнн отрокъ к мечнику; онъ же гла-
 воу вземъ, и дасть ему, и рекъ: неси сїю господяноу
 своему. Отрокъ же вземъ главу и несе ю господяну
 своему. Госпоже его и осподнїз оудивистася, како
 посланный на смерть прїиде и ви (бѣ?) живъ, а же по
 главоу шедый а той оумре, и въпросиша его. И от-
 рокъ же начатъ повѣдати предо всеми, глаголюще ннъ:
 азъ, не ослушався отца своего заповѣди, стахъ оу цер-
 кви до совершениа слоужбы; пожде другъ мой ско-
 ро, и дахъ ему уброусъ сей, и оумре азъ; азъ же
 прїидохъ живъ. И вси прославиша Бога, како съблю-
 денъ бысть отрокъ от смерти, сотворивъ заповѣдь отчю,
 виноватый азъ оумре. Се же, братья и сестры, слыша-
 ще, не можете исходити по церкви прежде конца пѣннѣю,
 паче же в часѣ литургїи, да забавлени боудете бѣдъ
 и добръ поживете Богоу нашему.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Ткань этой легенды напоминаетъ известную Шаллерову балладу *der Gang nach Eisenhammer*, взятую изъ средневѣковыхъ преданій. Заимствованъ ли предметъ ея содержанія извѣтъ въ видѣ разсказа, или независимо сложилась она у насъ самобытно на основаніяхъ, слодныхъ съ тѣми, которыя прозябли на западѣ подобную легенду — рѣшительно опредѣлить трудно. Едва ли разсказъ заимствованъ съ запада, какъ это показываетъ греческое слово *спархъ*: или самый разсказъ могъ взятъ быть изъ византийскаго міра, или вѣроятно, слово *спархъ* вошло въ составившуюся на Руси легенду потому, что это слово довольно обыкновенное и часто упоминаемое въ раз-

ныхъ житіяхъ греческихъ святыхъ, издавна у насъ переведенныхъ и распространенныхъ во всеобщемъ чтеніи. Замѣчательно, что во второмъ вариантѣ болѣе старомъ, слово *спархъ* употреблено только одинъ разъ, а въ прочихъ замѣнено словомъ *мечникъ*. Это побуждаетъ предполагать, что въ первоначальной редакціи слова *спархъ* вовсе не было, а внесено оно впоследствии; и такимъ образомъ ничто не обличаетъ иноземнаго происхожденія нашей легенды. Слово *спархъ* означало начальника въ обширномъ смыслѣ. Продажа дѣтей родителями во время голода — событіе частое въ древней Руси, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи.

ЛЕГЕНДА

О ДВУХЪ САПОЖНИКАХЪ.

ALBERT

EXAMINATION OF THE

ЛЕГЕНДА

О ДВУХЪ САНОЖНИКАХЪ. (*)

(Шклер. Публ. Библ. Омд. I. № 209, рукоп. XV в. также Повед. древолекр. № 1606.)

СЪ НЬЮЮ ДЕЮЮ СОУСЪДУ ШВЕЦЮ.

Послушайте о семъ. Бѣста два соуѣда шевци вкупѣ живоуща; одинъ же ею иняше отца, и матеръ свою, и жену, и дѣти ивогны; но вся дни ходяше въ церковь в годъ ивѣня и вся о Бозѣ кормяше, от ремѣста своего изобилываше и во милостыню подавал; а друугій же, хитръ смѣй велии, но не ходяше ко церкви и дѣлавя и в недѣлю, не спочиваше всегда, но не себе кормити не можаше. Завидя же соуѣдоу своему, и единою со гнѣвомъ рече емоу: откуда ты обогатѣлъ еси? азъ же болше тебе прилежа реместѣхъ своимъ обнищашъ уже; онъ же глагола емоу мудростію, хотяи наочити, дабы къ церкви ходилъ, рече емоу: обрѣтаю, брате, на пути злата, ходящи ко церкви, и оттуду есмь обогатѣлъ; аще и ты, друже, со мною хочещи всегда ходити ко церкви, да ты изымаю, и еже обрящешъ, ты половиною изымай. Онъ же ятъ вѣроу соуѣду своему, начатъ с нимъ ходити къ церкви. И благослови Богъ: обогатѣ и много хвалаще совѣтника своего, слава Христа Бога. И рече единою к нему: о брате! много ми еси пользовалъ души моеи и ивѣнью моему, но ни ми вѣроу: ничто на поутѣ не обрѣтохъ

николиже, якоже ты ми рече, но не ложно естъ Господне слово, яже рече: первѣе ищете царствія небоснаго, и еи вся приложатся вамъ. Се ти повѣдаю: обрѣтохъ бо уже и приобрѣтохъ. Се же увидѣвъ архіепископъ, сотвори добраго совѣтника пресантеронъ; бѣ бо кинганъ хитръ велии.

Се же, братее и чада, слышаще, тецѣте къ церкви дѣло оставши, да Господь помилуетъ ны, аще бо и много си труждаемъ дѣлающе или коуплю дѣюще; а от Бога не будетъ дано, но не успѣемъ то ничтоже; того дѣла, братіе, боудьте ко церкви востанави на оутреннюю, и на литоргію и на вечерню. Да благословитъ вы Господь и лѣта ваша исполнитъ миромъ и обильно житіе вы подасть, а по исходѣ отсуду царство небосное подасть вы, но милости вашей помилуетъ вы Господь: Всякъ ко церкви потщися. Аще еси праведникъ, тоци, да правды не погубиши, аще ли еси грѣшникъ, тоци ко церкви всегда, да оучаеши святыхъ слышши, а не отчаяся, брате, но всегда ко Богу со воздыханьемъ помолися и кайся от сердца грѣховъ своихъ,

(*) Пелск. свѣдс. палороссійск. швецъ — сапожникъ.

Бога моли ходячи к церкви, и церковь бо всѣмъ есть
пристанище: всякъ в ню потщися, да спасется; аще по
воли господни пойдете, вся бо вамъ Господь хотѣнїя ва-
ша исполнитъ, не ложно бо есть рекый: исцете прежде
царствїя небеснаго и си вся приложатся вамъ; и пакы

Господь пророкомъ рече: аще хочете, послушаете ме-
не, благая земная снесте; аще ли не хотите, не по-
слушаете мене, оружие вы поимъ. Уста бо Господни
глаголаша сіе; аще послушаетъ кто, спасенъ будетъ, и
кто не послушаетъ, осужденъ будетъ въ мучку.

ЛЕГЕНДА

О ПОКАЯНИИ КНЯЗЯ.

ALBERT

JOHN WILKINSON

ЛЕГЕНДА

О ПОБАЯНІИ КНЯЗЯ.

(По списку XVII вѣка.)

Бѣ нѣкій благоправный и святыхъ обычаевъ іерей, живый въ града, добродѣтели же его ради и чуднаго жителства и во чадомъ духовнымъ наказаніи и исправленіи отъсюду чловѣцы притекаху, хотяще его пастыря себѣ имѣти; и нѣкогда во святый и великій нощь стекающимся к нему покаяніа ради множество народа, тогда узрѣвъ се князь онаго града, спроси ихъ: како и чего ради грядуть толкии народа собраніе? Извѣстивша ему, яко ко оному святому и чудному іерею исповѣдати предъ нимъ грѣхи своя. Князь же, слышавъ сіа, нача в себѣ помышляти, глаголя: яко мнѣ, наче всѣхъ согрѣшшу, удобѣе бы себѣ такова искати іерея, и врачество на грѣхи; понеже есмь грабитель, и губитель, и грѣшникъ предъ Богомъ и ближними, братією моею, всѣми чловѣки. И от сего помышленія наки во нну мысль приде, глаголя: можетъ ли мнѣ что, такову сущу грѣшну, покаяніе помощи? Обаче первая мысль его проясися: новде ко оному доброму отцу іерею грѣхи своя исповѣдати; приде же и припаде исповѣдати; и рече ему добродѣтельный отецъ: подобаетъ ти, чадо, восприяти лѣкарство на струми грѣховъ твоихъ; спитанію, и что хочещи: можещи ли, яко церковь прія, пятнадцать лѣтъ заповѣданное мною понести? Онъ же рече: аще милость твоя разсмотритъ о

мнѣ, яко не могу! Іерей же рече: аще седмь лѣтъ? и потомъ: аще три лѣта? и посемъ: аще три мѣсяца? И князь рече: не могу, отче святыи, обмыкшій въ слабостехъ моихъ ни сего понести. И рече отецъ: аще можещи покаятися чрезъ одну нощь, единъ во храмѣ, иже врадъ градомъ, побѣди в томъ за отпущеніе грѣховъ и пребыти в сокрушеніи сердечнѣмъ? И князь одну нощь во храмѣ томъ пребыти восхотѣ. Священникъ же наказавъ его и остави въ церкви оной, отъиде. Князь же, егда вииде въ церковь, нача в себѣ помышляти: лучше мнѣ покаятися нынѣ отъ сердца, нежели егда предъоходити начветь конечная немощь. И ста предъ олтаремъ въ сокрушеніи сердца, прося отпущенія грѣховъ своихъ; егда же бысть вечеръ глубокий, виидя нѣкто отъ святыхъ (1) демоновъ отъ всея страны той собратися; и рече единъ старѣйшій: лишихомся друга нашего великаго, аще пребудеть въ замѣрномъ покаяніи; а вѣсте ли яко нашъ бѣ; да потщится же кто изъ васъ сіе сотворити, да или ослабился, или устранился, и остави покаяніе, избѣжитъ, и аще тако сотворитъ, то явци нашъ будетъ. И наки рече: есть ли между нами таковой, иже бы его слы-

(1) Здѣсь слово пераобразано.

шакіе изгнати возмоглъ? И отвѣща одинъ: аще по-
велиши, азъ его изжену. И той рече: иди. И демонъ
вскрикнувъ въ призвакъ сестры его, юже князь почи-
талъ и любя, и все повелѣніемъ и совѣтомъ ея творя,
вовсе бѣ злѣ добра и мудра. В таковой фантази
приде же демонъ в чину и урядѣ княжскомъ ко
церкви, нача глаголати: брате любезный! како сицево
безуміе сотворилъ еси? всяко бо и нѣтъ образомъ
Бога милостива сотворити инаши. Здѣ же в такомъ
храмѣ и в мустѣ мѣстѣ, не нѣтъ слугъ, ни обороны,
къ сѣбѣши стояти? вѣси же елико неважидящихъ ти
инаши: пришедши бо, на части разсѣкутъ тя, во изыди;
волю ты, изыди; аще ли же не послушаши мене, то не
видѣши отселе сестру собѣ. И отвѣща князь: даде ми са
за снѣтнію тое, пробѣди во храмѣ семь сію ноць; аще
ли же не послушаю, то отпущеніа великихъ моихъ
грѣховъ не прииму; отъиди, сестро, не стужай мя, ина-
како убо отселе, аще и убить буду, не отъиду. И де-
монъ, много метався, возвратися посрамленъ, и сказа сіа
вся старѣйшому, глагола: твердѣйшіи каменнъи человекъ
онъ сотворися, и вѣтъ, яко преодолѣти сему всѣмъ
нашимъ силами не возможенъ. Слыша сіа иныи, уни-
чижи водруга своего, и рече: азъ воиду и того часа
изажу его! И претворися во образъ жены его, и на
руку нѣтъ яко сына его, и издалече вошя, яко женамъ
обычво, и приде в церковь, распростерши власы, вла-
чюща горю, глагола: како ты одинъ отъ всѣхъ, не
нѣтъ мечали е насъ, мене и чадо оставя адѣ, скрися;
врадоща бо неважидящія на тя, градъ твой взяша, бо-
гатство разграбиха, людемъ илѣвнша; азъ же едина воз-
могла безобразво с сыномъ утещи! Престави отъ на-
чиванія твоего, и со оставшими можени во слѣдъ вра-
говъ твоихъ, и въ нечаяніи нѣтъ тебе одолѣши нѣтъ, и
саое возвратиши; аще ли же не изыдеши, то како са
дѣвешъ? Не сама са убію, а сына твоего предъ тобою
е ность разшибу! И ворже сына о ность. Но князь ни-
какже умыслиемъ врага склонися, но и мнимою же-
нѣ, яко и сестрѣ, отвѣща, и отъиде демонъ съ горе-
стію и со стыдомъ, посрамленъ, возвѣщая умисль лу-

кавый, но не волученъ. И старый рече: побѣдени
убо еси отселе; но дабы еще кто от насъ покусилъ
ся одолѣти толикую крѣпость! умыслихъ азъ, прему-
дрѣ всѣхъ умыслихъ! И старый повелѣ; той же зло-
хитріе свое нача творити. Слышеть князь: и се буря
страшная воста, и громи, и молніи убивательніи с не-
беси, и начаса храмъ от бури колебатися, и от мол-
ніи храмъ весь возгорѣся, и сквозѣ стѣны прогорѣ;
окрестъ же храма демони вси, собравшася вопиюще: иди-
те, помозите, помозите! И въ церковь текоша, глаголю-
ще князю, якобы человекъ изъ града на отъятіе при-
текоша: изыди, княже, господарю нашъ, изыди, да не
туне сожженъ будеши и яко самоубійца есудишися!
И князь рече: никако убо отсюду, аще изгорѣти инакъ,
не изыду; за повелѣніемъ бо отца и настыра моего,
аще бо и умру, надежду инакъ яко отъ руку господню
благая прииму! Се слышавше демони, изчезоша по-
срамлени; князь же видѣ, яко ничтоже бысть, удиви-
ся. И пакы начаша демони совѣтовати, дабы кто поку-
силъся от насъ еще, и козову взяти на са подобіе нова,
иного же яко новозаря. И ишде въ церковь, повелѣ
новозарю во зѣмь ударити яко во утроши; самъ же
мнимою нѣтъ возже сѣщи, и яко узрѣ князя ярымъ
окомъ, рече то: како убо ты, проклятый, во святѣхъ
храмѣхъ стояши, и кто тя сѣмо пусти, такового северни-
теля, и убійцу, и грабителя? во изыди скоро; аще ли
же ослушаешися, то повею ты силою изрещи; ибо
не инакъ нѣтъ, дождеже адѣ будеши. Князь же ника-
ко не подвижеса, но пакы укрѣпился тако, якоже и
прежде, отвѣща; демонъ же и вси его друзи, бѣсове, со
уничженіемъ и срамомъ злобы и лукавствія своего
разбѣгошася. И возсія зоря, и просвѣтися день; и князь
изыде из храма, очищенъ отъ всѣхъ грѣховъ своихъ.
И видѣ, о немъ же и прежде помянуся отъ великихъ
отецъ, яко онъ князь, елико противася діаволу, только
вѣнцевъ отъ вседержительныи руки господни прія; та-
коже и наставникъ его славу отъ Бога и просвѣщеніе
воспрія. Приде князь во градъ, обрѣте жену и вся в
дому, якоже и вчера бысть, возда хвалу Богу. Видите

ликую мзду и славу за истинное покаяніе и за терпѣніе толковыхъ отъ діавола противностей прія, коли не ждетъ мука тѣхъ, нже ни мало протавятся ді-

волу, не худѣйшими отъ діавола и искушеними преступниками себе показывают!

ТАЖЕ ЛЕГЕНДА МАЛОРОССІЙСКАЯ.

(По стику Илар. Публ. Библ. Поход. дресслехр. № 1333.)

Еденъ рыцеръ булъ въ панствѣ нѣкоторомъ, таи уль барзо срокмъ: нѣкому нѣгды не попустилъ любъ рез инживокъ. Той ехалъ конемъ мимо одну церковъ споннѣвъ собѣ о злостяхъ своихъ, тамъ коня пригавши, войшолъ до церкови, а покликнувши сталъ повѣдъ чинити предъ духовнымъ; сповѣдникъ за его рѣхи казалъ ему абмъ два рокы покутовалъ. Онъ молнлъ: не могу. Тогдаъ крозь полроку ему казалъ покутовать; онъ отповѣдалъ: не могу; нотомъ през три недѣль, нотомъ през три днѣ, а онъ не хотѣлъ. Мовнлъ ему повѣдникъ: поноважъ такъ ось (1) твердого, а тожъ жѣ даю, абмъ през одну ночь тутъ на молитвѣ пречовалъ, чего Богъ тобѣ да поможеть, тилко стане рвай, а нѣгды не бойся, кроиѣ Господа Бога. Той жолѣръ, покликнувши предъ образомъ Пресвятой Богородицы, сталъ на молитвѣ и коня не смотрѣлъ, а в порую годнву ночи сталъ шумъ великій коло церкови. И овнлъ, ставши, сатана: о братія и слуги мои! що учинишъ: ото нашъ пріятель, котрый всегда нашу волю нннлъ, теперъ осли его с той церкови през тую ночь ю выженеть, и онъ нашъ не будетъ. Тогдаъ еденъ мовнлъ діаволъ: пане! осли ниѣ кажешъ, я пойдю, а его той часъ выбавлю! Тоди ему позволилъ. Тогда діаволъ устнлъ страшный пожаръ огнистый коло церкови, жожъ въ облози холома стало шибатися, а онъ почалъ с

другиши шатанами кричать: вѣйкай, вѣйкай, а то згорншъ тутъ марне, поки двери не завалися, бо ногода южъ не выхонншъся. А онъ мовнлъ: то не можная, абмъ я оттолъ нѣлъ выти, бы и згорѣлъ, бо ми то дано за покуту. Той огонь горѣлъ мочно, а нотомъ згаслъ. Тогда (1) сатаны раднлися яко бы его могли вывести. Была зась в того рыцера сестра родная, барзо мудрая, от которой онъ раду всегда заживалъ. Діаволъ що учинивши, робнться в панствѣ сестры его, и пришовши к нему, мовнлъ: наймилыиѣ мой брате! Якожъ тутъ на томъ мѣсту ночовать важннстеса. Кто васъ але раднлъ? а претомъ вѣдѣть до дому що нарнхлѣ, же бы и намъ що злого не порешкоднло. А онъ мовнлъ: бы ни найгоршая якая речъ трафнлася, отсюль не пойдю, бо то ниѣ дано за покуту. Тогда сестра мовила: а тожъ, осли ни не слухаете, нѣгды намъ в порадѣ жадной не буду! В томъ пошла пречъ. А пришовши до своихъ, побѣжалъ якъ его му силъ а не могъ отвостися. Тогда еще еденъ мовнлъ: пане! ниѣ кажн, и я его оттолъ выведу. А онъ ему позволилъ. Тогда той сатана на раднлся того рыцера жоню, а пришовши до него з роснущенными волосами и дѣтей двое предъ его принесть, мовичи: штожъ такъ робите тутъ не подбаво; онъ-то якнесь літри, напавши на нашъ замокъ, чолдѣ розгнали, все нобрали, мене, якъ видишъ, обнажили,

(1) Слово не разобрано.

(1) Слово не разобрано.

отожъ встѣла з дѣтьми твоими двома сынами, для того жъ, змилуйся над собою и надо мною, поспѣвайся за ници, взявши люду остатокъ: можемъ ся помстити надъ ници своен кривды: теда онъ отповѣдалъ: би ми тужъ пришло и до смерти, не пойду зъ сего мѣста. Теда она рекла: звать же ня не любишь, а нѣ дѣтей своихъ; о томъ тобѣ дѣти твои! И mocno вдарила о землю, тѣ дѣти илзачучи лазили, а онъ на нихъ ни позрѣлъ. Тогда тоо все погнуло. Тако жъ покуси анову радился що з нимъ мочинать, потомъ оденъ сатана в по-стать священника вкрѣнися, а прійшоъ до церкви элѣитарною (*), свѣчку на оларѣ засвѣталъ, рече же до

жолнѣра: чесо тутъ бавишься? Иди пречъ, а то почну служить утреню. Пошовши позвонилъ и знову мовилъ: иди жъ отсюль, бо есь ты проклятый, не годенъ есь, же бимъ при тобѣ почалъ служить, бо я вѣдаю, жо съ ты такъ и такъ грѣшилъ. Отповѣдалъ жолнѣръ: не пойду я ажъ до самага свѣта, бо то мнѣ дано за покуту; тогда и той сатана агнулъ. А рицеръ на день затрешнѣй коня знайшоъ, здоровую жену, и дѣтей, и сестру и весь маєтокъ цѣлый, а словѣдникъ его развѣзалъ отъ всѣхъ грѣховъ. Такая его покута Богу стала пріемна на прикладъ и намъ грѣшнымъ. Если щиримъ сердцемъ покуту будемъ читати, то и насъ Богъ приметъ до своен хвали. Ему же слава и честь и поклонъ въ Троици святой. Аминь.

(*). Вн. з лѣтарною = съ оларемъ.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Настоящая легенда должна быть древняго происхожденія и относится ко временамъ независимыхъ удѣльныхъ князей. Испытаніе кающагося въ образѣ жены, которая извѣщаетъ мужа о внезапномъ нападеніи враговъ, напоминаетъ тѣ времена, когда удѣльные князья безпрестанно нападали другъ на друга. Самое существованіе ея въ малороссійской формѣ подтверждаетъ ея древность, побуждая предполагать, что первоначальный образъ, въ какомъ она оставлена, отнесется ко вре-

менамъ, предшествовавшимъ расторженію федеративной связи между южной и сѣверной Русью. Здѣсь выражено народное представленіе о томъ, какъ человѣкъ, для достиженія цѣли, рѣшается устоять противъ страшныхъ видѣній, которыми бѣсы хотятъ его испугать и отвлечь отъ предполагаемой цѣли, представленіе, общее множеству народныхъ разсказовъ, между прочимъ и тому, который такъ прекрасно передалъ Гоголь въ своемъ *Вилъ*.

11/11/11

The first part of the document discusses the importance of maintaining accurate records of all transactions. It emphasizes that every entry should be supported by a valid receipt or invoice. The second part details the various methods used to collect and analyze data, including manual entry and automated systems. The third part covers the reporting process, ensuring that all information is presented clearly and concisely. The final part discusses the review and approval process, highlighting the need for transparency and accountability in all financial operations.

ПОВѢСТЬ
О ГРѢШНОЙ МАТЕРИ.

ГОРЬКА

О ПЕРВОМ МАТЕРИ

ПОВѢСТЬ

О ГРѢШНОЙ МАТЕРИ.

(Изъ рукописнаго Синодика Имп. Публ. Библ.)

ПОВѢСТЬ ПОЛВЗНА О НЕВОЗМЪ, ИЖЕ ЛѢВОЮ РУКОЮ ИДАШЕ.

Монахъ ивкій повѣда намъ, глагола: яко шедшу ми некогда ко святому Феодориту, патриарху антиохійскому, и понуждену ми на свидѣ, повѣдаше моему смиренію: яко предъ малыми днми приде странне здѣ не измоченіемъ, и многими власы, и одеждою власною одѣанъ, и сего признахъ асти со мною. Пришедшу же ему и сѣдшу, зряхъ его ядуща лѣвою рукою, ибо десная его рука обнута платомъ, даже до перстѣ. Глаголахъ убо ему: почто, брате, не аси десною рукою, по лѣвою? ибо великій Василій во обычныхъ своихъ ученіяхъ глаголетъ: десная убо рука служитъ отъ чреслъ до главы, лѣвая же отъ чреслъ подобнѣ до долу. Онъ же глагола ми: прости мя, святѣйшій владыко, страсть бо ми ивѣлая есть, и сего ради не могу! И много вудивъ его, не хотѣща зрѣти. И яко обрѣдованна человека дохитивъ портъ, еже на десній руцѣ его, и на едину страну вергохъ, даде прочее рука не утѣшнѣ сирадъ и лють, яко же всѣмъ держати своя вощри и отбѣжати, дондеже пакъ о немъ чистымъ портомъ обнѣ братъ сирадную свою руку, и тако преста отлученный и лютый сирадъ. Азъ же, рече, удивлялся о снхъ, начяхъ вудити мужа рещи ми: что убо есть се? Онъ же, воздохнухъ велики, начяхъ повѣдати ми, глагола: азъ, святѣйшій владыко, ивѣихъ матеръ

доброчачну зело, и велики юна суща одоуфъ, мене точию имущи младенца; скончавшужеса моему отцу, яко же речеса, адасть себе нищи и цѣланству, и блуду, якоже отъ блуда своего собрати ея некогда стѣжанія. Мнѣ же въ гѣру возраста пришедшу, оукоснѣваючи же мати моя въ сицевой сквернѣ, случиса ея умрети. Азъ же въ юнство пришедъ, и поразумѣхъ откуду селнко богатство собра, адахъ себѣ прочее отреченію земныхъ, многимъ сущимъ оточескимъ и матернимъ стѣжаніемъ, положихъ въ сердцѣ моемъ, глагола: не-возможно ми, владыко, Господи Боже, отъ нечистаго сего богатства пріяти; но вся раздамъ церквамъ божіимъ и нищимъ, за душу матерѣ моея. Сяце сотворихъ, раздахъ и моя вся, не оставъ себѣ ничтоже, кромѣ яко ношахъ одежду, и сія сотворъ за душу своея, (са?) со всикимъ изволеніемъ и вѣрою несумѣвною. И помышляхъ въ себѣ, глагола: откуду оубѣмъ, и кто ми изгѣститъ яко пріятъ Богъ данная нищимъ, и паче яко отъ скверныхъ бѣху собрана вить! И яко аще получи отрады мати моя, или полу оубо кую сицевыхъ ради милостынъ же и привошеніи! Идохъ убо, владыко, во Іерусалимъ къ патриарху; и вся случшася сказахъ ему. Онъ же сія слышавъ, глагола ми: добре сотворишь еси, о чадо, полекса о матерни спасеніи. Ся бо

творя себя, благодѣствуеша, и спасенія сподоблеша свою душу; но обаче никтоже опасно совершенное можетъ вещь увѣрити, но или въ скитѣ и въ Вифавду, и тако обращеніи богоносны мужи и прозорливы и могутъ ти о семъ молитвою откровенія извѣстити. Азъ же по словеси патриарха абіе идехъ въ скитѣ и въ Вифавду, и вся бывшая блаженнымъ онымъ отцемъ сказахъ. Преводобній же и приснохвальній сіа слышавше, и отъ множества смиренія изъ каждо глаголаху: яко нѣсть чадо таково въ насъ, якова ты ищещи, и разумъ твоѣ; но аще хочещи послушати совѣта нашего, види во внутреннюю пустыню, и тако обращеніи чловѣка Божія совершенна, могуща ти о сихъ извѣстити. Да но убо труда ради облынишася, о чадо, но надѣяся нади, Господь съ тобою! Азъ же приивъ хлѣбъ и воду, и молитву святыхъ старецъ, путешествовахъ дній 30; и обрѣтъ пещеру малу, и близъ ея малу воды, и при водѣ стовы чловѣчи; и обрадованъ быхъ, приближихся къ пещерѣ. И толкувѣю по обычаю, и отвѣща ми внутри святыи старецъ; и наиде; и быашу обычному монашескому поклоновію, и молитвѣ, сѣдохъ, и глагола ми рабъ божій: добръ пришелъ еси, чадо, что только трудъ до насъ претерпѣлъ еси приити, рыи ми: и како хрстіанское колѣво живеть днесъ! како царіе? како вѣра утверждена? Миѣ же рекшу: яко молитвенни вѣшнии преводобными равно ангеломъ живущии, вса благочестно и мирно, идже есмы оутверждоша суть; но о пещъ же водвѣгохся, отче святыи, о семъ на пресвѣта, молюся, приида къ стопанъ ногу твою. Тому же рекшу: и каа вѣра къ намъ твоего прихода? И исповѣдашу ми вса, яко же речеся, и рекшу аже о назвѣщеніи: отче честныи, приити молюся ради къ Богу дерзновенныя ти и богопріятныя молитвы, аще возлучи кую пользу смиренна моя мати, или ни? Отвѣща рабъ божій истинныи, глагола: паче моего силы и достопинства такое прошеніе; обаче помолитися вкупѣ съ тобою Богу, о чадо, и еже хочеть и волишь открыеть намъ: и сотвори вайнымъ своимъ жезломъ писмо округло постави ми внутри, и заповѣда ми дній семь не

сѣсти, и елико по силѣ ни исти, ни пити, но молити Бога день и ноцъ, яко да явитъ намъ исконому откровеніе. И азъ, рече, внутри пещеры тоже да сотворю. И силенъ есть иже мысленъ судіа, и утробанъ и сердцамъ испытатель, иже безвѣстнымъ вѣдоеть, и объявитель невѣдомымъ, открыеть намъ недостойнымъ по воли его. И сотвори молитву прилѣжну, остави ми внутри писмене, и вниде въ пещеру свою. И сотворшу ми 6 нощей, и 6 дній, и яко прииде седная ноцъ, быхъ яко во иступленіи, и зрю на лѣвую страну, и се езеро тинно сирада исполни, и главы нѣкихъ восходящихъ изъ глубинамъ езера, и съ ними видѣхъ матеръ мою восходящу и низходящу до выи. И познавши ми, воззони: чадо мое доброе, поидули ми! И пакы повникши во глубину тины. И пакы возшедши до персей, и воззони зѣло: чадо мое, помози ми! И пакы зашедши во глубину, и до третіе видѣхъ ту возшедшу, и еще множае вопіюще, со оумиленіемъ и многими слезами, и рыданіемъ, сице глаголющу: чадо мое, не остави мене въ бѣдѣ сей! Азъ же, бѣды яко забывъ, простеръ десную мою руку, и похвативъ за власы главы ея, той же въ долиня погрязши, омочися рука моя въ тинѣ сирада онаго до запястіа, сице же исторгъ матеръ свою, и на десно обозрѣвъ, оузрѣхъ куполь воды чисты, и благозвонны, и сладки, тамо убо ввергохъ ту, и оныхъ сирадыи оныя тины, и съ тамо сущиии свѣтлыми людьми совокупихся, хвалище и славаще съ нами Христа Бога нашего. Дню же прочее бышу и се рабъ божій прииде, вопрошаи мене, что убо еси видѣлъ; миѣ же повѣдашу, той знаменаше глаголемая, таковая бо бѣяша и самъ якоже глаголаша зрѣвый; миѣ же руку возносящу, и невзчетнаго сирада не терпя, глаголаше святыи: о семъ не печалуй, се бо печать есть истиннымъ еже вѣровати намъ, и всѣмъ слышашимъ и видящимъ, яко истинно есть видѣніе, а не привидѣніе или мечтаніе, и яко силенъ есть Богъ и по смерти творити милость и щедроты, иже отъ всего сердца творящимъ припошенія и милостыни за отшедшихъ, и тѣмъ подати милость, яко щедроты его на

всѣхъ дѣлахъ его, елика хочеть и можетъ. О рудѣ же твоей азъ извѣщу: можаше бо Богъ всячески и ту таковаго пренѣнати сирада, но да не якоже речеся, двоестѣрно мнится быти и невѣрно многитъ, сице ту благоволи мнѣти. Сице рекъ ми рабъ божій, и малый платъ сой, иже зрѣши, отъ святыхъ его мантии отрѣзавъ и обвѣтъ ми руку; и абіе преста весь сирадъ. Приде же пакы его ради блаухозаніе, и еже пробываеть плату належашу; аще ли кто возметъ его, яко же и ты мнѣ сотворилъ еси, никто же стерпитъ сирада незначетнаго. По сихъ же глагола ми по истинѣ рабъ божій: се, чадо, толкигъ нуть шествовалъ еси, зѣло утрудился, и аже на потребу не внаши что подобаеть ти сотворити, или како отъидеши во страну свою не трудно, и яко сія глаголаше ми. Се дхну вѣтръ югъ, и облакъ граденъ

уторжесе отъ запада; святой же старецъ рече: тебѣ повелѣваю, ангелу иже облаки водащему, и вся содержашему сильною дланію о имени Христовѣ, иже облаки составляющему, приими брата сего облакомъ, и донеси его во своя ому, яко да всѣмъ скажетъ величїя божїя, яко силенъ, право и несумѣнно вросашитъ подавати прошенїя ихъ, прииошенїя ради милостынъ о мертвыхъ и о живыхъ, и милость въ родъ и родъ до вѣка, и щедроты его на всѣхъ дѣлѣхъ его. Приема убо облакъ, и представи ми оу дому моего, яко Аввакума въ розѣ Даниловъ; азъ же пребыхъ хвали и славы Христа Бога нашего, во всякомъ благовѣрїи и чистотѣ, яко Тому подобаеть слава и держава во вѣки вѣковъ, аминь.

ЛЕГЕНДА О ГРѢШНОЙ МАТЕРИ МАЛОРОССІЙСКАЯ.

(Истор. Публ. Библ. Поход. архивстр. № 1553.)

Быль одинъ человекъ священниковъ, котрый завше за свою матку Богу ся молялъ и святую службу отпировавъ, а покуту великую за ню мѣвалъ. Тогда часу одного, яко съ плачемъ молился Богу, обачилъ еи предъ собою, а она на страшномъ зиїю сидитъ и зѣпазокъ его огонь страшный сѣрчистый выходилъ; два зась дївола зѣ ланцюгами огнистыми при неи стояли, котріе мозокъ еи виссали; въ очахъ сидѣли два медвѣдки, въ ухахъ сродгїа двѣ мыши видать було, люти зась шатанъ стоялъ противъ неи каненемъ бючи уста еи, и коло шиї еи барзо ужъ великий обвинулся а персей ссалъ, на палцахъ еї огнистие перстени були, ноги зась еи подъ змїезнїи брухомъ были звязани. Тое видати онъ законникъ палъ на землю отъ страху не ногъ и слова мовити, а она ему мовила: не бойся, нимилшїй сиву, бо ні я, ані тие, що зо мною, тобі зашко-

дити не могутъ. Я то есть проклятая и несчастная матка твоя, котрая естемъ тинъ мукамъ на вѣки отдана. Въ томъ снїи, будучи посланъ Богомъ, всталъ, и мовилъ: чему съ тако сродзѣ мукамъ оддана, мовешахъ часто есь святой сакраментъ примовала, исповѣдь чинила? Отповѣдала же: збытнїи есть гѣвъ Божїи, боиъ всю молодость мою въ распустахъ и уборахъ жарныхъ скончила. А любовиъ ся сподївала того однако воли до покути не мїламъ, и святой сакраментъ негодне прїймовала. Мовилъ ей снїи: что значать тие муки? отказала: зиїи, на котромъ сїжу, данъ мї есть за любвию непристойнїе, котрихъ я прагнула до себе, тие зась двї шатани, що ми ланцюгами бють, одинъ есть данъ за тое, же къ отцу своєму завше ся наприкрала, виногочи рознїе убори, другий зась ми даннїи жемъ нишнїи до той же своей воли прївомила, страшнїи

узь за тоє дань ні єсть, жемъ злютыє лавцуги в мо-
 нисто носила в перси показывала, за тоє на той страш-
 ный узь зъ великою болестію мою смочеть; што на
 бсть у уста за тоє, жемъ дивлася где зине учники
 сиравуютъ; въ ухахъ ниши сродзе грызуть, жемъ слу-
 хала нисей сирсннхъ; ноги ввязани подъ зминннхъ

брухомъ, жемъ танцевала збитне, показуючи голени в
 вискоковъ в биганни непрястойнаго; а для того а ні
 твоє молитва, а ні тежъ чія нишая можеть на отъ той
 муки визволити. Со заразь той зній в все товари-
 ство еи сирадомъ великнхъ подношнся въ ниспави-
 цю (?) обернулоса в зникло.

РЕЦЕПТЪ О ЧЕЛОВЕКАХЪ ПОНИЖЕННЫХЪ О ДУХАХЪ.

ВИДѢШЕ МУЖЪ

ГРѢШНИЦЫ ВЪ АДѢ.

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF TORONTO

LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF TORONTO

ВИДѢНІЕ МУКЪ ГРѢШНИЦЫ ВЪ АДѢ.

(Импер. Публ. Библ. Поход. № 1577.)

Два мнѣхъ добродѣтели приидоша слово Божіе проповѣдати вѣнкій градъ, в немъ же нѣкая жена со сроднымъ своимъ и со нѣмнѣ чужеложество сотвориша, и тѣлости ради грѣха, срама ради. 12 лѣтъ приходя каются и таше. Едаже узрѣ снхъ мнокоу странныхъ, рече въ себѣ: сіи суть незнаеміи и иностранныи, и иже когда пакы к намъ возвратятся: исповѣтъ нмъ грѣхъ свой и беззаконіе мое. И по святѣи литургіи, приступи ко единому, нача исповѣдати грѣхи своя; и другій мнѣхъ видѣ, яко за коннѣждо изреченіемъ грѣха изъ усть ея жабы скверніи надаху и изъ церкви выскакаху. И огда прииде до сего великаго грѣха, еже со сроднымъ сотвори, и не хотѣ стыда ради исповѣдати, мнѣхъ же, не вѣдѣи, еже грѣхъ велиіи имать и не исповѣда, даде ей разрѣшеніе; и тако скончаша исповѣдъ; другій же мнѣхъ видѣ, яко вси купно во внутренняя ея видоша пакы. Отъидоша же мнѣхъ изъ града, и идоша нутомъ; видѣмый же сіе видѣніе все ко другу своему исповѣда; и той во страхъ и печали рече: во истинну, брате, утаила нѣчто грѣховъ своихъ, но возвратишася, брате, и направимъ ю къ покаянію. И по многому отпоствѣи, пакы возвратишася и обрѣтоша ю мертву, возмущишася душами и восплакаша зѣло мнѣхъ, и начаша с постомъ в сокрушеніи сердца мол-

ти Господа Бога, да извѣститъ по милости своей, что се еже видѣти, и третіаго дня, вкупѣ нмъ идущимъ, показаша нмъ ова жена сѣдѣщи на страшномъ и лютомъ змѣи, и два ужа велика сокрушаху выю ея, и два перси ссуше, два же нетопыря деруще очи ея, и от усть ея исходитъ огнь жупельный, рупѣ же ея грызяху два пса великіе, во ушахъ ея двѣ стрѣлы великіи огненніи, воззени во главу ея, колико бѣша власовъ только ищерицъ. Сіе старцы они ясно узрѣша, надоша яко мертви; тогда жена рече: не ужасайтесь, благодѣтеля моя и боголюбезная; азъ убо ова жена проклятая, иже предъ тобою, Пантениарю священній, исповѣдахся, и сицевый грѣхъ срама ради утаихъ, и исповѣдатися устыдѣхся, и за сіе осуждена бысть тако мучитися на вѣки. Тогда Пантениаръ рече: заклинаю ти именемъ великаго Бога нашего, да исповѣсишася пакы, что таковое страшнѣйшее различество твое, и что есть муки сіи нѣже, рече, видимъ? И ничто (?) жена (!) извѣщю убо ти, и не скрью ничто же: иже вмѣсто власовъ монхъ ищерицы даны ми суть за украшеніе главы, нетопырево на очахъ монхъ мученіе и казнь прелестнаго воззрѣніа и возвожденія бровей, стрѣлы огненныя въ

(!) Встрѣтено пропущено слово: рече.

ушахъ — казни за слышаніе глаголъ лестныхъ и пѣсней сатанинскихъ, изъ усть пламень жупелный исходящъ — за прелестныя моя словеса, и сквернословіе, и осуженіе, ужеже, иже ссуть перси моя, — за нечестивое и скверносо дотыканіе многихъ, выю тако же ужеже сокрушаютъ — за украшеніе выи, и обнимаютъ озлобленіе псовъ въ казни дѣлъ моихъ гнусныхъ и пріятія руками и ежо нма давахъ любовникомъ моихъ; сѣденію же на семъ великомъ и страшномъ змѣи за желающую мою похоть тѣлесныхъ и скверныхъ сладостей, иже мя зѣлою нестерпивою мукою дручить, и томить, и палить огнемъ несквсаннимъ адскимъ и бедра тайная, и вся внутренняя моя,

въ казни скверныхъ и многихъ злыхъ дѣлъ моихъ. И Пантениаръ рече: повѣдай ми, конкъ ради грѣховъ чловека на осуженіе болѣе идутъ? И рече жена: влщца осуждаются смертныхъ ради грѣховъ, жены же паче четырехъ ради способовъ грѣховныхъ: нечистоты ради отъ своихъ мужей, суетныхъ и непотребныхъ ради украшеній, и еже вражати людемъ, и стыда, его же ради не исповѣдаютъ грѣховъ своихъ. И Пантениаръ рече, хотя ю еще вопросити: можетъ ли ея подати каа помощь; змѣй же страшный, задаа ея нестерпимую муку, движеса съ нею и занесе ю во адская мѣста.

ЛЕГЕНДА

О ВРЕМЕННОМЪ ПОСЪЩЕНІИ АДА.

7 J. 1137111.

.AAA BEHEMIDON JMOXEM342 0

ЛЕГЕНДА

О ВРЕМЕННОМЪ ПОСЪЩЕНІИ АДА.

(По списку XVII в.)

МНО ЗАДЪ ЛУЧШЕ СКОРЕН ТЪРПѢТИ И ПРИНАТИ БѢДЫ, НУЖДАН ТѢЛО.

БѢ пѣкій человекъ благонравный и благочестивый, во иноземъ оубо покаяніи иже здравъ буда творя, в велию болѣзнь впаде, в ней же годищное время терпя. нача просити Господа Бога и молити, дабы толкнмиъ его скорбемъ конецъ сотворити Богъ исполнѣлъ, и смерть по милости своей послати. Оуслыша благополучный Богъ его молитву, явился ему ангелъ его и рече: избери оубо себѣ что хочещи, или да еще въ скорби сей пребудеши лѣто едино, или да будеши терпѣти муки три дни в завершеніи покаяніа о грѣсѣхъ и добродѣтелей недостатка, и азъ повелю, и смерть придетъ, яко же хочещи; аще ли же ни, лѣто еще в скорби тѣлеснѣй пребудеши, без всякаго пренниванія в мѣсто оупокоснѣя придетши. Человекъ же той, невѣдая искусь мукъ, мнѣйшее избра, рече ко ангелу: хошу наче умерети, и не точию три дни, но доколѣ изволитъ Богъ мучити мя в воздаяніе грѣхъ моихъ, точию да не терплю адѣшнѣя болѣзни. И рече ангелъ: буди тако. И тако болящій оумре, и душа его отслася в муку. По скончаніи оубо дня единаго, придетъ к нему той же ангелъ Божій и рече: что ти, душе, како терпѣши,

иже сама себѣ избра, еже в нихъ быти? И рече душа: о прелестниче, а не ангелъ, како ми тысящу лѣтъ снхъ страшныхъ и нестерпимыхъ мукъ в мѣсто трехъ дней пристроилъ терпѣти еси? И рече святыи ангелъ: о душе, не долгрстію в мукахъ снхъ пребытїемъ лѣтъ, но нестерпимою и премногою мукою искушава тако глаголеши, како же сіа не покаившиися вѣчно терпѣти? ты оубо, о душе, еще точию единъ день адѣ, но даю ти советъ всяко аще хочещи, и Господь Богъ яко снй прѣмилостивъ оумилосердится о тебѣ, дабы еси возвратилася, якоже еще в тѣлѣ ти сундеи ревохъ, да постраждеши лѣто едино. И рече душа: о изволяю не точию едино лѣто, но аще бы и до скончанія міра в тѣлѣ терпѣти скорби, аще бы были и ващи, иже терпѣла, нежелю адѣ часть единнѣй! И за снмъ словомъ нестяжательствомъ ангела святаго возвратилася душа в тѣло. и воскресе оный человекъ. Пребысть же нареченное лѣто, возлюбленнїе, скорби терпя, множеству человекомъ сіе извѣщая, оуспѣхъ к покаянію подая, и егда придетъ по лѣто скорби часа время, преставилася, и ввиде в вѣчное оупокоснїе.

А. Д. НЕВЪЛЕНЪ. ПРИМЪЧАНІЕ.

/// ПИШЕВЪ ИЛИ ПИШЕВЪ О

Въ народѣ существуетъ вѣрованіе, что впадающіе въ летаргическій сонъ, похожій на смерть, и снова возвращающіеся къ признакамъ жизни, особаннымъ прозвѣщеніемъ Божиимъ отпускаются обратно въ земную ядоль изъ загробнаго міра, сохраняя воспоминаніе о томъ, что души ихъ видѣли въ этомъ мірѣ. Настоящая легенда относится къ этому вѣрованію. Бла-

гочестивые люди думаютъ, что кто предъ смертію долге болѣетъ, тотъ своими страданіями искупаетъ часть своихъ согрѣшеній; чѣмъ кто продолжительнѣе мучилъ болѣзнію, которая наконецъ низвела его въ могилу, тѣмъ болѣе прощается ему грѣховъ и облегчаются наказанія, ожидающія насъ въ адѣ.

ЛЕГЕНДА

О ПРЕШЦЕННОМЪ ИНОКЪ.

TELLETT

0 UPEVTEHONP NHOKP.

ЛЕГЕНДА

О ПРЕЛЪЩЕННОМЪ ИНОКЪ.

СЛОВО СЪ ИНОЦЪ МОЛЕНШЕЯСА БОГУ, ДАБЫ БЫЛЪ, ИНО ЮБЪ, ИЛИ ИНО ИСАИЪ. БЛАГОСЛОВИ ОТЧЪ.

(По списку конца XVI в.)

Повѣда намъ иѣкин отъ отецъ о иноцѣ иѣкоемъ, молящуся Богу, яко да сподобить его быти яко Ювъ, или яко Исаакъ, или иного прежде бывшихъ патриархъ, или яко единого отъ пророкъ. И по нисеземъ его молению, приде оному гласъ, отъ Бога глаголющъ: неможеша быти якоже Исаакъ. Отвѣщая же мнихъ: аще не боуду якоже Исаакъ, да поне хотя яко Ювъ. Паки же къ нему божественныи гласъ: аще побѣдиши, рече, якоже и онъ дѣвола, можеша быти. Мнихъ же обѣщася тако быти, и слыша паки гласъ глаголющъ ему: иди, рече, въ келію свою, якоже просилъ еси; буди ти. По двѣхъ же иѣкихъ преобразися дѣволъ въ иѣкоего воина, пришедъ ко мниху, рече: молюся твоему преподобию, отче, помилуй на гонима отъ иѣкоего цара, и вземъ сія двѣсти литръ азата, и отроковци сію, и отрочища, и оукрый оу себе, идѣже вѣси; азъ же, рече, иду во ину страну, идѣже царь обрѣсти мене не можетъ. Мнихъ же не разумѣ сѣти дѣвола, рече къ нему: чадо, не могу сія взяти, понеже смиренъ еси челоуѣкъ, и не могу сія сохранати. Онъ же нуждаше мниха не презрѣти молонія его. Мнихъ же отвѣща къ нему: шедъ, рече, чадо, и положи сія подъ каменемъ. Онъ же моляще его прилѣжно: отче, прими сія самъ, и положи идѣже вѣси. Вървавъ же мнихъ глаголемымъ отъ бѣса, взятъ азато оно, и

отроковци, и отрочища, поругавъ отъ бѣса. Подиохъ же иѣкихъ вълагаетъ мниху рать (?) на отроковци и растлети сію. Рассказъ же ся о прилучившемся ему, воставъ, оуби въ отроковци. Глагола ему помыслъ: воставъ оуби и отрочища, яко да не повѣсть отцу своему бывшую воцъ. Воставъ же абію и оуби и отрочища. Рече же къ нему помыслъ: вземъ врученное ти азато и бѣжи во ину страну, идѣже воишь не возможешь обрѣсти тя. Отшедъ же въ иѣкую страну, и созда себѣ отъ азата оного монастырь. По совершениі же церкви, се воишь приде, иже образомъ дѣволъ, и началъ воити гласомъ великимъ: о нужда! помозите! Народи же стекшеса, глаголаху ему: что сія зовеша, челоуѣче? Онъ же съ плачемъ отвѣща: мнихъ себѣ отъ моего азата, преданнаго ему, созда церковь сію. Воставше же челоуѣца иѣста того изъ безчестіемъ и ранами отгнаша его. Иже образомъ воишь и естествомъ же дѣволъ, тойже на мниха гнѣвался, отыде, глагола: азъ сія сотворю ти, еже ни въ умѣ своемъ неколико помыслилъ еси! И сія рекъ, отыде. Мнихъ же боряся помыслии своими день и воцъ непроста, дондеже отлучися отъ иѣста оного, рекъ: яко се явленно бысть дѣло мое, но да вземъ оставше ему азато, и иду во градъ иѣгде далече, идѣже воишь онъ прияти не возможешь. Оубо (иде?) во градъ незнаемъ далече, и оузрѣ тамо отро-

воинцу иъкумъ зѣло красну, дщерь сушу оу иъкого радника, и глагола отцу ея: дайи сію в жену. И поя сію в жену себѣ. По лѣтѣ жѣ иъкоемъ, оумре отецъ ея отроковицы; князь же града того искаше в него иѣсто поставити княго радника; рѣша же ему мужіе града того: обычей есть града сего, яко же поиметь жену или дщерь оумершаго радника, той прииметь сице его служеніе, аще в нехота. Рече же к нимъ князь: есть ли оубо таковой человекъ оу васъ? Они же рѣша: есть, яко же мнитъ намъ, яко же ниоческа чина быти его глаголютъ преже бывша. Князь же рече: шедше приведете его съю. Они же шедъ приведоша его ко князю. Онъ же в нехота общася прияти таковое служеніе. Впадающимъ же иѣкимъ аще и в мало согрѣшеніе, той же, иже иѣкогда бысть мнхъ и постникъ, выиѣ же радникъ, повелеваашо мучити немилостивно согрѣшша; овия же князю даваше затворити сія въ темницы, моги ихъ забити в гладъ, а другія же говяжиимъ жилами біа оумораше, выиѣ же смолою горящею опалаа, множайшая же творящую, повѣдати безъ слезъ не могу. В сихъ же оумирающихся, иже иѣкогда мнху отшелнику сушу, выиѣ же раднику, се діаволъ приде во образѣ воина и начать звати и гласы испущати, яко и народу многу стещиса, на безчисленны его гласъ. Начать же князь вопрошати его, рекъ: престани, человекъ, от безчисленнаго кричанія немисленно; аже по тебѣ, скажи намъ. Отвѣщавъ же воинъ князю, рекъ: видши ли радника сего, его же имате во градѣ вѣщенъ: сей мнхъ бѣ иѣкогда; ииѣ же прилучиса гонину быти от иѣкого царя, вручихъ ему злата много, к сему же в дщерь мою дѣву су-

щю и отрочища единого; и просто рещи вся подробну сказавъ прилучшася ему, князю же прилѣжно о вещи слушающу, прибытка рада своего, и вопроси бывшего иѣкогда мнха, выиѣ же радника: аще истинна суть иже отъ воина глаголемая? Онъ же в нехота исповѣдася порядку, и абіе на отроковицу и отрочища, и како в камо изстоженно бысть злато оно. Князь яко видѣ, яко иѣкій же прибытокъ имать прияти от злата оногo, повелѣ съертви ѣютѣй предати его. Водиму же ему иѣ града смертному иѣсту, се діаволъ, иже во образѣ воинъ, сръто его на пути ведома народомъ, и рече к нему: вѣси ли, авва, кто есмь азъ? Онъ же к нему: си ты еси воинъ! Рече, его не познахъ. Воинъ же к нему рече: азъ есмь, его же слышалъ еси, сатана, иже первожданнаго прелстилъ Адама, ратую человекъ, и не оставляю никого же спастися или быти якоже Исаакъ или якоже Іовъ, но тшуса сотворити вся, яко Архитохеля оногo или яко Іуда Скарпотинъ, или яко же Канитъ, (в) иже в Вавалонѣ старцы, и подобни тѣмъ; вѣруй же, яко в ты сице поруганъ бысть отъ мене, и не оубѣда ратовати сокровенную брань. Сія же рекшу бѣсу и ина множайшая, и абіе невидимъ бысть; окаянныи же той мнхъ, ваче же радникъ, пострада смертное оудавленіе, поруганъ от бѣса за тшеславное его высокоудріе. И ны оубо братія, соблюдемся, не высокоудріемъ просити от Бога выше иѣры нашея, и начинати дѣла, ихъ же невозможно совершити; добро же ваче шествовати царскимъ путемъ, выиѣ же вдоша святіи отцы наши, неуклонающеса на десвой или на шусей, спастися отъ прелестнаго вѣка сего, ниуще во всемъ смиренноудріе.

ЛЕГЕНДА

ОБЪ УМЕРЩВЛЕННОСТЪ ПЛАДЕЦЪ.

11111111

OFFICE OF THE ATTORNEY GENERAL

ЛЕГЕНДА

ОБЪ УМЕРЩВЛЕННОМЪ МЛАДЕНЦѢ.

СЛОВО СЪ ХРИСТОЛЮБЕНКОМЪ КУПЦЕ, ВЪЗНУЖЪ СОТВОРИ БЕСЪ НАПАСТЬ, МИЛОСТЫНИ ЕГО НЪ ТЪРПА, БЛАГЫЙ ЖЕ БОГЪ ДОБРОДЕТЕЛЬНЪ ЕГО РАДИ ОТЪ НЕДУГА ИСЦѢЛЪ, И ДѢТИЩА ЗАКОЛѢННАГО ЕГО РАДИ ЧУДОДЕЛА ИЗСНРЪСИ.

(По списку XVI вѣка.)

Позѣдаше нѣкто отецъ вещь дивну и волзы исполненоу, яко нѣкто коупецъ благовѣренъ и милостивъ, елико оубо Богъ даше ему, то все оубогимъ раздаваше. Единною же плуцью емоу купити по обычаю, и обита в гостиници покоя радн; и нѣкто нищъ моляше и прося милостынн; христолюбивый же купецъ рече нищему: брате! со якоже на видиши на пути семъ, а товаръ мой напредъ поустихъ предъ собою, не ниѣм оу себѣ ничтоже, еже бы ми что дати; но молися о мнѣ к Богу; егда же възвращуся, дамъ ти потребная. Глагола нищій: како оубо приходъ твой вѣдомъ боудеть мнѣ? Коупецъ же рече: в ты дни ожидай мене; аще ли тогда не обратиши мене, и покажа емоу дѣску, лежашу ту, и рече к нищему: что ми Богъ повелитъ, подъ сею положю дскою, ты же възми яко обратиши, и моли о мнѣ Бога. Оумедливши же коупцоу, прииде нищій в начерную годину и подемъ дѣску, и обрѣте скровище азата, на давна скроенно; пождавъ ноци, и понмавъ все, и обогатися, и купи себѣ полаты многоцѣнныи, рабы и рабыни, села же и винограды, волы же и велблуды, кони же и мѣсьяи, и все елико богатымъ довлѣють, поитъ себѣ жену от велможъ, и начатъ жити славно, в вносѣ службѣ. По времени же прииде онъ благовѣрный купецъ, и бывъ на мѣстѣ, въз-

сномяноу нищаго, и въземъ азато в руку, възскотѣ положить под оную дску, якоже общася нищему, и поразн его духъ лоукавый, и наде паче аза аза от ногу и до главы, якоже на блаженнаго Іоан; и раздаа все нищѣи врачемъ, и нача самъ яко единъ от нищихъ ходя просити милостынн, и прииде в домъ сего богатаго, бывшаго преже нищаго, иже по сего съвѣту тоу подъ оною дскою обрѣте скровище и обогатѣ. Принимъ же сего, яко одного отъ нищихъ, възскотѣ накоринити, посемъ възпроси его: како и откоуду случися болезнь лютаго сего недуга? Онъ же сказа ему вся порадю. И разумѣ челоувѣкъ, яко сего ради дарова ему Богъ только богатство, и рече: ты ли еси оный коупецъ? Рече богатый: сѣи вся, яко видиши, тебе ради дарова ми Богъ подъ оною дскою обрѣсти богатство. Сей же рече емоу: ты же разумей, яко тебе ради дѣлають болѣзнь сѣю наведе на ми! Рече же богатый: аще мене ради аза болезнь случитися, живъ Богъ, яко не въздеши от домоу моего ни от трапезы моея но отлучишися, но покою ти вся дни живота моего! И оставиъ его в дому, но худѣ печешеся мнѣ, и муща хитростьъ врачевскую. По вносѣ же времени не възможе исцѣлѣти его отъ недуга; послѣди же всѣхъ, нищъ врачъ прииде, глагола: ничинъ же възможете страсти тоя исцѣлѣти, но аще кто зарѣжетъ на-

денецъ первенецъ, и тою кровію помажеть от главы и до ногу, и будетъ здоровъ боленый. И положи си богатый на сердце; баше бо оу него младенецъ первенецъ, помысли заклати младенца сдравиа ради недужна. Печаше бо си велии о того спасеніи, за многую любовь. И скаше времени да без матере младенца заколетъ; обрѣте же часъ, егда жена его в баню иде мытися, видѣ своего младенца на ложи снѣща покрововна, и с тѣлѣнемъ притече закла и, и источи кровь в лохань, и шки вложи мертваго младенца, и покры и, и поныть болящаго на мѣсто скровно, и сволкъ его, и постави на мѣстѣ нага, и вземъ кровь младенца, помаза его по

всему тѣлу от главы и до ногу, и абіо здоровъ бысть боленый, якоже исперва. Се же чудо створи Богъ въры ради человека того в любви, юже имѣ к Богу и к нищимъ. Пришедши же мати от бани, приндѣ к дѣтищю да его надопѣ, и егда откры лице младенца, и нача по обычаю дѣти верещати. Слышавъ же отецъ, притече к дѣтищю оужасенъ, и видѣ своего дѣтища жива, его же обѣ заклагъ исцѣленіа ради боленого, и прослави Бога, такова створишу чудоса, яко боленого исцѣли, мертваго въскресъ; се же бысть обою въры ради, и милостыня ради, и любви.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Здѣсь высказалось древнее восточное повѣрье, будто бы кровь младенца (и особенно первенца) очищаетъ отъ проказы. У евреевъ существуетъ апокрифическое преданіе, будто бы Фараонъ, въ числѣ многихъ гоненій, творимыхъ сынами Израилевыми въ Египтѣ, страдая проказою, приказывалъ приносить къ нему еврейскихъ младенцевъ и омывалъ ихъ кровію. Въ одной еврейской книгѣ, печатанной въ XVI в.: «Чинъ Пасхи», есть гравюра, изображающая царя въ коронѣ, съ лавами на обнаженномъ тѣлѣ; онъ стоитъ въ ваннѣ; предъ нимъ вельможи растворяютъ младенцамъ жилю и испускаютъ кровь, которая брызжетъ фонтаномъ на тѣло царя и въ ванну; адала плачущія матери. Съ востока это вѣрованіе перешло къ намъ и, какъ видно, укоренилось въ ряду народныхъ суевѣрій. По извѣстію преосвященнаго Игнатія Тобольскаго подобныя заколѣнія младенцевъ случались между раскольниками. Извѣстное обвиненіе евреевъ, будто бы они крадутъ новорожденныхъ дѣтей для добыванія изъ нихъ крови, существующее съ незапамятныхъ временъ, между разными объясненіями, для чего нужна евреямъ дѣтская кровь, сопровождалось и такимъ мнѣніемъ, будто евреямъ необходима она для исцѣленія

себя отъ наружныхъ болѣзней, въ родѣ проказы. Случаи дѣйствительно происходившіе, когда находимы были убитыя дѣти, иногда съ явственными признаками испущенія изъ нихъ крови, случаи, возобновлявшіе и подерживавшіе древнее обвиненіе на Евреевъ (*), вѣроятно могутъ быть объяснены таинственна въ народной демонологіи остатками древняго восточнаго, но въ старину распространеннаго между европейскими народами вѣрованія о цѣлбности дѣтской крови. Настоящая легенда, гдѣ хотя высшее правосудіе спасаетъ умерщвленнаго младенца, но гдѣ, однако, не отвергается цѣлбное свойство дѣтской крови, можетъ служить этому нагляднымъ подтвержденіемъ.

(*). См. Эйзенбергера: Das Entdeckte Judenthum. Въ Помпѣ въ XVII в. составлена была объ этомъ книжка подъ названіемъ *Złobé kurbowa* (естъ въ Публ. Библ.) съ явными признаками внутренняго окантинизма. На восточномъ азиатѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, появлялись подобныя книжки изъ какого-то монаха Неоонта: Открытие таинства иудейской вѣры. Въ Россіи, какъ и въ другихъ странахъ Европы и Азии, въ разные времена въ различныхъ мѣстахъ находили были украденныя и умерщвленныя дѣти; воздѣ и всегда, при недостаточности глубокихъ сѣдѣній въ этнографіи, подстрѣліе падало на евреевъ.

THE
LIFE OF
SAMUEL JOHNSON
BY
JAMES BOSWELL
IN TWO VOLUMES.
THE SECOND VOLUME.
LONDON: PRINTED BY A. MILLAR, IN THE STRAND, 1791.

ЛЕГЕНДА
О БРАТСТВОЪ.

ТЕЛЕНА

0 P P A T C T B P .

ЛЕГЕНДА О БРАТСТВѢ.

(Илистр. Публ. Библ. Повод. Орелск. № 1606.)

УКАЗЪ СЪ БРАТООТВОРВЕНІИ КАКО СОТВОРИ ГОСПОДЬ БРАТСТВО ПРВСТНОЕ, ВЪЖЕ НАЗВАТИСА ЛЯЖЕ СОБОЮ БРАТІЮЮ ЕСАНОМУ ПРАГОСЛАДНОМУ ХРИСТИАНІНУ.

Бысть царь, имя ему Семиклей; и любаше о Господи рече (рѣчи) слышати и желаше видѣти Христа велики. Во единъ отъ днѣй Семиклей царя на одрѣ възлеть в полатѣ своей и узрѣ пѣтицу велику и чюдну, летающую посредѣ полаты своа, і въздвися о ней; и възлетѣ птица, и удари крылѣ свои, и от среды полаты изятся врахъ малатный, і ввиде во очію его, и от слѣпоты пораженъ бысть царю Семиклею. И жена его баше Кувава, и баше проказенна, и слызъ Провъ: той имяше жену, и та имяше бѣса в себѣ. Якоже Семиклей царь ослѣпе, и призва сына своего Прова и глагола ему: види, чадо, в земля далная, и не помни от града сего никого же, да не повѣсть о мнѣ, и збори по людомъ дань, да вложи в сокровище, и послѣди о мнѣ вси поживомъ, нове иже и узнають вси людие, яко азъ от слепоты пораженъ есмь, и инъ царь приметъ наше царство, а сокровенное наше то будетъ намъ на послѣдокъ. Слызъ же его Провъ изшедъ из града и не помнѣ с собою никого же, вели (волин) баше жалостивъ и плачевное сердце имѣаше Провъ о болѣзни отца своего, и поя тако иныя слуги своя себѣ, и збравше дань с великою кранолою; и мало даху ему, а онъ же начатъ спѣшно имати, имѣаше же сердце плачевно яко нѣтъ никтоже. Видѣвъ же Господь вели-

кую жалость и сотвори Господь: и яко рабъ приде к Прову, и рече: приими мя, да буду с тобою. И рече Провъ ко Христу: от кое страны еси? И рече ему Христосъ: от горнихъ есмь. Провъ же рече: како есть имя твоє? Господь же рече ему: имя мое Емъмануилъ. Провъ же рече: колка доброта твоа? Господь же рече къ нему: князь есмь. Провъ же слышавъ, радостенъ бысть. И рече Провъ: буди со мною. И вопроси Господь Прова: о Прове! каково адѣлаеши дѣло? Онъ же отвѣщавъ: единъ рабъ есмь Семиклея царя, посланъ есмь собрати дань, а народъ мнѣ не дасть, а повелѣно ми есть борзо принести, собрать; не вѣиъ что сотворити. Рече ему Емъмануилъ: азъ спѣшно соберу ти. И рече Господь Прову: стани подальче: азъ иду во градъ. И пришедъ Емъмануилъ во градъ, и возгласи, глагола: дайте Божіа Богови, а кесарово кесареви! И слышавъ народъ таковыя рѣчи; и приношаху много злата и сребра. Провъ же видѣ, и удивися: откуда ми се да придетъ? Азъ бо во мнозехъ мѣстехъ и ничтоже собрахъ, се же во единомъ мѣсте и все ми предасть елико хощу! И рече Провъ Господу: Емъмануилъ! како любовь сотворю с тобою? И рече Господь: какову любовь хоцешъ, такую сотворю с тобою! Яко братство! сотворити хощу, и возлюбихи мя, яко самъ себя

И рече Провъ: сотвори. И Господь вземъ харатя в руку своюю записавъ братство, и рече несложными усты своими: проклять есть человекъ той, иже сотвори брата и не вѣрова в него! Ся убо братство болѣ брата рожденнаго! И рече Провъ: много злата с нами, поидемъ в землю нашу!

И придоша ко граду; и сташа (ста) при водѣ; и глагола Господь к Прову: о брато! Прово! Провъ же рече: се азъ. И глагола ему Господь: видемъ въ воду и емься скверны наша. Тогда дивншася ангели его, да рече Господь: о брато Прово! И видо Господь въ воду и ухвати рыбу и рече: о Прово! И рече Провъ: се азъ, Господи! И рече к Прову: вѣси ли яко рыба, что есть? И рече Провъ: не знаю, брате. И рече к нему Господь: очи сеа рыбы от слѣпоты, станехъ есть: от проказъ, а желчь ея есть за нечистоту духа! Провъ же приять рыбу, и разумѣ в сердци своемъ яко отецъ его ослѣпѣ, а мати его проказена есть, жена же его имаше духъ нечистъ. И пре-

дать мѣтнѣя своя вся Ехъманулау, и вземъ рыбу, иде к родителемъ. И быше Семиклей затворенъ, да не познаеть нѣтъ его никтоже о слѣпотѣ его; и пришедъ сынъ его Провъ, растронъ рыбѣ очи, и помаза очи отцу своему; той прозрѣ от слѣпоты; и симѣхиремъ помаза матеръ свою, и исцелѣ; желчию помаза жену свою и исцѣли ю. И видѣвъ же царь Семиклей и удивися зѣло (рече сыну своему: откуда) Прово, взял еси? Онъ же исповѣда ему всю истину. Семиклей же рече: поидемъ, сыну, той есть Христосъ, его же азъ видѣти восхотѣхъ! И воставъ с плачемъ поиде; и узрѣ царь Семиклей Господа издаече; и бысть Господь невидимъ от нихъ! Семиклей разстерза ризы своя, глаголаше: Слава тебѣ, владыко, яко не оставилъ мя еси в погибели, взирающе на рукописаніе твое плачуще, и глаголюще, и славяще Бога: Слава тебѣ, владыко, яко изволил еси счотатися с рабомъ Провомъ! Яко тону подобаетъ всяка слава, честь, и поклоненіе, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, во вѣки. Аминь.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Эта легенда вымышленна, какъ видно, въ оправданіе и освященіе обычая, существовавшего у насъ, какъ и у другихъ народовъ, обычая побратимства или названнаго братства. Сущность его состояла въ томъ, что два лица заключали между собою союзъ на жизнь и на смерть и обязывались другъ друга защищать и выручать изъ бѣды, одинъ другому помогать и оказывать взаимную дружбу и любовь. Обычай этотъ, общій народамъ арийскаго племени существовалъ въ глубокой древности въ такъ называемый героическій или богатырскій вѣкъ. До сихъ поръ онъ наблюдается у восточныхъ Асгановъ. Въ древней Греціи являлись названными братьями, побратимами, Тезей и Пиритой, Орестъ и Пиладъ, Ираклъ и Иоласъ, Ахиллъ и Патроклъ. На противоположномъ концѣ Европы, у Скандинавовъ, онъ сопровождался священными обрядами. Союзъ братства назывался *fösbroedralag*; его заключали между собою люди, связанные общими дѣлами. Нерѣдко побужденіемъ къ нему была равная для обоихъ вражда и ненависть къ однимъ и тѣмъ же врагамъ; нерѣдко двое враговъ, столкнувшись между собою непріязненно и оцѣнивъ другъ въ другѣ равное мужество и храбрость, прекращали бой и заключали братство. Обычай этотъ сопровождался такимъ обрядомъ: молодцы разсѣкали себѣ ладони и спускали кровь въ одну ямочку, выкопанную въ землѣ, а потомъ давали другъ-другу окровавленные руки и произносили обѣтъ братства.—Другой обрядъ, еще торжественнѣе, соблюдался такъ: вырывали изъ земли полосу дерна, иногда же три полосы, но такъ чтобы ихъ края были соединены между собою, и ставили ихъ на жерди, такъ высоко, какъ только человѣкъ можетъ достать остриемъ копья. Стоя на колыняхъ надъ этою землею, втази призывали боговъ въ свидѣтели своей клятвы и обѣщались навсегда жить между собою какъ родные братья. Если бы одинъ изъ этихъ

названныхъ братьевъ былъ убитъ, другой долженъ былъ торжественно похоронить убитаго и отомстить за него. Названное братство считалось дѣйствительнѣе родного. Въ одной Сагѣ двое родныхъ братьевъ, сыновья Біорна Бѣдсара (Bödfar) и Ельгероди (Elgfródi) испытавши свою силу одинъ надъ другимъ, вступаютъ въ названное братство. Ельгероди разрѣзываетъ руку и даетъ брату пить свою кровь, чтобы послѣдній получилъ черезъ то силу. Сдѣлавши вымку въ скалѣ, онъ сказалъ брату: степеня я буду всегда знать судьбу твою; если я здѣсь найду кровь, то это будетъ значить, что тебя нѣтъ на свѣтѣ, и я долженъ буду мстить за тебя, ибо я твой названный братъ и люблю тебя больше всего на свѣтѣ! Какъ святы по скандинавскимъ понятіямъ казались такіе союзы, показываетъ слѣдующее обстоятельство, случившееся уже послѣ водворенія христіанства; Біорен, унландскій король, заключилъ съ викингомъ Ваенльсономъ братство и объявилъ ему, что союзъ ихъ долженъ быть крѣпокъ, хотя отецъ Ваенльсона былъ только ярл и не происходилъ отъ королевской крови; но смотря на такое неравенство, союзъ оставался непоколебимымъ. Впоследствии между ихъ сыновьями возникла ожесточенная вражда; тѣмъ не менѣе отцы не только не вмешивались въ ихъ дѣла, но даже и тогда, когда король въ этихъ распряхъ потерялъ своихъ сыновей и послѣдній, оставшійся въ живыхъ, его сынъ хотѣлъ, по долгу родового мщенія, мстить за убитыхъ братьевъ, отецъ объявилъ, что если онъ покусится на это, то самъ онъ, отецъ, убьетъ его, своего сына, ибо далъ клятву въ братствѣ и долженъ мстить за названнаго брата. По понятіямъ христіанства, когда проповѣдники вооружились противъ кроваваго мщенія, и самое названіе братства, тѣсно связанное съ потребностію мстить, стало упадать, хотя слѣды его существовали долго и впоследствии переродились въ болѣе гражданственныя институты товари-

щество или артелищны (felagskap), когда нѣсколько друзей соединялись вмѣстѣ, преимущественно для торговли, но иногда и для разбоевъ.

Уже въ глубокой древности, какъ видно изъ нашихъ старинныхъ богатырскихъ пѣсней, гдѣ сказочныя событія вращаются около имени Владиміра, существовало названное братство богатырей, заключавшихъ между собою такіе союзы. Такъ Потокъ Изюмовичъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ были между собою названы братьями. Илья Муромецъ заключаетъ названное братство съ Василемъ плыничей. Какъ цѣнилось это названное братство, показываетъ пѣсня про Василису, гдѣ одинъ изъ богатырей, Данило Денисьевичъ, увидавши, что противъ него идетъ вмѣстѣ съ роднымъ братомъ названный братъ, Добрыня Никитичъ, самъ убитъ себя съ отчаяніемъ:

Тутъ возговоритъ Данило Денисьевичъ:

Скажите гдѣ это слыхано, гдѣ видано,

Братъ на брата со боемъ идетъ,

Береть Данило свое остро конь,

Тупымъ концомъ втыкать во сыру землю,

А на острый конецъ самъ ужалъ!

Въ Новгородской жизни существовало названное братство и цѣнилось выше роднаго, какъ говоритъ Васыка Буславъ Костѣ Новоторженну:

Гой еси ты Костя Новоторженниъ!

А и будь ты мнѣ названный братъ,

А наче мнѣ брата роднаго!

Впоследствии этотъ обычай языческихъ временъ принялъ религіозный характеръ и освѣщался церковнымъ обрядомъ. Существовали для того въ старыхъ требникахъ особыя послѣдованія. Запорожскіе казаки заключали между собою побратимство и этотъ обычай способствовалъ образованію религіозныхъ церковныхъ братствъ, процвѣтавшихъ въ XVII вѣкѣ. Браталась даже и съ повѣрными. Такъ Хмельницкій, разговаривая съ

польскими посланни, называетъ татарскаго мурзу Тугайбея своимъ братомъ и говоритъ, что онъ все для него сдѣлаетъ, чего бы ни захотѣлъ Хмельницкій и свѣтъ не разорветъ ихъ козацкой пріязни. Черногорцы до послѣднихъ временъ заключали между собою въ церкви побратимство и священникъ читалъ имъ приличныя молитвы и давалъ цѣловать крестъ въ утверженіе ихъ союза. Въ Сербіи и Болгаріи, по извѣстію Вука Стефановича, соблюдается не только между мужчинами, но между мужчинами и женщинами названное братство, утверждаемое религіознымъ обрядомъ. Если случится заболѣть женщинѣ или дѣвцѣ, она избираетъ собѣ юношу и идетъ съ нимъ въ церковь или монастырь; священникъ кладетъ ей на голову крестъ или священный покровъ, и если больная выздоровѣетъ, то называетъ того, кто проводилъ ее, братомъ, а онъ ее сестрою. Въ понижальномъ поведѣльникѣ (наша радунца) послѣ наски, въ Сербіи есть обычай, называемый дружичало, когда мужчинамъ съ мужчинами и женщинамъ съ женщинами, а иногда и оба пола между собою, сплетаютъ вѣнки изъ вербовыхъ вѣтвей и цѣлуются сквозь нихъ, и вѣнаются ими, бросая вѣнокъ на голову того, съ кѣмъ поцѣловались, и вмѣстѣ съ этимъ прогнѣиваются красными лицами. Такой же обычай существуетъ и у волоховъ. У насъ что-то подобное дѣлается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Петровъ день, теперь исключительно только между женщинами: собираются на лугу, водятъ хоромы, цѣлуются и вѣнаются крестами; это называется куниться; кума съ кумою заключаютъ вѣчную дружбу. Независимо отъ этого существуетъ (хотя уже рѣдко) обычай прогнѣиваться грудными крестами, обычай, означавшій установленіе взаимнаго братства между двумя особами.

Въ настоящей легендѣ царь Семиклей лицо выдуманное на греческой ладъ, Провъ Probus, имя взято изъ житій святыхъ, гдѣ часто упоминается о царѣ Провѣ. Купана — славянское имя. Станехъ — станяхъ, желудокъ. Очевидно, составитель легенды находился нѣсколько подъ впечатлѣніемъ книги Товита.

ЛЕГЕНДА

О СВЯТОМЪ ГЕОРГИИ.

ALBERTA

O BRITISH COLUMBIA

ЛЕГЕНДА

О СВЯТОМЪ ГЕОРГІИ.

(Импер. Публ. Библ. Поход. дресскр. № 4510.)

Повѣдана намъ авва Георгій: входящу ми в гору
срете ми черноризецъ старъ, и рече ми: вонди, что вло-
чешися. Воземъ крестъ, поиде от мене преди, и пошедъ
намо, совратися с пути на стезю, и азъ во следъ его
идохъ, и се стадо овецъ, пастухъ оуже лежаше на
кончине, зинною оуязвенъ. Башетъ источникъ близъ, и
рече ми старецъ: почерни ми воды и принеси съмо, и
облей крестъ надъ чашею, оуже носиши, и раздвигше
оуста воліхове. И рече старецъ: во имя Пресвятыя
Троицы силою Христовою испѣлаеть тя, рабе Божій,
Христовъ мученикъ Георгій! востани и жени овцы на
нѣсто свое. И восклонися отрокъ, нача блевати, таково
якоже святому самому и великому старцу двавти-
ся. И яко в еликъ часъ хотя гнати овца, и воспрочи
старецъ: повѣшь ми, како ся еси клялъ вчера оубозѣй
ономъ адовнице, а отдавъ ея овечку, иже ти вдала бѣ
васта, то на трехъ сребренницахъ далъ ю еси, тоже
глаголаъ еси: волкъ есть съелъ. И рече ею пастухъ:
отче, тако есть. И ты како оуѣде? И рече старецъ:
чадо! сѣдѣшу ми оу кѣліи своей, приде ко ми ѣ мужъ
на кони борзо, и рече ми: Софроніе! востани, иди бор-
зо ко источнику, существу одесную тебе на оугъ, и вишь
человѣка, от зиня оуядена, и оттоуду возвратися на со-
верьскій путь, и срящеша ту чернеца, носяща в рунѣ
крестъ на древе, и воземъ крестъ, и облей водою, и дашь

оуядену пити, реки: во имя Отца и Сына и Святаго
Духа силою Христовою испѣлаеть тя, рабе Божій, Ге-
оргій! И рши ему посемъ: не кленися именемъ Бо-
жіймъ, ни святымъ его, ни солжи кривды, и вдаждь
убозѣй женѣ овцы, да не горѣ ти что боудеть. Яко
слыша оуноша от старца, и паде на ногу его, глагола:
отдаждь ми, авва, яко тако есть; продахъ овцы тоя
жоны на трехъ сребренницахъ, и вчера ея солгахъ ре-
кий: волкъ есть оуѣлъ. И рече ми: истина ли есть, ни
лжши? И рѣхъ ея: тако ми Бога истиннаго! И рече
же ми жена: вѣси мя оубогу сущу, да яко же хоще-
ши, то и твориши, а повци тебе Богъ и святый Геор-
гій, ему же бѣхъ обѣщала во святый празникъ его
заклати! И азъ нави рѣхъ, прольщеный діаволомъ: та-
ко ми святый Георгій, егоже молиша, а зѣлъ есть волкъ!
И оуне молю твое благолюбіе, помолися к Богу и свя-
тому Георгию, да ми отпуститъ грѣхъ, а женѣ дамъ
три овны и на празникъ святаго Георгія до живота
своего подаю оубогимъ от того, еже испасаю, десятою.
И помолися старецъ, и отпусти, и рекъ ему: чадо, блю-
дися, да не в горьшее впадеша, и даждь оубозѣй яко-
же са обѣщала! И огда слышахъ рекуща имя свое Со-
фроніе, велики прослави (са) Христовъ Богъ; и рѣхъ отай
во оумѣ своемъ: се есть, к нему же мя посла святый
Георгій!

ПРИМЪЧАНІЕ.

Хотя эта легенда, какъ должно думать, греческаго происхожденія, но по содержанию представляетъ непосредственную связь съ русскимъ повѣрьемъ о томъ, что св. Георгій управляетъ волками и зміями (*), покровительствуетъ пастуховъ и наказываетъ ихъ (**).

(*). См. статью о Егоріи зрабровъ въ Чтенияхъ 1848. № 9, стр. 153.

(**) Во многихъ мѣстахъ Россіи въ обычаѣ выгонять скотъ въ поле въ первый разъ поначалу какъ 23 апрѣля. Существуютъ вѣрванія, что волки не смѣютъ растерзать скота безъ позволенія св. Георгія. Они наказываютъ каждую изъ этихъ зѣрой добычу, и если случается, что волки опустошаютъ стадо, то

но обратить вниманія на способъ уваженія святаго; старуха даетъ обѣщаніе заклать св. Георгію оцу въ день его праздника: обычай языческаго жертвоприношенія прѣвращается въ христіанскіиъ понятіиъ. Эта черта тоже находится въ связи съ переводомъ на житіе св. Георгія древнихъ нашихъ мисеологическихъ сказаній.

это дозволяется имъ въ наказаніе людямъ за гнѣвъ; съ другой стороны надобно молиться св. Георгію, чтобъ предохранить стадо отъ волчьаго ищанчества.

ЛЕГЕНДА

О К У Ш Ц Ъ.

ADMITTED.

ADMITTED.

ЛЕГЕНДА О КУНЦѢ

СЛОВО СЪ НѢКОВЯХЪ КУПЦѢ.

(Изъ сборника XVII в., доставленного в-ство Савушкиной.)

...Есть нѣкій человекъ купецъ христоролюбивъ и милостивъ до нищихъ: куплю дѣла, раздѣляше на три части: одну нищимъ, а вторую на нищу себѣ, а третью на куплю; послѣдъ же обнищавъ велии аки не имѣя оу себѣ ни до нѣзвѣза, и входя в церковь святыхъ Богородица, плачаша оу иконѣ святыхъ Богородица по вся дни о грѣсѣхъ своихъ, и о нищетѣ своей, помысли въ сердци своемъ. Баша бо икона святая Богородица оукрашена всякою тварью златомъ, и серебромъ, и каменемъ драгимъ, и жемчюгомъ и множествомъ оутвари. И пришедь человекъ ко иконѣ святыхъ Богородица со слезами, глаголаше: госпоже пречестная Владычице, помощнице всѣмъ христіанамъ, оубожествомъ обогатительнице! и мнѣ грѣшному, госпоже, поможи, и дай же ми, госпоже, утварь свою, яко на иконѣ твоей, и да сотворю, госпоже, куплю, и воздамъ ти: вдвое въспять возвращаю! И сиде моляся часто ко святѣй Богородицы со слезами; и услыша плачь его Богородица. Приде нѣкогда по бычаю своему в церковь пред икону, и поклонився с плачемъ, и оуарѣ оутварь пред иконою лежащу, и возня идаше в доми свой радуся, слава святую Богородицу, помощницу печальнымъ; и пришедь в гостыбу, начать куплю дѣяти оутварю, и сотвори лѣто все в куплѣ торгуя, и обрѣте богатство много, и

но лѣтъ возвратися в доми свой, со многимъ богатствомъ, славище-святую Богородицу. И видоша нѣція в церковь и не обрѣтоша оутвари на иконѣ, и начаша заповѣдати по граду: кто есть возня утварь на иконѣ? И то слышавъ купецъ онъ, и приде в церковь, и вшедь поклонися святѣй владычицы нашей Богородицы, и воспроси имъ о иконѣ; они же начаша повѣдати погибшую оутварь на иконѣ 3 дни. бѣ же отвѣщавъ купецъ глагола: азъ есмь взялъ оутварь на иконѣ, понеже бхъ оубожалъ, и ходя въ церковь с плачемъ пред иконою святыхъ Богородица; глаголахъ же: Пречистая! дай же на утварь свою, яко оубожалъ; иногды с плачемъ молахся оу иконѣ; во единъже день видоохъ в церковь на заоутреню, и поклонихся пред иконою владычица нашей Богородица, и обрѣтохъ на нѣстѣ оутварь лежащу, и възмѣ то все, идохъ в гостыбу, и есть ми все лѣто гостащу, и имѣи приходъ со множествомъ богатства; и се даю иконѣ вдвое, что взялъ оутвари на иконѣ. И оукрашивъ икону, а иное дѣстѣ церкви, и крѣосу, и нищимъ, а самъ оттолѣ обогатихъ, (обогатися) молитвами святыхъ Богородица. И се слышавше оудившася вси, и прославиша святую Владычицу нашу Богородицу.

ЛЕГЕНДА О КУПЦѢ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Плаць, вѣсто плачь, особенность новгородскаго нарѣчья, въ которомъ ѣ замѣняется е. Вѣсть съ этими признаки характера торговаго быта этой легенды также заставляють предполагать, не сложилась ли она въ

Великомъ Новѣградѣ? Особенности языка и склада не кажутся, что она стариннаго происхожденія. Слово гостьба значитъ вѣсто торговли; глаголъ гостити — торговать.

[The following text is extremely faint and largely illegible due to the quality of the scan. It appears to be a continuation of the commentary or a separate section of the legend, but the specific words are difficult to discern.]

ЛЕГЕНДА

О ПРОИЗХОЖДЕНІИ ВІНОКУРЕНІЯ.

ДЕНЬ О ДЕНЕГЪ. ПРИМЪЧАНІЕ.

Плаць, вѣсто плаць, особенность новгородскаго на-
рѣчья, въ которомъ и записана ч. Вѣсть съ этими
признаки характера торговаго быта этой легенды так-
же вставляють предлогать, не сложилась ли она въ

Великомъ Новѣградѣ? Особенности языка и склада по-
казываютъ, что она стариннаго происхожденія. Слово
гостѣба значить вѣсто торговли; глаголь гостити —
торговать.

ЛЕГЕНДА

О ПРОИЗХОЖДЕНИИ ДИОКУРЕНІЯ.

ALBERT

RESEARCH AND DEVELOPMENT

ЛЕГЕНДА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВШОКУРЕНИЯ.

ВЫПИСАНО ИЗ КНИГИ ИЗ СТОГАЛЕННИА СЪ ПИТИИ, І ОТ ЧЕГО СУТЬ УСТАВЛЕНА ВИННОВ ПИТИЕ.

(Рум. Муз. Сборн. № 363 XVI с.)

По вознесени Господни, ученицы Господа Бога и Слеса нашего Исуса Христа ходиша по земли, и учашу людѣи Господни заповѣди, правои христинстей вѣрѣ, и закону Божию. И завидѣ сотона завистию своею, и начаша з бѣсы своими бѣседовати, како бы уловити родъ человѣчскіи пьянствомъ? И выступи въ сильнии бѣсы, и глагола сатанѣ своему: азъ вѣдаю, господниче. И даша ему сатана власть ниякую, и нача с нимъ бѣседовати, и глагола бѣсы: еще я вѣдаю: осталось тое травы, что есть прельстилъ Ноеву жену на оравницкихъ горахъ; иду выиѣ по нее, и прельщу челевѣка, его же обрящу. Посемъ воста сотана з бѣсы своими, и поклонися ему, и воздаша хвалу и честь велию, и посадиша его на престолѣ своемъ царьстемъ, и даша ему вѣнецъ царьскіи, и поренуру, и скепѣтръ, и нарѣче его сатана: нияныи еси бѣсы, возлюбленныи мой.

И поиде бѣсы эпияны мойс, и обрете челевѣка нѣкоего нанути, в Палѣстину идуща из града вонъ во нияи градъ, потому что обнищавша зело. И глагола бѣсы: поиди, челевѣче, во градъ сей і види заутра: азъ ти дамъ вещь, и будещи у царя пож (ал) ованъ, чего ты и не вѣдаешъ. И пристрочиши себѣ мѣсто уготованно при рѣце у источника, и побѣже бѣсы на

оравитския горы, і взя скоро траву, еже есть хисель, и приде на урѣченное мѣсто на источникъ, и уготова кубы, и налиша браги, и накинухъ (лакину) горьшки, и потомъ замазаша тестомъ с трубами, и сквозь каден пропустиша, и налиша кади полно воды, и подложиша вод кубы огня, и нача огнемъ варити; и поиде сквозь каден трубами аки хитрое зелье (недоумѣюще челевѣку тому, и на умъ его не въздоша); потомъ положиша в сткляницы, и посла его бѣсы ко царю, и повелѣ поклонитися и отдати честно царю, аки дары честными.

И созва царь во граде своемъ велможи свои, и нача дивитися подаренному от челевѣка того хитрому веллю, каково есть. И налиша чашу царю, испиша ю, и понесоша велможамъ всѣи. И быша всѣ веселы во градѣ Царь и велможи нача (ша) челевѣка того дарити, чего ему прещъ сего и на сердце не въздоша.

И глагола бѣсы: поиди, челевѣче, въ Палѣстину къ царю. И глагола в Палѣстинѣ царь челевѣку тому: кто ти есть указа таковое зелье здѣлать? Зѣло есть предивно! Дай его сѣмо, и азъ дамъ ему до полуцарьствия моего.

А бѣсы в ту пору поидѣ въ свое мѣсто, къ сатанѣ, и поклонися сатанѣ своему. Окояныи же сатана даша ему власть царьскую въ ниянѣстве, по прещреченному

объщанию своему. И быше бысть свѣтлым (?) сатана су
 угодишии своими бѣсы, и еще дастъ ему сатана лю-
 кавыи 300 бѣсовъ на помощь. И бысть великъ той
 бѣсъ у сатаны.

А человекъ тотъ вонде и по всей земли искати бѣса
 на мѣсте томъ, и не обрѣте его, и возвести царю о
 прещренномъ хитромъ земли семъ: и не вѣиъ, гдѣ и ку-
 ды человекъ прещерченный; а я то, царю, такое хи-

трое земле умѣю сдѣлать и сотворити. Человекъ же
 той бысть пожалованъ отъ царя, и нареченъ будетъ у
 царя великнй велможа и другъ царевъ.

И оттогѣ разнеся то хитрое земле, спирѣчь нынѣш-
 нее вино, рѣкомая горѣлка, по всемъ странамъ и гра-
 домъ, въ Цари, і въ Литву, і въ Пемъцы, и во вся гра-
 ды, и к намъ в свято-русскую землю.

ЛЕГЕНДА

О ПЬЯНИЦЪ, ПРОДАВШИИТЬ ДУШУ БЪСУ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHILOSOPHY

PHILOSOPHY

ЛЕГЕНДА

О ПЬЯНИЦѢ, ПРОДАВШЕМЪ ДУШУ БЪСУ.

(Изъер. Нубл. Библи Поход. Архелазр. № 1544.)

Приключися яко иѣции человекѣи честнии по миру своему въ корчменницѣи шѣху, и глаголюще с собою о различныхъ вещехъ, бысть же бесѣда и о семъ, что будетъ послѣ сего житія? Тогда одинъ рече: всуе намъ сіе іерехъ повѣдаютъ яко по смерти души живутъ. И сону словеси начаша вси смѣяться; и прииде ту абіе иѣкій человекъ сильный и великій, и сѣде с ними, повелѣвъ продавцу привести вина, и начаша пити, и вопрошеть; и рече оный первый: о душахъ глаголемъ, аще бы кто хотѣлъ купити мою душу, то убо бы за всѣхъ заплатилъ, еже испити, и продамъ ю с радостию! Они же вси безумному глаголавію смѣяхуся. Онъ же пришелецъ рече: азъ сицевого продателя ищю; готовъ ю есмь купити; повѣжда ми, что хочещи за ню пріяти? Той отвѣръзъ уста, рече: за злато и серебро хочу про-

дати. И абіе согласистася о цѣнѣ, купецъ души абіе оточто серебро; едаже вси шѣху радостно молными сосудами, ничто же печашеса, себѣ же продалъ естъ душу; егда же прииде вечеръ, рече оный купецъ: время уже всякому возвратитися во свояси, обаче немоли разыдемся, да разсудимъ си: егда кто купитъ коня, тоже будетъ со уздою или иѣсть того узды, иже купи? И тѣвща ша вси согласно яко тако естъ правда. И се абіе оный окаинный предатель начать от стѣраха трепетати, а купецъ оный восхитивъ его с тѣломъ пред очима всѣхъ, вознесе горѣ, и носе душу и тѣло с собою во адъ, ибо діаволъ бысть во образѣ человека. Ктобъ естъ иный, иже душу купуетъ? Но такъ оный, о немъ же в гаданіяхъ еще и в сѣни во Аврааму речено бысть: даждь ми душу, а богатство возьми себѣ.

SECRET

THE UNITED STATES DEPARTMENT OF THE ARMY

SECRET

ARMY AND AIR FORCE SECURITY REGULATIONS

ЛЕГЕНДА

ОБЪ ИГРОКЪ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

RESEARCH REPORT

ЛЕГЕНДА ОБЪ ИГРОКЪ

ИЖЕ КТО НЕ ПОЛЫШААШЕ ГРѢХЪ БЫТИ БО ИГРАХЪ ШАХЛОТНЫХЪ И ПРОЧИХЪ ВОСТАРНЫХЪ ИГРАХЪ.

(Румянц. Муз. Сборн. № 363. XVI в.)

Нѣкій воннъ отдаде себе на всякую игру, и ни в ющи, ни во дни не даде себѣ покоя, но на всякъ мѣсь о семъ печашеса, и иѣщецъ нося сребра, потрясал и къ игранію призывая; и во всякихъ играхъ зѣло подученъ; и никто бо отъ него тако отходя, но сѣтъ обыгрывая. Чтѣ же Богъ о немъ впередъ будущимъ родомъ показа? И тако Богъ таковыми забавы нушается; и остави память о Бозѣ, и в снѣхъ забавлются, в нихже рвенію, роспра, глѣвъ, зависть, зары.

Попущено бысть отъ Бога, дабы с тѣмъ вонномъ игралъ дѣволъ. И приде к нему во образѣ челоуѣчи,

и предложи сребро, и воннъ свое, и начаша играти; и нимало постуни вонну, но все дѣмону сприсобляло, вонну же и сребра недостало. И вскочи воннъ разгнѣвався, рече: или дѣволъ еси? И рече дѣмонъ: престанемъ о семъ, яко уже приближается день; иѣсть же мнѣ чтѣ у тебе, кромѣ самого поити. И восхитивъ того сквозѣ іровъ хранины, повлече с таковою силою, иже вся внутренняя его обрѣтоша между крова и зриновенна и оставаша; чтѣ же тѣлу сотвори и нигдѣ не обрѣтѣся, аще и много жена его и сынове о семъ покущѣся; точию чрево и вся внутренняя его обрѣтошася.

LETTER TO THE EDITOR

THE EDITOR, THE JOURNAL OF THE AMERICAN MEDICAL ASSOCIATION, 535 N. Dearborn Street, Chicago, Ill.

DEAR SIR:

I have just read your issue of the 15th of this month and was interested to find that you have published a letter from a certain Dr. J. H. Smith, of the University of Chicago, in which he states that he has discovered a new method of treating certain types of cancer. This is a very important discovery and one which should be widely known. I am sure that your readers will be interested to know more about this discovery and the work of Dr. Smith. I am sure that your readers will be interested to know more about this discovery and the work of Dr. Smith.

Very truly yours,
[Signature]

ЛЕГЕНДА

О ЛЯХЪ И ПРЕСВИТЕРЪ.

SECRET

CONFIDENTIAL

SECRET

CONFIDENTIAL

ЛЕГЕНДА

О ЛЯХЪ И ПРЕСВИТЕРЪ.

(Истор. Публ. Библи. Повод. Сб. № 1344.)

Въ Новоторжскомъ уѣздѣ пустыня есть нареченная Канонка; в той пустынѣ церковь пресвятыя Богородицы. Во время же разоренія московскаго от безбожныхъ ляховъ шестствіе бысть и на сію пустыню, в ней же токмо живыи инокъ и пресвитеръ. Ляхъ же иѣкій вриде в церковь пресвятыя Богородицы, ведый съ собою жену иѣкую отъ плѣна русскаго; пресвитеръ же тоя церкви, видя сіе, убоися ляха, бѣжа во алтарь, крыся под святую трапезу, яко же послѣди о себѣ повѣствована. Той же окаянный и безбожный ляхъ видя со дерзновеніемъ во святый алтарь и дерзнувъ сняти со престола образъ пресвятыя Богородицы, и занесе из алтаря в церковь, поверже на землю в богомерзское свое проклятое безстудство з женою оною на образѣ томъ содѣя; пресвитеръ же зря сіе, сѣдя под святой трапезою, умилно слезы испусти, плачася глаголя: о пресвятая дѣво Богородице! почто попустила сему ока-

линому ту свою святую церковь осквернити и толикое безстудство на образѣ твоємъ содѣяти? како есть, о госпоже, не погубиши? Тогда гласъ бысть от образа: о пресвитере! сей безстудный вѣсь за своя дѣянія згѣ погибнетъ; тебѣ же глаголю: яко не толико иѣ содѣя безстудство сей инозвичникъ, яко же ты; понеже безстрашіемъ приходиши в церковь мою и без боязни приступаеши ко святому жертвеннику: ввечеру упиваешися до пива, а заутра служиши святую литургію и пред симъ иномъ образомъ отрыгаеши оный гнусный пивственный свой духъ, в лице мое симъ зѣло омерзилъ еси, паче сего блуднаго поганника; отъ бо невѣдніемъ сотвори и за сіе погибнетъ, ты же, вѣдая, согрѣшаеши; глаголю ти: престани отъ сего такова дѣла! И такъ гласъ той преста; ляхъ же гонимъ бысть силою Божіею отбѣже; пресвитеръ же, воста, во благихъ поживе вся дни живота своего.

ПОВѢСТЬ

О БЪСНОВАТОЙ ЖИЗНѢ СОЛОМОНИИ.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

RESEARCH REPORT

ПОВѢСТЬ

О ВЪСПОВАТОЙ ЖЕНѢ СОЛОМОИИ.

(Иллѣр. Публ. Библ. отд. XVII, № 27.)

Въ лѣто 7169 февраля в день содѣся сице в предѣлахъ от града Устюга за чотырѣдесать поприщъ: вверхъ во Сухомы рѣки есть волость, глаголемая Ерогочка, в ней же церковь Просвѣты Богородицы; тоя же церкви іерей именовъ Дмитрій, і жена его именовъ Улита, нивста же у себе дщерь, именовъ Соломоию, о ней же намъ выиѣ слово преддежитъ. І дошедши ей Соломоию в совершенный возрастъ, і востоѣста родителне ея в законное сочетаніе мужевн адати вѣкосму земледѣльцу именовъ Матеею, еже и бысть. Іи по брацѣ бывши ей в невѣстномъ чертозѣ, і не по мнозѣ времени восхотѣ мужъ ея от ложа ѣзти на предворне хранины, тѣлесныя ради нужды. І по изшествовїи его, еже искона ненавидѣй добра алыи старый врагъ днаволъ сатана, иже не преставаше человекъ боря, умысла такова самъ Іав посланъ отъ человекъ недобра на погубленіе жевн тоя, і приде аки вѣто ко хранинѣ, и толкѣиса во двори без молитвы, и глагола человекскимъ гласомъ: Соломоіе! отверзи! Она же воста от ложа своего і отверзи двери хранины тоя, мня мужа своего пришедша, і пахну ей въ лице, і во уши, і во очи, аки вѣкоторый вихоръ велій, і явися аки пламя вѣкое огнено і сице. Она же усумнѣся, і въ недоумѣнїи бысть; і пакы понаде приде і мужъ ея к ней во хранину,

наипаче ужасеся. І бысть во всю ночь без сна; приде на неа трасенне і великій лютый ознобъ, і в третій день она очюти у себе во утробе демона люта, терзающа утробу ея, и бысть в то время во иступленнїи ума от живущаго в ней демона. І в девятый день по брацѣ, во захождени солнца, бывши ей в кѣтцѣ с мужемъ своимъ, на одрѣ востоѣста почити, і внозану видѣ она Соломоіи демона, пришедша к ней звѣрскихъ образомъ, похвата, имуща козты, и лаже к ней па одрѣ. Она же вельми его убояся иступи ума. Той же звѣрь оскверни ее блудомъ, абие же она очютися на утрии в третій часть дня, і не повѣда никому большее днаволское кознодѣйство, і с того же дни окаиннїи демони начаша к ней приходити кроиѣ великихъ праздниковъ по пяти и по шти человекскимъ зракомъ, яко же вѣкоториі прекрасниі юноши, і тако нападаху на неа, і свориху ея, і отхождаху, людемъ же ничто же видѣвшихъ сего. Она же, Соломоіи, повѣда мужу своему яже о собѣ, како тие демони прихода скверняху. Онъ же ничто же ей отвѣча. І живши с мужемъ своимъ в дому вѣколко время, видя же онъ гибель жевн своея, отвезе ю ко отцу ея іерою Дмитрію и матери, і остави ю жити у него. Они же, окаинниі воданнїи демони, і тамо хождяху и скверняху, і егда она,

Соломонна, виходяше из хранины на предверпе, они же, окаинні, невидимо восхизаху и уношаху в воду; она же кричаше великимъ гласомъ; домашнимъ же на гласъ бѣжавшимъ и не видѣвшимъ никого же, живише же у нихъ в водѣ три дни і три ноци. Также силою скверныху ея, і отнесше я, оставляху овогда на лесу, овогда на ноли, і пометаху ю нагу, і нѣкими христолюбивыми людьми направилсма к дому отца своего.

Отець же і мати ея, видя такуюю гибель дщери своей, плакахуся зѣло и недоумѣвахуся; и по малѣ времени они окаинні демони пришедше, бывши ея одной в дому отца своего, і начаша ея бросати овъ демоновъ во единъ уголь хранины, инъ также во нинѣ уголь, овъ на палати, инъ же на ночь, і тако мучаху ея многи часы, и возла гѣкое ўже и привязавше за шию ея, і взяша камень жерновый, и воздѣвше на ўже и положиша на лицѣ, і на перси ея, і на столѣ прорѣзаша диру, и тутъ же воздѣвше, і повѣсивше ея совсѣмъ к строну хранины. Слышавше же сосѣди над нею бывшее, і повѣдаши отцу ея; онъ же пришедъ, і не вѣде никого же во хранинѣ, токмо ея одну лежащу, і ўже на выи ея, і канонъ, і столъ, і не вѣде она, како отрѣшися от верху хранины, бывши ея зми шортивъ на многи часы от того мученія, і едва прочиуся. Отець же ея разрѣши; придоша же і сосѣди, і вѣдѣша тѣло ея все избито, носитъ, а болѣзни она никако же чюаше. Отець же и мати ея к ноци занираху (си) во хранину едину, бояхуся ея: егда они, окаинні демони, к ней приходяху, і она бываеъ виѣ ума, і дають ея демони копве желѣзное, дабы заколола отца своего; і завтра покажутъ копве истинно, а не привидѣннѣмъ, всемъ страшно, і бысть ея таково мучение без престани: не обрѣташе от нихъ покоя; а нинѣ ихъ вражия козни невозможно і описанию предати: мнози тому вражню козновѣдѣству в той волости свидѣтели.

По томъ же времени придоша тѣ же воданні демони многое множество, і начаху мудити ея, чтобы она шла у нихъ, і вѣровала бы яко же і они в сатану отца своего, тако же бы шла і ѣла с ними, і

волю бы ихъ всю творила; преже ласкавнѣмъ і честно хотяху ея превратити от християнскія вѣры; глаголаху ей всячески: видиши ли, Соломонне, какво житие ваше; все добро і богато, і в чести ты у насъ волицѣ будеши. И нинѣ утѣшная утѣщанія. Она же ихъ ничтоже отвѣща. Видѣша же они окаинні демони, что добротою і ласкотою не возмогоша прельстити і превратити от християнскія вѣры истинными, і начаша ея мучити: растагоша ея по стени, і рудѣ і нозѣ ея в смыки забиша, і начаша копиемъ ея колоти, і рожны збодати, і ножи рѣзати, і нохты все тѣло ея драти, і наки вопрошаше ея: вѣруеши ли в насъ і во отца нашего сатану? Она же ничтоже имъ отвѣща. і раскозаша ея, і возводоша на высокое нѣкое мѣсто, і взяша за руки и за ноги, і бросиша ея на землю, еже падши смертно; і едва отдохну, наки взяша ю к себѣ, і даша ея нѣкоей дѣвѣ, а называютъ ея они ту дѣву Ярославкою; таже дѣва нача ея вопрошати: како ты приде сѣмо, из коего града і из веси, і отца і матери, і сродичей? о всемъ подробну вопрошаше; она же все сказуя о себѣ сущее; таже дѣва Ярославка рече ей: аще ты, Соломонна, жити азѣ не хочеши, і ты у нихъ не ажди, ни шѣ, і ничто же ниъ не отвѣщай, и они помучатъ да и отпустятъ. і по малѣ времени демони придоша і вопрошаху: вѣруеши ли в насъ? Она же ихъ ничтоже отвѣща. і много прещаху ей, угрожающе, дабы вѣровала. Она же молчаше. і по мнозѣмъ прещеніи, взяша же они лукавіи дуси і отнесоша на лѣсъ едва живу сущу от многого мученія; і с великимъ трудомъ ко своему дому едва она дойде. і живши в дому отца своего шесть днѣй, наки они демони, пришедше невидимо, взяша ея і унесоша к себѣ. И бысть у нихъ два дни і двѣ ноци, і зача у нихъ в утробѣ, і носила ихъ полтора года. Приде же ей время родити, і бѣ она в дому отца своего, і выслала отца своего на дому зонъ со всѣми живущими, сказа ему, еже хоташе родити і еже бы ихъ темнорачныхъ не убили. і в кое время нача она родити, і приде к ней от тѣхъ темнорачныхъ демоновъ жена, і нача с нею водитися; і

родн ихъ шесть, а видѣи ихъ они сини, и взя ихъ та жена, что с нею водилась, и унеса из хранили под ность. Отецъ же ея приде в домъ со всѣми домашними и начаша ясти, и они темнозрачни демони, которые родились, воставше из вод носта, каменистъ начаша метати и землю бросати. Отецъ же, и мати ея, и вси живущи в дому, видѣвше такову гибель, побѣгоша из дому вси. Она же, Соломонна, одна оста. Жена же, которая с нею водилась, приде и принесе ей сосудъ крови, и воляше ей пити. Она же не можаше пити. И рече к ней темнозрачная жена: когда ты не пьешь крови, и ты заколи отца своего. Она рече имъ: дадите мнѣ еще урочное время, и азъ заколю отца. Того ради глаголаше имъ, яко не можаше уже терпѣти мучения от тѣхъ демоновъ, ихъ же родила; понеже ссаду ея за сосцы яко аки лютым; и три дни и три ночи не видоша в домъ вси домашни, страха ради смертнаго от камениаго метанна, и в четвертый день едва видоша, и не видѣша никого же. Соломонню же пакы демони с собою унесоша и скворниша ю. И пакы зачатъ во утробѣ от насала дивольскаго, и носила, и родила двоихъ демоновъ в дому же отца своего, и невидимо унесоша ихъ от нея. Во ино же время родила единаго демона, и пакы родила еще двоихъ демоновъ, а когда она, Соломонна, раждала, хлѣба не адыше ни мало, но приношаху ей невидимо темни они сыны птицыю кровь, и траву, и коренья, и гѣмъ ея питаху. И не помнозѣ времени, бни окалини взяша ея невидимо и унесоша ю к себѣ в воду. И бысть у нихъ она три дни и три ночи, отцу же ея и матери чающися живота ея и плакавши много; и егда они окалини принесоша ея к себѣ, начаша веселитися, того ради яко дѣтей родила, и приносоша ихъ предъ нею, ихъ же родила, и вопрошаху ихъ: что вамъ сия жена? Они же рекоша: мати намъ есть. И носемъ пакы бни окалини сѣдоша каждо на своихъ мѣстѣхъ другъ друга, честию болшею творяще и почитающе; начаша стн и пити, и ея Соломонню начаша при нуджати. Она же, яко же и преже, тако же не хотяше. Они же окалини пакы муками начаша претити ей; она же

нихъ повинуся, и изволи воли ихъ быти. И даша ей ковшъ, и начаша виномъ наливати, и всѣмъ темнозрач нымъ повелѣша поднести, и иваны ихъ звати. Она же, Соломонна, всѣмъ мошаше пити от первого до послѣд нихъ. Быше же ихъ многое множество, глаголюще другъ ко другу: всако ны ея мучили, и били, и ножами рѣзали, и копиемъ кололи, и нохты драли, дабы отступилась вѣры своей, и в насъ вѣровала, и жила бы у насъ, и никако ного хомъ ея отвратити; и пакы глаголаше (а): сваримъ в котлѣ воды, и тамо кинемъ ея, негли убо яса повинется намъ! И не збытсеся злыи совѣтъ ихъ, и пакы ея отдаша дѣвѣ Ярославкѣ; она же повѣда ея все, еже у нихъ слыша, что хотѣша ея сварити; Ярославка же рече ей: Соло монню, азъ тебя у нихъ отпрошу ко отцу скловти проститися. И даша ея учити и наказывати ихъ иманы ково какъ зовутъ; учила же де та Ярославка преже по десятканъ, тотъ выучитъ, да иноѣ. Она же, Соломонна, по десятканъ уча, всѣмъ имъ іисна позна. Посемъ же рече Ярославка: Соломонна! какъ тебя отпуститъ ко отцу проститися, в ты воли отцу своему тѣхъ имонъ пере писати, которые тебѣ сказахъ, и воли ихъ окалиныхъ проклинати во святомъ олтарѣ, идѣже безкровная жертва приносится Господу Богу; и по семъ имъ ока линымъ уже невозможно будетъ тебя увести, ни при ближитися. И приде та дѣвка Ярославка ко овимъ тем нозрачнымъ демономъ, и глагола имъ: отпустите Соло монню ко отцу проститися; и протясъ она со от цемъ, будетъ здѣсь вѣчно жити. Они же послушаша ея, и повесоша Соломонню ко отцу, и принесоша на нѣкое блато; баше же ихъ окалиныхъ многое множество, и на чаша ея Соломонню во блате тоити; и в то время бысть туча велиа с молнию и со громомъ страшнымъ, и тресканьемъ зѣлымъ, в нача ихъ молниєю палѣта, и убивша ихъ многое множество. И баше ихъ блато и озеро исполнено аки смолою, и вида ихъ погнбасныхъ, и по бѣже от нихъ, а скрыся в нѣкую яму; они же ока лини оставши демони и тамо ея нашедше, и всякими муками неудобосказуемыми пакы начаша мучити; и в той часъ бысть паче буря велиа, и громъ, и молния, и они

лукави, страху дѣла бури, едва отъ нея отступивше, она же у нихъ убѣже, і дойде до дому отца своего с великою скорбію, понеже истомлена; узрѣвше же ея отецъ и мати, зѣло возрадовашася, понеже отчаяшеся, яко уже вѣчно ей не быти изъ воды отъ нихъ окаивныхъ демоновъ. Она же, Соломонья, нача повѣдати отцу своему, како ея демоны мучили, і како отдала дѣвцѣ Ярославѣ, и что ей Ярославка наказывала, какъ ей отъ демоновъ отбыти, і како ихъ именами зовуть, выучила і имена волѣла ихъ написать і проклинати. І то все подробно сказала отцу. Отецъ же и мати ея і вси сердоболы, слышавше глаголемая отъ нея, плакахуся зѣло, і едва престаша отъ слезъ; отецъ же ея написа имена ихъ, яко слыша отъ нея, і нача ихъ окаивныхъ проклинати во святомъ олтари, видѣже тайная жертва совершается. Оттолѣ же Соломонья оттого демонскаго мучения і отъ ранъ в болѣзнь впаде близъ смерти, і во единѣ отъ дней мало усну отъ той болѣзни, і видѣ во снѣ иѣкую жону святоѣвну, пришедшу къ ней, і глагола: Соломоние! поиди ты ко граду Устюгу, а здѣ не живи ни мало, і отъ волхвовъ себѣ не вѣди исцѣления; не будетъ тебѣ отъ нихъ помощи. Соломонья же вопрошае имени ея. Она же рече: азъ есмь нарицаюся преподобная Феодора! і абие невидима бысть. Она же убудися отъ сна, і повѣда видѣвше отцу своему. Отецъ же ея нача послати ко граду Устюгу; она же рече: не могу сего услышати. Возбраняше бо в ней демонская сила. Отецъ же ея и мати едва умолиста, дабы шла ко граду Устюгу; и едва повинуся; и бывши ея на Устюгѣ, і повелѣша ей жити у соборныя церкви Пресвятыя Богородицы, на площадѣ у вдовы, именемъ Соломоньи же, і начаша водити ея ко церквамъ: в соборъ Пресвятыя Богородицы, і к чудотворцамъ преподобнымъ к Прокопью і Иоанну; і начаша в ней демоны утробу ея рвати і терзати; она же отъ того демонскаго терзания в скорби бысть; і сердоболы ея, призвавше священника Никиту соборныя церкви; онъ же пришедъ исповѣдавъ ея, і причастивъ Христовыхъ таянъ. И по малѣ времени паки оздраве, і нападе на нея таковое желаніе,

дабы паки ити в домъ отца своего. И бывши ея в дому у отца своего нѣсколько время, і во единѣ отъ дней по захожденіи солнца приидоша нечистиі дуси тинниі демоны, і начаша кликати ея именемъ: Соломоние! гласомъ рекуще: полонянка! А гласъ ихъ слышаху отецъ ея і мати ея, і всѣ ту живущіи людие на погосте; і бывши ея у отца своего осмь недѣль, і они окаивниі демоны по многни времена приходяху, і кликаху какъ і прежде, і глаголаху отцу ея в слухъ і всѣмъ слышавшимъ: попе, отдай ты намъ нашу полонянку, а мы тебѣ дадимъ живота колько тебѣ годно; и паки блядуще они окаивниі: намъ ея, полонянку, отдагъ братъ нашъ; аще вы ея вынѣ і не отдадите намъ, у васъ унесемъ же, что намъ отдали братья наша водяніи демоны, а насъ она обогала і проманула; не можемъ ли унести ея в глѣсь. І по вся нощи приходяху они окаивниі, кричаще і ревуще, і хранину ломяюще, видѣже она пребыше. В то же время бысть освященіе церкви Пресвятыя Богородицы ту на погосте, и приѣзжали с Устюга соборныя церкви священники Никита, да протодіаконъ Дмитрій на освященіе, і многі мнози людие, и то все слышавше они вразно козводѣство, какъ они кричаху и зваху ея, и прошаху у отца ея; і каковъ человекъ в какихъ рѣчахъ оспоритъ ихъ, или учновъ бранитъ, і они, окаивниі враги, всякихъ людей браняще і обличающе всякими грѣховными видами, кто что сотворилъ каковъ грѣхъ, і обнажающе совѣсть всякаго человека, и много причеса отхожаху. Отецъ же паки отвезе ея к Устюгу, чтобъ она Соломонья ходила ко церквамъ божіимъ: в соборъ к Богородицѣ, и к праведнымъ к Прокопью и Иоанну чудотворцамъ; пришедъ і стояше во церкви во время божественныя явторгні, і на святѣхъ евангелиі, і на великомъ сходѣ, і на приношеніи, і на спрошеніи; і они, окаивниі демоны, в ней живуще, пометаху ея о помость церковный. Людямъ же зрящимъ, видѣша ея отъ помостанія жертѣ быти; окаивниі же они демоны яко сваниі вижаще, і стонуще, і иными многими гласы всѣмъ в слухъ слышати; утроба же ея в то время велики надмалася и злѣ мучима; едва во унѣ приходяше, по

неотступна от церкви Божіихъ бысть всегда; і пакы лавсы во свѣ преподобная Феодора, наказуя рече ей: Соломонья! живи ты адѣ неотходно от града Устюга, і от церкви Пресвятыя Богородицы и святыхъ праводобныхъ Прокопия і Иоанна никогда не отступай, а к отцу своему на Ергу никогда не ходи, да не когда ты пакы увесутъ демони, і будетъ послѣдняя ти горши первыхъ; а се тебѣ вѣдомо буди, чего дѣла ты тяжко страдала от демоновъ: потому что тебя повъ пванъ крестилъ, и половинны святаго крощенія не исполнилъ; а крестися ты рукою крестообразно і истово, какъ прежде сего; і подобаетъ тебѣ имѣти триохъ отцовъ духовныхъ, а ко церкви всегда ходати ко всякому пвнню; аще ли не можеша ити, и ты вели ся носити. І носемъ преподобная невидима бысть.

І в вышнемъ въ 179 году, во святый великій постъ, принудиша быти Соломонья сердоболн своими исповѣдаться у отца духовнаго соборнаго церкви у священника Никиты, і причастися святыхъ таниъ того же дни; по захожденіи солнца, сматеса в ней окашныи демонъ, і начать утроба ея рвати; она же от тяжести нача велии кричати; і прогрызо у нея лѣвый бокъ наскрозь; і егда прогрызо, Соломонья же очюте себе, а во умъ пришеде, и видѣ срачицу свою окровавлену, і показа сущимъ ту: что ей сотвори демонъ в ноци; они же, видѣвши гибель ея от демона, плакахуся зѣло. І начаша утреню благоговѣтити; она же скорбна поиде ко утрони; і егда на девятой пѣсни возгласи іерей диаконы: Богородицу і матеръ свѣта пѣснями возвеличимъ! І нача демонъ во утробѣ ея пакы млатися и терзати. По опитнїи же утрени аде в домъ, і клепанку бывшу к литургїи, Соломонья же пакы приде во церковь, і егда нача іконы цѣловати, і в то время во утробѣ ея живущїи демони начаша рвати утробу ея, ей же воиюще, (ей) і во время чтенїя святаго апостола нача бловати, і бывши ея во вступленїи ума, і егда приде время святаго причастїа, і тогда живущїи в ней демони начаша ея бити і о поность церковный метати; священникъ же служащїй едва с великимъ страхомъ причастїа ся Христовыхъ та-

инъ, людемъ тяжко держащимъ ся, і нача демонъ устанити ея вопити великимъ гласомъ: сожже мя, сожже мя! І по малѣ пакы во умъ приде; приде же в домъ, и с того времени ни мало даише покоя живущїи в ней демонъ: торзаше утробу ея и люте рваше, і велии мучаше ю начо перваго. Позна бо омы окашныи свою гибель. І пѣсапа мая въ 27 день зѣло мучима бѣ от демона Соломонья и тяжко велии утомиса, і усну, і видитъ святыхъ і праводобныхъ Прокопия і Иоанна, пришедшихъ к ней; и глаголаша святнїи ей: Соломонье! полися Прокопию і Иоанну; они тебѣ по малѣ времени избавятъ от таковаго мученїя, Исусову молитву твори без престани і крестися истово і разумно, крестообразно, яко же и прежде; и повелѣша ей молитву Исусову творити; демонъ же, живущїи в ней, не даише ей молитвы творити; і с великимъ трудомъ едва молитву сотвори; і рекоша ей святнїи: уже ты, Соломонья, послѣдній годъ ходиши! І пакы святнїи рѣкоша: иѣши ли у себе сердоболн? повели ииъ исалтырь навсѣякъ день глаголати. І по семъ рекоша ей святнїи: вѣруеши ли во Христа? Она же рече: вѣрую азъ во Христа. І третицею воспросиша: во истинну ли вѣруеши? Она же отвѣща: во истинну вѣрую во Христа! І пакы рекоша святнїи: слава тебѣ, владыко Христе Боже челоуѣколюбче, яко еще хочеть Соломонья твоя раба быти! І абие святнїи невидими быста; убуджоса от сна, никому же новѣда видѣвша, до времени, егда исцѣлѣ.

І в лѣта 7179 іюля в 8 день в самую в память святаго праведнаго Прокопия послѣ божественныя литургїи, приде она Соломонья в соборную церковь Пресвятыя Богородицы, і повѣда сама все о себѣ всему освященному собору Архангельскаго монастыря архимандриту Арсонию, да соборнымъ церкви протопопу Владимиру з братнею і всѣмъ православнымъ привлучившимся: како она, Соломонья, исцѣление получи милостїю общїе заступницы рода христіанскаго Пресвятыя Владичицы нашея Богородицы і приснодѣвы Марїи і святыхъ праводобныхъ Прокопия і Иоанна Устюжскихъ чюдотворцевъ.

В прошломъ во 167, грѣхъ ради моихъ, вселенся в мене иже искони ненавидалъ челоуѣки і всегда борая сатана диволь і его демонская сила, і облада мною единовладесита лѣтъ і пять мѣсяцъ; і в ти лѣта мучина была азъ всливми неудобъ сказуемыми мукани, яко же преше явлено бысть; і не видѣвъ азъ грѣшная свѣта сего естественнаго истинно, і солнечныхъ лучъ, но би мнѣ і день яко же нощь. и ко церквамъ Божиимъ ходила аки нѣкоторый плѣнникъ связанъ, овогда во церкви святая, овогда в притворъ, ни поющаго ни чтущаго гласа слышашъ, очеса моя поирачи святая (?) і уши оглушувше от демонскаго страшнаго его перваго моттання; і егда в первый день коснуся вражіи демонскій синій пламень, і быше с того дни і до сего времени во ушахъ моихъ шумъ волій во время божественнаго пѣнія. і мѣсяца іюліа противъ оснаго числа памяти святаго праведнаго Прокопия, приде мнѣ таковое желаніе что ни итти ко всемогущему бѣннику к праведному Прокопию чудотворцу во церковь слышати бы его прославныя чудеса, а преше сего такова желанія не бысть ми; і придохъ и стахъ внѣ церкви, у сѣверныхъ дверей. В то же время во церкви чтуть житие его праведнаго Прокопия, азъ же стоахъ тамо малъ часъ, і нача меня братъ мой восмлати в церковь; ово же страха ради брата своего, ово зазрѣвша ради ту стоящихъ людей, едва с великимъ трудомъ ввдохъ в церковь, возбояше бо мнѣ демонская сила; і повелѣ мнѣ братъ мой свѣсти на лѣвой крылоси утѣсенна ради воспароднаго; і рекохъ брату азъ: веди ты меня близъ чтущаго. і востахъ ту азъ малъ часъ, і внозану видѣхъ гробъ святаго Прокопия аки потрясся, і живущая во мнѣ демонская сила смутися, і нача вопити во утробѣ моей, аки малый младенецъ, і предстоящимъ ту слышати ужасное ея вражне козводѣство; азъ же не могохъ стояти во церкви, і побѣгохъ, і идохъ в притворъ святыхъ чудотворцовъ Козмы и Дамьяна, і быхъ во испуленіи ума; бѣхъ азъ з братомъ моимъ і нѣмъ нѣкнѣмъ челоуѣкъ, егда же во умъ придохъ, наки поведаша на во церковь святаго Прокопия; азъ бо не могу

быти от живущия во мнѣ демонския силы, начахъ вопити елико могій: но ведите на во церковь святаго Прокопия! они же нуждею на повлечу; азъ же отторгнуся от нихъ, і идохъ во церковь святаго Іоанна чудотворца, і сѣдохъ, і видѣхъ гробъ святаго Іоанна аки потрясся, і вельми азъ убоахся страшнаго того видѣнія, і руками своими грѣшными держакся о гробъ святаго Іоанна, в воздремахъ мало, і видѣхъ свѣтъ неизреченный, і во свѣтѣ дѣвицу святогѣнну і прекрасну зѣло, ея же красоты невозможно сказати; ідаше же она во церковь святаго Іоанна в полуденныя двори подле настоящия иконы, і приде до мене, і взя мене за правое плече, і глагола: Господи Іисусе Христе сыне Божій, помилуй насъ! Азъ же не отвѣщашъ ничтоже. Она же рече ми: Соломонна, глаголи: аминь. Азъ же ничтоже отвѣщашъ. Она же пакы ту жъ молитву второе і третье, і рече ми пресвятая она дѣвица Соломонна! глаголи: аминь. Азъ же едва отвѣщашъ: аминь! Она же рече: отвѣщай еще дважды: аминь! Азъ же отвѣщашъ дважды: аминь, аминь! і рече ми: вѣси ли кто есмь азъ? Азъ же рекохъ ей: госпоже моя! ни мало ты вѣи; азъ бо есмь грѣшная в скорби величѣй от живущия во мнѣ демонския силы. і рече ми пресвятая свѣтогѣнная дѣвица: како ты не вѣси мене? в домъ бо мой приходиши безпрестани пять лѣтъ! Азъ же грѣшная рекохъ: гдѣ есть, госпоже, домъ твой? Она же рече ми: домъ мой есть соборная і апостольская церковь; азъ же есмь нарицаюся пресвятая Марія, рождаша плотию Іисуса Христа, творца моего і Бога! днесъ бо покажу тобою чудо велико, ради предстателей і молебникъ ко мнѣ, праведныхъ Прокопия і Иоанна Устюжскихъ чудотворцовъ; ты же молися мнѣ безпрестанно, яко да исцѣлѣвши. Есть мнѣ во утробѣ твоей седьмдесятъ бѣсовъ, і еще имутъ приити на ты тысяща седьмсотъ бѣсовъ: и ты ихъ окаянныхъ не бойся; предстательствуютъ бо за тебе святѣи чудотворци Прокопій і Иоаннъ, і избавятъ тя отъ демонския силы немощны; и крестися ты разумно і внятво крестныхъ знаменіемъ, яко же і прешъ сего. і пакы рече ми пресвятая Богороди-

ца: како у тебе учувъть вопрошати святіи Проконіи і Иоаннъ какова обѣщанія твоего, и ты имъ во всемъ обѣщайся сохрании заповѣди, елико ти они изрекутъ. И слыша азъ грѣшная, не могу отвѣщати ей ничтоже. Посежъ же рече пресвятая Богородица: миръ тебѣ Соломоние! И поиде отъ тѣмъ же вутемъ отъ амо же вриде. Азъ же возбнувъ отъ того преславнаго видѣнія и ужаснаго явленія, і хотѣхъ бѣжати изъ церкви, і видѣхъ брата моего близъ стояща, і убоихся, паки укрѣпихся, и сѣдохъ, і задримахъ, і видѣхъ свѣтъ велиій во церкви, яко николи же тако видѣхъ, і святаго Проконія идуща во церковь в западныя двори, і яко близъ брсть гроба святаго Иоанна, воста же і святый Иоаннъ изъ гроба; і придоша ко мнѣ грѣшней, і ставше предо мною святіи и глаголюще: отидите, проклятии, отъ рабы Божия Соломоніи. І глагола ми святый: Соломоние! молися отъ глубины сердца твоего заступивцѣ христіанской пречистой Богородицы і святымъ праведнымъ Проконію і Иоанну, и будещи на сій день исцѣлена; дай же намъ обѣщаніе таково, чтобъ тебѣ и прежнему твоему мужу не шти і за много такоже не посягнути; і будетъ тебѣ люто мученіе еще на три часы дневныхъ, і потомъ исцѣльоши; і на то время призови къ себѣ дванадесять священниковъ, и чтобъ они надъ тобою глаголали двѣнадцать псалтырей въ тѣ три часы; а буде тѣ псалтыри не исполнятся, і призови отца духовнаго, чтобъ тебя онъ исповѣдалъ і причастилъ Христовыхъ таинъ, вреннаго ради лютаго мученія. Баше же святый сей Проконій видѣиенъ, русъ власы велицы, браду же нѣтъ просту і русу, не зѣло малу, одѣваніе же кратко, сапоги на ногахъ, вочерги в рукахъ; Иоаннъ же святый таковъ баше, яко же на иконѣ написанъ страничекскій образъ. І паки рекоша: миръ тебѣ, Соломоние! І поидоша отъ нея, і невидима быша. Азъ же грѣшная возбнувъ отъ того преславнаго видѣнія, і в себе пришедши, і поидохъ изъ церкви; братъ же мой помнъ мене і нѣтъ нѣкто, поведоша мя паки во церковь ко святому Проконію, азъ же нача вопити елико могій: не водите меня ко святому Проконію!

Они же не послушаша, но с нуждою мя влекоша в церковь; азъ же быхъ во церквяхъ малъ часть, і не могухъ стояти отъ демонскіи во мнѣ силы, і паки нача (хъ) азъ молитися брату моему, дабы мя отпустилъ изъ церкви; онъ же ослаби ми і отпусти мя; азъ же придохъ в домъ, видѣше живыхъ; и быхъ азъ во испущеніи ума, і нача (хъ) повѣдати свое видѣніе, еже видѣхъ во церкви святаго Иоанна чудотворца; і не бѣ в той храминѣ никого живущаго, токмо братъ мой нѣтъ хрании стояи, і слушалъ словесъ моихъ, еже азъ глаголахъ. А азъ того не вѣмъ с кимъ глаголахъ, или кому повѣдахъ видѣніе; і егда же възглаголахъ і умолчахъ, братъ же мой, шедъ ко церкви Собора пресвятыи Богородицы, і повѣда отцу моему духовному священнику Никитѣ, еже слыша отъ мене множество, повѣдуци. Онъ же повелъ мя привести в соборную церковь. Братъ же мой і нѣтъ нѣкто помнше і поведоша мя во церковь пресвятыи Богородицы, и поставивша мя в предѣле во церкви святаго Предтечи; і нача отецъ мой духовный вопрошати мя о видѣніи, еже онъ слыша отъ брата моего; азъ же помня все видѣніе, і не могухъ повѣдати ему отъ дьявольскаго томленія, братъ же мой повелъ мнѣ псалтырь глаголати; отецъ же мой духовный да той же соборныи церкви священникъ Симонъ начаша надъ мною псалтырь глаголати; і мнѣ наипаче учало быти болшее мученіе отъ живущихъ во мнѣ демоновъ; і не могухъ азъ грѣшная слышати отъ нихъ глаголемыхъ словесъ; і начахъ вопити мнѣ, чтобы они надъ мною псалтыри не глаголали, и дали бы еще мнѣ сроку на три часа; і намъ то видѣніе все объявлено будетъ. Они же, священники, повелѣша мя vesti изъ церкви к брату моему; помнъ же на братъ мой і нѣтъ другіи, изведоша изъ церкви, и бывшу ми во испущеніи ума, и видѣхъ паки видѣніе преславно і страшно: на десѣиіи странѣ священническій и дьяконскій чинъ идуще, и поюще, і крестъ і евангиле несуще, с кандилами и окликомъ, а на шестъи странѣ видѣхъ демоновъ многого множество, а видѣиенъ они окаянни баху черни, і сани, і изувѣры, і страшны, и баше яко туча велика, і на лице мое они окаянни

влезашу і сморгаху; азъ же прихода тѣхъ страшныхъ і заушрѣхъ ничтоже пострадахъ, молитвами пресвятыя Богородицы і святыхъ праведныхъ Прокопія і Иоанна; и приведоша же на в домъ, вдѣже живахъ; і началъ азъ просити отца духовнаго; приде же ми отецъ мой духовный, і исповѣда мя, і причасти святыхъ таинъ страшнаго ради мученія, і благослови мя, отиде от мене; і по семъ придоша священники і дияconi глаголати всалтырь надо мною, і видѣша на яки мертву, а чрево мое наднеса зѣло люто оными лукавыми; і зрѣша на вси плакаху, видѣше мое гибельство. І се влезашу свѣтъ возсия неизреченный, вдѣже азъ лежахъ, і видѣхъ ювошу, вдуша во храниву тою і свѣцу несуща, і по немъ ідуше святіи Прокопій і Иоанъ, і ставше узъ главы моя, глаголаша святіи мужи собою; азъ же того не вѣмъ что они глаголютъ; і паки приступи ко мнѣ святій Прокопій, і прекрестилъ рукою своею утробу мою, а святій Иоанъ, держа копейцо в руцѣхъ малое, і той приступи ко мнѣ, і разрѣза утробу мою, і взя из меня демона, і подавъ его святому Прокопію; демонъ же нача вопити великимъ гласомъ і вѣстися в руцѣ его; і святій Прокопій показа ми демона, і рече: Соломонне! видиши ли демона, вже бысть во утробѣ твоей! Азъ же зря его видѣвемъ червь в хвостъ баше у него, уста же дебела и страшна; и положи его оканнаго на поность і закла его кочергани. Святій же Иоанъ паки нача изымати из утробы моей по одному и давати святому Прокопію; онъ же заклаша ихъ по одному. І рекоша святіи: Соломонне! выиѣ ми у тебе ізали половину демонския силы вражия, а совершенне исцѣленіе пріимеша в дому моемъ, у гроба святаго Прокопія. І паки глаголаша святіи чюдотворцы: до уроченныхъ трехъ часовъ не подобаетъ вамъ быти. І отидоша от мене, і невидим быша; посемъ начахъ у святаго Прокопія молебная совершати і воду святити архимандритъ, і игумены, і протопопы, со всѣми освященными соборы; в то же время и меня грѣшную; привнесоша тутъ же во церковь ко гробу святаго Прокопія; начавъ же азъ, грѣшная, могохъ дви-

нутися, на руками, на ногами, ниже ланкомъ проглаголати, но яко мертвъ от демонския силы, живущей во мнѣ. І влезашу обліста мене свѣтъ великій, і явшася святіи Прокопій і Иоанъ, і ставше предо мною тѣмъ же образомъ, яко же і прежде; і рече святій Иоанъ святому Прокопію: чтобъ у мене грѣшной рѣжа срачицы не окривавать, і церква Божіей не осквернитъ. І святій Прокопій отвѣща: не имать она, Соломонне, окривавитися, і домъ мой не будетъ окривавленъ отъ вражия силы. І нача святій Иоанъ изымати тою же равною демонавъ, яко же и прежде; святій же Прокопій приимаше, і меташе ихъ на поность церковный, і давалше ихъ ногою своею. І глагола святій Прокопій ко святому Иоанну: чиста ли утроба у Соломонні от живущихъ в ней демоновъ? І отвѣща святій Иоанъ: чиста есть, і вѣсть порока в ней! Посемъ святій Прокопій смотраше самъ в утробу мою, да бы чиста. И рече святій Прокопій: славно Богъ прославися! Также и святій Иоанъ рече: славно Богъ прославися! І паки і мнѣ рекоша святіи: глаголи і ты, Соломонне, славно Богъ прославися! Языкъ же мой подвижеса, і рекотъ: славно Богъ прославися! И паки глагола мнѣ святій Прокопій: Соломонне! от сего дне буди ты исцѣлена от того великаго демонскаго мученія болѣзни; еще же тебѣ будетъ вражіе мечтавіе, і ты же не убойся. І паки рече ми святій Прокопій: здравствуй, Соломонне, до великаго Божія суда! І благослови мя рукою своею і глагола: буди ваше благословеніе надъ тобою от выиѣ и до вѣка! І рече: Соломонне! вди к правому крылосу; сотвори молитву Іисусову, і глаголи: славно Богъ прославися! І по глаголанні святіи невидим быша. Азъ же оттого преславнаго видѣнія въ себѣ пришедъ, і увидѣхъ во церкви солнешный свѣтъ, і обозрѣхъ всю церковь і образы, і спросихъ азъ у брата моего во церкви: і стою вли видѣніе вижу? Отвѣща ми братъ и рече: во церкви стоиши святаго Прокопія на литургии, і чтется святое евангеліе. Посемъ же узрѣхъ і гробъ святаго Прокопія, і возрадовахся радостію великою, і поклонившися (поклонихся) у гроба святаго Прокопія, при-

вѣдши, начахъ молитися і в помощь призвати: о святѣй Божіей праведной Проконіе! яко не презрѣлъ еси мене грѣшную, но замесалъ еси, яко овцу погибшую, і отъ насилія вражия избавилъ еси! і во утробѣ же моеѣ не почюхъ силы вражия, і бѣхъ яко николи же страдахъ, и аза, иже отъ дьявольскаго злаго прогрызенія, исцѣлѣ, і отымѣ есмь здрава, яко же рече ми святѣй. і понудихся ити к правому краюу и рещи, яко же святѣй наказаша, і не ногоухъ, ово утѣсненіа ради всенароднаго множества, ово же і святыхъ ради, і боихся, дабы ижему не учинитъ во время божественнаго литургии. Се же преславное чудо пресвятѣи Богородици і святыхъ і праведныхъ чудотворцевъ Прокопиа і Иоанна слышаше, священноначальницы и весь освященный соборъ, градские: воевода і народъ, і прославша Господа Бога і Спаса нашего Иисуса Христа, і прочистую Его Богоматерь пресвятую Богородицу, и святыхъ праведныхъ Прокопиа і Иоанна, і пѣвше молебная со звономъ в соборной церкви пресвятѣи Богородици, і оттоле пришедъ во церковь со кресты святаго Прокопиа, такоже молебная пѣвше со звономъ же, і носемъ придоша со кресты во церковь святаго праведнаго Иоанна, такоже молебная пѣвше со звономъ, с вѣрою и со слезами, за преславное і великое чудо пречистѣи Владычицы нашеи Богородици і приснодѣви Маріи, і свя-

тыхъ і праведныхъ преславныхъ чудотворцевъ Прокопиа і Иоанна, і торжествоваше свѣтло отидоша в домы своя, славаще святую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, нмѣ, и присно, і во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ НОВѢСТИ.

Хочу убо, братіе, воспоминати вашей любви новѣсть зѣло душеполезну, яко бысть во дни наша, яко не презираетъ милосердый Господь Богъ рода нашего во многія грѣхи падающаго, но посѣщаетъ милостивѣи своихъ благоутробіемъ і творитъ чудеса Матерію своюю пресвятую Богородицею с угодники своими Прокопиемъ і Иоанномъ, і яко не токмо не презрѣхъ, (не презрѣ), но и паче помилова, не оставяя своего созданія в конецъ, ниже забы дѣло руку своею, еже содѣяса нмѣ пресвятою Богородицею, общею заступницею рода христіанскаго і великими стражи града нашего Устюга, праведными Прокопиемъ і Иоанномъ преславное чудо, страха і ужаса исполнено, еже азъ слышашъ грѣшныи у неа Соломонні изъ саныхъ устъ ея, при свидѣтеляхъ отца ея духовнаго священноіерея Никиты, того же Устюга, соборныи церкви пресвятѣи Богородици, і отца ея роднаго священноіерея Дмитрія, і написахъ сіе в память будущиимъ родомъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ПРИБАВЛЕНІА И ОТМѢНЫ.

по списку XVII в., принадлежащему профессору О. Н. Буславцу.

Строчкы
вечати.
текста.

На страницѣ 133.

- 5 послѣ слова Дмитрій: — бывшій въ Троицкомъ Гледенскомъ монастырѣ монахъ Дюнсій,
- 10 послѣ слова Матеею: — иже бысть пастухъ скотскій,
- 16 послѣ слова посланъ: — отъ вѣкаго чародѣя волхва отъ человека лукава обонника

Строчкы
вечати.
текста.

- 23 послѣ слова бысть: — помыслиши во умѣ своемъ яко не нужъ ея приде к ней, но некое страхованіе неприличное;
- 42 сл. Онаже Соломонія: — Соломонія же, вегда приходѣша в собственный умъ свой,
- 45 послѣ слова время сл. вида и проч. до слова отъ: ну-

Строки
печати.
текста.

чиси и труждаея демонскою вражескою силою обидна люді видеше мужь ея насилствовавню жєны своєа.
47 *послѣ слова* окаянниі: — водинѣ,

На страницѣ 151.

- 3 *послѣ слова* гласомъ *ел.* дочашиниѣ до слова живше: — отецъ же ея и мати и вси домашниі иходяще ис хранины за нею, и не видѣша ея ни гдѣже, плачуще и рыдающе, возвращахуса в домъ свой ушмы и стѣваннии
- 5 *послѣ слова* в водѣ *ел.* три и *пр.* до слова сквернаху: — овогда день, овогда же двѣ и три не исходятъ отъ нихъ, но и тамо такоже мучаху ея скверниі оии демони, ругающеся всѣхскіи,
- 17 *послѣ слова* верси ея *ел.* і на столѣ до слова і повѣсавше: — такоже и столѣ придѣвши;
- 19 *послѣ слова* сосѣди: *ел.* *ел.* надъ нею бывшее: — бывающее надъ бѣснованною овою жєною таковое необычное страхованіе, и великий стукъ и громъ и шумъ во хранинѣ ея, укасошася,
- 23 *послѣ слова* вокоя: — овогда бо ея уношаху в воды, иногда же вознесши на горы и на холмы прывисокіи, и на хранини, и всѣхскіи но ругавшася ея и изрѣваху ея долу.
- 25 *ел.* слова волости: — веси
- *послѣ слова* свидѣтели: — положи баху яко тако страданіе отъ иновѣства непризнаннаа силы і якоже при самоѣ Христѣ Спасѣ вашемъ срѣте его мужь итѣиі отъ града, иже нише бѣси иногда отъ многихъ дѣтъ и в ризи не обѣчашеся, и в хранинѣ не живше, но во гробѣхъ, тако и дѣ стѣ.
- 41 *послѣ слова* будеши: — и ничѣмъ будеши скудна.
- 45 *послѣ слова* видѣша *ел.* оии окаянниі демони: — оии нечистіи души не глаголетъ к нимъ ничтоже.
- 48 *ел.* растагоша и *пр.* до слова і начаша. — расковаше ея во стѣи руками и ногами и между древомъ вбиша,
- 52 *ел.* и расковаше ея: — и отковаша отъ стѣи ея.
- 55 *послѣ слова* вѣщаю *ел.* і даша до слова: таже: — скверниі оттогѣ и приведоша и себѣ въ темнаа свои жилища и отдаша ея некоторой дѣвицѣ, юже называють окаянниі оии Ярославкою, глаголюще ей: увещай сию жєну, дабы она с нами жила здѣ, і пила, і ѣла и в нашу вѣру веровала, якоже и ты, а ми ея не могли превратити ласканіемъ, и нуждею, і мученіемъ, ако не глаголетъ с нами ничтоже; самъ же отъидоша отъ нихъ;
- 63 *послѣ слова* отпустятъ: — Соломонна же вишь всѣ глаголы ея, яже глагола ея дѣвица, яко глаголемая Ярославка; і о себѣ дѣвица сказа ея, яко рожденію мое есть града Ярославля і отдаде на к снѣмъ темнообразнымъ мати моя во рожденіи моемъ.
- 72 *послѣ слова* ноци *ел.* і зачѣ и *пр.* до слова приде: — Соломонна же отъ сквернаа сѣтшенія ихъ виаше во утробѣ своей многи нечистіи души, и носѣ ея время и волѣченіи, рекше полтора года.
- 74 *послѣ слова* в дому отца своего *ел.* і выслава и *проч.* до слова і приде *отъ* строкъ 77: — и повелѣвасть отцу своему и матери и всемъ домашнимъ, да измудятъ вси на драмнии вонъ, токмо ея одну да оставятъ, яко хо-

Строки
печати.
текста.

щеть родити непризнанную силу демонскую, дабы ихъ прескверниі ти пришедше не убилъ, егда начнетъ она родити ихъ; оии же с неволю послуша ея і измодоша, і вси стѣюще і плачуще горко, токмо оставиша ю одну в хранинѣ.

77 *ел.* мати: отъ тѣхъ

На страницѣ 153.

- 1 *послѣ слова* снни: — і темниі
- 2 *послѣ слова* ізъ драхми: — и положи ихъ
- 6 *послѣ слова* бросати: — в хранину.
- 12 *послѣ слова* крови: — гнушашися,
— *послѣ слова* і ты: — вземъ коню или ножи,
- 25 *послѣ слова* ни мало: — и со человекѣи ничтоже бесѣдоваше, цѣлѣже тогда виѣ уна бываше;
- 28 *ел.* окаянниі: — чернородниі (тоже и въ другихъ мѣстахъ ниже).
- 31 *ел.* плакавшии правдыи плакавшии
— *ел.* ея правдыи ю.
- 35 *послѣ слова* когда *ел.* на своєи и *пр.* до слова другъ *отъ* 36 строкъ: — но чину ихъ на своихъ мѣстахъ,
- 50 *послѣ слова* совѣтъ ихъ *ел.* і накіи и *пр.* до слова Ярославка: — понеже дьявольская часть темна и помышляху, в темныхъ жилищахъ своихъ живаху, а не во свѣтѣ; и яко хоташе пренилостивыі і всемогущыі Господь Богъ и Спасъ рода человеческого силъ чудомъ прославити и возвелѣчити Пресвятую, Пречистую, Преблагославенную матеръ свою, пренепорочную владичицу Богородицу и присиодѣву Марію, общую христіанскую надежду, и угодинокъ своихъ неусмыслимыхъ стражей великаго града Устюга, праведныхъ и блаженныхъ Христа ради юродивыхъ Устюжскихъ чудотворцевъ Прокопиа и Иоанна, и сего ради продолжи и повусти Господь Богъ сей жєнѣ Соломоні отъ чернородныхъ поруганій и мученій быти, да болше прославится і возвеселится сие великое дѣло и в чудодѣйствіи и удивленіи произыдетъ. Аще же Господь Богъ сию жєну и повусти чернороднымъ демономъ мучити и поругатися ей, но милость его Божия і милосердіе не оставише ея до конца погибнути. Посемъ днавили накіи отдаша Соломонно же преждекоманутой дѣвицѣ Ярославѣ, да научитъ ея по воли ихъ ходити. Дѣвица же вземъ ю у чернородныхъ, сѣдъ с нею особѣ. Соломонна же все повѣда дѣвицѣ Ярославѣ, яже видѣ у темныхъ і слыша у нихъ глаголашнаа.
- 56 *послѣ слова* выучитъ *ел.* да иной: — потому другой десяткъ, тоже третій и четвертій.
- 65 *ел.* темнозрачнымъ: — темнообразнымъ
- 70 *послѣ слова* і в то время: — Божіимъ промысломъ
- 74 *ел.* исполнено аки смолою: — исполнено ими, аки смолою покровенно;

На страницѣ 156.

- 1 *ел.* лукавиі: — чернородниі
- 7 *послѣ слова* ея: — черниі.
- 13 *ел.* ичєна: — темнаа і мрачнаа ичєна
- 39 *послѣ слова* оздраво *ел.* і нападе на неа таковое жєла-

Строчка
печатн.
текста.

- не: — и аще наложи на ню прелестиве зли врагъ же-
даніе таково
- 43 *послѣ слова* гласомъ до слова А гласъ: — велииш яко всѣмъ
людемъ слышати сице і рекуще: волопянка, волопянка!
- 53 *послѣ слова* демони *ел.* а насъ и проч. до словъ і по
вса ноци: — понеже она обомстала і прельстила ихъ, і
они намъ глаголюша: не можете ли вы ея увести в
дѣль.
- 62—63 *послѣ словъ* въ какихъ рѣчахъ: — неизреченную силу
по гласу и по вопросу ихъ
- 64 *послѣ слова* враги *ел.* всякихъ до слова кто отъ 65 стро-
ка: — всяко глѣзъ людей злословыху, обличающе всяки-
ми гдѣховными пороками,
- 67 *послѣ слова* отхожаху: — Соломонія же поживе у отца
своего в волости оснь недѣль і мнозицею приходящу
чернороднии и влиаху ея, якоже и прежде, нарицающе
ея волопянкою, всѣмъ людемъ слышавшимъ гласы ихъ,
самыхъ же не видяху.
- 70 *послѣ слова* чюдотворцагъ: — Соломонія же
72 *ел.* на приношениі, і на спрошениі: — на приношениі
пречистыхъ танихъ.
- 74 *послѣ слова* церковный: — и даваху ея,
75 *послѣ слова* демони: — живущи во чреві ея,
— *ел.* яко свиіи: — яко малыи свиіи;

На страницѣ 157.

- 2 *ел.* во снѣ: — в тоицѣ снѣ
- 4 *ел.* і отъ церкви: — и приходе к церкви
- 5 *послѣ слова* Иоанна: — на всякъ день и
- 9 *ел.* отъ демоновъ: — отъ чернородныхъ демоновскихъ силъ;
- 12 *ел.* триехъ отцевъ духовныхъ: — выму отца духовнаго, а
у него всегда спрашиваться о всякомъ,
- 15 *послѣ слова* невидима бысть: — Соломонія же. от сна воз-
бужши, двавшеса зѣло и видѣннаго вскорѣ никому же
повѣдаше; но видѣніи же ономъ страдалше Соломонія
также: якоже и неравн, мучаху бо ея темнии прокля-
таі нечистиі души, живущіи въ ней, и тогда она видѣ себе
бываше, и бѣгаше изъ храмина своего, в ней же живаше,
обнаженна в раздранней ризѣ і простертыми власами,
и новеташеса в воду зимниимъ и лѣтнимъ временемъ;
прилучивши же ся людеи ту овогда постигаху ея на
край воды, а иногда в водѣ удерживаху і взмезаю-
ще ю изъ воды на берегъ і изъ пролуби на ледъ, аки
мертву; утроба же у нея тогда бываше яко у жены ро-
дити хоташей, і во чреві ея терзашуса темнии демони
яко рыбы во прещажъ; і сие страданіе ея видяще ту
предстоицаі людеи, удивляхуса зѣло, і отноташа ю аки
мертву в домъ, идѣже она живаше, и сие мученіе і то-
мленіе отъ демоновскихъ силъ иногда ея бываше.
- 20 *ел.* снѣтеса и пр. до слова утроба: — снѣтоташеса в ней
нечистиі души темнии и вачаша терзати
- 22 *ел.* і прогрызае: — і прогрызаеша
- 25 *ел.* сотвори демонъ: — сотвориша ея нечистые души
- 26 *ел.* отъ демона: — отъ нечистыхъ духовъ,
- 30 *послѣ слова* терзати: — чрево ея.
- 35 *послѣ слова* аностола: — Папла
- 41 *послѣ слова* гласомъ *ел.* сожже до слова во умъ: — яко

Строчка
печатн.
текста.

- всѣмъ людемъ дивитися і ужасатися, како темнии нечи-
стиі души усты ея воскричаша зѣло: о горе намъ! яко
сожже насъ! Священникъ убо совершивъ святую ли-
тургію; Соломонія же, во отиѣни божественныи службы,
43—44 *ел.* живущій в ней демонъ: — живущиі в ней зли темнии
демони:
- 46 *послѣ слова* габель: — і вѣчное себѣ томленіе і мученіе
і со старѣйшицею своимъ сатанолою.
- 47 *ел.* демона: — демоновъ, живущихъ в ней,
- 50 *послѣ слова* Иоанну: — и призывай ихъ на помощь;
- 51 *послѣ слова* отъ такового: — томленія,
- 51 *ел.* демонъ же: — демони же
- 59 *послѣ слова* день: — и ноць
- 60 *послѣ слова* во Христа: — Она же ничтоже к нимъ отѣ-
ща. И рѣша ей: глаголи ты, Соломоніе, сице: вѣрую
азъ во Христа! Она же ничто же к нимъ отѣща; і
рекоша ей: глаголи ты, Соломоніе, сице: вѣрую азъ
во Христа!
- 70 *послѣ слова* і повѣда сама все о себѣ: — аже напередъ
писанна, яко отъ демоновскихъ темныхъ силъ пострада и
мучиша бѣ люте зѣло.
- 78 *послѣ слова* чюдотворцевъ: — і начати о себѣ глаголати
сице.

На страницѣ 158.

- 11 *послѣ слова* слышашъ *ел.* очеса до слова уши: — во бѣста
очи мои поверченныи,
- 21 *послѣ слова* придохъ: — с братомъ своимъ Андреемъ,
- 26 *послѣ слова* трудомъ: — принужденіемъ братниимъ
- 27 *послѣ слова* сила: — аже во мнѣ;
- 30 *послѣ слова* тчущаго: — азъ бо азъ не слышу ничтоже.
- 42 *послѣ слова* Проконія: — азъ бо тамо во ногу быти отъ
живущиа во мнѣ демоновскихъ силъ!
- 44 *послѣ слова* чюдотворце *ел.* і сѣдохъ: — в тоже время
тоицъ чтаху отъ житія и чюдеса святаго Проконія, і
утѣсненія ради азъ грѣшнаа сѣдохъ на глѣбый прилосъ,
и повелѣ ми тоя церкви пономаръ състи во гробу свя-
таго Иоанна; азъ же во повелѣнію его сѣдохъ ту;

На страницѣ 160.

- 34 *послѣ слова* быти: — к тебѣ.
- 35 *послѣ слова* начаша *ел.* у святаго и пр. до слова в то-
же время на строкѣ 57: — у святаго Проконія, якоже
обычай биваша по вся глѣта благовѣстати к молебствію;
і собравшиися всѣмъ священникомъ, архидиаверту, и
игуменомъ, и протопоиу, со всеи братією, і прочиимъ
церквей священникомъ и диакономъ, и всему церков-
ному причту і властелю великаго града Устюга, и всѣмъ
гражданомъ, мужемъ же и женамъ, молебная соверша-
ти со звономъ и воду святити всѣмъ освященнымъ со-
боромъ;
- 49 *послѣ слова* тою же раною *ел.* демоновъ: — прочиимъ ос-
тавшихъ демоновъ,
- 64 *послѣ слова* вражіе *ел.* мечтаниіе и пр. до слова і пакы: —
искушеніе і мечтаниіе, ты же не убойси ихъ, і якоже за-
повѣдаю тебѣ, еже к мужу твоему не возвращатися,
и за много не посягати, ты же і обѣщашася Господу Бо-

Строки
печати.
текста.

гу і пречистія Богородиць и нама, еже сохрании и
соблюсти крѣпко, сие по обещанию твоему соблюди і
опасно сохрани.

72 *посля слова свѣтъ* — сладко і асно,

74 *ам. і стою или видѣіе вижу*: — въ церкви як азъ стою
или видѣіе вижу?

— *посля слова рече: ам. во церкви и пр. до слова носемъ*: —
во церкви святаго і блаженнаго Прокопия, сестро моя
Соломоніе, стояши при святаѣ божественнѣи литургиі
и при чтеніи святаго евангелія.

На страницѣ 161.

10 *ам. святыхъ ради*: — страха ради,

12 *посля слова литургиі*: — а на чрезѣ носемъ, конкъ вѣстоуъ

Строки
печати.
текста.

вынимали святіи демонскую вражію силу, і то вѣсто
знать, ради истиннаго свидѣтельства, дабы не помы-
шляли люди приидѣіе се быти, а не истинное і чудо
святыхъ і праведныхъ чудотворцевъ.

15 *ам. і народъ*: — і весь народъ, мужие, і жены, і всакиъ воз-
расть.

27 *посля слова і Иоанна*: — Тогда не бысть такова человекъ,
ниже видѣ і слыша о преславномъ семъ чудеси, дабы
всодержатиса ему отъ слезъ, не вса купно мужие и жены
пролиаша радостныи источники слезъ, видяще и слы-
шаще преславное великое чудо пресвятыхъ владимыи
нашея Богородицы и приснодѣви Маріи, і угодниковъ
Божіихъ, святыхъ і праведныхъ чудотворцевъ Устюж-
скихъ Прокопия и Иоанна,

ПРИМѢЧАНІЕ.

Христіанское понятіе о злыхъ духахъ подчинилось у насъ, какъ и у другихъ народовъ, матеріальнымъ представленіямъ. Вѣрованіе, что злые духи являются съ разными отправлениями жизни тѣлесныхъ существъ, является въ глубокой древности; вездѣ оно поддерживалось остатками прежнихъ языческихъ воззрѣній, удержавшихся въ воображеніи народовъ послѣ крещенія. Такъ въ первые вѣки христіанства извѣстное мѣсто въ книгѣ Бытія о приходеніи сыновъ Божіихъ къ дочерямъ человѣческимъ толковалось половымъ сообщеніемъ духовъ съ женщинами. Составлялись и ходили изъ рукъ въ руки апокрифическія сказанія, наполненные подобными вымыслами. Къ такимъ, между прочимъ, принадлежитъ еврейская баснословная исторія о Дилутѣ, будто бы первой женѣ Адама, которая извѣстила оную, сѣдѣлаась съ злымъ духомъ и сдѣлалась праматерью поколѣнія бѣсовъ, представляемыхъ не только съ матеріальными отправлениями, но даже подлежащихъ смерти, также точно, какъ и бѣсы въ нашей повѣсти, которыхъ убиваетъ молнія. Въ сектахъ манихейскаго склада, т. е. приписывавшихъ твореніе матеріи злону духу, (къ нимъ принадлежатъ Павликіане, Богумилы, Катарры, Альбигойцы) господствовала басня о смѣшеніи Евы съ сатаною и о происхожденіи половины рода человѣческаго, въ лицѣ Каина, отъ злого духа. Представленіе о матеріализмѣ демоновъ поддерживалось и тѣмъ, что древнихъ греческихъ и римскихъ боговъ и полубоговъ признавали злыми духами, и такимъ образомъ самые вымыслы мифологіи не считали чуждыми исторической дѣятельности; само собою — и похождения Юпитера, Вакха, Аполлона, страсти, волокитства, пиры олимпійцевъ, не были уже сказками, но считались существовавшими фактами, только перенесенными на бѣсовъ. Мнѣніе о половомъ сообщеніи бѣсовъ съ женщинами долго было повсемѣстнымъ въ Европѣ; Юрвандѣ приписываетъ происхо-

хожденіе цѣлаго поколѣнія Гунновъ связи волшебницъ съ злыми духами. Были люди, даже просвѣщенные по своему вѣку, которые, хотя видѣли нелѣпность этого вѣрованія, но рѣшались, однако, счесть всего за совершенный вымыселъ и толковали, что злые духи, не ниѣ сами въ себѣ ничего матеріальнаго, обольщаютъ, однако, людей кажущихся явленіями, затѣваютъ смыслъ человѣческой и представляются женщинамъ въ видѣ мужчинъ, а мужчинамъ въ видѣ женщинъ.

По вѣрованію, общему всѣмъ христіанскимъ народамъ, матеріальныя бѣсы представляются чудовищами; образъ ихъ первоначально сложился на югѣ отъ сатировъ и фавновъ, ибо ихъ представляютъ съ рогами, въ шерсти и съ хвостомъ; образъ этотъ, переходя къ сѣвернымъ народамъ, встрѣтился съ старыми туземными языческими представленіями, и видоизмѣнился, оставаясь все таки болѣе или менѣе сходнымъ въ главныхъ чертахъ. Нашъ бѣсъ въ своемъ образѣ имѣетъ человѣческую фигуру, кожу темносняго цвѣта, иногда козпаты, нагъ, всегда съ рогами и съ хвостомъ, но можетъ принимать различныя человѣческія образы: такъ и Соломоніи являлись демоны въ видѣ красивыхъ молодыхъ. Во множествѣ западныхъ преданій о берменности женщинъ отъ бѣсовъ видны два представленія: или эти женщины рождаютъ чудовища, какъ наша Соломонія, или же дѣйствительныхъ людей, злыхъ волшебниковъ, какъ въ исторіи Морливна, либо безобразныхъ и свирѣпыхъ какъ въ мифѣ о происхожденіи Гунновъ. Въ средніе вѣка толковали однако, что собственно рожденіе отъ бѣса есть только мечтаніе, бѣсовская игрушка, и потому-то женщины производятъ на свѣтъ не людей, а чудовищъ, которые не имѣютъ человѣческой жизни и остаются въ бѣсовскомъ мірѣ; лица же человѣческаго существа, на которыхъ отпечатлѣлось бѣсовское происхожденіе, рождаются собственно отъ

мужниъ, но съ содѣйствіемъ злыхъ духовъ; такъ и у насъ въ XI вѣкѣ тоже происхожденію приписывалось князю полоцкому Всеславу, по словамъ лѣтописца, сказавшаго, что мать его родила отъ волхванія. Беременность и роды нашей Соломоніи въ народномъ воображеніи, очевидно мечтанія, способъ мукъ которыя задавали ей бѣсы, проходя черезъ нее, и оставаясь въ ней по желанію, овладѣвая ея тѣломъ. Связь Соломоніи съ бѣсомъ есть только представленіе, которое напустили на нее бѣсы; замѣчательно что вариантъ по списку г. Буслева, старается придать болѣе реальности тону, что выдѣлываютъ бѣсы съ Соломоніею, тѣмъ вариантъ Публичной Библиотеки. Но тѣмъ не менѣе бѣсы составляютъ свой отдѣльный матеріальный міръ, и какъ животные раздѣляются на два кола; къ Соломоніи приходитъ демвоарачная баба уже не человеческой, а бѣсовской породы. Русскій народъ повсемѣстно воображаетъ бѣсовъ подъ образомъ двухъ воловъ; существуетъ слово *чертовки*; существуютъ рассказы видѣвшихъ бѣсовскихъ самокъ. Одинъ мужикъ въ Новгородѣ нѣтъ рассказывалъ, что онъ собственными глазами видѣлъ ночью на озерѣ Ильменѣ черную бабу, которая сидѣла на камнѣ, мылась и хохотала, потомъ исчезла. Это была, по его поватію, не русалка, но чертовка, бѣсъ женскаго кола. Обыкновенное мѣстопробываніе бѣсовъ — болото и озеро; оттого и въ нашей повѣсти они называются *седлами*; это какіе-то демвоподобные люди, подержанные, какъ и мы, условіемъ матеріальной жизни: они ѣдятъ, пьютъ, живутъ половое сообщеніе, рождаются и умираютъ; они безобразны, и по наружности скорѣе похожи на звѣрей, какъ на людей; они, какъ люди, мыслятъ и говорятъ, живутъ общественными связями, либо созываютъ между собою братство, живутъ религію, и поклоняются божеству, называемому сатаномъ; отличаются отъ людей тѣмъ, что могутъ принимать различныя образы, способность, которой однако не лишены безуслов-

но, по народному вѣрованію, и люди — если они колдуны; бѣсы, кромѣ того что они звѣри по наружности и люди по жизни, еще всѣ какъ бы колдуны, т. е. всѣ, по природѣ своей, способны на то, что доступно между людьми только нѣкоторымъ, обладающимъ таинственною наукою. Такое понятіе о существѣ бѣсовъ истекаетъ изъ предлагаемой повѣсти.

Вѣрованіе во вселеніе бѣсовъ въ челоѣка сильно утверждено было въ народѣ встарину и не истребилось до сихъ поръ. Рѣдкому изъ насъ, особенно посѣщавшему мѣста, ознаменованныя чудотворными исцѣленіями отъ мощей и иконъ, не удавалось видѣть и слышать такъ называемыхъ *кликунъ* или бѣсоватыхъ. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ дѣйствительно страдаютъ нервными припадками, поразительными и ужасными на взглядъ и въ исполнѣ объясненными анаэологически; другіе подчиняются силѣ воображенія и таковыхъ болѣе всего; третьи прихвораются. Ханики разносятъ о нихъ рассказы, изображая ихъ припадки въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ. Повѣсть о Соломоніи есть подлинное изображеніе бѣсоватой, какъ она только могла представляться самому разгульному воображенію въ XVII вѣкѣ. Не смотря на дриѣальность нѣкоторыхъ мѣотъ, она не лишена и поэтическихъ образовъ. Силсандя, какъ говорится въ предисловіи, (которое, какъ приписка, не составляетъ существенной части рассказа и потому приводится въ приложеніи) со словъ страдалицы, она, вѣроятно, имѣетъ историческое основаніе; должно быть существовала одисываемая здѣсь Соломоніа, подержанная нервными страданіемъ и сумасшествіемъ, и впоследствии получившая исцѣленіе. Образы ея болѣзненнаго воображенія, сложившіяся подъ вліяніемъ воспитанія и общихъ вѣрованій, принимались за истину и составили предметъ для литературнаго развлеченія современниковъ.

ПОВѢСТЬ

О САВВѢ ГРУДЦЫНѢ.

11/11/11

11/11/11

ПОВѢСТЬ О САВВѢ ГРУДЦЫНѢ.

ВАРИАНТЪ ПЕРВЫЙ.

(По списку Импер. Публ. Библ. т. 8, № 75.)

Покѣсть оубо сѣа стужа и оужаса исполнена и неизречимаго оуднаго достоина, како члвчкочлвчнмъ Божѣ доагетрѣт-
ленкѣ сѣмъ, ожданнѣ нашѣмъ оуданнѣмъ и неизречимымъ оуданнѣмъ сѣдѣамъ есакаго члвчкѣмъ приоудитѣ ко спасеннѣ, сѣмъ есѣмъ
во дни сѣа, и мѣлаотѣ члвчкочлвчнмъ сѣмъ оудѣмъ родомъ христіанскимъ.

Бысть убо в лѣто 7114, егда за умноженіе грѣхъ ради нашихъ, попусти Богъ на Московское государство, богомерзкаго отступника еретика Гришку Растрѣгу Отрѣпьева, яко похити престолъ российскийскаго государства разбойнически, а не царски. Тогда по всему Российскому Государству умножися злочестивая литва и многая пакости и разоренія народомъ российскимъ на Москвѣ и по градомъ творяху, и от того литовскаго разоренія многія дома свои оставяху, и из града во градъ бѣгаху.

В то же время, во градъ Велицѣмъ Устюгъ, бысть нѣкто житель града того Ома, прослытіемъ же нарицаемъ Грудцынъ Усовыхъ, нхъ же родъ во градъ томъ злечется. Той убо Ома Грудцынъ, видя в Россіи такое нестроеніе и нестерпимыя пакости от нечестивыхъ ляховъ, и не восхотѣ жити, оставилъ великій градъ Устюгъ и домъ свой и преселется в понизовой царственный градъ Казань. Зане не бысть в понизовыхъ градѣхъ злочестивыя литвы, и живаше той Ома с женою своею во градъ Казани, даже до лѣтъ благочестиваго великаго государя царя и великаго

князя Михаила Феодоровича всея Россіи. И нѣтъ же у себе сына единородна, именовъ Савву, двенадцатилѣтна возрастомъ; обычай же нѣвише той Ома куплю дѣяти, отъѣзжая внизъ Волгою рекою, овогда к Солн Камской, овогда в Астрахань, а иногда за Хвалынское море въ шахову область, отъѣзжая куплю творяше, тому же и сына своего Савву поучаше и негѣлности таковому дѣлу прилежати повелѣваше, дабы по смерти его наследникъ былъ нѣвнѣ его.

О отъѣздѣ Омы Грудцына на куплю в шахову область.

По нѣкоемъ же времени восхотѣ той Ома отплыти на куплю в шахову область, и обычныя струги к плаванію с товары устроившу, сыну же своему, такожде устроивъ обычныя суды с товары, повелѣеть ему по собѣ плыти к Солн Камской; и тако купеческому дѣлу со всякимъ опасеніемъ прилежати повелѣваше. И абіе подаде обычное цѣлованіе жемъ и сыну своему, пути касается. Малы же дни поехали, и

сынъ его на устроенныхъ судѣхъ по повелѣнію отца своего к Сали Канской плаванію творити начинаетъ, достигшу же ему Усолскаго града Орла, абіе приставаеъ ко берегу, и по повелѣнію отца своего у нѣкого нарочита чловѣка в гостинницѣ обитати приставаеъ. Гостинникъ же той и жена его, паматую любовь и милость отца его, подало прилежаніе и вѣщце, и всякое благодѣніе творяще ему, и яко о сынѣ своемъ всяко попочевіе вѣщце о немъ; онъ же пребысть в гостинницѣ оной немало время. В томъ же градѣ Орлѣ нѣкто бысть мещанинъ града того именовъ и прослытиемъ Божень Второй, уже престарѣсь въ лѣтѣхъ, и знаемъ баше во многихъ градѣхъ благоправнаго житія его ради, понеже и богатъ бѣ зѣло, и во пренію знаомъ и друженъ бѣ саввину отцу Оумъ Грудцыну. Увѣдавъ же Божень Второй, яко из Казани Оумъ Грудцына сынъ его во градъ ихъ обрѣтаеъся, и помысливъ в себѣ, яко отецъ его со мною многу любовь и дружбу вѣщаше, азъ же нынѣ презрѣхъ его, во убо возму его в домъ мой, и да обитаеъ у мене, и питаеъся со мною от трапезы моея. И сіа помысливъ, усмотри нѣкогда того Савву путемъ идуща, и призвавъ его, начатъ глаголати: друже Савво! или не вѣси яко отецъ твой со мною многу любовь имать, ты же ничто презрѣвъ еси мене и не пристаъ еси в дому моемъ обитати? Нынѣ убо не преслушай мене: прійди и обитаи в дому моемъ, да питаеъся от общія трапезы моея: азъ убо за любовь отца твоего вселюбезно яко сына пріемлю тя. Савва же, слышавъ таково от мужа глаголы, велии радъ бысть, яко от такова славна мужа пріять хочеть быти, и низко поклоненію твори предъ нимъ. И немедловно от гостинника онаго отходитъ в домъ мужа того Божена Второго, и живаше во всякомъ благоденствіи, радуясь. Той же Божень Второй старъ смѣ, и нѣтъ у себя жену третью бракомъ новоприведенну сущу поату дѣвою; неавадѣ же добра роду чловѣчу сопостать діаволъ, видѣвъ мужа того добродѣтельное житіе, и хотя возмутити домъ его, абіе увязляетъ жену его на ювошу

онаго к скверному смѣшенію блуда; и непрестанно уломаше ювошу онаго лживыми словесы к паденію блудному. Вѣсть бо женское естество уловляти умы младыхъ к любодѣнію. И тако той Савва лестію жены той, наче же рещи от зависти діаволи, запячь бысть, падеся в сѣть любодѣнія с женою оною, и непрестанно во оной скверномъ дѣлѣ пребывая с нею, и ниже бо воскресенія день, ниже праздники помнаше, но забывши страхъ божій и часъ смертный, во всегда в казнь блуда яко свиння валашеса; и в таковои ненасытномъ блуженіи много время яко скоть пребываше.

Нѣкогда же приспѣвшу празднику Вознесенія Господа Бога нашего Іисуса Христа, в наветеріи же праздника онаго Божень Второй понимъ с собою ювошу онаго Савву и пондоша до святыхъ деркавъ к вечернему пѣнію, и по отпущеніи вечерни пакы пріидоша в домъ свой, и по обычаю вечера възвѣгоша кійждо на ложи своемъ, благодаряще Бога. Внегда же боголюбивый онъ мужъ Божень Второй расца хрѣнко, жена же его, діаволомъ подстрекаема, воставъ тайво с ложа своего, и прішедъ к постели ювоши онаго, и возбуди его, понуждаше его к скверному смѣшенію блуда. Онъ же, аще и младъ смѣ, но яко нѣкою стрѣлою страха божія увязленъ бысть, и бояся суда Божія, помышляше в себѣ: како в таковои господственній праздникъ таковое скверное дѣло сотворити имамъ! И сіа помысливъ, начатъ с клятвою отрицатися от нея, глагола: яко не хочу всеконечно погубити душу мою, в таковои праздникъ превеликій осквернити тѣло мое. Она же, ненасытно распалаема похотію блуда, месслабно нудаше его, ово ласкаеиетъ, овоже и вращеиетъ иткнннъ, угрожая ему, дабы исполнилъ желаніе ея, и много труждашися, увѣщевая его, во илкъкоже, воижеже его преклонити к воли своей; божественная бо цѣкая сила помогаше ему. Видѣвъ же то лукавая жена, яко не возможе привлещи ювошу онаго к воли своей, абіе зѣлою яростію на ювошу распался, и яко лютая змѣя возстенавъ, отъиде от ложа его, помышляше, како бы волшебными зельи опонти его и истолкожи

злое свое нахѣреніе совершити хотѣ. И елико замысливъ сія в сотвори. Внегда же начаша кленати ко утреннему пѣнію, боголюбивый же оный мужъ Божень Второй, скоро востать от ложа своего, возбудивъ же и юношу оного Савву, пондоша на славословіе Божіе ко утренняи вкунѣ, и отслушавше со вниманіемъ и страхомъ Божіимъ. И приидоша в домъ свой, а егда же приидѣ время божественнѣи литургіи, пондоша пакы с радостию до святыи церкви на славословіе божіе. Проклятая же ова жена тщательно устроивше на юношу волшебное зелье, и яко знія хотѣщи ядъ свой изблєвати на него. По отпущеніи же божественныи литургіи Божень Второй и Савва изыдоша из церкви, хотѣюще ити в домъ свой. Воевода же града того пригласи оного мужа Божена Второго да отобѣдуетъ с нимъ; вопроси же и о юноши ономъ: чей есть сынъ, и откуда? Онъ же повѣда ему, яко из Казани Оомы Грудцына сынъ есть. Воевода же приглашаетъ и юношу оного в домъ свой, заче добрѣ знающе отца его. Они же пондоша в домъ бывше въ дому воеводскомъ, и же обычаю общія трапезы причастишася, и с радостию возвратишася в домъ свой; и егда приидеше, повелѣ Божень привести от вина мало, да испіють в домъ своемъ, чести ради господственнаго оного праздника: ничтоже бо свѣдѣи лукаваго умышленія жены своея. Она же, яко охидва алая, скрываетъ злобу в сердци своемъ и поднадеетъ лєстію к юноши оному. Принесену же бывшу вину, абіе наливаетъ чашу, и подноситъ пужу своему; онъ же испивъ, благодаря Бога, потомъ наливаетъ сама испивъ, абіе наливаетъ отравнаго оного уготованнаго зелья, и подноситъ юноши оному Саввѣ. Онъ же, ни мало помысливъ, ниже убояся лукавства жены оныи, чаше яко никоего же ала мыслить на него, и без всякаго размышленія выпиваетъ лютое оно отравное зелье. И се начатъ яко вѣкии огнь горѣти в сердци его. Онъ же помысливше, глагола в себя: яко много различныхъ питей в дому отца моего, и никогда же такого питія не испилъ, яко же нынѣ! Егда же испивъ питія оного, начатъ сердцемъ ту-

жити и скорбѣти по женѣ оной. Она же, яко лютаи лєвица, яростно поглядѣше на него, и ни мало привѣтство явилше ему. Онъ же, сокрушася, тужаше по ней сердцемъ. Она же начатъ мужу своему на юношу оного клеветати, и нагѣшая словеса глаголати, и повелѣваше изгнати из дому своего. Боголюбивый же оный мужъ, аще и сожалеѣ сердцемъ по юноши, обаче уловленъ бысть женскою лєстію, повелѣваецъ юноши изыти из дому своего, сказуя ему вины вѣкии. Юноша же с великою жалостию и тугою сердца отходитъ от дому его, тужа и стѣуя о лукавой женѣ оной. И прииде в домъ гостинника оного, ядѣже порѣе обиташе. Онъ же спросилъ его, каковыи ради вины изыде из дому Боженова? Онъ же, сказуя, яко самъ не восхотѣ жити у него: зане гладно ми бысть. Сердцемъ же скорба и неутишно тужаше по женѣ оной, и начатъ от великии туги красота лица его увядати, и плоть его истопчаватися; ядѣвъ же гостинникъ юношу стѣующа и скорбѣюще зѣло, неудовѣвающеся что ему бысть.

Бысть же во градѣ томъ вѣкии волхвъ, чарованіемъ своимъ сказуя кому какова скорбь приключитя; онъ же узнавая, или жити или умрети. Гостинникъ же той и жена его, благоразумни суще, не мало попеченіе о юноши явиху, и призываютъ тайно волхва оного, хотѣюще увѣдѣти от него, какова скорбь приключися юноши оному: волхвъ же егда прииде, и посмотрѣвъ в волшебныи своя кнѣги, сказа имъ истинну, яко никоторыи скорби юноша не имать в себя, токмо тужитъ по женѣ Божена Второго, яко в блудное смѣшеніе падеса с мяю, вышѣ же отступенъ бысть от нея, и по ней, стужая, сокрущается. Гостинникъ же и жена его, таковая слышавше от волхва, не яца вѣры ему, зане Божень мужъ благочестивѣи бже, и бо-деса Бога, и ни во что дѣло сіе вѣнѣша. Савва же непрестанно тужа и скорбя о проклятой женѣ оной, и донь от дне от той туги источи плоть свою, и яко бы вѣкто великою скорбію болѣлъ.

Нѣкогда же той Савва изыде единъ за градъ, на поле, от великаго умыиѣи и скорби прогнати, и

идяше одинъ по полю, и никого же пред собою или за собою видяше, и ничто нио помышляше, но токмо съ-туя и скорбя о разлученіи своемъ от жены оныя, и помыслиа такую мысль злую во умѣ своемъ, глагола: и егда бы кто от человекъ, или самъ діаволь сотворилъ ни сію, еже бы пакы совокунитися мнѣ с женою оною, азъ бы послужилъ діаволу! И такую мысль помысливъ, аки бы ума вступивъ, и идяше одинъ по полю, и мало пошедь, слышитъ за собою гласъ зовущъ, на ния; онъ же, обращся, зреть за собою юношу, борзо текуща, в нарочитѣ одѣваніи, помавающа рукою ему, пождати себе повелѣваше; онъ же, стоя; ожидая юношу оного к себѣ, и егда же пришелъ к Саввѣ юноша той, наче же рещи суностать діаволь, иже непроставно рыщеть, ница погибела человѣческаіа, пришелъ же, и по обычаю поклонился между собою, рече же пришелый отрокъ к Саввѣ глагола: брато! что убо яко чуждъ бѣгаеши от мене? азъ бо давно ожидахъ тя, да како бы пришелъ еси ко мнѣ и сродственную любовь имѣлъ со мною; азъ убо вѣмъ ти давно, яко ты отъ рода Грудцкихъ Усовыхъ из града Казани, и о мнѣ еще хочещи увѣдати, азъ того же рода от града Великаго Устюга; здѣ давно обитаю ради конскіа покупки, и убо по плотскому рожденію братія мы с тобою, а мнѣ убо буди братъ и другъ и не отлучайся от мене; азъ бо вспоможеніе во всемъ радъ чинити тебѣ. Савва же, слышавъ от мнѣ оного брата, наче же рещи от бѣса, такыя глаголы, велии възрадовася, яко в таковой далекой незнаемой странѣ сродника себѣ обрѣтъ; и любезно цѣловастася, поидоша оба вкупѣ по пустынѣ оной. И пошедь мало, рече бѣсъ к Саввѣ: брате Савво! Какую скорбь имаша в себѣ, яко изчезе велии юношеская красота твоя? Онъ же, яко лукавнуд, сказоваше ему шѣкую быти великую скорбь в себѣ. Бѣсъ же ослабился, и рече: что убо скрываеши от мене? азъ бо вѣмъ скорбь твою; но что ни дася, азъ помогу в скорби твоей? Савва же рече: аще убо вѣдаеши истинно мою скорбь, юже имамъ в себѣ, то понку вѣру тебѣ, яко можеши ми

помощи! Бѣсъ же рече ему: ты убо, скорбя, сокрушаешься сердцемъ своимъ по женѣ Божена втораго, зане отлученъ еси от любви ея. Но что ни дася, азъ учиню тя с нею по прежнему въ любви ея? Савва же рече: азъ убо, елико имамъ здѣ товаровъ и богатство отца моего, и с прибытками все отдаю тебѣ, токмо сотвори по прежнему любовь имѣти с женою оною! Бѣсъ же и ту усмѣяся, рече ему: что убо искушаеши мя? азъ бо вѣмъ, яко отецъ твой много богатство имать; ты же не вѣси ли, яко отецъ мой седмирицею богатѣе отца твоего, и что мнѣ будетъ в товарѣхъ твоихъ? Но даждь ми на ся рукописанію мало нѣкое, и азъ исполню желаніе твое. Юноша же радъ бысть, помышляя к себѣ: яко богатство отца моего все цѣло будетъ; азъ же дамъ ему писаніе что ни повелитъ написати; а невѣдѣи в какову пагубу власти хочеть, еще же и писати совершенно ниже слагати что учю. Оле безуміа юноши оного! Какое удовлечетъ бысть дестію женскою, и тоя ради в какову погибелъ снисходитъ! Егда же изрече бѣсъ к Саввѣ сказавъ оныя, онъ же о радостию обѣщаше дати ему. Мнимый же братъ, наче же рещи бѣсъ, вскорѣ изъемъ изъ ончага чернило и хартію, дастъ юноши, и повелѣваетъ ему немедленно написати писаніе. Той же юноша Савва, еще несовершенно умѣяше писати, елико бѣсъ сказоваше, той же и писаше, не слагая, и такымыъ писаніемъ отречеса Христа, истиннаго Бога, написавъ же богоотметное оно писаніе, отдаетъ діаволу, и предадеса в служеніе діаволу, мнимому своему брату, и тако поидоша оба во градъ Орелъ. Вопросы же Савва бѣса, глагола: повѣждь ми, брате мой, гдѣ обитаеши, да увѣмъ домъ твой? Бѣсъ же возсмѣяся, рече ему: азъ убо особаго дому не имамъ, но гдѣ прилучится, тако и почую; аще ли же хочещи видѣтися часто, то ница на всегда на конной площади, якоже рѣхъ ти: здѣ живу рада конныхъ покупокъ; но азъ и самъ не обліюся по-сѣщати тя; мнѣ же иди к лавкѣ Божена Втораго, вѣмъ бо, яко с радостию призоветъ тя пакы в домъ свой жити. Савва же, по глаголу брата своего діавола,

радошно течаши к лавкѣ Божена Второго, Божень же егда в . . . усердно приглашаетъ его к . . . Господине Савво кую злобу с . . . бѣ, и почто изшедъ . . . протчео убо молю . . . онъ мой, азъ . . . его, яко присно . . . тебѣ. Савва же . . . жена таковыя . . . (1) радостно возрадовася, и скоро потече в домъ Божена Второго. Жена же его, егда увидѣвъ юношу и дѣвочку подстрѣкаема, радостно срѣтаетъ его и всякимъ ласканіемъ приѣтствоваше его и лобызаше. Юноша же уловленъ бысть лестию женскою, паче же дѣвочку, наки завивается в сѣти блуда с проклятою оною женою, и ниже праздниковъ, ниже воскресенія день поминанце, ни страха Божіа ниѣюще, повеже не насытно безпреставно с нею в кагѣ блуда валяся.

По извѣстїи же врѣмени, абіе входитъ в слухи в пресловущій градъ Казань матери саввиной, яко смнѣся животь неистово и непорочно, и елико было с нимъ отеческихъ товаровъ, всѣ изнурихъ (лѣ) бѣ в блудѣ и ницнстѣй. Мати же его, таковыя о смнѣ своемъ слыша, зѣло огорчися, и нишетъ к нему писаніе, дабы онъ оттуду возвратился ко граду Казани в домъ отца своего. Егда же приде к нему писаніе, онъ же прочетъ, поснѣвася и ни во что же виѣвнѣвъ; она же наки посылаетъ к нему второе и третіе писаніе, ово моленіемъ молитъ, ово же и клятвами заклинаетъ его, дабы немедленно ѣхалъ оттуду во градъ Казань. Савва же ни мало виать матерню моленію и клятвѣ, но ни во что же виѣвнѣше, токмо в страсти блуда упражняшася.

По нѣкоемъ же времени поснѣтъ бѣсъ Савву, и поидоша оба за градъ на поле; изшедшимъ же нитъ из града, глаголетъ бѣсъ Саввѣ: брате Савво, вѣси ли кто есмь азъ? ты убо нишиши на совершенно быти от ро-

да Грудцыннихъ, но нѣсть тако: нинѣ убо за любовь твою повѣизъ ти всю истину, ты же не убойся, ниже устыдися азати на братомъ себѣ, азъ убо несовершененно улюбихъ ти в братство себѣ; но аще хочещи увѣдати о нитѣ, азъ убо смнѣ царовъ; но идемъ протчео и да покажу ти славу и могутство отца моего; и сія глаголя, приводе его в нусто нѣсте на нѣкій холмъ, и показа ему в нѣкоемъ раздолгѣ градъ велин славоу; стѣны и покровы и поносты всѣ от азата чиста блистахуся; в рече ему: сей естъ градъ и твореніе отца моего, но идемъ убо и поклонимся кунно ему; а еже даль ми еси писаніе, нинѣ вземъ его, самъ вручи отцу моему, в великою честію почтеновъ будещи от него. И сія изглаголавъ, бѣсъ отдастъ Саввѣ богоотметное опое писаніе. Ово безумія отрока! вѣдмй бо яко некоторое царство прилежитъ в близости к Московскому государству, но все обладаемо бѣ царемъ московскимъ, аще бы тогда вообразилъ на себѣ образъ честнаго креста, вся бы сія мечты дѣвольскія яко сѣвъ погиблн!

Но на предлежащее обратимся. Егда же поидоша оба к привидѣнному опому граду и приближившися нитъ ко вратомъ града, срѣтають ихъ юноши темнообразнн, ризами и поясы азатыми украшены, и со тцаніемъ поклоняющеса, честь воздающе сыну цареву, паче же роуди дѣволу, такожде и Саввѣ. Вшедшимъ же нитъ во дворъ царевъ, наки срѣтають нини юноши, ризами блистающися паче первыхъ, такожде поклоняющеса нитъ. Егда же видоша в полаты царевы, абіе друзін юноши срѣтають ихъ, другъ друга честію и одѣваніемъ превосходяще, воздающе достойную честь сыну цареву и Саввѣ. Вшедъ же бѣсъ в полату глаголя: брате Савво! пожди на азѣ мало; азъ убо шодѣ възвѣщу о тебѣ отцу моему, и введу ти к нему; егда же будещи пред нимъ, ничто же размышляя или бояся, подаждь ему писаніе свое. И сія рекъ, поиде во внутреннія полаты, оставль единаго Савву; и поидонѣвъ тамо мало, абіе входитъ к Саввѣ, и по сенъ вводитъ его пред лице князя тмы.

(1) Означеніиа тоиъани нѣста въ рукописи изречени.

Той же, сѣди на престоѣ высоцѣ, каменіемъ дра- гинъ и алатонъ преукрашенномъ, самъ же той славою великою и одѣяніемъ блистаяся, окрестъ же престола его зрять Савва множество юношъ крылатыхъ стоящихъ, лица же ихъ омыхъ сини, омыхъ багряни, инымъ же яко смола черны, пришедь же Савва предъ царя оно- го, падъ на землю, поклонися ему; вопроси же его царь, глаголя: откуда пришелъ еси сѣмо, и что есть дѣло твое? Безумный же онъ юноша подноситъ ему богоот- ветное свое писаніе и вѣщають: яко пришедь, великій царю, послужи тебѣ. Древній же зній сатана приенъ писаніе, и прочеть его, обоаръся къ сквернообразнымъ своимъ воиномъ, рече: аще ли и прииму отрока сего, но не вѣизъ, крѣпокъ ли будетъ мнѣ, или ни. И при- звавъ сына своего, саввина мнимаго брата, глаголя ему: иди прочее, и обѣдуй съ братомъ своимъ. И тако оба поклонившася царю, и изыдоша въ преднюю полату, начешо обѣдати, и неизреченныя яди приношаху мнѣ, такожде и питіе, яко дивитися Саввѣ, и глаголя: яко некогда же въ дому отца моего таковыхъ ядей вку- шать, или питія испити!

По ядешю же посылеть бѣсъ Савву, и поидоша изъ двора царева, и изшедшии же ни изъ града, вопро- шаетъ Савва брата своего бѣса, глаголя: что убо бра- те; яко видѣхъ у отца твоего, окрестъ престола его, юношъ много крылатыхъ стоящихъ? Бѣсъ же, улыбаю- ся, рече ему: или не вѣси, яко мнози языци слу- жать отцу моему, видѣи, персы и ини мнози? ты же не дивися сему, и не сумиѣвайся братомъ звати на себѣ; азъ бо да буду тебѣ меншіи братъ; токмо елико року ти, во всемъ буди послушенъ мнѣ; азъ же всякого добродѣяства радъ чинити тебѣ. Савва же во всемъ обѣщася послушенъ быти ему; и тако увѣ- рившися, придоша нѣки во градъ Орелъ, и оставь бѣсъ Савву, отходитъ.

Савва же нѣки приходитъ въ домъ Боженовъ, и пре- бывашо въ прожнемъ скаредномъ своемъ дѣлѣ. В то же время приде во градъ Казань изъ Персиды со многими прибытками отецъ саввинъ Ома Грудыицъ,

и яко же гѣпо, обычное дѣлованіе подавъ женѣ своей, вопрошаетъ ея о сынѣ своемъ: живъ ли есть? Она же повѣдасть ему, глаголя: яко отъ многихъ слышу о немъ: но отшествіи твоимъ въ Персиду, отъиде онъ къ Соли Камской, тамо и до нынѣ живетъ неудобное житіе; все бо богатство наше, яко же глаголють, изнурилъ въ ни- листво и блудѣ; азъ же много писахъ къ нему о семъ, дабы отъуду возвратился въ домъ нашъ; онъ же ни единымъ отвѣдомъ подаде мнѣ, но и нынѣ тамо пребы- ваетъ; живъ ли или ни, о семъ не вѣитъ. Ома же, таковыя глаголы слышавъ отъ жены своей, зѣло сму- тился умомъ; и скоро сѣдъ, написавъ еписолію къ Саввѣ со многими моленіемъ, дабы безо всякаго замед- ленія ѣхалъ отъуду во градъ Казань: да видю, рече, чашо, красоту лица твоего; понеже давно не видѣлъ бѣхъ! Савва же таковое писаніе приенъ, и прочеть е; нивочтоже амѣнивъ, ниже помысли ѣхати къ отцу своему, но токмо упражняшася въ неасытномъ блу- женіи. Видѣвъ же Ома, ничто же уснѣваетъ пи- саніе его, абіе повелѣваетъ готовить подобныя стру- ги о товаромъ, нуди касаетъ къ Соли Камской, до Камы: самъ, рече, сыскавъ, воину сына своего в домъ мой. Бѣсъ же егда увидѣвъ, яко отецъ саввинъ путе- шествіе творить къ Соли Камской, хотя поити Савву въ Казань, и абіе глаголетъ Саввѣ: брате Савво! дово- лѣ адѣ во единомъ маломъ градѣ жити будемъ? но идемъ убо во иные грады, и погуляемъ тамо; наки сѣмо возвратися. Савва же ни мало отречеся, но гла- голя: добре, брате, глаголеши, идемъ, но пожди мало; азъ бо возму отъ богатства моего нѣколко пенязей. Но и ту бѣсъ возбраняетъ ему о семъ, глаголя: или не видѣлъ еси славы отца моего, и не вѣси ли яко всадѣ села его суть? да идѣже придемъ, тамо и денги у насъ будутъ, елико потребно. И тако поидоша отъ града Орла, нѣкии же вѣдомы, ниже той самъ Божень Второй, ни жена его, утѣдаше о отшествіи Саввинномъ. Бѣсъ же и Савва объедину ноцъ отъ Соли Камскій обѣявшася на рѣкѣ Волзѣ во градъ, нарицаемомъ Куз- модеьянску. разстояніе имѣюще отъ Соли Камскія бо-

дѣе двутысяць воприщъ; и глаголетъ бѣсъ Саввѣ: аще кто ты знаемый узрѣтъ здѣ, и спроситъ: откуда пришелъ еси? ты же глаголи, яко отъ Соли Канскія, в третю недѣлю приходомъ до здѣ. Савва же, елико заговѣда ему бѣсъ, тако и сказоваше; пребыше же в Кузюдемьянску нѣколко дней, а бѣе помыслетъ бѣсъ Савву, какъ и об одну монѣ изъ Кузюдемьянска приидоша на рѣку Оку, в село, нарицаемое Павловъ Перевозъ; и бышшии нмъ тако в день четвертка, в той же день въ солѣ томъ торгъ бываесть; ходишии же нмъ во торгъ, узрѣвъ Савва нѣкогого престарѣлаго нища стояща; рубищанинъ гнусныи зѣло одѣянна, и зрача на Савву врагъино, и зѣло плачуща; Савва же отлучися мало отъ бѣса, и притече къ старцу оному, хотя узрѣти зныи плача его, и прииде къ старцу, рече: каки ты, отче, печаль еси; яко тако плачеша поутѣшиши? Нищій же онъ святый старецъ глаголетъ ему: плачу, рече, чадо, о погубленіи души твоея; не вѣси бо яко погубилъ еси душу твою и волюю предаде еси дѣволу? вѣси ли, чадо, с кѣмъ нмѣ ходиши, и еге же братомъ: себѣ нарицаеша? но сеи не человекъ, но дѣволъ ходитъ с тобою, и доводитъ ти до пропасти адскія! Егда же зарече старецъ к Саввѣ глаголюи сіа, оборѣвася Савва на мниаго своего брата, наче же речеи на бѣса, онъ же надлоча стоя, и грозася на Савву, зубы скрежеташе на него. Юноша же вскорѣ оставль святяго онаго старца, прииде пакъ к бѣсу; дѣволъ же велии начатъ поносити его, и глаголати: чесо роди с таковыи змыи душегубецъ сообщился еси? не знаеши ли сего лукаваго старца, яко многихъ погубляетъ, на тебѣ же видѣвъ одѣяніе нарочито, и глаголюи лостями пропсутивъ къ тебѣ, хотя отлучити ти отъ людей, и удавомъ удавити ти, и обрати с тебе одѣяніе твое хочеть; нмѣ убо аще оставлю ти одного, те вскорѣ погубиши безъ мене. И сіа зарече, со гнѣвомъ помыслетъ Савву оттуду, и приидитъ с нмѣ во градъ Шую, и тако пребываху нѣколко время.

Она же Грудцынъ Усовъ, прииде во градъ Орелъ,

вопрошаесть о сынѣ своемъ, и никтоже можаше повѣдати ему о немъ. Все бо видаху его, яко предъ его приидомъ сынъ его во градъ ходиаше всѣми видимъ, а идѣше визаншине скрися, никто же вѣсть. Ови глаголаху, яко убояся пришествия твоего, заче адъ науршилъ все богатство твое, и сего ради скрися, наче же всѣхъ Боженъ Второй и жена его, двяцете глаголаху яко об ноцѣ спаше с нами, завтра же пошедъ нѣкуды; мы же ожидахомъ его обѣдати; онъ же от того часа никако гдѣ явися во градѣ нашемъ, а идѣже подѣся, ни азъ, ни жена моя о семъ не вѣимъ. Она же многини слезани обливася, и ожидала сына своего, и не мало пождавъ, тщюю надеждою возвратися в домъ свой, и възвѣщаесть нерадостный случай женѣ своей; и оба зкуи сѣтующе и скорбяще о лишении единороднаго сына своего, и в таковомъ сѣтовании Она Грудцынъ поживе нѣколко время, ко Господу отъиде; жена же его оставшися вдовою сущи.

Вѣсъ же и Савва живуще во градѣ Шуѣ, во время же то благочестивый великій государь, царь и великій князь Михаиъ Феодоровичъ всея Россіи восхотѣ посылати воинство свое противу короля польскаго под градъ Смоленскъ, и по его цареву указу по всея Россіи набираху новобранныхъ тамошнихъ солдатъ; во градъ же Шуѣ ради салдацкаго набору, пославъ с Москвы старшинъ Тимошея Воронцовъ, и новобранныхъ солдатъ во вся дни воинскому артикулу учаше. Савва же и бѣсъ, приходяще, смотряху ученіе ихъ. Рече же бѣсъ к Саввѣ: брате Савво! хочещи ли послужити царю, да навишеша и ны въ солдаты? Савва же рече: добре, брате, глаголюши; послужитъ убо. И тако написавшеса в солдаты, и вачении дунно ходити на ученіе. Бѣсъ же в воинскомъ ученіи такову премудрость Саввѣ дарова; яко и старшихъ воиновъ и начальниковъ во ученіи превзыти; самъ же бѣсъ яко бѣ слугою Саввѣ, ходяще на нмѣ и оружіе ношаше его. Егда же изъ Шуѣ новобранныхъ солдатъ привелоша к Москвѣ, и отдаша ихъ в наученіе нѣкому нѣмецкому полковнику; той же полковникъ, егда

приде видѣти новобранныхъ солдатъ на ученіи, и абіе видѣти юношу млада суща, в ученіи воинскомъ зѣло благочинно и урядно поступающа, и ни малаго порока во всемъ артикулѣ имѣюща, и многихъ старыхъ воинствъ и начальниковъ во ученіи превосходяща, и велии удивися остроумію его, и призвавъ его к себѣ, вопрошаетъ рода его. Онъ же сказуетъ ему всю истинну. Полковникъ же, велии возлюбилъ Савву, и назва его смякомъ себѣ, даде же ему с главы своа шлану, драгоценнымъ бисеромъ утворенну сущу. И вручаетъ ему три роты новобранныхъ солдатъ, да видѣсто его устроятъ и учить той Савва. Бѣсъ же тайно прииде к Саввѣ, и рече ему: брате Савво! егда ти недостатокъ будетъ денегъ, чинъ ратныхъ людей пожаловати, повѣждь ми, азъ ти принесу, елико ти потребно будетъ, дабы в командѣ твоей роптанія и жалобы на тебя не было. И тако у того Саввы вси солдаты во всякой тишинѣ и покои пребываху; в протчихъ же бо ротахъ молва и мятѣжъ непрестанный, яко от глада и наготы, непожалованныи, умираху; у Саввы же во всякой тишинѣ и благополучномъ устройствіи солдаты пребываху, и вси дивляхуса остроумію его. По зѣлому же случаю явственно учинися о немъ и самому царю. В то же время на Москвѣ во малу область вѣла шуринъ царевъ, бояринъ Семень Лукьяновичъ Стрешневъ, увѣдавъ про оваго Савву, повелѣваетъ его, пред себя привести; и егда же приде, рече ему: хочещи ли, юноше, да приму тя в домъ мой, и чести немалыя сподоблю тя? Онъ же поклонився, рече ему: есть, рече, господине, мой братъ у мене; вопрошу его: да аще ли повелитъ ми, то с радостію послужу ти! Бояринъ же ни мало возбранитъ ему о семъ, и отпустивъ его; да вопроситъ, рече, брата своего. Савва же прииде, повѣда сію мнимоу брату своему бѣсу. Онъ же с яростію рече ему: почто убо хочещи презрѣти царскую милость и служити рабу его? ты убо и самъ, нигдѣ в томъ же порядкѣ устроишь; уже бо и самому царю знатенъ учинилася еси, ни убо, не буди тако; да послужимъ царю; егда убо царь

увѣсть вѣрную службу твою, тогда и чиномъ возышевъ будещи. От днесь по повелѣнію же цареву вси новобранныя солдаты розданы по стрѣлецкимъ полкамъ в дополненію. Той же Савва поставленъ бѣ на Устрѣтенскѣ в земляномъ городе, в зиницѣ приказѣ, в домѣ стрѣлецкаго сотника именемъ Іакова Шилова. Сотникъ же той и жена его, благочестивы и благоправны суще, видяще саввино остроуміе, зѣло почтаху его. Полки же на Москвѣ во всякой готовности к шествію бяху.

Во единъ же от днѣй приде бѣсъ к Саввѣ, и рече ему: брате Савво! поидеши прежде полковъ в Смоленскъ, и видѣши что творять поляки, и како градъ укрѣпляютъ, и бранныя сосуды устроятъ. И об едину ночь в Смоленску с Москвы ставше, и пребыше в немъ три дна и три ночи, и никимже видими. Они же все видѣши и созирающе, како поляки градъ укрѣпяху, и на приступныхъ мѣстахъ всякія гронады поставяху, в четвертый же день объяви бѣсъ себя и Савву в Смоленску полякомъ. Они же егда узрѣше ихъ, велии возмѣтошася, начаша глати по нихъ, хотяще уловити; бѣсъ же и Савва скоро избѣгше из града, и прибѣгоша к реку Днепру абіе разступися нивъ вода; они же впродоша рѣку оную, яко по суху; поляки же много стрѣляюще по нихъ, но никакоже вредиша ихъ. Удивляхуса глаголюще: яко бѣсово суть во образѣ человеческомъ приидоша и бывше во градѣ нашемъ! Савва же и бѣсъ пакы приидоша к Москвѣ, и ставше у того же сотника Іакова Шилова. Егда же по указу цареву полки с Москвы под Смоленскъ поидоша, тогда и той Савва с братомъ своимъ в полкахъ поидоша, надо всѣми же полками тогда бояринъ бысть Феодоръ Іоанновичъ Шенинъ. На пути же бѣсъ рече к Саввѣ: брате Савво! егда убо будещъ под Смоленскимъ, тогда от поляковъ из полковъ из града выйдеть единъ исполнивъ на поодинокъ, и становъ звати себя противника; ты же не убойся ничего, изыди противу его, азъ убо, вѣдая, глаголю ти, яко ты поразиши его;

на другій же день пакъ от поляковъ выйдеть другій вселениъ на поединокъ, ты же наиди пакъ и проти-ву того; вѣиъ бо яко и того поразиши; в третій же бо день выйдеть из Смоленска и третій поединчикъ, ты же ничего не бойся, и противу того наиди, но и того поразиши, самъ же узамель будещи от него умалъ, азъ же язу твою вскорѣ уврачую; и тако увѣщавъ его. Придоша под градъ Смоленскъ, и ставше в подобномъ мѣстѣ; тогда же, по глаголу бѣсовскому, выславъ бысть из града вѣкій воинъ страшенъ зѣло, на кони ѣзда, и искаше из московскихъ полковъ противника себѣ, но никтоже сѣяше взяти противу его. Савва же абіе объявляетъ себя в полкахъ, глаго-ля: аще бы нѣтъ былъ воинскій добрый конь, азъ бы вышелъ на брань противу сего неприятеля царска, дру-зи же его слышавше сія, скоро возвѣсташа боярину о немъ. Тогда же бояринъ повелъ Савву привести пред себя, и повелъ ему коня нарочита дати, и ору-жіе, вѣиъ яко вскорѣ погибнути иматъ юноша от полскаго онаго воина страшна. Савва же, по глаголу брата своего бѣса, ничтоже размышляя или бояся, вы-ѣзжаетъ противу полскаго онаго воина, и абіе по-разивъ его вскорѣ, и приводитъ с конемъ его в полки московскія, и от всѣхъ похваляетъ бѣ Савва. Бѣсъ же ѣзда по немъ, служа ему, и оружіе его по-нише за нимъ. Во второй же день пакъ из Смолен-ска выѣзжаетъ славный вѣкій воинъ, и ища из вой-ска московскаго противника себѣ; и пакъ выѣзжаетъ противу его той же Савва. И того вскорѣ поражаетъ, и вси удивляхуса храбрости его; бояринъ же разгнѣ-вался на Савву, но скрываше злобу в сердцы своемъ. В третій же день еще выѣзжаетъ из града Смолен-ска вѣкій славный воинъ паче воровъ, такожде ища и позывая противника себѣ. Савва же, аще и убояся ѣзды противу такового страшнаго воина, обаче по словеса бѣсовскому, немедленно выѣзжаетъ и противу того. Но абіе полякъ той яростно напустивъ и узавъ Савву конемъ в лѣвое стогно. Савва же исправлься нападаетъ на поляка онаго, и абіе убиваетъ его, по

и с конемъ в таборы привлече его, и не малъ за-зоръ смолянѣмъ наведе; все же российское воинство во удивленіе привлече; потому же начаша из града вы-лоски выходити, и войско с войскомъ сошедшимся, свалыиъ босиъ битися; а вѣже Савва с братомъ своимъ с котораго крыла воеваху, тако поляки от нихъ невозаратно бѣжаху, тмъ показующе; безчис-ленно бо много поляковъ побивающе, сами же из от-кого вредниа баху. Слышавъ же бояринъ о храбрости юноши онаго, и вже по ногѣи скрыти тайнаго гнѣва в сердцѣ своемъ, абіе призываетъ Савву к шатру и глаголетъ ему: повѣждъ мн, юношо, какова еси рода? и чій еси сынъ? Онъ же повѣда ему, яко из Казани Оомы Грудцына Усова сынъ его. Бояринъ же начатъ всякими вѣдлыми словеса поносить его, и глаголя: какъ ти пужда в таковомъ смертномъ случаѣ призвалъ азъ убо знаю отца и сродниковъ твоихъ, яко безчислен-но богатство имуть; ты же от каковаго гоненія или скудости, оставя родителей своихъ, сѣмо пришелъ еси? обаче глаголю ти: ни мало адъ недли, но иди в домъ родителей твоихъ, и тамо во благоденствіи с роди-тели своимъ пребывай; аще ли прслушаша мене и услышу о тебѣ, яко адъ ишаши пребывать, то без всякаго милосердія адъ ишаши погибнути; главу бо твою вскорѣ повелю отъяти отъ тебе! Сія же бояринъ к юноши ирече, и яростенъ отъиде от него. Юно-ша же со многою печалію отходитъ от шатра. От-шедшимъ же нмъ, глаголетъ бѣсъ к Саввѣ: что убо тако печалуешися о сомъ? аще неугодна служба наша лався адъ, то идомъ протчее пакъ к Москвѣ, и та-мо да пребываетъ. И абіе вскорѣ отъидоша от Смо-ленска к Москвѣ, и присташе пакъ обитати в домъ того же сотника Іакова Шилова. Бѣсъ же бо днесь пребываше с Саввою, к ночи же отхождаше от не-го во своя адская жилища, вѣже вскони обычай окаянниъ пребывать. Но малу же времени минувшу, абіе разболѣвся Савва, и бѣ болѣзнь его тяжка зѣло, яко быти ему близъ смерти; жена же сотника онаго, благоразумна еущи и боящися Бога, всяко попеченіе

и прилжание о Саввѣ ниуди, и глаголаше ему многожды, дабы повелѣлъ призвати Іерея, и исповѣдати грѣхи своя, и приобщился бы святыхъ тайнъ, да не како, рече: в таковой тяжкой скорби висзану без покаянія упреть. Савва же о семъ отрицался, яко аще, рече, и также болю, но нѣсть сія болѣзнь моя к смерти; и донь от дне болѣзнь его тяжчае бяше; жена же бѣа неотступно притужаше его, да покается убо; оттого, рече, не имаша упрети; и егда принужденъ бѣ Савва боголюбивою оною женою, повелѣваетъ призвати к себѣ Іерея; жена же она вскорѣ посылаетъ ко храму святаго Николая, нарицаемаго в Граччѣхъ и повелѣваетъ призвати Іерея той церкви. Іерей же ни мало заведен, притече к болящему; бѣ бо Іерей той лѣты совершенъ смѣ, мужъ искусенъ, и богобоязливъ зѣло; пришелъ же к болящему, начатъ молитвы покаяныя глаголати, яко же бѣ обычно. Егда же всѣхъ людемъ из храма изшедшимъ, Іерей же начатъ болаго исповѣдывати, и се висзану зрѣтъ болящій во храмъ той вышедшу толпу велию бѣсовъ. Минимы же его братъ, наче же рещи бѣсть, приде с нимъ же, уже не человѣческимъ образомъ, но в существенномъ своемъ зѣвродномъ образѣ, и ставъ созани бѣсовскія оныя толпы, велии на Савву яраса и зубы скрежеташе, показуи ему богоотнестное оное писаніе, еже даде ему Савва у Соли Камскія; и глагола бѣсть к болящему: зрѣши ли, клятвенпроступниче, что есть сіе? не ты ли писалъ еси? или минши яко покаяніемъ симъ избудещи от насъ? Ни, убо; не ни того; азъ убо всею силою моею поданнуса на тя! Ся же и иная многая неподобная бѣсовъ глаголющихъ, болящій же зря очевидно нѣхъ, и ово ужасася, ово же надѣся на силу Божию, и до конца все подробну исповѣда Іереею оному; Іерей, аще и мужъ святъ бѣ, обаче убѣся страха онаго, зане людей никакого же в храмѣ кроиѣ болаго видѣ, толпу же велику слыша от бѣсовскія оныя силы, и с великою нуждою исповѣда болаго, отыде в домъ свой, никому же сія повѣдавъ. По исповѣди же оной нападе на Савву духъ

вечистый, и начатъ несправедливо мучити его, ово е стѣву бѣа, ово е немощь с одра его пометая, овоже хранилнємъ и пѣною давлеше, и всякими различными томлении мучаше его; боголюбивый же той мужъ, вышенименованный сотникъ, с благоправною женою своею, видяще на юноши таковое от діавола висзанное нападеніе и посносное мученіе, велии сожалѣюще, и стениху сердца своимъ по немъ, но никакоже могуще ему помощи. Бѣсть же донь от дне на болаго лютѣ нападаа, мучаще его; и всѣхъ предстоящихъ ту от мученія его не малъ ужасъ творяше. Господишъ же дому яко видѣвъ на юноши такову необычную вошь, наче же и вѣдѣвъ, яко юноша той вѣдомъ бѣ и сакому царю храбрости ради своея, и помышляше о женою своею како бы обвѣстити царю о семъ; бѣ же сродница нѣкая у нихъ в домѣ царствѣхъ; и сія помысливши, посылаетъ немедленно жену свою к сродницѣ своей, повелѣвая ей, да вся подробну извѣститъ ей, и дабы немедленно о семъ возвѣстити царевнѣ; да не како, рече, юноша оный в таковомъ зломъ случаѣ висзану упреть, а они истязани от цари будутъ за несправдѣніе о немъ. Жена же его, ни мало похедливъ, скоро тече к сродницѣ своей, и вся повелѣнная ей от мужа своего по раду сказа; сродница же онаа, яко слыша таковыя глаголы, умилися душею, ово поболѣвъ о юноши, наче же скорбѣюще по сродницѣхъ своихъ, да не како в вѣраду от такового случая бѣду примуть себѣ, и ни мало похедливъ, скоро тече от дому своего до палатъ царевыхъ, и возвѣщаетъ о семъ ближнимъ сивгелятомъ царевымъ, и не в долгѣ часѣ внушается царю о семъ. Царь же, яко слыша о юноши таковой, милосердіе свое излиываетъ на нѣ, глаголаи предстоящимъ ту сивгелятомъ, да егда бываетъ повседневное извѣщеніе карауловъ, повелѣваетъ посылати в домъ сотника онаго, видѣже болящій той юноша лежить, но два караульщика, да надзирають, рече, опасно юношу ового, да не како от онаго бѣсовскаго мученія обесумѣвъ, во огнь или въ воду авржется; самъ же онъ, благочестивый царь, посылаше и болящему

повседневную пищу, и елико здравѣ болный той являлся, повелѣваетъ возвѣстити себѣ. И сему тако бышу, болный же не мало время в такомъ бѣсовскомъ томленіи пребысть.

Бысть же мѣсяца Іюля в третій день юноша оный необычно от бѣса умученъ бысть, абіе заспавъ мало, и во снѣ яко бы на явѣ начать глаголати, зливая слезы из ожженныхъ очей свонѣтъ, сице рече: Попилуй о всенностная Госпоже царице Богородице, помилуй, владычице, не солжу, всецарице, не солжу, но исполню елико общахся ти! Дошашнн же вси и संबѣдующи его воини, таковыя от болного глаголы слышавше, и удившася глаголюще: яко нѣкое видѣніе видать!

Егда же болный от сна возбѣдѣвъ, приступи къ нему сотникъ, и рече: возбѣдѣ ми, господине Савво, что таковыя глаголы во снѣ, и к кому рекъ еси? Онъ же накіе начать омывати лице свое слезами, глагола: видѣхъ, рече, ко одру моему приходшу жону свѣтлѣнну зѣло, и неизреченною свѣтлостію сіающе, носящи бо ризу багряну; о немъ же и два мужа нѣкая сѣднанаи преукрашенны, одинъ убо во одеждѣ архіерействѣ, другій же апостольское нося одѣяніе, и не мною иныхъ быти, токмо помыслию жону оную Пресвятую Богородицу, мужей же: одного неусыпнаго стража града нашего Москвы, преславнаго в іерарсѣхъ архіереа Божія Петра митрополита, втораго же наперсника Господня апостола Іоанна Богослова, азъ же подобіа образъ добръ знаю; и рече ми свѣтлѣная оная жена: что ти есть Савво, в что тако скорбиши? Азъ же рѣхъ к ней: скорблю, владычице, яко прогнѣваху Сына твоего и Бога, и тебе, заступницу рода христіанскаго, и за се людіи мучитъ мя бѣсъ! Она же, ослабнвша, рече ми: что убо выиѣ мыслиши, яко ти избыти отъ скорби сея; и како ти выручати рупоснсаніе свое изъ ада? Азъ же рѣхъ к ней: не могу, владычице, аще не помощію Сына твоего, и твоею всеильною милостію! Она же рече ми: азъ убо умолю о тебѣ Сына своего и Бога; токмо единъ глаголь мой

исполни, и аще избавлю тя от бѣды сея, хочещи ли мною быти? Азъ же тѣя милобныя глаголы со слезами рѣхъ к ней воснѣтъ, яко и вы слышасте от мене! Она же накіе рече ми: слыши, Савво, егда убо присѣтеть праздникъ явленію образа моего, яко в Казани, ты же приди во храмъ мой, яко на площади у Ветошнаго раду; азъ же предъ всѣхъ народомъ чюдо явлю над тобою! И сія рече ми, невидана бысть. Сія же слышавъ сотникъ и приставленные воини от Саввы изглаголанная видѣша, воини почудшася. Сотникъ же и жена его начаша помыслити, да како бы о семъ видѣніи возвѣстити цареви, и услышша послати ко срединцу свою, дабы она возвѣстала царевы полаты сигилитомъ, и дабы внушено было о семъ царю. Егда же приде в домъ сотника онаго поминутая срединца ихъ, они же повѣдаша ея видѣніе юноши онаго Саввы, она же уразумѣвъ и немедленно отходитъ до царевы полаты, абіе возвѣщаетъ о семъ ближнимъ сигилитомъ царевы полаты, и немедленно внушаютъ царю о видѣніи саввинномъ. Царь же, егда услышавъ о семъ, велии почудися.

Егда же бысть праздникъ Казанскія Богородицы Іюля онаго дня, тогда бо бысть крестное хожденіе до церкви той Казанскія Богородицы со святыми иконами и честными кресты, из соборными и апостольскія церкви честнаго Успенія пресвятая Богородицы, в томъ же крестномъ хожденіи бысть великій Государь царь и великій князь Михаилъ Феодоровичъ, и святѣйшій патріархъ со всѣхъ освященнымъ соборомъ и множествомъ велможъ. И абіе повелѣваетъ царь привести боляцаго Савву до церкви той, тогда же, по повелѣнію цареву привесоша боляцаго онаго до церкви казанскія Богородицы, скоро на ковръ, и положивша его въ церковь в преддверіи. И егда же начаша вторгивсати, тогда нападе на болнаго Савву духъ нечистый, и нача азъ мучити его діаволь. Онъ же великихъ гласомъ воля: Помози ми, Госпоже Дѣво, помози ми, всецарице Богородице! И егда же начаша херувимскую пѣснь воспѣвати, тогда возгреи яко громъ и бысть

гласъ глаголющъ: Савво! востани и гряди стѣю во храмъ мой. Онъ же воспринувъ с принесеннаго ковра, якобы никогда скорбѣлъ, и скоро притече во храмъ мой, иде ницъ предъ образомъ пресвѣтлыя Богородицы казанскія, молюся со слезами. тогда же низнаде отъ верху округа церковнаго богоотъемное оное писаніе, яке даде Савва у Соли Казанскія дѣволу, все бо заглажено, яко же бы никогда писано. Еще же повтори гласъ бысть: Савво! се твое рукописаніе яке ты писалъ еси, и исполни заповѣди моя и к тону не согрѣшай! Онъ же воспринувъ и пріемъ хартію оную и начатъ велегласно глаголати со слезами предъ образомъ: О преблагословенная Мати господня, заступнице рода христіанскаго и молебница к Сыну своему и Богу нашему! Прости ми содѣянная, и избави мя отъ адскія пропасті; въз бо исполни обѣщанное мною! Тогда же слышавъ царь и патриархъ, и вси предстатели возможи, и видѣше таковое прославно чюдо, благодарша Бога и пречистую его Матерь, и велии подившася такову Божию милосердію, яко избави его отъ адскія пропасті; по совершении же бо-

жественныя литургіи, начаша хвалу Господеву воздавати, и молебствовати всѣмъ освященнымъ соборомъ, о явившихъ чудеса предъ всѣми, потомъ проводша святыя иконы и честныя кресты до соборныя церкви; поиде царь во своя царскія полаты, радуяся о неизреченихъ чудесахъ, и благодаряще Бога; такожде и той Савва поиде в домъ свой помянутаго сотника Іакова Шилова здравъ, яко же бы никогда скорбѣлъ; и со видѣвъ сотникъ и жена его, велии подившася, и благодарша Бога за таковое его милосердіе надъ родомъ христіанскимъ. Савва же, мало поживъ ту у сотника онаго, и елико имѣя сокровища, вся раздаде по церковамъ и нищимъ, абіе отходитъ в монастырь Чюда Архистратига Михаила, яко зовется Чюдовъ монастырь, близъ соборныя и епископскія церкви честнаго и славна Успенія пресвѣтлыя Богородицы, и пострижеса тамо во иноческій чинъ, и нача жити в томъ монастырѣ, в трудѣхъ пребывая, в постѣхъ и молитвахъ неусыпныхъ, угожда Господеву; и тако поживе лѣта доволна, ко Господу отъиде с миромъ; и погребенъ бысть в томъ монастырѣ.

ВАРИАНТЪ ВТОРОЙ.

(По списку конца XVII или нач. XVIII в. сообщен. В. М. Белозерскимъ)

Воевода воево предикна бысть к древнимъ временамъ 7 лѣтъ, града Бѣлаго Устига кѣща Фомы Грѣшнина, о глнхъ его Савва, како онъ даде на себѣ дѣломъ Рѣкописаніе, і како изкалани бысть милосердіемъ Пресвѣтлыя Богородицы Казанскія.

Бысть убо во дни оны, в лѣто 7114 году, егда за умноженіе грѣховъ нашихъ попусти Богъ московскому государству, богомерзкому отступнику, еретнику Грѣшнѣхъ ростригъ Отрешеву престоль русскаго государства разбойнически плѣнить, тогда по всему русскому государству умножишася злочестивая лѣтва, многія пакости и разоренія начаша чинити надъ народомъ русскимъ; тогда в Москвѣ, того литовскаго разоренія ради, многія люди дома свои оставляху, изградовъ вонъ бѣжаху. В то же время во градъ Устю-

гѣ Великомъ бысть нѣкто житель града того, именемъ Ома, прозваніемъ Грудцынъ. Той убо Ома видѣ в Россіи велико нестроеніе и мнотжъ, не теряя пакости отъ нечестивыхъ Лиховъ, оставляетъ Великій градъ Устюгъ и домъ свой, и проселается съ женою своею в низовой славный градъ парствующій Казань, понеже не бысть в низовыхъ градохъ ачестія, даже до лѣтъ благочестиваго великаго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича, всея Россіи самодержца. Иже нѣмъ Ома у себя едиnorodнаго сына, именемъ Савву, двѣнадцати лѣтъ возрастомъ. Обычай же кнѣзю той Ома куплю дѣяти, отъѣзжая внизъ по Волгѣ рѣкою, овогда к Соли Канской и во градъ Астрахань, а иногда за Хвалынское море, въ Шахову область; и сыну своему повелѣваетъ со обычными товарами плыти к Соли Канской, къ купеческому дѣлу со всякимъ опасеніемъ прилежати повелѣваше, и абіе Ома обычное цѣлованіе подаде женѣ своей и сыну своему, а самъ в путь касается за Хвалынское море, в Шахову область. Мало же дней помышавъ, в сынъ его Савва на устроеніи суда работныхъ людей навязъ по повелѣнію отца своего, приплывъ к Соли Канской и приставъ ко берегу, и по повелѣнію жъ отца своего приставъ у нѣкоего гостинника, нарочитаго челоука. Гостинникъ же той и жена его, помяну любовь отца его, немалое прилежаніе творя Саввѣ, яко е сынъ своенъ попеченіе нѣмъ; Савва же пробьетъ у гостинника того немалое время.

В томъ же градѣ нѣкто бысть нѣщанинъ града того, прозваніемъ Божень Второй, престарѣлый во многіхъ лѣтахъ; и знаенъ баше во многіхъ градохъ за благоправіе житія его, понеже и богатъ бѣ зѣло, и попремногу знаенъ и дружень отцу Саввину, Оми Грудцыну. Увидѣвъ же Божень, яко из Казани града Оми Грудцына сынъ его Савва во градъ ихъ обрѣтается, и помысливъ и себя, яко отецъ его со мною многую любовь нѣмъше, азъ же сына его прерѣхъ, нынѣ убо возму его въ домъ свой, да обитаетъ у меня и питается со мною от трапезы моея. И сія

помысливъ, нѣкогда усмотрѣвъ Савву путемъ идуща, и призва его к собѣ, начатъ глаголати: «Друже Савва, или ты не вѣси, яко отецъ твой со мною любовь нѣмъте? ты же ничто не пристагъ еси в дому моемъ? Нынѣ убо прому тебя, прииди и обитай в дому моемъ, да питаеши обще от трапезы моея: азъ за любовь отца твоего любезности (любезно ты?) приемлю, аки сына своего. Савва же, слышавъ таковыи отъ Божена глаголы, вели радъ бысть, яко от таковаго славнаго мужа приять хоцотъ быти, и ниское поклоненіе сотвори ему, и немедленно от гостинника того отходитъ в домъ мужа того Божена: и живыше во всякомъ благодѣніи, радуясь. Той же мужъ Божень Второй старъ бѣ, нѣмъ у себе жену новоприведенную, востъ сущу дѣвицу, сочетавшеса ему третіимъ бракомъ, и живе с нею по заповѣди Господни.

Невидѣвъ же діаволъ добродѣтели челоуческой, видѣ мужа того добродѣтельное житіе, и хотя возмутити домъ его и осквернити ложе его, абіе узываетъ жену его на юношу онаго Савву скверному блуду, и непрестанно умоляше юношу онаго лстными словесы к блудному дѣлу (дощь бо женская удовлетъ естество младыхъ юношей к любодѣнію). И тако Савва лстію жемъ той, наче же от зависти діавола, занять бысть, наде в сѣтъ любодѣніа, и с женою оною несытно творящю блудъ, безаромно в ономъ скверномъ дѣлѣ пребываше съ нею, ниже воскресныи, ниже праздники помяше, но забываше страхъ Божій и чашъ смертныи, всегда в калѣ яко снѣгъ валился; и в томъ несытномъ блуженіи время много пребываше. Нѣкогда же приспѣвшу празднику Воскресенію Христова, и в начетери праздника Божень помыъ с собою онаго Савву, и поидоша до святыи церкви к вечернему нѣнію; и по отпущеніи вечерни возляже на ложи своенъ, благодаря Бога.

Егда же боголюбивый оный мужъ Божень заснувъ крѣпко, жена же его, діаволомъ подстрекаема, воста яко отъ ложа своего, и пришедъ к востели юноши того, и возбуди его, и понуждаше скверному блудному

снѣшенію. Онъ же младъ смѣ, но яко нѣкою стрѣлою страха Божія узмыленъ бытъ, убояся суда Божія, помыслише в себѣ: како в таковой Господень праздникъ Воскресеніе Христова таковое скверное дѣло сотворити? И сія помысливъ, с клятвою отрицатися нача от ней, глагола: яко не хощу всконечно погубити душу свою, в таковой великій праздникъ осквернитъ тѣло свое. Жена же, распалена похотію блуда, неослабно нудяще его и прельщеніемъ нѣкимъ утѣшая его, дабы исполнилъ ей желаніе; и много труждашася, утѣшая его, никако возможно приклонити к воли своей: божественная сила помогаше. Видѣвъ та лукавая жена, яко невозможно прилещи к воли своей юношу онаго, авіе зѣло и зло яростію распалися на юношу, яко лвица возрыкавъ отиде отъ него, и помыслише волшебными зельями ономѣ его; и не отложи злаго намѣренія своего, хотя совершити. Вскорѣ звонити начаша к утреннему пѣнію; благолюбезный же той мужъ Божень Второй, скоро воставъ от ложи своего, возбудивъ же юношу онаго Савву; и поидоша на словословіе Божіе к заутрени; и отслушавъ со вниманіемъ и страхомъ Божиимъ, приидоша в домъ свой. Егда же пріиде время божественныхъ литургій, приидоша пакы с радостию до святыхъ церквей, слушати святую литургію; проклятая жъ оная жена тщательна устроила на юношу онаго волшебное зелье, яко знія хощеть адъ свой изблевати на него; но отпущеніемъ же божественныхъ литургій, Божень Второй и Савва поидоша изъ церкви, и хотѣша ити в домъ свой. Восвода жъ града того пригласи онаго Божена, да обѣдуетъ с нимъ; вопросы же и о юношѣ ономъ: чей есть сынъ и откуда? Божень же повѣдавъ ему, яко изъ Казани сынъ Юныи Грузына. Восвода же пригласивъ и юношу онаго в домъ свой, понеже знаеши отца его. Божень же Второй с Саввою бывши в дому воевокомъ, и обще от трапезы вкусивши, с радостию возвратишася в домъ свой. И повелѣ Божень принести в дому своемъ, чести ради господственнаго праздника, ничто бо вѣдуще злаго умышленія же-

ны своей; а оная лукавая жена скоро скрываетъ в сердцахъ своихъ, и подпадая лестію к юноши оному, принесеннаго жъ вина наливаетъ чашу мужу своему и подноситъ; Божень же испивъ, и благодари Бога; и потомъ наливаетъ отравнаго зелья уготоманнаго, подноситъ юношѣ Саввѣ. Савва же ни мало помысливъ, ни же убояся лукавства жены оныя, чаши, яко никакого зла на него не мыслитъ; выпивъ оное лютое зелье, и от того часа нача яко огнь горѣти в сердцѣ его. Онъ же помыслише в себѣ, глагола: яко многоразличныхъ питій въ дому отца моего пихъ, и никогда же такого питія не пивахъ, якоже нивѣ. И начатъ сердцемъ болѣти и скорбѣти по женѣ оной; жена же оная, яко лютая лвица, с яростію возглагола на него, овогдаже пришествіе явилася к нему. Савва же сокрушася по ней и тужаше. Оная жена нача мужу своему на юношу клеветати полѣвыми словами, и повелѣла его изъ дому своего изгнати, ненавидѣя бо его, понеже диволомъ научася. Боголюбивый же той мужъ, аще и сожалѣлъ по немъ сердцемъ своимъ, обаче уломенъ бысть лестію жены своей; повелѣваетъ юношѣ пзйти изъ дому своего, сказа ему тако вино нѣкую; юноша же с великою жалостію отходитъ отъ него, тужа в сѣтѣ о лукавой оной женѣ, и пакы прииде в домъ гостинника того, идѣже порвое обрѣташася.

Савва же, отшедъ отъ Божена Второго, и прииде к гостиннику; гостинникъ же вопроси его: кою ради вины пзиде изъ дома боженова? Савва же сказаъ, яко самъ не восхотѣлъ жити у него. И нача Савва скорбѣти и неутѣшно тужити по женѣ оной, и от велика печали нача красота лица его измѣнятися, и плоть его истощеватися; видѣвъ же гостинникъ юношу сѣтующа и скорбяща, зѣло недоумѣвающася, что убо есть юношѣ.

В томъ же градѣ бысть волхвъ нѣкій, черованіемъ своимъ сказуя, кому каковая скорбь приключиса, живеть или умреть познаваетъ. Гостинникъ же и жена его, благоразумны суще, не мало попеченіе о юношѣ

вѣдѣху, и призвавше оного волхва тайно, хотяще увѣдати, какова приключися юношѣ Савва скорбь. Волхвъ же оный, присмотрѣвъ в волшебныя свои книги, и сказа ниъ всю истинну, яко вѣкоторая скорбь есть, и тужитъ по жемѣ боженовой; яко в блудное дѣло надеся с нею, и номыиъ же отлученъ бысть от ней, и во ней оны тужитъ и сокрушается. Гостинникъ же и жена его, слышавши от волхва такыя словеса, по аша вѣры, понеже Божень мужъ благочестивъ быше и бояся Бога, и на во что вѣдѣвши дѣло сіе.

Савва же непрестанно тужа и скорбя о проклятой той жемѣ, день от дне истоща всю плоть свою от той скорби. Нѣкогда же той Савва наиде единъ за градъ в поле, от великаго унынія и скорби прогулятися, идяше единъ по полю, и никого же за собою и пред собою видающе, и ничтоже нию помышляюще, токмо сѣтуя о скорби и разлученіи своемъ от жены оныя; и помысливъ такую мысль во умѣ своемъ о жемѣ оной, и глагола: Егда бы кто от чловѣкъ или самъ диаволь сотворилъ мнѣ сіе, и азъ бы ему послужилъ, хотя самому диаволу! И такую мысль помысливъ, яко бы из ума выступилъ, и идяше единъ; и мало пошелъ, слышавъ за собою гласъ зовущъ, яко вниа; Савва же обратився, узрѣвъ за собою юношу, борзо текуще въ парочитомъ одѣяніи, машуще рукою ему. И пришедъ юноша той к Саввѣ, нача рещи, нжесть юноша той сѣвостать диаволь непрестанно рыщеть яко левъ, и ница погубели чловѣчскія; пришедшу же ему к Саввѣ, и по обычаю поклонившася между собою; и рече мнѣ юноша к Саввѣ: брате Савво, что тако чюдъ и бѣгаеша отъ мене? Азъ бо давно ожидахъ тя, како бо пришелъ еси ко мнѣ, да родственную любовь внемъ со мною; азъ бо вѣдѣхъ ты сродника себѣ давно, яко ты от рода Грудцыныхъ; і азъ из града Казани; а о мнѣ хочещи увѣдати, і я от того къ рода, от града Великаго Устюга; адѣ давно обигаю, ради конскія покупки. Но убо буди братъ и другъ мой, и не отлучайся от мене: азъ убо всякое пощение и вспоможеніе во всемъ тебѣ радъ чинитъ. Сав-

ва же, слышавъ от оного брата бѣса такыя глаголы, велии возрадовася, яко в таковой далной и незнаемой сторонѣ сродника себѣ обрѣте; любезно цѣловатися начаша, і пондоша оба зкупѣ по пустыни оной. Рече бѣсъ Саввѣ: брате Савво, какую скорбь имѣеши, что велии исчезе яко юношеская красота твоѣ? Савва же сказа ему неправду иъкую; бѣсъ же рече ему: Что убо скрываеши от мене? азъ бо вѣдѣхъ скорбь твою. Что ни даси, азъ помогу ти скорби твоѣ? Савва же рече ему: защо бо вѣдаеша истинную скорбь, которую азъ имѣю въ себѣ, то иму вѣру, яко поможешь. Бѣсъ же рече ему: Ты убо скорбиши и сокрушаешися сердцемъ своимъ по жемѣ боженовой, отлученъ еси от жены его любви ея. Слышавъ же Савва, рече: азъ убо елико имамъ товаровъ и богатства отца моего, и с прибытками, все отдаю тебѣ, токмо сотвори любовь по прежнему з женою оною. Бѣсъ же тутъ разсмѣявся, рече ему: Что убо искушаеша мѣ? азъ убо вѣдѣхъ, яко отецъ твой многа богатства имѣеть, ты же не вѣси ли, яко отецъ мой седмерицею богатѣе отца твоего? И что ми въ твоихъ товарахъ? Но даждь ми рукописаніе мало, и азъ исполню желаніе твое. Юноша же Савво радъ бысть, помышляя в себѣ, яко богатство отца моего цѣло будеть; азъ же дамъ ему писаніе, что ми волнтъ писать; а того не вѣдаеть, в какую пагубу хочеть впасти; да аще оны Савво совершенно писать не умѣеть, по радостію обѣщася дати писаніе бѣсу.

Бѣсъ же скоро выпинаетъ чернила и хартію, даеть юношѣ, и перо, повелѣвая ему несмелено писати; той же юноша Савво несовершенно писать умѣеть, и елико можно, бѣсъ ему сказоваше, то Савво и пишеть. Пѣсть благаго, нже таковое писаніе пишеть:

(*) Отрѣкаюся отъ Христа истиннаго Бога и предаюся во услуженіе диаволу.

Написавъ же таковое богоотметное писаніе, отдаеть Савва диаволу брату своему; и тако пондоша оба во

(*) Въ подлинникѣ противъ этого мѣста на поляхъ написано красными чернилами: «Зри, како даеть на себѣ писаніе.»

градъ. Вопросы же Савва бѣса, глагола: Повѣдай мнѣ, брате мой, гдѣ ты обрѣтаешься, да убѣдишь дождь твой. Бѣсъ же носѣваясь, рече ему: ибо (азъ бо?) особаго дому не имѣю, но гдѣ прилучится, тако и почую; ищи мнѣ всегда на конной площади: азъ убо рѣхъ ти, здѣсь живу ради конскихъ покупокъ. Но и самъ азъ не полѣнюся, посѣщати тея всегда буду; и ты, брате Савво, иди к лавкѣ боженомой. Егда же увидѣтъ Божень Савву, усердно приглашаетъ к себѣ, глагола: господиню Савво, кую злобу сотворихъ я тебѣ, и почто изшелъ еси из дому моего? Нимѣ убо молю тея, приди наки в домъ мой обитати со мною: азъ убо за любовь отца твоего, яко родному сыну своему радъ тебѣ всеусердно.

Савва же егда слышавъ от Божена Второго така рѣчи, неварочною радостію возрадовася, и скоро потече; егда же прииде в домъ боженоевъ, жена же боженова егда увидѣтъ юношу и диволомъ подстрекаема, с радостію встрѣчаетъ его, всякимъ ласканіемъ прѣтѣствоваше его, и ласкаше ему. Савва же уломенъ бысть женскою лестію, наче диволомъ научимъ бѣ, впадеуть наки всевъ (в сѣтъ?) блуда с проклятою оною женою; и не имѣаше бо ни праздника, ниже страха Божія боляшася, но беспрестанно с нею в блудѣ пребываше, аки снѣгъ в калѣ тинномъ валишася. Но многомъ же времени абіе входитъ в слухъ в славный градъ Казань, к матери саввиной, яко смѣтъ ея живеть попорядочнымъ житіемъ жизнь свою, и елико с нимъ было, вся отеческія товары изиурилъ в блудѣ и пиянствѣ.

Мати же саввина, слышавъ таковое о смѣтъ своихъ, зѣло огорчися, и пишетъ к нему писаніе, дабы онъ оттуду возвратился ко граду Казани, в домъ отца своего. Егда же прииде къ Саввѣ писаніе, прочте его, и носѣтася, и ни во чтоже имѣни писаніе ея; мати же ея (его?) вторично носмлаеть, и третицею, овогда с молемъ, овогда же и с клятвами, заклинаеть его, дабы немедленно ѣхалъ оттуду во градъ Казань. Савва же имало внисть матернее моленіе, и клятву ни во чтоже имѣни, но в блудѣ упряднашася неперестанно, забывъ страхъ Божій.

По нѣкоемъ же времени посмлетъ бѣсъ Савву, брата своего, и поидоша оба за градъ в поле; и шедше из града, глагола бѣсъ: Брате Савво, вѣси ли кто есть азъ? Ты бо мнѣши мнѣ совершенно быти от рода Груцымныхъ? Нимѣ убо за любовь отца твоего повѣдай ти истинную всю; ты же не убойся, ниже устыдися зватися братомъ со мною; азъ убо повѣмъ: совершенно возлюбихъ тея и в братство себѣ прияхъ. Но аще хоцещи вѣдати о мнѣ, азъ убо сынъ царевъ: придемъ, да покажу ти славу отца моего. И сія глагола, приведе его в пустое мѣсто на нѣкій холмъ, и показа ему в нѣкоемъ раздоліи градъ велии славы: стѣны, кровли, и мосты, все от алата чистаго сотворены. И рече Саввѣ: Сей есть градъ отца моего; поидемъ убо вкушѣ, и поклонимся отцу моему; а еже далъ ми еси писаніе, нимѣ возми его, самъ вручи отцу моему, и великою честію почтемъ будещи от него. И сія изглаголавъ, бѣсъ отдаеть Саввѣ богоотчужденное писаніе. Оный же отрокъ безумный вѣдаеть, яко никакаго государства в близости, еже приложати к московскому царству, не имѣтася, но все обладаемо московскимъ царемъ: аще бы тотъ тогда отрокъ вообразилъ себя животворящимъ крестомъ Господнимъ, вся бѣ сія мочтанія дивольскія, (дивольская) яко пражъ пред лицемъ вѣтра, исчезнула! Егда же поидоша к привидѣнному граду, и пришедъ ко вратамъ, и встрѣчаютъ ихъ юноши темнообразни, ризани и поясаи украшены, и со тѣпаніемъ поклонившася и честь воздаша сыну цареву, бѣсу; такожде и Саввѣ поклоняющася. Вшедшимъ же нимъ на дворъ царевъ, пакы встрѣчаютъ иныя юноши, ризани блистающася, наче бо первыхъ, такожде поклоняющася нимъ. Егда же поидоша в полаты царскія, абіе другія юноши встрѣчаютъ и воздають ему честь, яко сыну цареву такожде и Саввѣ: И вшедшу бѣсу в полату, и глагола бѣсъ Саввѣ: брате Савво, пожди мнѣ мало; азъ убо шедъ, возвѣщу о тебѣ отцу моему, и приведу тея к нему; егда же будещи пред лицемъ его, ничтоже размышляла ни боюся, подаждь ему писаніе свое. И сія рекъ, тотъ

часть пошедь во внутреннии полаты, оставя Савву еди-наго; и подливъ тамо мало, пришедь к Саввѣ, и по-есть его за руку, и вводить предъ лицо князя тмы. Онъ же сяди на престола, каменіемъ драгинѣмъ и златонъ проукрашеть, и славою великою блистаетъ; окрестъ же престола его зреть Савву множество юношей крылатыхъ стоящихъ; лица же ихъ у омыхъ снии, а у омыхъ же багряны, а нныя яко смола черныя. Егда же пришедь Савва предъ царя онаго, и надъ на землю, поклонися ему; вопросы же его царь, и глагола: откуда пришелъ еси сѣмо, и что ти есть дѣло твоо? Безумный же юноша Савва подноситъ ему бо-гоотметное свое писаніе, и глагола: придохъ, вели-кій царю, послужити тебѣ! Древній же змій сатана пріять писаніе и проче его, и обратися к тенно-образнымъ своимъ слугамъ, и рече възъ: аще ли при-нну отрока сего писаніе, но не вѣрнокъ будетъ нѣтъ? И призва сына своего, а Саввина брата, и глагола ему: Иди в протчи полаты, и объдай с братомъ своимъ. Она же низко поклонившася царю, изыде (изыдоша) в по-реднюю полату, и нача (ша) объдати; и разныхъ нѣтъ питей и ядой приношаху, яко дивитися можно. И рече Савва брату своему; яко николиже в дому отца моего такихъ брашонъ не вкушалъ и питей не пивалъ! И по отъяденіи же поять бѣсъ Савву, и пондоша к двора царева. И глагола Савва брату своему бѣсу: Что убо, брате, яко видѣхъ у отца твоего, окрестъ престола его, много юношей крылатыхъ стоящихъ? Бѣсъ же разсѣлся, рече: ему: или не вѣси, яко мно-гія языцы служатъ отцу моему: иудейцы, персидяне, арапы и нныя многія языцы? Ты же не удивляйся сему, и не сумнѣвайся братомъ звати на; азъ буду тебѣ мен-шіи братъ; токмо елико року ти, во всенъ буди по-слушенъ нѣтъ; азъ же всякое благодѣніе радъ чи-нить тебѣ, благопосѣщенство и добродѣтель. Савва же общася во всенъ послушну ему быти; и тако при-доша в домъ Боженовъ, и пребываше в скверномъ своемъ прежномъ дѣлѣ.

В то же время приде во градъ Казань из Пер-

сиды со многими прибытками отецъ саввинъ, Ома Груцынъ, якоже дѣто едино бытъ; и обычное цѣло-ваніе подавъ женѣ своей, и вопрошаетъ ея об сынѣ своемъ, живъ ли есть онъ, или нѣтъ? Она же повѣда ему, глагола, яко от многихъ людей слышала об немъ: но отшествіи твоимъ, вскорѣ онъ отъидо к Соли Камской; тамо и донынѣ живеть; а богатство на-ше, сказываютъ, что все изнурилъ в нинствѣ и в блудѣ; азъ же много к нему писалъ, дабы оттуду возвратился в домъ свой, онъ же ни единымъ грамот-ки ко мнѣ не писалъ, и недостойтъ ему тако быти; и ннѣ живъ ли, или нѣтъ, о томъ не вѣдаю. Она же такими глаголы слышала (въ) от жены своей, зѣло смутися, и написавъ еписистолю к Саввѣ со многими моленіемъ, дабы оттуду вѣхалъ во градъ Казань, в домъ свой, безъ всякаго замедленія. Савва же таковое писаніе получивъ, и прочеъ, ни во что вѣднн, токмо упраз(д)илася в несмытномъ своемъ скверномъ блудо-дѣніи.

Увидѣвъ же о семъ Ома Груцынъ, яко ни во что вѣдннеть писаніе его, повелѣваетъ готовить подобныи суда с товаромъ, и к пути касается; и рече женѣ своей: покормь сыщу сына своего, тогда и в домъ свой возвращуся!

Бѣсъ же егда утѣдавъ, что отецъ саввинъ путеше-ствуетъ к Соли Камской, хотя поати Савву в Ка-зань, и абіе глаголетъ бѣсъ Саввѣ: брато, докола а дѣ намъ во единомъ наломъ градъ жити? Пондезь убо во иной городъ и погуляемъ, и пакн сѣмо возвратимся? Савва же ни мало отрицаяся, глагола ему: Добре брате, глаголеши: пондезь! Но пожди мало, да возну нѣчто от богатствъ моихъ. Бѣсъ же возвращаетъ ему о семъ глаголати: не видалъ ли славу отца моего, не вѣси ли, яко воздѣ сола его есть? Но пондезь, много у насъ денегъ будетъ, елико потребно. И тако пондоша из града, никому же видныи, ниже самъ Боженъ, ни жена его, не видѣли отшествія саввина. Бѣсъ же и Савва во одну ночь от Соли Камской объявившася на рѣкѣ Волгѣ, в Козмодемьянскомъ, а

во исчисленію версть от Соли Камской 2,000. И глаголетъ бѣсъ: Савво, аще кто тя узритъ здѣ и вопрошитъ, откуда пришелъ еси, ты же глаголи от Соли Камской в 4 дни прїѣхалъ сюды. Савва же, елико повѣда ему бѣсъ, тако онъ и сканываетъ людемъ.

Пробысть же тамо нѣсколко дней, бѣсъ воельетъ Савву и во одну ночь из Козмодемьянскаго предоша на рѣку Оку, в село, называсмоу Павловъ-перевозъ. И бывшии нѣтъ тамо в день четвертка, в той бо донь в томъ нѣсть торгъ бываесть, и ходящии нѣтъ по торгу, узрѣ Савва нѣкотораго престарѣлаго мужа стояща, рубницами худыми одѣян суща, и зрацо на Савву привлежи, велии горю плачуща. Савва же отлучиса от бѣса, и пришедъ к старому мужу, и рече ему: какъ тебѣ, отче, нечаль есть, яко неутѣшино плачущи? Святый же мужъ глагола ему: плачю, чадо, о погибелн души твоей: во вѣси ли ты, яко погубилъ еси душу твою, дался еси ты в волю дїаволу? Вѣдаси ли ты чадо, с кѣмъ ходишь, и его братомъ своимъ нарицаешь себе? Сей бо не чоловѣкъ, но дїаволь ходитъ с тобою, и ведетъ тя до провасти адскїа. Егда же изрече святый мужъ к юности глаголы сіа, обозрѣвшиса Савва, увидѣ брата своего бѣса; бѣсъ же надалеча стоя, и грозить рукою ему, и зубы скрежуще на него. Савва же скоро от святаго мужа отъиде, и прииде наки к бѣсу; дїаволь же нача его велии воносити, и глагола ему: чосо ради с таковымъ злымъ душегубцомъ сообщася еси? Но вѣси ли ты лукаваго таковаго старика, яко многихъ погубляеть? Видѣвъ на тебѣ одѣяніе нарочито, и глаголетъ лживыя словеса, хотя тебя отлучити от людей, и удивити тя, и обратъ с тебя одѣяніе твое. И нѣмѣ убо аще оставлю тя единаго, то вскорѣ погубишь без меня. И сіа дїаволь рече со гавномъ. и воельетъ Савву с собою, и приходитъ с нимъ во градъ Шую, и тамо пребысть многія дни.

По малѣ же времени Фома Груцинъ прибылъ к Соли Камской, и вопрошаетъ о сынѣ своемъ; но нїкоже не можаше о немъ повѣдати: вси бо видялу,

яко пред прїѣздомъ его былъ во градѣ у Соли Камской, и всѣми былъ видимъ. Они (ови?) же глаголаху, яко убояся пришествїа его, зная за собою, что изнурилъ богатство твое, и сего ради скриваяся от тебя. Паче же всѣхъ Божень и жена его дивляхуся, и глаголаху, яко в ночи сей спяща с нами, поутру же пошелъ не вѣиъ куды, и ожидаючи его обѣдати; онъ же от того часа нигдѣ не явля во градѣ нашемъ, ни азъ, ни жена моя о семъ не вѣдомы. Фома же многими слезами обливашеся, и живяше, ожидая сына своего; и немало пожда, возвратиса в домъ свой, и возвѣщаесть порадостный случай жонѣ своей; и оба вкушѣ сѣтоваху и скорбяху о лишии сына своего единокровнаго, и в таковомъ сѣтованїи Фома Груцинъ нѣсколко время поживо, отъиде ко Господу; жена же его остаея вдовою сущюю ей.

Бѣсъ же и Савва живутъ во градѣ Шуѣ. Во время же то благочестивый государь царь и великій князь Махила Феодоровичъ, вся Россїа самодержецъ,azole послать войско свое противъ короля полскаго, под градъ Смоленскъ; и по его государеву указу набравшу новобранныхъ салдатъ; и в то же время и в городъ Шую ради салдатскаго набора приславъ былъ из Москвы столникъ Тимофей Воронцовъ, и выбранныхъ салдатъ по вся дни воинской экскурциїи учаше. Бѣсъ же рече Саввѣ: брате Савво, запишомся и мы в салдатскую службу! Савва же рече ему: добре, брате, глаголеши: послужимъ! И тако записавшеся оба в салдаты, и начаша купно ходити на учение; бѣсъ же к воинскому учению такову мудрость Саввѣ дарова, яко в старыхъ воинъ и начальниковъ превосходяше; а самъ бѣсъ яко слуга за Саввою хождаше, нося за нимъ оружіе. Егда же новобранныхъ салдатъ приведоша к Москвѣ, и отдаша в наученїе нѣкоему иноземцу полковнику, полковникъ же, егда прииде видѣти новобранныхъ салдатъ во учение воинской экскурциїи, и вида Савву зѣло искусна и порядочна поступаесть, и ни мала порока во всенѣ артикулѣ не виѣюще, и много старыхъ воиновъ и начал-

никовъ во ученіи превосходитъ, и велии полковникъ удивися остроумію его; и призвать его к себѣ, и вопрошаетъ о родѣ его. Савва же сказуетъ ему всю истинную. Полковникъ же той велии возлюбил Савву, и назвавъ его сыномъ себѣ, и даде ему с главы своей шляпу с драгоцѣнными камоніемъ украшенную суцу, и вручаетъ ему новобранныхъ салдатъ третью роту, да вѣсто себя учить салдатъ повелѣ. Бѣсъ же рече: брате Савво, егда тебѣ не достанетъ денегъ, чѣмъ ратныхъ людей жаловать, повѣжда ми: азъ тебѣ принесу елико угодно будетъ, дабы в командѣ твоей роптанія и жалобы на тебя не было. И тако у Саввы всѣ салдаты были в тишинѣ и покоѣ пребывали, в протчихъ же ротахъ молва и митежъ неперестанно, яко от глады и ваготы померзающе; в вси дивляхуся остроумію саввины.

В то же время в Москвѣ немалую власть имѣя шуринъ царевъ, бояринъ Семеновъ Лукіиновичъ Стрешневъ. Увѣдавъ про одного Савву, повелѣваетъ его привести предъ себя; егда же приде Савва предъ боярина Семенова Стрешнева, и рече ему бояринъ: хочещи ли, юноша, да прииму тя в донъ свой, и чести немалой сподоблю тя? Савва же поклонися ему, и рече: есть у меня, господине, братъ; азъ спрошу его: аще повелитъ мнѣ, то с радостію готовъ служить вамъ. Бояринъ же нимало возбрани оному о семъ, и отпустивъ его, да спроситъ у брата своего; бѣсъ же, пришедъ, с яростію рече ему: почто убо хочещи презрѣть царскую милость, и служить хочещи холопу его? Ты убо и самъ мнѣ царю знаемъ учинилса! Но убо; не буди тако, но послужи самому царю: егда убо царь увѣдастъ вѣрную твою службу, тогда и чиномъ пожалованъ от его будещи!

По повелѣнію цареву, вси новобранны салдаты розданы по стрѣлцямъ в полки в добавокъ; той же Савва поставленъ бысть в земляномъ городѣ, на Устретенкѣ, Зимины приказу у сотника стрѣлцкаго Якова Шилова. Сотникъ же той и жена его, благочестивы суще, видѣвша Савву остроумнаго зѣле, почитаху его. Полки же в Москвѣ были во всякой готовности к

походу. Во единъ же день приде бѣсъ к Саввѣ, и рече ему: брате Савво, поидемъ прежде полковъ в Смоленскъ, и посмотримъ тамо, что творять поляки и како градъ укрѣпляютъ. Савва же рече: поидемъ, брате! И поидоша, и во едину ночь сташа из Москвы в Смоленскомъ; и пребывшу три дни и три ночи, никѣмъ же видани бысть. они же все видяще, како поляки градъ укрѣпляютъ и на присгунныхъ болахъ всякія громады поставляютъ; в четвертый же день бѣсъ объявил себя и Савву в Смоленскомъ полякомъ; поляки же, егда узрѣвша ихъ, велии возмутися и начаша гнаться за ними, хотяще изловити ихъ; бѣсъ же и Савва скоро бѣжаша из града, и прибѣгше к рѣкѣ Дѣвиру, и абіе раступиса нѣтъ вода: они же придоша рѣку вси по суку, начѣмъ же вредни. Поляки же много стрѣляюще по нимъ, и не моглоша повредити ихъ, и дивляхуся, сами между собою глаголюще, яко сіи людие бѣ убо во образѣ челоуѣческомъ бѣсове, и придоша, и быше во градѣ нашемъ. Савва же и бѣсъ пакы возвратишася, и сташа у того жъ сотника Якова Шилова.

Егда же по указу государеву поидоша полки из Москвы под Смоленскъ, тогда и Савва поиде с братомъ своимъ бѣсомъ в войскѣ; и надъ всѣми полками тогда былъ бояринъ Федоръ Ивановичъ Шенинъ. И рече бѣсъ Саввѣ: брате Савво, егда убо будещи под Смоленскомъ, тогда от поляковъ выйдеть поединчикъ, и станеть звать противника себѣ; ты же не убойся ничего, изыди противу его: азъ вѣдаю, ты поразивъ его. На другой день пакы от поляковъ выйдеть на поединокъ; ты же изыди и противу того, и того поразивъ. В третій бо день еще выйдеть из Смоленска третій, и станеть звать на поединокъ; ты же ничего не убойся, и противу того поединчика изыди: и того поразивъ, но и самъ уязвленъ будещи от него; азъ же азву твою скоро излечю. И тако увѣщавъ, поидоша под градъ Смоленскъ. И сташа войско все в удобномъ мѣстѣ; по глаголу же бѣсовскому, высланъ из града воинъ на конѣ, страшенъ

зѣло, прошаше из московскихъ полковъ противника себѣ; но никтоже не сѣяше выѣхать противу его. Савва же объявляя себя в полкахъ, глаголюща (ще): Аще бы нѣ былъ вои(н)ской доброй конь и оружіе, азъ бы шелъ на брань противу сего неприятеля царьскаго. Другія же слышавше сіе, скоро возвѣстивша о немъ боярину Федору Шенну; бояринъ же повелѣ привести предъ себя, и повелѣ коня добраго привести жъ, такожъ и оружіе; однакожъ унижаетъ того юношу от такового страшнаго воина, чтобъ не вступалъ в такое великое дѣло. Савва же, по глаголу брата своего бѣса, ничтоже размышляя или бояся, выѣзжаетъ противу того страшнаго воина, и порази его с коня, и приводе его в полки своя. Савва же от всѣхъ похвалениъ бысть; бѣсъ же за нинѣ нося оружіе его. Во второй же день другій выѣзжаетъ славный воинъ, и проситъ из войска московскаго противника себѣ. Савва же наки выѣзжаетъ противу того, такожъ и того поразилъ; людіе же зряще на него, вси удивляхуся храбрости его. В третій же день выѣзжаетъ из Смоленска славный воинъ начо цорвыхъ, и прося из войска московскаго поединника себѣ; Савва же убоися вѣати противу того страшнаго воина, обаче по словеси брата своего бѣса немедленно выѣзжаетъ противу того воина. И абіе той воинъ с простию напустивъ с копенъ на Савву, и узави его в лѣвое стогно; Савва же исправися, нагнасть воина того и убиваетъ его. Егда же убивъ его, и с коня сверже, и привезе его в таборъ свой, в російское войско; и всѣмъ во удивленіе привезе. Потомъ начаша из града Смоленска вылоски выходить, и с войскомъ московскимъ сразнишася, свалившимъ босиъ битися начаша; Савва же с братомъ своимъ бѣсомъ с одного крыла восваху, и толь бесчисленно Поляковъ побивающе, сами же ничѣмъ невредимы.

Слышавъ же бояринъ о храбрости юноши того, и не возможе любви своей скрыти в сердцѣ своемъ, повелѣ Савву к шатру своему призвати, и глагола ему: возвѣждь ми, юноша, коего ты роду и чей смир?

Савва же повѣда ему, яко из Казани купца Фомы Груцина смиръ; бояринъ же нача глаголати ему, и всякими весѣлыми словами поносити его: какъ ти нужда в таковой смертной случай привлече сюда? азъ убо знаю отца (и) сродниковъ твоихъ, яко бесчисленное богатство имѣють у себе: ты же от кого гонимъ, или скудости ради оставя родителей своихъ, сѣмо пришесть еси? Азъ тебѣ глаголю: не буди адѣ, ни в домъ родителей своихъ, и тамо во всякомъ благополучіи пробывай; аще не послушаши мене, яко адѣ будеши, то без всякаго милосордія волю голову твою отъяти.

Савва же слышавъ от боярина, отъиде со многою печалію; бѣсъ же Саввѣ рече: Чтѣ убо печалишися, брато, о сомѣ? Аще негодна твоя служба явися адѣсь, поведемъ к Москвѣ и тамо пробываемъ. Отъидоша вскорѣ от Смоленска в Москву, и прашаста в дому того жъ сотника Шилова. Бѣсъ же в донь пребываше с Саввою, к ночи же отходить во свои адскія жилища, идѣже обычай оказанный нѣтъ пребывать. Немало же зрениа минувшу, абіе разболѣвся Савва, и болѣзнь его тяжка бѣ зѣло, яко быти ему близ смерти. Жена же сотника онаго, благоразумна сущи и бояся Бога, всякое попеченіе и приложеніе нѣтъ о немъ, глаголаше ему многожды, дабы вогѣлъ призвати к себѣ іерея исповѣдати грѣхи своя и причаститися святыхъ таинъ, глагола ему: видиши ли ты, Савво, яко такко скорбаша, и висзану в той лютой скорби и без покаяніа умрети имаша? Савва же отрицася: яко и тяжка ми есть скорбь, но ивѣсть сія болѣзнь к смерти. И день от дне болѣзнь его тяжчайше бысть. Жена же оная неотступно привуждая Савву да покается; Савва же много отрицася, глаголя: яко не имамъ умрети. Егда привужденъ Савва от боголюбивыя той жены, и повелѣ призвати к себѣ іерея; жена же оная скоро посылаетъ ко храму святаго Николая, что нарицаемаго Во рвахъ, повелѣваетъ привести священника. Священникъ же нимало замѣшкавъ, притече к болящему. Бѣ бо свя-

щенникъ той престарѣлъ многи лѣты, и мужъ иску-
сень и богобоязливъ зѣло; начать молитвы покаянныя
глаголати, якоже обычай, и повелѣтъ людямъ своимъ изъ
храма ийти, и начать исповѣдати Савву; и се вно-
заву зрѣти Савву входящихъ въ храмину толпу великую
бѣсовъ; любезный же братъ его бѣсъ приде съ ни-
ми жъ, уже не человѣческимъ образомъ, но существен-
нымъ своимъ зѣбрымъ образомъ, и ставъ позади
оныхъ толпы бѣсовскія, и воли на Савву ярилося, и
зубы скрежуще, показуя ему у Соли Канской, и гла-
голя ему: Зриши ли, клятвенпреступниче, что есть
сѣя? Ты бо писалъ; яко поканиемъ самъ отбыти хо-
щеша отъ насъ? но убо не мни того: азъ убо всею
силою подвинуся на тя. Такожъ и протчіи бѣси
иного неподобна глаголаху. Савва же видѣ ихъ, ово
ужасеся, ово надѣющеся на волю Божию, и вся доб-
ро и подробну исповѣда грѣхъ своихъ; священникъ же,
аще убо мужъ праведенъ бѣ, обаче убоися страха она-
го, понеже во храмиѣ той, кроиѣ болнаго, никого
не баше; помысливъ оный великій шумъ отъ бѣсов-
скія оныхъ силъ, и съ нуждою великою исповѣда бол-
наго, отъиде въ домъ свой, никому же сѣ повѣдавъ.
По исповѣдѣ той, нападе на Савву духъ нечистый, и
начать немилостивно мучить его: ово об стѣну бѣ-
ше, ово о полъ с одра его метал, ово же хрѣпле-
ніемъ и пѣною давлѣше его. Боголюбивый же той
мужъ, сотникъ Яковъ Шиловъ, со благопральною же-
ною своею, видѣше на юношѣ такое дѣволское на-
паденіе, велики тужаше по немъ и стоваху сердцы
своими, но никакже помощи ему дати возмогаша. Бѣ-
са же день отъ дню на болнаго нападающе, люто му-
чаша его, и всѣмъ предстоящимъ тутъ отъ мученія
оного немалъ ужасъ имѣли.

Господинъ же дому того, видѣвъ на юноши такуюю
необычную скорбь, и вѣдая, яко юноша той знаеиъ и
самому царю храбрости ради его, и помышляше съ
женою своею, како бы возвѣстити о немъ царю? Баше
же сродница ихъ въ домъ царевъ; и сія помышля-
юще, посылаетъ немедленно жену свою ко оной сро-

дницѣ своей, и повелѣваетъ ей немедленно возвѣсти-
ти о немъ царю, и рече: Когда юноша въ такомъ
случаѣ умреть, а ны за невозвѣщеніе отъ царя иста-
заны будемъ. Жена же его немалю иѣшказъ, скоро
потече, к сродницѣ своей, и вся повелѣнная ей отъ
мужа подробну сказа; сродница же она, слышавъ та-
ковыя глаголы, умилса душою во юношѣ, вачо (же?)
скорбяше о сродникахъ своихъ, да вправду за невоз-
вѣщеніе отъ царя наказаны будутъ; скоро вонде изъ
дому своего до полаты царовой, и возвѣщаетъ всѣмъ
ближнимъ, сиклиту цареву, и не во многѣ времена
внушается и саму царю о семъ. Царь же, слышавъ о
юношѣ ономъ такое аломученіе, милосердова о немъ
и повелѣваетъ посылати к болному юноши караулъ
по два человека, да надзирають опасно юношу того, и
хранити, дабы отъ онаго бѣсовскаго мученія во огнь
или в воду не свергнулся. Благочестивый же царь
посылаетъ к болному нищу по вся дни и повелѣ-
ваетъ, ежели болный здравъ будетъ, возвѣстити собѣ.
И тако бывшу болному въ такомъ бѣсовскомъ том-
леніи немалю время, иѣсяца Іюлія въ 30 день юноша
той необычно отъ бѣсовъ утоленъ бысть, абіе за-
снувъ мало, начать глаголати, яко на лѣвѣ, и заліи свои
слезы, сице рече: О всемилостивая госноже царице
Богородице! помилуй, владычице! не солгу, царице:
вся исполню, елико обѣщаша тебѣ! Домашніи же и
караульнички, слышаху отъ болнаго такovyя глаголы,
всѣ удивившася и глаголюще, яко иѣкое видѣніе ви-
дѣхъ (видѣ) болный. Егда же Савва отъ сна возбуди-
ся, приступи к нему сотникъ со всѣми домашни-
ми своими, и рече: Повѣдай ми, господине, слово,
что такovyя глаголы со слезами во сѣбѣ реклъ еси!
Савва же наки нача плакати, лице свое слезами омы-
вати, и глаголя: Видѣхъ бо к одру моему пришед-
шу жену иѣкую, свѣтолѣбну сущу, мосящу ризу ба-
гриану, и два мужа с нею пришедша, сѣднаними укра-
шенна: одинъ убо во одеждѣ архіеровской, другій же
во апостолскомъ одѣвнн; и мню быти убо жену пре-
святую Богородицу, мужей тѣхъ — единаго наперсткниа

Юванна Богослова, втораго же неусыпаемаго стража нашего града Москвы, преславнаго архіерея Божіа Петра митрополита: они же (понеже?) подобныя образы ихъ добре знаи. И рече ни свѣтолѣнная оная жена: что ты (ти) есть, Савво, тако скорбѣти? Азъ же рече ей: скорблю, владычице, яко прогнѣвахъ Сына твоего и Бога моего, и тебя, всемилолюбивѣйшую заступницу роду Христіанскому. Она же озлобися (осклабися), рече ни: что убо нынѣ можеша ли, како тебѣ избыти скорби сея, и како ты выручѣши тебѣ писаніе твое от ада? Азъ же рече ей: не могу, аще ли помощію Сына твоего, и твоєю помощію и молитвою! Оная жъ жена рече ни: Азъ убо умолю Сына своего и Бога; токмо единъ глаголь мой исполни; аще ли тако сотвориши, азъ избавлю тя отъ бѣды сія: хочещи ли вноукъ быти? Азъ же мольбными глаголы глаголахъ ей во снѣ, еже и вы слышасте. Она же наки рече ни: слыши, Савво, егда приспѣетъ праздникъ явленія образа моего, еже в Казани явѣся, ты же приди во храмъ мой, яко на площади у Ветошнаго раду: и азъ предъ образомъ моимъ и предъ всѣми народомъ чудо явлю на тебя. И сія изрече, невидана бысть.

Сіа рѣчи сотникъ слышитъ отъ Саввы, и абіе наки посылаетъ жену свою къ вышеписанной сродницѣ, дабы она возвѣстила царю бывшее чудо о юношѣ. Егда царь услышавъ, наче перваго сожалѣя о немъ, и повелѣваетъ смотрѣти надъ нимъ крѣпко. Егда же приспѣвшу празднику, мѣсяца Іюліа в 8 день, явленія чудотворными иконами Пресвятыя Богородицы Казанскія, и тогда по обычаю поиде самъ царь в воскресный ходъ до святой церкви Казанскія Богородицы, что на площади у Ветошнаго Раду; а болнаго Савву повелѣтъ привести на ковръ в тою церковь, и повелѣтъ положить

предъ образомъ Пресвятыя Богородицы. Посланнаго же отъ царя скоро привесоша болнаго и положиша его в той церкви. Егда же начаша пѣти херувимскую пѣснь, и тогда бысть гласъ в слышаніе всѣмъ: Савво, что медлиши? Востани и приими свое богоотметное писаніе, что далъ еси на себя сатавѣ! Тогда Савва восприашуъ скоро с одра того, и от болѣзни своея яко от сна возбудился, ничѣмъ же вредимъ; и скоро прииде ко святому образу Пресвятыя Богородицы, и наде на землю, нача молитися со слезами и глагола: О всемилолюбивая госпоже Пресвятая Богородице Дѣво! ты миѣ помози, грѣшному и окаянному и недостойному рабу твоему, яко прогнѣвахъ Господа моего, и Сына твоего, и тебе, всемилолюбивѣйшую Пречистую Богородицу Дѣву! И сія изрече, Савво видѣти своими очесами свое рукописаніе падше свѣрхъ той церкви предъ образомъ Пресвятыя Богородицы, и все на немъ заглажено, яко некогда же писано бысть. И вземъ сіе Савва с радостію, еще же ему по вторіа гласъ бысть: Савво, исполни обѣщаніе свое, и к тому не согрѣшай! Тогда видѣвъ благочестивый царь Михаила Федоровичъ вся Россіа, прослави Бога и Пресвятую его Богоматерь; и начаша молебствовать всѣмъ соборомъ Пресвятѣй Дѣвѣ владычицѣ Богородицѣ Казанской. Потомъ же Савва вопрошенъ бысть царемъ о явленіи чудесн; Савва же сказа царю всю истинную, и постриженъ бысть в иноческій чинъ Филаретомъ патріархомъ, и пребысть в Чюдовомъ монастырѣ до скончанія живота своего, в постѣ и в молитвахъ, угождаа Господу Богу и провождаа житіе свое о Господѣ нашемъ Исусѣ Христѣ, ему же слава, честь и держава со безначальнымъ его Отцомъ и святымъ и благимъ и животворящимъ его Духомъ, мынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Повѣсть эта чрезвычайно драгоценная по сохраненнымъ въ ней чертамъ вѣрованій, нравовъ, домашняго быта XVII столѣтія, по самой основѣ содержанія есть сколокъ съ повѣсти о Евладіи, спасенномъ Василіемъ Великимъ. Приводимъ ее здѣсь для сравненія по списку XVIII в. сдѣланному въ Малороссіи, какъ показываютъ отбѣнки языка.

Баше мужъ в кесарійской странѣ: имя ему Сиклентіанъ; имѣше имѣнія много, ниже не бѣ числа: людей села, конѣ, и канонія дорогоцѣннаго; имѣше дочь одну, имя ей Керасія;—обрѣлъ онъ Богу, Божія бо бѣ обручница, да приметь изъ юна мншество; да послужитъ Богу до старости, в ноци сна не имѣюще, непрестанно Господу Богу служаще, да того ради спасутся отецъ и мати ея; веселихуся ангели Божіи о ней. Евладій баше бо мудръ и книженъ, егда же видѣлъ госпожу свою Керасію, желаше бо душа его и глаголаше в себѣ: како бы взялъ госпожу свою Керасію себѣ за жену? помысливъ себѣ: для мене не можетъ никтоже совокупити с мною, тилко дѣволъ! Азъ гладомъ себе продамъ дѣволу, и дѣволъ ми поможеть, да азъ возму Керасію себѣ за жену. Единаго часу поиде Евладій на распутиа, прииде къ нему дѣволъ, и рече ему: Евладіе, що тутъ робишь? Рече ему Евладій: господине, поможи ми Керасію совокупити во жену! Рече ему дѣволъ: азъ помогу ти ко твоей дѣвци приступити, но поиди ко господину нашему, Фарнагею, ко царю дѣволъскому. И написа ему словеса дѣволъская и научи его: протѣй словеса своя на вѣтри. И пришедши тамо глагола на вѣтеръ, и услышалъ великій дѣволъ Фарнагей, и посла своя слуги чотири, приидоша ко Евладію, поимше его со радостію великою, приведоша его ко Фарнагею; и видѣ его Евладій на престолѣ висоцѣ сядящаго, и множество дѣволовъ предъ нимъ стояху; вопроса его Фарнагей, рече: что

требуеш, Евладіе, от мене, или что у мене хочеш? Евладій умиленимъ гласомъ отвѣща рече: господине! аще ми сотвориши, еже азъ тобою бихъ взялъ госпожу мою Керасію себѣ женою, и буду азъ господинъ в дому господина моего, азъ твой буду во вѣки! Фарнагей рече ему: ви, христіане, много жчете; егда вамъ нужно, тогда ви мене шчете; егда вамъ отрадно, тогда ви Христу послѣдуете, зане Христосъ милостивъ есть и прииметь васъ до себе знову, а ви много жчете; во запишися ми рукописаніемъ своимъ, аби еси мой былъ на вѣки, а я тобѣ сотворю ежели хочешъ взяти во жену; запиши рукописаніе свое и дай ми! Евладій написа свое рукописаніе и дасть в руки Фарнагею. Посла же Фарнагей слуги своя, рече: идѣте, пришедши же, обидѣте ю и ставте ю Евладіеву на любовь. Они же шедше и обидоша Керасію красною: во единъ день, видѣ Керасія своего играюще дозлѣбно и в радость пріять его; и в тую же ноцъ востужи велии и возмутися; тогда учувши тоо отецъ и мати ея, взяли ея с полати и рѣша ей тако: почто плачеш и тужиши, чадо мое? Подай ми руку свою, повѣжъ намъ, чего хочеш и чего такъ зѣло скорбиши и стонеш? Она же отвѣщающе рече: отче, отче и мати моя! Мужа требую! Егда слышавши Сиклентіанъ и мати ея сия словеса, усумнишася; молящеса и біющеся в лице свое, глаголюще со женою своею; кто угаси свѣтлую свѣщу во дому нашемъ! кто оборѣ церковь на земли, о ней же ангели веселилися Божіи! кто угаси лампаду церковную! Опамитайся, чадо мое милое! въ темній путь грядеш! Керасія ко отцу рече: отче, отче, помилуй мя, послушай, отче, мене: в тугахъ великихъ есмь днесь: дай ми мужа Евладія! Сиклентіанъ же рече: я и мати твоя надѣяхомся тебе ради спасенія и обратитися к Богу! Керасія рече: отче, аще не даси ми мужа Евладія, то горкою

смертію умру, и предамъ себе! Сиклитіанъ рече: о чадо, аще любишь сердце твое мужа, да объберемъ тебѣ человека прилична; а понеже естъ Евладій слуга нашъ! Егда услышавши тое Керасія и вѣлъ себе за горло, и крикнула: помилуй мя, отче, Евладія хощу взяти! Сиклитіанъ же собравъ бояре и дасть ей мужа Евладія, и предасть имъ все имѣніе свое; сами же Сиклитіанъ и жена его поидоша во манастирь.

Евладій же живяше со женою, но приходаше никогда же во церковь; она же чудилася, почто не ходитъ во церковь никогда же, глагола же ему: почто не ходитъ во церковь; онъ же проводъ лжию. Во единъ же день укориша болящихъ, (?) тако пріиде Керасія ко Евладію рече ему: аще не вийдешъ в церковь на утренице и вознешъ честніа дари, то азъ себе смерти продамъ. Евладій рече: яко на исповѣди ей сказа все порадѣ. Якоже слышавши Керасія и крикнула з великимъ воздыханіемъ, глагола: о горе мнѣ, Боже мой! не чухъ родителей своихъ и не слушала отца и матере; сама себе врагу предахъ! И стала кричащи и кривящася и біющася в лице свое, плачуще; и вѣийде во Капандокію, ко Великому Василію, глагола: помилуй мя, владыко! азъ себе сама врагу предахъ, и вѣрагъ тѣло мое одержитъ уже бо третое лѣто; помилуй мя, владыко, не послушашъ родителей своихъ, въ темній путь поидохъ. И исповѣсть ему всю истину. Василій же посла во Евладія и вопроси его ко Василію: право кажетъ жена твоя? Глагола приклони главу, рече: о владыко, право глаголетъ! Василій же прослезился, рече ему: како соблазнился еси, о человекъ! но ещо упрощиваю ти: хочещи возвратитися ко Христу Богу нашему? Евладій рече: владыко, аще бинъ хотѣлъ, но записался ему рукописаніемъ своимъ и предахъ въ руки дияволу. Василій рече: сице глаголю тебѣ: любитъ ли сердце да возвратившися ко Христу? Евладій же рече: много люблю, владыко, и молотися, егда како можеша мя от диявола вынати? Повѣтъ его Василій за десную руку и воведо его в келію, и затвори его в келіи, и пребысть три дни! Василій же непреставно у престола во церквѣ стояше и молящася Господу Богу за Евладія и Керасію: живъ Богъ мой, но извѣду от церкви, дидеже не узру мужа своего Евладія како

ся обратитъ, не вкушаючи хлѣба ни воды! По трехъ дняхъ пріиде Василій и отвори дверь, и вопроситъ, рече: что творишь, Евладіе? Онъ же отвѣщавъ, рече: хлѣ естъ, владыко: прихожають бѣсово, біють мя и стрѣляютъ мя! Василій же ясти и пити воды мало дасть ему, и наки затвори его в келіи; пребысть знову три днѣ; и наки по трехъ дняхъ пріиде и вопроси его глагола; како еси, Евладіе? Онъ же рече: владыко! обоуду мя стоять и караютъ мя и приближаются ко мнѣ! И дасть ему мало ясти и пити; и наки затвори его, и знову пребысть три днѣ. Василій же непреставно у престола молящася Господеви с Керасією женою его; и наки по трехъ дняхъ пріиде до келіи, вопроси его глагола; како еси, Евладіе? Онъ же отвѣщавъ и рече: слышашъ, о владыко, гласъ ихъ, а не вижу! Тогда Василій возрадовася; и призванши вся люди тысящъ з (6); святій же Василій рече ко людемъ: о друзи и братіа! единое очю заблудило от стада Христова; помозѣте мнѣ, братіа, где како отыѣмѣтъ от волка! И сказа мнѣ всю истину, и дадо его мнѣ; они же, взявше Евладія за руку и ведоша его во церковь; и вси люде пояху единогласно: Господи помилуй! творяще, и руки своя зносаще; позрѣвъ же Евладій ко горѣ и видѣ дияволовъ много; и рече: о владыко, держи мя мощно: возмутъ мя дияволы! Василій възять его под руку, и рече: о проклатіи дияволы! како вы снѣете образъ Божій и крещеніе Божію из руки моеи исхитити? Дияволу силній! не чини мнѣ пакости; насилию не озмещи! Запе того дне вси великимъ страхомъ одержани бяху, ови кривящася лица своя, біющася о землю, а другіи главою біющася о камень, ко Богу; вопіяху вси: Господи помилуй тварь, еже рукою своею, не презри моленію рабъ твоихъ! Тогда разрушися і спадеть рукописаніе Евладіево, и знавшолъ мнѣсть той святій Василій, и възять рукописаніе, и дасть Евладіеви. Звасешъ ли ти, что сіе естъ? Евладій же рече: то естъ, владыко, мое рукописаніе, щомъ ему записался дияволу? И уведеть его святій Василій во церковь, и освятилъ водою священною, и предасть его женѣ его Керасіи; и благослови ихъ, и з благословеніемъ отпусти святій. Богу нашему слава во вѣки вѣкомъ, аминь.

ПОВѢСТЬ
О ПРЕСВИТЕРѢ ТИМОФЕѢ.

1911

1912

ПОВѢСТЬ

О ПРЕСВИТЕРѢ ТИМОФЕѢ.

СЛОВО О ПРЕСВИТЕРѢ ТИМОФЕѢ ЕПЛЕШЪЯХЪ И ТАЖЕХЪ ГРѢХЪ.

(По списку XVII в. доставленна А. М. Лазаревскими.)

Бысть в великомъ княженіи Россійскія земли при великомъ князе Іоаннѣ Васильевиче і при святѣйшемъ Филиппе митрополите во градѣ Владимирѣ презвитерьскій, именемъ Тимофеей. Случися ему быти по Божію поущенію сидевый грѣхъ на пагубу души его. В первую оубо недѣлю волкаго носта обмчалъ имуть православнн христіане боголюбивн мужие и жоны и младыя дѣти поститися во всю недѣлю и ко отцу духовному на поканіе приходити, и прінимати тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа. Такожде и к сему попу прииде нѣкая дѣвица на исповѣданіе грѣховъ своихъ, тѣло прекрасна, дщи нѣкоего богата мужа и славна града того, и бывшимъ имъ наединѣ во церкви святѣй, и начатъ презвитера діаволъ разжигати на ню неосутолимоу похотию. Попъ же Тимофеей не могн терпѣти злаго сего разгорѣнія плоти своея и падеся с нею в церкви святѣй, не убоися суда Божія, и сотвори съ нею той грѣхъ, и оубояся изыманія себе, и побѣже из церкви в домъ свой. Девнца же повде вонъ из церкви, плачсая и рыдая своего грѣха, что пался с нею іерей во церкви Божіи. Попъ же оутаяся всѣхъ людей, ту сущихъ, и осѣдла коня своего, и пренѣвъ образъ свой поповскій, и облечеся в воннскую одежду, и не явсая жонѣ своей, ни дѣтиамъ своимъ, и всѣде на

коня своего, и скоро погна вонъ из града своего, бѣжа на чюжую страну поганую, землю татарскую, в Казань. И тамо во орду прибѣжавъ, и дадеся царю казанскому Маноею служити, и отворжеса вѣры христіанскія, и священнической чинъ поправъ, и бусорманскую вѣру пріять, поня за себя двѣ женѣ. Охъ оузы, первое былъ чиститель и говѣннъ священникъ и предста- тель престолу владычню и споручникъ грѣшнымъ душамъ; а потомъ бысть золь губитель и лють кровопи- вца христіаномъ, и воевода в Казани храбръ бысть, и часто посмалая его царь с татары своими рускія земли воевати. И живаше тамо тридесать лѣтъ в Казани царю служа и обогатися велми. Богъ же по хотяи смерти грѣшнику, но обратитися и живу быти ему, восхотѣ же и сего в первое благочестіе привести. По времени же посла его царь на то же дѣло, якоже и прежде беззаконное, во еже пролияти кровь рускія земли; онъ же иде по словеса царя и повоева страну рускую и оулусы, и возвратися в Казань с великимъ по- лономъ. Идущу же ему чистымъ полемъ от Казани, и пу- стивъ полки свои на предся, а самъ же единъ остана, ору- дия ради нѣкоего. Видущу же ему на конѣ своемъ в по- лудни, носю полка своего далече, и воспоминувъ грѣхъ согрѣшонія своего, і нача пѣти оумилно красныи стихъ

любимым пречистой Богородице: о тебѣ радуется, благодатная, всякая тварь! Тогда же послыша бѣжанин из Казани отрокъ плѣнникъ ибѣй: лежаше в дубровѣ три дни не ядши, но сторону пути того ждущу (ще) до колѣ ивѣсть вѣсь полкъ татарскій, да воставъ от мѣста своего, накі побѣжитъ путемъ на Русь, но блюдеся; и воставъ от лежанія своего, и минитъ поющаго стихъ быти русскимъ челоукомъ, и радостенъ бысть, не устрашился изыде, и потече из дубравы на путь, и явился ему, оказивому варвару, бывшему прежде попу. Онъ же отрока видѣвъ ярыма очима, похвятивъ нощь свой нагъ, и хотѣвъ отроку отсѣчи главу, плѣнникъ же наде на землю горкими слезами милости прося, да не убиенъ будетъ от него. Сказа ему о себѣ яко же плѣнникъ есть русскія земли, бѣжа из Казани на Русь, и слышавъ тебе поющаго стихъ русскій пресвятая Богородицы, еже любимый всѣхъ, оу насъ же его поють честно на Руси, славятъ же пресвятую Богородицу нашу и молитвенницу и заступницу о душахъ нашихъ, чая же тебо быти руссина, и явился лицу твоему, не убоися тебе. Преступникъ же той оуслышавъ и жестокое свое оказивое сердце во умиленіе преложи, и нача великимъ гласомъ жалостно и радостно плакати, и шедъ с коня своего, и нача землю мочити слезами своими на много чась; яко же устрашится отроку тому, и зналъ отбѣже от него, и дивится в себѣ что сіе таково бысть; бѣ убо и отрокъ сей грамотенъ же, и плакася от полудни до вечера, дондеже премоуче гортань его. И обвечери со отрокомъ, и сна до оутра на травѣ, и давъ отроку нѣчто мало сѣсти; сам же ничто же вкус. Плѣнникъ нача вопрошати его: повѣждь ми, что се, господине, есть, и что печаль твоа, прочто тако горко плачешиса? повѣждь ми своему рабу! Онъ же, оутѣшився мало от плача своего и в себѣ пришедъ, и вса отроку кышероченная повѣда: яко попъ бѣ на Руси былъ осми. Плѣнникъ же обѣщаваше его на покаяніе обратитиса, яко Господь Богъ нашъ милостивъ и кающихся от грѣхъ своихъ прїимаетъ; молю тя, не отчаявай своего спасенія. Онъ же рече отроку: заклинаю тя Бо-

гомъ вышнимъ Исусомъ Христомъ Сыномъ Божиимъ, пришедшему (дшннѣ) в миръ грѣшныи спасти, да сотвориши ми любовь Христову; иди отсюду без болзни к Москве, и пришедъ возвѣсти о миѣ грѣшнѣмъ святѣйшему митрополиту Филиппу, еже сказахъ ти: есть ли таково грѣшнику прощеніе? Онъ же да печалуется о миѣ великому князю, дабы ми просталъ во всеи азѣ ноemy, еже сотворихъ, многа лѣта землю его христіанскую пустошилъ; да рукописаниемъ бы прощеніе написавъ, и за двема печатна запечатавъ великаго князя печатью да своею митрополичью, да тако вѣру ми, и во двою мѣсяцу прислалъ бы ми с тобою на сіе мѣсто; те с радостію и без сомнѣнія к Москве из Казани прїиду и отиду в монастырь плакатися грѣховъ своихъ. Ты же, мой милый брате, потрудися о миѣ всѣмъ сердцемъ, Бога ради и безлестно, да подасть тебѣ Господь Богъ мноу, труда твоего ради, аще за ми потрудишиса, иду во царствїа небеснѣхъ. И одари отрока сребромъ, поне мало; и общася ему отрокъ истинно и неложно послушавіе сотворити. Воставъ же заутра, такожде много плакався бусорманъ, и цѣловастася во оуста, и разѣхашася оба. Отпустивъ же отрока к Руси, а самъ к Казани за полкомъ борзо ногна. Отрокъ же к Москве пришедъ и скоро возвѣсти святѣйшему митрополиту Филиппу, еже о бусорманѣ бывшемъ погнѣ; истинный же настырь Христовъ неложный в той же чась шедъ в полату, и возвѣсти сыну своему духовному великому князю Іоанну Васильевичю; князь же и митрополитъ оудивися о семъ, и в размышленїи надолѣ быста, и призваста отрока пред се и во вопрошающа его: аще тако есть? Отрокъ же такожде имъ сказа. И помянуша евангелское слово реченное: аще изведеши достойнаго от недостойнства, яко оуста нощ будеши. Совѣтовавъ же князь и митрополитъ, и написавше грамоту, и запечатавшѣ двема печатна, и послаша со отрокомъ к бусорману тому, показавше взати его, дабы шель и Москве без болзни, и да будетъ служба великому князю. Наставшу же третнему мѣсяцу, плѣнникъ же тѣшася без лести любовь Христову сотворити и тако

итти; те оубо есть истинная любовь Христова, да кто положить душу свою за друга своего. И иде полемъ многіа дни до оуроченаго мѣста, и нощѣ на срокъ свой; и ждалше его два дни ту, и пришедъ, и мѣтъ яко не будетъ ту, онъ же в третій день такожде прилѣжно снотряше его право к Казани на горѣ высоцѣ, на древо возлѣзе; и се гнаше полемъ одинъ человекъ от Казани на дву скорыхъ конѣхъ, к мѣсту снѣша велики. Отрокъ же позна, яко той есть другъ его бусорманъ, и знагъ испушаша его, и скрився от него; онъ же прискочивъ на мѣсто, невидя отрока, чая его обогношася. Во оутрїй же день свержеся с коней своихъ на землю и плакашеся горко, яко и каменіе на плачь с нимъ подвижеся, и не можаше утѣшиться, в пятдесятъ бо лѣтъ верстосу смѣ вѣка своего; и абіе явися ему отрокъ же, в горы идя, онъ же видѣвъ его нададеча грядуща к себѣ, и такожде позна его, и побѣже скоро противу его, и начатъ отрока целовати, глагола ему: о милый мой и любямый друже истинный! что ти воздашь, вѣрный мой посланниче, за великіа труды твои, еже к поганому мѣ бусорману сотворилъ еси любовь Христову? Отрокъ же вземъ грамоту и даде ему за двѣна печатни. Бусорманъ же прочетъ грамоту со слезами многими, вопиаше мытаревымъ гласомъ: Боже милостивъ, буди мѣ грѣшному преступнику! Боже, очисти грѣхи моя и помилуй мя! И простеръ руцѣ и рече: Боже всещедрый и благосердый! благодарю тя, человеколюбче, грѣшныхъ милостиве, яко сподобилъ мя еси окаяннаго и многогрѣшнаго от начального пастыря прощеніе

прїати и абіе внезапно паде на землю! И бысть мертвъ и нозѣ свои простеръ яко живъ. Отрокъ же во ужасѣ бысть на долзи, и разумѣвъ истинно, яко умеръ есть, и ископавъ землю, и погребе его ту со слезамъ, снятъ с него драгїа ризы, воинскую одежду, и облоچه его, во смиренныя ризы, и нощъ ту проспавъ оу гроба тимоеѣва. Онъ же явися ему во снѣ, благодареніе воздая ему: яко тебе ради прїахъ от Бога прощеніе грѣховъ своихъ и царствїю небесному причастникъ быти. И глагола ему: возми коня моя со всѣмъ, еже на нихъ, за труды своя, и иди отсюду, поминай мене до живота своего милостивею и приношенїемъ еже к церквямъ Божиимъ. Отрокъ же на утрїй день воста и простився оу гроба его, и взя драгїа кони тимоеѣвы со всею драгою збруею, и обрѣте на нихъ полны басмаги великіа золота, и сребра, и каменїа драгата, и всѣдъ на нихъ, и поѣде радуся и веселися, и прїѣхавъ в Москву, и вся подробну исповѣдавъ еже о Тимоѣѣ случившее великому князю и митрополиту: яко умре и погребенъ бысть от мене. И оставшася тимоеѣва вся показа имъ. Князь же и митрополитъ удивившася о семъ и прославиша Бога, и о томъ разсудиша в правду, яко прїахъ Богъ со слезами покаяніе его, и очистися от грѣха, и душа его спасеся; отроку же тому все отдаша взятое у Тимоѣѣа богатство, еще же и земли ему оудѣломъ удѣлиша. Сїе же написа на ползу слышавшихъ и прочитающихъ, да не отлучатся своего спасенїа Богу нашему.

ЛЕГЕНДЫ

О БЪСОВСКИХЪ ИСКУШЕНІЯХЪ.

THE HISTORY OF THE

ROYAL SOCIETY OF LONDON

I.

О БЪСОВСКОМЪ ПИСАНІИ.

ПОВѢСТЬ О СТАРЧЕСТВѢ СЪ ДВОИ БРАТНАХЪ СВЯТЫХЪ СЪ ДИВНАГО ЖИТІЯ ХРИСТА РАДИ.

(Илліер. Публ. Библ. Подод. древлехр. № 1510.)

Два мнѣха совѣщашася во имя Христова оудалитися от мѣста нирскаго; нмѣше же одинъ отроча мало, нже во плоти снмъ ему. І егда нмдоша в пустыню и сотвориша себѣ хижицы, носѣщенія ради духовнаго, бесѣдоваху чрезъ недѣлю, і егда отроча в разумѣ бѣ, отцу же во обычаю с братомъ о духовнѣ бесѣдующемъ, и по нмѣ созрѣвшася на житейска нвещи: како в нрѣ жнша, и оуже житейской повѣсти продолжатися, и абіе в забвеніи бѣста, и житейскою повѣстію нмдоша в празнословіе, и доволно о нхъ неподобныхъ бесѣдующимъ нхъ, одинъ от нхъ в чюство прнше, другому глагола: о брате, согрѣшихомъ предъ сотворшнмъ насъ, ако обѣщавомся ему; что ннѣ говорнмъ о непотребныхъ, отрехохомся. И абіе прослезнотася оба и начаша другъ ко другу прощеніе творнті по отеческому преданію. Тогда юноша, нже бѣ одному снмъ, безстыдно возснѣася; отецъ же его зѣло возлютнса на нъ, хотя его сокрушнтн; отрочъ же оужасеся гнѣва, опуснѣ лицемъ; другій же мннхъ разсуждая ему, да не сокрушнтъ отроча, и по мале оувнща; отецъ же нача нспытатн и с любовью воврашнватн, да повѣсть нмъ: чесо ради в безчннство вдася вскорѣ в чему безстыдно оуднненъ возснѣася? Отрочъ же от страха отца своего едва возможе сказатн нмъ, бѣ бо виднне нмѣ: егда рече, глаголаста мннсі о законѣ Господнн, и о апостольской проповѣдн, и о

подвнзѣхъ отеческихъ, тогда нмѣ отрочъ дву ангеловъ божннхъ свѣтлыхъ зѣло, бесѣдующнхъ тапно со мннхн во оушн нравнх; егда оставнста мннсі повѣствованія духовная и начаста бесѣдоватн о житейскихъ, тогда ангелн божнн нмдоша от нхъ из колнн нхъ и нмдоста два бѣса ко мннхомъ тѣмъ, а нже о житейскихъ онн вѣщаху, бѣси на харатнхъ реченія нхъ ннсаху, и одинъ бѣсъ ко одному мннху, а другій ко другому в лѣвнх оушн тапно шенчюще, и егда нннсаху бѣси харатн, тогда на себе начаша ннсатн, еже глаголаша мннхн, и оуже ннсаніемъ нннсашася бѣси, еже не остатнса просту нѣсту на нхъ; и егда мннсі в разумѣ прндоша и къ Богу каевшеся, еже согрѣвшнша в празнословіи, и сотворше другъ ко другу прощеніе, тогда харатн оу бѣсовъ загорѣшася и ннсаніе, еже бѣси на составѣхъ свонхъ ннсаша, загорѣся, и нача пламень бѣсовъ от прощенія старча палнтн, бѣси же от пламени вострепеташа, не могуще терпѣтн зжженія, скачюще по колнн, вопнлаху с плачемъ горнннхъ: охъ намъ оузы! самн себе погубнхомъ! Отрочъ же скаканію нхъ, и трепетанію, и горкому стонанію возснѣася. Снѣ слышавше мннсі, зѣло во умнленіе нмдоша, и оттолѣ во страхъ божнн покнша, не смѣюще празнословія творнті, во точію на духовное бесѣдованіе схождахуся, і о семъ опасно глаголаху: ннѣ и прнсно и во вѣкн вѣкомъ, а нннѣ.

II.

О П Л Я Ш У Щ Е М Ъ Б Ъ С Ъ .

(Изпер. Публ. Библи. т. 3, № 15 рук. XVI в.)

Слышахъ отъ нѣкогого старца: яко нѣкогда сѣдѣшу
ми в' колѣнъ своей и дѣлаюшу ми руководѣнїя, и поюхъ
псалтырь изъ устъ, и видѣвъ отрока, влѣзша дверцами
монни, срочивша в' скорпашь одежи; и ставъ предо
мною, нача влѣсати. Понеже подъ псалтырь дремахъ. И
рече ми: старче! добро ли и пляшу? и ваки рече: го-
рѣдѣ ли ти еси и како пляшу? И не отвѣщавшу ми
ничтоже к' нему, глагола ми мнѣный: калугере! велико
дѣло творшиши твоего житїя; но понеже с' лѣностию по-
читаеши псалтырь и близнишися в' псалтѣ, того
ради дерзнухъ к' ти внити. Азъ, рече, востахъ, покло-
нихся Богу и начахъ глаголати: да воскреснетъ Богъ;
и ту абїе изчезе. Да се вѣдуще, братїе, со вниманїемъ
почитайте псалтырь.

III.

О БЪСЪ ЗЕРЕФЕРЪ.

(Шипер. Публ. Библ. Поход. дресмтр. № 1500 рук. конца XV или XVI в.)

Нѣкій отъ святыхъ старецъ великъ и прозорливъ, президеъ бѣсовская искушенія, къ тому ни во что же коварства ихъ виѣнаше, но бѣ зря чюственѣи и ангелы и бѣсы: како некутъ о чюлвѣчестѣи жизни, кождо ихъ подвизающе обращати ихъ къ своей части; сице же великъ бѣ в добродѣтелехъ, яко досаждати и ругатися нечистымъ духомъ, множицею и оскорбляти ихъ, воспоминавъ тѣмъ же отъ небесе низверженіе и будущее имъ во огни мученіе; тѣмъ же и бѣси другъ другу хваллаху старца онаго великаго; яко никтоже отъ насъ сѣбя отъ имъ приближитися къ нему, зане приняти ему великое и свершенное безстрастіе, обоживши духомъ святымъ. Яко оубо имъ сице бывшимъ, одинъ отъ бѣсовъ глагола къ другому; брате Зереферъ! — се бѣ има бѣсу тому — оубо аще кто отъ насъ покается, приметъ ли его в покаяніе Богъ или ни? Онъ же къ нему отвѣща: то кто сіе вѣсть. Зереферъ же: хочещи ли, рече, се иду къ великому оному старцу и искушу его о семъ? Онъ же: иди, рече, но блюди, понеже старецъ прозорливъ есть и разумѣетъ твоє лукавство и не восхощетъ вопрошити Бога о семъ; обаче иди, еда како желаеши получиши. Тогда шедъ Зереферъ къ старцу и преобразивъ себе яко чюлвѣка, и начатъ плакати предъ нимъ и рыдати. Богъ же хотя показати, яко ни единого ви отъ

вращается хотащаго покаитися, но всѣхъ приимлетъ притекающихъ къ нему, не показа старцу совѣтъ бѣсовскій; но яко чюлвѣка сего зряше, а не яко бѣса; глагола къ нему старецъ: что тако рыдаа плачещи, чюлвѣче, сокрушай душу мою слезами своими? Бѣсъ же: азъ, о святый, иѣсь чюлвѣкъ, но бѣсъ, яко же мною, множества ради беззаконій моихъ! И старецъ: что хочещи да сотворю ти, брате? Имъ же бо старецъ, яко отъ многого смиренія себе бѣса нарицаеть, Богу не объявляшу ему бываемоє. Глагола бѣсъ: не о мною молю тя, о святый, развѣ да помолити Бога прилѣжно, яко да объявитъ: аще приметъ діавола в покаянію? да аще одного приметъ, то и мене приметъ, подобна тому діаволу сотворшу! Старецъ же: якоже хочещи, сотворю; обаче иди днесь в домъ свой и заутра приди, и рку ти: что о семъ повелитъ Богъ. И сему бывшу, вечеръ той въздѣвъ старецъ преподобѣи рудѣ свои къ чюлвѣколюбцу Богу показати ему: аще приимлетъ діавола, обращающагося к покаянію, и абіе ангелъ Господень предста ему яко молнія, и рече къ нему: сице глаголетъ Господь Богъ твой: что яко молиши мою държаву о бѣсѣ? ть лукавствомъ искушай тебе приде. И старецъ же: и како, рече, имъ Господь не откры бывшаго, но скры отъ мене еже не разумѣти? И анголь: да не смутишися, ро-

че, от вещи сей: смотриши бо бываетъ нѣкое дивно к
 молѣ согрѣшающимъ, яко да не отчаются согрѣшающемъ,
 яко ни от единого отвращается преславіи Богъ при-
 ходящаго к нему; аще и самый тѣ дѣволъ придетъ,
 подобнѣ же яко да явится симъ образомъ и бѣсовское
 жесточество и отчаяніе; егда же придетъ к тебѣ ис-
 кушай, да не соблазниши его испова, но рци ему
 сице: да вѣси, яко челоуѣколюбецъ Богъ николи же
 него отвращается приходящаго к нему, аще и дѣволъ
 будетъ; и се обѣщаль и тебе пріяти, но аще сохра-
 ниши повелѣніа от него. Егда придетъ все и речеть:
 и что есть повелѣніа от него? рци к нему: сице глаго-
 летъ Господь Богъ, вѣди ты кто еси и откуда придетъ
 искушай: ты бо еси древняя злоба, и древняя злоба
 нова добродѣтель быти не можеть; навикнувъ гордости
 своея; и како возможеша спиритися в покаяніе и обрѣ-
 сти милость? Но не внаши себѣ извѣтъ отвѣцати в день
 судный: яко хотѣхъ покаятися и не пріять мене Богъ.
 Смотри же глаголемыхъ: како хочещи показаніе начати.
 Сице глаголетъ Господь: сверши три гѣта на единомъ
 мѣстѣ стоа обращае к востокомъ, нощю и днью зы-
 ваа великѣмъ гласомъ: Боже, помилуй мя древнюю злобу!
 глагола сіе сто и пакн другое сто такоже глагола:
 Боже, помилуй мя мерзость заустѣніа! и пакн такоже:
 Боже, спаси мя помраченную прелесть! Сіа зываа к Гос-
 поду непрестанно, ибо не внаши тѣлесный сосудъ в тру-
 дно будетъ тебѣ, или изнеможеша. Егда же совершиши
 сіа со смиренномудріемъ, тогда пріять будеша в пер-
 выи твой чинъ и спричтеша се ангелы святыни Бо-
 жіини. Аще бо обѣщается сіа сотворити, пріими его в
 покаяніе; но вѣхъ, яко древнее зло ново добро быти не
 можеть. Навиши же сіа послѣднихъ родомъ яко не

отчаются хотященъ покаятися; зѣло бо оувѣрати от сея
 главизны челоуѣци оудобъ не отчатыся своего спасе-
 ніа. Сіа рекъ ангелъ ко старцу, зыде на небо абіе.
 Оутру же бывшу пріиде и начатъ издалоча рыдаа пла-
 кати и к старцу пріидеъ поклонися; старецъ же испер-
 на не обличи его, но во оуиѣ своенъ глаголаше: азѣ прі-
 иде, лжя, дѣволе, древнее зло, ядовитый змію вселука-
 выи; тачо глагола к нему: да вѣси, молнхъ Господа Бо-
 га моего, якоже обѣщашъ ти ся, и пріимлетъ тебе в по-
 кааніе, аще пріимеши аже мною заповѣдаеть тебѣ
 державный и всеслыный Богъ. Бѣсъ же: и что суть,
 рече, аже повелѣ Богъ сотворити мѣ? Старецъ же от-
 вѣща: заповѣдати тебѣ повелѣ Богъ сице: яко да стоиши
 на единомъ мѣстѣ 3 гѣта к востокомъ, зымаа во днн
 и в нощи: Боже помилуй мя древнее зло! глагола сіе
 числомъ сто, и пакн другое сто глагола: Боже помилуй
 мя мерзость заустѣніа! и пакн тоже число: Боже поми-
 луй мя помраченную прелесть! И егда сіа сотвориши,
 тогда спричтеша се ангелы Божіини, якоже преже.
 Зереферъ же лестный онъ покаяніа образъ отвергъ, во-
 снѣлся велии и глагола старцу: о калугере! азѣ аще
 быхъ хотѣлъ нареци себе древнюю злобу и мерзость
 заустѣніа и помраченную прелесть, преже и от начала
 се хотѣлъ сотворити и свастися; выиѣ же древнее зло
 не буди то азѣ, и кто се глаголетъ? Азѣ бо даже и до
 нынѣ днвенъ и славенъ бѣхъ, и вси бо аще повину-
 ются мнѣ, и азѣ самъ себе нареку мерзость заустѣ-
 ніа и помраченную прелесть! Никако, калугере! не
 буди то, яко да азѣ в таковое безчестіе себе всажу!
 Сіа рекъ дѣволъ, невидимъ бысть. Старецъ воставъ,
 благодараше Бога, глагола: во истинну глаголаа еси,
 Господи, яко древнее зло ново добро быти не можеть!

IV.

ОБЪ ИСКУШЕНІИ БЪСОМЪ СТАРЦА-СТРАННОЛЮБЦА.

(Шипер. Публ. Библи. Писод. древлегр. № 1500 рукоп. конца XV или XVI в.)

Бѣ нѣкій старецъ, имѣа страннопримство и прочіи добродѣтели; прилежа со тшавіемъ; ненавидѣа же добра діаволъ сего искусивъ трои великими искушеними, сирѣчь в чревообъяденіе, сребролюбіа желаніа, в ложное заклинаніе. Единую же прообразивъ себе діаволъ яко единаго нища и болна, приде ко старцу и толкну в двери его. Исшедъ старецъ по обычаю страннолюбіа, и видѣвъ его старецъ во оубозѣи ризѣи и от недуга изнемогша, и смѣ его за руку, и введе в вкелю и постелю и покое, елико мощно, ему сотвори. И по вшегда оупоконти его, вопроса его, и аще хоцетъ вкусити снѣдъ. Онъ же сперва не восхотѣ болести ради, но малѣ же часѣ паки проси у старца ясти и глагола: хощу, отче, да сотвориши о мнѣ милость: от мяса, егоже принесохъ, испекъ на огнѣ, принеси ми ясти; но не хощу, да дѣлному дася испещи е, но самъ своимъ рукама сіе сотвори, яко да твоимъ благословеніемъ от недуга свободюся! Бѣ бо діаволъ принеслъ мясо на прелщеніе старца. Вземъ же старецъ мясо и на части ссѣкъ, и прилѣжно мывъ, посоли, и начатъ поци, и в похотѣніе великое впаде старецъ, яко нѣкую часть вземъ снѣсти, емо и сотвори, прочее же привесе недужному, глагола: востани, чадо, и снѣждь; ода како возможеш! Онъ же воставъ и видѣ, яко нѣсть все мя-

со, но нѣкіа части от него снѣдены, начатъ пророковати старцу: се елико части бѣ мяса, мнѣ же не всѣ суть, но снѣлъ еси от нихъ! Старецъ же нача отрицати с клятвою, глагола: яко ничтоже снѣлъ. Яко оубо видѣ діаволъ, яко клятвою лжу сотвори, и хотя его во ннихъ уловити, смири вся, глагола: прости мя, отче, яко тако естъ, якоже реклъ еси; и разпрелстихся. Сотворивъ оубо у старца мало днѣи, и единою умолився к старцу, глагола: вѣси, отче, яко велику и богату родителю смѣ есмь азъ, и богатаго онаго сродникъ есмь. Ни я рече ему. Той же, по смерти отца моего, разграби имѣніе мое, и не имѣ (не имамъ) что сотворити ему; сице стражу, якоже мя видиши; но аще послушаеши мене, и тебе богата сотворю, и себе толкомъ нищеты свободю; и аще себе обогатиши, множайше страннолюбіе стяжеш. Онъ же страннолюбіа стрѣлюю увавися, обѣща: яко аще что хоцеш, сотворю. Онъ же рече: послѣдуй ми, сію бо ноцъ дарю ти злата много. Старецъ же вѣровавъ реченному, и послѣдова ему. И приведе его в домъ нѣкого богача, и отвезъ двора, и введе, и вшедъ оубо на горницу бѣсъ, идѣже бѣ злата много, и покаташе старцу на землю, послѣди верже блюдо велико, звоніемъ возбудиша всѣхъ, яко в дому, емо воставше и аша старца и многа раны возложиша на нь, в теницу

всадиша, яко да оутру бышу предасть его князю. Старецъ же многою скорбію одръжимъ быше в темници, промыслитъ же чловѣколюбца Бога, хотящаго всѣмъ спастися, приде бѣсъ паки ко старцу, глагола ему: не скорби, авва, понеже многи богатства исполню тя за се. Завтра бо аще ты ко князю приведуть, рца сице: яко сотворлетъ на чловѣкъ сей; азъ бо зодчій есмь и своии заемники здадохъ у него, и ничтожо от него вземъ, нывѣ же придохъ взяти изду мою, той же емь и всади на в темницу, и аще истину оувѣдати хочещи, послѣ в домъ его, и обрещещи орудіа моя: тослы же и сѣкеры и прочаа, и от сего познаеша, яко истину глаголю. Еже и бысть. Князь же слыша, абіе отпусти его. Вземъ же старецъ множество золота много и идше радуяся. Паки же на пути явися ему

діаволъ, глагола: аще и мало поскорбѣ, отчо, но имаша много золота. Плуцимъ же нмъ закупѣ, придоша до нѣкоего распутія, глагола діаволъ ко старцу: ты, оубо, чловѣче, снмъ путемъ хочещи пгн, азъ же другимъ; сѣдъ оубо, и раздѣлимъ золото. И сѣде діаволъ, сотвори три части; и глагола ему старецъ: како оубо, мы два суще, три части сотворилъ еси? Онъ же рече: двѣ оубо части нама обѣма, третія же изъѣдшему мясо. Старецъ же абіе с клятвою нача глаголати, яко азъ его снѣдохъ; поругасмъ бывъ старецъ от бѣса. Рекъ же к нему: иди, старче, в келію свою и молися Богови; понеже во убійство вложишъ ты! Старецъ же оставъ золото, и устыдѣвся бѣже в келію свою, паки вложи начало свое и⁽¹⁾ в первый свой чинъ.

⁽¹⁾ Здѣсь одно слово не разобрано.

V.

О БѢСОВСКОМЪ КНЯЗѢ ЛАЗІОНѢ.

СЛОВО СГО НИФОНТА О РУСЛЯНИХЪ.

(Руманц. Муз. № 188, рук. XIV в.)

Рече святыи Нифонтъ: якоже труба гласиши собираиеть волъ, молитва же творима совокупляиеть ангели Божии, а сопѣли, гусли, пѣсни непримѣныи, плясанья, плесканья собирають около себе студныи бѣсы, держай же сопѣлника, въ сласть любай гусли и пѣньи, плесканья и плясанья чтишь темнаго бѣса, иже жаляиеть и тпичишь пожрети весь миръ. Толку оубо благодать Богъ мви блаженному Нифонту, якоже зрѣти ісму всѣхъ сихъ душевными очима. Единною бо идущю ісму въ церковь Святыи Богородица во время пѣньи, и узрѣ на пути церковномъ, яко мнимо идаше единъ дѣмонъ, иже бѣше князь бѣсовскъ, оувылъ же и драхлъ, и съ нимъ 12 выихъ бѣсовъ. Слышавше же пѣсь церковную, и оужасошася, исполнишася зависти, и начаша повосити князю своему, глаголюще: видиши ли, како ти славится Ісусъ въ церкви от рабъ своихъ, се оубо поующе пѣсь Ісусъ Назарянина, вся вы помучили и оустрашили суть, и оуже побѣдени ісмы оканнѣ, и довелѣжо царь нашъ воюиеть съ нами, крѣпци побѣжаиеть крестьяны, и іегда же вооруживъшеся на Ісуса жиды и распяша, и Столѣ скрушена бысть сила наша, и не имать крѣпости, яко преже, связа бо нашого начальника Ісусъ Назарянинъ и всю силу его попра; и Столѣ погнбо нашъ царь и сила іего скрушися, и наша держава похоулена бысть. Да, что створивъ

скалннни! Поносящнхъ лукавыиъ бѣсомъ своіеиу князю, онъ же к нимъ рече: о семь ли іесте скорбни, иже слышнто Ісуса славнма въ церкви Мръннѣ? то мало вы о семь іесте печали; яко во время іедно о семь оскорбляють вы, а многожды же ннрскыи пѣснн славять вы; аще ли вы іесте со понзѣсто, то вождите, да вы покажю, иже начнуть васъ славнть, и вы обрадоватнся имате. И се князю ихъ путемъ нда глаголющю, и се человекъ срѣте м, скача съ сопѣли и с нимъ идаше множество народа, послушающе іего, нннн же плясаху и помху; и всѣхъ снхъ зрнще блаженныи, и ѿ іедногю мюрина связани оужемъ іединѣмъ, и влсконн въ слѣдъ сопѣлннка; и се узрѣвше бѣсы, възрадовашася радостью великою и начаша нтн прельщати народы; овы подвнзахуса плясати, и другимъ плескати вспѣвающю, съ нннн же и бѣсомъ пляшущнмъ и скачущнмъ, народн же не видяху бѣсовъ, тогмо блаженныи Нифонтъ. И се моужъ стоише, зря с полаты, пострѣчевъ ѿ бѣса, и повелѣ ставше ннъ предъ собою нграти и плясати, а другимъ пѣти и плескати, бѣсомъ оугоды творять, нземъ батыи (богатыи) сребреннцю, дасть сопѣлннку; онъ жо ю прнвнъ, вложи во чбагъ свой, бѣси же нземше сребреннцю нцпага (нз чпага) сопѣлннка, и послали ю с іедннѣмъ ѿ бѣсовъ ко отцю своіеиу сатанѣ въ без-

дну, глаголю: рци, шедъ, отцю нашему дьволу связаному тако Исусомъ Назаряниномъ; се ти жертву пусти юдинъ ѿ князь нарѣцаемый Лазронъ, жива боуди жертва твоа, отцо нашъ, мы бо твои исмы чада, и створихомъ водънгъ на супротивнымъ намъ крестымъ. И нво много рекше, даша ему сребро и нѣдъ, юже ннъ даваху багатнн и оубознн игранны дѣла, и се локавнн бѣси акн жертву привошаху и тѣмъ величахуся, и дошедъ же солъ бѣсовскыи къ дьволу и вѣзъ в жилища адова, прннесо оканьнымъ и нагубнымъ приносн, ажко прнннъ дьволъ обрадовася, и рече: то всегда оубо жертву ѿ куннръ прннмаю, но тако ся обеселнн не могу, якоже ѿ снхъ крестымъ прнноснмымъ бывають нн радость и веселнѣ. Ся рекъ дьволъ, пакы взъвати сребро и нѣдъ сонущему, оскверннвъ своиннъ оираченнѣмъ, и рекъ к бѣсу: идте и поучайте на нгры грѣшнымъ назарянн. Но могутъ бо нвако нарещн Господа нашего Исусъ Хри-

ста, но токмо Исусъ Назарянинъ. Скоро же прндо бѣсъ к пославшему его донесъ сотоннно запрещеннымъ, и пакы вложи во чнагъ оптволу согѣлннку, и такъ бѣси разыдшася нннхъ прельшатн челоувѣкъ. Блаженый же Нифонтъ зря снмъ слезаше, и бѣ одержннмъ великою печалю, о таковѣи погнбелн и прельстн крестымъстѣн, и молашеся остатн всѣмъ нгръ бѣсовскымъ и ѿ лести дьвола, наипаче же своимъ ннѣннѣ дають бѣсу лукавому, нже сущъ русалѣ, и ннн же скорохомъ; да аще снхъ не остануть, с куннрослужнтелн ннуть бытн и въ скрежтѣ зубномъ. Аще речень: нмакъ цату юднну, дай же ю взаемъ Богу, и возмнши сторнца и жнзнь вѣчную. За кую вину даѣши сребро свое дьволу в жертву, велику нагубъ души своѣей творя, а дьволу же радость; велика бо радость свершаѣется дьволу пласанымъ и пласанымъ съ свѣрлнн.

VI.

О ТАНЦУЮЩЕЙ ДѢВЦѢ.

ИТЪВОЗЪ ДѢВКѢ ТАНЦОВАТИ ОБЫКШЕЙ И ПѢТИ БѢСН ЧТО СОТВОРИША.

(Истор. Публ. Библ. Повод. архивизр. № 1586.)

Дѣвка нѣкая во дни святыхъ, когда наче слово Божіе проповѣдается, обаче во играхъ, в веселіи, в танцѣхъ пребываше, и нѣкоего дни от заутра даже и до вечера во гуленихъ и в танцѣхъ пребываше, в вечеръ глубокій возвратися в домъ свой, и сѣди тако, даи себѣ покой, и воздремася мало, точію очи снѣвшише, в томъ снѣ восхищена бысть от бѣсовъ; и занесоша ю бѣси в геону, и тако ю тако онаиша, иже ни единъ власъ на главѣ ея не бысть, и все тѣло ея великими

вреды страшными обложися, и нестерпимый сирадъ испущая, и по опаленіи единъ демонъ главною ея горичую в уста ея вонзае, и рече: нѣтъ сіе за нѣсни и за танцы и прелестныя ризы; ризы же ея ни слѣду опаленія пріѣша. Обудися воплемъ страшнымъ от болѣзни кричаше, матери же и нѣмыиъ пребывшииъ, что ея сотворися всѣмъ повѣданъ; призанныиъ же священникъ на исповѣди ни единого смертнаго грѣха обрѣто. едино се, еже все тѣловіе нѣтъ танцевати и пѣсни нѣти.

VII.

О ЖЕНЩИНѢ, ВОШЕДШЕЙ ВЪ ЦЕРКОВЬ ВЪ ПЕЧЕНОМЪ ВЕДѢ.

(Иллэр. Пуб. Библ. О. 1. № 209 рукоп. XV в.)

Бѣ нѣкая жена именемъ Матрена, яко недавно бѣ
новѣстоу сынъ ея поимъ, яко коунино с своею свекровью
на священіе церкви звана бѣ, и на тоу ноцѣ иже
на оутриа бысть священіа, плотною похотью съ сво-
нимъ мужемъ сѣхся, на оутриа же съ свекровью, на
обновленіе церкви приидо и оустыднѣшася челоуѣкъ
въ церковь вниде, Божья соуда не оубояся, и пристоу-
ни к мощемъ святаго мученика Савостыина, и се вне-
зашу духъ порази ю предо всѣми людьми, и сътвори
ю бѣснуса, церкви же тоя пресвитеръ от алтаря пла-
щаницю възехъ накры ю; в томъ часѣ навъ бѣсъ на-
наде, да навькнеть своимъ стоужоуемъ и оуразоуѣ-
ють людіе же тоу соущин. Водоша в домъ женоу тоу
и велии дьяволъ стоужаше ей, ближники же ея мно-
гми обавники приводоша, твораше (що) волшбами по-
мощь сътвори(ти) ей, несена бо на рѣкоу и в воду
вложена бысть, многими волшбами лквоваху ея, и
не моглоша помощи ей. Дивно бо о семъ Божья судьба
надѣшася чарамъ одного бѣса прогнати от нея, бо-
ле же логнона бѣсовъ внидо в ню, и згѣ нача тра-
сенюмъ лютымъ плотъ ея съкрушатися и тольми бѣ-

снуса ей, яко же всему яко всѣхъ бысть познаво
лѣи от множества бѣсовъ ей моучнии быти. Тогда сея
оужики съвѣтъ благъизвольше, видяще неуспѣхъ ча-
ровникъ, вину своего невѣрствія написавше, и сию бѣ-
сноую ко благочестивому Фотронотоу приводоша, мо-
ляще его помощи страждоущей, оу него же сию ос-
тавше і отидоша. Блаженный же во многи дни и но-
щи пребываше во молитвахъ о ней ко Богу. Мнози
же бѣсове соупротивляхоуся ему и едва преподобный
отгна ихъ, цѣлоу и здравоу сию родителемъ ея про-
дасть. Да се слышаше, мужіе и жены, не можете въ
церковь внити окалявше плоть свою, и никтоже васъ не
лекоуйте болезни волхвованіюмъ, да не паче Бога раз-
гневавше, лютѣшая примете. Богу нашему слава (*).

(* Легенда эта, какъ видно, византийскаго происхожденія, заимствована
потому, что описываетъ обычай уваженія къ церковной святости, наблюдав-
шійся встарѣ русскими и заимчивый многими иностранцами, которыхъ
поражало, когда они видѣли многихъ закуженныхъ женщинъ, во время ли-
тургии стоявшихъ у дверей храма, и подвергавшихся насмѣшкамъ коло-
дильщиковъ, знавшихъ причины, по которымъ онѣ считали себя недостой-
ными входить въ церковную трапезу. Кромя того, здѣсь заимствована свое-
собъ леченія водою, употребленіемъ закларанъ и волшванъ въ старину, въ
которыхъ видны остатки древняго языческаго додоклоуенія.

ПОВѢСТЬ
О ЦѢЛОМУДРЕННОЙ ВДОВѢ.

VII.

О ЖЕНЩИНѢ, ВОШЕДШЕЙ ВЪ ЦЕРКОВЬ ВЪ ПЕЧЕНОМЪ ВЛДѢ.

(Милер. Пуб. Библ. О. 1. № 209 рукоп. XV в.)

Бѣ была жена именемъ Матрена, иже недавно бѣ
новѣстоу сынѣ ея поля, иже коупно с своею свекровью
на священиѣ церкви звана бѣ, и на тоу ноцѣ иже
на оутря бысть священиѣ, плотною похотью съ сво-
нѣ мужемъ сѣлся, на оутря же съ свекровью, на
обновленіе церкви приде и оустыдившася человекѣ
въ церковь вниде, Божья суда не оубояся, и присту-
пи к мощемъ святаго мученика Савостьяна, и се вно-
зашу духъ порази ю продо всѣми людьми, и сътвори
ю бѣснися, церкви же тоя пресвитеръ от алтара пла-
щаницю вземъ покры ю; в тоу часѣ пань бѣсъ на-
пада, да навькнетъ своимъ стоужонемъ и оуразоумѣ-
ютъ людіе же тоу соущиѣ. Водоша в домъ женоу тоу
и велии дьяволъ стоужаше ей, ближикъ же ея мно-
ги обавники приведоша, творяше (що) волшьбани по-
мощь сътвори(тв) ей, несена бо на рѣкоу и в воду
вложена бысть, многими волшьбани ликовашу ея, и
не моглоша помощи ей. Дивно бо о семъ Божья судь-
мадѣшася чарани единого бѣса прогнати от нея, бо-
ле же легнона бѣсовъ вниде в ню, и зѣ нача тра-
сенемъ лютымъ плоть ея съкрушатися и тольк бѣ-

ситися ей, яко же всему яко всѣмъ бысть познано
яви от множества бѣсовъ ей мучниѣ быти. Тогда сея
оужики съвѣтъ благъизвольша, видяще неосущѣхъ ча-
ровникъ, вину своего невѣрствія написавше, и сию бѣ-
сноую ко благочестивому Фотроноту приведоша, мо-
лице его помощи страждущей, оу него же сию ос-
тавише і отидоша. Блаженный же во многи дни и но-
щи пребываше во молитвахъ о ней ко Богу. Мнози
же бѣсове соупротивляхоуся ему и една преподобный
отгна ихъ, цѣлоу и здравоу сию родителемъ ея пре-
дасть. Да се слышаше, мужіе и жены, не мозите въ
церковь внити окалившѣ плоть свою, и никтоже васъ не
лекуйте болезни волъхвованіемъ, да не паче Бога раз-
гиссавше, лютьишая приимете. Богу нашему слава (*).

(*). Легенда эта, какъ видно, византийскаго происхожденія, записанная
потому, что описываетъ обычай уваженія къ церковной святыни, наблюдав-
шійся встарѣ русскими и записанный многими иностранцами, которыхъ
поражало, когда они видѣли многихъ закуженныхъ женщинъ, во время ли-
тургии стоявшихъ у дверей храма, и подвергавшихся насмѣшкамъ мло-
дыхъ людей, знавшихъ причины, по которымъ онѣ считали себя недостой-
ными входить въ церковную транзю. Кромя того, здѣсь записательъ сво-
ею леченіемъ водою, употребившей сахаряни и волхвани въ старину, въ
которыхъ видни остатки древняго языческаго водопочиванія.

ПОВѢСТЬ

О ЦѢЛОМУДРЕННОЙ ВДОВѢ.

1871

1872

ПОВѢСТЬ

О ЦѢЛОМУДРЕННОЙ ВДОВѢ.

(Житер. Публ. Библ. Поход. дреслехр. № 1500 рукоп. конца XV или XVI в.)

Два купца от единова веси бѣста ииуца любовь собѣ, одинъ же ею бѣ богатъ зѣло, другій же не по-толнку, жену же ииѣаше зѣло красвѣишу и цѣлому-дрену, яко же вещь последи показати хоцеть: оумер-ну бо мужу ея, оста вдовствующи. Кунецъ же онъ другій, вѣдмй добродѣтель ея и цѣломудрію, восхотѣ поити ю собѣ в жену, срамляше же ся рещи ей, еда како не восхоцеть; ииаше же всегда помыслъ на ню. Она же, разумна сущи, разумѣ что хоцеть сотворити, и единою глагола ему: брате и господине Семіоне! вижу ты от помышленія смущаема, но рци ми без всякаго сумнѣнія яке хоцещи, и аще мощно будетъ извѣщу ти. Онъ же порѣше стыдящеса извѣщати вещь, послѣди же исповѣда и моляше сію поити собѣ жену; она же обща ему, аще сотвориши. яже ты заповѣдь дамъ, и азъ сотворю волю твою. Глагола ей: иже аще заповѣ-даеш ми, сотворю вскорѣ. Рече же ему: иди в домъ свой, и ничтоже вкуси, дондеже призову ти. Онъ же с радостию общася сотворити. Не дасть же ему дни оуречены, когда призоветъ его. Минувшу же первому и второму и третьему дню, и не призва его; онъ же любви ради ея торияше крѣико, Богу сіа по смотрѣнію сотворшу, вѣдущему гдѣ хоцеть призвати его. В чет-вертый же день посла к нему. Онъ же вналѣ не и сче-

зе гладомъ и не возмогъ поити своими приѣти от изне-моженія, обаче носимъ иѣкинмъ приѣдо. Она же угото-вавше трапезу и постелю такоже, и глагола ему: се трапеза и одръ; что повелѣваеш проже сотворити? И рече ей: помилуй мя, даждь ми преже вкусити, понеже исчезаю, иже помысла имамъ что есть жена от одер-жащаго мя глада. Тогда глагола ему она: се егда вза-ка, и мене и всяки похоти забы, точію да хлѣба на-сытишися; егда же приидуть ти сицовые помыслы, та-кову лечбу поста восприни, и избавишися всякаго по-мысла лукава. Вѣру же нив ми, брате, яко по смерти мужа моего ничтоже тобѣ или иному совокуплюся инко-лжко, но покровомъ Христа моего сице пробуду в чи-стотѣ. Тогда умилился мужъ и почюдился разуму ея и цѣломудрію, и глагола ей: понеже благоизволи Богъ спасти мя твоего ради разума, что совѣщаеш ми со-творити? Она же боящися оуности ради и сущу ей красоты боашеса, да не како и сама зрени зовущу сицево постражетъ, и глагола ему: мню, яко не люби-ши никогже Бога ради, якоже мене; азъ же во истину Бога ради люблю ти; но понеже заповѣдь виамы вла-дыки нашего Бога, глаголюща: аще кто хоцеть по ииѣ шти, и не возненавидитъ отца, и матеръ свою, и жену свою, и чада, и братію свою, и сестры, и сродники

своа, и еще же и душу свою, не можетъ быти мой
 оученикъ, и аще хочеш да совѣщаю ти: оудалихъ
 себе другъ от друга яко да вѣннѣи и тебѣ Господь
 яко отречеся жены своа его ради; ниѣ же такоже да
 вѣннѣи яко отречеся мужа моего, и се оуже мона-
 стырь есть в странѣ нашей, и аще всяко желеши
 отречеся мѣра, тамо шедше отречися и оугодиши

во истину Богу. Онъ же абѣ расточи въ богатство свое
 нищияхъ, иде в монастырь онъ, и пребысть до смерти
 своа, и бысть искусенъ много. Подобно же блаженнаа
 и цѣломудреннаа она, шедъ в монастырь женскый, и
 оугоди Богу. Ся же вся самый онъ отецъ Семнонъ
 исповѣда намъ, и прославихомъ Бога.

ЛЕГЕНДА

ОБЪ ОЖИВЛЕННОЙ КУРИЦЪ.

ЛЕГЕНДА

ОБЪ ОЖИВЛЕННОЙ КУРИЦѢ.

(Шипер. Публ. Библ. Поход. дрелегр. № 1335.)

Человѣкъ вѣкій православныя вѣры по воскресеніи Христовѣ на святой недѣли прииде к вѣкоему жидовину в доми; оному жъ иудейвину сѣующу и во умиши пребывающу, христіанинъ рече: почто вы сѣуете, во умиши пребываете, забываете таковыя радости и утѣшенія, в оны же Господь нашъ плотию пострадал и воскрес в третій день по писанію жъ; и Адама с собою возведе и сущая со Адамомъ, и адъ плѣши и вознесся на небеса, и сѣде одесную Отца. И отъѣща ему жидовинъ с яростію и рече: како ты глаголеши воскресъ въ третей день и возшедшаго на небеса и сѣдѣща одесную Отца, его жъ отцы наши злою смертію уморяша, и ученицы его ноцію украдоша, и рекоша людемъ, яко воста от мертвыхъ, и проречеса то слово и до сего дни? А в то время пред жидовинномъ на обѣдѣ вареное кура лежить, и жидовинъ рече: мо-

жетъ ли се вареное кура востать и (*) сотворить? И отъѣща ему христіанинъ, рече: помянухъ колико чудесъ сотвори Богъ отцемъ нашимъ в пустыни; можетъ Богъ и от камени сего плодъ воставити чадъ Аврааму. Аще кто иная вѣру Господеву, речеть горѣ: восторжися и вержися в море, и послушаетъ вась, ничтоже замыслитъ въ сердцы своемъ (**). Но токио востанетъ се вареное кура во славу Сына Божіа на вѣру неслѣбныхъ: можетъ Богъ оживити! И се вареное кура восплеска крилома, испусти гласъ, и взнесе лице. О ле чудо дива исполнена! Створшаго Бога восхваляша и прославиша о таковомъ чудесі! И абіе той жидовинъ крестися и вѣрова в Господа!

(*) Зѣкъ слово осталося неразобраннымъ.

(**) Вѣроатно сѣдуетъ переставитъ такъ: аще кто иная вѣру Господеву и ничтоже замыслитъ въ сердцы своемъ, но речеть горѣ: восторжися, вержися въ море! и послушаетъ вась.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Легенда эта повсемѣстно сохранилась въ народѣ и въ Червоной Руси составила предметъ одной коладки. Въ ней описывается, что когда Христось воскресъ, увидала его жидовка дѣвица и побѣжала сказать своему отцу. Отець говоритъ:

Ой дѣтя, дѣтя, дѣтя жидѣтя!
Ой кобысь то такъ не моя дѣтина,
Я казавъ бы ты въ Дуваѣ вкнупти;

Вгоды руській Бого изъ мертвыхъ уставъ,
Коли тогъ каплунъ поредъ мя алетитъ,
Передъ мя алетитъ, красно запіо!
Есть поредъ жидомъ торіть точеный,
Теріть точеный, каплунъ печеный;
А каплунъ алетіть, тай на облокъ сіѣъ,
Та я на облокъ сіѣъ, краснейко запіѣъ,
Краснейко запіѣъ — а жидъ остоппіѣъ.

ПОВѢСТЬ

О ВОДВОРЕНІИ ХРИСТІАНСТВА ВЪ РОСТОВѢ.

MEMORANDUM FOR THE RECORD

DATE: 10/15/54

TO: SAC, NEW YORK

FROM: SA [Name], NEW YORK

SUBJECT: [Name], [Title]

[The following text is extremely faint and largely illegible due to the quality of the scan. It appears to be a memorandum detailing an investigation or report.]

ПОВѢСТЬ

О ВОДВОРЕНІИ ХРИСТІАНСТВА ВЪ РОСТОВѢ.

(Рукоп. XVII в. Рум. Муз. № 454.)

НАЧАТЬ ПРАВДНАГО ОТЦА НАШЕГО АБРААМА ПРЪХИМАННАГО БОГОБЛЖЕННАГО РОСТОВСНАГО. ГОСПОДИ
БЛАГОСЛОВИ ОУЧЪ.

Преподобный отецъ нашъ Авраамъ бѣ родителю благочестивому сынъ (1). И остави родителя своя, и мирскій натежъ, и взевъ крестъ Христовъ послѣдова Христу, и отъ младыхъ ноготъ Богу себе предъстави. Бысть мнѣхъ, и чисто прителище бысть Святаго Духа, покоришь плоть духови, и обладая страстьми плотскими, и жестокому пребыванію и нужному себе давъ, трудомъ себе источивъ, и бысть мнѣхомъ начальникъ, и житіе аггелское поживъ, и чудесь обогативъ благодатию исцѣлѣти страсти невсцѣлныя, истечениемъ словизимъ душу свою омывъ (2). Видѣвъ же преподобный прелестъ идольскую соуцу, (въ Ростовѣ) не оубо бѣ еще приахъ святое крещенію, но чюдескый конецъ поклоняшеса идолу камову (3); окрачени бо суть сердца ихъ, бѣсу алу живушу, яко близъ его никому же сѣбати ходити путемъ тѣмъ, и мечты творяще, мечоть бо христіанскы творяше страшилща алымъ окрачениемъ (4). Преподобный же Авраамъ помолися Богу, глагола: Господи Боже вышній! призри с высоты своея на раба твоего и даждь ми силу и благодать Святаго твоего Духа разорити сего многокозненнаго идола (5). И невъзможно. Не дадѣше бо ни близъ себе оканый приити алымъ вѣшествомъ своимъ. И недоумѣшеса о семъ, и бысть скорбѣ сѣдѣше, и ви-

дѣ старца к себѣ градуща благоговѣйна образомъ соуца; преподобный же срѣте его; и оба поклонившеса межю собою, и взяста другъ от друга благословенію, и сѣдоста.

Начать же (6) блаженный Авраамъ к старцу глаголати: откуду, человекъ, градеши, и коя страны еси, святоче Божій? И глагола ему старецъ: азъ есмь, отче, Цариграда родомъ, пришлецъ есмь на земли вашей странной; рци же ми, отче, что ради скорбѣ сѣдѣши близъ страстнаго сего идола Велеса? (7). Глагола блаженный Авраамъ к старцу: тѣхуса и молюся Господу Богу разорити многострастнаго сего идола Велеса, и невозможно ми: презрѣ Богъ колоніе мое; и се скорбѣ сѣдохъ! Глаголаше же старецъ к Аврааму: аще хочеша, отче, желаніе мое (свое) получитьи; иди Цариграду и пытай въ градѣ Іоаннова дому Богослова, и види въ дохъ его, и помолися образу его, и не изыдоши изъ него тощъ, и желаемое получиши (8). Печалу же блаженный Авраамъ о долготѣ путей; и рече старецъ: Господь Богъ прекратитъ ти (9) малымъ временемъ.

Блаженный же Авраамъ наполнися Духа Святаго, въземъ благословенію оу старца, нача путемъ теши, забывъ дълготу пути, и прѣиде Ишнюю рѣку, и срѣ-

те человека страшна, благоговѣна образомъ, плѣшива, вѣлыса, брадою круглою великою, и красна соуща зѣло (10). ниуща в руцѣ трость. Падѣ под (11) нога на его блаженный и поклонися ему. Глагола ему страшный мужъ: гдѣ, старче, грядеши? И рече Авраамій: на зыскаию дому Пана Богослова. И глагола ему страшный поужъ: вѣзьми, старче, сію мою трость, и вѣзвратися, и приступи къ идолу Велесу, изводи его тростию сею въ имя Іоанна Богослова, и будетъ ти в прахъ оканый. И абіе невѣднѣ бысть (12).

И разумѣ блаженный Іоанна Богослова, и страхомъ и радостію одрѣжнѣ вѣзвратися вѣспнѣть, прииде къ идолу безъ возбраненія, и изводи его тростию в имя Іоанна Богослова. Абіе на томъ мѣстѣ, идѣже срѣто Іоанна Богослова, постави блаженный церковь въ имя Іоанна Богослова (13), иже суть и до сего дне, и вѣзъмъ благословеніе от епископа, и вѣдрузи церковь малу на томъ мѣстѣ, идѣже бѣ прежде идолъ Велесъ, въ имя святоо Богомъленіе Господа нашего Іисуса Христа, и келіи постави, и мнѣхи призва, и почашеся ими, и общину створи (14), и множество ала податъ от невѣрихъ, овогда же хотяще разорити святиню, и съжечи хотяще; но Богу не попустившу ихъ молитвами и трѣбнѣемъ преподобнаго; но по многѣ же времени вѣсѣхъ приводе к Христу богоразуміемъ, и крестяшася от мала и до велика, и начаша ходити на слово Божіе и на всемошное и жены и отроци. Преподобный же почитаніемъ книжнымъ и поученіемъ духовнымъ наслаждаше сердца ихъ яко медвона сладчайши сота; мнози же отроци оставиша родителя своя и тайно приходяху к нему, и быша мнѣси. Преподобный же бѣзъ вѣзбраненія вся приходящая к нему востригаше, яко виноградъ сѣдише при водахъ дресеа, и наволше ихъ водами, поученіемъ божественныхъ словесъ; и оумножи мнѣхи, и церковь велию създа и оукраси ю, яко невѣсту Христову, чудными иконами и святыми книгами, в сей же паче множашеся и ѣміе святоо. Князь ростовскій начаша вѣру велику вѣйти к монастырю и къ отцю своему Авра-

мію и къ вѣсѣмъ мнѣхомъ, и иѣтнѣа многа даяху на строеніе монастырєви, и села даяху на потребу мнѣхомъ (15) Видѣвъ же преподобный епископъ множашеся монастырєви и вѣсѣми потребными изобилану соущу, съвѣтъ же створи епископъ съ князи да створишь архимандритію ту обитель (16). И святѣвшо преподобнаго Авраамія, постави архимандритомъ. И нача болши подвизатися и труды и трудомъ прилагати, и молитѣ и посту себе вѣдавъ, и образъ бивъ вѣсѣхъ, и смиреніе воліе стижавъ, и любовь пелицѣтѣрну всякому приходящому равню к великому и к малу (17).

Старый же ненавистникъ добру діаволъ вѣоружашеся на преподобнаго, и пакости ему творяше в дни и в ноци, но никако же оусгрѣши преподобнаго мечты своими; огражденъ бо бѣ Христовою благодатію и крестнымъ знаменіемъ. Бысть иѣкогда святому хотящу по обычаю литургисати в святѣй Божіи церкви, обычныи молитвы вѣвшу къ святому причащенію и хотящу ему оумити роуцѣ, и діаволъ вииде въ умывальницю, хотящу(о) преподобному сполу створити водою. Разумѣвъ же преподобный лукаваго доуха в сосудѣ, взошъ же преподобный честный крестъ, и положи на врѣхъ съсуда, и около съсуда огради крестныхъ знаменіемъ, и не врезая съсуда многи дни. Бѣсъ же, крестною силою жьгонъ в сосудѣ, не могый изыти. Бысть же обычай княземъ на поле вѣднѣти, ловъ дѣюще по вся дни, и намы вѣзвращался въ градъ, вхождаху в монастырь поклонитися церквѣ, и от святаго благословеніе приимаху. Паки же приидоша князи по обычаю в келію, благословенія ради къ преподобному. По случаю же преподобный в то время в некольницѣ мѣшше власници на братію. Обычай бо мѣшше преподобный по вся дни на братію тружати, овогда в новарію дрѣва сѣкуще, иногда власници на братію мѣшше, иногда воду носяще в новарію и в некольницю. Слышавъ же преподобный о князѣхъ, и идѣше в келію свою благословяти ихъ; ещо же преподобному не дошедшу келіа своєа, князи же суть в келіи преподобнаго ждоуще, видѣша

съсудъ престонъ накрытъ, и недоумѣхуся о семъ. Единъ же отъ нихъ дръзнувъ восхити крестъ с сосуда знаменатися имъ, и абіе бѣсъ изыде изъ сосуда акы дымъ чернъ и злосраденъ, яко устрани всѣхъ тоу сущихъ (18). И оусрѣте лукавый доухъ преподобнаго, в келію идущаго, и начатъ на преподобнаго алая словеса износити, глаголюще: яко же ты имѣ сътвори оканнѣи мучитися силою невидимаго Бога, ихъ изжену быти ми силою крестною (19), тако же и азъ тебѣ спону съворю (20), в малѣ времени одолѣю ты и поострю на ты ковъ (21), и съворю ти раны и оукоръ всѣхъ видящихъ ты, и муки злы наведу на ты; и на нѣзѣ ослатици всажень будешь безъ сѣдлаща, и в сандаліа женьскыа червьлена обуешь будешь, и ина зла нога съворю ти, противу монѣи зломъ, яко пріать (хъ) отъ тебе. Преподобному же оградившуся крестнымъ знаменіемъ, и абіе исчезе (22). Князень же въпрашающимъ преподобнаго о бывшемъ, яко дымъ изыде злосраденъ изъ сосуда, оному же ничто же о томъ повѣдавшю, въземши же князи благословеніе отъ преподобнаго; и поучивъ я, отпусти ихъ с миремъ (23). Не помнозѣ же времени преобразися бѣсъ въ образъ воина, и пріиде к великому князю в Володимерь, и нача на преподобнаго тяжкая словеса износити; господине царю, хошу ты тайну велику повѣдати, твоему дръжавству достойна (у). В твоей дръжавѣ, царю, въ градѣ Ростовѣ мнѣхъ нѣкій Авраамъ възвѣхъ образомъ, творяшеса яко свѣтъ, прельщаше же люди (24), смиренъ ся творя. Сей нагѣзе влагалше воле въ земли нѣднѣи съсудъ польнъ, достоинъ твоему господству; нимже бо съсудомъ златымъ и полсомъ жлатымъ и чепемъ мѣощно цѣнѣи предати, серебру же и инымъ нѣкимъ драгымъ мѣощно повѣдати; тѣмъ бо съкровищемъ монастырь созда и церковь велию постави, а твоему господству не повѣда. Князь же великій разъжегься волею гнѣвомъ на преподобнаго, и посла воина люта зѣло на преподобнаго, глаголюще тако: гдѣ обратиши старца, то не глаголи к нему не одного слова, но въ чемъ

паки обратиши его, тако и постави предо мною. По наоученіемъ (енію) алаго того воина яко суть бѣса (25), в то же время преподобному на келійной молитвѣ, послѣ съборнаго нѣнія, стоящу въ единой власници, и не обуень в сандаліа, пріиде же в то время злыи свѣрѣимъ възнѣи, но нимъ милости о преподобномъ, не дадеше ни глаголати к себѣ преподобному, ни ризамъ облачитися, ни обуваніа ногамъ: тако бо сатана обуя ему сердце. Вида же преподобный вражду вражію, бывшую нанъ, и не уболся, но наче благодарше Бога о приключшойся нанъ бѣдѣ. Возомъ же его воинъ всади и на свой конь, женаше к Володиморю, и обрѣтъ на оной странѣ озера селаннина, ядаща на нѣзѣ ослатицѣ и в руку нимъ сандаліа женьскыа, червьленыи суть. И всади преподобнаго на ослатицю и сандаліа възложи на ногу его, и абіе постави его предъ дръжавою (26) великимъ княземъ, въ единой власници, яко на тѣлѣи пошаше. Повелѣтъ князь воина соуверьника его воставити предъ собою. Вознѣи же тѣже злыи словеса износѣ на преподобнаго о обрѣтеніи алагалища веліа; яко же прече рекокомъ; преподобный же, въздѣвъ руцѣ на небо, и заирѣти духу лукавому, глагола: заирещю ти именемъ Господа нашего Исуса Христа: возвѣхъ ли, кто еси ты, яко таковыми глаголы оболести мя? Бѣсъ же нача трепетати, глагола: азъ есмь бѣсъ Зевеосъ, искони ненавидѣи добру чловѣчьскому (27), наче же мнѣкомъ, боящися Бога. Се оувѣждь, калугерс: еже ты сказахъ, то ты и сътвори хъ о прѣвомъ твоемъ неистовствѣи, яко мя еси мучилъ в убозѣи твоемъ съсудѣи! Се рекъ, и абіе невидимъ бысть. Князь же видѣвъ прелесть діаволу и преподобнаго, стояща поругана, и странно очима зрѣти, и страхъ объять всѣхъ соущихъ, яко суть съ княземъ; нача князь молити старца, прощѣиа просѣи о немъ же съгрѣши къ старцю, съ слезани глаголаше: азъ, отче, новизенъ есмь приходу твоему поужьному, и люто оскорбихъ ты зѣло; отдай же ми, отче, о покъ же ты прогнѣвахъ! Се бо, отче, врагъ окрачи ми сердце и разъари мя на ты, и въерже мя въ

сѣи грѣхъ! Старецъ же глагола: Господь проститъ ти, самодержавный царю, сѣ бо дѣло старого врага діавола суть; понеже, царю, не дивися тому: исполни борися (28) съ челоуѣкъ, наче же боишися Бога и спону сътвориши. (29) Князь видѣвъ смиреніе преподобнаго и тѣмъи словесы и смиренныи глаголюща къ нему, яко ничто же ала въспринѣша, наче же оублажаше преподобнаго, и честь велию възда ему (30) на създавіе монастырю, и домы и села многы даде к монастырю,

и оустрои его своимъ монастыремъ, и оучини его вышша всѣхъ обителѣй, иже соуть в Ростовѣ, и многы рабы подаде в домъ святому Богоуволенію, и грамоты подаде многы жаловальныя, иже соуть и до сего дне; отпоустѣ преподобнаго съ великою честію въ свой ому монастырь, (31) И поживе преподобный въ своемъ монастырѣ в велицѣ смиреніи, и труды къ трудомъ прилагая, и в велицѣ смиреніи к Господу отъиде, его же изъ млада възлюбѣ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОТМѢНЫ.

(По варианту Румянце. Муз. № 156.)

- (1) Преподобный отецъ нашъ Авраамій отъ вѣдѣвъ Галичскихъ, града нарицаемаго Чюхлони, бѣ родителю благочестивоу сынъ, и отъ нихъ книжному оученію наказанъ бысть, и благочестію оученъ.
- (2) Якоже возмисати въ честимъхъ и чудотворимъхъ обителѣхъ жилища святыхъ, поминувъ рекшаго: добро опечалити родителя, а не Господа; оуъ бо созда и спасе, овиже мнозицею ихъ же возлюбѣша ногоубиша и ноудѣ предаша. И тако обшедъ и съгладавъ мѣста доволна, приде в пресловущий великий Новоградъ и тамо съгладавъ вса спасеная и чудотворная мѣста многовародна соуща и по Бозѣ живуща, обаче восхотѣ, по пророку рекшему, и глаголь оуъ поминувъ и великому овицу, еже бѣгати отъ челоуѣкъ и спастися, тако и сѣ преподобныи, и оудалитися отъ челоуѣкъ, и водворитися в пустыню. (*) приде къ великому озеру Ладоскому, и тамо обрѣте обитель реченую Валамъ, видѣвъ и обита, и видѣвъ мѣсто отъ града оудалено и не зѣло народно, восхотѣ пребывати ту, и приять бысть. Видѣвъ же о братіи благое оустройство, нача молитися настыря обителю твоему, да съдобитъ его ангельскому образу. Пгу неувъ же, того искусивъ духовне, обрѣте сосоудъ чистъ Богови, повелѣвъ пострици его и дасть ему ангельскій образъ и причте его и прочи братіи. Преподобный же порадовася, яко и бысть ивнѣхъ, и чистотѣ приятилице бывъ Святаго Духа, покори оубо плотьская духови и обладавъ страстныи душевными и телесными, жестокому пребывавію себе ядавъ, труды къ трудомъ прилагая, и бысть искусенъ божь и во всѣхъ тяжкихъ службахъ. И времьсть тоу мѣста доволна и трудомъ мнозишъ себе и братія преподобнаго Авраамія трудившася доволно и искусна и всекъ, начаша почитати его и честь велию воздати ему, ивнѣхъ же яко и настыря того нарицати. Преподобный же сего никако же восхотѣ слышати, ниже чести ивнѣхъ воската, но абие отъиде в незнаемыя страны. И по благоуволенію Божию приде близъ града Ростова, и ту обита при озерѣ, малу колибницу себѣ поткнувъ. Видѣвшо же благоразумнѣи богобоязливнѣи челоуѣцы, начаша приходити къ нему, иишъ же и сожителствовати с нимъ произволююще. Преподобный же приимаше и оучаше ногожде ихъ отъ божественнаго писанія, и совѣтоваше комуждо полезная и печашася имъ отселе и нехота бысть инокомъ началиишъ. И болшимъ трудомъ касашася, житіе наче атгельское водражая, и чюдесъ обогати вса благоудію, яко всѣхъ приходящихъ исцѣляти страсти неисцѣлимыя. Преподобный же о сѣнь наче оумилнѣвша, и теченіемъ слезнымъ непреставно душу омывая, видѣвъ же—и прочее строка 11.

(3) По чюдескый конецъ единиче вокланяшася идолу намену.

(4) *Вм.* со слова бѣса до слова преподобный: Бѣ же во идолѣ бѣсу злу живущоу и мечты тваріи христіаномъ и страшилища злымъ своимъ обращеніемъ.

(5) *Прибавлено:* и наставити челоуѣкъ прельщенна.

(6) *Вм.* начать: И по молитвѣ начать

(7) *Вм.* близъ и проч. до слова глагола: Близъ многострастнаго сего идола окаяннаго Велеса

(8) *Прибавлено:* аще же не идеши в домъ Іоанна Богослова, не можешихъ желаемое получить.

(9) Путь твой.

(10) Зѣло благолепна суца

(11) *Вм.* под: Пред

(12) Будеть.

(*) Вероятно, здѣсь перепутаны образы; надобно читать *вм.* еже и проч. такъ: еже бѣгати отъ челоуѣкъ и спастися, и оудалитися отъ челоуѣкъ и водворитися в пустыню, та-б и сѣ преподобный.

- (13) *Прибавлено:* И абіе Цогу Велесъ в прахъ бысть окаянныи; святый же Аврааміи чудотворецъ о семъ прослави Бога, давшего ему побѣду на всю силу вражію, и святаго авостола и евангелста Іоанна Богослова, яко бысть ему помощникъ на дѣла въ и на дѣлство его, и повѣда сіа вся в то время епископу соущу Феодору, и во благо-словенію постави на томъ мѣстѣ блаженныи, идеже святаго авостола и евангелста Іоанна Богослова, церковь во имя Іоанна Богослова.
- (14) *Прибавлено:* Епискоузъ же Феодоръ взнеомж.... ти злобо Іде знего (*) мѣсто в Ростовѣ епископъ Іларіонъ то бѣ первый присланныи с мученикомъ Борисомъ от князя Владимера, преставивъ всю рускую землю; людію же окресть сущи, елцимъ аломисаіемъ одержими и елцимъ древле нестврѣнемъ погруженъ си, вооружахуса на святаго, наче же самъ сатана, яко древле чтивъ баше от нихъ и дѣлствоваше в нихъ, выиъ же от святаго понраемъ и много зла святый подыгъ от нестврѣнныхъ и прочее.
- (15) И нищия на прокормленіе.
- (16) *Прибавлено:* нестврѣже советъ сотвори епископъ Іларіонъ с Великимъ княземъ Владимиромъ и с княземъ в Борисомъ, дабы сотворили архимандритію ту обитель.
- (17) *Прибавлено:* Къ великоумъ не тщеславіемъ и к нищиямъ во презорствоу.
- (18) *Прибавлено:* врачаныи своимъ привидѣніемъ.
- (19) *Прибавлено:* и палину быти силою крестною во оубоуиъ твою сосудѣ.
- (20) *Прибавлено:* начинанію твою.
- (21) *Вм.* козъ: лютиишій козъ.
- (22) *Вм.* и абіе исчезе: и абіе бѣсъ исчезе и невидиъ бысть.
- (23) *Вм.* и научиъ и проч. до слова: Не во мнотѣ: Преподобныи же наученія духовныи предложивъ имъ от божественнаго писанія яко да савомъ княженія во возвышаются и работъ и подручныи милостивыи будутъ, и не возносася на нихъ, яко же Господь рече: блаженныи милостивыи, яко ти помилуваныи будутъ. И пакы рече: блаженныи нищіяи духомъ, яко гѣхъ есть царство небесное; имъ рече: блаженъ градъ от благочестивыхъ царь царствуемъ и корабль от скудимыхъ окормляемъ, нечестивыи

(*) Мѣсто означеннаго тѣчани въ рукописи срѣзани; самое же то мѣсто выписано на листѣ.

- же ради и градъ палимъ, корабль же от нечестивыхъ окормляемъ погыбаетъ, дидеже душа любитъ славу челоуѣчию, еже есть тщеславіе, отараченіе же от Бога, еже к меншии себе презорство; от сего бо рождаетъ безмѣстная сдержанность. Любовь же истинная всяставляется ко свѣтоу богоразумія. И апостоль рече: яко любви покрываеъ множество грѣховъ. Сіа же и іаи таково рече имъ, и отпусти ихъ с миромъ.
- (25) *Вм.* во наученіемъ и проч. до слова въ то же время: Сіа же вся суть во наученію злаго того обмангателя, обмангаша его волна, еже суть лукавоу бѣса.
- (26) *Вм.* Предъ державою: Предъ державнымъ.
- (27) *Вм.* доброу челоуѣческому: добра роду челоуѣческому.
- (28) *Вм.* Искони борася скони бо сатана борася.
- (29) *Прибавлено:* обычай.
- (30) *Прибавлено:* к старцу же глаголаше: что ти водаятъ отче? Яко много ти должеть еси. Старецъ же глагола: блаженъ царю! мы все оставихомъ и вслѣдъ Христа идехомъ (ни) что оубо хотѣхомъ прияти, точию надеждани будущихъ веселиси. Аче что и произволиши дати, то церкни божіе. Подобаетъ же ти с благимъ предложеніемъ, еже к Богу и разсужденію имѣти; благо вачъ бо дано бысть во Бозѣ правити миръ. Праведенъ Господь во всѣхъ путѣхъ своихъ; сего ради рече: блаженныи милостивыи яко ти помилуваныи будутъ! Клеветы скоро не прияти и на повиннаго суду яро не нападати. Повече и божественныи авостоль рече: хвалитса милость суда. Тако же и о иныхъ добродѣтелехъ, да не како адъ в соуетимъ оуражкиса, тамо будущихъ погрѣшникъ. Князь же великий в сладость нослушаша старца блаженнаго Аврааміи чудотворца, и велии почте и много мѣстѣи дасть ему на строеніе церкви и на созданію монастырю, и дома, и села, и водима оугодна многи подаетъ монастырю и проч. до слова и растрон.
- (31) *Прибавлено:* и слышаша братія отца своего вриходѣ Архимандрита Аврааміи чудотворца и яко о немъ, в постель яко Бога прослави и дѣлаво носрами, и великаго князя возвесели, и како одарованъ бысть, и абіе с радостію срѣтоша его; омъ же Бога благодаривъ и братію благословивъ, виде в келію свою и пакы трудъ и трудимъ предлагая, образъ бысть всѣхъ в добродѣтелехъ.

ПРИМЪЧАНІЕ.

О критической оцѣнкѣ этой повѣсти см. Пресв. Макарія Истор. Русск. Церкви Т. 1, стр. 157.

ПОВѢСТЬ

О ВОДВОРЕНІИ ХРИСТІАНСТВА ВЪ СЮРОНѢ.

1911

1911

ПОВѢСТЬ

О ВОДВОРЕНІИ ХРИСТІАНСТВА ВЪ МУРОМѢ.

(по рукоп. Румянц. Муз. № 364.)

Дѣлаца мѣла ехъ ка дѣлѣ сказаніи въ жѣтїи и въ прѣкысанїи і въ чудотворцѣхъ свѣтыхъ чудотворцѣхъ мѣромскїхъ благочестиваго княза константина і чадѣ его княза михаила і княза феодора.

Иже прїде к мѣромѣ изъ града кіева и просѣкти града мѣромѣ свѣтыхъ прѣрочиваихъ. И въ окрѣпѣнїи чистыхъ мощи ихъ. И сказанїи въ градѣ мѣромѣ.

Сей градъ прославенъ бысть в россїйскїи земли во дни древняя созданіе града нѣтъ стѣны каменны и ираморныя, и оттого нарицается Муромъ. И многїи лѣтои прешедшии пренесенъ бысть градъ нѣтъ во нѣтъ мѣстѣ, идѣже и нѣтъ стонѣтъ, а той каменный градъ развалився, токмо подошва его зната и до нѣтъ. І егда во крещенїи земли росїйскїи от свѣтаго великаго княза Владимїра Кїевского и всѣа Росїи раздѣли сыновѣи своиѣ грады во одержанїе, и сей градъ Муромъ предаде сыну своему благочестивому князю Глѣбу, во плоти брата свѣтаго Бориса. І егда прїде свѣтый Глѣбъ ко граду Мурому, і ещо тогда невѣрїи быша людїе и жестоцы, и не прїяша его к себѣ на княженїе, и не крестїшася, но и сопротивляхуся ему. Опъ же отѣха от града 12 поприць на рѣку Ишню и тако пребываше до прѣставленїа свѣтаго сѣ отца. І ес того града бысть ему страданїе по Христѣ от брата своего Свѣтополка под Смоленскомъ на Смядїни рѣцї: от злыхъ убїиць кончину прїа. По страданїи же свѣтаго княза Глѣба прїеде дѣстїи и седмь лѣтъ. А от созданїа мїра 6731 году посла Богъ своего вѣр-

наго слугу от того же благочестиваго корене блаженнаго княза Константина Свѣтославича внука Ярослава Владимїровича, крестившаго русскую землю, о чадѣ его с князи Михаиломъ и Феодоромъ, вже от юности Христа возлюбїиша и Пречистую его Матерь всюю душою, и поревноваша свѣтымъ апостоломъ и прѣрочивымъ благочестивымъ царемъ и княземъ, и не толю сани, но и безчисленно душъ града Муромѣ научїиша и настаїиша въ познанїе истинны, еже вѣрвати въ Троицы единому Богу. а идолы попраша, и сокрушїиша, и безвѣстїи сотвориша. А егда свѣтому князю Глѣбу Владимїровичю князю в номѣ, но невозможно той отвратити поганыхъ людїи от идольскаго поклонїа и поираченїа: не нѣго бо лѣтъ. пребывшю ему і убїенъ бысть. А во градѣ Муромѣ живяху челоуѣцы прѣжде поганыхъ различнїи азыцы аля суще. И градъ сей Муромъ славенъ баше, и кровопролитїи безчисленна с вѣрными содѣлающе и обиду творяще волю. І тяжко сѣ нѣтїи и воззои къ праведному судїи царю и Господу свѣтый аггелъ хранитель от великаго и славнаго града Муромѣ: проженїи, Господи, от него духи не-

чистия, бѣсы лукавыя, и расточи ихъ, и прожени ихъ в бѣдну преносидную, да не оскверняютъ скверными бѣсовскими жертвами воздухъ и рѣки и землю! И тако невѣрныя грады ивѣють единого ангела хранителя. А христіаномъ единому чловѣку всякому дается отъ крещенія ангель хранитель святый. И тако Муромскому ангелу хранителю молящуся: обрати, Господи, люди сія въ познаніе твое, и да не помянешь людейъ снхъ беззаконія ихъ! и воспали Господь Богъ духомъ святымъ сердце благовѣрному князю Константину Свѣтославичю и чадохъ его Михаилу и Феодору, и вселися в нихъ благодать Святаго Духа. Слышавъ бо благовѣрный князь Константинъ о граде Муроме величємъ и прославилъ, и множество людей живущихъ в немъ, и богатствомъ всякимъ кипилицемъ, реками и рыбою, и медомъ, и хлѣбомъ, и овоцїемъ, и начать прошатися у отца своего Свѣтослава, чтобы во граде Муроме господствовати. Боляше же о немъ отецъ его Свѣтославъ, да не убиенъ или прогнанъ будетъ отъ невѣрныхъ. Онъ же сподвиже на молбу митрополита Киевскаго, и тако умилвшуся отцу его Свѣтославу, даруютъ ему прошеніе, востаетъ с престола своего, воздеетъ благодареніе всецелному Богу, вдохнувшу в онъ благодать Святаго Духа и возбыстрившу его на толкое божественное благослужованіе, еже просвѣтити невѣрныя святымъ крещеніемъ, и воздвизаетъ валяющагося на земли лобызавшаго нозе его сына своего князя Константина от земли, и цѣлуетъ его во уста и восаждаетъ соврестолна собѣ, и молитъ просвященнаго митрополита сотворити молебное пѣніе въ соборной церкви ко Господу Богу и пречистѣй его Богоматери, со всемъ освященнымъ соборомъ и помазати благовѣрнаго князя Константина въ самодержавство славному граду Мурому, адеетъ ему благословеніе: образъ пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Марїи с пречѣстнымъ младенцемъ Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, и протчія нынѣ иконы, и святыя сосуды, и книги, и все церковное строеніе, и бояръ и воеводъ и воинъ довольно, и стѣннбнтное оружіе на прї-

ятію града Мурома. Благословляетъ и посылаетъ митрополитъ с нимъ от своего собора епископа, і архимарита, і игумена, и протопопа, и попы, и діаконы, и протчія причетники на просвѣщеніе града Мурома. И тако с великою честію получаютъ прощеніе и отпущеніе от отца своего Свѣтослава, и благословеніе от просвященнаго митрополита, и подѣмлетъ с собою княгиню свою Ирину и два сына своя, благовѣрныхъ князей Михаила и Феодора, и бояръ, и воеводъ, и войско все, и вся люди отдѣлены з женами ихъ, и з дѣтми, и и со всемъ ихъ ивѣніемъ, и с великою радостію кацается путному шествію, во всемъ надѣяся на Господа Бога, и проса от него помоци слыше і одолѣніа, глагола снче: не предаждь, владыко, царю чловѣколюбче, беззаконнымъ людямъ вѣрваго своего раба; но даждь, Господи, крѣпость, и побѣду, і одолѣніе разорити и прогнати безбожное ихъ шатаніе. І посла пред собою невороднаго своего агнца незлобиваго і кроткаго, и послушнваго, и любимаго отцемъ и матерію, сына своего, благовѣрнаго князя Михаила с немногими людьми еже утѣшати невѣрныя въ покореніе отцу своему князю Константину: обѣщаваетъ имъ дары, и честь, и вотчины, и достояніе, і оброки легкія, и протчая словеса мирная глаголетъ имъ, хотя ихъ приващяи къ себѣ ииромъ без кровопролитія. Но безбожныя люди совѣщашася лестію, и призваша благовѣрнаго князя Михаила во градъ Муромъ, мирнаго ради совѣта, і убиша его во градѣ, и тѣло его вонъ изворгоша из града звѣрнѣ, и псомъ, и птицамъ на растерзаніе; но Господь Богъ сохрани тѣло вѣрнаго раба своего, новаго стратотерпца, и ничтоже прикоснуся тѣлеси его, во свѣташеса надъ нимъ свѣтъ акн солнце, и велие благоуханіе испущаше из себе, и слышаша невѣрныи надъ тѣломъ святаго ангельское пѣніе безпрестани поюще. І приде на нихъ страхъ і ужасъ несповѣднмъ, никѣмъ же гоними и бѣжаша во градъ Муромъ, и затворшася, и готовляху оружіе бранное, и тѣхъ с нимъ пришедшихъ побнша же слугъ его. И въскорѣ приспѣ благовѣрный князь Константинъ со многымъ воинствомъ и взяша

тѣло сына своего князя Михаила в лѣсе поверженное, и воззопи ко Господу Богу со слезами, горко глаголи великимъ гласомъ: суди, Господи, обидѣнія мя и возбрани борющія мя, виждь агньца моего нелюбиваго и птенца заколеннаго, тебе ради, Господи, и ради крове сея отрока моего уставъ кровь войска моего, и гражданъ устраши, и предаждь ихъ мнѣ, Господи, в рудѣ мои безъ кровопролитныхъ брани. Не вѣрніи же граждане наидоша сѣбно противу ему братися, хотяше (ще) его прогнати, и бездѣла сотворити, и в посылѣхъ и в помошеніе взвести. И тако осія сердце сѣбѣомъ і охрани вѣрнаго слугу своего, князя Константина, изганаго страхъ изъ сердца его, и в весело забвѣніе взводитъ смерть, и наставляеть его на брань. Яко на шивчанъ цѣвѣтъ налезаетъ мечъ свой прежде всѣхъ, и тѣится к не вѣрной рати птти; они же не пускаютъ его. Онъ же глаголетъ к нимъ: азъ яко на нирѣ или на вечерю или на брань иду нитія многоцѣннаго испивати: ослабите ми, пустите мя тако прежде всѣхъ насъ; побѣду сотворю или самъ побѣжденъ буду! Не вѣрніи же граждане видѣвши храбрость и мужество его, Господу устрашившю ихъ, напале на нихъ страхъ и тревель; и въбѣгше въ градъ затворихася, и вскорѣ послаша о повинновеніи, и клятвами себѣ утвердиша, оброки и дань дати ему обѣщавшюся, точію не хотяще креститися. І пріиша его во градъ с великою честію. Онъ же пришедъ во градъ Муромъ со княгинею Приною, и съ сыномъ своимъ княземъ Феодоромъ, и со епископомъ, и з бояры, и съ воины, и со всѣми людьми своими, и сѣде во граде Муроме государствовать, укрѣпався вѣроу Христовою, препоясавъ чресла своя истинною, і обокъся во брѣви правды, и воспринѣхъ шить вѣры, и мечъ спасенія воспринѣхъ, еже есть слово Божіе, и воздвиге въ старомъ городѣ первоначальную церковь пресвѣтлугу Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, а по гречески нарицаетъся евангелистъ мапонагіа есеотока, и потомъ второй храмъ святыхъ страстотерпецъ Бориса и Глѣба, и ту устрои епископа, и потомъ нныя церкви. И по совершеніи церкви Благовѣщенія

Пресвятыя Богородицы, в той церкви погребе тѣло сына своего многостраднаго агньца, князя Михаила, предточю Муромскаго къ Богу, и вослѣша намять. Не вѣрніи же людіе, видяще сіа, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю творимо бѣ погребеніе, яко погребасму Іѣ князю Михаилу во знакъ на востокъ лицемъ, а ногилы верхъ холмоу не сылаху, но равво со землею на трзанища, ни дыми (!) ни битвы, ни кожи кроуниа, ни лицедранія, ни плача безвѣрнаго не творяху. І о томъ безуміи ругающеса и сѣющеса, вопрошаху христіанъ: что не по ихъ не вѣрныхъ обычаю погребенію? Они же имъ повѣдаху, яко се уставъ святыхъ апостолъ изложенъ повелѣніемъ Святаго Духа, а еже со свѣщани прохождение яко отъ темнаго сего житія ко истинному свѣту отходятъ, а на востокъ образомъ положеніе образующе будущее воскресеніе, и протчая тайны Христовы открываху имъ по малу, влекуще ихъ в разумъ истинны. Они же, велики жестоки, никакъ не внимаху ученію и къ молению вѣрныхъ не прекланяхуся. І о семъ святымъ князю Константиномъ въ величїи скобѣи и печали бѣ, и глаголаше в себѣ: что мой животъ, что пребываніе, что злато, и все во тѣлоту взѣмлю, аще не обращу людей сихъ подручныхъ ко Господу Богу и не крещеныхъ, како явлюся лицу его! какии принесу даръ, како хощу рещи: се азъ и дѣти, яко ми далъ Богъ! І о семъ безирестани размышляше и молишеса, да обратитъ ихъ Господь на истинную вѣру, и пость жестокъ воспріа, и во вся пощи слезныя источники въ молитве своей яко струя испущашо. І глаголаше имъ ласкою и любовію, и дары многими, і оброки легкіа обѣща и лготы, дабы ихъ привлещи во крещеніе. А иногда муками и ранами протяше ихъ. Они же втайнѣ совѣтъ творяху, еже убити святаго благовѣрнаго князя, или выгнати изъ града, но совѣтъ ихъ разораше Господь: огда приходяху предъ лице не вѣрніи людіе князя Константина, рудѣ ихъ задержавшюся, и не можаху отбѣжати противнаго словесе. Гос-

(*) Смерть написана имъ въ вариантѣ Румянц. Муз. № 163: во днѣи.

вѣдь бо Богъ соблюдалъ вѣрнаю службу своего невидимую силою. И во единъ убо от дней собраниши невѣрнѣи от мала и до велика во граде Муромѣ, і единомысленно совѣщаша совѣтъ лукавъ и безбожными своими клятвами заклинашася, еже по бесерньски шертъ глаголюша, еже убити святаго князя или выгнати из града. І во единъ убо от дней приидоша вси невѣрнѣи Муромстѣи народи ко двору благовѣрнаго князя Константина со оружіемъ и дрсколими, и сташа вси у вратъ его, хотяще его убити или выгнати из града. Видѣвшю же вѣрнѣи людію, вельми убояшася и затвердишася во хранихъ своихъ, готовляху оружія бранная и боренію сопротивныхъ. Благовѣрный же князь Константинъ никако же убояся, и оградися крестнымъ знаменіемъ, і укрѣпился силою крестною и помощію пресвятныя Богородицы, и ста на молитву съ сыномъ со княземъ Фодоромъ, и с княгинею Ирпною, и со епископомъ, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и з бояры, и съ воины, и со всѣми христианы православными, и въздѣвъ свои праведныя руцѣ на небо, и надъ на землю пред образомъ владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи с превѣчными ея младенцемъ Господомъ нашимъ Исусомъ Христомъ, со елезями моляшеся сице глаголюще; Господи Исусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ вѣрныхъ рабъ своихъ! Боже, сотворивый небо и землю, сѣдѣи на хоруവിхъхъ и призираи на новую тварь, призри, Господи, с небѣсе днесь, и видѣи, Господи, скорбь сердець нашихъ, і немощеніе плоти нашея, и дряхлость лицъ нашихъ, призри, Господи, днесь, и помози намъ рабомъ своимъ, и побори под возѣ наши вся враги наша, видима и невидима, и прожени ихъ, Господи, силою своею, и утѣдѣи славу твою, и прославятъ с нами имя твоо пресвятое! И потомъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ надъ вратъ образомъ Пречистныя Богородицы, глаголя: О всесвятая госпоже, владычице Богородице, вышши всѣхъ ангелъ і архангелъ, и вся твари честивѣишіи і избави насъ, рабъ своихъ, от вѣществіи силъ инопленихъ, і избави насъ, госпоже, своими богопріятными мо-

литвами отъ нашедшаго сего зла! Умоли, госпоже, Сына своего и Бога нашего о насъ, нищихъ, скорбящихъ и плачущихся, на тя надѣющихся, да не погибнемъ рабъ твоимъ, но да избавимся тобою отъ бѣды и отъ врагъ нашихъ видимыхъ и невидимыхъ, и совѣты ихъ разори и сокруши; ты бо едина радость и всему міру покровъ и заступленіе; тѣмъ же вопіемъ ти, припадаи: прими молебное пѣніе наше отъ недостойныхъ нашихъ и скверныхъ устевъ, отъ мерскаго сердца, отъ ума помраченнаго, отъ нечистаго азмыа, отъ скверныхъ мысли; паче же научи насъ, что намъ подобаетъ творити и глаголати, и вопіемъ ти сице: не презри насъ, всегосподованная царице, ибо никто же притекая къ тебѣ и призывая посрамленъ бывъ, и вся противнѣи дуси страхомъ одержими трепещутъ и боится имени твоего святаго, вѣдуци тя Божію матеръ, и кто, на ты надежду возложивъ, погибне, точію отметающіеся и непоклоняющіеся образу твоему написанному, мы же, поклоняющіеся пречистому твоему образу, благоговѣно почитаемъ; не имамы бо много Бога, развѣ Сына твоего и Бога нашего, и тебе по Господе госпоже царицу, исповѣдуемъ истиннаго Бога нашего Матеръ, и любезно вси чтемъ, и молимъ: милостива намъ сотвори Сына своего и Бога нашего, паче же покажи на насъ обычное свое милосердіе; можеша бо, елико хоцеша, умоли о насъ Сына своего, Христа Бога нашего, да помилуани будемъ, и да не погибнемъ за множество злыхъ нашихъ согрѣшеній, яко удалихся (хотѣи) отъ него за безчисленная беззаконія наша; сего ради прибѣгаемъ къ тебѣ, теплои помощнице и скорой заступнице: не имамы бо много упованія развѣ тебе, и нѣсть намъ много высочайша на небеси и на земли, яко же ты по Господе Бозе, и на твой пречистый образъ взирающе, яко истинную самую Тебо зримъ, и вѣрою сердочною и любовію еже отъ души поклоняемъ пречистому твоему образу, с превѣчнымъ ти младенцемъ, Господемъ нашимъ Исусомъ Христомъ, и молебная наша пѣнія и молитвы приносимъ ти, ужасающеся и трепещуще за недостойнство наше, и вопіемъ ти: помилуй насъ, мати Божіа,

покажи на насъ, убогихъ, древнія милости твоя всеми-
 нымъ ти воеводствомъ, яко же спасла еси царствую-
 щій градъ отъ скѣпскаго кагана, лукаваго вепря, пред-
 ставителя бѣсомъ, тако и нынѣ побѣди вся видимыя и
 невидимыя враги наша, и со слезами зовемъ ти: пред-
 стани в помощь нашу, да не погибнемъ до конца, из-
 ни насъ изъ руки злыхъ бусурманъ агарявскаго языка;
 остави насъ, падшихъ, и неприступны и страшны
 покажи врагомъ нашимъ, да убѣдятъ, яко тобою содер-
 жаны есмы и спасены! Спаси, владычице, спаси ду-
 ши наши, яко же твой градъ на тя уповающій спасла
 еси во славу и заступленіе вѣрнымъ, на посрамленіе
 злымъ бусурманомъ, і яко да твоимъ предстательствомъ
 и мы тмочисленное воинство бусурманъ агарявскаго
 языка побѣдимъ, да отъ выѣшнихъ бѣдъ тобою из-
 бавимся, благодарно вопіемъ ти: радуйся заступница
 наша теплая и непостыдная и предстательница необо-
 римая! О велия Божія милость и неизречены и неиз-
 слѣдованны судьбы его, и кто исповѣсть на насъ милость
 его, молитвами пресвятыя Богородицы! І абіе бысть
 гласъ с небеси глаголя: Константине, вѣрный мой ра-
 бе! вжалѣ бысть ми вѣрствъ, над многими ты поставлю:
 види в радость Господа своего! Услышана бысть мо-
 литва твоя; дерзай; не бойся: азъ есмь с тобою!

Благовѣрный же князь Коньстантинъ, со всѣмъ освя-
 щеннымъ соборомъ и со всѣми людьми, слышавъ Божию
 помощь, и споможеніе пресвятыя Богородицы, падаша
 на землю предъ образомъ Божія Матери от радости сер-
 дечныя, со слезами многими. І пріять образъ Богоро-
 дицынъ и поиде одинъ уединенъ къ безчисленному на-
 роду Муромскому невѣрному благовѣрный князь Конь-
 стантинъ, шмы на рукахъ икону Божія Матере с пре-
 вѣчнымъ ея младенцемъ, Господемъ нашимъ Іисусомъ
 Христомъ. Видѣвшіе же невѣрніи люди икону пресвя-
 тыя Богородицы аки солнце сіяющее и лице святаго
 Коньстантина аки ангельское, убоявшися велии и пад-
 шіе ницы, быша яко мертвы. Святый же князь Конь-
 стантинъ возгласи имъ велимъ гласомъ, глаголя: Отцы
 и братія моя драгая! востаните; не бойтеся, о братія мои;

повѣдите ми: чесо ради сѣмо пріидете ко мнѣ? Они же,
 яко древніи Валаамъ, и не по своему хотѣнію еднѣ воз-
 мога отвѣщати, и вси яко единѣми усты рѣша еднѣ
 погласно: О милостивый господине нашъ, благовѣрный
 князь Коньстантине! Пріидомъ моляти тя, яко да по-
 велиши насъ крестити во имя Отца и Сына и Святаго
 Духа въ Троицы славимаго Бога, и пріяти вѣру хри-
 стіанскую, вѣру православную, сіяющую наче солн-
 чныхъ лучъ, вѣру, преданную отъ святыхъ апостолъ и
 богоносныхъ отецъ і отъ седми вселенскихъ соборомъ
 утверженную, Святый же князь Константинъ, слышавъ
 отъ многочисленнаго народа невѣрныхъ людей града Му-
 рома, возрадовася радостію великою зѣло и поиде со
 своею благовѣрною книжиною Ирпюю и съ сыномъ
 своимъ княземъ Феодоромъ и со всѣмъ освященнымъ
 соборомъ в первоначальную церковь Благовѣщенія пре-
 святыя Богородицы, и повелѣ звонити в тяжкія коло-
 кола, и вшедъ въ церковь, ста на востокъ лицемъ, по-
 клонився предъ образомъ господнимъ до земли, и воздѣ-
 лѣвъ руцѣ свои на небо, и рече: Господи Іисусе Хри-
 сто Сыне Божій! славлю ния твоє святое, яко призрѣлъ
 еси на насъ грѣшныхъ, і избавилъ еси насъ отъ
 страсти ельминьскія, и не продалъ еси насъ въ руки
 врагъ нашихъ! Посемъ святый велимъ гласомъ бла-
 годарства Бога и многи слезы от радости изля, яко
 и поностъ ему омочити слезами; тако же и вси, иже
 с нимъ, похвалиша Господа Бога и Пречистую его Бо-
 гоматерь, и подыша самодержца от земли, подъ руце дер-
 жаще, яко отъ зельнаго пощенія велии ему извемогу,
 і очи ему отъ слезныхъ источникъ опухля бѣ; и многи
 дни преже сего ни ядмъ, ни пия, такоже и вси люди,
 иже с нимъ, плачущеса со слезами, и вѣсть такова: че-
 ловѣка не плачущеса, во вси с молитвою, и плачешъ, и
 воздыханіемъ немолчнымъ руцѣ свои на небо воздѣ-
 юще, молахуся Пресвятѣй Богородицѣ: О всесвятая гос-
 поже, владычице Богородице, ты, госпоже, избавила еси
 насъ отъ находюія иноплемевныхъ; избави отъ огня
 и моча и напрасныя смерти, отъ выѣшнихъ одержатицъ
 ны скорби и печали, нашедшихъ на насъ, і отъ востоя-

шаго гнѣва, и бѣды, и нужды, і отъ всѣхъ искушеній избави, Богородице, своими богопріятными молитвами, и заступи, госпоже, къ Сыну своему и Богу нашему, и въ проидущія лѣта да не погибнемъ, но да избави-са тобою отъ бѣдъ и отъ врагъ нашихъ, видимыхъ и невидимыхъ, и злыхъ челоуѣкъ. І умиосердися, госпоже, на насъ, нищихъ і убогихъ, на ты надѣющихся; нани отъ сопротивныхъ и во время скорби нашея помози намъ; буди теплая предстательница и помощница; да яко отъ вышнихъ бѣдъ избавишеся, благодарно возиѣмъ тебѣ: радуйся, заступница наша немощыдшая, радуйся о образованная, Господь с тобою! И во совершеніи млобнаго ꙗвіа рече благоуѣрный князь Константинъ ко освященному собору: отцы святіи, что рече Господь во евангеліи, никто же можетъ пріяти ко нѣ, аще не Отець, пославый на, привлечеть его! И похвали Господа Бога прудо всѣмъ, яко же рече писаніе. Первое начинаа ѡсакоє дѣло благопрослави Господа Бога усты своими и потоць да твориши начало дѣлу; душа бо освящается вѣроу, а тѣло освящается исповѣданіемъ и похваленіемъ Господнимъ. И восемъ заповѣда всѣмъ людемъ поститися отъ мяса, и млека, и питія, і отъ женъ своихъ воздержатися, и потоць пріяти святое прощеніе. По совершеніи же пощенія, повелѣ всѣмъ людемъ итти на реку, глаголюую Оку. И тако вси людіє с великою радостію идуху на рѣку з жєнами и з дѣтми, и всакъ возрастъ града Мурома мужескій полъ и женскій бродяху в рецѣ, оми до колеса, а нии до персей, друзи же до выи, презвитери же, по брегу стояще, молитвы глаголаху. А жени и дѣвци крестиша на особомъ мѣсте, а младеицы на рукахъ материи держии. И тако крестиша аса людіє града Мурома во имя Отца и Сына и Святаго Духа радующеся и славяще Бога. Се му же бывшу возгрозѣ грозъ с небеси страшно яко поколебатися всему граду Мурону. І явишася лучи огненнии страшни, надъ ними прішестіє Параклитова оуби ихъ, епископъ же и священницы мазяху гризною чело, очи, усты, носдри, уши, и надѣша вѣнцы красныя на гла-

вы ихъ, облаша на нихъ же кресты шиты и бѣлы ризы, и нагавицы и сапоги даша всѣмъ, и свѣщи горящія в рудѣ, и повелѣша имъ итти в первоначальную церковь Благовѣщенія пресвятыя Богородицы, вакъ же князь з бояры после вииде въ церковь, и видѣ народы в церкви стояще бѣло образующася, нии же около церкви стояще, множества ради не виѣстисхася. И взыде на высоко мѣсто, иже на то устроено, повелѣ всѣмъ молчати. Бывшу же молчанію, помолися святыи князь к Богу сице глаголя: Боже, сотворавый небо и землю! призри на новокрещенныя сіа люди града Мурома, и даждь имъ, Господи, увѣдѣти тя, истиннаго Бога і Спаса нашего Ісуса Христа, и утверди ихъ въ правой вѣре, и миѣ, Господи, помози на противныя враги, надѣюся на твою державу, покорю кози вражія. І обращѣся къ народу, рече велииъ гласомъ осклабленымъ лицемъ: Се заранъ новыи, языкъ святъ, очиченъ водою и Святымъ Духомъ; се полкъ ангельскій свѣтитъса; красуйся и веселся, избранное стадо Христово, сынове царствія Божіа! Блажені есте днесь порождени истиннымъ свѣтомъ Пресвятыя Троицы! днесь казюте неплѣннвою одеждо, молю вы, братіє, именовъ Господа; Бога и Спаса нашего Ісуса Христа и Пречистою его Богоматерію Пресвятою Богородицею, мужайтєся и крѣпитєся в вѣре нашей, и да ни кони сквернани не оскверните чистоты нашея. І устрои в дому своемъ три трапезы на всакъ день: первую епископу и священникомъ и черноризцемъ, вторую нищимъ і убогимъ и страннимъ, немущимъ вокоя, третію себѣ и бояромъ и велможамъ своимъ. Подобася святыи князь Константинъ царю Давиду и пророку Іезекілю, иже язьбраща Божій законъ паче всего. Видя же благоуѣрный князь вѣру людей своихъ, яко вси единовушно приступиша ко истинному въ Троицы славному Богу и сотвори в той день ииръ великъ, яко всѣмъ людемъ отъ мала и до велика быти у него, довольно учреди в по три дни ядми и питіемъ, паче же духовнымъ воученіемъ, и многи дары дал: первымъ и сановнымъ оза и вотчинны, нымъ кувы, нымъ свиты і обувенія,

инимъ златници и сребреницы, и грамоты лютныя, комуждо по чину и по достоинству противъ родства і отчества. И заповѣда имъ ставити церкви во градѣ і въ селехъ, и монастыри мужскіа и женскіа, и тако с радостію отпусти ихъ; и мнози дѣти своя в наученіе грамоте; мнози же и іноческіи чинъ приша, и бѣ радость велика на небеси и на земли во о единомъ грѣшницѣ клященя, но о безчленихъ душахъ града Мурома, яко просѣти державный князь Константинъ святымъ крещеніемъ. Посенъ у благоувернаго князя Константина преставися благоувернаго княгиня Ирина, и погребена бысть въ первоначальной церкви Благоуверненія Пресвятыя Богородицы. Посенъ убо вси людіе града Мурома во единъ день прославиша Христа в вси единодушно возвеселишася, почестъ велику и покореніе творящу державному князю Константину и сыну его князю Феодору, свободителя благодарно нарицающе; яко избавиша ихъ отъ идолюскія лести и поставиша ихъ на пажитъ духовную. И тако вѣра благодатная во всю область/державу его разпростресе и божожное озеро изше, евангальскій же источникъ заводися, в всю землю прикры, и до нѣсь пролился. И тако поживе благоуверный князь Константинъ и сынъ его князь Феодоръ во градѣ Муромѣ во благоденствіи, благоуверно, і благочестно, и богоугадо во Господу отиде (доста), и вселестася в вѣчныхъ обители, и восприѣста вѣнцы пресвѣтлыя от Господа Бога со всѣми святыми его. І услышавше граждане честное преставленіе святаго князя Константина и сына его князя Феодора, стеконшася всенародное множество града Мурома. И плавахуся по нихъ архіепископъ со архидіаконъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, князи и бояре, мужи и жены, юноши и дѣвы, старіа и сироты, вдованцы, и нищія і убозіа, мужескій полъ и женскій, и все множество безчисленное, бояре аки отца, людіе яко заступника, сироты и вдованцы яко пощеника и кормителя, и вси вкувъ, плачющеся, провожающе со свѣщани и свандыи, псалмы и нѣсни духовныя поюще, і вси со слезами, и нѣсть таково челоука во плачу-

щася, но вси с молитвою и воздыханіемъ немолчымъ погребоша ихъ честно въ старомъ городѣ в первоначальной церкви Благоуверненія Пресвятыя Богородицы. И погребоша ихъ въ лѣто 6740 году мѣсяца марта во 12 день, на память преподобнаго отца нашего Феодана исповѣдника.

Тѣмъ же престаша отцы дѣтей закалати на жертву бѣсомъ и сквернаго Моисеа пророкомъ называть, рѣкамъ і озеромъ тробы класти, дупливамъ деревянымъ вѣтви і убрисомъ обившвати, и имъ поклонатися, все престаша. И кладезинъ и потокомъ поклоняющейсѣ очныя ради немощи унывающіяся и сребреники в ны поверзающія, все престаша. Гдѣ коня закалающіа и во мертвыхъ роменнаа плетенія древолазнаа с нимъ (и) в землю погребаяющія, и битвы и крестія и лицъ катро-сканія творящія! Гдѣ смръвля і бѣсованія и горшакъ согрѣшенія восклицаящихъ? Все восранишася и ницъ лежать, и быша мертвы!

Сказаніе о основаніи града Мурома.

По преставленіи же святаго благоувернаго князя Константина съ чады, многими лѣтомъ живущимъ и во зануствіи града Мурома от невѣрныхъ людей, и послѣ благоувернаго князя Петра и благоуверныя княгини Февроніа тако же, многими лѣтомъ ниомошедшимъ, прииде изъ Кіева въ Муромъ градъ благоуверный князь Георгій Ярославичъ и постави себѣ дворъ в Муромѣ; такожде и бояре его и вси купцы Муромскіа; и первоначальную церковь Благоуверненія пресвятыя Богородицы обновилъ, такожде и вторыи храмъ святымъ страстотерпице Борису и Глѣба обновилъ, і епископа по прежнюю у нихъ церковь устроилъ, именемъ Василія, мужа праведна и благочестива. Искони же ненавидѣя діаволъ челоуческихъ добродѣтелей, иже древній губитель душамъ христіанскимъ, нача на святаго епископа Василія сповы творити, яко да прилична его блудному дѣлу сотворитъ, и вообраза себе діаволъ въ дѣвину.

и объявляя всемирному множеству града Мурома из хранины во оконце святительское, будто держитъ у себе святитель Василій на ложи дѣвицу, иногда же из хранины хождаше от епископа. Видѣше же сіе народъ града Мурома, такоже и велиожи и боларе. Во единъ же убо день собравшеса вси и приидоша ко святителю Василію въ вечернюю годину, и видѣша вси людіе дѣвицу бѣжашу по степенемъ ко святителю в колою, нищо сагоги в рукахъ своихъ: видѣвъ же народъ сіе налѣха вопиюще: о епископе! не достонтъ тобѣ дѣвицу нѣтъ во хранинѣ своей на ложи своей у себе! Святый же Василій епископъ рече: отцы и братіа! неповицешъ есмь дѣлу блудному сему, еже вы речете ми! Слышавъ же се народъ от епископа наипаче же налѣха вопиюще: о епископе! лжи творили: видѣхомъ бо вси дѣвицу, бѣжашу к тебѣ. Видѣвъ же святый Василій итѣжъ и ключъ в людехъ велиі; ниш же налѣха вопиашу: за сіе дѣло убьемъ его! Святый же епископъ Василій, слышавъ от нихъ, уклонися на моленіе к народу: отцы и братіе, дадите ми мало времени до утріа до третіаго часа дни. Слышавъ же се народъ, разоидошася по домохъ своихъ; и по отшествіи народа святый Василій епископъ со слезами всю ноцъ моляшеса Богу, и всенощное пѣніе сотвори въ хранинѣ святыхъ стратотерпецъ Бориса и Глѣба, и отиѣвъ литургію, поиде молитися в первоначальную церковь Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, и нача молитися пред образомъ Пресвятыя Богородицы, иже пірде изъ Києва з благовѣрнымъ княземъ Константиномъ; и по отиѣтїи колѣбнаго пѣнія, святый Василій, приѣмъ икону Пресвятыя Богородицы с провѣчнымъ младенцемъ Господемъ нашимъ Исусомъ Христомъ, на ню же возложи надежду святый Василій епископъ о своемъ спасеніи, и поиде из церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы і из епископїи своея до рѣки, нарицаемыя Оки: провождюще же его велиожи града Мурома и весь народъ, хотяще ему судно дати ко плаванію. Святый же стоя со образомъ Богородичнымъ на брезѣ, снемъ с себя мантию, и простре ю на воду, и восту-

пи на ню, нося образъ Пресвятыя Богородицы. І абіе святый Василій несенъ бысть духомъ бурнымъ и со образомъ Богородичнымъ противу быстринъ рѣчныхъ струй, отнюду же она рѣка течеть. Видѣша же сіе чюдо муромстїи граждане вопиашу вси от стара и до мала, со слезами глаголюще сице: О святый владыко Василій! прости насъ грѣшныхъ рабъ своихъ: согрѣшихомъ пред тобою! О владыко святый Василій! кому насъ оставиши сирыхъ! Отче святый владыко Василій! не забуди насъ рабъ своихъ! І абіе святый Василіе епископъ взятся от очію муромскаго народа по игновеніи ока въверхъ по Окѣ рекѣ. Бысто же чюдо сіе в третій часть дне, и того же дни въ девятый часть принесенъ бысть в мѣсто, еже нынѣ зовомо Старая Рязань. Ту бо тогда пребываху князи рязанстїи. И великій князь Рязанскій, именовъ Олегъ, срѣте его со кресты и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и приѣтъ святаго праведнаго епископа Василія, радующася со всѣми православными христіяны. И тако пребысть Муромская епископїа в Рязани. Наричаетъ же ся и до днесь Борисоглѣбская, одержанїа ради града Мурома святому князю Глѣбу. По семъ же Муромъ от рязанскихъ епископовъ благословляется, сами же к тому епископи в Муромъ не возвращахуса и нарицахуса прежде Рязанстїи и Муромстїи, а егда бѣяху носѣщенїа ради епископи во градѣ Муромѣ, тогда нарицахуса прежде епископи Муромстїи и потомъ Рязанстїи. Чюдотворная же та икона пресвятыя Богородицы, иже епископа Василія принесе из Мурома на Рязань боготворною своею силою, и донныѣ в Рязани есть. Той бо святый Василій епископъ вѣру і упованіе возложи на образъ Пресвятыя Богородицы и Приснодѣвы Марїи. Удивити хотя милостію своею пречистая Богородица, і явити хотя без порока своего вѣрнаго раба от губителя врага душъ христіянскихъ; во едину убо шесть часомъ святый Василій епископъ принесенъ бысть въверхъ по рѣкѣ по Окѣ множае двусотъ поприщъ! О пресвятая дѣво владычице Богородице мати Божїа! кїй языкъ исповѣсть твоя чюдеса или каа мысль по достоинству по-

хвалити возможесть твои благодѣянія: како молишися с нами Отцу и Сыну и Святому Духу о нашихъ согрѣшеніяхъ! Се бо сдышахъ по самаго зрака твоего, по от образа твоего написаннаго ужасаетъ ми умъ і удивляетъ помыслъ. Хотѣхъ бо распространити и во вѣмъ, како написати, понеже оттуду много глѣтъ престоша, і азъ о семъ недобрѣ свѣдѣхъ, и боюся, да не явлюся глаголю ложь. Якоже слышахъ, тако и написахъ. Имѣи въ помощь исправляющую Владычицу нашу всѣхъ Богоматерь, еже до стоятъ всему христіанству безпрестанно ей молитися, да избавитъ насъ отъ навѣтъ вражійхъ своими материни, еже къ Богу, молитвами.

[The following text is extremely faint and illegible due to the quality of the scan. It appears to be a continuation of the narrative or a list of names, but the characters are not discernible.]

ПРИМЪЧАНІЕ.

Разсматривая критически происхождение и складъ повѣсти о Константинѣ, просвѣщенный Макарій (Истор. Рус. ц. II. 19) находитъ, что житіе, въ которомъ она заключается, составлено въ XVI вѣкѣ, по открытіи мощей благовѣрнаго князя Константина; самъ же этотъ Константинъ долженъ быть называемый въ лѣтописяхъ княжескимъ именемъ Ярославъ Святославичъ, сынъ Святослава Черниговскаго, внукъ Ярослава великаго. Время прибытія его въ Муромъ слѣдуетъ отнести ранѣе 1088 г. когда по лѣтописнымъ извѣстіямъ онъ уже находился въ Муромѣ. Но смотря на позднее составленіе житія, что видно и по слогу, самая ткань повѣсти принадлежитъ болѣе отдаленной древности; повѣсть эту слѣдуетъ разсматривать, какъ благочестивое преданіе, сохранившееся у мѣстныхъ жителей о величайшемъ со-

бытіи ихъ исторіи. Извѣстіе о почитаніи Могаммеда въ Муромѣ не противорѣчитъ вѣроятности и показываетъ, что до распространенія христіанства заходило туда могомеданство, какъ кажутся, отъ Волжскихъ Болгаръ. Подробности о языческомъ богопочитаніи также имѣютъ историческую достовѣрность, тѣмъ болѣе, что народы чуждаго племени, населившіе восточную Россію, послѣ распространенія христіанства, долѣе Словянъ сохранили языческіе обычаи. Этому способствовало различіе языка, ставившее преграду ровности славяно-русскихъ проповѣдниковъ. Народы эти утрачивали язычество вмѣстѣ съ своею старою народностію. Епископъ Василій, о которомъ сказаніе составляетъ какъ бы дополненіе повѣсти о водвореніи Христіанства, жилъ въ концѣ XIII вѣка.

ПОВѢСТЬ

О ПОБѢДѢ НОВГОРОДЦЕВЪ НАДЪ СУЗДАЛЬЦАМИ.

1900

1900

ПОВѢСТЬ

О ПОБѢДѢ ПОВГОРОДЦЕВЪ ПАДѢ СУЗДАЛЬЦАМИ.

(Илистр. Публ. Библи. Цолод. дреселскр. № 1345.)

Восточными сѣвѣшаго знаменїа и чюдеса от иконы Пресвѣтыя Богородицы иже на Великомъ Новгородѣ. Калогослови отъ.

Въ великомъ Новгородѣ лѣто 6804 в то же время Новгорода людіе житие ишаху самоцѣлство по своей волѣ, никниже обладаемъ властвующе областію своею, якоже нѣкогда лѣто естъ, и князя ивѣюще от нѣихъ странъ призваннаго в отищеніе сопротивнымъ. Бысть же у нѣихъ в то же время князь Романъ сынъ Мстиславъ внукъ Изяславъ. По семъ Двиняне отиотнувшеса от Велика Новграда, не восхотѣша дати дати Новгородцемъ, но предавшеса князю Андрею суздальскому; новгородцы же, совѣщавшеса на Двиню даника своего дати собирать, яко же бѣ нѣмъ обычай и с нѣмъ послаша оупъ ити ковоцъ по ступу мужу. Слышавъ же пререченый князь Андрей, ожесточися на Новгородцевъ, и посла на нѣхъ тысящу ратныхъ ратникъ избранныхъ; и соступишася на Бѣлѣ Озерѣ, и начаша битися, и много сѣчи сотворше, и от полка Андреева паде много ратныхъ, а нѣмъ уязвени быша, и бѣжаша; Новгорода же паде яко петнадесятъ мужей. И посемъ князь Андрей на ярость болна поданкися, и пакы собра силу велику от различныхъ странъ, хотяше ити на Великій Новгородъ, и Божїихъ поущенїемъ ввезану болѣзни на него настїгоша; оупъ же ни мало преста от такового начинанїа, и посла сына своего Романа со всею силою своею суздальскою и нѣмъ князь Мстиславъ

и всѣхъ князей содымидесятъ и два со многими силами. Придоша на Великій Новгородъ на свою (!) погубель. Человѣци же Новграда, слышавше силу велику, грядущу на нѣхъ, бяху в скорби велицѣхъ и недоумѣнїи, ни откуда помощи надѣятися, токмо на Бога и Пречистую Богородицу возложыше надежду, и забрала около города сотворше. Суздальцы же пришедше со всею силою своею и пакы стояху подъ градомъ три дни; в третїю же ноцъ иже тогда святѣйшему архїепископу Іоану стоящу и молящуся Христу Богу нашему со слезами пред честнымъ образомъ Господа нашего Исуса Христа о избавленїи от нашедшаго на градъ и слыша глаголѣ глаголющъ: иди в церковь Господа нашего Исуса Христа, иже на Ильинѣ улицѣ, и возми тамо образъ Пресвѣтыя Богородицы и вознеси на забрала града противу суностатъ, и абїе уариши спасенїе граду. Чюдный же той архїепископъ Іоанъ, яко слыша гласъ невзреченный, радости исполнися и умоу дивяся, и пребысть без сна всю ноцъ; и пакы утру бывшу, созва соборъ, и повѣда нѣмъ бывшїй гласъ к нему: народъ же слышавше и прославиша Бога, и со гласомъ яко ивѣкую силу воспрїимше дерзаше; посемъ свѣти

(!) Зѣкъ одно слово по разбору.

тель посла по протодіакона с кивросомъ принести честную икону на соборъ. Протодіаконъ же пришедь в церковь, поклонися чудотворному образу пресвятыя Богородицы, и хотя взяти, и абіе не подвижеса с мѣста своего. Онъ же шедъ, повѣда святителю; святитель же иде со тшаніемъ соборомъ, и пришедь в церковь, вадъ на колѣни свои пред образомъ Владычицы Богородицы, молишеса со слезами, глаголя: О премолюстивая Госпоже, Дѣво Богородице! Ты еси упованію, и надежа, и заступница граду нашему! И прочая милобная благовѣрно святѣй Богородицѣ. И абіе видихъ честную оную икону о себѣ подвигшуся; народъ же видѣюще сіе неизреченное чудо и взываху: господи помилуй! Святитель же Іоаннъ, вземъ честную икону любезно и съ прочимъ народомъ облобызавъ ю, и даде съ (ю?)

дѣтва діаконю; самъ же с народомъ послѣдоваша милобная совѣщаючи, и посемъ вознесоша честную икону противу ратныхъ на забрала града: и бысть яко часть шестый, се начаша болши ратовати, и испустише стрѣлы яко дождь на градъ, и абіе честная она икона обратися лицемъ, а не токмо образомъ, но и милосердіемъ. Увидѣвъ же святитель слезы от иконы яко итѣки едесскій источникъ, и приять я (на) есолью свои. И разгнѣвася Госнодь на сопротивныхъ; и в той часъ вокры ихъ тма; и начаша другъ друга сѣщи и на смерть предавати. Гражане же, видѣвше такуюю побѣду на сопротивныхъ, и вышедше из града, оныхъ избивша, а иныхъ живыхъ емше, богатствонъ (же) и плѣвонъ доволно исполнишася, помощію святыя Богородицы. Богу нашему слава нынѣ и присно, и во вѣки вѣконъ, аминь.

ПОВѢСТЬ

О ПУТЕШЕСТВІИ ІОАННА НОВГОРОДСКАГО.

ПОВѢСТЬ

О ПУТЕШЕСТВІИ ІОАННА ПОВГОРОДСКАГО,

(Рукопись Румянц. Муз. № 134 рук. XVI в.)

15

Давно о великомъ Іоанне архидиаconi Великаго Новаграда, како бѣхъ во единой ноци изъ Новаграда ко Иерусалимъ граду и пакы возвратился къ Великимъ Новаградѣ точныи мѣси. Еликовѣ.

Повеже оубо иѣсть се достойно молчанію продати, же Богъ сотвори свѣтителемъ своимъ Иоанномъ, инода же бывають со искушеніемъ надъ святымъ поноупомъ Божиимъ, да боля прославятся и просвятятся, ко алато искоушению. Прославляющаго мя, рече, пролавлію: дивенъ бо естъ Богъ во святыхъ своихъ; Богъ прославляя святыя своя; и пакы рече Христосъ: се власть азъ имѣю надъ душы нечестивыи. Во единъ оубо отъ дивнаго святому по обычаю своему в ложицы своей поити поити совершающе, ииѣше же святыи сосудъ водою стоящъ, святыи изъ него же оумывашеся; и слышавъ изъ сосуда опомъ некотораго боробрюща в волю, и прииде скоро святыи, оуразоумивъ бѣсовское нечестіе, и сотвори молитву, и оградъ сосудъ, лоукавоу запрети бѣсоу; хотяще возстрашити святаго, но приазися твердоу адиамантоу, твердаго жъ адиаманта не околеба и самъ вселоукавый сотресе; и не на долгъ вѣкъ, и не погнѣ часа терпѣти бѣсъ, нача вопіяти: о ютъ поужде сѣя! се бо паливъ осмь огнемъ: немогоу урпѣти; скоро испусти, свѣтче Божій! Святыи же рече: кто оси и како сѣно придо? Діаволъ же рече: азъ смь бѣсъ лукавый; и придохъ смутити тя; инакъ бо то человекъ оустрашился, и отъ молитвы оупразднился; ты же не азъ заключи в сосуде смь; се бо яко

ономъ паливъ осмь зѣло: горо ииѣ оканчивоу! како прелстихся, како видохъ сѣно: недооумѣюся! ииѣ же испусти мя, раба Божій, и отсоль не инакъ принти сѣно! Надолѣ вопиющюу неприазненноу, свѣтыи рече: се азъ дерзость твою повелѣваю ти: сеи ноци доносѣ мя изъ великаго Новаграда во Иерусалимъ градъ, и постави мя оу церкви, идиже гробъ Господень; и изъ Иерусалима сѣе же ноци в келіи ношѣ, в ню же держоуль оси вшити; и азъ ты поущу. Бѣсъ же вслѣсски обѣщасѣ сотворити волю святаго; токмо, рече, испусти мя, раба Божій, се волоти (?) стражу. Святыи же запретиъ бѣсоу, испусти, рекъ: да боудши яко конь оуготовленъ, предстои предъ кельюю ношоу, и да инакъ вшити на тя, и совершити желаніе свое. Бѣсъ же изыде яко тма изъ сосуда, и ста яко конь предъ кельюю святаго, яко же трѣбъ святому. Святыи же изыде изъ кельюю своєю и вооружѣ се бо крестомъ и благословеніемъ, и всѣде нашь, и обрѣтосѣ тоо же ноци во Иерусалимъ градѣ близъ церкви святаго, идиже гробъ святаго и животворящаго древа. Бѣсоу же запрети, да не отидеть отъ того мѣста. Бѣсъ же стоя никакы погнѣ двигнувшись с мѣста, дондеже святыи прииде къ церкви святаго воскресенія, и ставъ предъ дворьми церковными, и преклонивъ колѣни, помолися, и отворзашасѣ двери церковныя сами о себѣ, и свѣ-

ца и взглянула въ церкви оу гроба Господня возглагола Святый же благодарствие Бога, и пролиа слезы, и поклонися гробу Господню и облобыза, и тако же в животворящему древу, и всѣмъ святымъ иѣстомъ, образъ, иже соуть в церкви. Святый же изыде из церкви, совершивъ желаніе свое; и пакы двери церковны о собѣ затворилася. И обрѣше святый бѣса столпа на томъ мѣстѣ, и дѣло повелѣи емоу, яко коня оуготована, и всѣде наъ святый, и обрѣтесе тоо жъ ноци в Великомъ Новѣградѣ в келии своей, и отходя бѣсъ из келии святаго, в рече: о Иванно! ты мя потрудивъ единой ноци донести себо из Великаго Новѣграда во Иеросалимъ градъ, се бо тоо же ноци в Великій Новѣградъ изъ Иеросалима града; се бо заперченіемъ твоимъ яко оужми нераздреннѣно держитъ быхъ и бдѣнии сия протерпѣхъ; ты же не повѣси никою же збывашася о мѣ; аще ли повѣси, азъ яко на ти знавъ искушеніе навести: впаши бо яко блудникъ осуженъ быти, и много пороуганъ, и на плоть положенъ парѣцаской рѣки Волховъ. Сия же блудницю лоукавою, святый же сотвори крестное знаменіе, изчоло бѣсъ. Никогда же бы святою, яко же имѣше и обычай, оупражняющоуся въ духовной бесѣдѣ со честными игоумени и со искусѣннѣшими черен и з богоблазнымыи поужи, оученіе свое простирающоу, еже на пользю, людѣмъ же послушающимъ в сладость оученія святаго, не лѣннѣ бо башо еже поучити люди, тогда же о мнозѣ иѣкоторыхъ сказоуа, еже збытѣся изъ немъ. Азъ, рече, сѣмъ такового чловѣка бышиа во единой ноци из Великаго Новѣграда во Иеросалимъ градъ, и поклонився гробу Господню, и пакы тоо же ноци возвратившася в Великій Новѣградъ. Игоуменомъ же и всѣмъ людѣмъ оудивльннѣмъ о семъ; и оттого времени попущеніемъ Божиимъ нача бѣсъ искушеніе на святаго заводити. Народи же оубо града того многажды видахоу яко живоу блудницю текоущи из келии святаго; народи же соблажняхоуся отселе и много же начальницы града тог. приходилце в келию святаго, благословенія ради, видѣти чюиство дѣвичье лежаще, и сандалии

женская, и рубища, и о семъ оскорбляхоуся, недоуумѣяхоуся что рещи. Вся сия бѣсъ мечтоуа показовашеся имъ, да востанууть на святаго, и возглаголатъ неправедная, издженууть. Народи же с начальники свои со вѣтованіемъ рекоша къ собѣ: неправдоо же таковому святителю быти на апостольскомъ простолѣ блудницю соущоу: идемъ и издженемъ! И о таковыхъ людѣхъ Давидъ рече: иѣмы да возглаголютъ оустны лживыя, глаголющая на праведнаго беззаконіе гордышею и оупничиженіемъ; понеже онъ мечтанію бѣсовскому вѣры имѣше, имущо же яко и живовъскоую совѣщницю. На подлежащее же возвратився. Пришедши народъ къ келии святаго, бѣсъ же поточе народомъ зрящимъ во образѣ отроковцы, яко из келии святаго. Народи же восклицаша да изымоууть еи. И не можахоу гнать во долно (*). Святый же слышавъ молвоу народа оу келии своей и изыде к нимъ и рече: что есть, чада? Они же изглашався яко видѣша, святаго же глаголомъ не внимахоу, и осудиша его яко блудника, више его поудина, пороугашася емоу, и недоуумѣяхоуся, чтобы сотворил емоу, и оумислиша тако: посадимъ его на плоть на рѣцѣ на Волховъ, и да выплыветъ из града нашего внизъ по речѣ. И выводеша святаго в цѣломудреннаго і великаго святителя Божия Ивана на великій мостъ, еже есть на речѣ на Волховѣ, и вкызвысивше сватаго, на плоть посадиша. И збысть лоукаваго мечтаніе. Дьяволъ же нача радоватися, но Божия благодать прекоже, в святаго вѣра к Богоу молитва. Егда же посажонъ бысть святитель Божій Иванъ на плоть, на речѣ на Волховѣ, и поплыве плоть въ верхъ рѣки, викниъ же пороваемъ, на немъ же святый сѣдѣше противу великия быстряны, еже есть оу великаго мостоу, ко святаго Георгия монастырю. Святый же моляшеся о нихъ, глагола: Господи! не остави имъ грѣха сего; но видѣть бо что творятъ! Дьяволъ же видѣвъ, посрамися, возрыдася. Народъ же, видѣвшо таковое чюдо, разтерзахоу ризы своя и возвращахоуся рекоуще: согрѣшихомъ; неправдоо со-

(* В текстѣ должно, на полѣхъ приписано изъ долноу.

дѣломъ о отцы семъ; пастыря осудихомъ; се бо видѣмъ яко от бѣсовскаго мечтанія се сотвориша намъ! И скоро шедше в великую церковь Премудрости Божію; и велѣша священному собору: иеремъ и диаконъ, се кресты войти в верхъ по брегоу рѣки Волхова къ святаго Георгия монастырю, и молити святаго, дабы возвратился на престолъ. Священный же соборъ скоро со тишаніемъ взяша честныя кресты в инокѣу Пресвятѣй Владычицѣи нашеи Богородицы, яко же лѣно бѣ, и поидоша по брегоу въ верхъ рѣки Волхова, во слѣдъ святаго, молящися, дабы возвратился на престолъ свой; тако же и народи они, иже преже ковь на святаго воздѣвшѣ, текоуще по брегоу рѣки Волхова къ святаго Георгия монастырю, оумилень гласъ вснущахоу, глаголюще: возвратися, честный отче, великій святителю Иванъше, на престолъ свой, и не остави чадъ своихъ сврыхъ, и не помани, еже согрѣшихомъ к тебѣ! Предваривша святаго и мосящихъ іереевъ честныя кресты близъ святаго Георгия от монастыря яко ноль поприва, и сташа. преклоняюще главы своя до земля, моляще святаго, слезы проливающе, тако же глаголюще, якоже рѣхомъ: возвратися, честный отче, пастырю нашъ, на престолъ свой; грѣхъ бо нашъ пред нами есть всегда; пред тобою согрѣшихомъ, діавола лоукаваго мечтаніемъ прелстихомся; тако сотвориша дерзноюхомъ; яко оубо безотвѣтні прощіяи просимъ; но о боголюбче, и благословенія твоего сподоби насъ! И на многа глаголахоу, моляще святаго; не скоро бо пловяше святыи на плотѣ ономъ противу великіе быстрины, но яко нѣкотою божественною силою носимъ благоговѣнно и честно, но бо предваряше носящихъ честныя кресты по брегоу, но равно святыи пловяше с носящими иерѣи и диаконъ честныя кресты; и егда священныи соборъ с честными кресты придоша к иѣстоу, идѣаю они народи стояще бяхоу, и начаша вкоуиѣ больша молити со слезами святаго, дабы возвратился на престолъ свой. Святыи же послуша моленія ихъ; яко по воздухоу носимъ, ко брегоу приплыве, и воставъ с плота, спиде на брегъ свитый. Народи же, видѣвшѣ, радовахоуся, яко

оумилена святаго возвратитися, и иже сѣя, еже согрѣшихомъ ко святому, прощенія просице. Безлюбивая же она душа прощіяи сподобляеть ихъ. Мнози же от нихъ на ноль падающе, слезами обливахоу ноль его; друзми же ризами знаменахоуся святаго, и с проста рещя, другъ друга оутѣсняхоу, хотяще поно видѣти святаго. Святыи же благословяше ихъ; и тако поиде со кресты чюдопосланныи архіерей Божій Иванъ во святаго Георгия монастырь, и со священнымъ соборомъ ижебная совершающе пѣнія и множества народа во слѣдоующихъ и глаголющихъ: Господи помилуй! Архимандритѣу же и инокѣу монастыря того по вѣдоущимъ, яко архіерей Божій Иванъ грядеть в монастырь. В то же время въ святаго Георгия монастыри бѣ иѣкій человекъ яко оуродъ ся творя, прозорлива же дара иѣтъ от Бога благодать; сей скоро притече къ архимандритѣу монастыря того толькій въ дворѣ келія его, и глагола: изыди противоу великаго святителя Божіи Иоанна, архіепископа великаго Новграда и Пскова; сей грядеть к намъ в монастырь. Архимандритъ же оусумиѣвся, и посла скоро видѣти бывшаго. Посланнѣи же шедше и оувидѣша от народа, тоу соущаго, вса бывшая яко о святѣмъ, и скоро возвратившися и воздѣвша архимандритѣу. Архимандритъ же повелѣ в тяжкая звонити. И спешившися инокѣу великия тоя лавры, и взявъше честныя кресты, и изыдоша из монастыря противоу великаго святителя Божіи Иоанна. Святыи же видѣвъ, кождо ихъ благословяше, и приде в монастырь, и вшедъ в церковь святаго великомученника и стратотернца Христова и славнаго чюдотворца и побѣдоносца Георгия, со архимандритѣомъ монастыря того, и всѣмъ священнымъ соборомъ, и со инокескимъ чиномъ, и со множествомъ народа, молебная совершивъ, и тако ѣ великою честью возвращается на престолъ свой въ Великій Новградъ. Сия же самъ о себѣ исповѣда священному собору и прочимъ людемъ: како хотяше его бѣсъ пострашити, и како былъ во Иерусалимѣ градѣ во единой ночи из Великаго Новграда, и вса, яже събысться ему, порядоу сказа, яко же преди речеса; и оучаше

ить святой, глаголю: чада! со испытаніемъ всяко дѣло творите; да не прельщени будете діаволомъ; да всегда с добродѣтелию и злобу приплетеноу обращете, и соуду Божию повинныи будете: страшно бо есть власти в роуцѣ Бога жива! И о семъ мало да промолчимъ. Князь же и начальници града того, совѣтовавшо со множествомъ народа, поставиша крестъ камень на томъ мѣстѣ на брегоу, ядѣже пришлое святой, яко и

до нынѣ стовѣть во свидѣтельство преславному чудеси святаго, в вакканіе сонмицы Великаго Поваграда, да паки тако не дерзаютъ скоро без испытанія святителя осуждати и нажевоути. О святымъ бо своимъ Христосъ рече: блаженни изгнани правды ради; яко тѣхъ есть царство небосноо! А яко святыхъ изгонати без правды кий отвѣтъ имоуть?

ЛЕГЕНДА
О ПОСТРОЕНІИ ВАРЯЖСКОЙ БОЖИЦЫ
ВЪ ПОВЪГРАДЪ.

ЛЕГЕНДА

О ПОСТРОЕНИИ ВАРЯЖСКОЙ БОЖНИЦЫ ВЪ НОВГОРОДѢ.

(Русск. Библ. Рук. Муз. № 39.)

Посѣтъ древнихъ лѣтъ, аже содѣшася къ Великому Новѣгородѣ. Съ посадника Добрыня.

Въ лѣта благочестивыхъ великихъ князей нашихъ Рускихъ, живущимъ Новгородцемъ въ своей свободѣ и со всѣми землями въ мирѣ и совокупленіи, прислаша нѣици отъ всѣхъ седмидесяти городовъ посла своего, брата челоука архіепископу Новгородскому, и посаднику, и тысяцкии въ всему Великому Новугороду, глаголюще: ильме наши сосѣды! дайте намъ мѣсто у себѣ, посреди Великаго Новгорода, гдѣ поставити божница по нашей вѣрѣ и обычаю. И новгородци оттолкнуша ихъ рекуще: милостию Божіею и его пречистымъ Богоматери, и отца нашего господина архіепископа благословеніемъ и молитвою, у насъ въ вотчинѣ господы нашихъ великихъ князей Рускихъ, въ Великому Новѣгородѣ, стоятъ всѣ церкви православныя наша вѣры христіанскія, ино кое причастіе свѣту ко тѣмъ, такожь и нашей божницы быть какъ въ нашомъ градѣ? Бѣ же тогда посадникъ степенный Добрыня именовъ, и нѣици слышавше жестокии отвѣтъ отъ архіепископа и отъ всего народа, и своимъ лукавствомъ биша челоука посаднику Добрыня, и даша ему посулъ великъ. О семъ ю и Соломонъ рече: всѣ послушаютъ злата. Посадникъ же Добрыня и съ злыми своими совѣтниками повелѣ нѣицѣмъ говорити старостамъ купецкимъ и купецемъ новгородскимъ: только нашей божницѣ храму святыхъ

верховныхъ апостолъ Петра и Павла не быти у насъ въ Великому Новѣгородѣ, и то нашихъ церквамъ у насъ по нашихъ городанъ не быти жѣ. И то слышавше старосты купецкіе и всѣ гости новгородскіе, начаша бити челоука господину своему, отцу архіепископу нима рекъ и всему Великому Новуграду, рекуще: пожалуйте позволите нѣицѣмъ поставити ропату по ихъ обычаю и вѣрѣ, и мѣсто ихъ дайте гдѣ полюбятъ; заюже не будетъ ихъ божницы здѣ, ино нашихъ церквамъ у нихъ не быти. Тажь и посадникъ Добрыня за старость и за гости начатъ говорити: только не будетъ нашихъ церквей по нѣицкимъ городанъ, ино нашихъ гостемъ новгородскимъ велии будетъ нужно; и архіепископу и новгородци послуша(ша) посадника совѣта и гостей своихъ челобиты, позволиша нѣицѣмъ поставити ропату, а мѣсто ихъ укажетъ посадникъ, гдѣ будетъ прилично; и нѣици избраша себѣ мѣсто посреди града въ торгу, гдѣ стоятъ церковь древяна святого Іоанна Предтечи. Посадникъ же Добрыня, ослѣпленъ мадою и наученъ діаволомъ, повелѣлъ церковь святого Предтечи снести на ино мѣсто, а то мѣсто отвелъ нѣицѣмъ; Предтеча же Господень не терпя вразнъ на нѣта, и его злаго совѣтника, что испоругалъ святыи его храмъ мады ради; въ ноци убо той услыша по-

поиарь той церкви предтечевы гласъ глаголющъ ему: заутра на третъиень часу дневномъ види на великій ность и новели новгородцемъ смотрити добрынина посадиныа чюда. И поиоарь заутра возвѣсти новгородцемъ яко слыша, и абіе стекошася множество народа на великій ность видѣти, что хоцеть быти. И како жь побѣа посадиныа Добрыни съ вѣча къ своей уллицѣ чрезъ Волховъ въ насадѣ съ людьми своими, и виеззпу приде вихрь, и вземъ насадъ, взнесе на высоту, яко болѣ дву саженой, и ударя о воду, и ту шотоно посадиныа Добрыни ко дну, а прочихъ всѣхъ мерениша въ судѣхъ въ малыхъ перевозники, и тако новоды, ирежани и ужи едва възмогша вывлещи тѣло его изъ рѣки; за свое же лукавство, не получи и погребенія, яко естъ обычай православнымъ. Сіи ни побѣда игуменъ Сергій Островскаго монастыря отъ святаго

Никола, отецъ Занхіевъ, ииавѣшнаго игумена Хутынскаго,

Ⲙ той же ропатѣ.

И яко же съврѣшиша вѣицы ропату свою, и нашла иконниковъ новгородскихъ, и повелѣша ихъ написати образъ Спасовъ на ропатнемъ углу, на полуденній странѣ въ верху, на прелесть христіаномъ и на соблазнъ; и якоже написаша иконописцы образъ Спасовъ на ропатѣ, а архіепископа не доложя, и открыша покровъ, и абіе вскорѣ томъ часѣ приде туча съ дождемъ и съ градомъ, и выбило градомъ и вѣсто то, видѣже былъ написанъ образъ Спасовъ, и левкасъ смыло дождемъ, якоже не ливитсь ни знаменію. Писанія сія же до здѣ.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Легенда эта составилась уже по образованіи союза ганзейскихъ городовъ, слѣдовательно гораздо позже дѣйствительнаго построенія варяжской божницы (прископическаго храма для прибалтійскихъ торговцевъ), существовавшей въ Новгородѣ въ XII вѣкѣ. Тогда же была и русская церковь на Готландѣ, главномъ центрѣ балтійской торговли.

ATTENTION

STATION COMMANDER'S OFFICE 0

10-10-50

ПОВѢСТЬ

О ПОСТРОЕНІИ БЛАГОВѢЩЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ

ВЪ ПОВГОРОДѢ.

ПОВѢСТЬ
О ПОСТРОЕНІИ БЛАГОВѢЩЕНСКАГО ПОНАСТЫРЯ
ВЪ НОВГОРОДѢ.

MEMORANDUM

MEMORANDUM FOR THE RECORD: STATE DEPARTMENT

MEMORANDUM FOR THE RECORD

ПОВѢСТЬ

О ПОСТРОЕНІИ БЛАГОВѢЩЕНСКАГО МОНАСТЫРЯ

ВЪ Н О В Г О Р О Д Ъ.

(Русск. Румянц. Муз. № 39.)

Той же чудный мужъ Сергію повѣда о Благовѣщенской церкви монастыря Благовѣщенскаго, яко създаша два брата по плоти, нѣтокъ же оба быша архіепископа Великому Новгороду, именемъ Григорій и Иванъ. Ся убо бѣста братія собѣ по плоти, бѣста же благодню и благочестиву и богату родителю чада, нѣтъ же оба жены собою любовь, яко истинная братія плотию и духомъ, яко же видѣста родителя своя преставльшася, нѣтъ же много ихъ много оставльша, нѣтъ же вѣру велию къ Пречистой Богоматери и владычицѣ нашей Богородицѣ приснодѣвѣ Маріи, помыслиста създать монастырь во имя Пречистыя честнаго са Благовѣщенія, и якоже поставиша церковь в началѣ древяну, и монастырь соградиша, и вся, яко на потребу, устроиша, и келія и трапезу тожъ. Не по мнози времени совѣщастася поставити церковь; яко начаша созидати, и доспѣша до раменъ, не доста сребра на сършенію; они же начаша тужити, повѣдущо что сотворитъ, и отъ многия печали и срана помолишася Пречистой Богоматери, глаголюще: ты убо, Владычице, вѣси вѣру нашу и любовь, еже къ Сыну твоему и Богу нашему, и къ Тебѣ, яко со всѣхъ усердіемъ и вѣрою на дѣло сіе пречестнаго твоего храма подвигохонса, и намъ на сършенію храма твоего пре-

честнаго сего, послѣ намъ помощь свою, Владычице, и не посрами насъ, рабъ своихъ; яко начяхомъ адати и не можемъ сършити безъ твоея помощи, не доставшу сребру, еже къ сършенію. Съгующима же нѣмъ о сребрѣ, вкупѣ жъ и молишася милостивому Спасу и Пречистѣй его Богоматери, налетѣся нѣмъ Пречистая Царица Богомати во снѣ, глаголя нѣмъ: что убо въ толку печаль и сѣтованіе адастася о созданіи церкви моея, любимая мною раба Божія? Не презрю колениа твоего, и вѣры, и любви; скорѣ убо пошлю вамъ, еже къ сършенію, яко я на нѣмъ потребу презабудеть, токмо потщитесь къ дѣлу и не оскудѣиша вѣрою. Тожъ видѣнію оба брата видѣста и слышаста; поставиша отъ сна, радости и надеждою укрѣпльшася; въ той же день, по отпѣтїи убо нѣмъ утренняго, вайдоста оба брата предъ врата монастырская, во обычю напредъ всѣхъ; къ Божію же устроенію и его Пречистыя Богоматере, видятъ оба брата не въ мечтаніи, но авѣ, конь велии дивель, предстоиць предъ враты монастырскыи, обуданъ позлащенною удою, и сѣдло на немъ оковано златомъ, вадящаго жъ на немъ не бѣ; стоише жъ кротцѣ недвижно, яко ожидаа мужа она къ себѣ. Она жъ дивящеся велии, зряще красоты и величества кова онаго; и абіе страхомъ и радостью объята быста.

приступиста къ коню; и видать два чмоданца не ма-
ла, но обѣ странѣ сѣдла всяща, полна суца, и де-
виста коня оваго стойню и кротости, и помысли-
ста отъ Бога послану ему суцу, тажъ смѣя и во смѣя,
вонянуше Пречистые нма, взята мѣшца она съ сѣ-
дла оба; конь же по обрѣтесе, и начаша радующесе
разрѣшати мѣшца; и обрѣтоша въ единыхъ злато, а въ
другихъ сребро, полна суца оба; милостию же Божією
и Пречистые Богоматере совершиста церковь, и укра-
сиса всякою лѣпотою, иконами, и подписми, и кни-
гами, тажъ и селѣ довольно куписта, и предаста мона-

стырю; прочее жѣ даша игумену и братіи, тажъ и
самы взяста на ся иноческій образъ, и пожиаста въ томъ
монастыри въ постѣ и молитвахъ и въ прочихъ до-
бродѣтелехъ просіаста, и Богу угодиста. И Богъ ихъ
прослави, добрыхъ ради дѣлъ ихъ: взята быста однимъ
по одному по времени на архіепископскій столъ Ве-
ликаго Навагорода и Пскова, и добръ упасше поручен-
ное имъ стадо, и положена быста оба въ соборной
церкви святыя Софіа. А у Благовѣщеня церкви поло-
женъ бысть архіепископъ Феоктистъ; бѣ бо изъ того
монастыри: взять на престолъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Построеніе Благовѣщенскаго монастыря во новгородской лѣтениси (Ш. С. Лѣт. III 15) случилось въ 1170 г. при архіепископѣ Илиіи, въ монастырѣ Іоаннѣ, тогѣ самомѣ, при которомѣ въ 1169 г. (Ш. С. Лѣт. III 15)

Новгородцы одержали побѣду надъ Суздальцами, описанную въ одномѣ изъ предыдущихъ памятниковъ, и къ которому относится повѣсть о чудесномѣ путешествіи въ Іерусалимѣ.

ПОВѢСТЬ
ОБЪ АНТОНИИ РИМЛЯНИНѢ.

ДОВѢСТЬ

ОБЪ АНТОНИИ РИМЛЯНИНЪ.

(Рукоп. Руманц. Муз. № 154.)

Сказаніе о житіи преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія римлянина I въ прихужденіи въ града Рима и великіи Нокградѣ.

Сей преподобный и богоносный отецъ вашъ Антоній родился во градѣ велицѣмъ Римѣ, нже от западныхъ части и от италійския земля, от латынска языка, от хрстіану родителю, и навичо вѣре хрстіанстей, ея же держаста родителя его в тайнѣ, крющеся в домѣхъ своихъ; понеже Римъ отпаде вѣры хрстіаньскія и вреложиса в латыни, конечно отпаде, от папы Формоса даже и до днесь; и вна многа о отпаденіи Римьскомъ повѣда ни и о богомерской ереси ихъ, но оубо о семъ да премолчимъ. Отецъ же его и мати преподобнаго Антонія въ добрѣ исповѣданіи отъвдоша къ Богу. Преподобный же навиче грамоте, изучи вся писанія греческа языка, и прилѣжно начатъ чести книги ветхаго и новаго завѣта, и преданіе святыхъ отецъ седми соборовъ, еже изложиша и изъясниша вѣру хрстіанскую, и вождѣлъ восприяти иноческій образъ, и помолися Богу, и раздая нѣтъніе родителей своихъ нищити, а прочая от нѣтъніа своего вложи в сосудъ в делью, рекше в бочку, и закопавъ в всякою крѣпостию оутвердиль, скры и предасть морю; самъ же поиде от града в дальнѣи пущыни азыскати мниховъ, живущихъ и тружющихся Бога ради, крѣпяся от еретикъ в пещерахъ и в разселинахъ земныхъ, и Божіимъ промыслѣмъ въскорпѣ изобрѣте мнихи въ пущыни живущихъ, в нихъ же

бѣ единъ нѣтъно презвитерскій чинъ. Преподобный же Антоній много моляшеся нѣмъ со слезами, дабы его причли къ своему Богомъ избранному стаду. Они же много его вопрошаху с преценіемъ о хрстіаньствѣ и о ереси римьстей, болящея искушенія от еретикъ; онъ же нѣмъ хрстіана себе исповѣдавъ; они же ему рекоша: чадо Андрѣе! понеже юнъ еси, не можеша терѣти поствитическаго житія и трудовъ черноческихъ. Понеже ему бывшу в то время 18 лѣтъ; и вна многа емоу прещаху. Онъ же неослабно клявлася нѣмъ и молися о восприятіи мнишескаго образа, и едва получи желаніе свое: постригоша его во иноческій образъ. И пребысть же преподобный с ними въ пущыни той двадцать лѣтъ, тружаяся и постяся, и молися Богу день и ноцъ. Бысть же, рече, вдално насъ яко тридцать поприцъ въ пущыни возграждена от ту живущихъ мниховъ церкви мала во имя Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа. Обыча же быше всѣмъ мнихомъ ис пущыни сходящимся къ велицѣмъ соборѣ; презвитеры же і дияконы литоргисавъ божественную службу и всѣхъ причастивъ божественныхъ тайнъ, весь же день той и ноцъ поюще, и молящеся. Во оутрѣи же на самый день свѣтлаго Христова тридневнаго его Въскресенія на Святоую Пасху, пѣвъ заоутреннюю и святоую божественную литоргию;

также причащався святыхъ и пречистыхъ божественныхъ и животворящихъ христовыхъ таинъ, и отходяше къждо во свою пустыню. Пенавидя же добра діаволъ воздвиже гоненіе коночное на христіяны. Послалъ князь града того и шапа по пустынямъ и начаша шнати живихъ, предаяху на мученіе. Преподобныхъ же оубо отцемъ богонзбраннаго христова стада от страха того разшедшися по пустыни, и не возвѣдаше другъ друга, и начатъ же преподобныи Антоніи жити при моріи не въ проходныхъ мѣstechъ, толико на камени ноши в дни беспрестави стоя, и моляся Богу, и никако же шокрова ни хлѣба не имѣше, точно мало пища въкушавъ от недѣля и до недѣля, еже принесше не поуштыни своея. И пребысть ту на томъ камени преподобныи Антоній годищное время и мѣсяца два, и толико трудяся къ Богу, моляся в постѣ и во бдѣніи и въ молитвахъ, елико ангеломъ подобенъ бысть. Но понеже оубо тайну царскую подобаеъ хранить, похвально безбѣдно естъ и весьма полезно хранящимъ ю, да нѣкихъ же повѣдоха будетъ, да не инако будетъ царское повелѣніе; дѣла же Божія и чюдеса преславная, творима святыми его, подобаеъ вездѣ и повсюду в всяко с высокиихъ преповѣданіемъ и извещаніемъ снѣи проповѣдати и ничто же от нихъ скрыти или забвенію предати, во общіую пользу и спасеніе всѣхъ христіаншннхъ людехъ. Бысть в лѣто 6614 мѣсяца септѣбря въ пятый день на память святаго пророка Захаріа отца предтечева, восташа вѣтри велицѣ злѣи и море восколбася, яко же николи же быша, тако и волнамъ морскимъ до камени восходящимъ, на немъ же преподобныи Антоній пребывше стоя, и безпреставныи молитвы возсылааше Богу; абво внезапно една волна наврягнися и подъятъ камень, на немъ же преподобныи стояше, и несе его на камени яко бы на карабли летѣлъ, никако же ничимъ ни повреди ни оустраши: преподобныи же стоя и безпрестави моляся Богу. Возлюбилъ оубо Бога всею душею своею; сладость бо и просвѣщеніе и радость присно естъ любящимъ его, и яко же възлюбилъ и присно, тако же в немъ живеть Богъ: ревни-

тель естъ пречистый святыи; и живеть въ души болящагося его, и творить волю возлюбившаго его. Преподобныи же имѣя образъ его въ сердцѣи своеи присно икону Божию преславную не шаромъ на доскѣ образованную или на иномъ чесомъ, но тоу, глаголю, икону Божию бываемую добрыми дѣлами, постомъ, въздержаніемъ, неправленіемъ добрыми, бдѣніемъ и молитвами, списуя себѣ сокровенно въ сердцыи выну шаромъ иконнымъ образомъ небснаго Владыки, и зряще оумными очима из образа Пречистую Богородицу держащи пречистыма своими руками пресвѣчнаго младенца Господа Бога и Сваса нашего Ісуса Христа. И не свѣтъ, рече, когда дѣнь когда ли ношъ, но свѣтомъ неприкосновеннымъ объять бысть. Камени же текущоу по водамъ, ни кориница имушца, ни коричия, ни разумъ человекъ можетъ изрещи: ниже скорьбъ, ни страхъ, ни туга ни иная которая печаль, ни алчба, ни жажда во прииде къ преподобноиоу, во токио пребысть моляся Богу во оумѣ своемъ и веселися душею; и от римския страны по теплomu морю, из него же и в рѣку Неву, из Новы в Неве езеро, и из Нева же езера в верхъ по рѣцѣ Волхову противо быстриихъ неизреченныхъ, да иже и до мѣста сего камень не приста пѣгдѣже. И приста камень, на немъ же преподобныи стоя и моляшеса, при брегѣ великия рѣкы, нарицаемей Волхова, на мѣстѣ семъ, въ третью стражу ноши, в сальцы, еже именуемо Волховско, и во время заутренняго пѣніа начаша во градѣ звонити къ заутреннему пѣнію. И оуслыша преподобныи звонъ великій по граду и стояше во страстѣи мнозѣи и в недоумѣніи, и от страха же начатъ быти в размышленіи и во оужастѣи велицехъ, и чаяше яко ко граду к Риму привнесенъ бысть на камени. Ноши же ишмошедши, дневному оуже свѣту наставшу, солнцу же воспявшу, стеконшася ко преподобному людею, иже ту живуще, и зряще на преподобнаго, дивящася; и придоша к нему, и начаша его вопрошати о имени и отчествѣи, и от коея страны прииде? Преподобноиоу же внимаю руску языку оумѣюще, и иикотораго отвѣта недоумѣяше икъ отдати; во токио икъ поклоненіе твора-

ше, Самъ же с камня не сѣяше поступити. И пребысть ту три дни и три ноци на камени стоя в молася Богу; в четвертый же день преподобный, помолился Богу на многъ часъ о оузданіи града и о людехъ, и дабы ему Богъ такова... бы повѣдалъ о градѣ семъ и людехъ. И сице преподобный с камня, и поиде въ градъ в великій Новъградъ, и обрѣте челоуѣка греческия земли, гость будѣющій купецъкій чинъ именуша, вже оуиѣаше римскииъ и греческииъ и рускииъ языкомъ, и оузривъ же преподобнаго, повроси его о имени и о вѣрѣ. Преподобный же ему повѣдаше имя свое, христиана себе нарече, и грѣшна ивока и недостойна ангельскаго образа. Купецъ же онъ, падъ к ногамъ святаго, прошаше благословеніа от него. Преподобный же благословеніе ему дарова и о Христѣ цѣлованіе. Воспросивъшоу же его преподобному о градѣ семъ, и о людехъ, и о вѣрѣ, и о святыхъ Божиихъ церквахъ, готъ-ниъ же преподобному повѣдаше вся по ряду, глагола: градъ сій есть Великій Новъградъ; людие же в немъ православну христианскоую вѣру именуше; соборная церкви святаа Софїа Премудрость Божия; святитель же во граде семъ епископъ Никита; владѣющю же градомъ свияъ благочестивому великому князю Мстиславоу Володимировичю Мананаху, именуку Всеволодову. Преподобный же слыша от гречанина сего повѣсти єна, возрадовася душою, и всесильному Богу воле благодареніе воодаше во оумѣ своемъ. Воспроси же преподобный гречанина готъ-нина еще глагола: ниѣ повѣдае, друже, колкое растоуіе от града Рима до града сего, и в колкое время переходять людие путь сей? Онъ же ему повѣда и рече: далная страна есть и нуженъ путь есть по морю и по суху; едва переходять гость будѣюще и в польгодищное время, аще кому Богъ посилитъ. Преподобному же размышляюще и дивящеся в себѣ о величїи Божиї: како в два дни и в двѣ ноци толику долготу пути преїде, и едва от слезъ оудержася в то время, и поклониса ему до земли; миръ и прощеніе ему даровавъ. И сице преподобный во градъ помолился святѣи Софїи Премудрости Божїи и вели-

каго святителя Никиту видѣти. И видѣвъ церковное благоуіиє, и чинъ, и святительскїи самъ, велики возрадовася душою, и помолился и обхождаше всюду, и пакн отъиде на мѣсто свое, святителю же Никитѣ в то время никако же явися преподобный, понеже еще по навикъ словенъску и руску языку и обычаю. И начать же преподобный молитися на камени своемъ, стоя день и ноцъ, дабы ему Богъ открылъ рускїи языкъ. И видѣвъ Господь Богъ преподобнаго подвиги и труды. И начаша приходити к нему вже ту живуще близъ людие и гражане, молить ради и благословенїа, и Божиимъ промысломъ преподобный вскорѣ от нихъ начать разумѣти и глаголати рускииъ языкомъ. Людие же вопрошающимъ его о отчестѣи и кося земля рожденіе и воспитаніе, и о пришествїи его, преподобный же никако же имъ повѣдаше о себѣ, токмо себе грѣшна именуя. По малѣже времени доїде слухъ о немъ до святителя Никиты того Великаго Новаграда. Святитель же Никита посла по него и повелъ его привести предъ себя; преподобный же въ страхѣ в величїи бысть, еще же и радостію одержимъ бысть, иде ко святителю в величїи смиренїи; святитель же въведе его въ келью свою. Сотворивъ молитву, преподобный рече: анниъ. И приемлетъ преподобный благословеніе от святителя со страхомъ и любовію, яко от Божїи руки. Святитель же Никита провидѣвъ Духомъ Святимъ еже о преподобнемъ, и начать вопрошати его о отчестѣи, и о пришествїи его в Великій Новъградъ; отбуду и како прїиде. Преподобный же святителю не хотя повѣдати танны, ради челоуѣческа славы, но токмо себе грѣшна именуя. Святитель же Никита с великимъ прещенїемъ, еще же и со заклинанїемъ, вопроша преподобнаго, и рече: ниѣ ли, брате, не повѣси танны своей? а вѣси яко Богъ имать открыти нашему смиренїю, еже о тебѣ; ты же преслушанїа судъ прїймеши от Бога. Преподобный же падъ предъ святителемъ на лицы своемъ в плакася горько, и моля святителя, да по повѣсть танны сєя ивокому же, дождеже преподобный в жизни сєи. И повѣда о себѣ танну на единѣи святителю Никитѣ, все по ра-

у о отчествіи своемъ, и о воспитаніи, и о приложе-
ніи своемъ из Рима в Великій Новъградъ, яко исчерва
писана. Святитель же Никита сиа слышавъ от препо-
добнаго, не мнише его яко челоуѣка, но яко ангела
Божья, и воставъ от мѣста своего и отлагаетъ жезлъ
вастырскій, и на много часть ста и моляся, и дивяся
бывшему, яко же прославляетъ Богъ рабъ своихъ. По
молитвѣ же рече преподобный: аминь. Святитель же
Никита падъ предъ преподобнымъ на землю, прося
благословенія и молитвы от него; преподобный же падъ
предъ святителемъ на землю, моляся и прося благо-
словенія, себе же недостойна и грѣшна именуя. И оба
лежаста на земли и плакастася, помятая землю слезами
на много часть, другъ оу друга просяще благословенія
и молитвы. Святитель же Никита рече къ преподобно-
му: ты велика дара сподобленъ еси от Бога и дре-
внихъ чудесомъ, оуподоблься еси Ильи Фезвитянину или
иноστόлоу, иже на оуполеніи Пречистой Богородици при-
воссени быша на облацехъ. Тако и градъ нашъ Господь
тобою пресети, своимъ оугодникомъ новопросвѣщенныхъ
людей благослови и пресети. Преподобный же рече
къ святителю; ты еси норѣй Бога вышнаго! ты пома-
занникъ Божій; тебѣ доуѣтъ о насъ молитися! Свя-
титель же воставъ от земля и не можаше оутѣшиться
от слезъ, воздвизаетъ преподобнаго от земля, давъ ему
благословеніе, и о Христе цѣлованію, и много бесѣдо-
вавъ съ преподобнымъ, и никако же можаше насыти-
ться сладкихъ и недоточныхъ словесъ от преподобна-
го, и хотѣ прославити чудо, но не хоташе преподобна-
го моленія презрети. Святитель же Никита много мо-
ляше преподобнаго, дабы избралъ себѣ мѣсто потребно
оу него, и пребывавъ с нимъ до исхода души своа.
Преподобный же никако восхотѣ сего сотворити, и от-
вѣщавъ, рече: Господа ради, святче Божій, но нуди мене;
долженъ бо на томъ мѣстѣ терпѣти, идѣже ми Богъ
повелѣ! Святитель же Божій Никита давъ благослове-
ніе, и отпусти преподобнаго с миромъ на благоизбран-
ное мѣсто. Не по мнози же времени поѣха Никита сн-
сконъ ко преподобному Антонію видѣти камень сій и

мѣсто. Преподобный же стояше на камени, аки на
столпѣ, и никако же схожаше, моляся Богу день и
нощъ; яко оузрѣ святителя грядуща к нему, спедъ с
камени, и повде во срѣтенію емоу, прїимъ благослове-
ніе и молитву от святителя. Начать же святитель дѣ-
вится в себѣ о чудеси, и обхожаше мѣсто села того
сюду и сюду; и рекъ преподобному святитель Никита:
изволилъ Богъ и Пречистая Богородица, и избра мѣ-
сто сие, хочотъ ли воздвигнется твоимъ преподобст-
вомъ храмъ Пречистой Богородици честнаго и сла-
внаго ея рождества, и будетъ обитель велия во спасе-
ніе мнхоумъ; попомже на предпразднество того праз-
ника на се поставилъ ты Богъ на мѣстѣ семъ. Преподоб-
ный же рече: воля Господа да буди! Святитель же
хотѣ поставити ему хижицу близъ камени. Преподоб-
ный же сего не восхотѣ никако же, но всяку скорбъ
терпяше, Бога ради. Святитель же Никита хотя истне
оувидети о чудеси, боася искушонія, начать, разводи
наединѣ, селянъ тѣхъ вопрошати о явленіи преподобна-
го; онѣ же единодушно рѣша емоу: во истинну, свят-
че Божій, челоуѣкъ сій Божій по водомъ принесенъ
бысть на камени; вся ему по ряду извѣстно и досто-
вѣрно изрекоша о преподобнемъ. Святитель же нанпа-
че возгорися духовною любовію къ преподобному, и
дасть благословеніе преподобному, и отѣха же ко Свя-
тей Промудрости Божьи Соѣзи во дворъ свой.

О зачавъ Прескатыа Богородицы Антониска монастыра иже в
Блажкомъ Новѣградѣ.

И святитель Никита посылаетъ по посадниковъ по
Иоанна и по Прокофия по ивановыхъ дѣтей посад-
ничихъ, и рече имъ: чада моя, послошайте мене: есть
во отчествіи вашемъ село близъ граду, рекомое Вол-
ховско. Богъ изволи и Пречистая Богородица воздвиг-
нутися на мѣсте семъ храму Пречистой Богородицы
честнаго и славнаго ея Рождества и оустроити ея об-
итель страннымъ симъ преподобнымъ Антоніомъ, и воз-
шлется молитва къ Богоу о спасеніи душъ вашихъ и

спомнившии будетъ родителемъ вашимъ. Посадницы же послушаша святителя с любовию и отътриша под церковь и подъ монастырь земли на всѣ страны по пятидесять сажень. И повелѣ епископъ Никита възградити церковь назу древиною, и освати ея и едину колонцу поставити михомъ на приближице.

Чудо преподобнаго и богоноснаго бѣца нашего Антонія римлянина о скрътливѣмъ сосѣдѣ дѣлѣхъ, сирѣчь бочкѣ, со шлѣпѣхъ преподобнаго.

По лѣте же единомъ пришествія преподобнаго, близъ камени преподобнаго, рыболовцы ловитву дѣюще и чрезъ всю ночь тружавшеса, не яша вычесожа, и от труда изнемогша, излекоша иржа своя на брегъ и в велице скорби быша. Преподобный же, скончавъ молитву, иде къ ловцѣмъ и глагола имъ: чадца мои! токмо имамъ гривны слитокъ сребра. Понеже в то время оу новгородѣцкихъ людей не бысть денегъ, но лишша слитки сребрины, ово гривну, ово полтиною, ово рубль, и тѣмъ куплю дѣахоу. И сию гривну слитокъ адаю вамъ; послушайте нашей худости: сверзите иржа своя в великую сию рѣку в Волховъ, и аще что ниоте, то в домъ Пречистая Богородица. Она же не восхотѣша сего сотворити и отвѣщавше рѣша: от всю ночь тружавшися и ничтоже яхомъ, толкико изнемогохомъ. Преподобный же с прилежаніемъ моляше ихъ, дабы го послушали. Они же, по повелѣнію преподобнаго, въсергоша иржа в рѣку в Волховъ и излекоша на брегъ множество много великихъ рыбъ, молитвами святаго; едва не проторжеса иржа, яко николи же тако яша; еще же излекоша сосудъ древианъ, делву, сирѣчь бочку оковану всюду обручми желѣзными. Преподобный же благословяше ловцовъ глагола: чадца мои! видѣте милость Божию: како Богъ промыслиеть рабы своимъ; азъ же васъ благословляю и адаю вамъ рыбу; себѣ же вземлю сосудъ, сирѣчь бочку; понеже вручи Богъ на созданіе монастыря. Ненавидѣя же добра діатла, хотя пакость сотворити преподобному, поразилъ

ожести сердце лукавствомъ ловцовъ тѣхъ; и начаша рыбу давати преподобному, бочку же хотяху себѣ взяти, и рекоша бо преподобному: се мы наяхомся оу тебе рыбы ловити, а бочка наша есть. Еще же и жестокими словеса досаждающе и оукаряюще преподобнаго. Преподобный же отвѣщавъ рече: господне мои! азъ с вами прѣ не имамъ никоея же о семъ, поидеши во градъ и повѣдаши градѣцкимъ судиямъ; судия бо есть оучиненъ от Бога еже разсуждати люди Божія. Ловцѣмъ же оугоденъ советъ преподобнаго, и вложиша бочку в лодѣцу, и вземше преподобнаго, и шедъшихъ имъ во градъ, и пришедшимъ предъ судомъ, и начаша стязатися съ преподобнымъ. Преподобный же рече: сѣя ловцы от всю ночь тружавшеса, ничто же яша, и от труда изнемогша; азъ много молвихъ ихъ, да быша взяли насъ оу мене, еже имѣхъ оу себе гривну слитокъ сребрянъ; онѣ же не хотѣша послушати мене і едва повпнувшихися нашей худости, і взощнаемъ, свергоша иржа своя, излекоша множество рыбъ, еще же и сосудъ, сирѣчь бочку сию; азъ же имъ отступався рыбы. глагола: бочку сию вручи ми Богъ на созданіе монастыря Пречистая Владычица наша Богородица и приснодѣвы Марія; они же имъ дающе рыбу, а бочку емлюще себѣ. Судия же вопрошиша ловцовъ: рцыте имъ, тако ли, яко же рече старецъ сѣи? Они же рекоша: мы наяхомся рыбы ловити; рыбу адаемъ ему, а бочка наша есть; понеже мы свергохомъ в воду сию на соблюденіе себѣ. Старецъ же рече: господне мои! вопрошайте ловцовъ сѣихъ: что они имутъ вложенно еже в бочки сѣи? Ловцы же недоумѣюще что отвѣчати к тому. Преподобный же рече: сѣя бочка нашей худости, а дана морстой водѣ в Римѣ сущимъ от нашихъ бо грѣшныхъ рукъ, влаженно же в бочку: сосуди церковниа златы и сребраны и хрустальныи, потиры и блюда, и иная многая от освященныхъ вещей церковныхъ, и злато и сребро от имѣніа родителей моихъ, сверговоо же в море сокровище сѣя тоя ради звны, еже бы не осквернилися священныи сосуди от богомерзскихъ орствъ, и от присночныхъ бѣсовскихъ жертвъ, поидиши же на сосу-

дехъ римскихъ языковъ написаны. Судна же повелѣ
разбити бочку, и обрѣтошася въ ней словеса преподо-
бнаго. И даша преподобному бочку, и отпустиша препо-
добнаго с миромъ, и ктоу никто же смѣяше вопро-
сити его. Ловцы же отъидоша пограблени. Преподобный
же Антоній идо ко святителю Никитѣ, радуясь и бла-
годаря Бога о обрѣтеніи бочки, и повѣда святителю.
Святитель же о семъ многу хвалу воздавъ Богу и раз-
судивъ благорасъсуднымъ своимъ разсужденіемъ, и ро-
че: преподобно Антоніе! на се бо ты Богъ предъпоста-
ви по водамъ на камени изъ Рима спасителя в Великомъ
Новѣградѣ, ещо же и бочку вверженную в Рими вручи
тебе, да воздвигнеши церковь каменну Пречистей Бо-
городицы и оустроиши обитель. Преподобный же Ан-
тоній полагаєтъ сокровище свое во святительстей риз-
ницѣ на соблюденію, а самъ, взявъ благословіе оу
святителя и начатъ строити обитель, и купи землю
около монастыря оу посадниковъ градъскихъ, и со жи-
вущими ту иже на той земли с людьми прилучивши-
иися, и до скончанія вѣка, доколѣ Божіимъ строеніемъ
ниръ вселенныя стоятъ. И при велицей реки Волхово
рыбную ловитву купи на потребу монастырю, и вежа-
ни отыскавъ, писму адавъ, и в духовную свою грамо-
ту написавъ, и начатъ тружатися безпрестави чрезъ
весь день, и труды къ трудомъ прилагаа, воцѣ же без-
сна пребывая на камени стоя и моляся. И видѣ его
богopodobное ангельское житію князь великій Мсти-
славъ, и святитель Никита, и всѣ старейшины града
того и людие, начана блажити и велию вѣру имѣти.
Танни же о пришествіи его не вѣдаше никтоже, развѣ
епископъ Никита. И начата прибиратися братія къ
преподобному. Онъ же с любовію принимаше. Млѣ же
свещеннопоку Андрею Богъ сподобилъ воспріяти ан-
гельскій образъ во обители сей; быхъ въ послушаніи
и поученіи преподобнаго.

О сзданіи церкви каменной ко которой лѣто по пришествіи
преподобнаго. Благослови Бж.

Потомъ начатъ святитель Никита совѣтъ совѣщевати

съ преподобнымъ о церкви каменной, дабы заложити
церковь каменну; на се бо Богъ сокровище вручи те-
бѣ. И начатъ преподобный разчитати обрѣтенное в
бочки сребро и алато на строенію храму, и рече про-
подобный: надѣюся на Бога и на Пречистую Богоро-
дицу, и на твои святыя молитвы, токмо ты благослове-
ніе намъ даруй. Святитель же Никита, размѣривъ мѣ-
сто церковное и сотворивъ молитву, и начатъ потшву
церковную своимъ честнымъ руками копати: и заложилъ
церковь каменну, и соверши Богъ, и подписа чюд-
но и вслакимъ оукрашеніемъ оукрашивъ ея, образы и
сосуды церковными алатыми и сребряными, и ризами,
и книгами божественными, въ славу Христа Бога нашего
и Прочестей его матери, яко же подобаше церква
Божіи; и потомъ обложиша трапезницу каменну во имя
Стрѣленію Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Хри-
ста, и келии возгради и ограду оустроишь, и всѣмъ
обилемъ добре оустроишь, яко же годѣ, и вѣни же
преподобный ни от кого же не воспріять, ни от князя
ни от епископа, ни от волюжъ градъскихъ, но токмо
благословіе от чюдотворца Никиты епископа, во все
строаше изъ бочки сѣя, ещо изъ Рима Богъ постави по
водамъ в Великомъ Новѣградѣ, и ноты и труды сво-
ими; и аще кто что принесетъ Бога ради потребная
от вѣниа своего или пищу, преподобный же тѣмъ
братію питая, ещо же сиротъ, и вдовацѣ оубогыхъ, и
нищихъ питая; и потомъ преподобный з братією и
сиротами своимъ начатъ прилагати труды къ трудомъ.
Но по мнозѣ же святитель Христовъ Никита епископъ
начатъ изнемогати, и призва преподобнаго, и повѣда
ему отшествіе свое отъ жизни сѣя, и много наказавъ его, и
отъиде къ Богу. Преподобный же в велицей скорби и
въ слезахъ бысть о проставленіи святителя Никиты;
посеже великъ духовный совѣтъ имѣше межю собою.

О поставленіи предъсказанаго Литургіи ко иждивенію.

Божію помощію и Пречистые Богородицы и моли-
твами преподобнаго, начатъ обитель распространятися.

и начать преподобный и с братією совѣтъ совѣщавати, дабы избрати игумена себѣ во обитель. Многу же избранію бывшу и не обретоша такова чловѣка; начаша братія молити преподобнаго Антонія: отче преподобно Антоніе, моли мѧ, послушай насъ нищихъ, да приимеши чинъ священническій, ещо же совершенный нашъ отецъ буди игуменъ, да принесеши жертву Богу чисту безкровену о нашихъ согрѣшеніи, да прилта будетъ жертва твоя къ Богу въ преносимый жертвенникъ; вѣдѣхомъ бо толкни твоя труды и подвиги в мѣстѣ семъ, яко никако же мощи во плоти чловѣку толкнѣхъ трудовъ повести, аще не Господь поможетъ. И рече преподобный: добре совѣтъ вашъ, братіе, но азъ недостойнъ есмь толкаго великаго сана, но избере мѧ от братіи мужа добродѣтельна и достойна на толкаое дѣло. Братія же со слезами вопиашу: отче святыи, не преслушай насъ нищихъ, но спаси ны! Преподобный же рече. буди воля Божия; ащо что восхощетъ Богъ, то и готворитъ. Шедшо же братія во архіепископу Нифонтѣ с преподобнымъ Антоніемъ; бѣ бо в то время оу святительскій престолъ держашу; и возвѣщаетъ ему о вещи, святитель же Нифонтъ весьма радъ бысть благому совѣту ихъ; бѣ бо любашо преподобнаго за превзгоую его добродѣтель. И поставляетъ преподобнаго и дьяконы, потомъ во священники, та же и игуменомъ. И поживе же преподобный во игуменствѣ лѣтъ шестнадцатъ въ добрѣ исправленіи, и оупасъ стадо Христово; и оувидѣвъ преподобный свое отшествіе къ Богу, призавъ на и нарече мене себѣ отца духовнаго, и добрѣ исповѣдавъ со слезами; и повѣда носу окаипству преподобный свое пришествіе из Рима, и о камени, и о сосудѣ древяномъ, о делани сирѣчь о бочки, ещо исчерва писана, и повелѣ ми вся сия по преставленіи своемъ написати и церкви Божіи предати, чтущимъ и слушающимъ на пользу души, и на исправленіе добрыхъ дѣлъ, въ славу і в честь Святой и Живоначальной и Нераздѣльной Троицы. Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и Пречистой Богородицы. Миѣ же о семъ в волицемъ оудн-

вленіи бывшу, преподобный же Антоніе призва братію, и рече ичъ: братія моя и сиотници! молю оубо васъ: се ныне отхожу жизни сея къ Господу Богу носу Іисусу Христу; да молите за мя Бога и Пречистую Богородицу; въ преставленіи носмъ да взмуть милостивіи ангели душу мою; да избѣгну сѣтеи вражнихъ и от воздушныхъ вытарствъ вашими святыми молитвами; понеже грѣшенъ есмь; вы же изберите себѣ на игуменство от братіи на мое мѣсто отца и учителя; и пребудите оу него въ постѣ, и въ молитвѣ, и въ трудѣхъ, въ пощенихъ, и во бдѣннихъ, и въ слезахъ, ещо и в любви нежи себя, и в послушаніи ко игумену и къ отцемъ своимъ духовнымъ и ко старѣйшимъ братіямъ; писаво бо естъ: блаженн нищии духомъ, яко тѣхъ естъ царство небосиое; блаженн плачущи, яко тѣи оугишатся; блаженн кротци, яко тѣ насладятъ землю; блаженн алчущи и жаждущи правды ради, яко тѣ насытятся; блаженн милостиви, яко тѣ похвалени будутъ; блаженн чисти сердцемъ, яко тѣ Бога оузратъ; блаженн миротворцы, яко тѣ сынове Божіи нарекутся; блаженн изгнани правды ради, яко тѣхъ естъ царство небосиое; блаженн есте, егда носатъ камъ, ижонуть вы, и рокутъ всякъ золь глаголь на вы, лжуще, и чени моего ради; радуйтеса и веселитеса, яко наза ваша многа на небесѣхъ! И нна многая преподобный наказавъ братіи, поучивъ аже ко спасенію. Братія же видѣше преподобнаго въ послѣднемъ издыханіи, быща в велицей (цени) оупиоленіи и в сѣтованіи, и въ слезахъ многихъ, и рекоша: о добрый нашъ настырю и учителю! се нынѣ оуже зримъ тя въ послѣднемъ издыханіи на кончинѣ вѣка; и нынѣ к кому врябѣнеть, и от кого насладимся недоточныхъ словость оученія; и кто попечется о нашихъ душахъ грѣшныхъ? Но моли мѧ, оугоднче Спасовъ, аще обрящеши предъ Богомъ милость по отшествіи своемъ от жизни сея, моли о насъ неослабно Бога и Пречистую Богородицу. И здѣся, господино, избери нашъ игумена от братіи нашей, яко же годѣ твоимъ святыва; понеже тебѣ вся наша духовная тайна извѣстна. Преподобный же Ан-

тоиѣ избиратьъ на игуменство и благословляетъ нашу худость, повсѣже быхъ ему исперва оученикъ и потомъ отецъ духовный. И поучивъ мя о наставѣ духовней и како насти христонменитое стадо, и въпредъ полагаетъ преподобный заповѣдь братѣмъ: аще лучица избрати игумена, но избирайте отъ братѣмъ иже кто на мѣсте семъ терпѣтъ; и аще князь найдетъ игумена или епископъ по насилью, или по издѣ, и тѣхъ преподобный проклятию предать. Та же и о земли оутвержаетъ и глаголетъ: о братва моя, егда сѣдохъ на мѣсте семъ, купилъ есмь сою сие и землю, и на рѣцѣ сою рыбоною ловитву на строеніе монастыря цѣною изъ прочистыя сосуда, сѣрѣчь изъ бочки; и аще кто начнетъ обидѣти васъ или наступати на сию землю, ино аи судитъ мати Божия. И давъ братѣмъ прощеніе о Христѣ послѣднее цѣлованіе, и ставъ на молитву, и помолился на много чась, аще оубо и радостно тому быше еже разрешитися отъ плоти съ Христомъ быти, но показуя, яко всѣмъ страшна чаша смертная, и много во воздухонъ взлетателя впамя, наче же свирепіемъ ведмиса, помолился къ Богу, сице глагола.

Молитва.

Явися, Господи, помози ми и избави мя отъ руку князя и власти и миродержателя твоего, да не покрываетъ мене темный тѣмъ воздухонъ, ниже дымъ ихъ возвращитъ душу мою. Укрѣпи мя, Господи мой! Господи, да предъ огненныя волны и глубины бездонныя, яко да не потопленъ буду въ нихъ, да не обратятъ врагъ оклеветати мя, но да предъ миродержителя и лукаваго вожда ихъ, и отъ темныхъ князь и тартаръ избавленъ да буду; и тако да явлюся предъ тобою чистъ и неворочень, и восприму тобою обѣщанная блага святыхъ твоихъ!

Оле неизглаголаннаго смиренновудра! Богопроро-

вѣдника и апостоломъ подобна. како покажу тому прикоснутися темныи князи, сего же Господь во къ тому нарече раба, но друга, и обща вѣдже той тому вселитися, еже зрѣти славу его! Ся вся вѣдныи смиренная, наче изволи иже не повреждаютъ, но наче оукрѣпляютъ таковая; сего ради таковы молитвы источи глаголы; и повелѣ священнопоку Андрѣю себя кадити и отходная пѣти, и возлечь отънде къ Богу въ вѣчный покой, и погребенъ бысть честно архиепископомъ Нифонтонъ со множествомъ народа града того, со свѣщани, и с кандилами, со псалмы, и пѣньми, и пѣсньми духовными, в лѣто 6655, мѣсяца августа въ 3 день, на память преподобныхъ отецъ нашихъ Псакия Далматскаго и Фауста. И положено бысть честное тѣло его въ церкви Пречистыя Богородицы, юже самъ созда; поживе же лѣтъ съ пршества своего до игуменства 14 лѣтъ, в игуменствѣ же бысть 16 лѣтъ, и всѣхъ лѣтъ поживе во обители 30. И по благословенію преподобнаго, архиепископъ Нифонтъ поставилъ в игумены оученика преподобнаго священнопока Андрѣя. Ся же Андрѣй повѣда архиепископу Нифонту и княземъ града того и всемъ людемъ, еже слыша отъ преподобнаго и о чудесехъ сихъ. Архиепископъ и вси люди почтудившеса и воздаша хвалу Богу и Пречистыя Богородицы и великому чудотворцу Антонію. И оттоле начатъ зватися Антоніа Римлянинъ. И повелѣ архиепископъ Нифонтъ сие житіе преподобнаго изложити, и написати, в церкви Божіи предати на оутверженіе вѣры христіянстей и спасеніе душамъ нашимъ, а римляномъ, еже отступшиа отъ православныя греческия вѣры и проложившася въ латыньскую вѣру, на посрамленіе, и на оукоризну, и проклятіе, въ славу же и въ честь Свѣтой Живоначалней Троицы, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и вынѣ, и прсно, и въ вѣки вѣкомъ, аминь.

НОВГОРОДСКІЙ СУДЪ

и

СВ. ВАРЛААМЪ.

НОВГОРОДСКІЙ СУДЪ

И СВЯТЫЙ ВАРЛААМЪ.

(Ильск. Публ. Библ. in 8 № 72.)

Нѣкогда убо архіепископу Антонію по обычаю призвавшу преподобнаго Варлаана к себѣ о церковномъ исправленіи. чудотворцу же ко архіепископу идущу, яко бысть на великомъ мосту, прилучися новгородцѣвъ по градскому! обычаю осужденнаго чловѣка встати в рѣку Волховъ. Преподобный же Варлаанъ повелѣ слуганъ стати на томъ мѣстѣ, гдѣ вѣщуютъ чловѣка. Сродникомъ же во оусѣвшинѣхъ молити старца, абѣ самъ ста. никнѣхъ же молихъ, и нача народъ благословляти и просить осужденнаго себѣ, да поработаетъ в дому Святаго Спаса на монастырскую потребу братіи; і народъ весь единогласно кликнуша: преподобнаго ради Варлаана, отца нашего, отпустите осужденнаго, и дадите его преподобному чудотворцу! отсалѣ не имать на себѣ и въ томъ дѣлѣ никакова истязанія! Онъ же испроси повиннаго, и посла въ монастырь, и повелѣ ему работать братіи. И сотвори оугодна на всякую службу, таже и во мнѣшескій образъ оболѣхъ его. и совокупи братіи, и спасе душу его.

Паки же во ино время по обычаю прилучися преподобному ко архіепископу шествовати по тому же великому мосту, и новгородцѣвъ много осужденнаго приведшимъ скинуть в рѣку с велиаго моста. Такій же бѣ обычай градской. Сродницы же его со множествомъ

народа падоша пред нимъ со многими слозами, плачуще и молящеса преподобному, чтобъ благословлялъ наредѣ, и отпросилъ бы осужденнаго сродникама ихъ от лютыа смерти. Онъ же, не позрѣся на нихъ, повелѣ слуганъ вборзѣвнѣхъ вѣхати ихъ. Сродницы же рѣша: грѣхъ ради нашихъ преподобный не послуша моленія нашего; пред малыми деньми никнѣхъ же молихъ, самъ же ставъ нача благословляти народъ, и отпроси осужденнаго оу народа і оу супостатѣхъ, а мынѣ сами многа молихъ, но презрѣхъ моленіе наше; что се есть, не вѣднѣхъ? И приводоша священноіерей ко осужденному, молиша поновити его, и причастіе дати: и священникъ новови его и причастіе давъ, и отиде от осужденнаго. Приставши же супостатыего, сринуша его с мосту: сродницы же его, взявши мощи его, и погребоша, яко же и прочихъ осужденниковъ.

Въ обитель же пришедшу преподобному, вопросаша же его старцы, бывшїи с нимъ: что убо, господние, отче, яко перваго осужденника. никнѣхъ же молихъ, избави его от горкіа смерти прошеніемъ своимъ и великое попеченіе показа о немъ, и во мнѣшескій образъ повелѣ постриши и к братіи причести его; сего же презрѣхъ еси, народу же и сродникомъ его молящимся тебѣ о избавленіи его; ты же никакоже послуша по-

нѣ вѣхъ; скажи намъ, Бога ради, отче! Онъ же, отверзъ
 священики своя уста, глагола имъ: яко вѣмъ азъ, вы
 убо внѣшними очима зряще внѣшня и судите; азъ
 сердечными очима смотряхъ, яко онъ первый осужен-
 никъ, егже испросихъ оу народа, человекъ во мно-
 зѣхъ грѣсѣхъ баше, и осуженъ в правду; и яко осу-
 дивша его судія, приидо раскаяніе въ сердце его и по
 бѣ помогающаго ему, и мнозѣмъ супостатомъ сущимъ;
 и по оу приидо часть его. Азъ видѣхъ яко имать вѣ-

ру спастися, и просихъ его, и устроихъ, якоже Госпо-
 деви годѣ. Другій же по немъ осуженный человекъ
 без правды осуженъ бѣ понаравству устава, и видѣхъ
 яко мученическою смертію оумираеть, и вѣнецъ ему
 от Христа преджесть; не бѣ потребно моленіе мое о
 немъ Христа; бо имать помощника і избавителя; вы же
 о семъ не соблазняйтеся. Братія поклоняшася ему, взем-
 ше прощеніе, прославивша Бога, прославляющаго святыхъ
 своя, и творящаго дивная и преславная.

ПРОРОЧЕСТВО СВ. ВАРЛААМА.

ПРОРОЧЕСТВО СВ. ВАРЛААМА

О СЯБГОУ И МРАЗЪ ИЗ ПЕТРОВЪХ ПОСТЪ.

(Рукоп. XVI в. Румянц. Муз. № 156.)

Егда баше в животѣ преподобный Варлаамъ, и приѣде святыи Варлаамъ в великий Новъградъ ко архиепископу Антонию благословитися. Архиепископъ же заповѣда преподобному Варлааму пакы с недѣлю помедливъ прѣидати к себѣ нѣ о какихъ духовныхъ дѣлахъ побесѣдовати. Святыи же Варлаамъ рече ко архиепископу: аще Господь повелитъ, господине святыи владыко Антоніе, боуду оу твоимъ святыни благословитися на поръвои недѣлѣ петрова постоу в пятокъ на савецъ. Святитель же слышавъ от оустъ святаго Варлаама в сумнѣнии бысть, что хоцетъ святыи в пятокъ поръвои недѣлѣ петрова посту прѣидати на савѣхъ. Студяше же (се) вопросити святаго о воцн. Бысть же по пророчеству святаго Варлаама в петровъ постъ на поръвои недѣлѣ к пятку на воцнъ нае сибѣ великъ въ поясъ челоуѣка, или болши, и мразъ великъ. Того дни на оутрѣи приѣде святыи Варлаамъ в Великий Новъградъ ко архиепископу Антонию на савѣхъ. Архиепископъ же нача тужити о хлѣбѣ, яко рождъ в цвѣтѣ приблио. Святыи же Варлаамъ нача оутѣшати святителя душополезными словесы: не скорѣбѣ(ти), но паче благодарити Господа нашего Исуса Христа и Пречистую его Матере Богородицу и всѣхъ святыхъ великихъ чудотворцевъ, яко призрѣлъ Господь Богъ на насъ милость свою; аще,

святыи владыко Антоніе, не послалъ бы Господь Богъ сибѣ и мразу, могыбнути было людемъ от глады: хотяще Господь Богъ за умноженіе грѣхъ нашихъ понустити глады, и молитвъ ради пречистыи Богородица и всѣхъ святыхъ великихъ чудотворцевъ дарова Господь Богъ сибѣ и мразъ, да в коренѣ ржаномъ во всякомъ обилии черви изомроша, и единъ день пребуде сибѣ на земли, и Божиимъ промысломъ и повелѣніемъ будеть теплота, и той сибѣ за дождевную тучю оупонетъ землю и плоды всякия земныи. Еже и бысть по пророчеству святаго Варлаама. Святитель же архиепископъ Антоній, снѣ слышавъ глаголы от святаго Варлаама, велии оужасеся о предивномъ Божии милосорднии и о неизреченныхъ Божіихъ судбахъ, начатъ славити Бога. И посла святитель святыи владыка Антоній на воле слугъ своихъ от предстоящихъ ту въ келии его, да исторгнууть класы ржаные и с коренемъ. Шедъше послании на ржаное поле, исторгнуша класы ржаные и с коренемъ, принесоша тоу въ келию предъ архиепископа Антонія. И видѣ архиепископъ Антоній в корени ржаномъ много множество червей и измершихъ от сибѣ и от мразы, прославивша Бога о бывшей Божии милости. По пророчеству же святаго Варлаама, на оутре, еже в соуботу, и въ подѣлю, теплота волика бысть, и

растая снѣгъ, и оупои землю, и оувлажи яко же дождевиною тучю. Божиниъ промыслонъ и повелѣниемъ, рождъ тогда цвѣла, а цвѣтоу не прибило мразомъ, молитвами пречистыя Богородица и великыхъ чудотворцевъ, и молитвами святаго Варлаама чудотворца. Святитель же видѣвъ збывшееся пророчество святаго Варлаама, того же лѣта оугобасиѣ велико бысть всѣмъ плодомъ земнымъ, молитвами пречистыя Богородица и всѣхъ святыхъ ради великыхъ чудотворцевъ, и молитвами святаго Варлаама чудотворца.

По преставленіи же святаго Варлаама чудотворца, оустави архиепископъ Антовій Великаго Новогграда ѣздити со кресты самому архиепископу со архимандритомъ, и со игуменомъ, и со священноинокы, и з дьякомъ, и клирикомъ, и з двани пѣвчии и поддьяки, и всѣмъ причтомъ церковнымъ, и с тысяцкини, и с посадницы, и з бояры, и з гостыми, и со всенароднымъ множествомъ мужей и женъ, и дѣтей, во вѣки вѣчными, в пятюкъ первыя недѣли петрова посту, во обитель Святаго Спаса и пѣти молебствъ богодѣльному Преображенію Госнеда нашего Иисуса Христа и чудотворцу Варлааму, и служити самому архиепископу и со всѣмъ соборомъ соѣйскимъ и съ архимандритомъ и съ честными игуменомъ, и со священноинокы, и священнодьякомъ, божественная литургія. Сие же торжество оуставися в пятюкъ первыя недѣли петрова поста и во вѣки вѣчными ѣздити архиепископомъ Нооугородскимъ во обитель Святаго Спаса и чудотворца Варлаама пѣти молебствъ Спасоу и чудотворцу Варлааму, и служити соборомъ божественная литургія, и множеству безчисленному всего Великаго Новогграда, всенародному собороу, мужемъ и женамъ, на той день приходити, и ѣздити в судель, молитися Святому Спасоу и чудотворцу Варлааму: и множество болашихъ всякими недуги и болѣзными одержимыхъ и с вѣроу приходящихъ, исцѣленіе приемлющи от всякихъ недугъ и болѣзней от чудотворцева гроба и от мощей святыхъ чудотворца Варлаама, и всѣхъ с вѣроу приходящихъ, исцѣленіе приемлющихъ, прославляти Бога и оугодиша

его преподобнаго Варлаама чудотворца, и за воспоианіе збывшагося пророчества святаго о снѣгъ и о мразѣ, еже молитвами святаго Варлаама во ржи и во всякомъ обилии черви изомроша, и еже избави Господь Богъ от глада люди своя, молитвъ ради Пречистыя Богородица и святаго Варлаама чудотворца. Многожды же бываеъ и в нынѣшняя времена: туча снѣжная на нивы падетъ и мразъ, и того бываеъ день или два дни, въ цвѣтѣ егда рождъ цветотъ, и молитвами преподобнаго отца нашего Варлаама и ржаного цвѣтоу мразомъ не познобитъ, а в коронѣ ржаномъ во всякомъ обилии черви изомроша: от снѣга и от мряза озобаютъ и примираютъ; а снѣгъ егда растаетъ от теплоты, и егда начнетъ грѣти теплотою солнечною, то землю тѣмъ снѣгомъ оупонетъ и совлажитъ, яко дождевиною тучею; и на которые полосы и на нивахъ гдѣ на кое мѣсто падетъ туча и снѣгъ и мразъ, то Господь Богъ оумножитъ тую землю, и тые нивы и полосы множество ржи и всякаго обилия возрастаетъ, молитвами святаго Варлаама чудотворца, за вѣру держащихъ крестьянъ ко святому Варлааму; а кого хоцетъ Господь Богъ показати, в то время и на коого христианина на нивы и на полосы снѣгъ и мразъ не падетъ, то на тѣхъ нивахъ и на полосахъ черви и во всякомъ обилии кореніе подыдають, то уже рождъ и всякое обилие привянетъ, и исхнетъ, и хлѣба на тѣхъ нивахъ не будетъ, за согрѣшеніе тѣхъ крестьянъ. Преподобный же отецъ нашъ Варлаамъ, святаго ради жития, беззлбное (быва) душа даромъ пророчествия сподобися, по реченному пророкомъ: излию от духа моего на всяку плоть, и дамъ чудеса на небесѣ горѣ, и на земли знаменія низу и во благодати сугубъ даръ подамъ! Пречестный же божественный Варлаамъ прозрѣ маловременная и мною текущая житія сего, обонихъ сподобися; глаголю же, се дамъ рече, чудеса на небесѣ горѣ, и знаменія на земли низу; хощещи ли дати, от обонихъ разрѣшу, о нихъ же и самъ речети: истинну быти не ложно мною глаголемое, многожды бо рече не токмо бо в животѣ, но и по смерти сего преподобнаго Варлаама быша и быва-

ютъ, да иже и до сего дни. Есть оубо обычаи в томъ в Великомъ Новѣградѣ: егда поущенію Божию бываеъ бездождіе, и абие весь народъ со архиепископомъ града с вѣрю пришедши в монастырь, идѣже лежить пречестное его тѣло; иѣсть бо далече, но яко седмъ поприщъ от Великаго Новграда, яко же предъ сказахомъ; всему народу предстоящу, архиепископу же во священней одеждѣ стояше с лвии священными, молебная совершающимъ, абие солнечный воздухъ в водоточное естество преложися, и тако дождь доволенъ молитвами святаго исходитъ, яко же дивится иже ту предъстоющему народу скорому святаго оуслышанію. Егда же ли пакы бываеъ оумноженіе дождемъ, и абие такожде народъ со архиепископомъ предъреченнаго Великаго Новграда обычными молбы сотворяющимъ, и абие в той часъ молитвами святаго облачное и темное небо съ своими стихіями благодарственно растворетъ и свѣтла бывають, и ясно солнечныя луча вылетъ заря. Народъ же благодарная хваления воздаше чудотворящому Богу и святымъ его оугодиномъ и преподобнымъ и богоноснымъ отцемъ нашимъ великимъ Варлаамомъ чудотворцемъ, и тако во свояси возвращаются. Оустави же ся в Великомъ Новѣградѣ чинъ церковный в велицей церкви святѣи Софїи премудрости Божїи: ѣздити архиепископу со кресты и пѣти молебны и слоужити божественная литургия во обитель Святаго Спаса на Хоутыни со священнымъ множествомъ в нитокъ первыя подѣланъ петрова посту, и во вѣки вѣчными, потоуж от святыхъ Софїи премудрости Божїи священный соборъ великия церкви начнутъ ходити со кресты на Ильнуу оулицу ко Прочистой Богородицы в честному и славному ея Оуспенію, во вся пятки молебное пѣніе совершающе, и до Воздвиженія Честнаго Креста, молящеса Господу Богу в Прочистой Богородицы и всѣмъ святымъ великимъ чудотворцемъ, и святаму великому чудотворцу, преподобному и богоносному отцу нашему Варлааму, о оустроеніи земьскомъ, и о тишинѣ и о мирѣ всего мира, и о благостояніи святымъ Божиимъ церквамъ, и о благовѣрномъ и христо-

любивомъ царя и великомъ князи ния рекъ⁽¹⁾, и о его благовѣрной царицы, і великой княгинѣ, ния рекъ⁽²⁾ и о благородномъ царевичи⁽³⁾, чтобы Господь Богъ даровалъ имъ многолѣтство и здравіе и спасеніе, и скипетры царствия оутвердилъ во вѣки вѣкомъ, и даровалъ бы Господь Богъ сродникомъ благочестиваго царя нашего правовѣрнаго благолюбивымъ княземъ, рускою землею искущияся, за вѣру Христову и за царя православнаго и за вся святыхъ Божїи церкви, и за все православное христіанство, и благочестивымъ бояромъ, христіюлюбиваго православнаго царя нашего воеводамъ, и всемоу христіюлюбивому его воинству помощь, и крѣпость, и побѣду, и одолѣніе, даровалъ бы Господь Богъ на вся врагы наша и сопостаты, на вся невѣрныя, на бусорманство, и на латинство; просемъ великаго дару оу Господа Бога просить, чтобы даровалъ Господь Богъ царю нашему православному и благовѣрному и христіюлюбивому, великому князю ния рекъ⁽⁴⁾ вся Росїи и благовѣрной и христіюлюбивой царицы ния рекъ⁽⁴⁾ плодъ чрева, благочестива и христіюлюбива поборника во благочестїи нашей христіанской вѣрѣ, и сына ния благородна и крѣпка на врагы, и цѣломудрена, и иудролюбна, и милостива и кротка, христіаномъ заступника; тако же и во всѣхъ шести соборахъ Великаго Новграда священники ходятъ конжедо соборъ ко святымъ церквамъ во вся Воскресенія с народомъ до Воздвиженія Честнаго Креста; паче же великїи архiereй и архиепископъ Великаго Новграда ходитъ в петровъ ность, и по петровѣ дни, со кресты около града по обѣ стороны со священнымъ соборомъ, и со всепароднымъ множествомъ молебное пѣніе совершающимъ, и всѣмъ святымъ великимъ чудотворцемъ и великому чудотворцу Варлааму о оустроеніи земьскомъ просяще милости Божїи и посѣщенія, и помощи, и оукрѣпленія всему православному христіанству, и о сподобленіи еже на вра-

(1) За тѣмъ написано и зачеркнуто: Борисѣи Феодоровичѣи всея Россїи.

(2) Написано и зачеркнуто: Марїи.

(3) Написано и зачеркнуто: Особорѣи и царевичѣи Ксенїи.

(4) Оцель тѣмъ имена царя и царицы, написаны и зачеркнуты.

гы побѣда христолюбивому воинству благовѣрнаго цари нашего великаго князя ния рекъ всея Росіи саюдержца, и о всѣхъ полезныхъ православному христіяеству, и о оумноженіи плодовъ земныхъ, избавилъ бы Господь Богъ всѣхъ православныхъ христіанъ отъ глада и губительства, труса, и потопа, отъ огня, и меча, и

мора, и нашествія иноземниковъ, и междуусобныхъ брани и напрасныхъ смерти, и отъ всякаго зла, за молитвъ Пречистыя Богородица и всѣхъ святыхъ, великихъ чюдотворцовъ, и за молитвъ теплаго заступника и скорого помощника преподобнаго Варлаама, чюдотворца. Богу нашему слава, и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣкомъ, аминь.

ВИДѢНІЕ ПОНОМАРЯ ТАРАСІЯ.

ВИДѢНІЕ ПОНОМАРЯ ТАРАСІЯ.

(Русск. XVI в. Руманц. Муз. № 154.)

Бысть чудо прославно и видѣніе оужаса исполнено въ пречестивѣи обители боголѣпнаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и преподобнаго отца нашего Варлаама. Бывъшю пономарю в церкви Святаго Спаса в полунощи, иѣкия ради цотребы церковныя, именовъ Тарасію, видѣтъ на наникадвухъ и во свѣтильничехъ свѣща вся възжегъшася, и кадшла возгорѣвъшася, и от благооуханія благовоиъзнаго овиинна и ливана церковь исполнену, и зрѣтъ пономарь зрящима очима, не во снѣ, но явѣ, из гроба своего исходяща преподобнаго чудотворца Варлаама, и бывша въ церкви Святаго Спаса. И нача преподобный молитися Господу Богу нашему Иисусу Христу и Пречистѣи его Матерѣ Пресвятеи Богородици и всѣмъ святымъ, со слезами и с великимъ оумиленіемъ, яко же овъ на три часы. Пономарь же бысть во ужасѣ величѣи. И прїиде к пономарю Тарасію самъ Варлаамъ чудотворецъ и глагола ему чудотворецъ; о брате Тарасіе, хочеть Господь Богъ погубити Великій Новъградъ! Взъиди, брато, пономарю Тарасіе, на самый верхъ церковный, оузриши пагубу Великому Новуграду, что хочеть Господь Богъ сотворити ему! Пономарь же Тарасіе, по глаголу преподобнаго чудотворца Варлаама, взыде на церковный верхъ, и видѣтъ чудо страшной гро-

зы исполнено; над самымъ Великимъ Новымъградомъ озеро Ирменъ воздвигшеся на высоту, хотя потопити Великій Новградъ. Пономарь же Тарасіе видѣтъ страшно видѣніе, велики оужасеса и бѣжа из церкви Святаго Спаса страхомъ великомъ одержимъ, видѣтъ въ церковь Святаго Спаса. И прїиде к нему святой Варлаамъ, и воспрося его: что видѣ надъ градомъ? Пономарь же повѣда святому Варлааму чудотворцу: озеро Ирменъ воздвигшеся надъ Великимъ Новымъградомъ. И рече пономарю святой Варлаамъ: Господь Богъ хочеть Ирменомъ озеромъ потопити Великій Новъградъ за умноженіе грѣхъ людскихъ всенароднаго ипожества и беззаконіа и неправды ихъ. Посонъ пакы начать со оумиленіемъ и со слезами молитися Господу Богу и Пречистѣи Богородици на три часы, и посла пономаря Тарасія ити на церковь Святаго Спаса і видѣти что сотворитъ надъ Великимъ Новымъградомъ. По глаголу же чудотворца Варлаама, взыде второе пономарь Тарасіе на церковь Святаго Спаса в верхъ: видѣтъ ипожество ангель стрѣляющихъ огненными стрѣлами яко дождь сильный истучи на множество народа людскаго, на мужи и жены, и на дѣти ихъ, коліко быше мужей и женъ и дѣтей, предъ всякимъ мужемъ и женою или отрочатемъ, и предъ дѣвою, и предъ всякимъ человекомъ стояща

ангела хранителя, держаща книги, и зряща в нихъ повелѣнія Божія. Акій человекъ обрѣтается написанъ въ живыхъ, того ангелъ хранитель показоваше кистию из сосуда, приеми нию иѣра небснаго, и абие той человекъ исцѣленіе принимаше, и здравъ бывашо от смертностныхъ язвъ ангелемъ немилостивыхъ язвы. Егда же видяше ангелъ человекъ, ему же написано оумрети въ книгахъ судьбъ Божіихъ повелѣніемъ владыки Христа Бога нашего, і абие не показалъ его мироу ангелъ хранитель, оумылъ отлождаше от человекъ, бояся преслушати своего владыки повелѣнія. Ангели же хранители предъстоящихъ предъ всякимъ человекомъ от зрящихъ в книги оубѣхъ показахоу из сосуда кистию, а иѣхъ не накуше, отлождахоу. Онъ же оужасеся страхомъ великимъ одержимъ, и бѣжа с верху церковнаго Святаго Спаса; и вопроси его святыи Варлаамъ чудотворецъ: каково видѣ видѣніе надъ великимъ Новымъ градомъ? Понамаръ же шача повѣдати святому Варлааму еко видѣ множество ангелъ Божіихъ безчисленно с небесе стрѣлы огнени испущающихъ на всенародное множество людей. Начать же преподобный Варлаамъ молитися Господу Богу и Пречистой Богородицы, и всѣмъ святымъ, со слезани и с великимъ оумилениемъ, и глагола чудотворецъ Варлаамъ къ понамарю Тарасію: брате! за молитъ пречистая Богородица и всѣхъ святыхъ ради молитъ, пощадитъ Господь Богъ людей

своихъ, еже не погубилъ потопомъ града, но посмылетъ Господь Богъ на люди моръ казнь; но с милостию, рекъше с поканіемъ. Самъ бо рече Господь во святѣмъ евангеліи: в чемъ ты застану, в томъ ты и сужду! И боудеть моръ три лѣта. Еже и бысть в тыс три лѣта Божію пощещеніе моръ. И наки помолиса святыи на многъ часть, и посла третье понамаря на церковь что оувидитъ надъ градомъ. По словеси же чудотворца Варлаама и възде на церковь понамаръ, видѣ тучю огнену над градомъ; и наки бысть в оужасѣ величѣ понамаръ, свѣде с церкви, и възшедъ в церковь Святаго Спаса видѣтъ понамаръ чудотворца Варлаама молитися Богу, и вопроси святыи Варлаамъ понамаря! что видѣтъ над градомъ? Понамаръ же шача повѣдати святому Варлааму еко видѣ надъ Великимъ Новымъ градомъ тоучю огнену. И чудотворецъ Варлаамъ рече понамарю: по трехъ лѣтъ послѣ короу будеть пожаръ силешъ в Великомъ Новѣградѣ. Торговая страна вся погоритъ, і множество много людей изгоритъ; пошеже, брате понамарю Тарасіе, Пречистая Богородица со всѣми святыми оумолила сына своего и Бога нашего Исуса Христа, и избавила градъ свой от потопа. И номолиса преподобный Варлаамъ къ Господу Богу и Пречистой Богородицы и всѣмъ святымъ, впаде в гробъ свой, и свѣщи и кандила сами о собѣ погасоша.

ПОВѢСТЬ

О НОВГОРОДСКОМЪ БѢЛОМЪ КЛОБУКѢ.

2

ПОВѢСТЬ

О ПОВГОРОДСКОМЪ БѢЛОМЪ КЛОБУКѢ.

(Рукоп. Импер. Публ. Библ. тн. 4^а Отд. 1. № 262.)

ПОСЛАНІЕ ДМИТРІЯ ГРЕКА ТЪЛМАЧА ПОВГОРОДЦАМЪ АРХІЕПИСКОПА ГЕНАДІЯ.

Пречестныя і великия святыя соборныя і апостольскыя церкви Софїи премудрости Божїи первопрестолнику государю преосвященному архиепископу Великогорода и Пскова владыцѣ Генадію слуга твоего святительства Митя много челомъ бьетъ. Твоиѣ святительскыѣ благословіеніѣ и молитвами азъ великаго Рима града дождохъ во здравїи, по твоему святительскому приказу о бѣломъ клобукѣ в лѣтописныхъ в римскихъ книгахъ едва можахъ обрѣсти написаніе о семъ; понеже срама ради таятъ велики. Со тебѣ повѣдъ како обрѣтохъ писаніе о семъ. Первие плакахся азъ ко книгохранителю церкви римския іменемъ Іакову і многими дарыи одарихъ его. Книгохранитель же онъ, видѣвъ мя любезно припадающа к себѣ, і великую любовь имъ ко мнѣ многими брашныи и питїи, і по мнози дни приходяхъ к нему і в дому его вечеряхъ с нимъ; і нѣкогда пришедшу ми к нему по обычаю вечерати, онъ же с любовию срѣте мя, і емля за руку введо в домъ свой, і в то время вечеряхъ с нимъ, показали ему нашу греческую вѣру і о росейстей земли, такожде і о вѣрѣ, о благостояніи, і о чудотворцехъ, іже в русейстей земли просиявшихъ многими знаменїи і чудосы, і потомъ сказахъ ему повѣсть чудну зѣло о бѣломъ клобукѣ, еже ты, святитель Великаго Новгорода,

на главѣ своей носиши. Книгохранитель же онъ, яко услышавъ от мене сїя, воздохнувъ о семъ великии рече: от древнихъ і достовѣрныхъ мужъ у насъ сїцева повѣсть обновашеся о семъ прежде, яко клобукъ сїи бѣлый честный, о немъ же глаголюши, сотворенъ бысть въ превеликомъ граде Римѣ царемъ Костянтиномъ і данъ бысть на почестъ римскому папѣ Селивестру на главѣ носити, і ради согрѣшенїи нашихъ, еже содѣся в Римѣ, сїи клобукъ посланъ бысть в Костянтинъ градъ къ патриарху; патриархъ же посла его в рускую землю Великаго Новгорода. Азъ рѣхъ: естли о семъ написаніе адѣ? А древнаго нѣсть. Азъ же подробну и с тихостїю начахъ вопрошати его: да скажеи ми подлинно і о семъ о бѣломъ клобукѣ написаніе. Книгохранитель же онъ вечера много со мною великою любовию, і видѣвъ мя тщательне вопрошающа о семъ, и сказа ми повѣсть сїцеву: О семъ многу речению из насъ прежде сего во градѣ і зысканїю бывшу о семъ, онъ глаголетъ се, инъ же ино, а истинны не зѣдаи никто же; понеже зависти ради православныхъ древнихъ начальницъ града сего о семъ писаніе истребиша. От того же времени по многѣхъ лѣтѣхъ, егда турки обладоюще царствующимъ градомъ, нѣщцы благочестивїи мужне Царяграда взяша множество греческихъ книгъ,

хоташе соблести греческия вѣры отъ безбожныхъ ту-
рогъ, і отплыша моремъ в Римъ. Латинстїи же людо
вншдно славни зѣло и тщательны философскому учо-
вию, отъ многихъ бо лѣтъ восточныхъ учителей же-
лаху видѣти писанна і о гречестѣи, царю же не из-
волиша тако быти, ради отступленія ихъ отъ правосла-
вни; огда же улочиша время, присенены убо отъ
грекъ книги во свой римскій языкъ преложиша, а
греческия книги вси огнемъ сожгоша, о бѣломъ же
клубукѣ, о семъ вопрошаша, такоже написанно зъ
греческихъ книгъ в римскія книги зновѣ написанна
бѣ, а прже того в римскихъ книгахъ написанна не
бѣ о бѣломъ клубукѣ, срама ради; і нмѣ се таятъ же
велики. Азъ же яко услышавъ отъ книгохранителя оного
сидеова повѣствующа, і боли развалихся желаннемъ,
і се многыи молениемъ припадохъ колѣномъ его, да-
бы ми даде написанно се, і с великимъ заклинани-
емъ егда упросихъ, і в тайнѣ написавъ подлинно;
такоже і есичастную книгу і протворный кругъ, і
вса сиа послалъ еси к тебѣ с московскимъ гостемъ
с Фокою с Саровымъ, і буди, государь, спасася в
здравству о Христѣ, і насъ во святыхъ своихъ мо-
литвахъ не забуди, яко же и прже.

**ОТ ИСТОРИИ РИМСКИЯ ПОВЕДѢНІЯ И ЧИНА СВА-
ТИТЕЛЬСКАГО НАПИСАНІЯ ВЪКРАТЦѢ, ЧЮДНО ЗСЛО.**

ОТ ЧАСТИ ЖИТІЯ БЛАГОВѢРНАГО ЦАРЯ КОНСТАНТИНА
РИМСКАГО, І О СОВОРЕНІИ СВЯТИТЕЛЬСКАГО БЛАГО
КЛУБУКА, ОТКУДУ И КАКО НАЧАЛО ПРИИША АРХИЕПИ-
СКОПИ ВЕЛИКАГО НОВАГРАДА ЕЖЕ НОСИТИ ЕГО НА ГЛА-
ВАХЪ СВОИХЪ, А НЕ ЯКОЖЕ ПРОЧІИ МИТРОПОЛИТИ; ЭДѢ
ЖЕ О СЕМЪ ИЗВѢСТНО СКАЗАНІЕ ИМАТЬ.

По смерти нечестиваго цара Максентія, на хри-
стианы гоненіе преста, і бысть тишина велика. Человѣ-
ки же живуще в Римѣ окрестиніи, аще и не вѣрнемъ
баху одержавши, но веселнемъ и радостію великою вес-
чавшо градъ свой, восприима же с похвалами на цар-

ство великаго и славнаго Константина, спаса и бла-
годателя нарицающа его. Благопоспѣшныи же царь
Константинъ приемъ царство с скипетромъ римскою,
і величнемъ его вся по чину бываху царскихъ власто-
линскихъ; во христианстей вѣрѣ пребывающимъ во ос-
лабѣ жити повелѣ; христиане же, благодателство сию
дѣвнще, і онъ наче радовахуся і веселишася, творяху
подобныи праздники вселиаго Бога безпрестанни,
славаце і царя Константина немолчно величяху. Пра-
вославную же вѣру Господа нашего Исуса Христа в
Римѣ содержащу і уквѣрляюще тогда блаженному Со-
ливестру, епископу христианскому в малѣ дружинѣ, во
утѣсеннїи пробывающе, і сию творя втай, а не явѣ,
страха ради жидовскаго і еллинскаго, повеже царь
Константинъ еллинстїи вѣре прилежаще, тогда оц-
ломъ кланяшася. Въ третие же лѣто царства его бла-
женныи Солвестръ напа римскій крестїицького ца-
рца мужа, Изумѣора именовъ, і добръ устрои его
вѣровати въ Господа нашего Исуса Христа. Замбрїа
же нѣкто бѣ в Римѣ жидовнѣ і волхвуа, і всми
любимъ бѣ, с нимъ же блаженныи Солвестръ после-
ди чюдо велико сотвори о семъ убо (и)де скажемъ. Со-
же убо Замбрїа не показше зрѣти вѣры Христовы,
собра вопрошавъ еллины и жидовнїи, придоша же ко
царю, і рекоша: Господи великодержавный царю! Гра-
да сего епископъ христианскїи Солвестръ пономая
ны і укаря негѣнными словесы, і добръ проповѣдаеть
распятаго нѣкогого, наша же честныи і великия боги
пономая, і безчестныи творити а, в твоего честнаго
і великаго Изумѣора своими словесы прелсти и сотво-
ри его вѣровати въ распятаго, і намъ о семъ смѣте-
нно и печаль велику сотвори, такоже і твоему вели-
честву: вещаеть, хотя и тебо прелстити і в распятаго
вѣровати яко же Изумѣора сотворити. І сего убо зло-
творца і слышати не можемъ; і моливъ тя, великий
царю, повелї убо намъ, да истребимъ его. Царь же сиа
слышавъ, разгнѣвася зѣло на епискова, Изумѣора
(ради) і хоташе его яти і в темницы затворити, а про-
чая христианн разгнати. Солвестръ же яко услышавъ

на ся гѣвъ царевъ, убося, і бежа, и скрыся в горѣ пѣкоя и с клирика своими; много же искаху его и не обрѣтоша. Богу же сохраняющему его на полезная, і пребысть крѣпса время довольно. Но творецъ вса твари, Господь нашъ Исусъ Христосъ, не нужею приводя чловѣчскій родъ ко спасенію, но волюю, і коуждо воцѣмъ разумъ дасть, такоже і здѣ хотя прославити угоднаго.

Въ 7-е убо лѣто царства своего (царь Константинъ) в лововую проказу впаде, узавленъ бысть по всему тѣлу, острунѣвъ лежаща (ше) едва дыша. Мнози же чаровницы і волсви приходаше, но точію от римлянъ, но и от персь приходяще, ириведени, искусныи врачевствѣ хитрости, и ничто же усѣйша, но и паче на горшео ириведше, мало во престаша царя лукавнѣ, рехоша сице: подобаетъ кунѣмъ быти въ Капеталнѣ ринѣстей, ісполнитися частыхъ перворожденныхъ младенцевъ кровію мужска полу, і горячею кровію измытиса тебѣ, и животь получихи; а телеса младенческа дати на жертву боговъ. Царь же въскорѣ всему быти повелѣ, и во всей ринѣстей области принесоша дѣтой 3,000 мужска полу. В потребныи же день ідущу царю с волхвы онѣи в Капиталію, въ младенчестей кровіи измытиса, жерцемъ же готовымъ сущемъ на заколени дѣтей, і бысть стенаніе і кричаніе велико безареставно. Ся же слышавъ царь, ужасеся, и ста на единомъ мѣсте, і узрѣ множество жонъ стоящихъ простовласы, кричаще, і плачущесе, і воздыхающе великими гласы. Вопросы же царь грядущихъ с нимъ: кто сеі естѣ, і что вина плача ихъ? Рѣша же ему, яко убивши ради дѣтей онѣхъ плачють матери ихъ. і побѣждонъ бывъ царь жалостію і воздохнувъ из глубины сердца, и начатъ плакати великимъ гласомъ: лучше ми естѣ самому умерети за спасеніе дѣтеі, несквер- і еже (неже?) гѣмъ убивомъ быти! і се рекъ, возвратиса в полаты своя, і не точію дѣти матеремъ отда- ти повелѣ, но і мѣнѣемъ одаривъ і отпусти; жены же оны вопріаша чада своя во мнозѣ радости.

Тому же убо днєви мимодешу і пощному безмол-

вню ириведшу, явистася царю святнѣ апостоли Петръ і Павелъ, глаголюще: Понеже грѣхонъ не выхотѣтъ еси ісполнитися, і пролѣити кровь неповинныхъ возгнушася (шался еси), от Христа Бога нашегого лави есны дати тебѣ спасенія образъ, іже здравіе получиши. Послушай убо нашего заповѣданія, и сотвори, еже ти заповѣдамъ. Іже града сего епископъ Селивестръ, твоего гоненія бѣгая, въ пронастохъ каменныхъ крыетсѣ в горѣ Сорѣтѣй, і сего иривзавъ честію, повелѣ иривѣти к себѣ: сеі убо имать показати тебѣ кунѣмъ спасенія, в сеі бо измывса, всю скверну струнъ своихъ очистиши, и здравъ будеша, і живота вѣчнаго сподобишися, живота радѣ, даннаго с тобою воскреснымъ младенцемъ. і егда от святителя сию благодать иривѣмоши, воздаждь ему воздареніе честное, да во всей вселенствѣ церкви православныхъ обновятсѣ твоини волѣбныи священнолѣпотою, і да прославитсѣ в нихъ імя великаго Господа Бога і Сва са нашего Исуса Христа, і святыхъ пѣвнѣмъ украшаются.

По явленнѣ святыхъ апостолъ, от царя Константина зысканію бывшу о епископѣ, і обрѣтоста его, со всякою честію ириводоста пред царя. і яко видетъ епископъ в полату, царь же воста, первие цѣлова епископа, і рече: здрава ти иривѣмши радуемсѣ, честныи отче! Селивестръ же рече: миръ тебѣ о небесе дастсѣ і побѣда! Царь же сказа ему о видѣннѣ пѣкоемъ, і рече: два мужа пощію во сѣи яльшихисѣ, Петръ і Павелъ нарицаста имя себѣ, і возвѣстѣста ми еже о тебѣ; і се ирившелъ еси, сотвори о мнѣ еже инаши от Бога даръ, очисти мѣ от болѣзніи моея сея. Но и ещѣ молю тѣ, святнѣ епископе: кто суть бога, Петръ и Павелъ іменуеми? инаши у себе образъ яльшихисѣ мнѣ, и да покажемши ихъ, і сотвори ми ея явлены, і разумно ми будетъ. аще воиставнну от Бога посланннѣмъ ннѣ быти. Селивестръ же рече: не истинна суть еже тѣхъ бога іменовати: апостоли суть Господа нашего Исуса Христа, і потомъ всякоя чести достойны. Отецъ Селивестръ божественныхъ апостолъ образы своему днѣ-

кому повелѣ принести. Уарѣвъ же пашъ царь на ико-
нахъ, і возна, предъ своими князи і великоками існо-
бѣдася, і глагола: во истинну силъ в видѣнии уарѣвъ!
Тѣи нѣтъ глаголаста: послѣ ко епископу Селивестру; той
ти покажетъ кунѣль спасенія. І паде предъ ногами епи-
скопу. Блаженный же Селивестръ воздвигъ его, і по-
учивъ его отъ божественныхъ писаний, і заповѣда по-
ста прияти седмь дней, і во единомъ претищи одѣ,
внѣшну быти, і милостию творити повелѣ; і благосло-
виль, сотвори его оглашенна, і отъидеть. Бысть же в
доль недѣльный службѣ (у)готовленъ суци, Селивестръ
же царю рече: вода сия, царю, еже видиши, призы-
ваннѣтъ святыхъ я животворящихъ Троица божественную
силу приислющи, якоже телеса извнугутъ отъ всякия
скверны очищаются, тако і душа отъ всякаго грѣха і отъ
всякия скверны очищается, і содица свѣтлѣиши твори-
тса/ Види убо въ чистую і священную сию баню, і
очистися отъ всѣхъ сотворенныхъ ти грѣховъ. Силъ же
нѣтъ реченныхъ бывшихъ, і благословилъ святыхъ во-
ды; показану же бывшу царю святыхъ маселъ, і
вѣдѣшу ему во святую воду, о великаго таинства Бо-
жія тогда бывшаго! Всегда ему крещьшуся во имя свя-
тыхъ Троица, внозану силнио вѣкако безчисленнаго
свѣта с небесе возсия, і гласъ бысть яко нѣди зѣвѣ-
щи; і вѣздо отъ воды добродѣтели великий царь Кон-
стантинъ весь здравъ, струна же отъ тѣла его отпадо-
ша яко чешуя, і чистъ бысть всюду, рече к Селиве-
стру: о пречестный отче! велика Божія благодѣяния по-
вѣлъ тебѣ: всегда убо в нѣдрахъ кунѣльныхъ поста-
вленъ быхъ, рукою ко спущшюся ми с небесе, своими
очима видѣхъ, отъ гноя же чистъ востяхъ, і отъ всякаго
еже отъ проказа одержания позвахъ (себе) очищенна.
Блаженный же Селивестръ слышавъ, одеждани бѣлыми
одѣя его, і содилично отъ Святаго Духа подаетъ по-
казаннѣтъ насть, и знаменнѣтъ честнаго креста зна-
мена, рекъ: знаменаетъ тя Богъ вѣры своея печатнию,
во имя Отца і Сына я святаго Духа! І весь соборъ
отѣвѣща: аминь. Святитель: миръ ти! Благодатию же
Божію царь Константинъ здравъ бысть (и наре-

ченъ) во святомъ крещеніи Флавиѣ, радости многия на-
полнися, велию славу воздая Христу Богу і святителю
Селивестру, і не виѣвѣше его чловѣка суца, но чтише
его яко Бога, і отца его собѣ і папою іменована. Все
же людие, олицы подъ римскою державою, возрадова-
шася зѣло, не точию царева радѣ исцѣления, но і чадъ
своихъ радѣ, еже собранн бѣша на закляши, здравнн
радѣ царева; силъ всѣхъ живыхъ приисши матери ихъ,
і тогда радость велия бысть во всей римстей державѣ.
По исцѣленіи же своомъ царь Константинъ, і по во-
лѣнню святыхъ апостолъ, і поученнѣтъ блаженнаго па-
пы Селивестра, впроже всего повелѣ собрати мощи свя-
тыхъ мученикъ, умершихъ отъ нечестивыхъ царей за
вѣру Христову, і благочиннѣтъ гробовъ предати повелѣ;
і во изгнаніи суцихъ ирведе, і в темницахъ, і во
юзяхъ седящихъ свободн, і отъятая нѣвѣния отдати по-
велѣ; церкви же Божія поновлати успѣхохъ многихъ,
еллинския же храмы разорати і огнемъ сожещи пове-
лѣ, а нѣвѣния ихъ святыхъ церквамъ отдати. І со сло-
вомъ въскоре дѣла быша: і вся по чину бываху, яко
же лѣно християнскнхъ царей владѣтельство. Папа
же Селивестру царь Константинъ многая благодареннн
воздаде, на церковныя чины, і самому свѣтѣишому папо
на послушаннне, своихъ царскихъ чиновъ і величеству,
і многия чины устрои, і вѣноцъ царскнхъ хоташе по-
ложить на главу его. Папа же рече: царю великий! не
лѣно есть намъ твоего царскаго вѣнца носити на главѣ;
аще епископъскаго сана сводобленъ быхъ, но мнѣхъ
есмь по обѣщаннню, і сего ради молихся всемогущему
Богу, да в будущемъ вѣцѣ вѣчная благая приимѣтъ отъ
него. Царь же любовно побѣдася, оскорбнся вѣнца
радѣ. Папа же рече: не скорбн, царю! твое есть еже
носити златый вѣнецъ і вся красная нѣра сего, наше
же должно есть о твоємъ царствіи Бога молити, і сми-
ренная і плачовная носити на тѣлѣ своемъ, і за цар-
скую красоту; такоже должно есть намъ і о всемъ нѣ-
рѣ молитвы воздавати Богу, не точию о вѣрующнхъ
въ Господа нашего Иисуса Христа, но і о невѣрую-
щихъ: о вѣрующнхъ спасеннн радѣ, о невѣрующнхъ

же крещенія радѣ, да и тѣ спасеніе улучать, еже о Христѣ Іисусѣ, якоже рече блаженный апостолъ Павелъ. Ся же царь слышавъ, умилися і с великихъ полюбилъ зоваше святителя да ясть у него. Егда же приде на па въ царскій дворъ, царь же самъ срѣте его, і своими руками поддържа его, такоже і прочому священническому чину, і клирокомъ, і мншомъ честь велию воздадо. Во время же ядения боголюбивый оиъ царь своими руками поставая брашна святѣишму напѣ і прочимъ, і весьма чтяше его, і в радости велицѣи предстои ему яко Богу; і безпрестанн зря на лице і мыслице неослабно, да кацѣиъ образомъ сотворить ему одѣяніе на главѣ носити виѣстро царского вѣнца; і недоумѣся. Прочая же священники і мнши такоже довольно питая, і учрежая же наъ всѣми царскими брашны, і во всѣиъ угожая нмъ предстоиани радѣ церковнаго. По скончанн же оного прославнаго явovanja, святѣишій на па хотяще отити во своя; благочестна любитель, благовѣрный оиъ царь повелѣ вновь привести предсѣданиа с конна своего царскаго сана і величества, і со многими благочиниимъ своими руками поддържа блаженнаго напу, і посади его на шѣсть честно, і поклонися, отпусти его с миромъ; і вотомъ выиде в ложницу свою почити. Спачу же ему на одрѣ ноцнию, і явистася ему святн апостоли Петръ и Павелъ в видѣнн, во славі велицей, і рекоша: царю! о здравнн твоимъ радуся, яко от епископа Селивестра сподобиса святаго крещенія, і вѣру же въ Господа нашего Іисуса Христа, распятаго от иудѣи і воскреснаго въ третн днѣ, і вся еже научи тя святн епископъ; вѣнца же царствна твоего епископъ не взя, і на главѣ своѣи не восхотѣ носити, понеже нмнхъ: от алатата украшениа, еже носити на тѣлѣ своемъ, во обѣщанин своемъ отрекошася. Ты же аще хочешн Божия святителя честишшиа имѣти і вышша наче всѣхъ, сотвори ему одѣяніе носити лицемъ бѣлѣишимъ, по подобнн святительскаго і мншоскаго чина, снцевымъ образомъ. І показаша ему еже мншу в рукахъ своихъ одѣяніе бѣло, достоинно бышо святителемъ носити на

главѣ. Царь же рече нмъ: господне мои! вся повелѣннн вами да сотворю; повѣдите ми, кто еста вы? і в прншествнн бо вашемъ зѣло возрѣдовася сердце мое і свѣтъ сладокъ осия на. Они же рекоша: Мы есвѣ апостоли Петръ и Павелъ, іже прежде бѣхомъ у тебе, егда ты исущему Богу вѣрова; нмнѣ же истиннаго Бога позна (лъ), наиначе же познаиъ еси от Бога; і се второе посланне к тебѣ от Спасителя Христа Бога, дати тебѣ разумъ благочестна вѣру Господа нашего Іисуса Христа, понеже послушалъ еси волѣннн, і живота вѣчнаго сподобиса рукою святѣишаго епископа. Царь же рече: господне мои! нмнѣ разумно вижу і познахъ ваша святая лица, і аще не бы вы предсталн въ явонннн вашемъ, въ малѣ не подвижася нога моя; яко возревновалъ беззаконныа зря; і аще не Господь помоглъ бы ми, зналѣ вселася бы во аде душа моя, і мало не скончаша мене на земли зли! они врази і отступницы, бѣсовствнн служителие. Апостоли же рѣша: нмнѣ вся, еже повелѣтъ ти епископъ, твори, і сынъ свѣта будоши, і небоснаго града гражданинъ. І снн глаголаше, повидннн быша. Царь же от сна воспрнмувъ, я скоро притече к наву радостенъ, і повѣда ему вся реченная от апостолъ; на па же благодаривъ Бога о семъ, яко незабвенно дѣло его вѣиъ (?) пред Богомъ/ І абно поиде царь во своя, от многна радости любовнню побѣждаемъ, і от Святаго Духа вразумленъ, повелѣ (привести) пред са въскоре ризношвецъ мудрѣишихъ, іже искусия сущѣ утвари всякнн ятелная творити, і виѣстро царскѣи вѣнца повелѣша нмъ сотворити клубукъ бѣлъ на главу блаженному напѣ, по повелѣннн святыхъ апостоловъ, во образе еже показ(ста) ему святн блаженнн апостоли; і своєю рукою назначавъ, имѣи якоже видѣ в рукахъ святыхъ апостолъ. Господу же носѣишю стующю, во нмвзохъ днѣхъ сотвориша его жиждущнн по повелѣннн цареву, і устроиша его чюдно, і принесоша его ко царю; і абно изыде от него благоуханне волно; царь же удивися сотвореннн сего, такоже і благочинно. В нарочитѣи же днѣи праздника Божия, зѣло рано еще сущи, на па Селивестръ яднше ко

утренньому ітнню, і абно на путі осия свѣтъ велиї от небесе, і гласъ бысть глаголющъ сице: епископе, внимаи себѣ: царь Константинъ сотвори одѣяние бѣлое носити тобѣ на главѣ; ты же приеми, достави его в церкви Божїи, ідѣ(же) служивши, дондеже востанеть дому владыка, емуже уготовася свѣтильникъ сей. І абно во гласѣ томъ подъяся свѣтъ онъ к небеси, і разступися небо прияти. Папа же, стоя на единомъ мѣсте, і видѣвнню дивяся, і свѣтъ осия сердце его; і грядущихъ с нимъ: сїи такоже свѣтъ видѣша і гласъ Божїи слышаша; но свѣте же ономъ ноцъ пакы бысть; і вси устрашишася. Селивестръ же дивяся видѣвнню і недоумѣяся о глаголе семъ, і шедъ въ цорковь, и все ітнне утреннєе стоя, взимышя себѣ, глаголаше: кто разумитъ мя, что преславное се видѣвнєе, і что хощеть быти? Во уроченный же часъ дни того, егда творяху божественную службу, папѣ же пришедшу в цорковь, благовѣрный же царь Константинъ облечеся въ царскую порочу, і вѣнецъ царскїи возложи на главу свою, і со множествомъ синьклита своего, сего святаго клубука припесе в цорковь, і со всякою христоводобною честїю своими руками положи сего на главу блаженному папѣ, і рече: такову ты достоинъ быти свѣтлу, якоже солнцу посреде всѣхъ челоуѣкъ, о пресвѣтїи отче і учителю! Папа же рукою своею сотвори на царѣ престное званєне, царь же папа целова в руку, і в клубукъ, і поклонися ему благочиниво. Селивестръ же въ клубукъ ономъ со своего мѣста соступивъ, і мало отшедъ, со многїи благочинствомъ поклонися в немъ царю, і ста на мѣсте своемъ. В то же время въ церкви бѣ итѣко царевъ бояринъ, Синевъ именовъ, царю предстоя і держа блюдо златое, ухищренно же бѣ жемчюгомъ і каменемъ драгимъ, на немъ же царь вѣнецъ главы своея полагаше; папа же испроси у царя блюдо оно, і сна си клубукъ з главы своея, і положи его на немъ, і любезно целовавъ со всѣми святителїи, і постави въ церкви в нарочите мѣсте, во главу авльшюся ему во свѣте Господни; і на Господскїи праздники точною возлагаше и

на главу свою, і честно творяще, і пакы поставляше его на томъ же мѣсте; такоже заповѣда і по преставленїи своемъ творити. Въ 13 лѣто царства своего благовѣрный царь Константинъ совѣтъ благъ приеми, і рече: яко ідѣже святительска власть і христьянскаго благочестїя глава небоснымъ царемъ уставлена бысть, не у достоїно естъ тако власть ітѣти земному царю; і написанїя благочинїи предавъ, і благословенно от папы вземъ, і великїи Римъ получи (поручи?) ему; самъ же приде в Византию, і соада градъ великїи і славенъ, і нарече его во имя свое Константинъ-градъ, і живаше ту.

По преставленїи же свѣтѣшого папы Селивестра, вси православнїи папы і епископы творяху велику честь свѣтому бѣлому клубуку, якоже заповѣда блаженнїи Селивестръ; і тако предшаша лѣта многа во благочинїи ономъ. Супротивникъ же і челоуѣческому роду супостатъ врагъ диволь сотвори рать велику на свѣтую цорковь, воздвиже итѣкого царя, Карула именовъ, і папу Фармуса, і научи ихъ прелстїти христьянскїи родъ своими ложными словесы і ученїи; і отступити повелѣша от православнїи христовы вѣры, і раздрати соединєне благочестїя свѣтїи апостольскїи церкви. І бѣсовскимъ умышленїемъ тїи сквернїи учителя православную христову вѣру і апостольскїи в свѣтїхъ отецъ преданїи отвергошася, во злонапрїеву ересь провратїшася, і опресночїа вмѣшїша въ правду; а истинна Христовѣ преданїи, і свѣтїхъ апостолъ, и отческа поставїшася і опресночїа (?) во лжу; і свѣтую апостольскую цорковь осквернїша неправнїи ученїи і служонїи; і свѣтаго бѣлаго клубука не любяху, і чести ему не творяху, якоже заповѣдано бѣ исперва, но вземже его і положиша на томъ же блюдо, въ придѣле итѣкоемъ церковнїи стѣнїи заключїша, і на дверцахъ написанїемъ написавше латыньскою рѣчию сице: здѣ сокровенъ естъ бѣлый клубукъ папы Селивестра. Пребысть же тамо Богомъ хранимъ. По мнозѣхъ временахъ воста нїи папа, того же латыньского служенїа, іже отнюдъ не любя Христовы

вѣры, і святыхъ апостолъ преданія і ученія, гордостію превознесеса, і святыхъ иконъ поклоняніе вочювчо отвергъ. І вѣкогда вшедшу ему в алтарь, узрѣ на дверцехъ онѣхъ написано о блюдѣ клобукѣ; і прочетъ, восхотѣ видѣти его, і повелѣ отверзѣти двори бѣи. Егдаже отверзеша ихъ, изыде вона благовоиня икона, неизреченна і чудна зѣло. Папа же взя блюдо с клобукомъ, і дивяся сотворенію его, і от бѣса пострѣзавшъ, возненавидѣ его, і положи его пакы в томъ же предѣлѣ, і заключи его твердо. Потому же во многы ноци і дни папы онъ во снѣ многожды слыша гласъ, еуангельскою рѣчию глаголющъ сице: Не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя; ни зажигаютъ свѣтильника і поставляютъ его под спудомъ, но на свѣщички возлагаютъ, да свѣтятъ всѣмъ. Папа же дивяся гласу тому, і возвѣсти в сомнѣнціи сущи (нъ) совѣтникомъ его і докторомъ, і мысль положше, яко гласъ сій бываетъ клобука ради оного. І от бѣса пострѣзавши хотище его сожещи посредѣ града Рима. Богу же не поуставишу сотворити имъ сего, и страхъ нападе на нихъ, і убоишася народа, і на нюю мысль придоша, отослати его в далняя страны заноря своего сквернаго учения, і тамо его опоругати и истребити, на устрашеніе оставшихъ христіаномъ. І вземше клобукъ онъ святый, вложиша его во вретнице безчестно, а златое блюдо себѣ удержаша; і посланники суровы і безчестны отрядише, і написаніе даша поволѣнная сотворити имъ, і отпустиша ихъ в корабль з гостями, пришедшими купля дѣяти.

І плывущимъ имъ по морю, и нѣкто посланникъ Нидрикъ именемъ, суровъ і житиенъ поганъ, упився ивианствомъ, і усты своими глаголаша скверная, і хоташе сѣсти верху святаго клобука; і абие иракъ темень нападе на нь, і невидная Божия сила не даде ему сѣсти, отрину его от мѣста того і удари о корабленныи мость, і пакы поды его выше, і удари его о край корабля. І бысть разслабленъ, немогій двинути ся ни рукама ни ногама, і лице назадъ его обрати(ся), очи же развращенныи мѣта, і кричаше безпрестани: охъ, по-

милуйте мя! І тако зѣмъ изчезе. Прочіи же клявретниго, видяще ся, ужасошася і боишася держати мертва в корабль, да не что аю постражутъ от морьскаго волненія. І свергоша его в море, і погразе.

С тѣми же бѣи нѣкто посланникъ имъ, именемъ Іеремѣя, втай держаще вѣру христову. І милостива много твораще нищимъ, і святый сей клобукъ втай (чташе). І видѣ кляврета своего пострадавша зѣмъ, і страхъ объять его. І плывущимъ имъ по морю пять дней, і яко в полунощи, всѣхъ сонъ объять, і приде гласъ глаголющъ сице: Іеремѣе! Утвержайся о Господѣ Бозѣ, и почитай святая честиа, і храни еже носиши спасенъ будеша от моря. Іеремѣя же услышавъ гласъ, і восприимувъ от сна, і страхъ объа его, и недоумѣся о гласѣ сонъ. І ввезану тма нападе на нихъ, і громи велицы востаха, и с небесе молниимъ блистанія многая явишася, и зажже корабль, и смолу корабленую развари, і вся сущая в немъ люди и рухляди корабленныи пожже і потопи, і корабль разлама, і вся сущая в немъ погибоша; точию Іеремѣя онъ пржедроченъ на едином цѣлѣ сохраненъ бысть. І вретнице с клобукомъ взя, і крѣпцѣ держа его, і безпрестани зова волнимъ гласомъ: Благовѣрныи царю Константину (с) своимъ учителямъ святымъ навою Саливстромъ! святаго ради клобука сего, сотвореннаго вами, избавите мя в часъ сей от належащия себѣ бѣды! І абие вскорѣ тишина бысть, і свѣтъ возсия; і явишася два мужа свѣтлостію сияюща, от нихже воздухъ освятися, по морю ходище яко по суку: одинъ в воинская одѣянъ, і венецъ царскій наглавъ его, другій же святительския ризы на себѣ носи. І вземше уже корабля оного, і привязаша за конецъ дѣвки, і промѣлоша ко берегу вѣкоему, знаему сущу; і клобукъ святый из вретница взяша, і цѣловавши его пакы в то же вретнице положиша и даша Іеремію, і рече: виннай себѣ, Іеремѣе, и блюди со опасеніемъ еже носиши, і повѣдай, елика ти сотвори Богъ сего ради. И невидимы быша. Іеремѣя же вретнице оно с клобукомъ взя, на ракъ свон носяше, і по триехъ днехъ (пріиде) в Римъ, і вся бывшая пакѣ повѣ-

да. Папа же таковая слышахъ (въ) ужасея страхомъ великимъ, і нача брану свою терзати і кугати; і повелѣ оуъ клобукъ положить на предреченнемъ златомъ блюдо, і постави его в церкви, і потомъ не смѣяше ему никоего ала сотворити, а почести ему не воздаше никоея же: охрочень бо бѣ дьяволивъ ухищреннемъ, въ еретическая сведень со отступники его. І мыслящо всегда: чѣо сотворити клобуку оному алая? Человѣколюбець же Богъ, вся строя на пользу, і соблюдая святину свою на пречестную похвалу, въ нѣкую ноць спящу напе оному на ложи своесѣ, і приде к нему ангелъ Господень, страшень образомъ, в рудѣ нѣтъ мечь пламень, і пусти ю ізо устъ своихъ гласъ яко громъ; от гласа же сего потрясошася полаты павны, і рече ому: О злыи скверный учителю! Не долѣян (ло) ти осквернити святую Христову вѣру, церковь; і многи душа чловѣческия погубисте своими неподобными учени, і отпустисте от правого пути Божия, і поидосте в нуть сатаниннѣ; вынѣ же конечнѣ хоцещи противель стати Богу своимъ гнилымъ буйствомъ, і святый бѣлын клобукъ умыслисте послати в нечыстыя мѣста, і хотѣсте его опоругати, истребити. По владыко вся твари соблюдетъ его своимъ смотрениемъ; ты же скверный, вынѣ с великою честью въскоре помысли сего святого клобука въ Коньстантинъ-градѣ устроити къ патриарху і сему повелѣ(ша) будетъ устроити яже о немъ; і аще сего не сотвориша, то пожару домъ твой, і смерть злу наведу на тя, і предамъ тя безвременно вѣчному огню. І сия глаголавъ, невидимъ бысть. Папа же въскочи от сна, весь трясемъ, и страхомъ одержимъ великимъ бысть, и не смѣа ослушатися повелѣннаго ангеломъ. Во утрий же день созвавъ единомыслины своя, і повѣда нѣтъ страшное ангельское явленне; і приде въ церковь, хотя взяти святый клобукъ оуъ, і абно уарѣ страшное видѣние: прежде вкати, блюдо оно златое с клобукомъ подняся выше чловѣка, і пакы ста на мѣстѣ своемъ. Папа же с великимъ страхомъ обоя взи своичи руками, і положи ихъ в сосудъ чистень, і печатавъ своимъ печатки, і отряди честныи мужи, і написание

давъ имъ: і посла ихъ в Коньстантинѣ градѣ к патриарху.

В Коньстантинѣ же градо бѣ тогда патриархъ Филофн, украшень постомъ і всякою добродѣтелию. І сему поимемъ видѣнн явися юнопа свѣтилъ, і рече: Учителю благии! Въ древнн лѣта римски царь Коньстантинъ, по явлению святыхъ апостолъ Петра и Павла і от Бога вразумлемъ, на похвалу святѣи апостольстей церкви, і на почеть блаженному напѣ Селвестру, сотвори клобукъ бѣлы на главѣ поевти; і почесты папа латински того святого клобука вынѣ хотѣ опоругати (и) істребити; і повелѣнимъ страшнаго явления моего, злымъ оуъ папа вынѣ послалъ сего к тебѣ. І егда же придуть к тебѣ посланни с клобукомъ оуѣмъ, ты же приими сего честью, і написание со благословениемъ здавъ, послы сего святого клобука в рускую землю в великии Повѣградѣ; і да будетъ тамо носимъ на главѣ Василія архиепископа, на почеть святѣи і апостольстоі соборнен церкви Софѣи премудрости Божн, і на похвалу православнымъ; тамо бо вынѣ констивну славила ость Христова вѣра; напе же оному, безстудна его ради, сотворитъ Господь отъмщение. Ся глаголавъ, невидимъ бысть.

Патриархъ же воста от сна, страха і радостию наполнися, і всю ноць без сна пребывъ, размышляя о видѣнн ономъ. І повелѣ вклати (ша) утроню; і яко припѣ день, созва соборъ церковныи, и повѣда нѣтъ явлению оно. І вси воздаша хвалу Богу, і разумѣша, яко святыи ангелъ ость явлейся патриарху, а о сказаннн его не можашу разума приложити. І бысть сѣдящия нѣтъ в соборѣ ономъ, і от радости чюдощиясь, і абно придоша служѣ патриарховы, и сказаша ему о пришествнн посланныхъ от римского нащы. Патриархъ же ею повелѣ въвести к собѣ. Посланики же, вшедше, поклонишася ему, і от намы написание дапо ему; патриархъ же написание прочеть, удивися, і хвалу Богу воздавъ, і возвести о семъ царю Івану тогда сущему: патриархому Кандакузину,

і со освященными ерѣтоша божественное сокровище, і ковчежець приенъ с честию, і печати отъять, і взяттуду святый бѣлый клобукъ, і целовать его любезно, і зря навъ дивившася сотворенію его, і благоуханію чюдному исходяще (му) от него также дивися. Бѣ же патриархъ в то время боленъ очина і яко очесо главою, і клобукъ онъ святый положи на главу свою, приложи; і в томъ часѣ глава его і очи здравѣ быста. І возрадовася зѣло великою радостію, і славу воздая Христу Богу і ирисиополинскому царю Константину, сотворшему таково прочюдное дѣло, і блаженнаго папу Селивостра также похваляя. І положи клобукъ онъ святый на златомъ блюде, огоже посла папа с клобукомъ, і постави его в величїи церкви, въ честнѣ мѣсте, доведеже о немъ со царемъ совѣтъ положить.

(По)отпущенїи из Рима святаго клобука, злыи онъ папа от еретикъ на(у)чаомъ, злѣ разливаяся на Христову вѣру, і возбесяся, и раскаяся зѣло о отпущенїи клобука і сприва (исперва) і лукаво написа к патриарху, возвратити повелѣвая к себѣ клобукъ онъ і златое блюдо. Патриархъ же прочеть написаніе, і разумѣ алахтріе і лукавство папнино, і написаніе посла к нему от святыхъ писавиѣ, нарекъ его сурова, і безбожнаго, і отступника вѣры Христовы, і предотецю антихристовя, і прокля его іменемъ Господа нашего Исуса Христа, і святыми авостолами, і божественными отцы. Ся же написаніе к папѣ доидоша. Папа же прочеть, і увидавъ, яко патриархъ клобукъ бѣлыми вѣать в волице чести і хочеть его послати в рускую землю в великий Новгородъ; і рыкнувъ болѣзненно, і опустивъ лицемъ, і в болѣзнь впаде: только бо онъ поганинъ паче не любаше руския земли, вѣры ради Христовы, но и слышати не терпашо: разнавився плоть его, і сѣдоша на колѣно его двѣ болячки на обѣихъ частехъ, і от тѣхъ разыдошася болячки по всему тѣлу его от главы і до ногу, і сирадѣ велии изхождаше от него, и черви многи исквиѣша іс тѣла его, і хребеть его слыче вѣдвоє. Мнози же врачеве приходяще, не могоша пизѣ-

лѣти его; очи же развращениѣ имѣя, и кричаше безпростани великимъ гласомъ, і великая глаголаше, і неомъ і волкомъ воише, і исходящу из него котылу, рукама своими хваташе, і во уста своя влагаше і ядѣше. І тако творя многи дии, і злѣ стража; і страхъ обя всѣхъ ту сущихъ. Предстоя же нѣкто у одра его, вземъ платно, хоташе утерти уста его; онъ же яко песь платно хоташе ухватити зубы своими, і вочче собѣ въ горлю; і абно оточе плоть его, і расѣдеса весь: бѣ бо деболъ плотню поганинъ. І тако злѣ сконча окаинный животь свой. Римляне же слышавше таково скончаніе алаго онаго папы, не ідоша на погребеніе его, но опловашо, проклѣша его. Властели же тогда градстнї, срамнаго ради скончаніи папы онаго, погребоша его тай, а імя его в висавнї утаиша, і иреховиша во іно імя: ови глаголютъ Гервасъ імя еху, і ннї же Евѣанї, а истиныи никтоже не повѣсть. Патриархъ же Филоноє, видя святаго клобука добротою силующа, і мыслити нача, хоти удоржати его в Константиноградѣ, і на своей главѣ носити: і о семъ часто преклоняся къ царю, і хотя висати къ прочимъ патриархомъ и митрополитомъ, еже приїти нмъ на соборѣ. Бысть же въ донѣ недѣлный, во нѣни урониситъ, виде патриархъ въ своя, і по обычнотъ правилѣ сѣде ночити, і в сонѣ тонокъ сведеса. І видѣ в видѣнїи сего вшедша к нему дворчани два мужа незнаомы, свѣтлы зѣло: одинъ аки воинъ вооруженъ, і вонецъ царский на главѣ имѣя, другий же святиельский ризы нося на себѣ, честными сѣдинами украшенъ, і рече: патриархъ Филоноє! предстанї от мышленїя твоего носити тебѣ на главѣ твоей бѣлый клобукъ: аще бы Господь нашъ Исусъ Христосъ изволи сему быти, то от начала бы в созданиї града сего сотворено было; но дровѣю по явленію свѣта Господня спешнаго с небесе, і Божия гласа бывшаго ко мѣ, вразумилемъ азъ хотящую латынскую прелесть і от Бога отступленіе в Римъ быти; і сего ради не восхотѣхъ святаго онаго клобука на главѣ своей носити, і прочимъ тако заповѣда. Въ царствующемъ же семъ Кон-

стантинъградъ, по неколицохъ временахъ, обладати
 нутъ агарию за умноженіе грѣхъ человѣческихъ, і
 вся святая осквернѣтъ і истреблѣтъ, якоже в созданні
 града сего явлено бысть о семъ: велѣні бо Римъ от
 наде славы і от вѣры Христовы гордостію і своєю
 волею; в повѣсть же Риме, еже есть в Константінѣ-
 градо, насиліемъ агарянскіиъ такоже христіанская
 вѣра погубнѣтъ; на третіионъ же Риме, еже есть на
 русской земли, благодать святаго духа возсия. І да вѣ-
 ся, Филозою, яко вся христіанская придутъ в конецъ,
 і снудутся во едино царство руское, православна ра-
 ди. В древія бо лѣта, изволеніемъ земнаго царя
 Константина, отъ царствующаго сего града царскій
 вѣнецъ данъ бысть рускому царю; бѣлыи же сей кло-
 букъ изволеніемъ небснаго царя Христа нынѣ данъ
 будетъ архіепископу великаго Новограда і колыи снѣ
 чество оного, понеже архангельскаго чина есть царь-
 скій вѣнецъ есть, і духовнаго суть. Ты же не уедли
 Святаго Духа сего клобука послати в рускую землю, в
 великіи Новоградъ, по первому тебѣ явленію святаго
 ангела, і понимъ гласомъ вѣруй; да просвѣтитяся і по-
 лавлѣтся о семъ православіи, і да не обладають ага-
 ряне зуцы ногани, ни да поругаютъ его, якоже ла-
 тынскіи наша хоташе сотворити. Яко же бо от Рима бла-
 годать, і слава, і честь отъята бысть, такоже і от цар-
 ствующаго града благодать Святаго Духа отъинотся, въ
 племени агарянского, і вся святая предана будетъ от
 Бога великой рустей земли во времена своя, і царя рус-
 кого возвелічитъ Господь на многими (надъ многими)
 языки, і подо властію ихъ инози царей будутъ от ино-
 зычмыихъ, под властію ихъ і патриаршескій чинъ от
 царствующаго сего града такоже данъ будетъ рустей
 земли во времена своя, і страна нарочется свѣтлая Росія,
 Богу тако изволившу прославити тацѣи благодареніи
 рускую землю, исполнити православія величеству, і чест-
 вѣишу сотворити наче первыхъ сихъ. І сия глагола-
 ше, хотяху отъити; патриархъ же в велице страсе бывъ,
 наде пред ногами ихъ, і рече: кто еста вы, господине
 мой, іже видѣши вы зѣло ужаси мя, і от словесъ ваю

устрашиши сердце мое, і вииде трепеть в кости мои?
 Святительская же нося, (ѿ) рече, ли не вѣси? Азъ есмь
 наша Селивестръ, і повелѣніемъ Божиимъ придохъ к
 тебѣ новѣдати тебѣ сию таиную Божию великую, яко
 забудется во времена своя. Таже рукою указуя своєю на
 другаго, пришедшаго с нимъ, рече: А сей благовѣрный
 царь Константинъ римскій, иже (егоже) породилъ во
 святѣи купѣли, і сотвори (хъ) его вѣровати въ Господа
 нашего Исуса Христа; і сеи бысть первый христіанскій
 царь, чадо мое о Христѣ, іже сотвори ми бѣлыи кло-
 букъ вѣсто царскаго вѣнца. І сия глаголаше, і бла-
 гословенію давъ патриарху; і новидиши быша. Патри-
 архъ же от сѣа восприянувъ, і страхъ великъ напаше
 нашь, понимая глаголы яльшихся ему о бѣломъ кло-
 букѣ, і еже о обладанні Константина-града от по-
 ганыихъ агарянъ, і плакася на много чась. Времени
 присѣвшу божественной литургіи, пришеде в церковь,
 наде пред образомъ пресвятыи Богородицы, на много
 чась; і вставъ, святаго бѣлого клобука вземъ с воли
 кнѣи страхомъ, і целова его любезно, і на главу свою
 нологаше, і прикладывашъ ко очниа и къ сердцу та-
 же прилагая, і любовь к нему приложи болю перваго;
 і сия творя со многими плачемъ. Клирикомъ же су-
 щимъ близъ его стоящимъ, і видѣша его неутѣшно
 плачущася, і во смѣху вопрошити его. Патриархъ же
 мало от плача предста, і сказа всѣиъ явственно яв-
 ленію напы Селивестра і царя Константина, глаголю
 ихъ. Таковая же словеса от патриарха слышавше, жа-
 лостно восплакаша, і рекоша: Воля Господня да бу-
 деть! Патриархъ же хотащю быти бѣду Константина
 града оплакавъ, і повелѣніи Божия преступити боя-
 ся, і рече, яко ідѣже се изволитъ Господеви, тамо і
 устронѣтъ святиню свою. І совѣтомъ благочестиваго
 царя Івана, святый клобукъ взя, златое блюдо, і в про-
 жороченный ковчежець положи благочинно, і печатавъ
 своими печатями, і по повелѣнію святаго ангела і бла-
 женнаго напы Селивестра написаніе со благословені-
 емъ вдавъ, і клобукъ оиъ бѣлыи архіепископу Васи-
 лию на главѣ носити повелѣ, і прочіиъ по неиъ ар-

архиепископомъ великаго Новграда; также і нима мно-
 гна честныя дары чюдны зѣло от своихъ церковныхъ
 чиновъ дарова, благочинна рада святительскаго, і ри-
 зы крестъчаты, на похвалу святыхъ і апостольскихъ цер-
 квей; і снѣ въ другій ковчежець положи. І всея (всѣ сѣ)
 даде епископу нѣкошу, именемъ Еумѣнию, і с радостію
 же і жалостію отнустн ихъ. В то же время в великомъ
 Новградѣ бѣ архиепископъ Василіе, постычествомъ
 і всѣми добродѣтели украшенъ. І в нѣкую ноцъ мо-
 лящусѣ ему Богу, і сѣдо вочити; і мало воздрема, і
 видѣ ангела Господня, униженнымъ образомъ і свѣтла
 лицомъ, предстояща предъ нимъ, на главѣ нѣтъ клобукъ
 бѣлый, по образу иишескаго чава; і перстомъ руки
 своея указуѣ на главу свою, і тихимъ гласомъ рече:
 Василіе! клобукъ бѣлый, еже видиши на главѣ своей,
 от Рима есть. Въ древняя лѣта христіанскій царь Кон-
 стантинъ сотвори его на почестъ римскому пане Селиве-
 стру носити на главѣ; і Господь вседержитель не изволи
 сему быти тамо, прелести ради скверныхъ латынъ. Ты
 же во утрій день іди въ градъ сего со благоприя-
 тельствомъ, і срѣти посланныхъ от патриарха и епи-
 скопомъ носимый ковчежець, в немъ же клобукъ бѣлый
 снѣмъ образомъ, на блюде на алатѣ; приими честію;
 снѣ бѣлый клобукъ прообразуетъ свѣтлое тридневное
 воскресеніе; і вышѣ да будетъ на главѣ твоей носити,
 і на прочіихъ тебѣ архиепископѣхъ града сего утвер-
 дится на главахъ носити; і сего ради покажахъ ти пре-
 жде, да вѣрно ти будетъ, і не сумнишися. І снѣ гла-
 голавъ, повидимъ бысть. Архиепископъ же Василіе от
 сна воспрянувъ, і от страха і радости двияся видѣ-
 нию. Во утрій же день от предстоящихъ ему посла
 на распутія увѣдати: истинна ли есть явленное. По-
 сланныи же отъидоша недалече от града, і узрѣша епи-
 скопа грядуща, незнаема суща; і поклонивъшесѣ, воз-
 вратиша (сѣ) во градъ во архиепископу и сказаша ему
 вся. Архиепископъ же посла проповѣдника во весь градъ
 на собраніе священнаго чина, і людскаго всенароднаго
 множества, і повелѣ звонити; самъ же облечесѣ во свя-
 тительскія ризы со всѣми причты. І отшедше ему

далече от церкви святыхъ Софїи; і се приде преж-
 дереченный епископъ от патриарха, носи ковчежець за
 патриаршескими печатями і (сѣ) честными дары. І при-
 шедъ ко архиепископу, поклонисѣ благочинно, і восла-
 ния к нему патриарховы грамоты даде, і другъ от дру-
 га благословеніе приенше, і о Христѣ целоушисѣся.
 Василіе же архиепископъ патриархова написанна і
 ковчежець вземъ честнѣ своими руками, і другій ков-
 чежець (сѣ) патриарховыми честными даровы также
 взя, і поидоша въ церковь святыхъ Софїи премудрости
 Божїи, поставиша посреди церкви на нѣсто честнѣ, і
 посланныи патриарховы грамоты повелѣ честнѣ въ слухъ
 всѣмъ. Сущи же въ церкви православнии же огда услы-
 шаша сицевая написанна, воздаша славу Богу і возра-
 довашасѣ великою радостію. Архиепископъ же Василіе
 ковчежець оиъ развечатавъ і покровъ снявъ, отвори,
 і абие изыде от него благоуханіе неизреченное, і
 свѣтъ пречюдомъ в церкви возсия. Архиепископъ же
 Василіе і вси предстоящїи народѣ видящю снѣ, удиви-
 шасѣ; от патриарха же пришедый епископъ Еумѣнио
 в тоѣ часѣ снѣ всея благодѣянна Божїа видѣвъ, уди-
 вилсѣя воли; і всея воздаша хвалу Богу і нѣше моле-
 бная. Архиепископъ же Василіе изъ не ковчега бѣ-
 лый клобукъ, і узрѣ тацѣмъ же образомъ суща, яко
 же видѣ на главѣ своей ангела, и целова его любезно.
 І в тоѣ часѣ изъ церковныхъ главъ от Господня об-
 разѣ изыде велии гласъ: Святая святыхъ! і мало по-
 молчавъ, третицею гласъ приде: Исполѣ іти деснота!
 І яко услышавъ архиепископъ, і вси сущи гласы снѣ
 слышавше, страха и радости наполнишасѣ, і рекоша:
 Господи помилуй! і повелѣ молчати всѣмъ, сущимъ въ
 церкви. І сказа имъ ангельское явленіе, і глаголю о
 святѣмъ клобукѣ, і всея по ряду, яко рече ему свя-
 тый ангелъ ноцїю в видѣнїи. І возблагодаривъ Бога
 въ клобукъ ономъ, поидеть от церкви своея, предъиду-
 щимъ ему подьякомъ во священныхъ одеждахъ, со
 свѣщани і с пѣниемъ; і бѣ видѣти благочинно і честно.
 Народи же другъ друга отгѣсняху і скачюще, зряще
 на святительскій верхъ і двилхусѣ. І сицевою дѣте-

лю и благодатию Господа нашего Иисуса Христа, и во благословеніи свѣтѣйшаго Филоея, патриарха Царяграда, утвердися бѣлый клубукъ на главахъ святыхъ архиепископъ Великаго Новъграда. Архиепископъ же радостно волею исполнися, семь дней питая священники, и дьяконы, и вся церковники всего Великаго Новъграда, многими брашны учрежда яхъ; такоже и нищія, и мнѣхи, и стѣнничники, добре нанятавъ, и прочая свободити моляшеся; патриарховы же святыя и честныя дары устрои въ соборной цорканъ въ божественнѣй службѣ, по благословенію свѣтительскаго чина. Блюдо же златоо, на немже бѣ святыи бѣлый клубукъ, такоже на божественную службу въ церкви

святыхъ Софїи устрои. Посланныхъ же от патриарха со святимъ клубукомъ зѣло чтише, и даровы многими одаривъ; такоже къ царю и патриарху с великимъ поклананіемъ посла, и отпусти ихъ во своя с великою честью, потому же от многихъ градъ и царствъ приходило люде в великїи Новъградъ, аки на иже чюд дивноо зряще, видяще архиепископа в бѣломъ клубукѣ ходяща, и дивляхуся, и во всѣхъ царствахъ и странахъ о семъ повѣдающе. Сотвори же убо сеи святыи клубукъ благочестивыи первыи христїанскїи царь Константинъ блаженному папе Селивостру в лѣто 3805-о. И снѣ убо написанна о святомъ бѣломъ клубукѣ до здѣ. . . .

ВАЖНѢЙШІЯ ОТМѢНЫ

(По варианту Импер. Публ. Библ. Поход. древлегр. № 1550.)

Страница 287, строка 36.

Вм. а древнаго нѣсть: — Онъ же рече: ново напнине о семъ здѣсть, а древнаго нѣсть.

Страница 288, строка 21.

Вм. с Саревымъ: — с Силаревымъ.

Страница 289, строка 10.

Вм. в донову: — в великую

Тойже страницы, строка 18.

Вм. в горѣ Сорѣптей: — в горѣ Корпѣтѣ.

Страница 290, строка 9.

Послѣ словъ: одъяну быти: — і внутрь латеранскихъ полатъ пребывати повелѣ

Страница 290, строка 21.

Послѣ словъ: възлѣзшу ему во святую: — купѣль, и абне царь отрекися всего сатаньскаго студа и дѣль его, и всѣхъ рукотворныхъ болвановъ, вѣрвати же общася во единого Бога Отца Вседержителя, творца небу и земли. Своєю волею предъ всѣми людьми се исповѣдавъ, и благословившися в купѣли, і тамо третицею погруженемъ вода очисти. Оле чюдо!

Страница 292, строка 25.

Послѣ словъ: о пречестный отче и учителю! *с.м.* наша же и проч. до словъ по проставленіи тойже страницы въ строкъ 52. — в всѣхъ, иже по тебѣ святителемъ, всегда творити в подвижѣхъ своихъ и во всемъ по подобію царства нашего; тѣмъ же сего ради постриженнаго знаменія верховнаго свѣтилника главы, да по мнѣтъ кто се, яко постриженне худо быти и безчестно; паче земнаго царства саномъ и славою и силою ея украшенно

подобаетъ, понеже всего чествѣйши же на земли; такожде достойтъ почитати весь священнический чинъ, ради чести и славы Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, величїи сїеї соборней и апостольстей церкви; сего же иже иже сего нашего царьскаго повелѣнія писанне своими руками укрѣпиши, честному тѣлесу началнаго апостоловъ блаженнаго Петра своими руками в руку его паложихомъ; снѣмъ Божию апостолу обѣщавшуся непоручима нами быти, и снѣмъ вся соблюдатися в нашихъ по на насъ приимники царьскими здѣ, и повелѣниемъ блаженному отцу нашему Селвостру соборному нашѣ, і сего ради всѣмъ его приимникомъ святителемъ Господа нашего Иисуса Христа благанравно повѣдающе вѣчно і благополучно снѣхъ воздающе предаде, такожде і нѣмъ патриаршескому престолѣ коумуждо предѣлу, честныхъ ради апостолъ и ученикъ Христовыхъ: византискому, ожеже во свое имя приименовъ Авдрѣа ради апостола, яко много потрудившихся к благо разумию тѣхъ привести и к церкви воздрузити православныхъ, такожде и Александрѣйскому маркову приимнику, и антиохискому, лукину, настоянику іерусалимскому Иякова брата Господня, иже снѣмъ Господѣмъ поставленъ бысть, коумуждо во своемъ предѣлѣ подобно, паче же и великую честь воздаемъ; в нашихъ по насъ приимницы такожде и всѣмъ церквамъ Христовымъ истрополиимъ и архиепископіамъ и епископіамъ, иже по нихъ настояникомъ честь сами даемъ, и нашихъ по насъ настояницы величїи, якоже служителейъ Божїихъ и приимникомъ честныхъ апостолъ Христовыхъ. Снѣце творите и блюдитеся, яко да не в великую і лютую і горкую кранолу тагость впадете и славы Божїа лишени будете, но держитесь преданна, якоже приясте; Господа бойтесе и священную его церковь и настоятеля велики чтите; такоже и всѣхъ церковныхъ служителей, предстоящихъ престолу Божию

во дни и в ночи; да милость Божию получите в семъ вѣцѣ і в будущемъ, и сынове свѣта будете, и наследники царства небеснаго. И много глаголаше от Божия милосердія и смотраенія богодухновенная словеса, изрече и написахъ, и впередъ укрѣпихъ быти на многую честь соборной и апостольствѣ церкви, и на славу Божию, о нихже нынѣ послѣди скажемъ; нынѣ же малую нѣкую часть явлюхъ от словесъ его, паки же на предлежащее возвратимся.

Писанно же се благочестно предавъ соборнѣи и апостольствѣи церкви, благовѣрный царь Константинъ благословенне приемъ от блаженнаго папы Селивестра, и поручи ему Богъ великій Римъ; самъ же приде в Византию, и созда градъ великъ и славонъ зѣло, иже нарече его во свое имя Константинъ градъ, и живаше ту.

Страница 294, строка 28.

Послѣ словъ: вѣчному огню: — не вѣси ли, окаяние, яко святѣи свѣ бѣлыи клубукъ царскіи вѣноцъ есть архангельскаго чина, іже сотворишъ бысть по чину святѣи Троицы, и преобразуетъ святое Христово воскресение, егоже ты недостойшии еси і на сѣнь его зрѣти?

Тойже страницы, строка 43.

Вм. Филозні: — Увеналии.

Тойже страницы, строка 60.

Послѣ словъ: тако бо нынѣ во истину *вм. со сло-*

ва: славима и проч. *до словъ:* і сия глаголаше; — разиросраниси и утвердиши вѣра Христова, и воинствѣи славима естъ во всемъ; изволеннемъ вседержителя истиннаго Бога, вѣсто римския церкви дана бысть благодать Божия, сего клубука послати в рускую землю в великии Повградъ по первому явлению святаго ангела Божия, и мощи гласомъ вѣруй, і да просвѣтитса і похвалетса о семъ тамо православнии христианине, и не обладаютъ ими в семъ градѣ агарянствѣи внуцы, і погани да не опоругаютъ его, якоже латинскіи папа хоташе сотворити: якоже бо суть от Рима благодать, и слава, і честь православия отъяся, тако и от царствующаго сего града благодать Святаго Духа отъниметса в плѣнение агарянское, і вся святая предана будутъ от Бога велицѣи земли, и царя рускаго возвыситъ і возвеличитъ Господь над многими языки, и под властїю ихъ мнози цари будутъ, и от Рима язычнѣи и патриаршескии, и великии чинѣ от царствующаго града сего такоже данъ будутъ велицѣи рускѣи земли во времена своя, и страна наречетса свѣтлая Русия: Богу убо тако извольшу, и таковымъ благодареннемъ прославити всю рускую землю исполнитъ православия величество, и честиѣишу сотворити паче верныхъ сихъ.

Страница 298, строка 9.

Вм. в тротчнѣи свободи молящеса: — а прочнѣи же, свободи молящеса, ихъ же и свободи.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Упомянутый здѣсь Геннадій новгородскій архіепископъ есть тотъ самый, который прославился въ русской исторіи энергическимъ преслѣдованіемъ новгородскихъ еретиковъ стареюю жидовствующей ереси, или лучше сказать броженія умовъ, которое породило тогда множество толковъ, въ понятіяхъ большинства составлявшихъ будто бы что-то единое подъ именемъ жидовствующей ереси. Геннадій былъ одинъ изъ учтивѣйшихъ людей своего времени: имя его тѣсно соединено съ переводомъ св. писанія, важнѣйшимъ памятникомъ умственнаго труда въ XV вѣкѣ. Когда приближалась осьмая тысяча восточнаго лѣтосчисленія отъ сотворенія міра, распространился суевѣрный страхъ о кончинѣ міра, долженствовавшей наступить съ окончаніемъ седьмой тысячи, сообразно предсказаніямъ, записаннымъ въ нашихъ старыхъ сборникахъ, составлявшихъ тогда предметъ чтенія для грамотѣевъ. Послѣ наступленія съ истеричіемъ ожидаемаго вѣсти роковаго года, обманутое ожиданіе у многихъ перешло въ невѣріе, и это способствовало еретическому настроенію умовъ. Тогда-то Геннадій послалъ въ Римъ какого-то Дмитрія для составленія расчета пасхалии на осьмую тысячу лѣтъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ ему привезти нѣкоторыя свѣдѣнія для разъясненія возникавшихъ и волновавшихся наклонною къ религиознымъ превіямъ мыслью о сугубомъ и трегубомъ аллилуйа, а равнымъ образомъ и относительно правильности переводовъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ духовной, нашей письменности. Привозъ повѣсти о Бѣломъ Клобукѣ приписывается этому Дмитрію. Дмитрій этотъ, по вѣсти вѣроятіямъ, могъ быть Дмитрій Толмачъ, извѣстный посольствомъ въ Римъ при в. князѣ Василіи Пнановичѣ и сообщавшій Павлу Ювію свѣдѣнія о Россіи. Онъ могъ ѣз-

дить и прежде; прооссъ. Филаретъ въ своей исторіи церкви принимаетъ автора посланія о Бѣломъ Клобукѣ за этого Дмитрія. Но онъ могъ быть также и Дмитрій Мануиловичъ Траханиотъ, грекъ, прибывшій съ Соелюю, уѣзжавшій въ Римъ и снова возвращавшійся въ Россію и наконецъ здѣсь основавшій свое постоянное жителство. Наконецъ онъ могъ быть и Дмитрій Назимовичъ Ларевъ или Ралевъ, который прибылъ въ Москву изъ Константинополи въ 1485 году и нѣсколько разъ ѣздилъ, по порученію московскаго великаго князя, за границу, для приисканія полезныхъ иностранцевъ (1488, 1490 1493 — 1494, 1499 — 1504). Но это не важно, ибо не нужно имѣть большой проицательности, чтобы рѣшить, что повѣсть о новгородскомъ бѣломъ клобукѣ никогда не привозилась изъ Рима, а есть самодѣльное новгородское сочиненіе, составленное съ цѣлію найти историческое оправданіе домогательствамъ на независимость отъ митрополита. Это стремленіе древней новгородской церкви, связанное нѣкогда съ поддержкою политической и гражданской самостоятельности Великаго Новгорода, болѣе всего проявившееся тогда, когда митрополиты, утвердившіе свой духовный престолъ въ Москвѣ, видимо остиали благословеніемъ церкви единодержавнаго стремленія московскихъ государей, пережить новгородскую свободу.

. Геннадій навлекъ наконецъ на себя нерасположеніе Москвы и оклеветанный во издонствѣ, умеръ въ заточеніи въ Чудовомъ монастырѣ, откуда нѣкогда вступилъ на кафедру новгородскихъ святителей. Владыка Василій, о которомъ говорится въ повѣсти о Бѣломъ Клобукѣ, былъ архіепископомъ новгородскимъ

съ 1330 г. по 1352 г. Въ третьей новгородской лѣтописи приписывается его времени принесеніе бѣлаго клобука въ Новгородъ. «При семъ архіепископѣ Василинъ принесемъ бысть бѣлый клобукъ отъ царя Константина и паны Селвестра въ Великій Новгородъ, иже и до нынѣ новгородскіе митрополиты на главахъ своихъ тѣмъ подобіемъ носятъ.» (П. С. л. III. 225). Это очевидно поддѣльная вставка, что доказывается и титуломъ митрополита, который новгородскіе владыки стали носить уже въ XVII вѣкѣ. Въ первой новгородской лѣтописи не говорится о бѣломъ клобукѣ, но рассказывается, что Василию архіепископу новгородскому, когда онъ поѣхалъ въ Москву призывать въ Новгородъ великаго князя, далъ ризы крестчатыя не патриархъ, а митрополитъ московскій Феогностъ: «И да ему ризы крестчаты» П. С. л. III. 83. По въ новгородской четвертой лѣтописи даръ крестчатыхъ ризамъ приписывается не митрополиту Феогносту, а патриарху Филоею, о которомъ говорится и въ повѣсти, и притомъ при царѣ Иванѣ Кантакузинѣ, также упоминаемомъ въ той же повѣсти. «Владыко Моисей посла свои въ Царюградъ, Саву, къ царю Ивану Кантакузену и патриарху Филоею, прося отъ нихъ благословенія и исправленія о неподобныхъ вещехъ, приходящихъ отъ митрополита... а посолъ владичень Сава приѣха изъ Царяграда отъ патриарха Филоея и отъ царя греческаго Ивана Кантакузена, привезо грамоты съ златою печатю и ризы крестчаты владыцѣ Моисею всему Новугороду благословенію (П. С. л. IV. 62). Это было уже въ 1357—1359 г.г. когда Моисей въ другой разъ занималъ владычній столъ. Быть можетъ къ этому времени надлежитъ отнести и дарованіе бѣлаго клобука. Карамзинъ принимаетъ, что бѣлый клобукъ данъ Василию и предполагаетъ, что это сдѣлано было потому, что Василій былъ избранъ изъ бѣлаго духовенства, а на востокъ патриархи монашескаго сана носили въ отличіе бѣлые клобуки. (Т. IV. примѣч. 360). Противъ этого, однако, можно возразить, что Василій хотя и былъ избранъ изъ бѣлыхъ священниковъ, но прежде своего поставленія принялъ монашество и переимѣнилъ прежде свое мірское имя Григорія на имя Василя. Какъ бы то ни было, ни Василию ни Моисею велика было дать бѣлаго клобука по принадлежности къ монашескому званію лица, которому давалось это отличіе; ибо и тотъ и другой были монахами.

На соборѣ 1564 года, когда за митрополитомъ утвер-

ждено право носить, для отличія, бѣлый клобукъ, существовало мнѣніе, что въ древности бѣлый клобукъ не былъ исключительною принадлежностію достоинства новгородскихъ владыкъ, что его носили иногда первопрестольники русской церкви, митрополиты и архіепископы другихъ старыхъ епархій. «Отецъ нашъ митрополитъ носитъ черныи клобукъ, а прежніе русскіе первопрестольники, митрополиты и чудотворцы Петръ, и Алексій, и Иванъ архіепископъ новгородскій, и Леонтій и Игнатій и Исаія ростовскіе чудотворцы, носили бѣлые клобуки.... а которые митрополиты были послѣ, также и ростовскіи архіепископы и епископы, тѣ всѣ носили черныи клобуки, а того въ писаніи не обрѣли есмь, чего для бѣлые клобуки отставлены.... Въ 1563 году одинъ только новгородскій владыка носилъ бѣлый клобукъ, преемственно отъ своихъ предшественниковъ: са богомолецъ Пиминъ, архіепископъ великаго Новаграда и Пскова, носитъ бѣлый клобукъ, а прежніе носили бѣлые же, а писанія тому нѣтъ же, котораго для случая архіепископы новгородскіе бѣлые клобуки носятъ» (Соборная грамота о бѣломъ клобукѣ. А. II. I. 331 Ист. Госуд. Рос. т. IX прил. 94.) Последнія слова очень замѣчательны. Онѣ показываютъ, что повѣсть о бѣломъ клобукѣ въ то время была еще неизвестна. Напротивъ она была хорошо известна на соборѣ 1667 г. Основываясь на посланіи Дмитрія, служащаго предисловіемъ къ повѣсти, соборъ 1667 г., вопреки собору 1564 года, не признаетъ, чтобы кто нибудь изъ русскихъ іерарховъ, крогъ новгородскихъ, носилъ бѣлый клобукъ. «Чего ради иконописцы пашутъ святаго Петра, Алексія, Іоану, московскихъ чудотворцевъ въ бѣлыхъ клобукахъ несправедно, зане они клобуки бѣлыи не носша, и ниже бысть еще въ российскихъ странахъ при нихъ сей обычай, и ниже Киприанъ и Фотій митрополиты и прочіи, которіи поставлены быша во Царѣградѣ во архіерейство, носша бѣлыи клобуки, зане яко писаво есть въ писаніи, еже отъ Дмитрія толмача ко Генадію новгородскому епископу о бѣломъ клобукѣ, яко пославъ той бѣлый клобукъ ко Василию епископу новгородскому отъ Филоея патриарха константинопольскаго.... и отъ того времени началъ новгородскій архіепископъ точию единъ носити бѣлый клобукъ до Генадія архіепископа, а послѣ Генадія приѣша и начаша и московскіи митрополиты и прочіи носити бѣлыи клобуки, яко же виднѣся въ томъ Дмитріевомъ писаніи». Но ссылаясь на эти посланія, какъ на историческій авторитетъ, соборъ 1667 года

въ другомъ мѣстѣ своихъ дѣяній не признаеть спра-
ведливости ни посланія, ни повѣсти: повелѣваемъ еще
и писаніе, еже писали есть изъ Рима къ Генадію
новгородскому архіепископу отъ Дмитрія толмача о
бѣломъ ключкѣ и о прочихъ, да никто сему писанію
вѣру нееть; зане живо и неправо есть, якоже яснѣй-
ше возлюбичатся прочая его благословія во иномъ пи-
саніи: обаче мы благословихомъ всѣхъ митрополитовъ
великороссійскаго государства, да носятъ бѣлыя ключ-
ки, по греческому образу ради древняго обычая, а не
ради лживаго писанія Дмитрія толмача, еже писа отъ
вѣтра главы своея (Пст. Госуд. Росс. т. IV прим. 360).

О П Е Ч А Т К И.

СТРАИ.	СТР.	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО ЧИТАТЬ:
12	16	иѣтѣ	иѣтѣ
63	3	№ 33	№ 350
74	39	отношеніяхъ оиъ	отношеніяхъ къ хозини оиъ
81	18	въ прочихъ	въ прочихъ лѣтахъ.
93	10	относится	относится
99	4	ИДАШЕ	ИДАШЕ
120	7	земъ	земъ
109	7	терня.	терня,
114	48	в Вавлонѣ	в Вавлонѣ.
130	3	по содержаніи	по содержанію
133	2	о происхожденіи	о происхожденіи

ПАМЯТНИКИ

СТАРШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВЛЕМЫЕ

Графомъ Григоріемъ Кушелевымъ-Безбородко,

подъ редакціею Н. Костомарова.

Сказанія, легенды, повѣсти, сказки и притчи.

выпускъ второй.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

**съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ, узаконенное число экземпляровъ,
С. Петербургъ. Декабря 12-го дня 1860 года.**

Ценсоръ А. Ярославцевъ.

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной ценсуры печатать дозволяется. Декабря 12-го 1860 года.

Ценсоръ Архимандритъ Сергій.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ И. А. КУЛИША.

На углу Сѣнной площади в Обуховскаго проспекта, въ домѣ Котомлина, № 2.

ПАМЯТНИКИ
СТАРШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

БЕСѢДА ІЕРУСАЛИМСКАЯ.

БЕСѢДА ІЕРУСАЛИМСКАЯ.

ПОВѢСТЬ ГРАДА ІЕРУСАЛИМА.

(Изъ сборника, принадлежащаго профессору Ф. И. Бусласу.)

Бесѣда царя Давида Нессеовича с царемъ Волотомъ Волотовичемъ на синайстей горѣ, посторонѣ града Іерусалима, у дуба иаврейскаго, у креста ливандова, у главы адамовы. В великую было субботу: съѣздилися к церкви к литургіи 42 царя; большой у нихъ былъ царь Волотъ Волотовичъ, второй у нихъ царь Моисей Моисеовичъ, трети у нихъ былъ царь Елисей Елисеовичъ, четверты у нихъ былъ царь Давидъ пророкъ Нессеовичъ. І онѣ тѣ всѣ царя к литургіи прѣѣхали, і отслушали литургию. Рече ииъ царь большой Волотъ Волотовичъ: ой вы царя і князи благовѣрныя! скажите вы ииѣ не утайте: почесь вамъ кому что и каковъ сонъ видѣлся? Не можете вы утаныть от меня: ииѣ повѣдайте. І всѣ царя молчатъ; и рече царь Волотъ: а ииѣ почесь много видѣлось, і вы про тотъ сонъ скажите, і добромъ ово осудите. С тоо страны восточныя восходитъ луча солнца краснаго, освѣтила всю землю свѣторусскую, а в другую сторону полуденную выросло древо кипарисъ, серебряное кореніе і вѣтви у древа все золото бумажное; поверхъ того древа сидитъ птица кречеть бѣлая, на погахъ у него колокольчикъ: кто ииѣ про сей сонъ можетъ сказать и его отгадать? І тутъ царя умолчали всѣ, единъ от нихъ выступалъ царь Давидъ пророкъ Нессеовичъ и згово-

ворить таково слово: государь ты нашъ нормъ царь Волотъ Волотовичъ! далече намъ грѣшнымъ до Рима и до Никова брата Господня; тотъ бы сонъ твой отгадалъ; і азъ тебѣ про него съкажу: и тотъ твой сонъ сбудотца во второнѣ на десять году. У меня царя Давида родитца сынъ Соломонъ, а у тебя родитца дщерь Соломонида Волотовна, а еще ииѣ во утробѣ иѣтъ; а что с тоо страны восточныя восходитъ луча солнца краснаго, освѣтитъ всю землю свѣторусскую, то будотъ на Руси градъ Іерусалимъ начальный, і в томъ градѣ будотъ соборная и апостольская церковь Соопіи премудрости Божия о седмицати верхахъ, сирѣчь святая святыхъ; а что у древа иѣтвио золотое, то будотъ паникадилы поставлены; а иѣтвио бумажное, то свѣцы на паникадилахъ поставлены будотъ вредчюднымъ образомъ; а что с тоо страны полуденныя выросътало древо кипарисъ, кореніе серебряное, то у меня будотъ сынъ царь Соломонъ премудры; і онъ сожидотъ святая святыхъ, то есть кречеть бѣлая; а что у кречета колокольчикъ золотой, у твоей царицы родитца дочь Соломонида, а моему сыну Соломону у теби на твоей дочери женитца, і твоимъ царствомъ ему владѣть будотъ. И отвѣща ему царь Волотъ Волотовичъ: исполать тебѣ царь Давидъ, что ты гораздъ сны

загадки отгадывать, и досужь доброе слово молвить. И рече ему царь Давыдъ: а ты ииѣ, большой царь Вологъ Волотовичъ, про то скажи: отчего у насъ свѣтъ свѣтлица? і отчево сонце сияеть? и отчево зря занимаецца? на чьмъ у насъ небо ходитъ? на чьмъ земля стоятъ? Отвѣща болши царь Вологъ Волотовичъ царю Давыду: я тебѣ про то скажу: свѣтъ у насъ свѣтлица от Господнихъ очей, а сонце сияеть от святыи рызы ево, а зря занимаецца от сонца краснаго, а небо ходитъ на воздухѣхъ, а земля стоятъ на осмидесятъ китахъ рыбахъ меньшихъ, да на трехъ рыбахъ болшихъ; а ты ииѣ, царь Давыдъ, про то скажи: кой градъ градомъ мать? и коя церковь церквамъ мать? і коя глава главамъ мать? кое дерево древоиъ мать? коя трава травамъ мать? кой камень камень мать? коя птица птицаиъ мать? кой звѣрь звѣряиъ мать? кое езеро езероиъ мать? коя гора горамъ мать? кое море морямъ мать? И рече царь Давыдъ: я тебѣ про то скажу. Первы градомъ мать градъ Іерусалииъ; ево наслала азбучная во всю землю свѣторускую; а церковь церкваиъ мать соборная София премудрости Божия, да в той же церкви стоятъ гробъ Господень: потомъ церковь церкваиъ мать; а рѣка рѣкамъ мать Иорданъ, потому что она течеть из райа Едемскаго, а в ней крестился Господь нашъ Исусъ Христосъ: потому рѣкамъ мать; а глава главаиъ мать адамова глава: коли сотворилъ Господь нашъ Исусъ Христосъ небо и землю, і вся, яже на земли, и начерта на земли по образу своему челоуѣка, и нарече имя ему Адамъ, і вынулъ у него ребро, і сотворилъ ему жену Еву, и от нихъ поидоша цари і князи, потому глава главаиъ мать; а древо древоиъ мать древо книарисъ пѣвга, кедръ, по-

тому что от нихъ идетъ благоухание, от нихъ же родитца ладонъ, видеть во всю землю свѣторускую: потомъ древамъ мать; а трава травамъ мать плакунъ трава; какъ жидове Христа распинали, і Богородица на ту траву уканула слезу: потому травамъ мать; а птица птицаиъ мать таврукъ птица, невелика с рускую галку, а живеть она у грмячева кладеза у теплаго моря; а звѣрь звѣряиъ мать единьрогъ; коли на земли была засуха і в тѣ поры дождя на землю не было, тогда в рѣкахъ і в озерахъ воды не было, только во единомъ езерѣ вода была, і лежалъ великой змиі, и не давалъ людемъ воды пить, и никакому потекучему звѣрю, ни птици полетучей; а коли побѣжитъ единорогъ воды пить, и змиі люты заслышитъ и побѣжитъ от звѣря того за три дни, і в ту пору запасаютца водою люди; а озеро озераиъ мать Ілѣмень озеро, что под Кіевомъ градомъ, потому что взяла в себя триста рѣкъ; а море морямъ мать акванъ море великое, потому что в немъ стоятъ церковь Клементя папы римскаго; а рыба рыбаиъ мать акванъ рыба великая; какъ та рыба елтъ зыграецца, и поидотъ во глубину морскую, тогда будеть свѣту преставления; а гора горамъ мать Фаворская да сионская. И глагола ему царь Давыдъ: а ты ииѣ, царь Вологъ Волотовичъ, про то скажи: кому на второиъ пришествии по бытъ и лица Божия невидать в суда Божия имъ небудеть? і отвѣща ему царь Вологъ Волотовичъ, азъ тебѣ про то скажу: всякому челоуѣку на второиъ пришествии бытъ в судѣ имъ будеть по дѣломъ ихъ, а еретикамъ і чародѣемъ гѣмъ суда Божия не видать; без суда Божия посланы будутъ въ муку вѣчную, ииѣ и присно і во вѣки вѣковъ, аминь.

ПОВѢСТЬ
О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

Faint, illegible text at the top of the page, possibly a header or title.

Main body of faint, illegible text, appearing to be several paragraphs of a document.

ПОВѢСТЬ О СЕМИ БОГАТЫРЯХЪ.

(Изъ сборника профессора О. Н. Буслаева.)

СЛАЗАНІВЪ О СВАДБИ РУСНИХЪ БОГАТЫРАХЪ.

В стальной было градъ Кіевъ;
у великаго князя Владиміра
было вированье почестное
на многіа князя, и бояря,
и на сильныя могучія богатыри.
І какъ пошлѣхъ виръ новоселной;
и зговоритъ князь Владиміръ кіевски
своимъ рускимъ богатырямъ:
князямъ; богатырямъ вѣдомо ли,
что отпущаетъ на меня царь изъ Царяграда
серокъ два богатыря,
а велитъ итти ко мнѣ изгономъ в Кіевъ градъ.
А вамъ богатырямъ накрѣпко стоять,
с стального града Кіева отъѣзду никакого не учинитъ,
никуда себѣ изъ моего востчины.
И слышали рускіа богатыри таково слово,
і пошли они изъ за стола не докушавши;
бѣгутъ челомъ они великому князю Владиміру кіевскому.
семь богатырей.
А первой богатырь славны Илья Муромецъ
второй богатырь дворянинъ Залѣшеничъ,
третій богатырь младъ Алеша Поповичъ,
четвертый богатырь Гланитъ,
пятый богатырь Суханъ Домантьевичъ.

шестой богатырь дворянинъ Бѣлая Паллица,
седмой богатырь Добрыня Никитичъ.
Что стоворатъ богатыри таково слово:
Государь ты, великой князь Владиміръ кіевской!
не извадилъсь мы, государь, дона сидѣть;
извадилъсь мы, государь, сами ѣздитъ по полю по
чистому,
побивать люди многіа.
Отпусти насъ, государь, во поле чистое:
мы тебѣ принесемъ вѣсть правую,
і языки приведемъ многіа,
И зговоритъ великій князь Владиміръ кіевскій:
не пригоже вамъ мене покинуть в стальной градъ
Кіевъ;
и я тѣхъ людей жду къ себѣ съ часу на часъ.
І в тѣ норы рускіа богатыри закручинились,
ударилъ челомъ князю и прочѣ пошлѣхъ,
вдуть же богатыри къ своимъ добрымъ конямъ,
і кладутъ на себя доспѣхи крѣпкіа,
сѣдятся богатыри на свои добрыя кони,
ѣдутъ же богатыри в поле чистое
принимъ вѣстей проѣздивать.
І зговоритъ ѣдучи промѣжъ себя таково слово:
лучче намъ тое срамоты великіа,

какъ случится намъ в чистомъ полѣ смерть недобрая.

Подѣсь мы прияхъ в Царьгороду.

И какъ будутъ богатыри отъ Царьграда за двѣнадцать
верстъ,

перѣждаютъ богатыри Смугру рѣку,
ажко ѣдутъ встрѣчи двѣнадцать человекъ,
все каличи переходяи.

И прѣѣхалъ къ нимъ молодецъ Алеша Поповичъ
и самъ говоритъ имъ таково слово:

Братцы вы, каличи переходяи,
давайте вы намъ съ себя платье калическое,
а у насъ борите платье скорлатное,
скорлату бѣлаго!

И зговоритъ каличи таково слово:

Ой еси младъ Алеша Поповичъ,
во дадинъ тебѣ мы своего платья калическаго.

А у каликъ атаманъ и зовуть его Никитою,
а роданъ Карачевецъ.

И прѣѣждаетъ къ нимъ другой богатырь Илья Му-
ромецъ,

а самъ говоритъ таково слово:

За то намъ браниться не за што;
вознило вы у насъ платье свѣтлоо,
а намъ давайте платье калическое.

И зговоритъ каличи таково слово:

Съ тобою говорить, Илья, нечего и спору нѣтъ!

Даютъ же каличи свое платье съ себя,

калическое рускииъ богатырииъ,

а богатыри даютъ съ себя свое платье свѣтлоо.

И спрашиваетъ ихъ Илья Муромецъ переходяиъ ка-
лики:

Почто Никита ходилъ во Царьградъ?

Никита ему сказалъ таково слово:

Ходили мы провѣдывать правыхъ вѣстей:

есть ли отпущкъ изъ Царьграда богатырииъ во гра-
ду Кіеву;

и тѣ вѣсти намъ прияхъ неизмѣнныя:

ѣздитъ богатыри во Царьгородъ,

а звалится при царѣ, что хотятъ ѣхать къ Кіеву,

и въ Кіевѣ учинить сѣча великая,

а князя Владимира и его княгиню и съ его богатыри
въ полонъ взять.

И слышали рускииъ богатыри тако слово:

И зговоритъ сильный богатырь Илья Муромецъ сво-
имъ товарищамъ:

Слышите ли, братцы, таково слово:

за совѣтъ слуги и головы складываютъ!

и оставляють тотъ богатыри своихъ у Смугры рѣки
и всѣ свои наряды богатырския:

емлють же по одной но булатной налицѣ,

и тѣ несутъ подъ полами,

и вошли прияхъ ко Царьграду.

Идучи говоритъ таково слово:

Кто у насъ, братцы, говоритъ гораздъ языкомъ та-
тарскииъ?

И зговоритъ дворянииъ Залѣшенииъ:

Всѣхъ у насъ лучше говоритъ младъ Алеша Поповичъ;
каковъ онъ трезвъ, таковъ и пьянъ;

и всѣхъ насъ лучше бранится.

И какъ пришли богатыри въ Царьградъ,

и въ тѣ поры идетъ у царя столъ новосельной,

а в столъ подають третью яству,

и учали калики просить у царя на новоселье ни-
лостыни,

стояли противъ окна царскаго,

и воскричатъ громкииъ голосомъ,

и услышалъ тутъ царь Константиниъ самъ каликъ
прошенія

изъ своей палаты царския;

и зговоритъ царь Константиниъ своему богатырю

Тугарину Зиѣвичу:

вели позвать каликъ въ палату ко мнѣ,

и услышу по рѣчамъ о кіевскииъ вѣстахъ,
либо что они вѣдаютъ.

И позвали в палату каликъ тѣхъ ко царю,

и царь учалъ ихъ спрашивать:

Скажите намъ, каличи переходяи!

изъ котораго града ходите?

И зговорить тутю стоячи Илья Муромецъ:
Ходишь мнѣ, государь, изъ Кіева града,
отъ князя Владимира кіевскаго.

А противъ царя сидитъ его богатырь Идолице жи-
довское.

И зговорить богатырь Идолице великому царю Кон-
ставтину:

Государь ты сильной царь!
спроси ихъ о кіевскихъ богатыряхъ:
сколько ихъ нынѣ у великаго князя Владимира кіев-
скаго?

И зговорить тутю стоячи Илья Муромецъ:
въ Кіевѣ, государь, тридцать два богатыря,
да удалы добрыя необычайно есть:

Славенъ богатырь Илья Муромецъ!
И зговорить царь Константинъ:

Каковъ онъ рожею и ростомъ?
Посмотри по нашимъ богатырямъ!

И зговорить, стоячи, Илья Муромецъ:
Ростомъ только с меня и рожею походить на меня.

И зговорить тутю сидячи Идолице великое насмѣ-
зачи:

Аще ли правда, что онъ таковъ Илья Муромецъ,
и я его посажу на лодонь и другою раздаю.

И зговорить Идолъ богатырь царю Константину:
Но ишкай, государь царь Константинъ, службы бо-

гатырскія;
отпусти насъ скоро в Кіеву граду:

вольнова слова не будетъ солганова.
Мы какъ будемъ въ Кіевѣ,

и привеземъ мнѣ къ тебѣ великаго князя Владимира
кіевскаго,

и съ княгинею ево и съ его богатырями,
и в Кіевѣ учинимъ съчъ великую.

И не стерпѣлъ таково слова слышать владѣ Алеша
Поповичъ,

и зговорить таково слово Идолицу:
Какъ ты прїѣдешь в Кіеву,

такова тебѣ слова не говорити,

и не узнаешь отъ Кіева дороги,
и не путемъ прочь поѣдешь,
и еще тебѣ живу не отъсѣдывать прочь отъ Кіева.
Идолице же на него осержается.

И зговорить дворянинъ Залѣшанинъ:
Твоего, государь, царскаго неда упиался калки,
и говорятъ нитунисъ!

И зговорить Алешѣ товарищи потихонку:
уйми свое сердце богатырское,
потерпи малешенько;

нельзя намъ съ тобою таково слова молвити!
И спрашиваетъ ихъ царь Константинъ:

Видали ли вы в Кіевѣ лошадей богатырскихъ?
И зговорить дворянинъ Залѣшанинъ:

во вся дни выдаемъ мнѣ лошадей кіевскихъ богатырей!
И зговорить богатырь Идолице великое:

Государь ты вольной царь!
вели показать наши лошади богатырскія!

И скоро ведутъ лошади богатырскія;
Идолице богатыря лошадей ведутъ двадцать человекъ

на двухъ цѣпахъ золотыхъ;
ведутъ же лошадей богатыря Тугарина Зибевича де-

сятъ человекъ.
И калки лошадей видѣли.

И зговорить дворянинъ Залѣшанинъ:
Сверху, государь, мы не уиѣемъ смотрѣть;

Волн, государь, нацъ на земли посмотрѣть.
Идутъ же калки отъ царя изъ полаты,

изъ сѣней они лошадей смотрѣли,
и говорятъ промежъ себя идучи:

теперь и намъ, товарищи, пора пришла;
готовьте вы свои будатныя пазцы!

И скоро кинулись калки,
и отняли по добру коню;

и полетѣли тутъ головы богатырскія и татарскія;
и сѣли на добрые кони, и поѣхали изъ града вонъ.

Одинъ остался тутъ владѣ Алеша Поповичъ,
а самъ говоритъ царю таково слово:

Потому есть поѣхали изъ града вонъ,

— что оставили мы своих коней богатырских у Сму-
гры рѣки,
а хотимъ мы с тобою и с твоими богатыри пере-
вѣдаться.

И удари челою царю і поѣхалъ прочь
до своихъ товарищовъ и к своимъ добрымъ ко-
нямъ.

И уцали богатыри рускіе нарядаться,
і власть на себя досѣли крѣпкія
и елиотъ свою сбрую ратную;
ажно скачють богатыри отъ Царяграда погонюю
великою!

И зговоришь шадъ Алеша Поповичъ своимъ това-
рищамъ:

Постойте, братцы, малешенько:
дайте мнѣ съ ними перовѣдаться и поперетиса!
А Илья Муромецъ встрѣчаетъ ихъ от своего стана
во полу ворствѣ,

и всѣ богатыри за нимъ же.

И скоро богатыри съѣхались,
и ударилась копылами вострыми концами,
і зробили на себѣ всѣ досѣли крѣпкія копылами во-
стрыми,

і подприсатки полахались.

И зговоришь Илья Муромецъ:

Ужели збили богатырей з добрыхъ коней?

І побили тутю всѣ богатырей сорокъ челоуѣкъ,
а двуа челоуѣкъ живень зили:

Идола Скоропита а Тугарина Зиіевича,
и поѣхали ко Царюграду ко царю Константину.

И зговоришь Илья Муромецъ:

Вѣдомо ли тебѣ, царю,

мы твоихъ богатырей побили,

а двуа живыхъ зили:

а тебя мы, царь, ничемъ не двинемъ ни чернымъ
волосомъ;

потому что мы поѣхали изъ Кіева безъ государева
вѣдома,

на похвалу твоихъ богатырей.

И мы тебѣ не отдадимъ твоего богатыря Тугарина
Зиіевича;

отдадимъ тебѣ твоего богатыря Идола Скоропита;
а с собой едемъ въ Кіевъ градъ ко князю Влади-
миру на показъ

Тугарина Зиіевича богатыря удалого!

Но бѣлая лебедь воскликнула,

всплачнется тугаринова мать,

бьетъ челою рускими богатырями

и благовѣрной царицѣ Еленѣ:

Благовѣрная царица Елена! упреси ты у русскихъ
богатырей!

И зговоришь благовѣрная царица Елена:

Ой еси ты Илья Муромецъ съ товарищи!

Отпустите вы Тугарина Зиіевича;

утрите вы слезы кровавыя;

не наносите на себя клятвы вѣчныя.

И зговоришь рускіе богатыри таково слово:

Государыня благовѣрная царица Елена!

не двинемъ мы Тугарина ни чернымъ волосомъ
для твоего государынина попрошенья;

а Тугаринъ будетъ в Кіевѣ градѣ,

у князя Владимира кіевского,

и потомъ будетъ в Царѣградѣ у тебя, государыня;

а теперь оставишь во Царѣградѣ вельза;

потому что намъ государю великому князю Влади-
миру ударить челою вѣчемъ.

И рускіе богатыри ударили челою царю Констан-
тину.

и поѣхали прочь к Кіеву граду.

И вѣдутъ богатыри Тугарина Зиіевича,

и вѣдутъ богатыри по полю по чистому;

и какъ будутъ богатыри близъ града Кіева,

выбирають себѣ богатыря Залѣшанина,

і посылають его ко граду Кіеву,

ко князю Владимиру кіевскому со здоровьемъ.

І пріѣхалъ дворянинъ Залѣшанинъ въ Кіевъ градъ.

ко князю Владимиру кіевскому,

и говоришь таково слово:

многолѣтнее здравіе государю великому князю Влади-
миру кievскому!

Вели, государь, князь, холопамъ твоимъ, своимъ очи видѣти!

Были мы, государь, безъ твоего государева вѣдома
во Царьградѣ,

для твоихъ государевыхъ недруговъ,
и убили въ Царьградѣ сорокъ богатырей,
а двухъ живыхъ взяли:

Идола Скоропита да Тугарина Зміевича;
одного отдали царю Константину,
а другого съ собой взяли.

Тугарина Зміевича удалого богатыря:

а къ тебѣ, государь, пріѣхалъ дворянинъ Залѣшанинъ
къ великому князю Владимиру,

просить отъ своихъ товарищевъ здравье.

И государь ихъ пожаловалъ:

велѣлъ имъ пріѣхать къ себѣ.

И пріѣхали богатыри в Кіевъ градъ,

къ великому князю Владимиру,

и привели языка доброго, удалого,

богатыря Тугарина Зміевича.

И государь ихъ пожаловалъ:

за ту службу вѣрную

давалъ имъ шубы соболонныя,

и цѣпи злата великія,

да имъ же говоритъ таково слово:

И впередъ и васъ буду жаловать

за вашу службу вѣрную!

Спрашиваетъ великій князь Владимиръ кievской Ту-
гарина Зміевича о вѣстяхъ:

Что у васъ вѣсти в Царьградѣ?

И зговоритъ Тугаринъ Зміевичъ таково слово:

Что ты меня, государь, о вѣстяхъ спрашиваешь?

Всѣ вѣсти у тебя, государь:

вѣтъ, государь, тоби грѣхѣ во всѣхъ царствахъ,

а богатырей вѣтъ твоихъ удалца во всѣхъ земляхъ!

Бьетъ челоуцъ Илья Муромецъ с товарищи:

Смилуйся, государь, великій князь кievскій:

отпусти, государь, Тугарина Зміевича;

дали ость слово благовѣрной царицѣ Еленѣ,

что маю у тебя, государя, упрости Тугарина Змі-
евича.

И зговоритъ князь Владимиръ кievскій своимъ бо-
гатырямъ:

Были вы во Царьградѣ

и всѣхъ богатырей в полѣ побивали.

Отпускаетъ же Тугарина Зміевича

и добрымъ конемъ и с своею сбруею ратною,

и провожаетъ его до Царяграда до рубожа.

И отпустили его во Царьградъ.

И зговорятъ ему богатыри таково слово:

Скажи ты, Тугаринъ Зміевичъ, государинѣ благовѣр-
ной царицѣ Еленѣ:

еще есмь в правдѣ устоили

и царское все исполнили;

государю служба служена и честь получена!

И поѣхали богатыри назадъ в Кіевъ градъ,

къ князю Владимиру кievскому,

и стали славно жить в градѣ Кіевѣ,

и имъ храбрости слава не минуется.

СКАЗКА

ОБЪ ИВАНЪ ПОНОМАРЕВИЧЪ.

СКАЗКА

ОБЪ ИВАНЪ ПОНОМАРЕВИЧЪ.

СКАЗКА

ОБЪ ИВАНЪ ПОНОМАРЕВИЧЪ.

(Изъ сборн. принадлеж. профессору Ф. Н. Буслангу.)

ПОВѢСТЬ О ИВАНѢ ПОНОМАРЕНЧѢ, КАКО ИМѢЛЪ БРАТЬЯ СЪ ТУРСКИМИ САЛТАНОМЪ.

Бысть в дровиэхъ лѣтохъ, близъ турецкой земли, живаше при церкви нѣкій пономарь именемъ Германъ; той имѣя у себе единого сына, именемъ Ивана, зѣло прекрасна и разумна, и сильна, и премудра, и изучена всякому премудрому художеству. Во единое время случися мимо той страны итти турецкому послу, именемъ Кюарту, который посланъ от турецкаго салтана к персидскому шаху, и стояше в дому того пономаря Германа. Сынъ же его Иванъ нача в гусли играть преславныя игры, и удивися турецкой посолъ игранью тому, и красотѣ, и разуму, и премудрости, и умыслилъ Кюартъ, дабы его у того пономаря взять и отвести в подарокъ государю своему турецкому салтану. И отправа посольство персидскому шаху, возвратился в землю свою, и послалъ к тому пономарю на взятіе сына его двѣсти челоувѣкъ, а самъ посолъ сталъ от той церкви в семъ поприщахъ; и какъ узрѣвъ тако приездъ турецкихъ людей Германъ пономарь, скоро повѣда сѣну своему Ивану; рече к нему сынъ его Иванъ: не страшися, государь батюшка, приходу тѣхъ поганыхъ турокъ. Дай мнѣ благословіе свое. И взявъ отца своего благословенно. Не успѣвъ коня своего осѣдлатъ и палицы желѣзныя взять, турки же оступиша дворъ его. Иванъ же увативъ заборину и выскочилъ борзостію, побилъ у

двора своего вся двѣсти челоувѣкъ до смерти, толко оставилъ живыхъ дву челоувѣкъ. И рече к нимъ: шедъ возвѣстите о мнѣ Кюарту послу своему, чтобъ онъ отсуда уѣхалъ здравъ в землю свою. Они же шедъ сказаша послу своему, что Иванъ Пономаревичъ побилъ всю двѣсти челоувѣкъ и хочеть, доѣхавъ, тебя до смерти убить. Кюартъ же, слышавъ то, скоро побѣжалъ в землю свою, и приѣхавъ, возвѣсти все подробно салтану государю своему. Салтанъ же слыша от Кюарта такая словеса, послалъ с нимъ по Ивану десять тысящъ. И какъ послышалъ Иванъ Пономаревичъ великия приѣды по себя турецкихъ людей, шедъ на конюшню, осѣдлатъ своего добраго коня, и взялъ палицу желѣзную, и рече отцу своему: государь мой батюшка! Иду я на битвенное дѣло противу поганыхъ турокъ на семъ добромъ моемъ конѣ, а другой богатырской конь на конюшнѣ будетъ стоять. И какъ я буду убить, то конь станетъ в крови по колѣно стоять; и ты осѣдлавъ, поеждя коня: тотъ конь до моего мертваго тѣла тебя самъ довезеть. Потомъ, простясь со отцемъ своимъ и матерью, сѣлъ на своего добраго коня, побѣжалъ противъ турецкихъ людей, и нача ихъ крѣпко побивати на обѣ стороны сколько бысть палицею, вдвое того конемъ топчетъ. И побилъ вся и не оставилъ ни единого челоувѣка жива

у турецкаго салтана. В то время была война с королемъ арнаварской земли княземъ Алиострогомъ. Слышавъ то Иванъ, что арнаварской король имѣетъ брань с турецкимъ салтаномъ, и поѣхалъ до него, потомъ наѣхалъ великую силу: побита лежить. Иванъ Пономаревичъ закричалъ богатырскимъ голосомъ: есть ли в сей рати живъ человекъ, и онъ бы повѣдалъ мнѣ: чья сия сила побита лежить? И рече к нему из той рати живъ человекъ: Сія, государь, рать: побилъ Алиострога король арнаварскаго; побивалъ сію силу турецкій салтанъ, а достигалъ дочери ево прекрасной королевны Клеопатры. Потомъ рече ему: под сими кустомъ ракитовымъ лежить мечъ кладенецъ, и ты возми ево себѣ. Онъ же взявъ мечъ и рече: сей мечъ легокъ; вѣдаю что послышаго богатыря! И положилъ ево под той же кустъ, и поѣхалъ в путь свой. Потомъ наѣхалъ другую силу: побита лежить. Онъ же второе закричалъ громкимъ голосомъ: есть ли в сей рати живъ человекъ? Рече к нему из рати живъ человекъ: сія рать короля Алиострога, а побилъ ео турецкій салтанъ, достигалъ дочери ево королевны Клеопатры. И рече ему: под сими кустомъ лежить мечъ кладенецъ. Иванъ же взявъ мечъ и рече: великаго богатыря! И положилъ его под тотъ же кустъ. И отѣхалъ от того мѣста, и наѣхавъ в близости королевства арнаварскаго зѣлю великую силу побиту воинскихъ людей. И онъ кричалъ богатырскимъ голосомъ: есть ли в сей рати живъ человекъ? Из той рати рече ему живъ человекъ: сія рать арнаварскаго короля побита от турецкаго салтана. Потомъ рече ему: под сими кустомъ ракитовымъ лежить мечъ кладенецъ. Иванъ Пономаревичъ вынимъ мечъ и бысть радостенъ, и рече: сей мечъ моего плеча богатырскаго! И поѣхалъ до королевства арнаварскаго И какъ пріѣхалъ, принялся в знакомцы служить к некоему тоя земли великому князю. Князь же той земли ево любилъ, такъ какъ сына своего. И не во мнозѣ времени приде под королевство арнаварское турецкой салтанъ, а с нимъ войска пришло 80.000, Алиострогъ король повелѣ войска свое собирать: и собѣра войска 30.000, и поиде со всею ратію

противъ турецкаго салтана. Иванъ же Пономаревичъ видѣ собраніе королево на турецкаго салтана, нача князя своего молить, дабы ему позволилъ ѣхать на то битвенное поле и посмотрѣть сходство обонхъ войскъ. Князь же о немъ имяше велико желаніе, не позволилъ ему ѣхать на то битвенное дѣло. Онъ же видѣвъ, что князь не отпускаетъ ево на то битвенное дѣло, измѣшкавъ малы часть, шедъ на конюшню, осѣдлавъ добраго коня, и взявъ мечъ свой тайнымъ обычаемъ, поѣхалъ на то битвенное дѣло. И пріѣхавъ в полки, кликнулъ своимъ богатырскимъ голосомъ, что всѣ полки от того ево гласу возмущилися, и напустилъ на полки турецкіе; началъ ихъ жестоко рубить, что всѣ турки в бѣгство себя претворивша. И побивъ турецкую силу, в той часъ пріѣхавъ к князю тому, и разсѣдлавъ своего добраго коня, шедъ в молату свою; пріѣхавъ и король со всею ратію в королевство свое, и нача благодарствовать всеслышнаго Бога, что Богъ избавилъ ево от турецкаго салтана. И спустя послѣ того три года, в четвертое лѣто собиралъ турецкій салтанъ войска своего 100.000, и приде на разореніе королевства арнаварскаго. Алиострогъ же король, видѣвъ собраніе великаго турецкаго войска, и бысть в велицей печали, и поиде со всею силою своею противу турецкаго салтана. Иванъ же Пономаревичъ, видѣвъ похоть на турецкаго салтана, сталъ прощаться у князя своего посмотрѣть того битвеннаго дѣла. Князь же той, видѣвъ ево крѣпкое хотѣніе, позволилъ ему ѣхать. Иванъ же, шедъ на конюшню, осѣдлавъ своего добраго коня и поѣхалъ с великою бораостію, и какъ добѣжавъ до полковъ, и видѣ сходъ обонхъ войскъ, и напустилъ на полки турецкіе всею прытостью своею, и нача жестоко рубить, и турецкіе полки едва могли убѣжать о небольшими людьми. Иванъ же, отбивъ силу турецкую всю, и поѣхалъ в домъ свой к князю тому. Князь же, видѣвъ пріѣздъ Ивановъ, и коня ево утомлена в крови человеческой, разумѣвъ, что онъ сильный и премудрый богатырь. И пріѣхалъ король Алиострогъ со всею силою своею невредимъ и нача всемогущему Богу хвалу воздавать, и повелѣ с приближаніемъ во всемъ

кравецѣвъ и сѣсть того богатыря. Князь же той рече ему: государь король Алиострогъ! при мнѣ пребываетъ не вѣтъ какой человѣкъ. Онъ дважды от меня тайно ѣздилъ на бой и прѣвжалъ в доми мѣи, коня своего и вѣсть изнучена и в великой крови человѣческой. Король же повелѣ ево привести пред себя. Князь же в той часъ поставилъ Ивана пред короля. И видѣвъ ово король лицомъ прекрасна і родна ростомъ, выдадо за него дщерь свою Клеопатру. И потѣмъ поживе Алиострогъ не велико время, преставися, и погребенъ бысть Ивановъ.

Иванъ же нача правити кравецствомъ, и послѣ того съуста не мало время, приде под кравецство турецкой салтанъ, и ста от града за восемь поприщъ, и взя салтанъ мочнаго своего нашу имененъ Бегрера, і подоша во градъ ищевскій образомъ. И в то время Иванъ ивѣлъ гуляніе за охотою, и воиде салтанъ во градъ, ираде на кравецскій дворъ прошать милостины. Клеопатра же стала милостины давать. Видѣвъ же салтанъ прекрасную Клеопатру, рече ей: покажи, госноже, мечъ кладенець, которымъ Иванъ Пономаревичъ воюеть. Она же повелѣ вынести. И вынесли 12 человѣкъ, и салтанъ велѣлъ взять мочному нашѣ, и унесли со двора кравецкаго, и скоростію приступиша под градъ. Иванъ же Пономаревичъ скоро прѣвжалъ и велѣлъ коня сѣдлатъ, вооружися поиде в полату и не обрѣче меча того, вопросивъ жоны своей. Она же рече: не вѣтъ какой нищій приходилъ и носе мечъ той. Онъ же взвѣвъ палицу желѣзную и выѣхалъ в чистое поле и нача ихъ жестоко бить палицею, и пробился в среднну силу тоя; и видѣ мочны паша и убилъ Ивана до смерти. Салтанъ же турецкой, прѣвжалъ во кравецство. Клеопатра же привиниаеть салтана любезно. И по обычаю Ивана Повомаревича отецъ Германъ воиде в конюшню, ажко конь в крови по колѣна стовтъ. Онъ же нача плакати и осѣдлавъ добраго коня, поѣхалъ, и тотъ конь довезъ ево до мертваго тѣла сына его. Германъ же видя сына своего изрублена и не вѣдаеть что обвѣстъ сотворити. Провѣщавъ же конь ево человѣческимъ

гласомъ: господинъ мой Германъ! аще хоцеша сына своего здрава видѣть, разрѣжь чрево мое, и вынь всю внутренность мою и вымажь кровію его, а меня стануть враны младыя клевати, и ты вонни врана и проси живой воды и мертвой. Германъ же сдѣлалъ ово подробно. И прiletѣли враны млады и стали конюю насю клеватъ. Германъ же понималъ врана я хоцеть растерзати. Провѣщавъ же вранъ человѣческимъ гласомъ: господине Германе! не терзай меня; я тебѣ привошу живой и мертвой воды на исцѣловіе сына и коня твоого. И налетѣ вранъ за Воклюскія рѣки к королю Редозубу. І в то время мыли дѣвцы кравецское платъе. Онъ же вранъ восхитивъ лучшую срачницу и рече вранъ человѣческимъ гласомъ: дадите мнѣ два сосуда живой и мертвой воды. Они же даша ему живой и мертвой воды. И полетѣ вранъ к Герману. Германъ же взялъ и отпустилъ жива врана; потѣмъ Германъ взялъ воды и спрыснулъ сына своего живой водою, и бысть сынъ ово здравъ; и спрыснулъ тою же водою и коня своего, и конь ево бысть здравъ. Иванъ же рече отцу своему: Государь батюшка! изволь ѣхать в доми свой, а я управлюся с недругомъ своимъ. Онъ же Иванъ уарѣ на пути крестьянина идуща и рече ему: аще хоцеша добро тебѣ, азъ стану предвиннымъ конецъ, шерсть имущо алатую, и ты поведи мимо салтанскаго двора. И сталъ предвиннымъ конецъ; крестьянинъ же повелѣ мимо салтанскаго двора. Уарѣвъ же салтанъ коня того, и нача торговати, и дадо за него 200 рублей, и велѣлъ поставити на конюшню. И с того числа сталъ на конюшню ходитъ. И рече Клеопатра: како ты государь, непрестанно ходишь на конюшню? Онъ же рече ей: купилъ естъ предивнаго коня, шерсть имуща алатую. Она же рече: это не конь, это Иванъ Пономаревичъ; прикажи ево срубить. Онъ же велѣ ево убить. И дѣвка чернавка сбѣжала к коню тону и сказала Ивану все подробно. Иванъ же рече ей: какъ срубать меня, и ты возми от главы моего крови, и брось к салтанскимъ быкамъ. И пришли от салтана, отсѣкоша коневу главу. Она же взявъ крови і бросила к

быкъ, і тутъ сталъ быкъ алатошерстый. И сказаша салтану. Онъ же видя быка в сталъ непрестанно ходить к нему. Клеопатра же рече ему: како ты, государь, непрестанно ходишь на скотный дворъ? Онъ же рече ей: есть у меня быкъ алатошерстый. Она же рече: Это не быкъ, это Иванъ Пономаревичъ; прикажи ово срубить. Салтанъ волѣлъ быка срубить. И дѣвка чернавка прибѣжавъ сказала Ивану. Иванъ же рече ей: какъ срубить меня, и ты возьми главу мою и заковай главу мою в саду салтанскомъ. И пришли от салтана отсѣкоша главу. Дѣвка же закопала в саду. На утро выросла преславная яблонь, яблочки инуца алатыя; и сказаша салтану. Салтанъ же видѣ яблонь, нача в саду непрестанно гулять. И рече Клеопатра салтану: како ты, государь, непрестанно в саду гуляешь? И рече ей салтанъ: выросла преславная яблонь, яблочки инуца алатыя. И рече Клеопатра: то государь, Иванъ Пономаревичъ; прикажи ео срубить. И салтанъ волѣлъ срубить. И дѣвка, прибѣжавъ, ска-

зала Ивану Пономаревичу. И рече ей Иванъ: какъ меня срубить, и ты возми перкаго яверня (?) щену и брось в салтанской прудъ. Пришли от салтана и начаша сѣщи. Она же взявъ первую щену и бросила в салтанской прудъ. И нача плакати прославный селезень; и сказаша салтану. Салтанъ же волѣлъ ово слугамъ своимъ ловить, и самъ раздѣлся, поплылъ за нимъ. И такъ селезень отвелъ на другую сторону салтана, самый селезень выпорхнулъ на брегъ. И сталъ Иванъ Пономаревичъ жить, и одѣлся въ салтанское платье. Увидѣли стражи салтанскіе пруда того и сказаша салтану, что живъ Иванъ Пономаревичъ за салтаномъ. И позмаша салтана и приведоша на королевскій дворъ, і по совѣту князей і бояръ, Клеопатру с турскимъ салтаномъ сожгоша в струбѣ. Иванъ же привозе отца своего і матери, и начаша добръ жити. Не но иносѣ времени преставися отецъ ово Германъ, а Иванъ Пономаревичъ взялъ у князя волыкаго дочь за себя, и нача с нею жити, и приживо дѣти. И тако скончася повѣсть сія.

СКАЗКА

О ЕРУСЛОМЪ ЛАЗАРЕВИЧЪ.

1911

1911

СКАЗКА

О ЕРУСЛОНѢ ЛАЗАРЕВИЧѢ.

(По списку XVII века Импер. Публ. Библ. рукоп. Поход. дреселзран. № 1775.)

СВЯЗАНІЕ И ПОХОЖДЕНІЕ С ХРАБРОСТИ, С ЮНОСТИ, И ДО СТАРОСТИ ЕГО БЫТІА, ЯВЛЯЮЩЕГО ЮНОШУ И ПРЯКРАСНАГО РУССКОГО БОГАТЫРА, ЭТО ПОСЛУШАТИ ДНЕНО, ЕРУСЛОНА ЛАЗАРЕВИЧА.

Бысть во царствѣ царя Картауса Картаусовича дядюшка его, князь Лазарь Лазаревичъ, а жена у него Евстинія, а сына родила Еруслона Лазаревича; и какъ будетъ Еруслонъ Лазаревичъ четырехъ лѣтъ по пятону году, и сталъ ходить на царевъ дворъ и шутить шутки не гораздо добры: кого хватить за руку — у того рука прочь, кого хватить за голову — у того голова прочь, кого хватить за ногу — у того нога прочь. И тутъ проежъ себя князи и бояре и сильные гости учали совѣтъ сотворити: пойдѣмъ ны бити челомъ къ царю Картаусу Картаусовичю, и речѣмъ ему: «Есть у тебѣ, царю, дядюшка князь Лазарь Лазаревичъ, а у него сынъ Еруслонъ Лазаревичъ, и ходитъ онъ ко царю на дворъ, и шутитъ шутки съ нашими дѣтями не гораздо добры: кого хватить за голову — у того голова прочь, кого хватить за ногу — у того и нога прочь.» И что зговоритъ царь Картаусъ къ своему дядюшкѣ: «Гой еси дядюшка Лазарь Лазаревичъ! Есть у тебѣ сынъ Еруслонъ Лазаревичъ, и онъ ходитъ ко царю на дворъ, и шутитъ шутки не гораздо добры; и сынъ твой во царствѣ ненадобенъ, — лутчи его вонъ выслать изъ царства.» И тутъ стоя, князь Лазарь Лазаревичъ услышалъ отъ царя Картауса Картаусовича себѣ слово кручинное, повѣхалъ отъ царя невоселъ, повѣсилъ свою буйну гла-

ву ниже плечь своихъ, ажко встрѣчаетъ сынъ его Еруслонъ Лазаревичъ: не дождаючи отца своего, слазитъ съ добра коня богатырскаго, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолѣтнее здравіе государю моему батюшкѣ, князю Лазарю Лазаревичю! Какъ тебѣ государя моего Богъ милуетъ? что ты отъ царя невоселъ ѣдешь? или тебѣ у царя мѣсто было не по обычаю, или тебѣ отъ царя было слово кручинное?» И говоритъ ему князь Лазарь Лазаревичъ: «Мѣсто мнѣ у царя было по обычаю: столники и чашники доходили до меня; одно мнѣ отъ царя было слово кручинное. Когда бывають дѣти отцу и матери на потѣху, а подъ старость на перемѣну и по смерти поминокъ; а ты мнѣ, дитятко, смолода не на потѣху, а подъ старость не перемѣна, а по смерти не поминокъ! Да ходишь ты, дитятко, ко царю на дворъ, и шутяишъ шутки, не гораздо добры: когохватишь за руку — у того рука прочь, когохватишь за голову — у того голова прочь, когохватишь за ногу — у того нога прочь; и на тебѣ князіа и бояра билн челомъ; царь тебѣ изъ царства велѣлъ вонъ выслати.» И Еруслонъ Лазаревичъ стоячи усѣхнулъся, а самъ говоритъ таково слово: «То мнѣ, государь батюшко, за обычай, что... (хотятъ?) мениа изъ царства вонъ выслати; одна мениа кручина, батюшко, великая: ходитъ я по твоимъ стоп-

ланъ и по конюшнямъ, во аграмакахъ, и въ коняхъ, и въ жеребцахъ не могъ себѣ лошади выбрать, кои бы ни въ обычаю и могла бы ни послужить. И тутъ сѣдши Еруслоуъ Лазаревичъ на свой доброй конь, и поѣхалъ ко двору своему: и прѣехалъ въ домъ отца своего, учалъ прошатна у отца своего и у матери въ чистое поле гулять. И отецъ князь Лазаръ Лазаревичъ и мати его Епистинія отпускаетъ его, и даютъ ему 20 отроковъ, 50 мудрыхъ мастеровъ, и велѣли дѣлать близъ моря каменную полату; и тутъ мастера при море каменную полату здѣлали въ 3 дни, и гонца послали; и гонецъ посланныи рѣчи сказалъ, что до та полата здѣлана на брегѣ моря. И тутъ Еруслоуъ Лазаревичъ учалъ у отца своего и у матери просить благословенія, и они его благословили; и поѣхалъ Еруслоуъ Лазаревичъ въ каменную полату, и отецъ его отпускаетъ за нимъ параду, и имѣнія многое множество, и злата, и сребра, и скатного жемчюга, и камонія драгаго самоцѣтнаго, и всякого обилія много; отпустилъ ему коней добрыхъ довольно, на службу ему далъ сто отроковъ избранныхъ и вооруженныхъ. И Еруслоуъ Лазаревичъ не смелъ себѣ отцовы казны ни единого пѣниязя, ни скатного жемчюга, ни драгаго камонія, ни добрыхъ коней, и ни единого себѣ отрока, и все отпустилъ назадъ; только себѣ взялъ сѣдло черкасское, да узду тасмянную, да войлочки косящаты. И прѣехалъ Еруслоуъ Лазаревичъ къ морю, и вшелъ въ бѣлокаменную полату, и послалъ подъ себя войлочки косящаты, а въ головы положилъ сѣдло черкасское, да узду тасмянную, и легъ опочевать; и поутру вставъ Еруслоуъ Лазаревичъ рано, учалъ ходить по дикимъ заводямъ и по губамъ морскимъ, и учалъ гусей и лебедей стрѣлять, и сѣрмыхъ птицъ, и гнѣзъ себѣ кормилъ. И ходилъ Еруслоуъ Лазаревичъ и всяцъ, и другой, и третій, ажю нашелъ сокну: въ шырину та сокна пробита какъ доброму стрѣльцу стрѣлять, а въ глубину та сокна пробита какъ доброму коню скочить. И стоячи на той сокиѣ, Еруслоуъ удивился и говоритъ таково слово: «это до по сей сокиѣ ѣздить? Ажю до по той сокиѣ ѣздить богатырь,

старъ человекъ, конь подъ нимъ сивъ — Алогти-Гирей. И увидѣвъ старъ человекъ младаго юношу, и слышавъ съ своего съ добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: «Многолѣтнее здравіе государю моему Еруслоуу Лазаревичю! Какъ тебя, государя моего, Богъ милуетъ? по что ты, государь, въ сіе мѣсто, въ такуюю пустыню заѣхалъ, и конь тебя вѣтри завѣли?» И говоритъ ему Еруслоуъ Лазаревичъ: «Брате старъ человекъ! почему ты меня знаешь и именемъ называешь?» И говоритъ ему старъ человекъ: «Государь мой Еруслоуъ Лазаревичъ! Какъ ни въ тебя не звать и именемъ не называть? Я старый слуга отца твоего: стерегу въ полѣ лошадиное стадо тратцать три лѣта и ѣзжу ко отцу твоему по одному на годъ поклониться, и жалованье беру; и азъ тебя знаю.» И говоритъ ему Еруслоуъ Лазаревичъ: «Брате старъ человекъ! Какъ тебя по имени зовутъ, и ни въ бы тебя добромъ пожаловать?» И говоритъ ему старъ человекъ: «По имени зовутъ меня, государь, Пвашко сивой конь Алогти-Гирей, горазной стрѣлецъ, сильной борецъ, въ полку богатырь.» И говоритъ ему Еруслоуъ Лазаревичъ: «Я сюды зашелъ волею: похотѣлъ въ полѣ казаковать, и горести принять, и желаніе получить. Азъ топеро ребенокъ млада, учалъ съ неразумія играть во дворѣ съ боярскими дѣтми и съ княженецкини, и шутки шутить учалъ не горазно добры; и царь того не залюбилъ — велѣлъ меня изъ царства вонъ выслать. Да то ни въ не кручина, что велѣлъ меня царь изъ царства вонъ выслать: только одна кручина великая, что ходилъ я у отца своего по столантъ, и по конюшнямъ, во аграмакахъ и въ жеребцахъ не могъ себѣ выбрать лошади, кои бы ни могла послужить.» И говоритъ ему Пвашка сивой конь Алогти Гирей, горазной стрѣлецъ, сильной борецъ, въ полку богатырь: «Государь Еруслоуъ Лазаревичъ! Есть у меня конь сивъ подласъ, и буде ты его пониашь, и онъ тебѣ будетъ служить: а буде ты его не пониашь, и тебѣ его во вѣки не видать.» И говоритъ ему Еруслоуъ Лазаревичъ: «Брате Пвашко! какъ ни въ того видѣти коня?» И говоритъ ему Пвашко: «Государь Еруслоуъ Лазаревичъ!

Видѣти того жеребца по утру рано на зорѣ, какъ погоню на море вонъ лошадей.» И Еруслоуъ Лазаревичъ легъ почивать въ каменной полатѣ, и, поутру рано встаетъ, Еруслоуъ Лазаревичъ пошелъ на сокму, и взялъ съ собою узду тасманую, и ѣста въ сокровенномъ мѣстѣ водъ дубомъ, ажно Пвашко лошади къ морю пригналъ, и Еруслоуъ Лазаревичъ посмотрѣлъ на море: де ажно жеребецъ шеть, и на морѣ волны встають, водъ дубомъ орлы крещчуть, по горамъ зѣвъ свищуть, и никакой челоуѣкъ на сырой землѣ стоять не можетъ. И Еруслоуъ Лазаревичъ удивился. Какъ будетъ жеребецъ противъ Еруслоуа Лазаревича, и Еруслоуъ Лазаревичъ ударилъ на отмахнѣ, и конь доброй палъ на окарачки, и хватаетъ его Еруслоуъ Лазаревичъ, добра коня, за гриву, и наложилъ на добра коня узду тасманую, и повелъ его къ полатѣ бѣлокаменной; а Пвашко за нимъ поѣхалъ. И прѣѣхалъ Еруслоуъ Лазаревичъ къ полатѣ бѣлокаменной, и учалъ сѣдлатъ того жеребца, и обѣдлатъ, и учалъ побѣдывать; и радъ бысть велики, что ему служить можетъ. И говорить ему Еруслоуъ Лазаревичъ: »Брате Пвашко, сивой конь Алогги-Гирей, силной борецъ, гораздой стрѣлецъ, въ полку богатырь! Какъ жеребцу ния дать и какъ его называть? И говорить ему Пвашко сивой конь: »Государь Еруслоуъ Лазаревичъ! Когда можетъ холоуъ прежде государя такоу живогу ния дать, или какъ его называть? И назвалъ его Еруслоуъ Лазаревичъ, добра коня, Арашенъ вѣщичъ. И говорить ему Еруслоуъ Лазаревичъ: »брате Пвашко, поѣдь ты ко отцу моему и къ матери, и исправъ ния отъ мепя челоуѣтъ, и скажи ния, что поѣхалъ въ чистое поле гулять и извѣжжати князя Пвана руского богатыря, и добра коня себѣ добылъ, что можетъ ему послужити.» И говорить Пвашко: »Государь мой Еруслоуъ Лазаревичъ! поѣдьтъ Богонъ.» И Еруслоуъ Лазаревичъ поѣхалъ ступью бредучею, а Пвашко провожалъ его, и поѣхалъ за нимъ во всю пору лошадиную, и Еруслоуъ Лазаревичъ выноредилъ Пвашка и изъ очей у него выѣхалъ. А Пвашко воротился отъ Еруслоуа прочь, и поѣхалъ

ко царству царя Картауса Картаусовича и ко князю Лазарю Лазаревичю, и сказати ему отъ Еруслоуа посланныя рѣчи, и куды онъ поѣхалъ, и добра коня себѣ добылъ, что тогъ конь можетъ ему послужити. И отецъ его князь Лазаръ Лазаревичъ и мати его Енистиниа о смилъ своемъ возрадовалися, о томъ Пвашка чество дарили великими дарми, и отпустили его въ чистое поле къ своей службѣ, гдѣ ему преще даво приказано, у коней; а Еруслоуъ Лазаревичъ поѣхалъ въ чистое поле. И ѣхалъ мѣсяцъ, и другой, и третій, ажно наѣхалъ Еруслоуъ Лазаревичъ въ чистѣ полѣ рать силу побитую, и ѣхалъ Еруслоуъ Лазаревичъ въ тое ратное нобонце, и крикнулъ громко голосомъ: »Есть ли въ сей ратѣ живъ челоуѣкъ? И говорить ему живъ челоуѣкъ: »Государь Еруслоуъ Лазаревичъ! кою ты спрашиваешь, или кто тебѣ надобонъ? И говорить ему Еруслоуъ Лазаревичъ: »Брате, живъ челоуѣкъ! Чья рать сила побитая, и кто ее побивалъ? И говорить ему живъ челоуѣкъ: »Государь Еруслоуъ Лазаревичъ! Та рать сила побитая лежитъ Осодула царя зня, а побивалъ ее князь Пванъ руской богатырь, а доступаетъ у него прекрасной царевны Кондурин Осодуловны, а и ищелъ ее за себя взяти новолему.» И говорить ему Еруслоуъ Лазаревичъ: »Брате, живъ челоуѣкъ! Далече ли его суснигати? И говорить ему живъ челоуѣкъ: »Государь Еруслоуъ Лазаревичъ! Недалече его сѣжжати, князь Пвана, руского богатыря: обѣдь ты сию рать силу побитую, и увѣдаешь коней сѣдѣ.» И Еруслоуъ Лазаревичъ обѣхалъ рать силу побитую, и нашелъ ступъ коневью и конитъ — скакано зъ горы на гору, доли и подолки вонъ выметываны. И Еруслоуъ Лазаревичъ поѣхалъ тѣмъ же путемъ, и сталъ скакати зъ горы на гору, доли и подолки вонъ выметывалъ; и говорить самъ себѣ: »конь коня лутча, а молодецъ молодеца и даво удалѣтъ! И ѣдетъ мѣсяцъ, и другой, и третей, и наѣхалъ въ чистѣ полѣ шатерьъ стоятъ, а у шатра доброй конь стреноженъ, на бѣлой полстѣ зоблетъ бѣлоярую шевенцу. И Еруслоуъ Лазаревичъ припустилъ добра коня Араша вѣщача къ тому коню, а

самъ пошелъ въ бѣлъ шатеръ, ажко въ бѣлѣ шатрѣ опочиваетъ младъ молодецъ замертво. И Еруслонъ Лазаревичъ вынулъ у себе саблю булатную, и хочетъ его скоро смерти предать; а самъ себѣ подумалъ: «не честь мнѣ будетъ, не хвала, что сонного убить: сонной человекъ, аки мертвой. И Еруслонъ Лазаревичъ легъ опочивать въ шатрѣ, на другой сторонѣ, и услылъ крикъ. И князь Иванъ, руской богатырь, пробудился и вышелъ изъ шатра вонъ, и посмотрилъ на свой доброй конь: ажко его доброй конь далече отбавъ, и щиплетъ траву въ чистомъ полѣ, а на бѣлой полстѣ чужъ конь незваной зоблетъ бѣлуярую пшеницу. И князь Иванъ руской богатырь шедъ въ шатеръ, и посмотрилъ, ажко въ бѣлѣ шатрѣ, на другой сторонѣ, спитъ младъ молодецъ; и князь Иванъ, руской богатырь, вынулъ саблю булатную, хочетъ его смерти предати, а самъ себѣ подумалъ: «не честь мнѣ будетъ, не хвала молодецкая, соннаго человека убить: сонной человекъ аки мертвой. Учалъ будати: «Стань, человекъ, убудись — не для ради моего буженья, для ради своего спасенья! Не вѣдаеша, что не по себѣ товарища избираеша: За то равно напрасною смертию умреша! За что лошадь свою къ чужому корму принуждаеша, а самъ не спросясь въ чужей шатеръ ходишь? за то люди напрасно много крови проливають. И какъ еси тебя зовутъ по имени, и откуды вѣдишь, и какова отца сынъ? И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: Господино, князь Иванъ руской богатырь! Язъ ѣду отъ Картаусова царства, отецъ у меня князь Лазаръ Лазаревичъ, и мати у меня Енистиниа, а меня зовутъ Еруслономъ; а добра коня къ чужому корму принуждалъ, что ему стоять безъ корму неудобно, а твоего коня прочь не отбавалъ; что ты говоришь, не гораздо ладно: когда бываютъ люди добрыя, и они прещъ худыхъ рѣчей нють и вѣдять, и потѣшаются, въ чистѣ полѣ развѣзжаются. Есть ли у тебя, князь Иванъ руской богатырь, чѣмъ вода черпати? И говоритъ ему князь Иванъ руской богатырь: «Есть у меня чара, чѣмъ вода черпати.» И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Князь Иванъ руской бога-

тырь! Когда тебѣ есть чѣмъ вода черпати и ты почерпни воды и умойся, да мнѣ подаб.» И говоритъ князь Иванъ руской богатырь: «Еруслонъ Лазаревичъ! тебѣ вода черпати да и мнѣ подавати: и ты дати молодое.» «А въ тѣ поры Еруслонъ Лазаревичъ шти лѣтъ по седьмому году пошелъ. И говоритъ Еруслонъ Лазаревичъ: «Князь Иванъ руской богатырь! тебѣ вода черпати да и мнѣ подавати: не имать итицу, да теребишь, а добра молодца, но отвѣдавъ, да хулишь и хулу возлагаеша.» И говоритъ Иванъ руской богатырь: «Я во князѣхъ князь, а въ боярехъ бояринъ, а ты казакъ: тебѣ вода черпати да и мнѣ подавати.» И говоритъ ему Еруслонъ Лазаревичъ: «Язъ въ чистѣ полѣ богатырь, и у царей во дворѣ богатырь; а ты когда у царей во дворѣ, и тогда ты князь, а когда ты въ чистѣ полѣ, и тогда ты пещъ, а не князь: тебѣ вода черпати да и мнѣ подавати.» И видитъ князь неминуемую бѣду, и взявъ чару, и почерпаетъ воду, и самъ умылся, да и ему подабъ. И Еруслонъ Лазаревичъ умылся и сяди на своего добраго коня, и князь Иванъ руской богатырь поѣхалъ во всю пору лошадиную, и Еруслонъ поѣхалъ ступью бредучею; и понадогналъ Еруслонъ Лазаревичъ, и ударилъ своего добраго коня Араша вѣщаго по окорокамъ, и выпередилъ князя Ивана рускаго богатыря, и помолился: Боже, Боже, Спасъ милостивъ! Дай мнѣ, Господи, всякаго человека убить концемъ, тунимъ концомъ! И оборотилъ Еруслонъ свое долготѣрное копые тунимъ концемъ, и ударилъ князя Ивана рускаго богатыря долготѣрнимъ своимъ концемъ, и вышвыбъ его изъ сѣдла вонъ; и Арашъ, его вѣщой конь, наступилъ на долготѣрное ожерелье. И обратилъ Еруслонъ Лазаревичъ свое копые долготѣрное острымъ концемъ, и хочетъ его смерти предати; и говоритъ ему князь Иванъ руской богатырь: «Государь Еруслонъ Лазаревичъ! Не дай смерти, дай животъ: прещъ сего у насъ брани не бывало, а и впредь по будетъ.» И Еруслонъ Лазаревичъ слязилъ зъ добра коня, бьетъ чоломъ о сыру землю, и принимаетъ его за правую руку, и цѣлуетъ его во уста сахарныя, и

называетъ его братомъ. И поѣхалъ Еруслонъ Лазаревичъ ко бѣлу шатру, ажно и братъ его за нимъ; и припустили своихъ добрыхъ коней къ одному корму, а сами пошли въ бѣлъ шатеръ, и учали пить, и ясти, и веселиться; и какъ будутъ оба на веселію, и говорить ему Еруслонъ Лазаревичъ: »Брате, князь Иванъ, русской богатырь! Вѣдалъ я въ чистомъ поле, и наѣхалъ я двѣ рати побитыя лежать: и кто ихъ побивалъ?« И говорить князь Иванъ русской богатырь: »Та рать сила побитая Феодула царя знія, и побивалъ язъ, а доставалъ у него язъ прекрасныя царевны Кондурія Феодуловны, и хочу ея за себя взять: а сказываютъ, что ея краше на свѣтѣ нѣтъ; и въ завтра у меня будетъ остановой бой. И ты, Еруслонъ Лазаревичъ, стань въ сокровенномъ мѣстѣ, и посмотри моею храбрости, и потѣшайся.« Легли спать; и поутру, вставъ рано, князь Иванъ русской богатырь осѣдалъ своего добраго коня и поѣхалъ въ чистое поле; а Еруслонъ Лазаревичъ пошелъ нѣшь и сталъ въ сокровенномъ мѣстѣ, и учалъ смотреть: и какъ пріѣдетъ на князя Ивана рускаго богатыря Феодуль царь знія конныхъ и вооруженныхъ отроковъ 30,000 по морю и по берегу. И не асень соколъ выпускается на гуси и на лебеди, выпускаетъ Иванъ русской богатырь на рать Феодула царя знія, и побилъ, и присѣкъ, и конемъ приотпалъ 20,000 и самого Феодула царя знія убилъ, и которые остались — люди малые и старые, и некому противъ Ивана рускаго богатыря вытти. И взялъ князь Иванъ русской богатырь прекрасную царевну Кондурію Феодуловну, и повелъ ея къ своему шатру, а доставшая сила Феодула царя знія воротилась къ своему царству. И привелъ князь Иванъ русской богатырь въ бѣлъ шатеръ Кондурію Феодуловну; Еруслонъ Лазаревичъ за нимъ тутъ же пришелъ въ шатеръ, и учали пить, и ясти, и веселиться. И легъ опочивать съ нею Иванъ русской богатырь, а Еруслонъ изъ шатра вонъ вышелъ. И говорить князь Иванъ русской богатырь: »Милая моя, прекрасная царевна Кондурія Феодуловна! Для тебя язъ съ отцемъ твоимъ великую брань сотворилъ, и отца

твоего убилъ, а силы прибилъ и присѣкъ, и конемъ приотпалъ больше, а все для тебя. Есть ли тебя на свѣтѣ краше, а моего брата Еруслона храбрѣе и сильнѣе?« И говорить ему царевна Кондурія: »Государь Иванъ русской богатырь! Кровь отца моего и воинскихъ людей не по красотѣ моей пролита, но по грѣхамъ; я, государь, что за краша! А есть, государь, въ чистомъ полѣ, въ бѣлѣ шатрѣ, три дѣвцы царя Богрія, а по имени зовутъ ихъ — старшая Прондора, а средняя Мендора, а меньшая .Логія; и которая, государь, предъ нимъ предстоящая послѣдняя, стоитъ день и ночь, та адесятеро меня краше; а язъ что за краша и хороша! Когда я была у отца своего и у матери; а тепере полоничное тѣло: воленъ Богъ да и ты со мною. А есть, государь, подъ индѣйскимъ царствомъ, служить у царя Далмата человекъ, а зовутъ его Ивашкомъ Бѣлая-Епанча: а слыхала язъ у отца своего, уже онъ стережетъ въ чистѣ полѣ на дорогѣ 33 лѣта, а во царство мимо его никакомъ богатырь не проѣживалъ, не зѣбрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала; а язъ, государь, брата твоего Еруслона Лазаревича храбрости не видала и не слыхала, крѣ у нихъ храбрѣе.« И Еруслонъ Лазаревичъ все то слышалъ, и богатырское сердце не утеричиво: входитъ въ бѣлъ шатеръ, образу Божию молится, брату своему поклоняется и съ нимъ прощается; садится на свой доброй конь, и поѣхалъ въ чистое поле гулять, ко индѣйскому царству, поклониться царю Далмату да свидѣться съ Иваномъ Бѣлой Епанчей. И ѣдетъ Еруслонъ Лазаревичъ мѣсяць, и другой, и третей, а самъ себя подумалъ: »поѣхалъ я до въ дальнюю сторону, а не простился я ни со отцемъ, ни съ матерью, и не видала овѣ меня, какъ ѣздю на добромъ конѣ.« И воротился Еруслонъ Лазаревичъ во царство царя Картауса Картаусовича, и къ отцу своему, и къ матери; и ѣдетъ мѣсяць, и другой, и третей, и добѣхалъ до царства царя Картауса Картаусовича, ажно подъ царствомъ царя Картауса стоятъ Данилю Бѣлый-Князь, а съ нимъ войска 90,000, и похваляется царство защитомъ взять, и царя Картауса

взять живое, в князя Лазаря Лазаревича и двенадцать богатырей. И увидевши Ерусломъ Лазаревичъ подь царствомъ рать силу великую, и поспешить къ бою нечѣмъ: нѣтъ у Еруслона ни щита крѣпкаго, ни коня долголѣтнаго, ни меча остраго. И поѣхалъ Ерусломъ Лазаревичъ ко двору и ко градиной стѣнѣ, и видѣли его, что будетъ Ерусломъ, и отворили ему ворота градныя, ажно отецъ его ѣхалъ во обляждяхъ головахъ; в Ерусломъ Лазаревичъ, во доѣзжаячи отца своего, слезить зъ добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: »Многолѣтное здравію государю моему батюшку, Лазарю Лазаревичю! Какъ тоби государя моего Богъ милуетъ, и что ты государь ѣдешь новеселъ и кручиновать?« И говоритъ князь Лазарь Лазаревичъ: »Дитятко мое милое, Ерусломъ Лазаревичъ! Какъ быть ниѣ веселу? Приѣхалъ подь наше царство князь Данило Бѣлый, а съ нимъ войска 90,000 конныхъ и вооруженныхъ; и похваляется царство наше защитомъ взять, а царя Картауса в 12 богатырей хочеть къ себѣ взять.« И говоритъ Ерусломъ Лазаревичъ: »Государь мой батюшко, князь Лазарь Лазаревичъ! Пожалуй ты ниѣ свой крѣпкой щитъ и крѣпе долголѣтное, и азъ учну съ татари дѣло дѣлать.« И говоритъ ему князь Лазарь Лазаревичъ: »Дитятко мое милое, Ерусломъ Лазаревичъ! Ты дитятко молодое, не бывалъ на дѣлѣ ратномъ, и услышавъ свистъ татарской, и ты утрашишься ихъ, и они тебя убьютъ.« И говоритъ ему Ерусломъ Лазаревичъ: »Не учи, батюшко, гоголя на водѣ плавать, а богатырскаго сына съ татари дѣло дѣлать.« И даетъ ему князь Лазарь Лазаревичъ свой крѣпкой щитъ и коня свое долголѣтное, и Ерусломъ Лазаревичъ едетъ щитъ подь пазуху, а коня въ руку; и выѣхалъ Ерусломъ Лазаревичъ въ чистое поле гулять, и учалъ побивать рать силу князя Данила Бѣлаго, и приближъ рать силу татарскую, и погналъ самого князя Данила Бѣлаго, и взялъ на него клятву, что ему, князю Данилу Бѣлому, ни дѣлать его, ни внучатомъ подь царство царя Картауса не приходить: и какъ придетъ опять подь царство царя Картауса, и какъ выдаться

Богъ въ руки, и ему живому не бытъ. И отпустилъ его въ свою землю, ко граду его: а войска только осталось 2,000. Какъ ѣдетъ Ерусломъ Лазаревичъ ко царству Картаусову, и встрѣчаетъ его самъ царь Картаусъ за градомъ, и Лазарь Лазаревичъ, и 12 богатырей; в Ерусломъ Лазаревичъ во доѣзжаячи отца своего и царя Картауса, слезить (сѣ) своего зъ добра коня, бьетъ челомъ о сыру землю: »Многолѣтное здравію царю Картаусу и государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичю! Какъ васъ государей моихъ Богъ милуетъ?« И говоритъ царь Картаусъ: »Виновать я, Ерусломъ Лазаревичъ, предъ тобою, что волѣлъ тебя ниѣ царства вопъ выслать; и выѣлъ ты живъ у меня въ царствѣ, и ели города съ пригородками и съ красными селами; казна тобѣ у меня не затворена, и нѣсто тобѣ подлѣ меня, а другое противъ меня, а третью гдѣ тобѣ любо.« И говоритъ ему Ерусломъ Лазаревичъ: »Государь царь Картаусъ! Не надобѣ ниѣ твоей ничего, и не повадился я у тебя въ царствѣ жить: повадилса я въ чистѣ волѣ казаковать.« И прикушалъ Ерусломъ Лазаревичъ хлѣбца маленку у царя, и простился съ царемъ и со отцемъ своимъ, и съ матерью, со вѣлѣмъ царствомъ, и поѣхалъ въ чистое поле, и ѣхалъ полгодишное время, ажно наѣхалъ въ чистѣ поле шатерьъ, и въ бѣлѣ шатрѣ три дѣвицы сидѣть, Прондора, да Мендора, да Логія — царовы дочери, царя Богрія; таковыхъ прекрасныхъ ва свѣтѣ нѣтъ, дѣлають ручное дѣло (*). изъ шатра вопъ вытти, а самъ съ нею легъ спати на постель, и говоритъ ей: »Милая моя, прекрасная царевна Богрѣвна! Есть ли на сонѣ свѣтѣ тебя краше, а меня храбрѣе?« И говоритъ ему прекрасная царевна Прондора: »Государь Ерусломъ Лазаревичъ, что я красна! Когда я была у отца своего у матери, тогда я была и красна, и хороша, а понеча азъ пополянное тѣло. А есть, государь, подь индѣйскимъ царствомъ, у

(* В рукописи это нѣсто выражено. Въ любочномъ изданіи оно читается такъ: «И тутъ Ерусломъ Лазаревичъ взошелъ въ бѣлѣ шатерь, забилъ обрзу Божію полизать, сердце его разгорѣлось, похоть его загорала; и беретъ себѣ большую сестру, прекрасную царевну Прондору за руку, а тѣмъ сестравъ возлюбилъ....»

царя Далмата, человекъ, а зовутъ его Иваномъ, а прозвище Бѣлая Епанча, и стоитъ въ чистѣ полѣ на дорогѣ: нию его никакой человекъ не прохаживалъ, ни богатырь не проѣзживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала, никой богатырь не проѣзживалъ (*). И сталъ Ерусломъ Лазаревичъ съ постелею, взялъ острую саблю свою и отсѣкъ ей голову, да в подѣ кровать бросилъ; и еилетъ себѣ на постелю вторую сестру Мендору, и говоритъ ей Ерусломъ Лазаревичъ: »Милая, прекрасная Мендора Богривна! Есть ли на семъ свѣтѣ тебя краше, а меня храбрѣе?« И она ему тѣ же рѣчи сказала, и онъ ей голову отсѣкъ, и подѣ кровать бросилъ. И еилетъ третью дѣвицу Легію къ себѣ на кровать и говоритъ ей: »Милая моя, прекрасная царевна Легія! Есть ли тебя на семъ свѣтѣ краше, а меня храбрѣе?« И говоритъ ему Легія дѣвица: »Государь Ерусломъ Лазаревичъ! изъ чѣмъ на красна, и хороша! Когда я была у отца своего въ царствѣ, тогда я была красна и хороша, а нынѣ я полоняное тѣло; которое ты у меня красоты захотѣлъ? А есть, государь, подѣ индѣйскимъ царствомъ, у царя Далмата, человекъ, а зовутъ его Ивашко, а прозвище Бѣлая Епанча, а стоитъ онъ на дорогѣ въ чистомъ полѣ: нию его никакой богатырь не проѣзживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ, никакой человекъ не проѣзживалъ, ни птица не пролетывала; а я у васъ не вѣдаю, кой храбрѣе и сильнѣе. Да есть, государь, во градѣ Дербѣи, у царя Варемлома царевна Настасья: которая, государь, предѣ ними предстоящая, и та вдесятеро меня краше.« И тутъ Ерусломъ Лазаревичъ ставъ съ постелею, и говоритъ ей таково слово: »Милая моя, прекрасная царевна, Легія! Живи ты въ чистѣ полѣ, не бойся никого, а сестеръ своихъ скорони.« И Ерусломъ Лазаревичъ сѣлъ на свой добрый конь, ѣхалъ въ чистое поле, ко индѣйскому царству, ко царю Далмату поклонитися, да свидѣнца съ Ивашкомъ Бѣлой Епанчей. И ѣдетъ Еру-

слонъ Лазаревичъ и въсяцъ, и другой, и третей; а въ тѣ поры Ерусломъ Лазаревичъ седни лѣтъ; и добхалъ, ажъ во чистѣ полѣ стоитъ человекъ, конемъ подисрпнись, во бѣло(й) епанчѣ, шлана на немъ сорочинская, и стоячи дремлетъ. И Ерусломъ Лазаревичъ ударилъ его по шляпѣ плетью, и говоритъ: »Человѣче! убудися! Мошно тебѣ в ложа наспатца, а не стоя!« И говоритъ Ивашко Бѣлая-Япанча: »А ты кто еси, и како тебя зовутъ по имени, и откуда ѣдншь?« И говоритъ ему Ерусломъ Лазаревичъ: »Якъ ѣду отъ Картаусова царства, отоцъ у меня князь Лазаръ Лазаревичъ, а мати у меня Енистинія, а меня зовутъ Ерусломомъ; а ѣду я во индѣйское царство поклонитися царю Далмату.« И говоритъ ему Ивашко Бѣлая-Япанча: »Брате Ерусломъ Лазаревичъ! Прещъ сего нию меня не проѣзживалъ никакой богатырь, а ты хочешь нию меня пробѣхать?— Поѣдемъ въ чистое поле и отиѣдемъ плечъ своихъ богатырскихъ.« И тутъ скоро саднлись на свои добрыя кони и поѣхали въ чистое поле гулять; Ивашко поѣхалъ во всю пору лошадиную, а Ерусломъ поѣхалъ ступню бредучею; Ивашко заѣхалъ напередѣ, а Ерусломъ Лазаревичъ похоломился: Боже, Боже, Спась милостивъ! Дай мнѣ, Господи, всякаго человекъ убить конемъ, тушимъ концемъ! И удари Ерусломъ Лазаревичъ Ивашка противъ сердца рогатого конемъ, тушимъ концемъ, и вышибъ изъ сѣдла вонъ; и Арашь его вѣщой конь наступилъ на доспѣшное ожерельцо и пригнелъ къ сырѣй землѣ; и обратилъ Ерусломъ Лазаревичъ копье острымъ концемъ, и хочеть его скорой смерти предать. И говоритъ ему Ерусломъ Лазаревичъ: »Брате Ивашко! Смерти хочъ, или живота?« И молится Ивашко, лежа на земли: »Государь Ерусломъ Лазаревичъ! не дай смерти, дай животъ! Прещъ сего у насъ брани-во бывало, да в впродѣ не будетъ.« И говоритъ ему Ерусломъ Лазаревичъ: »Брате Ивашко! Не убилъ бы ты, да за то тебя убью, что знаютъ тебя въ чистѣ полѣ всякія красныя дѣвки.« И обратилъ Ерусломъ Лазаревичъ копье острымъ концемъ, и предаль его смерти, а самъ поѣхалъ ко индѣйскому царству.

(*) Здѣсь опять выражено. Въ зубочномъ изданіи это мѣсто читается такъ: »а ты что за храбръ? Обычная твоя храбрость — что ты насъ лѣвомъ разогналъ.«

поклонится царю Далмату. И Еруслоуъ Лазаревичъ какъ прѣхалъ ко царству, и вѣхалъ на царевъ дворъ, и сѣлъ своего добраго коня, а самъ пошелъ ко царю въ полату: образу Божию молится, царю Далмату поклоняетца: «Многолѣтнюю здравію царю Далмату со своими 12 богатырями! А меня, государь, холопа своего прими въ службу.» И говоритъ ему иудѣйскій царь Далматъ: «Откуда еси, человекъ, пришелъ, отъ котороу царства, и какого отца смышъ, и какъ тебя зовуть по имени?» И говоритъ ему Еруслоуъ Лазаревичъ: «Государь царь Далматъ! вѣжу я отъ Картаусова царства, а рожденіа смышъ князя Лазаря Лазаревича, а матери Еписини, а меня зовуть Еруслоуковъ.» — «Какимъ жоты путемъ вѣхалъ: коннымъ или пѣшимъ, или воднымъ?» И говоритъ Еруслоуъ Лазаревичъ: «Государь царь Далматъ, изъ вѣхалъ сухимъ путемъ.» И говоритъ царь Далматъ: «Еруслоуъ Лазаревичъ! Есть у меня человекъ на дорогѣ стоитъ, въ чистѣ полѣ, а зовутъ его Ивашкомъ, прозвище Бѣлая Япанча: нимо его никакомъ богатырь не прѣждивалъ, ни зѣбрь не проржкивалъ, ни птица не пролетывала, и никакомъ человекъ не прохаживалъ: а ты какъ прѣхалъ?» И говоритъ ему Еруслоуъ: «Якъ, государь, не вѣдалъ, что твой человекъ, и я его убилъ.» И тутъ царь Далматъ убоялся: «когда до оуъ такоу богатыря убилъ, и оуъ до царствонъ монъ завладѣть.» И сталъ царь Далматъ кручинновать: «а по на то до оуъ прѣхалъ ко нѣмъ во царство, что ему служить; но на то оуъ прѣхалъ, что ему царствонъ завладѣть монъ.» И велѣлъ Еруслоуа чтивъ честію великою, и кормить, и поить своимъ царскимъ питіемъ доволно. И узналъ Еруслоуъ Лазаревичъ, что его царь убоялся; и осѣда коня своего, и шедъ въ каменную полату, образу Божию молитца, и съ царемъ Далматомъ прощаетца, и поѣхалъ Еруслоуъ изъ града вонъ; и царь возрадовался радостію великою, что Богъ избавилъ Еруслоуа, и повелѣ градныя врата затворити и утвердити, чтобы Еруслоуъ назадъ не воротился и царства бы нашего не похѣбилъ. И поѣхалъ Еруслоуъ Лазаревичъ ко граду Дербню, къ

царю Варолоухѣю поклонится, а хочеть видѣти прекрасную царевну Настасію Варолоухѣевну, что оуъ слышалъ про ея красоту; а въ тѣ поры Еруслоуъ Лазаревичъ осми лѣтъ на девятомъ году. Поѣдетъ мѣсяць, и другой, и третей, а самъ себѣ подумалъ: «поѣхалъ до я въ дальнюю страну, не простая ни со отцемъ, ни съ матерью; а естыи нѣмъ слюбитца прекрасная царевна, и я на ней женился: а у отца своего и у матери не благословался!» И поѣхалъ Еруслоуъ Лазаревичъ къ Картаусову царству, ажно Картаусово царство пусто: похѣбено, и огнемъ пожжено, и влонъ поросло; лишь только одна хижинка стоитъ, а въ хижинѣ старъ человекъ обѣ одноу глазѣ. И Еруслоуъ Лазаревичъ шедъ въ хижину, образу Божию молитца, старину поклоняетца; и говоритъ Еруслоуъ Лазаревичъ: «Брате старъ человекъ! Гдѣ сіе царство дѣвалось, и кто вѣпилъ?» И говоритъ ему старъ человекъ: «Господино вонъ! откуда вѣдешъ и какъ тебя по имени зовутъ?» И говоритъ ему Еруслоуъ Лазаревичъ: «Какъ ты, старикъ, меня не знаешь? Изъ адѣшнаго царства, смышъ князя Лазаря Лазаревича, а мати у меня Еписини, а меня зовутъ Еруслоуомъ.» И тутъ старикъ со слезами шалъ на землю, и говоритъ ему: «Государь Еруслоуъ Лазаревичъ! Послеъ твоего отъѣзду немногоу времени минуло, пришелъ подъ наше царство князь Данило-Бѣлой, собралъ войска 120,000, и пришелъ, наше царство похѣбилъ, и огнемъ пожегъ, и ратныхъ людей побилъ, храбрыхъ витазей 80,000, а честныхъ людей 300,800, а поновъ и черинцовъ собралъ на полѣ и огнемъ пожегъ 472, а младенцовъ прибилъ 11,000, а женъ 14,000, а царя Картауса и отца твоего князя Лазаря Лазаревича и 12 богатырей въ полонъ взялъ, и звелъ во свою землю; а изъ единъ пролежалъ въ труппу человекоскомъ, а лежалъ 9 дней и 9 ноцей.» И встаетъ Еруслоуъ Лазаревичъ образу Божию молитца, и съ старикомъ прощаетца; и поѣхалъ къ царству князя Данила Бѣлаго; а въ тѣ поры Еруслоуъ Лазаревичъ десяти лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ. И поѣхалъ до царства въ полудное время, никто не слышалъ и не видалъ, только видѣли

намы робятка, но уликамъ играютъ, и Ерусломъ у робятъ спрашивать: «Гдѣ сидитъ у князя Данила Бѣлаго царь Картаусъ, въ коей темницѣ? Азъ бы ему подалъ милостыню.» И указали ему малыя робота темницу, и прѣхалъ Ерусломъ Лазаревичъ къ темницѣ, и у темницы стражей всѣхъ приближъ, и ударилъ въ голничныя двери, и вшедъ въ темницу, и говоритъ Ерусломъ Лазаревичъ: «Многолѣтнее здравіе царю Картаусу, и государю моему батюшку, князю Лазарю Лазаревичю! Какъ вась, государей моихъ, Богъ милуетъ?» И говоритъ ему царь Картаусъ: «Человѣче! отъиди отъ насъ прочь: откуда пришелъ, туда и поиди, а намъ не сибѣйся. Когда азъ былъ царь, а тотъ князь, а тѣ богатыри, а вынѣ, но грѣхатъ нашнѣ, азъ не царь, а тотъ не князь, а тѣ не богатыри, а мы сидимъ въ темницѣ; уже у насъ и очи выало, и мы сѣдимъ, и рукъ своихъ не видимъ.» И говоритъ Ерусломъ Лазаревичъ: «Язъ прѣхалъ къ вамъ не сибѣйтиса, азъ прѣхалъ поклонитиса; а меня зовутъ Ерусломомъ, а отецъ у меня князь Лазаръ Лазаревичъ, а мати у меня Евстинія.» И говорятъ царь Картаусъ: «Аще бы Ерусломъ былъ живъ, и мы бы горести не терпѣли.» И говоритъ Ерусломъ Лазаревичъ: «Язъ во лгу.» И говоритъ царь Картаусъ Еруслону: «И ты, человѣче, называшиса Ерусломъ Лазаревичъ, и ты намъ сослужив службу: поѣдь ты за теплое море въ подонскую орду, въ Штютонъ градъ, къ волному царю, къ Огненному щиту; къ пламенному коню, и убей его до смерти, и покажь намъ очи; и когда мы увидимъ свѣтъ Божій, и тебѣ вѣру поимомъ.» Ерусломъ поклонился царю Картаусу и отцу своему, князю Лазарю Лазаревичю, и 12 богатыремъ, и поѣхалъ изъ града вонъ; и увидѣли его робота, собою малыя, и сказали мурзамъ: «Ѣхалъ де изъ града вонъ человѣкъ, а сказанъ де намъ, что Ерусломъ Лазаревичъ; и пришедъ мурзы къ темницѣ, и у темницы кони богатыри были приставлены, лежать прибиты; и мурза двери заключилъ, и пошелъ ко князю Данилу Бѣлому, и доложилъ ему, что былъ во градѣ Ерусломъ и у темницы стра-

жей всѣхъ приближъ. И вселѣлъ князь Данило Бѣлой въ рогъ трубить и тимпаны бить; и собралися къ нему мурзы и татары, и всякія люди; и вселѣлъ князь Данило Бѣлой выбрать лучилъ мурмъ и татаръ, конилъ и вооруженилъ, и вселѣлъ гнати за Ерусломомъ, и вселѣлъ его жива поимать и предъ себя поставить. И погна за Ерусломомъ мурзы и татары, и какъ наѣжжаютъ, и Ерусломъ остановился говорить имъ: «Братіе мурзы и татары! что вы слушаете своего безумнаго князя Данила Бѣлого? Не угодитца вамъ будетъ въ чистѣ волѣ за вѣтромъ, а за мною жъ богатыремъ, такожь.» И поѣхалъ Ерусломъ отъ нихъ за тихія воды, за теплое море, къ волному царю, ко Огненному щиту, къ пламенному коню; а мурзы и татары учали промежъ собою думу думать: «Какъ сказать про Еруслова князю Данилу? Скажемъ имъ, что его не видали.» И ѣхалъ Ерусломъ Лазаревичъ полгодачное время; а въ тѣ поры Еруслону минуло десять лѣтъ; и не доѣхалъ Ерусломъ въ подонскую орду до Штютонъ града 4 поприща, ажно лежить рать сила побитая, а въ той ратѣ лежить человекъ богатырь; а тѣло его, что сильная гора, а глава его, что сильная бугра. И Ерусломъ выѣхалъ въ побонце, и крикнулъ громко голосомъ: «Есть ли въ сей ратѣ живъ человекъ?» И говоритъ ему богатырская голова: «Гой еси Ерусломъ Лазаревичъ! Кого ты спрашиваешь, и кто тебѣ надобенъ?» И прѣхалъ Ерусломъ Лазаревичъ къ богатырской головѣ, а самъ себѣ удивился, что мертвая голова глаголетъ; и говоритъ Ерусломъ Лазаревичъ: «Гой еси богатырская голова! Что мертвая глаголеши, или нивъ слышитца?» И говоритъ ему богатырская голова: «Ерусломъ Лазаревичъ! Не чюдитца тебѣ, но допряма говорю; далече ли ѣдешь, и куды твой путь?» И говоритъ ему Ерусломъ Лазаревичъ: «А кто ты таковъ по имени, и котораго града, и какова отца сынъ, и кто тебя убилъ?» И говоритъ ему богатырская голова: «Былъ азъ богатырь задонскія орды, сынъ Прохора царя, а та рать со мною лежить волнаго царя, Огненнаго щита, пламенного коня, а побилъ ея и:

а по имени меня зовутъ Рослоноснъ; а приходилъ я
подъ сіе царство 12 лѣтъ, но единожды на годъ; а
брань у меня за то съ царемъ была: отецъ мой,
Прохоръ царь, сосваталъ за меня невѣсту изъ того цар-
ства въ пеленахъ, а отъ рожденія мнѣ двадцать лѣтъ;
а ты, Еруслоуъ Лазаревичъ, далочо ли ты ѣдешь? —
«Язъ ѣду въ задонскую орду, въ то же царство, къ
тому же царю, и коню его предъ собою мертва ви-
дѣти.» И говоритъ ему богатырская голова: «Не ви-
дѣть его предъ собою мертва, хочешь отъ него самъ
умрети.» И язъ былъ человекъ, да и богатыри мно-
гю меня, цари и князи восточные и западные знали,
не только меня боялись, но и имени моего страшились;
и какъ мати моя породила, и я былъ полторы сажени
человѣческа, а толстота моя была въ обьемъ человекъ;
и какъ я былъ лѣтъ 3, и у меня въ чистѣ ноги и
звѣрь не прорыскавалъ, и никаковъ человекъ не про-
лаживалъ, и никаковъ богатырь противъ меня не ста-
нвалъ; а мнѣ мнѣ 20 лѣтъ. Ты самъ видишь, воз-
растъ мой каковъ: (1) стояти. И тотъ царь силенъ велики:
и войска у него много, и мечъ его не сѣчотъ, и саб-
ля его не снѣтъ, на водѣ онъ не тонетъ, а на огнѣ не
горитъ.» И поѣхалъ Еруслоуъ Лазаревичъ въ задонскую
орду, въ Шитунъ градъ, къ волному царю, къ Огнен-
ному-щиту, къ пламенному коню. И какъ прѣехалъ въ
задонскую орду ко царю, и пришелъ въ полату, об-
разу Божію молитца, царю поклоняетца, и говоритъ
ему царь: «Откуда ѣдишь, человекъ, и какова отна-
смы?» И говоритъ ему Еруслоуъ Лазаревичъ: «Язъ
ѣду отъ Картаусова царства, отца князя Лазара Лазар-
евича, ищу себѣ ласковаго государя, гдѣ бы мнѣ по-
служить.... (2) вносить и добра коня изъѣздити, слад-
каго медку испить и холодость свою потѣшить.... (3)

(1) Здѣсь въ рукописи выразено, въ дубочномъ изданіи это мѣсто чита-
ется такъ: «и тѣло мое 10 сажени, промель плечь 2 сажени, да между
очей ношъ каменъ стрѣла ухватится, а голова у меня какъ пышной котелъ,
руки у мене 3 сажени, да и тутъ я не могъ битися и противъ его...»

(2) Въ рукописи здѣсь выразено, въ дубочномъ изданіи слѣдуетъ «пра-
смыя порты.»

(3) Въ рукописи выразено, въ дубочномъ изданіи слѣдуетъ: «Тогда по-
жалъ ему царь: «Еруслоуъ Лазаревичъ, воткай ко мнѣ въ градъ, въ

пожаловалъ свыше.... (1) всѣхъ 12 богатырей. И слу-
жить ему Еруслоуъ Лазаревичъ полгодичное время.
И поѣхалъ Еруслоуъ Лазаревичъ на потѣху; и какъ
будутъ оба на веселіе, и близко труну человекска,
и Еруслоуъ Лазаревичъ зговорить волному царю, Ог-
ненному-щиту, пламенному коню: «Государь царь
и великій князь! Бѣжалъ я къ тебѣ и видѣлъ я рать
силу побитую, много труну человекскаго; а въ той
ратѣ лежитъ живъ человекъ: тѣло его акн великая
гора, а глаза у него акн великая бугра.» И тутъ
царь отъ печали воздохнуть, и палъ на землю, и го-
воритъ царь: «Та глава лежитъ на плечѣ моемъ, а
подъ тою главою есть мечъ, и всяко его азъ добы-
валъ, и не могъ добыти, а опрѣчь того мѣча никаковъ
мечъ не сѣчотъ меня и не шютъ: на огнѣ а не горю,
на водѣ не тоню, а того меча велики боюса, какъ бы
а того богатыря не убилъ, и мнѣ бы самому убиту
отъ него быти.» И говоритъ Еруслоуъ Лазаревичъ:
«Государь волной царь пламенное коню! Пожалуй ме-
ня, холопа своего: язъ тебѣ тотъ мечъ добуду.» И го-
воритъ ему волной царь: «Еруслоуъ Лазаревичъ! Какъ
ты мнѣ ту службу сослужишь, и я тебя пожалую паче
всѣхъ ближнихъ своихъ пріятелей; а толко ты похва-
лился такинъ словохъ, да не сослужишь, и ты у ме-
ня не уѣдешь никуда, ни водою, ни землею.» И по-
клонился ему Еруслоуъ Лазаревичъ, и сѣлъ на своей
доброй коня, и поѣхалъ къ богатырской головѣ; и какъ
будетъ у нея, и говоритъ ей Еруслоуъ Лазаревичъ:
«О государыни богатырская голова! Надѣются на твое
великое жалованье и милосердіе: хотѣла ты изъ подъ
себя мечъ свободити мнѣ, и язъ предъ царемъ похва-
лился, и царь мнѣ такъ сказалъ: толко де Еруслоуъ
не добудешь того меча, и ты де у меня не можешь
нигдѣ укрытиса и утѣти, ни водою, ни землею.» И
слѣзши Еруслоуъ Лазаревичъ своего добра коня, и

царствъ моему люди надобни. Тогда поѣхалъ Еруслоуъ во градъ за че-
реть, и прѣехалъ туда.»

(1) Въ рукописи выразено, въ дубочномъ изданіи: «позаповалъ его ниже
своихъ 12 богатырей.»

ударился о сыру землю, и говоритъ: «О государини богатырская голова! Не дай напрасной смерти, дай животь!» И богатырская голова съ чѣста содвинулась, и Еруслоиъ Лазаревичъ кичъ мечъ и поѣхалъ: а самъ себя подумалъ: «Господи Боже, Спасъ милостивъ! Доселѣ азъ царей устрашалъ, богатырей побивалъ, а шивъ азъ со слезами богатырской головѣ поклонился!» И богатырская глава крикнула громкимъ голосомъ, и Еруслоиъ Лазаревичъ узналъ свою вину и воротился, и сѣлъ съ добра коня, и палъ на сыру землю, и говоритъ: «Богатырская голова! виновать я предъ тобою, что посмѣшилъ таковое слово!» И зговорить ему богатырская голова: «Богъ ты простить, Еруслоиъ Лазаревичъ, въ томъ словѣ, что дерзнулъ со ялада ума! Не вѣдѣ ты замѣдѣшь, что мечъ взялъ: можешь и съ мечомъ быти мертвъ; тако добра хочу. Како ты, Еруслоиъ Лазаревичъ, прѣдешь въ Штютенъ градъ къ волному царю, къ Огненному-щиту, къ плащенному копыю; и какъ увидишь тя, и не усидишь на престолѣ своемъ, киветь жезлъ свой, и стрѣтитъ тя, учнетъ тебѣ говорить, и много добра сулить; и ты, Еруслоиъ Лазаревичъ, послушай меня: и ударь его по главѣ однажды; и какъ ты его ударишь, и буде онъ тебѣ волить себя и вдругорядъ ударить, и ты его не бой: и и аще онъ съ того удару оживеть, и онъ тебя убьетъ.» И Еруслоиъ Лазаревичъ поклонился ей, и поѣхалъ ко граду; и какъ въѣхалъ на царевъ дворъ, а мечъ носеть на плочѣ. И увидѣлъ его царь, скочилъ съ престола своего, и кинулъ жезлъ свой, и поѣхалъ встрѣчать Еруслоиъ; и говоритъ ему царь: «Исполать тебѣ, Еруслоиъ Лазаревичъ! Какова тебя сказывали, таковъ ты и есть. За ту тебѣ службу иѣсто у меня тебѣ первое подѣлъ меня, а другое противъ меня, а третіе гдѣ тебѣ любо: казна у меня тебѣ не затворена, а послѣ смерти царствомъ моиъ владѣй.» И протянулъ царь руку, и хотѣлъ приплати; и Еруслоиъ Лазаревичъ ударилъ царя по главѣ, и разсѣкъ его надвое; и говоритъ ему царь: «Ударь меня, Еруслоиъ, и вдругорядъ.» И говоритъ ему Еруслоиъ Лазаревичъ: «Ударилъ я тебя

по главѣ, и разсѣкъ пополамъ, и ты не горазно говоришь: богатырь единожды сѣчетъ.» И кинулись къ нему, и хотѣли его поимать, и вить, и посадить въ темницу; и Еруслоиъ взялъ въ руку мечъ, а въ другую пощара, и повертился кругомъ, и убилъ князей, и бояръ, и богатырей сорокъ человекъ. И зговорить ему князя и бояра и градскіе люди: «Государь Еруслоиъ Лазаревичъ! Смирися, престани битися! Не для ради ны того къ тебѣ кинулись, что драться: чтобы ты былъ у насъ царь.» И говоритъ имъ Еруслоиъ: «Выбирайте вы царя промежъ собою много, а азъ вачъ не царь.» И учалъ Еруслоиъ икъ царя желчь вынимать, и въ сабянина сумки власть; и сѣлъ Еруслоиъ на свой доброй конь, и поѣхалъ изъ града вонъ; и въ тѣ поры Еруслоиу минуло 11 лѣтъ. И прѣѣхалъ Еруслоиъ къ богатырской главѣ, и вынулъ изъ сумокъ царской желчь, и помаза богатыря Рохлея: (1) и тутъ Рохлей живъ сталъ, и съ Еруслоиономъ поцѣловались, и назвались другъ друга братомъ, и Рохлей богатырь поѣхалъ въ задонской градъ, по благословенію отца своего женитца волного царя на дщери Попарин царевны, царствовать въ Штютенъ градъ; и Еруслоиъ поѣхалъ ко князю Данилу Бѣлому въ царство. И ѣхалъ Еруслоиъ годъ армяни, и въѣхалъ во градъ ночью; никто его не слыхалъ и не видѣлъ; и прѣѣхалъ къ темницѣ, ажно у темницы стражей всѣхъ прибилъ, и ударилъ въ темничныя двори, и вышлѣлъ вонъ. И вшодъ темницу, и говоритъ Еруслоиъ Лазаревичъ: «Многалѣтнее здравіе царю Картаусу, и государю мо-
ему батюшку, князю Лазаревичю съ двумя надесяти богатырями!» И говоритъ ему царь Картаусъ: «Человѣче, отъиди прочь отъ насъ, не пролыгайся!» И говоритъ имъ Еруслоиъ Лазаревичъ: «Язъ, государь, не пролыгаюся; куды вы меня послали, и я вачъ ту службу сослужилъ, и желчь изъ него вынулъ.» И зговорить ему царь Картаусъ: «Человѣче! коли ты Еруслоиъ называшися, и службу нашу сослужилъ, волного ца-

(1) Выше: Рохлея.

ри убилъ, и изъ него желчь вынулъ, — и ты тою желчью почажь памъ очи, и мы свѣтъ Божій увидимъ, и тебѣ Еруслона увидимъ, и вѣру тебѣ понемемъ.» И Еруслонъ царю очи помазалъ, и отцу своему князю Лазарю Лазаревичу, и двюнадесяти богатырями очи помазалъ: и они свѣтъ Божій узрѣли, и Еруслона увидѣли, и возрадовались радостію великою. И какъ утреннія заря займоща, и Еруслонъ вышолъ изъ темницы вонъ, и садился на своего добраго коня, и поѣхалъ по граду. И не асень соколъ пашуащца на гуси и на лебеди, пашуащъ Еруслонъ Лазаревича на мурзы и на татары: прибилъ, и присѣлъ, и конемъ приптогалъ мурзъ и татаръ 170,000, а черныхъ людей и младенцовъ въ девять лѣтъ въ крещеную вѣру привелъ, и вкрестъ цѣловати (волѣлъ?) за царя Картауса, а свою нитъ татарскую волѣлъ проклинати; и волѣлъ бити челоуъ царю Картаусу, а князь Лазаръ Лазаревичъ княземъ былъ, а двюнадесять богатыринъ бытъ; а князя Давида Бѣлаго повмазъ, сослалъ въ монастырь, и волѣлъ пострищи, и далъ ему наказаніе; а за тоо его убилъ, что онъ мать его убилъ, княгиню Еписпнцію. И покушалъ Еруслонъ хлѣбца у царя маленько Картауса, и простился съ царемъ, и со отцемъ своимъ, и съ богатырини, и со всѣми людьми, и всѣлъ на свой доброй конь, и поѣхалъ изъ царства вонъ; выслалъ царь Картаусъ и отецъ его князь Лазаръ, много слезами уминали: живи ты у насъ — прочь не отѣзжай. И Еруслонъ поклонился царю Картаусу, и со отцемъ своимъ простился, и поѣх(ал)ъ ко граду Дербию, ко царю Варооломѣю: а хочотъ видѣти прекрасную царовну Настасію Варооломѣевну; а въ тѣ поры Еруслону минуло двѣнацать лѣтъ. И ѣдетъ иѣсицъ, и другой, и третей, и доѣхалъ Еруслонъ до царства Варооломѣева: ажю подѣ тѣмъ царствомъ езеро велико, а въ тонъ езерѣ лютое чюдо о трехъ головахъ, на всякъ донь выходитъ на берегъ, и поѣдаеть многіа люди; а царь Варооломѣй велитъ на всякъ день клнчь клнкатъ, чтобы Богъ послалъ такого челоуѣка, кой бы въ езерѣ чюдо извелъ, а язъ бы ему много далъ городовъ, и

казны доволно ему, и коней добрыхъ, и людей ему на службу, сколько ему надобно. И въѣхалъ Еруслонъ во градъ, и сталъ на дворѣ у вдовы; и услышалъ Еруслонъ клнчь царь (царевъ?) что много чюдо людей поѣдаеть. И свѣлъ Еруслонъ на свой доброй конь, и поѣхалъ къ езеру; и услышало чюдо, что прѣѣхалъ Еруслонъ, и выскочило вонъ; конь испугался, палъ на окарачки, и Еруслонъ свалился своего добра коня на землю; и хватило его чюдо, и поволокло во езеро. Еруслонъ ухватилъ нечь свой, а доброй конь его остался на берегу; и влѣлъ Еруслонъ чюдо на спину, и отсѣлъ Еруслонъ у чюда двѣ головы, и хочотъ третью голову отсѣчь; и возмолилось чюдо: »Государь Еруслонъ Лазаревичъ! не дай смерти, дай животъ! По сей день изъ езера не выйду, и людей ѣсть не стану, а стану ѣсть рыбу, и тину, и траву болотную, а тебѣ дамъ подарокъ волій: ость у меня камень самоцѣвтной, и изъ тебѣ отдамъ.» И говоритъ Еруслонъ: »Чюдо, аще ты миѣ камень отдашь, изъ тебя спущу жива.» И пошло чюдо во езеро, а Еруслонъ же на немъ сѣдѣлъ; и взялъ у чюда камень самоцѣвтной, и волѣлъ вынести изъ езера на берегъ; и Еруслонъ смялъ съ чюда третію голову, и свѣлъ на свой доброй конь, и поѣхалъ во градъ Тербию, ажю встрѣчаетъ его царь Варооломѣй въ воротахъ градныхъ; и Еруслонъ Лазаревичъ по доѣзжаючи царя, слазитъ своего добра коня, бьетъ челоуѣ о сырѣ землю: »Многолѣтнее здравіе государю царю Варооломѣю! Многолѣтствуѣй, государь, во своихъ царствѣ, съ князи, и съ бояры, и со всѣми христианы на многіа лѣта! Пабылъ еси своего града губителя.» И зговоритъ ему царь Варооломѣй, и всѣ возрадовались радостію великою, и емлетъ Еруслона за рука за правую, и цѣлуеть его во уста сахарными, а самъ зговоритъ таково слово: »Вѣдаю изъ, Божій челоуѣкъ, не хотя Господь смерти грѣшникомъ, хотя нашъ градъ отъ такового губителя спасти, посланно по губителя тобою храбрымъ воиномъ; и какъ тебѣ зовутъ по имени, и откуда тебѣ сюды Богъ занесъ, и какого отца сынъ и матери?» И зговоритъ Еруслонъ: »Государь

царь Вареолюмѣй! Язъ, государь, ѣзду отъ Картоусова царства, а отъ отца сынъ князя Лазаря Лазаревича, а мати у меня Евстинія, а мои зовуть Еруслономъ; а гулялъ язъ, государь, въ чистомъ полѣ.» И царь о немъ навнече возрадовался, что Богъ ему подалъ такого человека храбраго; и архіепископъ того града со всѣмъ соборомъ, и со кресты, и со иконами встречали съ князи, и съ бояры, и со всѣми своими православными христіаны, поклоняетца весь міръ, и малыя младенцы возыграли, и стари возтронетались; и бысть во градѣ радость великая. И царь Вареолюмѣй на радости и пиры сотворилъ многія и великія, и созвалъ князей, и бояръ, и всякихъ чиновъ людей, съ женами и съ дѣтми, а Еруслона взялъ за руку, и повелъ къ себѣ въ полаты, и посадилъ у жреца нѣсто ему подлѣ себя, и сталъ ему говорить: »Государь Еруслоуъ Лазаревичъ! Будь воля твоя, живи ты у меня во царствѣ, и ели ты города, и съ пригородками, и съ красными селами; нѣсто тебѣ подлѣ меня, а другое противъ меня, а третіе нѣсто, гдѣ тебѣ любю; казна тебѣ у меня не затворена: ели себѣ злата и сребра, и скатнаго женчюга, и каменія драгаго, сколько тебѣ надобно; и позволѣишь жннитися, и язъ дамъ за тебя дочь свою Настасью прекрасную, а приданого дамъ половину царства.» И какъ Еруслоуъ будетъ сѣдючи за столомъ на веселіе, и зговорить ему Еруслоуъ Лазаревичъ: »Государь царь Вареолюмѣй, покажи ми дочь свою.» И царь Вареолюмѣй велѣлъ итѣти въ полату къ дочери своей, прекрасной Настасіѣ Вареолюмѣевнѣ; и Еруслоуъ всталъ изъ-за стола, и вшедъ въ полату, образу Божию поклоняетца, и царевна поднесла ему разныя пивтя царскія; Еруслоуъ испивъ у царевны, и пошелъ вонъ изъ полаты, и учалъ говорить: »Государь царь Вареолюмѣй! хошу женитися, и понялъ за себя дочь твою Настасію.» И о томъ царь Вареолюмѣй возвеселился, и далъ за него дочьр свою Настасію Вареолюмѣевну, и легъ съ ною опочовати, и учалъ себѣ любить ея, сирашивать: »Милая моя царевна Настасія Вареолюмѣевна! Есть ли на семъ свѣтѣ тебя кра-

ше, а меня хабрѣе?» Что зговорить ему царевна Настасія: »Государь Еруслоуъ Лазаревичъ! Нѣтъ тебѣ хабрѣе: ты, государь, князя Ивана руского-багатыря побилъ; ты, государь, князя Давида-Бѣлаго побилъ, и царство его поплѣвилъ; ты, государь, Пышка Бѣлуяланчу убилъ; ты индѣйскаго царя устранилъ; ты, государь, волнаго царя Огоннаго-щита, поломяного коня, убилъ; ты, государь, оживилъ Рохлѣя багатыря, ты, государь, отца своего воскресилъ, и змѣя убилъ. Язъ, государь, что за красна! Какъ есть, государь, въ дѣвичьѣ царствѣ, въ солнышномъ градѣ, царевна Понарїя, сама царствомъ владѣеть: яная, государь, кон предъ нею стовтъ день и ночь, и та государь неси адесатеро враше.» И поутру вставъ Еруслоуъ Лазаревичъ рапо, и дастъ жонѣ своей царевнѣ Настасіѣ Вареолюмѣевнѣ каменъ самоцѣтной, и зговорить ей: »Милая моя царевна Настасія! И толко ты родишь сына, и ты ему адѣлай въ порстепь; а толко родишь дочьр, дай въ приданое.» А самъ пошелъ къ царю въ палату, и учалъ съ нимъ пити пити, и веселитися; и какъ будутъ оба на веселіе, и Еруслоуъ вставъ изъ-за стола, образу Божию поклоняетца, и царю бьетъ челомъ, и съ женою простился; и сѣлъ на свой добрый конь, и поѣхалъ къ дѣвичью царству, къ солнышному граду, видѣти прекрасную царевну Понарїю. И ѣхалъ Еруслоуъ полгода времени, и доѣхалъ до дѣвичья царства, до солнышнаго града, и въѣхалъ во градъ, слѣзъ своего добраго коня, и пошелъ къ царевнѣ въ полату. И узрѣла царевна такова воиня, и возрадовалась, и учала ему бити челомъ: »Государь Еруслоуъ Лазаревичъ! Владѣй ты моимъ царствомъ и людьми; и вся казна, и добрыя люди, и кони, и я сама предъ тобою; а воинскихъ людей у меня 7(000), и черныхъ людей 300,000: владѣй.» Еруслоуъ Лазаревичъ смотрячи на красоту ея, съ умомъ сѣтшался, и забылъ свой первый бракъ; и взялъ ея за руку за правую, и цѣловалъ ея во уста сахарныя, и прижималъ ея къ сердцу ретивому, и назвалъ ея женою, а она его мужемъ назвала; и учали себѣ жити, а царь-

ствою владѣти. А Настасія Варюломѣвна безъ него родила сына, и нарече во святомъ крещеніи имя ему Илья, а прозвище Еруслоуъ Еруслоновичъ: глаза у него какъ биты чаши, а лицемъ румяны, а собою ростъ. И живеть Настасія Варюломѣвна безъ Еруслоуа пять лѣтъ, но вся дни лице свое умывастъ слезами, ждучи своего мужа Еруслоуа Лазаревича; и какъ будетъ Еруслоуъ Еруслоновичъ пяти лѣтъ на шестомъ, и учалъ ходитъ во дворъ къ дѣдушку своему царю Варюломѣю, и учалъ шутить шутки съ князюночкими дѣтками и боярскими, и съ гостивыми: кого хватитъ за руку — у того рука прочь, кого хватитъ за голову — и голова прочь; и ту граждана не залюбили. Еруслоуъ Еруслоновичъ узвалъ, что его граждана не возлюбилъ, и пришель къ матери своей Настасіи Варюломѣвнѣ и учалъ говорить: »Государыни, матушка Настасія Варюломѣвна! Куды поѣхалъ государь мой батюшко?« И зговоритъ Настасія: »Дитятко мое милое, Еруслоуъ Еруслоновичъ! поѣхалъ твой батюшко къ дѣвичью царству, къ солнышному граду.« Еруслоуъ сѣдаль своего добраго коня и поѣхалъ отца своего искать. И какъ будетъ Еруслоуъ Еруслоновичъ подъ царствомъ дѣвичнимъ, и скрычитъ громко голосомъ; и отецъ его Еру(слоуъ) съ постели спрынулъ, и зговоритъ: »Милая моя Понарія царица! Не бывали ли кто врозь сего подъ симъ царствомъ, и не сватывался ли кто къ тебѣ?« И говоритъ ему Понарія царица: »Государь Еруслоуъ Лазаревичъ! Не бывалъ никто врозь тебя.« И зговоритъ Еруслоуъ: »Слышу язъ, что есть подъ номъ царствомъ богатырь; и я поѣду, убью его.« И выѣхалъ Еруслоуъ въ чистое поле. Какъ сѣзжаютца два сильные богатыри — Еруслоуъ Лазаревичъ ударилъ сына своего противъ сердца ретиваго, и мало его изъ сѣдла вонъ не вышибъ; и Еруслоуъ Еруслоновичъ ударилъ отца своего противъ сердца ретиваго и ухватилъ Еруслоуъ Еруслоновичъ копьемъ правою у отца своего, и возсіалъ на рукѣ перстенъ, а въ перстни камень самоцѣтной. И увидалъ Еруслоуъ Лазаревичъ у сына своего златъ перстенъ, а

въ перстни (камень) самоцѣтной, и учалъ спрашивать сына своего: »Чье дѣтище молодое, и откуда ѣдишь, и какова отца сынъ, и какъ тебя зовутъ по имени?« И зговоритъ сынъ его: »Государь храбрый воинъ! Язъ ѣду отъ града Дербіа, отъ царя Варюломѣя, а отецъ у меня былъ Еруслоуъ Лазаревичъ, а мати Настасія Варюломѣвна, а отца своего въ лице не знаю; а поѣхалъ отъ матери своей гулять къ дѣвичью царству.« И Еруслоуъ Лазаревичъ бралъ его за руку за правую, и цѣловалъ его во уста сахарныя, а называлъ его сыномъ; и сядилъ онъ на свои добрыя кони, и поѣхали во Дербію граду, къ Варюломѣву царству, и (у)чалъ Еруслоуъ сына своего спрашивать о отцѣ своемъ царѣ Варюломѣѣ о адрани, и о матери его, а объ своей женѣ, и о царствѣ, и о людѣхъ: не прихаживалъ ли кто безъ меня подъ наше царство, и не побивалъ ли кто людей въ царствѣ нашемъ? Я бы ему влилъ кровь поротиво (?) крови. И говоритъ ему сынъ его Еруслоуъ Еруслоновичъ: »Государь мой батюшко, Еруслоуъ Лазаревичъ! Дѣдушко при старостѣ не можетъ, а мати моя въ печалѣхъ велико, что тебя къ себѣ дожидатся не можетъ: а подъ царствомъ нашимъ не бывалъ никто.« И ѣхалъ, ѣхалъ Еруслоуъ полгода времени, и прѣѣхалъ подъ царство Дербію-градъ, ажко во градъ плачь и стѣнованіе великое: престався у нихъ царь Варюломѣй. И выѣхали они во градъ Дербію; граждана того града ихъ опознали, что ѣдетъ Еруслоуъ и (съ) сыномъ своимъ Еруслономъ Еруслоновичемъ, и людѣ Дербіа града поклонились: »Многолѣтнее здравіе государю Еруслоуу Лазаревичю и (съ) сыномъ своимъ Еруслономъ Еруслоновичемъ! Здравствуй, Государь на Дербі(ѣ) принялъ (прими?) вѣнецъ царскій, и порфиру царскую, и градъ Дербіа, и орду сію, и мы о тебѣ станемъ радоматися, а царя Варю(ломѣя) поминати.« И выѣхалъ Еруслоуъ на дворъ свой, и выскочила противъ его стрѣчати прекрасная царица Настасія Варюломѣвна, и низко мужу своему поклоняетца Еруслоуу Лазаревичю, и говоритъ таково слово: »Солнце мое равниткоо! Откуда

взошло и меня обогрѣю? Отколѣ мнѣ свѣтъ освѣтитъ,
и отколѣ зоря возсіица? И обняла его, и взяла за ру-
ку, и цѣловала его во уста сахарныя, и прижимала
его къ своему сердцу ротивому, и повила его въ

хорошы царскія, и всѣ князи, и боляра, и гости
торговые, и черныя люди Еруслоуу возрадовались.
Еруслоуу слава не мнуетца отнынѣ и до вѣка.
Аминь.

СКАЗКА
О ЦАРѢ ДАРИАНѢ.

1888

ALINA CRAIG

СКАЗКА

О ЦАРѢ ДАРИАНѢ.

(Изъ сборн. принадле. О. П. Булакову.)

ПОБѢДА ДАРИАНА О ЦАРѢ ДАРИАНѢ. УЖЕ ПОЛВЗНО.

Во времена нѣкая бѣ нѣки царь Даріанъ дремъни, і нѣкогда же приде ему во умъ отшествія разума гордости ради, но дьяволу дѣйству, назватися Богомъ. Сущиѣмъ подъ нимъ всему сигланту своему і повелѣтъ проповѣдати всѣмъ, да прозовуть его Богомъ. Граждане же рѣша ему: «заще возмеша горні Іерусалимъ, идѣже истинны Богъ, сотвориши небо і землю і вся яже на нихъ, тогда прозоветъ тя Богомъ весь миръ; аще ли ни, то не подобаетъ ти зватися Богомъ; понеже бо еси царь земли і создаеши Божие; единъ Богъ сотвориши небо и землю, ты же ако і протчи чело-вѣкъ....» Царь же простре свое безумно; презыде на горшая, собрався в силе тяждей в шедъ поплѣни Іеру-салимъ, и многихъ плѣнниковъ приведе в землю свою; і потоу пакы рече гражданамъ своимъ, с великимъ пре-щениемъ в яростно, да зовуть его Богомъ: понеже плѣ-нилъ естъ Іерусалимъ, і вся подъ рукою моею; аще не зовете мя Богомъ, да смерть предлежитъ вамъ. Ца-рева же ради прещенія, граждане убояшася і прозваша его Богомъ. Имѣяше царь той у себя трехъ филосо-фовъ, весьма премудрыхъ, і учителя всѣмъ сущиѣмъ в земли той. Призва же ихъ царь і рече имъ поединому; первому рече: «о, мудры философе! зови мя Богомъ! Бу-ди ты повинуюся мнѣ, яко Богу.» Рече ему философъ:

«азъ бо, царю, во Аеніѣхъ не бываѣтъ и мудрости не навыхоу, но видѣлъ естъ отъ Божественнаго писанія, яко бози не сотвориша небеси і земли, погибнуть; Да-видъ же рече в тридесять третьемъ псалмѣ: зочи Го-сподни на праведныи, і уши ево в молитву ихъ; лице же Господне на творящя злое, еже погребитъ от зем-ли память ихъ.» Тако же і ты, царю, не точию царство, но и живущихъ в немъ; а вознесши імя свое до не-босъ, погребется і память твоя с шумомъ і до ада сидеть.» Слышавъ же царь то, і поругавъ бысть от него, и рече другому философу: «премудры философе! буди ты мнѣ присны друкъ(гъ), зови мя Богомъ, а не такоу яко же друкъ(гъ) твой поругася мнѣ. І рече философъ: азъ бо не вопроки тебѣ, царю, гла-голю; аще зовешися Богомъ — отъиди далече от своего царства на мѣсто пусто, яко никому ты видящу, и зри же вся во царствіи своемъ — благое же и злое, і воз-давай комуждо по дѣломъ его; яко Богъ на небеси ви-димъ же видимъ естъ, а яко же (вѣсть) дѣла, і словеса, и помышления, и никто же можетъ укрытися десницею ево; ты же, царю, разумѣй, яко же Давидъ рече: небо небеса Господни, землю же дастъ сыновомъ челоуѣ-чскимъ; ты же сынъ челоуѣчь, а не Богъ; единъ бо естъ Богъ на небеси и на земли.» Видѣвъ же царь яко

поруганъ бысть і от другога философа, наче перваго, рече же царь третьему философу: во премудры философе і звѣдობлюстителю! вѣмъ бо ты таковога інаго вѣсть премудра, яко же ты; они бо суть, друзи твои, злѣ малюнии і досадители; ты же не буди таковъ: прозови мя Богомъ; вѣмъ бо яко послушасть ты вся земля! »Философъ же той на много чась преклонивъ главу свою долу і слезы точяше от очию своєю, яко быстрина, о погибели царствъ. І рече ему царь: »что убо горце плачеша и что ти есть бѣда? о мудры философе! азъ ти помогу, яко азъ есть Богъ!« Рече ему философъ: »право ти глаголю, царю! имамъ корабль полонъ со вѣннємъ разбииваетъ (енъ) волнами при край моря і не имамъ пожагающаго мя.« Рече же ему царь: »пошлю множество народа, і спасенъ будетъ корабль твой, і во будетъ тебѣ печалю, токмо зови мя Богомъ.« Философъ же рече ему: »маже ли еси ты Богъ, почто людемъ труды дѣши, но вошли вѣтръ тихъ — да послушасть ты море, і спасенъ будетъ корабль мой.« Видѣвъ же царь, яко поруганъ бысть от послѣдняго, наче первыхъ, і отъиде плачещя

и рыдая в неразуми своемъ. Видѣвши же ево царица в велицей печали і глагола ему ласкательными словесы, яко же лѣно есть жеванъ, і рече ему: »Господине мой царю! Что ти есть бѣда, да тако рыдасши?« Она же рече еі все бывшее порядку, яко же поругашася ему философю. Она же рече ему: »не поругашася тебѣ, но истину глаголаша; аще ли хоцещи назватися Богомъ, отдай чюжее; Богъ бо чюжого не требуетъ; Господня бо земля и концы ея.« Царь же рече ей: »азъ не имѣю ничто же чюжого; все бо мое есть во царствѣ моемъ.« Царица же рече ему: »отдай душу свою Господу Богу, еже ти далъ небосы царь і тогда зовися Богомъ.« Она же рече еі: »да како могу зватися Богомъ, уже ли мертву сущу?« она же рече ему: »Богъ бо есть безсмертенъ; ты же аще не владѣши своєю душою, да како чюжии души владѣти имаша? Но царь еси, а не Богъ, і все вѣдѣши!« Слышавъ же царь от царицы такая словеса і приде в чювство, яко же і верѣе былъ. Богу нашему слава нынѣ и присно, і во вѣки вѣковъ аминь.

ПОВѢСТЬ
О ДМИТРИИ КІЕВСКОМЪ КУПЦѢ
И ЕГО СЫНѢ.

FORBIDDEN

0 WINTHROP MEMORIAL LIBRARY

1110 077 11

ПОВѢСТЬ

О ДМИТРІИ КІЕВСКОМЪ КУПЦѢ И ЕГО СЫНѢ.

СЛОВО О ДМИТРІИ КУПЦѢ, ВОЗОМОЛЪ ПО ГРѢХАХЪ БАСАРГѢ, ВЪЗВРАЩЕНІИ, И О МУДРОМЪ И О БЛАГО-
РАЗУМНОМЪ СЫНѢ ЕГО ОТРОЧАТИ ДОБРОМУДРОМЪ СЛЫСАЕ. БЛАГСЛОВЕН ОТЧЪ.

(Руландъ, Музи № 578.)

Бысть иже купецъ богатъ зѣло въ русской земли во градѣ Кіевѣ, именованъ зовомъ Дмитрии Басарга. Ему же ижегда прилучися отплыти отъ славнаго Царяграда, и бысть съ нимъ рабовъ тридцать, и взя съ собою единочадаго сына своего, возрастомъ седми лѣтъ. Плывущу же ему по морю, и внезапно восташа вѣтри велицыи и понесоша корабль по морю, и отбиша вся праваяси корабельная, и пошашеся корабль на морѣ 30 дней и 30 ночей. Купецъ же Дмитрей, воздѣвъ рудъ на небо и нача молитися Богу, испусти слезными потоки немалыи и съ дѣтищемъ своимъ, и со отроки своимъ, и внезапно узрѣша издалеча градъ великъ. И возрадоса купецъ радостію великою, и обратиша корабль ко граду тому, и присташа ко брегу пристанища градскаго, и видѣша у пристанища того триста и тридцать кораблей стояще, и удивишася. Дмитрій же купецъ рече: «Что сіа корабли, безчисленно много стояще? Мню, яко земля богата стояща (?) ость и купцы въ немъ торгуютъ.» И сниде съ корабля купецъ Дмитрей, и поиде во градъ, и стрѣтоша его граждане и рокоша ему: «Откуда еси, купче, приде? коя еси вѣры?» И купецъ тако рече: «Азъ есмь, господино, изъ рускіа страны, вѣрую во единого Бога Отца и Сына, и Святаго Духа. И рокоша ему граждане: «Обрато купче!

единою еси вѣры съ нами рускіа: только за ваше согрѣшное послалъ намъ Богъ царя законопреступника еллинскіа вѣры, и томить насъ: хочотъ пришещи къ своей вѣрѣ. Видиши ли, купче, приходятъ купцы со всѣхъ странъ, хотяще торговати на семъ царствѣ, и царь имъ велитъ три загадки отгадати, и не могуции тѣмъ загадокъ никому отгадати, а со ихъ приводячи къ своей вѣрѣ, и сихъ ради словесъ 300 и 30 кораблей; и тѣ купцы сидятъ въ томницѣ, и заповѣдываетъ царь: не велитъ хлѣба печи на торгъ, дабы голодомъ изморятъ.» Купецъ же Дмитрии, слышавъ тако отъ гражданъ, и возвратися скоро на корабль свой, хоташе отплыти отъ града; и приде на корабль свой, ано стоятъ на кораблѣ стражи цареви, занеже законъ такоу царевъ: каковъ придетъ корабль, и царь повелитъ страженъ своимъ стрещи корабль, дабы не ушелъ прочь. Купецъ же Дмитрии взя дары великіа и поиде ко царю; а царю тому имя Песноанъ Гордлевичъ. И приде купецъ Дмитрии, и ста предъ царемъ; и рече купецъ ко царю: «Государь царь Песноанъ Гордлевичъ! купчинско пришло изъ рускіа страны, чтобы ты государь дары приналъ, а торговати велѣлъ во своемъ царствѣ всякниъ товаромъ.» И рече царь купцу: «Буди, купче, обѣдати ко мнѣ, а дары у тебя прииму.» И по време-

ни жъ купецъ приде обѣдати ко царю, и якоже по-
 обѣде у царя, и рече царь купцу: »Купчо, коея еси
 вѣры?« И купецъ рече ко царю: »азъ есмь, царю, вѣ-
 ры рускія, вѣрую во единого Бога Отца, и Сына, и Свя-
 таго Духа.« И рече царь купцу: »азъ чалгъ, купчо,
 единое еси со мною вѣры и единого Бога Аполова, и
 азъ тебѣ, купчо, хотѣлъ области дати, и торговати ве-
 лѣлъ во своємъ царствѣ всякниъ товаромъ, и съ про-
 водники отпустити ты хотѣлъ во твою землю; а ныне-
 чи сказываешь про себя — не моея еси вѣры, но ру-
 скія; выиѣ жъ вѣдомо ти буди, купчо: отгадай ми, куп-
 чо, загадку, что азъ тебѣ загоную; аще ли ты отгадаешь,
 и азъ тебѣ другую загоную; аще ли другую отгадаешь,
 и азъ тебѣ третью загоную; аще ли третью отгада-
 ешь, и азъ тебѣ веую торговати во своємъ царствѣ
 всякниъ товаромъ, и съ дары, и съ проводники отпу-
 стити ты иманъ во твою землю. Аще ли не отгадаешь
 ни единыя загадки, и ты пакы пребывай въ моея вѣрѣ,
 и азъ тебѣ воздамъ великую честь, и торговати веую
 всякниъ товаромъ, и съ дары и съ проводники отпу-
 стити ты иманъ въ твою землю. Аще ли загадокъ мо-
 ихъ не отгадаешь, и въ вѣрѣ моея не пребываешь,
 вѣдомо жъ ти буди, купчо, то позволю главу твою не-
 чешъ усѣкнута, а товаръ твой веую въ казну къ се-
 бѣ взяти.« Купецъ же Дмитрей сталъ на долгъ часть,
 пониче лиценъ на землю, не ниѣа что царю отвѣща-
 ти; и рече купецъ: »яко годо, царю, твоея державѣ,
 тако и будетъ. Дай ми, царю, сроку на три дни помы-
 слити: въ четвертый день прииду къ тебѣ да отгадаю
 загадку твою.« И царь ему даде сроку на три дни. И
 приде купецъ Дмитрей на корабль свой плачущи и
 рыдающи, чая отъ царя смерти; а сынъ его играетъ
 на кораблѣ на дровцѣхъ вѣдающе, рукою за конецъ дер-
 житъ, а другою плеткою побивающъ, творящеса яко на
 волѣхъ скакаше, якожъ дѣтомъ подобасть тако игры тво-
 рити. И видѣ отца своего плачуща велии и изнемо-
 гающа, и абие дѣтище отложи игру свою, и скоро при-
 текъ ко отцу своему; и рече дѣтище отцу своему: »Что
 ты вижу, отче, печална велии и изнемогающа? кое зло

прилучиса на семъ царствѣ на тѣ?« И рече отецъ къ
 сыну своему: »Чудо мое поломанное! играешн подѣтски,
 а отцовы печали не вѣдаешь! Не вѣси ли, чудо мое,
 что ми царь отвѣща смертный часть, а отвѣту не иманъ,
 не вѣмъ какъ пособити.« И рече дѣтище отцу своему:
 »Отче! скажи ми, что ты царь извѣщаль и какую рѣчь,
 и азъ помогу ти.« И рече отецъ къ сыну своему, воз-
 дохнувъ изъ глубины сердца своего: »Тебѣ ли помочи
 ниѣ, отцу своему, а ты млада отроча? Азъ и свершешъ
 мужъ, смысла не знаю, что царю отвѣщати; а ты ли
 хочеши что смцслити?« И рече дѣтище отцу своему:
 »Отче, скажи ми, что тебѣ царь извѣщаль, какую рѣчь
 повѣдалъ тебѣ, и азъ помогу ти. Вѣдомо жъ ти буди,
 отче: конь на рати познаваеся, а малый другъ у бѣ-
 ды. Отче! скажи ми, что тебѣ царь извѣщаль? И рече
 скажи ми, младому отрочати; аще ли не скажешь ниѣ,
 то самъ отъ царя смерть примешь, а меня погубиши.
 Слышавъ же отецъ отъ сына своего такую мудрую рѣчь:
 се, сыну, то печаль и рыданіе иманъ: царь ниѣ велѣлъ
 у себя три загадки отгадати и смцхъ ради трехъ загадокъ
 300 и 30 купцевъ въ темцахъ терпятъ наготу и
 скорбь, и жажду, имени ради Христова, и заповѣдываетъ
 царь: не велитъ хлѣба печи на торгъ, дабы гладомъ
 измерли; азъ же страха ради царева изалъ на три дни
 строку, а въ четвертый день хашетъ царь главу мою
 мечемъ усѣкнута, а товаръ мой на себя взяти.« И ро-
 че сынъ отцу своему: »прости ми, отче, предъ собою
 глаголати, безумныхъ людей рыданіе твое, хочеши
 одинъ печаль свою утанти, а ниѣ, младому своему
 отрочати и возлюбленному сыну своему, не повѣдаешь!
 Азъ, отче мой, помогу ти, возвращи на Господа печаль
 свою, и той ты препитаешь; молися Богу; азъ загадки
 отгадаю за тѣс. И взавъ игру свою, и начатъ играти;
 оточъ же отъ сына своего малу утѣху принѣтъ, и рече
 въ себя: »сынъ моя гѣшитъ, а что ему сверта мла-
 дому отрочати?« И плакася всю ту три дни, и уже сав-
 тающу четвертому дню, и призвавъ купецъ сына свое-
 го, и рече къ нему: »Се, сыне, тотъ день пришалъ,
 коего еси просилъ у царя; что миѣ велишь предъ ца-

решъ глаголати? И рече сынъ отцу своему: »Поидеть, отче, предъ цара и возмемъ съ собою единого раба; воля Господня да будетъ, якожъ ему годе бысть, тако и будетъ! Буди имя Господне благословено отнынѣ и до вѣка! Отецъ же дивися разумному отвѣту сына своего и помышляше собѣ: »Господи! что се будетъ? И вонде купецъ Дмитрій ко царю съ сыномъ своимъ и съ рабомъ, и ста предъ царемъ. И рече царь купцу: »се, купче, тотъ день, коего еси просилъ; отгадывай загадки мои! И рече сынъ купцовъ: »Дай ми, царю, вспать; азъ загадку отгадаю.« И рече царь дѣтищу: »Не подобаетъ тебѣ отгадывать; азъ купцу тому отгадываю.« И рече дѣтище: »Азъ сего купца сынъ есмь престолюбивый, азъ за отца своего загадки отгадываю.« Царь же нальавъ чашу алату меду и дастъ дѣтищу, дѣтище жъ дастъ отцу своему; отецъ же, вспивъ, хотя чашу отдать царю. И рече дѣтище отцу своему: »не отдавай, отче, чашу, но скрый ю въ вѣдра своя, занежъ царско даваніе не отходитъ вспать.« Отецъ же послуша сына своего, скрывъ чашу въ вѣдра своя. Царь же нальа другую чашу алатую и дастъ дѣтищу. Дѣтище жъ, вспивъ чашу такожъ и скрывъ, въ вѣдра своя, такожъ и рабу повелѣи скрйти. И рече царь: »тебѣ глаголю, дѣтище, загадку мою: много ли тово или мало отъ востоку и до западу, скажи ми? И глагола дѣтище: »загадку твою отгадаю: тово, царю, ни мало, ни много — день съ ноцію: сонце проидеть въ кругъ небесный и отъ востоку и до западу единымъ днемъ, а ноцію единою сонце проидеть отъ сѣвера до юга; то тебѣ, царю, моя отгадка.« Удивижеса царь разумному отвѣту его, что ему добре отвѣчалъ, разумъ отвѣчалъ; и царь, нальавъ чашу алату меду, и дастъ купцу и сыну его, такожъ и рабу. Дѣтище жъ повелѣи и тѣ чашу скрйти въ вѣдра своя, и рече: »царско даваніе не ходитъ вспать.« И рече царь дѣтищу: »другую ми загадку во утрешній день отгадай, а выиѣ повеселимся.« Почестивъ же царь купца и сына его, и раба, и отпусти ихъ. На утрій день повелѣи царь собрати впааты, и тироны, и князи, и бояре, и граждане на предивное чудо, что седни лѣтъ

дѣтище царевы загадки отгадывають. Царь же, сѣда за столонъ среди двора своего на престолѣ царскомъ, и приде купецъ съ сыномъ и съ рабомъ, и ставши предъ царемъ, и поклонистася всѣ три равно до земли. И рече имъ царь: »младый отрокъ, а разумонъ старъ и смысленъ! отгони ми сего дни другую загадку: что днесь десятая часть въ міру убываетъ, а ноцію десятая часть въ мірѣ прибываетъ? И рече дѣтище ко царю: »государь царь! младыхъ отроковъ твоихъ загадки, а силъ ради словесъ твоихъ 300 и 30 кунцовъ сѣдятъ въ темницѣ у тебя! То царю днесь десятая часть сонцевъ воды усыхаетъ изъ моря, изъ рѣкъ, изъ озеръ, а ноцію десятая часть въ мірѣ прибываетъ, ино та часть воды исполняется, занеже сонцу зашедшу и не сіающу; то тебѣ царю моя другая отгадка. »Движесе царь тому разумному отвѣту, что ему разумно отгадалъ. И рече царь: »млады отрокъ, а разумонъ смысленъ! отгадай ми сего дни и третьюю загадку, чтобы ся изъ, поганой, не сѣялся вамъ, христіаномъ.« И рече дѣтище ко царю: »не отгадаю, царю, потому что мало у тебя людей, не передъ кѣмъ ниѣ сказати; дай миѣ, царю, сроку на пять дней, а въ шестый день повели проповѣдникомъ кликати по всѣмъ торгомъ, дабы шли на царевъ дворъ: впааты, и тироны, и князи, и бояре, и всякіе люди мужи, и жены, и дѣвцы, а вамъ гражданомъ добро будетъ.« И царь ему дасть сроку на пять дней и въ шестый день повелѣи проповѣдникомъ кликати по всѣмъ торгомъ, и сидесе весь градъ на царевъ дворъ. Царь же, сѣда на престолѣ своемъ среди двора своего, держа въ рукѣ своей жезлъ, а въ другой мечъ, хотя главу отсѣщи купцу, и сыну его, и рабу. И приде купецъ съ сыномъ своимъ и рабомъ на царевъ дворъ и сташа у престола царскаго, и поклонистася царю всѣ три равно до земли. И рече царь: »младый отрокъ, а разумонъ смысленъ! отгадай ми сего дни третьюю загадку, чтобы ся, поганый, не сѣялся вамъ христіаномъ.« И рече дѣтище ко царю: »эты, царю, велики еси, сѣдши на престолѣ своемъ высоцѣ, а азъ есмь отрокъ младъ, стою у престола твоего,

и азъ тебѣ скажу, и ты молвишь не дослышалъ, и ты, царю, сяди со престола своего, да пусти мя, и азъ стану на престолъ твоенъ, и дай ми одѣваніе свое и жезлъ, и мечъ своиа рукама, и азъ тебѣ отгадаю. Царь же, слышавъ отъ отрока, и ста во изступленіи ума своего, и одѣвоуша кости его, и сосупи со престола своего, и пусти дѣтище на престолъ, и дасть ему одѣваніе свое царское съ себя, и дасть ему жезлъ и мечъ своиа рукама: а рече въ себѣ царь: азъ его тѣшу, а что ему съѣсть, младому отрочати? А не вѣдаеть, яко Богъ даетъ власть комуждо хоцетъ. И дѣтище предлагала и бысть голка велика на дворѣ томъ, хотяще чюдо видѣти, что будетъ. И рече дѣтище ко царю: «повели молчати во дворѣ томъ народомъ?» И повелъ царь молчати, и бысть тишина вели. И возопи въ отрочѣ великимъ гласомъ: «знаты, и тироны, и князи, и бояре, и вси людие граждано, мужіе, и жены, и дѣвцы! въ котораго Бога хоцете вѣровати?» И возопиша вси людие единымъ гласомъ: «хотимъ вѣровати во святую Троицу: Отца и Сына, и святого Духа; помози намъ!» Дѣтище жъ изволеъ мечъ свой и отсѣче главу царя, и рече ему: «се ти моя третья отгадка, не сибѣса, вогадой, намъ христіаномъ.» И бысть голка велика во дворѣ томъ. И рече дѣтище: «повелите молчати народомъ.» И бысть тишина велиа и молчаніе велико во дворѣ томъ. И рече дѣтище: «знаты, и тироны, и князи, и бояре, и вси людие, мужіе, и жены, и дѣвцы! кого хоцете, того себѣ и царемъ поставите.» И возопиша вси людие единымъ гласомъ, глаголюще: «ты насъ избавилъ отъ лукаваго сего мучителя, ты у насъ и царемъ буди.» И рече дѣтище: «коли есте произваили мнѣ надъ собою царемъ быти, но вашинъ произволеніемъ, во Божинъ промыслѣмъ строеніемъ все збыстся; аще Богъ по насъ, кто на мы? и десница твоя, Господи, прославися въ крѣпости, досаая ти рука сокруши, Господи, враги; аще сего гонителя по сему младому отрочати съгонити, то како мочно зрѣти на таковое величество и гордость, аще бы сего Господь не предалъ мнѣ? — Царь бо именуемъ есть и все

царство покоренно ему есть. Пми жъ Господь продалъ его въ рудѣ наша, возвеличимъ Господа и прославимъ милосердію его, давшего намъ побѣду на враги наша, избавилъ есть Господь отца моего и мене, единочадаго сына и возлюбленнаго отцу моему, и рабъ нашихъ отъ лютаго сего мучителя и горкіа смерти, и насъ милостию своею Господь посѣти, не отторгъ сущія вѣры христіанскія, но всѣмъ намъ подобаеть славити святую Троицу, Отца, и Сына, и Святаго Духа. И возкликнуша вси единымъ гласомъ, и съ великою радостию; а вниа отъ радости слезы испустиша великіа: во милосердію владычнѣ! много лѣтъ государѣ нашъ новыи, царю Борзосмыслу! И дивишася вси великой его мудрости и владычнѣ. И рече новыи царь Борзосмыслъ: «взыщите патриарха. Онъ жъ ему рѣша: «государь нашъ, новыи царю! патриархъ нашъ и учитель гонимъ бысть злымъ вашинъ мучителемъ, богоотступникомъ царемъ, въ заточеніи.» И повелъ царь вскорѣ изъ заточенія патриарха выпустити, да благословится отъ него царство и приметь свой престолъ, якожъ и первіе, и начнетъ людие учяти закону Божию и по заповѣдямъ Божиимъ ходити. И бысть радость велиа во царствѣ томъ, и дивишася вси разуму и словеси его. Онъ же съ радостию, князи, и бояре, и воеводы, послаша множество посланниковъ; и взыскаша патриарха: въ заключеніи, и сказаша все по раду патриарху, яко содѣшася во царствѣ томъ, и какъ по него послалъ новыи царь Борзосмыслъ. Патриархъ же, слышавъ то, прослезися, и рудѣ воздѣвъ на небо, и рече: «во владыко, что воздамъ милосердію твоему, яко вамъ даровалъ еси, въ послѣдняя лѣта наша? не предалъ еси насъ въ рудѣ беззаконному царю, и избавилъ еси царство и людие отъ горкаго сего мучителя!» И понде патриархъ съ радостию великою съ посланникы въ царству, и возвѣстиша царю приходъ патриаршій. Царь же повелъ всему царству стрѣтати патриарха съ великою честию, со кресты и со иконами, и со священникы, и клиросы, и со впаты, и съ тироны, и съ князи, и съ бояры, мужи и жены, стари и велицы, и

вси стрѣтоша патриарха, и не обрѣста такова челоуѣка, еже не плачущася, но вси плачущеся отъ радости великія. Патриархъ же поклонися новому царю Борзосмыслу: любѣ повелѣтъ Господь царствовать. И поклонися предъ нимъ, и весь градъ слезами исполнися отъ великія радости: много лѣтъ государю нашему новому царю Борзосмыслу! Тебя послалъ Господь избавити насъ и градъ нашъ отъ горькаго сего мучителя! И двинся патриархъ возрасту въ смыслу его, и вниде патриархъ въ церковь, и сотвори молитву, якоже подобаетъ патриархомъ, и постави на немъ рогъ масла дровяного, и вознепѣ на немъ рогъ, и благослови его патриархъ на царство. И людѣ вси возкликнуша, отъ нана и до волка: много лѣтъ государю нашему, новому царю, Богомъ вѣнчанному, Борзосмыслу Дмитріевичю! Царь же сотвори въ тотъ день миршество велию, и возва патриарха, и все множество людей, и паты, и тироны, и князи, и бояра. И повелѣ царь привести царицу прежняго цара, и рече ей царь: жость ли у тебя сынъ или дочь? И рече царица: жѣсть у меня сына, лише, о царю, дочь осни лѣтъ, красна и мудра велика. И рече ей царь: въ котораго Бога хочете вѣрвати? И рече ему царица: дай ми, царю, на семь дней сроку, во осмый же день прииду къ тебѣ и скажу тебѣ. Царь же даде ей на семь дней сроку. И прииде во осмый день царица и со дщерію своею. И рече царица: хочу вѣрвати Богу твоему. Царь же повелѣ патриарху, крестити царицу и со дщерію ея. И вскорѣ вѣнчася царь съ тою дѣвницею, и бысть радость паче во царствіи томъ велиа; и повелѣ царь привести купцовъ тѣхъ изъ темницъ. И приведеннымъ же имъ бывшимъ предъ царя, и зря на нихъ царь, и удивися: быша убо лица ихъ аки земля, тѣло же ихъ пришло къ костемъ ихъ, власы ихъ обростоша, до раму браны ихъ, яко стрѣлы по персемъ лежаща, отъ гладу и отъ ваготы, и ризы ихъ распадошася. И восплакася царь, на нихъ смотрячи, и учреди ихъ царь у себя по 3 дни, и раздавъ имъ вѣнчя ихъ, и отпусти ихъ каждо во свою страну съ миромъ. Купцы же пондоша каждо

во свои страны, славяще Бога и его пречистую Богоматерь и моляще Бога за царя Добросмысла Дмитріевича. Повелѣ же царь отъ темницъ заныкъ снать отъ всѣхъ, а сѣдающая въ темницяхъ и въ заточениихъ, и во узакъ желѣзныхъ, повелѣ царь всѣхъ свободити и милостину имъ даде доволну, и свободи всѣхъ. И рече царь отцу своему Дмитрію: жотче мой и мнѣ! избавилъ насъ Богъ и пречистая его Богомати отъ напрасныя смерти: возпримемъ, отче мой, умиленіе и слезы о избавленіи душъ нашихъ въ день страшнаго судища Христова, яко да избавитъ насъ Господь геомы огненныя, и возпримимъ во царствіи моемъ боярство, и поболм доволно о мирѣ всего міра, и о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей, чтобы намъ Господь подалъ свыше побѣду на вся видимыя и невидимыя враги наша супротивныя, и возвысилъ бы Господь десницу нашу надъ бусурманымъ. И разославъ царь гонцы во всѣ окрестныя царства съ листы, чтобы въ его царство со всѣхъ странъ и изъ всѣхъ государствъ вѣхали кунцы на караблехъ со всякими товарами да торгуютъ въ его царствѣ безо всякія пакости и пресолювія всякими своими товарами. И отпусти отца своего во свою землю, и розказавъ жонѣ своей и сродникамъ о избавленіи смерти своей и сына своего, а вса бывшая по ряду, и какъ сынъ ихъ Добросмыслъ Дмитріевичъ царство править. Мати жъ его, слышавъ сія, наполнися радостію великою, и собра весь родъ свой, и понде во царство сына своего Добросмысла Дмитріевича, славящи Бога и пречистую его Богоматерь. И приде отецъ царевъ Добросмысловъ Дмитрій Басарга въ царство сына своего, и ста на пристанищѣ морстемъ; и гражане сказаша царю Добросмыслу, что приде отецъ его, и мати, и сродники ко граду, и ста на пристанищѣ морстемъ. Царь же обрадовася отцову приходу, и матери своей, и сродникамъ, и учини имъ стрѣчю съ великою честію; самъ же царь Добросмыслъ встрѣте отца своего и матеръ, и сродникъ, у полатъ своихъ во дворѣ царскомъ, и бысть радость велиа и бракъ честенъ. И начаша же купцы многіа во царство

его приходить на кораблехъ со многими товарами, и вся суть учинишася во царствѣ его довольно, и обогатѣ царство его велики многими узорочьми и дорогими, и латомъ, и сребромъ, и жемчюгомъ, и каменіемъ многоцѣннымъ довольно. И нача царь Добросмыслъ царство свое правити во благоденствіи, и въ тишинѣ, и

во всякомъ исправленіи, безо всякаго матажа; бысть же царства его 67 лѣтъ и 5 мѣсяцъ. И по преставленіи своемъ приказа царство свое правити брату своему Кирьяку Дмитріевичю, а старѣйшинство приказа дядѣ своему Василью Кудрявону. Слава сооршителю Богу. Аминь.

ВАРИАНТЪ ВТОРОЙ.

СЛОВО О ДМИТРИИ КУПЦЕ ГРАДА КИЕВА, ПРОЗЕВАННЫМЪ БАСАРГА И О МУДРЫХЪ СЛОВЕСЬСВХЪ СЫНА ЕГО.

(Импери. Публич. Библиот. № 1172.)

Бысть иже купецъ именомъ Дмитрей богатъ живя в руской земли в градѣ Киевѣ. Пѣкогда прилучися ему отплыти от славнаго града Кіева и взавъ с собою одного чада, сына своего, возрастомъ седни лѣтъ; и плывущу ему по морю, и воста буря велика, и вѣтеръ великъ, и волнения, и абие пошатоса корабль по морю на великихъ тридосатъ двѣ. Купецъ же Дмитрей уарѣ нада- лѣча градъ и возрадовася радостію великою, обративше корабль ко граду тому, пристахомъ и видѣхомъ у града того 300 кораблей и плавающю в приставницѣ. Удивися Дмитрей купецъ и рече: «что сїи корабли бозчясленно много стояща? иню, яко земля богата есть и купцы в немъ много торгуютъ здѣ.» Сяиде с корабля купецъ Дмитрей и поиде под градъ, и срѣтоша его гражданѣ и вопрошаху его: «от коес еси страны и коел земли?» Онъ же сказася имъ: «азъ еси от руския земли и вѣрую во Отца и Сына, и Святаго Духа.» И речеша ему гражданѣ: «Брате купецъ! Единые еси вѣры с нами руския земли; только за наше согрѣшенье послалъ нашь Богъ царя законпреступника и отступника от Бога еллинския вѣры; и томитъ нашь, хотя привести к своей вѣре; мы жъ, не могуще терпѣти бѣдъ тѣхъ, новолію пожрохомъ идоломъ, видехомъ себе в великихъ нуждахъ всегда боырами мучаще нашь:

озогда силою привожаше нашь ко своимъ идоломъ, озогда заповѣдаше намъ не велише нашь хлѣбовъ на торгъ нещи и гладомъ коритъ нашь для своей вѣры. Се видѣши, купче, в приставницѣ семъ триста кораблей стоящо, купцы же со всехъ странъ приходяху к сему граду и приходяще к царю 3 дары, хотяще торговати въ ово царствѣ; царь же дары от нихъ приемлетъ и поволеваеетъ имъ три загадки отгадывати свои; а все то приводаще к своей вѣре. Они же не могуще отгадати загадки; царь же глаголаше к нимъ: «уже вы загадокъ новыхъ не отгадете и вы пробывайте в моей вѣре — пожрите идоломъ.» Купцы же не хотяще того сотворити, и того ради в темницы посажены быше, терпяще всякую нужду и гладъ, и наготу, и скорбь, имени ради Христова, и заповѣдаеетъ царь не велить хлѣба нещи на 3 года, дабы они гладомъ поворали.» Се слышавъ купецъ Дмитрей от гражданъ тѣхъ, недоумѣвашося, что творити. Вскоро возвратися на свой корабль и хотя отплыти, и приде на корабль, ажко стоятъ у корабля 3 стража царовы, дабы не отшолъ. И купецъ Дмитрей взавъ дары великия, приде ко царю и надъ пред царемъ и рече: царю государю Носменъ Гордеевичъ! купчиншко, государю, пришолъ из руския земли ис страны бѣтъ тебѣ челомъ, чтобъ ты, государь

дары привалъ, а торговати бѣ велѣтъ во своемъ царствѣ всякимъ товаромъ. Царь же глагола ему: »Буди, кунче, у нея обѣдать, а дары у тебя приви.« Купецъ же приде обѣдать к царю, і по обѣде глагола даръ купцу: »Кунче, которыя еси вѣры?« Купецъ же глагола царю: »Азъ вѣрую во святую Троицу, Отца и Сына и святаго Духа.« И глагола ему царь: »Азъ чювѣтъ, кунче, обща у насъ вѣра с тобою, а ты скажашься не нашею вѣрою, но рускою; а азъ хотѣлъ тебѣ дати область в царствѣ своемъ торговати всякимъ товаромъ, да с великими дары і с проводники хотѣлъ та отпустить в твою землю. Нынѣ же вѣдомо ти буда, кунчѣ, отгадаи ми три загадки, что азъ тебѣ загадаю; аще ли отгавишь, и азъ тебѣ велю торговати в своемъ царствѣ всякимъ товаромъ и з дары и с проводники отпущу ти в свою землю, аще ли не отгадаешь ни единыя загадки і въ вѣро моеі не пребудеши, ведоно жъ буди тебѣ, кунче, велю ти смерти предати, а товары твои взяты будутъ в мою царскую казну.« Сие слышавъ от царя велии убояся і ста на долгъ часть унынъ, главу свою і очи поникъ на землю, и плачяся велии горко, недоумѣвшася: како отвещати царю твоєі державѣ; такъ и глагола: »Государь царь Нескѣвънъ Гордѣвичъ! Яко годе сроку на три дни помысли ти не сѣиши меня скорой смерти предати четвертыи день прииду к тебѣ, и загадки твоє отгадаю.« И царь даде ему на 3 дни сроку. Приидѣ жъ купецъ на корабль свой велии плачяся, горко рыдая, помышляюще себѣ свою смерть от царя, і видѣ сына своего 7 лѣтъ суца играюща на кораблѣ на древце сѣдище рукою за древцѣ держаше, а другою рукою плеткою побиваше і бѣдѣше аки на конѣ скакаше якожъ дѣтѣмъ подобаетъ игры творити. И увидо сынъ отца своего плачюща горко і рыдающа, і отрокъ игру отложивъ, в скоро притече ко отцу своему и глагола ему: »что ти, отче, вижю велии печална? изнемогаеши ли, или кая иная спова от царя учинилася тебѣ, скажи, отче, не угаі мене дѣтища своего.« И глагола отецъ сыну: »Чадю мое милое, играешъ по дески, а отцовы

печали не ведасшь; не вѣси ли, чадю мое, что ми царь отвѣщаль смертныи часть, а ты меня спрашиваеши, а не можешъ пособити печали моеі.« И глагола ему дѣтищѣ отцу своему: »скажи ми, отче, свою печаль и азъ помогу ти.« Отецъ же воздохнувъ из глубини сердца своего и покивавъ главою рече: »Тебѣ ли помочи мнѣ, младому отроку, седми лѣтъ суцу? а хочещи моеі печали пособити и своршенныи мужи смыслу не знають.« І рече дѣтище ко отцу своему: »отче, скажи ми, что тебѣ царь глаголалъ і кую рѣчь: азъ помогу ти: токмо на Бога упованіе возлагаі; аще ли мнѣ не скажешъ, самъ себѣ убійца будешъ, і отъ царя смерть приимешъ, и нея погубишь; не вѣси ли, отче: конь на рати называеотса, а вѣромъ другъ у бѣды, печали и напасти: помогу ти.« Слышавъ же отецъ у дѣтища своего премудрую рѣчь и удивився смыслу его и глагола ему: »О чадю! Царь ми велѣлъ 3 загадки отгадати, ниъ же немогущо сего сотворити, а срокъ данъ на 3 дни; то естъ, чадю, печаль моя и рыданіе мое.« И глагола сынъ отцу: »Отче; прости мя, Господа ради, глаголати пред собою, а ты рыданіе свое и печаль хочещи единъ утолити, а мнѣ не скажешъ, а азъ помогу печали твоєі: азъ иду к царю, и тѣ загадки царевы за ти отгадаю, а ты, отче, не скорби и не тужи; аждѣ, і поі, і веселися, і молися Богу; возлагаі на Бога.« И се изглагола сынъ отцу своему, і граше на кораблѣ, якоже младыи дѣтѣмъ подобаетъ играти. Отецъ же от словеси дѣтища своего малу утѣху приимаше, і ваки стоняше и рыдаше, не творяше тому быти такъ якоже дѣтище изглагола ему. Якоже проидоша 3 дни, уже светяюще четвертому дни, в кой день к царю итти, и глагола отецъ сыну: »чадю! уже день присѣлъ, а время приде; что, сыно, велиишь глаголати?« И глагола дѣтище: »отче! поидомъ ко царю и возномъ с собою одинаго раба.« Они же придоша ко царю і вшедъ в полату, и поклони(ша)ся царю, и сташа пред нимъ. И глагола царь купцу: »се уже день присѣлъ, ого же просилъ отгадати загадки. Глаголаше сынъ купцовъ ко царю: »Государь, царь Нескѣвънъ Гордѣвичъ, дай мнѣ не-

пити и азъ тебѣ отгадаю загадки за того купца. « Глаголаше царь: «кому азъ повелею, тотъ и отгадавай. « Глаголаше сынъ купцовъ: азъ сего купца сынъ есть, и азъ за отца своего отгадаю загадки. « Царь же наливъ чашу золотую меду и дастъ пити дѣтищу отрокъ же дастъ отцу испити. Отецъ же выпивъ, хотя чашу отдати царю; дѣтище же глагола отцу своему: отче не отдавай чаша сея, заложилъ ея въ вѣдра своя. « Царь же вторую чашу наливъ меду и дастъ дѣтищу. Отрокъ же и рабу дастъ пити; онъ же вземъ обѣ чаша и въ вѣдра своя вложи. Глаголаше царь: «отдай ми чаша твои. « И глагола дѣтище: «Давно цареву испити не возвращается. « И глагола царь: «Тебѣ ли, чадо, загадки отгадывать? « И рече отрокъ: «царю! азъ стану твои загадки отгадывать. « И рече царь отроку: «много лию того или мало от востока и до запада? скажи ми. « И глаголаше дѣтище: «Государь царь! то, что от востока и до запада день и ночь, весь кругъ небесный единымъ днемъ и единою ночью едино солнце преидеть от сѣвера до юга: тотъ твои загадки мои отвѣтъ. « Движесе царь разумному его отвѣту того отрока млада, что его загадки разумно отвѣтъ далъ. Царь же наливъ чашу третью, купецъ же испивъ с сыномъ и положи чашу въ вѣдра своя. Царь же отроку рече: «отдай ми другую загадку во утрни день, а вынѣ повеселимся. « И тако вочествоваше ихъ царь купца и сына его и раба, и отпусти ихъ. Во утрни же день собравшася ешаты и тироны, и стратилаты, и воеводы, и князи, и бояры, и вси людн малн и велицыи, и вси граждане, на преданное чудо отрока сего видѣти: седмъ лѣтъ суца загадки отгадываетъ царевы, якоже всѣхъ гражданомъ не вибѣтитися на царевѣ дворе. Придо же благоразумный отрокъ со отцемъ своимъ и с рабомъ. Царь же сѣде съреди своего двора царскаго на царскомъ своемъ престолѣ; купецъ же с сыномъ своимъ и с рабомъ стаа предъ царемъ и поклоннелася вси равно до земли. И рече царь отроку: отгадай ми другую загадку: «что десятая часть из моря днемъ убываетъ, а ночью десятая часть по морю прибываетъ. « И дѣтище глагола

царю: «Государь царь! младахъ отрокъ загадка твоя: то есть, царю, что десятая часть по морю днемъ убываетъ из моря, и из рѣкъ, и озеръ, на всякъ день десятая часть воды солнцемъ высыхаетъ, десятая часть ночью воды изо дна моря прибываетъ, занеже солнцу зашедшу и не сушася. То тебѣ, государь, моя отгадка. « Движесе царь тому премудрому отвѣту, что ему разумно отгадалъ отрокъ. И глагола ему царь: «отдай ми третью загадку. « И рече дѣтище ко царю: «не отгадаю, царю, сегодня, потому что ни въ у тебя не перед кемъ сказати, даи ми царю на 3 дни сроку, а въ четвертый день ту твою загадку отгадаю, токмо въ тѣ 3 дни повели проповѣдникомъ вопити по всему граду, чтобы всѣ граждане, и паты, и тироны, и князи, и бояры и великн, и всякн люди, мужи и жены, и малн и велицыи, шли на царевъ дворъ, а всѣхъ ванъ, граждане, добро будетъ во вѣки. « И царь повелъ тако сотворити, проповѣдникомъ по всему граду повелъ вопити, и сидоса весь градъ на царевъ дворъ, мужескн полъ и женскн, малн и велицыи, младенцы свои на рукахъ носнще, хоташе видети, что сие чудо будетъ. Придо же ко царю благоразумный отрокъ премудры со отцемъ своимъ и с рабомъ. Царь же сѣде на престолѣ своемъ въ царской одежди, и вѣнецъ на главу свою положилъ (лъ) и жезлъ и скипертъ и мечъ въ руцѣ свои держа, и глагола царь отроку: «тебѣ, дѣта, глаголю, отгани ми сию загадку при всѣхъ гражданахъ. « И глагола же отрокъ царю: «государь царь! азъ тебѣ отгану сию загадку, токмо ты, царю, великъ смелъ сидишь на престолѣ царскомъ висоцѣ, азъ же, отрокъ млада, стою у твоего престола ниско; азъ тебѣ скажу, и ты пошлншь: не дослышалъ; и ты, царю, сеступи с престола своего, да пусти мя; азъ стану на престолѣ твоемъ, и даи ми одеяние свое, и жезлъ, и мечъ своими руками; азъ тебѣ отгадаю загадку. « Царь же, слышавъ от отрока мудрую речъ, и ста во иступленнн ума своего, сотвори тако, и сеступи с престола своего, и пусти дѣтища на престолъ свой, и дастъ ему одеяние свое с себя, и вѣнецъ з главы своей, и жезлъ и мечъ своими руками, и рекъ в

себѣ: азъ его тешу, что ему свѣтити, мудрому отрочати? А во власть, яко Богъ даетъ власть, кому-ждо хочеть. И бысть гонимъ велиа отъ утечсненія людеи, и дотнще повелѣ въсѣмъ гражданоумъ молчати, и бысть тишина волия, і возопи отрочѣ гласомъ великимъ: «впаты, и тироны, и князи и вси людие градстві, і жены и дѣти? хотито ли вѣрвати во святую Троицу, Отца, и Сына, и святаго Духа, в Господа Бога? І гражане жъ возопиша единымъ голосомъ: «Ради еси и вѣрвати во святую Троицу, Отца, і Сына, і Святаго Духа; помози намъ, государь, Господа ради.» І дотнще измече мечъ, і отсеко царю главу. И рече дотнще: «зотъ тобѣ, царю, новя третья загадка! Но смисея ты намъ, поганой, православнымъ христіаномъ.» І гражане жъ, видѣше чудо велие, прославиша Бога. И рече дотнще ко народу: «волито молчати. И змолша вси людие. И рече дотнще: «князи, и бояря, и тироны, і впаты, і вси людие градстві, ково вы себѣ государемъ похощете ставити? І возопиша вси людие единоголасно глаголюще к нему: «эты насъ избавилъ сего мученія лютаго и злаго; ты намъ і царь буди.» И рече дотнще: «коли есте произволили ниѣ царемъ быти, Божимъ то изволенисѣмъ, а не вашимъ стоянимъ; аще не Господь бы предалъ таково гонителя злаго, то како ниѣ, мѣладому отрочу, в арбти противъ такового гонителя немочно и такимъ государствомъ владети. Возволичимъ Господа і прославимъ его милосердие, давшему намъ таковую благодать і побѣду на врага нашего, избавилъ Богъ отца моего и меня отъ непоправимы смерти, і васъ своєю милостию Господь посетилъ; по отбыте вѣры христіанския! Людие же возопиша великимъ гласомъ: «многа лѣтъ государю нашему Борзосмыслу Дмитровичю!» И рече отрочѣ: «звыщите патриарха вашего, гдѣ гонимъ бысть отъ поганого сего мученія злаго.» Они же ему рекоша; «государь Борзосмыслъ Дмитровичъ! патриархъ нашъ гонимъ бысть злымъ гонителемъ и богоотступникомъ царемъ, сидитъ в заточеніи.» Царь же повелѣ его борзо из заточенія взяти; и князи и бояря, впаты, и

тироны възскаша патриарха в заточеніи, і сказаха ему вся бывшая патриарху, что содеяся в царствѣ томъ, какъ ихъ Богъ помиловалъ отъ поганые вѣры и отъ законопреступника царя, и какъ на него послалъ Богъ побѣду. Патриархъ же прояснися і удивися о великомъ томъ чудеси: «О владыко царю чюловѣкомъбчо Господи! вѣлико нима твоє, что не предалъ еси ты насъ в руки беззаконному, избавилъ еси наше царство отъ лютаго и злаго сего мучителя и гордаго гонителя!» И поиде патриархъ с радостію в царствующій градъ; гражане же возвестиша царю о патриархѣ приходѣ. Царь же повелѣ встрѣтити патриарха чѣстно со кресты и со иконы и со всеи вселенскимъ соборомъ; і прииде патриархъ в царство, и виде царя, и поклонишася царю до земли, прояснися и рече: здравствуй, государь, на царствѣ много лѣтъ! ты насъ избавилъ и градъ нашъ отъ гордаго сего и злаго мучителя, отъ поганого царя и законопреступниаго.» И удивися патриархъ возрасту его, і великому его смыслу и разуму его, і видо патриархъ в соборную церковь; и помолишася иѣстымъ образомъ и тако нача патриархъ божественную литургию служить. И по отпускѣ литургии, постави патриархъ над главою отроча рогъ златъ масла дровяного, и абие воскино рогъ с масломъ над нимъ, и благослови его патриархъ на царство. Людие же вси кликнуша отъ мала и до велика единоголасно: «много лѣтъ тобѣ, государю нашему Борзосмыслу Дмитровичю, на царствѣ!» И возрадовашася ему вси людие великою радостію. Царь же сотвори в той довь пировище великое, посла патриархъ по всеи вселенной соборъ, и повелѣ царь привести предъ себя царицу прожнего царя. И рече царь: «зсть ли, госпожа, сынъ или дщерь?» И отвѣща царица: «нѣтъ у меня сына ни едина, толко дщерь оски лѣтъ, ирадъ (шлада?) и красна.» Царь же повелѣ еѣ предъ собою поставити. И рече царица: «даі ниѣ, царю, сроку на восемь днєі, въ восьмй дєнь предъ тобою царемъ поставлю дщєрь свою.» Въ восьмй жъ дєнь увиде еѣ царь, повелѣ крѣстити во святомъ крещеніи, вскорѣ, и венчатися с от-

роковицею. И бысть радость велика в царствѣ томъ. И повелѣ царь привести всехъ кунцовъ техъ, которые были в заточеніи в темницахъ. И приведоша ихъ предъ царя, и удивися царь ни нихъ смотря, бысть лица ихъ аки земля, а власы ихъ отросли до пояса и ризы ихъ издрапагя, лежаша от гаду и тесноты, а голоса ихъ яко ичелиныи, и заплакавъ царь, на нихъ смотря, и чюдя ихъ у себя по три дни, и разда именне ихъ, и отпусти ихъ ктождо во своя ихъ: и кунцы жъ поодоша на корабли своя славяще Бога, за царя Бога моля, Борзосмысла Дмитревича. По семъ же рече царь отцу своему: »Отче, поиди ты въ свою землю привози матъ мою и родители мои.« Дмитрей же послу-

ша сына своего, иде вскоре к жонѣ своей, и пришедъ сказа ей все по ряду случись имъ, и какъ ихъ Богъ избавилъ от злыи смерти, и какъ сынъ ихъ царствуетъ. Мать же, слышавъ, исполнишеся радостію великою. Дмитрей же собра весь родъ и поиде на корабль с великою радостію, и поиде с родомъ своимъ к сыну своему к царю Борзосмыслу Дмитревичю. Царь же ихъ стретѣ с великою честію и радостію, и нача царствовати со отцемъ своимъ. Отецъ же его Дмитрей сына своего Борзосмысла въ врозѣ (?) скончашися, и погребѣ его сынъ своимъ руками. Богу нашему слава, нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОВѢСТЬ
О ПРЕМУДРОМЪ АКИРѢ.

1877

REVISTA DE ECONOMIA

ПОВѢСТЬ О ПРЕМУДРОМЪ АКИРѢ.

(Рукопись Румянц. Муз. № 503.)

СНАЗАНІЕ СЪ АКИРѢ ПРЕМУДРОМЪ ДАРА СИНОГРАФА АЛЕВИЦКАГО И АИЗОРСКАГО.

Бысть нѣкій человекъ Акирь премудрый въ землѣхъ Алевицкой и Аизорской, у великаго царя Синограва, и многая множества подъ нимъ царствъ держаша землю Алевицкую и Аизорскую, и многая множества золота, и серебра, и коней быстрыхъ, и отроковъ прекрасныхъ, а еѣ было ни единого дѣтища. И нача Акирь молитися Богу, глаголаша: »Господи Боже мой, творецъ небу и земли, даждь ми дѣтища! Аще родится у жены моея отрокъ, и изъ ово научу Господу Богу молитися, и работати царю Синограву, и вѣрно служить: да будетъ при живото моемъ честь и слава, и душе моея утѣха; а внизану похититъ мя смерть, и будетъ наследникъ дому моему.« И призре Господь на смиреннаго Акиря премудраго, и услышалъ молитву его: и послалъ Господь къ нему ангела мирва, и глагола къ нему ангель: »Акирь, совѣтниче и угодниче великаго царя Синограва! И многая множества у тебя золота и серебра, и ризъ светлыхъ, и коней быстрыхъ, и отроковъ прекрасныхъ, нетъ у тебя ни единого дѣтища: самъ ты безсеменитъ, а жена твоя Феодула безплодна бысть; возьми себѣ сестрича своего Анадама вмѣсто сына: и будетъ тебѣ великое утѣшеніе.« Акирь же воставъ отъ сна своего, и трѣпетень бысть по глаголу ангелову; и взявъ себѣ сестрича своего Анадама

въ сына мѣсто, и воспита его скоро, яко орѣлъ итѣнца. Дѣтище же бысть возрастомъ доброзаченъ, премудры же Акирь нача учити сына своего Анадама грамотѣ руской, алевицкой, аизорской, и египѣтской, и потомъ его научи дванадесать языковъ, и потомъ его научи звездочоту небесному, и научи его всякой премудрости земному и небесному, и всю емлосоеію, научи его вся разумна, и нача его словомъ сына своего Анадама: »Чадо мое Анадамъ, буди послушникъ на добрая дѣла, и мена отца чти и матеря, аки Бога. Чадо мое Анадамъ, буди послушникъ на добрая дѣла, аки елѣнь на позорище, а не ленивъ буди, аки востребъ не отъ ласкова соколиника. Чадо мо(е) Анадаме, въ другомъ живи три годы, а говори съ нимъ устны, а не сердень. Чадо мое Анадамъ, лѣстива человекѣна бѣгай, а съ нечестивыми на дорогу не ходи. Чадо, на женскую красоту не зри: та бо красота сладить, аки мотѣнная сыта, а послѣ горчае желчи и полони травы будетъ. Чадо Анадамъ, подле горъ не ходи, и ты сапога не скривишь. Чадо, пльнѣ на конѣ не гоняй: гѣтъ храбрѣ не будешь. Чадо, учнешь по цареву деору ходитъ, и ты менши зри на небо, болши зри на землю; аще ли чего не найдешь, и ты нога не зашибѣшь. Чадо, аще пошлютъ въ посольство бѣзуйнаго, и

ты не лѣнись, самъ поедь; а пошлѣшь умнаго въ по-
солство, и ты не много наказывай ему: и самъ дого-
дается. Чадо, лутче съ умнымъ великій камень под-
нять, нежели зъ безумнымъ вино пить; съ умнымъ
бѣзумія не говори, къ бѣзуму уха своего не являй.
Чадо, своего участія дай дѣтямъ своимъ, а чюжого не
возми. Чадо, аще ты позовуть на пирь, и ты по пор-
вому зову не ходи, а по второму поиди, а третьяго не
ноги ослушати: и ты чести нѣ испадешь; а приедь
въ пирь, и ты не садись въ болшемъ мѣсто: и при-
дуть иные мѣшныи тѣбя, и оне подвинуть тебя въ бол-
шое мѣсто. и ты будешь честонъ. Чадо, до два чаши
нѣ пей, долго вѣчера не сиди, въ пьянство обиды своей
не мсти. Чадо, на друга нѣ клеветни, и лжи послухъ
не буди; аще же отъ тѣбя другъ отпадетъ, и ты не
радуйся; а вознесется другъ, и ты не завидуй ему; и
придетъ на него зло, тожъ не радуйся. Чадо, сына
своего отъ младости кротк, да онъ же на старость
твою пожитъ ти. Чадо, нѣ купи волчества и злопра-
вн раба, да не расточитъ ниѣниа. Сыну, аще кто ти
невадивитъ недругъ, не опослушествуй его: твоей ви-
ны не понесетъ ко инымъ. Сыну, человекъ лживъ не-
перы возлюбитъ его, а наконецъ посмеются ему. Сы-
ну, отца своего почти его, да ниѣниа свое оставитъ
тебѣ. Чадо, нощю безъ оружія не ходи. Чадо, отца
и матеръ клитве не поджай, и ты самъ не примешь
отъ чадъ своихъ. Чадо, отъ церкви не отлучайся ни-
коли. Чадо, коня на коня нѣ меняй, и на чюженъ не
ѣди конѣ: аще пещь идешь, то они посмоются тебѣ.
Чадо, божиинъ милосердіемъ не клѣнись, да не ума-
лится число дней твоихъ. Чадо, что общаеша Богу,
и ты того не забывай. Чадо, старейшаго возлюби, а
мешшаго не отрини. Чадо, къ началымъ приходи и
утелай словеса своими. Чадо, безъ вины крови не про-
ливай. Чадо, отдалися отъ блудницъ, да не придетъ
на тебя скорбь, и болезнь, и печаль. Чадо, аще умна-
го человекъ послушаеши, и то аки сахару насладиши-
ся. Чадо, аще придетъ на тебя скорбь отъ Бога, не
укорив. Чадо, сына своего водержанію учи его. Чадо,

лутчи есть послушати пняна человекъ умнаго, нежели
трезва безумнаго. Чадо, лутче есть слѣпъ очима, нѣ-
жели сердцею. Сыну, лутчи есть другъ ближни, нежели
братъ дальной. Чадо, лутче есть смерть, нѣжели
золь животъ. Чадо, призовошь друга на честь, и ты
стой предъ нимъ нѣсемы сердцею. Чадо, аще хочешь
словъ, зареци, и то не напрасно лги: лутче есть по-
гою пнухти, нежели словомъ солгати. Чадо, огда бой
бываетъ, и ты нѣ ходи; а приедь, и ты не смѣйся:
а въ смѣху бозуміе исходитъ, а въ бѣзуміи сварь, а
въ сварѣ тѣжба, а въ тѣжбѣ бой, а въ бою смерть, а
въ смерти грехъ рождается. Чадо, аще пьянъ будешь,
не много говоря: умѣнь марѣчешися. Чадо, аще хо-
цѣши умнаго послушати, то нѣ приложи безумнаго.
Чадо, перваго друга нѣ лишнишися, да иной не отбѣ-
житъ отъ тебя: аще хочеша любитися зъ другомъ, и
ты прже искуси его, нѣ яви ему тайную свою. Ча-
до, виидеши въ чюжую хранину, и ты не много гледи-
то есть безчестіе. Чадо, къ другу часто не ходи: то
есть въ бо(з)чѣстіе не виидеши. Чадо, лутче есть мол-
чати, нежели зло глаголати. Чадо, не лжа жита во ут-
ломъ мѣшко нести; тожъ зъ бѣзумнымъ тайная сло-
веса глаголати есть. Чадо, яко мортвы нѣ можеть на
коне сидѣть, тако и клѣветникъ нѣ можеть удержати
зла слова во устехъ своихъ. Чадо, не ноги обгѣвни-
ся на добро, и не буди срокъ на зло. Чадо, не ос-
корби человекъ безъ вины, не зложи нѣчали во умѣ его.
Чадо, лутче есть рабъ добро(в), нѣжели чадо злое.
Сыну, лутче есть безъ души, нѣжели безъ ума. Чадо,
птица царь орѣлъ и зло затворилъ. Помни, чадо:
не лже слѣпу храбру быти, ниже грѣшному по смерти
спастися. Чадо, волкъ со агнцемъ не живетъ, ниже
праведникъ со грешникомъ. Чадо, добро сытому у во-
ликаго князя обѣда ждаты: такоже в праведному смер-
тнаго часа ждаты. Чадо, не слышаъ не лги, и не вѣ-
дѣвъ не кажи: аще не видѣвъ скажешь, то подобенъ
несу на вѣтеръ лающа. Чадо Анадамъ, умъ а тѣбя на-
училъ. Акиръ премудры сына своего Анадама всякой
премудрости, небесному и земному, аки злата сосудъ

исеру извасыпанъ, и приказалъ великому царю Синограѳу; царь же Синограѳъ нача Анадана любити, Анаданъ же нача вѣрно служить царю. Но малѣ же времѣни Анаданъ же Акиревъ сынъ дѣволскии наученіемъ наполниа лѣти и ярости, и злая ярости, и нача мыслить на отца злую смерть, и нача облыгати Акиря ложно великому царю Синограѳу, глаголющо ему: »Не вѣси ли, царю: отецъ мой Акирь премудрый, совѣтникъ твой и угодникъ, на тебя идетъ со всеми своими силами Алевцикии и Озерскими, тѣбя хочеть злой смерти предати, а самъ хочеть на Аливитѣ царствовать? Но изъ хочю тебѣ угодное творити: хочю отца своего Акиря премудраго предъ тобою поставить; но предай его злой смерти.« Анаданъ же дѣволскии наученіемъ скоро написалъ грамоту, бутто отъ цара, за царскою златою пѣчатю, украдуци у цара златые пѣчати, и тѣ грамоты пѣчаталъ: »Отъ великаго царя Синограѳа совѣтнику моему и угоднику Акирю премудрому. Въ кой часъ сія моя грамота придетъ, тотчасъ ко мнѣ пріеде со всѣми силами Аливцикии и Азорскими, хощу бо изъ ити на восточнаго цара Фараона египецкаго, и тѣбе ити со мною.« Акирь же промудры грамоту за златою пѣчатю пріемъ, и чаелъ что отъ цара; и прочеть же вскорѣ, и повелѣ отрокомъ своимъ кони седлатъ въ рѣжи бѣлые и партусы борзые; и повѣле на сѣбя класти золотокованные доспѣхи, и взять (съ) собою избранныхъ своихъ отроковъ 6000 въ свѣтлыхъ ризахъ въ золотокованныхъ доспѣхахъ, и поехалъ скоро ко граду Аливиту. И не добхавъ града Аливита Акирь промудры, и ста близъ града со всеми своими воискомъ; а утро же Анаданъ нача глаголати великому царю Синограѳу: »Царь государь великій Синограѳъ, зри и виждь: отецъ мой Акирь, совѣтникъ и угодникъ твой, на тѣбя пришелъ со всеми своими силами Аливцикии и Азорскими, тѣбя хочеть злой смерти предати, а самъ хочеть на твоѣ царство царствовать; а изъ тебѣ царю хощу вѣрою служить, а отца своего Акиря хощу предъ тобою поставить; а ты иѣ мога его жива пустить.« Анаданъ же изыде на ко-

нюшию ко отцу своему и рече: »Отче Акирю, поиди: царь зоветъ тя къ себѣ.« Акирь же премудры всталъ отъ сна своего, и трепѣтенъ бысть, и поиде къ царю; царь же Синограѳъ не велѣлъ къ себѣ Акиря на пустить, велѣлъ ово къ себѣ Акиря изымать к(о)нюшему своему Анбугилу, и повелѣ ему злую смерть предати, а главу повелѣлъ отсѣщи и псомъ на съяденіе дати. Анбугилъ же конюшѣи повелѣ Акиря за перси, извѣде его вонъ изъ града; Акирь же нача молитися Анбугилѣ конюшѣму: »Анбугиле, угодниче христовъ, не предай мѣня злой смерти! Но въ кое было времѣя отецъ великаго царя Синограѳа повѣлелъ отцу моему твоего отца злой смерти предати, и отецъ мой твоего отца соблюдѣ отъ несповинна смерти, и по малѣ времѣни оба видоша въ честь; а есть у мѣня дванадесять мужѣи сидятъ въ тѣмницѣ, а одинъ мужъ именитъ Сутимъ, а подобѣвъ моему образу, а повиненъ смерти, ужъ хочеть смерти аки живъ: и ты Онбугилъ, и ты Анбугилъ, извѣди мужа сего Сутира изъ тѣмницы и предай его смерти, а мѣня въ Сутиромъ мѣсто посади въ тѣмницу.« Анбугилъ же послушавъ Акиря, извѣде Сутира изъ тѣмницы, а Акиря по колѣви окопавъ, посади въ тѣмницу въ Сутиромъ мѣсто; во утро же день извѣде изъ града Сутира, и ссочѣ главу ово и поверже на смѣтище, а тѣло его поверже псомъ на съяденіе. И нача Онбугилъ по городу вопити великимъ голосомъ: »О народи Аливитсти и Алезорсти! зрѣтѣ и смотрѣтѣ — Акирь погубленъ бысть.« Народи же Алевитсти и Алезорсти вси горко плакаша о премудромъ Акирѣ; одинъ же сынъ его возрадояся, Анаданъ, отца своего Акиря. Царь же Синограѳъ нача Анадана въ великой чести доржать, и далъ ему все имѣніе отца его Акиря промудрово, а иѣ водаше того, что ему не вѣчавая смерть, не поимувъ царства Давидова, глаголющо: человекъ въ чести си поразумитъ, приложися скотомъ несмыслѣннымъ и угодился имъ. Акирю премудрому три года исполнишася въ тѣмнице, и тогда слышавъ царь египотскій Фараонъ, что Акирь погубленъ бысть, и нача глаголати

посадинокъ своимъ: »Некій мужъ былъ, иѣменъ Акирь вѣтудры, въ землѣ Аливитстей, у царя Синограва: а ииѣ Акирь погубленъ бысть: ужъ наше вѣмя дань своя многая лѣтная вѣмя имать у царя Синограва.« Тогда же и посадики рѣкоша: »Востану; государь царь, вѣмя вѣмя, твою дань свою имать.« И посылаетъ царь египецкой Фараонъ грозного посла своего Елтѣгу, а съ нимъ посылаетъ многое иножество рабъ своихъ въ свѣтлыхъ ризахъ и въ алатокванныхъ досветахъ; в тогда поидѣ грозный посолъ Елтѣга ко граду Омѣвнту, и не дошедъ до града Аливита, и нача становъ становиться; и нача ясти и пити саморучно, и нача къ себѣ силою ивати на ложище отеческіе дѣтри, и прашедъ къ царю Синограву, нача ему вოსальство правити: »Восточный царь египецкій Фараонъ тебѣ новостуетъ, чтобъ еси волю мою сотворишь, и загадки мои отгадаешь; аще ли воли моеѣ не сотвориши, и загадки не отгадаешь, волю землю твою влѣнить, и саково тѣбя злой смерти продашь, и весь градъ твой Аливитъ подъ Египеть взять.« Царь же Синогравъ видю въ великое недоумѣніе, и созва все свои вельжики ближніе, и нача нѣмъ глаголати: »Мужіе Аливитсти и Алезорсти! Кто можетъ послу словесахъ его отвѣтъ дать?« И они ему ничего не отвѣщаютъ. Царь же Синогравъ вторично нѣмъ глагола: »Мужіе Аливитсти и Алезорсти! Кто у васъ можетъ грозному послу Елтѣгу отвѣтъ дать и загадки его отгадать, и азъ дамъ ему половину царства своего.« Иѣкій князь, иѣменъ Сутиръ, рѣче царю: »Великій государь царь Синогравъ! нѣтъ тѣ слова не надобны; были бѣ вѣдомы совѣтнику твоому и угоднику, Акирю премудрому; а ииѣ Акирь погубленъ бысть. А се есть, государь, алатая отросль алатого крѣпя — смѣтъ Акиревъ, Анадамъ, наволѣишь премудрости, аки злата и бисеру изнасыпанъ.« Царь же Синогравъ призва Анадама, и рѣче ему царь: »Анадамъ, можешь ли послу противъ его посольства отвѣтъ дать, и азъ тебѣ дамъ половину царства своего.« Анадамъ же отвѣща царю: »Что глаголюши, царю? Того и боги наши нѣ видють, что тогъ

посолъ Елтѣга посольствуетъ!« Царь же Синогравъ видю въ великое недоумѣніе, сѣтъ вѣноцъ царскій и поворже на сѣтнице, и нача горко плакати, и пребываетъ единъ въ полатѣ, глаголаше: »Увы мнѣ окольному, что вскорѣ, безъ расужденія урѣзавъ розу плода нѣсотворенную, положишь замокъ Аливитскаго царства и Алезорскаго, Акиря премудраго! Погубишь ты вскорѣ, безъ расужденія! Вверждеть убо безумныи челоуѣкъ единъ камень въ морѣ, и тысящи ни уиныхъ...« И конюшей Аибугилъ слыша плачь царевъ въ полатѣ, и посольствомъ грозного посла Елтѣгу повѣда, и шедъ ко Акирю въ тенищу. Аибугилъ же рѣче: »Вѣмя протѣба сказати!« Акирь же рѣче Аибугилу: »Шѣню время и молитѣи часъ глаголати.« Аибугилъ же шедъ къ царю скоро, и нача глаголати, и торгати за златые волца у царевы полагы; царь же спроси: »Кто есть предъ (д)верми?« Аибугилъ же рѣче: Азъ есмь, царю, конюшей твой Аибугилъ. Подножию ногамъ твоимъ достойна глава моя: слово твое сотворишь, а заповѣдъ твою преступишь: Акиря отъ смерти соблюдохъ.« Царь же отъ великія радости скоро скочи съ престола своего и притѣче ко дверемъ, и спроси его второе: »Аибугилъ, что ми глаголюши?« Аибугилъ же рѣче ему: »Азъ есмь, царю, смерти повиненъ предъ тобою, Акиря отъ смерти соблюдохъ!« Царь же Синогравъ отъ радости великія вземъ скляницу съ виномъ и шару, и скоротече къ тенищѣ, и обрѣте Акиря, и радъ бысть царь. Акирь же по колѣни окопанъ и желѣзы окованъ, а власы главы его до земли, а брада его до пояса; царь же Синогравъ надъ предъ нимъ Акиревъ и глагола ему: »Акире, угодниче Божій! повиненъ азъ, Акирь, предъ тобою аки рабъ, а ииѣ мнѣ царю печаль и скорбь горде отъ великаго царя Фараона египец(к)аго и отъ грозного посла Елтѣга. Можешь ли, Акиръ, грозному послу Елтѣгѣ словѣсохъ отвѣтъ дать и загадки его отгадать?« Акирь же рѣче царю: »Возверзи на Бога печаль твою, и той та препитаеть.« И повѣлѣ Акирь грозного посла Елтѣгу жезліемъ проводить отъ града своего, а самъ Акирь поиде разрѣшенъ въ домъ свой, взыскаи же-

ны своей Феодулы. Жена же бѣ его порабощена, бысть у сына его Аидама приставлена у стада верблюжья. Акирь же пашедъ жену свою Феодулю у сына своего въ работѣ, и прослезился горко; и глагола ему Феодуля: »Грѣди ко мнѣ!« И позна его Феодуля по гласу, а по образу не позна его; и пришедши на ногу его, проліа слезы свои, глаголаше ему: »Алѣвитское мое царство и Алезорское мое солнце! откуда ни еси, свѣтъ, явися!« Одеяніе же бысть на Феодулѣ коза верблюжья; Акирь же взя жену свою за руку, и поиде съ нею въ домъ свой, въ полаты, и наидо въ дому своенъ 6 отроковъ своихъ, и нача Акирь въ баняхъ варитися, и назью назатися, и еству сахарную, и разныя питья а естамъ нача пити и ести, и веселигиса; и пробывъ въ дому своенъ 6 мѣсяцовъ, а годовъ былъ на царскую службу; и повѣле отрокомъ своимъ седлати партусы борзые и варжи бѣлыя, и велѣлъ на себя класти свѣтлыя ризы и алатокованныя доспѣхи. И поиде Акирь къ Египту, аки орѣлъ на ловлю, къ великому царю египтскому, противъ ево посольствовать. И пришедъ Акирь премудры ко граду Египту, и становъ отагъ, и нача ясти и пити, и силою пити дѣвнцы красныя къ себѣ на ложнице, и великому царю Фараону нача посольство правити, глагола ему: »Велики царю Фараонъ! Западный царь Синограецъ тебѣ повѣствуетъ, что еси присылалъ посла своего Елѣгу в рекъ посольствомъ таково слово, чтобы еси волю мою сотворилъ а загадки его отгадалъ: се изъ къ тебѣ приидохъ, царю Фараону, да что суть словеса твои!« Царь же Фараонъ рѣче ему: »Ты ли еси Акирь премудры!« Акирь же рѣче ему: »Великѣ царю! Акиря нынѣ шесть: погубленъ быстьъ азъ еси конюшей царевъ меншѣи Синограецъ, а зовуть меня Амбутилъ.« Царь же рѣче ему: »Амбутилъ, свѣтъ ужище въ веску.« Акирь же повѣле отрокомъ своимъ сверлы булатныя стѣну градовою вортѣти и норски весогъ посыпать, и вѣтромъ помочъ творити; и изъ песокъ воидо по земли аки гузъ. Акирь же приде къ царю Фараону и рѣче ему: »Великѣ царю, вѣли вна-

ти песковыя ужища.« И рѣче ему царь: »Амбутилъ, такова пакость отъ вашего Бога, такіе не бывали: у васъ въ стадѣ жеребцы ржутъ, а у меня кобылицы вергутца.« Акирь же повѣле отрокомъ своимъ помнати бога ихъ Виктора (они бо тогда безверны быша); слуги же Акирѣвы изымаша бога ихъ, повѣдоша по торгу, ругающеса ему и біаху его кнутомъ. Египтяны же приидоша къ царю съ плачемъ великимъ, глаголюще: »Великѣ царю Фараонъ! почто посолъ ругается Богу нашему!« Царь же велѣлъ прислать къ себѣ Акиря; и пришедъ къ царю Акирь, и рѣче ему царь: »Амбутилъ, старъ ли еси ты, или умонъ, мѣсьмямонъ, почему ругаюшися нашему Богу!« Акирь же рѣче ему: »Великѣ царю Фараоне! Такова ли пакость отъ вашего Бога? Былъ у нашего царя куръ алатъ, негъ рано, а будилъ нашего царя къ заутрѣи: и тотъ богъ нашъ тому куру голову скусилъ.« Царь же Фараонъ рѣче ему: »Поираду еси говоришь!« И рѣче ему царь: »Амбутилъ, устрой мнѣ градъ межъ небомъ и землію, не подиертъ ничѣмъ.« Акирь же повелѣ отрокомъ своимъ двѣ птицы ноги пустити, и повелѣ межъ ими ковчогъ построить, и повелѣ всадити отрока а дати отроку въ руки топоръ, а птицаиъ на тычинахъ мяса, чѣмъ кормитъ птицъ. И начаша птицы провозвышатися равно со облаки, отрокъ же нача вопити великимъ гласомъ: »Египтяно, поносите каменью и извостъ: азъ есиа хошу, и градарь варяцаюся, вашему царю градъ сотворитъ межъ небомъ и землію, не подиертъ ничѣмъ.« Акирь же повѣле отрокомъ своимъ по всему граду Египту брусіемъ бити Египтянъ, и глаголюще: »Подавайте камѣнїе, и извостъ, и дрова градарию нашему! Градари вашъ хоцотъ царю нашему градъ сотворитъ межъ небомъ и землію, не подиерти ничѣмъ!« Они же станиуть подавать — и не доставуть, и слуги же Акировы бьютъ ихъ: »подивайтѣ!« Они же приидоша къ царю съ плачемъ и глагола: »Мы во умѣиъ подавать, а они же бьютъ насъ!« Тогда же царь Фараонъ рѣче послу: »Ты не конюшей, самъ еси прѣмудры Акирь.« Тогда же царь Фараонъ Акирю премудрому отвѣту не сотво-

рилъ, Акирь же нача дань свою взать многолѣтнюю; и собрать дань, и поидо ко граду Алевиту, къ великому царю Синограну. И пришедъ къ царю Синограну, и нача ему отобривати золото и серебро, и камѣни драгое; царь же Синогранъ не прикоснулся ничему, ни золоту, ни серебру, только взялъ единъ драгой канонъ, смуже шѣсть цѣны: свѣтитъ во дни и въ нощи аки свотъ. Царь же Синогранъ нача Акиря дарить велики за сво великую честь и трудъ и за выслугу; Акирь же рѣче царю: »Великій государь царь Синогранъ! Много множество шѣтю изъ отъ тебя золота и серебра, но выдай мнѣ сына своего Авадана, которой меня съ тобою поштилъ, за что меня къ тебѣ недѣломъ оговорилъ; а то царь золото и серебро дай Абугилу, что мнѣ животъ далъ.« Царь же рѣче Акирю: А онъ у меня и давно пожалованъ! Царь же Синогранъ по правому суду истинно исмытавъ, выдалъ Акирю сына Авадана, но не яко сына, яко кормоника. И обратился болѣзнь его на главу его: и прикова Авадана сына своего близъ царевы полаты, и положи возлѣ его трость, оловонъ налита, и заповѣда заповѣдъ царскую: кто поидеть въ полату царову, и тому ударить Авадана по главѣ тою тростью трижды; или кто поидеть

изъ полаты, такожь по главѣ ударить, и говори таково слово: »Но роженъ, нѣ смѣтъ, нѣ окуленъ, но долонъ! Но вскорня, себѣ ворога не видать!« И поиде Акирь въ царевы полаты, Аваданъ же рѣче: »Господине отче Акирь, пусти мя: начну паста скоты твои, и начну угодная тебѣ творити.« И Акирь рѣче: Сыне Аваданъ! Шѣкій человекъ въ чести полатѣ обрѣте древо стояще, и хочеть онъ древо есеци; и рѣче ему древо: господине человекъ, не сѣки ты меня, изъ тебѣ рожу на лѣто ягоду вишневу. И рѣче человекъ: худое ты древо! какъ ты хочешь чюжую ягоду родити? Такоже и ты, Аваданъ, хочешь мнѣ угодное творити.« И поиде Акирь въ цареву полату, и наиде изъ полаты; Аваданъ же рѣче: »Господине отче Акирю, пусти мя, а изъ буду въ пустыни, и буду мнѣтъ, и начну Богу работати за свой грѣкъ, и за тебѣ учну Бога молить.« И речѣ Акирь сыну: »Аваданъ! Шѣкоторый человекъ отдалъ волчонца грамотѣ учиться, и учитель рѣче, и авва волчоць речѣ: тылицъ бѣльцы египатка. да тако и ты Аваданъ: како нѣ хочешь гродная творити? Акирю премудрону слава, а прочитателю на вѣчную память, и тову дѣлу во вѣки аминь.

ВАРИАНТЪ ВТОРОЙ.

(Импер. Публ. Библ. Импод. архимандрит. № 1772.)

СКАЗАННЪ СЪ АКИРЪ ПРЕДУДОМЪ И СЪ ЦАРСТВЕНИ ЦАРА СИНОГРАНА СЫНА АЛЕВЕНЦОВА И АННОРСОВА.

Бысть некии человекъ Акирь премудрыи в землѣ Алевитской и Аннорской, у великаго царя Синограва Алевитскаго и Аннорскаго. Бысть у него много множество золота, и серебра, и коней быстрыхъ, и рабъ прекрасныхъ, и слугъ верныхъ; только несть ни единого чада. И нача Акирь премудрыи Богу молитися со словами, и глаголи: »Господи Боже, вечныи царю, сотвори мнѣ небо и землю, царю вечныи, творецъ небеси и

земли! Даи же ми, Господи, дитяце! Аще ли будетъ отроча мужескъ полъ, научю его тебѣ Богу молитися; творцу вишнему, а служити великому царю Синограву: аще старъ буду, или смерть восхититъ мя, и тои будеть дому моему наследникъ и душе моеи поминокъ, а жено моеи при бѣдности печалиникъ, а при животѣ моемъ честь.« И нача Акирь премудрыи милостивно давати нищимъ, такоже и жена его Феодулия молящася

Богу. И не призре Господь Акирево смирення, но услыша Господь молитву ихъ, и посла к нимъ Господь ангела с небѣси; и явился имъ ангелъ во снѣ, и рѣчь: »Акирь, совітнице, и угодниче великаго царя Синограва! Самъ еси безчадець, а жена твоя Феодулия безплодна; и шивъ услыша Господь молитву твою: возни собѣ сестрина сына Анадона в сына шѣсто, но послѣ будетъ в радости сердце твое.« Акирь же, воставше от сна своего, тропетень бысть; и по глаголу ангела Господня, повелѣ Акирь призвати к собѣ сестрина сына Анадона, и взя его в сына место собѣ, и воспита его Акирь аки орелъ дети своя. Отроча же бысть и израчво и красно велии.

Акирь же премудрыи нача учити сына своего Анадона. Первое научи его грамоте руской, и алевницкой, и анизорской; и научи его всемъ грамотамъ и всемъ разнымъ языкомъ, и научи его звездочетию небесному, и научи его всемъ олюсоествомъ риторскимъ. И нача Акирь глаголати к сыну своему Анадону: »Чадо мое, Богомъ данное, Анадоне! Будь, чадо, послушнъ словесемъ моимъ. Инеи, чадо, отца своего аки Бога, шаторъ же свою аки самъ себя. Будь, чадо, скоры на добрыя дѣла, аки олень на ловле. Чадо мое милое, Анадоне! три годы живи з другомъ, а говори с нимъ усты, но всемъ сердцемъ. Чадо мое Анадоне, на женскую красоту не утокайся: то бо сладко яко медвяное насыщение, а посло горчаиши полыни. Чадо мое, Анадоне! з блудницями не беседуи, и ты, чадо, не погуби наследия своего. Чадо мое Анадоне, не инеи с младимъ детищемъ дружбы, да не впадеша с нимъ в сетя дьявольския. Чадо мое Анадоне, плавъ на конохъ негоняи, и самъ темъ храбръ не чинисъ: инози бо, чадо, от того бѣз Гожиа суда умирають, хилѣтъ. Да еще, чадо мое Анадоне, учнешъ судить царовъ судъ, и ты, чадо, суди аки золотыи сосудъ, бисеру многоцѣннаго насыпанъ.« И того же часа шедъ Акирь и приказа его великому царю Синограву верно служити; царь же Синогравъ нача Анадона Акиревича пред всеми любити и жаловати.

По малю же времени невиди окаянный дьяволъ добра роду человекча и молитвы Акиря, подстрекая окаянный дьяволъ сшна его Акирева, Анадона, царю оговорити отца своего, Акиря премудраго смертию и бѣдою. Сынъ же Акиревъ Анадонъ наполнися ярости и зависти дьявольския, и нача на отца своего Акиря злую мысль мыслити, и клеветати, и вадити смертию и бѣдою великому царю Синограву, и речъ Анадонъ: »Господине царю Синограву! Не вѣдаешъ ты того, что отецъ мой на тебя злую мысль мыслить.« Царь же речъ: »Что, Анадоне? повѣждь!« Анадонъ же речъ: »Господине царю! Советникъ твой и угодникъ шивъ на тебя цѣтъ со всеми силами алевницкими и анизорскими, хоцетъ тебя алои смерти предати, а самъ хоцетъ на алевницкомъ престолю царемъ быти, и землю твою пленити. Ино азъ, господине царю, хощу тебѣ верно служити, угодная тебѣ творити: и в томъ часе поставлю отца своего пред тобою, и ты, господине царю, не мочи Акиря жива пустити, но предаи алои смерти.« Царь же речъ ему: »Анадоне! ащо сотвориши тако, дамъ ти шного золота и сребра, и будоши ты у меня первой во слугахъ.«

Анадонъ же дьявольскимъ научѣниемъ нача вскорѣ писати от царя грамоты с царскими печатями по Акиря. А в грамотахъ писано: »От великаго царя Синограва алевницкого и анизорскаго советнику и угоднику моему, Акирю премудрому. Котораго часа грамота придетъ к тебѣ, и ты бы ко ниъ того же часа былъ со всеми силами алевницкими и анизорскими: хощу изъятти на восточнаго царя Фараона египецкаго, а ты со мною же буди готовъ.« Ко Акирю же грамоты пришла. Акирь же премудрыи возна царевы печати, и прочотъ вскоре, повелѣ отрочомъ своимъ седлати оережи бѣлые и рысы борзые, и повелѣ имъ власти алатокованными доспехи. Взавъ с собою Акирь премудрыи избранныхъ своихъ воишь 6,000 во светлыхъ ризахъ и в алатокованныхъ доспехахъ ко граду Алевиту, и розставивша шатры свои близко града со всею силою своею. Во утрянъ же день Анадонъ, сынъ Акиревъ, нача наводити

великому царю Синограю на отца своего Акиря: «Господине царю Синограе! Взойди на градъ и посмотри на отца моего, на Акиря премудраго: советникъ твої и угодникъ со всеми силами своими алевитскими и анзорскими ідѣтъ на тѣбя, хоцѣтъ алої смерти предати, а самъ хоцетъ на Алевито граде царемъ быти. Ино изъ; господине царю Синограе, хощу тебѣ вѣрно служить, а отца своего живо поставлю предъ тобою, и ты, господине царю Синограе, мо мотв Акиря жива пустити, но предати его смерти.» Царь же Синограъ видѣ' Акиря в шатрехъ столица со всею силою своею. Анадонъ же дьявольскій наводненіемъ ноцью изыде из града вонъ, и поїде ко отцу своему, Акирю премудрому, яко тать хищникъ, и речѣ ему: «Отче, господине Акирю премудры! Царь Синограъ зоветъ та, да будешь у него утре на первомъ часо.» Акирь же речѣ ему: «Да почто, чадо Анадоне?» Анадонъ же речѣ ему: «Не вѣиъ, отче господине.» Акирь же премудры востанше от сна своего, трепетенъ бысть, и поїде ко царю Синограю. Государь же Акиря узре на сени ідуща, і во повеле его на очи пустити, но повелѣ Акиря премудраго взати конюшему своему слуге, именомъ Абугилу, и повелѣ Акирю главу отсѣщи; а тѣло его повелѣ исоити и птицамъ поврещи на сподение. И бысть яко написано е(сть) слово во святомъ евангелии: «востануть убо чада на родители своя і убивють ихъ.» Абугилъ же взявъ Акиря за руку, і воде его от сени царевыхъ; Акирь же премудры нача горчо плакатися, и рече ему: «Абугиле! Деї же ми животъ! Помнишь ли, Абугиле, коли было такоо время: Синонокосъ, отецъ великого царя Синограеа, повололъ отцу моему твою отца смерти предати, і онъ его жива соблютъ, а после і оба были в чести велицей у великого царя Синонокоса?» Абугилъ же речѣ: «Да что, Акире, сотворити?» Акирь же речѣ ему: «Абугиле! Есть у царя 12 мужей в темнице, і тутъ единъ нужъ именемъ Сутиръ, подобевъ моему зраку і повиненъ моеї смерти, і самъ онъ уже хоцетъ умерти, что пильно спати: и ты, господине Абугиле, изведи

Сутира из темницы і предаї смерти, а меня посади в темницу в Сутирова место, а после оба будете в чести велицей у царя.» Абугилъ же по прошенію Акиреву вскоре Акиря премудраго посади в темницу в Сутирова мѣсто, и окова его по колени в желѣза; Акирь же премудры воздохнутъ горчо, и прослезися, и похвали Бога, вседержителя-творца, спаса-избавителя от горкия смерти. Абугилъ же утрее взявъ Сутира из темницы, і изведе вонъ из града на позорище, і отсече ему главу пред всеми людьми, и поверже тѣло его исоити і птицамъ на разтерзание. И нача Абугилъ вопити великимъ гласомъ: «О нуже алевитстві і анзорстві! Зрите: уже Акирь усеченъ бысть.» Мужіе же алевитстві і анзорстві все начаша плакатися и вопити великимъ гласомъ, узреша Акиря премудраго смертию: погубленъ бысть, глаголаху вси мужіе: «Проложенъ замокъ алевитскаго царства!» Все князи и боляры восплакашася по Акирѣ премудромъ, но единъ сынъ Акиревъ Анадонъ того див былъ вѣселъ, возрадоса о погибелі отца своего и о смерти Акиря премудраго. Великии же царь Синограъ Анадона, сына Акирева, нача в чести велицей держати и жаловати и в любви водити, и отца его, Акиря премудраго, села, и царева имения, и все волаты, и казну Акиреву, и жену Феодулию, и все люди его отдалъ Анадону, во вѣдал того часа, что напоследі будѣтъ, во воспоминають убо Анадонъ Давыдова пророчества: «се убо человекъ в чисти смі неразумивъ, і приложися скотомъ несмысленнымъ і угодился имъ.»

Акирь же премудры 3 лѣта содыше в темнице в тяжкихъ желѣзахъ. По времени же томъ услыша смерть Акиря премудраго восточныи царь Фараонъ, нача глаголати княземъ своимъ, і велможамъ, и всадникомъ: «Некии былъ нужъ мудры в земли алевитской и анзорской у великаго царя Синограеа, и именемъ Акирь премудры; а именѣ де онъ погубленъ бысть, и итѣтъ именѣ в томъ царствѣ таково человекъ мудра. Уже на немъ царю Синограеу время дани своя взати многолѣтныя.» Рекоша же ему князи і боляры: «Именѣ, царю.

часть нѣтъ присылъ имать данн своихъ. Тогда же царь Фараонъ слышавъ от своихъ князей и бояръ таковыя словеса, того жъ часа послалъ грознаго своего посла, именемъ Елдегу, а с нимъ послалъ избранныхъ своихъ вѣстѣи 300 во златыхъ поясахъ и в златоконныхъ доспѣхахъ ко Алевиту граду; но воспоминавъ же царь Фараонъ Давидова же пророчества: «возвратится болящая его на главу его, и на верхъ его поправа его снидетъ.»

Елдега же грозный посолъ приде ко граду Алевиту от царя Фараона с мудрыми загадками, розставивша шатры своя близко града, и повелѣ у гражданъ саморучно исти, а жены и вдовцы повелѣ имати и приводити на постели своя, а самъ поиде ко царю Синограу, а нача ему посолство правити от царя Фараона египецкаго: «Царю западному Синограу великии мочоточныи царь Фараонъ тебѣ, царю, повѣствуетъ, чтобы волю мою сотворилъ, а загадки бы мои снѣ отгадалъ, а словесемъ моимъ отвѣтъ далъ. Аще ли загадокъ моихъ не отгадаешь, и словесемъ моимъ отвѣту не дашь, а азъ приеду на тебя со всеми своими силами, и всю землю твою пленити, а самаго тебя всю злои смерти предати, а царство твое всю разорити алевитское и анисорское, под ногама моима ворабощить будешь.» Слышавъ же царь алевитской и анисорской таковыя словеса от грознаго посла Елдеги, царь же Синограу убоися велики, и впаде в великое недоумиене; и созва к себѣ бояръ, и вельможъ, и всадниковъ, и воеводы алевитскіи и анисорскіи, и рече имъ: «Кто можетъ грозному послу Елдеге словесемъ его отвѣтъ дати, а загадки его отгадати? Иисидицъ же от нихъ отвѣту не могли дати. Царь же Синограу вторичею нача глаголати имъ: «о мужие алевитскіи и анисорскіи, князи, и вельможы, и воеводы! Кто можетъ словесемъ его отвѣтъ дати, а загадки его отгадати, а азъ бы далъ половину царства своего.» Никтоже ему отвѣту не далъ; но единъ князь, именемъ Титъ, стоя предъ царемъ, и нача глаголати: «Великии царю Синограу! Нѣтъ то словеса неведомыи; а были словеса

то ведомыи угодинку твоему Акрию премудрому, а нѣтъ несть его в животоу, но погубилъ злою смертию. По есть, господине, у тебя златая отрочъ от златаго корени — сынъ Акиревъ, Анадонъ: если его призвати к себѣ, Анадонъ же прошедъ ко царю, и повелѣ ему сести, и рече ему царь, умилными гласомъ: «Возлюбленный мой Анадонъ! повѣждь ми, можешь ли ты грозному послу Елдеге словесемъ его отвѣтъ дати, а загадки его отгадати? и изъ дамъ тебѣ половину царства своего.» Анадонъ же рече: «Великии царю Синограу! азъ не вѣмъ чѣ глаголати великому послу Елдеге.»

Слышавъ царь такия словеса от Анадона, и воста с престола своего, тронетемъ бысть и ужасенъ, снемъ с себя венецъ свой златой и съ жемчугомъ и з драгиды камениомъ, и поверже на землю, и нача плакаться и брану свою терзати; князѣи же и бояръ всехъ выгна ис волаты, а самъ единъ остался, и нача тужити о погибшии Акрия премудраго, и рече: «Умыи нѣтъ, Акрию! охъ нѣтъ грѣшному! Какое сотворилъ азъ окаянныи, урѣшилъ лозу плода, но сотворшюу аза, и преломии занокъ безъ разсужденія, а неплодную смоковницу оставихъ! Нимѣ же любимыи мой Акиръ устѣченъ бысть... о, Акире! уже нѣтъ тебя невидати! умы, Акрию, не могу воскресити ти, якоже Христосъ Богъ Лазара четверодневнаго воскресилъ!»

Анбугилъ же кончишии от него слышавъ во вся дни плачь и вопль царевъ и великое рыданіе в дому его во Акрие премудромъ, Анбугилъ же шедъ во Акрию в теницу, и поведа ему плачь царевъ и рыданіе, и великую печаль цареву, ако слышати невозможно: тако устрѣшася грознова посла Фараонова Елдеги! Акиръ же премудрыи рече: «Анбугиле господине, повѣдай мени царю Синограу.» Анбугилъ же поиде ко царю Синограу и приде к волате цареви, и ста у дверей полатныхъ, и сотворилъ молитву: царь же рече: «кто есть стоя предъ дверима моими?» Анбугилъ же рече: «господине царю Синограу! слова твоего не соблюдохъ, а заповѣдей твоихъ не сохранихъ, достоина глава моя твои царской сабле: азъ Акрия угодинку твоего со-

близь от смерти.« Царь же рече: «да гдѣ Акирь?»
 Аибугилъ же рече: «въ темнице, господине царю, уже
 тому 3 лѣта.» Царь же слышавъ, вскочи с престола
 своего радостенъ zelo, и въземъ сткляницу вина пол-
 ну, и потече самъ вскоре к темнице, и дѣже Акирь си-
 дить, и обрѣто Акиря едва жива в темнице: Царь же
 Синограѣвъ поклонися Акирю до земли; Акирь же про-
 мудрыи сидитъ по колени окованъ в желѣзахъ, власы
 его до земли, а брада его до пояса; а очи его какъ
 пчелы без крылъ. Царь же Синограѣвъ прослезися, и
 рече ему: «Акиро, господине Акиро, угодниче мой! по-
 виненъ еси азъ пред тобою аки рабъ пред господи-
 номъ; а винѣ азъ в велицей скорби от великаго царя
 Фараона... Можешь ли, господине Акире, грозному по-
 лу Еддеге словесенъ его отвѣтъ дати, а загадки его
 отгадати? I азъ дамъ тебѣ половину царства своего.»
 Акирь же премудрыи прослезися и рече ему: «Госпо-
 дине царю Синограѣво! Возврази на Господа печаль
 свою, и тоі ты пропитаешь, не дасть во вѣтъ молвы
 праведнику. А того, господине царю, грозного посла
 Еддегу вели пробити жезломъ не твоего царства.» А
 самъ Акирь поиде в домъ свой, хвалу воздавая Богу,
 избавльшему от горкня смерти.

И нача Акирь премудрыи искати жену свою Феоду-
 лию. Имена жъ его Феодулия порабощена бысть в до-
 му сына своего Анадона, стадо велбужья пасущо. Акирь
 же премудрыи нашедъ жену свою Феодулию, жена же
 его Феодулия по гласу позна его, а по лицу его не
 позна Акиря премудраго, и пролиа слезы своя, и во-
 злиа Феодулия умильннхъ гласомъ, глаголюще: «Алю-
 вицкое мое солнышко! откуда еси возсияло ни? Уже
 ниѣ 3 годы не возсияло. Откуда, мой свѣтъ, взялся?
 Одежда жъ была на Феодулие велбужья кожа, а нозе
 ся в лыченицѣхъ, а лицѣ ея было аки котѣльное дно,
 от слезъ и от солнечного вара почернѣло, I от горкня
 работы I печали, I изпаде тѣло ея. Акирь же пре-
 мудрыи на жену свою Феодулию зряще, и прослезися
 горче, и въземъ жену свою Феодулию за руку, и поиде
 в домъ свой радуюся. И пришедше в домъ свой, и об-

рѣто в дому своемъ толко 6 полатъ красныхъ. И на-
 ча Акирь премудрыи в баняхъ паритися по-часту, и
 сталъ имати мази и мазатися, и еству сахарную ясти,
 и пити питья заморския, и меду сладкия, и еству са-
 харныя. И пребывъ Акирь в дому своемъ 3 мѣсца,
 и готовъ бысть на царскую службу, аки трехъ вытеі
 ясенъ соколъ у ласкова сокольника. И повеле отрокомъ
 своимъ въ томъ часо содлати еорези бѣлые и рысы
 борзые, и издѣвати досѣхи и портища драгоцѣнныя;
 и поиде Акирь премудрыи от царя Синограѣва послатъ
 ко граду Египту и к великому царю Фараону—слово-
 сенъ его отвѣтъ дати, а загадки его отгадати. Царь
 же Синограѣвъ радостенъ бысть, I отпусти Акиря пре-
 мудраго.

И пришедъ Акирь премудрыи ко граду Египту, и
 постави шатры своя близко града Египта. И повеле
 отрокомъ своимъ саморучно ясти I пити, а женъ и до-
 вицъ повеле приводити на ложа своя, а никакоже не
 оскверниша; а самъ Акирь со всадника своимъ поиде
 ко царю Фараону, словесенъ его отвѣтъ дати. I при-
 шедше Акирь премудрыи ко царю Фараону, и рече ему:
 «великии царю Фараоне! западноі царь Синограѣвъ ало-
 витскіи и анзорскіи велѣлъ тебѣ посольство правити.»
 И глаголаше Акирь премудрыи царю: «да что еси ты,
 царю Фараоне, прислалъ посла своего Еддегу, а реклъ
 еси тако: царь Синограѣвъ волю бы мою сотворитъ, а
 загадки бы мои отгадалъ, а словесенъ бы мой от-
 гадалъ, а словесенъ бы мой отвѣтъ далъ. И что
 суть твои словеса?» Царь же Фараонъ рече ему: «ты
 ли еси Акирь премудрыи?» Акирь же рече: «не азъ,
 господине, Акирь: Акиря вестъ, но погубленъ зломъ
 смертною; достойна глава его царской саблѣ.» Царь же
 Фараонъ рече ему: «а ты кто еси?» Акирь же пре-
 мудрыи рече ему: «азъ еси конюшей, имененъ Аибу-
 гилъ, царя Синограѣва.» Царь же Фараонъ рече ему:
 «Аибугиле, свеі ми в песку ужище.» Акирь пре-
 мудрыи рече: «господине царю Фараоне! атери ниѣ с ка-
 жени лыко, чешъ ужище повивать.» Царь же Фараонъ
 отвѣту ему не даде. Акирь же премудрыи повеле отро-

кожь своихъ свирлы булатными у царсы полаты каменную стену вертети, и оключи морской песокъ, и новелъ сыпати по свирлянымъ огнямъ; песокъ же витися нача. Акирь же рече царю: «новели збирати песочное ужище.» Царь же Фараонъ рече ему: «Авбугиле! такая ли есть пакость отъ вашего царя Синограва: у насъ кони ржутъ, а в носы царствъ кобылы жеребать вывергиваютъ. Скажи ми, что есть своего Акирь же премудры новелъ изыскати бога ихъ пощю: Египтяно же тогда неверни быша и не вероваша во святую Троицу. Отца и Сына и святаго Духа. И рабы Акирскы изымашу бога ихъ, и вода по торгу; и нача бити палицами и ругатися; Египтяне же придоша ко царю Фараону на Акиря бити челомъ, глаголаша великычъ глазомъ: «господине царю Фараоне! про что алевитскы и анзорскы посолъ Богу нашему наругаются?» Царь же Фараонъ повеле призвати Акиря премудраго. Акирь же пришедь ко царю Фараону, царь же Фараонъ рече ему: «Авбугиле! старъ ли еси ты, или несмысленъ? про что богу нашему наругаешься?» Акирь же премудры рече: «господине царю Фараоне! тако учинилося пакость в нашемъ царство отъ вашего бога: у вашего царя былъ куръ алатоперь, розно красные перся иелъ, а будилъ нашего царя во святѣи заутрени; и тому куру вашъ богъ главу скусилъ.» Царь же Фараонъ рече: «неправда естъ! въ вашемъ царѣ Синограе дани моя многолѣтныя взать.» Акирь же премудры рече: «царю! то ли суть твоя задка права? 12 недѣль бѣжати карабель въ Египеть, а ты глаголешъ: въ нашемъ царство кони ржутъ, а в твоемъ царстве кобылы жеребать вывергиваютъ!» Царь же Фараонъ рече: «Авбугиле! сотвори ми градъ межъ небомъ и землею на воздухе, ничѣмъ не потерть.» Акирь же премудры рече отрокомъ своимъ, повеле изымати два птенца нагуевичи в лукоморѣ, и повеле отрока своего посадити на нагуевичи и привязати кропко; и повеле зайцы живые наткати на тычгахъ, чехъ нагуевичи кормити, и повеле мясо давати нагуевичамъ. Нагуевичи жъ нача(ша) возвышатися к во-

бси блиско, царь же Фараонъ прише на него с князи и бояры; отрокъ же нача на нагуевичахъ вопити великычъ глазомъ: во мужие египтяне! понесите лѣсъ, и каменне, і известъ.» Акирь же премудры повеле отрокомъ своимъ ездити по торгу и бити гражданъ, чтобы несли каменне, и лѣсъ, і известъ; слуги жъ Акирскы езда по торгу, нача(ша) бити египтянъ, глаголаша: «но несите лѣсъ и каменне і известъ! хочеть Акирь премудры вашему царю Фараону построи градъ межъ небомъ и землею.» Египтяно жъ во градъ придоша со слезами ко царю Фараону, на Акиря бити челомъ, глаголаша: «великычъ глазомъ: «господине царю Фараоне египтяне! можешо намъ сего града устрои, а со хочеть градъ построи Акирь премудры межъ небомъ и землею, на воздухе.» И рекоша царю Фараону: «защо посла сего Авбугила по отпустивъ в землю свою алевитскую и анзорскую, то запуститъ все царство твою.» Царь же слышавъ от князей и бояръ своихъ тако, покориася Акирю царь Фараонъ, і нача со гонимыи людьми своими дани давати; Акирь же премудры на Фараоне царя нача шати дани своя многолетныя; царь же Фараонъ нача Акиря и слугъ его дарами дарити многими. І собралъ царь Фараонъ с своего царства Египта много золота и серебра, и каменны драгоценнаго, и отпусти его с честию великою. Акирь же премудры радуяся поиде во свое алевитское царство, к великому царю Синограу.

И прѣеха Акирь, и нача посолство правити от восточнаго царя Фараона египетскаго, и нача ему золото и серебро мерами отмеривати; царь же Синограе не привкоснуса ни к золоту, ни к серебру, но единъ камень взя, и тому камню нетъ цены. И в томъ золотѣ и серебѣ Акирь премудры у града Алевита заборы великие учинилъ изрядно добро и велики хорошо. Велики же царь Синограе алевитскыи и анзорскыи нача Акиря премудраго своимъ дары дарити за ово великую службу и за ово великие труды, і муку, і терпѣниис; Акирь же премудры поклониса до земли царю Синограу, и горше прослезиса, и нача глаголати: «великычъ глазомъ: «господине царю Синограе! много от тебя золота и серебра и бо-

гатства: а мнѣ, господине, выдай мнѣ сына моего Анадо́на, почтѣ о́нъ меня тебе государю не поделомъ оговори́лъ? А то злато и сребра даі, господине, Анбугалу, конюшену своему, что о́нъ меня от смерти соблнмъ.»

Царь же Синограе́въ отдалъ Акирю премудрому сына его Анадо́ва. Акирь же премудры́й взя сына своего за руку, не яко сына, но яко врага вскоряленника, и веде его в сошеі царевыхъ. И збылся Давыдово пророчество: «обратится болезнь его на главу его, и на верхъ его неправда его сидеть.» Акирь же премудры́й повеле скотати кузнечая́ три чепи железныи и тридцать прутьовъ железныхъ, и прикова сына своего Анадо́на близко царевыхъ палатъ, и повеле пустити заповедь по всему царству: «о мужио аловитствіа а ани-

зоретні! аще кто поидеть в царскую полату или в полаты, тому ударити трижды Анадо́на, и глаголати: «не рожденъ во сынъ, не окупленъ не холопъ! не вскоря, на себя врага не видать.» Цыбиша об него тридцать прутьовъ, і знадо́на чрево его и труиъ, і извалися; и тако окаянныи аде скончася, і ичезе прахомъ. Великні жъ царь Синограе́въ возврати села его, и церкви, и казну, і людеі его, і ишпие все; Акирь же от того часа нача служити верио царю Синограе́ву верио всею, царь же Синограе́въ свое царство алевитское и анизорское советнику своему отозалъ Акирю премудрому. Акирь же царствова́лъ после царя Синогра́са много и с царицею своею Феодулинею. Богу нашему слава во веки. Аминь.

ПОВѢСТЬ
ОБЪ ИВЕРСКОЙ ЦАРЕВНѢ ДИНАРѢ.

1900

THE NATIONAL BUREAU OF STANDARDS

ПОВѢСТЬ ОБЪ ИВЕРСКОЙ ЦАРЕВНѢ ДИНАРѢ.

(Рочникъ Муз. А.° 457.)

СЛОВО И ДИЕНА ПОВѢСТЬ ДИНАРЫ ЦАРИЦЫ ИВЕРСКАГО ВЛАСТОДВРЖЦА АЛЕКСАНДРА, КАКО ПОБѢДИ
ИВЕРСКАГО ЦАРА АДРАМЕЛАЗХА.

Уморшу же Иверскому владодержцу Александру Милоку, и во вѣнцѣ дѣтица мужеска полу. но едина дщи оста 15 лѣтъ, разумка же и мужественна, и во воскоутѣ досягнути мужевн, и предастъ ей отецъ ся всю власть Иверскую (1). Она же бѣ мудра, и нача владѣти во преданію своего отца Александра владодержца; во дни Перскаго царя Адрамелазха первіе показа любовь во владодержцевъ своихъ и милость къ народомъ (2), и ваче всего имаше волю приложаніе къ божественному писанію и бытію прѣжнихъ царей владодержцовъ, какова бѣ пребыванія ихъ и временъ прохожденія ихъ; о отъ того писанія навиче воинской храбрости. Яко пчела собирая отъ цвѣтовъ медъ, тако и Динара Царица отъ цвѣтныхъ книгъ, со мноюю кропотлію праваше державу, и повеченіе имѣлаше волю о своенъ владодержствѣ: аки добрый кораблякъ проплаваеть корабль свой чрезъ морскую пучину, такоже и она почашеся, како быти ей въ тишости. И доиде слухъ перскому царю Адрамелазху, яко уири Александръ Милокъ, иверскій владодержецъ, и приять власть иверскую Динара царица; и умысли перскій царь прияти ея (3) во свою область, и въ Сирію свести къ себѣ, и вѣру христіанскую поспрати. И посла къ ней послы своя, сице глаголющн: аще хощеши

отъ енио милость и держати власть Иверскую, да сугубыя дары подаши нашему величеству: аще ли тако не сотвориши, не повелѣваю ти власть держати, но отойди; но може хощеши, аще ли хощеши, не послушаеши мене, и величество мое на ся возыриши, и милости не имашъ на тебѣ показати. Динара же (4), видѣвъ посланниковъ, (5) и противу посла персянину своя послы и дары слыше отъа своего, съ такими речми сице: »Еже ни не повелѣваеши держати власти отъа своего: азъ бо власть прияхъ не отъ тебе, но отъ Бога дано ми, слыше тебе, како и ты имашн часть въ жребіи Богоматере Пресвятыя Богородицы; в азъ во того ради послахъ къ тебѣ дары сія, еже бохася тебе: вы убо бесерменскій языкъ и законъ имате, вы же истиннаго Бога законъ имаете, и того бохася, и отъ того милости просимъ. Да како ты глаголеши и величаешися, яко глѣвонъ еси, аще не дано ти будетъ слыше? И видѣвъ перскій (6) царь пословъ (7) ея (8) съ такими речми, и во восприять даромъ, но со зѣрозлобствомъ отнати пословъ ея, сице глагола: »милости даю тебѣ, аще хощеши царствовать, но во единыхъ срачнцахъ повелѣваю вамъ оставитися; аще ли тако не сотвориши, прииду на ти съ величествомъ воинства моего, и восприиму державу твою, и великожи твою

съ тобою предъ собою поставити велию. Динара же (9) отписавъ къ персскому царю, свиде глагола: «Аще ты съ таковыми ономоченіемъ воинства своего вооружаешься на мя, противъ немощныя чадь дѣвнцы, аще и побѣдиши, безчестію (10) ты будешь, яко немощную чадь побѣдилъ еси: аще ли азъ восприму отъ Бога моего помощь, и пречистыя его Богоматере побѣду, и женскою ногою возступлю на царское твою тѣло, и отъниму главу твою, и каковой славъ и чести сподоблюся, яко царя перскаго побѣжду (11) женскою храбростію, а иверскіихъ женамъ велию честь и похвалу принесу, а перскіихъ людей наведу срамъ и студъ.» И (12) поиде со множествомъ вой (13) на страну ея. Динара же нача посылати великои противъ перскіихъ вой (14); оны же рекоша къ ней: «Како можемъ стати противу такового великаго воинства и ономочія перскаго царя? Динара же (15) отъицавъ къ нимъ отъ дрвинныхъ писавій, рече: «вспоминате, братію, Девору и Гедсона, со многими людьми (16) Мадіамлянъ побѣди: не Господь (17) же ли Богъ нашъ и заступница пречистая Богоната поможеть намъ? Но не отягчайтеса: аще ли не вооружимся противу иновѣрныхъ и за свою вѣру не уронимъ, уронимъ же всяко, и себѣ предадимъ въ работу (18), и которую (19) славу сотворимъ (20) своему благочестію, но посрамлени и безпаметни погибнемъ отъ иновѣрныхъ насилія. Нимъ воспримите мужество и одерзайте отъ себе женочество. Егда убо наполнившихся долинахъ отъ дождевныя тучи воды, и препалишную инущи мокроту, и поналу отъ великаго солнечнаго жару изсушить мокроту, и много время пребудеть земля суха и бесплодна, а нужно собраніе плодовъ ея: такоже и въ нашей державѣ, умножившихся родомъ (21) и распространившихся, егда же ли стоять (22) мы персы и расплѣнять, како можемъ собраны быти, и которой чести и славы достойны будемъ, аще не воспримемъ храбрства и дадимъ себе въ страхованіе, и повержемъ свое благочестіе, и отженемъ отъ себе мужество, и воспримемъ жалѣніе о своихъ сокровищахъ? Егда бо жена зачатъ во чревѣ и начнетъ

тяготити быти, такоже и мычъ, богатство (23) воспримимъ и гордости наполнившись, поверкнито нарочъ единовѣрныхъ своихъ и оставяете любовь со единовѣрными своими, послѣди же и сами возрыдаете, и повержени будете, яко худыя рубы на земли, и поираемъ ногами, нитъязже брегоми. Отложите гордость и одерзайте отъ себе страхованія, и облецытеса въ храбрость! (24) Аще ли плѣнять вы персы, и расточать и расхищать богатство ваше, чего дѣла тако медлнть? (25) Не ускорите (26) противу нитъ. (27) Якоже и азъ, дѣвнца, иду и восприму мужескую храбрость, и отложу женскую немощь, и облекуся въ мужескую крѣпость, и препояшу чресла своя мечемъ, и возложу на ся броня желѣзная, и шоломъ возложу на женскую свою главу, и восприму копіе въ дѣвнчій свои рудѣ: (28) и возступлю въ стрелы воинскаго ономочія: не могу (29) бо слышати враговъ своихъ похвалы хулыми, плѣнующихъ жребій Богоматере Пречистыя Богородицы данныя (30) помощь и храбрость о своихъ (31) достоинствахъ. Персамъ убо зрящимъ и безъ сна пребывающимъ. (32) якоже жонѣ приближающаея часу родити (33) чада своего, въ великомъ разстояніи тѣла своего пребываетъ, такоже и персы во многомъ истомленіи; нимъ мы же ускоримъ (34) противу нитъ, и во дадимъ вступяти на страну свою, (35) придемъ на нихъ съ помощію пречистыя Богоматери; (36) аще воскощеть владычица Богородица, и подасть намъ побѣду на враги: вся убо ей возможна суть. Но отягчайтеса своего ради благородія, (37) и идомъ на нихъ, и начнемъ; а пречистая Богоната совершитъ ны: азъ бо на предъ васъ начну братиса со враги.» Волможанъ же слышавшихъ таковая (38) отъ устъ ея, и охрабришася (39) велии, и собравше вся вой, и рекоша къ ней: «Державъ, госпоже, державъ!» И повелѣ Динара дѣвнцу царицу уготовати вся вой своя, а сама самодержательница царица поиде (40) въ Шабренскую монастырь, помолитися Пречистѣй Богородицѣ о дарованіи помощи на враги: а поиде бо сама итпннца ногача босыха (41) по терпю и по остроу камению и жесто-

кому пути, и прииде въ монастырь, и вниде въ церковь пречистыя Богоматере, и припаде ко образу (42) ея на колѣну свою, и рече молитву: »Владычице Дѣво, госпоже Богородице! Въ твоємъ жребіи азъ державствую по твоєму преданію, еже еси мнѣ предала своимъ милосердіемъ, отца моего власть восприяла еси, ты же, госпоже владычице Богородице, мнѣ немощной чадѣ вручила еси надъ своимъ достояніемъ державствовать; но видѣхъ, госпоже, гордого сего персиянина, надѣющагося на себе и уповающаго на множество воинства своего. Азъ же, царице госпоже Богородице, надѣюся на ти и уповаю на милосердіе твое, и помощи отъ тебе прошу; не дай же, госпоже, своего достоянія на поганіе врагомъ нашимъ, и востави (43) въ помощь нашу, (44) не остави уповающихъ (45) на ти! Но, о владычице! потыши на враги и ускори на помощь нашу, и даруй храбрость немощной чадѣ, и сокруши враги своя и покори подъ ноги наша. (46) Аще, госпоже, твоимъ посѣщеніемъ (47) и непобѣдимымъ восводствомъ, Богомати, побѣдиши враги твоя, и вся намъ предаси (48) еже отъ персиянъ сокровища да не восприму на расхищеніе, но вся отдашь, госпоже, въ дома твоя, на украшеніе церквейъ дамъ (49) и на воспоминаніе твоея помощи и заступленія, еже показала еси милость во своимъ жребіи.

И по молитвѣ взыде изъ церкви, и сѣде на конѣ свой, и рече ко всѣмъ воємъ (50) своимъ: »Друзи и братія! азъ главу свою напредъ васъ хочу сложити за

достояніе пречистыя Богоматере и за свое благочестіе, и за все православіе нашея державы; аще ли же вы тако сотворите, Богъ да посѣпитъ наць, и пречистая его Богомати да дасть вамъ помощь; аще ли же того не сотворите, Богъ да сокрушитъ, (51) и пречистая его Богомати да предасть васъ въ работу и въ расхищеніе, якоже и Еврсе.

И сія изрече Динара, и поиде изъ своєи державы въ сѣтевіе перскаго царя (52) Адрамелеха, и приближися къ полкомъ перскимъ, и взявши коніе свое, и ударися скоро на перскія полки, и возоми гласомъ велимъ, во услышаніе обонихъ полкомъ: »Господа нашего Иисуса Христа силою и пречистыя его Богоматере помощію!« И отъ гласа того устрашишася персяне, и начаша ѡбжати; Динара же, и вся вои оя съ нею, погнаша ихъ и сѣчаху ихъ безъ милости; и удари персянина коніемъ, и пронза, и ятъ перскаго царя Адрамелеха, и отъять главу ему Динара, и возоше на коніе свое и несе во градъ Товризь перскій, и вріять градъ, и пѣши, и взять вся сокровища прежнихъ царей, и каменіе многоцѣнное, и блюдо лавное, (54) на немъ же ядше Навуходносоръ царь, и жемчюгу (55) драгата, азата же многого множество, и вѣсть числа. И возложи дань на персы (56) на свою потребу, и на масти драгія, ашамаги (57) повелѣ на свои конскіе подковы янати, (58) и возвратися Динара во свою страну, показавши славную побѣду, помощію пречистыя Богоматаре Богородицы побѣди враги гордыя. (59)

ОТМѢНЫ ВАРИАНТА

Румянц. Муз. № 378.

1 сл. во всю и проч. властодержавство свое

2 и праведнымъ судомъ.

3 сл. Пѣтрію.

4 царяда.

5 сл. посланники перскіе съ такими глаголы приидешиє.

6 сл. персяннѣ.

7 сл. посланіе.

8 приидеши.

9 сл. отписавъ до слова сиде—царица, слышавъ таковыя глаголы отъ перскаго царя посланниковъ, отсла посланіе его.

- 10 *сл.* *бегствие до слов* яко: — по чести тебе не будет.
- 11 *сл.* *поубиши*.
- 12 слышатъ Персидишъ, возварися люте, и
- 13 *сл.* *со мнози ошлочиеніемъ*.
- 14 *сл.* *перскихъ вой*: — перскаго цари и его воинства;
- 15 *царица*.
- 16 *сл.* *вои*.
- 17 *сл.* *Господь до слов* по нечтгчайтеса — Богъ ли дарова
внѣ побѣду? И мнѣ той же поможеть намъ!
- 18 *сл.* *работство*.
- 19 *сл.* *кую*.
- 20 *сл.* *воздаднѣ*.
- 21 *сл.* *народнѣ*.
- 22 *сл.* *вознугѣ*.
- 23 *и честь*.
- 24 *сл.* *дробрѣство*.
- 25 *сл.* *закосвѣсть*.
- 26 *сл.* *по ускоришь*.
- 27 *сл.* *варварѣ*.
- 28 *сл.* *дани*.
- 29 *сл.* *по дошу*.
- 30 *намъ* отъ всѣхъ державъ; та бо царица поасть намъ.
- 31 *свасени* и
- 32 *сл.* *со слов*: Персидишъ: — о неже убо Персидишъ борзацишъ,
и боль сна пробывающнхъ, и конешъ ихъ томашеса день
и ноць, и въ великои трудѣ пребывающнхъ.
- 33 *сл.* *рожденіа*.
- 34 *внѣ*.
- 35 *сл.* *вступити до слов* *придець* — внити во страну.
- 36 *сл.* *съ помощію до слов* *ацѣ* — Богоматерію помощію.
- 37 *сл.* *благочестіа*.
- 38 *сл.* *глаголю*.
- 39 *сл.* *охрабровастеса*.
- 40 *къ Тевризю*.
- 41 *сл.* *вѣшннхъ* *погана* *босыча*: — вѣша, необузенныя *погана*.
- 42 *сл.* *ваде* *вредѣ* *образнѣ*.
- 43 *сл.* *по стани*.
- 44 *сл.* *своишъ*.
- 45 *сл.* *нечтани до слов* *по о* *владычнице*: — и возмисъ на-
дѣннчачи на та, и по уничижи уважннхъ на та.
- 46 *сл.* *нодѣ* *нодѣ* *вѣрующнхъ* *въ та*.
- 47 *сл.* *постѣщеніемъ*.
- 48 *сл.* *вреданная* *тобою*.

- 49 *сл.* *твоишъ*.
- 50 *сл.* *всводамъ*.
- 51 *вастѣ*.
- 52 *сл.* *акожѣ* *Паранте(и)скихъ* *персѣвъ*.
- 53 *сл.* *персанина*.
- 54 *сл.* *зальное*.
- 55 *сл.* *бисеру*.
- 56 *сл.* *Тевриза*.
- 57 *сл.* *ашамахтѣю*.
- 58 *и* *протѣи* *градъ* *раздаде* *великошнѣ* *своишъ*.
- 59 *въ* *рукон*. М 457 здѣсь оканчивается повѣсть. Въ *рукон*.
же *Румицъ*. Муз. М 378 повѣсть разсказывается дальше:
«... Такую Пречистая дарова помощъ немощной ча-
ди, и тако храбрство показа женскимъ ошлочиеніемъ; и
отъ такового гласа дѣвнчи только ивожество перскихъ
дѣи устращиса, и таковыишъ произеніемъ дѣвнча конья-
ни иза (!), и таковою скоростію дѣвнча гласъ отъ стра-
ха персидишъ охертѣша, и таковое дерзновеіе дѣвнчи да-
рова въ чужю страну, и такову державу немощной ча-
ди вручи, и таковъ разумъ дарова Богоматерію сокрови-
ща царская общаніе свое исполни: блюдо зальное, и ка-
меніе драгое, и бисеръ, злато; и всѣ царскія потреби,
еже взятъ отъ персѣ, раздаде въ доми Божиа во своей
области, и не прикоснуса ни ко единому отъ царскихъ
сокровищъ, на воспоминаніе Богоматери, еже дарова
ей такову помощъ. И нача держати властьдержавство
свое тихо и немятежно и съ персѣ данъ имаше, и до
преставленія своего нактоже смѣшае отъ того времени
дерзнути или прикоснутися отъ окрестннхъ ея странъ,
и повсегда Пречистыя заступленіемъ пребываютъ, никаки-
же обладаеи. И праваше власть свою тридесать и осми
лѣтъ и шесть мѣсѣцъ, и предасть власть сродавкомъ сво-
ишъ на преставленія своихъ, и погребена бысть въ Шар-
бенскомъ монастырѣ. Даже доднесъ нераздѣлно держав-
ство иверское пребываетъ, а нарицаются отъ рода Да-
вида цари, еврейскаго колѣна. Богу нашему слава, и Пре-
чистой его Богоматери, мнѣ и присво и во вѣки вѣкоиъ.
Аминъ.»

Внизу этой послѣдней странички сдѣлана похѣтка дру-
гой рукой, другимъ черъ писани, илкимъ шриотомъ:

«Лѣта 7101-го декабря въ 24 день былъ у государя цари
и великаго князя Феодора Пвановича носолъ Иверскаго ца-
ря Александра, Аранъ князь, да архидиандрѣ Кирилъ.»

ПОВѢСТЬ
О ПРЕКРАСНОМЪ ДЕВГЕНИИ.

1900

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

ПОВѢСТЬ О ПРЕКРАСНОМЪ ДЕВГЕНІИ.

(Минер. Публ. Библ. Импод. Эрмитаж. № 773.)

ДВАНІЯ ПРѢЖНИХЪ ВЪЧЛІВІИ И ХРАБРЫХЪ ЧЛІВІИ, СЪ ДВРВОСТИ И СЪ ХРАБРОСТИ І СЪ БОДРОСТИ ПРѢ-
КРАСНАГО ДЕВГЕНІИ.

Бѣ вѣкая вдова царскаго роду и предала себя во спасенію — отъ церкви николи же отхождаше, — и бысть у нея три сына великими и величарми, молитвою же матери своея дѣюще храбрость о дѣлахъ своихъ. У тойже вдовы бысть дщерь величлива и величарна красотю лица своего, и услыша о красотѣ ея дѣвцы тое Амръ царь Аравитскіе земли и собра войска своего множество много и поиде пакости творити греческой землѣ, для ради красоты дѣвцы тое. И приде въ дощъ вдовы тое и воспитивъ прекрасную дѣвицу Амръ царь мудростію своею и невидитъ бысть никимъ же въ греческой землѣ, но токмо видѣ единая жена стара дому того; а матери ея въ то время бысть у церкви Божіи, а сынове во иной странѣ на землѣ. И приде же вдова та отъ церкви Божіи, и пообрѣте прекрасной своей дщери и нача вопрошати въ дому своемъ рабъ своихъ и рабынь о прекрасной своей дщери, и рекоша ей вси рабы дому ея: «не вѣдаемъ, госпожа, дщери твоей прекрасной», — но токмо одна жена стара дому того видѣла и сказала госпожѣ своей вдовѣ: «приде, госпожа, аравитскіе земли Амръ царь, и воспитивъ дщери твою, а нашу госпожу, мудростію своею, и невидитъ бысть въ земли нашей». И слытавъ же то вдова отъ рабы своея и нача терзати

воласы главы своея и лице, и нача плакати о прекрасной своей дщери, и рече: «зубы мнѣ, океанной до-вицѣ, ащю бы были чада моя дома, да шодъ бы угонили Амра царя и отняли бы сестру свою». По шалѣ же армянни придоша въ домъ чада ея и видѣше плачь матери своея, и начаша вопрошати матери своея: «скажи намъ намъ матери наша, кто те обидѣлъ, царь ли или князь града сего; токмо насъ не будетъ въ животѣ, то жъ ты обидима будешь». Рече жъ мать ихъ: «чада моя милая, никимъ же пообидѣна града сего, развѣо нѣма есто у себя вы одну сестру и та мнѣ восхищена руками Амра царя аравитскіе земли; а урва ни сердечное коропѣ, и уице на яко бездушную трость; а мнѣ заклинаю вы, чада моя возлюбленная, да не прслушати намъ заповѣди моея: идите вы, угоните Амра царя и отойдите сестрицу свою прекрасную; ащю сестры своея не возмете, и вы и сами тамо главы своя полоте за сестрицу свою, и я оплачу и объ васъ, яко безчадна суть». И рекоша же сынове ея: «матери наша милая, не скорби ты о томъ, дай намъ благословеніе свое и молитву; вскорѣ скрыемъ путь свой». — И препоясаша на себя оружія своя, и всѣдоша на кони своя, и побѣзаша, яко златокрылатые вострбы, кони же подъ ними яко ле-

таку, и добыча сумезья срацмыскія земли, и срътоша нѣкоего срацмынина, стражи бдуша, и начаша братаничи вопрошати его: «повѣждь намъ, братіе, колко до жалюща нашего Амира царя?» Срацмынинъ же изволече мечь свой и течаше на нихъ дерзостно, а чаше яко бѣглецы суть, а не вѣдая ихъ дерзости. Схвативъ же ихъ меншей братъ и ухвативъ же срацмынина за горло, и припча его ко братіи своей и хоташе его убити; рече жь болшой братъ: «братіа моя нилая, чѣмъ намъ о срацмынника мечь свой сквернить, и ны осквернишь о самого Амира царя, той бо есть намъ виновъ.» А сего срацмынина привезаша на горѣ у древа, а сами повѣзаша путень тѣмъ, и срътоша нимахъ многихъ стражей Амира царя; отъ великіа рекомыя рѣки Баграницы; быше же ихъ числомъ 3,000. Видѣша же братіа великую стражу Амира царя; и рече жь ихъ болшой братъ: «братіа моя нилая, во единомъ ли нѣстѣ намъ вѣзати на стражу Амира царя?» И рече середній братъ: «братіа моя нилая! то есть стража великая Амира царя, и ны раздѣлимся на троє.» Болшой братъ воше съ правыа руки, середній въ болшой волкъ, а меншой съ лѣвую руку, и восточаша на амировыхъ стражей, и начаша ихъ бити, яко добрыа косцы траву косити, овиныхъ настѣкоша, а овиныхъ сазаша и праведоша на гору высокую, и гнаша ихъ передъ собою, яко добрый пастуахъ овца, и пригнаша ихъ на гору и побиша, токмо тремъ нужень животъ даша провоженія ради во Амиру царю. И начаша ихъ вопрошати: «повѣждьте намъ, срацмынине: во градѣ ли нашъ Амиръ царь пребываетъ или въ градѣ?» Отвѣщавъ же ихъ срацмынине: «господіе три братіе, Амиръ царь нашъ въ градѣ пребываетъ, за семь поприщъ отъ града, и подъ тѣмъ градомъ многю шатры у него стоятъ, а въ шатеръ во единъ многія тысячи вѣщуются сильныхъ и храбрыхъ кистей: единъ на сто напуститъ.» И рекоша же братаничи: «братіа срацмынине, аще ли бы мы не боялися Бога, давно бы васъ смерти предали; но вопрошаемъ васъ: повѣждьте намъ, каковъ шатеръ Амира царя нашего?»

Рекоша же ихъ срацмынине: «Амира царя шатеръ червленъ, а по подолу зеленъ, а по шатру золотомъ и серебромъ и жемчюгомъ украченъ и драгимъ каменіемъ украшенъ; а у брата его шатеръ синъ, а по подолу зеленъ, а по шатру тако жь золотомъ и серебромъ украшенъ, а нимахъ многія шатры стоятъ, а въ нихъ пребываютъ многія кмети, а омяють у царя прибытку на годъ по 1,000 и по 2,000, сильніи и храбріи суть: единъ на сто человекъ найдеть.» Братаничъ отпустиша тѣхъ срацмынъ трехъ ко Амиру царю своему словомъ вѣсть... да не рекъ бы онъ такъ Амиръ царь, что ны придоша къ нему татемъ. И рече срацмыномъ братаничи: «повѣдите вы во своея.» Срацмынине жь ради бысть отпущенію ихъ, сазаша царю своему; слышавъ же то Амиръ царь и ужастенъ бысть, и призавъ кметевъ своихъ и рече ихъ: «братіа моя, сильніи кмети! видѣхъ я почесь сонъ, яко истребы три бѣюще на крылы свои и едва не вредюжиша ка тѣмъ носемъ ранъ; занеже братаничи сіи придуть, и начнутъ ярю творити.» Въ то жь время прѣвѣзаша братаничи къ шатру Амира царя и начаша еликаго Амира царя: «царю, поиди возъ въ шатра, повѣждь намъ: Амиръ царь, что еси неучишь на пути стражей ставити? ны жь къ шатру твоему прѣвѣзаша безо всякіа оборони, а нимахъ повѣждь намъ... пришедъ и испиталъ еси сестру нашу татбою; аще бы мы вѣноры были дома, то не могъ бы ты убѣжати съ сестрою нашею, но злою бы ты смертію умеръ, но и вся бы земля твоя отъ насъ въ работѣ была! А нимахъ повѣждь намъ, гдѣ сестрица наша?» Отвѣщавъ же Амиръ царь: «братіа моя нилая! видите гору оную велику и прекрасну: тамо бо посѣчены многія жены и прекрасныя дѣвицы, тамо же и сестра ваша посѣчена, занеже она не сотворила воли моея.» И рекоша же царю братаничи: «зело ти отъ насъ будетъ!» И поидоша они на тою гору искати сестры своей, мертвого тѣла ея, и видѣша на горѣ многія жены и прекрасныя дѣвицы посѣчены, и начаша сестры своя тѣла искати, и обрѣтше едину дѣвицу прекрасную зѣло, и начаша по ней сле-

ны испуцати, чающе, яко сестра ихъ: Рече же ихъ меншій братъ: «обратіе! нѣсть сестры нашей! то есть не наша!» И сѣдшо братаничи на кони своя, и воиша нѣсь ангелскую велегласно ко Господу: «благословенъ Господь Богъ нашъ, научая рудѣ мои на околченіе и на брань!» И рече они между собою: «вспоминихъ, братіе, слово и приказъ матери своа: днесь ся родили, днесь ся мы и скончаемъся по повелѣнію матери своа, и главы своя положимъ за сестрицу свою.» И прискочиша къ шатру Амира царя, и шатерь его на коня своя водияша. И рече же ихъ Амиръ царь: «братіа мои милая! отъѣдите вы прочь отъ шатра сего и взоичте вы межъ собою жребіи, кому отъ васъ со мною выметца жребіи битися; аще ѿя преодолеете, то и сестру свою возмете: аще азъ васъ преодолею, и нѣтъ годно васъ всѣхъ поспѣти.» Братаничи жъ отъѣхаша отъ шатра его и начаша метати жребіа, и вергоша жребіа спервыи и вынися жребіи меншему брату на брань ѣхати. Братіа жъ въвергоша въ другой рядъ жребіа, што не меншему ѣхати битися противъ Амира царя, понеже силонъ есть; и въ другой рядъ вынися жребіи меншему жъ брату битися. Они же вергоша жребіи и въ третей рядъ: вынися меншему жъ брату на брань ѣхати битися со царемъ Амировъ, занежъ она съ сестрою изъ единыи матери утробы выѣстѣ шли и во единъ день роженія ихъ. И начаша братаничи меншою брата крутити; а гдѣ стоятъ братаничи, и на томъ нѣстѣ акы солнце сіяетъ; а гдѣ Амира царя крутитъ, и тамъ нѣсть свѣта, акы тма темно. Братіа же ангелскую нѣсь ко Богу возсылающе: «Владыко, не поддай создавіа своего въ поруганіе поганымъ, да не возрадуютца поганіи, оскверня крестьянскую дѣвицу.» — И сѣдшы жъ они на кони своя и сѣхася они вмѣстѣ со Амировъ царемъ, и начаша сіи сѣщы саблями и ударихася межъ собою копьями. Видѣша жъ то срациниво и вногѣа кмети дерзости меншого брата и рекоша Амиру царю своему: «великій господине, Амуре царю, отдай ихъ сестру ихъ и прими миръ отъ нихъ, се бо единъ

меншій братъ ихъ крѣпость твою побѣждаетъ: аще совокуятца вси три во едино мѣсто, то вся земля наша отъ нихъ въ работѣ будетъ. Меншій ихъ заѣде создаи Амира царя и удари его межъ плечь и долу его съ коня сверже, и увати въ же его за власы и прича его ко братіи своа. И рекоша ихъ вси срациниво велегласно Амиру царю: «отдаи, Амуре царю, сестру ихъ ихъ, да ты не погубишь до остатку.» Рече ихъ Амиръ царь: «вспоминуйте ли, братіе милая, днесь крещуся во святое крещеніе, любве ради дѣвицы тоя, да буду вашъ зять.» Рекоша же братаничи: «брате, Амуре царю, власть иманъ поспѣцы ти и власть иманъ пустити ты, — какъ вашъ за холоня выдать сестру свою, а вынѣтъ побѣждъ вашъ, гдѣ сестра наша?» Рече же ихъ Амиръ царь слезно: «братіа! видите оно въ полѣ прекрасно: тамо стоятъ многѣа шатры, а въ нихъ сѣдѣтъ сестра ваша; а гдѣ сестра ваша ходитъ, и тутъ поославо новолокани златыи, а лице ея покрыто драгимъ магнитомъ, а стражію ея стрежаду далече отъ шатровъ.» Слышавъ же то братіа радостныи быша и поскочиша стражію (?) къ шатру ея и прискочиша; стражію же не рекоша ихъ ничегожъ, а чающе; яко приходцы суть, а не чающе, яко братіа ея. И придоша же братіа къ шатру, и видоша въ шатерь къ сестрѣ своа, и обрѣтше же сестру свою на ала(тѣ) стулѣ сѣдѣщу и лице ея покровомъ драгимъ магнитомъ; начаша же братаничи вопрошати слезно: «побѣждъ вашъ, сестрица, дерзость Амира царя, аще къ тебѣ прикоснулся единочъ словонъ, то отычь же главу его и отвеземъ въ греческую землю, да потомъ не будетъ похвалятися, осквернивъ крестьянскую дѣву.» Въ то жъ время Амиръ царь собра триста верблюдовъ, и наполни на нихъ драгаго злата аравитцкаго, и далъ братаничемъ въ даровыхъ, любви ради дѣвицы тоя. И рече ихъ Амиръ царь ко братаничемъ: «вспоминуйте ли, братіа мои! отвергуся я въры своа и днесь крещуся во святое крещеніе, да буду вашъ зять.» Рекоша же братіа къ сестрѣ своа: «побѣждъ вашъ, сестрица наша, аще со Амировъ царемъ сразу добыла

еги, то мы отнимемъ главу его и отвеземъ въ греческую землю, да не будетъ похвалити. оквернишь крестьянскую дѣву. Рече же дѣвица ко братіи: «никакоже, братіа, не имѣйте никакова о мнѣ во умѣ своемъ: коли я исхищена Амиромъ царемъ, и тогда было при мнѣ 12 кормилицъ, а нынѣ боюсь поношенія отъ людей и отъ своихъ сродницъ, занеже бысть помощница; занеже и азъ повѣдала Амиду царю дерзость вашу, и Амидъ царь всегда ко мнѣ приближалъ едино мѣсяцъ и издалеча на меня смотришь; лице мое повелѣ сродичемъ своимъ скривати, а въ шатеръ никто николиже входило; а нынѣ, братіа моя милая, хочу къ вамъ глаголати, да прежде хочу васъ заклинати молитвою матери нашей — да не преслушати вамъ заповѣди моя: аще только отвержетца Амидъ царь правдою вѣры своея, и двесь креститица во святое крещеніе и много вамъ занята (зятя?) такового не обрѣсти, занеже славою славенъ, и силою силенъ, и мудростію вудръ, и богатствомъ богатъ. Рекоша же братіа къ сестрѣ своей: «совокунить васъ матеря молитва со Амидомъ царемъ. И рекоша братанича Амиду царю: «аще хочешы быть намъ зять, и ты отвергися вѣры своея поганья, любво ради сестры нашей; двесь крестись во святое крещеніе и поѣди къ намъ въ греческую землю, по любимой своея дѣвицы. И рече же мнѣ Амидъ царь: братіа моя милая! подажся азъ вамъ; по сути гречена, яко наполнивъ зятя въ домъ свой ведуть; нарекуся азъ вамъ зять съ великою честію; хочу прежде вѣхати и избирать верблюды со всей земли и наполнати на нихъ богатства, и хочу избрати сильныя кони, а хто хочеть со мною итти во святое крещеніе, и прииду къ вамъ въ греческую землю и нарекуся вамъ зять и буду славенъ и богатъ; а вы коней своихъ не точито: подождите мя на дорогѣ. Братіа жь, везше сестру свою, и поѣлаша путемъ своимъ, а Амидскій царь (?) приближавъ къ матери своей и къ брату своему и нача имъ прелестію глаголати, да чтобы его не увиди, и рече матери своей: «матушка моя милая! что ходишь въ греческую землю и поло-

нишь себя любимую дѣвицу, и придоша во слѣдъ ко мнѣ братіа ея и начаша со мною битись, и одинъ отъ нихъ, женины братъ, крѣпость мою побѣдилъ; аще бы совокунились всѣ три брата во единое мѣсто, то и вся земля наша отъ нихъ въ работѣ была. Рече же мати ко Амиду царю, сыну своему, гнѣвно, и власы главы своея нача терзати и лице свое, и рече ему: «а что нарекаешься царемъ и сильныя кони у себя имѣешь, придатку емлютъ по 1000 и по 2000, а ты идмъ нынѣ, и совокуни войска своего, и иди въ греческую землю, и побѣди братію, и любимую дѣвицу приведи ко мнѣ. Амидъ же рече къ матери своей прелестію: «матушка моя! азъ хочу тожь сотворить, собрати войско много и иди пакости творить въ греческую землю. И рече братъ Амиду царю: «поидохъ, брате, вскорѣ, собравъ войско свое, да не допустихъ братію съ любимую дѣвицею во градъ. И рече Амидъ царь ко брату своему: «если ты, брате, на престолѣ моемъ, а азъ единъ хочу вѣхати пакости творити въ греческой землѣ. Въ то жь время Амидъ царь посади брата своего на престолѣ своемъ, а самъ собра войска много, и собра богатства и верблюды со всей (земли) и наполни на нихъ драгатаго злата аравитцаго и каменія драгатаго многоцѣннаго. Видѣвъ же то Срациманъ, яко на рать не ходеть тако, а не глаголаша ему ничего. Доиде же Амидъ царь до суможія Греческія земли, и рече Амидъ царь ко Аравитяномъ: «братіа моя милая, сильніи и храбрии Аравитяне! хто хочеть со мною дерзость творить, той поиди со мною въ греческую землю пакости творити! И рече отъ нихъ единъ Аравитянинъ, во устѣхъ мѣхъ у себя дванадцать замковъ, и рече велегласно ко Амиду царю: «великій государь, Амидо царю! придохъ отъ греческія земли въ нашу Срациманскую землю три юноши, и одинъ отъ нихъ крѣпость твою побѣди; аще бы всѣ были три совокунились во единое мѣсто, то бы и земля наша отъ нихъ вся въ работѣ была; а нынѣ ты хочешь итти въ греческую землю, то они насъ и до остатку всѣхъ погубятъ. Амидъ же царь, отпустивъ богатство, на-

многочисленныя казны верблюды, впередъ въ греческую землю, и взявъ ценного коней своихъ и поиде въ греческую землю. Братанчи же не доидоша греческаго града за пятьдесятъ попришь в сташа на полѣ; сестра же ихъ начатъ имъ молитися: «братія моя милая! не введите мя въ срамъ великій отъ челоуѣкъ и отъ своихъ сродникъ, занеже азъ всхищена была руками Амира царя; подождите зятя своего нареченного Амира царя.» По полѣ же времени приидоша къ нимъ Амиръ царь со всѣмъ (воискомъ) богатствомъ и съ верблюдами, наполненными златомъ и серебромъ, и рече Амиръ царь: «слава Богу, благодѣиющему мнѣ, яко сподобилъ мя Богъ братію въ очи видѣти.» И рече братія ко Амиру царю: «раба Христова. буди ты намъ зять.» Два же брата, большой и середной, съ сестрою своею поѣхаша во градъ мошю, народа ради, и выидоша въ домъ матери своея, и видѣвъ же матеръ два сына и дочь свою, и рече имъ слезно: «сострицы вы свою добыли, а братца изгубили есте!» И рече ей сыновю ея: «радуйся, мати, и возелси, братъ нашъ меншій пребываетъ съ зятсмъ нашимъ нареченнымъ, со Амиромъ царемъ; а выишь ты, мати, до свидѣній братъ великъ, занеже еси добыли зятя: славою славенъ, и силою силенъ, и богатствомъ богатъ; а выишь намъ ево звестнъ во святое кроуцію.» И вземши патриарха града того со всѣмъ соборомъ, и приидоша на Берантъ рѣку и сотвориша кунель, и выидоша изъ града множество народа. Видѣвшю же (то) братанчи истомна Амира царя отъ народа, братанчи же повелѣ Амира царя вскорѣ крестити во имя Святаго Духа, и крестивша его самъ патриархъ, а отецъ былъ крестной царь града того. И поидоша въ домъ матери своея, и сотвориша свадьбу по 3 мѣсяца; и потомъ Амиръ царь сотвори себѣ особый дворъ и палаты и жива нача съ своею любимою дѣвицею. По томъ же времени услыша мати Амира царя, что онъ крестися и отвергся вѣры своея, любве ради дѣвицы той, и нача терзати власы главы своея, и собра войска своего много (же) множество и рече имъ: «кто имѣеть дер-

зость вйти въ греческую землю къ господину своему Амиру царю и извести его изъ Греческія земли любимую дѣвицею его?» И рече на азъ си три срацилине: «мы, госпоже, идемъ въ греческую землю и носемъ.... книги ко господину своему, царю Амиру.» И она же имъ даша много златницъ и даша имъ три коня: конь, рекомыи *вѣтреница*, вторымъ *громъ*, третімъ *молнія*: «аще выидите въ Греческую землю и увидите господина своего Амира царя, и изведите его изъ Греческія земли, и сядете на вѣтреницу» и вы невидимъ будете выкичь же: аще выидите въ Срацилискую съ господиномъ своимъ Амиромъ царемъ и со дѣвицею его любимою, и сядите вы на громъ-коня, и тогда услышать вси аравитіи срацилискія земли; аще сядете на молнію и невидимъ будете въ греческой землѣ. Срацилине же взяша три коня и книги ко Амиру царю, и поѣхаша путемъ своимъ, и приѣхаша подъ градъ Греческій, и сташа внею града въ сокровенномъ мѣстѣ, и выидоша на молнію, и невидимъ бысть въ греческой землѣ. Той же ноцы царь Амира царя, прекрасная дѣвица (царица), видѣвшю сонъ и ужасна бысть...., и поѣхаша братіямъ своимъ: «братія моя милая! видѣла я сонъ: въ нѣкое время влетѣша въ полату мою златокрылати соколъ и азъ на нѣмъ взясо изъ палаты моея, и потомъ прилетѣша три враны и напустиша на сокола, и соколъ на опусти.» Братія же собраше во градъ вса волхвы и книжницы и фариसेя, и поѣхаша сонъ сестры своея. И волхвы же речеша братіямъ: «мошоужу нашу, прекрасную дѣвицу, зятя вашъ новокрещенный Амиръ царь, по повелѣнію матери своея, хочеть выхитити изъ палаты и отвязати въ Срацилискую землю, и съ любимою сострицею вашею; а три врава, то суть три срацилинина — стоять за градомъ въ сокровенномъ мѣстѣ, прислави суть ко Амиру царю отъ матери съ грамотами.» Братія жъ, прииде къ Амиру царю и начаша его вопрошати и обличати; онъ же клонися имъ живымъ Богомъ, и вземъ же онъ Амира царя и поѣхаша съ нимъ за городъ съ книжницами и съ архи-

гелми, и обрѣгоша за градомъ три срацинина, и они же и мчаша ихъ и начаша вопрошати. И они же и чь скашаша всю тайну, и влѣвъ ихъ во градъ и крестиша ихъ во свитое крещеніе, и начаша жить у Амира царя, а кони ихъ взявъ Амиръ царь и роздалъ братамъ своимъ, шурьямъ своимъ. И потомъ книжники начаша проповѣдывать о рожденіи Девгеніевѣ, и потомъ царица Амира царя прія плодъ во утробѣ своей, мужеска полу, и родитъ сына, и нарекоша имя ему Акритъ, и свергоша его въ божественное крещеніе и нарекоша имя ему: прекраснымъ Девгеномъ, а крестиша его самъ патриархъ, а мати крестная царица града того; — и бысть во градѣ томъ два царя да четыре царевича. И потомъ воспитавше Девгенія царевича до 10 лѣтъ; на нервоснадесять лѣто и на второе начаша конемъ играть, а тротеннадесять лѣто начаша на добрыхъ коняхъ ѣздити, и бысть гораздъ на драгантѣ храбровать, а драгантъ подъ нимъ играетъ. Самъ же юноша красенъ велич, лице же его яко свѣтъ, а румяно яко макъ цвѣтъ, власы же его яко злато, очи же его велики велики яко чашы, пристрашно зрѣти на него. Отецъ же его избра ему конь бѣлъ, яко голубь, а въ гривѣ его учинены многіе звонцы; отъ прегуданія и ушь человѣчь не можетъ слышать; а какъ юноша пачнетъ на томъ конѣ скакать, а конь водъ нимъ играть, и тѣхъ звонцовъ прегуданія ушь человѣчь вслушитца. На четвертое же лѣто на 10 ѣздиха прекрасный Девгеней на всякій звѣрь безъ оружія, и нача отца своего мудити; отецъ же его нача ему говорить: «чадо! рано тебѣ о ловѣхъ звѣриныхъ мыслити.» И повелѣ кони свои сѣдлати и на ловъ ѣхати со юношами и съ шурьями своими. Люди же града того многіа поидоша на ловъ смотрѣть преславнаго того чудеса, како сій юноша прекрасный, младъ, хочеть звѣриною дерзость ивѣти. Отецъ же его повелѣ шайцы изъ острова выгонати и нача ихъ ловити со исами; преславный же Девгеней посятъяся и рече: «отче! не тако звѣрей ловати, но побѣдемъ въ дальне пустыи лѣса.» Отецъ же его побѣде съ нимъ, и многіа

люди поидоша за ними смотрѣть храбрости его и дерзости, прекраснаго того Девгенія; и доѣхаша до темна лѣсу, и слѣзе съ коня своего, и нача по лѣсу ходити и смотрити какова звѣря, и видѣ прекрасный Девгеней лося бѣгуща и сугна его ивѣшь, яко борзые.... (борзѣе?) борзлаго фарижа, и догнавъ, ухвативъ его за задніе ноги и раздра его на двое, и влече его положи на руку; и видѣвъ же медвѣдя лѣсомъ бѣгуща, Девгеней же храбрый видѣвъ медвѣдя, и воскочи, и догнавъ медвѣдя, розодравъ его челюсти и разодравъ его на двое. И видѣвъ же его храбрость и дерзость, отецъ его и вси люди и удившася зѣло; люди же многіа ту столахуся и двалыхуся. По малѣ же времени видѣше отецъ его изъ острова бѣгуща, изъ густова лѣсу, лютый звѣрь разѣемше челюсти свои и хотящо проглотити юношу; отецъ же его рекоша: «чадо мое милое, Девгеній, помет ай мертвая, зри живаго — на та бѣжитъ и хочеть та поглотити; той есть не лось и не медвѣдь, съ великою бо обороною приступиса къ нему.» И видѣвъ же юноша, прекрасный Девгеней, лютого того звѣря, и ухвативъ нечь свою и скочи къ нему встрѣчу, и удари его нечемъ по главѣ и разсѣкъ его на двое. Видѣвъ же отецъ его изъ острова и радостенъ бысть зѣло, и пріѣхавъ къ сыну своему, и подѣлова его во уста и во очю, како даровъ ему Богъ такова отрока и подастъ силу надо истии храбрыми и сильными, и рече отецъ сыну своему: «о свѣтзарное солнце, преславный Девгеней! отъ поту звѣринова и отъ лая медвѣжьяя порты на тебя зарудилиса; но идемъ имъ, сыне, отъ сего лѣсу темнаго есть въ сѣкъ лѣсу источникъ водный, въ немъ яко свѣща сілетъ, отъ простыхъ людей не можетъ къ нему никто пріятити, понеже бо въ немъ многая чудеса творятся, и выишь поидемъ, чадо, ко источнику, и азъ самъ тебѣ своими руками омыю лице твоё, и руцѣ, и носѣ.» И видѣша же то граждане, и поидоша граждане зрѣти предивнаго чудеса, и пріидоша ко источнику; и нача отецъ сыну своему лице омывати в руцѣ и носѣ; и рече сынъ, прекрасный Девгеней: «отче, руцѣ мои моешь.

а еще имъ казнимъ бытъ. По томъ же словеси прилетѣ змій великій ко источнику тому, четыре главы у себя имѣя, яко челоуѣчь. Видѣвъ же то прославный Девгеній, и взя мечъ свой и носкочи противу его, и удари мечемъ его, и отня ему всѣ главы прочь. Видѣвъ же то отецъ его и вси людіе, и дивншася чудеси его, и нача отецъ его омывати самъ своими руками, и положиша на него драгоценныя порты съ драгимъ златомъ аравитскимъ, а перерукавіе съ драгимъ нагннтоу, и потомъ же юноша сѣде на конь свой, рекомый на борзыи фари, и нача скакать, а подъ нимъ конь играть, звонцы же его доброголасныи начаша прегудать, и ирѣхаша въ домъ къ матери своей, и нача же мати его радоватися, видѣвше сына своего. и любезно цѣлова его, и съ тою поры прекрасный Девгеней царевичъ нача помышляти о дѣлахъ ратныхъ.

Посланіе Филиппана и отъ дочери его Максиміана къ Девгенію прекрасному.

Слышавъ же то Филиппана и дочь его Максиміана о храбрости и о силѣ прекраснаго Девгенія и начаша они помышляти, како бы его уловить, яко заица въ темномъ. Филиппана же храбръ и силенъ добръ и много у себя войска имѣеть; такоже и Максиміана мужскую дерзость и храбрость имѣеть, и войско ихъ силно и храбро добръ, яко Македоніане. И повдоста на прославнаго Девгенія царевича, не дождаша града греческаго и сташа на рѣцѣ Еорантѣ, и послаша Максиміана грамоты съ прелестію ко прославному Девгенію, а въ грамотѣ пишеть: «о свѣте, свѣтозарное солнце, прославный Девгеней! ты царствуеша во всѣхъ насъ храбрыхъ и сильныхъ, яко май мѣсяцъ во всѣхъ мѣсяцехъ: въ май мѣсяцъ всяка красота земная процвѣтаетъ и дрова лиственное листомъ одѣютца, и вся небесная красота содѣваетца, тако же и ты въ насъ процвѣте, прославный Девгеній; а имѣи молимъ тя, прославне, не полѣнися, прииди къ намъ не во мнозѣ силѣ на Еорантѣ рѣку, да видимъ юность и храбрость твою; а никакоже имѣеть помышленія никакова жъ.» И проче же тоя грамоту прославный Девгеній, и по-

сѣвлася, и рече отцу своему: «мече! хочу ѣхать видѣти прославна и храбра Филиппана и Максиміану дѣву.» Рече же къ нему отецъ его, Амвръ царь: «чадо мое милос, прославный Девгеней! рано тебѣ въ сильную рать ѣхать: еще ты въ ратехъ не бывалъ, и ничево ратнаго дѣла нигдѣ не видалъ, понеже бо Филиппана въ ратехъ храбръ и силенъ, такоже и Максиміана, дщерь его, мужескую дерзость имѣеть, и войско ихъ храбро и много зѣло.» Девгеній же, отписавъ грамоту и посла грека мужа, а въ грамотѣ пишеть: «срамъ ми есть великъ въ томъ противу дѣвци ѣхать битися, а ты, старый Филиппана, во мнозѣ силѣ пришелъ еси и неповинныхъ людей множество привелъ еси ко мнѣ.» Прочеть же грамоту Максиміана дѣвица и рече греку мужу: «никакоже, свѣтозарное солнце и прославный Девгеней, и не имѣи помысла во умѣ своемъ никакова; зажеко ирѣхали ны юности твоей видѣти.» Девгеній же день отъ дни помышляше, како бы ему видѣти храбрость Филиппана, и поять съ собою грековъ пленного, и возне молитву у отца своего и у матери, и вборзѣ сѣде на конь свой, и рече отцу своему: «мече и мати моя! въ томъ вы помышленія никакова не имѣте: никакоже отъ руки челоуѣчскія на тѣлѣ моемъ не будетъ ранъ, зажеко надѣюся на Бога, и на силу Божию, и на вашу молитву.» И поѣде въ путь свой и ирѣде на рѣку, рекомую Еорантѣ, и ста на берегу и посла грековъ своихъ къ Филиппанѣ и къ Максиміанѣ дѣвци; и видѣвъ же то Филиппана девгеніевыхъ людей не много, и нача за ними гонять со всѣмъ войскомъ своимъ. И видѣвъ же то Девгеній храбрый гоненіе своихъ предстоящихъ, и ухвативъ конь свое, и попре въ рѣку концемъ, и перескочи чрезъ рѣку ишъ, яко соколъ дожей отъ руку ловца, и завопи гласомъ великимъ, велегласно: «дайте мнѣ борамъ конь, рекомый фари.» И всѣдъ на конь свой, и нача гонять, яко добрый жнецъ траву косить: въ первомъ носкоцѣ тысящу ноби войска Филиппана; и въ другой рядъ скочилъ, такоже 1,000 жъ побилъ; а въ третій магна Филиппану самаго и удари ево копьемъ, тупымъ

концемъ, межъ плечь, и сверже его съ коня на землю. И видѣвъ же то Максимьяна дѣвица, что Девгеній важуще отца ея Филиппу, и запрявля конь свое, хотяще вробости преславнаго Девгенія создаи его; Девгеній же, видѣвъ то, и ухвати конь ея рукою своею, и удари ея длавию своею по лицу, и сверже ея съ коня на землю, и связавъ ихъ обомъ, а войско ихъ, нныхъ побѣща, а нныхъ живыхъ поимаша ихъ и гваша предъ собою, яко добрый пастухъ овца или козлища, и перегнаша ихъ чрезъ рѣку. Въ ту жь пору старый Филиппа обратися къ Девгенію и рече: «о златокрылатый астрабы, преславный Девгеній! ты славишь еси и силевъ во всѣхъ насъ сильныхъ и храбрыхъ; еще ти есть храбрѣе и силѣе на семь свѣтѣ преславный Стратигъ, нѣтъ у себя четыре сына, а протчая воинства его не можетъ земля держати; и бѣ у него дщерь прекрасная и преславная Стратиговна, нѣтъ и она мужескую дерзость и храбрость, а красотою ея нѣтъ на семь свѣтѣ краше; мнози цари и королѣи храбри и сильни суть, а никто не можетъ ея пояти; хто не прѣдетъ, тотъ не можетъ отъ нѣхъ царства живъ отъѣхать; развѣ тебѣ Богъ одаритъ, а нѣтъ пощади на и старость мою, отпусти мя.» Рече же ему преславный Девгеній: «хочу прежде проповѣдати; аще истинну сказалъ ми еси, тогда нущу ти, толко возложу знаменіе на лице твоо, протчаго ради времени.» Потомъ же и Максимьяна нача ему молитися: «о свѣтозарное, свѣтлоо солнце, преславный Девгеній! мнози ко нѣхъ цари и королѣи присылалися ко нѣхъ храбри и сильни, во нвозѣ слабѣ, а никто на не оскверни единымъ словомъ; всѣ побѣдени новни руками, а нѣтъ Богомъ покоренна еси ми тебѣ; еще ты совокупишыся со мною, да будемъ мы вѣстѣ, и силы нашей не можетъ держати вихтоже.» И рече ея преславный Девгеней, дѣвицѣ Максимьянѣ: «не нѣбу не отъ какова чловѣка помощи, кроишь молити Божіи и матерніи молитвы; та ни поможетъ.» А Девгеній же мудръ бысть велии и взя книгу и посмотрѣ въ нея о житіи своемъ и о смерти, и досмотрѣ въ книзѣ той: аще Девгеній прекрас-

ный совокупится съ Максимьяною дѣвицею, то житія его шеснацать лѣтъ; аще достигнетъ прекрасно Стратиговны, и то житія его тритцать шесть лѣтъ, и кликнувъ велегласно къ греку мужу: «ионди ко отцу и къ матери и моея поздравствуй ему отъ мен великимъ здравіемъ и реки ми: радуйся отче съ матерію моею; что помыслилъ Филиппъ и Максиміан дѣвица, да не бысть нѣхъ тако, — а сего старого Филиппата везито ко отцу моему, а Максиміану дѣвицу отдайте матери моея: аще къ ней прикоснется хоти единъ единымъ словомъ, то не можетъ сей день живъ быти.» И отпусти ихъ впередъ, а самъ назадъ поѣхаша; и прѣѣхаша въ домъ ко отцу своему и къ матери; отецъ же его и мати ради бысть зѣло, сождавъ своего сына преславнаго Девгенія. Преславный же Девгеній нача мыслити во умѣ своемъ о прекрасной Стратиговнѣ, Максимьяну дѣвицу повелѣша матери своея беречь держати въ великомъ бжеженіи, и нача прекрасный преславный Девгеней у отца своего и у матери безпрестави умоляти, како бы ему видѣти преславнаго Стратига царя, и сыновъ его, и все ихъ воиство, прекрасную Стратиговну. Отецъ же его нача унимати «чадо мое нилоо, уймися отъ сего помысла: многіе ты помышляше о самомъ Стратигѣ и о Стратиговнѣ, какъ бы нѣхъ видѣти, да не збылося нѣхъ видѣти ея.» Преславный же Девгеній взя молитву у отца своего и матери, и совокупн воля своя много, и взя съ собою драгоцѣнныи цорты, и коня своего съ звончатини гусли и сяде на борзой свой фארъ, и поѣде съ войскомъ своимъ ко Стратигу царю, и доиде сумезья стратигов земли, и недоѣзжая до града за пять верстѣ, и устал воиство свое, и повелѣ нѣхъ нежъ себе около стражъ крѣпко нѣти, дабы не скрали ихъ; а самъ поѣде прекрасный Девгеній на своемъ конѣ, который въ звонци играетъ, ко граду Стратигову, и прѣѣде во градъ, во врата града Стратигова, встрѣте юношу стратигова двора и вопрошате юношу того о Стратигѣ царѣ и о сынѣхъ его и о самой дѣвицѣ Стратиговнѣ. Отвѣщавъ же емъ юноша: «нѣтъ господина нашего Стратига царя домъ

по въ иной странѣ лова дѣюще и съ четырма сыновьями своими, а о самой Стратиговнѣ вопрошающе мя, господине, ино вѣсть таковыя прекрасныя на семь свѣтъ; многіе суть прѣѣзжали къ ней цари, царевичи, короли, королевичи, а никто въ очи ея не видалъ, и никто жинъ изъ царства сего не выѣзживалъ, занеже Стратигъ нашъ храбръ и силенъ и сынове его, опричь вониства его, а вониству его и сѣты вѣтъ, а храбри суть таковы: единъ на сто напуститъ; и сама Стратиговна мужескую дерзость имѣеть, ниому никому на ея арѣть неподобно.... развѣ тебе. И слышавъ же то Девгеній прокрасный радостенъ бысть зѣло, зане.... и въ книгѣ указано ему прикасатися ко Стратиговнѣ и жить ему тридесать 6 лѣтъ съ нею, и поѣде же Девгеней прокрасный градомъ Стратиговымъ, и прѣиде ко двору Стратигову, и нача възирати на дворъ Стратиговъ. И видѣвъ же то сама Стратиговна и приниче ко оконцу, и видѣ красоту Девгеніову, и нача во унѣ своемъ помышлять, занеже есть красенъ, а не силенъ. Девгеней же ѣдидше по двору и возвратиса назад... и прѣѣхаша въ станъ свой съ новопрѣеннымъ юношею, и нача веселитиса во всю ночь, и повелѣша людемъ своимъ въ типпаны и въ мабаты бити, и въ сурны играти, сѣи рѣчь трубити, и въ гусли играти. И усам-

шавъ же то прекрасная Стратиговна, начаша вопрошати мамокъ своихъ: что-де сіе за играніе подъ градомъ нашимъ велегласное? Рече же ей мамъки: это-де, госпожа наша Стратиговна, прѣиде подъ градъ нашъ изъ греческія земли царевичъ, Девгеній прокрасный, и прославны, и храбрый, а хочеть тебя взяти..... И во утрѣнже поѣде опять во градъ Стратиговъ прокрасный Девгеній на своемъ бѣломъ конѣ, у кося здѣланы звонцы въ гривѣ, и прѣѣхаша ко двору Стратигову, и нача на конѣ своемъ ѣздити, а гудцы и звонцы у коня въ гривѣ начаша играти, и отъ того игранія унѣ исхититьца. И слышавъ же то Стратиговна и приниче къ оконцу своему, и видѣ Девгенія, и рече кормилицемъ своимъ: видите на дворъ и вопросите его, что велию дерзость имѣеть сей юноша ко двору нашему. И выиде же кормилица и нача ему глаголати: во свѣте, свѣтозарное солнце, младый юноша! велѣла тебѣ говорити государыня наша, жалуючи тебя, в.... ты красенъ, а не силенъ, что имѣш... ружіе и дерзость ко двору сему и из... ты изъ града вонъ, откуду еси прѣѣхалъ; аще ли ты заѣдетъ отецъ мой и братія..... (1)

(1) Когда вѣдостоеть. Вѣста, означеннымъ чѣтканіи, не разобран.

ПОВѢСТЬ
ГРАДА ВАВИЛОНА
И СКАЗАНИЕ О ВАВИЛОНСКОМЪ ЦАРСТВѢ.

ПОВѢСТЬ

ГРАДА ВАВИЛОНА.

(Изъ сборника профессора В. И. Буслаева.)

Бысть в Вавилонѣ градѣ царь, именемъ Аксерскъ, славою і честію превыше многихъ великихъ царей. Правъ у себя в сердцы нѣбаше таковъ: аще у котораго князя или у боярина или у вельможи или у простова чловѣка увидитъ с копейку красно на лбу, и гѣхъ людей велитъ на лѣсъ высылать из града вонъ, и выслать да нусть тако и живутъ, хотя и покрутъ. Га убо притча моровое повѣтрне. Родители же ихъ приношаху нитъ асти і нити и на пняхъ покладыва(ху); а родителини свои не съхаждаху много лѣтъ. Много лѣтъ царь Аксерскъ в Вавилонѣ царствовалъ, а люди на лѣсу живяху много лѣтъ, а ними померли, а ими многи порождахуся, и поженлися, і не видали, живучи на лѣсу, ни звѣра, ни птицы. Велики же царь Аксерскъ престависа от царства своего; они же гѣ люди, на лѣсу живучи, слышатъ от сродниковъ своихъ, что царь Аксерскъ престависа, и на лѣсу начаша собиратиса на край лѣсу: хотятъ ітти в Вавилонъ градъ. И обрѣтоша соснѣ сову, а под совою младенца, да гутъ же у сосны дикая коза. Они же недоумѣша какъ ютѣ, и младенцу і козѣ імя дать. И даша імя совѣ юсоръ, а младенцу находъ, а козѣ аханзда; младенцу порое имя Находъ-Осоръ; и видѣша ево: яко левъ бланцемъ; і взяша ево, и начаша питати; и пондо-

ша в лѣсу в Вавилонъ. Вавилонски же князи и бояре, і вельможи, і вси храбрыи вавилонстні витези, і вси вавилонени встрѣтоша сродниковъ своихъ с великою радостію, і виидоша во градъ безчисленъное много великое войско, яко бысть болѣ дву сотъ тысячъ, и бысть в Вавилонѣ радость великая, что вси сродники съѣхалися, нимихъ знающе, іныхъ не знающе; повеже на лѣсу мнози померли, а болѣ того породилися, и поженлися, во градъ вшедъ вѣчашася. И бысть вкупѣ три лѣта безъ царя. В нѣкоторы день вавилонстні князи, и бояре, і вельможи, і витези храбрыи, і вси вавилонени съѣхалися к лобному мѣсту, і начаша советовати и говорити: царя у насъ нѣтъ над нами, всякъ у насъ большой; а нѣмѣ мнози цари с великими силами совокупаютца на градъ Вавилонъ, хотятъ насъ разорити до основаниа. Изъ князей, или из бояръ, или изъ вельможъ выбрать намъ царя. Нитъ много болшихъ, никто не хочеть быти? И усовѣтоваша поставити рогъ со смирною на вратѣхъ градныхъ, и повелѣша ѣздитъ ковыми и ходити пѣшныи из града і во градъ, и над кѣмъ рогъ воскипитъ, тотъ в вавилонскомъ государствѣ и царь будетъ. И воставиша рогъ со смирною, и начаша ѣздитъ и ходитъ из града і во градъ вси от мала и до велика: ни над кѣмъ рогъ не-

воскипнѣ. И какъ послалъ на града і во градъ найденой младенецъ, что на лѣву нашъли под сосною, тотчасъ рогъ воскипѣ со смиромъ. Видѣвъ же велицы витези, и князи, и бояре, і вельможи такое великое чудо, много радовашася, и говоря, и сидоша с коней и бысть с пѣшыми вкупѣ, поклоннишася вси радующеся і веселящеся. Находъ-Осоръ царь скипетродержатель нашь в вавилонскомъ царствѣ буди над нами царь во вѣки! И введоша ево в царской домъ, і въздѣша на него дядицу царскую, и на главу ево возложиша перофру царскую, і даша ему в руки скипортъ царской, и посадиша ево на царскомъ престолѣ, и поклоннишася ему вси князи, и бояря, і вельможи, и храбрый витези вавилонени, і рекоша вси: радуѣся и веселися, велики, и силны, храбры, і велеушны Находъ-Осоръ царь. Царствуй надъ нами во вѣки, оборони насъ и заступи храбростию своею, і волеушнымъ смысломъ от находящихъ на насъ великихъ царей. И бысть в Вавилонѣ радость великая. Находъ царь нача царствовать в Вавилонѣ і бысть мудръ зѣло, и храбръ велик. Бысть же Находъ-Осоръ царь на царствѣ три лѣта, а сѣлъ на царствѣ шесть лѣтъ. В нѣкоторый день Находъ Осоръ царь повелѣ быти всѣмъ княземъ и бояромъ і вельможамъ і храбымъ витезямъ і всѣмъ вавилонянемъ к лобному мѣсту. І въ той часъ всѣ съѣхались. Велики Находъ-Осоръ царь нача говорити: сотворите мнѣ новы градъ Вавилонъ о семи стѣнахъ, на семи верстахъ; а врата бы едины, въсадъ и высадъ, а около града зми велики: глава бы змиева во вратѣхъ градныхъ и с хоботомъ свилася! Они же вси, князи, и бояры, і вельможи, і храбрый витези, і вси вавилонени, царева повелѣнія не ослушались: новы градъ Вавилонъ сотвориша. И повелѣ царскій домъ учинити і всемъ дома своя устроить: по царскому велѣнію, все устроиша. І полюбися царю новы градъ Вавилонъ, і вииде в него со всѣми силами своими, с князи, и з бояры, и с вельможи, і с храбыми витези, и со всѣми вавилоняны. И повелѣ царь по всемъ градамъ, на хоромашъ, и на пшатѣ, и на оружи і на со-

судахъ, и на коняхъ, и на сѣдлахъ все зми учинилъ: полюбилосъ царю то знамя. И повелѣ царь во вратѣхъ градныхъ во главѣ змиева по обѣ стороны рѣшетки мѣдныя подѣлатъ, а за рѣшетки повелѣ навозить уголья; какъ посламъ будетъ приходъ, тогда царь повелѣтъ кузнецамъ в мѣхи дуть, и поволѣтъ разжечь; и какъ послы въедутъ во врата, і во главу змиеву, тогда кузнецы начнутъ в мѣхи дуть; і тогда искры, и дымъ, и поломя, повалятъ; послы же от ужасъти едва посолство справятъ, велики же Находъ-Осоръ царь подчинять и отпустить. І взя царь Находъ-Осоръ за себя царевну от великова царскава роду и прижилъ с нею царевича Василия, и повелѣ себѣ царь здѣлать мочь самосѣкъ аспидъ зми. В нѣкоторы день с рубежа вавилонскихъ предѣлъ приехали вѣстницы: повѣдаша царю, что пришли в вавилонски предѣлы многия великия цари с великими силами, и плѣниша вавилонския предѣлы. Велики царь Находъ-Осоръ слышавъ, великия ярости наполнися и гнѣву, і повелѣ царь в тотчасъ 60 грозныхъ воеводъ на полѣ полки великия урядити. Подъ немъ подъ однимъ же воеводою в полку по сту тысячи, і кійждо воевода в полку своемъ по уставу на алатой колосницѣ; во всѣхъ полкахъ знамена, и шабаты, і понакры, и многогласныя трубы. Егда многия цари с великими силами к Вавилону приближахуся, тогда Находъ-Осоръ царь воеводамъ повелѣ битися. Тотчасъ вавилонския воеводѣ начаша битися, другъ другу помогаша, из утра и до вечера сѣчехуся; без милости пришедшихъ царей на градъ напѣрасно вавилонени побили богѣ двою сотъ тысячъ, а вавилоняны побито три тысячи. І не моглоша пришедшихъ царей с великими силами от града отбити. Егда ночь присѣ, тогда вси свои полкамъ по станамъ разъехались. Па утри же день возвѣстниша царю Находъ-Осору, что моглоша от града пришедшихъ царей с великими силами отбить понеже безчисленная тѣла. Велики же царь Находъ Осоръ, слышавъ от воеводъ своихъ, ярости и гнѣва наполнися, аки левъ ревы, выхая, і повелѣ велики царь той часъ грозныхъ воеводамъ

во всѣхъ полкахъ знамена урядить, в набаты бить, і в понакры, і во многогласныя трубы, а битися імъ не велѣлъ. Самъ же Находъ-Осоръ царь повелѣ себѣ велики конь оудлати, и оноея по бедрѣ своей мечь свой самоуѣкъ, аспидъ змѣи: и сядо на велики конь, і взя съ собою царевъ дворъ 200,000 а на всѣхъ знамахъ змѣи, и побѣдо из града к своимъ на помощь. І какъ пришелъ к полкамъ своимъ, в тотъ часъ мечь самоуѣкъ аспидъ змѣи из ноженъ выпоркнулъ от царя, и нача сѣчь без милости; а что знамя было у вавилонскаго войска, змѣи стали живы с конемъ, із сѣдель, из платья — все змѣи стали живы; пришедшихъ царей с великими силами всѣхъ поѣли. Бавилонския же грозныя восводи князи и бояре і вси храбрыя ви-

тели видѣша храбрость и мудрость цареву, возопиша великими гласы: радуѣя і веселися, велики і сильны Находъ-Осоръ, царь заступя и боритель ото враговъ! А что знамя, змѣи во своихъ собрѣталуся, мечь самоуѣкъ аспидъ змѣи у царя в ножнахъ во свое мѣсто видѣ велики царь Находъ-Осоръ со всѣми силами своими видѣ на градъ Вавилонъ. Много лѣтъ царствовалъ царь Находъ-Осоръ в Вавилонѣ, и узналъ свою смерть; мечь самоуѣкъ аспидъ змѣи во градуую стѣну зануравилъ до скончання вѣки, и заповѣда: исповѣтъ никому выматн. И уири велики царь Находъ-Осоръ, и нача царствовати его мѣсто в Вавилонѣ сядо на царство сынъ сво Василя Находъ Осоровичъ. Аянь.

СКАЗАНИЕ О ВАВИЛОНСКОМЪ ЦАРСТВѢ.

(Рукоп. Музей № 374.)

Посланіе отъ Лва царя греческаго, во святомъ крещеніи Василія, вже послалъ въ Ва(ви)лонъ градъ посланники своя исмытати, и възати тамо знаменіе у святыхъ трехъ отроковъ Ананія, и Азарія, и Мисаила. Прежде царь греческій Василій хотя послати въ Вавилонъ градъ двухъ человекъ, розныя языкъ, христіанскаго роду, они же рекоша царю: » не достоятъ намъ двумъ отрокомъ, понеже путь тѣсенъ; и ты, царю, пошли изъ Гроекъ Греченина, а изъ Обожанъ Обожанина, изъ Рускихъ Словянина.« И бысть сіе сѣ во угодию царю Василію: сотвориша тако, якоже восхотѣша посланники его, и посла трехъ благочестивыхъ мужей: первого христіанскаго роду, именемъ Юрія, втораго Греченина Павла, третіаго Обожанина Псава Словянина. Егда же посла ихъ, а самъ царь Василей собра воинство, и поѣхаша в слѣдъ посланниковъ своихъ; и доѣхавъ царь Василей Вавилона града за 15 поприщъ, и призва посланниковъ своихъ, и глагола имъ: » послушайте мене: възъ глаголю, Юрье, Псава, и Яковъ, выиѣ же поидете отъ мене въ Вавилонъ градъ, водими Богомъ. Аще обрящете глаголъ знаменіе у святыхъ трехъ отроковъ, да принесите сѣмо на мѣсто, то и самъ азъ не отлучюся отъ мѣста сего, не буду соборникъ на враги о православнѣй вѣрѣ и за родъ христіанскій. » Три мужіе слышавши отъ царя глаголючая, и поклонившия до земли,

и поидоша отъ царя путемъ ко граду Вавилону, Поидоша посланники медливо зѣло, понеже путь тѣсенъ, и съ великою нуждою поидоша; и уже приидоша близъ града, и ничтоже не видятъ, ни града, ни полятъ. И они пустиша кони своя въ поле, и обрѣтоша малаго звѣрѣту бо израсте быліе великоо, акы естъ волчець трамъ безугодная, кругъ всего Вавилона града; а вдалъ (въ даль?) отъ града Вавилона тоя травы за 16 верстъ; бысть же потону былію двѣ травы, а противъ тѣхъ травъ гадовъ всякихъ змій и жабы великія, и разво различнаго(?) роство, нмъже числа нѣсть, акы великія конны сѣныи: віющеса отъ земли и до верху: они свисташа, а нмыи шипаше, и отъ нмыхъ студено изхождаше, акы въ змѣи студено бысть. Божіи възволоніемъ и молитвами святыхъ трехъ отроковъ, не бысть посланниковъ тѣмъ страха и ни единыа отъ гадовъ тѣхъ, но сами всегда бѣжаша отъ нихъ съ великимъ шумомъ, крѣпко главы своя, и бѣжаша тропами в доли в траву быліа того. Оныя же посланники третій день приидоша до великаго змія того, вже лежить кругъ всего града и обогнуся, како и малый змій согнуся лежить: бысть же по стѣнѣ лѣствица отъ древа кипариса иложена чрезъ великаго змія того на градную стѣну; а кто поставилъ ту лѣствицу, того никто не знаетъ: только самъ Христосъ вѣдаеть; а высота лѣствици

18 ступеней; на той же лѣствицѣ написано три писма: первое греческимъ языкомъ, второе обѣжанскимъ языкомъ, третіе словянскимъ и русійскимъ языкомъ. А написано глаголетъ сице: греческимъ: «когого человека Богъ принесетъ, поиди къ лѣствицѣ; со же обѣжанскимъ языкомъ глаголетъ: полѣзи на лѣстницу сію безъ боязни чрезъ великаго змія; а по словенски глаголетъ: «да поиди и по другой лѣствицѣ во градъ и до самыя той церкви, не убояся. Бысть же тако внутри града чрезъ великаго того змія; самъ же той змія великій обогнулся лежитъ кругъ всего града Вавилоня, а хоботъ свой пригнулъ и съ другія страны къ тѣмъ же вратамъ, гдѣ лежитъ глава. Посланицы же съ боязнію идоша на лѣстницу чрезъ великаго змія того, и по второй лѣствицѣ идоша внутрь, идѣже поставлена, зъ градными стѣны и до церкви, и тамо на той лѣствицѣ написано три писма, что и на первой же лѣствицѣ; повелѣваетъ гадовъ тѣхъ на самого того змія великаго не боятися, ни величества его. Посланицы же шедше въ церковь трехъ святыхъ отроковъ, и поклонилися у святыхъ благоуханія, бысть же въ церкви святыхъ трехъ отроковъ, многія ихъ писанія и дѣлія писаны въ лицѣхъ по стѣнамъ церковнымъ. Они же тріе благочестивыи мужи поклонилися гробовъ трехъ отроковъ и глаголаста: «придохомъ сѣмо поклонитися вамъ, святыхъ отроковъ Ананія, и Азарія, и Мисаила, Божиимъ изволеніемъ государи нашего греческаго царя Дія, во святомъ крещеніи Василія, принести отъ васъ къ нему, елико есть вы изволило дати.» И видѣша посланицы кубокъ стояше на гробѣ чудовъ зѣло, сотворенъ отъ золота и украшенъ жемчюгомъ и каменіемъ драгимъ; стоитъ же тотъ кубокъ половъ мира и ливана. Посланицы же взяша тотъ кубокъ, испиша изъ него, быша весели и уснуша много время, и воспрануша отъ сна своего, и хотѣша взяти тотъ кубокъ со благоуханіемъ тѣмъ, и нести ко царю. Бысть же ни въ томъ время отъ гробовъ въ девятый часъ дни гласъ: «не держайте сего кубка взяти, но поидетъ въ царскія сокровища, сія рече въ царевъ

дворъ, и тако возьмите знаменіе. Посланицы же ужасна быша. Тогда же имъ третицею гласъ бысть: «не ужасайтесь, но поидѣте въ царевы полаты.» Они же восташа и поидоша; бѣ же дворъ царскъ стоитъ отъ церкви, какъ ночью изъ лука стрѣлны: на дворѣ же царевы полаты многое множество. Бысть же одна полата велика зѣло и украшена наче иржешихъ полатъ многими вещми. Посланицы же видоша внутри полаты той, въ полатѣ же той стоитъ одръ царской сотворенъ отъ драгихъ узорочей и украшенъ, на немъ же два вѣнца царскихъ: первый Павлодомосора царя вавилонскаго и всея вселенныя, его царицы; и тутъ же видѣша грамоту лежащу, написану греческимъ языкомъ; сице глагола: «сіи вѣнцы сотворены бысть, егда Павлодомосоръ царь тѣлю златое сотвори, въ то время воспрануше отъ сна своего и хотѣше взяти на полѣ Девартъ, и бысть тобѣ вѣнцы отъ каменія самонра, и отъ бысара драгаго, и отъ золота аравитскаго сотворены суть и достѣе Богомъ, а вышѣ же бысть на греческомъ царѣ Львѣ, во святомъ крещеніи Василія и на его царицѣ Александре полнствани святыхъ отроковъ.» Посланицы же взяша вѣнцы и грамоту, и поидоша во вторую полату, и тамо видѣша драгіе запови, и (сія) рече царскія завѣсы. Посланицы же хотѣше взяти ихъ руками и запови разсыпалися въ прахъ, неже лежать много лѣтъ. Въ той же видѣша крабицу середолнковой, въ ней же бысть царскія багряница; сія рече поронра; да тутъ же и видѣша стоять два зарца насыпаны золота, и сребра, и бысара драгаго, и многоцѣннаго каменія, и тутъ же видѣша кубокъ златый таковъ же, что и въ церкви святыхъ на гробѣ у святаго Ананія. Посланицы же, взяли крабицу, и золото, и тотъ кубокъ, и царскую багряницу, и вѣнцы, и каменію драгихъ числомъ 25 каменей, и драгихъ тѣхъ вещей какъ бы можно нести, къ царю Василію, и возвратишася отъ царскаго двора; и придоша шаки въ церковь трехъ святыхъ отроковъ и поклонилися гробовъ ихъ, и уже къ нимъ гласа иѣсть отъ гробовъ тѣхъ. Посланицы же сего ради въ великой

вечали быша, и приступиша со страхомъ ко гробу святаго отрока Ананія, и взявъ кубокъ, испиша изъ кубка того, и бысть веселии, якоже и прежде сего, и уснуша на всю ночь. Завтра же, свитавицу воскресному дню на 1-иъ часу, бысть възгласъ вторницею глаголю: «зубайте лица своя.» Посланицы же восприауша скоро и видѣша кубокъ стоящъ церковный съ водою; они же вземше его, и умылися лица своя, и воздаша хвалу Богу и святымъ тремъ отрокомъ; и егда совершился вѣсно утреннее и часы, тогда бываше възгласъ глаголю: «кое взясто знаменіе у насъ, и мыяѣ же пойдите въ путь свой, водими Богомъ, къ царю Василию.» Они же, слышавше сіе, и поклонишася гробомъ святымъ тремъ отрокомъ, и ощо испиша по три чаши изъ кубка того; кубокъ же тотъ, Божією благодатию, стоятъ поеломъ: не убываетъ изъ него. Потомъ же посланицы поидоша къ лѣствицѣ, и донесоша своя тяжкія в(б)ремена, иже взяше во градъ Вавилонъ, и поидоша по лѣствицѣ изъ града в вторую лѣствицу чрезъ великаго того зніа. Единъ же отъ нихъ Ияковъ Обезаанивъ ступи съ верху на третію ступень и унаде съ лѣствицы на великаго того зніа и убудиша его отъ сна. Великій же той зніа послыша его, и воста на неязъ чешуя яко волны морскія, и нача колебаться; посланицы же вземше третіаго своего друга Якова и скоро бѣжаша, и обрѣтоша быліе, къ царю Василию, и уже близъ полудни бѣжаше, и обрѣтоша кони своя на мѣстѣ, идѣже оставиша ихъ, и положиша обѣ бремена своя на кони своя. И въ той же часъ свиснулъ великій зніа и не бысть такового звуку слышати нигдѣже. Посланицы же отъ свистанія того съ коней повергошася на землю, и лежаще на земли долгъ часъ мертвы; но малъ же времени очулися и сѣдши на кони своя, и поидоша на мѣсто, идѣже стоялъ царь Василій съ воинствомъ своимъ, и не бысть на томъ мѣстѣ царя, ни воинства, ни вѣсти про него слышу, точію видѣша мертвыхъ множество. Въ коеже время тотъ великій зніа свиснулъ, и въ то время въ стану

царевѣ сотворися великая напасть царю Василию и людемъ его: людие же его и все воинство съ коней спадоша. овио укроша отъ свистанія того, и коней множество укроша. Царь же Василій убоявся сего, и отступи отъ мѣста того з(а) 15 поприщъ на второе мѣсто отъ града Вавилона за 30 поприщъ. Почаленъ же бысть царь Василій о тѣхъ тремъ мужехъ, иже посла въ Вавилонъ градъ, глаголю о нихъ: «уже дѣти моя укроша отъ свистанія того зніа.» Тако си стуживъ царь о посланицихъ оныхъ и своими дѣти и потомъ тако глаголю царь Василій: «да пождемъ ихъ на мѣстѣ семь малое время; чаю они сохранены живыи Богомъ и молитвами святыхъ тремъ отрокомъ.» Посланицы же бни дошедше на второмъ мѣстѣ царя Василія и воинство его, и придоша поклонишася царю Василию. Царь же Василій видѣ посланиковъ своихъ; и возрадовашася зѣло, и прославиша Бога и святыхъ тремъ отрокомъ. Посланицы же повѣдаша царю Василию вся бывшая по ряду, и крестъ чюденъ у святыхъ отрокомъ, и о великомъ зніа, и о себѣ, како пострадали отъ зніа того, и даша царю Василию граноту, что взяше на дворѣ царевѣ въ полатѣ. Царь же, у посланиковъ взявъ, поиде патриарху; патриархъ же взель у посланиковъ царскія вѣнцы и положиша на главу царю Василию, а другой царицѣ Александрѣ, и благослови ихъ. Царь же Василій взель у посланиковъ своихъ 20 каменей, а 5 каменей, и кубокъ, и посла во Іерусалимъ, а пять каменей остави у себѣ, а что они посланики приносиша злато и сребра и бисера драгата и всякихъ узорочьевъ царскихъ, и то все царю объявиша Василию. Царь же Василій не взя у нихъ ничтоже, и отдавъ имъ, и свыше того давъ имъ свой даръ по 50 златницъ злата; и тако глаголю царь Василій: «поидите со мною, и просите у мене елико хочете, и азъ по прошенію вашему и со вторницею дамъ вамъ.» Посланицы же, слышавше то отъ царя Василія, и поклонишася ему, и спешдешася прославиша Бога и благочестиваго царя Льва, во святомъ крещеніи Василія. Богу нашему слава.

ПОВѢСТЬ
О МУЛЬТЯНСКОМЪ ВОЕВОДѢ ДРАКУЛѢ.

ПОВѢСТЬ

О МУЛЬТЯНСКОМЪ ВОЕВОДѢ ДРАКУЛѢ.

(Рукоп. Муз. XV в. № 558.)

Былъ в Мультянской земли воевода грѣцкыя вѣры христьянинъ, именованъ Дракула, латышскыиъ азыкомъ, а нашынъ дьяволъ рускыиъ, толкно аломудро яко житье его по нѣни есть. От турскаго царя пришедша некогда к нему поклисаріе посолъ. Егда видоша і поклонившася ему по своему обычаю, свои глави не снимая шапки, онъ же вопросы в нихъ: «что ради таково оучивнсте, великому государю придосте в велику срамоту оучивнсте?» Они же отвѣщаша: «таковъ обычаи земли нашей государи держатъ.» Онъ же глагола нивъ: «хощу и азъ ванъ от закона потвѣрдити докрѣи стите.» И повелѣи своимъ гвозде железное взяти и колѣпакы ихъ къ главамъ ихъ прибавати, и отпустити ихъ, рече: «шедши скажите государю вашему: онъ навывъ отъ васъ ту срамоту трѣпетити, а мы не навывкохомъ, да не посыластъ к намъ своего обычая і ко нымъ землямъ а ко ихъ государемъ, конхъ не хотятъ нѣити.» О послѣихъ тыхъ разъярился царь о томъ, и поидѣи вонскомъ на Дракулу со многими силами; онъ же, собравъ все, елико имашу оу себя вонска, и ударился на нихъ ночью, и множество заби турковъ. И не възможе противъ многихъ людѣи малыми людми битися и возвратися кон с нимъ с бою того; и нача ирснагивати самъ: каковы у кого раны; оу кого ра-

на спероду, то тѣмъ честь и жалованіе подаваше и витяземъ его вчиняше; а кон создаи раненъ, того на колѣ повелѣи сажати, то беглецъ смердъ, да коли поиде на туркы, глагола вонску своему: «кто хощетъ смерть поныслити, то не ходи со мною остави аде.» Царь же слышавъ то, и поидѣи прочь со многими срамотомъ и невозможъ нанъ повти. Царь турскыи посла к нему поклисаря да ему данъ дастъ. Дракула же почти велики поклисаря и показа ему все свое нѣише, и рече ему: «азъ не токмо хощу данъ дати царю, но вѣишь своимъ вонскомъ и со всею казною хощу к нему на службу ити, и ты возвѣсти царю, какъ поиду к нему, чтобы по своимъ земли не велелъ нѣи и людми повти никоегождо ала учинити своимъ людми, и азъ хощу скоро по тобѣи повти.» Царь же слышавъ от посла своего, что Дракула хощетъ ко нему повти слюжити, бѣ бо радъ бысть тому, бѣ бо ратуя тогда со восточными царями и странами. И посла скоро по градамъ и по всемъ землямъ своимъ, да коуды Дракула поидетъ и ни кто же бы ему ала не учинилъ, но и честь емуоу воздавали. Онъ же поидѣи яко 5 дней и по земли турской, и внезапно вернуося, и нача пленити грады и села, и много множество плени и посѣче, овы на колѣе посажа, а нныхъ сожигаше, и до младенцовъ ссущихъ влеко не-

остави, и во всю ту землю поусту вчини и многу христьянъ во свою землю плененыхъ возврати, и много корысти добы. Приставовъ тѣхъ почтивъ рекъ отпусти: «новѣстуйте царю, яко же видѣте; сколько могу, столько ему послужилъ: будетъ ему служба моя ему оугодна, и еще ему послужу.» Царь же ничтоже ему зла вчини, срамомъ побеженъ. Колико грозенъ бысть Дракула во своей земли, ненавидя зла кому вчинити, разбоа, татбы, или кому нужю или неправдоу, то ни како же боудеть живъ, аще священникъ или бояринъ или простон человекъ, аще и много богатства имѣлъ кто, не можетъ искупитися от смерти. Не на коемъ мѣстѣ быше кладькъ хладѣвъ и сладокъ, и мнози к тому источнику пути пришли от многихъ странъ и вѣдуху от источника того; Дракула же вчини чару велику дивну и злату и постави на источницѣ томъ, и аще кто пыаше чарою тою златою, и намы поставаше на томъ же мѣсте, и никто же смѣяше взять ю от страха, оливо онъ пребыть. Аще волъ жова от мужа прелюбы творить, и онъ велитъ срамъ ея вырезати и привязати ю среди торгу нагоу, и вдовамъ, такоже и со и дѣвства не сохранитъ, а нимъ сосци отрезаху, отъиъ кожу здараше, а нимъ роженъ во срамъ выязаше и оусты похажаше: тако же оу столпа стояше, дондеже плоти ея отпасти. Таково бо обычай быше Дракула. Отколѣ к нему прихажаше посолъ от царя или от князя или от враня не азиацие и не унѣише противу козиемъ его отвѣщати, то на колъ его всажаше, глаголя: не азъ повиненъ твои смерти, ни ты рци на мя зло что, ни государь твой; аще государь твой вѣдая тебѣ мало ума неучена, посла тя ко мне к великоумному государю, то государь твой убилъ тя есть: аще ли самъ дерзнулъ еси не научився, то самъ оубилъ еси себя. И тако поклисаромъ вчиняше колъ великъ позлащенъ въ и нанъ всажаше, а ко государю его горчо отписаше. Со старичи от оугорскаго короля приде к нему Матильда, поклисарь, младъ родомъ, не малъ человекъ; и повѣде ему съести с собою на обѣдѣ средѣ трупиа и пред нимъ лежаш: колъ златъ весь великъ, добель и высокъ, и

воспроси поклисаря: повѣждь ми, что ради оучившъ азъ сѣи колъ тако? Поклисарь же велии убоая и глаголя: «государю, мнѣмися тако: некою великом человекомъ пред тобою согрѣшитъ и хочеть почестию свою смерть вчинити паче иныхъ.» Дракула же рече: «право реклъ еси: ты еси великаго государя краевскый поклисарь; тебѣ вчиненъ сѣи колъ. Онъ же отвѣщавъ рече: «аще, государю, достойно смерти дѣялъ боуду, твори еже хочещи. Правдѣи еси соудия: не ты ли учини смерть, но азъ самъ.» Дракула же размысли и рече: «аще бы ни ты не тако отвѣщавъ, во истину былъ бы еси на сѣи колѣ.» И почтивъ его велии и одаривъ, вусти, глаголя: «ты во правду ходи на поклисарство, а прочи да не дерзаетъ, но пръвие умни будеть, какъ с великимъ государемъ говорити. Некогда же обѣдоваше Дракула под трупьемъ мртвыхъ человекъ, иже на колъ всаженыи множество около тридѣе его, и нослы отколѣ прихажашу к нему, и тутъ же ядаху хлѣбъ и пословашу: онъ же средѣ ихъ сѣдѣше. Слуга же его пред нимъ стоаше и сирада онаго не могли терпѣти, затисоувъ носъ ста, и голову на сторону сложи. Дракула же воспроси его: «что ради тако чиниши?» — «Осподарю, сирада сего не могу терпѣти! Дракула же тоу повелѣ его на колъ посадити, и рече: тамъ ты еси высоко, ино сирадѣ тебя не доидеть!»

Единово же пусти веление во своей земли, глаголя: «ада кто старъ, или чимъ недоужонъ, или врьденъ, слѣвъ или хромъ, всякимъ недугонъ одержимъ, да вси ти придуть во мѣ, и до сотворю васъ всѣхъ бес печали.» И собращася к нему вси недужнии, бошисла нищихъ чающ от него великом милости. Онъ же вчини велику хранину, и собра ихъ тоу, и повелѣ имъ дати ясти и пити доволно; они же ядоша и возвеселишася. Дракула же пришедъ к нимъ глаголя: «что еще вы требуете от мене?» Отвѣщаша же и рекоша вси: «вѣдаеть, государю, Богъ да твою величество какъ ты Богъ вразумить.» Онъ же глаголя имъ: «хочете ли: азъ весь сотворю бес печали на сѣи свѣте

и ничиѣ же нужени будѣте? Онѣ же чаише от него велико вѣщо, и глаголаша вси: «хощемъ, государю.» Онѣ же повѣю хрѣмъ заперѣти и сожже ихъ огнемъ, и глагола ко бояромъ своимъ: «да вестѣ, что сотвориши? прѣвое; да не стужаютъ людѣи и никто же будетъ нищѣ в носѣ земли, во вси богати, второе, свободнихъ ихъ, да никто жѣ от нихъ постражеть на сѣмъ свѣтѣ от нищоты или от недуга.» Единою же придоша к нему от оугорскія земли два латинина мниха милости (ни) ради, онѣ же повелѣ ихъ развести розно, и призва единого к себѣ, и показа ему вокругъ двора много множество бещисленное на колѣи люди и ни коесѣхъ, и восприси его Дракула: «добро ли то азъ тако творю?» Мнихъ же глагола ему: «ни, государю, зло чиниши: без милости казниши: подобаетъ, государю, милостиву быти, а тѣ, иже на колѣхъ, мученици суть.» И призва же и другого мниха, и вопроси его такоже; онѣ же отвѣщавъ рече: «ты, государю, от Бога поставленъ еси лихо творящихъ казнити, а добро творящихъ жаловати, а си лихо творили, и во своихъ дѣломъ восприяли.» Онѣ же, призвавъ первого мниха и глагола ему: «да почто ты на монастыря и свои кѣли ходиши по великимъ государемъ, не знаа ничто жѣ, а мнихъ самъ еси глаголати, яко тѣ мученици суть, и азъ хощю и тебѣ мученика сотворити, свречъ учинити.» И повелѣлъ его на колѣ посадити, а другому повелѣлъ дати 50 дукать злата: «ты еси разуменъ человекъ.» И повелѣлъ его с почестью отпустити на возѣхъ до угорскыя земли. Некогда же приде к нему купецъ от угорскыя земли къ его граду, и по его заповѣди оставивъ возъ на улицѣ предъ полатою и товаръ свой на возѣ, а самъ спаше у полатѣ, и пришедши некто украдѣ с воза 160 дукать злата. Купецъ же иде ко Дракуле и повѣда ему погубленіе злата. Дракула же глагола к нему: «звонди, в сию ноць обратиши злато.» И повелѣ по всему граду искати тата; «яко не обратете тата, то весь градъ погублю.» И повелѣ свое злато положить на возъ ноцью и приложи единъ златымъ. Купецъ же воставъ, обрѣте злато, и зочте в дважды и трижды, и обрѣташеся единъ

лишимъ златникъ, и шодъ ко Дракуле: «государю, обрѣтохъ злато и бысь единъ лишинъ злато.» Тогда привѣдоша тата, того и со златомъ. И глагола купцю: «иди с миромъ; аще бы ми со не исповѣдалъ злата и лишнего, то быхъ велелъ в тебѣ с сими татѣмъ на колѣ посадити.» Единою же идущю ему поутѣхъ и узре на какомъ промахѣ срачицю худую издрану, и восприси его Дракула: «имаша ли жену?» Онѣ же отвѣщавъ рече: «государю, имаю.» Глагола ему Дракула: «вѣди мя в домъ твой.» И пришедъ, и видѣ жену его младую суцо и здраву; глагола мужевн: «не сѣялъ ли еси льну?» Онѣ же глагола: «государю, много имаю.» И показала ему льнѣ. И глагола Дракула жено: «да почто ты имаши льниность к мужевн своему? мужъ твой долженъ орати и сѣяти, а тебѣ же; ты бо должна еси мужю своему одою свѣтлѣ льну учинити, а ты и срачици не хощеши нарядити; а здрава сущи тѣломъ; ты еси повинна, а не мужъ. И повелѣ ея руды отсеци, а трупъ на колѣ посадити.

Оучиниша мастери ему бочки железныя, и въсыпа в нихъ злато, и положи ихъ в рѣку; а мастеровъ тыхъ посече, да никто же утѣсть судѣланного нивъ; себъ же тѣзониѣнныи дѣволъ. Некогда же поидѣ кракъ угорскыи на Дракулу воинкомъ; онѣ же поидѣ противъ ему, и срѣтошася, и ударившася обомъ, и ухватиша Дракулоу жива, от своихъ зданъ по крамоу, и приведенъ бысть ко краю, и повелѣлъ его вѣтноути в темницю в Вышегородъ на Дунаю вышо Боудина 4 мѣли 12 лѣтъ, а на мултянской земли посади много воєводу. Ко сѣдящо в темницѣ и не оста своего злаго обычаа, но мыши лова и птици покупал на торгу, в тако казнише ихъ, овѣхъ на колѣ сажаше, а мнихъ главы отсѣкаше, а с мною верю оципавъ пуцаше; научися в тѣмницѣ шити, и темъ кормашеся. Егда же кракъ Матияшъ извѣде его къ темницѣ, и привѣдъ его на Боудино и дасть ему домъ в Пѣщи противъ Боудина. И ещо в короля не быль, и случися некоему злодѣю прибечи на его дворъ, и сохранитися ему тоу. Говнищѣи же его нандоша. Дракула же вземъ мечъ свои

и вскочи ис полаты, и отсѣче главу приставу дежа-
щего злодѣя, и злодѣя испусти; прочіи же бѣжаша. И
пришедши къ царю и повѣда ему бывшое. Царь же
посла к нему и спроси а: «что ради тако сотворишь
еси? Онъ же тако отвѣща: «злю никое же вчинилъ, но
онъ самъ себя убилъ, находя разбойническы на домъ
великого государя; аю бы пришолъ ко мне тотъ ко-
биревъ, и азъ бы во своенъ дому нашолъ бы того зло-
дѣя, и его выдалъ, или простилъ его от смерти. Царь
же нача дивитися со всѣми сердцю его.

Оумершю же тому воеводѣ на Мутьянскон земли и
царь посла к нему въ темницю, да аще восхощетъ быти
на Мутьянскон земли воеводою, якоже и прѣше, да тогда
латынскую вѣру приметь; аще же не восхощетъ, то в тем-
ницю умреть. Дракула же возлюбилъ рѣшительная бес-
конечного, отпаде православна и отступил истинны,
оставивъ свѣта и прии тму. Оувы, но возможно темнич-
ныя тягости понести, и оуготовися на незаконное му-
ченіе бесконечное: оставити православную вѣру христи-
анскую греческою, и приять латынскую прозесь.
Царь же не токмо дасть ему не точно воеводство на
мутьянскон земли, но и сестру свою родною дасть за
него в жену, и от нея же роди 2 сына. Поживъ яко

10 лѣтъ и тако скончаша во прелести. Конць же его
еще: живящю ему в мутьянскон земли, и придоша на
землю ту турковъ и начаша плеснати. Онъ же оуда-
рише на нихъ и побегоша турци. Дракоулино же во-
иско без милости сечаху. Дракула же возгна на гору
от радости да видить, како секоуть турковъ, отторгъ-
шеса от вонска его, мнѣше яко турки, и оудари его
единъ копьенъ. Онъ же видѣвъ, яко от своихъ убав-
наешъ, и ту оуби своихъ оубилицъ 5 человекъ, его же
мнози копыми изодоша, и тако оубиенъ бысть. Царь
же вземъ сестру свою со 2 сыновы ея во угорскую
землю на Боудинъ. Единъ при царево сыне живеть, а
другон оу бордонского бискупа былъ, и при насъ умре.
а третій, старишии, Михаилъ, тутъ же на Боудинѣ ви-
дѣхонъ, от цара тоурского прибѣжалъ ко царю: ещо
не женился, прижилъ его съ дѣвочкою. Стефанъ же мо-
лодовскимъ и с царевои воли посади на мутьянскон земли
некоего воеводу Влада, воеводскаго же сына. Бысть тотъ
воевода Владъ от владъ ноготъ былъ священникъ, инокъ,
игумень в монастыри, да ростригся, и сѣлъ на воевод-
ство на мутьянскон земли, и женился, и мало побывъ:
и Стефанъ его убилъ, и жену его отналъ. И выиъ на
мутьянскон земли воеводствуеть.

ПОВѢСТЬ

О ШЕМЯКИНОМЪ СУДѢ.

APR 19 1950

ПОВѢСТЬ

О ШЕМЯКИНОМЪ СУДѢ.

(Импер. Публ. Библ. рукоп. в 4 отд. XVII № 41.)

В нѣкихъ мѣstechъ живаше два пустынника: одинъ богатъ, а другіе убогъ. Богатый же, ссужая много лѣта убогого и невозможо его скудости исполнити. И по неколику времени приде убогій к богатому брату просити лошади, на ченъ бы ему из лѣсу дровъ привезти. Братъ же богаты не хотя убогому брату лошади дати, и рече ему: брате, ссужахъ тебя много, а наполни ти тебя не могу. И даде ему лошедь. І нача у него просити: хомута вѣтъ. И оскорбися на него богаты братъ, и нача ему поносити, і рече ему: «како, брате, что у тебя и хомута вѣтъ?» И не даде ему хомута. Убоги же поиде к себѣ, и пришедь взя свои дровни, и привяза дровни к лошеди за хвостъ, і поиде в лѣсъ, і наскъши дровъ і накладчи на дровни елико лошеди возможно везть, і повезе ко двору своему, і привезши дрова, і отворивъ ворота, а подворотни зарывъ выставивъ, (?) ударивъ лошедь кнутомъ, лошедь же изо всей мочи бросися в возомъ черезъ подворотню і хвостъ у себя оторвала. Убоги же вземъ лошедь, приведе ко брату своему богатому; братъ же росмотре, что лошедь его безъ хвоста, і не взявъ у него лошеди, і поиде на него бити челомъ во градѣ в лошеди; (убогій) за нимъ же вѣдая, что будетъ по него из города прясмыка, чтобъ ему бѣду приставомъ не платити. І пріи-

доша до нѣкоего села по доходу города. Богаты поиде почевать к пону того села по знакомству; убоги же братъ приде к тому же пону, і приде ляжи на волати, а богаты братъ нача пону сказывати про лошедь свою, чего ради ідетъ в городъ пону познатомъ (потомъ?) нача понъ з богатымъ, ужинать, і пити і ясти, убоги же нача с полатей смотрити что з братомъ его нють и ѣсть, а ево не позовутъ. І везану убоги урвася с полатей на зыбку, а в зыбкѣ удави попова сына до смерти. Понъ же, видя сына своего смерти, і совершася з богатымъ, пошелъ в городъ бити челомъ на убогово же в убиствѣ сына своего. И придоша ко граду, гдѣ живаше судия Шемака. Убоги же иде за ними; и выидоша все во градъ, и какъ убоги поиде мостомъ, мостъ же здѣлавъ над глубокимъ ровомъ; и нѣки человекъ, житель того града, ровомъ под мостомъ везъ отца своего в баню; убоги, же размыслиа в себѣ, что ему от брата и от поца будетъ погибель, и умыслиа в себѣ, и хотя самъ себѣ смерти предати, бросися с мосту в ровъ и упаде на старого человекъ (*) везъ в баню. Убоги же до смерти уби его. Того жъ убогово поинавъ все, и приведе пред судию Шемаку. Убо-

(*) Не разобрано.

ги же мыслише какъ бы ему бѣди и быти, и умысли, вѣи камень, і заверте в платъ, і положи в шанку, і ста предъ судиши, и принесе братъ его некую челоубитную в лошеди і подаде судѣ. Судия жъ выслушавъ челоубитную в лошеди, и рече судия убогому: отвѣщай. Убоги же не вѣды, что отвѣщати, и выпявъ из шанки в платъ заверченной камень, и показа судѣ и поклонися. Судия жъ надѣяся, что ему от дѣла сулилъ, и рече судия нещцу богатому брату: когда братъ твой у лошеди оторвалъ хвостъ, и ты у него лошеди не смил, до тѣхъ ибѣтъ, какъ у лошеди хвостъ вырастетъ: в то время у него лошедь і возми. І потомуъ нача другій судѣ быти, і подаде попь некую челоубитную в мортвоиъ смилъ своемъ: той же убоги также выиа платъ с каменичъ и такожь суде показалъ. Судия же видѣ и помысли, что ему от другога суда сулилъ убоги же, рече судия попу: когда той убоги ушибъ сына твоего ты, попь, отдай тому убогому свою попадю тому убогому. Потомуъ нача третій судѣ быти, что билъ челоубъ смилъ во отцевой смерти, что той убоги же бросился с мосту ушибъ у него отца. Убоги же выпявъ из шанки той же заверченной камень в платѣ, показа суде, судия же чая что ему трети узломъ сулилъ, и рече нещцу: взиди ты на мостъ, а ты, убоги же, стань под мостомъ; і с мосту бросись на того убогого, яко же бросился онъ на отца твоего. Убоги же нача Бога хвалити, что судия по немъ судѣ судилъ. Послеъ суда изыдо нещцы со отвѣщикомъ и с приказу, і нача богаты просити убогово лошеди своей. Онъ же рече ему по судебскому: какъ у лошеди твоей хвостъ вырастетъ, в ту пору и лошедь

тебѣ отдамъ. Богаты же даде убогому брату своему 5 рублевъ денегъ, чтобъ онъ лошедь ему отдалъ, (1) потомуъ же убоги нача попади просити по судебскому указу, чтобъ ему взавъ попадю ребенка у ней добыть и с ребенкомъ бы попу попадю отдать; попь же нача убогому бити челоубъ чтобъ у него попади не изалъ; а убоги же нача проситися и попадю хотя у попа взати, і даде попь убогому за попадю 50 рублевъ денегъ, да кобылу з жеребенкомъ, да быка с коровою, да запасу всякаго хлѣба 40 четвертей. Потомуъ же нача убоги третему нещцу по судебскому указу говорить: а де стану под мостомъ, а ты взиди на мостъ, и ты с мосту бросись на меня, тако же яко же азъ на отца твоего. Онъ же, размыслиа в себѣ: аще мнѣ броситися, ово будетъ не убити, а себя буде убити. І нача нещецъ миритися и даде ему 30 рублевъ денегъ, да лошедь с коровою. Судия же мысла челоубка своего ко отвѣщнику и велѣлъ у его взати показанныя три узла взати. Челоубкъ же судебской нача у него трехъ узломъ просити, огъ же, выпявъ из шанки заверченной камень в платѣ, показа тому челоубку, и челоубкъ нача его вопрошати: что то за камень кажешь? Онъ же рече: а де того ради себъ камень здѣ казалъ, того какъ бы онъ во по мнѣ судилъ, і а тѣмъ каменичъ хотѣлъ ово ушибити. І пришедъ челоубкъ и сказа суде. Судия же, слышавъ челоубка своего, і рече: благодарю и хвалю Бога моего, что я по попь судилъ, а къбы я не по немъ судилъ, и онъ бы меня ушибъ. Потомуъ убоги отидо в донъ свой, радуяся и хваля Бога.

(1) Не разобрано.

ПРЪШНЕ О ВЪРЪ.

(по независающимъ отъ редакціи причинамъ, не можеть бытъ помѣщено.)

ОТРЫВКИ:

1. О МОЛОДЦѢ ЕГО КОНѢ И САБЛѢ,

2. О МИХАИЛѢ СКОПИНѢ-ШУЙСКОМЪ.

СКАЗКА

О НЬКОЕМЪ МОЛОДЦѢ, КОПѢ И САБЛѢ.

(Рукоп. Импер. Публ. Библ. Поход. древлегр. № 1773.)

Въ древнихъ было глѣхъ, в дальнихъ странахъ, колиде себѣ олкою молодецъ, слолада былъ бѣлъ кудрявъ, конь у него былъ буръ косматъ, на ухо лысъ, задняя нога по окорокъ бѣла, передняя нога по лопатку бѣла, и всего того хорошае было, у добра коня 12 приметъ: ротъ какъ пастъ, языкъ какъ рукавъ, грива колѣсомъ, уши колпакомъ, окорока висли, паняти вышши, (?) оленьи вышки, зачьи почки, хвостъ какъ кутасъ, круглые кониты что полныи морские раковины, а очи у добра коня что великие питья чаши на лобъ вышши, весь молодецкой колъ (конь) въ приметяхъ что лютой зверь. И колиде себѣ олкою дородиъ молодецъ оседлаеть своего добра коня, и вскинуть на нѣго свое седло черкасское и подстѣгаетъ двѣнадцатъ подпругъ бѣлого шелку шемахинского, у всакие подпруги прашьки красного золота аравитцкого, и положить на добра коня свою узду тесманую и отстегивъ на себя свой полныи садакъ, а в нѣхъ 300 стрелъ, пол 100 кибирей, 70 арчичей, 80 ташлыкочъ, 30 сверѣчь, оприченно надобныхъ стрелъ. А всякая стрела морская трость. На трое колото и на четверо строгоно, и наливано въ нихъ красного золота аравитцкого; и опояшетъ на себя свою молодецкую вострую саблю тулушманку пошире драмицы и немюгшии ноуже тесьницы, за конѣмъ сажень и перед конемъ съ локотъ, а ковано она въ красномъ дорогѣ за-

морскомъ булатѣ, огничко востроо, сабли дорога ка-нѣни самотѣвѣтнотого, а у ноженъ окошца красного золота аравитцкого; и свѣдали про тоо его молодецкую вострую саблю во многихъ дальнихъ ордахъ многие царевичи и с корольвичи, и учали из дальнихъ ордъ своихъ к добру молодцу послы посылати, чтобы съ его молодецкио вострою сабли сняти образецъ, великие ради хитрости и и(у)дрости образца не знали, и прочъ по своимъ дальнимъ ордахъ розекалися; и учалъ себѣ отлнкой молодецъ своею вострою саблею похвалятися: по потому де моя молодецкая вострая сабля, что она кована в земорскомъ красне дорогѣ булате; потому де моя молодецкая вострая сабля дорога, что сѣ ковали 70 мастеровъ с семидесятъ городовъ, а всякой мастеръ ималъ; от своего хитрого мастерства по семи 'сотъ' рублей; еще де моя молодецкая вострая сабля не потому дорога; потому де моя молодецкая вострая сабля дорога, что дѣлана она хитр(о)стнн и и(у)дростннн патощо, в ней жо катъ 2 дороги зерна бурмнннские от найдана и до долу; еще де моя молодецкая вострая сабля не потому дорога; потому де моя молодецкая вострая сабля дорога, что ково азъ тою саблею ни тиновалъ, тотъ от одного разу живъ нѣживъ.... И колиде себѣ отлнкой дородной молодецъ сядеть на своего добра коня, и выедеть в чистое полѣ и занграеть....

ОТРЫВОКЪ СТАРШНОЙ ДУМЫ О СКОПИНЪ-ШУЙСКОМЪ.

....Родилася боюину князю Ивану Михайловичу Воротыискому сынъ княжевичъ Алексѣй. не дошедъ до дву нѣсацъ по чотыредесать рожденія.

Бысть князь Михайло крестный кумъ, кума же княгиня жена Дмитрія Ивановича Шуйскаго Марія, дочь Малюты Скуратова. И по совѣту злыхъ извѣтничковъ своихъ и совѣтничковъ помыслише въ умъ своемъ злу мысль извѣтничью, уловити аки въ лѣсѣ птицу подобну, аки рысь сжарити, корысть змиа люти злымъ взоромъ, аки лють звѣрь, діаволу потѣха бѣ сице, Сатанѣ свѣста готовится.

И како будетъ послѣ честнаго стола пиръ навесело, и дьявольскимъ омраченіемъ, злодѣйница та княгиня Марія, кума подкрестная,

водносила чашу питія куму подкрестному, и была челомъ, здоровалася съ крестнымъ Алексѣемъ Ивановичемъ:

и въ той чашѣ питія уготовано лютое питіе смертное. Князь Михайло Васильевичъ выпиваетъ чашу до суха, а не вѣдаетъ, что злое питіе лютое смертное,

А не въ долгъ часъ у князя Михайла во утробѣ возмутился

и не думировавъ пиру почестнаго, и поѣхалъ къ своей матушкѣ княгинѣ Еленѣ Петровнѣ:

и какъ входитъ въ свои хоромы княженскіе, и усмотрѣла его мати, и воззрела ему въ ясныя очи, и очи у него арко возмутилися,

а лице у него страшно кровію знаменается, а власы на главѣ у него, стоя, колеблются. И воспламенилася горько мати его родимаа,

и въ слезахъ говоритъ ему слово жалостно: «чадо мое сынъ, князь Михайло Васильевичъ, для чего рано и поздно съ честнаго пира отѣхалъ?

Либо тебѣ богоданной крестной сынъ принялъ крещеніе не в радости,

либо въ пиру нѣсто тебѣ было не по отчеству, либо тебѣ кумъ и кума подарки дарили непочестныя?

А кто тебя на пиру честно упомалъ честнымъ питіемъ, и съ того питія навѣки тебѣ не прощатися!

И колько я тебѣ, чадо, по александрову зловоду приказывала:

не ѣди во градъ Москву, что ляжи въ Москвѣ лютиа звѣри, а дышуть ядомъ зминнымъ извѣтничнымъ.»

И паде князь Михайло на ложи своемъ, и нача утроба у него люто терматися отъ того питія смертнаго.

Онъ же на ложи своемъ въ тоскахъ мещущеся и
бичуется,

и тоскующе и кричаще лють зблю,

аки збѣрь подь землю,

и жедая отца духовнаго.

Мати-же, да жена его княгиня Александра Васильевна,
и весь дворъ его слезъ и горькаго плача и крича-
нiя исполнися;

и доиде слышь сiя болѣзнь его страшная до войска
и подручiя,

до вѣмецкаго воеводы до Якова Пунтусова,

и многи дохтуры вѣмецкiя

со многими лечебными пригодами.....

и не покаше бо никако болѣзни той возврати-
ти.....

ПРИМЪЧАНІЕ.

Этотъ отрывокъ выписанъ изъ хронографа Румянцовскаго Музея подъ № 472 каталога рукописей. Хронографъ этотъ сохранился въ спискѣ со списка Ярославской духовной семинаріи, списаннаго съ подлинника, принадлежавшаго графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину, заключающаго въ себѣ почти исключительно описанія русскихъ происшествій, преимущественно XVII вѣка. Между такими описаніями есть одно, начинающееся на листѣ 117, и кончающееся на листѣ 122, подъ названіемъ о рожденіи князя Михаила Васильевича Шуйскаго: это биографія знаменитаго полководца. Мѣсто о его отравленіи и смер-

ти отличается отъ остальнаго разсказа и языкомъ и складомъ, и очевидно должно быть современною народною дуною. О смутной эпохѣ слагались народныя думы; нѣкоторыя изъ нихъ открыты академикомъ Гамленемъ въ Оксфордѣ въ рукописи и напечатаны сначала въ извѣстіяхъ II отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, а потомъ въ Памятникахъ великорусской народной литературы. Настоящій отрывокъ принадлежитъ къ этому разряду. Къ сожалѣнію, книжникъ, включившій его въ свой разсказъ, не сохранилъ его въ первоначальной простотѣ, а положилъ на него отпечатокъ своею учености, какъ то можетъ ясно видѣть читатель.

ЛЕГЕНДА

О КРОВООСМЪСИТЕЛЪ.

1915

1915

ЛЕГЕНДА

О КРОВОСМЪСНТЕЛЪ.

ВАРИАНТЪ ПЕРВЫЙ.

(Из сборника, принадлежащаго профессору В. П. Буслеву.)

Бѣ градъ. І в томъ градѣ бы нѣкій купецъ, именовъ Шоуливачъ. Іде из ложницы своя і слышавъ той купецъ птицъ, зовыми голуби, два глаголюще между собою: «будеть у господина нашего радость: жена его ему родитъ сына, і нарекутъ име ему Андрей, і той отрокъ убьетъ отца своего, а матеръ свою собѣ в жону возметъ. І 300 дѣвицъ старицъ растлѣтъ блудомъ.» І то бы монастырь от града того 30 поприщъ. Н слышавъ той купецъ, и удивися о глаголанн птицъ тѣхъ. І той убо купецъ заповѣда бабѣ: повелѣ ево смерти предать. І какъ приспѣ время рожденія его; баба же убооси суда Божия і смерти отроча не предасть (по)заповѣди господина своего; і матери отроча того сказа; мати же ево повелѣ во святомъ крещеніи ввестъ Іерою, і нарекоша имя ему Андрей; і повелѣ мати его прерѣзати чрево его поперекъ ноженъ, і повелѣ на дщицу привязати поясокъ і пустити на море. І баба сотвори тако, якоже повелѣ мати ево. По повелѣнію же Божию, восташа волны морскыя и привнесоша ево к монастырю дѣвичью, зовомы Кушнина, от града того тридцать поприщъ, і поставиша ево под монастыремъ дѣвичьимъ, і лицца у берега противъ монастыря. І выде из того монастыря черница воды почерпнута, і уарѣ отроча лежаща на дщицѣ мужескѣ полъ, едва

дышуще, мало гласа ево слышати; таже убо черница, уарѣвъ і, скоро повѣда игумень. Ігуменья же повелѣ ударитъ в бяло: и собратеса вси черноризацы 300 ихъ числомъ і идоша досмотрити отрочати, і видѣша утробу ево разрѣзану. І рече игуменья ко старицамъ своимъ: «о дивное чудо, сестры! Откуда се отрочати море привнесло к нашей обители? Онѣ же недоумшляхуса; і вси старицы плачущеса і закливахуса именемъ Божиимъ і Пресвятою Богородицею. Баше же монастырь Пресвятыя Богородицы Неопалимыя Кушныи. І глаголюще ко игуменья: «мы не вѣны, госпоже, сего дѣлаца і не растлѣхомся. І рече игуменья: Богу позволившу, тако и будетъ. І взѣ его игуменья, і велѣла зашити утробу его, і вскорниша ево от козляна млека, і выкорниша ево до девяти лѣтъ, і даша ево нѣкоей старицѣ в наученіе грамотѣ; і нача ево посылати с сестрами. Отроча же бысть 15 лѣтъ, и вложи на унѣ ево ветли зломышленіе і ненавистникъ рода христіанскова дивомъ мысль злую, і нача отрокъ той едину по единой дѣвицѣ и старице осквернати блудомъ, овогда сило творяще блудъ, овогда любовию в тайнѣ улучи время, і то і со игуменьею блудъ сотвори. Ігуменья же видѣ свое беззаконіе, і собра вся сестры своя 300 числомъ, і нача пред ними каитися грѣха своего, якъ золь грѣхъ

сотворила снѣ (естъ) со отрокомъ тѣмъ. І рѣкоша старицы: «не ради мы тому грѣху.» І поклонися игуменья сестрамъ до земли; і сестры рекли игуменья: «і насъ отрокъ той всѣхъ растли, овогда волею і неволею!» І начаша плакаться. І рекла имъ игуменья: «азъ вамъ повѣдаю, какъ меня отрокъ изнасиллъ блудомъ: прельстилъ мя своими многими притчами прежнихъ чловѣкъ падонѣи во грѣхъ мытарей, і гонителей, і блудницъ, і блудниковъ, і всѣхъ праведныхъ от вѣка, рекъ: покаяніемъ і слезами і милостынею спасохоюся; азъ же слышахъ такое глаголаніе его, і расслабѣ тѣло мое, і разгорѣся сердце мое, і умомъ поколебася, і тако в поволовоніи во грѣхъ волнкій впадохъ. Простите мя, сестры мои!» — І падоша (паде) до земли на многъ часть, лежаще на многъ часть на земли, и онъ такоже от нея прощениа прошаху, і прощеніе межъ себя приаша со слезами, і такъ стали виѣтъ постъ, і молитву, і милостыню, а отрока із монастыря выслаша, і закрѣпиша ворота монастырския твердо, чтобъ мужескъ полъ не ходилъ никто в монастырь. Отрокъ же той Андрей поиде во градъ Критъ, і не позваше отца своего, ни матери, і занася у отца своего винограда стрещи; і даде ему заповѣди: «аще кого узриши ідуща въ виноградъ, і того во дни или въ нощи устрели ево до смерти.» І тако отрокъ стрече у господина своего винограда і заповѣди его творяше. І рече господинъ его: «повѣду въ виноградъ мой, іскушу стража своего.» І пришедъ полунощію к винограднымъ вратамъ, і увидѣвъ отрокъ той, і взя лукъ свой, і устрели отца своего до смерти, чая яко тать приде; і увиде отрокъ, что онъ господинъ его есть, і убояся, і шедъ скры ево под иблонью, і повѣда госпожо своей. Госпожа мало плакавъ, погрсе ево; і мало вреча чинувъ, восхотѣ отрокъ той поняти госпожу свою в жену, і браку сочтасю веселися, и возлогшо на одръ спати, і хвати жена его за чрево, і на чревѣ рубецъ. І рече госпожа его: «како се у тебе рубецъ?» Онъ же скала ей по ряду, іже от дѣтница сотворися над нимъ. і како повѣсть его убити отецъ ево, і какъ матери ево повелѣ утри-

бу прорѣзати ножемъ, і какъ по морю на дщицѣ плавалъ, к монастырю дѣвичью приплытъ, і какъ игуменья і сестры вскормиша козлинымъ млокомъ, і какъ сотвори с ними грѣхъ, і какъ изгнаша ево із монастыря вонъ, і какъ приде во градъ Критъ: «и нынѣ поняхъ ты госпожу свою в жену.» Она же возопи гласомъ великимъ і рече с плачемъ: «не жена тебѣ есть, но мать твоя азъ; ты любимый сынъ Андрей, отца своего устрели в виноградѣ моемъ!» І вскочилъ Андрей вскорѣ со одра своего, і рече: «о горе мнѣ океанному, яко чрезъ законъ согрѣшихъ паче всѣхъ чловѣкъ.» І посла матери ево во градъ Критъ искати отца своего духовнаго, іскусна исповѣдати ему вся съвоа согрѣшениа порадѣ. Іерей же не прости ево за ево многая согрѣшениа. Онъ же, Андрей, уби того отца своего духовнаго залосиъ церковнымъ до смерти, і изыде из церкви тайно едино, і приде ко плному отцу духовному, такоже вся исповѣда ему вся согрѣшениа, еже согрѣшихъ от юности своея і до днесь, і доиде слово о блудѣ і о кровопролитіи; перей же не прости ево, і рекъ Андрею: «не подобаетъ намъ такихъ на духъ принять.» І рече Андрей, глагола: «Христосъ приде в миръ призвати грѣшныхъ на покаяніе; ты же, Іерей, не хочещи простити мя во грѣсѣхъ моихъ; рече во Евангелии: аще свяжете на земли, будете связаны на небоси; аще разрѣшите на земли, будете разрѣшены на небосѣхъ.» Іерей же рече: «не хочу азъ такова грѣха носити на себѣ, яко не имать такового прощениа чловѣку (къ), сотворивы грѣхъ.» Андрей же і того перей уби і возсомъ своимъ измоче ево из церкви вонъ; такоже приде к третьему Іерею, исповѣда ему вся своя согрѣшениа; і тотъ Іерей не прости ево за его многая грѣхи. Андрей же і третьего Іерея уби занкомъ церковнымъ до смерти. І рече Андрей себѣ: «иду во градъ Критъ, да тамо есть епискупъ; той мя приметъ на покаяніе; прозорливъ бо есть, да иметь мя простити, і богобоязливъ. Аще не имать мя простити, поиду в дальную страну къ царю во орду и вздвигну рать велику, і городъ Критъ захву, а людей в плѣнъ возму, а еписко-

на убою.« Благі же и чоловіколюбець Богъ не хота смерти грѣшниковъ і ожидає ихъ на покаєннє. І приде Андрей во градъ Критъ, і поклонився єпископу. Єпископъ же приять єво, і повелѣ сыскать мать Андрєву, і видѣвъ єпискупъ Андрея укреплєна мужествомъ, яко хоцеть сосудъ Божій быти избранній, и нача вопрошати на єдинє; Андрей же исповѣда єпископу своя согрѣшенія по ряду, еже сотвори от юности своєя і до старости; єпискупъ же убояся суда Божия і смерти, і посла єво по матеръ свою; і приде Андрей с матерью своєю к єпископу. Єпискупъ же, поучивъ ихъ доволно і духовно, і отпусти ихъ; и повелѣ єпискупъ погребѣ выкопать трєхъ-саженной, и в ширину полсаженнє на всѣ страны. Призва єпискупъ с матерію і посла єво во чернилы і во бумагу; і какъ Андрей звидє в погребѣ, єпископъ же повелѣ жалѣзною цѣпью покрити єво і замечатати в погребѣ; і даде заповѣдь 30 лѣтъ, і како исполнїтєся тотъ погребѣ земли, і станеть земля на верху погребѣ, тогда прощенъ будетъ от грѣховъ своихъ. А матери єво єпискупъ поздрїхъ прорѣза і замкнулъ замкомъ, а ключъ того замка повелѣ вергнути в море, а богатство ихъ повелѣ єпискупъ раздати нищїмъ. І повелѣ єпискупъ Андрєвої матери по шїру ходити і Господа Бога Спаса нашего Ісуса Христа славити і милости просити о своихъ согрѣшенїи; і рече єпискупъ: «тогда прощана будетъ, какъ того замка оная із моря выдетъ.» Андрей же пребывъ в погребѣ, моляся Богу о своихъ согрѣшенїи і приводя душу свою во многє прїтчи, і караше себе, і сложи канонъ, і еже носеть в великій постъ ятыя недѣли в четвертокъ; і достигне тридєсѣтѣ лѣта. І придоша ко єпископу гости со многихъ странъ, і прилучїся жена та, еже бѣ у неї замокъ на поздрїхъ, і вопросїша у неї гости:

«какъ у тебѣ на поздрїхъ замокъ сей, коєя прїтчею сотворїся тебѣ?» Она же повѣда имъ всѣмъ, і в то время повелѣ єпискупъ на трапєзу купити рыбу, і спороша чрево єѣ, і вышєде из рыбы той ключъ, і показаша ключъ той єпископу. Єпископъ же повелѣ призвати Андрєву мать, і повелѣ приложити ключъ к замку тому, і отпрану замокъ от носу єѣ. І повелѣ єпискупъ Андрєву мать пострицїи во иноческїй чинъ, і приде єпископъ ко Андрєю со всѣмъ соборомъ к погребу. Андрей же сѣдѣше на верху погребѣ, дописываетъ девѣтѣю пѣснь канона великаго, і тогда єпискупъ восхвали Бога і Господа нашего Ісуса Христа, яко сподобїся Андрей прияти прощєннє грѣховъ своихъ, і постриже єпискупъ Андрея во иноческїй чинъ, і приєле Єпискупъ канонъ той, что сложиъ Андрей, в церковь, і прочьє єво всѣмъ людемъ в слухъ, на коєждомъ тровари встанїа і поклоновъ положити людемъ всѣмъ повелѣ, і тако єпискупъ похвали Бога велики Господа нашего Ісуса Христа. Призва єпискупъ Андрея к себѣ і рече: «чадо мое! прости мѣ в сонъ злѣе (вѣкъ?) і в будущемъ, і пробуди, чадо мое і брате, в монастырѣ носити три дни, а в четвертый день приди і погребї тѣло мое грѣшное.» І разболїся єпискупъ в третїй день, і отъїде ко Господу. Андрей же погребѣ єпискупа в церкви Спасовѣ. Изволи Богъ быти во градѣ Критѣ Андрєю во єпискупахъ 30 лѣтъ. Богоугодно пожїє і праведно постомъ і молитвами і милостынею и слезами Бога умоливъ, многєя церкви воздвїже і многєя люди привлече ко спасєнїю, і бысть ко всѣмъ людемъ милостивъ, і преставїся в вѣчную жизнь о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ, єму же слава нынѣ и вприсно и во вѣки вѣковъ, аминь.

ВАРИАНТЪ ВТОРОЙ.

(По списку XVII в. доставленному изъ Новгорода г. Гагариным.)

Во странахъ римскихъ иънии король, именемъ Шьркусъ (?) мудры, ниъ у себя единого сына и дщерь одну, ниъ же велии любилъ. И егда бысть старъ и разболѣся велии, и призвакъ себя всѣхъ бояръ и великошь в рыцарей и князей, и рече ниъ: «нилые мои князи и бояры! вѣдаете, что ниъ от себя болѣзни не востати; и дщерь у себя ниъю, а не совокунилъ ее законному браку, и ниыъ приказываю тебе, сыну своему, и благословляю, дабы онъ, братъ ея, послѣ моего смерти сестру свою, а мою дщерь, мужемъ совокунилъ по закону, и ниълъ ее по смерти моей честно. Се рекъ и упре. И потомъ плачь и воилъ велии во граде томъ учинися о королевской смерти. Сынъ же его королевствовалъ велии мудро и свою сестру ниълъ и почиталъ добро, и любилъ и без нея ни ниълъ, ни ѣлъ, и прилучися ему таково разжеище велии к своей сестрѣ еже бы ирелюбѣиине сотворити; и призва сестру свою и началъ ей помышленне свое повѣдати: «молю убо ты, сестра моя, не буди противна воли моей, сотвори желанно мое; аще сицеваго желанна моего не сотвориши, не можеша мене видѣти жива!» Она же ему рече: «братъ мой, не сотвори сего грѣха, понеже бо братъ ни еси и азъ есмь тебѣ сестра; но воспомини заповѣдь отца нашего, какъ тебѣ заповѣдалъ под клятвою, дабы дѣство мое сохранилъ. Бойся Бога, понеже бо грѣшныихъ ненавидитъ Господь Богъ.» И тогда король братъ ея не послушалъ прощения ея, и сотвори над нею волю свою, и потомъ королевна нача велии плакати, и никто же не могъ ее утѣшити, но и король братъ ея множицею утѣшалъ, а любѣиине свое совершалъ; и егда прииде погодное время и утѣда король, что сестра его во чревтѣ зачатъ, и опечалися зѣло,

и нача плакати, но утѣшити его отъ печали никто невозможно; сестра же его нача разговаривати: «нилой мой братецъ! послушай мене! не мы одиъ на свѣте первыя, что Господа Бога прогнѣвали и такое преступление сотворили! Есть у насъ человекъ старъ и мудръ зѣло, и отецъ нашъ призывалъ его к себѣ, и спрашивалъ у него о всемъ, и тайну отца нашего вѣдалъ и хранилъ, и мы призовемъ его и скажемъ ему: что онъ намъ придумаетъ, то мы и учинимъ.» Призывалъ же король того человека и сказалъ ему с великою жалостию все по ряду, что ему приключилося. Человекъ же той рече ему: «послушай, царю, мои словеса: аще хочеша сне дѣло чтобъ тайно было, и ты велии собрати всѣхъ князей и бояръ державы своей, да предъ всѣми отдаши королевну свою ниъ на руки, а самъ поиди ко гробу Господню и ко всѣмъ святымъ иѣстанъ помолитися, и проси ты прощения у Господа Бога о своемъ согрѣшеннѣ. Азъ же, взявъ сестру твою и себѣ, а женою моею тайну сию погрозю!» Слышавъ же король, похвали его мыслъ, и рече: «се сотворю, что еси ми повелѣлъ.» А в то время созва всѣхъ князей своихъ, бояръ, и рече ниъ: «о нилые мои вѣрныи князи и бояры! вѣдомо вамъ буди, что азъ иду ко гробу Господню и святымъ иѣстанъ поклонитися, а сына не нианъ, но оставлю вамъ сестру свою, дондеже возвратюся, азъ тебѣ, стары рыцарю, отдаю сестру мою на соблюдение. И простися со всѣми и поиде святымъ иѣстанъ поклонитися. Тогда той стары рыцарь взявъ королевну на свои руки в свой градъ, и сказа жевѣ своей всю тайну, и наказалъ ее велии, дабы все дѣло было тайно, и жена его в томъ обѣщаннѣ вѣрво даде ему, что ея танти до смерти своей. Королевна же, будучи у рыцаря, пребы-

ваша с рыцарскою женою в особой хранилѣ, и егда пріесть время рождения, и видѣтъ то рыцарь, хотѣвъ призвати попа младенца окрестити. Князевна же рече: «не хочу азъ, дабы сие отроча не крещено было». И повелѣвъ рыцарю учинити лодичу малую, и повнѣвъ, велѣла его положить в ту лодичу, а под голову того младенца повелѣвъ положить пятьдесятъ фунтовъ злата, а под ноги фунтъ серебра, и листъ повелѣвъ написати: «кто сие отроча обрящетъ, да вѣсть яко отъ брата и сестры рожденное и некрещено, и ипать под главою пятьдесятъ фунтовъ злата, а в ногахъ фунтъ серебра; и кто обрящетъ отроча сие да окреститъ его, за то возметъ себѣ злато, а сребро хранити ему в наученіи грамотѣ». И положи тотъ листъ в сосудъ с великими слезами; и повелѣвъ рыцарю дѣтище то в лодиче пустити по морю, дабы онъ плыль по морю, куды Богъ ему изволитъ. Рыцарь же, взявъ младенца, злато, и сребро, и епископю, положи в лодичу и пусти по морю; егда же бысть у двора своего, срете его посолъ королевский, прииде от земли святыя. Рыцарь же вопроши того посла: «откуда еси идеши?» Отвѣща же ему посолъ: «иду азъ отъ земли святыя». Рыцарь же рече ему: «что вамъ повѣдаеши?» И рече посолъ: «государь нашъ король умре, и тѣло его везуть из земли святыя. Слышавъ же сие рыцарь, велики плакася горко и жена его; егда услыша о смерти королевской, велики печальна быша; и поиде рыцарь з женою своею и князевнѣю. Она же видѣвъ ихъ печальныхъ, и рече имъ: «чесо ради вы печальны?» Они же рече: «госпоже милостивая! вѣсть намъ печальни о семъ, что избавилася еси отъ великия сѣи болѣзни!» Она же рече: «вѣсть тако; но скажите мнѣ аще что и не радостно». Тогда рыцарь нача ей повѣдати: вѣдѣвъ же посолъ прииде отъ земли святыя, и повѣдастъ вамъ, что государь нашъ король, а твой братъ, умре». Она же повелѣвъ посла того предъ собою поставити; и егда оставиша посла того предъ нею, и нача его спрашивати о королѣ братѣ своемъ. Онъ же рече: «братъ твой и нашъ государь умре, и тѣло его везуть из земли святыя к его граду, дабы онъ подлѣ отца

своего погребенъ былъ». И слышавъ же князевна надъ на землю, и от великой жалости плакася горко, с воплемъ неутѣшнымъ, и глагола: «нынѣ азъ потеряла надежду мою и половина души моеи, брата своего единопороднаго!» Тогда рыцарь утѣшаше ее многими словами: «видиши ли, милостивая наша князевна, яко печальна ты не помощи, но сама себѣ от печали болѣзнь приимеши, а в королевствѣ большѣ смятенье учиниши; но поидемъ мы с тобою, гдѣ тѣло брату твоему погребено быти, учинимъ ему погребение честно!» И князевна от печали мало нѣчто отдохнула, и шедъ ко гробу брата своего, и погребѣвъ его честно во градѣ. В то же время вѣдѣвъ князь бургонской посла свои послы честныи к князевнѣ, хотя ея воспріяти за себя и сочетатися с нею бракомъ. Она же ему отказала: «что до смерти мужа себѣ не хочу вѣдѣти. Посолъ же слышавъ же рече ния ея, возвратишася и повѣдаша вса князю своему. Князь же сие слышавъ, велики разгнѣвалася, и собравъ силу немалу и прииде в землю ея, и многая вѣста огненъ возже, и люди казни, и много зла сотвори, и от того великого страха князевна уиде в вѣки крѣпки градъ, и тако многого время живе.

Лодича же та малая со младенцемъ по морю долго плыла про то Богъ вѣсть, и прииде в пятнадцати днѣхъ к вѣскому монастырю, и приключиася в то время игумену ходити при мори, и узрѣвъ лодичу малу, и повелѣвъ ю рыба-ренъ ко берегу приприводити, и обрѣтоша в лодиче младенца в драгомъ платѣхъ, и повелѣвъ его взяти, и обрѣтоша писаніе, и прочетъ его, и взявъ под главою злато, и подъ ногами сребро, и уидѣвъ яко высокаго роду, и взявъ его, и окрестивъ, и даде имя Григоріи. И потомъ отдавъ его ради воспитанія вѣскому рыба-ру. Рыбаръ же воспита его, и бысть отроча красно. Егда же бысть соднѣ лѣтъ, взявъ его игуменъ к себѣ в монастырь в наученіе грамотѣ, и вскоре научиша божественнаго писанія, и того ради инокъ его возлюбивша духовною любовію; бысть же чтецъ божественнымъ книгамъ. В вѣское же время приключиася Григорію того рыба-ра с сыномъ играть меченъ, чая рыба-ра отценъ своимъ, и вѣ-

книгъ прилучася ударъ мечемъ сына рыбаева; сынъ же рыбаевъ нача плакати и жаловатися матери своен; мати же его, вышедъ, нача Григория поносити, глагола: «что, Григорий, биеши сына моего, онъ есть лутчѣе тебя; и ны вѣдаемъ откуда еси ты? И рече к немъ Григорий мати моя возлюбленная! или иѣсть азъ сынъ твой, что тако ны поносиши? Она же рече: иѣси ты сынъ мой, и не вѣиы откуда еси ты, но вѣтромъ носимы яко вѣкотораго дни обрѣтохъ ты в малой лодиче по морю плавающа, и игуменъ далъ ты намъ воспитати.» Услышавъ же сие Григорий, нача горко плакати, и тече ко игумену и рече ему: «Честный отче! азъ чашаъ сынъ что есмь онаго рыбава, но ныиъ увѣдалъ, яко не сынъ его есмь, и егда отецъ и матере не вѣиы, но полю ты и вседушно прошу, честный отче, отпусти ны в воевѣски чинъ послужити. Азъ бо здѣ больше сего не хочу жити. И рече ему игуменъ: «жыно мой милый! но мысли того, понеже вся братия любять ты, а по ноен смерти будеши здѣ начальникъ. Рече же ему Григорий: «азъ игуменства здѣ не желаю но поиду свояхъ родителей искати.» И услыша сие игуменъ, иде в келию свою, и взявъ писанье, кое обрѣлъ в лодиче, и даде Григорий. Онъ же прочеть, и разумѣ яко от брата и сестры рожденъ есмь и рече: «Боже вседержителю! каковыхъ азъ родителей ныиъ! ныиыъ же егда тако естъ, поиду в землю святую работати Господени за грѣхъ родителей свояхъ, и тако животъ свой скончаю.» Игуменъ же слышавъ сие, благословни, и отпусти его с плачемъ; потомъ и вся братия и людие монастыря того плакалуса о отшестви его. И тогда Григорий обрѣтъ корабль, и востався со игуменомъ, и с братнею, и со всѣми людьми монастыря того, и сяде в корабль, и поиде ко святымъ мѣстамъ. И ныи от брега три дни и три ноци, воставше вѣтръ противѣиы, и принесе его ко граду. идеже мати его живаше. Корабленицы же не познаша града того или кралевство чье естъ. Григорий же вышедъ ис корабля, и поиде ко граду, и срете его иѣки гражданинъ. Григорий же моли гражданина того, дабы ему указалъ

добрый домъ во обитанне. Тотъ же гражданинъ взя его к себѣ в домъ свой со всѣми людьми; а егда пачаша хлѣбъ ясти, тогда Григорий же вопроси господина дому о граде той земли, и о людехъ, и кто ныи владѣтель. И отвѣща ему господинъ дому того, и рече ему: «ныиыи ны у себя короля земли чества и славна, и умре во святой земли, но остави намъ дѣтища, кому послѣ его в земли кралевство держати, только намъ остави едину сестру свою. Иѣки же князь восхотѣ ея въ жену себѣ полти, она же отказа ему глагола: яко по смерть свою мужа не хоташе ныиѣти. Князь же той приде с вонскомъ своихъ и силу ея побѣ, и многия грады огнемъ пожже, а ныиы за себя взялъ, опречь крѣпкаго града сего. И рече ему Григорий: «азъ есмь рыбарь и воинъ, и с мечемъ в воинствѣ хрѣбрь; воиди убо, веждь начальнику града чего что онъ ныи обѣщаеця дати? Азъ буду воевати за правду дѣиы оныи, и за весь градъ противу ся неприятели!» И рече ему господинъ дому: «велии азъ ныи веселился о приѣзде твоиы, тако и весь градъ возрадуеця. Во утрои же день сие дѣло начальнику сего града возвѣщу.» И поутру рано той человекъ шедъ во градъ и повѣда начальнику своему и всѣмъ людямъ; людие же града того возрадовашася. И призна Григория и воставша его предъ краевну, похвалы его ради. Краевна же прилежно на него смотрѣла, и не позна что сынъ ея естъ; принять же его и даде ему великия дары, и увѣщалися, что ему землю ея очистити и наемъ у неа взяти, а про сына своего чаша, что в тѣ же поры утопулъ. Тогда же Григорий бысть славенъ богатырь, и вышедъ противу того князя, которы землю краевнику восвалъ, и побѣи Григорий силу его до' самыхъ шатровъ, и самому князю главу отсѣче, и силу его разгна; и бысть славенъ богатырь, и во единъ годъ всю землю от рукъ неприятелискихъ свободи, и возвратися от побѣды к начальнику града во уговору плату свою взяти, и хотѣ ко мноу граду итти. Рече же ему начальникъ града: «преданный воинъ! довѣротъ тебѣ дати еже обѣщалися, но иду ко краевнѣ, и помыс-

ишь о твоюиъ вину. Приде же начальникъ ко кралов-
 гь и рече ей: «госпоже кралева! за сию службу сего
 Григория да послышиши замужъ за него; и сама ты
 дьси, госпоже, что отъ враговъ твоихъ безъ государя
 нашего терпиши, да впредь бы кралевство твоо не
 юколебалась, и немятежно было, и дабы ради проше-
 ния нашего ииѣти сего воина Григория себѣ в мужа
 произволила, и онъ бы твоо кралевство и впредь соб-
 юдодалъ. Сие же слышавъ кралева, аще и не хотѣла
 мужа и до смерти ииѣти, но за слово сие взяся в
 измышление до трехъ днехъ; егда же присиѣ день,
 егда отѣща при всеиъ народѣ: «егда воинъ Григорий
 рабры и удалы насъ ради воскалъ, и кралевство на-
 ше отъ рукъ неприятелискихъ избавилъ, и сего ради хочу
 ю в мужа себѣ взяти.» Слышавше князи и бояре и вси
 кляжи, возрадовались, и положили день срочны, в
 ииѣ же быти законному браку произволеннемъ всея зем-
 ли; и не вѣдаше сына с матерю. Егда же соедини-
 лися законному браку и они жили в веселии. Григорий
 же, по обычаю своему, никогда ни пилъ, ни ѣлъ, но
 ирежде входилъ во особую хранину и прочиталъ ии-
 санне, коо с нимъ было в лоднице положено, и отгуду
 о слезами исходилъ, и прилучися в иѣкое время иѣ-
 юей дѣвци видѣти короля плачюща, и читающа
 писанне, и повѣда госпоже своей кралеви: «в чемъ
 си прогнѣвала государя своего?» Она же рече к ней:
 «яко никакова жена тако жива, яко же азъ з государ-
 омъ своимъ пребываю, но повѣжди ми, чесо ради та-
 о ми глаголеши?» И рече к ней дѣвица: «азъ видѣхъ
 ипогажды како государь нашъ на всякий день пре-
 о стола и послѣ стола входитъ во особую хранину
 оселъ, а из нея изходитъ велии плачотъ, а чего ради
 воритъ, и азъ сего не вѣиъ. Иѣкоего же дни отѣхав-
 ту королю на ловлю зѣбрей, и кралева жена шюде
 ту его особую хранину и обрѣте писанне, и про-
 отъ е, и разумѣ, что отъ нѣя то писанне, и рече:
 кому сие писанне обрѣсти, аще не бысть мой сынъ
 Григорий.» И нача плакати велии: «горѣ миѣ окаянной!
 есо ради на сев свѣтъ родилася! лутчебъ хнѣ было

ащебъ умерла с матерю своею! Услышавше сие мужи
 и жены, стекочася ко хранинѣ той, и видѣша ю на
 земли лежащу, аки мертву, егда же ощутиа, и бысть
 во умѣ своемъ, и рече: «приведите ми в часть сев госуда-
 ря моего.» И воили сѣдше на кони, скоро гнаша до ко-
 роля, и рекоша ему: «милостивый государь нашъ краю!
 кралева твоа велии болитъ и молитъ тебѣ, дабы ѣхалъ
 скоро. Слышавъ же король, скоро гна ко граду, и иде
 хранину, идеже жена его. Она же видѣвъ его и рече ему:
 «государь мой! повели да вси изидутъ вонъ из хранины
 сев, а мы здѣсь одни останемся, да никто же бы слышалъ
 словесъ нашихъ.» И егда изыдоша вси вонъ, она же
 нача вопрошати: «государь мой милы и Богоиъ ииѣ дан-
 ны супругъ! повѣжди ми, откуда еси ты и какова ро-
 ду?» Онъ же рече к ней: «вѣдаеши ли ты о вопрошеннѣ
 моемъ, что азъ земли святыя есмь.» Она же рече ему:
 «аще ли ты ииѣ правды не повѣси, то жива на свѣтѣ
 не хочу быти!» Король же рече к ней: «азъ былъ че-
 ловѣкъ убогий и не ииѣлъ у себя ничего токмо одну
 воинскую збрую, которою кралевство сие избавилъ отъ
 рукъ неприятелискихъ.» Рече же ему кралева: «повѣжди
 ми, котормя еси ты земли и кто были родители твои?
 аще ли ты правды ииѣ не повѣси, то жива на свѣтѣ
 не хочу быти!» Онъ же рече ей: «азъ родителей сво-
 ихъ не вѣиъ, токмо сие вѣиъ, яко некоторого мона-
 стыря игуменъ взялъ меня при морнѣ и воспиталъ мя,
 и сказалъ миѣ, что яко взялъ на морю в ладницу малю,
 и до сего времени дондеже в сию землю не приходѣхъ,
 и хранилъ мене.» И егда услыша кралева жена, и по-
 каза ему писанне свое; онъ же пристрашенъ бысть и
 надъ на землю, и бысть пристрашенъ. И рече ему
 кралева жена: «возлюбленнымъ государь мой! ты еси сынъ
 мой, а братъ мой отецъ тебѣ былъ! А милое мое чадо!
 азъ велѣла в ту малую ладницу и с писаннемъ сииъ лю-
 безно положить и егда родихъ — ты о горе миѣ страш-
 ное! и много зла сотворише познахъ брата моего па-
 денно! Ииѣ же тебе, сына моего отъ него (и) меня рож-
 деннаго, не познахъ и ииѣсто мужа ииѣхъ его! Лутче
 бы миѣ не родитися и матери своей не познати! О бо-

же милосердный лутчебъ! азъ огнень сождена была, или чернѣ изедена, нежели бы таковая сотворила! И рече король Григорій: «не чаю и азъ в такую злую впасти напастъ.» Нача и онъ плакаться горко: Господи Боже вседержителю! Что на ня тако прогнѣвался еси, яко в таковую азъ напастъ впадохъ! се мати моя, а стала быть нѣтъ жена! Видѣвшю таковую великую напастъ и печаль сына своего, и рече ему: «о возлюбленный мой сын! нѣтъ стану азъ Господу Богу молитися и труды во трудомъ прилагати и странствовать до исходу души своея! Ты же владей королевствомъ!» Рече к ней смилъся: «не тако, мати моя, но ты государствуй в королевствѣ семъ; азъ же поиду странствовать и плакать все дни живота моего, аще Господь Богъ проститъ, грѣхи наша!» И воста пощю, одѣвша в нищенскую одежду, и простився с матернею своею, и поиде босыми ногами, и дѣже Богъ наставитъ и прииде в нѣкии градъ и в домъ нѣкогого рыболова, и моли его дабы пустилъ обмачевать. Рыболовъ же видѣ челоуѣка благородна, а не страна, и рече ему рыболовъ: «вижу бо тя, челоуѣче, по образу, что не отъ простыхъ еси челоуѣкъ.» Григорій же к нему рече: азъ есмь странникъ, и всякия добродѣтели лишены; но точию пусти мя, Бога ради, в домъ свой.» Услышавъ же жена рыбарева, и рече мужу своему: дабы онъ пущень былъ. Рыбарь же веде его в домъ свой, и даде ему хлѣбъ асти. Рыбарь же повѣда Григорію: «хощеши ли азъ знаю на море островъ пусто мѣсто подобно жити Бога ради странному челоуѣку. Григорій же радъ бысть и даде ему в ноги и рече: скажи ми, господине, мѣсто сие.» Рыболовъ же рече: «во утри день азъ тя отвезу на мѣсто оно.» Поши же прошедше, взя рыбарь с собою Григорія на море, и вѣдша в ладницу, и отплыша от брега поприщъ шестнадцать, и присташа к оному острову, и обрѣтоша на немъ полату пусту. Григорій же вшедъ в ню, и повелѣ рыболову себя заключити, и ключъ во вращи в море. Рыболовъ же затворилъ Григорія и заключи его замкомъ, и ключъ вверже в море, и возвратися в домъ свой. Григорій же пребысть в той в

полатѣ семьдесятъ лѣтъ, и плача и моляся Богу. В тоже время не стало в Римѣ папы. Бывшю же възсканию многу, еже бы обрѣсти мужа свята на престолъ святаго апостола Петра и Павла, и гласъ бысть с небеси глаголю: «поищите мужа свята Божия именемъ Григорія, и освятите его папою.» Слышавъ же людие таковое неизреченное чюдо, и возрадовашася, и послаша по различнымъ странамъ искати свята мужа Григорія. Посланикомъ же тѣмъ прилучися обмачевать у того же (рыболова); рыболовъ же вопроси ихъ: «откуда есте, и куды путь вашъ?» Они же рекоша ему: «друзе нашъ! много странъ ободохомъ, ищуще мужа свята именемъ Григорія, иже отъ Бога наречень быти папою в Римѣ. Слышавше рыбарь и воспомянулъ оного странника, и повѣда нѣтъ глаголю: «прежде снѣтъ лѣтъ почевалъ у мене нѣки челоуѣкъ странень, именемъ Григорій, его же азъ отвезъ на море на нѣкии островъ пустъ, и затворилъ и заключилъ его въ лустой полатѣ, и завергъ тотъ ключъ в море, и тому лѣтъ семьдесятъ чаю; но сие время онъ умре!» И прилучися того дни тому рыболову ловити рыбу, и изловилъ токмо одну рыбу, и распоролъ ю и обрѣте въ ней ключъ, иже кинулъ в море, егда заключилъ Григорія. И возоши гласомъ великимъ: «видите ключъ, которы азъ кинулъ въ море, егда же заключилъ оного Григорія!» Услышавъ же сие посланницы, возрадовашеся радостію великою. Во утрии же день наемъ даша рыболову, дабы ихъ отвезъ во островъ той; и егда быша на островѣ, и увидѣша угодника Божия Григорія, и рекоша ему: «святче Божий! изыди к намъ хвалу воздати Богу вседержителю! Изволенномъ Божиимъ, да будещи папою великому граду Риму и всему христанству!» Григорій же рече: «Якоже Господевъ годень, тако и будетъ! Взаша же его и повезоша с великою честію радуясь, и хвалю воздаша, что Богъ дарова ихъ такового угодника Божия! Егда же быша близъ града Рима, и учиниша звонъ во граде, и услышавъ же граждане все хвалю Богу воздаша, и срътоша его с великою честію; восприаша же отъ него благословение, послѣдствующе во градъ, и по-

ставша его папою в Римѣ, в соборной церкви святыхъ апостола Петра и Павла. Бысть же Григорій папою, благолюбивъ и богобоязливъ, праведенъ же и благочестивъ, ходя по заповѣдямъ Господнимъ. Прослы же слава о немъ повсюду, ради добродѣтельнаго жития его, и того ради мнози людие отъ различныхъ странъ послушаша его на пользу душамъ своимъ. Дойдѣже слава о немъ матери его, яко есть таковъ святъ человекъ папою в Римѣ, и помысли во умѣ своемъ о собѣ, яко до поиду и азъ прощениа просити о своемъ прегрѣшеніи, и кому иному повѣтъ грѣхи мои развѣ сего святаго мужа, и да объявлю ему все житіе мое. А кто ея слытъ и она того не вѣдаетъ. Приде же в Римъ к мамѣ, и припаде к ногамъ его, и повѣдала грѣхи своя, и проси прощениа отъ него; егда же увидѣ Гри-

горій мать свою на покаяніи, и рече к ней: во изти моя рожденная и супруга моя! азъ емь сынъ твой и мужъ! Понеже предъ Богомъ исповѣдала еси грѣхи своя, и о семъ благодари Христа, яко трудъ и молитву приимъ есть Богъ; согрешениа наша прости! Слышавъ же сие мати, надъ, поклонися предъ ногами его и от великой радости велики плакася. Когда мати Григоріи воздвигъ ея отъ земли и взяша(взя) в домъ свой с великою честью. По семъ святыи папа постриже мать свою во иноческіи образъ, и учини ея игуменью в дѣвичь монастырь надъ сѣбми дѣвами. И тако святыи Григорій и мати его очистишася от грѣхъ своихъ, и в старости глубокою смиреньемъ ко Господу отидо(доша). Богу нашему слава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь!

ПРИМЪЧАНІЕ.

Легенда о кровосмѣстителѣ въ своемъ основаніи есть безъ сомнѣнія вымыселъ глубочайшей древности. Первоначально это та мифологическая исторія, которая выразилась такъ затѣйливо въ мифѣ объ Эдипѣ. Древность существованія этой исторіи у Славянъ доказываются сохранившимися у разныхъ славянскихъ народовъ обломками въ народныхъ пѣсняхъ и разсказахъ. Языческая древность, подъ вліяніемъ христіанства, хотя ослабѣла, но не совсѣмъ исчезла; у тѣхъ, которые еще не вполне уразумѣли высокое достоинство христіанства, она сочеталась съ новыми нравственными понятіями и воображеніе перенесло ея образы на христіанскій миръ. Представляемый въ легендѣ герой превращается въ христіанскаго подвижника и называется то Андреемъ, то Григоріемъ; мѣсто жительства переноситъ сцену дѣйствія то въ Критъ, то въ Риму, — географическія имена, знакомыя по наслышкѣ; на сцену являюся то говорящія птицы, явный признакъ древней мифологіи, то монастыри, но съ уро-

дливыми прибавленіями чуждыхъ имъ образовъ все здѣсь носитъ на себѣ отпечатокъ той переходной эпохи умственнаго броженія, когда старыя языческія представленія уступали христіанскимъ и прежде чѣмъ исчезли, переплетались съ послѣдними, искажали ихъ чистоту и сами въ свою очередь отдалялись отъ первообытнаго склада. Въ этомъ отношеніи настоящая легенда, мы надѣемся, будетъ однимъ изъ важнѣйшихъ матеріаловъ для изслѣдованія старой духовной жизни. Изъ многихъ примѣровъ, гдѣ старыя языческія преданія входятъ въ повѣсти, носящія характеръ религіознаго содержанія, мало такихъ, которые бы сохранили въ себѣ въ такой живости мифологическія элементы, какъ настоящая легенда. Ея соотношеніе съ народными пѣснями сербовъ и молороссіянъ и народными разсказами, слышанными въ Великороссіи, указано въ нашей статьѣ »Легенда о кровосмѣстителѣ«, напечатанной въ III книгѣ Современника 1860 года.

ЛЕГЕНДА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАБАКА.

ЛЕГЕНДА^(*)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТАБАКА.

(Истор. Публ. Библ. сборн. Под. № 1564.)

КЛАНІЕ ОТЪ КНИГЪ, ГАЛГОЛОВАЯ ПАНДОНЪ, СЪ ХРАНИТЕЛЬНЫМЪ БЫЛІИ, ИВРЕСКОМЪ СВЯЩІИ, ВЪЖЕ ВЪСТЪ ТРАВЪ ТЛЕЩЕ, ОТКУДУ БЫТЬ, И КЛАНЪ ЗАЧЕТСА, И РАЗСЪАСА ПО ВСЪЛВЕННЪИ, И ВСЮДУ БЫТЬ.

По первомъ пришествіи Господа нашего Іисуса Христа на землю, и по еже во адъ сошествіи, и по восресеніи Господнемъ, бысть сицево нѣчто, еже писано семъ, еже видѣ Іоаннъ Теологъ писа, глаголю, во апокалипсисѣ во главѣ второй: эи ангелу Фіатврскіа церкви рече Господь: напиши, яко оставлеша жентъ Іезавель, глаголющейся быти пророчицы, учить и аснить юа рабы любодѣствовати, и свѣсти жертву идолскую, и вдахъ ей и время да покается, ꙗко не покася; и какъ рече Господь: се азъ полагаю на одръ и любодѣющія съ нею въ скорбь велию, и чада ихъ умрутъ смертію; какъ же, глаголю, сущи въ Фіатврѣ, иже не разумѣютъ глубины сатанины, яко токмо еже имате держите; и какъ видѣ сказуетъ въ томъ же апокалипсисѣ во главѣ седмой на десятъ: приде единъ отъ седми ангелъ, ииущихъ седмъ еіазъ и глаголю со мною: ради да покажу ти судъ любодѣицы великіа, сѣдѣици при водахъ; и видѣхъ жену, сѣдѣицу на звери червешѣ, исполвешѣ именъ худыхъ, жена оболчена въ юрвѣру червленницу и позлащена златомъ, и каменіи драгимъ, и бисеромъ, ииуща чашу злату въ ру-

цѣ полу мерзости и скверны любодѣанія, и на чашѣ ея написано тайно: вавилонъ великій, мати любодѣицѣмъ и мерзостямъ земскимъ имать принти отъ бездны въ пагубу, и удиватца живущіа на земли, ииъ же ииена напишутся въ книги животныа; и сію ангелъ складѣи съ небесъ возопи: паде, паде вавилонъ великій, отъ вина ярости любодѣанія ея навонъ вся язвы, и купцы земстѣи отъ силы пици ея разбогатѣша, и отъ овоциа вохоти души твоеа отъиде отъ тебе. Слышите и разумѣате, како духъ свѣтлый названена е семъ хранительномъ быліи мерзкомъ эеліи табачной травѣ, иже искони бысть смѣи и показа ея, дабы не ишли въ толкое скверны любодѣанство христіаня. Егда бо плотию Господь на земли образъ преложися^(*), и волею на смерть приде, и удивцею вочеловѣченія своего зніа извлече во адъ, сіи рѣчь діавола свѣза узамъ верѣшными и во тмѣ посади; онъ же сатана умыслилъ на земли плевель посадити, и посла слуги своя любодѣичныа бѣсы и блудныа демоны, метерпа срака и студодѣанія своего, аще возможно, прелстити избранныа Божіа. Бысть же тогда нѣкая жена Іезавель, гла-

(*) Раскольница.

(*) Надземными словами: «на земли явися».

голющаяся быти пророчица, и пострижеса въ чернеческій образъ, уже пророчества сподоблена бысть, лживый же сатана посла множества бѣсовъ любодѣйныхъ прелести ю любодѣяннѣ прже на пищу, потомъ на питіе, таже на блудъ, во блудъ же зачисти чадю женскъ ноль образуемъ, в роди окаинную дщерь, любодѣйцу великую, исполнену всякія мерзости, иже хулениемъ своимъ хочеть сосудъ несприазиснѣ демону быти, и шнать ѣздити на звѣрѣ червленѣй, — звѣрь же толкуется: множество земель нечѣрныхъ, Бога незнающихъ, иже вкушати имуть блудодѣйства ея скверныхъ и смрадныхъ мерзостей, — именъ же хульныхъ исполнена множествомъ, въ порфиру же в червленицу одѣяна, в алатохъ, в бисеромъ, в камениемъ драгивъ оболчена, — се толкуется: мнози царіе, и князи, и волможи, богати и убози, свободныя и работныя приносяти имуть себѣ во уста смрада оного любодѣйниа бѣса, в то шнъ будетъ забава и утѣха, — и множества золота в сребра лжеть за оную мерзость скверную, и се наречена мати любодѣйцамъ и мерзостямъ земскимъ, и шнать приити отъ бездны грѣховныя в въ пагубу идоуть всему шіру, понеже отъ сквернъ любодѣяннѣ ея множество народа погибшихъ и погибати будутъ; чаша же алатая въ рунѣ держима образуеть часто золотомъ в сребромъ купующимъ мерзость, и принише воссудатся, яко обсосадилася чловѣци плоду чрева ея, иже потрѣбать Господь имена отъ книги и съ праведными да не шнвшутца; мнози же купцы и продавцы обогатѣють морскаго зеля оного в отъ силы шнщи ея в олова похоти, дща ея, хранительного былія, ихъ же часть съ повѣрными во огни горящимъ в сѣре смердащей въ трезвости, понеже въ той земли шнства не шнуще, в шмелнаго ятїя не было, в неразумѣвающе людіе вина или сѣкора не знаяху, в къ требованію весели ко утѣшенію своему чего шнности, не просто живуще в погани суще, сирѣчи, некрещени пребываютъ. Прояви же Господь сіе хранительное быліе шнцевымъ образомъ: тогда шѣкому царю еллинскому, именемъ Анисію, царствующу въ той землѣ, престолъ свой со-

держашу, по разсѣянн святыхъ апостолъ, шѣре по вселеннѣй умножающихся, идольская леть обнажася, в сатанѣ постыдѣвающуся, .умысли сатана прелести живущихъ на земли, насадити зелье скверное, хранительное быліе, надъ трупомъ смраднымъ блудницы тол, якоже рѣхъ, табачное шнцевымъ образомъ; тогда убо благій Господь в на пользу вся строя, обнажая его коварство, в наведеніемъ шѣкинѣмъ страшнымъ царю Анисію, дабы не шѣдеше чловѣцы не вошли въ пагубу в въ муку шѣчную. Во одну убо ношь, шнщю ему въ дому на одрѣ своемъ, видѣхъ сонъ шнцевъ: во шнѣ же видѣхъ дѣву шѣкую въ царскомъ одѣянн, яко взыде на престолъ его царскій в шде на немъ, на главѣ же ея царскій шѣнецъ, дѣва же лицемъ чермна, образомъ доброзрачна, в еже видѣ шѣдущу в радующуся, в веселящуся, в узрѣвъ онъ, яко на шѣю шзирають окрестъ ея множество народа, чловѣцы старыя мужи и, дивящеса ея, ужасаются, в отъ страха умирають, таже трепещуть в шзномогають, в шотомъ увидѣшше умирають; потомъ же видѣвъ онъ в шлады юноши яко дѣву оную между трупомъ онѣхъ шало видѣть в, возлезше на трупы, тѣ юноши шзирають на ню, в, видѣшше, убояся в отъ страха трепещуть в трепетахъ шпроша, таже в шладенцы воскогѣша тол дѣву видѣти, возлезша на трупы тѣ возглядати в, видѣшше ю, в тѣмъ таже шпроша, яко между множества труповъ не можно дѣвы оныя видѣти в знати ея, вв престола ея царскаго, яко онъ царь Анисій не возможно ю во шнѣ видѣти, токмо мертвыя трупы видѣти, в ужасеса шрдцемъ, в шренеже духомъ. И пробудиса же царь Анисій отъ сна своего, в нападе шанъ ужась, в шрепѣть, в шрашь велий шнде на него, в велии ужасеса, в весь вострепетал, яко не шѣли повѣдати сна своего, не повѣда же в шарицѣ женѣ своей, ни боляромъ, ни ближникомъ, ни совѣтникомъ своимъ возшѣствити не можетъ, ни шде, ни шн, шнмышля бѣжати отъ шремногя бури. И отъ страха того в ужаса убояся, остави власть, в шакн бѣжа отъ шрества своего, в шало съ собою взя шнщи, в шде шрѣ

дни и три ночи, и ни аде, ни піа, смиря себѣ по-
стомъ и путешествіемъ трудомъ. И видѣ Господь сн-
реніе его, посла къ нему ангела своего, во образѣ ка-
женника, сирѣчь, нѣкогого велможи, возвѣстити ему сон-
ное видѣніе, еже видѣ ношю царь Апенсіи во снѣ
своємъ, повѣда же како будетъ во дни послѣднія роду
человѣческому пагуба и паденіе отъ хранительнаго бы-
лія, како зачинается и начало приемятъ при царствіи
его. И явися яко челоуѣкъ на пути царю, и срѣте его
ангелъ Господень во образѣ челоуѣчествіи, царь же
Апенсіи видѣ лице его прекрасно, и поклонися ему,
глаголюще: нирѣ тебѣ, челоуѣче! Онъ же отвѣщавъ:
нирѣ. Рече же: откуда грядеши? И отвѣщавъ ангелъ:
а ты гдѣ идеши? Царь же не хоташе сказати и сон-
наго видѣніа исповѣдати, и явше его челоуѣка суца,
не восхотѣ ничтоже рещи, яко челоуѣку, чего ради
идеть отъ дому своего. Тогда глагола ему ангелъ Бо-
жій: что ты, челоуѣче: исповѣси ми, ибо азъ тя знаю,
и вѣиъ кто ты, и чего ради бѣжиши, остави дарскій
свой престолъ и власть; ты еси царь Апенсіи, но
азъ глаголю ти, возвратися въ царство свое и не бой-
ся соннаго видѣніа, еже еси видѣлъ ношю вѣснѣ и
бѣжиши, чего ради оставилеши власть и престолъ свой;
не будетъ ти ало ничтоже, ни царству твоему; не стра-
шися того, еже видѣлъ; азъ тебѣ повѣиъ о немъ, ты
же возвратися во свое мѣсто, и царствуй праваше пре-
столъ свой; то будетъ въ послѣднія дни, слыши че-
лоуѣче. И начатъ ангелъ Господень повѣдати сице гла-
гола: (*) разумѣи, что есть дѣвическій образъ. Дивно чю-
до хочеть быти, от трезвости во пиянство діаволъ нирѣ
прелститъ сицевымъ образомъ. Бысть нѣкая чернориз-
ница, именовъ Іезавель блудивши, отъ блуда же за-
ченши дщерь, и рождши, и воспитана бысть до двою-
надесати лѣтъ, вниде въ ню сатана и распали ю на
блудъ, и едва оскверни ложесна своя и всю волю ді-

волю творяще, и блудящися тридесать лѣтъ, и далъ
ей Богъ время да покается; и видѣ ю Богъ непокая-
шуюся, посла ангела своего и повелѣлъ земли раз-
ступитися, и разступися земля на тридесать лакотъ,
и пожре ю въ себя живу, сатана же въ ней, любодѣ-
чивый домонъ во чрествѣ ея, почеривъ въ ложеснахъ
ея чашу полную мерзости и скверности любодѣчанія ея,
и покрови на земли надъ труномъ блудницы той — и
зкоренися, изведе земля быліе, травное желіе, и воз-
нмутъ елліни по повелѣнію сатанину на прелестъ бу-
дущиныхъ родомъ, и вземшо, имуть садити въ садѣхъ
своихъ, и расплодять всеелія ради, и нарекутъ ния
ей табака; и елліци убо желія травнаго и хранительна-
го былія вкусятъ, и тѣ будутъ растлѣни умомъ, и об-
лѣдѣютъ, и обмирати будутъ, и трастися имуть. Рече
ангелъ царю: винства ради, мнѣи помрутъ, иже къ ді-
аволу побдуть во адъ; не многоже времени и ты уви-
дишь самъ, царю. Царь же рече Апенсіи: въ которое
время азъ снхъ увижу? — Глагола же ему ангелъ Гос-
подень: по двюнадесати лѣтахъ предъ царскими вра-
ты твоими увидиши ихъ нынѣхъ множество народа,
трастися имуть, и обмирати будутъ, и мертвыхъ мно-
го объявца отъ желія травнаго и хранительнаго; тог-
да разумѣи яко любодѣица царство начинаеть въ мирѣ,
и домонъ жезломъ убиваетъ; сего ради оуъ умреть,
а врагъ узавляетъ сею похотию; ничтоже тако разье-
ритъ и разнобитъ челоуѣка яко блуженіе и пиянство.
И по снхъ глаголетъ ангелъ Господень невидимъ бысть.
Царь же Апенсіи возвратися во свое мѣсто, и нѣиъ
повѣсть сію на умѣ своемъ, и не повѣда никому до
двоюнадесати лѣтъ, и не вида ни въ домѣ своемъ
и нигдѣ, размышляя, когда увидитъ все реченное. Въ
то же время по снхъ видѣніамъ нѣкто бысть врачъ,
именовъ Треникуръ, родомъ елліни, пшде на поле
врачебнаго желія искати, и обрѣте на поли сіе желіе
травное надъ нѣкою пропастью, идѣже незаконную и
скверную блудницу ангелъ Господень порази, и видѣ
траву ту новорастущу, прииде на нея, и вложи въ не-
го сатана мысль, еже сорвати ему, и сорвавъ обню-

(*) Очевидно, — слагатель этой легенды, улавлявъ духомъ тогдашняго
времени, когда любили вымышлять сказанія, во невѣжеству своему нѣ-
которые слова передаетъ какъ бы отъ лица Ангела, а другія даже отъ
лица Божіа Матери и самаго Господа.

хати на прелесть будущиѣмъ народу; и възмъ Треникуръ и обоялъ поздрами своими, и обвеселися, яко забыти ему вся печали житейскія; тогда Треникуръ привошь траву и сѣмени, и посади въ садъ свой овощный оградъ, и начать рвати ту траву и обиюхивати, и весель ходитъ, аки виниѣ, и расплодися у него множество земли того. И увидѣвшю людѣе того мужа пѣвана суща и вопрошаху его; откуда пѣниство пнать? Онъ же показа имъ въ саду траву и продаде имъ конуждо на серебро, и тѣмъ такожде въ садахъ своихъ насадивше и расплодивше и другъ отъ друга еллинне расплодивше сады и обонивающъ поздрами своими, и пѣниствовать начаша; вноси же на огнь того былія полагающе и дымъ его цѣвницами вдыхаху во уста, и обледаша, и ни обмирають, ови умирають, и ни яко мертвыи лица разслабленныи умомъ растлѣныи вертятся безчинно, ходящу во умѣ пѣванныи сущи и во умѣ своенъ сице ниуще кійждо сошедшеся глаголаху: сіе земліе за вса далъ веселія ради в мѣсто хитѣлаго пнтія, якоже во пнмъ земляхъ бываеъ; у насъ же адѣ сіе земліе насъ веселитъ. И во иное время придоша предъ царевы палаты вѣнствующи вертяться и обомроша падающе, и ни еже въ смерть веззашу уироси. И видѣвшю царь Авенсіи народъ пннъ вертяться, и обмирающе, бѣшуща, и подивися новому ихъ начиванію, и позна быти ихъ пѣванныи, и вопроси о нихъ пѣкннхъ еллиннъ: «эчесо ради сія гибель?— ови обмирають, ови мрутъ, и у всѣхъ лица персѣпнюща, овогда блѣдны, яко мертвыи, овогда трясуща вертятся, колсблнщса, яко пѣнны, или откуда пѣниство пнате? Еллиннъ же, отрицающа того, сказуютъ яко хмельнаго пнтія и сикера не пнѣтъ у себя и пѣниства пнѣтъ у насъ.» Царь же Авенсіи повелѣи учити ихъ и еллиннъ же сказаша, яко токмо пнѣють во градѣ сады, а въ садахъ траву, земліе пѣкко странное, и обонивающа пѣниствомъ. Вопросы же ихъ царь: откуда взисте пнѣдъ того землія, или сѣмена той травы добыли сюда? И они сказаша, яко врачъ, еллиннъ Треникуръ, продаде имъ того землія травного. И повелѣи же

царь Треникура привести предъ себя. И приводеи бысть предъ царя Треникуръ; и нача царь Авенсіи истязати Треникура о семъ земліи и вопрошаеъ царь: откуда обрѣте пѣниственное сіе земліе, травное кореніе, или цѣвты, или сѣмя, и гдѣ то мѣсто найде, на немъ же израсте сія трава?— И повелѣи ему указати то мѣсто, видѣже свачала воспріиште, и корень взять сѣмене того землія, нарицаемаго табакъ, откуда обрѣтеса. Тогда же Треникуръ сказа мѣсто, и поведе его на пѣккое пустое мѣсто, видѣже скверную оную блудницу порази аггелъ Господень, и воокре трупъ ея земля, и бысть въ земли въ глубину на тридесать лакотъ; видѣвъ же царь мѣсто, и повелѣи народу то мѣсто копати; и ископаша народъ ему глѣбоку до тридесати лакотъ и болши, и обрѣтоша трупъ мерзокъ, и сирадъ, и зломонѣтъ, смерднщ, еднныи кости, тѣло же истлѣ все. токмо еднныи кости ея главыи и зевандроновыи. Вопросы же царь: «кто пнѣтъ, таковъ трупъ нужеска ли полу или женска бысть?— И отвѣщавъ Треникуръ: азъ, царю, не вѣмъ каковыи трупъ сей бысть отъ аггела Господня: прежде двоюнадесяти лѣтѣхъ на пути блудница живаше.» Вопросы же царь глагола: «во бысть ли у насъ какихъ блудницъ прежде сихъ лѣтъ двоюнадесяти во градѣ семъ?»— Отвѣща же Треникуръ: «бысть убо, царю, прежде двоюнадесяти лѣтѣхъ блудно живаше и хождаше дѣвою, мало же кто отъ гражданъ ловленія ея убѣже, а приде не вѣмъ откуда.» Царь же вопроси ихъ: «какова роду бысть она?»— И рече еллиннъ пѣкнн: «слышашомъ, царю, отъ ея, яко родомъ хрстіаныи, и мати ея отъ блуда черническа зачепши, прежде живущи вѣрнн, но и оскверни ея суще блудно живуще осквернени на многихъ мѣстехъ болѣе тмы мужей невоздержанннхъ и невоздержаніемъ своихъ; понеже еще млада двоюнадесяти лѣтъ на блудъ дерзала и живаше третцать, лѣтъ въ сущемъ блудѣ, и не вѣмъ, куда нынѣ дѣвалася; во градѣ семъ даво се пнѣтъ, и не слышашомъ ея нигдѣ. Царь же рече: «много ли тому яко не обрѣтаеъ блудница та на земли?» Рече же Треникуръ: «яко же рекохъ ти: дванадесать лѣтъ не видѣхомъ ея.» Рече же царь:

не бысть ли въ то время никаковы грозы страшныя, тогда грозы небесныя надъ градомъ снѣгъ? Рече еллинъ: бысть царю въ то время гроза и громъ страшень яко воколебатися земли и граду нашему: вострешеташа, многинъ храниннѣ отъ труса развалитися, и всѣмъ челоуѣкомъ ужаснутися въ разумахъ, истунити отъ помысловъ же. Царь и разумѣ, яко въ той день и время поразил ангелъ Господень, и наросте быліе травное зелье надъ трупомъ ея, и понину о семъ явшемся ему хранителномъ былин, сіе есть табакъ. И помысли въ себѣ царь пріяти святое крещеніе, и посомъ призвал Треникура и рече: эстли кто въ нашей земли отъ христіанъ, иже вѣрующа въ Бога небеснаго, или есть знаменіе образа его начертаніе? Рече же Треникуръ: слышавъ, царю, яко дѣвица есть, христіанымъ суща, иже вѣруетъ въ распятаго Христа, развѣсть у нее знаменіе каковыи Богъ ея. Повелѣ же царь сыскати и привести ея предъ себя; пославъ же нѣкогого мужа во нея съ Треникуромъ, и приведоша ю предъ царя. Вопросивъ же царь дѣвицу: «каковыи еси ты вѣры?» Она же отвѣщавъ рече: «христіанымъ естъ.» Вопроси же царь: како тебѣ естъ имя? — Она же отвѣщавъ. Вопроси же царь: естъ ли образы или начертаніе Христа твоего, какова суть начертанія и воображеніе его? — Милу царь яко самъ Богъ явился ему на пути, возвѣщавъ о томъ землі травномъ. Дѣвица бо, ииѣя у себя въ нѣдрахъ образъ единъ на обѣ страны написавъ, на одной странѣ распятіе Христово, на другой странѣ образъ пресвятыи Богородицы, аже обвязаше на выи своей ношаше, посмотривъ же дѣвица въ нѣдра своя, хотя показати образъ Божій царю, и не обрѣте у себя; понеже закры Богъ лице свое отъ лица вочестивыхъ; потому упрошаше дѣвица зрени на молитву. И помолися въ ту ночь до девятаго часа, и въ часъ девятый показа Богъ дѣвицѣ образъ свой въ нѣдрахъ въ пазухе ея, и сказа дѣвица цареву слугѣ; слуга же повѣдаша царю; и пакы приведоша дѣвица ту предъ царя Анеспія; и вопроси царь: «которыхъ боговъ знаменіе образы?» Она же отвѣщавъ: «небеснаго и

матери его во плотскому рожденію, которой сотвори небо, и землю, море, и вся, еже въ нихъ, нашего ради спасенія отъ чистыи дѣвы рождагоса, и спешаго съ небось, явшагоса челоуѣкомъ, и на крестѣ распятаго отъ людей, и за беззаконіе наше претерпѣваго страсти волюю, и погребеннаго бывшаго, и воставшаго отъ мертвыхъ, и вознесшаго(ся) на небеса, и пакы хотащаго пріити на землю судити живыхъ и мертвыхъ, и воздати комуждо по дѣломъ его, праведнымъ въ равъ животь вѣчный, а грѣшнымъ по достоянію мука вѣчная.» Глагола же ей царь: «откуда ты еси сія мудрости научилси или образъ и начертаніе Бога своего?» И отвѣщавъ рече дѣвица: «естъ, царю, во градѣ Еладеторѣ, въ немъ же учитель нашъ, епископъ оный, сице ему же имя нарече, сія учити и вѣровати въ Бога небеснаго, отъ него же и крещена естъ, и вѣрую во единаго Бога, сотворшаго вся, и той миѣ даде образъ сей.» Слышавъ же царь отъ нея сія словеса и размыслила о вѣрѣ христіанствѣ, и въ томъ размысленіи вѣнощи уснѣ, и явился ему ангелъ Господень во снѣ: «повелѣваю, царю, послати по епископа онаго, глагола: слыши, царю, и разумѣи, яко же тебѣ дѣвица о ней извѣсти епископа онаго, и ты послани во онъ градъ, и призови его, и той пути вся тебѣ, аже ко спасенію, скажетъ, въ сущемъ съ тобою аже ко спасенію.» Тогда рече царь ко ангелу: «ты кто еси?» Глагола и отвѣща ангелъ: «азъ естъ являлся тебѣ иногда на пути прежде двюнадесять лѣту, егда ты бѣжалъ отъ царства своего; азъ повелѣваю тебѣ возвратитися во свояси въ землю свою царствовать. —» Воставъ же царь и посла по епископа, и той епископъ бысть предъ царемъ Анеспіемъ. Вопросаше царь епископа; епископъ же нача повѣствовати о вѣрѣ отъ начала міра бытія, и отъ Адама, и до Моисея, и до рождества Христова, и отъ пророкъ увѣренія отъ всѣхъ писаній его, и отъ апостольскія проповѣди извѣстися, и научи проповѣдая дванадесять дней; и умилчавъ царь сердце своего, начие въ себѣ семя божественныхъ словесъ, и крестися самъ царь Анеспій во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, и

въ крещеніи нарече ния ему Алексій и съ нимъ множество князей, и бояръ, и народу много крестися; потомъ же царь сказа прежде бывшей сонъ, еже видѣ прежде двюнадесяти лѣтѣхъ, повѣдавше же тако глагола. Сяце вопрошающа епископъ: «какъ и какимъ образомъ посласте по мему? И отвѣщавъ царь рече ему: межъ видѣхъ, отче, во снѣ, прежде снхъ двюнадесяти лѣтѣхъ сѣдшца дѣвцу на престолѣ царскомъ воилку и чермену, въ рукахъ своихъ имѣеть жезлъ и чашу алату, окрестъ того престола множество народа старыхъ мужей, и средовичныхъ, и младыхъ юношей, и малыхъ отроковъ зрѣвшихъ на ню и дивящся вопроша вся окрестъ престола ея, яко между труновъ (*) престола и съ дѣвицею не азъ, яко же и азъ не видѣ оя, и ужасъ пріиде на мя и нападе на мя страхъ и треветь, яко огда убудихся отъ сна своего, во нѣвнѣ себѣ пріять, яко лишеть буду царства или тѣлеса своего, надоня нѣкое будетъ, и отъ чужестѣи не снѣхъ тогда возвѣстити накому; вознихъ же яко избѣжати и избѣжи иманъ оной отъ страхъ, и вѣста побѣже на чуждую страну, избѣгохъ отъ царства своего, идехъ три дни, ни аде, ни нѣа, и нѣкто на пути встрѣтъ ни во образѣ свѣтла мужа, и повелѣ на возвратитися вснѣтъ въ царство носей земли, глагола мѣ: иди въ землю свою, не бойся, возвести на, яко рожде на дѣвица бысть отъ чериоризицы и оскверился любоудѣствомъ, двюнадесяти лѣтъ любуудѣствомъ, тридцать лѣтъ въ блудѣ пробыеть, и аоразъ ю ангелъ Господень въ землю на тридесать лакотъ, нзъде надъ труномъ ея травное зеліе; вознуть оллине и въ садахъ раскладать ея, и тѣмъ землемъ утѣшатися нвуть, и престать народъ: возметъ веселіе, и нвози же попрутъ вкушающе; то зеліе и обѣспуются; — и абіе невиднѣ бысть. По двюнадесяти лѣтѣхъ азъ ихъ оллине нвозѣхъ видѣхъ бѣсншихся, и вортищихся, и обнирающихъ, и ирущихъ, и вземъ ихъ, и распростихъ гдѣ обрѣтоша зеліе то, и показаша ми мѣсто, на немъ же

наросте трава сія и корень сего зелія, и азъ повелѣ то мѣсто изрыти, и ископавше трунъ зловоновъ и смердящъ, изотлѣ все тѣло ея, токмо кости едина главы и аседроновы, и отъ сирада оного много болѣзнии тонини, ннн же попроша; зеліе же оно называше табакъ, и до днесь нвози чловѣцы поздриши обоняютъ и вдыхающе въ себѣ, ннн же въ нѣкоемъ подобающемъ сосудѣ жжигаютъ то быліе огнемъ и исходяща дымъ смердящъ вдыхаютъ въ себе, и въ той забавѣ и въ утѣхѣ и веселіе ннуще нннствоваху и обнирають, анн болѣзнии упроща, нвози же во едннѣ часѣ исчезоша. И по семъ явися въ ннвшую ноцъ во снѣ мужъ свѣтелъ, повелѣ же послати по тебе и по твою святнню, и глагола ми, якоже и прежде на пути явленися, нзвѣщая ми о томъ о зеліи травномъ; потому азъ послахъ по тебя, честный отче, ты же сотвори хъ яко пріиде къ намъ и просвѣтилъ святимъ крещеніемъ.»

Отвѣщавъ епископъ: «блаженъ ты еси, царю, своимъ житіемъ, яко авлѣгоса нужи ангелъ Божія сподобилса еси видѣти. И потому вонолеса епископъ, и постися чотырѣдесать дней, и нзкъ посла Богъ ангела своего, повелѣбашоце проклати тое зеліе, законопреступленія плодъ. Явися ангелъ епископу, глагола сяце: «слыши, чловѣче Господень, проклани плодъ тоа травы, понеже преступленія законооскверненнаго труна яко отъ беззаконнаго и проклатого, отъ сосуда мерзка и чаша гнуснма ностѣ сатана свой сирадимъ плодъ на земли назъ проклатою и поганю; аще кто отъ избранныхъ тѣмъ проклатымъ быліемъ не нзвѣрнѣтъ да обоняетъ, дабы ихъ Богъ отъ царства своего небеснаго отлучилъ, и царскія ннща лишилъ, и въ муки лютыя вложилъ, дабы ему ннръ весь лишеть былъ; и завистный врагъ и діаволь сатана, хотя свое желаніе исполннті, и ннръ весь оскверннті; и оскверятца и по повѣднннѣмъ надетца; тотъ сатана и съ бѣсмъ осудатца и наслѣдатъ рѣку огненную; и аще кто и преставеть отъ сего вкуса и нокаетса съ ностомъ и молитванн чнстымъ серднемъ со слезами и воздыханіемъ чнстымъ, и то нзлаую отраду и ослабу прнметъ себѣ, и между раа и

(*) Слово не разбрано

нушоу учиненъ будетъ, а въ рай не входитъ будетъ; и аще кто не послушаетъ поученія моего, и повелѣнїя Божїа противитца, тотъ человекъ вѣчный врагъ Богу будетъ, его же имя отъ книгъ животныхъ потребитца, и связанъ будетъ по руцѣ и по ногамъ, и свержень будетъ къ диаволу во адъ; диаволъ же посадитъ его въ сѣру киплячую; и сего ради повелѣ Богъ тебѣ вѣрныхъ юрестъ собрать, и плодъ той прокляти; будутъ въ послѣднїи вѣдцы человекы лукави ангелы, заворняцы, и пїаваны, законнопротупницы, отступать отъ вѣры, и по своему котвишоу инуть ходити, и униожитца плодъ той, и множество людей акусати инуть и униотца отъ него, и не помнятъ о покаянїи своемъ, и огаратитъ лице свое Господь праведное отъ нихъ, и тогда наскынетъ любаи многоихъ, и возненавидатъ другъ друга, и встануть отцы на сыновеи свояхъ, а сынове инуть противитца отцомъ своимъ, и не стануть слушати божественнаго писанїя; того ради Богъ вложитъ во власти немилосердїа на рабы многиа томителство, на еироты же не въ чемъ ярдити не инуть, и возненавидатъ богатыъ убога, и не престануть родъ земнородный сосотиса (?) и встануть азлыгъ на языкъ, и царство на царство, и вѣднъ будетъ ажуфа великая, и будетъ аса земля сиритца; того ради и тебѣ прокляти Господь повелѣ себъ меракїа, скверный и сирадый плодъ. И абїе неваднѣ бысть ангелъ Господень. И тогда слышаше епископъ отъ ангела глаголемого и собра множество епископъ соборъ и прокля плодъ той святыи отцы, и въ проклетїи тоиъ благовѣрные мужїе и жоны новокрещенныи изъ вертоградовъ своихъ изъ садовъ изведоша, неворониша; а которые остались некрещены, Божїю закону неповинующуса, тое аелїе развезоша по далынымъ странамъ поганымъ, сїи рѣчи, некрещеныиъ странамъ, и тако того былія елїни поганыи расклодиша и всюду развезоша: въ вѣдцы, въ турки и въ татары, и въ черкасы, и отгуду, умы, манъ христіаномъ прежде по невѣденїемъ акусавше, инозы же хранитъ былія, се ту отъ вѣрныхъ былія сему прїобшאותа и поганымъ, и жаждутъ сирада оного и скверныи смер-

дїцїа акусати и съ погаными въ муку вѣчную собѣ исходатайствуютъ. Тогда видѣ Богъ человека габлена, и знадоуща во грѣхъ, во адово дїо питїемъ табачнымъ, и знадоуща въ пропасть сѣни смертныи, носла Богъ грозу на землю, и потрясе ю. и бысть трусь по многинѣ земляиъ и странамъ, земля тресашейся по многинѣ мѣстоиъ разодошася и провалишася, и море отъ предѣлъ своихъ изыде; архїепископъ же моляшася днѣи и ноцѣ о обращенїи земли и сиронїи арести гѣва Божїа; явса епископу ангелъ Господень глагола: иди и рци людемъ непокоривымъ, которые прїобшאותъ сираду оному христіанствїи сынове, отлуча ихъ отъ церкви и не повелѣ ихъ образа своего лобзати, ниже по кресту или евангелїю приложитца, ни святыхъ таицъ причащатца, ни въ церкви стоити, доидеко не отоганетъ сего мерскаго и богопротивнаго аелїа; и аще кое мѣсто бымасть прїоступать во епископу, и ни лице ихъ не достанетъ прїестанга азначенїа нообращати, пожеме аки сирадыи усты и мерции сердци, нообрѣзаны уши, прїсно Святому Духу противитъ, отобїоша свои мыслиныи, и прїсадиша къ пустыиамъ днѣи неплоднїи, иже осквернишася похотїю своею, и осирадиша свои тѣлеса; не повелѣ бо Господь ниже тѣлеса ихъ съ вѣрными погребати, ниже близъ святыхъ церквей, ни политыи святыхъ творити надъ ними, ни вѣднїа, ни службы, ни приношенїа за ихъ азнїати, аще бни Богу враги, а диаволу тѣ друзи въ животнѣхъ своихъ, акиа аще не смерти, и гнушаются Господь; не повелѣ ницъ тѣхъ душу прїима въ рай, во Аврааму относити, ни въ царство небесное вущати, ни въ свѣтло мѣсто, ниже въ покои, ниже въ веселїе приносити; но отдадутся бѣсовомъ связаны посадити въ темномъ мѣстѣ до днѣ суднаго, но судномъ же днѣи во сирадную сѣру горящую. И аще кто воскощеть исправитца, ежебы отъ амыхъ мукъ, и бысть на тѣхъ каитиса: отъ сего хранителнаго былія табачнаго останетца, седнолѣтнѣиъ апрещенїемъ, яко блуднику, подлежитъ; но сонїи же лѣтнѣхъ прїитнѣ въ церковь, и не яко враги его вѣднїа, но яко братїю утѣшая любовїю и прївѣтомъ сердца го-

рестя, Богу жалостно со слезами плакати уна, со стра-
хомъ камицца грѣховъ своихъ днь и ноць, живуще
не похотѣиць сердца своего, яже по своихъ воляхъ
ходить. Богу славу возсылаемъ человеколюбцу Отцу и
Сыну и Святому Духу. Слышавъ же свископъ отъ ан-
гела и нависа сія. Но многихъ же лѣтехъ бысть явле-
ние на красной горѣ недужной дѣвицѣ Феклѣ: явися
пресвятая Богородица во свѣтлости велицей съ безплот-
ными силами, въ рукахъ своихъ жезлъ иѣтъ, и гла-
голюще сице: «Фекла, иде въ ширь и возвѣщай Божіе
повелѣніе.» Она же прежде бысть въ болѣзни и внеза-
пу очутимши исцѣленіе, и бысть здрава, и воста дѣ-
вица, и поклонися до земли. Тогда наки рече ей про-
святая Богородица: «може рекохъ ти, иде и возвѣщай
повелѣніе Божіе, чтобы люди праздники господскія по-
читали, и въ воскресныя дни не работали, и матерно
не бранились, въ церковь Божію ходили бы, Богу по-
клонились, и отъ своихъ трудовъ иѣтъ Богу давали при-
ношеніе по силѣ десятую часть, янства отставали бѣ
а табѣтъ отнюдь не имали бѣ: проклятъ бо есть отъ
Бога и отъ святыхъ отецъ; егда кто его испіетъ, въ
то время земля дрогнетъ, Богородица вострепететь и
небо возмилнется у Божіа престола стов; а егда чело-
вѣкъ матерно избраница, то гибель его крововито,
небо и земля потрясетца, а Богородицѣ укоризну при-
несеть. Азъ мати Творца свѣта своего, азъ сама по-
лю Бога своего Іисуса Христа, јуже отеченають грѣхи
и беззаконіе ваше, и за питіе хочеть васъ Богъ погу-

бити, за пиянственное зеліе, острымъ мечемъ. Сего ра-
ди азъ тебѣ явлюся и повелѣваю тебѣ возвѣстити на
совищяхъ во градѣхъ и въ селѣхъ, чтобы отъ питія
табачнаго и хранительнаго былія увелился, Божію бо во-
лю творили, и посты говѣли о грѣсѣхъ своихъ, другъ
друга не обидите, будите доволны своими оброки, а
къ чужимъ частемъ не прикасайтесь, такожде и чу-
жихъ грѣховъ на себѣ не залазите и не приобщайтесь;
желая чюжда своя погубляя; уже бо Божій мечъ по-
вымъ изостристе, хочеть васъ носѣщи внезапно, жемъ
ваша и чада въ плѣнь пойдуть и голодомъ помрутъ,
и въ поганыя земли за оскверненное ваше питіе раз-
сѣяно будетъ, поля ваша запустѣють, и жита родить
не стануть, и нивы ваша запустѣють, красота сель
вашихъ отъ страха побѣгнутъ, всячески устрашитесь,
идѣже не бѣ страха, того ради останетесь всячески,
устрашитесь и покантеса, ототамите отъ блуда, и пиян-
ства, и табачнаго питія, и грабленія, и сквернословія,
и кощунства, и всяческія нечистоты; зтворите любовь,
праздники господскія почитайте, среду и пятокъ и по-
сты иѣтите, и воскресныя дни въ церковь ходите, и о
грѣхахъ своихъ кайтеся: уже бо страшный судъ го-
товится.» И наки глаголавъ и невидна бысть. Дѣвица
же Фекла въ послѣднемъ родѣ на прочитаніе право-
славныхъ христіаномъ предашея. Богу нашему славу
возсылаемъ со безначальнымъ его Отцомъ и со пресвя-
тымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ, нмиѣ, и
присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Легенда эта сложилась на основаніи древняго мислительскаго вѣрованія о произрастаніи травъ и деревьевъ на поглахъ умершихъ сообразно свойствамъ покойниковъ. Такъ въ поэзіи всѣхъ европейскихъ народовъ непремѣнно найдется нѣсія, гдѣ разсказывается, что на югахъ юности и дѣвцы, умершихъ отъ несчастной любви, выросли какіе нибудь цвѣты, то роза, то лилія, о боярышникъ (*strategus*) и т. п., также точно на поляхъ злыхъ людей вырастаетъ крапива, волчецъ или какое-нибудь другое дурное и некрасивое зелье. Тутъ жется кроется наблюденія надъ дѣйствительнымъ фактомъ природы, что погребенные тѣла, какъ органическія вещества, способствуютъ процессу произрастанія. Такой-то грамотѣй XVII вѣка, напавшійся въ дѣтствѣ такими преданіями отъ разсказовъ бабушки и тетушекъ, а впоследствии начитавшійся въ рукописныхъ борникахъ переводимыхъ повѣстей благочестиваго соержанія, искаженныхъ перописчиками, составилъ настоящую легенду. Мы печатаемъ ее, какъ образецъ осиптанія, сложившагося подъ сѣшеніемъ понятій, своихъ и чужихъ, чтеніемъ этихъ переводимыхъ повѣстей, съ древними языческими вѣрованіями, сѣшеніемъ, принявшимъ оригинальный складъ отъ вліянія мифовъ и измышленій, налегавшихъ на умъ и фантазію народа. Самоучка-грамотѣй переноситъ сцену дѣйствія въ греческій міръ, съ цѣлю, какъ кажется, придать воену вымыслу почтенное значеніе старины, стараеся выразить книгоцерковною рѣчью и не можетъ съ ею сладить, мутается въ грамматическихъ формахъ, оторыхъ не созналъ посредствомъ правильнаго изученія, и, такимъ образомъ, создаетъ веркъ нечлѣпости и о содержанію и по формѣ. Табакъ въ XVII столѣтіи

считался нравственнымъ людьмъ признакомъ развращенія нравовъ. Правительство преслѣдовало его наравнѣ съ пьянствомъ и распутствомъ и признавало его губительнымъ для народнаго здоровья. Не смотря на такое запрещеніе и вообще на неблаговоленіе къ нему нравственнаго чувства, табакъ въ тотъ уже вѣкъ сильно распространился въ народѣ и употребленіе его считалось удалствомъ. Молодцы тайно собирались въ корчмахъ, тогдашнихъ притонахъ пьянства и разврата, курили табакъ изъ бычачьихъ роговъ и загибались до того, что падали въ обморокъ. Церковь также неблаговолила къ нему, и когда однажды, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, правительство рѣшилось было дозволить табакъ съ нѣкоторыми ограниченіями, духовные лица подали противъ этого голосъ. Нельзя видѣть въ этомъ одиныхъ предразсудковъ: употребленіе табака часто соединялось въ тотъ вѣкъ съ безнравственностію, и притомъ самые роды табака были до того крѣпки, одуряющаго свойства, что вредъ этого *заморскаю* зелья былъ слишкомъ очевиденъ. Вотъ этотъ то нравственный взглядъ на табакъ руководилъ авторомъ легенды. Раскольники читаютъ эту легенду, и она поддерживала въ нихъ суевѣрное табакобозніе; впрочемъ намъ случалось слышать отъ самыхъ раскольниковъ недовѣріе къ ней, и увѣренія, что они чуждаются употребленія табака, считая его, во первыхъ, вреднымъ для здоровья, во вторыхъ, поводомъ къ напраснымъ издержкамъ, которыя могли быть употреблены на дѣло, болѣе полезное для ближнихъ. Разсуждающіе такимъ образомъ, уже не стѣсняются табачнымъ дымомъ, а надъ повѣстію объ Апенсіѣ и Тренкурѣ позволяютъ себѣ даже подписываться.

ПРИТЧА

О ВИТЯЗЪ И О СМЕРТИ.

ATTACHED TO SECTION 0

ПРИТЧА

О ВИТЯЗЬ И О СМЕРТИ.

(Из Русских XVII вѣка.)

Нѣкій человекъ воинъ оудалой, ѣха по полю по чистому, и по раздолью широкому, приде к нему смерть, и бѣ видѣю ея яко левъ, ревуя всически, страшна отъ человѣческаго оустроенія, носящи оу себе оружія всякое мечи, и ножи, и рожи, и серпы, и сѣчива, и оскорды, и иная многая незнаемая кознодѣйства различная образы. Сяже велии смиренная душа и оустрашися велии изревнова же себѣ: кто ты еси люта и звѣрь образъ твой страшнѣ велии, хоженіе твоє о тебѣ звѣринеє, а подобіе человѣческає? И рече ему смерть: пришла есмь, хочу взяти! И рече человекъ той: азъ не хочу, а тебя не боюся. Рече ему смерть человекъ, чинъ ли не боишися? цари и князи и воеводы боиша, и святители, азъ есмь славна на земли, а ты мене не хочещи боишися. Рече же человекъ той: азъ есмь оудалецъ, в ратныхъ дѣлахъ многи полки побивалъ, а отъ единыхъ человекъ никтоже можетъ братися, и напротиву стати, а ты ко мнѣ одна пришла еси, а оружія и запасы носиши; видится мнѣ, что есть не удала, толко есть страшна, образъ твой страшитъ мя, и оуды во мнѣ трепещутъ, на тебя смотри, и отъиди прочее, доколѣ ты не съѣку мечемъ монитъ. И рече ему смерть: азъ есмь не сильна, и не хороша, и некрасна, да сильныхъ и красныхъ, отъ Адама и до сего дни, сколько

было царей, и князей, и владыкъ, и жонъ, и дѣвицъ, то всѣхъ азъ собрала. Самсонъ сильный, не богатырь-ли былъ, тако говорилъ: аще было кольцо в земли адѣлаво, и азъ бы всиъ свѣтомъ поворотилъ; да и того азъ взяла! Александръ Македонскій и оудалой и храбръ и всей подсолнечной царь и государь былъ; да и того азъ взяла! О человекъ! не мудръ ли ты царскіи Соломона? Царь Соломонъ хитръ и мудръ, да и тотъ со мною не смѣлъ говорить. Акиръ иренудрыи во елѣнисконъ царствіи не было таково мудреца, ни под солнцемъ, да и тотъ со мною не смѣлъ говорить, да и того азъ взяла! Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и той на изволи вкусити, горькіе смерти! Да вѣдомо человекъ тебѣ: азъ есмь смерть не носулица, ни богатства не собираю, ни красна, ни хороша не ношу, азъ земныи славы нехошу. Занеже есмь не милостива и с дѣтска неповадилася милovati, азъ не милую, ни зарвою ни в чьмъ ни часа. Какъ пришедеъ, такъ возму. И рече человекъ той: госпоже моя смерть, ави на мнѣ любовь свою. Рече же ему смерть: никако же, человекъ, занеже до миру моя любовь равна есть, какова до царя, такова и до князя, и до нища, и до святителя; аще бы богатства собрала, столко было бы оу мене богатства бесчисленно всего много, несказанно, царствъ и земель, занеже.

человѣче. азъ яко тать животь возму. Рече: госпоже моя смерть, пожди мало, да покаюся. И рече ему смерть: повеже, человекѣ, Богъ глагола вахъ святыми книгами: бдите и молитесь, на какъ день и часъ, вахъ смерть ни грамоты не посылаетъ, ни вѣсти не подаетъ, но придетъ аки тать, и слышалъ еси, человекѣ, во святомъ евангеліи Господь рече: братіе, бдитеся, будьте готови, и аще бы человекѣ вѣдалъ, в кій день или в кій часъ тать будетъ, и онъ бы в ту ночь бѣлъ и стрелъ бояся крѣпка, не далъ бы подкашывати хранимъ своимъ; тако мене горкіа смерти кто вѣдалъ прашествою мене, и онъ бы крѣпко того часа ждалъ, и бояся и готовился. Животь рече: оувы мнѣ в великихъ еси нуждахъ! О смерть! пощади мя до утра, да дѣла своя исправлю, исполнюся. И рече смерти: безумныи вы человекѣмъ, тѣмъ вы, человекѣмъ, себе ирешаетесь, и ко мнѣ и такоже преступаю, нимо се такоже молитесь, и моханія просить; Богъ повелитъ мя ослабити, и огда оцдранюгъ, и забудетъ мене, и оучитъ жити яко безсмертенъ, и добрыхъ дѣлъ не творитъ, а мнѣ ты глаголеши, яко оутру покаюся; да тѣхъже оузаоутрѣюхъ много есть, а бес моханія, но а паче согрѣшаете, го и мнѣ азъ вридохъ, не вожду, ни пощажу ни единого часа, но было вахъ время каитися, но вы пребываете в лѣности, и в жестосердіи, влщнаъ не млуете, но мнѣ на сонѣ свѣте бес конца жати, но тордостію расвалася на яа, и кощете со мною братися. Животь рече: се оуже видя, душе моя, и оустрашися зѣло. И рече же ей человекѣ той: госпоже моя смерть, отпусти мя до градъ, и азъ шедъ куплю себе срацицу и саванъ в милостыню сотворю, к мнщнѣ и раздаюхъ животь свой по собѣ по церквямъ, да священники творятъ службы над мнѣ: богатство мое оставлю. Рече ему смерть: никакъ не отступлю отъ тебе, человекѣ,

коли еси ты былъ здоровъ, и ты о души своей венекася, в милостыни не творилъ от своего богатства своими руками. А мнѣча своимъ животь не воленъ останется немилону другу; а труждался еси даромъ напрасно воехъ, а дѣти твои и жена твои оскротають и отъ нихъ пользы нѣтъ: добро человекѣ своимъ руками давати милостыни и сороковустія по души своей. И рече человекѣ той: охъ, охъ! И начать плакаться, и рыдати горко, и вопѣти горше: охъ злодѣю смерть! пришелъ еси по меня посолъ немилостивый, и никому отъ тебе не азбытъ! И приступи к нему смерть и захвати за шею серпомъ, и претре ему нилою сердце на полъ, и потохъ налимъ оскордецетъ, и пощѣе ему ноги его, потохъ руцѣ, таже теслою главу ему отщѣе, и разрушивъ вся составы его. Тѣмъже и разумѣйте, человекѣмъ вы, и огда человекѣ болитъ и не оучитъ аладѣти собою, и оуды раздробитъ, а какъ оувидитъ болный человекѣ смерть, и отъ страха забудетъ, и азыкъ его оуоумкнетъ, и очы остеклѣють; тогда видитъ смерть, Ангела Божія видитъ и грѣхи своя что на сонѣ свѣте согрѣшилъ, то все бѣса ему покажутъ, и родню свою видитъ, и сыновы, и дочери, и жену свою, кругъ его стоять, над мнѣмъ плачутся; говорить к мнѣ не можеть отъ страха, видя грѣхи своя. Тогда смерть наливаетъ чашу горкую и вольетъ человекѣ в ротъ и в той горести душа из человекѣ выидетъ предъ вѣтви, душу праводную ангелы Божіи носуть в рай, а грѣшную душу носуть бѣси въ нуку; понеже сама оуготова. Добро человекѣ всякому каитися трижды на годъ, и милостыни творити и (в) церкви ходити. Братіе, блюдетесь смерти сіи азыкъ нашъ кротокъ, а тако бес конца, а смерть никогомо минетъ, всей повѣдаеть без милостыни. Богу нашему слава и мнѣ и прасно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ВАРИАНТЪ МАЛОРОССІЙСКІЙ.

(Из сборника XVII века.)

Приповѣсть о нѣкоторомъ рыцери который былъ, и такъ собѣ часу одного поѣхалъ въ полѣ, где предъ тѣмъ разніе полки побивалъ, такъ же и жадного человека нѣгди не боялся и о смерти нѣкогда не помышлялъ, а кгда того часу на томъ чистомъ полю на своемъ добромъ коню гулялъ и явилася ему смерть во своемъ страшномъ образи и оружіе свое показала ему, носу кривую; и рече смерть до рицера: «что, человекъ, слышишь? не вѣдаешь ли тебе хочу взыати!» Рицерь мовить великимъ оубкомъ: «я не хочу войти и не боюся тебе.» Смерть мовить до рицера: «чи знаешь ты, человекъ, кто я есть, що ся мене не боишь? Чи слышалъ ты коли колвекъ о смерти, до сего часу живучи на свѣтѣ?» Рицерь мовить до смерти: «не такъ слышалъ, але и много видалъ, бо ратные полки побивалъ.» Смерть мовить до рицера: «коли ты смерти многимъ людямъ задавалъ, а на себе смерти нѣгди ся, не сподѣвалъ.» Рицерь рече до смерти: «я естемъ власный король на земли, а тебе ся не бою.» И мовить смерть до него: «о какавый человекъ! Чему ся ти мене не хочешь боляти, мене царю боляться, владыки почитаютъ, а и ти учаешь на богатство свое и на силу. Чи не слышалъ еси, человекъ, якъ писко святое мовить; да не хвалится сильный силою, богати богатствомъ своимъ.» Рицерь мовить до смерти: «я по полю ежду и тебе ся не бою; кгдажъ я въ далекихъ краяхъ бывалъ и разніе полки побивалъ и нѣкто противно мене не спротивлялся, бо не могъ, и ти до мене зъ якихъ пришла и дивуюся тебѣ, що ти мене а нѣ меча моего острого не боишися.» Смерть мовить до рицера: «бо я тебе своимъ оружіемъ не страшю, бо мое оружіе таковое есть: пила тесла, кордъ, коса кривая; пила есть разніе тѣла, тесла

есть отпаденіе тѣла, а кордъ мой прободеніе сердцу и кривая коса всѣхъ заровно косить, якъ царей славныхъ, такъ и князей великихъ, патриарховъ, святителей, ченцовъ и игуменовъ, богатыхъ и убогихъ людей.» Рицерь мовить до смерти: «ночто жъ ти сюда пришла?» Смерть мовить до рицера: «я хожу понежду дорогами, по чистому полю, по мѣстахъ, по селахъ, по водахъ, шукаючи человека; а знайшовши заразъ устрашу его, и озыну его до себе. Рицерь мовить до смерти: «що ти мя устрашити хочешь своимъ похвальнымъ словомъ и кривою косою и лишнимъ своимъ оружіемъ. Обачио кто промежку нами будетъ старшій, бо якъ бачу безпечно ходишь сама безъ чоду, едно оружіе свое носишь.» Смерть рече рицарю: «Завсте есть, рицери, оружіе мое, которое я ношу, увидивъ надъ собою и окрнется надъ тобою. Рицерь мовить до смерти: «не страши ти мене своимъ оружіемъ, бо я готовъ зъ своимъ всѣмъ оружіемъ противу тебе стати.» Смерть мовить до рицера: «безумный человекъ! подъ ноги мои лежишь.» Рицерь мовить: «я хочу же бѣ ти подъ ногами мои лежала.» Смерть мовить до рицера: «безумный человекъ! послухай же ти мене; Самсонъ сильный былъ наче всѣхъ и мовивъ; кгда бы нѣлъ коло въ землѣ, то бы всю землю повернулъ, да я и того взяла.» Рицерь мовить до смерти: «откуда ти сюда пришла, чи я по тебе сюда посмалъ? чи я вѣдалъ тебе, або ти чи знаешь мене? Повѣждь мнѣ правду. На що ти косу кривую за собою носишь?» Смерть мовить рицери: «это моя коса ризунѣтся по всѣхъ царствахъ: далъ ми тежъ Господь Богъ владу, же бы всѣхъ заровно стивала, бо я есть смерть; потреба мене знати.» Рицерь мовить до смерти: «кеси ти своею косою плодъ земный, то есть траву, що

на кому принадлежить, биліе, кривву, а мене ти для чого вимити часшъ, бо я тебе не знаю, и ти мене не знала: но доброй волѣ рикидѣюся. «Смерть мовить рицери: «можъ уховай сердце въ скромности, бо якъ нишнѣ людей не отпускаю, такъ и тебе не отпущу.» И почалъ рицерь на смерть ласково глѣдѣти и мовилъ: «вѣдаешъ о томъ, смерть, же мнѣ барю страшнѣ обрѣзъ твой, же якъ не могу отъ страха твоего на конѣ сидѣти, бо можъ сустави мнѣ всѣ трясутся. Прошу тебе лагодне, поиди отъ мене себѣ прочь съ своею кошою.» И рече къ нему смерть: «о человекѣ! не нишнѣ еси и за тѣмъ до тебе пришла — не красная, а велика силная, молодихъ и старихъ, богатихъ и убогихъ за ровню всѣхъ побираю; спомни себѣ человекѣ, отъ Адама и до сего дне колко было царей, князей, патриарховъ, епископовъ, богатихъ и убогихъ людей, старихъ и молодыхъ, то я всѣхъ тѣхъ побрала; и всѣ мене боялися: чувалъ еси, рицери, царя Давида, же во пророцѣхъ былъ пророкъ, то я и того взяла; царь Александръ, же надъ всѣми крѣпчалъ, то я и того взяла. А чи вѣдаешъ ти человекѣ, же я жадного богатства не забираю, а мѣ красного одѣя, лане же немилостива еси, и нѣкому часу надатѣи не откладам: якого часу прииду, того часу и озвучу.» А гдѣ рицерь вислузавъ отъ смерти такіе слова, воздхнувши мовилъ: «охъ мнѣ неизному! Уви мнѣ Господи, Іисусе Христе Сыне Божий, ты сотворилъ еси небо и землю; изволивши насъ ради смерти скусити!» А обернувшись до смерти, рече: «о госпоже мой смерть! Чи ливши любовь и ласку свою на мене?» Смерть мовить: «никакоже не лвию, человекѣ, тебѣ любили и фольги, бо моя любовь во всѣхъ еси еднакова, якъ до царей, такъ и до всякого человекѣ.» Рицерь мовить: «жати моя смерть, жавъ жадностей барю много — тебѣ тебѣ все отдаю; до себе бери, а мене отпусти.» Смерть мовить: «Не жалѣдай мнѣ своего богатства; вѣдаю о томъ, же ти жѣнешъ скорбы великии, а ле зъ собою не забереши, тилко одну кошулю, и скорбы твои люди пожнутъ, которые на нихъ не работали, бо тебѣ болши нѣчого не треба: три зактѣ тилко земли,

и отселѣ не пойдешъ, тилко тутъ мертвъ ляжешъ, а що свой мастокъ мнѣ отдаешъ, то тилко гришиши; бо можешъ ти знати же я богатствъ и скорбовъ не забираю, а если бимъ я богатства собирала, то би и у мене было неслышано и неслыхано и не былъ би нѣкто богатій надъ мене, Царь Александръ Македонскій албо тие не мали богатства же всѣ (?) отъ мене могли откупити, але я не хочу жадного богатства; мое богатство еси разлучити всякого человекѣ отъ жития сего; бо хожу такъ, яко татъ потаеми, нѣкому ся не кажу, а никого ся не лишу; тебѣ въ чомъ заставу, въ томъ и озвучу.» Рицерь мовить до смерти лагодне: «кто тебѣ владу такую давъ, же берешъ людей, а тебе нѣкто не озвучитъ? Если хочешъ, живѣи за ровню: надъ тебе и надъ мене нѣкто не буде дужшій.» Смерть мовить: «неверзущий человекѣ! можъ и слова твоѣ нѣчого тебѣ не помогутъ, а мѣ потѣшатъ тебе; хочу тебе безъ жадного милосердия зъ сего свѣта заразъ поврати, яко сродки и лютии зѣбрь левъ человекѣ.» Рицерь мовить: «уви мнѣ госпоже моя смерть! Пожди мало, прошу тебе, отврати отъ мене гнѣвъ свой, бо еще не готовъ умерти, же бимъ скоро не отданъ былъ до пропасти адовихъ.» Смерть рече: «теперь уже, оканчивъ человекѣ, хочешъ каятися своѣхъ грѣховъ, коли я до тебе пришла, албо не было предъ тѣмъ часу каятися грѣховъ своихъ. Кдѣ еси у добрахъ своѣхъ и въ коштовнихъ шатахъ ходилъ еси, але тогда откладалъ день за день, часъ за часъ, и чомъ еси не каялся тогда грѣховъ своихъ, а мѣ тожъ милостиву убогимъ давалъ?» Рече человекѣ: «о горе мнѣ грѣшному человекѣ! Кдѣ жъ многихъ людей смерти давалъ, а на себе смерти нѣкдѣ не сподѣвался, а теперь смерть пришла до мене и взяти немилостивно хочеть.» И смерть рече: «чи слышалъ еси, человекѣ, якъ Господь Богъ до учениковъ своихъ и всѣхъ людей мовить: бдите и молѣтесе, да не увидите въ напасть; бо не вѣдаеть человекѣ коли злодѣи въ домъ его прииде красти, а гдѣ бы вѣдалъ, то бы са стерегъ и не далъ бы дому своего вкрасти; такъ и тебѣ волно было, человекѣ, разившати

о своихъ грѣхахъ и о смерти: а нѣ царь, а нѣ воевода, а нѣ тебѣ святитель але всѣхъ заровно стыжаетъ старого не чтить, молодого не щадить.« Смерть рече: эписмо святоо учить, а бысто день и ночь молвлялся, абы вась Господь Богъ не знайшолъ порожныхъ. И почала смерть его напоминати новячи: «человѣче если бы ты вѣдалъ, же смерть есть праведникомъ покой, дѣтииъ веселіе, разбойникомъ, котормо на покаяніе приходять, радость вѣчная, должникомъ откупленію, плачущимъ утѣха.« Человѣкъ рече: ю горо нѣ грѣшному! Госвоже моя смерть! отврати гнѣвъ свой отъ мене, вожди малок Смерть рече: эколи вамъ Богъ ждетъ; же бы ви каялся грѣховъ своихъ и за нихъ покутовали, то ви горше Господа Бога ображаете; якъ много на свѣтѣ живете, тымъ болшей грѣшите, откладаете день отъ дня, а не вѣдаете въ котрую годяну вриду и вась кгда въ чомъ застану, въ томъ и озиу: вже и тобѣ, человекче, животь и душа отъ тѣла разлучается, солн-

це заходитъ, годѣ нѣ говорити съ тобою.« И почалъ человекъ плакати горко, отъ сердце равне новячи: «Госвоже моя смерть! прошу тебе, дай нѣ хочъ трохи на свѣтѣ пожити! Нехай быкъ покался грѣховъ своихъ.« Смерть новить: эне отпущу тебе.« Рече человекъ: эуви нѣ, смерти ала! Кто тебе ублажить немилостивую? Волѣкъ быкъ ся на свѣтъ не родича, що ти теперъ надо мною старшинство наситъ.« Смерть новить: «Безумный человекче! Где твоо рццество и молодость, гдѣ твоо богатство: все въ землю сокрылъ еси; чи далъ еси на цорковъ? чи далъ еси убогимъ? Який еси пожитокъ душѣ своей учинилъ? Теперъ уже, окаанный человекче, всю маетность отдалъ бы еси, кгда бы моѣхъ рукъ смертелныхъ увошолъ, але ужъ не можна.« И узавши правую носу преступила до него и почала отпнати руки и ноги и всѣ суставы его, и на тихъ мѣстцахъ поразила его смерть. И такъ животь его скончался.

ПРИТЧА О ХМЪЛЪ.

3

1911

447

ПРИТЧА О ХМѢЛѢ.

(Мат. Публ. Библи. то 4, стр. XVII № 41.)

Бѣ хвѣкій человекъ: живаше бо в добри і сотвори себѣ хижу, и живаше в ней много лѣтъ і в хвѣкое время не ста у него нища. и иде мужъ той искати себѣ на потребу снѣда, и ходяще по лесу много, и абие обрѣте стоящу яблонь велия добру, і взя от того дрѣва едино яблоко, і вкуся, і бысть сытъ велии. И нача яблоки собирати съ яблони той, и узрѣ на яблони траву: обвилась около дрѣва, и сорва травы той едину смоквицу, и нача быти от тое травы гласъ сицевъ:

»Человѣче! знаеш ли ты меня? и слыхалъ ли еси про меня?»

И человекъ той ста изумься, нападе на него ужась великии и нача вопрошати той человекъ:

»Кто есть ты гласъ испущающъ? азъ бо тя не знаю.

Повѣкъ ми.»

И гласъ бысть от тое травы:

»Глаголю тебѣ, человекъ, азъ бо есмь хмель.»

І рече человекъ той:

»Кто ты хмель, і какую силу знаеш в себѣ?»

І гласъ бысть от травы той:

»Глаголю тебѣ, человекъ: азъ бо есмь хмель, и начу ты всю тайну мою. Слыши мои глаголы і внимай: азъ бо есмь силенъ, боле всѣхъ плодовъ земныхъ, от

корени еси сильного, и многоплодного, і племяи великого, а мати моя сотворена Богомъ, а нѣбу у себя ноги конки, а утробу не ожерчаву, а главу еси нѣбу высокоу, а языкъ многоглаголивъ, а умъ розной, а очи обѣ нѣбу врачниі, завидливъ, а самъ азъ спесивъ велии, и богатъ, а руке мои держать землю всю; а такоу правъ нѣбу: аще который человекъ станеть меня держатца, царь или князь, или бояринъ, или кто свѣтителскіи чинъ нѣбеть, или черноецъ, или черница, или купецъ, или мужъ, или жена всякова чину человекъ, учинеть только меня держатца, первое доспѣю его блудникомъ и к Богу неполюбника, на молитву нестанави и умъ его отину: начынетъ без ума ходити, і, вставъ онъ с похмеля, не можетъ, на постели своей стоветь, и глава болитъ, и очи его свѣта не видеть, и руки его дрожать, и на душѣ его мутитца, и дѣлатъ ничего не хочетъ, и ничто ему доброе на умъ не идеть, толко душа его жадаеть, какбы нанитися. Аще у которого человека лучитса гостемъ званымъ быти, на обѣдѣ дружимъ и сердоболимъ, а буде меня не станеть, тутъ бо несть ни радости і ни веселия, той бо и обѣдъ не честенъ и не похваленъ. Аще у коого обѣда пребываю, тутъ бо много радости і веселия, той бо и обѣдъ честенъ и славенъ, всѣхъ людей пребывающихъ в дому

его. Аще кто напнется и спохмеля вспеть чашу, а вотомъ жаждеть другую, и потомъ иные многие испиваютъ, и какъ напиваются по вся дни, а изъ в ту пору отрыну отъ него доброе, и воздвигну на него помысль босовский, и потомъ введу его в большую погубель, и учиню его горда и ленива, и напущу на него тягость большую, и пойдеть изъ него, во пьянстве всякая неподобная рѣчь, и станеть с всякими бранитца и задиратца, покажетца ему, что онъ силень добро и богатъ, и лутче всехъ. Азь бо тебѣ глаголю, человекѣ: аще который князь или боярину учнетъ меня держатца, то азь доспѣю его у Бога не милости, а у цара не в жалованье, и сотворю его хуже нищаго и убогаго. Аще ли отъ ния умреть, и та душа его будетъ в огни негасимомъ, а тѣло у церкви не положить, а покайтсѣ онъ живъ, и напився станеть сидеть в нить до полуночи, а спать до полуночи (полудня), и на люди учнетъ восхвалятися; тогда вси людие его сироты и вдовцы восплачуются, и разбѣжатца отъ его пьянства. Еще глаголю тебѣ, человекѣ: аще которой мастеровъ человекѣкъ учнетъ меня держатца, азь бо сотворю его ленива, и руки его стануть дрожать, и дѣлать ничего не восхощеть, и створю его злымъ пьяницею хуже всѣхъ людей, и учнетъ нить и пропнется весь, а жена и дѣти пойдутъ в миръ, и домъ его весь раззорю, и не будетъ жилища его ничего, и родъ и племия отъ него отступятца. Еще глаголю тебѣ, человекѣ, аще учнетъ меня держатца которой гость или купецъ, всякъ торговый человекѣкъ, и азь сотворю его безумна и животь свой весь растерзаетъ и пропеть, и будетъ ходить во вѣчаной ризѣ и во надраныхъ сабохѣхъ, и станеть себѣ заимывать у котораго господина, и ему никто не дастъ и (не) повѣритъ, и не дадутъ, видя его пьянство, и родъ и племия отъ него отступятца. Еще глаголю тебѣ, человекѣ: аще учнетъ меня держатца которой боярину, доспѣю его у государя в ненависти, и будетъ онъ ни дворянинъ, ни селянинъ, и умъ его отичу: начнетъ без ума ходити и без призору умреть. Еще глаголю тебѣ, человекѣ: аще который жена

учнетъ меня держатца, сотворю ея злу пьяницу, и несть она пияти, таясь мужа своего, и наведу на нее похоть тѣлесную, и потомъ введу в большую погубель и в большой позоръ, и будетъ она от Бога отлучена, и от людей в посиѣхъ. Еще глаголю тебѣ, человекѣ, ко всемъ людямъ всякому чину, мужамъ и женамъ, кто станеть держатца, азь таковъ нравъ нить: добро все отъ него отставлю и наведу на него все худое, и учнетъ по дворамъ ходити и пиять. Слыхалъ ли еси ты, человекѣ, о пьянице? Пьяница есть прихитнена ко свиноп, свиноп бо гдѣ не видить, ино рыломъ потыкаеть, тако и пьяница, аще в которомъ дворѣ пьютъ, и тутъ стоятъ и слушають, пьютъ ли въ томъ дворѣ, и спрашивають: в которомъ дворѣ пьютъ? и стоятъ у воротъ и забиеть, и проситъ нить, а сорама нетъ и стыда не нить, толко во умѣ своемъ нить, какъ бы напится, а въ которомъ дворѣ пьютъ и ему не дадутъ, и стойдетъ отъ двора того и зломыслить на господина дому того, бранить неподобною лаяю и в многого не боятца, и онъ никого не почитають, самъ себя величить и велика сотворяють, и со всякими бранитца, и со всякими задиратца, покажетца ему, что онъ силень добръ и богатъ и лутче всехъ. Человекѣкъ отъ пьянства: царь царства отстанеть, а сильные человекѣкъ силы отстанеть, а храбрыи мечю преданъ бывають, а здравы немощенъ бывають, а многолѣтнимъ скоро умирають без суда Божия; аще кто пьянъ умреть, и тело его у церкви не положить, и пѣния Божия не будетъ, а душѣ мука зла. Пьянство умъ отнимаеть, руководыня портитъ, прибыль теряетъ, пьянство князя сотворяеть во убожество, в землю его пусту творить, и долгъ наводитъ; пьянство мастеровъ умъ отнимаеть: не можетъ смыслить дѣла своего, и сотворяеть его во убожество, пьянство же отъ женъ мужей отлучають, а женъ отъ мужей; пьянство ноги отнимають, пьянство в бездонную бѣду человекѣка вводитъ, пьянство зрениа очей отнимають; пьянство к церкви Божии не цуетитъ, честь князь не даетъ, Богу молитися не дастъ. Вѣдай себѣ, человекѣ: на конѣ худое пьете, то пьяница; или шагъ ходитъ, то пьяница жъ; кричить кто

или вонять, то пьяница; кто убил ся, или самъ ногу или руку переломилъ, или голову сломилъ, то пьяница; кто въ душегубительство соговоритъ, то пьяница; кто в грязи увалился, или убил ся, до смерти кто самъ зарѣзал ся, то пьяница. Негоденъ Богу и человѣкомъ пьяница, только единому дьяволу, и людямъ всѣмъ постыль пьяница; измыкъ долготъ у пьяницы. Что есть недоброе, то все пьяница. Какъ его в живогѣ не ставить, и его во огнь кинуть пьяницу, в муку волокутъ пьяницу, черви ѣдятъ пьяницу, мразь великъ пьяницу, розньими учнутъ муками мучить пьяницу, с сотоною во огни царствуетъ пьяница. О человѣче! якоже азъ глаголю тебѣ, сія вся заповѣдаю, словеса моя, вонни во уши своя, отложи прочь от себя смоквицу сию, якоже еси сорвалъ, да не увидиши ала надъ собою.

Онъ же, той мужъ, слыша от тое травы гласъ глаголющъ сицевы словеса, і пристрашенъ бысть велии, и дивил ся, что от травы той исходитъ гласъ человеческой, и верзеть онъ смоквицу на землю, и поиде той человѣкъ в хижину свою, і несе яблока в хижину свою на пищу себѣ і размышляя: «великое чудо показася мнѣ:

слышахъ бо азъ от плода, яко угодное есть, то есть временное, а ни мало вкушати от вина: много убиваетъ много человѣкъ; пите бо есть некоторого человѣка и добро не вводитъ, но только во ало глаголь возводитъ, а Господь от того человѣка отходитъ, видя безсмерное его пьянство, а дьяволъ о таково человѣкѣ радуется, о нечѣрномъ і о поганомъ человѣкѣ такъ не радуется, какъ о пьяномъ человѣкѣ православныи вѣры; нечѣрному и поганому ничто соговорити, а над пьянымъ человѣкомъ, что хоцетъ, то и створитъ и на вся ала наводитъ, а Господа Бога нашего прогневаетъ пьяныи человѣкъ. Аще ли кнѣи человѣкъ от пьянства бывають лишень, и гнѣвъ Господа Бога своего возвеселитъ, а ангель, хранитель души его в тѣлу, ходитъ с нимъ, радуется, а беси отъ такового человѣка отходятъ и гнѣвъ болей на него пѣють, а Господь Богъ таково человѣка своею милостію и благодатію хранитъ его ото всякого дьявольского нахождения, і становъ Божию сполнять воздержаніе доброе і благоприятно Богу, и получить душе своей спасеніе, і обрываетъ от Господа Бога милость в семъ вѣцѣ и в будущенъ, нишѣ і присно і во вѣки векомъ. Аминь.

ПРИТЧА

О СТАРОМЪ МУЖѢ И МОЛОДОЙ ДѢВИЦѢ.

100

100

100

ПРИТЧА

О СТАРОМЪ МУЖЪ И МОЛОДОЙ ДѢВЦѢ.

(Шклер. Публ. Библ. in 4° отд. XVII № 41.)

Бысть старыи мужь, велии старь, и сватался ко пречистой девци, брадою сѣдъ, а тѣломъ младъ, костью храбръ, плотию вставливъ, умомъ свершенъ; и рече старыи мужь ко дѣвицѣ: «ионди за меня, дѣвица: носить тебѣ у меня есть что, слугъ и рабынь много, и коней и портищъ дороговѣнныхъ много, есть тебѣ у меня в чень ходити, пити, и ясти, и веселитися.» И рече дѣвица ко старому своему мужу: «О безумныи и несмысленныи старыи старикъ, матерой материкъ! Коли меня, прекрасную дѣвицу, поимешъ за себя, храбрость твоя укротитца, и образъ твой померкнетъ, и седины твои пожелтеютъ, тѣло твое почернеетъ, и кости твои засохнутъ, и уды твои ослабѣютъ, и плоть твоя обленитца, и не угоденъ будеши младости моеи и всему моему животу не утѣха будеши; умъ твой от тебя отидеть, и учишь ходити, аки лихая понурая свиня, на добро и на любовь нѣ помыслишь, и уды твои ослабѣютъ, и плотскому мосу естеству не утеха будеши; тогда азъ, дѣвица, от распаления, впаду в преступление со младыми отрокомъ, с молодцомъ хорошимъ, а не с тобою, старымъ мужемъ, с вонючею душою, с понурою свинею.» И рече старыи мужь ко дѣвицѣ: «зна что, дѣвица, словеса сия сложилъ, аки древа листнемъ украсила, аки цвѣтъ по земли расцвѣтила? А в дому моемъ рабы; государынею будеши;

и станешъ, моя милонка, на многоцѣнныхъ коврахъ сидѣть, пити, и ясти, и веселитися со мною неизреченна многообразныя ясты; но дамъ тебѣ, милонка, у печи от огня рукавъ твои учисти и ногамъ твоимъ о камень разбитися. Сядешъ, моя милонка, в каменной полатѣ; и начну тебя, милонка, согрѣвати в теплой бане, по вся дни, украшу тебя, милонка, аки цвѣтъ в чистомъ поле, и аки паву, птицу прекрасную, аки Волгу рѣку при дубраве, и упокою ты во всемъ наряде; и сотворю тебѣ ширь великии; и на шару вею всякую потѣху играти гусельникомъ и трубникомъ и пляску; и начнуъ тебя тошити; и начнешъ, моя милонка, всемъ моимъ именіемъ владѣти; но дамъ тебѣ, милонка, оскорбѣти, твоему повся дни и животу твоему.» И рече дѣвица ко старому своему мужу: «о безумныи и несмысленныи старыи старикъ, матерой материкъ! Хочешъ со мною любовь сотворити, а такъ не спешити о будущемъ вѣцѣ и о смерти, какъ душа своя снасти; хочешъ угодити женѣ, а нѣ Богу. Пора тебѣ раздаты именне свое нищити; а самъ постригися в почестныи монастырь, рабъ и рабынь отпусти на волю, и онѣ за тебя Богу молятъ.» И рече старыи мужь ко дѣвице: «какъ ты, дѣвица, поидешъ за меня, и азъ твоего отца и матеръ одарю многоцѣнными дары и

честь водать великую. И рече дѣвица ко старому мужи: «о белушныи и бессмысленныи старой старикъ матерой материкъ! Аще ли одолени отца моего и матерь мою многоценными дарами, и отецъ мой и мати моя выдадутъ меня за тебя по неволѣ, и язь стану ходить не по твоему докладу, и слова твоего не послушаю и повеления твоего не сотворю; аще велиши дѣлать кисло, азь дѣлаю пресно, а якова тебѣ у меня хлеба не видать, всегда тебѣ сухая крома глотать, закаломъ зубамъ твоимъ нагуба, скорынямъ твоимъ погубить (?) нагуба жъ и кончина, а тѣлу сухота, а санову тебѣ, старому смерду, исчезновению, а младому отроку моему, молодцу хорошему, советнику, мякии крупичотые колачки и здобныи пироги, и различныи овоци, да сахаръ на блюде да вино в кубце, в золотомъ вѣнце, да сверхъ тово ему мяккая хорошая лебединая перива да чижовое згололье, да собольное одѣяло, а тебѣ у меня, старому смерду, спать на полу или на кутникѣ на голыхъ доскахъ с собаками, а в головы тебѣ изъ под жерновъ дрсвяной каменъ; да пожалую тебя, волю тебѣ дать соломоную рогожу, да шей болотную воду, да ешь сухой хлѣбъ, да квашеные поскрепки, а в нѣсто тебѣ нѣсто, старому смерду, настоятыя старые коровы, и та недоварена, а младу отроку молодцу, хорошему моему советнику, калачи крупичотые, да сахаръ на блюде, да вино в кѣпцѣ, в золотомъ вѣнце, и язь предъ иленикии стою с трестомъ изъ болзнию, чтобы меня иленикой любить, и жаловалъ, и дровичъ почесту, а мякии и мякии учнотъ иллова на рукахъ носить, а тебѣ, старому смерду, побѣренческой (?) рождъ, неколотой потылицѣ, жаравной шѣ, лецевымъ скорынямъ,

сомовъ губѣ, щучимъ зубамъ, понырой свине, раковымъ глазамъ, потхилому г...у опухлымъ нитамъ, синему брюху, рогозиннымъ руковицамъ, поскопная борода, желтая сѣдина, кислая простокваша, неподтвореная сметана, моржовая кожа в воде варена, чертова болота, свиной пасть, сидеть бы ты на печи, чтобы у тебя, смерда, в шею скрыпело, а в роте храпело, а в носу сапѣло, а въ г...ѣ, шипѣло, жилъ бы ты что жукъ в г...ѣ, что желна в дуплѣ, что червь за корою, что сверчокъ за опечью, костяиъ бы твоимъ локота, зубамъ щепота.» И рече старой мужъ ко дѣвице: «коли ты, дѣвица, за мною будешь, и ты не таква будешь. И сталъ старой мужъ свататца ко дѣвице и все нѣбине свое на сватовство отдалъ, а прекрасной дѣвицы за себя не сасваталъ; и какъ дѣвица старому мужу говорила, такъ надъ нимъ и сотворила. И вы, старые мужи, сами себѣ рассудите, младыхъ жонъ не понимайте: младая жена лишняя сухота; от людей старъ бѣгаетъ, в пиру не сидитъ, к людямъ не пристанетъ, а от воротъ не отстанетъ, в мѣбу не лезетъ, а хотя и влезетъ, и онъ не сядетъ, в верхъ глядитъ, голову закинулъ, языкъ закусилъ, врончетца, что лихая сабака изъ под лавки, а укусить не смеетъ, чтобы самое не зашибли, не го воретъ, дметца, самъ себѣ досадила старой мужъ, три годы бѣгалъ и удавился. А красная дѣвица вышла замужъ за молодца хорошова, с молодыи прощаючися, а старова проклинаючи. И какъ дѣвица старому говорила, такъ надъ нимъ и сотворила. Младому дѣвица честь и слава, а старому мужу коровой сала. А кто слушалъ, тому сто рублей а кто не слушалъ, тому ожогъ в г...о, четцу калачикъ чяжкой. Сои сказке конецъ.

СКАЗАНІЕ

О РОСКОШНОМЪ ЖИТІИ И ВЕСЕЛІИ.

1111.01.1

1111.01.1

СКАЗАНИЕ

О РОСКОШНОМЪ ЖИТИИ И ВЕСЕЛІИ.

(Изъ сборника, принадлежащаго профессору Ф. М. Буслаеву.)

Нѣ в воиъ государствѣ добры и честны дворянныи вновь пожалованъ помѣстницомъ малымъ, в то ево помѣстье межъ рѣкъ и моря, подлѣ горъ и поля, межъ дубровъ и садовъ і рощей избраныхъ, езеръ сладководныхъ, рѣкъ многорыбныхъ, земель добродородныхъ, тамъ по полямъ можети видѣти скотопитательныхъ ишеницъ і жить различныхъ, изобилии полуганъ травы зеленящия, і разноцвѣтуща цвѣтовъ сличныхъ ипрекрасныхъ и благовоиныхъ несказанно по лѣсамъ древесъ кедровъ, кипарисовъ, виноградовъ, аблонъ, и грушъ, і вишенъ, и всякаго плоднаго масличья зѣлю много, и только премного и плодовиго, что яко само древесие челоуѣческому нраву самохотне служатъ, иреклонна своя вершины, і развѣвая своя вѣтви, иресладкия своя плоды объявляя; в садѣхъ жо і дубровахъ птиць иресполнено і украшено пернатыхъ і краснопѣсныхъ сарниовъ і попугаевъ, і струеоканнеловъ, і иныхъ итахъ служащихъ на снѣдъ челоуѣческому роду, на голосъ кличущену челоуѣку прилетаютъ на дворъ і в домы і в окны і в двери приходятъ, і коину какая птица годна, тотъ ту себѣ избравъ возметъ, а остаточныхъ прочь отгоняетъ, а по моря пристанищъ корабельныхъ и портовъ утѣшныхъ і утишахъ добрыхъ без числа много тамъ, насадовъ и кораблей, шкуевъ, каторгъ, бусъ и людей, струговъ и лотокъ, шарюковъ.

коляковъ і карбусовъ нешчетными тыиъ, тысящи всякими драгоцѣнными заморскими товарами безпрестанно приходятъ, а бархоты і атласы, со златоглавы і оксамиты, і с алтабасы і с коберцями, і с канками, і отходятъ и торгуютъ без ишеницъ; а по краицъ і береганъ морскихъ драгоцѣнныхъ камешей акинеевъ, алмазовъ, яхонтовъ, изумрудовъ драгоцѣнныхъ, бисеру і жемчугу добръ много, а по дну морскому песковъ рудъ златыхъ, і сребреныхъ, і иѣдныхъ, і оловяныхъ, медсаровыхъ, і желѣзныхъ, і всякихъ кружцовъ несказанно много; а по рѣкамъ тамъ рыбы бѣлуговъ, осетровъ, і семги і бѣлыхъ рыбицъ, і севрюгъ, стерледи, селди, лещи і щуки, окуни, і караси і иныхъ рыбъ много, і только достаточно, яко сами под дворы великия стада ии ходятъ, і тамошняи господа ии из домовъ не исходятъ, но из дворовъ і из оконъ і рукави, і удами, і снастями, і баграми ловятъ. А по домамъ коней стоялыхъ аргамаковъ, бахматовъ, иноходцовъ, куръ і овецъ, і лисицъ і куницъ, буйволовъ, і оленей, лосей, і соболей, і бобровъ, зайцевъ і несецовъ, і иныхъ одѣвающихъ плоть челоуѣческую во время вѣтровъ безчисленно много. А за такимъ велииимъ приходомъ той земли не бывають снѣговъ, не знають дожда, грозы не видѣти и что зима, отнюдь слыхати. И такихъ звѣрей і шубы людямъ нешотребны. Да тамже есть одна

горка не добръ велика, а около ея будетъ 90 миль
 полскитъ, а около той горки испоставлено преукрашен-
 ныхъ столовъ множество, со скатертми и с убрисами и
 с ручникачи, и на нихъ ключи и ясы златыя и среб-
 реныя, хрустальныя, и стеклянныя, і различныхъ яствъ
 с мясными и с рыбными, с посылными и скоромными,
 ставды, и сковороды, и сковородки, лошки и плошки, а
 на нихъ колобы и колачи, пироги и блины, мясныя
 части, и кисель, рыбныя зыена и уха, гуси жареныя
 и журавли, лебеди и чапли, і индейския куры і курята
 и утята, кокоши и чирята, кулики и тетеревы, воробьи
 и цыплята, хлбмы ситныя и пирошки, и сосоуды с
 разными наиптками, стоятъ волки чяны меду, соро-
 ковыя бочки вина, стововыя дѣвы ренскова і рамо-
 нея, балсановъ и тентиновъ, і нныхъ заморскихъ дра-
 гоцѣнныхъ витій множество много, и браги, и бузы и
 шасу столь множество, что і глядеть нехочется. А, кто
 либо охотникъ і ньянъ нахъется, ино ему спать до-
 вожно никто не поцѣшаетъ; тамъ усланы постели шю-
 гля, шерныя мехныя пуховыя, изголовья, подушки и оде-
 яла, а похмельнымъ людемъ также готово похмельныхъ
 ядей соленыхъ, капуста великія чяны, огурцовъ і рыжи-
 ковъ, і грушей, і рѣдки, чесноку, луку і всякия пох-
 мельныя яствы, да также есть озеро недобре велико,
 исполнено вина двойнова, и кто хочеть испивай, не-
 бойся, хотя здругъ по дѣ чаша, да тутъже близко
 врудъ меду, і тутъ всякъ пришедъ хотя ковшенъ і
 ставцонъ иривадкою іли горьстью, Богъ в помощь, на-
 нивайся; да близкожъ тово цѣлое болото пива, и ту
 всякъ пришедъ пей, да и на голову лей, коня своего
 мой, да і самъ купайся, в никто не оговоритъ, ни слова
 молвить. Тамъ бо тово много, а все самородно: всякъ
 тамъ пей и ѣтъ в свою ваю, и спи довольно, і прох-
 лаждайся любовно. А около горъ і по полянъ, по пу-
 темъ, і по дорогачъ, перцу валется что сорю, а ко-
 ричи, ішварю что дубовога коренныя, а онисъ і гвозди-
 ка, шавранъ і зардачонъ і изминныя і винныя ягоды

и виноградъ на всѣ стороны лопатами мечуть, дороги
 прочищаютъ, чтобъ ходить куды глаже, а никто тово
 не подбираетъ, потому что всего тамъ много, а жены
 тамъ ни прядутъ ни ткнутъ, ни платья моютъ, ни кро-
 ятъ, ни шьютъ, і потому что всякова платья готового
 много, сорочекъ и портъ мужескихъ і женскихъ ше-
 сты новѣшены полны, а веранева платья цѣтнова ко-
 робы и сундуки пакладены до кровель, а перстней
 златыхъ и серебряныхъ зарукавой, цѣпочекъ і монн-
 стовъ, без ларцевъ валется много: любое выбирай да
 надѣвай, а никто не оговоритъ, ни попретитъ ни в
 честь; і кроитъ тамъ радостей и веселья, шѣсень, тан-
 цованыя, і всякихъ игръ плясаныя, никакия печали не
 бываетъ, тамошняя музыка за сто миль слышать. Аще
 кому про тамошняй покой и веселье сказывать начнешь,
 никако ни что тому шѣры не поине, покаместъ самъ
 увидитъ и услышитъ, і кто изволитъ до такихъ тамош-
 ныхъ утѣхъ и прокладовъ, радостей и веселья ехать, і
 повезъ бы с собою чяны с чянички и с чяницы,
 бочки и бочерочки, ковши и ковпички, братины и бра-
 тивочки, блюда и блюдички, торелки и торелочки,
 ложки и ложечки, рюмки і рюмочки, чашки, пошки,
 ножи і вилочки, ослины і дубины, палки, жерди і колы,
 дреколне, роженъе, оглобли и каменья, броски и улок-
 ки, сабли і мечи и хорам, луки, сайдаки и стрѣлы,
 бердыши, пицали і пистолеты, самопалы, винтовки і
 шотлы, было бы сенъ от нухъ пообмахнутися, а ира-
 ная дорога до тово веселья от Кракова до Аршавы і
 на Мозовшу, а оттуда на Ригу и Ливландъ, оттуда
 на Кнень, і на Подолескъ, оттуда на Стеколю и на
 Корелу, оттуда на Юрьевъ і ко Брести, оттуда к Бы-
 хову и в Черниговъ, в Переяславль и в Черкаской, в
 Чигиринъ і Каѣмиской, а кого перевезуть Дунай, тотъ до-
 мой не думай; а тамъ берутъ пошилныя неболшныя: за мы-
 ты за мосты и за перевозы з дуги по лошади, с шапки
 по человекъ, і совсево обозу по людемъ; а тамъ хто по-
 бываетъ і тотъ такихъ роскошей шѣтъ свой не забываетъ.

ПРИТЧА

О ЖЕНСКОЙ ЗЛОБѢ.

ПРИТЧА

О ЖЕНСКОЙ ЗЛОБѢ.

Сказание и гл҃еда прѣмѣдра и чл҃доимена отца, преданна і поученна к сыну, спискатана от разанскихъ писаниі ког҃омѣдрѣхъ
отца, и прѣмѣдрѣхъ Соломона, Іисуса Сирахова, и от многихъ филозофовъ і искубныхъ, о жѣстѣ злобѣ.

(Руманц. Муз. № 365.)

Послушаі, сыне мой, преклони ушеса свои, внуши словеса устѣ моихъ, да скажу ти, Ісѣрва сотвори Богъ чл҃овѣка единого отъ всѣхъ ствхнѣ і нарече ему имя Адамъ; і волонъ усне Адамъ, і взять Богъ ребро его, и сотвори ему жену. И Адамъ не прелстися, но жена его прелстися совѣтомъ змиинимъ, і тоя ради вкны вѣсе отъята самовластие у жены. И рече Богъ ко Евьѣ: ютнине буди ты покоренна мужу своему во всомъ, и повиуиса ему, и не буди тебѣ ни единыя вл҃асти надъ нимъ: то глава тебѣ и господинъ, да владѣтъ тобою во всомъ, преступила бо еси поволѣние мое и не восхотѣла еси свободна быти. *Зри же, сыне мой, смл* (*): яко отъа Богъ у жены самовластие, да не вопреки глаголютъ мужу своему; единою бо поучи Евьѣ Адама, і всему миру клятву наведе, и запрещенне пріять прабаба наша—в печалѣхъ родити чада.

Рече сыне ко отцу: Отче, обонивъ смлъ вощомъ писанне свидѣлствуетъ быти истиннѣе, благовѣствуетъ бо Богъ своему созданию посла архангела своего Гавѣрїила к дѣвѣ Марїе: вѣсто древнне печали Евьѣ, радость Богородицѣ принесе, рече: эрадуиса, благодатная! Господь с тобою, и благословенна ты в жо-

нахъ! Ся радость сопротивна клятвы, і вѣсто Адама новыи Адамъ—Христосъ, і вѣсто Евьѣ—благоо-ловенная Богородица Марїа, и безъ болѣзни Адама порожди, тояже чистотѣ дѣвичестїи лица ровнующе и жены по Христѣ мучившеса, на уди разсекаемнѣ, и ко Христу приведошася; того ради вѣса нова бысть, и женское племя благословися, и яко жена добра мужа своего и по смерти спасотъ, и доу стротелница бываеъ, і вовець похвалныи мужу своему слетши полагаеъ, и яко сладкия воды от устѣ ея истекаеъ, сердечную мужу своему усложаетъ, милосерда, чл҃до-любива своимъ дѣтемъ бываеъ, и домъ свой вѣсякнѣи добродѣтели наполняетъ, бѣзкривныхъ покрываетъ, беспомочныхъ помогаетъ, бѣдныхъ призираетъ, на-гихъ одѣваетъ, алчныхъ і жадныхъ накормляетъ, бол-ныхъ і въ темъницѣхъ посѣщаетъ. Іако писанному вѣсого силѣе жена бываеъ: жена в царѣи порожди, и одеяние имъ сотвори, ибо всякъ чл҃овѣкъ отъ жены рождаетъца и сосцани ея питаеъца. И прирече: Не суть зло естество женское.

Рече отце к сыну своему. Сыне, аще бы не бла-гословилъ Богъ отъ жены родитися і водою крести-тиса і на крестѣ распятиса, то уже бы приближиса воеъ родъ ко вѣратомъ адовымъ. *О семѣ, сыне, изве-*

(*): Отмѣчаетъ буривомъ тѣ вѣста, которыя въ подлинникѣ писаниі ко-говѣдрѣхъ.

стно буди тебя: в мыслях твоих единая жена отъ мысли твоея, якоже ты глаголиши, обрящница. А сая в Бытїи глаголется: позна Адамъ жену свою и роди отъ нея сына: но Евъа роди но Адамъ; і во евангелїи глаголетъ: Авраамъ роди Ісаака: слыши, сынє мой, не Сарра роди, но Авраамъ. Но аще и сегоднѣ питаеши, но множицею отъ нихъ кровью венчася. Отъ женъ бо многия крови пролишася и царства разоршася, и царю отъ живота гонѣзудя, села и дома раскопашася. Горе граду, в неже владѣтельствуеть жена! Горе долу тому, в неже владѣтъ жена! Зло и нужу тому, в неже слушають жены! Въ вышнѣшнихъ вѣкохъ мнози чловѣци грады многими владѣють, а женамъ своимъ работаютъ; изыкли бо жены ихъ в зорцѣю призрѣти і вапани лица своя, помазovati, і вѣжда свои возвышати, и черновидно лица своя вообразити, и многимъ себе уриженомъ украшати, и многимъ очеса на видѣние красоты своея превращати и приводити: украшаютъ бо тѣлеса своя, а не души; уды своя связали шолкомъ, лбы своя потягнули жемчюгомъ, ушеса своя завосали драгнни рясени, да не слышатъ гласа Божия, ни святыхъ книгъ почитаниа, ни отцовъ своихъ духовныхъ учениа. Жены познали заблуждениа, нуже же возлюбилѣ на женахъ своихъ многая украшениа, а сами воспринали убогое одѣяние носити на собѣ, всео для женъ своихъ украшениа. О мужи! отъ ково есте приали сѣя обычай, еже многая полагають на женахъ своихъ украшениа? Отъ сего вамъ ность ползы, толко ваше злое погубленіе, ибо женское украшение всегдашизо мужу сухота, и приводитъ до острого меча. Много бо сего бываеть, еже в великия долги себя вѣлагаеть, и отъ того вѣчно погибають, понеже своего не имуть, а женъ украшаютъ.

Аще ли кто хотѣния ея не исполнитъ, тогда она зѣлно въздыхають, слезитъ, и шепчитъ, ни худа ни добра не глаголетъ, очи свои наченитъ, ность потупитъ, и зубы свои скрегчеть, в что речеть мужъ еѣ, и она что медвѣдница мычеть, і предъ нимъ плачетъ день и

ночь, и мужу своему покоя не дастъ, гновъ имѣють, и мужъ ея отъ неѣ покоя не вьзять, а она глаголетъ: «Видѣлъ мужио жены ходитъ красно, і вси ихъ чутъ; азъ же бѣдная, в женахъ возненавиденная, і всѣми познана, и отъ всѣхъ укорена! Почто ты ниѣ выво мужъ? дабы азъ не знала! Азъ была отца богатого дочь и матери добрая, и пломяни славного, и такихъ родителейі дщерь — і тол(ко) бы азъ была дѣвица, былъ бы ниѣ мужъ отца богатого сынъ, и была бы азъ госпожа добру многу, і вседѣ бы была азъ честна и хвална, і почитася отъ всѣхъ людей!»

Хочеть убо жена, дабы вси хвалили, любилѣ и почитали; аще ли ниую похвалиють, то она возненавидитъ, і вѣйнаеть в недружбу, и чужую похвалу в студъ вѣлагають. Аще ли мужъ ея угодитъ хочеть еѣ, то всехъ ему любити, иже она любить, тако і всѣхъ силъ в помявсти имѣти, иже она возненавидитъ; і всегда хочеть большину имѣти, і никому не хочеть покоритиса ни послушати, то всегда хочеть повелѣвати, і всего хочеть повелѣвати, і всего хочеть вѣдати, и воучати, и умѣти; аще же не умѣеть і не знаетъ, а глаголетъ умѣю і знаю; аще будотъ прекрасна и гѣла, многи очи плутъ на ню, якоже бо в луке вода, сею и ояно проходя, погибають, тако и яко вѣтрило наверху горъ скорообразно вортащася. Къ такимъ бо женамъ мнози чловѣци прелщаютъ — овъ добротѣннемъ женъ, овъ разумомъ, а ниѣ сѣхотъ утѣхани, ниѣ красноглагоніемъ и дарованнемъ, и прочими лестными прелщаютъ, акоже речено есть: лутче купиши коша, или вола или ризу, нежели злу жену пояти, понеже не мощно познати, какоа обычаетъ: аще и не добротѣйна, или буя, или болна, или бѣдливна, или горда, или гнѣплива, или нишиѣ покоронъ повъреждена, и к тому невозможно такія за себя пояти, доколѣ она жива. Аще хочещи, сынє мой, бѣсъ печали жити, то лутче во женитеся и опослѣ не тужити.

Реча сынє ко отцу своему: Отче, во евангелїи речено: «сего ради оставитъ чловѣкъ отца своего и матери и прилепитъа женѣ своей, и будета оба в плоть

едину. а Богъ же на дастъ жену добронравну, въсланини добродѣтели украшену — смиреннень, молчаннень, послушаннень, пощеннень, доброумнень, ницелюбнень, рукодѣлнень, нескверноможенъ: таковыя жены у Бога милости просить о мужахъ своихъ, и когда в дому буду, и о доброй женѣ возрадуюся и о дѣлахъ ея; чужою же радости не азрю, навсегда радость в дому моемъ будетъ.

Рече отецъ к сыну своему. Сыне, аще будетъ тебѣ якоже реклъ еси, блаженъ еси, и добро тебѣ будетъ, жена твоя яко лоза плодovitа; аще же грѣхъ ради житио азѣ проводиши, а такову жену не обратиши, якоже хочаши, — въсегда от нѣе сердце твое скорбиши и в горести сердца речеши: блаженъ той, иже дѣвствуюнъ живеть, да сицевыя жены не обращеть, яко ты, сыне мой! Последни злонравную жену не возлюбилъ и в раскаянии придеши, и ничто тебѣ усвѣтитъ; аще ли сицеву обратиши — прывилну, лъстиву, лукаву, крадливу, блядливу, злоумнчу, обавинчу, еретичу, недѣлнчу, лъстичу, злнчу, скорпнчу, вавилнску, аспнду.

Рече сыне ко отцу своему. Отче, не могу разумѣти словесъ твоихъ, скажи ми известие.

Рече отецъ сыну своему. Слыши, сыне мой, про лъстивую и прывилную. Сия рукодѣлн дѣлати не хочеть, а какъ мужъ еѣ придеши, и она лежитъ — шипитъ, стонеть, востаеть — охаеть, и мужъ ея сия рече: «жено, что и о чемъ скорбиши? и о чемъ ворадиши?» И она хотя и адорона, а рече: не могу! Сия стронтелица дому своему и мужу своему не помощница, и пожного одѣяния не сотворитъ; аще что мужъ ея принасетъ, и она прывилнствомъ все извуритъ. — Слыши, сыне мой, про сварливую и злоумнчую. Ижесть языкъ яко бритву изощрену, на всякаго челоуѣка наскочеть яко левъ, всѣхъ злословитъ и укораеть, и осуждають и на всѣхъ адъ своего языка испущаеть. — Слыши, сыне мой, про крадливую и лукавую. Лукавство женское сице: ижесть умъ остръ, пред мужомъ своимъ показуеть, и никакоже мужъ ея лукавства женскаго разумѣеть, ибо с

мужомъ живеть яко единопудна, а въ сердце своемъ мыслитъ: аще мужъ мой умретъ, а живота своего не прикажетъ мнѣ, и мнѣ за него мужа понти не счесть, и никто меня за себя не возьметъ. И се глаголю, мыслитъ: ныне еси въсому добру гоупока; учню себѣ сокровище тайно! И начнетъ у мужа своего красти, а онъ не вѣдаеть, и сице к ней речеть: «жено, что обвиняюхъ, и в велицей скудости домъ нашъ сотворися?» И она речеть: «за то, господине, грѣхъ ради нашихъ, а я не крадливая! Иже все ижеино мужа своего погубитъ и оба обвиняють!» — Слыши, сыне мой, про лъстивую и блядливую. Таковая жена мужу своему во стронтелици изыдетъ ланитани слаблищниси уничижающиса, и за рущѣ мужа принаююще, и одѣяние совлачаю(ще), словесы лъстачнѣ и усты лобызающе, сице глаголюще: «повиди, государь мой, светъ очию моею, сладость гортани моему, зрѣние свѣта моего! Не могу ни единого слова промолвити! Лице мое покело(?) и сердце мое окаменило; и егда возрю на тя, света моего, тогда зѣло возрадуюся: составы мои растунаутся, и вси уди тѣла моего тронещуть, и рущѣ мои ослабѣвають! Браты мои любезный, и всегда пред очима моими еси, егда услощу (услышу) сладкая твоя словеса, тогда не сищу что отвѣтати: не отвораутся ми уста, огонь в сердце горитъ, и лице мое палитъ, и всѣ составы грѣются!» И аще будетъ онъ мужъ ея, и она его вскоре оболетитъ; аще в дому его не прилучитъ, и она близ оконца присидитъ, сѣмо и овано колеблющеса, а со смиреннень не сидитъ: скачеть и пляшетъ, и всѣхъ тѣломъ движеться, сандалннми стучитъ, руками плящитъ, и пляшетъ яко прелстивъшася блудница Ироднада, бедрани трасотъ, хрентомъ вилаетъ, головою киваеть, гласомъ поеть, языкомъ глаголетъ, бѣсовская ризы много проинанаеть, и в оконце часто призираеть, подобна Ироднаде чинитца, и многнмъ юнымъ угодитъ, и всякого к себѣ лъститъ. — Слыши, сыне мой, про обавиничу и еретичу. Надѣтъска начнеть у проклятыхъ бабъ обавинчества навѣлать и еретичества искати, и вопрошати будетъ многихъ, како бѣ еѣ замужъ вытнть и какъ бы еѣ мужа оба-

внѣ на первомъ ложѣ і в нерви банѣ. І въшесть обвиниковъ и обвиницъ, і волшебствъ сатанинскихъ, и надъ ѣствомъ будетъ шепеть ухищрати, і подъ ноже подсмѣнати, і в возглавнѣ і в постелю въшивати, і в порты рѣзати, і надъ чѣломъ вѣтыкаючи, і всякия прилучившиися к тому промышляти, и кореннѣи и травяи приѣшати, і вѣтъ надъ мужемъ чаруетъ: сердце его высесть, тѣло ижущитъ, красоты в лице не оставитъ, і во очесахъ свѣтлость погубитъ, і разумъ погубитъ всякому в поношение вложитъ его. Сидевая сотворитъ мужа своего і тако его возненавидитъ, вымъ же возлюбитъ, умершавишце зово слышетъ, и подобна върѣя обращеть, и смертныи въкусомъ мужа своего покуситъ, якоже класъ прежде вреяивъ исторгнетъ. — *Слыши, сыне мой, про медведицу и львицу.* Якоже от таковыхъ зѣброй едины, егда узрѣтъ чловека, тогда главу свою похилитъ, и очи свої посушитъ в землю, и злобою выхвѣтъ, на чловека нападѣтъ и задушитъ его въскоро: тако и злая жена главу свою наклонитъ, і очи посушитъ, и уста стиснетъ, даже злобою на мужа своего дыхнетъ, и на выю его сило маложитъ, і гортанное дыханье займетъ, і аде скончатъ его. А львица в пустыни на всякого чловека и зверя наскочетъ и заторзаетъ: тако и злая жена яко львица, и дочадець возненавидитъ, и ризы растеркаетъ, и тѣло кровию обрызгаетъ, і власы искореняетъ, і на мужа рысаетъ, злобою восхищаетъ; но львыи зубы ухаиютъ ни ножеи, ниже мечемъ, ниже копья мужа своего забластятъ, но иравомъ злѣе львицы бывають. — *Слыши, сыне мой, про змию и скорпию.* Ибо змиинъ родъ велии въиолзующихъ зълобою злѣишии выихъ гадовъ. Ізначала бо велика зъла сотвори чловеку и проклята от Господа зъвня. того ради пресмыкался по землямъ ходитъ чревомъ своимъ, того же ради и скорпины, і жабы, і чернаха, аще бѣшь или колѣшь или стрѣлѣшь, ничтоже ея не возметъ, точною розжещи блещи и имати ю і во огни созжещи; а сокнуте ея таково аю скоростию и до смерти приводитъ: тако і злая жена во чловецѣхъ инѣхъ злѣишии суть. — *Слыше, сыне мой.* Не куста выходитъ зъвня, и узрѣтъ чловека, и

от него бѣжитъ; а злая жена подло чловека лежитъ, а змииныхъ ядомъ дышетъ — сеиъ истинная запазушная зъвня; дачелнѣтъ мужъ отъ по ноѣ ходитъ і вопреки ничего не глаголетъ, то и она ему терпитъ; а егда еи мужъ чѣиъ погрозитъ или досадитъ, и она на него яко зъвня шипитъ; и аще ю бьетъ жезлицемъ или ивианнѣемъ или за власы рваннѣетъ, то злую жену ничто неиметь, но точною раздражаетъ, и она злобою своею что зъвня шипитъ, в сердце его злохитрствомъ секнетъ, и врѣмяи же и сама уирутъ: аще не покаетца, то во огни въвергнетца, да тамо океанная накажется. — *Слыши, сыне мой, про ехидну.* Такова суть, ибо своихъ чадъ ненавидитъ; аще хочеть родити, подшити ихъ съѣсти, они же погрызаютъ у нѣе утробу, и на древо от нея отходятъ, и она от того уираетъ. Сеи же уподобшася ехидне выишшии дѣвнцы многия: не бывають мужекъ жены, а во утробѣ инѣють, а родити не хочеть, и понышляють: егда отроча от чрева моего изыдетъ, и азъ его своими руками удавлю. Аще дѣвическую нечоту разоритъ, а дѣвнцемъ инѣнуется; образъ бо яко дѣвица, и въравомъ яко обоянная блудница, ибо кому прилучитъ ся таковою женитися. Видѣи и разумѣи: та бо ходитъ быстро, и очима обзорлива, и въравомъ буй, і во всѣхъ несчастлива. — *Слыши, сыне мой, про змию і василиску.* Такова суть ибо зѣрениомъ убиваетъ чловека гдѣ завидитъ, тамо и побиваетъ: такова бо есть зъвня василиска, стрѣлани своими смертныи люта велии чловека уиорщываетъ. Такоже прокудливая жена въравомъ зъвня василиска, ибо прохитро себя украшаютъ, и приатни самдѣлѣи обувають, і вежда своя ощищють, духами учивитъ, и лице і выю вапанн пованитъ, и черности во очесѣхъ себѣ украситъ, і во одѣяни себѣ обочетъ, и иорси на руке возлагають, і верхъ главы своею златомъ и каменѣемъ драганъ украшаютъ, и на лукавыи дѣла тѣщитса; егда же ли градеть, ступають тихо і выи кротце обращаютъ, и очима не въскоро, і зрѣниемъ уиивно възирають, и устѣне гладце отворзаетъ, і всѣ составы свои к прелестви ухищрають, і многия души огни палиныи стрѣлами устрѣлають яко ядомъ змиини

видѣниемъ своимъ юныхъ убиваетъ, яко разслабленнымъ удою ихъ быкаеть. Сыне мой, глаголахъ ти про аспида, яко злое золь въли в роде змиевомъ въ 70 родехъ, а сей аспидъ первый отъ нихъ злобою, и в которую страну въселится, и сотворитъ ю пустыю: и правомъ такою есть, яко не можетъ слышати гласа трубнаго, но разбьетъ собѣ о камень и скончается: тако и зловаравная жена не можетъ слышати доброго ея поучения и уши свои затываетъ непослушания каменномъ и понокоренія жемчужномъ драгимъ, яко аспидъ хоботомъ; в которой домъ таковая жена въселится, и сотворитъ его пуста, ибо всяка печаль аю быкаеть, а коронь всенъ женская зло (ба).

Рече сынъ ко отцу своему. Отче, апостолъ рече: лучше женити, нежели разжизатися якоже палина пещь огнемъ, такоже и юношеская плоть къ вожделѣнню женскому разжизаетъ, ибо огонь остоотъвенный не ветромъ разгнѣщается, но видѣниемъ красныхъ лицъ прелцается, и время и мѣсто согрѣшения врагъ полагаетъ быкаеть; женская красота на прелцаетъ, на иже възирая весель.

Рече отецъ къ сыну своему. Сыне мой, аще не разумѣши словесъ моихъ, якоже рекохъ тебѣ, слыши, да скажу ти извѣстно подробнѣе. Сотвори Богъ человека единого и помысли, яко недобро единому быти ему: и усни его в породе раистей, и взя ребро его, и сотвори ему помощницу, рекъше жему. Егда же прабаба наша Ева прелстись совѣтомъ змиинимъ, такоже и мужа своего прелсти, и пошѣти Богъ Адама в рай, и рече ему: Адамъ! Опъ же рече: се азъ, Господи! Господь же рече къ нему: почто заповѣдь мою преобидѣлъ еси? Адамъ же ко Господу рече: Господи мой Боже, жена на прелсти, еже ми еси далъ. И рече ему Господь: послушалъ еси совѣта жены своей! азъ бо далъ тебѣ сию не совѣтъницу, ни владѣтелицу над тобою, но поручницу и помощницу тебѣ. И тогда ради изгна Богъ Адама и жему ево от райские вщи. И по изгнаннѣ вача Адамъ плакаться, сода и сътуа плачеть възываніе: увы мне, раю мой прекрасный, яко

меня ради сотворишь еси! увы мнѣ, раю мой прекрасный, яко меня ради сотворишь еси! увы мнѣ, яко погубихъ Божие человеколюбие и дула святаго благодати разихся! И конь плачеть восплачихся или которымъ рыданнемъ возрыдаю, или конь сетованнемъ востѣую от рая мое изгнание, и в постѣ и в трудѣхъ терновомъ прозябнине, и в происподнихъ адскихъ мѣстехъ въздыханне поману! И сице рече: увы мнѣ, въся дая содѣлашася и висзану постигошася тебѣ ради, жено, прелстися, ты мнѣ незрѣлое безсмертне пожала еси серпомъ лукавства змиина, ты бо мою власть на рабство преложила, и во очесѣхъ свѣтлостъ похрачися, и нуждею рече слезъ пльнзю! увы мнѣ! о жено безумная, почто отлучи на ангельского ликования и студнымъ дѣломъ принуди на? ты прелстившая на, отиди от мене, ужъ бо къ тому не требую совѣту твоего пагубного и лукаваго, ниже будетъ о тебѣ промышленіе мое от сего върежия! И от Адама правнучи его многими напастми и бѣдами пострадали от жены. — Слыши, сыне мой, како селяни отцы пострадали отъ жены. Но и праведны отъ жены напастъ бысть красомъ смешенымъ съ травою и убитыи отъ пса о тайнѣ, ниже заповѣда ему ангелъ Господень запрещениемъ, еже никому повѣдати; но уиъ его не возможе терпети отъ воняна травного, и отбѣже отъ главы его, и в бытне приде намять его о запрещеннѣ, и сказа тайну жонѣ своей; и яко отщетиася и приде на мѣсто, видѣже ковьчегъ дѣлая, и видѣ яко размынася дѣло его и всѣхъ живущихъ на земли, и плакася на мѣсто томъ 40 днѣи. Такоже и Лотъ праведны в Содомѣ живяше съ беззаконными людьми и не прикоснуса и не поколебася ниъ, и никакоже осуждая, и того ради содонского запаления убѣжа, но от лукавства дщереи своихъ неможе убѣжати, но напоенъ бысть виноградинимъ виномъ, и вадеса со дщерию своими, и зачать во чревехъ; последи же уиѣдавъ грехъ свой, начать сумневатися душею ужасатися, и плакася на горахъ горко, и бысть Лотъ дщерею своимъ посягатель, отецъ и мужъ. — Слыши сыне мой, про Осифа праведною. Якоже рече

писання, в рабь проданъ бысть Иосифъ живяше чистою душевною и красотою телесною, и лице его яко солнце свия. Зраце же на него господина его жена и желаше насытитися красоты его, и тѣшася ласканиемъ запяти Иосифа і бѣз мужа своего и призва его в ложницу свою, і нача его увещевати лъстящи его, і наврасто его оцани руками своими к падению себя, той же отторгнуся отъ нея; она же ятъ за ризу его; онъ же оставиъ ризу свою в руцехъ ея, и отбѣжа отъ нея въль дворъ. Приде ж мужъ ея от полаты царевы, она же възмъ ризу Иосифову і показа мужу своему, і с великою злобою поношаше на Осифа: «сѣи рабъ твои восхотѣ ругатися женѣ твоей; азъ же не восхотѣ осквернити ложа твоего, і воза иже в дому нашихъ; онъ же оставъ ризу, бѣжа отъ мене.» Потеряири же ятъ вѣру словесемъ ея, і повелѣ Иосифа затворити в темнице, и смириша во оковахъ ноузъ его, лукавыя ради жены, и забави его Богъ, і сотвори царя Египцѣу. *Слыши, сыне мой, про царя Давида, како блуда ради хотя смерть прияти.* Богоотецъ великии во пророцехъ царь Давидъ, егда виде Вирсавию, жему уришу, красну лицемъ і волнчествомъ, і повелѣ ю привести во свою полату и надеса с нею; и по сотворению блуда, узрѣ вся възсиятъ, і виде ангела стояща и держаща мечъ обнаженъ над главою его, і ваде ницъ на землю, молящеса і плакаса горко, глаголющи: «Безвѣстная и тайная премудрости твоея явилъ ми еси!» И наки рѣхъ: «возсмердеша і согнишася раны моя, от лица безумия моего пострадахъ; яко беззаконие мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною есть въсегда; тебѣ единому согрѣшихъ и лукавое предъ тобою сотворихъ; отврати лице твое от грѣхъ моихъ і вся бѣззакония моя очисти!» И услыши Господь моление его, и прии Давидъ Духа святаго благодать и глаголаше: «азъ рѣхъ во обиліи моему: не подвижуся во вѣки.»

Рече сынъ ко отцу своему. Отче, прияхъ поучение твое і во уверениі ми бысть: приточникъ рече: не пощадилъ желда свего, его же любилши: азъ слышалъ о тебѣ все по ризу, и от словесъ уразумѣхъ и смыслъ свої

укрѣпихъ, и разумъ наполнихся, наказанию твоюму і опасному житию научихся, и укрѣпихся, и искусемъ быхъ.

Рече отецъ к сыну своему. Сыне мой, постъ то ти тако, якоже рекълъ еси: яко дивная сия вещь — жена злая кротина выстѣся, а биема бѣснѣца, сваритса, а подобна болѣзни нѣкакой. Не превозносися, сыне мой, не рыцъ во умѣ твоемъ, і не уповай на смерть твою і на мужество свое и на храбрость, еже живи со зворенъ снмъ, что укротити его: свирѣнне и безстуднѣ суще полскнихъ зъверей, невозможно сущи убѣжати лютости ея. Обрѣли бо есми в писаниихъ: кто Соломона пренудрого премудрея, или кто Самсона силнѣ, и Александра храбрѣ, и они отъ женъ пострадали и скончались. — Соломонъ в юности своей наполнихся разумъ, яко река многотекущая исполнихся притчами и гадаиі, яко звезда утренняя, яко луна полная, і во дни свия яко солнце, и яко наслѣна славы, на нея же сладкии плодъ приходитъ; вия его и мудрость во вся концы и страны прослышася; жены же лукавыя умъ его поврачаше и яко реку многотекущую пресушиша, доброту его погубиша, обратиша его на нагубу и блудонъ растлиша его, и прелестиша его во идолобѣснѣ, и сотвориша его поклонитися твари, і тоя ради прелести пророческого дара лишень бысть. — *Слыши, сыне мой, про Самсона силного, еже по благовестію родиса, яко да будетъ свленъ, и глаголаше:* «аще бы Богъ укрѣпилъ колца, то бы могълъ всю вселенную поворотитъ», и челюстью во 1000 на день иноплемянныхъ побнжалъ; а жена любодѣница не убояся силы его, и напоиъ на коленахъ своихъ усни его, і власы, ниже силень бысть, остриже, и очи ему искона, і на поруганиі иноплемянныхъ его предаде. — *Слыши, сыне мой, про царя Александра, яко храбръ бѣ, от палестинскихъ страны от востока солнечнаго вся царства мира всего своею храбростию къ себѣ приклониша, а от жены отравленъ бысть зелемъ травнымъ і скончася.* — Или пророкъ славимъ бѣ во пророцехъ, иже молитвою своею на три гѣта и на шесть нѣсяцовъ небо заключи и не одожди земли.

только воя и огнь с небесе свде, и пятидесятиковъ ножке, ибо елико имуть святіи житія; і снѣ вѣсь нѣтъ святіи Иоаннѣвъ, і прии от Бога ангеломъ нареченъ бысть, і в рожденихъ женани болши не бысть. Терпеніа ж и проповѣданіе ужестѣся диволъ і мача тървещущи глаголати егоре нѣтъ! что сеі мужъ и кто ни возвѣститъ будущаго гнѣва убѣжати? горе нѣтъ, яко будущая возвѣщаетъ, единъ стонѣтъ пришедши у народа і всѣхъ учить и укоряетъ, и обличаетъ Прода и совѣтницу ною Продіаду; и наполюю ея гнева.» И скворная любодѣница испусти гнѣвъ свой на праведнаго, не убоася великого во пророцѣхъ, скакавъши и плесавши Продова; и полюбися плесанію Проду, и клятея еі Продъ дати и до пол-царства; а она же, научена матерію своєю, испроси главу Иоаннѣву предтечи; Продъ же повелѣ Иоаннѣву главу усѣщи, и усѣченою главою предтечевою яко яблоковъ понгравъ на блюдо его. В пустыни дивніи зверіе убоашая, зѣмніи и аспиды честно мозѣ его лѣжуща, а жена ала такова свѣтленика не убоася. И великого во апостолахъ і евангелиста Иоаннѣва-богослова, наперстника і возлюбленника и друга Господня, со ученикомъ его Прохоромъ, ала жена во ламитомѣ бнѣху; і великого во святителехъ, покоинію проповѣдника, вселенскіи учителя и свѣтленика Иоанна-Златаустаго, учение же его во всю вселенную проіде, яко река многотекущая, царица же властолюбива не терпя обличения его, с престола его изгна, і в дальня страны в заточеніе засла его. — Слышии слые мои: уразумѣлъ ли еси словеса моя, яко тебѣ про патрїархъ и праотецъ и про пророкъ и святыхъ апостолъ святыхъ отецъ рекохъ? Елико они пострадаша от неистовства женского, только и разумныхъ пострадали от нихъ; ибо диволъ не можетъ самъ сотворити таковыя пагубы святыхъ, якоже наводитъ злыми женами: та бо есть оружіе диволо, и мечь сатанинъ, и обогателница святыхъ. И обрѣтохонъ азъ написано в старчествахъ. Нѣкто челоуѣкъ добронравенъ живаше со злою женою, имѣя 7 сыновъ, а всѣ в совершенномъ возрастѣ, и многого ради злонаравія ея, наказа ю нужъ жезломъ; она же, окаинъная,

убѣжа в нѣкую пустыню, к затворнику старцу толкнѣся, глаголюще: «сего ради пришла к твоєі святини, да забуду напрасныя смерти.» Онъ ж приять ю в пещеру свою, и пошалу прелести его окаинъная, и надеся с нею, яко своєю женою; и елико мужъ ея бнѣще, она же к затворнику убѣгаше в пустыню и глаголаше: «ужорю мужа своего!» Потомъ же мужъ ея бнѣше про злонаравіе ея, она же умори мужа своего, и шести сыновъ умори же по одному; а седмѣи сынъ, шедъ во градъ, сказа народу, и изыдоша людие в пещеру, ала старца и жону ту, і испытавшо ихъ, огнемъ сожгоша. И сеі новѣсти не могу глаголати без слезъ многихъ и горького въздыханія, понеже очи моі зѣмне плачють, а душа зѣмне въздыхая трепещетъ. Слышии, слые мои: кто не прослезитца о семъ великомъ старце погнѣбѣли? Здѣ огнѣнь скончаса, а в будущиѣхъ веще злѣ люте адскоі муцѣ прелестца! О люте! очи моі слезы многы испустиша, а душа моя зжалѣся и сердце мое восколѣбася! Коліко сеі старецъ подвизався в пустыни, со многочисленными бѣсы боряся, а з женою злонаравною зжалѣ прелестився і погнѣбѣ: о семъ всякъ да восплачетъ умальными слезами и горькими въздыханіемъ, сердечнымъ възрыданіемъ!

Слышии, слые мои, про некоего мужа: пришедше в домъ к женѣ вдовице, и хвалаху людие ему, да се оженитъ ею, понеже юнъ бнѣше; она же окаинъная злонаравно с нимъ живаше несколько лѣтъ. По времени же умрѣ жена; онъ же начатъ продавати дети своя и ея, людие же клянуху его, что тако творитъ; онъ же рече: «егда возрастуть и будутъ обычаомъ в матеръ свою, тогда и мени продадутъ!» И плакася по женѣ своєі. Людие же глаголаху: «почто плачешися?» Онъ же рече: «плачуся, дабы другая такова не была.» Нѣкнѣ челоуѣкъ рече: былъ есть в трехъ мужахъ: в темнице, у шибаницы, и от дву нуждъ убѣжашъ, а отъ третия нужды — от злыя жены, не могу убѣжати.

Рече слые ко отцу своему. Отце! отяготехъ тагостію; рцы ми слово вкратце, что лхая жена и что злоба ея; скажи ми, і напиши на сердце моемъ!

Рече отца к сыну своему. Слыши, сын мой: жена злая доводна буря, многожит потопъ, неудержимое стреленно, сердцу копие, и никонъ (? жевне, и очесеиъ поволение, тайманъ обличение, поконце живино, смертоносная бѣседа, не оставляющая трасавица, неутоливая огневница, нужу спящая, леть встающая, печаль самазотная, злая ратница, грѣхонъ учительница, темныи вождь, хоругви адома, неспадаемое желание, вѣтъ дивава, спасасимыи соблазни, болезнь неспелная, злоба безувѣтная, удобъ уловляющая дерзость; жена злая — вѣтъ северъ, день неведриъ, гостиница жидовская, совокупленница бѣсовская, несмытная похоть; якоже ровъ глубоко не наполнится водою и огонь дровами, тако и злая жена николиже наполнится хотѣнии своего, и злоба ихъ не умалается. вѣтъ сокровище злобы, источникъ зла кня неперестаю.

Рече сынъ ко отцу своему. Отче! слухи моя наполнишася твоего наказания: уже душа моя ужасеся, и разумъ мой умалися, и сердце мое восколебася, стои пред очима твоима!

Рече отецъ к сыну своему. Сыно мой! не буди укоряти собою: естество жовьское велии есть зло. Приточникъ же рече: бѣжи и не озирайся красоты женской, яко Нои от потопа и яко Лотъ от содомъского заплениа, и не буди с прилежаньемъ зрѣти на чюжие жены и объять буди руки ихъ, и не жалай ея: та бо погубляетъ чювѣки острѣиши меча. Нѣкто рече: стрѣхъ бѣхъ на пути льва, а на распути разбойника. I обонхъ свх убѣжа, а злыи жены не погохъ убѣжати. Аще кому случитца злая жена понати, то над чюжиимъ мертвецомъ не ходи плакати: всегда бо ти у себя въ дому плачь. Сыно мой и любимое мое чадо! вся свя видѣхъ I въ писании обрѣтохъ, и согласно твоему рекохъ (о) злобости и неразуми женъ. Лѣта, в наже правалиху римскую власть и пави, тогда случися быти в римскѣи совету велику о градскихъ великихъ дѣлахъ: сиидоша же на сень великии сенатыри в великую на то устроену полату, и за сдвинимъ сенатыремъ вшедиу в ту полату дѣтищу младу, сущу именемъ Папирю, начаша же о та-

имыхъ великихъ советовати дѣлать, отрока же не вѣдаху; яко с ними в полате той. Папиръ же въся глаголемая прелѣживо слушаша и сладце вѣнниашо. Егдаже совершися совѣтъ, о немже дѣла совѣтовахъ (ша), и размыдошася во своиси. И уарѣша нѣчьми отрока вслѣдъ отца ис полаты грядуще, но не рѣша ничтоже о пребывании отрока в полатѣ, яко младъ есть и ничтоже вѣсть. Егда же Папиръ приде в домъ свой, мати же начатъ вопрошати его: гдѣ рече, чадо, в толико время былъ еси? Папиръ — былъ, рече: в полатѣ со отцемъ своимъ, видѣже творится совѣтъ о градскихъ дѣлахъ. Мати же его, яко одна отъ бѣзумныхъ и яко жена вся хоцетъ вѣдати и слышати, егда же и мале услышати, во много скажетъ, в повсюду разнесетъ, начатъ сына своего увѣщавати лостными глаголы: скажи, рече, чадо мое любимое, что сенатыри ти пали и о чемъ совѣтовали? Отрокъ же, разумиченъ смѣ, в таковѣмъ малолетствѣи показа совершенныхъ мужъ разумъ, о сицевыхъ же слыша в полатѣ ничтоже матери своей рече, извѣща всако отрицаяся сказати и не вѣдавшемъ скриваше тайну; видѣтъ же неотложное притужение матери своей: яко истинную сице, рече, слышашъ яко сенатырство советъ творили о сень, да всякому мужу нѣтъ себе во две жены, ни иже рекоша яко женанъ подобна нѣтъ во два мужа, на сень же утворилиа рѣчь, яко быти у всякого мужа во двѣ жены. Сеже умысли отрокъ сказать да о прочихъ не вопрошаетъ. Мати же слышавши у Папира и вѣнниши истиннѣ быти, созва к себѣ великихъ римскихъ господинъ (госпннъ?), и точныхъ (?) к себѣ разумъ к синовнию речению свое ложное многое присвоение, и увѣща птти в полату к сенатыремъ. Наутрии же собравшиися жены много, идоша до полаты, сказывашо да сенатыреи велику рѣчь: сенатыри же воздвигнушася, повелѣваша нѣ с честию выити и глагола глаголемыхъ хотяху увѣдати, рекоша к женанъ «что придоша к намъ, госпожи, в чего требуете, и что есть нахѣрение ваше?» Жены же рекоша к нимъ: «мы рѣчь и совѣтъ вашъ, яко умышляете и хоцете сотворити — единому коемуждо мужу две жены нѣтъ, а сие намъ не угодно; во молите насъ, вел-

можѣиши, прии́дите со́вѣтъ нашъ и исполните про-
шение наше, да будетъ единой жѣнѣ два мужа. »Сена-
тырѣе жъ сѣя слышавше, воздвигшася о глаголахъ во-
лѣвыхъ гласныхъ (глаголаныхъ) отъ жѣнъ, другъ же
на друга възирающе и мало ослабляющеся, каждо от-
рицающеся речеѣтъ тохъ, яко глаголютъ жѣны; вопро-
шаютъ же ихъ: откуда произвѣсѣся такоево ложное
сложению? Мати же отрока повѣда, яко сынъ ея Па-
пиръ, бывшій с ними, произвѣсти еі сѣя; нача же сице
с прѣлѣжаньемъ молити ихъ, да будетъ жѣнѣ по два
мужа. Сенаторове же сѣя слышавше, рече на устѣхъ
положиша, помняще, яко вчерашняго дне отрокъ Па-
пиръ с ними в волату входилъ; слово же, иже глаго-
лютъ жѣны; чюждахуса, понеже ни сами глаголаху, от
кого слышаша; жѣнѣнъ же обѣщавъ шисѣ, яко бы во волѣ
ихъ сотворити, і отнусташа ихъ с честию. Жѣны же
идоша в домы радующисѣ, и чающіи, яко збудѣтся
прошение ихъ. По отпущению же ихъ призваша от-
рока Папирѣ, начаша его вопрошати; ту же бѣ і отецъ
его. Отрокъ же нарече въся во раду, како при нихъ в
нолатѣ пребываше, и како и о чѣмъ они совѣтоваша, и
како мати его принуждаше сказати сенатырские со́вѣты,
и како замысли сказа матери своѣ ложная і вѣслы-
шанная, да о прочихъ не вопрошавѣтъ: а что же вы ро-
кли, велиможѣиши, о потребныхъ граду и людемъ, ни
единого извѣстихъ слова. Сенаторове удившася ра-
зуму отрока, восхваляюще же его и лобызающе, жѣнѣнъ
же, бѣзстудству, и неразумию, и прелестьному шъраву, і
вѣмощи, и вѣсѣтъвому хотѣнью, зазирающе і удивля-
ющеся, и оттолѣ со́вѣщавшесѣ жѣны в наказанні і во
всякомъ соблюденні ихътѣ, и шѣ в чѣмъ ихъ не въ-
рѣти, и со́вѣту ихъ не слушати, і своихъ гъанѣнъ не объ-
являти; отрока же zelo возлюбиша і всякому наказанью
научиша, и приаша его в сенатырствію, учиниша же ему
надъ многими высочайше шѣсто, потомъ и потомъ, (?)
бысть. *О муже водобна.* Соломонъ, премудрый царь,
вѣмысли испитати, какова мудрость мужа и целомуд-
рие, тако же и жѣны хотя испусити. Призва шѣкогого
ему предстоящаго сынѣклатѣ отъ великихъ, именемъ

Даркирѣ, и глагола ему: »любозѣиши Даркирѣ! вѣси
яко надо вѣсѣни люблю те; инаиаче же ниѣ возлюблюѣ
будешъ, аще повелѣтѣное мною сотвориши, і велицей
чести надо вѣсѣни сподобишися.« Даркиръ же глагола ему:
»О царю! аще повелѣши, сотворю волю твою.« И яко обѣ-
щасѣ, рече ему царь: »Яко повелѣние мое, да усечеши
главу жѣны своѣя; азъ же дамъ те в жѣну отъ дочерѣ царь-
скихъ, наче же и сопрестолникъ ниѣ будѣши.« Даркиръ
же о семъ ужасенъ бысть, обаче повинуется сотворити
волю цареву. Царь же дастъ ему прѣострыі своі мечъ:
»снѣи, рече, соверши повелѣние мое, и огда главу
жѣнѣ отсечеши, на извѣщенію ю ниѣ да приносиши.«
Даркиръ же вознущашесѣ и жалостію пронобѣждашесѣ,
страха же царьска инаиаче боалшесѣ, вѣсѣи же мечъ у царѣ,
и приде в домъ своі, и обрѣто жѣну свою спящу, и
по обою страны ея дѣти, и младенци суща. Видѣвъ же
снѣя і восплака, и рече в себѣ: »Како утѣкну мечѣмъ
сожительницу мою, только ни лѣтъ с нею можнѣше?
кто же ли по смерти ея утѣшѣтъ дѣтища моя, і вѣскор-
нитъ ли? И аще снѣя сотворю чѣтисѣ ради зѣнѣваго царѣ,
во что отвѣщаю царю царемъ и госноду госнодемъ?»
Отложи сотворити повелѣние цареву. Призва же его
царь и глагола: »сотворилъ ли повелѣтѣное мною?»
Даркирѣ же рече: »о великий царю! лутѣе ни естъ са-
мому при вѣсѣи твоѣи волѣ быти, неже сожительницу
мою умертѣвѣти и младыхъ же чадъ матери лишѣти.«
Царь же яко-бы разъярилсѣ, зане прослушалъ повелѣ-
ніе его и часто презрѣлъ, повелѣ его послати во иныі
градъ; призываетъ же жѣну к себѣ и глагола еі: »во-
стѣнѣи ты еси добрая в жѣнѣхъ, прокрасная и про-
мудрая, и мною прѣлюбезная; во како еси за таковыиъ
мужемъ? достоіна венѣцу цареву! Но аще что реку
тебѣ, сотвори волю мою, и аще волю мою сотво-
риши, будѣши ниѣ прѣлюбезная царица і вѣсѣну царь-
ству владѣтѣльница.« Она же, окаиная, рече: »еже
аще глаголеши, царю, сотворю волю твою.« Глагола
же еі: »снѣя волѣ хотѣнни моего, да вѣсѣгда мужъ твоі
придетъ во градъ і в домъ своі, ты же, яко радуѣси
приходу его, напоиѣвъ его виномъ, отсеци ему главу;

азъ же тебѣ дасть острый мечъ, да безъ замедления дѣло скончашиси. Она же, бѣсомъ поддѣствуема, вознесъ-щеза, яко зъбудется ея все, еже царь рече, обѣщася со усердиемъ повелѣніе исполнити. Пославъ же царь, повелѣ мужу еѣ безъ всякаго страхованія къ себѣ быти и во своемъ ему чину пребывать, якоже и прежде; видѣвъ же и разумѣ царь, яко жена готова мужа своего погубити, дасть ея мечъ зѣло претупленъ и глаголетъ: «ади, престолюбившая! сотвори волю мою, да многу добру госпожа будещи.» Она же ни въ что, яко острый мечъ, и принесе его в домы свои. Даркнѣ же по цареву велѣнію прииде в домы свои, совѣщанія же жены свои не вѣдаше; жена же ласкосердствующи, яко бы во многу время не выдавши его, воздыхающи, слезящи, и лобызающи, яко да вскоре въкуситъ брашна и на одрѣ да возляжетъ, яко да ослабу вскоре от мечали приметъ, ничто не содѣвающе, еже бы еси вскоре желаниѣ совершити и женѣ царю быти. Даркнѣ же, не вѣдая злыхъ умышленія жены своея, и вкусила брашна, и испила мало вина, вскоре возлегъ на одрѣ в успе; жена же его спяща и храпяща, възехъши мечъ, наложивши на гортань мужу своему, и яко жена, не ни въ что обычая мечемъ, яко нилюю сюду и сюду преводити и ничтоже уснѣ, яко претупленъ бѣ мечъ. Мужъ же ея вскоре вскочи от сна, ния яко нѣкоо дьяволю злохитрство почтуется; жена же мало утанъвшисья. Даркнѣ же наки вскоре возлегъ и успе, жена же его, любобачествомъ несмытства одержима, наки нача мужа мѣчемъ по гортани сюду и сюду преводити, и наки ничтоже уснѣ, но велии ему досади,

мало мечемъ не удави. Даркнѣ же вскоре услыша и трепетень воскочи, повелѣ же и свѣщу принестѣ; видѣвъ жену свою с мечемъ стоящу, ужасеся ужасомъ великимъ и рече одержимъ къ женѣ: «что сицовой зло умыслила еси надо мною, и за какое зло убити на хощещи?» И малою показавъ, ничтоже сотвори, но повѣдася ея царю. Царь же разузѣвъ, каковы жены к прелести готовы и злохитравны, како ни Бога убоясь, ни мужнихъ сѣдинъ устыдѣся, ни чадъ помялова, и рече царь: «обрѣтохъ в тысящи многу мужей мудрыхъ, жены же мудрыя не обрѣтохъ ни во тѣхъ единыхъ.» И глагола Даркнѣ, да ничтоже ея зло сотвори.

И наки глаголетъ: умъ женскіи не твердъ, яко храмъ непокровенъ; или наки: оплоть некопанъ до вѣтъра стоитъ, тако и мудрость женъ до прелестиваго глаголанія и до сладкаго утѣшанія тверда: егда же ли и по маломъ прелестится, никакоже Бога убоятся, ни чадъ помялуютъ, ни священника почитятъ, ни святителя усрамятъ, ни пророка убоятся. И сие всякъ да вѣнмастъ, и жены прелестивы совѣта не принимаютъ; аще и медомъ роченьная отъ усть ея каплетъ, последи же горьчяя желныя обратется. И прироче: злая жена — стрела сатанива, уязвляющая многихъ сердца; но истиннѣ неукротимыи зверь, скорпиа многожалная, болячка смертная. И наки: тяжко бремя стражу, идѣже соблюдать великую казну, еше и не тверду ни въ что хранину; тако и мужу имѣти всякую жену: аще будетъ злообразна, мука ему есть; аще ли прекрасна, то весь на ню зрѣтъ будутъ, мужу же бѣзутѣшная плачь.

ПРИТЧА

О КОРЫСТОЛЮБЦѢ.

ПРИТЧА

О КОРЫСТОЛЮБЦѢ.

(Отрывокъ изъ синодика, принадл. Импер. Публ. Библ.)

Горе тѣмъ чловѣкомъ адѣ живущимъ, а о себѣ и душахъ своихъ нерадящимъ: грабятъ насилуютъ, а на своемъ животѣ церквамъ божинимъ, ни слугамъ церковнымъ не подаютъ, ни странно помилуютъ, ни нагають, ни болмага посятъ, а отхода сего свѣта, и гдѣ приказываютъ оуправляти таковымъ же злымъ чловѣкомъ, грабителемъ несплостивымъ; и онъ худоумный чловѣкъ обрадуется злому тому собранію, сипе оумѣ держа: да онъ самъ, другъ мой, не раздаде приюемъ животѣ, а не даю, и не вѣдаю я откуда что зыто, отъ правды ли, или отъ неправды, и азъ не зытъ, како, или кому что раздати. Да въ томъ размышленіи сущу, и въ то время припадаетъ къ нему тель сатанинъ, еже есть корень сребролюбія, поучая о, глаголетъ; о добрый чловѣче! то тебѣ Богъ далъ твоя добрая дѣла, владѣнн, нѣд, и яждь, и чада вос-

корни въ наслѣдіе себѣ, и онѣ послѣ твоего живота раздадутъ? И онъ, худоумный чловѣкъ, примѣ въ сердцы своемъ бѣсовскую прелесть, радъ бысть, и нача владѣти, и потомъ поживе много лѣтъ въ питіи, и яденіи безвременномъ: и тако отхода сего свѣта, оуказа послѣ своего живота, женѣ, и дѣтямъ, своимъ разпространно давати своя и чюжая. И оставшаяся жена, послѣ своего мужа, начнетъ съ дѣтями помышляти, сипе рекуци: чада моя, что се умысли отецъ вашъ, а мой мужъ? Мню яко безуинна есть: повелѣ свои нѣбнн, и чюжая, нищымъ и церквамъ Божинимъ раздати; а мене, и васъ оставляетъ сиротами. Вовстинну безуиненъ есть глаголь сей мужа моего. Чада моя! оумыслила есмь тако: с таковымъ богатствомъ, иду за богата мужа, и онъ мене возлюбитъ, и воскорнитъ..... (1)

(1) Конца недостаетъ.

ПРИТЧА О БРАЖНИКЪ.

ПРИТЧА О БРАЖНИКЪ.

ПРИТЧА

О БРАЖНИКЪ.

СЛОВО О БРАЖНИКЪ ЯКО БИДЕ В РАЙ.

(Изъ сборн. принадлеж. профессору О. И. Бусласу.)

Бысть нѣки бражникъ і зѣло много вина пилъ во вся дни живота своего, а всякимъ ковшомъ Господа Бога изърославлялъ, и часто в нощи Богу молился. И повелѣ Господь взять бражникову душу, и постави ю у вратъ святаго рая Божия, а самъ ангелъ і прочь пошелъ. Бражникъ же нача у вратъ рая толкаться, и приде ко вратамъ верховныи апостолъ Петръ, і вопроси: «кто есть толкущися у вратъ рая?» Онъ же рече: «азъ есмь грѣшныи человекъ бражникъ; хошу с вами в раю пребыти.» — Петръ рече: «бражникомъ здѣ не входимо!» И рече бражникъ: «кто ты еси тамо: гласъ твой слышу, а имени твоего не вѣдаю!» — Онъ же рече: «азъ есть Петръ апостолъ.» Слышавъ сия бражникъ рече: «а ты помниши ли, Петро, егда Христа взяли на распятивѣ, і ты тогда трижды отрекся еси отъ Христа. О чемъ ты в раю живеша?» — Петръ же отъиде прочь посрамленъ. Бражникъ же нача еще у вратъ рая толкаться; и приде ко вратамъ Павелъ апостолъ, і рече: «кто есть у вратъ рая толкаецца?» — Азъ есть бражникъ; хошу с вами в раю пребывати.» — Отвѣща Павелъ: «бражникомъ здѣ не входимо!» Бражникъ рече: «кто еси ты господине? гласъ твой слышу, а имени твоего не вѣмъ!» — Азъ есть Павелъ апостолъ.» Бражникъ рече: «ты еси Павелъ, помниши ли: егда ты первомученика архидиа-

кова Стефана именемъ побилъ? азъ, бражникъ, нико-во не убилъ!» — И Павелъ апостолъ отъиде прочь. Бражникъ же еще нача у вратъ толкаться и приде ко вратамъ рая царь Давидъ: «кто есть у вратъ толкаецца?» — Азъ есть бражникъ; хошу с вами в раю пребыти?» — Давидъ рече: «бражникомъ здѣ неходимо.» И рече бражникъ: «господине, гласъ твой слышу, а въ очи тебя ни вижу; имени твоего не вѣмъ.» — Азъ есть царь Давидъ.» И рече бражникъ: «помниши ли ты, царь Давидъ, егда слугу своего Урию послалъ на службу и велѣ ево убавити, а жену ево взялъ к себѣ на постелю, и ты в раю живеша, а меня в рай не пуцаеши!» — И царь Давидъ отъиде прочь посрамленъ. Бражникъ нача у вратъ рая толкаться, и приде ко вратамъ царь Соломонъ. «кто есть толкаецца у вратъ рая?» — Азъ есть бражникъ; хошу с вами в раю быти!» — Рече царь: «бражникомъ здѣ неходимо.» Бражникъ рече: «кто еси ты? гласъ твой слышу, а имени твоего не вѣмъ!» — Азъ есмь царь Соломонъ.» Отвѣщавъ бражникъ: «ты еси Соломонъ; егда ты былъ во адѣ, і теби хотѣлъ Господь Богъ оставити во адѣ, и ты возопилъ: Господи Боже мой, да вознесетца рука твоя, не забуди убогихъ своихъ до конца! А со еще жены послушалъ, і доломъ поклонился, остави Бога жива и четьредесять лѣтъ работалъ еси имъ; а я, браж-

никъ, никому неоклонима, кромя Господа Бога свето: очей ты в рай вшелъ? — И царь Соломонъ отвѣде прочь похрамленъ. Бражникъ же нача у вратъ рай толкати- ся и приде ко вратомъ свититель Никола. «Кто есть толкущися у вратъ рай?» — Азъ есть бражникъ: хочу с вами в раю во царствіе внити. — Рече Никола: «Браж- никомъ здѣ неходимо в рай: имъ есть мука вѣчная и тартаръ несповѣдимъ!» Бражникъ рече: — заче гласъ твой слышу, а имени твоего не знаю; кто еси ты? — Рече Никола: «Азъ есть Николай.» Слышавъ сия браж- никъ рече: — ты еси Николай, і помянешь ли: егда святи отцы были на вселенскомъ соборѣ, и обличили ере- тиковъ, и ты тогда дерзнулъ рукою на Ария безум- наго; свителемъ не подобаетъ рукою дерзку быти; в законѣ пишеть: не уби, а ты убилъ рукою Ария тре- клатаго! — Николай, сия слышавъ, отвѣдо прочь. Браж- никъ же еще нача у вратъ рай толкати, и приде ко вратомъ Иоаннъ Богословъ, другъ Христовъ, и ре- че: «кто у вратъ рай толкаеця?» — Азъ есть бражникъ,

хочу с вами в раю быти! — Отвѣщавъ Иоаннъ Бого- словъ: «бражникомъ есть ненаслѣдимо царство небесное; но уготованна имъ мука вѣчная, что бражникомъ от- нудь неходимо в рай!» Рече ему бражникъ: — кто есть тамо? заче гласъ твой слышу, а имени твоего не знаю? — «Азъ есть Иоаннъ Богословъ.» Рече бражникъ: — а вы с Лукою написали во евангели: другъ друга любяб; а Богъ всѣхъ любитъ, а вы пришельца ненавидите, а вы меня ненавидите! Иоаннъ Богословъ! либо руки своя отпниши, либо слова отпниши! — Иоаннъ Богословъ ре- че: «ты еси нашъ человекъ бражникъ! види к намъ в рай.» И отверзе ему врата. Бражникъ же виде в рай и сѣлъ в лутченъ иѣстѣ. Святи отцы почали гла- голати: «почто ты, бражникъ, виде в рай и еще сѣлъ в лутченъ иѣстѣ? Мы к сему иѣсту не мало присту- пили смѣли.» Отвѣща имъ бражникъ: — святи отцы! не уиѣте вы говорить з бражникомъ, не токмо что с трезвыми! И рекоша вси святи отцы: «буди благословенъ ты, бражникъ, тѣмъ иѣстомъ во вѣки вѣговъ! Аминь.

ДОБАВЛЕНІЕ^(*)

П О В Ъ С Т Ъ

О ВДОВѢ И ТРЕХЪ ЖЕНИХАХЪ.

(*) Третій варіантъ легенди о провозсѣстелѣ и старая застольная вѣсть, об'язаніе въ предисловіи по непреодолимимъ обстоятельствамъ, редакція не могла напечатать, а вмѣсто нихъ мы помѣщаемъ взятую изъ малороссійскаго сборника XVII вѣка, вѣроятно, переводную, повѣсть.

	стр.
Вопросы св. I. Богослова о живыхъ и о мертвыхъ:	
I. Вопросъ святаго Іоанна Богослова, отвѣтъ святаго отца Авраама о живыхъ и о мертвыхъ	113
II. Слово святаго праведнаго Іоанна Фелога	117
Хожденіе Богородицы по мукамъ	118
Сонъ Богородицы.	
I.	125
II.	128
III.	•
Павлово видѣніе.	
I. Четвертокъ 5 недѣли поста, слово о епископѣ святаго апостола Павла, како бытъ въ душѣ святѣ, и видѣ, како души праведныхъ и грѣшныхъ представляются	129
II. Вторникъ 2 недѣли святаго поста, отъ епископа святаго апостола Павла	132
Сказанія о раѣ.	
I. О св. Атаніи и о раѣ	134
II. О св. Макаріѣ и о раѣ	135
III. Слово о трехъ мисіяхъ, како находилъ святаго Моисея	•

	стр.
Житіе св. Феодора Тирона	143
Житіе св. мученика Шикиты	146
Епистолиа и сказанье о недѣль.	
I. Святкоъ изъ ерусалимской земли, послано отъ самаго Господа нашего Іисуса Христа	150
II. О свѣтлой недѣли	153
III. Другой вариантъ	•
Грошникъ и Полюдникъ.	
I. Грошникъ дванадцатигъ мѣсяцамъ, събрано Иракліемъ царемъ отъ вѣдоузакона	154
II. О рождествѣ Христовѣ, въ кой день будетъ	155
III. О небесахъ	156
IV. Стихи дванадцатигъ мѣсяцомъ	•
V. Сказаніе о арменехъ и о рождествѣ Христовѣ, въ которой день прилучится	157
Примѣты о дняхъ.	
I.	159
II.	•
Рабли	160
Лживыя молитвы — заговоры	167
Беседа трехъ святителей	169

ПАМЯТНИКИ
СТАРШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

ИЗДАВАЕМЫЕ

Графомъ Григоріемъ Кушелевымъ-Безбородко.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

1862.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы во отвѣтавіи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ. Февраля 24-дня 1862 года.

Ценсоръ *Е. Волковъ.*

Отъ С. Петербургскаго Комитета Духовной Ценсуры печатать дозволяется. Февраля 26-дня 1862 года.

Ценсоры: *Архимандритъ Макарій.*
Архимандритъ Сергій.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ П. А. КЛЕЙМА.

на углу Инженерной улицы в Михайловской площади, въ домѣ Крыловой, №№ 2 и 3.

**ПОВѢСТИ РЕЛИГІОЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ,
ДРЕВНІЯ ПОУЧЕНІЯ И ПОСЛАВІЯ,**

ИЗВЛЕЧЕННЫЯ ИЗЪ РУКОПИСЕЙ

НИКОЛАЕМЪ БОСТОМАРОВЫМЪ.

ПОВѢСТЬ О НИФОНТѢ, ЕПИСКОПѢ НОВГОРОДСКОМЪ.

Мѣсяца апрѣля 22 в днѣ.

ЖИТІЕ ПРВООДНОГО ОЦА НАШЕГО НИФОНТА,

свѣдѣніе въ похвалу къ величїи лавры Нечерскїа пещеры, къ началству првводныхъ отецъ Антонїа и Феодосїа, послѣе келїа епископомъ къ Еванкомъ Новѣградѣ и достойно памяти испрачника дѣла. Списано скаціионнѣкомъ Варлаамомъ, смиреннымъ мнѣхомъ. Евангеліемъ, отъ.

(Изъ рукоп. XVII в.).

Благословенъ Богъ Отецъ вседержитель, творецъ чебу и земли, видимыи же всѣмъ и невидимыи. Благословенъ единородный Сынъ Слово Божїе, безначале иже отъ Отца родися Богъ, отъ Отца премудрость, всѣхъ составленію содержаи и сила вселъ твари сотвориша. Благословенъ параклитъ святыи и животворящїи Духъ, отъ Отца исходяи и Сыномъ являемъ челоукомъ, всосоставная единосуцная святая Троице. Отецъ и Сынъ и святыи Духъ, содержащая славою, собственъ, царство нескоренное, безначальное естество, владычно достоинство, естественная благостыни!

Въ Троицы единъ Богъ, содѣтель и содержитель и промысленикъ всѣхъ, даи просѣщюму мудрость и разумъ, не презря согрѣшившаго, но положи во спасеніе покаяніе, егоже воруть небесныи силы и славать воинства аггелъ, того убо прѣблагаго и промисловитяго Бога благодарствуи и азъ недостойный и худыи во всѣхъ мнѣсѣхъ священновоюкъ Варлааміе, аще итѣмъ юстониъ на славословіе, того благостыни, тону и приношу исповѣданіе и велелѣпоту и молюся оуслышати

ми, въ онъже день аще призову тя, яко дати ми слово ко отворенїю устъ моихъ, яко да исповѣмъ слово добродѣтели, пользыи душевныи исполнено; востинну бо того достойно благословити и молитиса емоу непростяно и призывати на поможь, сошедшимся намъ въ память святаго великаго отца, яко о немъ нѣмѣ списаніе впрѣди да глаголется, Нифонта реку, бывшаго въ величїи лавры Нечерскїа божественныхъ отецъ Антонїа и Феодосїа ангальскїихъ житїемъ и пробыванїемъ, пришедша и поселивъ свящїонїа столцѣ украсивша Великаго Новограда, многи же души спасе и Богоу приведша, и равноапостольскую благодать прїимша отъ Бога, и проповѣда во вселъ мїрѣ слово истинно, и правляше вѣру святыи Троицы. Пожемо Божїи даръ челоукомъ дароваса сой отецъ нашъ, востинну святыи великии Нифонтъ, прже созданїа его, иже въ оутробѣ матерїа избранъ бѣ Богомъ вышнимъ и прже роженїа своего освещенъ бѣ Духомъ святымъ ва великии престолѣ Великому Новоуграду, насти стадо христиненное словесныхъ овецъ новокрещенныхъ людей

акъ и житіа иноческаго оуставъ емоу имѣти и священія истиннаго образъ праведный емоу хранити.

Аще боло есть силы меси начатокъ положихъ житіа святаго великаго отца Пимонта, но оубо иѣчто зачистъ ни честна и милостивая она душа, многогрѣшиною и недостойною своемоу рабу, такового бисера во уста своя скверная прияти ни, или во утѣ свой скудный вмѣстити. Овому же оуразумлено будотъ, разумѣте же вси душеполезнаго сего житіа послуси, ничтоже емо къ силѣ недостаточествующа. Аще болѣ къ достоянію недостаточествую, подобасть же мало бывшо слово приведша, ако отъ иѣкося таковымъ великимъ сей моужь благочестноу и святоу и милостиву родителю рождѣся; и о имени же отца его, такоже и матери, въ повѣстехъ нигдѣже писавію не объяви, иже многа лѣта прешла соуть до написанія сего, иже въ первая лѣта его не написана быша о имени родителей его. И сего во свѣтъ писавію предати, но токмо въмы, ако отъ благочестноу родителю и святоу рождѣся сей великимъ отрокъ.

Бяху же благочестивіи родители святаго отрока отъ великаго и столнаго града Кіева, отъ окрестныхъ мѣсть града того, во благочестіи живущо и много милостивно отъ своего имѣнія дающе церквамъ Божиимъ и причетниковъ церковнымъ, и трапезы имъ оустраиваше въ домену своемъ, и оучрежаше доволне сей моужь благочестивый и съ соуругою своею ивогажды; такоже нищихъ и странныхъ и маломощныхъ милувашо, и трапезу имъ поставляше множицею, и тако творахоу родители блаженнаго отрока и до исхода души своя емо отъ тѣлеси; и ваки всегда хождашу въ церковь Божию ближнаго мѣста всеи той родителю же блаженній она, и моляху Бога и пречистую Богородицу со многими сложами, чтобы имъ послалъ Богъ плодъ чревыи, понеже бо безчадни бяху они. И оуслыша Богъ чистую молитвою ихъ, и дастъ имъ плодъ чревою моужескимъ полъ, сего блаженнаго отрока, о немже намъ повѣсть впреди предсжити, якоже древо пророка Самойла. И абіо рождшуся семоу великому отроку отъ таковоу родителю

благочестноу, понеже Богъ не презри молитвы родителей оныхъ и дастъ имъ плодъ чрева и милостива ихъ, ради многи и чистоты и добраго ихъ житіа иже къ Богу, и тако, родители великою радостію и желавіемъ сердечнымъ, принесоша отрока въ церковь Божию, иже близъ домену ихъ, иже и молебныя глаголы возсылахоу къ Богу, и тоу кресташа и во имя Отца и Сына и святаго Духа, во единосуцноую и нераздѣлную Троицу, и нарекоша имя емоу въ святомъ крещеніи Никита. И о семъ бысть радость велика въ домену родителей оныхъ о рожденіи блаженнаго отрока, и милостива быше многа, оучреженіа въ той день прозвитеромъ и причетниковъ, церковнымъ, и сосѣдомъ и нищимъ. Якоже древо Іоакима, и Анною оуслыша Богъ начо надежа и неодолиа имя дожесва разгерзо и дастъ имъ плодъ чревою пречистую Дѣву Богородицу Марію, иже пороуди намъ Господа нашего Іисуса Христа, спасителя всему миру, спасаща насъ отъ прелести дѣволи; такоже и сего святаго отрока родителей не презръ Богъ моленія ихъ, и милостива ихъ ради и добрыхъ дѣлъ дастъ имъ плодъ чрева. И о семъ вси славаху Бога и пречистую Богородицу, и отхождаху въ домы своя.

И по семъ отроку оному устравившуся, мало иѣчто возростомъ, и влаетъ бызаетъ родительни своимъ оучитіа божественнымъ книгамъ. И доіо, вскорѣ ижеко, изыкшу книжноу ученію, и впрямю встожаше съ сверстники своимъ на игры дѣтскія, но наче прилежаше къ церкви Божіи и въ сласть почиташе божественная писанія, и вникаше оумомъ еже спастися и въ разумъ истиннымъ принти и преставити чиста предъ Богомъ и предъ святыми ангелы, и предъ тмънами святыхъ — отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ во второе пришествіе Христова. И почашеся блаженнымъ отрокъ о души своей, вещи безсмертій, и ничтоже имѣваше житію се, но начо стѣи и сонъ, или яко цвѣтъ травный вмагъ является и вскорѣ погибаетъ. И тако блаженный отрокъ Никита отъ того времени ижекоже почашеся о плоти своей, но врагъ немилостивый бызаше

плоти своей, и нача воздержатися постомъ и бдѣніемъ и молитвами, и сладкихъ но ясти отнюдь, но чашо день архангельскій, первой недѣли, сирѣчь понедѣльникъ, такоже и среду, иже въ среду предаша Жидово на пропитіе владыку Господа нашего Исуса Христа архиереомъ, такоже святымъ добръ чашо и пятокъ, иже въ пятокъ въ шестой часъ распятъ бысть Господь отъ Жидовъ, волную страсть подъявъ за родъ человѣческій, за созданіе свое, оучитель нашъ Христосъ крестъ, копіе, трость, гвоздіе въ честныя и святыя руки свои и нозѣ, такоже и бцотъ со желчию сѣсивъ, навоиша гоубу, на трость принесоша ко устоу Господнимъ окавниа тѣмъ Жидовомъ; Христосъ же, вся сиа терпя насъ ради и нашего ради спасенія, само все понесе на пречистѣй плоти своей, хотя насъ избавити, созданіе рукоу своею, отъ работы вражьи, иже прароцъ нашъ Адамъ первозданный и съ праматерію нашею Евою заповѣдь Божию преступивша въ раи, прелстивши быша отъ злаго діавола зміа, и наки же Христосъ на крестъ распяся в рукописаніе Адама раздра на дрѣвъ, иже преда Адамъ на себя и на весь родъ свой, и въ то время честною кровію Христовою крестиса Адамъ, истекшею всѣхъ честныхъ и со святыхъ его ребръ и съ ногъ Господнихъ; и посомъ самъ Господь нашъ Исусъ Христосъ сииде въ пресподняга ада, и наки видоша они во святой градъ Іерусалимъ и авшася многимъ по воскресеніи Господни; а нечестивымъ же осташа въ пресподнѣмъ ада тмы вражьи и неспѣтими со діаволомъ и со слугами его. И сво до- адѣ. О немъ же слово да глаголется.

Отроку же блаженному Никиты тью три дни хранищю во всемъ, ядъ же башо блаженнаго хлѣбъ и вода, и то въ иѣроу سمو башо. По оугожашо-святой началю плоти своей, но души повниовашо плоть свою,

якоже рабыню томашо ю алчбою и жаждою и бдѣніемъ и на земли легавшемъ, и молитва башо во оустѣхъ его всегдашняя со слезами сердечными. Аще и въ мирѣ живашо и бѣлыя ризы носяще, но вся سمو башо челоуѣческаа исправленія.

О преставленіи къ Богу родителей блаженнаго отрока.

По малѣ же времени родителей святаго отрока отходшихъ отъ соуетнаго житія сего къ Богу въ вѣчный покой, блаженный же отрокъ единъ остася въ домоу родителей своихъ. И тако ихъ сохранивъ и предавъ гробу чести и добръ, оуправивъ по нихъ повинаніемъ и милостыною многою, якоже дѣло бѣ по умершихъ творити, и понеже желанію велико имѣа отъ оуны версты святой отрокъ Никита, ежо отворочиса мира сего соуетнаго и яже въ немъ долоу влекущая мудрованія и обещася во иноческій чинъ и аггелскаго спребыванія, — ежо и бысть, — и по семъ родителей своихъ иѣвно раздая ищущимъ и маломощнымъ, а ино, ежо отъ иѣвнїа своего, церквамъ Божиимъ, блаженнымъ отрокъ Никита, понеже бо и самъ святой желашо быти церковь сватому Духу, ежо и бысть, и по семъ самъ отшедъ святымъ въ Почерскій монастырь Киевскаго иѣста, и тамо наки молилъ игоумена монастыря того со слезами, да пострвжотъ и во иноческій чинъ. Игоумень же наки повелѣ его пострици во иноческій чинъ, и абіе постриженъ бысть, и нарекоша имя его иноческое Нифонтъ. И добръ предавса Богу і игоумену и братіи, и отъ того времени адасть себе святымъ на труды дѣломъ тѣлеснымъ, а бдѣще по вся ноци во сзавословіи Божіи, мало сиа принимая, и воздержася отъ всѣхъ похотей тѣлесныхъ; въ среду же и въ пятокъ, такоже и понедѣльникъ, ни одиноци вкушашо хлѣба, но въ молитвахъ пребывашо и въ колѣнопоклоушеніихъ, такоже и въ посты чотыро постася и бда и на земли легая, тѣлю свою изиуряя и свовна рукама дѣлая на братію, яко дпашиса игоумену и всей братіи

смирению и покорению, и великому послушанию святого Нифонта и воздержанию его и бодрости. И тако игуменъ и братія велии о немъ прославиша всемилостиваго Бога и пречистую Богородицу, яко такова свѣтила и свята мужа дарова Богъ Печерскія честныя обители.

О поставленіи святого отца Нифонта на епископію Великому Новоуграду, и како видѣ святого Феодосія Печерскаго въ божественномъ откровеніи.

Блаженный отецъ Нифонтъ бысть оу черноризецъ Печерскаго же въ Кіевѣ святаго монастыря, гдѣ свѣтыхъ Печерскихъ житію ревнуя. И за премногую его добродѣтель, взбранивъ святаго Духа, по правилному извѣщенію, поставленъ бысть епископомъ Великому Новоуграду, при великомъ князи Новгородскомъ Всеволодѣ Мстиславичѣ. И добръ насажда стадо Христово новопросвѣщенное словесныхъ овецъ, и оучаше люди съ прилежаніемъ вѣрѣ Христовѣ и всѣмъ заповѣдемъ Божиимъ. И многія церкви во имя свѣтыхъ поставиша въ Великому Новуградѣ блаженный Нифонтъ, такоже и монастыри строиша свѣтый со блаженнымъ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ, нареченнымъ во святомъ крещеніи Гаврииломъ. Посемъ же блаженный князь Всеволодъ преставися въ богохранимомъ градѣ Псковѣ, живъ едино лѣто, тамо и положены быша честныя его в свѣтлыя мощи, въ церкви святаго великомученика Дмитрія Селонскаго въ Дамантовѣ стѣны; и пакы по лѣтѣхъ многыхъ обрѣтены быша свѣтлыя его мощи цѣлы и ничижо вреждены, и превесены быша въ соборную церковь свѣтлыя Троицы, и тоу положены быша въ предѣлѣхъ святаго Благовѣщенія пречистѣй Богородицы; и тако многа и различна исцѣлюнія источаютъ отъ всѣхъ недуговъ съ вѣроу приходящихъ даже и до днесь въ память его; но паче же сами чудеса свидѣлствуютъ отъ честныя его раки. — Сію доздѣ. но на подлежащее выдемъ о блаженномъ Нифонтѣ, о немъ же слово да глаголется впередъ.

И по семъ блаженнымъ Нифонтѣ въ благохранимѣхъ градѣ Псковѣ созда церковь во имя боголюбиваго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, между двюу рекою — Великою рѣкою и Малаю Мурожи, во славу Божию; и созда монастырь превеликъ зѣло и честенъ, и оубраси и велии, и села вдаде многы на оустроеніе монастырю своему, и братію собра многу на славословіе Божіе. И тоу свѣтый остави во обители боголюбиваго Преображенія Христова жезлъ свой на воспоминаніе братіи и въ память родомъ грядущимъ (жезлъ же той святаго Нифонта цѣль даже и до днесь молитвами его свѣтлыи пребываетъ въ большей церкви святаго Преображенія всѣмъ видимъ), и старѣйшиноу имъ игуменомъ постави единаго отъ братіи честнаго и свята, и все емоу свѣтлыи преда — строеніе монастыря своего и попеченіе ежо о паствѣ; а самъ свѣтый Нифонтъ отъиде въ Великій Новуградъ.

И тако бывшоу емоу на епископіи въ Великому Новуградѣ довольно время, пакы слыша свѣтый, яко отъ вселенскаго патріарха въ Россію иде во градъ Кіевъ Константінъ митрополитъ, и абіе радости духовныи наполнився блаженнымъ епископъ Нифонтъ и помысливъ себѣ, рече, яко эда обою совершоу: во обители прочистыя Печерскія боуду и преподобнымъ отцемъ Антонію и Феодосію поклонюся (доуже бо велию вѣроу имѣа свѣтый къ пречистѣй Богородици и къ преподобнымъ отцемъ Антонію и Феодосію) и отъ свѣтителя благословеніе прииоус. И по семъ таковыи ради вины отъиде свѣтый ко граду Кіеву, въ лѣто 1040-го. И тако пребывающоу святому во градѣ Кіевѣ въ Печерскомъ святомъ монастырѣ, ожидаше свѣтый митрополита пришествія, баше бо святому отцю Нифонту вѣдомо, яко извѣстно отъ царствующаго града выиде Константінъ митрополитъ.

Въ то же время Кіевъ митрополитъ, столпъ свѣтительскій приимъ Кіевскія митрополіи по патріаршимъ благословеніемъ вселенскаго патріарха Царяграда, во своихъ изволенихъ, и сего блаженнаго Нифонта по-

нуждаше Климу служити съ собою. Святин же Нифонтъ глаголаше' емоу: понеже не приялъ еси, отче, благословенія отъ святаго вселенскаго патриарха Царяграда, ни воспоминати тебе во святѣй службѣ, но поминаю въ божественнѣй службѣ святаго патриарха Царяграда. И такоже пакы Климоу вельми разъярившуся и иривоужающу святаго служити съ собою, и поминати повелѣваше себе въ божественнѣй службѣ, святый епископъ Нифонтъ никакоже не хотя сего сотворити, еже поминати Клима и служить съ нимъ. И за сие тако наоучаше Клима на святаго Нифонта князя Наслава и своя емоу поборники, яко да сотворять святому нѣкое зло за преслушаніе святаго. И пакы не возможно Климу митрополитъ съ своими поборники нимало ала святому отцоу сотворити, но Божія благодать хранише его за его праведное страданіе, якоже рече Богоотець во словесѣхъ своихъ святини пророкъ и царь Давидъ, глаголя: ти съпати быша и надоша — неправедни поборники, а святини воста и исправися предъ Богомъ; не пренеже бо злоба наносимое на святаго якогдаже, и пакы воспринять святитель Христоу Нифонтъ вѣчное наслажденіе со святителю во цѣрестви небеснѣй.

Патриархъ же Царяграда, слышавъ яже о святѣхъ Нифонтѣ, наносишю скорбь на святаго отъ Клима митрополита, возхитившаго сащъ святительскій на ся своимъ изволеніемъ, и присла вселенскій патриархъ Царяграда ко святому посланію, сице рекъ:

Посланіе.

О святѣхъ Дусѣ сыноу и сослужебнику нашего смиренія радоватися о Господѣ, доброму пастырю Христова стада словесныхъ овецъ, господивоу епископоу Великаго Новграда Нифонтоу.

Слышахомъ, господине, о твоємъ праведномъ страданіи, яже Бога ради страждеша противоу Клима митрополита, яже безъ нашего благословенія взялъ на ся Киевскую митрополию своимъ изволеніемъ, и ты емоу,

честный отче, запрещаеша о такоуѣй величѣй дерзости святительскій и не хочеша, отче, съ нимъ служить, ни въ божественнѣй службѣ поминаши его; и много отъ него досажденія злаго и оукоризны претерпѣлъ еси, святче Божіи. И ты, страдалче, и еще терпѣ о правдѣ Бога ради и не пренемагаш отъ злаго сего аспіа Клима и отъ его злыхъ совѣтниківъ, и боудеши причтенъ отъ Бога, брато, къ прежнимъ святимъ, яже твердо о православіи пострадавшихъ и яже во тебѣ бывшихъ святителейъ въ Рускоу земли, и всѣхъ покажеша образъ терпѣнія своего. Миръ тебѣ, отче, и нашего смиренія, страдалче Христовъ, боуди на тебѣ благословію во вѣки. аминь.

Святини же, прими митрополитскоу посланію и прочеть, и вельми крѣпостію себе утвердивъ на противника Христоу закону Клима митрополита. И тако блаженный отецъ нашъ Нифонтъ, любовь нѣхъ волю духовную со княземъ Святославомъ со Ольговичемъ (бѣ бо прежде того Святославъ сѣдѣ въ Повѣградѣ), бывшоу же семоу блаженноу Нифонтоу епископоу во святѣхъ Почерскомъ монастырѣ и велию вѣроу нѣхъ святини къ преподобнымъ отцемъ Антонию и Феодосію, якоже речево бысть прежде, и абіе не во мнозѣхъ времени постиже святаго отца Нифонта болѣзнь; оуже бо небесному званію пришедшу. И тако хоташо святый тѣлеснаго союза разрѣшитися и естества отдати долгъ небесному царю и владычѣ Христоу. И тако преже болѣзни своея за три дня дивно видѣніе видѣ, и всѣхъ тоу повѣда — игоумену и братин видѣніе оно, глаголя: «Пришедшу ми, рече, отцы святія, отъ заутрени и мало вочившоу, и абіе въ товокъ сонъ сведенъ быхъ. И се обрѣтохся въ цѣркви Печерскія пресвятѣй Богородицы честнаго ея Оупенія, на Святошнѣй икѣстѣ; и молящю ми ся много со слезами пречистѣй Богородици, да быхъ видѣлъ святаго преподобнаго отца Феодосія, и пакы собирающихся братіямъ многимъ въ цѣрковь святѣй Богородици, и виступивъ ко мнѣ единъ братъ и рече ми: хочеша ли видѣти святаго отца Феодосія? И пакы же отвѣщахъ и рекохъ братоу, явившесю мнѣ,

глагола: зѣло желаю, честный отцо, видѣти святаго отца Феодосія; аще ти есть мощю, покажи ми его. И пакы поимъ ми старецъ онъ, и введе на во святыхъ олтарь, и тамо показа ми святаго отца Феодосія. Азъ же смиренный, шивъ епископъ Ниѳонтъ, видѣхъ преподобнаго, и отъ радости; притекъ, падохъ на нозѣ его и поклонихся святому до земли. Святыхъ же Феодосіа востави ми отъ земли и нача благословити, и обимъ ми святыми своими роукама отецъ Феодосіа, и нача любезно лобызати ми и рече ми: добръ, приди, отцо господине пречестный и сыну Ниѳонто, и отсельъ будещи съ нами неразлучно. И тако держашоу преподобному Феодосіа въ руцѣ своей свитокъ, и миѣ же просишу его, яко вѣда ми; и разгнухъ свитокъ онъ и прочтохъ. Беше же въ немъ написано въ началѣ свѣдѣ: се азъ и дѣти, аже ми есть дальъ Богъ. И въ той часъ возгнухъ, и не видѣхъ никогоже. И нынѣ, отцы святыхъ, вѣмъ, яко сѣя болѣзнь — посѣщеніе ми отъ Бога бысть.»

О ПРЕСТАВЛЕНІИ СВЯТАГО ОТЦА НИФОНТА.

И во снхъ блаженныи отецъ нашъ Ниѳонтъ епископъ нача тѣломъ взисмогати, яко душою вѣрикии, духъ же воскогѣ къ желаемоу Христу предъ послати. И тако болѣвшу блаженному отцоу епископоу Ниѳонтоу въ Печерскомъ монастырѣ гдѣше, і абие святыхъ, причастився на честный исходъ души своея честному и святому тѣлоу и крови Христа Бога, и тако всѣхъ миръ давъ и благословенію ягоуменоу и братівъ, и отъ нихъ взя благословеніе и миръ. И начатъ, на образъ Господа нашего Исуса Христа взраа, и молити со слезами, глагола:

Молитва.

Но обаче молю ти ся, владыко мой Исусе Христе, милостивъ буди души моеи, да не оусрищутъ ся прогнѣваемыхъ лукавство, но да примуть ю ангели твои, проводятъ ю отъ темныхъ мытарствъ, и приводяще ю къ твоего милосердія свѣтоу.

И сие шрекъ, крестнымъ знаменнемъ знаменався, и глагола: Господи, въ руцѣ твои предаю душу мою. И тако оусне съ миромъ, мѣсяца апрѣля въ ѿ день, на свѣтлаи медѣли въ субботоу. Пасъ же святыхъ Ниѳонтъ церковь Божию въ Великомъ Новѣградѣ гдѣше и оснѣ мѣсяцѣ. И положено бысть честное и сѣтлое тѣло отца въ нещерѣ Феодосіевѣ. Бысть же святыхъ средній тѣломъ, брадоу же ниѣя продолгоу не великии и не широкою, тѣяною, вполсѣдоу, свилася на четверо. И по семъ пакы отъ раки честныи святаго много чудеса и различна бывають вѣрнымъ даже и до сего дни, молитвачи его святыхъ. И тако къ любимому отцоу приде, якоже обѣщася омоу Феодосіа преподобнымъ, якоуиѣ владыцѣ Христу предстоюще и наслаждающеся неизреченныхъ оцѣхъ небесныхъ красотъ и о пасъ молящеся, своихъ чадѣхъ.

Сащовы чуднѣишюжи въ томъ святомъ Печерскомъ монастырѣ быша, яко мнози отъ нихъ апостоломъ сопричастивши быша и престоломъ ихъ намѣстницы; поше же бо сей блаженныи отецъ нашъ чудотворецъ Ниѳонтъ епископъ многи церкви Христовы во дни святыхъ оустровъ, и монастыри въ Великомъ Новѣградѣ и по мѣстоу, и многа чудеса сотвори о Христѣ въ животѣ своемъ, и отаде отъ житія сего соуетнаго и плача достойнаго въ вѣчный покой и въ непроходимую и неизреченную радость, и проселися ко святыхъ, яко отъ вѣка оугождшимъ Богоу, и тамо любимыхъ своихъ отцевъ Печерскихъ Антоніа и Феодосіа обрѣтъ и съ ними водворилася еси въ небесныхъ селѣхъ, и нынѣ со всѣхъ святыхъ молятъ непрестанно о православномъ и христалюбивомъ цари и великомъ князѣ, и царекъ, самодержцы всеа Русіи Великіи, и о всѣхъ благовѣрныхъ князѣхъ и о воєхъ ихъ, яко Рускою землею некущихся, и о всѣхъ православныхъ христіанѣхъ, яко даровати на враги, на невидимыи и видимыи, побѣдоу, на бесерниество и латинство и на аси новѣрныи азмыи, яко блондящихъ отъ истинныи вѣры христіавскіи и не приимшихъ святаго крещенія во единосоущную и нераздѣлимую Троицу, и не почитаю-

щихъ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, единосущна и сокрестолна и нераздѣльна Отцу и Святому Духу и сѣдѣюще одесную Отца со единосущными и животворящими Духомъ Святымъ. И пакы прїи-ти имать второе на землю Господь нашъ Иисусъ Христосъ съ прочистою Богородицею, маѣрною своею, и со Предтечею, и со святыми апостолами и со всѣми небесными силами соудити живымъ и мертвымъ и воздати комуждо по дѣломъ его, праведнымъ — животъ вѣчный, а грѣшнымъ — мукѣ безконечную, ейже конца не имущи во вѣки.

Похвала святителю Христову Нифонтоу, епи-
скопу Новгородскому.

Ты же, пречестный отче, святителю Христовъ про-
красный Нифонте, избѣжалъ еси темныхъ и лоука-
выхъ духовъ вытарствїа добродѣтельнымъ житїемъ и
добрымъ позволенїемъ и страданїемъ праведнымъ отъ
злаго аспїда Клина, митрополита Киевскаго, и добръ,
отче, преплылъ еси, яко въ бурїи носимъ, море жи-
тїа сего, лютаго широдержца непостоянную поучиноу, и
побѣдилъ еси волки темныхъ бѣсовъ, и дошелъ еси,
честный отче, свѣтче божїи, горняго Іерусалима, идѣже
Отецъ и Сынъ и Святыи Духъ і идѣже святыхъ отецъ
дркове водворяются и праведныхъ души воселятся, и
такимъ наслаждаются неизреченныи радости царя царст-
вующимъ владыки Христа, идѣже око не видѣ, нѣже
оухомъ слыша, ни на сердце челоуѣку взыде, яже оугото-
ва Богъ любящимъ его и творящимъ волю его и хра-
нящимъ заповѣди любящимъ. Ты же, святителю Хри-
стовъ Нифонте, вся заповѣди Божїи дѣломъ добрыми со-
хранилъ еси и со всѣми святителїи въ горнонъ Сионѣ
водворился еси въ неизреченнѣй радости, идѣже всѣхъ
воселяющихся есть жилище.

И мынѣ, святителю Христовъ, оугодниче Нифонте,
како те похвалимъ, или кими похвалными вѣнцы вѣн-
чаемъ верхъ твоея добродѣтели, или которыми по-
хвалами почтемъ мы, смиреннїи и недостойнїи раби

твой? Понеже бо хвалюу приимъ еси и вѣнцы терѣн-
ныи побѣды отъ вседержителя Бога. Хвалитъ бо Римъ
великїи и со окрестными грады Петра и Павла, яже
просвѣтилїа святымъ крещенїемъ иновѣрныи языки и
научиша вѣровати ихъ во единосущную и нераздѣ-
лимую Троицу. А Иоанна Богослова, двѣствѣтчица и
наперстника Христова, Егѣсть градъ великїи и Патмо-
скїи островъ и вся страна Асїйская похвалными пѣ-
ньми почитають, яко много канища бѣсовскїа сокруши-
шаго свѣлоу Иисуса Христа, Сына Божїи, и научи(в)ша
вѣровати многи языки Отцу и Сыноу и Святому Ду-
ху, во единосущную и нераздѣлимую Троицу, и во
вся концы вселенныи яко громъ возгремѣлъ еси: иско-
ни бѣ Слово и Слово бѣ къ своему родителю; тако и
прочее. Марка же великая Александрия хвалитъ, яко
многи церкви во славу Христову создаваша и еписко-
пы и попы и диаконы освѣтившаго, и люди научи-
шаго вѣровати во Христа. Такоже хвалитъ и Лоуку
градъ Антиохїи и со окрестными грады и весми, яко
врача хитростїю искусѣвша, и многа исцѣленїа цѣл-
бы творяща челоуѣкомъ о Иисусѣ иже во славоу
Христовоу, и написавъ часть божественнаго евангелїа
болѣ нѣхъ евангелїстѣ, и дѣланїа Апостольска сложивъ
къ нѣкому Обоѣлу князю, и во дни Травана царя
безбожнаго собравъ христїанъ множество мужей и женъ
и младенецъ на мѣсто нѣкое, отъ града яко три по-
прища, идѣже собѣ свѣтлый мѣсто оуготова, и поучи-
чивъ ихъ о пользѣ душеспѣшїи и о возданїи боудущихъ
и вѣчныхъ благъ отъ Господа нашего Иисуса Христа,
яже воздасть комуждо по дѣломъ его, и тако оуспе
съ миромъ и погребенїемъ бысть вѣрными на мѣстѣ томъ.
Такоже хвалитъ и Греческая земля царя Константина
съ матерїю Еленою, равноапостольское дѣло сотвори(в)-
ша, и крестъ Христовъ и коню и гвоздїи обрѣтша. И
градъ же Кїевъ и вся Руская земля великаго князя
Владимїра похваляетъ; сей же Владимиръ просвѣтилъ
быше Роускую землю святымъ крещенїемъ. Московская
же земля Петра митрополита, яже во ученїи пресели-
каго. Ростовская же — святителя своего Леонтїа епи-

скопа, сокрушившаго капища идольская и породившаго люди Ростовския божественнымъ крещениемъ. Псковская земля оублажаетъ своихъ чудотворцевъ, великаго князя Всеволода Мстиславича, нареченнаго во святомъ крещеніи Гавріила, и преподобныхъ отецъ Евросина и (с)востника его Савоу, Крыпецкія обители начальника, иже во мнозѣхъ и различныхъ чудесѣхъ і исцѣленіи просиявши, такоже и нынѣ творять непрестанно отъ честныхъ и святыхъ своихъ ковчеговъ, иждже лежать святыя ихъ мощи; въ житіяхъ ихъ святыхъ свидѣтельствуеть о чудотвореніи ихъ. О пречистѣйшій святителю Христовъ Пимонте! тебе же хвалить Великій Новъградъ и вся земля Повгородская и Псковская, епископа своего, мѣлностнаго во оученіихъ и крѣпкаго въ терпѣніи, и многи души спасша добродѣтельными своимъ оучениемъ и ко Христу приведшаго, и церковь Божию просвѣтившаго, и отъ ересей соблюлъ еси непоколебимоу и нематекшоу.

Земля же Киевская и священныхъ иночества и Печерская обитель, въ нѣже сподобился еси яромъ Христовъ прияти, и стада иночествіи и твоєа ограды иноцы, иже составилъ еси во градѣ Псковѣ надъ Мирожю рѣкою, вси тебе духовными пѣснями воспѣвають, и похваляюще, глаголютъ:

Радоуйся, отца благочестива и матере благоговѣйныи и добродѣлиимъ вѣтвѣ. Радоуйся, отче Пимонте, иже измлада Христа возлюбилъ еси и пречистую Богородицу, еяже и служитель бысть. Радоуйся, отче Пимонте, иже въ Печерскіи обители всѣхъ на оустѣхъ былъ еси иноконъ, и вся, по Божѣ ровнующе твоему добродѣтельному житію, спасаюшася. Радоуйся, святителю Христовъ Пимонте, иже отъ столнаго града Кіева яко свѣтозарное солнце восиялъ еси Великому Новоградоу, и престолъ мудрости Божіа оукрашилъ еси, и мѣлностно апостольски люди своя наоучилъ еси оучении божественныхъ словесъ недоточнаго языка, и всѣхъ всякъ былъ еси по апостолю, да вся и приобрѣлъ еси отъ Христа (Христу). Радоуйся, святителемъ изрядная похвало отче Пимонте, и нищимъ, бѣднымъ и вдо-

вцамъ застоупникъ и кормитель былъ еси. Радоуйся, свѣтозарное солнце святителю Христовъ Пимонте, иже отъ Великаго Помаграда свыше званіе приплъ еси отъ вышнихъ досницы владыки Христа, и продтекъ еси, отче, радуясь, яко на аерѣ къ славному граду Кievoу во свое отечество, иждже яромъ Христовъ сподобился еси прияти въ пречистыи обители Печерския, и тамо преподобныхъ отцовъ, Автолію и Феодосію поклонился еси, иже званіе отъ святыхъ приплъ еси, отче прекрасно Пимонте, о своѣхъ преставленіи къ Богу. Радоуйся, отче Пимонте, преоудобренный благодатию Святаго Духа и преоукрашенный истинною и правдою обоченныи. Радоуйся, отче прехвалне Пимонте, иже святыхъ аггелъ ликомъ съ радостію предстрѣтахоу ты и честно приимахоу просвятоую душу твою, почестъ творахоу, отче, души твоей и радостно съ духовными пѣснями приношаху душоу твою ко престолоу владыки Христа. Радоуйся, иже честно и радостно святоую душу свою въ рудѣ Господови предалъ еси, яко пресвѣтлая луна къ незаходимоу солнцу Христу приде и со всѣми святыми во дворѣхъ Господа Савоѣа препочилъ еси, и любимыхъ своихъ отецъ Автоліи и Феодосіа обрѣтъ и съ ними же Христу предстоиши, и тамо наслаждаешися доброты владыки Христа, челоуѣколюбца всѣхъ Бога. И моли о мирѣ всего мира, о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквахъ. Радоуйся, отче Пимонте, иже сподобился еси честнымъ твоимъ мощемъ положенъ быти со отцы преподобными въ Киевския нещеры, и тамо духи лоукавыи прогоняи бывають отъ вѣрныхъ; но и на всякомъ мѣстѣ при званіемъ святаго твоего имени вси исцѣляхоуся во имя Христово.

Помоли же ся Христу Богу, священный отче Пимонте, за пречистѣйшаго архіереа Макариа, иже престолъ держащаго пречистѣй Богородица честнаго ея Оупенія во всей Великіи Россіи і исправляющаго слово Божіа истинными вѣры православныи, иже оуставляша праздновати соборнѣ память твоего честнаго и святаго преставленія, и предавшии святымъ Божиимъ цер-

квѣтъ. Также, отче святыи, помолися и о архиепископѣ Великаго Новаграда, вимрекѣ, правящаго престолъ твой Софіи, премудрости Божіи, и о всемъ священническомъ, священническомъ и діаконскомъ чиноу, да молитвами твоими святыми предѣтъ нематужно жизнь вѣка сего соузникаго, и получишь животъ вѣчный на небосныхъ круозѣхъ, идѣже самъ, пречестный архіерею, пребываеши съ чини ангельскихъ воинствъ и со всѣми святыми.

О пречестнѣйшимъ и великимъ святителю Христовъ

Нифонте пречюдне! помни мене недостойнаго раба твоего священноупока Варлаха, смиреннаго мниха, во свитыхъ своихъ молитвахъ, но да и азъ спасенъ буду і избавлюся мукъ вѣчныхъ, писаннаго въ похвалоу и въ честь святомоу твоемоу имени малоупокою слоужбицоу, и во славоу святѣи и единосущнѣи и животворящей и нераздѣлимѣи Троицы, Отцоу и Сыну и Святомоу Духоу, вышѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОВѢСТЬ О МОИСЕѢ, АРХІЕПИСКОПѢ НОВГОРОДСКОМЪ.

Житіа генерала въ 10 днѣ.

ЖИТІЯ И ЖИЗЬ ВО СВАТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО МОИСЕА, АРХІЕПИСКОПА НОВГОРОДСКАГО, ЧЮДОТЕОРЦА.

Твореніе Пахомія Сургина.

(Изъ рукоп. XVII в.).

Понеже оубо онѣмъ и великимъ и божественнымъ
моужемъ, яко еще отъ чрева матеря освященныхъ
архирействомъ, напоследокъ отъ Бога почтенныхъ, и
наставникъ чловѣкомъ бывшихъ, и многихъ ко спа-
сенюу пути наставляюще, мнози отъ нихъ велики
бѣды по церкви отъ нечестивыхъ пріиша, о врученной
тѣмъ власти некущеса, како и коимъ образомъ отъ
еретикъ соблюсти тѣхъ неврежденныхъ. Тѣмъ же съ му-
ченики и выше мученикъ вжда вѣнчаныхъ, яко по
тѣхъ бывшихъ архирей же при благочестивыхъ ца-
рехъ, яко видѣти, во благоденствіи живущихъ и ни
отъ когоже ратуемыи, но сами себѣ ратинцы бяху,
видѣше неправедная, отъ царей и отъ вельможь дѣ-
шая, видяще сиротъ потязасмыхъ, грабленія и хищ-
ніа; они бо тогда не терпаше, царей обличаху, еже
на восхищенію не желати и еже и сразумѣите, яко тѣ
и вы соудію царя имутъ на небесѣхъ». Тѣмъ же мнози
и отъ мнящихся благочестивыхъ царей, обличеніа о
правдѣ не терпаше, многихъ святителей отъ престолоъ
своихъ отгнаша; инии же пакы, во благоденствіи живуще

и во свѣтлыхъ ризахъ ходивше, во почтѣ творять, егда
возвысшася? Никакоже, ино сіа оубо вся (предъ) чело-
вѣки творяху, яко да святительства самъ (во) оунчи-
жатъ, во умѣ же вся сіа ниѣху, яко впрядьходяща и
безъ вѣсти бывасмая, подобна сіа сму. Тѣмъ же святіи,
прже бывше, сіа помышляюще, николиже хлѣба въ
сладоствіи ядаше, но и всегда помышляюще, каковыи бѣды
апостоли пострадаша о стадѣ Христовѣ, яко приени-
цы нмъ тѣхъ сановъ, тшахуса вся собою исправити,
и всегда тѣхъ гласъ баше: готово сердце мое, Боже,
готово сердце мое! Ти бо не уклониша сердца своя во
словеса лукавствіа, ниже іелея грѣшниковъ помозати
ихъ главы; тѣмъ же тѣхъ сватыхъ житія и повѣсти и
древнимъ онѣмъ списателемъ моужна бяху и неудоб-
на, яко тѣхъ подробну онѣмъ написати, ради тѣхъ
высокаго пребыванія и любовію, яко къ Богу. Ни-
вѣшняго же рода кто отъ чловѣкъ изрещи возмоужетъ
или по достоинству похвалити, иже сами ангели тѣхъ
житію оудившася и похвалиша? Понеже сватыхъ по-
хвала до самого Бога восходитъ, по глаголу Господню.

иже рече Юанъ, яко «прославляющая мя прославию», речотъ; о нихъ житіе по достоинству сказати кто возможетъ?

ПРЕЛОГЪ.

Сей бо блаженный отецъ Моисей имѣаше отечество во добродѣтели — вышній Ерусалимъ, ниже же отечество — Великіи Новъградъ, рожденъ отъ благочестива родителя отца, Филиппа именемъ, благочестива и вѣрна вѣроу, богата же и славна и добродѣтна. Извыче священнаго писанія, намлада Христа возлюбивъ, прихажаше часто во святую церковь, къ дѣтемъ играющимъ не приближаша. Сего ради вселися въ него Божія благодать: оутанувшеса отъ родителей своихъ, отиде въ Тверскую страну, и шедъ въ отроцескіи монастырь пресвятыя Богородицы, пострижеса отъ преподобнаго игумена; и пребывше тоу въ пощеніи; приуженъ бысть родителемъ своимъ и родомъ отити отуду, и прииде въ Великіи Новъградъ, во отечество свое, и вселися въ монастырь пресвятыя Богородицы на Коломцоу. Иже послѣдъ прииде ново на Коломво къ преподобному Макарію, стрыю своему, и ту въ болшии подвигъ вдасть себе, къ Богу и божественною любовію разгараяся, день и ноць поучаяся, оудручая тѣло свое; и достонъ бысть честнаго прозвѣтства, носенъ поставленъ бысть архимандритомъ отъ боголюбиваго архиепископа Давида тогоже града. Почивашу же Давыду, про изволенію Божію, причтомъ и всѣми людьми избранъ бысть Моисей на мѣсто Давида архиепископа и поставленъ бысть архиепископомъ Великому Новоуграду отъ пресвященнаго Петра, митрополита всеа Россіи, и добръ пасяше стадо свое. Собра же многи писца книжныи, назъ ихъ преписывати книги свѣтыя; созда же многи монастыря и священныя церкви, иже иконами оукраши и книгами оудоволи, и бысть обидимымъ попомъ, вдовымъ и сиротамъ заступникъ, и сильныхъ не оустыдися, наставляя оученикомъ своимъ ко спасенію. Пребысть во архиепископѣи лѣтъ

3. сииде въ монастырь, иже есть на Коломво, и поточъ на Деревяницу, иже монастырь и церковь созда. И по осминадесятихъ лѣтахъ, въ морь, преставися Василіи архиепископъ; всѣми же людьми и причтомъ оумоленъ бысть Моисей наи на архиепископство взяти. И повелѣніе же и благословеніе приѣмъ отъ Филиппа, патриарха Цариграда, и Алексѣя, митрополита всеа Россіи, пасый словесное стадо Христово, подвизався подвигомъ добрымъ противоу Стригольниковъ и благочестію оутвердивъ, по седми же лѣтахъ сииде наи въ монастырь святаго архангела Михаила на Сковоротку, егоже самъ созда; и тоу поживъ 7 лѣтъ, ко Господу отиде преже осени (осени? на) память иже во свѣтыхъ отца нашего Григоріа Богослова, и погребонъ бысть честно архиепископомъ Алоднемъ въ притворѣ святаго архангела Михаила.

Чюдо первое, о разбойницехъ, преподобнаго архиепископа Моисея.

Лѣтомъ невозвѣтъ мунувшимъ по оупеніи блаженнаго Моисея, алоди моужи со единимъ тридесите совѣщашася, глаголюще: «видемъ и разбнемъ на Сковоротки монастырь, тоу бо Моисей архиепископъ имѣиши много остави и тѣмъ хотиху калугѣри совладѣти, и у нихъ отѣмше, и оудоволима тѣмъ имѣніемъ.» И тако совѣщавшеса, идоша, и придоша близъ монастыря; ави бо ся имъ преподобныи Моисей архиепископъ, поемля ихъ по одному, обожаше по слатинѣ, тома ихъ, оставлети ихъ никогдо погрянути; и пришедъ Моисей, влячаше ихъ когдо. Егда же оутоишася зѣло, глагола имъ Моисей: «почто совѣщашася азѣ, и како смѣто дерзнути и грабити обитель мою? или во вѣсте силы испобѣдимаго воеводы Господня великаго архангела Михаила? Аще не покастеса, то всѣ азѣ азѣ погибнот.» Они же съ плачемъ и со слезами обѣ(ща)шася покастися. Преподобный же Моисей архиепископъ изведе ихъ отъ слатини и настави ихъ на путь ко граду.

Чудо второе преподобнаго Моисея архиепископа
на о Сергіи архиепископъ.

По дѣтехъ ивозѣхъ преставленія его, обладая все-
силою рукою великій князь Иванъ Васильевичъ, и
архиепископа сведе Феофила на Москву, въ мѣсто же
его поставиша архиепископа Великому Новуграду про-
тонопа бывшаго Московскаго Сергія. Идущу же ему въ
Великіи Новъградъ на обрученный ему престолъ и не-
пущае ему монастырь святаго архангела Михаила, въ
немже положено тѣло преподобнаго архиепископа Мо-
исея, вииде въ монастырь помолитися въ церковь архангела
Михаила. И совершившу же Сергію похвала ту в тогда
исходити ему изъ церкви, повѣдаша ему гробъ созда-
теля церкви святаго архистратига Михаила и монастыря,
преподобнаго архиепископа Моисея. Сергіи же архие-
пископъ, възрѣвъ на тоу сущаго пона, повелѣ ему от-
верста гробъ архиепископа Моисея. Священнику же
оубоавшуся прикоснутися ракъ преподобнаго архиепи-
скопа, отвѣща ко архиепископу Сергію: «све снѣю, вла-
дыко, дерзнути открыти мощи святителя; твоо бо есть
святительское дѣло, еже святителя гробъ отверсти.»
Сергіи же архиепископъ, слышавъ снѣ отъ пона, воз-
несеса оужонъ высоты ради сана своего, яко отъ Моск-
въ прииде, величался гражданиомъ, яко племенемъ ихъ
укори Сергіи преподобнаго Моисея архиепископа, рекъ:
«ского, сего смердіа сына смотрѣти?» И тако възшедъ
изъ церкви святаго архистратига Михаила, изыде изъ
монастыря и прииде въ Великіи Новъградъ. Бысть же
отъ того времени Сергію архиепископу наступленіе оу-
му; в смысле отступившу отъ него, възсходаше всѣ кел-
ліи безвременно и нецѣло, а не по сану святитель-
ства своего. Всегда бо прилучашеся ему единому въ ко-
ліи своей быти, тогда иссходаше келіи своей единъ, но
оболка въ мантию, и сѣдѣше при церкви святыхъ Софій,
ивогда же при церкви преподобнаго Евѣмѣя сѣдѣше.
Пробывшу же во епископѣи 4 мѣсяцъ и днѣи едъ но
здравствуйа, в тако отвезенъ бысть въ монастырь Сер-
гія чюдотворца, иже въ Маковцы. И видѣхомъ бо въ ии-

сави, въ божественномъ во Евангеліи, гласъ Господи
скіи: прииди пророка во ния пророче, изду пророчи
приметь. Проявлено же о семъ и Господьскаго гласъ
якоже иже пророка и праведника но яко пророка и
не яко праведника прииди, лишасть себо и чюи изды
и иже пророка ради и праведника ради бываемая;
иже не токмо не прииди пророка, яко праведника, и
укорити или озлобити и дерзветъ, но токмо лиша
емъ изды, и паче же и казни постраждетъ таковыи
многъ лучшии. Въ Бытѣйской книгѣ слышашъ Госпо-
да Бога, глаголюща великому Аврааму: «благословища
та благословлю и проклинаящия ти проклену»; въ ва-
дѣиіи таковое святыхъ ради оугодникъ Христовыхъ
благословищія та благословляются и презирающіи пре-
звратятся, оукоряющихъ сами оукоризну приимуть. Оу-
кори бо оукорити оугодника Христова, Моисея, ви-
де самъ Сергіе во оукоризну; никомуже въ челоуѣцѣхъ
быти достойно шарече Моисея, самъ не бысть веси
нотребенъ въ челоуѣцѣхъ, и сана не почте архіереѣ
ска на Моисея, и самъ того же испаде сана Сергіи и
по ивозѣ.

Чудо г святаго Моисея архиепископа о Новго
родци Алексѣи.

Мужъ единъ отъ Великаго Новграда, именовъ Але-
ксѣи, куплю дѣя. Прилучиша ему нѣкогда въ лодіи и
рѣцѣ Невы плыти ко граду, именовъ къ Выбору. Хо-
дѣщу же ему по лодіи, сотвори ему дѣволъ соблазнъ
свержеса съ лодіи въ рѣку, и быстринами рѣчными да
лече снеса лодіи отъ него скоро на низъ рѣцѣ. Але-
ксѣи же, не могій по водѣ плавати, погразнута хотя
ше во глубину водѣ, емляшеса за тресту руками, тон-
ци же сѣ суща, пригнбашеса и сломяшеса въ рукъ
его. На долѣ же времени томѣшуса ему и утопающу
абіе видѣ мужа, сѣдиною оукрашена доволною бра-
дою, подѣсмлюща его подъ ручѣи, довелѣже возврати
шиися лодіи, вряша его въ лодію. Тому же Алексѣю
идущу нѣкогда въ той же Выборѣ съ торгомъ со нѣи
ми лодіями, и шедшо Нѣмецѣи разбойницы, разбива

зу лодіи; Алексѣй же видѣ того же святиТЕЛЬскаго мужа на лодіи, егоже видѣ подѣкляюща его подъ рунѣ отъ воды, егда погрязнути хоташе въ Неву, донелѣже пропуща разбойницы невредившею (ему). Не вѣда же Алексѣй, кто есть явился на лодіи его, и молящеса въ мысли своей оувѣдати, кто есть спасаея его въ напастехъ? Идушу же ему вснать отъ Выбора къ Великому Новуграду, явися ему паки въ тонцѣ свѣ той же старын мужъ, избавивый его отъ утопленія прежде и отъ разбоя послѣди, глагола: «иди въ монастырь святаго архангела Михаила, егоже создахъ, и сотвори покровъ на гробѣ моемъ». И пришедъ въ са, Алексѣй возрадовася, оувидимый спасшаго его отъ утопленія и разбоя; разуми бо являшагося ему блаженнаго Монсея архиепископа. И пришедъ въ Великій Новуградъ, сотвори покровъ, на немже образъ святиТЕЛЯ Монсея вышити повелѣ, и пришедъ въ монастырь великаго архангела Михаила, благодареніе воздавъ святиТЕЛЮ Божию Монсею, и положи покровъ на гробѣ святаго Монсея, и отиде въ домъ свой, слава Бога и блаженнаго Монсея.

Иное чудодѣйствіе святаго новоявленнаго быша, ова жъ ино явлено(?).

слово похвално.

Что же прочее къ симъ, точію: дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, и ты еси Богъ, единъ творяй чудеса, иже только прославляея святыхъ своихъ; и якоже себѣ блаженный Монсей не бы въ мѣ часъ въ Христовъ иноградъ прииде, наипаче отъ перваго часа, рекше отъ юнаго того возраста, Господени день и ноцъ всѣмъ сердцемъ служивше. Понеже бо апостольскимъ стопажъ послѣдовалъ еси, и ты же священноначальникъ и пастырь Христовъ словеснаго стада, пастырь, а не наемникъ, пастыльъ церковь Божию. Избранъ бысть небеснаго царя добрыи воинъ, въ жизни временнѣй на страсти подвижася доблественнѣй, и въ божественнѣмъ оученіи преблагій, и во смиреніи превьсокин и нищій духомъ, богатый добродѣтелю, Троицы служитель, сосудъ и жилище всечестнаго тому бысть. И что возгла-

голю прочее, токмо Давидское рещи, яко Божіи державніи земли зѣло вознесошася, и свитымъ, иже соути на земли его, оудивя Господь вся воля своя въ нихъ? Аще бо оуспоша мощи святиТЕЛЯ, но дѣствіемъ вещи проповѣдуютъ, и оумолче тѣлеснымъ языкъ, но бывающая чудеса паче трубы вопиють: аще и преставися отъ земли, но на небеси живъ Троицѣ предстоиши, намъ оставилъ память честныхъ мощи, отъ выже исцеленія почерпашъ не токмо тѣлесная, но и душевная, иже вѣроу приходашимъ. О архирею прочестимый, небеснымъ жителю, преподобнымъ и правдымъ оудобреніе, иже обуреваемымъ тихое пристанище и скорбцимъ милостивное утѣшеніе, слѣпымъ вождь, старымъ жезлъ! кротокъ же и милостивъ, отче, всѣмъ былъ еси, всѣхъ яко отецъ любаше и о всѣхъ попеченіе имѣаше, и всѣмъ душевными струпами обязаше, и всѣмъ цѣлительнымъ пластырь къ тѣхъ согнѣтію прилагаше и масломъ милостиваніи помазаше. И не бо сребру и злату стяжатель былъ еси, ино въ мѣсто сихъ доброе изнѣшеніе, глаголю же прежде всѣхъ — начало премудрости и страху Господню научился и любовь къ Богу и ко всѣмъ человекѣмъ полицѣнтру стяжавъ, къ симъ же и простоту тѣлесную и душевное незлобіе, и воздержаніе о всѣхъ же и долѣ ялокущихъ, бдѣніе и пость, молитву и вѣроу несумнѣнну, и слезы и сокрушеніе сердца, егоже ради речеся: сердце сокрушено и смиренно Богъ не уничижитъ. Что же противу сему отъ Бога вознездіе приять? — лукавыхъ бѣсовъ отъ человекъ отгнаіе и недугомъ исцѣленіе: слѣпымъ прозрѣніе, хромымъ хожденіе, прокаженнымъ очищеніе, разслабленнымъ стягнутіе, слухимъ исправленіе, лишеннымъ оума съ Богомъ цѣломудріе, паче оуха глухымъ, и око слѣпымъ, и нога хромымъ, всячоскимъ — всеъ былъ еси, тѣже Христови привождъ еси. Приидежъ же и мы во всечестный празденіи великаго архирея Монсея, якованіе тому составивши въ пѣсняхъ и пѣніихъ, радующеся, вѣнчасемъ того верхъ, припадающе и молимся: молися, святиТЕЛЮ, о всѣхъ, иже честную память твою почитающихъ, избавитися отъ

врагъ видимыхъ и невидимыхъ; всѣи бо наше немощею и лѣность, всѣи же лукаваго же на насъ навѣтъ и озлобленіе, всѣи же и естество наше и оудовъ понозимо и къ лукаваго злоби текущи; отсюду же и твоея помощи требуютъ, милостивное исходатайственное о насъ къ Богу; да яко, егда бѣаше съ нами, много о насъ печашеся и промышляя намъ полезное, тако и нынѣ подзвая молитвами ти вся, же ко спасенію, прошенія: благочестивымъ княземъ нашимъ победы на противныя даруй, архиерею же, Божіа святителя, же любовію честное твое торжество сотворяющихъ, освяти и всѣхъ насъ пошлай молитвами си, же тебе ради Богови колѣнія и молитвы припосапихъ, и сію доношай ко вседержителю Богу и моли о насъ, да согрѣшеніемъ оставленіе примемъ въ день суда, и вѣчныхъ благъ сподобити насъ. И пакы къ похвалѣ оустремимся и на предлагащее изыдемъ.

Той бѣ архиерей смировъ цѣломудренъ и благоговѣнъ и нищелюбивъ, же есть отцонъ отецъ, святителемъ благолѣпіе и молитвенникъ крѣпокъ, чистотѣ рачитель, цѣломудрію образъ; ангельскимъ житіемъ на земли поживъ и въ Великомъ Новѣградѣ на престолѣ архиерейства саномъ божественнымъ почтенъ и украшенъ, восія, яко звѣзда пресвѣтлая, и бысть многимъ оупспѣхъ и многимъ на спасеніе. Мы же вѣрою и любовію припадающе, со оумиленіемъ приичюще очима и темнымъ нынѣ прикасающеся, и руками обемлюще, любезно цѣлующе раку, честныя мощи твоя, и память твою святую благочестно празднуемъ. Что оубо возможемъ тебѣ дати на похваленіе твоея наняти цѣлѣбоносима: ангела ли ты наречемъ, яко во плоти безплотно пожилъ еси? О святче Божіа и оугодниче Спасовъ, о святителю архиерею, избранниче Христова, о всечестная главо, о пастырю намъ честный и оучителю, о наказателю благихъ, оуча къ разуму божественному! Радуйся, твердое основаніе отечеству своему. Радуйся, яко пастырь истинный, полагая душу свою за стадо имянное. Радуйся, яко отъ младенства Богу поработавъ. Радуйся, яко мирская вся оплевалъ

еси и Христовъ яремъ на рамо вземъ, оусердно тому послѣдовалъ еси. Радуйся, яко врученное ти стадо добръ оупаслъ еси. Радуйся, Премудрости Божіа престолъ оукрашилъ еси и градъ свой чудесы озаривый. Радуйся, обличилъ злокозненныхъ ересь Стригольниковъ. Радуйся, святителю Моисее, Великому Новуграду похвала и всея Рускіа земли пресвѣтлымъ свѣтилице. Радуйся, священный отче, насадителю винограда Христова въ домехъ Божіа Матери, иже самъ создалъ еси. Радуйся, начинице и пособниче хотащихъ спастися Христова стада словесныхъ оводъ. Радуйся, блаженный отче, оумноживши талантъ Господеви своему. Радуйся, отче освященный, пастырю и оучителю Христова стада, сохраняя и соблюдая отъ волкъ мысленныхъ. Радуйся, извѣстный хранителю апостольскихъ предавій, отеческихъ повелѣній зъ соборъ. Радуйся, преподобно отче, же просвѣтивый страну сію чистымъ житіемъ своимъ, благочестію и страху Божію научивый. Радуйся, святителю, отечеству своему пресвѣтлымъ свѣтилице, словомъ житіе просіявый. Радуйся, блаженный отче нашъ, похвала и слава великому Новуграду и всея Рускіа земли удобреніе. Радуйся, отче блаженный, оукрашивый Новѣградъ, аки пречестнымъ оутваремъ, множествомъ божественныхъ храмовъ и священнымъ монастыремъ созданиемъ. Радуйся, священный отче, теплымъ молебниче къ Богу о благочестивомъ и христіюлюбивомъ великомъ самодержцѣ всея Рускіа земли и о благородныхъ его чадѣхъ, подати побѣду на вся враги, оумножити лѣтъ живота ихъ во благоденствіи со благовѣрными самодержцы, и направити разумъ ко спасенію душамъ ихъ, и державу ихъ миру оустроить и исполнити всякіа благодати. Радуйся, святителю Моисее миротворче, оукротивый межу собою брань, совокупивши любовь, ратующыяся прогнавши и вражебныя челоуѣки и неавиственныя бѣсы, возвеселивши блага, челоуѣколюбныя агелы. Радуйся, отче блаженне, ходатаю къ Богу о всѣхъ православныхъ христіанехъ — направити на спасительныя. Радуйся, отче священне, скорбнымъ тишиною и нищамъ заступ-

леніе, вдовицамъ и сиротамъ помощниче, старости жезлъ, юнымъ сказателю, во бранѣхъ поборниче. Радуйся, всея Рускія земли свѣтило и украшеніе. Но, о всеблаженномъ архiereю Моисее, слуго Господень, апостолу послѣдователю, ревнителю и подражателю, исправленіемъ святыхъ святителей и преподобныхъ, всѣмъ намъ молитвами твоими подавая яже ко спасенію прошенія, яже ко гробу твоему вѣрою приходившихъ, избавляя бѣдъ и недуговъ и скорбей, злбующихъ нахожденія, яко добрымъ подвигомъ подвизался еси по апостолу: теченіе скончавъ и вѣру соблюдоу, тѣже нынѣ водворившися со святителемъ и преподобнымъ, со всѣми, отъ вѣка Богу оугодовавшихъ, и нынѣ наслаждаея съ ними неизреченныя красоты и радости, яже оуготова Богъ любящимъ его. Ниѣ дерзновеніе ко Христу Богу, всесвященно, блаженно и преподобно отче, яко чадолюбивымъ отецъ носѣщая паству свою, не презри насъ, чтущихъ вѣрою и любовію честную твою и многорядную намъ, прииди посреде насъ невидимо, избавляя насъ отъ всѣхъ видимыхъ и невидимыхъ врагъ,

и скорбей и болѣзней и мучащихъ, и да не оставиши моленія яже на тя зѣ Богомъ надежду имущихъ, но сотвори находящихъ на ны скорбей прещеніе. Ей, отче, со время, еже помощи ти и печаль на радость претворити! Можеша бо ходатайствовъ си ко Владыцѣ, точно аще хочеша, предстою престолу всѣхъ Творца и Бога, о насъ грѣшныхъ моля, и всегда намъ помогати. Приемлетъ бо всѣхъ Владыка и твою молитву, яко благоугодилъ еси ему доброю жизнію своею, еже ради похвалиша тя божественніи ангели, восприимахъ ты соборнъ святыхъ мученикъ, апостолъ, пророцы, святители, преподобни и вси праведни Господни; прослави же тя Господь, яко прославилъ еси его во времена сея жизни, безконечнаго царствія своего. Егоже да не лишена будешъ и ны смиренни, сподобившися пожити въ вѣцѣ сои съ правдою и милосердіемъ. Ему же слава и держава, честь и поклоненіе со безначальнымъ его Отцемъ и съ пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПОВѢСТЬ

О ЕВФИМІѢ, АРХІЕПИСКОПѢ НОВГОРОДСКОМЪ.

Въ началѣ марта въ 11 днѣ.

Житіе свѣдѣніе во святыхъ нашихъ прославленныхъ

АРХІЕПИСКОПА СВЯТАГО НОВГОРОДА ВЛАДЫКИ ВУФАНІА.

Преставился мученикомъ Вуфаніе въ лѣто 1000. Благословенъ, отче.

(Сербской библиотеки № 1402).

Поможо оубо онѣмъ великимъ і божественнымъ мужемъ, иже и еще отъ чрева матерна освещены, иже архіерействомъ навослѣдокъ отъ Бога почтенныхъ (и) и наставницы чловѣковъ бывшеи, и многихъ ко спасенному пути направившеи, мнози бо отъ нихъ и велики бѣды по церкве отъ нечестивыхъ приаша, о вручонной тѣмъ пастве некущиса, како и кониъ образомъ отъ еретикъ соблюсти тѣхъ неврежденныхъ, тѣмъже нынѣ съ мученики и выше мученики. Вѣдѣни и нѣхъ, иже по тѣхъ бывшихъ, архіерей жъ і святитель, иже при благочестивыхъ царехъ бывшеи, яко нѣхъ — и въ благоденствіи живущихъ и ни отъ когочъ ругаемы, но сами себѣ ратници бѣаху, видяще несправедная отъ царей и отъ вельможъ дѣшая, видяще и сироты потязаемы, грабленія и хищенія. Они бо тогда не терпѣше, царей обличаху, еже на восмищеніе не желати і еже разумѣти, яко и тѣи вышо себе царя імуть и судию на небесехъ. Тѣмъже и мнози отъ мнѣющихся благочестивыхъ царей, обличенія о правдѣ не терпѣше, многихъ отъ таковыхъ святителей отъ престолѣ своихъ отгнаша, яко

же и великаго Златауста і нимиъ многихъ; іиѣи жъ накіи въ благоденствіи живущо, или во свѣтлыхъ ризахъ ходяще, но что творять, егда о снѣхъ возношахуса? нікакоже; но сіа оубо вся чловѣкъ ради творяху, яко да святительства сая не оуничжаша, во оумѣ же вся сіа імаху, яко проходящая і бозѣ вѣсти бывшая, подобно снѣи и сну. Тѣмъже святіи иже прежде бывши, сіа помышляюще, николиже хлѣба въ сласть ядуще. во всегда поминаху, каковы бѣды апостоли пострадаша о стадѣ Христовѣ, і яко приемницы тѣхъ сановъ, тѣахуса вся собою исправити, и всегда тѣхъ гласъ баше: готово сердце мое, Боже, готово. Нібо тѣи оуклонивша сердца своя въ словеса лукавствія. иже елѣи грѣшникъ показа тѣхъ главы. Тѣмъже тѣхъ святыхъ житія же и повести і древнимъ онѣмъ писателямъ нужна биху и не оудобна, иже подробну онѣхъ написати, ради тѣхъ высокопробыванія и любви еже къ Богу. Именешиаго же нашего рода кто отъ чловѣкъ изрещи возножетъ, или во достоинству похвалити, иже и сами аггелы тѣхъ житію оудившася и

возвалиша? Но повесе святыхъ похвала обыче на са-
мого Бога восходати и превозносити.— и въ лѣпоту:
зирславляющая бо ми, рече, прославлю.»

Отнюдуже иже во истинну выиѣ похваласмый все-
свѣтлую выну намъ настоящаго слова прележитъ и
основанію начало прияти хочеть, иже древиниѣ овѣиѣ
архиреемъ святителемъ истинный ревнитель, досто-
хвалый бывшій архиепископъ великаго Новграда,
блаженный Евфиміе, да глаголется. Но сія оубо не
своиѣ иѣкиѣ мудрованіемъ дерзавухъ написати, но
повелѣиѣ быиѣ того престола присинникомъ, архиепи-
скопомъ Великаго Новграда владыки Іоны, иже по
вѣиѣ судомъ Божиимъ і избраніемъ же Божиимъ і че-
ловѣческимъ престолъ той церкви сватыа Соѣиѣ пра-
вѣ сѣдержашаго, иже бѣ ему и при животѣ искрепій
другъ; тѣиѣже любовию еже къ блаженному аскотъ,
сіа ниѣ повелѣ. Азъ жъ, помощи Божіа прося, святаго жъ
і приснопамятнаго отца боговѣщателяныхъ молитвъ, къ
иже но Бозѣ живущимъ дѣлателемъ опаснымъ слово
прострохъ къ повѣсти, яко да не умолчано будетъ пра-
ведное, иже забвѣнію предава будетъ истина, паче
же не предъ многими лѣты бывшее, во на обѣшью
пользу предложити, якоже явятъ выиѣ.

Сего оубо блаженнаго Евфиміа родителеі Великаго Но-
вграда бѣяху, отца Михил именовъ, служитель святаго
Феодора, и жена его Анна иконоиѣ, законно тому спраже-
на і законно живущиѣ, но чадъ не имяху, і о семъ не ма-
лу печаль имущи, тѣиѣже начаша Богу молитися, паче
же пречистой Богоматере, разрѣшити тѣхъ неплодство.
И повесе молитву тѣхъ Богу оуслышавшу, зачастую и
родиста сего божественнаго отрока, и по рожденіи того
крестивша и во имя Отца и Сына и святаго Духа, и
наречеша имя ему Іоаниѣ. И еще же ему въ поло-
нахъ сущу тому, принесоша и родители того въ
церковъ, і дѣже бяху и молилися о дарованіи чадъ, і
предъ иконою матере Хрстовѣ отрока повергше, і ро-
коша: «се, царице и владычице, еже ты даровала еси
намъ, сіа тебѣ приношаемъ; еже бо изрекоша въ по-
чали оустны наша, сіа тебѣ радостію воздаемъ, яко

владычицы и царицы; ты же соблюди его, якоже ты
сама восхоцшиѣ. і повесе яко младенцу сущу і не-
могущу безъ матери бывшу, иаки относимъ бываеть
материю свою въ домъ. Также божественною благодатию
свѣтине отроку растити и времении пришедшу, вданъ
бываеть оучити божественнымъ книгамъ; тѣиѣже то-
му свѣтине писаніа изыкшу, обыче же во иныѣ не
оупражнитися, развѣ иже въ божественная ведущихъ.
Досиѣвшу же къ іже пятинадесятиѣмъ лѣтомъ воз-
раста, любовию божественною возгорѣся, восхотѣ от-
рощиѣ мирскаго пребываніа і быти инокомъ, сему не-
вѣдущу, на что бышо позваніе его; сего узволеніе та-
ково, Бозъ же свыше зрише хотицая быти отъ него
напоследокъ, яко и збышася въ свое время, якоже явятъ
выиѣ.

О монастырѣ иже на Вижницѣхъ.

Преже иѣкиѣ немногихъ лѣтъ инокъ иѣкій Евро-
синъ именовъ, і выиѣ инокъ Игнатіе и Галактионъ,
по Бозѣ живуще, помыслиша мира оудединитися и
иѣсто изобрести, тамо прочее жити. і изобрѣтше иѣ-
сто, Вижница зовомо, лѣтъ точию имущи и блага і
ино ничтоже, якоже привдоша до иѣста того, слы-
шаху благоуханіе иѣкоо въ иѣсте томъ и помыслиша
не просту быти вещь, но паче иѣкоо Божіе свотре-
ніе; тѣиѣже ту и колѣи вѣдрузивше, таже и домъ
молитвенный, сирѣчь часовню во имя святаго архирѣиѣ
Хрстова Николы. Приде же къ нимъ иѣкій священ-
никъ Пиминъ именовъ, хотя сѣжителствовати тѣмъ.
Тѣиѣже согласившеся, воставиша церковъ древану во имя
того же чудотворца Николы, и тако бѣяху живущи пу-
стыннымъ житиемъ. Многу же примяху отъ тамо су-
щихъ жилецъ, паче же отъ вельможъ иѣкоого, за еже
не хоташе, еже быти ту инокомъ; во сіа вся отъ вра-
жня наѣта бяху. Но чудотворецъ Николае, иже ни-
гдѣже не оставяеть своему храму скудну быти вѣрюю
того просящихъ, тѣиѣже всячески питаше тѣхъ; воль-
ноже тому, иже близъ монастыря того житію имаше,
сему оубо иѣкій струпъ золъ изъ нозѣ родися, и отъ

того много страдаше, тѣмже святому Николѣ начать молитися, и тако исцеленіе получи. По силѣ же прииде въ монастырь і тако помолвися, и предасть село святому монастырю, иже есть и до нынѣ близъ монастыря того. И оттоле велию вѣру стяжа къ святому мѣсту святаго Николы. Тѣмже благодатию Христовою и помощію святаго Николы начать множитися мѣсто то.

Предреченный же Пиминъ той первый священникъ і игуменъ мѣста того бысть. Къ нему же, по смотренію Божію, и сей блаженный отрокъ Іоанъ прииде и молить его, еже возложити на нь інокескій образъ; игуменъ же Пиминъ, яко видѣ того яко отъ Бога того послана, пріять, и въ аггелскій образъ того облоче и нарочо ния ему Евѣмію. Сно же по безъ Божия воля быше бываемое, но наче оного промышленія быше дѣло, яко да наче его ради прославится мѣсто то, якоже и бысть во времени. Таже тому нѣкоо время въ монастырѣ живущу, всемъ повинующеся, настоятелю свосему и братіи, яко иноземъ дивити і похвалити, наче же въ таковой юности многолѣтний разумъ; тѣмже и отъ сего всѣмъ и преже пастырскаго строевія пастырь позавашеся и преже съвершеннаго возраста начални ва чинъ на негъ видяшеся. И сему тако бывающу, Симеонъ архиепископъ, слышавъ о немъ, и призываетъ его къ себѣ, и видѣвъ того благое произволеніе и доволна въ слово нгъ, въ смыслѣ возлюби его зѣло и казначія церковному члѣнію того оустраетъ, аще тому и не хотящу монастыря отлучитися. Сѣй оубо первый казначей во иноцехъ бысть, якоже и гѣно есть: преже бо того въ дровнихъ вси казначей миряне бяху. И тако сему бывающу и вся добрѣ правящу, держася своего перваго подвига і иноческаго правила ничтоже остави, якоже и преже, егда въ монастырѣ быше, ижео ваки возвысився оумомъ, занежъ въ таковой власти си, но тако соблюдалше цѣлю своего снпренія любомудріе. По силѣ же нѣкнхъ лѣтомъ пршшедшихъ, и владыка Симеонъ къ Господу отходитъ, добрѣ оупнасъ церковь, прииде къ вѣчному блаженству.

Посемъ возведенъ бысть на архиепископство Евѣ-

міе, Казначей же Евѣміе, о немъже на нь слово, отходитъ въ монастырь святаго Спаса, иже и Хутино зовомъ, и тамо житіе нмаше.

По семъ же времени старцы монастыря Пречистыя, иже на Лисичи горѣ, молбою возведоша того на игуменство въ свой монастырь. И тамо ему бывшу настоятелемъ, всѣмъ образомъ доволенъ быше къ наказанію, всѣхъ бо миловаше и всѣмъ купно честь дааше. По сихъ же временехъ архиепископъ Евѣмію, оставль нынѣшній вѣкъ, къ вѣчнымъ обителемъ мирно прѣиде.

По семъ же всенародное иножество Великаго Новогграда, возлюбивше Евѣмію возвести на владычскій престолъ, тѣмже и въ жребій того поставиша, не видяше, яко той отъ юности на сие званъ быше; якоже и пишеть въ пророцѣ: и не съдѣланное мое видѣста очи твои; сія, яко мню, глаголетъ: ещо и несбывшая и хотящая быти въ человекѣхъ, злоба или добродѣтель, сіе глаголетъ: и съдѣланное мое видѣста очи твои. Тѣмже како можетъ человекъ пріяти, еже не дано ему будетъ свыше? Апостолу же глаголющу, яко всяка власть отъ Бога поставляется; сія о семъ тако. Тогда бо, якоже преже рѣкомъ, всенародное иножество Великаго Новогграда, священныхъ ликово, жребія запечатлѣше і въ великую церковь Премудрости Божіа приясно, и на престолъ положивше; но тогда еже о жребіи — человеческое баше, а еже кому будетъ содержати таковой высокій престолъ — Божіе быше бываемое, якоже изволеніемъ Божіимъ судимъ Евѣмію въ жребіи бысть, еже тому содержати престолъ; и съ радостію текоша къ блаженному, и того честно въ домъ премудрости Божіа възведоша на самую память Иоанна Златоустаго, много тому отрицающуся и нехотящу, наче же и не достойна таковому сану шарцающа. По елма суду Божію не могущу противитися, тѣмже вси тогда о немъ радовахуся, видящо вси достойна того таковому величеству; но обаче тако тогда въ преподобныхъ члну пребываше, митрополиту тогда не сущу.

Пршедшихъ же чотыремъ лѣтомъ или иножае, отходитъ въ градъ Смоленскъ, митрополиту тамо тогда

сущу, и тамо съвершонный санъ архіепископства при-
емлетъ рукою пресвященнаго Герасима, митрополита
Кіевскаго и всея Росіи. Иже тамо премудростию и ра-
зумомъ всѣхъ оудиви, яко и самому тогда митрополиту
оудивитися и похвалити того разумъ. И сему тако бы-
вающу, пакы съ великою честью въ свой Великій
Новградъ возвращается и тамо съвершено приемлетъ
свой престолъ. Яко видѣ тогда себо въ таковыхъ во-
лицемъ сану, множако подвига касашеся наче перваго,
вонмышляя реченное: емуже дано будетъ много, мно-
го і възмщется отъ него. И сего ради тщашеся не въ
тридесять или шестьдесятъ, но и во сто плодъ приве-
сти по евангелію. Первіе бо, егда не быше въ тако-
вомъ величїи святительства санѣ, тогда о единой ду-
ши своей печашеся, нмнѣ о многихъ потреба есть
вещица, и како съ доразовенїемъ рещи къ владыце:
се азъ и дѣти, еже ми далъ еси; сія же (и) иная многа
вонмышляше любомудрая она душа и многа смущенїя
быву въ того сердца, но вся на Бога возлагаше, иже
и надежи не погрешаше.

О милости блаженнаго Евфимїа.

А еже о милости—ни вси разумѣютъ по вся дни
творимая, таковая же и сердечная, иже по вся дни
творимая, Богу единому и тому свѣдома, не вѣиъ же,
аще і нмнѣиъ. Отъ странныхъ же или отъ туждихъ
странъ приходящихъ—всѣхъ любовно примаше, всѣхъ
оупокоиваше, всѣхъ по достоинству миловаше; Авра-
ана бо страннопрїица подражателъ быше, і никтоже при-
шедшій къ нему отиде оскорбленъ; глаголаше бо въ мы-
сли своей: не моя суть, но вся Божїа. І не токмо жъ
сія едина въ Новѣградѣ бываху, но наче рука его
быше простерта повсюду давнїемъ не токмо до Кон-
стантинова града или Святыя горы, но и до самого Не-
русалима и далѣ. И просто рещи: быше бо око слѣ-
пнннъ, но Неву, и оухо глухннъ, и нога хрохннъ и
всѣиъ всаго. О постѣ же и о воздержанїи того не-
множно есть исповѣдати. Въ таковыхъ бо молвахъ и
чирскихъ мнѣжахъ никогдаже ничтоже ни мала пра-

вила погрѣши, а еже иѣчто мало ради градскихъ молвъ
не поситѣвашеся, но воци пришедши наче оусугубова-
ше; нмнѣише бо всегда блаженный обычай до часа за-
оутрени все свое ноцное и дневное славословіе отиѣти,
по снхъ жъ самъ въ церковь первїе обыче обрѣташеся;
въ святую же чetyрдесятницу всю первую недѣлю,
рекше Федорову, ничтоже влождаста во оуста его да-
же до суботы: въ прочая же недѣли чрезъ день ядѣ-
ше и сія не до смтости, крохъ суботы и недѣль. Сїе же
правило съблюдаше и въ прочая посты, глаголю же:
верховныхъ Апостолъ, Оуспенїю Пречистыя и святый
постъ Христова Рождества. А иже посредѣ тѣхъ раз-
рѣшенїе дни, и въ тѣхъ съ опасенїемъ вса твораше,
въ астіахъ же и питїахъ; правилу же келейное, отис-
же на престолъ възде, въ постъ же и прочая дни
ничтоже викако оумали.

Начать же и Божимъ церквамъ прилежати, обет-
шавшихъ обновля і нмнѣиъ же отъ основанїа новнхъ
въ славу и честь святыхъ подвижая, но еднну или дѣиъ;
но много множество. Иѣчто мало отъ великихъ. При-
иди къ великому храму Премудрости Божїи и возведи
обрестъ очи свои, и тамо видиши пресвѣтлыи храмы
святыхъ яко звѣзды, или горы стояща, иже отъ него
сздаваемы. Аще и не гласомъ—вещици же вопиютъ и
свою красоту по разннству повѣдающе, яко воци рещи:
сія архіепископъ Евфимїю дарова ми; иная же церкви
яко хвалашеся и свое благолѣпїе являюще, вещнми гла-
голетъ: смнъ мене украси; иная же приглашастъ той,
вещнми глаголетъ: и мене отъ основанїа воздвиже; храмъ
же великаго Іоанна Златоустаго, высоко стоя, иже отъ
него сзданныи(и), и яко рукою того благословляетъ,
глаголю: понеже храмъ воздвиже на земли, азъ оумолю
Творца—храмы тебѣ даровати на небесахъ. Великій же
храмъ Премудрости Божїи, яко градъ царя великаго, по-
средѣ ихъ стоя, иже многими лѣты обетшавшъ, его же
той обнови и въ прежнее благолѣпїе обнови и многи-
ми добротами і иконами украси, яко перстомъ того по-
казуетъ, глаголю вещнми къ нему: се оубо красота моя и
похвала церкви—Евфимїе великій! Иже отъ него сздан-

иже, яко похвалялся имъ къ Богу, о немъ глаголетъ: се азъ и дѣти, еже ми даде еси! Тѣмъже иже ту сущи церкви, яко старѣе и честивѣйше и выщие похвалу воздающе, яко матере и царици, иже въ себѣ такова святая стяжавши, таже і архіепископъ Евѣніе, яко, посредѣ ихъ стоя, недоумѣлся, что противу рещи, рудѣ въздѣвъ къ высотѣ, глаголетъ: Господи, возлюбихъ благоулюбіе дому твоего и мѣсто вселенія славы твоея! И тако оубо вси въ едино съгласіе того похваляютъ.

По семъ же блаженный Евѣніе помысли полату каменну въздвигнути; занеже первіе древяни быху и ивогяды отъ огня поядася, а сего ради възхотѣ каменно сотворити, но за еже кое свое пристрастіе имѣти, но своя ради памяти і иже по немъ хотящихъ быти и тѣхъ ради оупокоснія. Имаше же и духовна нѣкоего инокъ казначей, хитра суща и художна къ того умышленію, Феодора именовъ, яко того мною велика предъ Богомъ, егоже и самъ архіепископъ свидѣтельствоваше истина чловѣка Божія быти; глаголютъ бо о немъ, яко вся, елика притяжанія того быху, рекше уроки или дары, сія вся въ руки нищихъ даше и на аже церквамъ; якоже прежде рѣкомъ, блаженному Евѣнію того Феодора художна къ замысленію видѣвъ, призываше і того къ замысленію даяніа; тѣмъже блаженный Евѣніе, създавая палаты пречюдны, аще и гдѣ видѣ преходы нищии и врата подобны градскимъ улицамъ, овы тамо, ины иже ивно, овы горивѣйши і ины же долѣвѣйши, она предняя, иная же средняя, иная же ивно, но оубо сия писаніемъ сказати немощно, аще не самъ искоу съ наоучитъ, иже своимъ очима видѣвши; шария же и подписанныи оукраси ту, і не сія едины, но много иныхъ; таже и келія къ оупокоснію иже тамо инокомъ, иная же руководильникомъ; поварню же и хлѣбню и вся по ряду каменно суща устрои; такоже и столпъ каменнъ зѣло высокъ, посреди сада своего на высотѣ мѣсте въдрузивъ, ічущъ и часы верлу велич предвны, иже весь миръ оглашають; иная же многа и неизчетна его даяніа, елика не мощно исповѣдати.

Елма же нужно быше и въ такомъ оуставленомъ святительскомъ саибѣ, за еже съгрешающихъ по исправляти, за еже Павла послушаще, глаголюща: наоучи, накажи и запрети, рекше: наоучи первое кротостію, и аще ты не послушаешь—накажи и запрети, да не кля исправится. Такоже же в блаженный Евѣніе оучаше и непослушающаго запрещающе, оусты яко гнѣвався, сердцемъ же о нихъ молящеса, да (не)кля Богъ обратитъ ихъ. Аще бо мѣщии, иже богатствомъ и савномъ велицы, законопреступно дѣяти хотяще, зѣло тѣмъ запрещающе; паче же о брацѣ, иже незаконно съвокущѣшеса. Аще ли же нецѣи моленіемъ или даяніемъ или пакы нѣкими народными мольбами хотяще того оутолити, еже тѣхъ не обличати, иже запрещати, никтоже никакожъ възможе въ немъ сія избобрѣсти, но до того еже исправится. А еже вѣдаше непослушающа, праведное на Бога судъ възлагаше, и Богъ сія по того воли исправляше; разумѣють же иже искусъ сивъ въдущимъ. Имаше же и себѣ обычай блаженный Евѣніе, еже часто посѣщати монастырь, въ немъже второе духововъ породися, рекше, въ немъже пострижеса, Вежница зовомо; и помысли церковь каменну въздвигнути, еже и сътвори: въздвигъ бо церковь зѣло красну во ния того же чудотворца Николы и всяческими добротами и подписанныи украсивъ і иконами же; быше бо ему обѣщаніе, еже и во своемъ преставленіи тамо положову быти въ томъ монастырѣ. Вѣра же его къ святому тому мѣсту зѣло превелика; даяніа бо того или даяніа помощю исповѣдати, навпаче елика отъ священства или отъ оброка святительска тому приходжду. Болари же і вельможи Великаго Новаграда и всенародное ивожество, видяще того таково вѣру къ святому мѣсту архіерея Николы, тшахуса всячески порезновати тому милостынею и приношеніемъ.

Прешедшимъ же инокимъ лѣтомъ, видя себе отъ старости изнемогша, разумѣваше непомощъ еже къ Господу свое отхожденіе, тѣмъже и подвига большаго касашеса; желаніе же воле имаше: аще мощно, при своемъ животѣ въ томъ же монастырѣ въздвигнути цер-

ковъ телую вкупѣ со трапезою святому возлюбленному апостолу Христову Іоанну Богослову. Тѣже и въскорѣ зодѣчи събравъ, дѣлу касатися велаше. Егдаже онъ начинаше, Богъ же тому много паче сѣшаше; начатъ же въ постъ великій, пришедшу же пресвѣтлому всемира възкресеніа Господа нашего Іисуса Христа празднику, братіа тогда ядоша въ трапезѣ той, аще і не съвершена баше. И повежо похалѣ помощію Божию и молитвами апостола въскорѣ и церковь съ трапезою съвершена бысть, восхотѣ же и подписати ю; но изграфн, рекше писцы, възбраниху тому, глаголюще, яко еще гдѣ или множао немощно есть писати, дондеже всхнеть. Онъ же викакоже тѣхъ слушаще, но повелѣ дѣлу вскорѣ коснутися, еже и бысть. Только бо желаніе имаше еже съвершитися церкви и трапезѣ, елико и Бога молити, глаголя: Господи вседержителю, даруй ми поне единъ день видѣти церковь възлюбленнаго твоего съ трапезою съвершившюся, и тогда, якоже хоцещи, сътвориши. Богъ же колелія того не презри; только бо въскорѣ подписана бысть церковь и трапеза; тѣже и на самое съшествіе Святаго Духа и на память Іоанна Богослова и настеры, вся съвершивше, прочее и въ домы своя отъядоша. Блаженный же Евфимію яко приде въ монастырь и видѣ церковь же и трапезу съвершившюся, что не хоташе отъ радости сътворити любонудренна она душа, только бо възрадовася отъ всего сердца, елико отъ радости и слезамъ отъ очію его истекшимъ, глаголюще къ Богу: благодарю тя, Господи чловѣколюбче, яко не остави прощеніе мое, раба твоего, но сподобилъ мя еси, яко мой творецъ и владыка, еже отъ многа желанъ видѣти, сіа видѣ днесь своимя очима! Только бо церковь святаго Іоанна Богословца прекрасна съ трапезою поставленъ, а подписании удобренна, елико довольно очи зрящимъ услаждата. Сътвори же пресвѣтлый и многорадостный тогда праздникъ, братію же и всѣхъ довольно учредивъ, и милостивно многу дастъ: только бо тогда веселіе баше въ того души, елико ни во всей жизни того.

Гдѣту же тому пришедшу и зимѣ наставши, обычай

же пѣлшше блаженный Евфимію: егда приходяще великій постъ страсти Христовѣ и възкресеніа, отъходяще отъ града марскихъ ради чолѣ и въ монастырь святаго Николы, иже на Вижницѣхъ, приходяще и тамо вервую недѣлю, рекше Федорову, съвершаше и пакы по свершеніи недѣли въ градъ возвращашеся. Но понеже Федоровѣ недѣли пришедши невѣхъ како случися, еже не ити тому въ свой обычный монастырь, или заеже иѣкоторого ради неусѣла или пакы по смотренію Божию, яко да отомоудже позованъ баше на таковой высокій самъ, пакы тогда тако чиста съ душою Господеви предасть, еже и бысть. Пришедши бо недѣли, отъ неаже постъ начинается, тогда же, въ тую недѣлю, якоже обычай есть цѣловати съ прощеніемъ быти всѣмъ православнымъ, тогда бо дѣти его, посадники и боларе и все множество чловѣкъ нарочитыхъ, Ігумени же и священницы и прочіа, яко ииѣти видаше, еже кому въ тѣлеси жива (не) видѣти того, вси цѣловаху того и вси прощенія прошаху; вкупѣ же и той, яко чадолубивый отецъ, всѣхъ прощаше и милостивно учаше—елико мощно въ чистотѣ проводити святый постъ, паче же и пинства удалитися, отъ негоже вся алая начинаются; многа же иная изрече въ тѣхъ спасенію. Прочее же, вечеру приходящу, конечнее, паче же послѣднее, изъ града изыде, всѣмъ миръ и благословеніе послѣднее оставъ, прочее къ монастырю градаше; тѣже и вси того срътающе, яко бы вѣдуще того преставленіе, вси кланяющеся, прощенія прошаху; той же благословашо и прощенія сподобляше. Пришедшу же ему въ монастырь Пречистыа, иже Лисича Гора зовома, и тамо братію довольно учредивъ и всѣмъ прощеніе и благословеніе давъ и отъ нихъ прощеніе пріимъ, отходитъ въ келію свою; и тамо тоя недѣли постящуся и на соборное пѣнію ходящу, и тамо тоя недѣли въ недугъ телѣсный впаде. Разуиѣше же того вси болѣзненное зѣло умилсно, ииэху сіа жалостно; и уже часу приходящу, всѣмъ благословеніе и прощеніе даше и отъ всѣхъ самъ прощенія прощаше. И не баше тогда въ немъ въ исходѣ видѣти

что скорбно, но тако радостно, якоже и҃ции, иже
никогда времена въ туждихъ странахъ бывше и пакы
хотяще прити въ своя отечества, радуются, тако же
и сей, еже разрушитися телѣснѣмъ съзъ, радоваше-
ся. Таже святыхъ и прочистыхъ таинъ причастився и
хвалу Богови о всѣхъ воздавъ, и тако честную и свя-
тую душу свою миру же и тихо Господеву предаеть
и҃сѣнца марта въ 11 день часть 11 пощн, нась церковь
Божію добръ же и правъ лѣтъ 11 и и҃сѣць 11. Пзлия.
же ся тогда и҃кое благоуханіе тамо; и понеже яко-
же обычай есть о вреставльшихся сѣтворити, обрѣ-
тоша на немъ вервги тяжки того облажена, подобна
слизю; сего же никтоже въ жизни его на немъ не
видяще; видѣше же вси, и прославша Бога.

Слышано же бысть всюду множеству Великаго Нова-
града блаженнаго преставленіе, тѣже собратае много
множество тамо, игумена же и священники и прочее.
Вся путіе, иже къ тому монастырю водущи, рѣчнѣмъ
быстринѣмъ подобяхуся; вси скорбаху и вси тужаху,
настыря отщенившеся, отчое разлученіе не терпяще.
Тѣже оттуду по того завѣщанію честнаго его мощи
со славою и любовію вземше, въ превеликую церковь
Премудрости Божіа того принесше и псаломѣнїемъ и
надгробными и҃сѣнцѣ, яко отца и настыря, почетше,
таже оттуду, якоже самъ повелѣлъ баше, вземше того
честнаго мощи, въ пречестный монастырь архіерея
Христовъ Николы принесше въ свое ему востриже-
ніе, иже Вежица зовоно, и тамо такоже псаломѣ-
нїемъ надгробными почетше, въ своенъ тому уготова-
ннѣмъ мѣсте честно положиша, уже желѣзное, иже на
немъ обрѣтоша, иже много лѣтъ на своенъ тѣлѣ но-
силъ баше, верку гроба повисываше; отъ него жъ мно-
га и различная исцеленія молитвами святаго бывають,
начеже иже студеною болѣзнію страждущихъ, якоже
и явнѣ послѣда.

Блаженный бо Евѣнїе прежде своего преставленія,
яко видѣ себе болѣзнію одержима, посылаетъ къ пер-
вопрестольнику Іонѣ, митрополиту Кіевскому и всея
Росїи, благословенія ради и конечнаго прощенія. И

тако посланному првшедшу, и са же ради вины при-
иде, и сіе получивши, первопрестольникъ же, написавъ
своею рукою прощенную грамоту, посылаетъ съ мѣю
и҃богого священнопопика Евменіа именовъ, повелѣвъ
тому, прочетшу посланіе, въ руки тому вложить. По
тому тогда не поспѣвшу и уже шестнадцатнѣмъ днѣмъ
по преставленіи блаженнаго Евѣнїа приходшихъ, при-
ходитъ Евменіе въ монастырь, въ немже блаженный
положенъ баше, и открьвше гробъ, обрѣтоша тѣло
блаженнаго отца свѣтла суца и цѣла і ничтоже не-
тлѣнїа пострадавша, но яко жива или спаша, показуя
душевную его чистоту и еже отъ Бога возданіе, но
и рука его десная яко, и живому тогда суцу, баше
благословища видѣти. Тѣмъже и посланный отъ пер-
вопрестольника удивися о семъ и рекъ: «се разумѣхъ
востанну, яко и еще съхраняеть Богъ Великій Новъ-
градъ и святое мѣсто сіе молитвами сего сватителя.»
Тѣже посланное посланіе благословенія и прощенія
прочетъ и въ руку того положивше, пакы гробъ за-
крывють, дивящися преславному чудеси. Тако убо
сія о семъ.

Но понеже обыче Богъ прославляющнхъ того просла-
вити не токмо въ животѣ, но и по преставленіи, якоже и
сего блаженнаго Евѣнїа въ животѣ прослави и стращаа
къ непокоривымъ показа, но и по смерти того просла-
ви чудосы, якоже явнѣ писаніе мало отъ многихъ.

Игуменъ того жъ монастыря Варлаамъ именовъ. Се-
му случися студеною болѣзнію одержиму быти; и тако
сему страждущу, приходитъ къ гробу святаго, и по-
молився и того снмъ желѣзную на себе возложивъ,
и абіе болѣзнь преста и бысть здравъ, благодать воз-
даа Богу и то го) угодику блаженному Евѣнїю.

Нажѣ пакы и сіе чудо забвенію да предано будетъ,
иже святымъ сдѣланное. И҃кій болгаринъ Матеѣй име-
ннѣмъ имаше сына Іванна зовоно. Сей Іванъ баше
главною болѣзнію одерживъ; і уже тому тако три
лѣта страждущу и никомуже могущу того исцѣлнти,
пришедши же въ монастырь, идѣже блаженный Евѣн-
нїе лежаше, и святому Николѣ поклонився и (у) гроба

блаженнаго Евфимія бысть и скину желѣзную на себе возложивъ, и абие помагъ болѣзнь престаше и бысть здравъ, яко николиже болѣвъ; отъядо въ домъ свой радуся, благодаря и слава Бога и того угодникъ, Николу же и Евфимія.

Митрофанъ келарь той же обители, въ нощи снящу и хотящу встати къ заутреннему славословію, абие обрѣтеса нѣтъ и не могій ничтоже глаголати, паче же и все тѣло его немощно башо. Слышавше же братья, придоша на пощещіе. Онъ же, ничтоже могій глаголати, бѣды своея плакаше. Пребывшо же ему весь день въ болѣзни той и безъ гласа, токмо рукою показаше, і ничтоже разумѣваху, что хочеть; и вечеру приходящу, братья вса болѣзноваху, занеже по малый служитель башо монастыря того и въ рукахъ все баше, аще серебряное, аще ли что иное; и снѣзь оубо въпрошающіиъ того, онъ же ничтоже могій проглаголати, рукою показаше къ гробу, идѣже блаженный Евфиміе лежаше. Снѣзь не домыслиащися, и онъ на гробъ святаго и на главу показуа; братья же оувидѣша, яко скину желѣзную святаго Евфимія велѣтъ на себе возложити; тѣмже яко приносяша къ нему, онъ же съ великою вѣрою на себе возложивъ и много молиствовавъ, къ святому моляся, и абие оуснувшу ему и възбнувшуся ему, обрѣто себе здрава і ясно глаголюща; и тако благодать въздаша Богови и того оугоднику блаженному Евфимію.

Нѣкая жена отъ парочитыхъ, Евфросинія именовъ, нѣтъше дщерь дѣву сущу, Александру именовъ, иже боляше та Александра болѣзнію студеною. И тако ей не мало страждущи, мати ея посылаетъ съ служащими ея въ монастырь святаго Николы, идѣже блаженный Евфиміе лежаше. Пришедши же ей въ монастырь и святому Николу поклонившися и оу гроба святаго поповившися, пришедши на ню тоа болѣзни, тогда възлагаху вериги блаженнаго на шея ея, і абие болѣзнь преставшо, по снѣжь же исцѣленію приѣмши, възвратися здрава въ домъ свой, хвалаца Бога, святаго же прославная чудеса величающи.

Захарія же нѣкто именовъ, служай архиепископу Великого Новаграда владыце Іовѣ, и сему такожь случися студеною болѣзнію одержину быти мѣсяць 5. И сему тако страждущу на-долѣтъ, приходитъ въ монастырь, въ немже блаженный лежаше, и тамо помолвшуся, абие болѣзнь преставше; и въ монастыри 5 дни пребывшу, прочее хотяше къ граду отъйти. Игумени жъ и братіиамъ глаголющихъ ему еще въ монастыро быти, оному же не послушавшу, прочее къ граду отиде. И близъ града ему бывшу, язду ослушанія пріять: пакы студеныя болѣзни пакы нападши пачо перваго. Тѣмже пакы возвратися въ монастырь и чудотворцу Николу поклонився и вериги того на себе возложивъ, і благодатию Христовою, помощію же святаго Николы и молитвами святаго Евфимія, бысть здравъ; і милостыню дастъ монастырю, съ великою радостію въ градъ возвратися, хвала и слава Бога и того оугодника блаженнаго Евфимія.

Многая же іная исправленія, того блаженныя душа бывшая и бывающая чудеса повѣстемъ достойная, ова явленная, ова же не явленная, Богу же обоа вѣдома. Но что къ снѣжь речемъ? Како возможно по достоинію того похвалити, иже не смотрѣнію Божию на се званнаго, первенца быти во множествѣ братіи, служителя того престола, по апостолу: его же Богъ прежде нарече, и призва, а иже призва, снѣжь оправди, а иже оправди, снѣжь и прослави? Къ снѣжь же что речемъ? Аще Богъ того оправди и прослави, достонѣть же и матъ любовію того похвалити, а еже по достоинству того похвалити не достигаемъ, по малымъ нашимъ словесы къ того величествію похваленіе елико по снѣжь приносяще, молимся, еже наставити, по обѣщати отечество свое, градъ же и люди и нѣсто сіе святое, егоже ради много потрудиа, и якоже егда въ живогѣ баше съ нами, о насъ печалися, промыслиа наша полезная, снѣжь же потщися и отъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ избавитися, вѣси бо, елико на насъ козни тѣхъ, вѣси же и нашу лѣпность і небреженіе, вѣси же и немощеніе, но ты, яко чадолубивый отецъ, потщися

къ Богу молитвою, еже съхранити отечество твое отъ врагъ не ратовано и отъ человекъ лукавыхъ, иже нашу погнѣбель ищущихъ, и всѣхъ, иже въ пречестную обитель, иже отъ тебе създанную, великаго чудотворца Николаи приходившихъ и твои помощи требующихъ, моли съ нимъ избавитися отъ бѣдъ и скорбей, яко да твоими молитвами избавляеми, и царствіа небеснаго сподобимся о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, съ низше купно слава Отцу и съ Святымъ Духомъ нинѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

Іно новѣйшее чудо и явленіе блаженнаго
Евѣннія.

Ничтоже чествѣйшее, иже полезѣйшее, еже житіа святыхъ прочитати и тѣхъ чудеса съ похвалою повѣствовати, къ нашей ползѣ и ревности тѣхъ житію; повеже обыче премудрость всесильнаго и премудраго Бога, по неложному пророческому, паче же самому Христову гласу, пророки глаголющему — «прославляющаго и прославаю і ищущи мене обрещутъ благодать»; — не токмо бо въ животѣ прославляющихъ Бога и Богъ тѣхъ прославляютъ, но и по преставленіи таковыхъ божественныхъ мужей Богъ болши тѣхъ прославляетъ; рече бо пророкъ: «радоуйтеса, праведніи, о Господѣ»; и навѣ: «справдѣи подобаетъ похвала». Хвала бо святымъ во-пренному обыче на самаго Бога въсходити, и Богъ таковыи о насъ прославляется. Также и пишется въ житіи святыхъ, также и въ житіи сего блаженнаго архиепископа Евѣннія, колика чудеса и какова глєніа отъ честныхъ его мощей бывають, отъ васъ (ова) соннымъ явленіемъ, иногда же яко живу соущу являтися къ ползѣ иже къ нему вѣру ищущихъ, якоже и повѣсть нинѣ истинну скажетъ.

Бысть иже протодіаконъ святыхъ і соборныхъ великіа церкви премудрости Божіа Софѣа, Ѳеодоръ именъ, иже еще при животѣ блаженнаго Евѣннія челоувѣколюбное показоваше о немъ, по преставленіи же блаженнаго Евѣннія иже соннымъ лѣтомъ живущимъ предреченный протодіаконъ въ недугъ тѣлесный впале и по-

желѣ ичюческаго образа; емуже і сподобися, и наречено бысть имя ему Ѳеодосіе; і оуже къ концу приближающуся и естества хотящу отдати долгъ, въпрошаемъ бывають отъ иже на посѣщеніе тому пришедшихъ: ігдѣ по того преставленіи положену быти? Онъ же завѣща въ монастырь Рождества Господа нашего Исуса Христа погрестися, близъ града сущи. І сіа завѣщавъ и послѣднее дышущу, блаженный Евѣнніе тому прославно является не вѣкомъ соннымъ явленіемъ, но являѣтъ, яко жива суща того, якоже и въ животѣ видѣлъ быше. І якоже видѣвъ того, радости исполнь бывъ и якоже отъ вѣконого сва въспрянувъ и знаменіе крестное на себе сътворивъ, и хотяще отъ одра вѣстати и поклонитися явившемуся тому; но не можаше, абіе же повелѣваетъ и всѣмъ ту сущимъ знаменіе крестное на себѣ сътворити. І онѣмъ того въпрошающимъ о необычномъ того глаголаніи и глаголющимъ къ нему: что видиши? онъ же глагола имъ, яко «блаженный Евѣнніе архиепископъ приде ко мнѣ и зоветъ на въ свѣдѣ монастырь; но молюся вамъ, яко да отнесете тѣло мое въ честную обитель, нарицаемую Вежища, аможе и званъ быхъ». И сіа рекъ, и по малѣ часѣ отъ тѣла изыде. Сердоболи жъ его и сродницы по того завѣщанію сътвориша, якоже повелѣ имъ, и отнесоша его въ монастырь, иже лежать честныи мощи блаженнаго Евѣннія, и тамо его погребоша.

Сіа же азъ слышавъ отъ самыхъ неложныхъ устъ, иже ту бывшихъ, но повѣдавшихъ ми истинну, и сіа писанію предахъ, яко да не забвено будетъ праводное, иже да предана будетъ истинна глубинѣ, но всѣмъ да явлена будутъ чудеса, колика Богъ творить святыми своими оугодники.

чудо 3-е

Похвалимъ и прославимъ, братіе, благаго Бога, даровавшаго намъ, яко иже безцѣнный даръ, своего оугодника архіереа Евѣннія, исцѣляюща недуги приходившихъ къ нему вѣрою; и должно намъ естъ мало вѣчто отъ чудесъ святаго исповѣдати, иже бывшая при нашемъ видѣніи.

Бысть и́кто отъ Новграда клирикъ святыхъ соборныхъ церкви Софїи премудрости Божїи, именемъ Сергїи, и сему случися одержиму быти студеною болѣзнію. И прїимъ во умѣ своемъ о святѣйшемъ Евфимїи архіепископѣ, какова исцѣленїя неоскудно требующимъ подаваше, и той такоже надѣяся, и прїиде въ монастырь, рекомый Вежища, въ немже гробъ бѣше честныхъ мощей предреченнаго Евфимїи архіепископа, і помоляся великому ари́стрѣу Христову Николѣ: таже іде къ гробу святаго и поклонися и къ чудотворному его образу приложися і честнымъ веригамъ знамена себе, и абіе исцѣли отъ злыя болѣзни той; и пребысть въ обители мало дній, і отъиде во градъ, слава и хвала Бога и угоди́нка его святаго Евфимїи.

чудо и-в.

Елма нужда еще другихъ чудотворенїи святаго воспомянути и въ дивное повѣданїе слово обратити; повеже бо и потребно намъ есть на ползу слышавшимъ се сказати о бывшемъ чудеси святаго Евфимїи.

Бѣ и́кто христіолюбецъ, живый близъ обители святаго Николы чудотворца, глаголемыя Вежища, именемъ Спсїеонъ, слугуя у и́когого вельможи, отъ негоже и посланна бѣше въ село, въ немже жительство имаше. Жена же онаго предреченнаго Спсїеона Евдокіа студеною болѣзнію изнемогши, слышавъ же о святѣхъ семъ, о немжеже намъ слово предлежитъ, колѣка Богъ творитъ чудеса его ради, совещавшеся, и прїидоша въ монастырь, видѣже лежать честныя мощи блаженнаго Евфимїи, повеже бо и вѣру имашу къ святому и́стуту. И vedoша и ко гробу святаго, и отпѣвше молебная по обычаю, і припаде къ честнѣй рацѣ, образъ его лобызающе і честнымъ веригамъ касающеся очима и лицемъ, і тако исцѣлѣ благодатію Христовою і молитвами святаго Евфимїи; и поста(ви)вше трапезу братїи, і отъидоша въ домъ свой, славяще Бога и святаго Евфимїи. По семъ велїю вѣру приложиса къ святому и́стуту.

чудо 4-е.

Не могушу бо, рече Господь, граду укрытися, верту горы стоя, ниже пакы вжитають свѣтильника і поставляють подъ покровомъ; тако и сему блаженному, жившу во многихъ добродѣтеляхъ безъ порока, утѣтися: возже бо его Богъ силою святаго духа яко свѣтильника и постави на высотѣ, чудесъ дарованїи просвѣщающа Рускія конца, призывающихъ вѣрою имя его; отъ нихъ же бысть сіе.

И́кто отъ Московскихъ предѣлъ рода боярська, нарицаемый именемъ Евфимїе, савомъ же бѣше іъ Новградѣ подъячїи, и сему такоже одержиму бывшу трясавицею, слышавъ же о чудесѣхъ, бывающихъ отъ гроба святаго Евфимїи архіепископа, манячо же тою болѣзнію изнемогающихъ исцѣленїе подаваесть, і прїиде въ монастырь рекомый Вежища, идеже гробъ бѣше блаженнаго честныхъ мощей, і поклонися святому Николѣ; тажъ іде ко святѣй рацѣ архіерсея Христова Евфимїи, и помолился чудотворному его образу, и знамена честныхъ веригамъ очя и лице, і молитвами святаго здравъ бысть отъ злыя той болѣзни, і отъиде во градъ, хвалу воздаа Богу и угоди́нку его Евфимїю, яко дарова ему исцѣленїе.

чудо 6-е.

Хочу жъ вашей любве іву бесѣду прострети отъ славныхъ чудесъ, яко сотвори Богъ своимъ угоди́комъ. Предвоспомявухъ бо сего великаго пастыря Евфимїи, яко и по смерти о насъ къ Богу предстоитъ и невидимо комуждо помагаесть, призывающихъ вѣрою имя его. Слава бо о семъ святелѣ многа всюду проиходаше, і мнози во обители ко честному его гробу отъ славныхъ приходаху исцѣленїя ради, і приимаху, яко отъ источника неоскудна; отъ нихъ же сіе:

Бѣ и́кій отъ великаго рода іменовъ Пякнта, зовомый Романовъ. Сей бѣше въ та времена намѣстникъ Новуграду, і случися ему одержиму быти студеною болѣзнію. И помысли о чудесѣхъ, бывающихъ отъ раки

святѣйшаго Евѣмїя архіепископа, и приде во обитель, идеже лежаху многоцѣлебныя мощи; и шедше въ церковь святаго Николы и отпѣше молебная, тажъ иде ко гробу блаженнаго Евѣмїя и припадо къ святѣй рацѣ і облобыза і честнымъ веригахъ приложися, і чѣмъ молитвами святаго дарова ему Богъ здравіе і отъ того часа никакоже чюаше въ себѣ болѣзнь тоя, и милостыню вда довольно ігумену и братіи. Тажъ и послаемъ бываше великии князекъ, самодержецъ Рускія земля Иваномъ Васильевичемъ, вѣдреченный Никита і съ нимъ воевода Георгіи, нарицаемыи Токмаковъ, въ землю Сивскихъ Пѣвцевъ, і помощію божіею і молитвами святаго Евѣмїя — добро воеваше, и взяша градъ, рекомый Перновъ, со всѣмъ итѣніемъ, и возвратишася съ великою честію.

чудо м.

Блаженъ есть воистину, братію, и преблаженъ и треблаженъ сей, сподобившися отъ Бога даръ прїати — чѣлвчїи душа и телесе, якоже вѣнцу украшену многими цвѣты и зрищїи его многу свѣтлость подаваетъ. Конждо бо цвѣтъ своего образа видѣніемъ влечетъ къ себѣ: овѣ бѣлымъ образомъ свѣтитъ, нѣ чернымъ и багрянымъ, нѣ золотозрачнымъ во единомъ совокупленїи, равно имуть видѣнію. Тако и сего блаженнаго Евѣмїя свѣтителя честная рака различными чудесы влечетъ къ себѣ: овѣ убо здравіе телесе приемлетъ, нѣ душевное исцѣленіе, нѣ же въ бѣдахъ избавленіе, — кождо свои страсти врачество избираетъ; притекающїи бо къ сей вѣроу не погрешатъ надежда, и припадающїи якоже ко источнику, именуемому живыи воды, і ниющїи ея здрави бывають; славяща бо я, рече Господь, прославлю. Прослави бо сего Богъ угоднаго своего подобно столпу огнезарному, отъ земля до небесїи досягающу и весь миръ всюду озаря, і якоже

другое солнце сія и всю землю лучами чюдесъ освѣщая, глаголю же блаженнаго сего архіерѣа Христова раку, сосудъ благовонныхъ ароматъ имену и благоуханію испущающа, изыма я недуги яко злосирадіе душъ и тѣлесъ, якоже и бысть во время нѣкое едино многихъ.

Бѣ итѣкто отъ рода болгарска, Андрѣ нарицаемый Клобуковъ. Сей баше присланъ въ то время великии самодержецъ Рускія земля Иваномъ Васильевичемъ дякомъ Новуграду, и случися ему тою же студеною болѣзнію велии одержиму быти. И слыша отъ нѣкихъ, какова бывають исцѣленїя различнымъ недугомъ отъ раки честныхъ мощей архіепископа Евѣмїя, инакче же отъ сея студеныи болѣзни избавляеть, і толку вѣроу прїимъ въ себѣ, якоже отложить ему всю немощь плотскую и власть величества и пѣшествовати ему отъ града до святаго мѣста, идеже лежать многоцѣлебныя мощи архіерѣа Христова Евѣмїя; и приде въ монастырь, и шедшимъ въ церковь святаго Николы чюдотворца, отпѣше молебная, тажъ иде ко гробу вѣдреченнаго Евѣмїя архіепископа і припадо къ чудеснѣй рацѣ, яко ко источнику неисчерпаему. И надежда не погрѣши, и честнымъ веригахъ приложися, і облобыза, и во вѣрѣ своей исцѣленїа даръ воспрїатъ, молитвами святаго здравъ бысть і ктому преста болѣзнь та и нимало же чюаше въ себѣ отъ того часа. И постави трапезу братіи со всякимъ доволствомъ, і милостыню давъ многу, і отиде во градъ съ радостію великою, хвалу воздаа Богу и угоднику его свѣтому Евѣмїю.

И иная многа чюдеса, аже творитъ Богъ своимъ угодникомъ, не токмо ко гробу святаго приходимымъ, но і на всякомъ мѣстѣ призывающихъ вѣроу ния его, невидимо предстоитъ, и въ напастехъ помогаетъ, намъ же невидима, но токмо единому Богу, свѣдущу тайная.

ПОВѢСТЬ

О ІОНѢ, АРХІЕПИСКОПѢ НОВГОРОДСКОМЪ.

Мѣсяца поскръби 6 день

Вспоминание о житіи и чюдотворахъ и о преставлении

О БЛАЖЕННАГО ИОНѢ, АРХІЕПИСКОПѢ СВЯТАГО НОВАГРАДА,

Иже бысть по старому архіепископѣ Евфиміи чюдотворцы иже на Бежицахъ. Изъ лѣтъ 1242-а до лѣта 12-го.

(Изъ сборн. грамотъ изъ Софійской библиот. XVI в.)

Вспоминати и блаженнаго нашего пастыря Иону добро нове малымъ словомъ. Въ чинъ же и зде приложися въспоминати его по преподобнемъ архіепископѣ нашомъ Евфиміи, иже въсѣавшу предъ очима нашими, и добродѣтелей его и благодѣваніи всѣ ны приимателе и свидѣтеле суще. Толико бо трудися за люди своя, паству свою добръ пасый, яко добрый пастырь въчистину Евфиміе, въ время изнеможенія благодушествоуя и предстои стаду своему, по Господию словеси: не оставля стада и бѣгая насиническы, но душу свою полага за насомы своя.

Преже бо зѣло малѣхъ дней епископства его, възвѣднися Витовтъ, князь Виленьскій, аки волкъ гладенъ челоуѣкомъ нападая, плоти ихъ оружіемъ хопая, икъ полнѣ и своеродныхъ кровей, и со всѣмъ Литовскимъ множествомъ ходи на Великій Новѣградъ, оборити и поплонити хоти, и Порховъ градъ уже аки въ неводѣ обіать войска множествомъ и борити топ начинаше, и вся злая творити по умолчеша. И отъ сего всему Великому Новуграду въ подвизѣ велицѣ суну и

мнозѣ трудѣ, немногомъ бо преже съ Нѣмци Соришася, таже и гладомъ дручени быша, таже и отъ своего князя насловани; тѣмъ же суровый волкъ, яко время гладству своему обрѣтъ, на уставшая люди уже и много трудившаяся преже приде, пожрети имела, преступивъ мирныя клятвы, беззаконно и погубио; обаче послѣди възвѣсть ему Господь Ординьскимъ цари. Цари бо Ординьскіи съ своими Татари многого его Литовское воинство, излѣзшео на ня въ поле, аки худы нѣкіи животны, иже отъ пещерь изскачющая, погубиша и сильна коня его и конони отиша, самову Витовту въ нагѣ полцѣ утекшу, и Полскыя грады и великая села безъ заставы оставивъ, свое спасеніе токмо ища; иже Татарстѣи руцѣ пусты ему вся положиша мнозѣмъ гнѣвомъ царя ихъ.

Егда же борюцу сему Витовту градъ Порховъ и Великому Новуграду злѣ прѣтянцу, тогда блаженному Евфимію съ послы Великаго Новаграда отъ архіепископа Емеліана, иже Евфиміемъ преименованнаго, къ ратнику сему о смиреніи ходншю, и много къ нему

трусился, яко къ лукавству его, тайная бо лети Витовтова сердца прилѣжными къ Богу молитвами претворити на благо и преложити на истину мняшеса, видимую жъ его злобу множествомъ сребра укрощаваше. И толико трудися въ молитвахъ къ Господеву и въ дарохъ къ ратнику, донелѣже того въ своя възвратитися сотвори преподобный, и граду своему многу радость исхodataвъ, прииде. Но по мнозѣ же Емеліану честному почившу, сѣмъ възведенъ бы(тъ) въ архіепископство. Въ немже колко трудися и въ гнѣвѣхъ своего князя, иже на градъ его и ратною рукою въздвизающа на своя нечѣпотно, двоицею ходатаиствуя посреди и тружася зѣло, и ового дарма укрота и тяжестию сребра утоляя, овны же благими словесы утѣшая, иривати къ князю своему утѣщаяя взряднѣ. Еже доброту показа на плененыя и блаженный, якожъ въ споминаниихъ о немъ сказася и блаженнымъ Новую въ повелѣннѣхъ списаниіхъ въ лѣта иже архіепископства его. Сего же самого приснопаметнаго преподобнаго и святигеля Нову възспоманути приложиса нинѣ къ намету Еуфиміеву, по немъ бо архіерѣйскіи престолъ Великаго Новуграда церкве украшаше и пастырская исправляше достоинно и праведно, аще и въ мало лѣтъ прилучиса ему настояти, тридесато бо лѣтъ точію пасе Христово стадо, во многу и велику свѣтлость показавъ изряднаго благопробыванія и добродѣянія. Сверхешу бо ему суну старостию, показанію архіерѣйства пріятъ, юностию же крѣпостию поощраемъ на благодѣянія. Прежде же архіерѣйства въ пустыни, реконтѣ Отни архимандрита Харитона, добродѣтелей подвиги продохаше честныи сѣмъ мужъ. Въ той бо пустыни Отни своихъ власовъ отатию и мира отреченіе сътвори, ту и обѣты Господеву въздаде, тогда той потребани великии скудишъ еще. И понеже ту отъ много лѣтъ постаса бѣ и благожизнію, дѣтелиси(?) и благодѣтію, и вгумевства тоя обители достовнѣ бывъ, прізвѣрства даръ имѣи. Мнози жъ отъ гражданъ и честныхъ не мало пустыни тоя уединенію чюдящеса, и живущая въ немъ чладу, наипаче жъ вгумевна вѣхъ сего

Нову зело любяще, добрыми дѣлами яко свѣтящася мужа видяху и смиреніемъ украшена многими, разсудительна же и незлобива, въ простотѣ ходяща по апостолу, тѣмже и спомогаху ему отъ имѣній своихъ; тои жъ приходящая ему имѣнія не собѣ сокровиществуеуть, но въ общину всѣмъ живущимъ ему полагаеуть, и нинѣ жъ и обители помощь оумышляетъ, потребная той пристраеять, и приходы испуковаа, якожъ и нынѣ обители стяжаша.

Сей блаженный Іона, еще дѣтску ему суну, прозбранъ отъ Бога въ благое, пронареченъ бывъ въ свитительство Великому Новуграду. Отрочищу еще ему суну, осиротѣвшу ему отъ родителю своею, вдовца иѣкая, матерски поболѣвши о немъ, възспита и, приемъ того аки истоваа родительница. Еюже вдану ему бывшу иѣкоему діакону наказатися священнымъ книгамъ, еще же и нищетѣ къ сиротству присвокунившис(я) ему, въздрава тѣломъ творящеть его, и частое болѣзномъ приложеніе худость ему предаша: кротостное обычаа и тихое права во многу снабдѣвати обыче добрый сѣи, радозанію же и игранію дѣтей иколож(е) приближатися изволи, и аще когда отъ учителя отхождаше съ множествомъ съ учническимъ ему и улица граду къ дому приходити бываше, всѣмъ яко дѣтемъ игранію радующимся, тои подале стояти отъ нихъ обычно мнаше, егда и случашеса когда яко дѣтску позоровати. (Е)диною же честному Михаилу, уродливому мирови, Богови же премудрому, въ градѣ первое шестіе творящу, дѣтищу жъ сему стоящу на иѣстѣ укронитъ и ивозѣмъ съученикомъ его играющимъ, и блаженнаго Михаила узрѣвшо, уродствено градуца по улицы, вси дѣтно игры своя оставльше, аки на чюдо къ Михаилови притокоша, сѣиющеса о немъ и ругающеса ему, изиѣтаская изъ домовъ смотіа на главу безумнѣ възметалу и каменіе по ногамъ металу ему, незнаему ему суну тогда, ибо преже вселенія его на Клонско и первое въ градѣ явившуся и ходящу въ первый день пришествія его въ Великий Новуградъ, въ епископство блаженнаго Іона(на), иже позлати

веръ святѣи Софїи. И блаженный Михайло ни единоже раденїе о безумїи дѣтей творяше градѣмъ, но устроился въ уголъ улицы, видѣже честное дѣвице се стояше въ тихости своей. Дневному свѣту уже оскудѣвающу и вечеру бывающу, но обаче внутренїи пресвѣтлы очеса Михайлови бываху. Притокъ бо, взятъ отрочница сего за власы, и, подъемъ его вышши себе, възвѣсташе ему: «Иване! (такъ бо отъ святаго крещенїа имя дѣвицу) учи книги прилѣжно, имаша великому граду сему архїепископъ быти». И обѣщъ его, отиде. Яко ижекогда Господь нашъ Іисусъ Христосъ отроча единопречистыми си руками объемъ, учаше апостолы: иже, рече, не сирится, яко отроча се, не приметъ царства божїа, и прїемлай таково отроча во имя мое, глаголаше Господь, мене прїемлетъ, — тако и блаженный Михайло Иону сего дѣтска обмыъ, пророческимъ духомъ глаголаше ему внимати ученїю святыхъ книгъ, внешнею нарицаа, ожж(е) николиж(е) знааше, Иваномъ тону приглашаа; духовными бо очима яко настояща смотря по мнозѣхъ дѣтєхъ хотящаа ему быти, увидѣвъ божественнымъ откровенїемъ пронареченное ему отъ Бога святительство. Якожъ древо и къ Іеремїю пророку реченное отъ Бога: зрю, яко презреченное зачатъ свѣтъ ты, и прежъ даже не родися, святыхъ ты, — и на семъ Ионѣ помыслилъ кто божїе благоговенїе такожъ бываемо. Преподобный Михайло отъ дальняа земля новопришедъ і много отечества смѣи, странствуа, прїиде въ познаемъ градъ ему, аще и величества ради своего вселенїѣи всей отдавна вѣдомъ градъ и славенъ, но той тогда первїю въ сей Великій Новъградъ, никогдажъ преже въ немъ бывавъ; како ли живущая въ немъ знаемы ему будутъ, аже преже видѣны никогдажѣ тѣмъ? И тако скоро, яко отдавна ему знаему и своеприсно отроча, прїемъ, будущая ему възвѣщаваше, аки послану ему ко отрочата Иванови бывшу и аки сего ради прїиде, да благословенїю божїе подастъ ему, не часное никогдажѣ. Чисту сердцемъ преподобнику сему и божїа яко зрашу, по божїю словеси: блаженн бо, рече, чистїи сердцемъ, яко тѣмъ Бога узрять; тѣмъ-

же не смятраще тѣлесными очима сиротства и убожства и худости отрочищу, но яко свѣтъ Господень разумь сему и сердечными очима зри лежащее на немъ благословенїе, волаще его и повелѣваше прилѣжно учити книги, яко хотящу епископствовати и подобаетъ многое множество божественными прїквѣпцати, яко всѣмъ намъ зращимъ, да по како, не вичеломъ священнымъ книгъ разума, многому ищленїе подастъ, пренїтїе коо добрыхъ желательству не по нелѣпотѣ сана. Тако тогда прорече и заповѣда Іонѣ дѣвицу і еще чюдный Михайло.

И дѣтонъ мнозѣмъ текущимъ в самому пророку почивашу, і Иону старость прїиимаше, обаче слово божїа челоуѣка не мимохожше, и время прореченное надстояше. По усповїи бо честнаго Евфимїа, жребїемъ и нарочкомъ всѣхъ людїи і изволенїемъ всего собора, божїе нареченїе архїепископства прїиде на Іону, и въ епископїю възведоша его, радующїися добродѣтели мужа и красящїа добронравїемъ того Утѣшенїю прїиимше по добромъ своимъ пастыри Евфимїи Ионою, къ митрополитскому послы съ нимъ абїе послаша архїепископу и къ князю, молащїа желаемого имъ пастыря рукоположити. Тогда честному Іонѣ, епископу Рязаньскому, митропольскїа архїепископїа, власть своимъ управься епископы в той подробный архїерей Іона митрополїа правя, древо наречену бывшу ему въ митрополїю Рускую и благословенїю патрїарше прежъ прїисесено ему о семъ, еще живу сущу митрополитскому архїепископу. Ради царей Ординьскихъ шатаїа и насилїа Татарьска неудобнъ путь къ Царюграду, еше же и бывшаго ради лукавства Митїева, изволиша общєю волею благословенїю напредъ прїїимати, поставленую пронзбираемымъ въ митрополїю и рукоположенїемъ епископства прежъ почтену бывшу, довелѣжѣ живущу митрополиту; умерну же тому, тогда готову сущу нареченному, в безъ труда многога епископу сущу управьти митрополїю. По сему управься митрополїа честному Іонѣ, епископу Рязаньскому, но Исидорѣ митрополитѣ, сему жъ Исидору не по праву прїишед-

шу, но насильствомъ наскочившу на престолъ, прже бо его пронареченъ на престолъ Иона, сего ради и епископствомъ усавенъ сей Иона митрополитъ. Сей же о немъ епископъ честнаго собора архіепископа Великому Новуграду нашего Иону радостно подасть, доброта бо въ немъ честныхъ дѣлѣи свѣтлѣся, и толико подвижся добродѣтели на престолѣ своемъ, яко мѣти его самого Еуѳиміа или же прже преподобно епископствовавшихъ; вся бо епископская тщася добро чести исправити, и вся на добру жизнь управитися учаше. Сажъ первіо воображася доброжизніемъ и очи свои положи на вдова, сироты и на убогя града, яко сему Невова приглаголати: уста вдова благословиша мя, быхъ сиримъ аки отецъ, но помолчашъ смрвити нечестива, ни увратихъ суда сильнаго ради и много жстихъ на насильствующемъ, изахъ отъ руку грѣшничю смрснаго, изведохъ судъ нищому. (Т)ако просвѣти жизни своєю доброту, яко видѣвшихъ добраго его дѣла, и славити его ради Бога Отца, во евангельскому гласу.

Извали же ся честному отцѣ Іонѣ, архіепископу нашему, нововити обитель архимандрита Харитона Отню пустыню, въ нейже дремле постися, отъ приходящаго ему иѣвнѣ, но не отъ церковнаго стажанія, отъ негоже церкви Великая строеніе пріемлетъ, и епископы и причетницы удвляются, и нищія назираніе пріемлютъ. Тогда бо всю лѣнотою все исполнено въ Великой церкви и вси урочніи причетницы удвласи, но лшася же и нищія отъ сего, и невредно иѣвнѣ то снабдимо бѣ. Тому же особъ приходящее иѣвнѣ избываемо, ниже обнови великодарною десницею Отню пустыню и лѣну церковь камєну Богови тамо въздвиже въ нѣи святыхъ трієхъ святитель: Василія великаго, Григорія богослова, Іоанна Златаустаго, многю лѣнотою украсивъ тую хитрыхъ живописецъ, священныя иконы поставивъ въ ней, иже добрѣиши не обрѣтєся ипъ живописецъ въ то время и по дни наша; также вся стѣны церкви и столпы нарочитими живописцы поднша и вєст олтарь, и по мрамореню пли-

фохъ всюду помостивъ; наипаче жъ священныя книги и прєсполнивъ тую, святая евангеліа съ златыя письмены и сребромъ позлащеномъ хитро покова съ камєни честными, и священныя съсуды и отъ камєне изборна и отъ сребра чиста положи, и священныя одежда свѣтлы и многы украсены съ жемчюги съдѣла. Къ снмъ же и трапезницу камєну созда, присовокунивъ ей и церковь во нѣи святого Николы уюкосиѣа ради въ зинныя иразы немогущимъ терпѣти. Ещє же и славному Предтечи церковь созда, къ наперти трєхъ святитель церкви приткнувъ, возведъ основаніе камєнємъ и плинофюмъ даже и до комаръ, верхъ же тоя дрєвєсы покры; въ ней бо гробъ себѣ ископа, да не отажчавъ камєнный верхъ и коєю виною не молїи воддержатися и внутрь падшу когда, повредить гробъ его и истнитъ гробная и вся аже во гробѣ; и тоя ради вины не камєнємъ, но дрєвомъ покры церковь славнаго Предтечи. Многу бо вѣру виаше къ великому и честному предтечи, ибо и въ нѣи того наречено ему сущу и честному празднику его родити матери его присѣвши, тѣже и душу прилєну къ нему виѣа, яко тако и тѣлєси своему въ храмѣ его положитися хотяше, поручая съ душею и тѣло свое святому, неотторжену вѣру и любовь къ нему възвѣстєу. Блаженныя многая жъ села покупи обители, и рыбная застѣпанія възкупивъ, и въ вся новастыри вѣчныя вклады за ню подавъ сребромъ, да недостаточная той в оскудѣваема тѣи, отъ своихъ прєсполнєни, и утѣшають; многу и велику тяжесть иѣвнѣа ту истоци и палу сущу обитель — велику сотвори, и скудєу бывшу велиа — обогата сїю. Толико жъ любочестєнъ о божишъ угодищѣхъ и теплѣ, яко вся своя особная иѣвнѣа свѣтлєсти ихъ ради истощєвати. Многу жъ и свѣтєу о немъ добродѣтанію всюду обноситєся, и всѣмъ в любивъ и желасємъ, слышашимъ и видящимъ сладокъ, кротокъ бо и смрєнъ помногу, добродѣтєвенъ ко всѣмъ, тѣже и Московєтєи князи много любяю его и съговѣнємъ почвталу, и писанія ииожницею посламаху къ нему и отъ него възписанія желанно прїимаху; бѣ-

ше бо разумень и въ словехъ благъ, множицею акъ и пророчески вѣщати ему. Егда кон увѣщавася смъ къ смиренію, и не преклоняхуся на послушаніе, запрещенія кая тѣмъ наложити възвѣщаваше, и словесемъ его не погрѣшати николиже, и кротцѣ ему на лукавыя отвѣщавающу; и сего ради вси велможи говѣнію велико къ нему вѣбяху, елма самому ему зѣло благоправну и благодѣйну; и въ толицѣ высости савовѣ и нужу древню и сединою многою украшену, гѣва жъ и гордѣніа въ немъ николиже имуща видяху, велику честь и боязнь къ нему соблюдаху.

Приде же Московскій князь въ Великіа Новгградъ Василей, сынъ Василіевъ, и съ нимъ сынове его Георгіи и Андрѣй ширно, и архіепископа поствѣща и дани своя пріемла. Преже бо двократы при блаженномъ Еуемиѣ ратію приходивъ бѣяше, тогда же широмъ приде, и часто съ архіепископомъ бесѣдоваше и вси по прошенію его твораше князь, вѣдѣи великую его добродѣтель и словесе устѣ его непогрѣшательное и, любя зѣло, почиташе его князь акъ отца и послушаше его въ всеиъ. Тогда жъ и великое чюдо преподобнаго Варлама сотворися на постелниці княземъ Григоріи, иже Рязаньскѣхъ боярѣ сынъ; и отъ смерти бо того пакъ жити възведе и отъ тяжкіа болѣзни нецѣлѣимыа вскорѣ здрава его показа. Сему чюдеси савовидци быша все множество градскоо и Москвичѣ всѣхъ, бывшихъ тогда въ градѣ, и архіепископъ и князь самъ в сынъ его и иже о немъ бояре и вооводы. И сіе умысли архіепископъ Іона въ вѣчныа памяти вписати на увидѣніе послѣднимъ родовомъ, ежо и сотвори, Пахожію тогда попу Сербину, отъ Святыхъ горъ пришелцу, живущу у него, книжнимъ слогиамъ искусну, сему повелѣ въсписати чюдо сіе преподобнаго Варлама, одаривъ его множествомъ сребра, куны же и соболми почтивъ зѣло Пахожіа; повелѣ жъ и житію съ похвалнымъ словомъ и канонъ преподобному Варламу списати, ещо же и великому Ануфрію, такоже послѣдованіе бѣтнію списати повелѣ, яко храму его въутрь Отни пустыни сущу, ей же и виторѣ имено-

вася блаженный; повелѣ же каноны и житіа списати и еще блаженныа княгини Олги, начальницы христіанству въ Русѣи земли, иже въ святомъ крещеніи Елона наречена, и преподобному Савѣ, создавшему монастырь на Вѣшѣ рѣкѣ, и преже его бывшему архіепископу блаженному Еуемию, не пощадѣвъ ичѣніа множество истощевати свѣтлости ради памятеиъ божіихъ угодинокъ, акъ къ ничѣ прильнуувъ, кто бѣше и добродѣтели ихъ ако любя, сего ради зѣло почиташеть я.

Бысть же зовоу быти блаженному архіепископу нашему Іонѣ митрополитскимъ архіепископомъ Іономъ и князьми Василіемъ і Иваномъ въ Москву къ себѣ ити, Ионѣ же архіепископу нашему и старостію одержиму, яко трудъ великъ ему къ толицѣ долготѣ путие, обаче жалость людей своихъ повуди его толикъ трудъ пути подъяти; вѣдаше бо конъ на люди своя и на градъ зависти ако поощримо, подвижеса со обычною своею простотою и смиреніемъ помощи граду и людемъ. Добрыи воинину пастырь, душу свою за овца свои готовъ положить! Бывшу же ему близъ Москвы акъ шестьдесятъ поприщѣ, възвоянуувъ Сергіа преподобнаго, иже въ Маковцѣ, ту къ нему завѣщаніе положи любве, юже отдавна иѣва, и храмъ почести съ избранными равно преподобнаго, не быше бо и еще храма гдѣ въ ния преподобнаго Сергіа. Егда же приближающюся блаженному ко граду Москѣи акъ за три поприща, ту устрѣтоша его иѣдци отъ боярѣ княжихъ повелѣніемъ князей и иѣколко честныхъ игуменъ повелѣніемъ митрополита. И шедшу ему въ градъ, любезно пріятъ бысть блаженнымъ Іовою митрополитомъ и зѣло почтенъ. Приде жъ и къ князю, такоже любезно пріятъ бысть и лѣпотною честію почтенъ—усрѣтении частыми свѣтлыми иѣтѣ двора княжа, и въутрь бояры, на стовене же сѣново княжи по чинну свосму усрѣтаху и подѣ ружи водащо его, въ предверняхъ же и самъ князь изыде въ срѣтезіе архіепископу и поддержа десницю его. Князь вииде съ нимъ въ княжеская своя храмы, и елвки тяжести даровъ прииссены быша архіепископомъ, радостно при-

ить князь. Елико же пребысть время въ Москвѣ, многую честію присно почитаемъ и отъ князя и митрополита, и собирающеса, церковная исправляху. Медлящу же князю отпустити архіепископа нашего Иону въ градъ свой, яко жалящу князю на градъ его, тѣмже и за-
 пиная отъ мнозѣ ему, таже и множицею послаше нарѣчію князь архіепископу болары своими, ласкаше и, жала на гражаны его, аки не по неспіи отъ нихъ чтомъ, и аще посулитъ ему въздвигнути руку на градъ свой. Нѣкогда же бывшема вкупѣ князю Василію и сыновю его князю Ивану и преподобныма архіепископомъ, Іонѣ митрополиту и владыки нашему Іонѣ, велику жалость князь вложи предъ святителемъ на Великій Новъградъ, аки презираемъ отъ него; а ему великого княженія власть надъ князми Рускии прдерержашу, и сего ради искаше подъяти рудѣ на Великій Новъградъ. Иона же владыка отвѣщавашо за градъ и многа утѣшительная словеса въ утѣщанію князя предглаголаше. Елма же князь неутѣшиму жалость виѣи, ярость приимашо по-многу, тогда старецъ, подвижса духомъ, свидѣтеля полагая митрополита, паче же самого того иже священства дуза аки зря, вѣщашо: «Аще не приведетъ отъ града его зависти око, не проложитъ на любовную дѣтель и презрѣ молащася его о градѣ, въздвинетъ руку на послушныя его люди и ничѣмже обидѣшая его раздѣлати не-
 праведно произыдетъ, да вопиетъ и себѣ, еда како и въ чадехъ его зависти око узритъ кое и раздѣленія послѣди близъ будетъ; выиѣ же молитву мою услыши, глаголаше, в блажайшее въспрійми, яко князь благочестивъ, паче же и надъ князи много благодѣяти мощну сущу, неправды кося клеветъ ради нечестивыхъ лзыкъ на правдыныя не подвигни, и тихима очима своя повинныя сматрай и свободныя на работу примчати не начипай; тебѣ самому дніе приближаются, яко сыновю же твоему Ивану хоругви Рускія съдержати; о семъ молитвы со всѣми своими къ всемогущему Богу прилѣжно възносити потщася, напаче жъ свободу сыновю твоему отъ Ординскихъ царей

пріати отъ Бога испрошу за свободу града моего еже о тебѣ; еще же молитву Господеви възвысити десницу сына твоего надъ всѣми и покорити ему вся сущостаты его и болши прародителей прославитися властію и укрѣпитися княженію его въ руку его, и простертиса силы его на многы, и страны великія пріати ему, точію аще благочестивъ поживетъ и тихима очима владыкомъ смотрѣти будетъ.» О семъ пророчествѣ святителя старца услади князь и возвелся зѣло о обѣщаніи свободы сыновю своему отъ Ординскихъ царей, вѣдѣи непогрѣшательне словесъ его и вѣять о чадехъ любезныхъ, радостно предъ митрополитомъ обѣща архіепископу снабдѣти люди его и, всякъ гнѣвъ отложивъ, миръ Великому Новуграду дарова, утвердивъ смиренію. Прощаше же князь у святителя тверду быти обѣщанію Іоанну, сыновю его. Спосрѣшествоваше жъ въ сие и блаженный митрополитъ. И тако уповавшу Господню обѣщанію, якоже въ святемъ евангеліи сказася: аще два отъ насъ совѣщатася о всякомъ вещи, еже аще просита—будеть вамъ отъ отца моего небеснаго; молищежеса, отпущайте, аще что виате на кого; сице князь жалость и гнѣвъ остави граду, святителя же тезоименная молитис(а) совѣщаста о прошеніи князя, еже пріати свободу отъ нучительства Ординскихъ царей и Татаръ и укрѣпитися въ руку его Рускии хоругвамъ. По умолчаніи же всѣхъ, прослезиса всесвященнымъ старецъ и проплака. Князь и митрополитъ, о семъ велики дивящася, желѣста увидѣти отъ него вину плача его; той же рече: «кто озлобитъ людей моихъ толкое множество, или кто смиритъ такое величество града моего, аще не усобицы ихъ смютутъ ихъ и разделение ихъ низложитъ ихъ, и леть неправды расточитъ, и лукавство зависти развѣтъ ихъ? обаче во дни моя да дастъ Господь миръ и тишину и благословеніе людямъ моимъ.» Тогда же архіепископъ Иона прошеніе предложи у обою князю монастырю своему управити суди, да снабдивъ будетъ отъ насилія иногыхъ и отъ самѣхъ намѣстниковъ ихъ, и самни поселане и работницы монастырскыи да не судими

будуть; ир(о)увидѣ бо духомъ, яко людемъ его неволможно до конца содержати въ свободѣ града своего продерговающияся ради несправды въ ниль и насилія; сего ради възиска Отни пустыни свободу во вѣкъ. Князи же таковое прошеніе радостно даруютъ архієпископу, грамоту списавше такового повелѣнія и печатавшіе обою князю въ ображеніемъ на двою полагашенною печатію. Тогдажъ и самъ князь Василіе, вѣровавъ обѣщаннѣмъ ему отъ святителя, духовную грамоту списа, уставивъ сыномъ своимъ и жєнѣ своей грады во власти и како даннı подати тѣмъ великому ихъ князю, вѣщшему сыновю его Ивану: егда и еще Ординьстїи парн шатающася будутъ, и яко не дати тѣмъ даннı великому ихъ князю, вєгда потребитъ Господь съ лица Рускихъ князей. И тако съ многою честію и говѣніемъ князи отпустиша архієпископа нашего Іону, в сѣтлѣ провоженію преподобному князь и сынове его и бояре ихъ сотвориша; и блаженный Іона митрополитъ, ивогу любовь къ нему имѣа, также и князи великою любовію обіати, зрище на немъ во смиренїи великъ разумъ и кротость, благообычайное права, съ сими же и добродѣтели старца по ивогу. Толкаа благодать отъ Бога даровася ему продъ всѣми зрачїями его и слышашими, вєктожъ возборашеть его, но наче говѣяху къ нему, стыдищася добродѣтели его и вси боящася непогрѣшательнаго словесе устъ его.

Пришедъ же отъ Москвы, абіе чудесному Сергію отцу завѣщаніе исполнаеть, храмъ камень внутрь епископіа во имя его созда, и всею лѣпотою утваря и образъ его постави въ ней, яко много любя преподобнаго, часто въ храмъ его приходи, молитвы творяше священныа. По но ивожъ же посолъ борзоходный отъ митрополита Іоны прииде къ архієпископу Іонѣ, книги нося, повѣдающая постигшую болѣзнь святителя и ожидавіе блаженныа кончины его; и того ради явланься насладитися видѣніа его и угѣшитися о семъ; еще же да произбереть достойнаго на высокій престолъ митрополїи епископа, да не коо лукавство пред-

варить вмѣсто достойнаго не таково, самого же честныаа съ рукама гробу предасть и рукоположитъ митрополїи епископа. Сїа книги митрополїича прочеть архієпископъ, пронзакавъ на ивожъ, рече: «великинъ благодати отцетеваеетъ Москва ниль и съ нею вся Руская земля, таковою добротою мїрови скрываетъ подъ землею». Абіе же Іона архієпископъ митрополїту Іонѣ вписа книги, повѣдующая оброченіе и самому старостію, яко болѣзненнı ноль ичїа; обѣща же съ ему насладитися видѣніа его по отложенїи телесе, на вокресє неіобщее святыхъ: «болзненнı тогда срадоватис(а) ему, вѣспрїимаяща мду трудовъ своихъ отъ начальника вастыренїа.» О произведенїи же епископа въ митрополїю: «егоже духъ его произбереть и благословитъ самъ, того готовъ прїати.»

По усненїи же преподобнаго святителя митропольскаго Іоны, архієпископъ Іона, помудивше помянованаго Пахомїа, иже отъ Святыхъ горы шинха попа, списати послѣдованїе памяти его и службы канонъ священному Іонѣ митрополїту, вѣдаше бо его добродѣтели, сего ради и память его каноны почте, равно со святыми. Много же понужаше Пахомїа Іона, угѣшая его златомъ и соболями, да списшетъ ему і еще канонъ преподобному Сергію, да уяснитъ память въ краѣхъ его. Пахомїе же не рачи послушати архієпископа, но готовашеся самъ ити въ Московскїа страны. Повнегда бо списати ему канонъ блаженному Іонѣ митрополїту, въ немъже и названена въ краєхъ тропаремъ, яко повелѣніемъ архієпископа Іоны списа каноны митрополїту Іонѣ, самъ той ктоу не возможе его привудити писати или житїа или канонъ ни Михайлу Клопскому, ни ивоу ни единомуже, еможе хотяше память уяснити архієпископъ. Излиха бо божїимъ угодникомъ теплѣ бѣаше Іона, якоже и предварше сказаномъ.

По преставленїи же великаго князя Василїа, сынъ его Иванъ, княженїа хоругви прїемъ, абіе посмїають ко блаженному Іонѣ архієпископу въ Великій Новгородъ, моля его молитвовати зань ко всесилному Бо-

гови, якоже преже общася, въ еже утвердити княженіе его и възвысити десницу его надъ врагы его и во всемъ носпешитися, еще же и о освобоженіи и (отъ) мучительства Ордынскихъ царей и Татаръ. Архіепископъ же Іона възда ему нарѣчіе, яко «не погрѣшити надежа, да помини же несумитію отца своего, како въровавъ и въ духовной своей виписа и заповѣда: не истязати ему дани и по изведеніи орды на братіи его, и яко Господь не презрѣти скорбящихъ слезъ и молитвъ ипогихъ,—и виѣже вѣсть судьбани проже ность орду, точію самъ да честно поживеть и тихива очима власть свою правити.» Прочео же и паки воспоминаеть о монастыри своемъ о Отин вустыни, да даруетъ и той грамоту свободную и судъ свой утвердити по отца его грамотѣ монастырю, и початію да утвердитъ. Таковое нарѣчіе князь Иванъ отъ архіепископа слышавъ и прошенію его виавъ, съ радостію еже о монастыри его исполняеть, даровавъ имъ граноту и свою по отца своего грамотѣ, и съ свободою судъ свой утвердивъ имъ, якоже и преже въ гранотѣ отца его князя Василія, и изваиваиеть позлащениомъ воображеніомъ князя печать грамотѣ надставивъ, да не по(ко)лѣбно въ вѣки повелѣніе его пребудеть.

Но точію Московскіи князи велици къ сему проподобнику многою любовію унространишася, но и Тверскіи и Литовскіи, и Смоленскіи, и Полотскіи, и Пѣнецкскіи, и вси округъ сѣдации страны во вся лѣта епископства его твердо любовь имѣяху къ нему, и миръ великъ къ Великому Новуграду имѣяху такоже и ко всѣмъ предѣломъ его, и глубоку тишину та страна вся пріять, и не бѣаше слышанія рати во вся дни его. И гражане, любовь зѣло между собою поучениень его имуще, никакоже николиже усобныя брани водвигоша между собою; благоплодны же земля зѣло паче первыхъ лѣтъ и гоблизено во всей земли Новугородской и Псковской и плодотовито вѣсми овоцни быеть зѣло. Такова благословія обила молитвами его Господь Богъ дарова граду нашему, и многоя благоты вси насладившася, радость и веселіе вѣсми бѣаше и не

бѣаше вражды, ни маетжа, но тишость и миръ и любви во вся лѣта епископства его. Единую при немъ издадо на градъ смертоносіе, тѣмъ же утѣшаше люди отъ Златаустовѣхъ словесъ, яко «сего ради извини бываемъ, иже согрѣшивше къ богови, покаянїа не выскахомъ о грѣсехъ своихъ; въ тишинѣ и пространствѣ упитавшася аки толцы, отъ веселїа забвеніе страха Божїа прїемше. прегрѣшивша, и сего ради азъ смертную граду наводю; но и се многа милости и человеколюбїа ес(ть) его дѣло: не подаже бо языкъ, ни страши приведе на раслененіе и расхищеніе, предавъ грѣхъ ради; аще бо кто извѣсть быеть, но обаче въ дому своемъ естъ и вси свои изболѣзнующе ему суть; аще и умреть кто, ближикъ своихъ руками съ священническани молитвами погребаетъ и священными службани помяновень бываеть, и покаяннымъ грѣхомъ милость отъ Бога отлучаетъ; и выиѣ къ поканію прїбѣгше, молитва Господа Бога сотворито, ушла дѣла своя творяще, и со здравіемъ спасеніе воспрїимете себѣ.» Тогда же молитвовавше людие вси, и храмъ въ нїи святаго Семсона въ Зверницахъ создаша. И тако извъ смертнѣи погыбши, и Божїа милость паки людехъ многа быеть, и паки радости людие о божїихъ дарованїихъ исполняхуся, безъ возмущенїа и безъ скорби выну пребывающе, веселяхуся.

Блаженный же архіепископъ Іона състарѣвся бѣаше и возѣ ему тяжестнѣ быша зѣло, и ко блаженнѣи ковчнѣи зраше. Завѣтъ своею рукою списа о монастыри своихъ, яко не насилovati ему, снабдѣти же братіи своей иже бывающнѣ по немъ архіепископомъ поручи самъ; якоже Іаковъ, прострѣ нозѣ свои на ложи своемъ и скоччася во блаженную ковчнну преподобныхъ. Подобающая о немъ пѣнїа сотворито, влопннша на то устросннй ему ковчегъ дубовъ честное тѣло его, покрывше дескою въ ковчезѣ, на нойже назнамспана лѣто и мѣсць и день преставленїа его, поставнша той въ гробѣ въ церкви славнаго предтечи и крестителя Іоанна, егоже самъ созда; землю же того не посыпаша до чотырдесяти днѣи, елико днѣи напакнды пѣвахуся. Попо-

же тѣло его и по чотыредесятихъ днехъ не издасть воня, и по снхъ землею засыпати гроба его не произволиша, но верхъ гроба его дскама древяными вышши лакти покрыша, аки вѣроваше добръй жизни, его ради и телеси его по смердѣти уповаше, якоже и прочимъ мертвецомъ. И второму лѣту уже исходящу по успени его, и никтоже до днесъ сирадъ обонявъ явися отъ гроба его въ церквѣ той, присво людми поущимъ ту и у гроба его стоящимъ и вѣсту мовру сущу и водну, лѣтомъ теплымъ бывшимъ, обаче проподобнаго святителя тѣло не издасть воня и до днесъ; и многа исцѣленія бываху отъ телеси святаго отца

даже и до днє съ вѣромъ приходящимъ человекомъ, яцѣмъ же недугомъ кто одержимъ бываше.

Сіа ми воспоминашася о присвоиматичѣ снѣ архієпископѣ Іонѣ. Малая же мнѣ оставиша, иже болшая памяти писавшей, и олівка тѣя оставиша аки мала и не виссаша, къ прочимъ своимъ писаномъ мѣ приложномъ воспоминаюти по блаженномъ Евѣнгіи о священномъ Іонѣ. Да дастъ же Господь и мнѣ молитвенно его благословенію, якоже и при немъ земли обиліе, и любовь и тишину страначъ, и миръ граду и людемъ его. Богу нашему слава нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ. Аминь.

ПОВѢСТЬ О МИХАИЛѢ КЛОПСКОМЪ.

Мѣсяца генваря 21 дня.

Повѣсть о житіи и отчисти чюдехъ исповѣданіи

БЛАЖЕННАГО МИХАИЛА, НАРЯДЦЕМАГО СЛОСА, СИРѢЧЬ ХРИСТА РАДИ ЮРОДНАГО,

ПОСЛАНАГО КЛАЖЕННИЦУ СВОЮ ЖИЗНЬ БО ОБИТЕЛИ ЖИВОНАЧАЛЬНА ТРОИЦУ, ЖЕЖА ГАЛГОЛТАЕА ВЛОПЕСКОГО, БО ОБЛАСТИ БЛАЖНАГО ПОСАГРАДА.

Списана по благословенію престоличнаго епископа Макарія тогоже преименитаго и славаго ПОСАГРАДА. БЛАДЖКО, БЛАГОСЛОВИ.

(Изъ рукоп. XVI в. библиотеки Іосифова Волокол. Монаст. № 632.)

Христось ми да начинаеть словудавецъ и великиаъ даровъ дародатель, той бо есть еже всѣхъ заждитель и Госиодъ, яко отъ небытіа въ бытіе вса приведый заждительнымъ своимъ повелѣніемъ, и родоначальника праотца Адама созда пречистыма и нетлѣннымъ рукама и душу живу въ того нерстное тѣло вдохну и раю жителя сотвори; сему жь помрачившу совѣсть и преступившу заповѣдь горькаго плода вкушеніемъ, изъ раа изгнану бывшу, терніа и волчмы возрасти тому повелѣ, сирѣчь образъ грѣху и преступленію. И влечашеса родъ изъ Адама и множахуся людіе, паче же возрасташе беззаконіе; и того ради наведе Госиодъ всемірный потопъ, и отъ сего спаше Ной осемьродна, и сотвори его втораго родоначальника на земли. Падешемъ же Адамовымъ и заповѣди преступленіемъ смерти область даруется и ада восприятіе въ разширеную его и несытую утробу. Единородный же Сынъ, пржеже въкъ сынъ, Слово Божіе соприисущное Отцу и сопреестествовно, неизреченнымъ челоуколюбіемъ и илреченіемъ отчизъ и дѣяствомъ святаго Духа, въ по-

слѣдняя лѣта изволи воплотитися отъ пресвѣтыа Богородицы и присиодѣвы Маріи; но магы бѣ и не простоу челоукъ, воплолося паче челоука, притисъ въ себѣ составомъ челоучества, разшишенію пріемъ по възвѣщеніемъ, ми възвѣвивъ существа, но пребывъ еже бѣ, еже не бѣ пріемъ, цѣлу пребывающую составу; тѣмъже въ обою естеству единъ той же есть Христось Сынъ Бога живаго познаваси; тѣмъже убо безсмертенъ яко (Богъ) бѣ и, яко челоукъ, повинувся закону смерти; да милосерднымъ и полнымъ снатиемъ даруетъ намъ на небеса восходъ, смертію же своею смерти державу разруши и адово учительство претрѣ и разширеную и ненасытую его утробу расторже; и по еже изъ мертвыхъ Христовѣ воскресеніи ученицы на проповѣдь посылаени бывають и языцы по всей вселеннѣи крещенію пріемлють во имя Отца и Сына и святаго Духа; тогда благочестіа стѣсна наслѣдуса отъ апостолъ, послѣди же класи пожинахуся и плоды владычѣи приносими бываху, овѣ сто, инѣ же шестидесятъ, и инѣ наки тридесатъ.

Егда же въ разсѣнаніи языкъ апостола шестіе пріемлють, тогда иже прже званный Андрей, иже перво сѣбу свѣтильникъ ученикъ бывшій, ученикъ же и содѣйственикъ, якоже бо слова гласъ и другъ жениховъ, наче же Христовъ, несупружню и дѣйственно житіе возлюбилъ такоже и того ученикъ; послѣди же Христовъ ученикъ бысть Андрей, безъмисленно в дѣйственно житіе проходитъ, и вселенную обтече и Нонтійское море достизаетъ, къ сѣвернымъ же странамъ шествуеть; и до предѣлъ Словенскихъ пришедь, и ту Духа святаго благодатию пророчески вѣщаетъ и мѣсту возсияваніе предлагаетъ, и знаменіе небеснаго царя—крестъ водружаетъ, и дѣже послѣди бысть градъ Кіевъ; и пакы оттуду по Дибурю горѣ шествуеть и къ Ловотѣ рѣцѣ оттуду приходитъ и тою до великаго езера достизаетъ, Пльмеръ тако нарицаемаго, и снѣгъ въ великую рѣку Волховъ входитъ и великаго сего и славнаго Новграда достизаетъ, и во предѣлахъ сего Великаго Новграда отходитъ внизъ по Волхову, разстояніе отъ Новграда Великаго нмѣиь вдалѣ поприщъ шестьдесятъ, и ту жезлъ свой погрузилъ мало въ землю и оттогда мѣсто оно прозвася Грузино. Егдаже по пророчеству святаго апостола Андрея просвѣтися сіа Великая Росія, тогда на томъ мѣстѣ, и дѣже святой апостолъ жезлъ свой водрузилъ, храмъ святаго Андрея поставленъ и въ немъ безцѣнное и честное оно сокровище—иногодѣльный святаго жезла полагается, о немъ же многа и несповѣдима сказуются чудеса, иже и до днесь всѣми видимъ есть; вся же вѣрніи, благовѣрніи мужіе, приточюще въ храмъ святаго апостола, самовидцы бывають жезлу святаго, и вѣрою и любовію того любзающе, касаются и написанная на немъ зрять; сице бо написано есть на жезлѣ святаго: аще кто дерзнетъ изнести жезлъ сей изъ храма святаго, знаемиъ предается. Мнози же достовѣрніи и благовѣрніи мужіе повѣдаютъ, яко иногажды храму святаго отъ огня загорѣвшу, жезлу же святаго цѣлу пребывающую молитвами святаго, овогда на воздухѣ невидимо держищу, овогда на иномъ мѣстѣ водружающуюся. И сіаже гла-

голють о жезлѣ святаго: яко отъ древнихъ единому архіерею славнаго сего и великаго Новграда, хотѣвшу нѣкогда жезломъ украсить жезлъ въ честь апостола, святаго же сего не изволившу, и удержася святи-тель отъ такового начинанія; древо же жезла оногю никимъже знаемо бѣ, ниже въ сѣхъ странахъ обрѣтаемо, пакы же ни мало растлѣваемо, но невредимо и до днесь пребываетъ. Мы же, оставльше повѣсть о жезлѣ святаго, пакы къ первой бесѣдѣ устремимся.

Отъ сего убо благочестія началу Словяно пріемлють; и по снѣхъ Владиміръ, иже благочестія ревнитель блаженый Василіе, царей нашихъ православныхъ корень влечетъ, иже воистину достоинъ царскаго имене нарицася; сей апостольско дѣло содѣла и всю Россію просвѣтилъ сватыми крещеніемъ, второй бысть Константинъ; тогда благочестія стѣмена, (по) предлаганію первоуказаннаго и пророчеству, сторицествующей классъ приносать. И сей великій Новградъ отъ Кіева, якоже отъ Рима вторая Антиохія бываеть, и въ Россіи всей святи-тельствомъ престолюетъ. Ему же ты, пречестный нашъ владыко, пастыръ же и чредовачальникъ смѣи, яко сіа намъ повелѣлъ еси написати выше нашихъ вѣрны; не хотѣхъ же коснутися, святой владыко, спцевому дѣлу, яко недостойну ни сущу коснутися величій и по-постижимій сей бесѣдѣ, еже о проподобіихъ и блаженіихъ отцѣ нашихъ Михаилѣ, иже буйство иродства Христа ради на ся возложи; но бояхся преслушанія отъ твоего святи-тельства; воспріяхъ же трость къ начинанію повѣсти и пакы ю почетахъ, трестна бо ми десница, яко скверна сущи и недостойна къ начертанію повѣсти; и пакы воспріемлю трость и устремлюся къ повѣсти; аще и помраченъ разумъ нѣбу, но на твоя молитвы надѣяся, и повѣсти началу касаюся. Что же реку и что возглаголю, и како началу слова коснуся, разума нишетою объяту ни сущу, иже риторски навывшю, ни философин учену когда, иже пакы советникою прочетшю? Но на единого всемогущаго Бога возложихъ надежду, могущаго нечудрымъ умудрити, и мене неразумнаго да вразумитъ, да и ра-

зуть младенцемъ; и преподобнаго отца молитвы на помощь призываю и свѣтительское благословіе утверждать ми руку, и сіе, яко брѣня вѣры и щитъ спасенья и мечъ духовный, пріемлю. Вы же, христоменимый и многочеловѣчскій и всенародный соборо, нынѣ радующесея душою, духовно торжествуйте и память преблаженнаго отца нашего и чудотворца Михаила, и приклоните слухи ваша со вниманіемъ, да насладитесе истинныя сѣя пищи, и жажду утолите водою сладкаго сего и неисчерпаемаго источника.

Откуда же явися дивный себѣ свѣтильникъ и отъ какову родителю прозвѣде, по обрѣтохомъ, прохоженья ради многихъ лѣтъ; но вышняго Іерусалима гражданинъ, отца иѣхаше всѣхъ Создателя, къ нему же вѣсь возложися, шатеръ же—горній Сионъ, сродники же лики святыхъ, съ нимъ же днесь яковствуе; плотскій же корень влещаше Россійскихъ нашихъ царей, якоже преди слово изъяснитъ.

О пришествіи святаго въ монастырь, глаголемый Клопскій.

Царствующу Великою Россію христіолюбивому царю Василію, сыну достохвальнаго царя Дмитрія, иже на варвары побѣду оказавшаго за Дономъ на злочестиваго царя Мамая, первопрестольствующу тогда великія Россійскія церкви свѣтѣйшему митрополиту Фотію, Великаго Новграда престолъ украшающу пресвященному архіепископу Іоанну, явися дивный себѣ Михаилъ. Сицевъ же образъ пришествія его: Монастырь, называемый Клопскій, въ немъ же храмъ живоначальныя Троицы, за пятдесятъ поприщъ отъ великаго и славнаго Новграда близъ рѣки, нарицаемаыя Веряжи, иже преже немногимъ знаемъ бѣ, послѣди же отъ всѣхъ славныхъ чудесъ ради святаго. Въ томъ же монастыри игуменъ бѣ тогда Θεодосій именовъ, мужъ добродѣтеленъ, иже многія его ради добродѣтели послѣди возведенъ бысть на великій архіерейскій престолъ Великаго Новграда, по прореченію блаженнаго Михаила, якоже преди бесѣда слова изъяснитъ. Мы же на пред-

лежащая возвратимся. Сему преподобному игумену Θεодосію, пасущу духовное стадо, наставлю же его во обители вся добрѣ строяхуса. Бысть же во обители оной священниковъ иѣкій именовъ Макарій, иѣхадъ келію близъ храма святыхъ Троицы; сему Макарію случися иѣснца іюня 23 день, на память святыхъ мученицы Агриппины, заутреннюю службу совершати въ церкви; егда приде время дошата иѣсны, сему же покадившу братію, иде къ келіи своей кадити, яко близъ бѣ церкви; егда же приде къ келіи, и обрѣто ю отверзту; онъ же удивися, яко преже заключенъ еѣ сущи, и вшедъ, обрѣто иѣкого во инокеска облечена сѣдѣща, и предъ нимъ свѣщу горящу, сѣдѣщему же вѣшущу дѣянія святыхъ апостолъ. Видѣвъ же сіа ерей, и ужась объятъ его, возвратися въ церковь и повѣда игумену Θεодосію. Игуменъ же, сіа слышавъ, и по скончанію утрення службы, вземъ крестъ и кадилью, и братія съ нимъ идоша къ келіи и обрѣтоша келію изъутруду заключену и преддверіе такоже затвержево со рсацѣвъ утвержденіемъ; и много толцаху; и не отверзе нитъ, ниже отѣща. Игуменъ же повелѣ вскрыти покровъ предъ келію; и тако зшедшо во преддверіе, и обрѣтоша келію такоже заключену, якоже выше рѣхомъ; и повелѣ игуменъ двери разбити; и егда сокрушиша двери, и вшедъ игуменъ въ келію, и обрѣто старца иишуща, и начатъ вопрошати его, глаголя: повѣдъ ми, кто еси, человекъ ли, или духъ? Онъ же тая же вѣщаше, яко слыша игумена глаголюща. Игуменъ же нача молитву творити,—и ста такоже молитву дѣлаше; и нача игуменъ крестомъ огражати и опимахомъ кадити,—онъ же крестомъ огражашеса, кадильца же уклоняшеса. Егда же приде время божественныя литургіи дне того, въ онъ же явися свѣтый во обители, и вшедшу ему въ церковь, егда повяху единопородна Сына Слова Божія воплощеніе, и начатъ къ поущимъ присовокуплятися и иѣти съ ними, и блаженну глаголаше и аистолъ начатъ чести. Слышавъ же игуменъ яко источникъ воды живы исходящъ изъ устъ святаго, и возрадоса о пришествіи святаго. Ся-

тѣмъ же всегда начать отъ дне того пѣти въ церкви. Егда же выдоша на трансю, и повелѣтъ игумень чести святому, якоже есть во обителѣхъ обычай; и слышаху толку сладость изъ устъ святаго во чтеніи, яко ни единому брату не хотищу вкусити брашна, но всѣмъ послушающимъ чтонаго святымъ исходящія благостыни изъ устъ его. И по исхожденіи братіи изъ трансю, игумень, взявъ святаго за руку, и введе и въ келію, да пребываетъ въ ней; отъ того дне начать жити въ монастырѣ. Имени же его не возмогоша увѣдѣти, или откуда прииде. Вкушаше же единою въ седмицу хлѣба, такоже и воду пиаше единою въ седмицу, и то во оскуду. Егда же трудъ тѣлесный повужаше и, тогда на землю пометашеся, но пророку вѣщая: приле земли душа моя;—и яко похабѣ творашеся; въ колѣнъ же ничтоже виѣшаше, ни ризы, ни рогожи, кроиѣ единой, еяже тѣло покрываше; труды же его кто исповѣсть? токмо бо яко стѣнь тѣло нѣтъ отъ великихъ трудовъ и воздержанія. Видѣвъ же его игумень толку воздержаніе и муца, и начать велика нѣтъи его; онъ же большаго воздержанія касашеся и къ трудамъ труды прилагаше, и, хотя утантися братіи, юрода себе твораше.

О приходѣ князя Константина въ монастырь и о видѣніи святаго имени.

Грѣхъ убо ради нашихъ наказующу ны человеколюбцу Богу, ово голодомъ, ово запаломъ, вногда же безбожныхъ пахожденіи, страшнѣйши же и ужаснѣйши сѣхъ еже можьсобныя бранн; случижесе тогда благочестивому князю Константину Димитріевичу, изгнану быти отъ своия отчины и принти въ Великій Новъградъ; граждано же съ радостію приаша его; не по многоѣ же времени приходитъ тѣмъ князь во обитель просвѣтлыя Троицы на праздики Преображенія Господа и спаса нашего Исуса Христа; и восхогѣ князь причастилися святыхъ и животворящихъ тавнъ Христовыхъ, бѣ бо игумень Феодосій отецъ ему духовный. Егда же соверша божественную литургію, князю же Константину со княгинію сподобившуся прияти пречистыя тавны и

входитъ въ трансю еже умерити братіи, тогдаже повелѣтъ игумень блаженному чести на трансѣ. Онъ же, по повелѣнію игумена, взявъ книгу многотерпѣливаго и праведнаго Юва, и начать чести. Слышавъ же князь чтуща святаго, пришедъ близъ, возврѣ нань и поклонися ему, глаголя: «Почто, чадо, имени своего не повѣси? Се есть Михаилъ, сынъ Максимовъ». Онъ же отвѣща: единъ создавшій вѣсть, кто емь азъ. Начать же игумень увѣщавати, глаголя: почто, чадо, имени своего не повѣси? Онъ же рече: вѣдѣй буди, яко Михаилъ нарицаешя. Игумень же и братія возрадовашася о увѣдѣніи имени блаженнаго. И тогда князь рече ко игумену: вѣдѣй буди, яко сей старецъ сродствіа союзомъ намъ приплотаетя. Слышавше же игумень и братія, болми начаша честити блаженнаго Михаила. Онъ же, видя себе почитаема, сугубо юродство прилагаше себѣ и всачески плоть удручаше. Но хотя же Богъ таковому свѣтильнику покровену, ниже поташе быти, но аскорѣ на свѣщницѣ того поставляеть и всѣмъ явственна творитъ.

О паведеніи кладезя вольтвами святаго.

Случися вѣкогда одержашу бездождію окрестныя страны Новъграда, толку жъ Божію гнѣву протлазующа и насъ человеколюбитъ наказующу, яко три лѣта не бысть дождю, не токмо же источникомъ, но и рѣкамъ просыхающимъ, не голодомъ токмо, но и жажею люди отъ неба наказуемн бываху. Во единъ же отъ днѣи узиде новонарь къ рѣцѣ, глаголемой Веряжи, взяти воды къ божественнѣи службѣ, и зреть святаго, випуща словеса княжия на песцѣ, и шедъ, повѣда игумену. По совершени же божественныя службы игумень Феодосій шаде ко берегу рѣки; тогда же и той рѣцѣ пресякнувши отъ бездождія, и обрѣто на песцѣ написано сице: «счашу спасенія пришу и ими Господне призову; на семъ мѣстѣ источникъ истечеть неизчерпасный!». Видѣвъ же сіа игумень, удивися, и шедъ, призва блаженнаго Михаила и показа ему написанное мѣсто, и рече: что се есть, чадо, написанное

и кую силу имуть словеса сія? Онъ рече: на семъ мѣстѣ изидеть источникъ воды непресыхающія. Игуменъ же повелѣ блаженному помолитися; онъ же, преклоивъ колѣна, началъ молитися, такоже и игуменъ помолися. И внезапно потрясся мѣсто и изыде вода высврь яко трубою. Видѣвъ же сія игуменъ, и прослави Бога, прославляющаго святыхъ своихъ.

О умноженіи потребныхъ въ монастырѣ.

Въ лѣто же оно по бездождію гладу велику наложашу, странники же и пришельци множащияся во обители, овѣвъ къ путешествію устремляющихся и ту препитатися желающимъ, друзѣвъ же гладныя ради нужды приходящихъ, яко да пово нужнымъ удовольствятся. Игуменъ же Феодосій прискорбенъ бывъ нужи ради приходящихъ, егда како не возмогутъ сами препитатися, яко житницамъ истощиваемымъ и жити чалашуща, блаженный же Михаилъ глагола къ игумену: напшавый пять тысяць народа пятію лѣбъ, разѣвъ жень и дѣтей, и избытки укрухъ 12 коша исполнивый, и седмю лѣбъ четыре тысяци народа насыщевый, избытки укрухъ 7 кошанъ исполнивый, нась лѣ, своихъ рабъ, презреть, иже не повелѣ о утреннѣй пещиса? И началъ молити игумена, да повелитъ невозбранно подати приходящихъ вареное жито. Игуменъ же по повелѣнію святаго повелѣ обильно подавати приходящихъ пищу. Видѣвши же сія братія, и начаша роптати на игумена и на святаго. Блаженный же, взевъ игумена и братію, и иде къ житницамъ; и видѣвъ жо житница множащася и толику жити суцу, яко никогдаже не умалену, ни емлену отъ нихъ. Видѣвъ же сія игуменъ и братія, удивившася и прославиша Бога, яко волю болящихъ его творить. Блаженный же повелѣ неоскудно наки подавати жито всѣмъ приходящимъ.

О гальоиницѣхъ пророчество святаго.

Стоящу икогда игумену въ церкви во время святыхъ литургій, приде къ нему святый, глагола: ибѣны хотять принти къ намъ. Игуменъ же вопроси его: кто

есть приходилъ? Михаилъ же, яко глумися, рече: ничтоже. Егда же совершиша святую службу, изыде игуменъ изъ церкви и видѣ три мужа стояща. Блаженный же рече къ игумену: призови ихъ, да ядутъ на трапезѣ. Игуменъ жо рече къ нимъ: придите, чада, вкусите брашна. Они же, отвѣщавшо, рѣша: ямамы еще дружинну витъ монастыря. Игуменъ жо одного посла, повелѣ и прочихъ пригласити; и придоша тридесать мужей вооружены и въ рукахъ имущо оружія обнажены. Блаженный же Михаилъ повелѣ всѣхъ призвати на трапезу; и всѣ пришедшо, начаша ясти; два же отъ нихъ не вкусивша брашна; и рече имъ святый: «почто, чада, не вкушасте? вѣдая будите, яко не имать совершитися совѣтъ вашъ, яко врагъ всѣя въ сердца ваша.» И абіе отъ слова святаго ужасошася и въ водугъ тяжкъ оба внадша, яко ни языкомъ глаголати имъ возмоща. Прочіи жо, видѣвши, убоюшася, егда како и тѣи постраждутъ, и даша дары игумену, яко да помолится о болящихъ; сами же отыдоша съ ниромъ. Непогнмъ же днень прешедшимъ, единъ отъ болящихъ овѣвъ разбойниковъ восхотѣ обещиса во иноческій образъ; игуменъ же не хоташе пострици его, да не кую пакость приннуть отъ сообщивкъ его. Блаженный же Михаилъ повелѣ возложить на нь ангельскій образъ, глагола: сей убо братъ намъ будетъ. Егда же постригоша и, и непонозѣ здравъ бысть и поживе въ покаяніи, слава Бога и его угодинка блаженного Михаила. Такоже и вторый оздравѣ и отыде съ ниромъ во свояси.

О второмъ приходѣ князя Константина въ монастырь и о поставленіи церкви каменныя свята Троицы, и о прореченіи святаго князю Константину.

Случися икогда князю Константину принти въ монастырь, игумену же и братіи сръбшимъ его, якоже есть обычай сръбтати благородныхъ господей; празднику же тогда суцу Лазарева востанія, Михаилъ жо такоже изыде во сръбтеніе. И глагола ему князь: моли

Бога о нѣхъ, понеже зѣльнѣ оскорбляюся, яко лишень осьнь отческаго благоволенія, а своєю отчизны. Рече же ему блаженный Михаилъ: не скорби, княже, но ии кѣру ко святѣй Троицѣ и воздвигни храмъ каменъ живнотачальныи Троицы: и не токмо на своємъ отечествѣ будещи, но и небесныи кровы наследши, и братья твоя съ честію примуть ти. Князь же призва игумена и повелѣ послати, да призовуть мастеровъ, яко возмогутъ создати храмъ святыхъ Троицы. Пришедшии же адателии отъ града, старѣйшихъ ииуще Ивана, Климентія и Алексія; и призва ихъ князь, глагола: да воздвигнутъ храмъ святыхъ Троицы. Они же, общавшеся, и начаша каменъ возити. Ненавидѣи же искони добра врагъ воздвизаетъ бурю во озерѣ, яко невозможно ни единой ладіи пріити съ каменемъ: не токмо же во озерѣ бурю воздвизаетъ, но и на стѣнахъ невозможно стояти дѣлающимъ, зѣльныи ради бури. Зидцы же, оскорбившеся, пріидоша ко святому, повѣдающе косиѣніе дѣлу. Святый же отвѣща: не скорбите, братіе, яко можетъ Богъ невидино посѣшествовати на совершенія святаго своего жилища. Самъ же блаженный помолися; полнвою же святаго буря утолися и бысть вѣтръ покоивъ: огда во каменъ вдаху, вѣтру ииъ посѣшествовающе; огда же съ каменемъ возвращахуся, и вѣтръ но ииъ пакы возвращашеся; и тако полнвами святаго храму вскорѣи совершену бывшу въ лѣто отъ созданія всенірнаго шесть тысящъ девять сотъ двадесать седьмо. Пріиде же князь Константинъ на освященіе храма, мѣсяца септемвриа двадесать четвертый день, на канять святыхъ первоученицы равноапостольныхъ Феклы. И бывшу освященію, празднующе чество, князь же призва святаго Михаила и игумена, рече ииъ, яко «моляте ради нашихъ, братіе, прислаша ко нѣхъ, да пріиду по свою отчизну». И глагола ему святый: види, княже, съ миромъ ии примуть ти съ любовію, но не забуди дому святѣй Троицы! Князь же общася ииѣти вѣру во вся лѣта благочестивыи своя державы.

Пророчество святаго игумена Феодосію.

Въ та же врѣмена пресвященный архіепископъ Иванъ ко Господу отиде. Михаилъ же глагола игумену Феодосію: вѣдмй буди, яко возведень будещи на архіерейскій престолъ и ту два лѣта поживещи, святиельскаго же сана не сподобишися. И бысть тако по прореченію святаго. По преставленіи архіепископа Ивана, народъ Великаго Новѣграда возведша въ домъ архіерейскій инока нѣкого Симсона именованъ изъ обители всемілостиваго Спаса и чудотворца Варлаама, мужа въ добродѣтелии сілюща. Сему же Симсону три лѣта по совершену бывшу саномъ архіерейства несогласія ради народа, и потомъ совершися саномъ архіерейства отъ руку святѣйшаго митрополита Кіевского и всея Русіи Фотѣя, и насе церковь Христову три лѣта, въ добрѣ старости къ Богу отиде, шесть лѣтъ поживъ отнележе настырѣ нарочеся. По отшествіи же его къ Богу, возведша на престолъ Феодосіа прѣжеречиваго игумена бывшаго обителя святыхъ Троицы, ииѣ же святыхъ Михаилъ живяше, о немъ же пророчествова святый прѣже шести лѣтъ возведенія его. Сему же преподобному Феодосію два лѣта пожившу въ дому архіерействѣи, сана еще святиельскаго не пріемшу, и тако поживъ два лѣта, святиельства же не сподобися пріити, по пророчеству святаго. Ненавидѣи же добра врагъ, видѣи же его мужа добродѣтелии, воздвизаетъ брань ванъ и вооружаетъ ванъ старѣйшихъ града, и пакы сводоша его изъ дому архіерейскаго. Онъ же пакы отиде во обитель святыхъ Троицы. Святый же срѣте его съ любовію и начатъ утѣшати его; онъ же такоже возрадосася, видѣиъ святаго, и оттолѣ болии начатъ чтити святаго, яко его предвѣщаніемъ вся о немъ совершися.

Нѣкогда внезапно не обрѣтеся святый во обители. Празднеству же тогда сущу свѣтлыи ведѣли, и въ той часъ познанъ бысть во градѣ отъ нѣкого вельможи имененъ Григорія; видѣи бо его во притворѣ святыхъ Софій, и начатъ вельможа молити его, да прі-

идеть въ домъ его вкусити хлѣба, и повелѣ работъ своихъ стрещи блаженнаго; онъ же пакы невидиць бысть ниа, и въ той часъ пакы обрѣтеса во обитомъ. Ещю же іерсю идущу въ церковь, ко святѣй службѣ готовящуся, и видѣ Михайла идуща на монастырь. Якоже бо иногда апостола Филиппа духъ восхищашо, сице и сего блаженнаго; вѣсть бо Господь, како прославити святыхъ своихъ.

Ино чудо о дву вельможалѣхъ.

Человѣконенавидецъ убо дьяволъ, обътекаа вселеншю и простираа лукавыя сѣти чловѣческому роду, наче же христіанскій родъ уловляа различными бѣдами, сей сотвори вражду нежду двѣма вельможани о вѣконыхъ нивахъ; одинъ же отъ нихъ именовъ Елестерій, а вторый Иванъ именовъ. И придоша оба во обитель святыхъ Троицы и начаша оба повѣдати святому кнѣзю свою обиду. Уразумѣвъ же святый духомъ лукавство Елестеріева, и глагола ему: чадо, отверзи отъ себе насилуоная и самъ припади со слозами къ необидинному Судіи, яко до ущедритъ тя: арю бо та въ волнцѣхъ бѣдѣ суща; аще ли не сотвориши сице, азъ же заповѣдахъ ти, вѣдмай, яко днесь будоши вѣнъ, ни двигнутися ногій, ни очима прозрѣти. Они же, слышавше сіа, отидоша, и придоша въ весь вѣкую, именовъ Курочка, согласіа ради, и придоша къ церкви Успенія пресвятыя Богородицы въ той веси; и начатъ Елестерій глаголати: брато Иванъ, сіа земля—отчина моя есть. И удари покровницею ручною въ землю и дастъ руку Ивану. И егда преклонся пріяти ручницу, и внозупу весь ослабѣ по пророчеству святаго, яко ни очесе возвести ему, ниже усты двигнути, и въ томъ тацѣхъ недузѣхъ преставися.

Чудо Святаго о ионѣ.

Іерсю вѣконому, именовъ Никифору, случися отъ наваженія дьявола украсти панагію; святый же рече ему, яко обѣсноватися инаши, пошеже на святая державуль еси. И отъ того часа возбѣнѣ поплъ; панагію же

сказа святый въ углѣхъ единыхъ нещю; и обрѣтоша ю по повелѣнію святаго.

О архіепископѣ Евонніи.

Бысть же нужѣ вѣкоой належаша монастырю отъ архіепископа Евонніа перваго, овогда насильствіемъ среброниканія, иногда монастырскихъ коней отъятіемъ. Видѣвъ же сіа святый, начатъ глаголати первопрестольнику: сице ли повелѣваютъ священная правила пастырю стадо расхищати? вѣси ли, кому собарешти? И вкупѣ со словомъ разболѣся архіепископъ, и мало поживо преставися по пророчеству святаго.

О друзахъ архіепископа Евонніа.

Времени же мало прешедшу, возведенъ бысть на архіеройскій же престолъ блаженный, чудный Евонній, нае послѣдїи великъ чудотворецъ явися, якоже и до днесь самая того чудеса, наче трубы вопіюща, проповѣдаютъ. Сему же чудному Евоннію возведену бывшу на престолъ, случи же ся тогда нестроенію во градѣ: овин же отъ гражданъ приложиху по древнему преданію Россійскимъ царемъ, глаголющо, яко отъ Владиміра, святаго цара нашего, сіи суть владѣющіи нами; вельможи же града, всѣ старѣйшими отъ наученія дьявола хотаху Латыни приложитися и снхъ краю повиноватися. И тако нестроенію велику сущю, и тогда блаженному Евоннію по совершишуся архіеройства сапомъ три лѣта, въ та же времена случися святому Евоннію пріяти во обитель святыхъ живоначальныхъ Троицы учредити братію. Егда же внидоша въ трапезу, Евонній же нача молити святаго, глаголя: моли, отче, Бога обо нѣхъ, да воспріиму рукоположенію отъ святѣйшаго нашего митрополита Владимірскаго и всея Русіи, по повелѣнію самодержца и цара нашего Василія Всецаревича. Блаженный же Михайлъ изчѣвися духомъ пророчествіа и яко Саллошь творяшеса, исторгъ збрусь изъ рукъ блаженнаго Евонніа и возложи на свою главу, образомъ яко буй творяшеса, духомъ же пророческихъ вѣщаше, глаголя: Смоленскаго града достигнеши и тамъ

архіерейства самъ совершенно пріиимши. Святому бо сіа дуломъ вѣщающу, Богу же слово блаженнаго въ дѣло приводящу, Евоній же ко граду Смоленску отходитъ и тако архіерейства самъ воспріимляше отъ митрополита Кіевскаго Герасима, и пакы ко обители приходитъ и святому поклоняется и благодарствію тому приносить, яко того ради молитвъ совершенію сана пріять. Святыи же любезнѣ того пріимлетъ и къ славнѣйшему граду Москвѣ ити тому повелѣваетъ, и въ немъ царствующаго благочестиваго царя Василія гнѣвъ на ся утланя. Архіепископъ же по словесѣхъ святаго пакы пути емоется, и царствующій градъ Москву достигаесть, и царскій гнѣвъ укротя, и отъ первопрестольника благословенію и разрѣшенію сподобляется. Фотію бо тогда святѣйшему митрополиту правительствующу, великіа Російскія церкви престолъ украшающу; и на свой престолъ съ честію отпущомаъ бываеъ архіепископъ Евоній, и пакы во обитель приходъ, большее благодареніе святому приносить, яко молитвами его всюду хранишеса.

О паконѣхъ вельможи, Григоріи иже иже, пророчество и чудо святаго.

Бысть мужъ итѣи, Григорій иже иже; сему живущу близъ обители свята Троицы и многа села и стаянія итѣющу, оцѣ же во градѣ старѣйшинство итѣа и снѣи величалса, многи пакости дѣлаше монастырю. Пршедшу же дню свѣтовоснаго Воскресенія, игумену же и братіа совершающимъ свѣтлое торжество, и сему Григорію тогда во обители сушу; и егда совершися божественная литургіа и изыдо игуменъ изъ церкви, съ нимъ же и блаженныи Михаилъ и прочая братія, Григорій же начатъ глаголати игумену, да не повелитъ пастыря близъ села его стадаъ монастырскихъ, ниже въ рѣцѣхъ рыбы ловити, ни въ блатъ; и земля вся окрестъ монастыря своими нарицаше: «аще ли же преслушаеши повелѣнія моя и егда обрящу или на селѣхъ пасущихъ, или въ рѣцѣхъ ловити дѣющихъ, аще и живы оставлю я. но руками и ногами владѣти не имутъ».

Слышавъ же сіа блаженныи Михаилъ, исполнися духа свята и глагола Григорію пророческое слово: ровъ изры и ископа, и впадется въ яму. юже содѣла, и обратится болѣзнь его на главу его; и пакы рече: вѣдѣи буди. Григоріе, самъ сіа пострадавши, ниже рукою, ни ногою дѣвигнши и въ рѣцѣхъ мало смерти не пріиимши: яко не положи Бога помощника себе и упова на множество богатства своего! Времени же мало мимошедшу, повелѣ святыи ловецъ ити въ рѣку ловити рыбы; они же, взявши ирежа, изыдоша по повелѣнію святаго. Егда же, влекущимъ ииъ ирежу, пріидо предроченныи Григорій и начатъ бити единого отъ ловецъ, и надеса въ воду; и поденшо его еле жива, и едва вода изліяся изъ него; самъ же не ногѣи дѣвигнути ни единѣиъ составиъ тѣла своего; и привезоша его во обитель свята Троицы. Блаженныи же не повелѣ монастыря отверзти ему, ниже приносимыъ отъ него пріимати. Сродницы же предроченаго Григорія начаша молити архіепископа и старѣйшинъ градскихъ, да воелятъ во обитель ко св.тому, да пріииметъ приносимая въ монастырь и поклитъ Бога. Архіепископъ же посла ко святому и къ игумену архидьякона, да совершатъ молебная о болящемъ. Святыи же ревнуеъ Иліа, оного убо подражаеъ, вельможи же нахѣзуютъ, посланному же глаголетъ: не о единомъ Григоріи обыкохомъ молити, но о всѣхъ православныхъ. Сіа же слышавъ архіепископъ, удивися ревности по Бозѣ святаго; вельможа же повелѣ возити себе по монастыремъ в со слезахъ Бога моля, да отпуститъ ему, яко согрѣши ко святому. Человѣколюбивыи же Господь, вразумляя того своею благодатію, яко да не навькиютъ противитися святымъ его, во даруетъ тому исцѣленія, оцѣ же хотя прославити своего угодника. И пакы вельможа възвѣщаеъ архіепископу; онъ же пакы повелѣ ему ити во обитель свята Троицы и просити грѣховъ разрѣшенію и болѣзни облегчанію; и посла съ нимъ іерееа, мужа благоговѣйна отъ пречистыа Соѣи. Пришедшимъ же нимъ въ монастырь, сватыи же не яко проже, но съ любовію пріять вельможи, наказуя его: не оскорб-

ляй, чадо, любящихъ Бога; аще бы сіи не любилъ Бога, не бы оставилъ встѣхъ, иже суть въ мѣрѣ; но почитай инокъ и ииѣй вѣру несумнѣнну ко святѣй Троицѣ и насъ убогихъ не презирай. Вельможа же, плачаще, обѣщавшеся и грѣхъ своихъ каеся, прощенія прося и болѣзни ослабленія; и внесоша Григорія въ церковь; святой же повелѣ молебная совершати, и егда начаша глаголати когдажъ, больный начать рукою двигати, а отлеже разслабленъ бысть четьре-надесеть мѣсяць, но возможе ни единымъ перстомъ двигнути, токмо языкъ покаянія ради оставленъ бысть ему; совершившии же молебная, и начаша литургію, и егда възшедшу іерею преже трисвятаго съ евангеліемъ, тогда больный перекрестися и воставъ на одръ, еде; время же херувимскія иѣсни наста, и егда святая препошахуся, воста больный и ста на ногахъ своихъ, радуяся и слава Бога и угодица блаженнаго Михаила. По совершеніи же святыхъ службы видоша въ трапезу, Григорій же нача молити святаго, да вкусятъ-отъ принесенныхъ съ нимъ брашенъ; и повелѣ святой привести на трапезу; вельможа же самъ предстоаше, да утвердится чудеса на себе показанному, яко на заутренѣ и ни единымъ перстомъ движущу, и того дни на трапезѣ здравѣ стояше и всю службу къ потребѣ содѣяше; самъ же святаго паки моляше, да вкусятъ отъ предлагаемыхъ; святой же еще наказуетъ его, глаголя: лучши, чадо, исти металъниую пищу, вѣдѣже Богъ уготова любящимъ его; и еще приложи Господне слово, рече: се Богъ отъ болѣзни свободи тя, и паки не согрѣшай, да не горѣ ты что случится. И наказавъ его, отпусти радующеся; онъ же хвалословенія Богу воздаваше и того угодицу, отыде въ дочь свой, радуяся и чудо велегласно вѣстѣ проповѣдая.

О приходѣ князя Дмитрія и о игороцествѣ святаго.

Умилжившиися убо въ та времена межъусобнымъ братемъ, благовѣрному великому князю Василію Васильевичу отъ Бога милостивнѣ наказаніе пріемлющу, яко

сыну возлюбленному, якоже вселенныя учителю Павлу вопіюще: аще безъ наказанія есто, убо любодѣйчаша есте, а не сынове; и паки глаголетъ писаніе: яко въ послѣдняя времена набраніи скорбѣи спасутся. Сему же благочестивому царю, толкии скорби пріемшу, овогда отъ безбожныхъ Агарянь влѣвену и паству ради страждущу, и но яко заемнику паству оставившу, но во Господню словеса — и душу свою положившу. Нашедшу бо ему противу влѣвующихъ, умы ниѣ, на рати яту ему отъ безбожныхъ и во своя ихъ скверная живлица отведену; христіанское же множество лишени пастыря теряше, злата множество собравше, безбожныхъ начальника утоляютъ и царя своего паки пріемлютъ. Вида же себе диаволъ сивреніонъ царскимъ побѣждаема, и паки сродника вооружаетъ нашь, и тако благочестивый очію лишаетъ бывасть, и въ дальняя страны въ заточеніе отсылается и съ благочестивою царцею и съ чады; послѣди же милость отъ наказавшаго его пріемлютъ отъ Бога и паки царствію пріемникъ бывають. Лишивши же его свѣта князь Дмитрій Юрьевичъ бѣгу емлется и въ Великій Новъградъ приходитъ. Случи же ся ему пріити въ обитель святыхъ Троицы и ко блаженному Михаилу; вси бо начальники Російскіе приходаше ко святому, яко отъ корени ихъ сущу святому. Князь же начать ко святому глаголати: Отче, моли Бога о ниѣ, да паки воспріиму царствія скиптръ, согнанъ бо есмь отъ своихъ отчичимъ, великаго княженія Московскаго. Блаженный же, отвѣщавъ, рече ему: княже, всяка власть отъ Бога даруется, ты же въ Русіи велики брани межъусобныя воздвиже и врагонтъ радость сотвори; аще же еще потщившися на сицевое дерзата, жалаемаго не получивши, ниже отчесаго наслѣдія достигнеши, и со срамотою паки сѣмо возвратившися в трилѣкотный гробъ пріиметь ты. Князь же, не послушавъ святаго, и паки межъусобную брань воздвижаетъ и бѣгству паки емлется, яко побѣжену ему сущу, и паки къ Новуграду прібѣже и ко святому второе приходитъ, прося благословенія, вкупѣ же и прощенія. Святой же возбранлетъ ему въ словеса достой-

на умилению возбѣцаетъ, глаголя: слыша, князь, землю трикраты вопиющую и тебе пріати хотящу: во и сими, князь, не умилися: обычай бо ожесточавшимъ душамъ ниже наказанія послушати, ниже умилениемъ смирятися, дондеже послѣднюю погибель достигнутъ. Князь же наки на первая возвращается и дарами святого утолити тщится, и одежу снемъ съ себе, на того возложи, и пріемъ за главу блаженнаго, лобзають, царствія же не желати общаваются, но точію свое отечество пріати хочеть. Святый же наки пререкуетъ ему по первому пророчеству, глаголя: ни своего отечества достигнеша, но со студомъ возвратишися; якоже и бысть: князь же бѣгунъ третницею бываеть в Великій Новъградъ достигъ, и житія конецъ пріать, по пророчеству святого.

Пророчество о рожденіи великаго князя Ивана и взятіи Великаго Новъграда.

Пришедшу иѣкогда архіепископу блаженному Евфимію во обитель святого Николая, Вежища тако нарицаемую, яко строеніе того бѣ обитель она, въ нейже ангельскій образъ пріать, и часто тамо святому архіепископу приходящу градскихъ ради мольтъ. Единою же ему пришедшу, случися святому Михаилу въ той обители пребывати въ то время, и срѣте архіепископа, глаголя: днесъ во царствующемъ градѣ Москвѣ радость. Архіепископъ же вопроси святого: что вина радости омы? Святый же рече: днесъ родися великаго князю Василію сынъ и нарочаши имя ему Тимоѣй, Иванъ же наки наречется; сей царствію его наследникъ будетъ и всѣмъ странамъ страшенъ явится, Великій же Новъградъ пріиметь и вся наша обычай измѣнитъ, и злата многа отъ васъ пріиметь, и васъ въ свою землю приведеть. Зрите же ни дару пророчества: преже колкихъ лѣтъ святый предвѣща, яко по чотыредесати лѣтъъ совершися пророчество святого!

О Новгородцѣхъ пророчество святого.

Машедшу иѣкогда святому изъ келіи, и видѣ вель-

можу иѣкоего, Ивана именемъ, нарицаемаго Шемира, въ обитель пришедша, и срѣте и, глаголя: откуда пріидеши, чадо, и что вина пріишествія твоего? Онъ же рече: пріидохъ пріати благословеніе отъ твоея святости! Моли его, глаголя: молися, святче Божій, яко хочеть князь великій ити восвати Великаго Новъграда а ны иѣтемъ у себя князя Михаила Александровича: Алелькова. Отвѣщавъ же святый: почто, безумиѣ, яко иѣмни иѣтетеся? Аще не утолиши гнѣва добротствителю царя Ивана Васильевича, то многи бѣды пріимете. пришедъ бо за неисправленіе ваше, станеть въ борогахъ и многу побѣду покажотъ надъ вами, и страну вашу плѣнитъ, и многихъ отъ васъ вельможъ постѣченію предасть, другихъ же въ плѣнъ отведотъ, и послѣдн много злата отъ плѣсненихъ пріиметь; а на негоже надежу имате, сей князь на себе помощи не возможеть, и самъ бѣгунъ явится; второе же пріидеть благочестивый великій князь Иванъ, градъ вашъ пріиметь и всю волю свою сотворитъ. Како, безумиѣ, сему протавитися хочете, иже преже роженія речево о немъ, яко сему обычай ваша протѣнитъ? Сія же святому пророчествующу, и послѣдн слово святого въ дѣло приходитъ и пророчество святого совершеніе пріиметь. Сицевы убо святого подвиза, и сице воспріиметь воздаяніе и толику дару сподобися, яко предгрядущая вся свѣдѣти тому, да сбудется пророческое оное реченіе: бози будете и сынове Вышняго вси: и наки речево Христомъ: иѣруай въ ны, дѣла, яко азъ творю, и той сотворитъ, и больша силъ сотворитъ.

О преставленіи святого.

Слышавъ толикаа чудеса, и слезамъ достойная хочомъ глаголати, еже о блаженнаго ко Господу отшествіи, тому на небеса восходъ, во обители же сущиѣхъ скорби нахожденію. Пожившу же святому во обители святыя Троицы чотыредесать и чотыре лѣта и проувѣдивъ къ Господу свое отшествіе, — како бо невозможно сему отъ Бога открытиса отшествію его, яко толику дару пророчествію сподобися? — и начать свя-

тѣмъ и въ церкви ставится во время святаго пѣнія, о дѣсную страну храма. И начаша игумень и братія глаголати ему: что ради, свято, не входиши въ церковь? Святый же отвѣщаваше имъ, глаголя: се покой мой въ вѣкъ вѣка, яко здѣ вселится имамъ! Они же не разумѣша глаголемыхъ отъ святаго, послѣди же утѣдѣша, по преставленіи святаго. Мы же напредъ слово обратимъ къ повѣсти о преставленіи святаго, И впаде святый въ недугъ мѣсяца декабря въ пятый, на память преподобнаго и богоноснаго отца нашего Саввы освященнаго. Много же время пребысть въ недугѣ томъ. Егда же достигше памяти иже во святыхъ отца нашего Григорія, епископа Пискаго, мѣсяца генваря въ десятый, повелѣ святый призвати братію, и начатъ у всѣхъ прощенія просити, и самъ такоже всѣмъ прощенію подаваше и благословенію; братія же, видѣшио святаго коночно изнемогающа, многи слезы изливаху, рыдающе розлученія святаго. Онъ же начаше утѣшатъ, глаголя: не скорбите, братіе; аще приму дерзновение къ Богу, не имамъ и по смерти оставити обители сея. И повелѣ призвати игумена: сему же пришедшу, видѣти святаго зѣльнѣ изнемогающа, и святыхъ тавнъ хощеть причастика его сотворити. Святый же рече: немногу времени прешедшу, яко сподобихся пріяти отъ тебе тоя святыни, и аще повелѣши, въ утренній день пакы сподоблюся тоя святыни. Обычай бо имѣ святый по вся мѣсяца пріимати божественныхъ тавнъ; въ утреніе же, егда достигну божественныя литургіи, и пакы причастиакъ бываетъ въ церкви святыхъ тавнъ, и весь обожанный исходитъ изъ церкви, якоже Исаія угль пріемый отъ серафима, и кадило возжизаетъ, и на угли смиланъ возложивъ, во свою келію отходитъ; братіямъ же дивящимся. Видѣшио же святаго только изнемогша и пакы толику крѣпость пріемша, игумень же въ трапезу отходитъ и ко святому брашно посылаетъ, вкусити тому повелѣваетъ. Пришедшии же отъ игумена и видѣшиа въ келію святаго, и видѣшио святаго къ Господу отшедша и рунѣ крестообразно согбенѣ и чуща и ображамъ яко силща и благоуханія многа испущаю-

ща, и шедше, возвѣстивша игумену святаго ко Господу отшедша. И того ради плачевніи органи воздвизаются и все народное множество, пастыря и муще, слезамъ чиновначальника; многими печалии стѣсниваются. Возвѣстивша же архіепископу преставленіе святаго, и пріидо архіепископъ со всѣмъ священнымъ соборомъ и всенародное множество, течаху, быстринамъ рѣчнымъ подобящися, слезы же непрестанно лиюще; старѣйшии же града яко наказателя рыдаху, и юноши—хранителя и буіе—воздержника, вдовцамъ заступника, сирымъ питателя, младенцемъ наказателя, вноцы же спутешественника и странниа упокошеніе, и вси общаго предстателя рыдаху. Егда же начаша гробъ копати святому, и невозможно бѣ отъ зѣльныхъ студени, только ожесточавши пакы твердаго каменю; и велика печаль бѣ архіепископу и всенародному множеству; и повѣда игумень архіепископу, идѣже святый обычай виѣяше стояти во время святаго пѣнія, и повелѣша ту копати гробъ, — и обрѣтоша землю яко посредеѣ лѣта, вишало отъ студени померзшу; и видѣвъ сіа архіепископъ и суціи съ нимъ, прославивша Бога, славящаго сватыя своя; и тогда вземъ архіепископъ и священнымъ соборомъ святое и трудолюбное тѣло святаго, ко гробу несущу со слезами, и возѣ, врага поправши, лобзають, и предстателя и хранителя не только своа тому обители, но и всея Россійскія страны, предлагаютъ и съ подобною святителю честию гробу святое и трудолюбное тѣло предають, мѣсяца генваря въ первый надесять день. Слышавше же въ градѣ святаго представленіе прочіи граждане, иже не свѣдуше погребеніе святаго, слезами себе обливають и себе укаряюще и недостойныи себе вачююще сподобитися святаго погребенію видѣти, и ко обители святаго устремляются, несущи болящихъ множество различными недуги и къ рацѣ святаго пририцуть, и пришествію возмездіе пріемлютъ — недугующимъ отъ недугъ пренѣшеніе.

Что убо речемъ о блаженнѣмъ семъ, или како на похваленіе святаго уста отверземъ, яко недостойнѣ

устѣи иище и нечистый языкъ? Кому бо житіе блаженнаго угодлю? Но токмо древнимъ свѣтымъ. Авраамлю убо доблестъ восприемъ и еже Богу показатися нераздоуеннѣи, и отечество такоже презрѣти, и паче самого своего естества Бога возлюби почитати, и ередстѣе благородныхъ остави и въ чужихъ странахъ яко буй выишеся; мудръ же о Христвѣ пребываше, и Исааково послушаніе отцу до смерти, требу выше естества приносяще, но и сей свое тѣло требу живу, святу же и благоудну Господеву престаши; Иаково же безлюбіе, паче же и благопокореніе; Моисея великаго онаго кротость къ согрѣшающимъ къ нему, крѣпокъ же къ заповѣдямъ Божиимъ протинающимъ и того рабъ оскорбляющимъ, ни смиренія ни обидна, ниже данна ему отъ Бога власти тяжки показуа; и якоже убо великій пророкъ Іеремія Іерусалимское плѣченіе прозорливимъ окомъ проувидѣ, тако и свѣтлый Михаилъ чистотою умною хотящее сбытися Великому Новуграду опаснѣи прорече. Или же подобися, яко дождонъ вѣкогда бысть такоже удержаніе, свѣтлый же молитвою воду взведе, еще же и царствующаго неблагочестивнѣи обличи и смерть тому неблагочестиваго ради дерзновенія пріята проповѣда. И вторымъ Іосифъ въ гладъ принятая показася, но азъ Египта жита собирая, по молитвою житницы исполня и сини гладныхъ удояшю, не яко ту о себе требоваше, но насъ скорбачихъ утѣшашо. Корабленнику бо вѣкому въ мори бѣду пріемлющу и свѣтлого на помощь призывающу и въ толпѣ бѣдѣ скорыя помощи требующу, свѣтлый же тону вскорѣ предстаесть и на Бога уповати повелѣваетъ; и вѣсто скорби благодарственныа Богу въ корабли сущимъ пѣсни вслаютъ и того угоднику святому блаженному Михаилу. Мы же, о богоблаженне, яко налѣи смердащъ потокъ къ морствѣи ширинѣи прилимающійся, не яко море исполнить, но яко да себя очиститъ; ты же, свѣтче Божій, и радости нося душа и нося пищи наслаженіе и свѣтлое мое украшеніе. яко живу ти сущу бесѣдую; вѣмъ бо, яко и по смерти живъ еси. Господь бо Богъ нашъ Іисусъ Христосъ въ

евангеліи глаголетъ: вѣруй въ мя аще и умреть живъ будеть. Сего ради моленіе приктираю твоей свѣтости, пріими трудъ сей, есого свѣтительскаго ради благословенія положихъ многогрѣшию и скверною моею десницею, свѣто и неворочное житіе твое списахъ. Никогдаже бы дерзнулъ, проблаженне, по послушаніи заповѣди отъ свѣтѣйшаго чиноначальника бояхся. Будь же ми помощникъ и заступникъ всегда отъ лукавыхъ бѣсовъ и темнообразныхъ силъ коварства забавляй мя, и крилы твоихъ молитвъ покрый мя, въ мѣсто алачю твоихъ дѣтелей всели мя, и изсохше мое сердце расналеніи грѣховными водою божественныхъ заповѣдей прохлади, и своєю помощіи желюмъ враговъ тѣшасяся во дни и въ нощи погубити мя, прожени и укрѣпи мя, свѣстися хотяща, беззаконныхъ мнѣ бремя облегчи, согрѣшеній иглу разори, лукавыхъ помыслъ волны утоли и неокрещенными погани славою и житейское море проведи и ко пристанищу небурному недостойнаго и сквернаго раба твоего Василія направи, въ толпко дерзновеніе достигта; вѣмъ, яко по вѣствѣи совершена ты суща и нѣтъ смиренію держати повелѣвающу, и яко отъ скверныхъ устенъ приносима мною пріимеши, иногда бо отцемъ чадолюбцевъ любовна суть младонческая вѣмотованія отъ нехитрыхъ исходящи мыслей; ты же ми, о блаженный отче и сѣни истинныа видче, видѣже глагола радованія и спасенія поющимъ Бога, ангеломъ же и человекомъ свѣтымъ, поминя твоего раба Василія, иже малая тебѣ сія любовудрствова; аще бо отъ силы потребныа достопитству твоему недостаточная же о тебѣ глаголю, не уничижи усердіа; твой бо онъ есть священныи гласъ: любезно быти ежо по силѣ Богу приносима, яко да и азъ воспую побѣдную пѣсню Господеву и Богу и Спасу нашему Іисусу Христу, съ нимъ же Отцу, кущно же и святому Духу слава и держава честь и поклоненіе, нынѣ же и всегда и въ безконечныа вѣки и во вѣки, аминь.

Чудо святаго о кунце.

Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ, возстину рече пророкъ, толка бо приниуть возданія противу трудолюбнаго и жестокаго ихъ житія, яко всеи вселеншїи тѣхъ чудеса на языкѣ обноси и самѣмъ царемъ удивлятися, витіи же и риторская словеса разупивающимъ устїи дланію закрывати; ничтоже бо дивно, егда Христу вочеловѣчншуся чудесемъ источнику показаватися отъ апостолъ же и учитель и мученикъ; но въ послѣдїи сія времена, егда семаго вѣка кончина присиываше и новопросвѣщенная сія Російская страна возсіяваше, аще и однагонадесять часа дѣлу касашеся и усордіемъ отъ перваго часа дѣлавшимъ просиываше, и свѣтрении бо ниже на каменн сїиона ея падаху, но на блазѣи и тучїи земли сторицествующїи плоды приношаху; толко бо святыхъ мужей великихъ воспита, яко вселеншїи удивлятися тѣхъ добродѣтельному житію; но токмо бо православнымъ снхъ прославляти, но и нерозумѣющимъ Бога; якоже бо въ житіи чудотворца святаго Алексїа въ Стенїи нѣ сказаеъ, како безбожнхъ и Агарнскихъ царей удиви и снхъ львообразную ярость во овчюу кротость проложи.

Мы же сіа оставишъ, и о немъже начахомъ, сіа и свершити тщїая; отъ снхъ же святыхъ одинъ намъ къ похвалѣ языкъ движеть, иже чудо его исповѣдати хоцемъ. Милангъ ннн блаженному святому мужу, о егоже житіи преже бѣсѣду извѣствихомъ. Къ сону святому кунецъ нѣкїи Великаго Новѣграда, именовъ Михаилъ, велику любовь имѣаше, тогда еще въ живогѣ святому сущу; но отшествїи же святому ко Господу, случиса кунцу оному ити по морю въ Латинскїа стравы куплю дѣяти; в тамо ему многа имѣнїя приобрѣтшу молитвами святаго, егда же во своя возвратиса, и наки въ корабль шедъ, моремъ шестуеъ; егда же по нучинѣ плавающу, тогда испавидѣ добра роду челоѣческому врагъ бурю зѣльну въ морн воздвижаеъ и плавающимъ бѣду велию и скорбь наводитъ;

снмъ же тако бѣдующимъ, купецъ той въ умѣ святаго имѣи, со слезами того на помощь призываетъ; святаго же вѣдѣ того въ бѣдѣ толнцѣ суща, на помощь тому ускори и явленїи всѣмъ себе показа, и своиъ явленїемъ, якоже Христось учениковъ страхъ отъядъ, такоже и святаго плачь въ радость сущимъ въ кораблн приложи; ещо же и глаголы тѣхъ угѣшаеъ и снхъ безъ страха дерзати новолѣваеъ, діавола же прогна и море укроти, и наки невидимъ бысть ннн. Кунцу же молитвами святаго наки благополучїи плывущу и своего отечества достигнувшу, и во обитель святаго пришедшу, и со слезами чудовесоу гробу припадающа, в смерти избавителя многїхъ душъ святаго нарицающу и всѣмъ явственно чудо проповѣдающу. Слышаеъ же сіа игуменъ и братїа, удившася и прославиша Бога, давшаго ннн таковаго свѣтїльнїка.

Чудо святаго о попѣ невѣрующемъ.

Божїа благодѣнїя всегда воспоминаати намъ достойно творїная святами Его, нннъ же сватымъ, блаженнымъ Михаиломъ; той бо днесъ намъ къ бѣсѣдѣ языкъ влечеть. По преставленїи бо сего блаженнаго мужа многа и безчислена чудеса изливѣются, отъ ннхъже невозможно естъ по ряду писати множество ради безчисленнаго, но отъ многїхъ малая исповѣти.

Пловущимъ нѣкогда гражданомъ Новѣграда Великаго озеромъ изъ обители святаго Николы чудотворца Еерона, глаголемыя Перекома, съ нннн же случиса быти іерею нѣкоему Феодору именовъ; в егда дошедшимъ ннн рѣкою Верїжею противу обители живнначальныя Троицы у великаго чудотворца Михаила, в восхогѣша пристати къ берегу, да шедше поможатся цѣлебннскому гробу святаго, іерей же онъ яко взбѣснѣ в возопн гласомъ, не поволѣ ко берегу стремлятися, ниже ко обители восходити: бѣ бо къ святому невѣрїемъ одержимъ. Святаго же вскорѣ отъ невѣрїя того пренѣваеъ; егда бо наки уклнншася отъ берега, в абїе воста буря зѣльва въ рѣцѣ и начаша истопати, и сбмьстє на ннхъ реченное Давидомъ пророкомъ: съпреподобннхъ преподо-

бѣнъ будеша, а съ нечестивымъ развратилися; тако и сіи нужіе развратилися отъ безумнаго онаго іерея и погибнути конечи хотѣша, аще бы не святаго молтва спасла тѣхъ и іерея въ вѣрѣ утвердила. Егда бо тѣмъ начаша призывать святаго, оливо моцно умилени гласы вопіяху, слезы изливающе, слышавше же слуги отъ обители святаго, изшедше и видоша въ ладья, и сами ничтоже отъ бури страждуще, и тѣхъ ладію пріемше, къ берегу присташа. Попъ же онъ въ то время отъ духа лукаваго пораженъ бысть и нача возносити глаголы негѣпныя; и тако изшедшимъ всѣмъ на брегъ, и придоша къ чудотворному гробу святаго, со слезами припадающе и раку святаго лобзающе. Егда же въ церкви молебная совершиша о болящѣхъ іерей, тому же держиму у раки святаго, и везану исцѣлѣ іерей и начатъ со слезами припадати къ цѣлебному гробу святаго и грѣхи своя и невѣрію предъ всѣми исповѣдая и глаголя: аще не ты помогъ бы ми, святче Божій, впадѣ вселенная во адъ душа моя. И потоми прославляше Бога в угодника блаженнаго Михаила, и отыдоша въ дома своя, радующеса и чудо всѣмъ проповѣдающе, какъ неправдиіи наказуются отъ святыхъ.

Ино чудо о разслабленіи святаго.

Мужъ вѣкій живяше близъ обители святаго. Сему случися впасти въ ведугъ тяжкъ и невѣздѣнъ; сущи же въ дому его рыдаху, видающе же его виединѣнъ отъ удъ движуща. И тако ему всю четвородневу годиву страждущу, въ унѣ же всегда святаго призывающую, да подасть тому исцѣленіе, единою же въ совѣ тонокъ сведенъ бысть, и видѣ святаго къ нему пришедша и глаголюща: почто не придеши ко мнѣ и азъ исцѣленіе подамъ ти? Онъ же абіе возбну, и видитъ себе здрава, яко никогдаже болѣзноваша, и сказуетъ всѣмъ, сущимъ въ дому своемъ, посѣщеніе святаго и явленіе; и возрадовася всѣ окрестнѣи и сусѣди его, слышавше скорое святаго присѣщеніе къ нимъ; той же, вже преже болящій, послѣди же здравый молитвами святаго, повелѣ уготовати свѣщу велию и понесе ю на раму свою

ко гробу святаго, и пришедь во обитель, ко гробу умилени со слезами радости припадаеъ, чудо же ясно всѣмъ проповѣдаеъ, глаголя: яко вчера ни единѣнъ перстомъ движнута возмогохъ, днесъ же своими ногами ко гробу святаго притекохъ; тогда сбыется реченное пророкомъ: скочитъ хромыи яко елень. Слышавъ же сіи сущиіи во обители, прославяша Бога, такую благодать подавшаго своимъ угодикамъ.

Чудо святаго о князѣ Василии Бѣлозерскомъ.

Духовная убо духовнымъ прилагати подобаетъ, яко же глаголетъ писанію, святыхъ же чудеса проповѣдати подобаетъ; подробну же сказати невозможно, вице бо и песка количество возмогли быхомъ изчислити, святымъ же истекашаго источника чудеса, удержавъ, исповѣдати иѣсть возможно, а еже оставити безъ проповѣданіи — бѣдно; отъ сего бо инози, прочитающе, пользу приемлютъ и свѣхъ житію ревновати желающе. Слышавъ бо вѣкогда книгу прочитасу Тройскаго плѣсенія, въ нейже многія похвалы плетены Еллиними отъ Омира же и отъ Овидія, и аще убо единыи ради буйственныи храбрости толкиихъ похвалъ сподобилася, яко незаглаженнѣи памяти ихъ долговременствомъ переходимыхъ лѣтъ; но аще и храбръ Еркулъ, но въ почестіи глубину погружашеся и тварь наче творца почиташе; такоже и Ахиллъ, Тройскаго царя Пріама сыновю, вси Еллини суще и отъ Еллинъ похвалени, толки прелестями сея славы сподобилася! Кольми наче мы должны похвалити же и почитати святыхъ и преблженныхъ и великихъ нашихъ чудодѣателей; иже толку побѣду на врага показавше и толку благодать отъ Бога пріемше, яко не токмо челоуѣкомъ; но и ангеломъ свѣхъ почитающимъ и славящимъ, мы же свѣхъ чудеса презримъ непроповѣдуема?

Паки же къ повѣсти обратимъ слово о чудесіи святаго. Случися вѣкогда князю Василию Бѣлозерскому плыти великимъ озеромъ Пимеремъ, идущу бо ему отъ славнаго града Пскова. Егда же бысть князь среди озера, и воста буря зѣльна и начаша исто-

пяти; князь же возопи гласомъ великимъ и нача святого на помощь призывать; бѣ бо имѣя вѣтру велию къ святому. Святыи же, вѣдми възъ въ толщѣ бѣдѣ сущихъ и вѣоткуда надежды спасенія имѣющихъ, ускорять на помощь и единому князю является и надежи отпадати не повелѣваетъ. И абю явленіемъ святаго буря преста и вѣтру повосну бывшу, одновременно обители святаго князь достигаютъ, и ко гробу святаго принадлеать и благодарные тому глаголы приносятъ, и чудо явственно предъ всѣмъ исповѣдуютъ; игумень же и братіа прославиша Бога, слышащо таковая и несповѣднная чудеса. Князь же, свершивъ молебная и давъ игумену и братіи милостыню довольну, отыде во свояси, радуясь и слави Бога.

Ико чудо святаго о заплеленіи монастыря.

Бывшу вѣкогда заплеленію во обители святаго, повари возгорѣвши преже, и внезапно обыде огонь весь монастырь. Толки же Божіимъ гнѣвомъ огню распалающуся, Богу человеколюбцу своихъ рабъ наказующу, ико вѣтъ службамъ монастырскимъ погорѣвшихъ, тако ни единой келіи изоставши, Господу тако позволившу и своя рабы къ пользѣ привлачашу, яко въ терѣвни своя стяхуть души своя и скорбѣи спасти изволи; смѣ же большу еще, сугубѣвшую наводитъ скорбь, яко и въ самѣхъ того божественнѣхъ храмѣхъ вся святая, яко отъ древа сотворена, погорѣ, и надъ святаго ракою храмниѣхъ древиннѣхъ сущи, и та такоже сгорѣ. Видѣвъ же сіа игумень и братіа, зельнѣ плакашася, рыдающе и святаго на помощь призывашу, глаголюще: почто оставилъ еси, блаженне, въ толщѣ бѣдѣ сущимъ намъ? вѣмы, яко беззаконія наша наведеша сіа вся на ны, умножиша бо ся грѣси наши предъ тобою: помяни, блаженне, обитель сію, въ неже толки труды положилъ еси и врага поира в плоть души покори, скоро предвари молитвою твоею; вѣмы бо, яко послушаетъ тебе Богъ, яко преподобнаго своего раба; утоли огонь молитвою твоею и сохрани раку, въ неже чудотворное твое лежитъ тѣло: вѣмы бо, яко воз-

можши, аще восхоцещи; како бо ти невозможно, богблаженне, отъ толкиныхъ бѣдъ спасшу, своя ли рака отъ огня не спасши? остави еще утѣху намъ смиреннымъ, да не разыдеши отъ обители тоя; кую бо надежду имамы спасенія, аще сію не сохраниши? Сіа же игумену и братіи съ слезами къ святому вопіющимъ, огню же болми распалающуся, храмъ же бѣ во обители святаго отъ камени сотворенъ, въ нешъ же помость и вся строенія древна,—сіа вся погорѣша, такоже вѣ церкви надъ гробомъ святаго паперть древна сотворена, и та вся отъ огня вземлется и до конца сгорѣ, рацѣ же надъ сватымъ, отъ камени устроенъ и древинными досками всей покровеннѣ, не прикоснуся еѣ отнюду огонь, молитва бо святаго угаси ярость огня. Игумень же и братіа, сіа видѣвше, отъ скорби мало утѣшишася и прославиша Бога, славащаго сватыя своя.

Не ни же никтоже, ниже въ неврѣи глубинѣхъ погружайся, яко не вѣдущи ни житія святаго, прешествія ради многихъ лѣтъ; случи бо ся ни прѣити въ великѣи сей и славнѣи Новъградъ царскѣи повелѣніемъ на собраніе чина воинскаго; отъ благородныхъ бо родители бѣхъ, яко и сему славному во градѣхъ Великому Новуграду бывшу подъ начальствомъ моего отца, повелѣніемъ благочестивыя державы Россійскаго царя Василія Ивановича, и пять лѣтъ родителемъ помнѣ обладохъ бѣ Великѣи Новъградъ; ниѣ же тогда младу сущу и слышаща чудеса святаго и многихъ желаніемъ распалающу ни ся, но не бѣ время тогда, яко святому не изволившу, ниже ниѣ сѣбѣю на сидевая державу, яко недостойну сущу. Въ лѣто же семь тысячъ чтыредесать пятое, царствующу Великою Россією благочестивому въ царехъ Ивану Васильевичу и христоролюбивой матери его Еленѣ самодержицѣ царства сущи, яко сыну ея еще младу сущу и не ѹ возраста достигшу, въ седьмое же лѣто возраста его, въ четвертое же царства его, трилѣтну бо тому отъ отца царства свквотрѣ пріемшу, пославъ быхъ азъ въ великѣи и славнѣи Новъградъ отъ благочестивыя царскія державы собрати воинство въ супротивленіе безбож-

ныхъ Агаринъ. И пришедшу ми во градъ и царенъ заповѣдуемая свершившу, придохъ прияти благословеніе отъ первопрестольника архіерея богоспасемыхъ градовъ Великаго Новграда и Пскова, — въ то бо время престоль тогда украшающу Промудрости Божіа востану тезоименитому архіепископу Макарію, иже многіа его ради добродѣтели во всей Росіи слава о немъ проложаше. Къ сему блаженному придохъ азъ благословенію прияти; онъ же повелъ ми писати повѣсть о житіи святого сего и чудотворца Михайла; ииѣ же отрицающуся, яко недостойну ми сущу и выше нося вѣры дѣло глаголюща, первосвятителю же о семъ понуждающу ми, ииѣ же не хотящу повинутися и бояхся за врсцовіа, Петрову бо власть ииѣху первопрестольни-

цы; и прияхъ молитву и благословеніе отъ свитительскія оной десницы, еще же и написаніе чудесъ и жительству прияхъ святого чудотворца Михайла отъ древнихъ списатель вкратцѣ отъ того же архіепископа, и тако руку мою прострохъ въ повѣсти святого и малу повѣсть о чудесъ святого написахъ, ина же большая чудеса святыхъ бываема оставихъ самѣхъ тѣхъ проповѣдати исцѣлившимъ. Но аще хощетъ порядку вса писати, постигнетъ на лѣто повѣствующа, вѣиѣ бо: грубыхъ ушеса долгии бесѣдаци отягчavajuтcя. Мы же, слово совершивше, прославимъ въ Троицѣ единого Бога, Отца и Сына и святого Духа, ииѣ и присто и не въ кончасные вѣки, аминь.

ПОВѢСТЬ О МАРТИРІѢ, ОСНОВАТЕЛѢ ЗЕЛЕНОЙ ПУСТЫНИ.

Мѣсяца марта въ 7 днѣ

ЖИТІЕ И ЖИЗНЬ ПРЕПОДОБНАГО ОЦА МАРТИРІЯ ПУСТЫННИКА,

СОСТАВЛЯЮЩЕГО ШЕСТАЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫМЪ ТРЕТИЦАМЪ ПРѢДЛѢХЪ ВЕЛИКАГО НОВАГРАДА, КЪ НѢКОМУ ПУСТЫННИКУ, ИЖЕ НАЗЫВАЕТСЯ ЗЕЛЕНОЮ.

Въ лѣта державы благочестиваго государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича, всея Русіи самодержца.

(Из Сборника XVIII вѣка.)

Бѣ блаженный сей и преподобный отецъ Мартирій отъ предѣлъ Великаго Новаграда, отъ града нарицаемаго Великаго Лоукъ. Быше же тогда градъ сей многочеловѣченъ зѣло, славою и богатствомъ ными грады превосходящъ. Въ немъ же житіе имаше мнужъ нѣкии благочестивъ и боголюбивъ, богатствомъ и добродѣтели цѣлѣующъ, именемъ Козма; быше же оу него супроужница именемъ Стефанида, отъ нихъ же родися сей блаженный отрокъ, и нарекоша имя емоу Мина; второе же породила его бабкою святаго крещенія и въ добръ наказаніи воспиташа. Достигшу же емоу осмага лѣта возраста своего, вѣдша родители его въ наученіе грамотѣ. Семоу же книжное оученіе бѣ неспѣшно. Егда же научися исамомъ, тогда родители его отъ житія сего представиста къ Богу; сей же блаженный отрокъ со исамыи и нѣкими надгробными гробу нѣхъ предаде и въ землю скры; прослезився же, рече: се отецъ мой и мати моя остависта мя. Господь же воспріять мя. и нѣмѣ кто терѣнне мое—не Господь ли? и спасеніе мое—не Богочаю ли? И тако отрокъ оубо

ко грѣшнѣи помощницѣ зѣ Богомъ всю надежду и упованіе возложивъ, ко спасительнымъ стезямъ направися: неотступно пребываше во храмѣ Божіей Матери, честнаго ея и славнаго Благовѣщенія.

Бѣ же тогда храма того служитель іерей нѣкій именемъ Борисъ. Сей оубо, яко пастырь добрый, всегда печашеся о порученнѣхъ емоу стадѣ, и вся люди наказуя, оучаше отъ божественныхъ писаній, въ разумъ истиннымъ приводя. Блаженный же Мина, видѣвъ таковое іерея непрестанное прилѣжаніе и поученіе къ людямъ, божественныи любве наполняся, и духовную ревность, яко елень желаше присно наслаждающаго источника немоутныи воды, и нецѣлѣбно прилѣжаше того оученію день и ноцъ, безпрестани спасительная словеса на сердце си влагаше, плодствуя въ себѣ сѣнни духовное. Сей же прежде реченный іерей Борисъ, видѣвъ таковое тщаніе ювоши ко ученію, дѣлашеся великии, и во единъ отъ днѣи отъ нѣкоего откровенія проразумѣ хотящая семоу быти напоследокъ и рече: да возсіяетъ ти, чадо, свѣтъ разума отъ нынѣ и до вѣка.

Отвѣщавъ же отрокъ, и рече: Боуди мнѣ Господню благословено отъ нивѣ и до вѣка! вѣмъ оубо, честнымъ отче, яко Спаситель нашъ Христосъ свѣтъ истинный, просвѣщаетъ и освѣщаетъ всякаго чловѣка грядущаго въ мѣръ, такоже и вѣчнаго свѣта и вышняго живота присно ищущихъ и желающихъ наставляеть і управляетъ на поуть разума, на стези царствія; азъ же грѣшнымъ зѣло прегрѣшихъ, но иѣсть грѣха, егоче не побѣждаетъ чловѣколюбіе Божію; сего ради и азъ не отчаяваюся своего спасенія. О силовыхъ словесѣхъ оудивися іерей и рече: блаженъ еси, чадо, и добро тебѣ боудеть! оуповай на Бога, и той тя наставитъ на вся полезная; проразумѣвъ моудрость души твоея и доблесть мужества твоего, еже къ Богу,—немедленно будеша пріяти инокескіи образъ отъ недостойныхъ рукъ твоихъ. Отрокъ же, повикъ и долу зря, двявшеся о такомъ пророченіи іерея, и рече: Отче, прости мѣ грѣшнаго и помолися о моемъ недостойствѣ. И тако разыдостася. И пакы на многи дни совокупшеся ко оному іерею ради поученія многъ народъ, такоже и блаженныи Мана во оставашеся, но съ великимъ тщаніемъ послоушаше его, и въ домъ часто къ нему притекала, духовнаго отца его себѣ оучивити сподобися, сему же іерею пастващю люди многая лѣта не яко наемнику, во яко истинному пастырю, по преданію святыхъ отецъ. Видѣвъ же его таковое оустроеніе і еже о людехъ попеченіе, и въ молитвахъ совершенное исправленіе, спасенія всѣхъ рачитель и всевидецъ Богъ, восхотѣ того на большімъ подвигъ привести и свѣтлѣйша свѣтильника себѣ поставити, яко да чистѣйше себѣ злато явить огнемъ искушено. Во единъ отъ двѣи супружница его впаде въ тѣлесный недугъ и мало поболѣ, вѣчнымъ сномъ оупсе. Онь же безъ всякаго сумнѣнія, благодаря Бога, тѣло ея иѣсными почеть, въ землю скры, самъ же иѣніе свое все раздая нищимъ, оудалитися хотя міра и всего яже въ немъ пристрастія, желаше инокескимъ житіемъ присвоитися Богу, еже и бысть. По малѣ оубо времени, изыдо изъ града, якоже Авраамъ отъ отчества своего, и дости-

же обители святыхъ чюдотворецъ и безсребренниковъ Козмы и Даміана, яже ичѣсть малое разстояніе отъ града, и тамо остризаетъ власы главы свѣя, вкоуиѣ же и долу влекоущая мудрованія; и пареконша мнѣ емоу Боголѣпъ. И нача тамо жестокииъ постычъ житіемъ тѣло свое оудручати: любимо выше чѣры келейное правило и всемоцное стояніе, и на земли лежаніе и колѣнное поклоненіе, слезы же емоу быша яко источникъ непрестанно кипяцій; бѣше же и безлюбивъ и всѣхъ послоушашо во всеиъ, и никомуже вопреки глаголаше что. Сего ради отъ всѣхъ любивъ бѣше: качаша похвалити его, двявшеся добродѣтеломъ его, и во образъ иѣяху его себѣ. Блаженный же Мана часто приходаше къ нему и духовная оученія пріимаше. Іерей же той никогдаже его тѣща отпущаше, но съ радостію поучаше, видяше бо на немъ благодать Божію сіяющую. И по малѣ, того Боголѣпа начаша соушціи тогда тамо прогуметь и братія оуполати, яко да пріиметь первый чинъ священства. Сему же не хотящу, но Богу наставляющю, яко да явить себѣ служителя избравша, и иѣкоя ради вины абіе священства сподоблется, и всегда недостойна себе самого мнѣше, большимъ подвигомъ себе вдаде. И въ такотѣхъ оустроеніи пребысть въ томъ монастырѣ иѣколко лѣтъ: и таковой добродѣтели его сіяюще, проичеся слава о немъ всюду, и на видѣніе его мнози собирахуса. По смотрѣнію же Божію бысть емоу инос дѣло на пользу чловѣкомъ: яко да той возведетъ съ собою къ Богу многи души спасаемыхъ.

Есть бо во странѣ той другій монастырь, въ немъ же церковь преподобнаго отца нашего Сергія Радонскаго. Бысть же той монастырь людскаго ради вобрженія и живущихъ тоу инокотъ въ запусѣніи. И совѣтомъ тамо тогда соушцихъ начальниковъ именитыхъ людей, наче же Божіимъ изволеніемъ и преподобнаго отца Сергія чюдотворца молитвами и постыщеніемъ, взяша того преподобнаго священноиокоа Боголѣпа изъ монастыря святыхъ чюдотворецъ Козмы и Даміана, и поставиша ѣ строителя монастырю преподобнаго Сер-

гій, а кінждо по силѣ вѣща емоу отъ иѣвїя своего сребра на строеніе монастырское. Той же, яко наста-вляемъ, со всяцемъ тѣпаніемъ непреставно труждашеса, и вся потребная монастырю своимъ руками пригото-вляше, а нача тамо жестокайшимъ житіемъ жити. Ви-дѣвши же людіе добродѣтельное его и равноангело-подобное житіе, къ семоу же и монастырское стро-еніе, начаша къ нему отъсюду приходити и во ино-ческій образъ отъ него облачахуся. Онъ же никогда-же сумнашеса, но съ радостію вся прїимаше и любо-вію оутвержашо ихъ, еже не отпадати отъ Бога и всю надежду спасенія своего на нѣ полагати, оучашо и о всѣхъ печашеса, яко чадолюбивый отецъ, къ пути истинному наставляше вся. Снѣ же тако бывающимъ, нача обитель распространятися, и бысть многочеловѣ-ча зѣло.

Блаженный же Мина ревноваше во всеи оучителю своеноу и вся въ наказаніе себѣ прїемля, и къ сво-еноу наставнику приходашо духовныя ради бесѣды, и многыя словеса отъ преподобнаго Боголѣпа оучимъ бываше, еже воспрїяти иноческій образъ и тѣмъ прї-своитися зидателю. Онъ же вся глаголю учителя сво-его съ радостію прїимашо и плодствовашо въ себѣ. По нѣколицѣхъ оубо днехъ божественныя ревности ис-полнися и рече къ себѣ: добръ оубо владыка ной и Господь рече: аще и весь миръ прїобращеть человекъ, а душу свою отсчититъ, никаже польза емоу есть, и нинѣ виктоже, возложивъ роуку свою на рало и зря вспять, оуправленъ боудеть въ царство небесное; сего ради возмоу крестъ свой и во слѣдъ поиду Спасителя, и той ми поможетъ, и сопричтоуся оучителю своеноу. Сїя же же емоу помышляюще, бысть къ нему гласъ глаголющій: дерзай. Миво! Онъ же яко оуслыша се, иде въ домъ свой съ радостію и взя отъ иѣвїя сво-его потребная, прочая же вся ницимъ разда, изыде изъ града, яко же великій Моисей бѣжа отъ Египта, и пре-сѣче страстное море житія сего жезломъ безстрастія вѣры своея, земли обѣтованныя, въ нейже хоташо вселитися. донде—до обители преподобнаго Сергія, нѣ-

же оучитель его блаженный Боголѣпъ живише; и при-шесть къ келїи его, сотворивъ молитву по обычаю. Онъ же, отверзъ двєри келїи своея, съ радостію прї-яти его и благословенію сподобя. Съдо же абіе и на-чать вопрошати его, глаголя: чесо ради, чадо, прїшелъ еси ко нѣмъ грѣшному, и чесо оу мене требоуеши? Бла-женный же Мина отвѣща: прїидохъ, отче, сего ради, яко да спасеши душу погибшую и да сподобиши мя прї-яти ангельскій образъ; хоощу бо сожителъ быти твоей святыни, якоже предрекъ еси: добро бо есть и по-лезно и всякія благости исполнено есть житіе се, сего ради со тѣпаніемъ прїтекохъ ко твоей святыни, яко да не лишень боуду царствїа небеснаго и да не боуду отъ злаго зѣвїа діавола злымъ зѣвїемъ похищенъ и твоего благословенїа оудаленъ: многими бо волнами жи-тїя сего погружася, пристанища же благоутшна не имашъ развѣ твоя любве. Преподобныи же Боголѣпъ оумиленимъ лицемъ воззрѣвъ на юношу, и рече: ча-до, вижу тя, яко не своєю волею на се благое теченіе оустремляся еси, но отъ иѣвїа божественныя силы на-ставляемъ прїшелъ еси ко нѣмъ сѣмо: не скрый оубо отъ мене грѣшнаго отца своего, но повѣждь ми, аще истинно хоощеши къ семоу христовосвоеному прїяти житію? Блаженный же Мина, прослезився, и рече по раду вся еже о себѣ: и како прїиде емоу о семъ благій помыслъ на сердце, и како прїиде, оуслыша божественныи онъ свыше гласъ дерзати о семъ повелѣвающъ. Преподоб-ныи же Боголѣпъ, оуслышавъ таковой юноши здравый смыслъ и слово прїятно иноческаго житїя, и рече: вынѣ оубо, чадо, истинно отъ твоего произволенїа доб-ръ оувѣдѣхъ; но оубо мужайся и дерзай, яко да по-бѣдиши шїра и вся еже въ немъ; вѣрую бо Богови, яко имаши наследовати блаженство древнихъ преподобныхъ отецъ и воздвигнути имашн храмъ въ непроходивїи пу-стыни, и въ ней многы души спаситися имуть тобою; благословенъ Богъ, иже вся на пользу ко спасенію вѣ-шему строя! И абіе по обычаю огласивъ его, облече во иноческій образъ и нарече имя емоу Мартирїй.

Вся постычесскаго житїя подвиги и труды собою пока-

зоваше, церковная же пѣнія и кѣлебныя молитвы и колѣнопоклоненія твораше и духовная оученія всячески сказывашо ему, і яко въ снхъ пребывающіи не отидаша славы Божіа, вся же искушенія діавола, прескорбнаго и тѣснаго пути озлобленія и напасти, доблестію пребывати царствія ради небеснаго. Онъ же со всацѣмъ вниманіемъ послушаше отца своего во всемъ, но презирая ни единогоже словесе, но вся собою исправляше. Преподобный же Боголѣпъ видѣ ѿ во иноческомъ житіи искоуша, повелѣ емоу оу себя вкоупѣ съ собою въ келіи пребывати и постави его въ церкви ключехранителемъ. И начаша единоподноу всячески подвизатися къ Богу, другъ друга преслѣвающе въ добродѣтхъ. Въ молитвахъ же сицева бяху исправленія ихъ во вся дни и ноцѣ: по совершеніи оубо вечерняго соборнаго пѣнія вшедше въ келію, сотвориша начало, глаголюще павечерню, таже оуроченныя каноны, и надъ снми еще прилагающе два, аще комоу хотяще, и вотомъ тысящу молитвъ, иже естъ: «Господи Іисусе Христе, Сыно Божій» и протчее, и дѣстѣ врсвятѣи Богородицѣ, посемъ шестьсотъ поклоновъ и молитвы спальныхъ, аже отъ подвижнѣишихъ иноковъ глаголются; по совершеніи же всего правила, преподобный Боголѣпъ блаженному Мартирію возлеци повелѣваше; егда же ради посиѣшенія хоташе емоу особнаго правила помощи, онъ же глаголаше емоу: чадо, постави своя жерновы, і еже хочещи мелѣ, или пшеницу или ячмень или плевелы, и яково нелеши, таково приимеши; по подобасть оубо намъ лѣвнѣтиса о своемъ спасеніи, заведе се естъ поуть и воздѣ во царство небесное, младыка бо нашъ и Господь призываетъ ны, глаголя: приидѣте ко мнѣ вси труждающіися и обремененіи, и азъ покою вы, и пакн рече: яко тѣсенъ и прискорбенъ естъ поуть зводни въ животь, многими бо скорбыи подобасть намъ вѣити въ царствіе небесное. По скончаніи же оумѣреннаго своего правила, возбужаеъ блаженнаго Мартирія, и все правило повелѣваше глаголати, еже глаголаше самъ, и почиваше мало, доколеже глаголетъ оученикъ его; и по совершеніи востаеъ и гла-

голетъ полоунощницу, и пакн повелѣваеъ Мартирію препочинуту; по скончаніи же, возбудиъ Мартирія, повелѣваше емоу такожде глаголати, самъ же кадило ажегъ, каженіе твораше; егда же блаженному Мартирію полоунощную службу скончавшу, тогда повелѣваше емоу къ соборному пѣнію клепати; таже соборное оутренсе пѣніе начинають пѣти.

Всегда обычай имашо блаженный Боголѣпъ на оутренни глаголати шестоисалмію внимательно со въздыханіемъ и со слезами. Во единъ отъ двѣи глаголющу емоу по обычаю шестоисалмію, Мартиріи же во олтари стоя, отягченъ баше дреманіемъ; приде оубо емоу злыя помыслъ о первомъ своемъ житіи, како въ мѣрѣ живаше и како прелоствая мѣра сего видѣ и како оудалишася отъ него, снхтоса о семъ зѣло и истиннаго наставника, святаго старца своего непрестанными подвигомъ и труды и приложное его поученіе тажко си вѣити. Обаче сіо помышляше, адѣжо бы обрѣлъ легкое пребываніе и непрестанный покой; и тако отъ своего благаго оучителя восхотѣ отыти желанно во инъ монастырь на пространный покой. Святый же старецъ Боголѣпъ вся аже оувѣдѣ о немъ: такова бо его Богъ пророчлива дарованія сподоби, яко и тайны чловѣческіа свѣдѣти и боудущая яко настоящая предарѣти. По скончаніи же шестоисалміа выиде во олтарь и узрѣвъ Мартирія стояща, и рече къ нему: чадо, останиса сего злаго помышленія и никакоже приими ни единого совѣта отъ помысловъ снхъ, сицева бо помышленія оуоулають души чловѣкомъ и вратомъ ада низводятъ; помысли оубо, рече, инос отъ Господа во святомъ его евангеліи еже естъ: безоумно, въ сію ноцѣ истажутъ душу твою отъ тебе, а аже оуготова, комоу боудуть? Мартиріи же отвѣща: отче святый, что глаголеши и кое зло сотворишъ твоей святини? Рече же емоу: во рекъ ли ти: во приемл сего злаго помысла, да не горѣ ти боудеть; имаша отъ нихъ обладанъ быти! Мартирій рече: которіи соуть помыслы моего недостойнства? Преподобный Боголѣпъ рече емоу вся, аже бѣ помысливъ онъ аже о себѣ. Надъ на земли, прошаше прощеніе. Онъ

же рече смоу: Господь да проститъ ты мнѣ недостопнствоу и да укрѣпитъ ты во страсть своємъ; но мнѣ за мнѣ грѣшнаго, яко укорихъ ты, да разумѣши, яко укорихъ; но не твоею волею сія ты случившася, но отъ перваго заппивателя и губителя, врага душъ нашихъ, сіе искушеніе приде на ты, но владыка и Господь, обцій нашъ покровитель, той насъ да сохранитъ отъ всякихъ злобъ его молитвами святыхъ отецъ. По отпоустѣ же оутрени пакы въ келію входаше и поа часы во единому кінждо особѣ, якоже и преди рекохомъ; носемъ глаголаше преподобный Боголѣпъ обычное правило ко святому причащенію, блаженному же Мартирію повелѣваетъ кленати къ божественной литургіи: отнюлеже бо вселенъ во обитель преподобнаго Сергія священникъ сей Боголѣпъ и братіи многое число совокупишася къ нему, но не бѣ въ нихъ священника разѣ сего блаженнаго; сего ради священники не приходяху тоу: слышаху бо отъ многихъ, яко жестокое житіе святой старецъ приходитъ и на транецѣ пища скоудостію бываесть—хлѣбъ обычный и мало зелія отъ плодовъ земныхъ, питіе же бѣше вода, оусплаждающаго же брашна отнюдь не бѣше, и та обычная брашна точію въ девятый часъ идяху единою днемъ, по иденіи же исхождаху вси внѣ монастыря и дѣлаху своими руками потребная; трудолюбивъ бо бѣше преподобный, образъ и братіи во всемъ учителю своему терпѣливъ и труды послѣдоваху и вси другъ друга просѣваху въ добродѣтеляхъ; егда же который братъ начнетъ взнемогати яковимъ недугомъ, овъ же безпрестани приходаше къ нему, и постелю оумягчевал, строупы и гноенія своими руками очищаше і омываше тѣлеса ихъ и во всемъ служаше, и о душахъ ихъ нечашася; егда же кій начнетъ къ смерти приближаться, тогда оубо блаженнымъ по вся дни причащаетъ того божественныхъ пречистыхъ тавнъ. Вопросы же его о семъ преподобный Мартирій: повѣждь ми, отче, что се творшиши, яко по вся дни болящихъ причащаси святыхъ тавнъ, понеже бо азъ о семъ недоразумѣваю, ни отъ когоже слынахъ? Блаженный же Бого-

лѣпъ, воздохнуувъ, и рече: чадо, повѣмъ ти о семъ кониканіѣ, якоже научи насъ Господь: ядый мою плоть и пійий мою кровь, во мнѣ пребываетъ и азъ въ немъ; сего ради и азъ грѣшныи тѣчаніе и попеченіе нѣтю о душахъ ихъ, дабы каждая душа въ часъ исхода своего не лишена была такового дарованія божія; сіи бо души понесоутъ во устѣхъ своихъ великаго царя, якоже печать и многоцѣнное сокровище, и многое храненіе отъ сего бываесть ей на воздушныхъ мытарствахъ: никтоже бо можетъ прикоснутися ей, но якоже попадаетъ вся полки вражій и безъ возбраненія можетъ дойти царствія небеснаго; сія ты, чадо, вмалѣ повѣдахъ, да не усумнишися, яко тако творю; егда же ты сподобишися чинувъ священства пріяти, не обліниши сиче творити.

Во единъ же отъ дней блаженный старецъ Боголѣпъ впаде въ тѣлесный недугъ и зѣльнѣ боляше: приспѣвшу нѣкоему празднику Господа нашего Ісуса Христа, святой же о семъ великии печашася, еже бы храма преподобнаго Сергія безъ божественной литургіи не было, и посла оученика своего блаженнаго Мартирія во градъ Великихъ Лоукъ, дабы іерея призвалъ во обитель божественную службу совершити. Иде же святой по повелѣнію отца своего и не улучи желаемаго; вси бо священники во градѣ неспрадавъ соуще, кінждо бо литоргисаше во своей церкви. Возвращся, и повѣда сіе оучителю своему; блаженный же Боголѣпъ, яко оуслыша таковая, оскорбленъ зѣло, и воздохнуувъ отъ сердца, прослезился и рече: многое множества беззаконіи мнѣхъ предъ тобою, владыко Господи, обаче же буди тебе милосердаго создателя воля; но Господи, Господи пречюдный царю, молюся благости твоеѣ, покажи на мнѣ оубозѣмъ милость свою, годѣ ли есть твоего оугодника храму въ свяцевымъ праздникъ пресвятаго имени твоего безъ святыхъ литургіи быти? Сія глагола, зря на Спасовъ образъ, абіе гласъ приде, глагола сиче: рабе мой Боголѣпе, не оставилъ я еси мнѣ, і азъ тебе днесъ не оставлю. Преподобный же Боголѣпъ, яко оуслыша сичевый гласъ бывшій къ нему, рече въ себе: востани, Господи, въ помощь мою и укрѣни мя силою твоею, твое бо

есть еже милovati и спасати и тебѣ славу возсылаєтъ Отцу и Сыну и святому Духу и мнѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь. И абіе едва воставъ на колѣну отъ постели своєа, тако оукрѣпився, начать обычное свое правило глаголати, якоже и врежде обыкль бѣ, и отъ того часа здравъ бысть, якоже николиже болѣвъ. По совершеи же повелѣтъ святому Мартирію глаголати по обычаю, якоже предъ рекохъ ти, носемъ наки работаша Господеви Богу. Литургію же непреставно по вся дни самъ служаше; во вся же божественныя слоужбы отъ очію его яко источникъ истекаше слезъ желанныхъ. Бѣ же у него во святомъ олтари на десной странѣ уброецъ, ниже слезы оутираше, на лѣвой же странѣ таково же имѣше, ниже устѣ утираше. Видѣвъ же преподобный Мартирій тѣшаніе учителя своего, еже ко Господу Богу въ большій страхъ вдаше себо, день и ноцъ безъ сна пребываше и урочнаго сна приняти не хоташе, еже бѣ во дни и въ ноци раздѣлено одному бдѣти, другому же хвалоу Богови воздавати, и тако въ жесточайшемъ житіи пребывая, яко блаженному Боголѣпу дивитися о немъ. Пенавиди же добра діаволъ завидя добродѣтели ихъ и еже къ Богу присвоєнію, всегда ищетъ души наша уловити въ неприязненныхъ своихъ сѣтѣхъ, еже всегда простираєтъ на правобѣрныя. Нѣкогда убо имъ случися рѣкою ѣхати во градъ къ начальнымъ града, да потреби ради монастырскія исправитъ тамо, еже бѣ дано въ монастырь преподобнаго Сергія, имѣху бо съ собою ковчежецъ, въ немъ же царскіе грамоты сохранимы; отдаде же ихъ Мартирію на соблюденіе; онъ же приниъ и внезапно иѣкако близъ реченныя быстрины едва не повреди ихъ глубина. Боголѣпу же, видѣвъ, нача его словомъ стазати: не вѣси ли, безоумно, яко сія грамоты отъ царскія десницы вдамы соуть и се есть утверженіе монастырю и всѣмъ намъ о Бозѣ крѣпость; ты же почто тако просто къ снмъ дорзаєши и о сицевыхъ честныхъ небрежєши? О такихъ словєхъ и наказанія позавидѣ ихъ любве врагъ: возненавидѣша другъ друга! Сице бо діаволъ прправися имъ, послѣди же и самъ отъ нихъ побѣдися: въ

вечерь бо по обычаю не приде Мартиріи ко старцу, но особъ кійждо бѣста; тако во умилєніе оба приидоста, оуразумѣша бо козль вражю быти. Во оутрѣи же, присѣвшу времени святыхъ литургій, Мартирій же приде, проси отъ него благословєніа ко клєшанію. Онъ же благослови его, но ещє кійждо не бѣ въ нихъ прощенія, кійждо бо мыслише въ себѣ сицевая: доколѣ съ нами братися козни сей вражїи? побѣдимъ ю о Христѣ Бозѣ и побѣдивше до конца течную власть ихъ. Егда же приступи блаженнымъ Боголѣпу, хотя святыи агнецъ заклати, Мартирій же по обычаю держаше въ сосоудѣхъ воду и вино. Возрѣвъ же на него Боголѣпу, восплакася и рече: брате Мартирію, чашо Христова, прости ми грѣшнаго, елико ти зла сотворихъ, яко по невѣсти діаволи во гнѣвѣ глаголахъ ти. И хоташе до земли поклонитися. Мартирій же предъваривъ и надъ на землю, такожде со слезами рече: святочє Божїи, ты ми прости Господа ради: согрѣшихъ оубо предъ твоимъ преподобіємъ неѣжествоимъ своимъ и неразумѣєніемъ на гнѣвѣ подвигохъ ти! И тако другъ отъ друга прощенія сподобилася и наки первымъ любве сопрягоста себѣ, и на козни вражїи ополчилася выше мѣры чловѣческаго помысла, и изволиста всепощити бдѣти и молитися Богови.

И въ таковоу имъ оустроєніи живоущимъ во единой кѣліи семь лѣтъ, во единый же день приде къ нимъ во обитель преподобнаго Сергія отъ нарочитыхъ града мужъ иѣкій богобоязливъ, именовъ Аванасїи, молитвы ради ко преподобнымъ. Оувѣдѣвъ же добров ихъ по Бозѣ житію, и многа бесѣдова съ ними; они же многими душеполєзными словєсы оутѣшилста его, постнаго житія любленіємъ веліє къ Богу присвоєнію исповѣдаша, мірская же тлѣнна соуца и непостоянна ни во чтоже имѣнити научилста, и ина многа духовная словєса глаголаста: и умягчилста, душевную его ниву хотящу восприяти божественную (нѣва). Помалѣ же мужъ той приде къ нимъ и моляше ихъ, дабы возложилъ нань ангельскїи образъ. Видѣвъ же блаженный Боголѣпу усердіє и вѣру мужа того, абіє сподобляетъ его ангельскаго образа о во-

сприятія и нарече ємоу имя Авраамій, и поручаєть єго преподобному Мартирію, яко да научить и иноческому житію, видяше бо єго въ добродѣтеляхъ превосходяща наче себе, и повелѣъ имя жити во иной келіи и даде ключехраниє божественныя церкви, Мартирія же свободи отъ таковыя службы, яко да сего насажеть на благій подвигъ, и рече: чадо Мартиріє! ниѣи о себѣ вслѣдѣ попеченіе, наче же о братѣ семъ; не мози отъ перваго обычая нимало подвига оставити, но вся совершенна по вся дни твори и сего научи, якоже видѣлъ єси мене творяща, да приимеши отъ Бога милость въ семъ вѣцѣ и въ боудущемъ; аще ли сего добрѣ соблюдеши, инаши отвѣтъ дати Богу на праведнѣмъ судѣ о душѣ своєй и брата сего: того ради не мози облѣнитися никогда. Мартирій же рече: отче святий, чаю повоощи Божіа быти себѣ; не боуди же ми ни одной чертѣ оставити отъ поученія твоего! Таже глагола Авраамію: ты же, чадо, сего послушай во всеи, яко отца, и повелѣнная отъ него со усердіємъ твори, да того ради явнися сынъ правды и наследникъ царствія небеснаго, многими бо скорбми подобаєть намъ вжити въ вѣчную жизнь. И ина многа отъ святаго писанія поучивъ и благословенія сподобъ, отпусти ихъ съ миромъ. Мартирій же много прилѣжавію творяше къ новопачальному брату и весь искуоуъ иноческаго житія собою явственнѣ сємоу показа, якоже бѣ обыкълъ у преподобнаго Боголѣпа. Авраамій же прилѣпляше себе къ сємоу обычаю и помагѣ вся добрѣ изычєе иноческаго житія оуставу. Довольны же дни поживъ оу преподобнаго Мартирія въ послушаніи, и въ нѣкое время идоущу Авраамію къ келіи божественнаго Боголѣпа благословеніє пріяти ко оутренни клєнати, послѣди обычнаго своего всенощнаго правила, и вольмысєлєя мыслію на святаго, и рече въ себѣ: яко и намъ старецъ тяжкій оуставъ правила предаде, а самъ ничесоже отъ нихъ несправляетъ, но починаєть и малєя отъ силъ совершаєть; насъ же ради хочєть себѣ отъ Бога издоу пріяти. И се размыслия, идє же, зря на келію єго, абіє видѣъ келію єго отъ всѣхъ чєтырєхъ странъ пламенемъ

огненнымъ горящу. Онъ же оужасєвъ бысть о семъ, ивѣяше бо єго сплєца въ сѣнєхъ тоя келіи, и абіє скоро претєчє и велимъ гласомъ чєлєнту вопієяше, хотя єго возбодити отъ огненнаго пламени ужасно поадающа. Сємоу же Авраамію у сѣней стоящу, изъ келіи во оконцє рече: аминь, и даде ємоу благословеніє, и абіє огонь повидитъ бысть. Авраамій же отъидє отъ келіи єго, чюдєся бывшему, и повѣда вся отцу своєму преподобному Мартирію прилчєвшєаєся по ряду. Онъ же рече ємоу: чадо, сїи єсть огонь—молитва єго бѣсємъ палательна, юже видѣлъ єси творимаєя нѣтъ прєждє соборнаго пѣнїєя, а не огонь сєбѣ, яльшїєся ти во увѣреніє, да не оуничжиши праведнаго. Авраамій же просєше о своємъ согрѣшеніи прощєнїєя, глагола: яко не вѣдєніємъ сїєя помыслихъ о правдоннѣмъ; и посєкъ бєзъ покаянїєя живєяше во всеи, стопаєтъ вѣхъ послѣдоваша.

По нѣколицѣхъ же днєхъ разболѣся Авраамій зѣлымъ недугомъ, яко быти ємоу близъ смерти, и въ болѣзни своєй многи обѣты полагаєше чюдотворному образу прєсвєатыя Богородицы иже на Тихвинѣ, слышавъ отъ многихъ, яко отъ тоя иконы много-чюдєсныєя многа исцѣленїєя различными недугомъ одержимыми бывають и мертвымъ воскресеніє даруется, и абіє исцѣленіє пріяти по обѣщанію своємоу и со многими тѣшєніємъ долгаго пути шєствію касаєтся. Егда же достигєе многочюдєснаго образа и должны молитвы и благодаренїє о своємъ исцѣленіи воздаєть, наки во свой монастырь возвратитися хотєше, въ то же время повелѣніємъ благочєстиваго царя и великаго князя Іоанна Васильєвича всеєя Русїи и благословеніємъ свєтѣйшаго Макарія, митрополита Московскаго и всеєя Русїи, и совѣтомъ всеєго сїєлєтєя и освященнаго собора, прїидє отъ Великаго Новаграда и Пєскова и съ нимъ многихъ чєстныхъ монастырєй архимаритъ, игумены и иноковъ начальницы, и сотвори архієпископъ со освященными сєи соборомъ начало, монастыря того перваго игумена постави именєчъ Кириллєа и многіє ємоу иконы вручи, вѣдущїєя искуоуъ монастырскаго житїєя и стрєенїєя; сего Авраамїєа къ нимъ же прїчєо и даде ємоу служ-

бу церковнаго ключехраненія; и тако Божією благода-
тію и пресвятыя Богородицы милостію и благоволені-
емъ пречестный и общежительный на Тихвинѣ мона-
стырь оустроенъ въ лѣто 33-го.

Сего же царскаго оустроенія пречистыя обители Бо-
гоматери на Тихвинѣ аки нѣкое тогда чудное образование
бысть преподобнымъ Мартиріемъ видѣнное сице. Егда оу-
бо ученикъ(ку) преподобнаго Мартирія прежде реченнаго
Аврамію на Тихвину оттолѣ отшедшу, тогда преподобному
по немъ во своенъ монастырь оставшуся, службы со бла-
гоговѣніемъ проходящу, возшедшу же нѣкогда на высокое
зданіе колокольное благовѣстіа ради и внезапно воздре-
навшу, и видѣ во странѣ той, иже къ Тихвинѣ, столпъ
огненъ стоящъ, оу столпа же того бѣ въ высоту образъ
пресвятыя Богородицы подобенъ Тихвинскіа иѣроу об-
разъ той зѣло пространенъ и сеому подобенъ, иже на
Тихвинѣ въ соборной церкви на лѣвомъ столпѣ стоятъ,
аки бы себѣ и явися. Преподобному же недоуизвающу-
ся, како прибѣгнути къ нему и цѣловати его, и нѣ-
какко чудесно видѣся ему, яко притекъ и любезно его
цѣлова, вотомъ и приложися. Било же образъ оный отъ
столпа онаго, огненнаго теплоты исполненъ и ничиѣ
предниѣ, наче же превысокою благодатию сіяющъ. Воз-
бноувъ же отъ сна преподобный и во оужастѣ бысть
отъ видѣнія онаго, осезавъ лице свое, и такоже ощу-
ти о теплоты исполнено; отъ сего времени преподоб-
ному огнь желанія въ сердцы его возгорѣся, яко да по-
лучитъ видѣнное во снѣ: видѣ явъ пречистому и чу-
дотворному Богоматере образу помолитися желанно и
въ новоустроенной обители ея и чудесно ему яв-
ленно поработи приложно, и аможе оттоуду пресвятая
Богородица наставитъ, тамо в нѣи и житіе виѣти. И тако
преподобный съ сицевымъ желаніемъ на Господа Бога
и на пречистую Богородицу надежду и оупованіе воз-
ложивъ, совѣщая съ нѣкимъ мужемъ на поутное ше-
ствіе ко исполненію рачительнаго житія и желанія; тог-
да приде ко преподобному въ колію нѣкій благород-
ный именовъ Михаилъ, глаголя къ нему: Мартирію,
вди единъ въ пустыню: потому же вди единъ къ че-

ловѣку оному, съ нимъ же о пути совѣщася, и рече
ему: вди единъ въ пустыню. Преподобный же слышавъ
сіа, нещезавъ, яко повелѣмый сіе нимъ сотворити отъ
Бога посланъ бысть, и тако неуклонно на поуть про-
строшася, оутаяся всѣхъ изыдоша изъ монастыря,
глаголюще: Господь простѣщеніе мое и спасеніе мое—
кого убояся, Господь защититель живота моего—отъ кого
оустрашоуся! Сице во оупованіе обративше ко всемоу-
гущему Богу и Пречистѣй Матери крѣпкой помощницѣ,
отшедшу пути отъ обители своей яко шестидесятъ по-
прищъ, и обрѣтоша пустыню глубокую; и близъ нѣко-
его потока исковавше себѣ пощеру, и трудолюбно
подвизатися въ ней начаша, отъ всея души Богови
прилѣжно молитися, да подасть имъ милосердый Го-
сподь милость свою и наставитъ на вся благая и спа-
сительная. Повелѣ же преподобный Мартирій дойти моу-
жу оному до нѣкіа всея потребности ради, онъ же по ново-
лѣнію блаженнаго въ весь отходитъ в единому отъ хри-
стіанъ о преподобнѣихъ повѣдасть и о его трудолюб-
номъ житіи и безмолвномъ пребываніи, самъ же не воз-
вратися къ нему такового ради жестокаго житія в пу-
стыннаго озлобленія. Христіаннѣ же нача приходити
ко преподобному, посѣщая его; святый же въ пустыни
живяше, витаяся руководѣніемъ своимъ, со онѣмъ бо хри-
стіанномъ содѣланная послаша продати; вѣдущія же
его сами собою приношаху ему потребная, онъ же
приносящая нимъ со благодареніемъ принимаше, непре-
станно Богови молися о нихъ.

Сице же ему живоущу въ пустыни, многа стра-
хованія отъ бѣсовъ приемляше, приходяху оубо къ
нему и зѣло страшяху его. Во одну оубо отъ мо-
щей приступиша лукавиѣ демони ко дверемъ ворта
его, вопіюще; снитъ оубо себѣ! И тако сдвинъ отъ нихъ
со дерзновеніемъ внидо въ малый его вортонъ, воль-
ни разсвирѣбився на святаго, хотя его незначанно
поглотити; преподобнаго же непрестанно изыдуща
изъ оустъ къ Богу молитвы бездѣльна сотвориша:
внѣщеры въ живленіи ока студно обрѣтася все-
лукавый; предъ дверми же стоящія демони, оубо яв-

ще его, глаголаху: чюо ради не держаси на старца сего? Онъ же отвѣща: азъ оубо отъ васъ единъ къ не-
поу свѣрѣно внидохъ и ни съчннхъ внидохъ; вы же безчи-
сленни и страшни, идите и держайте! Преподобный же
не оставляше молитвы еже ко Господу Богу, но тѣ-
ни крѣпился и къ нимъ глаголаше: о всескверннхъ
гоубителю! что оубо во злая ополчаетеся и что ни
хощете лукавымъ насилемъ своимъ бездѣльно пору-
гаться? надѣюся азъ грѣшннй на Господа нашего Ис-
уса Христа, воскресшаго изъ мертвыхъ и поправша-
го силу вражію и даровавшаго намъ крестъ свой че-
стннй на прогнанію всякаго супостата. И тако крестннмъ
знаменемъ ограждаея, вопіетъ и псаломски глаголя:
да воскреснетъ Богъ, и разыдутся врази его, и протчая.
Лукавіи же демони сими словесы божественнми до
конца побѣдени быша и безъ вѣсти отбѣгоша.

Посемъ же блаженному отъ многого прежде реченнаго
труда и всенощнаго бдѣнія мало въздремавшу и пакн въз-
бннувши, христіюбець же шѣкій, аки Богомъ настав-
ляемъ, приде къ нему, постѣщая его, нося потребная.
Святый же со благодареніемъ принмъ отъ него, хвала Гос-
пода Бога, дающаго пищу алчущимъ; посемъ оурочен-
ное свое правило и молебныя каноны совершнвъ, постави
трапезу, предложи принесенная, зазирая себѣ, глаголаше:
о оказанный и недостойный, недостойнъ еси за лѣтность
свою и хлѣба лести и воды пити, нежели сея потребная
вздалеца принесенная! И пакн начо слезами обліся, гла-
голаше: Господи небесе и земли, царю превѣчннй, ты
реклъ еси оученикомъ своимъ, яко духъ бодръ есть, плоть
же немощна; сія оубо бодрость и немощь, праведный
Господи, праведннми твоими духовно исправляется; азъ
же оказанный и недостойный непрестанно себѣ оугождаю,
всегда соуетннхъ желаю; но, о побѣдителю царю, сво-
бодн мн отъ силъ привременнхъ и тяжкихъ, оукрѣпи
ни силою креста твоего отъ всѣхъ козней діавольскихъ
и божественнми твоими сицевыми словесы дерзновен-
но на шнхъ вооружи. И глагола: отче нашъ, иже еси
на небесахъ, да свнтится имя твое, да придегъ цар-
ствіе твое, и прочее. И тако преподобный отъ свце-

ваго желанія и молебннхъ словесъ ничесоже иво вку-
снвъ, точію хлѣбъ и воды, и того съ воздержаніемъ.

Снцево бнше преподобнаго терпѣніе и воздержаніе,
снцево уничтоженіе праведныя души! оупичижаше бо
плоть свою выну и ничесоже достойну нарицаше ю, отъ
всѣхъ бранешъ полезныхъ отлучаше ю. И пакн приде
во оунъ преподобному, яко безъ воли отца своего и бла-
гословенія изыде въ пустыню сію, нещюя, яко угод-
но ли Богу пустынное его житіе, понеже безъ благо-
словенія отца своего начальнаго начатое. Посемъ пре-
подобный писаніе посла ко отцу своему блаженному
Боголѣпу, яко да подастъ емуо благословеніе о пу-
стыннмъ пребываніи и безннннмъ житіи. Блаженны
же Боголѣпъ воспнса къ немуо снце: ади, господине, во
общее житіе жити, да много плодъ приобретаеши и
не токмо себо единого спасеши, но и многія души во
спасеніе приведеши! Преподобный же Мартирій, не-
хотя преслоушати отца своего повелѣнія, но желаше
прежде пресвятѣй Владычнцѣ, многочюдесной иконѣ ея,
иже во градѣ Смоленскѣ, пружнее свое обѣщаніе ис-
полннть; и тако упованіе свое на сію возложи, изыде
изъ пустыни своея, отъиде во градъ Смоленскъ, прите-
каетъ усердно къ чудотворному ея образу, благоговѣтъ
и поклоняется; и великимъ чудотворцемъ, преподобнымъ
Авраамію и Ефрону, припадаетъ, моляся о желанномъ,
еже бы обрѣсти покой старости своей. Величнми же чу-
дотворцы являютъ емуо въ видѣннхъ, глаголюще снце:
Мартирію, подобаетъ ти жити въ пустыни, идѣже Го-
сподь благоволилъ и пресвятая Богородица наставитъ.
Посемъ преподобный наче благаго желанія наполнився,
воспомяну бывше(е)му чудное явленіе столпозъ ог-
неннмъ и иконою Богоматере, иже на Тихвинѣ, и
абіе иде во страну тоу, идѣже столпъ онъ явнся, и
желанно приде въ пречестную обитель Богоматери,
иже на Тихвинѣ. Бѣже тоу во обители прежде воспо-
мянутый оученикъ его Авраамій, милости ради пресвя-
тыя Богородицы неотступно живяше, ключохраненіе
службу церкви Богоматери добръ со усердіемъ хра-
пяше; и снце подъ кровомъ Богоматере пакн акупн:

соедешеса, во единой келии жити наченъше, славяще и благодаряще Господа Бога и пресвятую Богородицу, приведшую юже ко своему чудотворному и ангелоговѣнному образу и ко святому общежительному иноческому пребыванію. И тако начаша житіе проходить жестокое, послушаніе иѣюще ко всѣмъ, не высокая мудрствующе, но смиренными соотвоящеся, поминающе Господа, смирившася даже до рабїа образа, и хотяща быти велика — послушна всѣхъ быти научающа. И сего ради отъ всѣхъ соущїхъ тоу иноковъ славныи бываху. Преподобный же Мартїріе не хотяше славы отъ чловѣкъ, рече ко ученику своему: брате Аврааміе, аще Богъ благоволятъ и пречистая Богородица помощи подасть, еще желаю наки поискуствитися въ пустынноу жительствїи: помышляю яти во страны Поморскїа, дабы незнаемъ былъ отъ чловѣкъ. И отвѣщая Авраамїи ко преподобному, рече: не ходи, отче, во страны Поморскїа, но иди въ пустыню, юже Господь Богъ твоихъ ради молитвъ свде нїѣ показа: изшедшу оубо нїѣ иѣкогда отъ чудотворнаго образа Богоматери изъ соборныа цркви во время вечера, влоущу на въ транеазу, и абїе восїа велика луча на небеси на западной странї; нїѣ же вельми оужасу и трепету бывшу и со страхомъ на высоту возрѣвшу, и видѣхъ на небеси крестъ звѣздами сіяющъ надъ тою страню, идѣже бѣ пустынное то мѣсто, егже посемъ видѣти восхотѣхъ, и трудно обрѣтохъ и видѣхъ истинно и разсмотрѣхъ, разумѣвая о семъ, яко не зѣло просто мѣсто сіе; аще Богъ благоволятъ, возможно славитися пресвятому имени въ Тронцѣ святїи славному во вѣки вѣкомъ, амнь; такоже и инокомъ подвизатися тамо зѣло угодно и вельми не шаткно, округъ его блатами акї поремъ окружено; мѣсто же то баше, акї нѣкій островъ.

Отъ сихъ словесъ велии пламень въ сердци преподобнаго возгорѣся, еже бы получить повѣдаемое. Приходитъ и принадасть къ чудотворному Богоматере образу, слезы многи проливая, милости и помощи ея прося о своемъ помышленїи; еже и настоятеля обители со усердіемъ моляше о семъ и благословенїа у него прошаше.

Егда же испроси, безъ закоушїиа пути касаетсѣ; пустыннаго же ради благополученїа и по бѣзѣ тако вселенїа взяти съ собою двѣ равныа иконы малюу подобною иѣроу, едину всесвятїа и единосоущїа перацѣдѣлїи Троицы, другою пресвятїа Богородицы одигитрїю Тихвинскїа, и приде въ иѣкую весь за четыре поприща отъ тоя пустыни глаголемую, Бурборины, и вопроси о пустынноу томъ мѣстѣ. Христолюбвецъ же иѣкинъ именемъ Юсїемъ повѣда ому вся о иѣстѣ томъ. Преподобный же скоро повоуди и умоли показати ому мѣсто то. Немедленно вкоушїѣ пути касаются; блатная же мѣста желанна прохаждаютъ и со многими тїцанїемъ пустыню достизаютъ, ноа блаженными блаженнаго пророка гласть: се оудалихся бѣгая и водворихся въ пустыни, члїхъ Бога спасающаго мїа! Посемъ преподобный христїанну акї отъ жалости рече: Богъ да спасотъ тебе, христолюбивый брате, яко привелъ еси мїа на мѣсто сіе благоо и нематожноо, крестовидною зарюу самше вѣрнымъ прежде показанное; токмо мнѣ не скорбїа о семъ, яко въ домѣ твоємъ нечаянная кончина дщери твоея случася; мнѣ оубо, яко позавїдѣ сому душегубивый змїѣ въ непроходимую сію пустыню нашему прїшествїю, обаче единъ всемогїѣ мѣсть токмо; ты возложи упованїе на Господа Бога о семъ, или его тако праводїи соудъ — себѣ же мученичскїѣ концѣ, онъ всевѣдоцъ и творецъ всѣхъ, за вся твоя скорбная воздасть тобѣ блатая со вторїцею, мученичскую же кончину пострадавшо и стратотерническая возданїа. Христолюбецъ же онъ егда приде въ домъ свой, тогда повѣда ому, яко дщерь твоя иде на кладезъ почерпсти воды и внезапно впаде въ кладезъ и утопо. Онъ же слышавъ сіа, прослезася и рече: согрѣшихъ предъ тобою, Господи, согрѣшихъ, прости мїа грѣшнаго! Посемъ повѣдаша ому и про вола его, еже бысть въ домѣ его, мнѣ иѣсть и невѣсть, како или отъ кого въ лѣсоу обрѣтеся и бѣ тако вознесенъ на крѣпкая дрєвеса и сквозѣ ихъ неправость а высоту акї въ вїлахъ главою въ дрєвѣ укрѣпленъ, никомоуже прикоснутися, или достигнути могоущу; страшно и ужасно зрѣти есго коз-

подѣственнаго вражія навѣта! Мужъ же онъ, слышавъ сія и видѣвъ, зѣло въ скорби воспомяну же и преподобнаго жалоснаго словеса, еже емоу рече и еже отъ Господа за сицевая воздаяніа печальная сторичная емоу. И тако христолюбець онъ злоковарныи навѣты діаволи на во чтоже виѣни, токмо упованіе на Господа Бога возложи и пресвятую Богородицу и на преподобнаго молитвы, дерзновенно ополчающіися на нихъ; паче же и преподобный, разумѣвъ навѣты лукаваго, яко сначала вселенія его окрестъ пустыни сей душетѣлныи сѣти душогубителя простирають; блаженный же всю надежду возложи на единого душеспасителя Христа, жалостно и благочестно вселися въ пустыни той и зѣло зъ Богомъ на враги воополчися, малу ивѣкую хажу постави на первый подвигъ и покой, нотоу же и часовню на славу и благодареніе Господу Богу и пресвѣтѣй Богородицѣ. Многи же подвиги и труды преподобный онъ тоу полагаше и безмолвное житіе жестокое въ пустыни той прохажаше, страхованія же и кознодѣйства отъ бѣсовъ и повсочастная лаяніа лукаваго божественныи словеса и непрестанныи ко Господу Богу словословіи дерзновенно отрѣваше; никакоже возногаша свѣртныи звѣтріе твердаго сего адманта преподобнаго Мартирія поколебати, непремоцныи ради его еже ко пресвѣтѣй Троицѣ молитвъ, всегда безвѣстни отъ него изчезаху; родъ же православный и боголюбезный радостно и желанно ко преподобному оустремляхуся, ничесоже страшашеся, непроходимую пустыню оусердно прохажаше, сію похваляюще, яко пресвятая и единосущная Троица благодать пресвѣтлая въ блатнѣй тишинѣ ненадѣивно возсія и яко непремолчное слово-словіе отъ нея непреставно къ высотѣ небеснѣй, къ вышней славіи благоговѣйно возсылашеся и дивно и немилежно, яко ангельское. Сего ради и Христолюбивіи желанно въ ню притекаху. Отъ нихъ же вѣкій преждедеченный христіанинъ, Іосифъ именовъ, вже прежде преподобному пустыню сію показа, той и нынѣ приде, оусердно благословенія прося и прощенія, глаголя сице: сего оубо ивѣнца, свѣтлый отче, въ а день,

идоущу ми въ кѣтъ свою ивѣкіа ради потреби, и въ пустыни сей столпъ огнень отъ земли и до небеси, изъ столпа же оного рука простерта яко челоуѣка, изъ нея же искры огнєвыи изхождаху; видѣвъ и во оужасѣ быхъ велицѣ, и немедленно придохъ къ твоей святости, яко да подаси ми прощеніе о сицевомъ моемъ несправленіи, еже ти исповѣдаю, честный отче; согрѣшихъ предъ Господомъ Богомъ и предъ пречистою Богородицею и предъ тобою, честный отче: бывшу ми ивѣкогда грѣхъ ради моихъ велии болѣзневому и близъ смерти соущу, и ради облегченія и здравія общахся тебѣ въ пустыню ивѣколю хлѣба преподати и тогда со общаніемъ здравіе получихъ, послѣди же о семъ раскаяхся, къ собѣ глаголя: чесо ради дати ми емоу толкъ хлѣбъ? заче не онъ, но Господь Богъ помилова мя и сице поцѣлѣхъ; такоже и дщери моеи огда въ пустыню его придохъ, онъ же безвѣстную ей смерть прорече, еже и збысться, еще же ми тогда прорѣща саце, еже нынѣ тебѣ скорбяи въ доноу твоенъ наведошася, не скорби о семъ, но на Господа Бога оупованіе возложи и Господь Богъ со вторницею тебѣ воздасть; еже по его словеси Божіею милостию изобильно сего восприяхъ, и чада и хлѣба и всѣхъ потребныхъ; и то все отъ вседѣтеля всѣхъ Бога, а не отъ него; аще онъ и святъ и праведенъ, но отъ насъ же грѣшныи посященія ожадаеть и требуетъ; таковая, отче честный, богопротавная помышленія занесе ми вселукавыи, яко да тебе конечно возненавижду и никогда къ тебѣ; въ сихъ же неистовыхъ помышленіихъ и неистинныхъ ми исправленія показа ми всемилоставый Господь оужасное тогда прежде реченное видѣніе: мню яко въ наказаніе несправленія моего. Преподобный же, слышавъ сія, прославъ Бога, снабдѣвающаго непроходимую пустыню, дающаго пищу алчущимъ. И тако челоуѣкъ онъ общаніе свое сугубо исполни, и отъ того времени нача часто преподобнаго посѣщати, принося къ нему потребная, отъ него же воспріимая божественныи поученія, всегда веселящая души и сердца и нача хлѣба укрѣпляющая.

Къ такому же божественному душеспасителюму

веселію и душепнательному оукрѣпленію возжелѣша православнѣи отъ окрестныхъ странъ приходити ко преподобному, яко да сподобляеть ихъ иноческаго чина (1) и наставляеть ихъ на воутъ разума, еже по Бозѣ благого жителства. Преподобный же непреложно вѣроу и дѣлы ко всемогущему Богу преситѣваше и пришедшихъ къ нему оучениковъ своихъ со усердіемъ на се понуждаше, пѣнія и непрестанныя молитвы ко святѣи Троицѣ съ ними возсылаше, соборнаго же ради пѣнія и всемогущаго бдѣнія храни пресвятая Троица воздвиже и вся подобная благогѣніемъ оустрои, посели преподобный повелѣи святыхъ иконъ изъ часовни въ новосозданную церковь пренести, вземъ оубо преподобный живоначальна Троица чудотворный образъ, и подаде на руцѣ одному отъ инокъ, именемъ Гоурію, самъ же, вземъ образъ пресвятыхъ Богородицы Одигитрія и внесше въ церковь, нача въ церкви строити мѣста на постановленіе святыхъ иконъ; инокъ же той Гоурій изыде изъ церкви и горѣ възрѣ, видѣ на небеси крестъ сіяющъ таковымъ образомъ, яко и на церкви пресвятыхъ Троицы. Инокъ же той оудивися преславному томоу чудеси, и преподобному повѣда о семъ. Преподобный же возрадовася радостію духовною и прослави Господа Бога о преславному чудеси, и сего ради велие оусердіе восприимъ о строеніи церкви. Всевидецъ Богъ всемогущи и всецдрен не оставяеть работъ своихъ, оусердно во благихъ дѣлѣхъ подвижающихся, исполняеть чудесно вѣру и желаніе ихъ, якоже и сіе потщаніе являетъ.

Отъ иногаго оубо слышанія преславныхъ чудесъ и благихъ богоугодныхъ дѣлъ, въ непроходной сей и благиѣи пустыни дивно содѣвающихся, обѣщается вѣкто царевъ моужъ Великаго Новаграда, именемъ Феодоръ, Сырковъ нарицаемъ, яко да сей некосное строеніе непроходной пустыни присокупитъ; еже и бысть. Поставися оубо по его повелѣнію во славу Божию и ея Богонатери церковь съ трапезою деревянымъ адамисемъ во имя пресвятыхъ владычицы нашея Богородицы и прис-

ходѣвы Маріи, честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, яко да соборное предстоеніе и прилѣжное славословіе и теплыя молитвы ко Господу Богу нечитежно отъ всѣхъ возсылаются, братія же и всѣхъ православныхъ присный покой, общжительное пребываніе соущее о Бозѣ благоустрои. Отъ сицеваго оубо потщанія и великихъ трудовъ преподобному Мартирію мало покоя о снхъ приимаше и братію на се оукрѣпляя блше. Нѣкогда же емоу мало воздремавшу, видѣ въ видѣніи дѣвицу благообразну, честну наче человека, въ келію его пришедшу и благочестно всѣдшу близъ святыхъ иконъ, зрящи на нихъ прилѣжно; благогѣнна оубо сія видѣніемъ и мало окружиа лицемъ, очи велии добротѣныи, на главѣ же ея вѣнецъ азатъ многоразличными цвѣты оукрашенъ, яко не возможно сего человекю роду и во оумъ възстити; и тако блаженному неуклонно зрацу на милостивое ея и благодатное лице, такжеже и она на честныхъ иконы и на его сѣдими вираше, и невидима бысть. Преподобный же, възбнуувъ отъ сна, слыша гласъ, къ помоу глаголющъ: подвижайся, раба мой, оузряши бо и не тоу едну благодать. Блаженный же отъ гласа оного ужасенъ бысть и радостенъ, возже свѣщю отъ свѣтильника насловнаго и приде ко иконѣ Богонатери, иже стояше въ келіи его, и видѣвъ и познавъ, яко явися тѣмъ образомъ пресвятая Богородица, и тако отъ великия радости многа благодаренія Господу Богу и того рождшей воздаде и на явщее всемогущее бдѣніе себе подвиже, яко присный отецъ о спасеніи всѣхъ некіиса. Братія же соущая пустынной обители сей, видаще, его таковое по Бозѣ житіе и пребываніе и попеченіе о всѣхъ, молаху его, дабы ннъ пастыръ былъ и игоуменства чинъ восприимъ. Преподобный же едва повиноуса моленію ихъ, иде въ Великій Новъградъ и тамо отъ архіерсеа хитовисавъ бываеть въ презвитерскій чинъ и пастырства жезлъ прииметь, и пакы въ пустыню приходитъ, идѣже и прежде трудолюбиваго житія и крайнаго безмолвіа основанія положи. Братія же его тоу и вси православнѣи случившися срътоша вси честно и восприимахъ съ любовію, акы отца и

(1) На поляхъ противъ этого мѣста написано: зря.

оучителя, во всемі повинуюцеся єму яко Христу; онъ же нача пасты стадо Христова словесныхъ овецъ, но яко истинный пастырь, послѣдуя во всемі истинноу пастырю — Христу, Спасителю нашему.

О воскресніи царевича.

Пѣкося же ради потреби прилучися преподобному отцу игумену Мартирїю вѣти во царствующій градъ Москву въ царство благочестиваго царя и великаго князя Іоанна Васильевича всея Русїи въ лѣто 329; достигшу же ємоу Тверь градъ, въ немъ же царю Симеону Булатовичю, бывшему Казанскому, жительству имѣющу, вонже градъ себѣ изволеніемъ благочестиваго царя данъ бысть ємоу во участіе жительства. Вндо же преподобный во градъ Тверь. Въ то оубо время случися сыну царя Симеоу царевичю Іоанну болѣзнію лютою обдержину быти. Почалєть же бывать царь, яко смьть его царевичъ при вратѣхъ смертныхъ на прызѣ стоитъ, призываєть священниковъ, яко да милостива Бога о немъ сотворятъ. Смьть же молящися о пржедреченїихъ и ничтоже оуспѣвшихъ, возвѣсташа царєви о преподобнѣхъ Мартирїи и его благоугодиомъ житїи. Абїо посла царь ко преподобному, моляше его принѣти къ себѣ. Преподобный же, повинуюцеся прошенїю царєву, немолленно идо ко царю; и яко видѣ царь преподобнаго къ себѣ градоуща, самъ изыде во срѣтенїе и прїи отъ него благословенїе. Въ то же время абїо сыну его царевичю Іоанну ввезану оумершу, царь же почалъ великія исколвися и слезами многими себѣ обліа, и въ толико отчаяніе себе вверже, яко и житїя своего не навидѣти ємоу. Преподобный же оутѣшаше его, глаголя: не скорби (рече), царю; но упованїе возложи на всещедрого и всеславнаго Бога во Святей Троице присно славимаго и его пресвятую Богородицу; силєнь бо єсть Богъ все сотворити и его всемогущая Матерь насъ недостойныхъ благоволила послушати, аще съ вѣрою молимся. Пѣшаше же преподобный съ собою образъ Пресвятая и Живоначальная Троицы и другїи образъ Пресвятая Богородицы Одигитрія, подобїемъ Тихвинскїи. Помолвися

оубо преподобный, положи ихъ на перси оумершу, самъ же молебная пѣнія сотворивъ и воду освятивъ, абїе чюдо преславно показася и радости исполнено: ввезану царевичъ яко отъ сна возбноуєть и воста. Видѣвъ же царь свцєвое милосердіе всесильнаго Бога и милость неизреченную пресвятая Богородицы, отрока же своего царевича Іоанна скороє отъ смерти на животь пренѣненїе, радости многїа исполнися, съ великиехъ оусердіємъ благодаренїе возсылаше Господу Богу и Пресвятѣй Богородицѣ, преподобнаго же аки вожда къ Богу и ходатаю непостыдна прославляше и съ великою любовїю почиташе и оусердно моляше, яко да возметъ оу него сребра довольно на созданїе каменнаго храма во имя Пресвятая Богородицы Одигитрія оу себѣ во обителї. Преподобный же отрицашеся сего, зане оубо ко старости бѣ; и едва отъ царя оумоленъ бываєть, нѣколько прїимєть и тако цєрьковъ каменну созда во своей блатнѣй пустыни во имя пресвятая Богородицы честнаго єя Одигитрія Тихвинскїа, присовокупивъ же къ ней храмъ во имя святаго Іоанна Златоустаго, Богу оубо во всѣхъ благихъ дѣлѣхъ помогающу ємоу и во устроєніе дивно посѣществующу. И отъ того времени царь Симеонъ велию вѣру ставя къ Живоначальнѣй Троицѣ и ко Пресвѣтѣй Богородице, и много даєше отъ имѣнїа своего на строєніе святаго того мѣста, преподобнаго же игумена вельми почиташе, вѣдаше бо его о всѣхъ благихъ прилѣжаща, тщанїемъ не лѣнива соуща, духомъ горяща, Богови работающа. Преподобный же подаємая имъ аки отъ руки ангеловъ со благодаренїемъ прїимаше и всѣ добрѣ строяше, якоже духа благодать наставляше его.

И на послѣдокъ же лѣтъ жавота своего крайнее возлюбивъ безмолвіе и вышнее желанїе востои и молитвѣ, и нощному стоянїю въ честныхъ сѣдинахъ наче владєся, и тако добрѣ и богоугоднѣ поживє лѣта довольна, достиже во глубокую старость. Тогда преподобный предивно непрестаннаго любомудрїа касаетєся в сїю обємлєть и любєзєво обლობызаетъ. Ископа оубо себѣ ровъ глубокъ и гробъ тако своєна

рукама оустроивъ, и хождаше вѣнь, якоже хоташе сѣ-
ди при гробѣ оумилно плачася, желанное чрезъ лѣто
и вѣсѣць шесть сице препроводи, презирая и провож-
дая отъ себе жизнь сію временную и скоро поги-
бающую. повинная вселенской вѣнѣ: обратитесь, смя-
во челоуѣчестіа; яко тысяща лѣтъ предъ очима твоима,
Господи, яко день вчерашній, яже мимоиде; и пакы
вселеномѣвца слово: лоучше день единъ во дворѣхъ
твоихъ, наче тысяща. И тако блаженный предуготов-
ляя себе на всякъ день, возводи оумъ на лоучшая,
отъ тлѣнныхъ на нетлѣнная, отъ временныхъ на без-
конечная.

Егда же оубо преподобный вноуменъ Мартарій оу-
разумѣ свое отъ земли проставленіе, призываетъ бра-
тію, глаголаше слезная: се оубо, о отцы и братіе, по бла-
годата Божіей отхожу свѣта сего, васъ же предаю въ
руцѣ Господни и духовнѣ молю: имѣйте надежду во
всемъ на Прочистую и Живоначальную Троицу: Отца,
и Сына и святаго Духа, все же оупованіе возложите
на Пресвятую Богородицу, якоже и азъ недостойный
на сію вѣрно оуповахъ. Ся боудеть и о васъ ко Пре-
святѣй Троицѣ предстательница и во всемъ помощни-
ца; азъ оубо молитвами ея и ходатайствомъ, еже желашъ
оу Господа, сіе и восприяхъ; такожде и вы аще молитесь
ей о чемъ, вѣруйте, яко молитвами ея примѣте и боу-
дете вамъ она во всѣхъ благихъ дѣлѣхъ всемъ вѣр-
нымъ помощница, она всѣмъ печальнымъ заступница,
она всѣмъ всемогущая владычица, она вышняго Бо-
га мати преблагословенная, царица небесе и земли, не
земнаго, но небснаго царя Сына своего и Бога всѣхъ о
всѣхъ васъ оумоляетъ, казнь на милость ходатайствомъ
ся предлагаетъ, вмѣсто смерти жизнь даруетъ, истинно
же Богу работающимъ спасительная оустраетъ и при-
сносоущая благая вѣчно даруетъ. Таковыми небснаго
царя и владычицы милосерднымъ благодѣаніемъ внимаю-
ще, братіе, пребывайте неотступно во святѣй обители
сей и трудолюбно подвизайтесь за благочестиваго го-
сударя царя и его благочестивую царицу и нѣхъ бла-
городная чада и за христіюлюбное воинство и за вся

православныя христіаны: всегда Бога молитесь, да по-
дастъ вамъ всемогущими вся блага и спасительна;
приходящимъ во обитель сію блази и щедрѣ ко всѣмъ
бывайте, смиреннѣ и милостивнѣ, всегда воспоминающе
Христовъ гласъ спасительный, глаголющій сице: боуди-
те милостивнѣ, якоже и отецъ вашъ небсннй милосердъ
есть; къ сеюу же не забывайте и святаго великаго Ю-
анна Предтечу, слова реченнаго ко старцу: сей есть
вертепъ лоучши Синайскаія горы, еще съ вѣроу жи-
вешн въ немъ; тако и вы, братіе, съ вѣроу поживите
во обители сей, труждайтесь своими руками и отъ сво-
ихъ трудовъ питайтесь и требующимъ подавайте; сами
же егда отъ кого подобная восприемлете или милосты-
ню отъ благочестиваго царя или отъ иного кого или
на свѣцоу и ѳианіахъ или на икону каковуу потребуу
монастырю, то со благодареніемъ примайте, яко отъ
свѣтодавцемы десницы: онъ всевѣдецъ все благое оустро-
яетъ; азъ же имѣю по милости его временныхъ всѣхъ
отлучаюся, токмо еще вамъ конечно, о отцы и бра-
тіа, общаюся: аще имѣю и тѣломъ отхожу отъ васъ,
но духомъ присно буду съ вами; имѣю же вмѣсто не-
не недостойнаго избирайте собѣ пастыря, не яко хи-
щника, но яко наемника, но яко истиннаго, воутъ
пустыннымъ истинно знающаго, не дающаго во блатомъ
словеснымъ заблуждшимъ овцамъ оуповати, и во не-
проходнымъ добремъ оубиватися; но правымъ путемъ
къ вѣчнымъ и вышнимъ обителямъ немятежно нѣхъ
направляющаго; подобно есть и сіе разумѣти: аще ми-
лость Господни на нѣхъ недостойнѣмъ обращетъ, тогда
вся благая и спасительная во блатвѣй сей оудиненной
обители, акы во прочестіѣхъ и славней, предивно умно-
жатся; аще ли кто отъ васъ во обители сей отъ жи-
вн сего отъидеть, азъ имѣю Господа Бога желанно и
любезно о семъ молвити, о спасеніи и оупокоеніи души
его. Братіа же и вся тоу случившися, слышавше сіа
нѣхъ подобная, возопиша, глаголющо: о отче нашъ свя-
тыи, пастырю и наставничо преблагій, хотѣли быхомъ
днесь не оставити тебе и вси готови погребени быти
съ тобою, но нѣсть то воли нашей, токмо имѣю тебе

прилѣжно молимъ: не забывай и по своемъ еже къ Богу отшествію любезно посѣщати, яко да сія блатная пустыня благими и богоугодными дѣлы возрастати не престаесть, такожде и насъ недостойныхъ чадъ своихъ и всѣхъ праговѣрныхъ не оставляй сирыхъ; но всегда оуправляй на горняя желанія, побѣждая козвъ душегубнаго врага. Блаженный же, благодарствуя, рече: благословенъ Господь Богъ Израилевъ, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ. И тако преподобный, поучивъ ихъ довольно, причастися святыхъ и пречистыхъ Христовыхъ таинъ, посемъ отъ духовныхъ ра-

дости послѣднее братію благословеніе подавъ и желанно правовѣрнымъ миръ всѣмъ изрекъ, предаде святую душу въ роудѣ всѣхъ Бога въ лѣто 391, мѣсяца марта въ 1 день. Братія же честно спрятавше честно и трудолюбное тѣло отца своего и оучителя и пѣсньми надгробными почетше, погребоша е близъ церкви Богоматери, юже преподобный самъ созда повелѣніемъ и вѣрою царя Симеона, бывшаго Казанского, во славу единосоущнаго и нераздѣлимаго Троицы Отца и Сына и святаго Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

ПОВѢСТЬ О ВЕФРОСИНѢ ПСКОВСКОМЪ.

Мѣсяца мая въ 21 днѣ.

Житіе и жизнь и подвиги и отчасти чудеса испоконныи

ПРЕПОДОБНАГО ОЦА НАШЕГО ВЕФРОСИННА НОВАГО ЧУДОТВОРЦА,

ЖИВНАГО НАДЪ ТОЛКОМЪ РѢКОМЪ ГОСПОДИ, КЛГГОСЛОБИ, ОУЧИ.

(Рукопись Лавр. № 205. Рукопись Нил. Публ. Б-ка Q. Отд. I. № 70.)

Иже святое житіе пожившихъ въ вѣру божественную сохранившихъ, святыхъ преподобныхъ отецъ великихъ и въ постыхъ подвижѣхъ провозсѣявшихъ, и непрестанныи къ Богу молитвами велику побѣду на враги показавшихъ, красная же и суетная міра сего отвергшихъ будущія ради жизни, яко уготова Богъ любящимъ его; — аще бо иногда Еллинстїи баснотворцы и нечестивїи азыцы, иже Бога незнающїи Творца небу и земли, праздники же и поклоненїе ядомъ своимъ приносяще и, елико можаху, каждо ихъ тщахуся, отъ мѣтнїи своихъ безъ ума тѣмъ предлагаху; — кольми же ваче намъ, иже божественною благодатїю посѣщенныи отъ Вседержителя спаса Христа и святыхъ крещенїемъ просвѣщенныи, подобаетъ достойнымъ памяти святыхъ праздновати духовно и отъ Христа Бога дарованная тѣмъ чудеса восхваляти и во псалмѣхъ и пѣвнїхъ, служаще Господени день и ночь. Памяти же ихъ ради подобаетъ, иже предвѣная слышахомъ истину отъ неложныхъ свѣдѣтелей, достовѣтнѣ сице писанїю предати, и о семъ бо чашнѣ изды будущихъ благъ отъ Господа нашего Исуса

Христа прїяти; послушателемъ же и повелителемъ и сказателемъ, иже въ правду свѣдующимъ, ваче же тѣмъ, иже душевный разумъ имущимъ, и тѣхъ святыхъ житїа дѣлы исправляюще своими трудами. Непущенъ бо иже преже помянутая, аще молчанїю предати, то ипкакъ въ забвенїе по роду изыдетъ, яко да и навыкнемъ извѣстїю, откуда сіа таковый свѣтильникъ возсія, еда отъ Іерусалима или отъ Синая? ни, рече, но въ нашихъ родѣхъ просїа таковый свѣтильникъ, понеже бо святаго Духа дарованїемъ крестъ Христовъ на рамо взявше и тѣснымъ путемъ шествовавше, и выидоша въ радость Господа своего. Аще мы лѣнїиися воспоманути о снхъ, но Богъ тѣхъ одари, сами бо чудеса о нихъ вопїютъ, и по смерти бо живи суще въ вѣки.

Аще ли же дерзнемъ слово рощи о семъ святѣхъ, о нечѣже намъ предлежитъ повѣсть, то вѣру несомнѣнну къ нему имуще, таковыхъ бо святыхъ Отецъ терпѣливому житїю ангели дивляшася и похваляшася и ижеже иже на написана суть на небѣсѣхъ; о семъ бо пишеть въ поученїи свосемъ святыхъ Василїи Великїи, глагола: будите ревни-

тели право живущимъ и сихъ имени и дѣла наишито на сердцахъ своихъ. О семъ бо страшитъ преписаніи велии слово, занеже не стяхахъ на себѣ всегда добрыхъ дѣлъ ни мало, но на Бога надежду имѣя и на пречистую Богоматерь и на молитвы сего святаго и блаженнаго отца, Русскую похвалу, новаго чудотворца Евфросина, имже посѣти Господь Богъ, Спасъ нашъ, людей своихъ въ послѣднія роды наша, появи сицева чудотворца, и всачески преписати поспѣйся, елико постыгну, еже о немъ преже насъ написана быша, труды его и хоженіе и чудодѣйствіе и ѣконимъ списателемъ о имени его писаніе не изъяви, иѣкакъ и смутно, ово здѣ, ово видѣ, и ина многа части глаголана бяху чудодѣйствія святаго, и вса, елико возмогохъ, яко въ одну плевицу собравъ, или яко цвѣтцы отъ многихъ въ единомъ, яко да не забвена будутъ святаго отца исправленія и чудеса. Понужену ми бывшу недостойному на такое духовное дѣло пастыремъ обители преподобнаго и вгумномъ Феодосіемъ и смиреннымъ Кипріяномъ и иѣкими старцы, имже многа лѣта именуемъ въ монастыри томъ, велико по Бозѣ житіе жившимъ, мужемъ въ добродѣтели презряднымъ. Въ лѣто 7055, иидвѣта 3, въ тоже время царствія скипетры правящу Великіи Русіи и бразды содержащу святыхъ Божіихъ апостольскихъ церквей самодержцу православному царю великому князю Іоанну Васильевичу, и при братѣ его благородномъ князѣ Еоргіи Васильевичѣ, въ митрополімъ же Русскія земли престола держашу свята божія апостольскія церкви боголюбивому митрополиту Макарію чудному отцу, и кормила церковная правящу великихъ градовъ — Новаграда и Пскова архіепископу Феодосію, нузу въ добродѣтеляхъ презрядну, имѣ же убо страстному, дерзнувшу преписати святаго отца житіе и чудеса, прочая же и достовѣрнѣйшая навѣкъ отъ самаго того писанія, имже преже насъ написана быша отъ иѣкого слагателя, о немъ же преже помянухомъ, и ина же отъ слышанія отъ неложныхъ свидѣтелей. Сему же буди послухъ Духъ Святый, имже научивый преписати душеполезная ученія и исправленія святаго

отца. Рече Господь: пытайте писанія, яко въ тѣхъ имате обрѣсти жизнь вѣчную; въ нихъ сокровенъ Смыслъ Божій, истинная мудрость отчая, егоже обращеть — блаженъ будетъ. Азъ же глаголю: уясни ми языкъ мой, Спасе мой, и разшири уста моя и напои я, дай же ми глаголати подобная и творити полезная! Иже имѣ окаанному, по новзглаголанному милосердію, подавъ словесную кормлю на послуженіе сицевому богоправнъ совершеннѣмъ житію отца нашего. Но да примемъ добромъ-сліемъ начало повѣсти сея божественнаго и доблаго и правдиваго ому житію, юношскаго и постнаго и хоженія.

Зѣло же възскаховѣ и трудихомся о роженіи его, коего отца именемъ и матере. И обрѣтохомъ иѣкого юнока, Маркелла именомъ, по Бозѣ житіе живша, 30 лѣтъ именуца въ чернеческихъ исправленіи, постраженіи именуца ангельскаго образа въ преподобнаго обителя отъ ученика его, именемъ Пановліа. Сему же Маркеллу повѣдавшу со свидѣтельствомъ о многихъ исправленіихъ святаго; а о отцѣ его и матере писаніе не изъяви, имже многими лѣты въ забыть приде.

Молю же вы, всеищенный соборе и христовменитое и богоизбранное совокупленіе, молитве за ня и за ною худость, яко повудисте мене смиреннаго и недостойнаго и невѣжу, умъ именуца страстенъ и вечистъ, преписати житіе и подвизи отца нашего Евфросина; но обаче Бога въ помощь, молитвами его, призываю; самъ бо рече Господь: призовати ня и услышу васъ, всакъ бо просяи приимлетъ. Господь самъ рекъ ученикомъ, также и ко всѣмъ въ него вѣрующимъ: яко безъ мене не можете творити ничтоже. Но Господи, Господи, азъ началъ о тебе самомъ. До здѣ прекратимъ слово, но на предлагаемое возвратимся.

О роженіи блаженнаго отрока.

Бысть убо сей блаженный отрокъ Елеазаръ отъ великаго острова Русіи, между сѣвера и запада, въ частіи Аестовы, отъ полунощнаго стравы, отъ богохранимаго великаго града Пскова, роженіе имѣ и воспитаніе

веси Виделеньскія, разстоянію мѣщи отъ града 30 поприщъ; а отъ нихъ по плоти родился, не свѣтъ, но еди-но свѣтъ, яко отъ благочестиву родителю рождѣся духовнымъ рожденіемъ, отца убо имѣя Бога, иже во-дою и духомъ породил того, матеръ же — правобѣрную церковь отчю. Тѣмже и воспитанъ бывъ въ добромъ наказаніи, и во времени аданъ бываеъ родительни сво-ими учитися божественнымъ книгамъ, вскорѣ нѣкакю асно извуче божественная писанія, елико мощи ему и толкованіемъ глаголати и нѣмни писаньи, и фило-софскую мудрость пазвуче, яко и многодѣтнымъ разу-ну его двавитися и похвалити. Не убо уклоняшеса на нѣкая играная или мозоры, но паче на прочитаніе божественныхъ писаній и на церковное пѣніе. И на-чать же воздержатися весьма, сладкихъ не ястя отивуду. Родителіе же, утѣдѣшасе таковое воздержаніе отрока, и глаголаше: о чадо мое, почто плоть свою оскорбляеши таковымъ жестокииъ пребываніемъ, а нашъ печаль ве-лію твориши о семъ? Отрокъ же рече: писано бо есть, родителіе: брашно и питіе не предпоставитъ насъ предъ Богомъ. По семъ же родителіе восхотѣша браку соче-тати его; онъ же, доблоразсудный отрокъ, отторгнуся отъ родителей своихъ, яко серна отъ тенета. Родителіе же сотвориша много замсканіе о немъ повсюду съ рыда-ніемъ и не обрѣтоша сего блаженнаго нигдѣже, но Божія благодать храняше его. Пожалѣ же отцу его преставль-шуся отъ житія, мати же его оста здовствующи. Но ни-лостивый Богъ, хотя всѣмъ человекомъ спастися и въ ра-зумъ истинный приняти, и вложи сему блаженному отро-ку Елеазару помышленіе благо въ сердце его, како бы мощи спастися и уединитися міра. И въ помышленіи и дѣло бысть. И наикъ отходитъ въ монастырь въ Рож-деству святѣй Богородицы на Святую гору; тако бѣ зовомо на мѣсту тому, отстояніе мѣщи отъ града Пскова три поприща, надъ Великою рѣкою; и отъ тамо сущаго игумена остризаеъ власы главы своеся, купиѣ и долу влекущая мудрованія отвергъ, и ангельскому образу сочетаеъся, и наречено бысть имя его иноче-ско Евфросинъ. Начать же воздержатися зѣло постомъ

и бдѣніемъ и молитвами в аспноциимъ стояніемъ, и братіи служа безъ лѣности въ поварнѣ и въ пекарнѣ и во всѣхъ службахъ монастырскихъ, якоже обычай мѣщаху, и всѣмъ на уснѣхъ бысть иже ту сущей бра-тїи, и первѣо всѣхъ обрѣташеса на пѣніи церковномъ и послѣже исхожаше. И паче же слава проходити о немъ повсюду добродѣтельнаго ради житія его. Онъ же тяж-ко си винятъ о семъ, понавѣдя славы отъ человекъ, виѣняше се быти грѣхъ и стыдъ, попоченію же имий еже бѣжати славы. И приде ему помыслъ нѣкій отъ Бога и желаніе пустыннаго и безмолвнаго обрѣсти жи-тія и единому Господу работати. Тѣмже яви помыслъ свой отцу своему духовному. Отецъ же, видѣвъ святаго въ добродѣтеляхъ цвѣтуща, и благослови его и рекъ ему: иди, чадо, съ миромъ, Господь да будеть съ тобою и вразумитъ тя и наставитъ тя на благою дѣтель, яко-же Господу годѣ бысть! Блаженный же, взявъ благосло-веніе отъ отца духовнаго, и отыдо отъ обители Пречи-стыя и обожаше мѣста многа, гдѣбы мощио ему на-единѣ безмолствовати. Но паче Богу наставляющу его, слышитъ о мѣстѣ томъ, иже надъ Толвою рѣкою, отсто-яніе мѣщи мѣсто то отъ града Пскова двадесять пять по-прищъ, ндѣже мнѣ монастырь стонть благодатію Хри-стовою, и нѣкини Христолюбцы званъ бысть владѣтель-ни мѣстомъ тѣмъ. И паче Богу изволившу на мѣстѣ томъ прославитися имени его святому, и ту блаженный отецъ вселися безмолствовати наединѣ въ лѣто 6733, яко-же рече божественный пророкъ: се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыню, чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и бурн! И на мѣстѣ томъ колбы собѣ водрузи и трудолюбно въ сей подвижался постомъ и бдѣніемъ и молитвами, аспноциимъ стояніемъ и на земли леганіемъ противу псевиднаго врага воземъ. И нѣкогда святому отцу изшедшу изъ колбы въ годъ знов и возглагошу на земли, хотя мало почити отъ тру-довъ, и абіе въ тонокъ сонъ преложилися святыи, и ту явишася святому маніснъ Божиимъ вселенскію учителя Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Злато-устый, показующо мѣсто святому воздвигнути храмъ

во мнѣ нѣ на мѣстѣ томъ, идѣже святой живаше; святому же въ томъ часѣ восприимъшу отъ сна, и не видѣ никогоже, и въ недоумѣніи бывшу ему о необычнѣнѣ видѣніи. Времени же многу минувшу, проувѣда о нестѣ мати его отъ нѣкихъ челоувѣкъ, и взя потребная и доиде мѣста, идѣже живаше блаженный надъ Толвою рѣкою, и нача молебныя глаголы со слезами простирати къ нему, глаголя: чадо мое драгое, утѣши старость матере своея и ави лице свое ангельское ко мнѣ; азъ съ отцемъ твоимъ по порадовахся нимаю о тебѣ, да не сииду съ печалью во гробъ, идѣже отцы наша. Святой же скважнею увѣдѣ матерь свою и познаю, и глагола къ ней: о мати моя, не скорби, отыди отсюду и не тружай старости твоея; аще хочещи видѣти здѣ, и ты во ономъ вѣцѣ не узриши мене, но види, мати моя, въ монастырь и спасая спаси душу свою. Мати же его не улучи желанія своего и отыде отъ него скорбна, и виде во единъ отъ монастырей Наживскихъ, и проводи дни своя въ добромъ исповѣданіи и до исхода души своея.

О прихоженіи Серапіоновѣ къ преподобному и о исцѣленіи его.

Прииде же нѣкій инокъ, именемъ Серапіонъ, къ святому первый на мѣсто, идѣже святой живаше, сожителствовати съ нимъ. И поживо мало у преподобнаго въ духовныхъ трудѣхъ и подвижѣхъ, и не восхотѣ пребывати у него прочее, но хоташе иудѣ отыти отъ него. Святому же Евфросину едину еще безмолвствующу тогда, и видѣ святой Серапіона, яко жестокъ есть на духовная, и моляше его святой, да пребудетъ съ нимъ, работая Богу до скончанія своего въ непроходной пустыни сей. Старецъ же не рачаше святого моленія, но восхотѣ отыти отъ него; и глагола святой: нужу ли велику, брате, творить отшествіе твое, и зѣло не терплю розлученъ быти отъ тебе. И иноко же молить преподобный со слезами и любовью Серапіона, и нимаю увѣща его, но абіе, вземъ потребная своя и плываеъ преподобнаго, отыде. Бяше же потокъ малъ

близъ мѣста оного, идѣже преподобный живаше. Серапіонъ же абіе приидеъ къ потоку оному, и нача дровіе сѣщи на прохоженіе оного потока нужнаго, и внезапно сѣчивомъ отсѣче колюно лѣвыя ноги, и обратяся къ преподобному съ великою нужею, порева-лся и глаголаше со слезами святому: прости мя, отче, Бога ради, понеже согрѣшихъ предъ тобою отшествіемъ моимъ; и сего ради Богъ авѣ показуя и наказуя мя есть, и святыя твоя молитвы привлекоша мя къ тебѣ; мнѣ же не отыду отъ тебе, доидеже и скончаюся на мѣстѣ семъ святѣхъ. Святой же незлобимъ и кротостію приять его, яко отъ Бога послана, пророческое слово исполняя: незлобивъ и правъ прияти-ляхуся мнѣ, и прочее. И глагола ему тихимъ гласомъ святой, (глаголя): о брате, сіе приходитъ по неврѣстности нашему, имуще къ Богу маловѣріе. И утѣшивъ его словесы святой, прощеніе ему даровавъ, и тако вмагѣ старецъ исцѣлѣ отъ раны той молитвами преподобнаго отца; и начатъ жити нужею и жестоко и трудолюбно со святымъ, кунно же и странно возлюбилъ пребываніе; тацѣ же бяху духовныя его труды и подвижи и работныя трудове рукъ его, яко превосходити ему всѣхъ въ святого обители добродѣтели. Но яко первое чужа себе сотвори отъ всякия суеты свѣта сего и живъ хожаше яко мортвъ отъ міра, и безмыслиемъ и нищественнымъ житіемъ мертвецъ непогребенъ, воздержаніе же его всяко яко ангелу, и никакоже брашномъ услажаше себе, но паче плоти нужную скудость подавая брашна и питыя, кунно же и одежда его страна зѣло, въ нюже присно облачашеся прикровенья ради ваготы тѣлесныя, и ношаше раздраныя ризы и ветхи рубища, лица же своего никакоже умываше водою, не токмо рудѣ, а лице слезами умываше; бѣ бо очи ему по вся дни слезъ исполнены духовныхъ и хлнпанія теплоты душа его, сердце же его благодатною водою обливашеся и отрыгнуено присно на всегдашнее рыданіе слезъ его; келья же его тенна зѣло и странна, никакоже чрежена; на всякой же работѣ монастырскія первѣ всѣхъ обрѣташеся, а оносѣ вслождаше;

наставника своего блаженнаго Евфросина подражая житію, правила же своего кельнаго ни мало оставляше, всалмы же Давидовы всегда глаголаше съдя или дѣлая что, и соборнаго пѣнія никакоже оставляя, развѣ великія нужы, и въ церкви глаголаше псалмы Давида пророка и божественное писаніе почиташе, и отъ устъ его слово исхожаше дострочно и вершашеся яко чистый бисеръ слышашимъ въ сокровища сердечная, и глагола ему яко гласъ умилень сладкоглаголанья голубицы, и не яко человѣчески духовная глаголаше, но яко ангельски божественная вѣщающе, и велики любящи уединенію и немятежное житіе и присное молчанію. И нѣкогда приходяху къ блаженному Евфросину изъ града христіюбцы пользы ради и благословенія, и приношаху потребная брашно и питіе къ святому съ братією, и учрещаше ихъ. И егда случится преподобному послѣ трапезнаго учреженія съ братією нѣчто мало покоснѣти бесѣды ради и любви гостинныя, Серапіонъ же никако недлаше чести ради приходящаго, но скоро исхождаше въ странную свою келью и въ той единъ затворяшеся и молише всемилостиваго Бога и пречистую его Матерь и всѣхъ святыхъ о укрѣпленіи царства, о христіюбныхъ князѣхъ и о воцѣхъ ихъ и о всомъ православномъ христіанствѣ и о давшихъ милостыню святому мѣсту, въ немъже живаше. И прочее похвало Господу Богу вся дни чернечества своего въ великомъ трудѣ и воздержаніи и въ жестокихъ добродѣтеляхъ, о нихъже подобаетъ дивитися и внимати добродѣтельному его житію и исправленію. И отыде отъ житія сего суетнаго добрымъ и лѣпымъ отхожденіемъ ко Господу, и егда же совлекъ его скутерь изъ рубищныхъ ризъ и хоташе обвити его въ ризы погребальныя, и обрѣте кости токмо едины жилами и кожею содержащеся: отъ нужнаго труда и воздержанія тако плоть ему уведе! Сяце же и погребенъ бывъ блаженнымъ Евфросиномъ и братією. Се по истинѣ яко воинъ Христовъ, всякое страстное наслаженіе нимотокущее человѣчскія суеты храборски, яко тивіале, отъ души своая отгнавъ, тѣмъже умени бого-

работную душу свою краснѣше злата въ небесное сокровище блаженный Серапіонъ: ризы же его баше странны и ветхы, въ нихъже хожаше блаженный и никтоже взять ихъ отъ братіи обители той, но близъ вратъ въ монастырѣ повергоша ризы тые блаженнаго трудника на взятію нищихъ и страннымъ; и никтоже ихъ взять отъ нищихъ входящихъ въ монастырѣ и исходящихъ. Сію же чудо повѣда Панфилей игумень обители той, ученикъ блаженнаго Евфросина.

О прихоженіи братьи къ святому.

По семъ же прослуся о немъ повсюду и начаша братья собиратися къ нему и простая чада пользы ради, ревнующи добродѣтельному житію его противу силъ своей. Онъ же нача ихъ примати и поучевая ихъ о пользѣ душевнѣй, нишѣ чистоту тѣлесную и душевное незлобье, смиренію и братолюбію полицентрное ко всѣмъ, къ малымъ и къ великимъ, якоже рече апостолъ: любви не завидитъ, любви не оплазуетъ, любви не гордится, любви не радуется о неправдѣ, радуется же ся о истинѣ, вся терпѣтъ, таже и прочее; прекословья же велише бѣгати и зависти, обьяденія и пьянства и прочихъ, яко зліа; а баше по единому ихъ въ кельи безхолвствующе. И тако братіи число множашося благодатію Христовою на мѣсто то, идѣже живаше святый. Всевидящее же око, видя святаго, яко хочеть сосудъ быти святому Духу и мощенъ управити Христово стадо, вложи поныслъ ему въ пустынѣ той составиши общій монастырѣ и тамо прославлятися ния Христа Бога въ вѣки, и многи души Христу уверѣстася; о семъ вопіеть Богоотець пророкъ Давидъ: сердце сокрушено и смирено Богъ не уничтожитъ; и апостолу глаголющу: творящимъ заповѣди вся поспѣются во благое. Братіи же начаша молити святаго, да соградитъ нмъ церковь; онъ же, доблоразсудная главо, повелѣвъ устроити нмъ церковь на мѣстѣ томъ во ния тріохъ свитителей вселенскихъ, идѣже видѣнію видѣ блаженный. Мѣсто же то баше не нарочито, и мало и скудно, и по обѣ страны ому сюду и сюду еди-

на рѣка на двое раздѣлился, пришедъ выше къ мѣсту тому, и пакы ниже совокупися о мѣстѣ томъ. — и сего ради мужа велика бѣлаше тѣсноты ради обителя. И братьиѣ уже умножившиися и кельямъ испотребно есть мѣсто у(про)странитися, множицею нудяху святого брата, яко да преставитъ обитель на ино мѣсто, избравъ нарочито. Святыи же отвѣщавъ на, глагола: азъ, братія моя, не на сію пришелъ есмь въ пустыню сію, но хотѣхъ единъ безнолствовати на мѣстѣ семъ и молчанія моего ради худо и не нарочито мѣсто излюбихъ себѣ, а не хотѣхъ тѣло славы, ниже помышляхъ множества ради грѣховъ моихъ, чтобы обитель составити и монастырь упространити и братью умножити; но же наче Богу изволишу на семъ мѣстѣ храну быти въ славу свою, купно же и монастырю о немъ составится и пакы въ любви жити въ немъ и обще Богу работати; а еже глаголето переставити обитель сію на ино мѣсто, то азъ тѣмъ немогущъ владѣти и позыбати сего святого мѣста, повеже Богу изволишу на семъ мѣстѣ прославитися имоци его; сице же аще хочета, любимицы мои, обильну быти мѣсту сему, то уречь купно оную гору и тѣмъ пополнивъ единъ пототъ, же отъ востока рѣки оной. И бысть слово святого и дѣломъ касающа, и абие купно съ святымъ трудолюбива братіи, наполнившю песка восточный пототъ рѣки оной, носяще землю на ранихъ своихъ отъ горы той, и того ради рѣка она совокупися во едино теченіе, течеть же и доныиъ купно единѣмъ стержнемъ, а другіи стержень ея молитвами святого и до сего дни суша бысть посредн обителя. Сіе дождѣ, и пакы на предлежащую повѣсть возвратися.

О Игнатіи иноцѣ.

Приде же нѣкто изъ града Пскова именемъ Игнатіе въ пустыню къ преподобному. Еще бо ему юну сущу и плоти цвѣтуци, и приде ему желаніе во мнѣшское житіе; оставъ отца своего и матеръ, братью и сестры и домъ, по заповѣди святого евангелія, и молише святого, да сподобитъ его ангельскаго образа.

Святыи же пріять его и, не закоснѣвъ, абие повелъ пострити его, и наречено бысть ивоческое имя его Игнатіе. Внимая себѣ добродѣтельному житію и подвижанію духовному, своего во всеиъ подражая; видѣ же его святыи со тѣнѣмъ прележаща и любовью неуклонною въ божественную волю и въ послушаніи святого и во всеи о Христѣ братіи во служеніи и повинованіи и во всякомъ смиреніи и кротости и въ чистотѣ тѣлеснѣи и душевномъ незлобіи о Бозѣ пребывая, той бо есть всему духовному житію и добродѣтельному великая красота, и сего ради видѣ о немъ святыи, и разсудивъ доброразсудная та глава, яко достоинъ есть великаго дару священническаго сподобитися, таже сподоблется священничества, повелѣніемъ святого и властію архіепископа Великаго Новаграда и Пскова владыки Иова. Сей же Игнатіи духовникъ баше святому и первый игуменъ во обители блаженнаго, и чистежраше жертву Богу и до исхода души своея.

О Харламинѣ червьци.

По семъ же приде въ монастырь къ святому братъ по плоти Игнатію священнику въ духовное тризнице, и молилъ блаженнаго отца, да сподобитъ его ангельскаго образа, якоже и братъ его Игнатіе, и прачтеть ко избранному своему стаду словесному. Святыи же повѣда всеи братіи о немъ и сподоби его ангельскаго образа, и наречено бысть имя его Харламинъ; и бысть темъ дѣлатель и зѣло подвижникъ на духовная добродѣтели и во всеиъ подражая и усердно ревнуя нарядному житію блаженнаго отца Евросима добродѣтели. Тѣмъ же видѣвъ его святыи, яко сицевъ есть дѣлатель истиннъ, въ покореніи и въ воздержаніи живаше и трезвъ подвижникъ на бдѣніи и молитву, и абие святыи и того возводитъ въ церковное иго, и той такоже сподоблетъ бысть прозвѣтерскаго сана величїемъ блаженнаго старца и верховнѣю властію архіепископа великихъ градовъ Новаграда и Пскова владыцѣ Евфоніи. И добръ Госпо-

деви работая въ пренеподобнаго обители и до отшествия души своей къ Богу.

О Панфиліи старца.

По малѣ же времени приде въ обитель къ святому третій братъ Игнатію и Харлампію священника, ревнуя исправленію и добродѣтельному спребыванію братіи своей; и той такожде моляше святого черноризецъ быти, бѣ бо ему желанію и теплота вѣры воспалена въ немъ присво отъ міра сего суетнаго; и той управленіемъ святого постриженъ бысть во ангельскій образъ и наречено бысть имя его Панфилій инокъ. По малѣ же убо времени и той сподобленъ бысть за добродѣтельное его житіе и спребываніе чиститель быти саномъ, якоже и братія его, въ разсуженіи и управленіи у святого отца. Сіи убо три браты быше по плоти священники, и единъ по единому каждо ихъ въ монастырѣ святого игумена быша во время свое, и вса строяще волицыи тѣмъ трудницы и всякіи монастырскія работы прежніи дѣлателие, такоже по чину и по обычаю держаще уставъ и исправленію духовныя потребности и тѣлесныя, по уставу и правилу своего наставника и учителя блаженнаго Евфросина; сице же и въ духовныхъ подвизѣхъ велики и исправленіи спѣши зѣло, отъ юны бо версты души своя Христу унебѣтиса въ божественное хотѣніе. О вѣхъ же ни есть слово предлежаще, вѣнѣ же настоящее да глаголется.

О Мантиріи червьца.

По семъ же приде въ монастырѣ ко святому четвертый братъ во плоти Игнатію и Харлампію и Панфилію, желая иноческаго спребыванія; братія же его родимая не рачише ему иночскій образъ пріяти, но глаголаше ему: вди, брате, въ домъ свой къ родителямъ нашимъ, да вѣхъ общаи старость возвеселится о тебѣ, понеже бо мы вольми оскорбихомъ ихъ; и суще влады, отвергохомся міра Бога ради и отторгохомся отъ назулу родителей своихъ; ты же утѣши, брате, родившая ны и сочетайся браку; сице бо еще юну ты сущу и пло-

ти цѣтуици, како хочещи дерзнути на великое то иго; не возможеша повести, яко неискусное жребіа, духовнаго ярма трудовныя тяготы и воздержанія и болѣшнаго выну спребыванія, иноческаго житія любомудріе; тѣмъ же молвиъ ты, да вопиив наче къ послушанію нашему и отыди отсюду къ родителямъ нашимъ, да нѣхъ возвеселиши; и егда своими судьбами восхоцеть Богъ, можеть ты спасти, брате, да о всемъ искусемъ будещи во ангельскомъ образѣ; вди и да свѣды міра сего суету и сирадное сладострастіе и душегубную лестви тинѣниа, таже и въ великій когда подвигъ видещи, воинѣ хробрѣ явишися, вѣдѣи искусъ и стрѣляніа и лукавствіа діавола. Дѣтищъ же, послушавъ братіи своей, и поклонися блаженному отцу Евфросину, купи же и братама своими, и отыде, дряхлуа и плачася, въ домъ къ родителямъ своимъ, яко не получи желанія своего. По малѣ же времени родители обручиста ему супругу прелѣпу зѣло и прирягоста его браку; онъ же поживе два лѣта съ супругою своею и, бывъ въ себѣ, рече: увы мнѣ во сирадѣ и тинѣниа вѣка сего суетнаго, понеже братія моя Христу служаще воинствуютъ на діавола, свѣтло приобдѣтша міра сего суету и чающе получить отъ Господа нетлѣнное утѣшение вѣчныя жизни; азъ же погрязохъ въ тинѣниа міра сего единъ, како разлучихся отъ брату моему? Сіа же ему съ рыданіемъ глаголющу и слезы испуцающу отъ очію, и сице воставъ и поживуъ слово Христово, глаголющее: аще кто не оставиъ отца и матеръ, жену и дѣти, и родъ и вѣнѣи и села имено моего ради, не можеть ученикъ мой быти. И изыдо съ дерзновеніемъ изъ дому, оставъ родители своя и жены любовь повергъ, и вѣнѣи, и елику съ собой на потребу братіи взя, и Бога въ помощъ призвавъ, и рече: Господи Исусе Христе сыне Божій, живый въ вышнихъ во свѣтѣ непреступивѣи, со Отцемъ и Святымъ Духомъ непрестанно славимый отъ ангель и избавеный отъ сарафинъ, сподоби мя ангельскаго образа и любво душевныя и желанія, еже тебѣ работати, Господи, въ чистѣи совѣсти и душѣ нескверной вихода своего

якоже и брати мой, и избави мя отъ всякаго стрѣля-
нїа дьявола и отъ всѣхъ сѣтей его! И окончавъ молит-
ву, и устремися неозвратно въ духовное тризнице
въ монастырь къ человеку божію Евросину. И при-
ткъ, абіо паде предъ ногама святого, молишеся со сло-
зми и рыданіемъ, вонїа: помилуй мя, святоч божій, грѣ-
шного человека, и сего ради прибѣгохъ въ руцѣ
твои, да мя створиши черноризца быти и причтеши мя
святому своему стаду, якоже и братію мою. И абіо
прїять его святой, яко любезное чадо въ пазуху ро-
дительну, и постриженъ бысть велѣніемъ святого во
ангельскій образъ, и наречено бысть имя его иноческоо
Мавтиріе. Супруга же его остася юна суца и цѣту
юности въ менищи женскій цѣтущице; но паче та доб-
рая и лѣпая жена благою часть избра и яко во оты-
мется отъ нея: видѣвши же себо осиротѣвши вдовствомъ,
яко нужъ ся любве ради Божїа разлучилася естъ отъ
нея, тако же и она зѣло возлюби премудрѣсть и страхъ
Божїи, и велики възблагодаривъ Бога, и рече: аще го-
своднїи мой изволивъ Христу работати и того возлю-
билъ отъ души своєю и нынѣ оставъ любовь родито-
телей своихъ и мою, супруги своєю, то уже и азъ лю-
бве ради Божїи не дерзну на сочтанію иного брака, но
пробуду вдовствующи и до отшествїя своего, въ вели-
комъ цѣломудрїи о Бозѣ. Не яко женски пренепогаю-
ще, но яко храборски возмогаше, хранише благолѣпнѣ
цвѣтъ вдовства своего, чистоту душевную и тѣлесную
боголюбивая та жена до конца. Мавтиріе же инокъ оная
боголюбивая жены, о немъже нямъ слово, поживе два
лѣта въ преподобнаго обителя въ духовныхъ подви-
зѣхъ и въ жестокихъ добродѣтеляхъ, и очистивъ душу
свою отъ всякаго грѣха, и уире благолѣпно о Господѣ,
христіанскій конецъ прїимъ и погребенъ бытъ во оби-
тели блаженнаго отца. По малѣ же времени скончася
съ миремъ о Господѣ рабыня божїа Агаѳїа, мати по
плоти блаженныхъ онѣхъ отецъ.

О Филаретѣ черноризцѣ.

Тако убо отецъ по плоти онѣхъ инокъ, о нихъ
преже сказаломъ, skutавъ тѣло супруги своєю и
дѣвъ себо яко лѣпша суца, и тако смысливъ о се-
бѣ благо, мѣхъ своихъ, спасти тщашеся душу свою, и
абіо устремися и той по чадѣхъ своихъ въ пустыни
къ преподобному Евросипу. И прїиде въ мона-
стырь, поклонися святому, глаголаше: се влодъ прижи-
тїа моего—чада моя въ руку твою, честный отецъ; и
азъ такоже прїидохъ въ руцѣ твоєи святыни, да спа-
сена будетъ душа моя грѣшная богопрїятныхъ ради
молитвъ твоихъ. Святой же повелѣ и того облещи во
ангельскій образъ, и наречено бысть имя его иноче-
ское Филаретъ. Въ мїрѣ законно поживо, яко рабъ
Христовъ, родившо во славу благочествая чада своя,
и тако живогъ свой благочестно соверши, и душу
свою добродѣтелями украсивъ и добрѣ работая Богу,
въ глубочѣ старости конецъ житїю прїемъ, ко Госпо-
ду отиде. Егужо возлюби, и погребенъ бытъ честно
преподобнымъ Евросипомъ и чадомъ его.

И не сіе токмо исправленіе едино о ученицѣхъ блажен-
наго Евросипа, но блаше чудно слышати учениковъ его,
яко ластовицъ красныхъ житїемъ сіяющихъ, и мнѣхъ
же учениковъ его разшедшихъ по иѣстїи проразуже-
ніемъ духовнаго ихъ настоятеля, неусыпаемаго труд-
ника, и тако честными обителяи воздвигшихъ въ славу
Христову сожительствовати иноческому чипу. Глаго-
лю же блаженнаго Савву, составившаго честный мона-
стырь Іоанна Богослова въ пустыни, глаголемой Кри-
пецъ, и тамо собравшуся благодатїю Христовою ино-
жеству братїи; другаго же глаголю чуднаго отца До-
сифїа, создавшаго обитель честну святыхъ апостолъ
Петра и Павла на сожительство иночествующихъ о
Христѣ братїи въ пустыни надъ Великиихъ озеромъ на
островѣ, зовомомъ Верхнемъ; третїаго же ученика свя-
того глаголю богодуховеннаго Иларїона, иже по Бо-
зѣ житїю живша со святымъ, и сему же воздвигшу
честную обитель Покровъ святѣи Богородицы малъ

Желчию рѣкою въ пустыни непроходимѣй, еже глаголется Озерскій монастырь. И до нынѣ суть тѣ честныи обители всѣми видими, благодатию Христовою, яко свѣтила сіяють во Псковской странѣ и молитвами преподобныхъ отецъ. Додѣ прекративъ слово, пакы на предлежаще возвратися.

Чудо о Коновъ черноризцѣ.

Быше же иже черноризецъ именемъ Коновъ, и сей приидо въ монастырь ко святому, пошаше съ собою сребра иѣру, кланяся ему и глаголаше: о святче Божій, причти мя къ своему избранному и словесному стаду и къ святѣй дружнѣ, аки овцу заблудшую; а еже имать съ собою сребро, се ти влагаю въ честнѣи твои руцѣ на требованіе монастырско. Святый же не рачаше прияти отъ него сребра, но рече ему тихиимъ голосомъ: аще, брате, требѣ ти есть мѣсто сіе святое и пришель еси къ нашей грубости, то пребуди съ нами, терпя Бога ради, понеже рече Господь: всякого ко нивъ грядущаго не азжесу вонъ, и сребро твоо еще съ тобою да будетъ. Оному же молящу и шригужающу съ любовью святого, да возьметъ сребро на требованіе монастырскоо, преподобный же, прозря пророзривыма очима, еже ему дарованіе святаго Духа, о внутренемъ оному брату, яко иѣсть ему совершенныи вѣры вселитися во обитель святую, и сего ради сапо рече ему: брате, аще хочещи дати намъ сребро свое милости ради Божіа, то уже иди во церковь трехъ святитель и положи предъ олтаремъ, понеже Богу принесель еси, в тому даси е, а не намъ смиреннымъ. Старецъ же по глаголу блаженнаго дерзну вйти въ церковь и повергъ сребро предъ олтаремъ, изыдо. Блаженный же отецъ нашъ Евфросинъ повелѣ иконому взяти сребро то и сохраниати нерушино. Оный же старецъ, о немъже намъ слово, поживъ мало время въ обители святого, и абіе устрѣленъ бысть отъ неприязнена врага менавистию на преподобнаго. И пришедъ къ преподобному, и рече: се уже, отче, отынь не брегій мене, понеже не требую късему жити у тебе, и

отдай мнѣ сребро мое, и иди пакы отъ тебе, а може хощу. И рече ему тихиимъ голосомъ преподобный: въси уже, брате, яко Богу даль еси и триемъ сълшителямъ, и отъ тѣхъ пакы проси и воласни е, мене же не утружай вѣсу, яко азъ никогдаже вѣль отъ тебе. И разгнѣвася старецъ на святаго и сицинувъ лицомъ и великіа ярости исполнився, и отыде отъ святаго драхлукъ въ келью свою, и начатъ мыслити неподобная, яко да конь образомъ изгубитъ святаго; и умысливъ абіе неприязненая, и о семъ наче смотрашо подобия времени совершити хотѣніе свое злоо и волю диаволу. По времени же ижекъ съ изыде святый изъ монастыря во внутреннюю пустыню на иѣкую потребу, оный же братъ, обрѣгъ подобно время азыи мысли своей, да умортивъ святаго своими руками, и абіе вземъ стѣкуру подъ мнѣтию свою, и устрѣнися скоро за святыхъ въ пустыню, и усрѣто и зѣврски нападо на святаго, и занесъ путь святому и ать и за котыгу твердо и возмачнувъ сохирою на высоту, и хотяше по сѣщи во главу святаго; и тако неприязнена гнѣза и ярости исполнився азыи, рече святому: се глава твоя, лхониче калугерѣ, въ томъ часѣ отъята будетъ и душу твою съ нужною шалску отъ тебе, и мѣсто сіо гробъ да будетъ ти! и прорцы ми уже, окаивно, аще не отдаси сребра моего. Преподобный же старецъ смиреннымъ образомъ рече ему: укротися, брате, Бога ради и престани отъ гнѣза и остави ярость, а сребро твоо цѣло суть и до нынѣ, огда даси наза, и иди и возми е собѣ, азъ ти позволю отдати въ руцѣ твои; днесъ бо видѣхъ, брате, мзловѣрна ты, отнесже пришель еси къ нашей грубости, и того ради не хотѣхъ прияти сребра твоего исперва, и не рѣхъ ли ти вачо: держи е у себе, да будетъ сребро твоо съ тобою, якоже рече апостолъ къ Симону: яко нещуча прияти даръ Божій сребромъ: нынѣ же идевъ съ любовію въ монастырь, и о семъ блюди, брате, да никтоже увѣсть отъ братія моего бывшую крахолу съ тобою въ пустыни сей. И пришедъ святый въ монастырь свей, и воззва иконома и повелѣ ему отдати сребро оному

старцу. Старецъ же, взявъ свое, и поклонися святому и мирно изыде изъ монастыря его, и вшедь во иную обитель, и абие ослѣбѣ очима, яко ни мало ему видѣти рукъ своихъ, ни стези, аможе ходити, но водимъ бысть нѣкими. Сяце же убо разумѣвъ старецъ согрѣшеніе свое къ святому, яко безъ правды оскорби его, и рече въ собѣ о семъ паче: гнѣвъ Божій постиже мя. И абие скоро возставъ, и возвратися въ монастырь къ святому, водимъ отъ нѣкогого. И пришедъ, паде предъ ногама святому со слезами и смирениемъ сердца, рыдающе и глаголюще: прости мя, рече, отче пречестный, незаконнаго, зная ти непреминуго сотворшаго; со уже не имамъ отыти отъ твоея святости, дождеже и во гробъ виду! Святый же рече ему тихо и разумно: брате, ненавидай добра роду чловѣчю діаволъ спонь приводитъ на иущихъ къ Богу мало-вѣріе, хотя ны отъ Бога отлучити и привести въ муку вѣчную; намъ же подобаетъ, брате, храбримъ быти противу немощей и ихъ силѣ, многима скорбима подобаетъ внити въ царство небесное. Богъ да проститъ тя, брате, и пребуди отселѣ съ нами смиренныи, якоже глаголеши, понеже азъ присно жадахъ души твоея спасенія. И се рекъ святый, падъ на землю предъ образомъ Господа нашего Іисуса Христа, и нача молитися. глагола:

Молитва.

Господи Іисусе Христе Сыне Божій, услыши молитву мою, имене твоего ради святаго, и даждь сему рабу твоему прозрѣніе и просвѣти ему очи душевныи и тѣлесныи, да видить свѣтъ твой истинный, якоже просвѣтили еси апостоломъ своимъ. Аваніемъ сосуда избраннаго твоего Павла, гонителя бывша; тако и сего просвѣти брата нашего, пришедша въ тризнице духовное къ намъ смиренныи, и сохрани его и до конца отъ врага непоколебима, и да вси прославятъ имя твое святое, Отца и Сына и Святаго Духа.

И во молитвѣ вставъ блаженный, и благослови брата крестообразно и рекъ: Богъ дѣтвори твои очи ма-

ловѣрія ради, той и просвѣтитъ тя именеъ своимъ святымъ. И абие въ томъ часѣ прозрѣ братъ благодатию Христовою и молитвами святаго, и вси прославиша Бога о семъ чудеси. Братъ же оиъ пребысть видий и до отшествія души своей къ Богу; сребро же свое и прочее ищѣніе отаде святому съ братією на требованіе монастырское.

О трудахъ блаженнаго Евфросина.

По семъ же блаженный Евфросинъ съ духовными трудника Игнатіемъ и Харлампіемъ и Павлоіемъ, священника сущима и братама по плоти, на всякое дѣло монастырское спѣсьими, сяце же и со всею братією о Христѣ въ духовномъ союзѣ и въ боголюбіи и въ любви величїерѣи, нача лѣтъ сѣщи окрестъ обители и нивы страдати на гобзованія лѣбная, и тѣмъ блаженный съ братією питашеся. Егда же годъ бысть церковнаго пѣнія, то вси пореваху трудовное дѣло со блаженныи и течаху каждо ихъ къ началу церковнаго правила, и тако совершающе божественную службу со святыи во страсть Божіи, въ молитвахъ и слезахъ и пощенїи, и искождаху койждо ихъ съ молчанїемъ—овы въ келїа своя, ины же на трудовныя дѣла монастырскїе, сїя же вси бываху разсуженїемъ и управленїемъ преподобнаго отца. Елма же нача блаженный милостыни творити многа приходящимъ къ нему алчымъ и жадынымъ и малопомощнымъ, и страннмъ и приходящимъ людей всѣмъ равно упокоєвая и кормя съ любовію, яко отъ Господа посланныхъ, и братіи своей заповѣда ничтоже звати своимъ, но все монастырскимъ, подобяся гласу Спасову: милостивыхъ дома не оскудѣютъ, рече Господь, ревнуй Авраамову страннолюбію и Іову Авсидійскому и Филарету и Пазну милостивому а Феодосію киноіарху и Евѣнію великому и прочимъ святымъ, тѣмъ житію подражая во всемъ. Весноцное же стовіе бѣше у сватаго съ братією якоже у свѣтскихъ отецъ.

О умноженіи брашенъ молитвами святаго.

Накѣ же хотя Богъ вѣру явити раба своего, сотвори оскуднѣю быти брашенъ отъ раздаяніа убогимъ въ лаврѣ святаго; и братьямъ въ величѣй скорби бывшимъ, немоще что ясти, и хотящихъ разитися отъ святаго, святаѣ же утѣшаше я, глагола: чада, Богъ, сотворивъ чудеса отцехъ ношымъ, Израильты въ пустыни прекоривыи, той и на насъ убогихъ сотворитъ милость: токмо потерпите, и Богъ не оставитъ насъ. Въ то же время нѣкому чистителю веси Кривовицкіа, служителю святаго пророка Іліа, добродѣтельное житіе жившу по Бозѣ, сему же чистителю по келейномъ правлѣ своемъ возлегшу на одрѣ почити, и ту ему явшася въ тонцѣ сѣѣ тріе святители, некущеса о мѣстѣ томъ, и глаголаша ему: устрой брашна и питія и вса потребная, и возложи на мска и гради борзо путемъ тѣмъ, иже мною твою весь прелегъ, и обращеша въ правѣ странѣ въ пустыни надъ Толвою рѣкою монастырь ново стронеса угодинкомъ Божіимъ Евфросиниомъ во имя наше, и тако братьямъ гладнымъ сущимъ недостаточестве брашна и питія вѣры ради оногю милостиваго мужа, уже три дни ниущи безъ пища. Чистителю же дерзнувшу рещи къ сватымъ: Господіе мои, вы кто есте свѣтообразныи мужіе въ святительскыхъ одеждахъ приидете ко мнѣ грѣшному? Сватымъ же отвѣщавшимъ къ чистителю: мы есмо тріе ерархи, вселенскіе учителя, единоравни у Бога; и не сумнися о семъ явленіи. сущее явленіе сіе къ тебѣ, востани и гради скоро въ путь, вземъ потребная. И сіе изглаголашу, невидими бысть отъ него. Чиститель же воспринувъ отъ сва и благодаривъ Бога, и взя по обычаю брашно и питіе и возложи на мска, и грядише въ путь свой, радуася и слава Бога. И доиде трисвятительскіе обители въ монастырь къ человекю Божію, и вдаде брашно и питіе святаму, и вземъ молитву отъ святаго и отъ братіи, чиститель той отыде во своаси. Святаѣ же, вземъ брашно и питіе отъ чистителя, и похваливъ Бога и сватыа, и даде братіи и

глагола: братіе, рече апостоль—сѣѣи о благословеніи со благословеніемъ и пожнеть: страшнолюбіи же, братіа мои, не забываете и по моемъ отшествіи отъ житія сего. Чиститель же той возвѣсти во градѣ князю и посадникомъ и всѣмъ христолюбивымъ людемъ о пребываніи жестокомъ святаго съ братьемъ и о устроненіи обители на мѣстѣ томъ иже надъ Толвою. И нѣкто христолюбець Анавасій посадникъ, и себъ прииде въ монастырь на двою мску къ сватаму, нося яко требованіе различно на потребу братіи; сватаму же съ братіею принишу требованіе отъ христолюбца и похваливши Бога, и ниш же христолюбцы мнози начаша вѣру держати къ трисвятительской обители и къ преподобному отцу Евфросину, и милостивыи творити многи, и села вдавати на устроненіе обители, въ наслѣдіе вѣчныхъ благъ. Святаѣ же пача болма милостивыи творити убогимъ и странныхъ упокоова яко чадалюбивый отецъ съ великою радостію. Се суть вѣрніи цвѣты и милостивыи плоды; вѣсть бо Господь сотворити волю болящихъ его, ады и въ будущій вѣкъ.

Повесть о нѣкомъ священникѣ, прашедшемъ изъ Новгорода въ пустыню къ преподобному.

По времени же прииде нѣкій священникъ отъ Великаго Новграда въ монастырь къ сватаму, невѣрленъ содержимъ, хотя соглядати обычая преподобнаго и обихода монастырскаго и добродѣльныхъ его о Богѣ трудовъ и подвигъ духовныхъ и всеощныхъ бдѣній, паче же слуха видѣніемъ хотяше извѣстити. Сиде же смысливъ на искусь себе и пользы ради душевныа,—бѣ бо иныася, яко самъ трудолюбець есть и духовенъ подвижникъ, кичаяся въ себѣ,—и сего ради прииде къ сватаму, яко слышалъ бѣ о немъ дивная и преславная чудодѣствія. Преподобный же Евфросинъ пріятъ его по обычаю съ великою радостію и даде ему хлѣвину особѣ, покоя ради душевнаго и тѣлеснаго. Священникъ же пача творити узаконенія монастырскаа, кунно же и тружатися со сватымъ и съ братьемъ потребною работою обители; по семъ же и успѣхъ тво

риту ровная се съ братьею въ начало церковное; понеже сице, яко неперкусенъ юнецъ, подведиша подъ него тяжкаго бремене, и познавъ бысть отъ водящаго, яко сушь есть и немощенъ, надеся; тако убо и онъ сице: не могъ работы и труда святыхъ оубъхъ, купно же и на церковное правило худъ есть и немощенъ явивиша. Егда же первая стража случися ему быти со святымъ и съ братьею во всепонощнѣхъ трудѣхъ и бдѣннѣхъ, по уставу скитскому многу пѣнію бывающую, такоже убо и до глубокія полнощнѣ бдѣщу оному священнику, дондеже и полисалтыри изглаголаша и каноны по обычаю, купно же и великая чтенія и прочаго пѣнія поюще, священникъ же убо онъ нача отъ сна побѣжати и немощати тѣломъ трудовъ ради неусыпаемыхъ, ово убо яко пѣанъ являшеся отъ сна и отъ воздержанія, о стѣну пореваяся, стѣно и овамо шаташеся, яко трость вѣтромъ колеблема, ово же сплзаше и размизаше очи свои и прекланяше часто главу свою долу отъ тяжкаго сна. Сице же и мало устранивъ себя отъ сна и приступивъ къ единому отъ клирикъ преподобнаго, рече ему: скажи ми, брато, что есть бываемое се люкѣннѣ, ово салтырь, ово же каноны глаголашеся, ово же продолженіе чтенія, и есть ли сему престатіе? уже бо лѣ полнощнѣ предоша и конецъ ми постигъ отъ многого стоянія! Клирикъ же отвѣщавъ ему: Брате, се часъ дни отъидеть, и тогда конецъ совершается пѣнія. Священникъ же къ тому ничтоже глаголаше клирику, но токмо въ себѣ чюдилешся и похваляше добродѣтельное житіе и труды и постное пребываніе отца нашего великаго Евфросина. И абіе изъемъ изъ вѣдръ своихъ лоптионъ и связавъ за конца ему, и наверже на спину, иже надъ нимъ, и обѣси себе подъ пазусъ; и тако стояше до конца всепонощное бдѣніе, висимъ на шлѣтѣ. Сице же поживе у преподобнаго въ монастырѣ, тружаяся и подризаяся съ братьею, едва скончавъ десять дній; и сотворивъ метаніе святому, и взявъ благословеніе, и наказавъ бывъ отъ него, и отыде во свояси къ Новуградѣ. И тамо вопрошенъ бысть знаменами, како святого видѣ и въ конѣхъ дѣтелехъ пребываше

святый, и каѣмъ обычаемъ живутъ братія его о Христѣ? Онъ же, мало помолчавъ мнѣ, и со удивленіемъ исповѣда мнѣ святого исправленіе и братіи его добродѣтельное житіе, и труды, и постное пребываніе, и всепонощное бдѣніе, и на земли леганіе и прочая добродѣтели его къ Богу. И рече мнѣ притчею: видѣте ли присностоящее древо, не требующее сѣва, ни дреманія, ни покоя всякаго, и сироста рещи—такое онъ пребываетъ съ братьею, яко желѣзный съ желѣзными! Она же рѣша ему: грядеши ли тамо еще, видѣже духовная совершаются и труды бывають мнози? Священникъ же онъ рече своимъ, о немъже нѣмъ слово: немощенъ азъ престоати древу, ни претружати влотнои неилотная. И тако священникъ онъ зазираше въ себѣ добродѣтельному житію и надъ смиренными невозможашеся и до кончины души своея, якоже рече ему преподобный Евфросинъ.

О восхожденіи святого во внутреннюю пустыню.

Нѣкогда убо изыде преподобный Евфросинъ изъ монастыря своего во внутреннюю пустыню, и начашу ему творити шествіе, и абіе усрѣто его диаволь во образѣ знаемаго ему изорника, и представъ ему лицемъ къ лицу, и поклонися святому, глаголюще: добре грядеши, авва; и азъ хошу съ тобою сѣдъ день ходити. И отвѣщавъ преподобный, рече ему: вще хочещи, скитасеся купно. Диаволь же, хотя искусити святого, нача предходить предъ нимъ и глаголати святому о житейскихъ вещехъ міра сего; и яко повѣда блаженному отцу недостатки домовныя и обиды ему и наспліе отъ вѣскога, «а съ нѣтъи которахся, а со нѣмъи кромолхся и тяжбы ми есть нѣтъи и судъ»; святый же по обычаю скорбаше о немъ, и печалуяся, и недостатки ему домовныя обѣщаваяся исполниты. Святый же нача учить его о смиреннѣхъ, и рече ему: чадо, буди въ обидѣхъ и тяжбахъ и предъ насильвннѣхъ кротокъ, сердце нѣтъи смиренно и душу милостиву; писано бо есть, чадо: гордымъ Богъ противится, а смиреннымъ дасть благодать. Невѣдый же святой учаше его, яко врагъ диаволь

есть, весь день ходя по пустыни съ нимъ. И записъ путь святому къ монастырю, и бывъ святымъ яко въ помянутомъ и не знающе пустыни и не вѣдмъ, гдѣ бѣ обитель его и въ кую страну путешествуетъ, и глаголаше ему диаволъ: се азъ знаю, гряди за мною, и здѣ уже близъ есть обитель твоя. Святымъ же грядиши въ слѣдъ его, чающе монастыря своего постигнути; и по бѣ пути, ни обители, а уже день преклонился еси, вечеръ постиже. И нача помышляти въ себѣ святымъ: яко неси ради братія моя въ печали еси и смутшася, и азъ такожде въ скорби здѣся ихъ ради, яко укосиѣхъ въ пустыни себѣ; и абію святымъ вздохнувъ изъ глубины сердца своего, и евангельски рече: отче нашъ, яко еси на небесѣхъ; тако и прочее молитвы той: не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго. Снце же святому молящуся и слову ещо сущу въ устѣхъ его, и абію предъ нимъ предъ ходи нинимъ человекъ во образѣ дыма преложиша и по воздуху размысся, невидимъ бысть. Преподобный же въ себѣ бывъ, и разумѣ, яко врагъ диаволъ есть, хотя сотворити пакость ему; обрѣтый бо ся въ непроходимѣй пустыни въ чащи добра, ходяше по укрупчю горневу, сѣду и сѣду стремнины окрестъ предлежаху; и познавъ мѣсто святымъ, яко облуди его врагъ отъ обители вдалѣ пять поприщъ, и ту обвечерѣ и пребысть всю ночь безъ сна, бдя и моляся съ слезами преподобный. Черноризцы же блзху монастыря святого отъ вечера и до глубока полунощи на възсканіе святого размысся по пустыни; снце же не обрѣтше его, въ монастырь возвратишася. На утрію же братія вся послѣ заутрення второе размысся на възсканіе отцу, и не обрѣтша его, и пакы въ монастырь возвратишася, бесѣдующе и скорбяху, и рыдающе: увы намъ, увы намъ, господино отче, пастырю нашъ, святоче Божій и учителю добрый! Кому насъ оставилъ еси сирыхъ въ тѣлеснѣхъ семъ житіи? Къ кому прибѣгнемъ, кто насъ утѣшитъ о пользѣ душевній и кто нашу скорбь разрѣшитъ и увыніе? Како еси отыде, святоице нашю, святоче Божій? зѣтріе ли растерзана мно-

готрудное твое и святое тѣло, или убійцы убеша? И что бысть тебѣ въ пустыни ключимое укосеніе се? повѣдѣ намъ, гдѣ твое честное и многотрудное тѣло повержено на пустыни, да поне малъ утѣшился быхомъ отъ толмкіа печали и рыданія, и трудолюбное твое тѣло предадохъ земли, общей матери. Таже и прочая молебныя глаголы взрекоша братія по святѣхъ. На утрію же вридо святымъ въ обитель свою съ радостнымъ лицомъ и веселыма очима; обрѣто братіи купно спешившися в бѣдствующо о немъ. Братія же видѣвшо святого отца, радостны быша, обрѣтше безъ надежи живота своего учителя, и текше, поклонишася блаженному отцу наставнику своему до земли, съ слезами глаголюще: вскую, отче, многу печаль сотвори гдѣ еси намъ вчерашній день и ночь сію? Но обычно въ пустыни закосиѣлъ еси, святоче Божій; покаховъ по всей пустыни и не обрѣтоховъ тебе; молимъ тя, пастырю нашъ добрый, повѣдѣ намъ медленіе свое. Преподобный же старецъ никакже потавѣ отъ нихъ бывшаго видѣнія въ пустыни, исповѣда имъ вся по ряду, како видѣ испривзѣ во образѣ человекчестъ лицемъ къ лицу, и вся яко не суть пріизнена дѣйства лукаваго, и козни, и мечты, и лаянія, и привидѣнія и искусы, бываемыя на святаго добродѣтельнаго ради житія. И множицею сія вся ключахуса преподобному отцу отъ испривзена духа, и вичѣмъ же не можашо искусити святого, но благодать Божія храняше: его приражашеся твердому аманту, и бывшо яко прахъ въ псечизновеніи отъ святого побѣжашеся. Сему же чудеси дозѣ конецъ.

О умноженіи рыбъ молитвами святого.

Нѣкогда убо праздику пришедшу святыхъ тріехъ ерарховъ вселенскихъ Василія Великаго, Григорья Богослова и Ивана Златоустаго, народу убо спешущеся изъ града многу на святую память ихъ и оскудѣніи быину въ монастырь святого, рыбы не имѣлаху; рыболовю же всю ночь трудишеся на Великомъ езерѣ, ничтоже яша, и придоша скорби къ преподобному отцу

Евфросину, повѣдающе ему оскудѣніе рыбное и всей братіи. Братія же въ величій скорби быша о семъ. Святый же утѣшаше ихъ, глаголя: братія, не скорбите, но возложите упованіе на Бога и на пречистую его матерь и на тріохъ святитель, и вѣруйте неослабно; рече апостолъ: вѣрующему же вся поспѣются во благо; якоже Моисей въ пустыни Израилевскія люди манною препита и воду изъ въз каменн шточн, то и насъ убогихъ рабъ своихъ можетъ препитати и христоролюбивое множество народа приходящихъ изъ града праздновати съ святымъ. И утѣшивъ ихъ словеса довольно, и иде во церковь тріехъ святитель съ братією, и молебная благодаривъ Спасу и пречистой Богородицѣ и тріехъ святителямъ, и взя съ собою едината отъ ученикъ своихъ именемъ Меркурія, въ постыческихъ добродѣтеляхъ провозсѣивша, и швы съ шивъ отъ братіи, и изыде на восточное езеро; прилегло быше ко обители святымъ тріехъ святитель въ пустыни; и пришедъ на мѣсто съ Меркуріемъ и съ прочими братіями, и возрѣвъ на небо, и помолися на долгъ часъ Господу, и самъ закида ирежа — в много множество изыскаша рыбъ различными образы, швалѣ же протержеса ирежа. Святый же съ братією, благодаривъ Бога и пречистую Богоматерь и тріехъ святитель, и народа много множество насытивъ молитвами тріехъ святитель, и отпусти ихъ въ дома своя, и отъ избытка явнов коша наклаша хлѣбовъ и рыбы, и ядоша братія на много дни. Тое же озеро и до сего дни имѣаше различная рыбы въ себѣ, молитвами тріехъ святитель и преподобнаго отца Евфросина.

О хоженіи святаго къ царствующему граду.

Малу же времени ииувшу, приде ему иткій помыслъ отъ Бога; и созва всю братію и глагола ихъ: братіе, аще Богу изволившу и пречестѣи Богородицѣ, хощу и помышляю ити къ царствующему граду, еже отъ юности желалъ и много трудъ стяжалъ и подвизаніе, и сѣтовалъ бездѣльно печалію предъ Богомъ о пресвятѣи акилутии, и много вопрошалъ отъ церковныи

чади старѣйшихъ мене о величій той вещи, и никтоже возможно тайны сія протолковати о божественной акилутии; (сами бо тогда волиахуса о божественномъ томъ любомудріи и великъ расколъ влагающе посредѣ Христовы церкви и разногласіе, овѣвъ бо двоичнымъ, овѣвъ троячымъ пресвятая акилутиа), — в аще Богу заставашу мое недостоинство, иду къ святѣйшему патриарху въ царствующій градъ, и дѣже возсіала православная вѣра, и святое крещеніе и законъ церковный, и отъ тамо сущаго патриарха увѣмъ истину о божественной акилутии; вавъ же буда Богъ помощникъ и прибѣжище и сила на враги, а наставникъ вавъ въ мое мѣсто отецъ мой духовный игуменъ Игнатіе: того послушайте во всемъ и тому покоряйтеся о Христѣ. И въ томъ часѣ падъ святый на землю предъ образомъ Бога нашего Исуса Христа и преклонъ колѣна, нача молитися сице: Христо царю Боже нашъ, приими моленіе мое недостойнаго раба твоего и сподоби мя достигнути богоспасаемаго града царска и пресвятѣйшаго патриарха, и желаніе мое исполни о пречестѣи акилутии, да увѣмъ истину: аще тамо двоится пресвятая акилутиа, то и азъ двою, аще тамо троится, то и азъ трою. Таже и прочая глаголы молебныи изрекъ святый ко образу Господа нашего Исуса Христа и пречестѣи Богоматери и ко всѣмъ святымъ. И по молитвѣ возставъ святый, и ста обще съ братією, помолися, и цѣловавъ братію и миръ давъ и благословеніе, и отиде Богомъ наставляемъ. И доиде царствующаго града въ добрую пору, въ царство христоролюбиваго царя Каланина и при священнои паствѣ святѣйшаго патриарха Исидора, тогда ему престолъ держашу вселенскія церкви премудрости Божіи Соція, за долгу лѣтъ до взятія богохраннаго града царска отъ поганата бусурменна Турскаго. И вшедъ по обычаю святый въ соборную церковь во время божественнаго пѣнья, и поклонися честнымъ иконамъ, таже и патриарху. Патриархъ же благослови его. Святый же, шедъ, ста на единомъ отъ мѣсть: пѣнью же божественному свершавшуся, патриархъ же повелѣ ему за собою ити; святый

же, вшедь въ келью, и поклонися по обычаю патриарху. Патриархъ же честно пріялъ его, яко отъ Господа послана; и многу убо вопрошенью бышю и бесѣдѣ отъ божественнаго писанія о тайнѣ пресвятыя аллилугіи. Патриархъ же благослови святаго и повелѣ ему двоиши святую аллилугію, и рече ему: иди, чадо, въ соборную церковь, и тамо увѣси истину о исконой дѣтели свята аллилугія. Святый, же услышавъ въ соборній церкви дважды глаголемая пресвятая аллилугія и добръ походить въ области царствующаго града и смотрѣвъ святая мѣста и монастыри честныя, испытавъ о божественній тайнѣ святаго аллилугія, купно же и молчаливныя пустыныя извѣстовавъ, и отъ всѣхъ спихъ наказанъ быти дважды глаголати пресвятая аллилугія. Патриархъ же Іосифъ, учредивъ святаго и благословивъ его святою иконою чудною зѣло, образомъ пречистыя Богородицы честнаго ея умиленія, и вѣдо ему писанію о божественній тайнѣ святаго аллилугія и отпусти его съ великою честію возвоиса, и рече ему: миръ ти, чадо, пустынное воспитаніе, иди съ миромъ и спасаая спаси душу свою, и Богъ буди съ тобою и наше благословеніе, и падуть суперицы подъ ногама твоима, ирразившися якоже волны морскія къ твердому камени: камень не сокрушится, а волны разбіются; и рече: аминь. Святый же иде въ путь свой, радуяся и слава Бога и пречистую Богоматерь, обрѣвши желаніе свое о исконой тайнѣ свята аллилугія, и доиде обители своея, миръ и благословеніе братіи съ собою нося. Братія же съ любовью яко отца и наставника восприимлють его. Святый же преда писаніе братіи отъ патриарха о пресвятій аллилугіи и святую икону Богородицину, иже даде ему патриархъ. По семъ же преподобный отецъ нашъ Евфросинъ остави чинъ церковный ийти въ своей обители: дважды глаголати святая аллилугія, по преданію вселенскаго патриарха Іосифа, еже славословити единѣи усты божество же купно и человекство, единого Бога славаще въ животворящей аллилугіи. Ишиѣ же наче простираю слово и держуса сказанія.

Повѣсть о Іевѣ философѣ и преніи о святѣи аллилугіи.

Бысть убо иѣкто священникъ, Іевъ Столицъ зовашеся, живище имаше въ богоспасаемомъ градѣ Псковѣ; той же Іевъ священникъ буй образомъ сматришеся и смысленъ имаше иити разумъ и мудръ зѣло и внутри себе кичаися, яко совершенно отъ Бога сице дарована ему протолкованіе всякого писанія, ветхаго и новаго заветъ; таже извыче много повѣствовати отъ писанія и многу протолкуя слову книжную; и баху вси людие, купно же и священники и причеть церковный, приходяху къ нему и вопрошаша отъ него о всякомъ писаніи неразрѣшенемъ и о церковномъ устроеніи, купно же и о законныхъ вещехъ; онъ же убо протолкуя, и сказоваше имъ вся по ряду, о чьмъже кто вопрошаше его, и въ сласть его послушаша ученія людие и церковники; да того ради отъ всѣхъ честенъ бысть и знаемъ всѣми, и словашо въ нилъ достроченъ философъ; итиѣше бо остръ умъ на божественное писаніе, того бо ради и столицъ нарицашеся церковный, благочестія подражашо крѣпость и твердѣ учитель и наставникъ православію. По семъ же умре ему жена, и не восхотѣ тако пробыти о Бозѣ, якоже дѣло есть даропосецъ церковныхъ, священная носящимъ Божія показанія, и абіе ничтоже разсудивъ или умисливъ благая о себѣ, яко философъ, но яко невѣдый добрая и злая, небесная и земная и смертную суету, возлюбивъ гостобное житіе, тлѣніе вѣка сего пустошваго, а будущаго неслѣтія и живота и безсмертія и раю и муки не поманувъ, яко философъ, но вся сія въ забвеніе положивъ, яко не философъ, и здѣшнее земное наслаженіе возлюбивъ и нимоткуещо мечтаніе свѣта сего, лествъ неграбромудрства, но яко буй уродъ, ничтоже смысла о душѣ своей; тѣмъже и внидо въ тлѣнію и погрязе во тмѣ, якоже апостоль попія глаголетъ: да не якоже разпордѣвся помысловъ видѣти въ сѣть неспріязнену; еже и бысть Іеву, сему зовомому Столицу, о немъже наче предающе слово сказаніе

тъ совершеніе повѣсти. Бяше бо ему умре жена, и абіе распояся и поять другую; но времени же и другая ему умре жена, и потомъ поять третью. Увы, увы, горе, горе! паче но сицевъ философъ: подобная бо сему вещь сія и зѣло исполнена рыданія слезнаго — священство оставити и любодѣйство дѣяти! Якоже Іуда Хрвста предавъ и цѣну сребреникъ пріять, егоже цѣниша сыны Израилевы, а сей тимиѣни ради священства извержеса великого сану прозвитерска: явъ яко Іуда изъ лика апостольска. Но иже паче помолчу, да не сужду страшию сей повѣсти, но рядъ слову повѣсти въ конецъ ведуце. Бяше бо Іевъ Столпъ но умалися отъ Псковичъ честию и славою вины ради распоянныя, но паче одинако кичашеса, яко ничтоже изрощивъ мудрости философскія, иже помышля въ себѣ наденіе грѣха, яко любодѣйства ради отъ священства испаднувъ, да такового ради поползновенца и развращенія никакю убояся Бога, иже уюлча покаяніемъ отъ орудей своихъ, но паче овѣхъ суди, а овѣхъ осуждай, и ниѣхъ уча, и овѣхъ наказуя, и другимъ законы полагая и ниѣхъ заповѣди, и священникомъ чинъ уставляя и саповъ церковней службѣ, яко взыщенъ вещемъ, кунно же и черноризцемъ бяше законодавецъ; не токмо бо во градѣ учаше, но и окрестъ града, паче же въ дальнихъ пустыняхъ пребывающая — и о тѣхъ вопроша и опытуя чину ихъ и пребыванія, и какова конхъ исправленія, ли плотна, или духовна; одинако бо на нихъ ропщуще, яко на плотныхъ, тако и на духовныхъ, яко выщущахъ исправлена житія. Той же убо предпомянутый Іевъ, услышавъ слухъ отъ нѣкоихъ о святѣхъ, яко живяше въ пустыни, иже надъ Толвою рѣкою. нѣкій чернецъ, именемъ Евросинъ, той уставил себѣ самогласенъ обычай въ монастырѣ своемъ: дважды гласолаше пресвятая аллилугія. Вилтъ же убо Іевъ Стлпъ на преподобнаго старца.

Сяце же утвердися обычай единъ веѣмъ Псковичемъ но ирскихъ церквамъ и монастырскимъ пресвятая троица аллилугія; и начатъ Іевъ помышля въ себѣ гласолати: яко убо една уста, и единъ гласъ, и одна

вѣра, и во едину церковь, и единъ Богъ во Троицѣ и троицимъ гласомъ великолѣпную славу воспѣваемъ, добръ троици пресвятая аллилугія, а оный чернецъ, иже во пустыни пребываетъ, и откуда взять себѣ сія и гдѣ навиче, отъ какова обычая, двоица пресвятая аллилугія, и како изумѣ велику вещь водрузити въ церковь Божию? А имъ по вѣмъ о сей вещи, крѣтъ обычай нашихъ, издревло уставленныхъ. Еда оный пустынникъ виачше разумѣтъ пяти великихъ соборныхъ церквей нашихъ, отъ илѣже вся Псковская страна учениемъ просвѣщается? Но семъ же начатъ помышляти нестѣная на преподобнаго неприяженною совѣстію, яко да конхъ образомъ потяжетъ старца оного о величѣй той вещи: абіе же умышлютъ себѣ таково совѣтъ, неустовый съ своимъ помысломъ и не обуздавъ челюстіи браздою на тишину молчанія, и елма ви мало закосиѣтъ, подвизашеса излнха о вещи на святого отца, и скоро шедъ, со многою укоризною и хулою повѣда на блаженнаго пятна соборомъ церковнымъ, иже во градѣ; и начатъ возуцати во уши священникомъ, кунно же и діакономъ и всему причту церковному и всѣмъ людемъ тяжкая словеса о етери старцы и многу вины клеветаши на святого; Господіе священники и Христолюбиви людіе! Есть нѣкій старецъ въ черноризцѣхъ, жилище нѣтъше надъ Толвою рѣкою, именемъ Евросинъ, егоже чяхомъ вси челоуѣка Божія, но паче же яко ангела помышляете за преимогую его добродѣтель и воздержаніе и труды постныя и правила ради церковнаго, егоже добрымъ чиномъ исправляеть въ монастырѣ своемъ, по уставу святскому, паче же и за вышестрвоное житіе его челоуѣческаго естества; а оный убо, яко единъ отъ безумныхъ, въ суету животь живеть: аще и безплотенъ въ тѣлеси чистоты ради всякія и воздержанія дѣла (дѣла?) постнаго, аще и велия молитва его къ Богу и мнози труды его и болященины подвижи тѣмъ, во обаче всеу труды его, яко мерзость неуютна предъ Богомъ, повеже отъ своего самочинія обыхъ бѣ въ монастырѣ своемъ двоица пресвятую аллилугію, тѣмъ же и вредилъ естъ законное пра-

вило церковное, а истинныя уставы и обычаи церковныя преложила есть нашего исправленія и писанныхъ вещей, и кромѣ преданныхъ уставы святыхъ отецъ на свой обычай пролагаетъ, самогласно мудрствующе, а не яко мы — одинаравенъ обычай согласіе держаще святыхъ аллилугій, но уставу письменну, смятрающе предяему отъ соборъ святыхъ отецъ Божіа церкви: а сей убо ни мало согласуется къ нашему обычаю, но свое держитъ самогласіе, отъ своего обычая проуѣвшающе, кромѣ закона и писанія обычкѣ есть и держитъ явѣ и донынѣ; да се вѣдуще, братіе, церковный причотъ, держаще священную власть отъ закона церковнаго общеваніе апостольско; нынѣ же начо лѣно намъ во едино собратися на исмытаніе и истязаніе черноризцу оному, и что намъ возглаголетъ и чимъ отвѣцаетъ: откуда взялъ сицеву вещь и како повѣдася ему двомти пресвятая аллилуія? да сего ради велики истязанъ будетъ и вопрошенъ твердо о вещи нашею властію въ монастырѣ его. Сею же бывшу и ничтоже сѣвшаще Іеву Столпу такимъ словесы возустити чадъ церковную на оскорбѣніе преподобному, ниже народа показаше увѣщати на поколебанье святому; вси бо великаго отца Евфросина иѣтаху, яко Божія ангела, вѣдаху бо его прилежна трудоуѣвателя великимъ добродѣтелемъ и въ духовныхъ подвижѣхъ сіяюща неклонна, издѣтка повесше небеснаго богатства духовное бремя яго Христово, всяку добродѣтель по словомъ токмо провозаше святой, но дѣломъ вся исправляющу Христу угодная; и сего ради и священники, кунно и діаконъ и клирицы церковни, обаче же и народъ градстѣи ни мало сѣтаху тяжко слово возглаголати на святаго отъ возмущенія и поколебанія Іевля; но яко быше мало члди отъ священникъ и иѣцныи клеветари, приступиша къ Іеву во единомысліе, также и отъ діаконъ не мнози суще, сице же и отъ народа мало возсташа людій на святаго, также и иѣцныи невѣгласи суще вооружахуся на блаженнаго отца, и строяще тяжкая хулы, и словомъ прекословаще на святаго; внимаху бо реченію и невприведенному клеветанію отъ бѣсованья

Іевля на блаженнаго отца Евфросина: якоже бо, огню дрова прикладающе и огнь больша бываше, также злии они и сурови клеветницы возгорѣхася неприявленничъ и палинымъ пламенемъ на святаго, ярище и клокоцуще завистию и гнѣвнымъ наприасивствомъ, не праведни на и праведнаго поучахуся, и зѣло варяху намъ злобу діаволу, и яко тяжкія волцы на овца сбирахуся и яко илкосы ряхуся во единомысліе и во единомысліе, во общину общахуся, яко иѣцныи разбойники ко старѣйшимъ иѣ срыскахуся и строяще рѣчи и рать народа движуще, и совѣтъ свой сшивающе: тако и сей Іевъ Столпъ съ единомысленною дружиною ополчашеся на святаго отца и присовокупляюще къ себѣ иѣкіа поборники въ единомудріе свое, якоже иногда повая Езавель — царица Евдоксія не праведно гнѣвашеся на всеблаженнаго Іоанна Златоустаго, онъ бо вдовица ради о виноградѣ много пострадала и отъ престола вселенскія церкви отгоняется, въ Кукуы Арменскія поточается. Отецъ же нашъ Евфросимъ во вдовицы ради пострадала и многа скорби и бѣды подъялъ, но наче ревнуа духовною ревностию по Христвѣ Бозѣ, о пресвятѣй аллилугій, якоже иногда Іліа огноружный пророкъ ревнуа по Бозѣ и закла жорцы Вельзавелиныи: зри же дерзость отца нашего Евфросима, не равна ли овѣхъ святыхъ дерзости? Духовная бо благодать, яко пламя горѣи въ немъ; но можемъ бо закла богохульники, но молитвеннымъ его огнемъ Божій гнѣвъ съ небеси сведо на богохульныи уста, да сицевую казнь покажетъ Богъ гнѣвомъ своимъ и яростию въ послѣднее время, еже и бысть на Іевѣ Столпѣ гнѣвъ Божій неспѣленъ; понеже бо еще ему живу сущу, и абіе люта рана приде на него отъ Бога; якоже иногда на Евдоксію царцу, тако и оному Іеву приключися сице отъ богопущеннаго гнѣва пострадати — возсмердѣтиса ему истерпимымъ сирадомъ и согнати отъ главы и до ногу язвани и проказани, и червми живу кишѣти ему, отъ низъже и сѣдены бысть конечес. Но видѣ скажемъ о его смерти, нынѣ же востающее да глаголется.

Быше бо той предомынутый Іевъ много оскорбля

и сокрушая тяжкими хулами и безчисленными клеветами и досадами оскорбляя богоносного отца нашего Евфросина, понеже бо еретика нарицаше сего за удвоєнію ради вины пресвятыя аллилуґія, да того ради открь Богъ обоє знаменію смортнїи своего, прославляющаи прослави угодника своего и наказуя наказеть всяку душу пресвятая двоити аллилуґія, и яко тако испорочно есть и благоугодно предъ Богомъ. Аще ли сія слышаще, и не приниото божественнаго наказанія, блюдете же вѣдуще, а не творящїи внемлите, да некогда возъаритєя Госиодъ гнѣвомъ своимъ и послоеть такоже люту казнь безъ исцѣленія на ругающаєся имени его, якоже иногда на Іова Столпа; зрите же и внемлите, церковнїи соборы и вси христоненитїи людіє, страшной собі повѣсти, да не минте, возлюбленнїи, яко басни глаголемыхъ, блюдите наче о вещи, наказующе себе опасно изрядною сею повѣстію; аще ли не накажете себе тако о богоизвѣщаннїи сєя вещи, ту же наче спаситєся сами вротчєе, да не когда и вы таковыя постражете, якоже и онъ иногда, понеже о Христѣ право глаголю вамъ и предвѣдущєе слово явлю искомоє слугу вашєму.

Низъ ижекто блшо отъ діаконска сана, смужо ннѣ Филиппъ; бѣ бо прєже діаконъ, пакы же умре ему жена и поять другую, и той абіє родіаконъ бысть; ома убо в той присовокупися ко Ієзу Столпу въ сучемудреннос общєваніє, ковати клеветы кунно на блажоннаго Евфросина. Башо бо Филиппъ той родіаконъ мудръ зѣло, обоє вѣднїи писанія, дровнїи и новая, и волонъ въ языкѣ, и скоръ словомъ, и многорѣчнїи докторъ, и пространєнъ философъ умомъ, и быстръ помысломъ, и вышо иґры книжныя всяко писаніє прєумѣвающе и зѣло искусєнъ вещей законописемоннїи на вопросы и отвѣты. Тыю же блшу во единомысліє сложистєся, Ієвъ и Филиппъ, бывшая священнїцы, единомудрєствующє, и кунно коваху клеветы на преподобнаго отца нашего Евфросина и остриаєе во огнь гнѣвъ неприязнєнъ, яко тяжкнми платы своимн язькы ударяюще о наковално цєволе. лють мечь на святаго поостряюще и досади-

тельныя буцающе ннѣ стрѣлы, снѣюще себя въ туль сатанннѣ, отъ того бо дѣйства и отъ прєисподнаго его лука пругагуся, посылєени яко стрѣлы на узамєніє Христуу вонну. Тоже и ннѣи иноци отъ церковныя чадн общагуся къ ннѣ, кунно же и отъ простыхъ людей прилагагуся въ соединєніє на святаго отца, якоже иногда ижедова на Христа во Іудино соборнїцє; сице же и сія бывшая священнїцы неправдєно на праведнаго поучагуся, понеже и совѣтъ свой изобщєвавшє Ієвъ со единомудреннїкы своимн, и еднїу мысль изъостривъ и въ концєть золь положила.

И абіє же Ієвъ, кунно же съ ннѣ и единомыслєннїкы, посылєють къ сватуу въ монастырь на истазаніє прєдрєченнаго Филиппа родіаконя и другаго съ ннѣ ижекого священнїка, оба мудра зѣло философє, вѣдуща ветхая и новая писанія: сіи бо бєху избранныи отъ Іова Столпа, яко мудрїи умѣтеліє книжнїи глубннѣ, наче же непреоборннми витїи сущє, да возмогутъ истазати святаго и вопрошати о вещи, или сами отъ него вопрошєни будутъ о сицевѣи вещи, такоже витїєвощє словєсь своимъ сьлєми будутъ отвѣщати сватуу; бѣста бо мудри зѣло и сугубо наказєени высокннѣ разумомъ отъ научєнія Ієсєя, да почнн будутъ прѣтєся со сватынъ о прєсвятѣи аллилуґїи, храбры заградити преподобная его уста, и да возразятъ прєннмущєе своєю мудростію, яко ижекое острое оружіє остроту словєсную отъ языка и устєвъ исходяще отъ богоноснаго отца; слышаху бо о немъ и вѣдаху наче зѣло, яко такоже сиєнєнъ книгамн и многу глубину божественнаго писанія добрѣ вѣдаше сєятнїи довѣдомыхъ и недовѣдомыхъ вещей утаєнныя тайны откровенїєннѣ ему Святаго Дуза, глубокую прємудростъ во устѣхъ своимъ ношамо. И сєго ради прєдрєченннй Ієвъ, собравъ ижекое кунєлєнцє: единомудреннїкы своя, и писашє общннною собора свнстолнєю отъ своєя ннѣ силы и прємудрости, и посылєашє единомыслєнннѣ своимъ въ монастырь къ сватуу съ свнстолнєю на истазаніє; понеже бо бояхуся святаго отца вины ради сицевы: яко аще не уснѣшннн будутъ посланннн словомъ прѣтєся съ сватынъ, или

забвѣніемъ поплзнутъ и испѣдуе о чомъ спросити, или истязати святаго отца, или некако отъ святаго вопрошенія будутъ отъ божественныхъ писаній о тайнѣ святаго аллилуія, и егда не достанотъ на отвѣщаніе словесныя ихъ мудрости ко святому, и того ради еписколію написаша, да вложатъ въ руцѣ святому съ многою угоризною, да тѣмъ препремъ будотъ о пресвѣтѣй Божіа аллилуія. И тако Іезъ Столицъ, изострившо посланныхъ своихъ ученіемъ, и отлучивша ихъ изъ града въ монастырь къ преподобному на истязаніе о пресвѣтѣй аллилуія.

Посланнымъ же достигшимъ обители отца, братьямъ же повѣдавшимъ святому пришествіе посланныхъ, яко требуютъ отъ твоея святини благословитися. Слышавъ же Божій человекъ приходъ посланныхъ, и великии возрадовася приходу ихъ; бѣ бо слышалъ отъ пѣкшихъ человекъ овлеченіе Іезе, но паче же и видѣи прозорливымъ дарованіемъ святаго Духа орудіе посланныхъ. Посланныи же по обычаю поклонившася святому отцу; святый же живно сотвори молитву и благослови ихъ, и повелѣ келарю учредить трапезу, да ядятъ отъ брашна монастырскаго; и по причащеніи трапезы, пришедъ, бесѣдуютъ ко отцу орудіе свое яко хотятъ; посланныи же выидоша въ келью къ святому. По обычаю же великій старецъ сотвори молитву и повелѣ сѣсти посланнымъ; сице же бесѣдѣ бывши, и рече къ нимъ святый: что приидосто видѣти грѣшна человека, и груба зѣло, и во всякой слабости и несправленіи и во грѣсѣхъ присло предъ Богомъ? Они же убо унотчаша и смотраху сѣно и овано, яко дмущеса другъ на друга, взирающе межу собѣ и таку слово въ собѣ и посланными книги отъ Іеза и отъ дружины его; но смѣяху бо святому воскорѣ хулы рещи, но другъ друга учаша глаголати и преже словомъ стязатися съ святымъ, и егда не достанетъ словось на проше святому, и тогда дадутъ посланную еписколію въ руцѣ святому отцу, да почтетъ ю самъ, и разсудивъ, навикнетъ отъ пресвѣщеннаго ученія вещи и прииметь наказыніе ихъ и зѣло покорится ученію ихъ; но еще великии внутри страхомъ и болзавію посланныи одержива отъ лица свя-

таго, умъ ихъ въ гулы разложашеся отъ сладостнаго взиранія сладостныхъ очію его, и мысль ихъ сокрушашеся, и будство сердца ихъ яко воскъ таяше; и сего ради не токмо предваряху слово рещи, и на лице святаго премногу взирати стыдахуса, бѣ бо многими лѣты преводилъ естъ животъ свой въ маститѣ старости, николиже ослабѣ малодушіемъ, или яко человекъ плотію пренемогъ отъ великаго труда и воздержанія нужнаго, отъ младыхъ поготъ Христа возлюбил, и того яремъ на рану свою понесъ въ боголюбивѣй душѣ своей, и богоработную плоть свою изкуши постомъ и бдѣніемъ и молитвами и всеночнымъ стояніемъ, наче же и страстное поро и потребилъ естъ многолетенная стремленія бѣсовская и всю неприязненную силу, и всякое коварство діаволе яко наутину раздра зѣлымъ воздержаніемъ, яко непобѣдимъ воинъ Христовъ: отъ юности бо вооружилъ плоть свою и до исхода души своея изъ тѣлеси, небеснымъ оружіемъ всегда утворенъ быше противу темнаго лука и стрѣлъ ихъ безплотнаго врага діавола, яко крѣпокъ нужъ и побѣдителейъ въ бранѣхъ и оружіе имъ твердо, но желѣза остроту, но паче внутреннимъ духовнымъ оружіемъ—постомъ, и бдѣніемъ и труды всегдашними въ молитвахъ, и слезахъ и въ видѣніемъ сладкомъ умиленіи чистоты сердечныя: и сего ради очистися ему душа и умъ, внутренній человекъ и внѣшній, богоработною мощію цвѣташе плоть его, и лице ему быше яко лице ангелу: но быше отъ чрева матере своея дѣтствомъ освященъ, и Духу святому жилище сотвори въ собѣ и зѣло всякаго дара божественнаго исполненъ. Посланныи же отъ Іеза на истязаніе святому начаша съ поуверзеніемъ слово глаголати старцу, яко неистови. Противу бо благодати неблагодать не возможе прѣтиса. Святому же отцу отъ смиренія высоты житія своего благодатью духовною, елико въ немъ быше, наченшу бо сѣду простирати къ нимъ о тайнѣ пресвѣтаго аллилуія, яко потокъ течаше изъ устъ святаго отца противу нихъ. Посланныи же по малу слову сами вопрошаху святаго всецѣли и повѣстии о некоемъ дѣланіи

святаго аллилугія. купно же и приходъ своего дѣла повѣдана отцу и глаголаху: отче святой, отпусти намъ неспѣждамъ вопросити словеси единого, еже имамъ къ тебѣ отъ нѣкогого Іева Столпа и отъ нѣихъ чади церковныя, понеже мнози людіе зыблются на та и народъ на истазаніе старости твоея, и тяжко слово глаголютъ на твое преподобство о преложеніи великія вещи церковныя — святаго аллилугія; мы же нынѣ приходомъ наказати недостатокъ разума твоего и промысла и зѣло щадимъ сѣдими старости твоея, да некогда паче до конца встануть на та вси собори наши церковніи, съ ними же купно и все множество народа христоролюбиваго града Пскова; блюди же, да не безъ лѣноты мечетство скончасши старость свою, и сего ради останиса такового начинанія, отче, понеже авѣ глаголемъ ти.

Отвѣщаѣ же къ нимъ пресвѣщенныи старецъ, рече: рците, братіе, обличающе спроста грѣхи моя, понеже бо и азъ вѣизъ, яко мнози суть грѣхи моя пошу отъ юности моея и до нынѣ есмь во злыхъ пребываю; обещеваю мѣлѣно старость мою предъ Богомъ и челоуѣки; глаголето, братіе, обижаящи словеси вашими любимою теріе — неисчетныя грѣхи моя.

Послании же глаголаша святому: зѣло бо, отче, движутся тобою церкви Божія и мутится благодатный законъ посредѣ ихъ, а мы яко отъ лютыя бури волнами погружени есмь отъ разногласія обычай твоихъ, понеже вся церкви Божія по всей земли нашей троятъ въ законѣ пресвятаго аллилугія: такоже боголѣпно есть всякому христіанину; а ты не тако, якоже мы держимъ и церкви Божія и законъ, но паче самочиніемъ вѣдомую отъ всѣхъ велику вещь церковную силъ еси дерзнути и преложити на свой обычай; рцы намъ, отче, откуда пріялъ еси таковая, и отъ кого научился еси глаголати дважды пресвятая аллилугія?

Богомудрый же отецъ нашъ Евросимъ начать глаголати къ нимъ, купно же и вопрошати ихъ незлобіемъ души своея, и тихимъ гласомъ простирая къ нимъ слово, такоже и отъ глубины естественныя и кротости и отъ смиренномудраго ему сердца и отъ высоты боговидѣнія, со об-

ліемъ силу слова подавая имъ, глаголюще: азъ, отцы моя и братья любовная, мнози грѣхи моя стажа предъ Богомъ, отвележе крещенъ быхъ и до сего дне: нынѣ же молю вы Господа ради, тяжкая моя беззаконія отпустита ми: а еже о пресвѣтѣй аллилугіи вопрошасте мене, но азъ молю вы первѣе отъ васъ слышати силу слова о пресвѣтѣй аллилугіи; тѣмъ же требую наказатися пресвѣщеннымъ ученіемъ бесѣды вашея, мно бо васъ — уже вы вѣсте и добръ испытасте глубинную тайну пресвятыя аллилугія, и нынѣ желаю и хощу, да ми покажете словомъ устенъ вашихъ вскоую глубину, откровеніе премудрости Божія, да разумѣю словесъ вашихъ мудрованіе и увѣизъ явлено отъ васъ ко мнѣ во стазаніе; аще ли добръ начнете свидѣтельствовати о Бозѣ, то и азъ прииму отъ васъ добръ наказаніе вещи сей; аще ли не добръ будетъ о Бозѣ свидѣтельство ваше, то ни азъ имамъ наказатися о бесѣдѣ словесъ вашихъ; о семъ бо нишетъ богоотецъ пророкъ Давидъ: съ преподобнымъ преподобенъ будоши и съ мужемъ неповиннымъ неповиненъ будеши и съ строптивымъ развратитися.

Елма же по словесѣхъ святаго начешимъ простирати къ святому сицевая словеса: мы, отче, не улагаемъ божества отъ едипосущныя Троицы, ниже умаляемъ Христа, едипосущнаго Отцу Слова и присиа въ вѣкъ Пресвятому Духу, но еще воличіемъ божество исполняюще, Христа въ Троицѣ единого Бога и совершенна почитаемъ въ божествѣ и челоуѣчествѣ, Бога Слова плотію сына Божія Христа, да ти авѣ на средѣ приводимъ праведнаго послуха и вѣчна свидѣтеля, умѣющаго обличити авѣ нечестіе твое; сама пречистая та аллилугія, елже мы, вси держаще въ себѣ трое воспѣваемъ, прославляюще Христа въ Троицѣ единого Бога, утрончне Троицу почитаемъ, троици пресвятую аллилугію, понеже бо аллилугія Отцу, аллилугія Сыну, аллилуія Святому Духу, и пакы единого Бога воображающе, на утрончное каждо аллилуія вопія: слава тебѣ, Боже; надѣже утросно аллилугія, ту есть купенъ Христосъ, Отецъ и Сынъ и святой Духъ, едипосущная Троица, Богъ совершенъ, купно же Слово Божіе плотъ

бысть, яко чловѣкъ совершенъ, и сего ради совершен-
во славимъ его, исполняюще все, елика божество его
и вся елика воля вочловѣченія его; да того ради тро-
ицѣ пресвятая аллилугія, соединяюще славою нераздѣ-
лннаго и неразлучнаго отца и Сына и Святаго Духа,
плотью слова Бога Христа сына Божія Вседержителя. А
ты, отче, не тако, якоже ны держимъ, купно же съ нами
и вси Псковичи христонинитый народъ, но ты единъ
во исполняешь божества неустроенія ради пресвятая
аллилуія; тѣже и умаляешь Христа, отлагаешь славу
его отъ божества и чловѣчества; сице выиѣ воспомина-
емъ, наказующе тебѣ, понеже не вѣды, отъ коего
искуса навмылъ еси неправедно двоити единого свѣта
троична тресвятая аллилугія, и сего ради ны вси свѣ-
ны, яко извѣстно нечестуешь Бога и всуе ту животь
живешь, безъ ума провожая гѣта свои, и вся труды
твоя, яко мерзость, негодны предъ Богомъ.

И сія же слышавъ отъ нихъ богорезнивая душа, пре-
мудрый отецъ нашъ Евфросинъ, и тако распаливъ сердце
свое ревнивымъ пламенемъ, велиценѣрною любовію по
Богъ, яко сице рекоша ему: емлешь славы Божія, умаляю-
ща Христа удвоенія ради пресвятая аллилугія и смилъ
нечестуешь Бога и вся труды твоя негодны яко мер-
зость предъ Богомъ,—и наче инокъе сихъ досадитель-
ная словеса изрекоша святому ругающеса неразумнѣ;
сице же нача вѣщати къ посланнымъ дароносимъ ста-
рецъ, движуще слово прозорливымъ ему дарованіемъ
Святаго Духа, и простеръ яко ангелъ словесными крилѣ
свои къ высотѣ боговидѣнія, купно же и чистозритель-
нымъ зеркаломъ впередъ, пресвѣтлымъ и чистымъ дѣ-
ствоннымъ умомъ своимъ, и оттуду же двизаше слово
въ духовныя брѣня, въ нихъ же нѣѣа ополченіе внутри
сердца своего—мудраго Бога дарованіе, тоже ему оружіе
наче обоуду остра меча, наваинный языкъ его Свя-
тымъ Духомъ, его же нмыи яко пламень въ устну сво-
ю, яко непобѣдимъ воинъ храбрски въ душевную ру-
ку предержа на богохульная уста и глаголаше сице:

Братья моя возлюбленная! якоже вы сами предварив-
ше ко миѣ слово глаголюще, яко ны исполняешь бо-

жество, а на ны глаголете, яко азъ умаляю божество:
никтоже бо можетъ, волюбленнѣ, властъ бѣтъ или че-
реть створити, или единъ лакоть приставити возрасту
своему; не теритъ бо научна прилагася ко огню,
или огнь стерпитъ научнѣ касаяся, ни има къ свѣту
общуется, ни свѣтъ со тною сѣѣшася; кольми наче
божество живый и разумный пламъ и огнь вседержи-
телевъ; творяи бо, рече, ангелы своя — духи и слуги
своя огнь валищъ, таже самъ наче не опалитъ ли,
или кто стерпитъ отъ животворящаго пламеніа лица
его? понеже бо ангелы и архангелы, херувими и се-
рафими, купно и вси службоннѣ дуси крилами закры-
вають огненная лица своя, не теряху зрѣти страш-
ныя славы зари присносѣлющей отъ безначальнаго пла-
меннѣ божества его непостижнаго, якоже рече Дави-
иль: огнь палаи престолъ его; егда пламы престолъ
опочивнице его, кольми наче сугубъ огненныхъ про-
столъ его, самое рвеніе живоначальнаго огня, вседер-
жительно естество Божіе? Сице же и на Навину жерт-
ву огненъ сице нещественнымъ, Давиду же глаго-
лющу: противу лицу вразу его кто востонтъ? и духъ
шумлящъ хладенъ, устудивый нещъ въ Вавилонѣ три-
емъ отрокомъ, и по вознесеніи на небеса съ пречистою
плотію Христосъ и утѣшитель Духъ истинный слово
Отца, посланный въ раздѣленіи огненныхъ языкъ, въ
сердца ученикъ своихъ вдохнувый, вопіа: ава отецъ,
и якоже нишотъ: насажетъ ухо не слышать ли, соз-
данный око не сматраетъ ли, наказуа языки не обла-
чить ли? Учяи чловѣка разуму Господь, совѣсть по-
мышленія чловѣческа, яко суть суетна. О дивное чув-
ство и естество живдтелю! како огнь, како вразъ, како
духъ шумящъ хладенъ, яко утѣшитель Святыи Духъ;
понеже Богъ весь естествомъ, неводремлено око его
и весь смыслъ, и слухъ, и крѣпость, и весь разумъ и
премудрость, и все ухаііе, и свѣтъ разуменъ, и вся
знаи и премѣвая досточудно, яко той рече и быша,
и той новелъ и создашася; и того ради Богъ живо-
творящее естество словомъ и живо, и дѣйствию, и вся
можетъ и вся вѣдый, ни есть утаенъ Бога, но токмо

дѣлю и крѣпость живоначалное слово его, но мысль его тако же неизслѣдима и неисказана сила, якоже рече мудрая Іудѣя: помыслилъ еси: предташа ти вся; и вся елика восхотѣ, и сотвори, Господь на небеси и на земли и во всѣхъ безднахъ! О дивное чувство и чудное естество Божіе! да ипкакже не виѣстятъ земнородная уста о безначальствѣ Божіѣ непостижимо слово рощи, купно же ни вышное дерзнуть небесная архангельская чинове глаголати, что есть умъ Господень, или что слова его разумъ и премудрость, или какова крѣпость, неизреченная сила славы его и величества, сице бо пророку глаголющу: изиѣривый небо надію и землю горстію и воду всю рукою, отъ того бо и создани быша небесѣи кружи, купно же и земная тлѣщата и водныя глубины; и того же Бога слова и неизслѣдию преудростію и силою Духа его купно небеса, и земля, и море, всяческая объемъ дѣйствуемымъ своимъ и живымъ гласомъ устъ своимъ, и яко ничтоже есть носити, и содержать вся сія всепремудрительнымъ и живоначалнымъ дѣйствомъ Святаго Духа вседержительное слово, сый отчес, востягнувый поять глаголомъ всѣхъ ния своего, и яко ничтоже носить всяку тварь видимую и невидимую во вѣрбикую и всесильную и въ нетрудную десницу свою въ животноую, и дѣханію, и ищца всякія плоти въ руку Его; тако наче и пророку вѣщающую: сей есть Богъ нашъ и не приложится ниъ къ нему, ни ангелъ, ни ходатай, но самъ Господь и воплотися неизреченно Богъ во пречестію Дѣву, отъ нея же родивыиъ безъ ислѣніи несказанно, яко человекъ, нашего рада спасенія, да никтоже бо есть прилагавъ къ божественному вочеловѣченію Его славы и величества, ни есть умъ умалаавъ Христа отъ трончныя славы, отъ Отца и Сына и Святаго Духа. Аще бо есть иѣщцы еретичи, вечествующе, и дрвлю на Христа, причесіяннаго слова отца, и свѣюще неприліиною злобою, яко тяжцыи волцы и разбойницы, оболкшеса во брѣня діаволи, и отъ того приіимше щитъ и лукъ и копіе, богопротивное оружіе, и ошолчшиася безъ ума на дѣйство Святаго Духа и на живота нашего Іисуса Христа Слова отца,

и звѣрски наскачуще, меташу на агнеца Божія, хотяху нечестивіи соодолѣти животному Сыну Слово Божію ислѣвному Христу преже вѣкъ во Отцѣ и въ Пресвятѣмъ Дусѣ, есть бо покуспшася множицею на-прасніи аспиды, змїево челоуѣкообразніи, движуще составленія своя отъ ухищренія пресподняго змія и бо-гомерзкимъ коварствомъ учашу сице приложити или уложити отъ страшныя славы смотренія Вседержителя; приложенія же ниъ и уложенія сицева: овѣиъ глаголющипъ, яко не воплотися Богъ, тые духоборцы суть и мнѣхуса славу прилагающе къ нагому божеству, а Богъ слово плоть бысть; друзіиъ же глаголющипъ тлѣнно быти Христово естество, тые суть уемлють славы отъ Единосуцныя Троицы, отѣкающе живото-вращеце слово Христа отъ Отца и Духа. Да во много глаголю аспидова си плѣнсвіа и не премолчио тяжкихъ волкъ скоменія, понеже палимъ есмь ревнивымъ пламенемъ по Бозѣ, како прилагаю тшю славу къ воплощемуся Богу? Глаголють духоборцы, яко не воплотися Богъ, и какъ раздѣляютъ неразлучнаго? Глаголаху бо христорборцы, яко не присвосущенъ Сынъ Слово Божію Христось Отцу и Духови; да авѣ ничтоже возмогша сія глаголющи, во наче гѣвѣомъ Божіиъ истреблени быша и исчезуша, яко дымъ отъ лица славы Божія, купно же отъ общенія церкви Божія отѣчени въ погібель, яко мечемъ клятвами прокляты отъ святыхъ соборъ богоносныхъ отецъ, купно же и отъ всего міра проклятіи бни прокляты, яко богонепавствницы суще. Аріиъ тяжкій волкъ и Макидопей духоборець всепагубный звѣръ, и Севгиръ аспидъ безглавный и Оригенъ злословный и прочіи еретичи подобни сипъ, не восхотѣша бо приати безумніи царя славы Христа, отъ пророкъ проповѣданнаго, преже вѣкъ живущаго Слова во Отцѣ и въ Пресвятѣмъ Дусѣ, и царствовати ему безъ конца единому въ Троицѣ, якоже есть лѣно Богу, на исбеси и на земли; а еретичи съ діаволомъ осудшася въ пресподнюю негаснимоу огню; а Христось, якоже есть Богъ, тако и будетъ безсмертно Слово въ Бозѣ и плотью Богъ яко челоуѣкъ, Слово Богъ

безначалѣнъ и безконеченъ и неплѣненъ во вѣки вѣкомъ со Отцемъ и святымъ Духомъ, аминь. О семъ же убо слышите, врачове мои, сего ради глаголю вамъ, да навикнете отъ предреченна моего повѣсти и накажетеса таковыя не глаголати мерзости, яко сице вы глаголете ко мнѣ: мы прилагася славы къ божеству, а на мя глаголете, яко азъ улагаю славы отъ божества; но паче глаголю вамъ: ни мнѣ умалити, ни вамъ умножити; но якоже есть, тако и будетъ: Богъ Слово безъ истлѣнія съ плотию Христосъ, и въ томъ животъ бѣ, и животъ бѣ сътъ челоуѣкомъ, и сътъ во тѣхъ сътътся и тма ого не объать, якоже рече Іоаннъ евангелистъ, сынъ Зеведовъ, возлегій на перси Христовы. Но еще и сіа хоуу повѣдати вамъ, откуда навыколъ глаголати дважды пресвятая аллилуія. Еще бо ни юуу зѣло и не мнху сущу, многъ трудъ стязяхъ и подвижаніе тоа дѣла вещь, и до постриженія своего во мншескій чинъ и ревностію многою палвхъ ко Христъ Божѣ, о божественномъ любомудрїи святыи аллилуія, и много вопрошахъ отъ церковныи чади старѣйшихъ мене о величїи той вещи, и никтоже возможе тайны сея протолковати мнѣ на полезное ко благочестію истинно, сани бо волнахуса о божественномъ томъ любомудрїи и великѣ расколъ алагающа посреди Христовы церкви, овѣтъ бо двоющанъ, а овѣтъ троищанъ пресвятая аллилуія; и видѣхъ нестроеніе церковное и велико развогласіе посреди чади священныи, и сего ради не могахъ сторпѣти возмущенію неприязнонну, но елико возмогахъ, подвизахса противу силъ своей, чяхъ Бога спасающаго мя и на Господа Бога твердо упованіе возложихъ, и того призвахъ окорити душу мою грѣшную благочестивыхъ разумомъ къ богоразумію чудныи аллилуія; и о семъ много Господа Бога моего молахъ наставити умъ мой въ разумъ истинный, да увѣдъ извѣстно, какъ уста благословляюгъ приятно мнѣ свершено единосущнаго въ Троицѣ безъ порока въ божествѣ и челоуѣчествѣ: двоинца ли пресвятая аллилуія, или троищанъ, кое угодно есть предъ Богомъ? Сїа же видѣхъ и слышахъ, но паче зѣло уболахса отъ самогла-

сія вещи сіа, и сего ради не возмогахъ сторпѣти возмущенію неприязнонну, и изберу себѣ, двою ли глаголю, или троиу святая аллилуія, кое есть угодно Богу и лучше ми есть къ благочестію; о семъ же не домыслихъ, что сотворити, но паче видѣхъ, яко отъ Константинограда просвѣтилася есть святыи крещеніемъ великая Русійская земля и оттуду же вѣра Христова, и законъ церковный, и уставъ илюжиса православному пѣнію въ концы вселенныи христіанствуищныи испорочно въ новѣи благодати — въ законѣ Христовѣ. И донь отъ дни помышляюущу мя и любовію душевною горящу о Отцѣ и Сынѣ и святыи Дусѣ, како зѣло славити есть въ пресвятѣи аллилуїи; сице умыслихъ лучшее и устроихса къ царствующему граду, восхотѣхъ бо видѣти и слышати чпнъ церковный, да извѣстно увѣдъ истину отъ вселенскаго патріарха о пресвятѣи Божїи аллилуїи, и виажу кунно поуща клироса его церковнаго, да разумѣю, кониъ образомъ воснѣвають славу Христа Бога, тронть ли, или двоитъ Божїю аллилуїю вселенская церквн, то и азъ послѣдую сечу, и се ми на искусъ буди и на великую пользу, и тѣмъ увѣрюся, оттуду же и образъ восприиму пресвятая аллилуїа. Божїю благодатию и его неизреченныи судьбани быхъ въ Константиноградѣ въ добрую пору, въ царство благочестиваго царя Калінина и при пресвщеннои наствѣ патріарха Іосифа, тому бо въ та зѣла престолъ содержажу вселенскїа церкви Соуби иренудрости Божїи за долго время до взатїа богохраннаго града царскаго отъ безбожнаго и поганаго царя Турскаго бусурменна; и добре походнхъ и ижнотрѣхъ святая мѣста и монастыри честныи, о самой тоа дѣтели пресвятая аллилуїа, сажо ради тогда подвизахса, сего же ради и молчальники во пустыни живущїи извѣствовашъ, и отъ всѣхъ силъ наказанъ быхъ, еже глаголати дважды пресвятая аллилуїа, тако и отъ предреченнаго патріарха Іосифа приемъ иисаніе тѣмъ же образомъ, еже дважды глаголати пресвятая и животворящая аллилуїа Отца и Сына и святого Духа; и во всеи бо той области царствующаго града дважды глаголють святою али-

лугию: сице же и отлученъ быхъ отъ патриарха съ великою честию. Мнѣ же грѣшну сущу и зѣло недостойну такія чти, но паче возложи патриархъ рукоположеніе свое на мою непотребную главу, и рекъ ми: миръ ти, чадо, и иди съ миромъ во свой монастырь къ братіи, снагав спаси душу свою, якоже ти, чадо, Господь поможетъ, но вѣрѣ твоей буди тебѣ, и братію учи подвизатися о спасеніи душевнѣхъ и терпѣти скорби лютыя, наносимыя на ны, да получаютъ пространство будущихъ благъ; никтоже бо, въ зѣлости пребывая или высокоуміемъ вознесся, якоже сатана, или киченіемъ одержимъ на смиренныхъ, или шибъ злыми дѣлы, насѣдять жителство на небесахъ со Христомъ, якоже вѣща апостолъ Павелъ, вселенскій учитель: ни ухо слыша, ни око видѣ, ни на сердце меловѣкъ възде, яке уготова Богъ любящимъ его: царство бо небесное нужно есть и нужницы е вослицаютъ. И поучивъ мя довольно волю дѣшевнѣи и одаривъ мя отъ своеса свитыни и преподобства честною иконою Пречистыя образомъ, яже вѣсть на руку Христа Бога нашего, чудною зѣло, на спасеніе животу моему, се же вѣщамъ и до нынѣ въ монастыри нашихъ, и тако ми рекъ: Богъ буди съ тобою, чадо, и той ти достроитъ до обителя твоеа мирно и тихо! И отыдохъ отъ него со многою радостію и веселіемъ сердца и великъ миръ посая братіи своей, и доидохъ обители своеа святыа. Тамъ въ царствующемъ градѣ извѣстно неимыхъ отъ самыа истинны, яко двои зѣло есть пресвятая аллилугія: тако бо есть угодно предъ Богомъ, якоже держитъ великая церковь Константина-града, отъ нея же и азъ прияхъ, тако и до нынѣ пою, двоици пресвятая аллилугія: и приходящей братіи въ монастырь ко мнѣ сожителствовати тѣмъ же образомъ повелѣваю вѣти имъ пресвятую аллилугію, якоже и азъ прославляю Христа — двоегласною аллилугію, отвележе прияхъ и донынѣ глаголю тако. Се воистину глаголю, любимицы мои, и до исхода души своеа тако тшуща совершити, божественная удвоваюци аллилугія.

Рече же къ нимъ святой: вы убо пакы откуда взяли троици святая аллилугія?

Они же рѣша отцу: надревле, другъ на друга смотрящо, тако вси навыхомъ троици святая аллилугія, понеже бо тако и зѣло есть, занеже Богъ въ Троицѣ славимъ есть; и дѣже троица аллилугія, ту совершена ость Троица. Отецъ Сынъ и святой Духъ, неразлучное Божество и сила живоначального Слова отча Христа Бога нашего.

И тако рече къ нимъ преподобный отецъ нашъ Евфросинъ: вы, братіе моя, сами рекосте ко грубости моеи тяжко слово, яко самочиніемъ азъ двою пресвятая аллилугія и яко оны сице улагаютъ божества и не исполняютъ едносуцины Троицы; и се нынѣ сами вѣсто, братія, яко предрекохомъ вамъ слово, яко азъ взяхъ отъ вселенскія церкви царствующаго града и навыхомъ тако и донынѣ двоити божественную аллилугію, а вы же пакы сами навыхоме отъ своего изволенія и самочинія пресвятая троици аллилугія; вопрошу же вы еще, да ни глаголето: приидосте наказати мя и исправити на истину нечестія моя, да егда увѣдасте мя заблудивша во тму повѣденія; и сего ради молюся вамъ, наставите мя на путь свѣта, да ушѣны отъ васъ истину, и авѣ рчыта ми: что есть сила и что утасная глубина пресвятыа аллилугія, коя есть премудрость лежитъ въ ней и запечатлѣнъ образъ тайно?

Они же убо умолчашу, но вѣдуще чимъ отвѣщати святому, яко глубина витѣства изъ всякыи, но можаше противитися богоноснаго отца премудрости и разуму. еже глагола къ нимъ, Духу бо святому глаголющу изъ устъ святаго отца; но елико имуще они нославнѣи, о немъ же намъ слово, съ собою посланную епископѣи отъ философа Іова Столпа, и водаша въ рудѣ духовному старцу, недостатка ради словесъ своихъ, да тѣмъ еще хабратся на святаго, возюгающе на пресрѣніе худыи и укоризнаиа, хотя одолѣти пресвященнаго старца. Премудрый же отецъ нашъ Евфросинъ приять листъ отъ руки посланныхъ, и прочеть и самъ, и рече къ посланнымъ: не доброе благоуміе принечосте въ разумѣ мой, но паче телчне вѣщаніе нависавше, вложисте въ рудѣ мои на сложеніе сердцу моему, но льстивая и лукавая съа мнѣ; рече бо Христосъ: въ ноще итрѣ

ищите, возлюбите ему съ лавою; трудъ же себѣ—не-
правда ему есть вашему учителю Іеву Столпу, тоже и
погибель ему будетъ неутолимою раномъ отъ Бога.

Отвѣщая же Филиппъ диаконъ къ святому отцу: пре-
стани, старче, и поколчи, не поношай учителя нашего
Іева укоризнами, высокую витію нашу; той бо въ градѣ
нашихъ Псковѣ многословущая витія есть и церковный
столпъ, благочестія подражателъ.

Рече имъ преподобный старецъ: имѣть сей столпъ
содержай благочестіе, но столпъ есть отнынѣ уже
исполненъ сирада и гноя студнаго, понеже бо со-
держитъ много гнусъ любодѣйства и злоспрадія;
того ради свѣтъ оставь божественнаго служенія, и
отъ церкви Христовы самъ отторжеса, и священіа
отпадъ, и тму паче свѣта возлюбилъ, три жены по-
лтъ и къ мотылѣ прилежа, мудрствующе студная;
но уже не заречется къ сему столпу прость, но столпъ
мотыленъ прозову, понеже бо много сиуцаше на и зѣ-
ло чрезъ мѣру оскорбаше на тагчавшими словесы, ере-
тика быти нарицаше на удвоеніа ради просвѣтлѣ а-
ллилугіа. Кое же ни лучше на благочестіе наберу: все-
ленскія ли церкви слушаю, или егда вѣсь послушаю
безстудныхъ невѣгласовъ, ничтоже благомыслихъ, но
паче свѣтскѣ божественная мудрствуета, учита на мнѣ,
и ничтоже вѣдуще сами о себѣ управити, мене вра-
чюта, а сами свои струны внутрь себе крыота, имѣ
свѣтъ видѣнія открываюте ваки мудрствующий, но азъ
зрю непріязнену силу словеса ваша; много бо вопро-
шахъ вѣсь о искоужѣ тайнѣ и о сокровенной силѣ
просвѣтлѣ аллилугіа; ни единое слово свѣтло къ благо-
честію рекосте ми; мнѣ же всею труждастеса до мене;
отыдите отъ мене, бездѣлны, со орудіемъ своимъ, поно-
же ученіе ваше нездрово есть и словеса ваша къ вамъ
возврататся; мнѣ же лѣпо есть держати здравое ученіе,
егоже взяхъ отъ вселенскія церкви; отъ тоя бо на вся
страны проліяся благодатный свѣтъ всему міру; отъ
тогоже бо свѣта и азъ вижу благочестія правую стезю
и сего ради проразумѣю тайну божественнаго хотѣнія,
нужь истинный въ мѣрѣ семѣ просвѣтлѣ аллилугіа; вы

же, братіе, отыдите съ миромъ въ домы свои, неку-
щеса домочадцы своими. тѣнная мудрствующе вѣка
сего. А еже о просвѣтлѣ аллилугіа, яко вѣдши мнѣ-
мыи любомудрствовати, имѣть ваше, но имѣ любомудріе,
понеже вещь сіа не письменна есть достоверно отъ
святыхъ отецъ, ниже явлена тайна ея отъ пророкъ,
паче же ни въ царствующемъ градѣ достоверна сказа-
теля не обрѣтохъ, но токмо красивую мѣру бытіе и сла-
голазу: тоже есть истина предъ Богомъ, рекоша ми
двоице просвѣтлѣ аллилугіа; вы же не начиваюте мудрсти
вещи сіа: выше мѣры ваша есть се; но еже хочогъ
Богъ единъ, своими судьбами пожесть открыти на работъ
своихъ, работавшимъ ему истинноу.

Послани же отъ Іева Столпа, видѣвши святаго
поуклонна на ихъ обычай, увѣдѣша истину, яко не
увѣщая бысть преподобный старецъ отъ нихъ, и
такое укоризною несправодноу укоризна святаго, ере-
тика быти его; и сице отыдоша поспрашени во градъ
и бездѣлны, но улучише желанія своего безумно-
му своему труду. Но сице же скоро текше послани
съ великою укоризною на святаго, повѣдаша Іеву
Столпу бывшее: яко всею труждахомъ, но предложомъ
старца витѣствованъ нашихъ и обычай его, но яко же-
стоку желѣзу приразившеса, но соодолѣхомъ горниломъ
нашихъ, сирѣчь ученіемъ, и ничало повнухомъ его,
тяжко укоряюще словесы своими, иагчаши его на нашъ
обычай; но паче, господние нашъ философъ Іевъ, сами
ны отъ него одолѣни быхомъ и шаругасма; но умыслъ
о семъ злохитреннемъ старцѣ, како намъ его поспрашати
и покорити подъ ноги ваша, поноже бо яко пламень
изъ устъ его искождаше и по ногохомъ прѣтиса съ
нимъ протаву премудрости его и силъ; но сице не токмо
самѣхъ насъ поношають и укариють, но и тебо, яко
злодѣя обруговають, глагола снцо: но нарицають бо
просто имени твоего, яко зовешися отъ всѣхъ Іевъ
Столпъ, мудрый философъ, а онъ сице никакоже вѣ-
щають таково о тебѣ, но мотыленатаго столпа нарицаю
та быти, исполнена суца всякаго сквернаго гноя, и сира-
да, и тнѣнія и согнитія грѣховнаго.

Ся же слова слышатъ Іезъ отъ посланныхъ своихъ, яко приложи ему хотыла къ прозвищу преподобный старецъ, и того ради болна разгнѣвася и возкрехъ зубы, аки дивій вспрь или тяжкій волкъ, скоклити начать, но начо тягчайши реци, яко проклятый змій и асидъ воссвиста дышуща на святаго, гнѣвныя злобы и ярости неприязныя исполнивша, рече: авва, се уже отныиъ извѣстно разумѣю, яко еретикъ еси. Приравнишеса твердому адаманту и не соодолѣша его, но сами одолѣни быша и падоша, а адаманта не поколебаша. И абіе нача ходити яко проповѣдникъ, по всему граду воиѣше и глагола: господи Псковичи, Божій народъ! слышите и видѣте еретика сего оного чернца, яко живеть надъ Толвою рѣкою; вы его вси мните, яко ангела Божія за его великое воздержаніе, и яко свѣтлыишика сіяюща въ нашей земли прославляете его, и мы его ниѣли свята мужа и благочестія исполнена и вѣрою и воздержаніемъ яко ангела Божія, и ниѣли во истину разумѣхомъ, яко еретикъ есть сей старецъ Евфросинъ, егоже вы мните свата и праведна. вѣсть се тако, но яко еретикъ есть. Мы вси исполниемъ Божество троеицѣмъ пресвятыхъ аллилугіа, а онъ сій единъ наче авѣ не исполняетъ Божества, но утроснѣ ради пресвятыхъ аллилугіа, но самогласіемъ своимъ дмощь ю и тѣмъ отемлетъ Божества; но иже наче и сами вѣсте, господи Псковичи, Божій народъ, кое вамъ лучшее благочестіе мните быти, приложити ли славы къ Божеству, или отложити славы отъ Божества? Народъ же убо Псковскій яко единѣни усты воиѣху, глаголюще: приложи, приложи и исполни Божество, понеже ты правая глаголеши и тоби вси послушаемъ, яко ты исполняши Божество, а онъ сица авѣ уемлетъ Божества, и того ради вси мы отсѣлѣ вѣмы по словесѣмъ твоимъ, философе Іезе, яко еретикъ онъ сій старецъ. Посемъ же не престаше, ни почивая Іезъ отъ хулы своей на святаго Отца Евфросина, не токмо убо баше по вѣщаніемъ нѣмъ велегласно вопіа, и глагола и проповѣдуя всему градскому народу, яко еретикъ есть и врагъ Божій оный старецъ Евфросинъ, но и проходя

паче торжища и соичница, таже и позорища, кунино же и по бесѣдамъ сѣдалищнымъ и по пировнымъ вечернямъ возмущая и колебая, всего града все множество бесчисленно народа во гнѣвъ прелагая, движуще ихъ, да возненавидѣвъ будетъ до конца нии святый старецъ; еже и бысть тогда сицево. О злобы и лукавства, дѣбствуемаго отъ діавола на святаго отца Евфросина! Како абіе и прольщевъ бысть народъ отъ Іова гнѣватися ненавистію излиха повелику на добродѣтельного отца! Иногда бо ниѣху народи градскіи святаго отца яко Божія ангела, а сицева блудница человекъ единъ развратна сердца селка народа и помрачи помышленія ихъ: тыя же бо люди на ниѣли обычай преложиша правъ свой, не токмо любовію засакинуша, но и вѣрою оскудѣша къ святому, не поминающе, ниже требующе предъ очима своимъ свѣтосіаннаго житія сего, такоже и благодѣанія святаго отца вышого Евфросина, бывающая отъ него чудодѣанія Божією благодатію и ничтоже ниѣняюще, но еще еретика и врага Божія нарицаху святаго. Пишетъ бо сице всемудрый списатель Іоаннъ святыхъ лѣтцаици, рече: подвижная душа сама на ся воздвигаетъ бѣсы; умножися ратей, умножася и вѣщевъ. Святому же болна находиху скорби и озлобленія отъ невидимыхъ враговъ, святый же наче возражашеся оружіемъ терпѣнія своего, и тако побѣждал и илѣвная свѣтло вся ополченія діавола духовною кротостію и глубиною смиренія сообразнаго Христа, всаку тѣмъ побѣждал скорбь находящую на него неприязныя накости. Сице же убо, егда послышася черноризцы отъ святаго во градъ на дѣло монастырское, народи же видѣвши ихъ, яко изъ обители преподобнаго витають во градъ предъ очима ихъ, и ту наче гнѣвахуся на нихъ и жестокии словесы укариюще ихъ и никакоже саявною честію почитаху тыихъ; ни единъ же отъ человекъ богарадномъ щедростію ухлѣбити ихъ потщашеся, ниже наче каковъ человекъ отъ благоутробія своего можаше кто мягко слово взнести, и со благоувѣтною тишиною вопрошати виновнаго витанія пришествія изъ пустыни нишловъ тѣхъ, но яко осы, или яко пчелы согъ, разсѣв-

репѣше наскакаду нань, обходяще, укаряюще ругани-
 ешь, уязвляюще неплѣшныи словесы, яко пращныи
 каменіемъ, глаголюще: яко сіи сугъ изъ монастыря
 отъ оного еретика пришли, отъ двоицѣи пресвята
 алалиуіа. Братія же убо возвращахуся въ монастырь,
 поношами и укорисми отъ всего народа, и повѣдаху
 святому, жаляще ся, сказоваху ключимое отъ народа
 ю градѣ. Преподобный же старецъ, яко чадолубивый
 отецъ, наказавъ чадъ своихъ, глаголаше: терпитеся, ча-
 да моя, Бога ради, да искусія будите къ Божию нака-
 занію, понеже бо Богъ нашъ Господь Исусъ Христосъ
 каково наруганіе и укоризну отъ Иудеѣвъ подъялъ; ови бо
 его Самаряныи шарпиху, ови же бѣснующася и о кни-
 зи бѣсовствіи изгонитъ бѣсы, и таже како распять
 царь славы моносною смертію единъ безгрѣшнѣ грѣхъ
 ради нашихъ; сицева же и дровле пророцы пострадаша
 Христа ради; проузвѣдующаго ихъ гаданія, яко Божіи по-
 солицы вострубиха вселеннѣи судъ Божій, хотѣнью
 святаго Духа, Бога слова во плоть пршество, еже
 бысть; зѣло же не солгася сице проповѣданія ихъ о
 Христѣ; кунно же и апостолы Христа ради гоними
 быша по всей земли, яко слуги слова Божіа, и укро-
 ша со дерзновеіемъ за истину и не соодоша ни
 нечестивыи, убивающы тѣлеса ихъ и пролавающе кровь
 ихъ о Христѣ; сице же и мученицы мукани и ра-
 вами стражуще съ любовію по Христѣ, огню и мечу
 соодолѣша храборски яко Христова воини, побѣдами
 вѣщи посяще: терпѣнью ихъ и мужеству воздвигша-
 ся ангели, и сего ради отъ Бога вседержителя похва-
 лшася, и на земли прославишася неплѣшною славою
 святаго Троицы, и свѣтлыи памяти своя сотвориша на
 земли; во шаровныи багры украсиша виена своя, во
 нироухавныи струи и теченіемъ чистыхъ кровей
 своихъ на небеси написашася, и душа ихъ Христосъ
 пріять во дворы своя въ небесную пазуху. Сицева же
 боренія діавола и сицева Христова побѣда, и сего ради
 діаволь сокрушися и просадеса; Христосъ же во свя-
 тыхъ своихъ воцарися и прославися на небеси и на
 земли велелѣнно, яко Богъ истиненъ; тѣже и намъ,

работъ его, неплѣно есть пребывать безъ скорби. Апостолъ
 глаголетъ: аще бы человекомъ угождалъ быхъ. Христу
 рабъ не быхъ оубо быхъ; и наки о насъ глаголетъ:
 хотяи быти другъ миру, врагъ Божій наречется; и про-
 рокъ вопія, глаголаше, яко Богъ ражына кости чело-
 вѣкоугодникомъ; тѣже, братья моя, терпите сіа Госпо-
 да ради: въ терпѣннѣи бо бывають всяка побѣда и во
 трудѣхъ готовится вѣнецъ небо; но и чудный Павелъ
 глаголетъ: теченіе совершихъ, и иѣру соблюдохъ, и кто-
 му ложитъ правдѣ вѣнецъ.

Сии словеса душеполезныи и множае силъ духовныи
 бесѣдани отъ святаго писанія и отъ святыхъ ему добродѣ-
 телей утѣшая братью свою преподобный Евфросинъ, тѣ-
 же и своя скорби разоряя, печальныи облакъ и находя-
 щую нань укоризну и руганіе отъ Іева Столна и народа
 градскаго терпѣше доблестевенне, яко Божій человекъ.
 Сице же егда кому случится изъ града или во градъ
 минута нутенъ тѣмъ мимо обители святаго, егда иѣ-
 шимъ мношествоующимъ или на искахъ вѣданимъ, то
 ваче укаряху преподобнаго и ругахуся ему, глаголюще:
 на семъ иѣстѣ аще еретикъ живеть, и недостойтъ
 намъ поклонится церкви его; понеже двоитъ пресвя-
 та алалиуіа. И тако людіо градстїи прельщени отъ
 Іева Столна, яко виноградуцимъ ичъ честный мона-
 стырь святаго ни скударь съ главъ съемлюще церк-
 ви тронъ святителемъ вселенскимъ. Ся же отъ многихъ
 слышавше мнися они обители святаго, и множицею по-
 вѣдаху сіа тяжкая словеса настоятелю своему духовно-
 му о мнующихъ монастырь святаго отца. Преподоб-
 ный же Евфросинъ весьма возжаи самъ о себѣ, о
 неуклонномъ гнѣвѣ и досадѣ и о укореніи и поруганіи
 Іева, понеже бо яко отъ того есть и тѣмъ смутн-
 шася неправедно неплѣшномъ народи нань; и сего
 ради святой начать мыслити и разсужати о себѣ тяж-
 кую ту хулу на ся: аще бы, рече, нарекоша мя блу-
 дника, или тата, или разбойника, или убійцу, или инос
 зло нѣкое сотворша, то бы съ великою радостію зѣло
 и съ веселіемъ претерпѣлъ бы отъ нихъ вещи тоя
 худеліе; мынѣ же еретика нарицаху на, и сего ради не

терплю зватися отъ нихъ в слѣ(ша)ти врагомъ Христа Бога моего: понеже бо уставъ закона повелѣваетъ отрицати себе всякому православному христіанину отъ такового прокаженнаго имени, нареченнаго отъ всепагубнаго дѣйства лукаваго діавола; и пронырливою завистию досадительною то слово клочается на оскорбленію рабомъ Христовымъ, злоувѣное то имя отъ благодарныхъ человекъ; и сего ради повелѣваетъ законъ богосмыслъ отецъ никакоже промолчати такому глаголу неприличному, но всегласно огласити себя в нарещи имя свое христіанина вѣроу и раба Христова суща. Сіа же убо смыслитъ таковая прендобный отецъ нашъ Евфросинъ Ѡ неправедномъ кову, вислазу пришедшемъ на него отъ Іева Столпа, и абіо взять сългты чернило и хартію, и писашо самъ посланіе, жаліюще и оглашаючи самъ себя пресвищенному архіепископу Великаго Ноаграда и Пскова святителю Евфимію и писавше въ посланіи сиче:

Посланіе.

Божею милостію въ Божіемъ смиреніи и Христовѣ кротости живущему, господину нашему пресвященному архіепископу Великаго Ноаграда и Пскова святителю Евфимію. Се азъ во иноцѣхъ многогрѣшный Евфросинъ, рабъ Господа нашего Іисуса Христа, и се выиѣ, яко обиднѣхъ, молютиса: Господа ради, верховною властію поози ми, понеже озлобленъ есмь адѣся отъ нѣкоего Іева, глаголемнаго Столпа, и поношаемъ и укариемъ отъ него тяжкими словесы, яко еретика и врага Божіа нарицаше мя; не токмо же сіа самъ поношаемъ ми, но и много народъ градетій подобенъ себѣ сотвори, воздвиже въ единомышленіе и во единомудріе свое на мое досажденіе и оскорбленіе, кракольника суще безъ боязни Божіа, и сіа ми наче глаголаху ругающеса, яко азъ отъоялю славы отъ Божества, а оны себя глаголаху, яко: мы прилагася славы къ Божеству; и сего ради, о пресвященныи архіепископе, яко нѣбую нѣру нѣря, нѣрятъ невлѣчрнчое Божество и неразлучное единство, единосущныи Троицы имя нечѣно чтуще, яко

нѣкіа блудницы безъ стыда блудуще, уемлюще и прилагающе, раздѣляюще и слагающе нераздѣльнаго и неуклоннаго Бога нашего Іисуса Христа равное слово Отцу и пресвятому Дузу въ Божествѣ и челоувѣчествѣ, Богъ слово, Богъ единъ въ Троицѣ прославляемый, и сего ради нечѣденіемъ обычай нѣхъ безъ ума уставилсѣ есть нечѣно тронити пресвятая аллилуія, нѣхъ же обычай есть отъ юности двонти божественная аллилуія, а не тронити сиче, якоже оны творять; и сего ради наче оскорблаху мя, глаголюще на мя нечестивое слово, яко двосеніа ради пресвятыхъ аллилуія уемлю славы отъ единосущныи Троицы, и того ради еретика быти и врага Божіа нарицаху; а оны убо сиче вельхи пріитны Богу мнихуса, яко исполняютъ славою единосущныи Троицы утросеніа ради пресвятыхъ аллилуія. Но азъ не отъ своего обычая проумѣлъ есмь двонти божественная аллилуія, но наче отъ вселенскія церкви взялъ сіа и навыхохъ ю тако глаголати; того бо ради быхъ въ царствующемъ градѣ въ добрую пору, еще бо не обладавъ бысть тогда богохранищій Константиинъ градъ отъ поганыхъ безсериснѣхъ, но быхъ въ самый благодатный цѣтъ и во время всекрасныи тишины нерушныи вѣры во Христа и мироблагооуханнаго тогда благочестія изобиловахъ душу мою, но пріахъ отъ патриарха Іосифа, купно же и отъ всего клироса вселенскія церкви божественнаго того гобзованія новороченъ плодъ — дважды глаголати пресвятая аллилуія. И сего ради яко прискорбенъ молютиса: суди прю нашу нежусобную, и разсуднѣ ми въ праведное Христово нѣриво, и поставь мя на истину, кое ми есть свѣтъ или кое тма, кое ми есть наче ко благочестію? да поведу на испорочныи стези правды, вселенскія ли церква повивуса, или нѣхъ волю сотворю, или принѣкиувше наче снѣхъ послушаю Іева зовомаго Столпа, кракольника моего, нѣтѣшаго три жены. Да егда, святителю, судиши намъ верховномъ ти властію, то наче Господа ради возбраня сну и заврети супротивству его и неуклонному его нечествовству — ктому не нарицати мя еретикомъ удвосеніа ради пресвятыхъ аллилуія; нѣтъ бо азъ свѣ

цевъ еретикъ, но аще и многогрѣшенъ есмь человекъ, но наче христѣанинъ бѣхъ и преподобный рабъ Христа Бога моего, и того бо ради немощенъ есмь и прискорбенъ зѣло выну туюю и печалію, яко немощна есть душа моя и зѣло гнушается, но могу бо азъ носити нечистыя тоя и богомерзкія ризы тяжкаго вѣхъ слова на мнѣ еретическаго имени, и тако, Господа ради, утѣши натежъ росправленіемъ твоимъ и устрой сердцу моему полезная и безъ печали сія сотвори пребывати присво умилюю душу мою, и сего ради буди ми получити миръ, и щедроты и великую милость, и богатую благодать и славу Отца и Сына и святаго Духа мнѣ и присво и во вѣки вѣкомъ о Христѣ, аминь.

И посылаетъ святой посланію ко архіепископу Евфимію въ Великій Новъградъ своего духовника игумена, именемъ Игнатія, мужа въ добродѣтеляхъ презрадана, а о исправленіи же его преже скажемъ. Той же Игнатіе, пріими отъ руки преподобнаго отца посланіе, и доиде ко архіепископу Евфимію въ великій Новъградъ, и цѣловавъ святителя, вдаде посланіе въ рудѣ его. Архіепископъ же повелѣ книжному прочести посланіе предъ собою. И прочтєну бывшу посланію предъ святителемъ, святитель же Евфимій, слышавъ въ пославіи негѣлая словеса Іовлева и ничтоже вни или разсудивъ о ключимѣй скорби и печали, бываемой на святаго отца отъ врага брани, и пишетъ въ посланіи къ преподобному:

Посланіе отъ архіепископа къ преподобному.

Сыну моему о Христѣ святымъ Духомъ и возлюбленному ми чаду, пустынному воспитанію, отцу отцемъ Евфросию. Понеже вѣми добре, отче, яко вся влады духовныя отъ юности предъ Богомъ добродѣтельными житіемъ исправилъ еси, и сего ради познаваю, яко достоудрено есть божественной воли и вещи проумѣніе твое; тѣмже глаголю ти, яко кромѣ есть непорочныя души твоея тяжкія твои клеветы отъ суровленія неприязненна, а еже нашей власти повелѣваеша судити твоего преподобства святиню, купно же и онога твоего

клеветата, мнѣ же наче свидѣваю ти: увѣси, отче, яко азъ немощенъ есмь такому орудію уставити мѣру, и не дерзну открыти запечатанное сокровище Богомъ, понеже вся тайны Божія въ Бодѣ есть; азъ же, отче, не имамъ къ себѣ приставити вещи ключъ премудрости разумѣнья моего; но иже, отче, премудрый, ты самъ своимъ очима и ушима видѣлъ еси и слышалъ наче мене отъ патриарха Цариграда Іосифа, купно же и отъ всего клиржа вселенскія церкви, такоже и отъ всѣхъ живущихъ тамо внилъ еси мѣру вещи твѣя, аще отиуду взялъ еси, и только время пребывая вывелъ еси божественная двоица святая аλληлугія; мене же, отче, мнѣ не буди вопрошающа, себя тружаша, егда ли азъ вицшо патриарха вселенныя? И того ради благодарю Бога, отче, яко взялъ еси любомудрію отъ тако больше насъ и о семъ наче глаголю ти: и пребуди держа тако и до конца, служащи тѣмъ Господу, нашему Іисусу Христу, божественная двоица аλληлугія въ славу святыхъ Троица; мене же не дѣй, отче, ни зазираи грубости моея, яко ничтоже открыхъ о вещи или управихъ о семъ полезная твоея святини; но иже Богъ вѣсть тайну сію и въ того судбахъ ложить; мнѣ же, отче, якоже вриалъ еси отъ вселенскія церкви, тако твори по благословенію вселенскаго пресвященнаго патриарха Іосифа и держи обычнымъ своимъ навывовеніемъ тайну пресвятыхъ аλληлугія, якоже обмыка есть твоя святиня; буди же въ помощь твою и въ потщаніе Христосъ Богъ нашъ, такоже и присная сила его Отецъ и пресвятый Духъ, святая Троица, въ поспѣшеніе добродѣтельному о Бодѣ теченію твоему, купно же отъ нашего смиренія и кротости есть и буди благословеніе наше на тебѣ о Христѣ Божіемъ благодатію, миръ буди тебѣ, смиреніемъ, святаго Духа твоему преподобству, отче пустынный, о Христѣ, аминь.

Архіепископъ же Евфиміе, учредивъ Игнатія достойною честію, и тако отпусти его, цѣловавъ, и вдаде ему посланіе свое въ монастырь къ преподобному Евфросию. Священникъ же Игнатій съ миромъ доиде въ монастырь къ человекъ Божію, и вложи въ рудѣ преподоб-

наго посланіе отъ архіепископа Евфимія. Преподобный же отецъ нашъ Евфросимъ, воспримъ посланіе отъ рукъ Игнатіевы и отпечатать е, и абію прочте е, и разуть въ глаголемая Евфиміемъ архіепископомъ, яко ничтоже вышнюю властію помогаетъ ему, или словесною ранию заперенія истязаетъ, связующе браздою епитивья, божественнымъ страхомъ и верховною властію своею Іевлія уста и сущая его мудрованія, по наче же остроу суровьства его ничало возразивъ крѣпостію смиренія, ниже убо жестоко слово поверзе, въ слухъ ему на уничтоженіе и оскорбленіе возбѣснованія его, и видѣ убо себе святой Евфросимъ, яко ничтоже по немъ оиолчается оружіемъ слова на помощь ему противу оиолченія Іевлія на вознаграеніе хульнимъ стрѣль, сынлюнимъ отъ устну Іевлеву на преподобнаго отца Евфросима, но наче и збѣю возмогая, вжигаютъ богомерзко тернію на богомудрую пчелу Христовы церкви, мнися бо Іевъ **Столпъ** богохульными дымы словесъ своихъ утѣснити и оиолчати глубину свѣта разума и премудрости и предивныя люди, огорчить сладость плотенія, плодъ ея безсмертія, обующи всего міра, — и сего ради преподобный старецъ, озрѣвъ себе умныя очима сюду и сюду, яко не бѣ ему утѣшающаго печаль, ни помощника ему бѣ ни откуду, возскорбѣ; по обидѣ абіе душу свою мысленными стопами и наполнивъ духовнымъ разумомъ страха Божія чистое сердце свое, воспримъ слово, пророчески глаголаше: благо есть надѣяться на Бога, нежели уновати на князи: благо есть надѣяться на Господа, нежели уновати на чловѣка; покже мнѣ обидѣши обыдоша на и разгорѣшася яко огнь въ терніи, ижечъ Господинъ противилася мнѣ. Ся же святой не просто глаголаше, но взираи на икону пречистыя Богочатери, Госпожи нашей Дѣвы и Богородицы Маріи и на руку ея сына Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа, и со многимъ рыданіемъ проливая слезы, и согнувъ преподобный богоработныя рудѣ свои, ими же подхлывъ перси своя, подержа рвенію збѣльнаго клнцанія богоревниваго сердца своего, и тако восплакавъ и восклицавъ и разпавши чистоту бого-

зрительнаго сердца своего, куди же и умноо дѣство душа своя вжеть и божественною теплою святаго Духа исполнися, рече, и многи проливая огисоружныя слезы своя на ироуланныя лавитѣ и богоносныя оиочая перси своя, и сице въ сладости умиленія взирающе ко образу Богочатери и на руку Сына и Бога, и глаголаше, болѣзненно молящися:

Молитва пресвятѣй Богородицы.

О милосердая Богородице, великая царице небу и земли, рождыши наче ума Бога слова неперѣвно плотию Господа нашего Іисуса Христа! Призри, владычице Богородице дѣво, отроковица чистая, и воини годъ сътованія моего и день умилія въ скорбѣхъ печали моя, не презри раба твоего, присно вопиюща ти; укѣпиша бо са наче мене врази мои и всегда во гнѣвѣ враждоваху ми неправедно; но аще есть во мнѣ еретикъ хула, вуть беззаконія, сущее нечестіе въ души моей, тоже молю и хощу, не премоли ми, владычице, да всмущитися на мя богонанущенная лютая казнь сыномъ твоимъ и Богомъ явѣ всѣмъ во знаменіе гнѣвныя его пламы, якоже иногда на Оаію и на Арія нечестиваго, да познава будетъ правда Божія всему міру истина; самъ бо азъ движу гнѣвное его равніе и ярость его на ся, да будетъ въ притчию и въ откровеніе божественныя его тайны пресвятыя аλληлугія, да накажутся наче о мнѣ беззаконіемъ и нечестивіемъ не токмо хульникомъ, оскорбляющемъ мя, но и вси чловѣци совѣщавши о вещи, и увѣдять истинну; то аще азъ благочестивыхъ Бога, то и вси чловѣцы такоже воспримуть вещь — благочествовати Бога; аще ли окаянный азъ злославихъ Бога, то и вси чловѣцы такоже укланяются отъ нечестія моего и сирада на благовоное добротіе Іевле; уже бо, о непорочная Божія слова Мати, не терплю нужи неприяженитѣй врагъ быти Сыну твоему и Богу, или яко хулимъ быти имать мысленный свѣтъ Христосъ Богъ мой. И како стерпнть мнѣ беззаконному и нечестивому благодать его? Но аще ли есть во мнѣ истина и свѣтъ правды во устахъ моихъ, но

обави, владычице, имущи великое дерзновение, яко мати сущая Христа Бога нашего; понеже тобою, Дѣво чистая, спасена бысть вселенная всего міра, и моя скорби разорится сѣтованіемъ печаль тяжкого сомнѣнія, негѣденія облакъ. Да о семъ начо разумѣють троегласницы силу тайнѣ божественныя аллилуія въ крѣпости вещь, яко есть присно сынъ Богъ и единородно его Слово плотию выну во Отца и въ пресвятѣхъ Душѣ, да разумѣють и увѣдятъ вси, яко азъ рабъ его ревнуя поревновалъ по немъ. О мати владычице, негѣсто отроковице чистая, дѣвствохъ дѣвствуеша, о рождашая живота всяческия! открыи крѣпостию дерзновения твоего великія тайны. Аще ли не благоволиши звати ты, мати Господня, то уже и до исхода души моя отъ тѣлеси въ сѣтованіи поживу, дондеже и въ гробѣ съ печалію выиду, и въ томъ затворится знаменіи сиренъ и пострашенъ азъ рабъ твой, въ еретическомъ жребіи причитаюмъ есмь отъ враговъ моихъ, а сего ради вѣчное поношеніе готовитися и студъ тяжкъ со укоризною богохуленія лѣтъ сирадѣ неносимую ми тягость возлагають на армію души моея и часть мою съ богохульнику полагають вчиняюще.

Ся же святому Евфросину во мнозѣ рыданіи и слезахъ глаголющу, и се творя ни единою, ни дважды, но и до исхода душа своя, егда же ходяше или сѣдаше или рукодѣю прилежаю, или почиваше, или въ годѣ молитвы и пѣнія и бдѣнія, единаче стена сердцемъ и хлѣпаше душею о асконѣй вещи; и зѣло сѣтоваше предъ Богомъ унивою собѣстію и болѣзнію, на болѣзнію прилагающе отъ печали драхлости старости своей, оскорбляше безмилости плоть свою всяцѣмъ воздержаніемъ, постомъ, яко безплотенъ, бдѣніемъ же и молитвою, яко пощный врагъ въ шырщелѣхъ своихъ не уснетъ и не воздремлетъ, такоже божественная совершающе, якоже во лѣствицѣ шествуя святыи, отъ нихъ же на вышняя возступающе. Сице убо исправляюще святому отцу добродѣтели, на высочайшую степень житія восходяше, кунно же и діаволъ на преподобнаго отца вооружашеся излѣха и подвизаяся в лѣса, остріе изощряюще неприязнен-

нымъ дѣйствомъ злоухищренныя козни своя вооружающе видимо и невидимо, оружіи и стремленіи свои поставляюще и стрѣлы свои смертныя и лукъ бореній вещь горку напризающе на святаго отца Евфросина, да не тернитъ гладкія стезя добродѣтельнаго ему теченія о Бозѣ; покушашеся бо ипожицею богонравнику врагъ діаволъ, общій нашъ супостатъ, злохитрїонъ своихъ на святаго отца негѣвную смерть всячески навести, дабы наирасно богоработная душа его разлучилася отъ многотруднаго и святаго тѣлеси его, да въ сумнѣніе всѣхъ чловѣкъ привести и въ укоризну хульникомъ и досадителемъ святаго отца Евфросина и въ знаменіе и во прятцю удвоенія ради пресвятыхъ аллилугія. Святыи же терпаше Бога ради шаносимыя напасти и скорби отъ діавола и отъ злыхъ чловѣкъ, якоже крѣпкій адамантъ не поколебася отъ нихъ или яко къ твердому камени приражахуса волны морскія и камени не разбиша, но сами разбивахуса отъ него, тако и сего блаженнаго отца Евфросина, яко крѣпкаго адаманта не поколебаша или яко къ твердому камени приразишася и не разбиша, но сами разбишася отъ него, но Божія благодать хранилаше его, якоже рече пророкъ: ти спати быша и падоша, а святыи во ста и исправися предъ Богомъ, да сего ради таковая пострада; повеже сицева о святѣхъ мнози рекоша ключное слово, якоже живописецъ Лука вопіаше: многы рече, скорби праведныхъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ ихъ Господь. Азъ же пакы и о семъ износу вещь словомъ любви вашою и открыю явѣ золотая плотенія лукаваго, бывасима бѣды на святаго отца и многія напасти видимо и невидимо отъ дѣйства діавола претерпѣ, овогда бо отъ злыхъ чловѣкъ ключахуса святому величмыи скорби, овогда же и самъ діаволъ лицомъ къ лицу явѣ самъ являеся, сѣвшашо терновое стропице, да негѣною смертію препнетъ животъ святому отцу Евфросину.

О преставленіи блаженнаго отца Евфросина.

Быше бо преподобный отецъ нашъ Евфросинъ добро зѣло и изрядно житіе поживе въ тѣлѣномъ житіи семъ.

духовнымъ подвигомъ прилежно безъ всякаго прекословія, работая общему Владыцѣ Христу Богу нашему, и вся лѣта живота своего благоутодно поживе предъ Богомъ, и пресвѣтлыми добродѣтелями осіявъ себе, хранившеиъ заповѣдей Христовыхъ, тѣмже и присвоивъ себе къ Богу и великою дерзновеніе стяжа къ божественнымъ его щедротамъ, къ милости Божіей, и отъ Бога данною ему благодатию многа содѣявъ чудеса; по семъ же дню и часъ и блаженный конецъ души своей боголюбивыя проувѣдѣвъ и исходъ отъ тѣлеси, хотяше естества долгъ отдати, и въ недугъ тѣлесный впаде, духъ же къ желаемому Христу предати восхотѣ; и вставъ же преподобный Евросимъ отъ одра своего, на помяже лежаше, и воздвиже на небо рупцъ и очи, и сотвори моленіе къ Господу Богу, глагола:

Молитва.

Господи Боже мой, Владыко челоуѣколюбче щедрый, прими на въ вѣчная твоя покаянѣ и по помини, Господи благій, моя согрѣшенія, елика согрѣшихъ новѣдѣиємъ и вѣдѣиємъ, и сохрани же, Христе царю, рабъ своихъ, во обители сей извольшихъ работати тебѣ отъ искушенія сопротивнаго; погуби, всесильне, всю силу льстиваго врага отъ лица рабъ твоихъ; послѣ, владыко, свыше благодать святаго твоего Духа и укрѣпи ихъ на невидимыя ополченія, да прославится, Господи, имя твоо святоо и исполни, Господи, обитель сію всѣмъ избавленіємъ духовнымъ и тѣлеснымъ.

По семъ же, преклонь колѣна, со слезами моляшеся къ пречистѣй Богородицѣ:

Молитва.

О всенягодная Владычице Богородице, ходатаице къ Сыну твоему и Богу нашему Іисусу Христу, тебо бо Матерь сладкаго иа Христа ходатаицу яко всѣмъ спасенному упокоенію пристанище предлагаемъ раба твоя, буди намъ заступленіе и помощь и крѣпкая поборница, нати уповахомъ, на тебе ся надѣемъ, о тебе все упаваніе наше есть, яко сподобила ня еси грѣш-

наго своего раба создати обитель сію угодиномъ Сына твоего Христа, Бога нашего, и твоихъ тріехъ свитатель Василья Великаго, Григорья Богослова и Івана Златоустаго, и прославлятася имени твоему пресвятому въ ней; ты нынѣ, Владычице, призри на обитель сію и мене и живущихъ во обители твоей имени твоего ради, вже молитвы припосати о благовѣрномъ и христолюбивомъ царѣ великомъ князѣ самодержцѣ всея Великія Русіи и за вся благочестивыя князи и бояре и христолюбивое воинство и за всякій родъ христіанскій о мирѣ и здравіи и о спасеніи душъ ихъ; самъ бо рече Господь Богъ: молитесь другъ за друга, да исцѣлите.

И тако ему молящуся и сѣдшу ему, хотя мало почита, и абіо въ сонъ топокъ сведенъ бысть, и гласъ слышашеся, якоже и Коринлію, глаголющъ: се услышана бысть молитва твоя, еже о братіи, о нихъже молишеся, и азъ неотступна буду отъ обители сей и съ сыномъ своимъ Іисусомъ Христомъ, снабдши и покрывающи отъ всѣхъ золъ, и не имать оскудѣнія во вѣки обитель сія. И абіо возбуи святыи, и сердце ему вострениа отъ гласа онаго радостно, якоже помощь и заступленіе и пристанище спасенія пречистая Богородице. И нача со слезами и радостію сердечною всю ночь безъ сна пребывати и благохвальныя пѣсни всмлати Богу и пречистѣй Богородицѣ. И призва преподобный единаго предпомянутаго иже духовнаго дѣлателя игумена Ігнатія и сказа ему, яко гласъ слыша. Сіи же услышавъ, радости душею исполнися, акувъ прославиша Бога. И призва святыи братію свою, и бесѣду подобающую къ пользѣ востро: братіе, предаю же вы всемогущему Богу и того пречистѣй Богоматере, да будетъ намъ вработище и стѣна отъ сѣтей вражнихъ; навнече же свирепіемъ украшайтеся, страннолюбія не забывайте, нищу же и питіе итѣте нематожно, стяжите любовь нелицемерну, и частоту душевную и тѣлесную итѣте, и ничтоже вѣнчайте житія сего честь же и славу; но вѣсто сихъ еже отъ Бога ожидаати издвоздаванія небесныхъ и вѣчныхъ благъ наслаженія. Сіе же слышавши братіе отъ святаго отца, очи слезъ наполнишеся.

глаголюще: о духовный отче, начальниче мѣсту сему святому, самъ отходяши въ покой, а насъ оставиши въ скорбѣхъ и страстехъ, и кому насъ оставиши пощися душами нашими? Преподобный же отвѣща нитъ съ кротостію: братіе моя, о Господѣ собранная на мѣсто сіе святое, насъ же оставлю Богу и пречистѣй его Матери и тріемъ святителямъ вселенскимъ; и потому вручаю старѣйшинство своему отцу духовному игумену Игнатію, сущу въ добродѣтеляхъ совершену, и вы, братіа моя, во всемъ того послушайте и маръ Божій да будетъ съ вами, просвѣщая васъ и вразумляя и на нуть истинный насталяя; и азъ вамъ даю миръ и благословеніе, будите послушавши, по Господню слову, реченному къ апостоламъ: слушаа васъ, мене слушааетъ, а отнегася васъ, мене отнегается; убояися, братіе, страшнаго того гласа, глаголющаго: отыдите отъ мене, проклятіи клятвеннорестуевницы и братовнезавидцы; се же глаголахъ, чада, вналь разумъ подавая ко истинѣ и во всадѣмъ совершеніи быти и свѣтомъ божественна и живоначала Троицы осіяватися въ вѣки. Ученицы же слезъ исполнивши источницы точаху, отходяще отъ наставника Евфросіа. И видѣ убо преподобный къ Господу свое конечное отхоженіе, призываетъ священное исполненіе, и братіамъ всемъ собравшимъ, рыданіемъ сокрушахуса; лице же святаго свѣтящася, яко свѣтъ. Святый же отецъ нашъ Евфросіиъ новелъ отцу своему духовному игумену, Игнатію именемъ, божественную службу совершити на санный убо исходъ души своей, въ омыже хотяше тѣлеснаго союза отрѣшитися, владичнаго тѣла и крови Христа Бога нашего причастися. Рече же сданный: чада, се уже отхожду отъ васъ, предаю же васъ Богу и пречистѣй Богородицѣ и нхъ угодиномъ тріемъ святителямъ. И сіе преподобный братіи своей рече: братіе, аще имамъ отъ Бога милость, то не имамъ отступити отъ мѣста сего, но имамъ Бога молити и пречистую его Матерь и тріехъ святитель, яко не имать оскудѣнія святое мѣсто сіе во вѣки, аще заповѣдь мою сохраните по уставу, иже написахъ вамъ изыщомъ обычай монастырю своему. И сіа марскъ свя-

тый братіи своей, крестнымъ знаменіемъ знаменовався, и воздвиже рудѣ свои на небо и молитву сотворивъ и благословеніе давъ о Христѣ братіи, святую свою и честную душу съ молитвою въ рудѣ Богу предастъ въ глубочѣй старости благочестно, его же изъ младыхъ ногтей возлюбил и его же ради потрудился въ жизни сей пощеніемъ и бдѣніемъ и молитвами и всепощнымъ стояніемъ и на земли леганіемъ и всякими добродѣтелями противу невидимаго врага козвемъ. Живъ же преподобный отецъ нашъ Евфросіиъ всѣхъ лѣтъ живота своего 95, якоже нѣцны повѣдаютъ въ обитали его; бысть же видѣніемъ средній тѣломъ и сухъ величине плотию, главу нѣтъ круглу, брови окруженъ, лице долго, благодатію святаго Духа просвѣщено, влущенъ въ скривіи, тихи нѣтъ очи, брану нѣтъ продолговану, далѣ персей, къ концу остра, раздвоилася, тина, нѣтъ скривен густа, сѣдины украшена. Проставися святый отецъ въ лѣта 6985, мѣсца маія въ 15 день, на память преподобнаго отца нашего Пахоміа Великаго. Совершается же соборъ его во обители тріехъ святитель въ созданиемъ отъ него монастырѣ. Изліжася тогда благоуханіе отъ тѣлесе блаженнаго отца; братіа же на одрѣ честное и трудолюбивое тѣло положиша и исамонѣніемъ надгробнымъ и съ епитиміемъ и со свѣщани того проводивше честно, и положиша въ созданиемъ отъ него монастырѣ честное тѣло его между двѣма церквама, тріехъ святитель и Рождества вѣрчистыя Богородицы, иже подають и до нынѣ исцѣленіе благодатію Христовою съ вѣрою приходящимъ къ честнѣй его рацѣ и знаменующимся образомъ его святимъ. Но, о блаженный отче Евфросіе, аще еси тѣломъ отъ насъ отшолъ, но духомъ съ нами пребывашши в святая твоя душа въ небесныхъ обиталехъ ликуя со ангелы и со святыми у престола славы всѣхъ царя Христа.

О томъ же Іевъ философъ.

Той же убо Іевъ, о номъже преже сказахъ, услыша претавленіе преподобнаго отца Евфросіа, яко че-

ство и легко и дивно изыде блаженная душа изъ боготруднаго тѣлеси его, и одинако окаанный Іезъ глаголаше на умершаго, превознеси гордыню, яко буй уиомъ и несмыслонъ яко уродъ, безъ лѣноты о святомъ рече, яко: еретическій оный старецъ Евфросинъ поживе вся лѣта живота своего и прогнѣвалъ есть Господа Бога, и о семъ паче велии дивлюся и како сице преподобенъ получи конецъ, яко праведникъ предъ Богомъ. Но налѣ же времени послѣ святаго отца преставленія, не престашо Іезъ хуля и поношая блаженнаго отца, и абіо гнѣвныи плами Божіи правда безъ потушвенія кротости воспалихуса и лукъ неустоимъ прости Христовы спѣшася и напризашеся и божественная стрѣла его испущашеся въ притчу тяжкое знаменіи всему міру, и посылаются отъ Бога извѣщенію о вещи: люта рапа и неспѣльно зло на Іова Столпа, на хулишаго многа преподобнаго отца Евфросина удвоенія ради божественнаго аллилуіа, и сего ради въ неспѣленъ недугъ виаде и начать болѣти по человѣчески, якоже вногда царица Евдоксія въ царствующемъ градѣ враждовавши безъ правды на всеблаженнаго Іоанна Златоустаго, свѣтлыица всего міра, понеже бо она царица неправедно обличихомствова: отня виноградъ вдовицы оной; многословущій же учитель всего міра, не обвиняся лица человѣчи, ни убояся смерти, ни о власти поскорби, ниже повину соби царицыни крамолѣ и прощенію, но паче наруганіемъ и безчестіемъ узавлаемъ божественныи ради правды, и беззаконнымъ совѣтомъ отъ неблагодарныхъ чловѣкъ осуажается и въ Команы жившее солнце поточается покаянію проповѣдникъ; и судомъ Божіимъ великое свѣтило всего міра Іоаннъ Златоустый на престолъ свой возводится, и Христовѣ церкви мирное днесь возсіяваетъ солнце непорочными лучами: благодатными учении, теплотою покаяніа согрѣваетъ всего міра, и вдовица оная виноградъ познавашеся и обновляшеся; онъ бо вногда, великое свѣтило Іоаннъ Златоустый, за виноградъ вдовица оная многу скорби на собѣ подъя и великоозлобленіе и натяжъ той ради пострада, и тѣмъ вѣнчавшеся небесною сла-

вою отъ руки вседержителя Бога. Сему же богоносному отцу нашему Евфросину хуждши винограда оная вдовица предлежитъ вещь искомая, но паче болма и вѣщши о самомъ Божѣ Отцѣ и о единчадомъ Словѣ его Іисусѣ Христѣ и святѣмъ Дусѣ, неразлучныи ради и единосушныи Троицы, многа наруганія и досаженія излѣха подъятъ отъ Іова Столпа и отъ прочихъ поразумныхъ чловѣкъ удвоенія ради божественныи аллилуіа. И сего ради никако раскаяся о бывающихъ на него скорбѣхъ и ни мало уклонися обычаемъ своимъ на онѣхъ обычай, ко ученію ихъ, ниже словомъ пренѣнися отъ удвоенія божественныи аллилуіа на утроеніе: понеже бо не меньши есть ревность его и дерзость ревности и дерзости огнеоружнаго пророка Іліи. Онъ бо дрекло, возревновавъ по Божѣ величѣмъ рвеніемъ и тяжкими усердіемъ и простию и гнѣвомъ разгнѣвася на Ахава пророкъ и разсвирѣтъ на Іезавель, и поношая Богу, глаголаше сице: Господи, видѣхъ долготерпѣніе твое и великую твою милость и щедроты и безлду незлобіа, понеже послалъ мя еси ко Ахаву обличити беззаконіе и неправду, и возвѣстати тому гнѣвъ твой на изгибленіе и погибель его неправеднаго ради побѣсенія, яко уби винограда ради Навуея Израильтанина; и се выиѣ раскаяся, Господи, милосердіемъ своимъ отъ злобы твоея не погубити Ахава и всего дому его и не истити крове мужа онаго; и се выиѣ азъ рабъ твой живъ пророкъ явихся во Парали, и ты еси Богъ правдѣ и глаголъ твой ко миѣ истиниѣ. Что же бысть?—и потому сѣтова о грѣсѣ своемъ предъ Богомъ Ахавъ и того ради Богъ милосердова о немъ, а пророкъ разсвирѣтѣся и гнѣвашеся и неукротимъ явлшеся, дондеже и сотвори небо желѣзно и землю вѣдону; токмо рекіи: Господи, гласомъ устъ новыхъ, не будетъ дождь на землю! И заключи пророкъ небо словомъ своимъ не быти дождю на землю; и бысть тако, дондеже изсуши всяко плодовосіе земнаго гобзованія, понеже бо хоташе пророкъ уморити вселенную, любовнаго ради ему рвенія и правдыи ревности, еже ревноваше по Божѣ своемъ вседержителѣ, и сего ради дондеже

тѣмъ показа Богъ правду, и поруга боги Иезавелины и отверже отъ Израиля, и закла жерцы нечестивыя, изыдающихъ транезу Иезавели безстудныя. И сего ради многославленъ и многоимененъ пророкъ явился во Израили. Великій яко въ послѣднемъ роду новый чюдотворецъ преподобный отецъ нашъ Евфросинъ, не хуже пророка ревновалъ по Бозѣ; онъ бо одинъ токмо безбожныя изгуби жерцы и два пядесятника; сей же отецъ нашъ Евфросинъ ровноваше къ нагому божеству, къ единочадому Слову и Духу. Сіе доздѣ. Нынѣ же настоящее да глаголется.

Сяцо же и всемірнаго свѣтлыника, великое солнце, вселенной учителя Іоанна Златоустаго и великаго пророка Ілію на средѣ приведохъ вашей любви, богоизбранному стаду, и въ притчу боговоспоному отцу Евфросину; понеже бо гнѣвъ Божій Іоанна ради Златоустаго безъ цѣльбы приде на Евдоксію царицу, ала рана и неизцѣльна казнь за многое оскорбленіе и неправедныя ради досады оя блаженному Іоанну; а пророкъ возревнова по Господѣ Богѣ вседержителю, тяжкимъ усердіемъ и яростію разгнѣвался на Ахава царя и разсвирѣпѣ на Иезавель, и безстудныя жерцы закла и два пядесятника умори и небо заключи, и не бысть дождю на земли два лѣта и мѣсяць шесть. Такоже подобна блаженнаго отца Евфросина ревность онѣхъ ревности, яко сбыстся днесь гнѣвомъ Божиимъ на Іевъ Столпъ—люта казнь и неизцѣльна, якоже на Евдоксію царицу. Она бо иногда обличениествова вдовицу оу, и того ради блаженнаго Іоанна отъ престола отгна, яко не стерпѣ лихонница неправедная праведному къ ней обличенію отъ божественнаго Іоанна Златоустаго; сей же рекомый Іевъ Столпъ беззаконный, о немъже намъ слово, неправду сотвори аѣбе Евдоксін царицы, понеже величїемъ нечестїемъ похулилъ есть самаго Бога родителя Отца и того единочадаго Слова—Сына, Господа нашего Іисуса Христа, купно же и пресватаго Духа, въ Троицѣ едино божество, неблагочествова утроснїемъ святаго аллилугія; понеже бо великій въ святыхъ отецъ нашъ Іоаннъ Златоустый именовавъ Евдоксію царицу новую Иезавель винограда

ради; великій же въ преподобныхъ отецъ нашъ Евфросинъ прозва ваче и нарекъ чотыма быти стана Іева философа, священиую власть держащаго, триженца суща, любочудствомъ своимъ большая похулилъ: Отца и Сына и святаго Духа удвоенїе божественныя аллилугія; якоже рече Христосъ: хулившаго сына чловѣча, отдастся ему, похулившему же сватый Духъ не отдастся ни въ сіи вѣкъ, ни въ будущїй. Тако же и сему Іеву Столпу, удрествовавшу на божество, большую казнь и люту зѣлю отъ Бога приимшу, на утврєніе вѣтвѣ чловѣкомъ знаменанъ: якоже иногда бысть знаменїе на царицѣ оной, такоже и на сень Іевѣ большая знаменїа сбытся молитвами преподобнаго отца нашего Евфросина: понеже яко весь проказа бѣ и все тѣло его струпъ ему бысть. Сяце убо видѣвъ Іевъ бѣду свою и язу безъ исцѣленїа гнѣвомъ Божиимъ внезапно пришедшу на нѣ, и того ради остави мїръ и бысть ниныхъ. А яко иногда наругался есть святому и алооскорблялъ его, досажаящи ему удвоенїа ради пресватуа аллилугія, то никакоже о сень въ толїцѣ азѣвѣ поскорбѣ, или бы словомъ смирилъ себя, яко виновенъ каляса о бываенїемъ своимъ нечестїа и наруганїа еже къ святому отцу; но ваче сіа вся бывающая отъ него алаа къ преподобному ни во чтоже вѣнїивъ, но ваче положи вещь грѣха и забы беззаконїе исконое. И сего ради ваче отъ праведнаго гнѣва Божїа лютаѣшая болѣзнь къ болѣзни той приложиса ему, яко всему тѣлесу его червїи воскипѣтиса, и отъ совращенїа же кутнаго и гноа теченїа и тїмнїа и согнїтїа никомуже мощи приблизитиса къ одру, на аемъже лежаше, понеже бо вестернїмо алоспрадїе вобычно и люта воля отъ теченїа червїа и согнїтїа плоти его в гноа; сяце же и отъ ладныи вѣкїа многои нотыль искожаше и спрадъ отъ мерзости плоти его. Зрите же ни аѣтса опасно, любимицы мои, мечь Божїю, и ваче внемлите, понеже никогоже ни есть стыдѣтиса сяце; авѣ бо не лжу, но ваче глаголю самъ: купно же и праведное его прещенїе пресватуа ради аллилугія познаваеся на Іевѣ Столпѣ слово святаго отца Евфросина меча с трїиши и

яко истинно есть, а дѣся пророчество его, познавается: егда убо живу еще преподобному отцу Евросиму и много досажениа и оскорблениа многа, Іовъ, внося на слагаго отца, и сего ради не дерзѣ святымъ за праведную истину благословиди его; и благозаче доблестивымъ отецъ, ровнуиди пр. Бозѣ, и по терпяще быдася хулы на Бога, отъ Іова Столпа, и возмутася, прозорливимъ дарованиемъ святаго Духа рече; се столпъ цотыцныи да будотъ Іовъ отселѣ. И еже бысть слово святаго, и дѣло, многа предъ очима вачица. Пробысть же убо Іовъ Столпъ два дѣта, въ здохъ томъ и цотомъ мучениа и въ горести, и дуга того, и тако недѣно умро, и егда съ великою нуждоу изидо изъ тѣлеса душа его; и приступиць скутарь, и обви согниаць червица умц его, и зѣло гнушася тяжкѣ воли. И егда же быти клепанію къ собранію всахъ братіа и къ годниѣ надгробнаго пѣнія, и сиждошася братіа, о Христѣ дати ему послѣднее цѣлованіа и проводить его до гроба, но едва братіе возмогаша приступити къ одру, на мизъ же лежа, цѣловати его мостерниця ради воицъ отъ него и другаго злосирадѣа, и коздрѣ своя отъ злаго обоніа зямлющи; и такр содерщиць надгробнаа и проводивши его братіе до гроба, сице же злѣ скончася, и погребенъ бысть концевъ недѣнымъ, въ монастырѣ общежительсимъ у храни Прображеніа Госида нашего, Іисуса Христа, посреди двою рѣку: Великиа рѣки, и на устѣи Мдрожо Малыа. Сице же наче и концевъ ему; и тако начало не благое ему и концевъ ипотребенъ ость. Видѣте же, о христолюбцы, обоа бореніа, видѣте обоихъ единое и право: видѣте преподобнаго пресвѣтлое начало и свѣтовное житіе и дивенъ концевъ представленію его и чуденъ исходъ боголюбивыа души его; видѣте же начало и житіе и концевъ Іову Столпу.

Доздѣ прекративъ слово, и пакы на преддежашую новѣсть возвратиася о чудесѣхъ блаженнаго отца Евросима, иже бысть по представленіи его.

Чудо 1-е. О писателѣ первомъ, како явися ему святыи отецъ нашъ Евросимъ съ свертнивомъ своимъ Серапиомъ.

Егда же мѣ начещу порою писати, аже по ради житію преподобнаго, како родися отъ благочестиву рочелю и како воспитанъ бывъ въ добрѣ наказаніи и како возрасте въ чистотѣ и цѣломудріи и во отрасѣ Божіи и въ совершена мужа отъ пелонъ; сице же егда придохъ словомъ къ новѣсти оной, како ходиць бѣ преподобный Евросимъ, зовомый Елеазаръ, къ Царюграду, на вопросъ къ патриарху, просветаго ради и божественнаго аллилуіа, и той же паче днота повелѣ ому, ниѣ же милоумиу сущу и зѣло скуду разумомъ и цодоумиеніемъ объату о вещи, како пишашу и словъ извесу о божественнѣи тайнѣ пресвѣта аллилуіа не цаслѣдичное смотрѣніе Вседержителя и како досагу не цѣрномуу глубину умниа помысли, понеже не сѣдушу ми ми мало искуса о вещи. И сего ради началъ скорбѣти и печалити и святаго отца Евросима призвати на помощь мою, да милостивъ Богъ вразумитъ ми о вещи цовѣдѣніа моего и уцѣломудритъ виновная. Сице же ми развращенная помышляющу въ едѣлу отъ пощей, елика же глубокую сущу вечеру и тмалу времени преддежашу ми, и сего ради вострабѣхся мало помысловъ и возгохъ масло и сѣдохъ на дѣяство тайнъ пресвѣтыа аллилуіа. Сице же восприахъ писало и хартию и инокнцѣю покушася поставити слово о вещи, сице же никако возмогахъ мовиць промысловъ сотворити на успѣхъ любонудрію моему, но паче отъ безумнаго ми труда и въ мавіе началъ моя отяготѣша словъ, очи моя и падохъ согбѣвнма рука на колѣну моему, ту же в главу преклонихъ, и тако въ тонцѣ снѣ дремахъ по преиную вѣда тѣлеснѣи и иѣсть ихъ сомжитъ, умныма же очима яко явѣ зрѣщу ми; и быхъ во иступленіи ума соннаго ради воздреманіа. И се внезапно преддежашу предо мною два святаѣйна старца во иноческомъ образѣ, пресвѣты зѣло, яко солнце сіяюща, и глаголахъ

другъ ко другу: се онъ-сица въ недоумѣніи бысть о тайнѣ божественнаго аллилугія. И тако оба приступиша ко мнѣ и рекоша ми сице: миръ ти буди, чадо, и любве твоея къ намъ о Христі! Азъ же предварихъ словомъ и рекохъ къ нимъ: добро приидете, блазны, во снѣ спутаетъ мя мечты своими. Отвѣщавъ же единъ отъ нихъ, глаголюще ми: на, брате, не блазны есмя, но ты самъ соблазнилъ еси о насъ: азъ бо есмь Евфросинъ, начальникъ обители сая святыя, и братъ сіи со мною — Серапіонъ есть, яко первый приде ко мнѣ на мѣсто сіе святое сожителствовати, о немъ же паче слышалъ еси, яко добре повеселъ дневную тяготу и варъ солнечный; и со мнѣмъ кушася и во слабѣи скорбію, недоумѣніемъ одержимъ еси о вещи, моя бо есть печаль сія и присное ми есть скорбѣніе, и сего ради придохъ ти глаголати тайну сію. Азъ же убо окаянный писатель однако мнѣхъ, яко нечестыя быти духа облазняющихъ мя, и сего ради началъ творити молитву: да воскресеть Богъ, и прочая рекши молитвѣ и крестомъ ограждатися. Они же такоже творяху молитву и крестомъ знаменашу лица свои, дондеже возбужъ, и нико(го)же видѣхъ, токмо пасло горящео. И егда же дель бысть, и помыслихъ сице: аще будетъ сіе истина святаго явленіе, аще будетъ не истина, но привидѣніе противнаго, то яду соглядая образъ преподобнаго. Бѣ бо образъ его при животѣ написанъ въ монастырѣ его, отай святаго, отъ ижеого Игнатія, живущаго въ святаго отца обители, нарочита зѣло живописца; той же Игнатіе живописецъ, видѣхъ святаго отца въ духовныхъ добродѣтеляхъ изрядно сіяюща, и того ради навая образъ святаго отца Евфросина и яма подписа его, и сохрани е во иزارцѣхъ своихъ иконныхъ. И по времени же умре во обители святаго отца иконописецъ Игнатіе, и тако обрѣтенъ бысть образъ святаго отца Евфросина во иزارцѣхъ Игнатіевыхъ отъ ижеого ижеого иконописца и явленъ бысть Панѣлію игумену, ученику блаженнаго отца Евфросина. Панѣліи же игуменъ повѣда образъ святаго отца, како обрѣтенъ бысть во иزارцѣхъ оного живописца, о немъже предъ сказахомъ, и о добродѣтельномъ житіи блаженнаго отца

и о чудесѣхъ при животѣ его бывшихъ, архіепископу Великаго Новграда и Пскова владыцѣ Геннадію. Архіепископъ же повелѣ игумену Панѣлію образъ святаго отца на иконѣ написати и житіе изложити. Панѣлію же игуменъ повелѣ иконописцу образъ святаго отца на иконѣ написати, и сему же бывшу, и постави надъ гробомъ святаго. И тѣмъ же образомъ азъ видѣхъ вальшаго ми ся во снѣ, якоже на иконѣ написанъ, и единако сумняхся о святѣхъ отцѣхъ ѿ не вѣровахъ видѣваю истину, но паче помышляхъ видѣніе быти противнаго. Накѣ же и во вторую ночь тако два старца святаго отца явиста на сатѣмъ же образомъ, якоже и въ первую нощь, и тоже глаголаше: опиши тайну пресвятыхъ аллилугія, въ нейже есть свѣтъ живый, существомъ Отца ѿ Сына ѿ святаго Духа; того бо ради много скорбѣхъ иногда ѿ сѣтовахъ предъ Богомъ въ животѣ моемъ, дондеже и съ великою печалію затворенъ быхъ во гробѣ; мнѣ же ти вреяя есть написати о всей печали, и исповѣ о вещи, о нейже изрочи хошу тебѣ. Азъ же убо грубыи рѣхъ къ нему слово, глагола: престани, противниче, отиди, не блазны мене прочее! Онъ же пакы ничтоже кониѣ вѣща. Посемъ же рекомый Серапіонъ глагола ко мнѣ: брате, се ты самъ соблазнилъ еси, мнѣ же и насъ оскорбилъ еси. И обращъ къ нему блаженный отецъ Евфросинъ, рече: не дѣи, брате, писателю, понеже искусство есть черноризецъ хощеть быти въ мнѣ, и не имать увѣратися притѣстнѣемъ нашимъ. И тако отыдоша отъ мене. Мнѣ же возбужушю, и во видѣхъ никогоже. И о семъ же явленіи пакы впадохъ въ печаль и въ скорбь неутѣшиму зѣло: аще будутъ сіи истинныя святіи отцы, то не приложихъ я о тайнѣ вопросити божественнаго аллилугія. Но паче адохъ ко ижеому Панѣлію, хотѣхъ извѣстно увѣдати, кто есть Серапіонъ, явей ми ся со святыхъ; видѣніи же игумену не повѣдалъ, токмо вопросихъ его о Серапіонѣ, яко обрѣте ли ся во дни святаго отца Евфросина сицевъ черноризецъ и въ первыхъ приде ли жити къ преподобному? Панѣліи же игуменъ изрече вся, яко о Серапіонѣ бывшанъ: начало и конецъ его, о немъ же впродъ изълагахъ

Дядь прекративъ слово. Но на предлежащее возвратился.

Чудо 2-е, о томъ же писателѣ, како явился ему пресвятая Богородица со архангеломъ и съ преподобными.

Быть оубо егда третьей ноци пришедше, нѣ же грѣшному зѣло во оумнѣи сущу, великимъ недоумѣніемъ объяту, купно же и возмущену зѣлою бурю— невѣдениемъ о тайнѣ божественнаго аллилуйя, і снче въ недоумышленіи былъ, і того ради возвратился помысливъ — во вершинѣ житія преподобнаго. І о семъ начо оскорбихся, и въ маліе разлѣніа моего поверголъ себя на ложи носѣи окаянны, яко расслабленъ. І тако оуснухъ въ тонцѣ снѣ, а умъ есть, купно в душа моя, одинако парху о вещи и бдаху на искомя, а мысленныя очи моя суть якоже отверсты. І се внезапно предста ми нѣкто во образѣ оупоши прелѣннѣ зѣло, в воинскии оружіи всюду вооруженъ, і по верху червленными опашемъ одѣянъ и крикъ ото обѣи рану его на воздухъ простерты, і въ рудѣ своей мечъ обнаженъ простертъ на высоту нѣба. Азъ же оубо окаянный и о томъ сумняхся, и помысливъ его быти неприяны. Отъ же оубо, возрѣвъ на ня, в рече ми: почто соблазнился еси о мнѣ и о святыхъ оубѣхъ, яко проже ты дѣлшихся, яко истинна есть, а не блазнь? І сего ради грядеть с нимъ нескверная и неблазная пречистая дѣва Богородица Марія. І тѣмъ наче азъ оисаю зрѣхъ, и видѣхъ жену градущу ко мнѣ, всюду по существу образомъ Богородица, и одѣвіе ея воинству багрянца, в присваго дѣвства образѣ ей на обою рану свѣташеса звѣдннѣи образомъ, купно же и на теменіи ея. Ей же послѣдоваху купно прѣжъ алышя ми ся два свѣтолытна старца, яко и прѣжъ, тѣмъ же образомъ: преподобный Ефросивъ, купно с нимъ блаженный Серапимъ. И пришедъ Богородица, ста съ преподобными близъ возглавня моего. І ничтоже перьѣ оускори глаголати ко мнѣ, но стояху купно святыя и со архангеломъ окрестъ ея. Азъ же оубо разумѣхъ видѣніе.

яко истина есть зримая мною. І сего ради яко научивавострепетахъ отъ страха и радости пришествіемъ ею и обомрохъ боязнию яко паукъ, ничтоже прочее зѣвнаго суетства помышляхъ, но слышалъ Богородицу с прочими глаголющу, яко есть пришедши с вою, яко: нужу ми есть творять волю христіане невѣдениемъ своимъ. Азъ же оубо предварилъ слово ея, и рѣхъ к ней дерзостно сквозъ сонную тяготу: аще ты еси Богородица мати Дѣво, живота невечернаго свѣта Христа Бога моего плотію безо встлѣніа рождшя, то нынѣ что ты есть ключиное? в ъскую скорбавши и почалуешъ, понеже о тебѣ веселятся небеса и радуется земля? Она же оубо, отвѣщавъ ми, в рече, и приложи много прочее глаголати ко мнѣ:

Нужу ми творять, троюще божественная аллилуйя; в сего ради возниши тайну сию, еже азъ Богородица тебѣ повѣствую. И перьѣ въ началѣ напиши о сей тайнѣ, о нейже пророцы молишася и возжелѣша ю хотѣніемъ святаго Духа, и напиши снче: Да воскресеть Богъ, и размыдутся врази его, воскресни, Господи, да не крѣвится челоуѣкъ; воскресни, Боже, суди земли; воскресни, Господи, да вознесется рука твоа. І се плотскому божественному воскресенію не ниуть вѣры жестосердїи Жидове! І о семъ блазнятся Ельлини! І сего ради Латывнове безвѣрїемъ недугуютъ, і о семъ сумнятся варвары, все же сіе безвѣрїицы чюдятся и дивятся, зазираючи купно в христіанскому правовѣрїеству, глаголюще: како безъ ума самогласное въ Бога распятаго безъ сомнѣннѣи вѣрують, а Богъ не умираеть, и воскресаетъ. І сего ради тѣмъ погибоша Жидове и Ельлины отъ соблазны своа победихася, Ляхи же и Нѣдцы безвѣрїици наричуются, и варвары не вѣдятъ Бога, и тѣмъ еретвцы сотворишася, понеже воскресенію распятаго Христа присно не вѣрують. І сего ради тѣмъ дѣльма дважды да глаголются правовѣрїици божественная аллилуйя. Понеже в той есть тайна воскресенія Христова, Сына и Бога. Таа же бо глаголють Жидове, купно в все языцы Латывстїи, также и еретвцы глаголють все снче, оубѣ дважды.

нѣ триада, а не вѣдѣть тайны ея исконыя, что есть въ немъ запечатлѣнно отъ нихъ сущеє Богомъ. І того ради гнѣвъ Божій, воспаленная ярость его, не отвращается отъ нихъ и до конца, на изгубленіе самогласно, онѣмъ бо несправистикъ. Глаголють бо Жидове, кунво же и тужди съ ними вѣрують, также и еретицы глаголють, яко не воскресе Христосъ, но яко оукрадоша его, а тожъ ваче сами глаголють непроставно великую тайну Христова воскресенія, божественную аллилуію, яко воскресе Христосъ. І сего ради да двоятся востини правовѣрными божественная аллилуія. Первѣю дважды да глаголется въ прославленіе Отцу: аллилуія, аллилуія, слава тобѣ, Боже. И сия тайна: воскресе, воскресе въ божествѣ и въ челоувѣчествѣ, и слава ему, яко Отецъ вседержитель есть Богъ, неотступенъ божествомъ своимъ единочада Слова Сына своего Христа, и Христосъ неотступный вочеловѣченія святаго Духа, божества Отца; идѣже бо Отецъ, ту и Сынъ слово, неразлучно въ лонѣ ому есть; а идѣже Сынъ слово божіе, ту и существо святаго Духа Бога вочеловѣченіе, и есть совершенъ Отецъ и въсьновіеніе духа, единъ въ Троицы славится, и удвоеніемъ божественнаго аллилуія познавается и славится. І пакы второе глаголется дважды божественная аллилуія, глаголется дважды въ славу единочадаго ради Слова Божия: аллилуія, слава тобѣ. То есть: воскресе, воскресе Христосъ, Сынъ божій, подобенъ Отцу, и слава ему, яко и неразлученъ съ нимъ божествомъ и челоувѣчествомъ, и воплощенія же ради святаго Духа сынъ Божій наречется, а воскресенія ому ради Богъ совершенъ познается и славится; идѣже бо Сынъ, ту и Отецъ есть, и сини неразлученъ уравниа и прославися пресвятый Духъ. И сего ради единъ Сынъ въ пресвятой Троицы истиненъ Богъ славится оудвоеніемъ божественнаго аллилуія, яко Богъ и челоувѣкъ. Третницею же пакы дважды глаголется божественная аллилуія, глаголетъ же ся въ прославленію сватому Духу, яко не работенъ будетъ Отцу и Сынови пресвятый Духъ. Понеже и святый Духъ Богъ есть, и того непро-

ложное вочеловѣченіе и всмыненіе Христосъ. И единочадо есть Слово безъ ислѣвія Отцу, таже бо глаголется: аллилуія, аллилуія, слава тобѣ, Боже, сирече: воскресе, воскресе, слава ому, яко неразлучное дѣяство, всмынено Святаго Духа, Христосъ воскресе, воскресе Богъ и челоувѣкъ. И того ради равная слава Святому Духу, якоже слава Отцу и Сынови. І того делма, в тѣмъ святый Духъ Богъ совершенъ познавается, единъ въ Троицы неразлучнымъ ему вочеловѣченіемъ, и удвоеніемъ божественнаго ему аллилуія познавается и славится во двою естеству Богъ и челоувѣкъ. А идѣже убо сице тровится божественная аллилуія, ту есть прилагасмый чуждый Богъ языческій, понеже мнози суть бози Еллиньстін. По аще не сия тайна божественнаго аллилуія, яко не воскресе Христосъ по страданіи своемъ и не воскресе Богъ, то пророцы ложно пророчествоваша и святый Духъ солга, и Богъ не воплотися въ ня, и Христосъ прость челоувѣкъ, и распять и оумре, и не воскресе, ни азъ Богородица Дѣва, и апостола вотще трудившася, мученики же и мученицы горкая и лютаа пострадала въ безуміи, и дѣла и вѣра, христіаньскаго свѣта сияніе, потеніивіе мертво суть, и новая благодать и истина закона, иже бысть положно Исусъ Христосъ Богомъ, всюду ложъ есть; понеже Духъ пресвятый оусты пророкъ глаголаше, яко пострадати Христу и воскреснути ему сватымъ Духомъ, полишася, глаголюще: воскресни, Господи, да не крѣпится челоувѣкъ, воскресни, Господи Боже мой, да вознесется рука твоя; воскресни, Боже, суді земли: да воскреснетъ Богъ и разыдутся врази его! І сия вся совершишася і въ коноцъ прииде: божественнаго аллилуія, аллилуія двоятся. То есть исконое тайны явленіе: воскресе Христосъ по страданіи своемъ, воскресе Богъ яко челоувѣкъ Христосъ, и тѣмъ прославися и присно воцарися на небесахъ и на земли единаосущная Троица. І тѣмъ Троицы не ложъ быша, и святый Духъ не солга, дѣйствуяи устави ихъ, и апостола не вотще трудившася, мученики же и мученицы, содѣлавшася мучителемъ, яко законно стражующе, вѣнчашася храборски, и тѣмъ Жидове отступники славы Божия на-

рицаются, и о томъ Еллинская соблазны яко научина раздираются, и оуста ихъ съ мудрословнемъ присно заткаются. Еретицы бо, благословуще і на Христа и на на Богородицу Дѣву, на Матерь его, глаголють нечестная, і тѣмъ оглашаются варвары, и тѣмъ морзцы быша Богу Латынское безвѣрне. Но аλληлуія истинно есть тайны откровеніе: воскресѣ, воскресо Христось, Сынъ мой и Богъ, носю плотню Богъ и человекъ, и азъ того ради хвалима присно и блажна есмь, яко чистая Дѣва Богородица. И ревнивый рабъ сына моего Исусъ Христа и мой, матери его, преподобный Ефросинъ познается, его бо ради ходатайства открытъ сокровенная.

И снѣ изрекши Богородица, и отъидо отъ мене, купно и со святыми. І со ангелъ божій пришедшій, приступивъ ко мнѣ и возрѣвъ яростно, рече ми: напши снѣ вся, иже Богородица угодилика ради Божия глаголавыи тебѣ. Азъ же убо грѣшныи возбохся и трепотахъ прещенія его, и начахъ рыдати зъ зазлпаніемъ слезными, и рѣхъ къ нему во оумиленіи: господи, ты вѣси, яко многи въ чудесехъ просияша и въ великихъ знаменіяхъ, троащи божественная аλληлуія. Онъ же отвѣщавъ, рече ми: по вѣднѣ тайны сѣя, не судится ему; мно же вѣднѣ, осушонъ будетъ отъ Бога, и азъ помиловствъ и тяжекъ явлюся ему во исходѣ душа его. І снѣ рекъ, и той такоужъ отъиде отъ мене. Мнѣ же оубо возбнувшу, и никогоже видѣхъ, токмо ощутихъ себя въ рыданіи и хлпаніи слезъ, и обрѣтохъ возглавицу мою слезами помочеку. И вѣсть Богъ сокровеніе тайны душа моя, тои псытая сердца и утробы, и вѣсть Господь мой Исусъ Христось, яко во солгахъ на Богородицу, вальшую(ся) ии со святыми купно. Ей вопитву, множао епѣхъ глаголемы(хъ) слышахъ словеса отъ Богородица и отъ великихъ ее ангелъ, мало вѣчто въ растлѣніи памяти моеи оудержахъ и грубымъ разумомъ изнесохъ, тожъ и написахъ некое, но иже наче оумолчати восхогѣхъ видѣнію и не написати откровенія, но наче оубоихся Бога и устыдѣхся оного щедротъ, иже видѣхъ азъ окаянный и недостойный на Ефросинѣ угодиликѣ его. І сего ради воспоминахъ притчу лѣниваго раба, скрившаго та-

лантъ въ землю господина своего, благодатное серебро; въ немъ же славится Отецъ и Сынъ и святой Духъ, единосущная Троица, Богъ и человекъ, и того ради отверзохъ тяжкое прегрѣшеніе грѣховъ моихъ и дерзнухъ написати явленію Богоматере, купно же и святого великое къ Богу дерзповенію изъливихъ и божественное аλληлуія ходатайствомъ его ключихъ. І того ради дерзну рещи: по истинѣ и по смерти живъ есть преподобный Ефросинъ, пишеть бо: праведникъ и по смерти живъ будетъ и во благихъ водворивыся душа его; аще бы и растолиенъ тѣла не съ нами есть, но душею посѣщаше насъ, купно же и любовію не кровѣ есть чадъ своихъ, иже есть во обители его, являшеса ииъ преподобный духомъ своимъ, держащимъ вѣру къ нему. И не токмо сіе явленію преподобнаго, иже являшеса во своей ему обители, но и вдалѣ обители прѣславно являся и чудеса творя большая и великая призывающимъ его съ вѣрою.

Чудо 3-е о Закхѣе дьяконѣ.

Быше оубо вѣкто черноризецъ именемъ Закхей, савомъ же дьяконъ, жилище имѣа на Верхнемъ Островѣ во обители святыхъ апостолъ Петра и Павла. Сему же Закхѣю приключися болѣзнь тяжка зѣло, яко всему боку его пухнути и согнитися отъ зѣлныи болѣзни, и ни мало ему отрады бысть отъ болѣзни той. И прочее отчаявся живота своего, и тако вопіаше день и ночь великии гласомъ, отъ нужи горести недуга нестерпимаго. Нѣкогда же празднику приспѣвшу во обители преподобнаго отца нашего Ефросина святыхъ трехъ святителей, Василия великаго, Григорія богослова и Иоанна златоустаго, игуменъ же Верхнеостровской купно же и зъ братією изыде съ монастырь преподобнаго чудотворца Ефросина, къ празнеству тремъ святителямъ. Закхѣю же преди реченому въ монастырѣ оставшу святыхъ апостолъ Петра и Павла, люте недугующу, и болѣзнь ему быше надымашеса, и ни мало легчайше, но пакы язвы ему множашеса; і тако лежаше во от-

чаяніи живота своего, и прочее гробная помышляющу ему, и пакы прииде ему помышление, яко нынѣ есть день честенъ — тріехъ святитель, и начатъ со слезами молити Бога о своемъ согрѣшеніи, и того пречистую Богоматерь и святыхъ тріехъ святитель, и преподобнаго чудотворца Евросина нача призывати на помощь о облегченіи болѣзни своея. І таково оубо въ рыданіи слезахъ воздрема и въ тонокъ сонъ сведесе, і се внезапно видить тріехъ святитель великихъ, представшихъ врьдѣ нимъ въ величій славі, боголѣпны по образу ихъ и во святительскихъ одеждахъ, и съ ними видить преподобнаго чудотворца Евросина, святолѣпна и пресвѣтла славою, въ десной рудѣ жезлъ вмуша. И приступивъ, рече къ болящиму, ударяюще жезломъ о средю келейную, и глаголаше: се тріе святители испоручаются нимъ по тебѣ къ Богу, аще хочеша здравъ быти, инаши ли покаитися и престати отъ грѣхъ своихъ, то волучиши скоро исцѣленію. Недужный же яко явѣ возопи: ей, господи, помози ми въ болѣзни сей; покаюся! Блаженный же Евросинъ скоро подъялетъ жезлъ свой, і абіе оудари болящаго концемъ жезла въ согнѣвшую лаву; онъ же воздрогнувъ и великимъ гласомъ возрыкнувъ, и абіе вскочил со одра, на немъже лежаше, ина, яко проверженъ бысть отъ жезла святити; и въ себѣ бысть, никогоже видѣ, но токно проявлено манущеніе недужное, и крови текущу и гною изъ боку его, і въ томъ часѣ облегчиси болѣзнь его, и помагѣ здравъ бысть, яко ничтоже пострада. Сице же разумѣвъ себѣ, яко преподобнаго есть чудотворца Евросина посѣщенію і явлено чудо его видѣвъ, и прослави Бога и пречистую Богородицу, и ихъ угодинокъ тріехъ святитель, и преподобнаго чудотворца Евросина.

Чудо 4-е. О томъ же Захѣе, како явися ему преподобный Евросинъ.

По мале же времени прииде въ обитель святаго чудотворца Евросина сожительствовати той же предироченный дьяконъ Захей, пренемый исцѣленію отъ сля-

таго, вѣрою содержимъ. Ігумень же обители святаго приять его. И тако ему пребывающу, і во единъ же пакы отъ дній сему же Захѣю закосивъшу во дненьномъ дѣлѣ и глубоку сущу вечеру, нача согрѣвати келию свою, и единая главна остася въ пазуху пещиную со огнемъ; онъ же въземъ ю учрежениа ради, и поверже на нутреннехъ дворцѣ близъ пристѣнія келейнаго, и небрегъ о ней, отъиде въ келию свою, и възлегъ на одрѣ, и усну твердо зѣлю. Главна же она возгорѣвшись пламенемъ, нача горѣти предверію келейнаго, и уже пламени къ дворемъ келейнымъ приближившуся. Оному Захѣю тяжко зѣлю сонъ сносину и ничтоже ему наче свѣдущу бываемаго зла, і абіе слышитъ сквозѣ сонъ толцанно въ двери келейныя, и не можаше ободритися отъ сна, и не вѣсть, кто возбужая его. И въ томъ часѣ видить — отверзошася двери, и скоро грядуща къ нему преподобнаго Евросина, въ десной рудѣ жезлъ вмуша. І оудари святый жезломъ по носѣ спящаго, глагола: востани скоро, се въ сій часъ самъ погибашеи, человекче, а монастырь мой огнемъ пленити хочоши. І абіе вскочил старецъ со одра своего и никогоже видѣ, и притекъ, отверзе двери келия, и со огнемъ забихася двери келейныя. І абіе старецъ покута главу свою копыгомъ, і едва избѣжа сквозѣ огнь всѣ келия своея на монастырь, і тако возопи гласомъ великимъ. І слышавше братія, стekoшася, и отиаша ото огня горящую келию, молитвами преподобнаго чудотворца Евросина. Старецъ же той Захѣй, о немъже наизъ слово, исповѣда игумену и братіи явлено преподобнаго, како спасе его и возбудил отъ сна, и прочее повѣда келейное дѣло. І снъ вся слышавше братія, прославиша Бога и Пречистую Богородицу и угодинокъ ихъ преподобнаго чудотворца Евросина, яко имѣя такую благодать дерзновенна ко владыцѣ Христу Богу нашему.

Чудо 5-е о Климентіи дьяконѣ.

Бѣ въ некоторый дьяконъ именемъ Климентей, живущи имѣя во градѣ Исковѣ, служитель святаго великаго

Богоявленія Господа нашего Иисуса Христа. И вѣру имѣяше велию издѣтска къ трисвятительскію обители и къ преподобному чудотворцу Ефросину, еже ему получить въ преподобнаго обителя ангельскій образъ. По времени же прииде на предпомянутаго Климентія огненная болѣзнь тяжка зѣло, ему же не ноци ни мало двинути въ болѣзни той. И хотя его Богъ отъ мнрскихъ избавити і обѣтъ совершити ангельскаго образа въ преподобнаго чудотворца Ефросина обителя, во его вѣрѣ и желанію. Боголюбивый же той дияконъ нача призывати на помощь святаго отца о исцѣленіи болѣзни той и еже бы ему монастыря достигнути святаго, и ангельскій образъ прияти. И нача молити домощадцы своихъ, чтобы его отвезли въ трисвятительскую обитель и постригли во ангельскій образъ. Домощадцы же много рыданіе сотвориша о немъ, и не хотяху его пострици и глаголаша: господино наю, кому насъ оставяеши сирыхъ питати, и кто намъ пощечется въ дому твоємъ? И много молень его домощадцы, ни мало оувѣщаша отъ желанія ангельскаго образа. И въ ту ночь въ первую стражу домощадцы его въ тощѣ сѣ старецъ боголюбивъ сѣдимъ оукрашенъ зъ жезломъ, и трижды удари въ стѣну, идѣже лежаше больной, и глаголаше: Почто его не отвезете въ монастырь трисвятительскій по его желанію, а овъ велии болѣтъ? Аще ли преслушаете моего велѣнія, то преслушанія смерть примете! І. сие слышавшо домощадцы его, страхомъ объяти бывше, и отвезоша его въ монастырь святыхъ мученикъ Евстратія и дружины его, и тамо его постригоша, и наречено бысть имя его мнрское Киприянъ. По малѣ же отвезенъ бысть въ болшіи монастырь, въ трисвятительскую обитель. И тамо исцѣленіе получи благодатию Христовою и пречистыя Богородицы, и ихъ оугодииковъ трев святитель, и молитвами преподобнаго чудотворца Ефросина.

Чудо 6-е о Галасіи ильнянкѣ.

Нѣкто быше старецъ, жилище имѣя во обители святаго чудотворца Ефросина, именемъ Галасій, ильнянкѣ

сий, ильнянствою одержимъ быше. Сему же Галасію, по дѣйству діаволю, случися болѣзнь тяжка зѣло: наде на руку его струи велии, еже согнати всей рудѣ его, и лють смрадъ всхожаше изъ руки его, еже не ноци никомуже приблизитися ко одру, идѣже лежаше въ больницы. И непрестанно ему вопиющу день отъ дни со слезами и молящуся Спасу и пречистой Богородицы о своихъ согрѣшеніи и о исцѣленіи болѣзни, и призываше на помощь преподобнаго чудотворца Ефросина, чтобы исцѣленію получить отъ болѣзни той; и абие оусну мало, и видитъ преподобнаго Ефросина пришедша въ больницу и глаголюща: о чемъ мя призываеши, старче? Омоу же рекшу: о честный отче святѣче Божій, помоли о мнѣ грѣшнемъ, чтобы Богъ исцѣлилъ мя твоими святыми молитвами отъ горкия болѣзни: весь расслабленъ и гноенъ лежу. И въ томъ часѣ святой коснуся болной рудѣ его, и крестомъ огради, и рече ему: останися отъ ильнянства безнѣрнаго, то примнеши исцѣленіе отъ болѣзни той. Старецъ же, возбужъ, и повелѣ себя въ церковь нести, и тамо молебная благодаривъ Спасу и Пречистыя и тріемъ святителемъ, и въ томъ часѣ исцѣленіе получи старецъ отъ болѣзни той, молитвами преподобнаго чудотворца Ефросина.

Чудо 7-е. О Исаіи понамарѣ ток же обители.

Сему же Исаію понамарю нѣкогда нашедшу изъ церкви послѣ навечернаго пѣнія, и видѣ нѣкихъ отъ братіи безчинствующихъ, втай ниюще и ильнянствою содержки. Той же Исаія, о немъ же намъ повѣсть, бѣсомъ позавиденъ бысть, и виде къ нимъ і такоже нача съ ними пити, и ума вѣступль, и прииде на заоутреннюю, и нача бѣсноватися, і нехѣны глаголы странны глаголаше. Ігуменъ же повелѣ его желѣзы связати. Сему же ни мало смыслащу, во горшее востуже его бѣснованіе. По малѣ же отрѣшися отъ желѣзъ тѣхъ, и нача отъ монастыря бѣжати въ годъ зимы, и никимъже брегомъ бысть за его лютость. И забѣжавъ въ Толдогу въ Корѣльскую землю, і нача сѣто

вати отъ многого толцання и гладу и мразу, и прииде ему въ мысль о чудесехъ блаженнаго Евфросина, и нача призывать его на помощь. И въ томъ часѣ слышитъ гласъ, жонущъ по немъ и глаголющъ: Исае, Исае, возвратися и иди въ монастырь мой, отиудужо изшелъ еси, и тамо исцѣленіе приимеши. Старецъ же слыша гласъ той и якоже видѣ, и бысть во оужасѣ величѣ. И по семъ нача въ чюство приходити, и оттоле смысленъ идо въ Великій Новъградъ. И прииде къ боголюбивому Макарію архіепископу, и благословися отъ него, і повѣда все по ряду, сотворшеся надъ нимъ, и како исцѣленіе получи на пути отъ преподобнаго чудотворца Евфросина. Архіепископъ же прослави Бога и чудотворца, и наказавъ его о ползѣ душевной, и даде ему свитку и мантию, и повелѣ ему итти въ преподобнаго обитель, отиудужо изде. Онъ же вземъ благословеніе отъ архіепискона, и дойде обители преподобнаго. І тамо прииде, повѣда игумену и братіи, како исцѣленіе прія на пути отъ преподобнаго. Игумень же и братія прославиша Бога и пречистую Богородицу и преподобнаго чудотворца Евфросиа. Старецъ же той пребысть въ добрѣ исповданіи и до исхода душа своя въ преподобнаго обители. До адѣ прократитъ слово, но на подлежащее възидеть.

Чюдо 8-е. О Германѣ будилникѣ.

Баше убо иткій старецъ будилникъ въ трисвятельскій обители, имененъ Германъ. Сему же Герману будилнику болящу ногою, и отъ великіи болѣзни согни ему вся нога его. І много моля святаго чудотворца Евфросина, и призывая его на помощь о изцѣленіи ноги своея, и во одну отъ ноцей глаголавъ молитвы своя старецъ, правило келейное, и возлегъ почити мало на одрѣ своемъ, и въ первую стражу ноци отъ лютыя той болѣзни въ тонокъ сонъ прииде; и явися ему святыи очивѣсть свѣтообразенъ и сѣдины одержитъ, лице его яко солнце сияше, і глагола: Германе, чѣмъ болиши? Старецъ же отвѣщавъ: господи, нога моя болитъ зѣло; отчо, помилуй мя грѣшнаго и исцѣли

мя отъ болѣзни сєя; възъ, милостиве, яко не презреть Господь молитвы твоя! Святыи же въ томъ часѣ нача глядати по возѣ его, и глагола: възстани, брато, и помолися пречистую Богоматери и трисѣ святителемъ, и преподобнымъ отцомъ Авуфрею и Петру, и служи во обители моей съ вѣрою, то приимеши исцѣленіе отъ болѣзни своея. И ту святыи увидитъ бысть отъ него. Старецъ же, восприявъ отъ сна, и ощути собя исцѣлѣвша. І повѣда игумену и братіи посѣщенію святаго и исцѣленію отъ болѣзни своея, молитвами чюдотворца Евфросина. Они же прославиша Бога и пречистую Богоматерь, и трисѣ святитель, и преподобнаго чюдотворца Евфросиа.

О разбойницѣ Василен. Чюдо 9-е.

Ниже сєя чюдеса блаженнаго отца Евфросина полчанію предава будутъ. Чоловѣкъ иткій жилищу итѣя во граде Псковѣ, Василенъ имененъ, зѣвомай Тѣснѣочи; чоловѣкъ же той лютъ зѣло, и многою дружиною ходише на злое свое дѣло, и спроста рещи: крадмъ и разбой творя, чоловѣка губише безъ милости. І вси людие бояхуса его за его лютость, не токмо во градѣ, но и въ весехъ. По времени же прииде на него боже наказаніе очная болѣзань, закупъ же оубо со оною болѣзнію вскорѣ и зракъ ото очию погибе, еже ни мало ему видѣти. Дружина же его вся разыдохася отъ него. Василенъ же той, о номъ же хошу вашей любви повѣсть прострети, видѣ себе слѣпотою одержима, ни мало видаща, і нача плакатися грѣховъ своихъ, еже сотвори, и вземъ итѣніе свое, елико итѣлаше, принесе въ преподобнаго чюдотворца Евфросина обитель. І тамо прія ангельскій образъ отъ пастыря обители тоя игумена Филофея, и покася отъ злыхъ своихъ первыхъ наукъ. И итѣкогда ему стоящу въ годѣ люторгнѣ въ намерти церковномъ, плачущися слѣпотѣ своей и согрѣшеніе свое исповѣдающе къ Богу и Пречистой его Матери, і призываше на помощь преподобнаго чюдотворца Евфросина о исцѣленіи слѣпотѣ очию своею. І се веззаны по очемъ махну старца невиданно яко воскреси-

явель ризь. И въ томъ часѣ вересну старецъ якоже можаше, и прозрѣ благодатию Христовою и молитвами чудотворца Евросина. Братія же стекшася вся къ нему и видѣша прозрѣвша слѣнаго, и начаша вопрошати вины вопля его. Онъ же повѣда братіи вся по ряду, како моляшеся о согрѣшеніи своемъ и призываше на помощь преподобнаго чудотворца о исцѣленіи слѣноты своей, і како махну по очемъ воскрилемъ ризь. Братія же вся прославиша Бога и пречистую Богородицу, и преподобнаго чудотворца Евросина, припишаго такую благодать отъ Бога исцѣленія. Старецъ же пребысть видя и до исхода душа своя, молитвами чудотворца.

Чудо 10-е о Иванѣ Шанскомъ, како исцѣль его святый отъ огненны болѣзни.

Нѣкогда же убо сему Ивану велможи зовому Шанскому, приишю Псковскіе земли діачества жалованіе отъ самодержца великого князи Василія Ивановича и во власти сый, не разумѣ будущаго суда на себѣ, якоже рече Иванъ богословъ въ епистолихъ своихъ: братіе, всяка власть дается отъ Бога, оуможе хощеть вышній; пророку же глаголющу: во чти сый не разумѣ, приложися скотомъ бессмысленнымъ и уподобися имъ. Предреченный же той Иванъ, о немъже нашь слово, безъ милости нача у христіанъ виѣвнѣ грабити насиліемъ. Прииде же и на пречестную обитель преподобнаго чудотворца Евросина, и великую бѣду доспѣ насиліемъ обители преподобнаго. Игумень же и братія начаша Господу Богу и пречистой Богородице и преподобному чудотворцу Евросину молитися о его спасеніи, заповѣдь исполняюще учителя Христа, якоже рече; любите враги ваша и добро творите ненавидящимъ васъ, и за творящая вамъ пакости молитесь. І абіе предпомянутый велможа присмелеть отъ Бога наказаніе молитвами преподобнаго чудотворца Евросина: впаде во огненую болѣзнь люту зѣло, взмале живота ему не погрешившу; и вѣвъ сердоболемъ отчаявшимъся живота его, и бысть плачь о немъ неутѣшимый въ дому

его. Сердоболемъ же уже гробная готовящимъ, и се ввезашу больный проглагола, и повелѣ себя въ трисвятельскую обитель отвести къ предобному чудотворцу Евросину. І та молебная благодаривше оу гроба чудотворцова игумень и братія, и святою водою кропиваше его, и въ томъ часѣ исцѣль больный отъ болѣзни той, молитвами трехъ святителей и преподобнаго чудотворца Евросина, и грабленос отдаде обители, и братію оучреди довольно, и отъидо здравъ во свои, славяще Бога и пречистую Богородицу и трехъ святителей, и преподобнаго чудотворца Евросина.

Чудо 11-е. О Леонтіи, како исцѣли его святый отъ волѣзни.

Нѣтъ человекъ бѣше именемъ Леонтіи, жилище нѣтъ во градѣ Псковѣ на Званицы. Сему же Леонтію случиса болѣзнь тяжка зѣло, расслабиша вся уди тѣлеса его, и не можаше ни мало двинутися со одра своего. И въ тое болѣзни три лѣта ему стражашу, и все виѣніе свое, елико виѣваше, раздая врачемъ, и ничтоже ему оуспѣ, но наче горшее постиже его. И нача молити нѣкихъ христіанъ ради отвести себя въ Елиазарову пустыню, въ Трисвятительской монастырь къ преподобному чудотворцу Евросину. Сему же бывшу, и тамо прія ангельскій образъ. И день отъ дни лежащу ему въ болницы і святому молящуся о исцѣленіи болѣзни своей, і се ввезашу явися святый чудотворецъ Евросинъ, наіонемъ и крестомъ огради его, и луку навъ трикраты и глагола ему: «Леонтіе, во имя Иисусъ Христа востани и иди въ церковь трехъ святителей, и помолися Спасу и пречистой Богородице и тремъ святителямъ, и тамо исцѣленіе приишши.» И отъ того часа болный вста самъ о себѣ, слава Бога, і доиде цркви трехъ святителей. І тамо молитводавію бывшу, і ту до конца исцѣль старецъ отъ болѣзни той молитвами чудотворца Евросина. И вси ту сущіи прославиша Бога и пречистую матеръ его, и угодинокъ ихъ трехъ святителей, и святаго чудотворца Евросина о необычномъ чудодѣствіи святаго отца.

Чудо 12-е. О князѣ Михайловѣ слугѣ Василіи.

Бысть оубо князь итїи именемъ Михайла Кубскїи. Сей же князь Михайло содержаше градъ Псковъ во время свое, по великого князя Василіа Ивановича всея Русїи жалованію; въ тоже время сего князя Михайла слугѣ именемъ Василію Якимову твунство содержащу во градѣ томъ. Сему же Василію болѣзнь случися тяжка зѣло, яко все тѣло его опухло быше отъ главы и до ногу. И азѣ стража въ болѣзни той день и ночь, и видитъ оуже себе къ концу приближающася, и обѣтъ положи во оумѣ своемъ обещася во иноческїи чинъ въ трисвятительскїи обители, въ началствѣ преподобнаго чудотворца Евросина. По семъ же оубо предироченный Василію молитъ господина своего князя Михайла о отпущенїи во иноческїи чинъ въ Елизаровъ монастырь. Князь же той видитъ слугу своего Василіа ели жива суща, і повелѣваотъ его отвести въ ладїи въ трисвятительскую обитель, і тамо пострици во иноческїи чинъ. Сему же Василію отвезону бывшу во обитель трехъ святитель большу сущу, і вскоре болный велитъ себя положить предъ гробомъ чудотворца Евросина. Сему же бывшу, и молитъ игумена и весь клиросъ и братїю молитву сотворити о исцѣленїи своемъ. Игуменъ же и священники надъ болящимъ начинаютъ молебнъ святае Богородицы и чудотворцу Евросину, и отголѣ болный нача тишатн; игуменъ же и братїа начаша пѣти: «владычце, прими молитву рабъ своихъ». И въ томъ часѣ болный повелѣ себя въздывнути съ мѣста, на немъже лежаше. І стоя до отпѣвїа молебнаго у гроба чудотворца, плачяся грѣховъ своихъ, і самъ отъиде въ келїю, и видѣ же водимъ, радуяси и слава Бога и пречистую Богородицу и чудотворца Евросина о исцѣленїи болѣзни своея, и обѣщася дати многу милостыню въ домъ тремъ святителемъ на украшенїе церковное. И нехота отъ слугъ Васильевыхъ возвѣстити господину его князю Михайлу о исцѣленїи Васильевѣ, господинъ же зна-

лися велики по слугѣ своемъ, и повелѣ его въ тотъ часъ привести къ собѣ непостриженна. Посланникъ же отъ князя Михайла взяша его съ нужою во мнозѣ рыданїи и слезахъ, бывшихъ о исполченїи чину жившоскаго, еже обѣщася во обители святаго чудотворца Евросина прияти образъ иноческїи. Посланникъ же взяше Василіа, и повезоша и господину его. І добѣвшу посланнымъ близъ Николы, еже зовется на Устин, и дыханїю вѣтроному велию бывшу отъ езера, оного же Василіа въ томъ мѣстѣ болѣзнь постиже горши первыя, и одинако ему вопїюще и призывающе на помощь чудотворца Евросина, и ни мало ему отрады бысть, но наче болѣзнь множащася въ немъ, посланникъ же едва возмогаша до господина довести ели жива суща болящаго. І повѣдаша вси приключившася надъ Васильемъ на езерѣ. Господинъ же Васильевъ, каяся много о возвращенїи его изъ преподобнаго чудотворца Евросина обители, и въ томъ часѣ повелѣ его господинъ пострици во иноческїи чинъ, и ту Василію конецъ житїю приять, и положенъ бысть во обители святаго великомученика Димитрія. До здѣ прекратнмъ слово. Но на предажащее возвратнмса.

Чудо 13-е. О дѣтици Борисѣ Игнатїевѣ.

Бѣ итїи человекъ, бышо отъ болгарска роду именемъ Игнатїе, еже зовется Неполскїи. Сей же Игнатїе имѣаше вѣру велику къ тресвятительскому монастырю и къ преподобному чудотворцу Евросину. Сего же Игнатїа дѣтицу Борису именемъ пришедшу во обитель преподобнаго чудотворца помолитсся, и тамо его постиже болѣзнь огненная тяжка зѣло, и въ той болѣзни вскоре и оумѣ ему погрѣшиса по дѣйствию дьяволю. И лежашу ему одному въ келїи, братїа же вся изыдоша къ итїи къ церковному. Пронирливый же врагъ дьяволъ, ненавистникъ роду человекю, хотя оного отрока, о немъже намъ слово, напрасныя смерти предати, а отца его во отчаянїю привести и отъ вѣры ангельскаго образа, і ту явися больному отроку дьяволъ страшнымъ и грознымъ образомъ, устрашающа отрока, хотя

смерти предати. І абю отрокъ напругно похватає со одра, на немъже лежашо, кинуся во оконце отъ двукровища; и въ томъ часѣ предста предъ нимъ старецъ свѣтообразенъ сѣднимъ оумноженъ, брада ему доле персей башо. І абю прима отрока, не даде ему оударитися о землю, і постави отрока посреди церкви невидимо смыслена, и повелѣ ему молитву творити. Братія же, опутваши отрока въ церкви смыслена, і начаша вопрошати: кимъ образомъ вѣдо въ церковь и како вѣс келія влече, а кельѣ замченѣ сущи? Отрокъ же повѣда имъ вся подъ радъ, како случися ему отъ дьявола и како прима его старецъ свѣтообразенъ, сѣднимъ оумноженъ, и постави и у церкви, и помолитися велѣ. Братія же начаша вопрошати отрока: знаеша ли его, каковъ бѣ образомъ? Отрокъ же той, о немъже намъ слово, нача мовати въ братіи такова старца, явшагося ему, и не узрѣ тѣмъ образомъ. Братія же приводоша отрока того по образу великаго чудотворца Ефросина, иже на гробѣ его написанъ; отрокъ же узрѣ образъ чудотворцовъ, и рече братіи: во истинну сеі святый явнився мнѣ, и животъ ми дарова. И въ томъ часѣ отрокъ облобыза образъ святаго чудотворца съ вѣрою и желаніемъ сердца, и вси ту сущіи нивси видѣше чудо то, и прославша Бога и пречистую Богородицу, и преподобнаго чудотворца Ефросина, и молебная благодаривше о исцѣленіи отрока, и святою водою кропивше его. Отрокъ же то исцѣленіе и до конца получи молитвами святаго чудотворца. Отець же отрока того предреченный Игнатіе, слыша сына своего исцѣлѣвша молитвами святаго чудотворца, радостію объятъ бмъ, благодареніе воздаше Богу и того пречистой Богоматери, и святому чудотворцу Ефросину. Но малѣ же отецъ отрока того Игнатіе сподоблестя ангельскаго образа въ преподобнаго обителя.

Чудо 14-е о женѣ, одержимей слѣпотою.

Жена стеча вдовыствующи въ послѣдней ищцѣѣ живише, слѣпотою одержима очною, сеі ни мало видѣти свѣта, живише пѣлѣше близъ обителя преподобнаго.

Жена же та слыша отъ вѣбкихъ о преподобномъ чудотворцѣ Ефросинѣ, иже ого ради святыхъ молитвъ дасть Богъ исцѣленіе отъ гроба святаго чудотворца съ вѣрою приходящимъ и призывающимъ имя его святое. Жена же та предреченная, взонши свѣщи и емишавъ и просвиры отъ своєя силы, і отводиша бѣ вѣбими христомлюбцы до монастыря святаго отца, на празденство преподобныхъ отецъ Ануфрея волыкаго и Петра Леоньскаго, и ту предъ враты монастырския стояше до отиѣвша литургия, плачаша и молиа о слѣпотѣ своєй, и призывая Спаса на помощь и пречистую Богородицу, и преподобныхъ отецъ Ануфрея и Петра, и святаго чудотворца Ефросина. И въ томъ часѣ везану прозрѣвіе получи у вратъ монастырскихъ молитвами преподобныхъ отецъ и чудотворца Ефросина, и отъяде здрава во своєси, радуєся и слава Бога и пречистую Богородицу, и преподобныхъ отецъ, и святаго чудотворца Ефросина, о прозрѣвіи слѣпотѣ своєй.

Чудо 15-е о дьяконѣ Павлѣ.

Дьяконъ иѣкто башо именовъ Павелъ, зовомый Косаркинъ. Сеі прииде отъ Московскія страны во обитель трисвятительскую жителствовати, и ту ему пребывающу и дьяконьская дѣйствующу. Башо же обычай монастыря того: во вся дни нивси прахождаху ко гробу преподобнаго чудотворца Ефросина, и тако истаніе творяху и отхождаху кождо въ келія своя, и нивси же на дѣло монастырское. Сеі же Павелъ предреченный, о немъже намъ слово, зѣ братією назде изъ церкви. Братія же начаша истанія творити у гроба святаго чудотворца Ефросина, Павелъ же той возвысися высокоуміемъ своимъ, и не поклонися гробу чудотворцову, но вохули святаго, глаголя: по подобаетъ святымъ называти шужика, ни поклонятися ему! І въ той день шедшу ему възъ трапезы зѣ братією послѣ яденія трапезнаго, и се везану потхуся, паде, и нога изловися ему предо вѣбви. І нача вопити елико моваше, со слезамъ глаголя: Господа ради, братіе, отнесите на ко гробу святаго отца Ефросина; согрѣшихъ

къ Богу и къ чудотворцу Евфросиу похуленіемъ своимъ. Братія же начаша вопрошати: кою виною паде и изломися нога ему? Онъ повѣда вса по раду, глаголюи: и се нѣкто ззади оудари мя аки древомъ, и поткнухся, и падохъ, и изломися нога моя, і нинѣ, господне мои, помолитесь о нѣ грѣшнемъ Богу и пречистой Богородицы и преподобному чудотворцу Евфросиу, да негли вашими молитвами исцеленію прииму. Братія же положиша болнаго оу гроба святаго, и молебень пѣвше Спасу и пречистые Богородицы и чудотворцу о исцѣленіи болящаго. Болный же въ томъ часѣ нача тишети отъ вопля, и каятвся грѣховъ своихъ, еже согрѣши похуленіемъ, і призываше на помощь святаго чудотворца. Братія же отнесоша болнаго въ келію. І по малѣ же исцелѣ отъ болѣзни тот болный молитвами святаго чудотворца Евфросина, и нача скакати яко елень и славити Бога, и тріохъ святитоль и преподобнаго чудотворца Евфросина. До адѣ прекратитъ слово, но на подлежащее взмдемъ.

Чудо 16-е о жинѣ Нуліанѣ, како исцѣли святый отъ очныхъ болѣзней.

Жена нѣкая именемъ Нуліана нѣкогого бѣ иконописца именемъ Семіона. Сей же Оудіане случися очная болѣзнь тяжка зѣло, и отъ великіа болѣзни око ей десное заступи бѣломъ, ей же ни мало видети свѣта, и много врачюмъ издалъ мѣдѣи своего, и ничтоже оусѣишю, но наче горшее постиже ю. Муж же ея предиреченный Семіонъ оумысли совѣтъ благо, и понаву о чудесѣхъ святаго князя Всеволода, а о свѣтѣ же Евфросине бысть в' сунѣтніа, яко не вѣрно быти о святаго чудесѣхъ, и повелѣ жинѣ своей ити ко гробу чудотворца Всеволода. І тамо молиτωавъ, и знаменася у гроба святаго чудотворца Всеволода. По малѣхъ же днехъ оумысли мужъ ея Симеонъ написати образъ чудотворца Всеволода на иконѣ, и съ нимъ написати преподобнаго отца Евфросина, и постави въ дому своемъ. И тое ноци видѣ жена та, о нейже наивъповѣсть, раку преподобнаго отца Евфросина, и образъ

его на раке, якоже и на иконѣ пишется, и много много обстояще раку святаго и поимце, и нѣкто отъ инокъ тѣхъ образомъ бѣ благочиненъ и страшенъ. Приступи къ жинѣ той, рече: приложися образу святаго отца Евфросина, и призывай его на помощь съ вѣрою со блаженнымъ Всеволодомъ, и исцѣленіе приимеши молитвами ихъ. Жена же та, восприимувъ отъ сна, и бысть во оужасѣ велице о недоумѣннѣхъ видѣніи. І повѣда видѣніе его всѣмъ вже ту сущимъ въ дому ея. Они же прославиша Бога и пречистую Богоматерь, и святыхъ чудотворецъ. По малѣ же исцелѣ жена та отъ недуга тяжкаго, молитвами святыхъ чудотворецъ Всеволода и Евфросина. Сие же чудо сотворишесся бысть въ лѣто 378, мѣсяца генвара въ 28 день.

Чудо 17-е о Александрѣ ключникѣ.

По семъ же нѣтъ человекъ нѣкто именемъ Александръ ключникъ князя Ивана Гагарина, отъ-веси Мелитціе, сему же Александру случися по дѣдству диволоу ума изступити. Господнѣ же много издаше врачюмъ мѣдѣи своего о его избавленіи, и ничтоже оусѣишю ему, но наче горшая постигоша предиреченнаго Александра, и нача кричати и вопити елико можахе жероглонъ своимъ; но онъ бо кричаше, но живымъ въ номъ бѣсъ оусты его кричаше: гласы бо нѣкия странны и страшны испущаше, иногда же и пѣніа нѣкая страшна и грозна моаше, і очи же его базу кровавы, оустрашающе всѣхъ, видѣніе же его измѣнилося, и сего ради страшенъ и страненъ всѣмъ быше и люте, и никтоже отъ пріателей его смѣише приближитися къ нему; всѣхъ бо быше, і огда отъ многихъ оудержимъ бываше и связанъ желѣзы. Господнѣ же его князь Иванъ недоумѣавше о семъ, что ради случися ему такова напасть отъ бѣсовъ, и въ велицѣ скорби бысть; но наки слышитъ господнѣ его отъ нѣконъ богобоязньныхъ мужей о преподобнемъ Евфросинѣ, какову благодать Богъ ему даде изцѣленіа, не токмо при животѣ его, но и по смерти, святыхъ

радї его молитвъ. якоже рече Господь: прославляющїа бо мя, рече, прославию и пакы прославию, яко же сего свѣтлїника блаженнаго отца нашего Ефросина пакы прослави — при животѣ его, тако и по преставленїи чудеса одари, яко ко источнику съ вѣрою притекати ко гробу его святому, яцѣмъ же недугомъ одержимъ, всѣмъ исцѣленїе равно принимати молитвами его святыми. Додѣ прекратитъ, во на предлагаеще возвратитися, о немъже намъ слово. Господи же его князь Иванъ повелѣ слугамъ своимъ отвести его въ трисвятительскую обитель ко гробу преподобнаго чудотворца Ефросина. Босноватого же едва нужею привлекоша во обитель преподобнаго; игуменъ же, и священники, и вси братїи начаша молитися Господу Богу и пречистой Богородици, и трїемъ святителямъ и чудотворцу Ефросину о беснующемся, и молебная благодарнше, и крестомъ животворящимъ знаменоваше его и образомъ преподобнаго, и святою водою кропивше его, бѣсновавый же нача тишати, и въ чувство приходити, и молитву творити Исусову. Но малѣ же исцѣлѣ отъ боснованїа во обители трїехъ святителей и до конца, и отъиде въ домъ къ господину своему, радуясь и слава Богу и пречистую Богородицу, и преподобнаго чудотворца Ефросина. Господи же той о исцеленїи слуги своего весьма благодарнъ Бога, и его оугодника чудотворца Ефросина, и оучредивъ братїю довольне.

Чудо 18-е преподобнаго отца нашего Ефросина
о ѡзкомъ иноцѣ.

Нѣкій инокъ, постриженїе имѣа въ трисвятительскїе обители, въ началѣхъ преподобнаго отца Ефросина, і обща во оутѣ своемъ зъ желанїемъ сердечнымъ къ преподобному: ему же не отъити отъ преподобна обители и до разлученїа душа своя отъ тѣлеси. Инокъ же той, о немъже намъ повѣсть, нача жити выдержательно, якоже обычай есть монастыря того, по уставу преподобнаго отца Ефросина начальника. Ненавидѣи же добродѣтельнаго житїа злохитривый дья-

волъ, врагъ роду христіанскому, различная искушенїа наноси, человекотъ, многїа сѣти своя простирая еже бы отлучити отъ Бога и привести ко отцу своему Сатанѣ і мучитися въ геснѣ зъ бѣсы во вѣки и на вѣки. і вложи сему иноку въ мысль, еже въпасти во отчаянїе и бежати отъ обители преподобнаго, аможе хочеть. Сему же бывшу, а отчаянному бѣсу радующуся о овьведенїи инока во отчаянїе, по семъ же прибѣже инокъ той въ рыболовное мѣсто, зовомо Талавско. і ту его ятъ болѣзнь люта зѣло, еже въмалѣ живота ему не погрѣшившу. Но милостивый Богъ, не хотя созданїа руку своею погубити, но хотя всѣмъ человекотъ спастися, въ разумъ истинный прїати і всякими притчами павшая въ грѣхъ человекїи приводя къ собѣ, на мѣстѣ же томъ, идѣже болный лежалъ инокъ, о немъже прежде помнухомъ, и ту явися болному иноку очивѣсть скорый въ помощїи и отчаяннымъ заступникъ великій чудотворецъ Ефросинъ, попеченїе имѣа о заблудшихъ, повелѣвающе ему возврати(т)ися во обитель, отнюдуже изыде. Инокъ же болный, воздѣвъ очи свои, и видѣ преподобнаго старца стояща предъ нимъ, и познаеть, якоже на иконѣ пишеться. і се глаголаше святыи къ нему: иди, брате, во обитель мою, и останися отчаянїа, и исполни обѣтъ свой, еже общася пребыти не исхода и до отшествїа душа своя отъ святыхъ обители, и покайся къ Богу о своихъ согрѣшенїи; всѣхъ, брате, щедроты Божїа, яко кающахся вѣрою прилежеть и призывающихъ его часто совѣстїю близъ обрѣташеся; но иди безъ сумнѣнїа во обитель мою, і тако исцѣленїе примеши отъ болѣзнь своя, но и прощенїе грѣховъ получиши, аще покашися. Инокъ же едва дерзну рещи ко святому, глагола: господи мой, во шоту ни двинутися, болѣзнь тяжка обдержаше на зѣло. Святыи же чудотворецъ, приступивъ къ нему, и прекрестн крестнымъ знаменїемъ и осяза рукама главу его, і рече: во имя Отца и Сына и святаго Духа, отиши буди здоровъ, и иди въ мою обитель и работай владыцѣ Христу и пречистой его матери. И ту святыи псевидѣ бысть отъ него, и

въ томъ часѣ исцѣленіе пріишло вънокъ отъ болѣзни молитвами чудотворца Евросина, и прослави Бога и пречистую Богородицу, и святаго чудотворца Евросина, отъиже во обитель святаго, и покася о согрѣшеніи своемъ, и спасе душу свою. І мало пребывъ въ иредобнаго чудотворца обители, престався къ Богу въ вѣчную жизнь.

Чудо 19-е, новѣйшек, иредобнаго отца нашего Евросина.

Егда бысть благочестивый и благовѣрный великій князь Иванъ Васильевичъ Владимерскій и Московскій, и Новгородскій и Псковскій, і всеа Русія і съ нимъ братъ его благородный князь Георгій, въ господствующемъ граде Москвѣ, тамо нимъ живущимъ, въ тоже время правящу кормила церковная въ Великомъ Новѣградѣ архиепископу Макарію, нужу въ добродѣтели иредзрадну, бысть же въ та лѣта въ великого князя области въ богохранимомъ градѣ Псково, въ немъ бѣ монастырь славенъ зѣло, домъ трисвятитель вселенскихъ, зовомый Елизаровъ, отстоящъ отъ града того двадцать и пять поприщъ, надъ Толвою рекою. Въ томъ же монастырѣ баше иредобный начальникъ Евросинъ чудотворецъ, многа отъ него чудеса бывають і многа исцѣленія отъ гроба его съ вѣрою приходящихъ. Къ сему же иредобному чудотворцу нѣмаше вѣру вѣкій человекъ изъ града Пскова именовъ Нюда, богальствомъ княи и вѣсми доволными потребани, і много нѣмаше даше монастырю его на соруженіе и на потребу братія. Случися ему пьаньственнымъ недугомъ объату бышу безъ воздержанія, і видѣ въ него нечистый духъ, оума ему изступившу и неподобная глаголющу не токмо человекомъ, но и Богу и святымъ его. Не онъ бо глаголаше, но живый въ немъ бѣ оусты его глаголаше. И отводятъ его, и привязують къ колокольни, за его лютость и неистовство. Въ постъ же святыхъ апостолъ Петра и Павла, братіямъ поющимъ всенощное на рождество Ивана Предтеча, а оному бѣсящуся, і абіе видятъ бѣсновавый сѣтъ пре-

чудевъ отъ оного шѣта, идѣже лежатъ ноци иредобнаго Евросина чудотворца между двѣма церквами, и во свѣтѣ томъ видятъ старца идуща болятина, сѣдны оуграшена, желъ въ рудѣ ищуща. И пришедъ къ бѣсновому, росгна демонскій полкъ отъ него: бѣсновому же въ чюство пришедшу, і глагола ему иредобный чудотворецъ: Что стражеша, человекъ, отъ смѣхъ нечистыхъ духовъ? Молися Спасу и Пречистой Его Матери, и тріемъ святителемъ вселенскимъ, и иредобнымъ отцемъ Ануферю и Петру Авоискому, и несе призывай на помощь, і оставися отъ такового безвѣрнаго пѣнства, и вѣруй отъ всего сердца Господу, и общаеся въ носѣ обители ангельскій образъ пріяти, і исцелитъ тя Господь отъ болѣзни сея злыя: сие человекомъ приходитъ по напросивству дияволу, отъ нечистаго духа страдати безъ воздержанія живущимъ. І абіе иредобный въ томъ часѣ увидѣвъ бысть отъ него. Братіямъ же отъ заутреняю изшедшимъ, бѣсновавый въ чюство приходитъ, и призываетъ къ себѣ братію, і самъ повѣдаеть пастырю обители иредобнаго игумену Пилу, тогда ему держащу власть обители той. По семъ же и всей братія повѣдаеть бѣсновавый, аже видѣ и слыша отъ иредобнаго чудотворца, и исцѣленіе получи молитвами иредобнаго. Ігуменъ же Пилъ повелъ его отъ колокольни отрешити, и вшедши, знаменаша его оу гроба иредобнаго старца Евросина. Сему же бывшу, і въведоша его въ церковь, и молебная благодаривше игуменъ и священники, таже и вся братія о исцеленіи бѣсноватаго и животворящимъ крестомъ знаменаша его, и святою водою кропивше, и до конца исцеленіе получивше ему, молитвами иредобнаго чудотворца Евросина, и отведоша его въ келію. По мале же времени і самъ сподобляеться въ иредобнаго чудотворца Евросина обители инокческаго пребыванія.

О возлюбленіи, дерзнухъ сие написать чюдо, еже слышахъ отъ многихъ монастыря его, да не оставеть безъ памяти таково оудивленіе, еже на немъ удвои Господь милость свою, і дарова намъ таково

свѣта чужа видети, и велика старца, иже бысть во дни наша. І восхотѣхъ оумолчати многогрѣшный и грубый и скудный оумочъ сего чюдо преподобнаго Еѳросима, якоже предѣ рекохомъ, но помянухъ оного раба, съкрывшаго талантъ господина своего, прикупивъ не сотворша, и осужденъ бывша. Но обаче внутрь желанію нудитъ мя глаголати, а недостойнство мое запрещаетъ молчати, помыслъ болѣзненный предвѣщаетъ, воля ми глаголати, скудость оума заграждаетъ уста, воляще ми оумолкнута. І понеже обдерживъ есмь и побѣждаемъ обѣма нуждами, но обаче лучшии ми есть глаголати и на свидѣніиъ вашей любви возложити, еже бысть, да прийму пою мало ослабу и почию отъ многихъ помысли чучающихъ мя. І слышашахъ отъ многихъ, и написашахъ сие чюдо, и положихъ адѣ въ худеиъ нашихъ грѣхословіи, въ славу и честь свѣтлей и животворящей и нераздѣлихѣи Троицы, Отцу и Сыну и святому Духу, и пречистой его матери, и на похвалу преподобному отцу нашему Еѳросиму, худымъ своимъ разумомъ и растлѣннымъ оумочъ. Памяче оусумилѣхся, держа надѣяся на молитву блаженнаго отца, многа же и низя повѣсти достойна чюдотѣиия свѣтаго чюдотворца пренинухъ множества ради. Земля оубо широта, моря же глубина і свѣтлыхъ чюдеса несклетна суть. Но, о пастырю и паставичю нашъ добрый, великій чюдотворче Еѳросиме! Помени

чада своя, еже собра мудре, и не забуди, якоже обѣщася, но соблюди Богомъ дарованное ти стадо, и посецай чадѣ своихъ, яко чюдолюбивый отецъ, и не презри чучущихъ върою и любовию пречестное и многоградостное оупонію твою, защити и соблюди отъ находящихъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ, православнаго царя великаго князя, Імперокъ, самодержца всеа Великіа Русіи, і сохрани вся благогрѣшныя князья и бояре, и христолубивое воинство, иже Рускою землею нечучущихся, отъ врагъ нечавѣтованныхъ быти ихъ, и покори всеа Агарявскія вичуцѣ подѣ ноуѣ чхъ, и избави ихъ нежкоусобными брани; архирѣя же и свѣтителя, іже твое преставленію присно славацаго, и освѣти и всакихъ навѣтъ лукаваго избави, уцеломудри, и всеа православныя христіане спаси отъ Латышества и Безсерисчества, еже имъ во Христовѣ въре несподанжникомъ быти и до скончания вѣка. І поне многогрѣшнаго и лениваго сивреннаго раба Божіа Василія помени, написавшаго малое сие грѣхословіе о твоесѣ по Бозѣ добродѣтелинохъ житіи и о чюдесехъ. Да твоими молитвами въ разумъ истинный приидеиъ и избавиися вѣчныи муки, и царствія небеснаго сподобися о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашехъ, оуже слава со безначальнымъ его Отцомъ, и съ пресвѣтымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

ПРИМЪЧАНІЕ.

Въ Русской духовной жизни была и есть та своеобразность, что обрядная, наружная сторона Церкви представляет собой не только выраженіе, но и источникъ внутренняго благочестія. (Церковь требуетъ взаимнаго союза внутренняго со внѣшнимъ: и то и другое прилично и нужно). Уклоненіе отъ известнаго способа выразить обряднымъ образомъ сущность религіознаго понятія, признавалось за извращеніе самого понятія, такъ что не допускалась возможность, чтобъ человѣкъ могъ оставаться чистъ по своимъ благочестивымъ убѣжденіямъ хотябы и заблуждался въ избраніи удобнѣйшаго и приличнѣйшаго способа ихъ выразить во внѣшности. Это мы видимъ и въ настоящей повѣсти. Вопросъ объ аллилуйи разсматривается не какъ просто обрядовый, а какъ вопросъ догматическій. Если такой или иной способъ чтенія аллилуйи признавался выражающимъ понятіе о святой Троицѣ, то иной способъ служилъ поводомъ къ обвиненію въ неправоуности пониманія самаго догмата о пресвятой Троицѣ. Многие не умѣли отличать неправоуности выраженія мысли отъ неправоуности дѣйствительнаго убѣжденія.

Православная церковь принимала издавна, что слѣдуетъ въ богослуженіи читать тройную (трегубую) пѣснь аллилуйа, то есть: аллилуйа, аллилуйа, аллилуйа, слава тебѣ, Боже! Но на Руси составилъ самопроизвольный обычай у нѣкоторыхъ—вѣсто трехъ, говорить два раза: аллилуйа, аллилуйа, слава тебѣ, Боже. Когда именно сталъ появляться впервые этотъ обычай, мы указать не въ состояніи. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ древнерусской письменности сообщилъ намъ, что онъ видѣлъ перга-

ментную богослужебную книгу въ Троицкой-Сергіевской лаврѣ XII вѣка, гдѣ встрѣчается сугубая аллилуйа. Въ началѣ XV вѣка во Псковѣ нѣкоторые уже сугубили аллилуйю, и это было поводомъ, что митрополитъ Фотій, въ своемъ посланіи къ Псковичамъ (Румянцев. Сборникъ. № 358), въ числѣ многихъ назидательныхъ наставленій, указывавшихъ на исправленіе вкравшихся злоупотребленій въ богослуженіи, приказываетъ читать тройную аллилуйю. Въ концѣ XV вѣка, по извѣстію Дмитрія Толмача, писавшаго изъ Рима къ Новгородскому архіепископу Геннадію, нѣкоторые употребили и трегубую и сугубую, и обонимъ видамъ старались дать догматическое значеніе. Трегубая, по мнѣнію тогдашнихъ толкователей, означала таинство тріипостаснаго божества, а сугубая—единое божество въ двухъ естествахъ (Толст. отд. 1, № 116). Въ XVI вѣкѣ нѣкто Аванасій, ктиторъ обители святаго Николая, писалъ во Псковскіе соборы священникамъ посланіе о святой Троицѣ, *сиречь объ аллилуйа*, и убѣждалъ *сугубить*, а не *трегубить* аллилуйа. Противъ него-то Новгородскій архіепископъ Макарій написалъ Уставъ о трегубой аллилуйѣ, гдѣ новелъвалъ *напротивъ* трегубить, а не сугубить. Въ это-то время, именно въ 1547 году, клирикъ Василій, монахъ Евфресиновоу пустыни, составилъ печатаемое теперь житіе, очевидно въ полемическомъ духѣ, съ цѣлю поддержать сугубую аллилуйю. Сочиненіе это, какъ видно, служило руководствомъ и при составленіи Стоглава, ибо тамъ постановили сугубить и опирались на авторитетъ святаго Евфресина. Не смотря на Стоглавъ, трегубая аллилуйа

послѣ него были въ повсемѣстномъ употребленіи и прилавалась правильною, ибо въ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ, издаваемыхъ при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и его преемникахъ, вездѣ указана трегубая. Не прежде, какъ въ половинѣ XVII вѣка, при патриархѣ Іосифѣ, справщики богослужебныхъ книгъ занесли въ нихъ сугубую аллилуію. Но соборъ 1666—1667 годовъ возстановилъ трегубую, и сочиненію клирика Василія призналъ отреченнымъ, легоставнымъ.

Сочиненіе это въ большой части у старообрядцевъ. Доказательства невѣрности заключающіяся въ немъ описаній изложены въ Христіанскомъ Читаніи за 1853—1854 годы. За нѣкоторые изъ приводимыхъ критиковъ доказательства мы можемъ признать только вѣрность, но не полную несомнѣнность. Въ житіи говорится, что Евфросинъ путешествовалъ въ Царьградъ съ добрую пору, во время прекрасной тишины нерушимыя вѣры во Христа, въ царствованіе Каліанина, при патриархѣ Іосифѣ. Критикъ замѣчаетъ, что тогда вовсе была не добрая пора ни для имперіи, ни для церкви, ибо имперія была тѣсна Туркамъ, а въ церковной сферѣ была склонность къ принатію униі, что императоромъ былъ Іоаннъ Палеологъ, а не Каліанинъ (то есть кало-іоаннъ); что Евфросинъ, постушившій въ пустыню въ 1425 году, послѣ долгаго времени, какъ говорить жизнеописатель, отправясь на востокъ, не могъ быть тѣмъ раньше 1437 года, когда патриархъ Іосифъ уже уѣхалъ на Флорентійскій соборъ, и слѣдовательно Евфросинъ не могъ его застать въ Греціи. На это можно возразить, что Евфросинъ, человекъ отрешившійся отъ міра, имѣлъ въ виду не земное положеніе дѣла на востокѣ, а религиозное благочестіе, встречалъ православное богослуженіе, видѣлъ набожный народъ, и потому легко могъ видѣть тишину и добрую пору, а дѣло униі было политическимъ замысломъ, не касавшимся еще народа. Прозваніе Кало-Іоаннъ было почетно: прозвище, которое носили нѣкоторые императоры, имѣвшие въ крещеніи имя Іоанна. Самъ же критикъ говоритъ, что Іоаннъ Комнинъ и Іоаннъ

Андроникъ носили эти прозванія, но не знаетъ, что бы носилъ его Іоаннъ Палеологъ. Однако нѣтъ ничего естественнаго, если и этотъ Іоаннъ какими нибудь почитателями его былъ называемъ Калоіоаннъ и что это наименованіе могло быть передано Евфросину. Что касается до времени побѣды Евфросина въ Царьградъ, то онъ могъ посѣтить этотъ городъ и ранѣе 1437 года, ибо времени съ 1425 по 1437 для этого слишкомъ довольно. Едва ли положительно можно согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ, будто сугубая аллилуія занята нами отъ западныхъ католиковъ вслѣдствію того, что послѣдніе этой пѣснью прославляютъ воскресеніе Христова, хотя догадка эта сдѣлана еще архіепископомъ Макариемъ, въ его Уставѣ о трегубой аллилуіѣ, но общепринятому въ старину обычаю—въ неправильностяхъ, возникшихъ въ сферѣ богослужебной, подозрѣвать сближеніе съ другими христіанскими вѣроисповѣданіями. У Римскихъ католиковъ чаще употребляется тройная *halleluia* (См. *Breviarium Romanum*.) Еслибы обычай славословить воскресеніе Христа пѣснью аллилуія вошелъ къ намъ отъ Римскихъ католиковъ, то это выразилось бы скорѣе употребленіемъ ея въ пасхальномъ богослуженіи, а этого не было. Вѣрнѣе всего—сугубая аллилуія есть наша домашняя выдумка, явившаяся случайно, а впоследствии уже имѣвшие притязаніе быть философами старались придать ей смыслъ и оправданіе.

Другія доказательства критиковъ противъ сочиненія клирика Василія вполне основательны. Евфросинъ, пришедши на Востокъ, не могъ тамъ найти оправданія сугубой аллилуія, ибо на всемъ Востокѣ была въ обычаѣ трегубая. Извѣстіе о томъ, будто Іезъ и Филиппъ были ражтраги, неправдоподобно: такого рода лица не могли бы имѣть авторитета въ народѣ. Все, что говорится объ Іезѣ и Филиппѣ съ цѣлію очернить ихъ, и въ томъ числѣ смерть Іезы—выдумка озлобленнаго фанатика. Наконецъ православное благочестіе почитаетъ явленію Богородицы и всѣ чудесныя откровенія, вписанныя свыше для подтвержденія сугубой аллилуія, недостойнымъ божества, и признаетъ ихъ плодомъ соннаго мечта-

ніа, или скорѣе обмана, допущеннаго въ порывѣ фанатизма. Богословы находятъ въ этомъ сочиненіи еретическія мысли, произшедшія отъ крайняго невѣжества и отъ непониманія (1). Такъ, между прочимъ говоря о воскресеніи Христовомъ, авторъ выражается, что въ немъ воскресло божество. Мы полагаемъ, эта конечно, по своему выраженію, еретическая мысль явилась здѣсь оттого, что авторъ, находя въ церковныхъ вѣсняхъ выраженіе: *воскресе яко Богъ*, то есть воскресъ, *потому что онъ Богъ*, понявъ его превратно и, не сознавая своего незнанія, произвольно перефразировалъ его. Poleмическій тонъ этого сочиненія самъ по себѣ лишаетъ его исторической достовѣрности. Тѣмъ не менѣе, вѣроятно, не все въ этомъ житіи сочинено клирикомъ Василіемъ, много взято изъ прежняго списка житія, составленнаго въ XV вѣкѣ, не дошедшаго до насъ; а многое, касающееся до сугубой аллилуіи, конечно, выдуманно въ порывѣ фанатическаго состязанія будтобы за извѣщенію церковной богослужбной вѣсни, которой приписывается догматическая важность. Какъ сочиненію,

особенно поддерживавшее упорство старообрядцевъ, оно принадлежитъ къ такимъ, на которыя не можетъ не обращать вниманія изслѣдователь нашей старины. Московскій соборъ, бывшій въ 1866 году, оставилъ намъ такой назидательный приговоръ объ этомъ сочиненіи: «Да никтоже тому вѣритъ, еже писано въ житіи преподобнаго Евфросіа отъ соннаго мечтанія писателя о сугубой аллилуіа. Зане все то писаніе живою есть оульстиваго и живаго писателя писано на прозесь благочестивыхъ народомъ».

Обстоятельная выписка изъ этой отреченной книги о сугубой аллилуіи представлена въ Историческомъ Словарѣ о писателяхъ духовнаго чина ч. I, стр. 180—181, изд. 1818 г. Сиб., въ Исторіи русской церкви, ч. 3, стр. 187—189, Сиб. изд. 1847 г., въ Разсужденіи о ересьяхъ и раск. Руднева, въ примѣч. на стр. 49—52.

Руководясь этими примѣрами, въ видахъ изслѣдованія старины, мы рѣшились въ Памятникахъ старины русской литературы напечатать все житіе преподобнаго Евфросіа.

(1) ОСОБЫЯ ПРИМЪЧАНІЯ КЪ СТРАНИЦЪ 105-й.

1-го столбца строки 6 и 7: *Еретици маютъ, яко не воскресъ Христосъ*. Подъ еретиками клирикъ Василій разумѣтъ Ляховъ, Пѣнциевъ и Латвианъ, которые будто бы не вѣруютъ воскресенію Христову. Это клевета! Латвины — католики вѣруютъ воскресенію Христову.

Строка 13: *Воскресе азъ божествомъ*. По ученію церкви, кто говоритъ, что воскресло Божество, тотъ не славитъ, а хулитъ Божество.

Строк. 16 и 17: *Христосъ, не отступивъ отъ селата Духа*. Сочинитель не разумѣетъ, кто *воплотился отъ пресвятыя Троицы*!

Строки 19 и 20. Опять страшныя мысли! *Существо селата Духа азъ воплощеній Божествомъ!!!* Существо Духа Божія непостоянно.

Строка 26: *Смы Божій подобенъ Отцу*. Такъ о Смыѣ Божіемъ еретически мыслятъ в Аріи.

Строка 28: *Воплощеніа ради селата Духа Христосъ наречетъ Смы Божій!* Неправославно! Изложеніе рѣчи сѣшанное и сбивчивое. Кларикъ Василій, разсуждая о смыѣ Божіемъ,

не обратился къ символу православной вѣры, гдѣ прямо и ясно выражено, что Господь Исусъ Христосъ, *насъ ради человекъ и нашего ради спасенія, съезъ съ небесъ, воплотился отъ Духа свята и Маріи Дѣвы, и воочеловѣчился*.

Столбца 2, строки 12 и 13: *Иже убо сице проише божественна аллилуія, ту есть прилаемый чуждѣи Божъ людскій, понеже мнози суть боги Еллинскіи*. Ложное мудрованіе! Много дѣйствительно было боговъ Еллинскихъ, но ни къ одному изъ нихъ нельзя и никакъ не слѣдуетъ прилагать реченія: *аллилуія*. Это слово еврейское, и значить: *хвалите Бога*.

Дѣйствительно, все это новѣствованіе клирика Василія *иметь отъ трубаго своего разума* (стр. 106). Оно крайне неумѣстно въ жизнеописаніи преподобнаго, наполнено какими-то сонными мечтаніями, и явно доказываетъ, что сочинитель не имѣлъ никакихъ вѣрныхъ понятій ни о словѣ аллилуія, ни о христіанскомъ таинствѣ пресвятыя Троицы.

Собственно эти примѣчанія слѣдуютъ при самомъ текстѣ, но мы не хотѣли нестрить книги и сочинъ за лучшее помѣстить ихъ отдѣльно.

ПОВѢСТЬ

О СТЕФАНѢ, ЕПИСКОПѢ ПЕРМСКОМЪ.

Мѣсяца апрѣля 15.

Преподобнаго изъ скланинскихъ отца нашего Стефана свѣдѣно бысть.

СЛОВО О ЖИТИИ И УЧЕНИИ СВАТАГО ОТЦА НАШЕГО СТЕФАНА, БЫВШАГО ИЗЪ ПЕРМІИ ЕПИСКОПА.

Благочестіе, отче.

(Изъ Сборника XVI тома Синодальной библиотеки.)

Иже преподобныхъ мужей житіе доброе слышати, или и переписать памяти ради, обаче отъ сего приносятъ оубиѣхъ не худъ и пользу не малу послушателямъ и сказателямъ свѣдоущимъ извѣстие; видѣніе бо есть вѣрѣвшимъ слышаніа, оувѣритъ же многожды слухъ слышащихъ, аще вѣривоу боудоуть глаголемаа; аще ли не написана боудоуть памяти ради, то изыдетъ изъ памяти, и въ преходящая лѣта и преподобныхъ родомъ удобъ сна забвѣна боудоуть. Да аще безъ писанія забвѣна бывають, то неполезно есть еже въ забыть положить житіе его, и аки глубинѣ молчанію предати толковоу пользу. Пишеть же и великий Василій въ поученіи своемъ, глагола: боудь ревнитель правоживущимъ, и сикъ имена и житіа и дѣлаа изавиши на своемъ сердци. Елма же азъ не достигохъ въ тоу мѣроу, не придохъ въ сие прасло, еже невидимо на разумныхъ скрижалехъ сердечныхъ писати, но на чувственныхъ хартиахъ изволахъ писати. Сего ради и азъ худый, недостойный, убогий мнокъ желаніемъ обдержимъ сень и любовию подвизася, хотѣа быхъ написати

мало нѣчто, яко отъ многа мало не вспоминая, кунно же и памяти ради, отъ добраго и чуднаго житія преподобнаго отца нашего Стефана, бывшаго епископа ниже въ Пермѣ, о немже слово изначала приходитъ, еже отъ роженна его и надѣтска, и по оупости, и по иночествѣ, и по священничествѣ и по оучительствѣ, и по святительствѣ, даже и до самого представленна его, еже добродѣяна его, еже и похвала, и елико подобная сикъ, — сиа же оубо списахъ, и адѣ и ондѣ собравъ, предположихъ, яко о жити его ова слоухомъ оуслысахъ, ова же отъ оученикъ его оувѣдахъ, аже о оучительствѣ, оуправленіи; есть же другое, яко и своимъ очима видѣхъ; инокъ же и съ санѣмъ боудовахъ многожды и отъ того навикъ, и прочая елико вопрошахъ отъ старыхъ моужь, якоже рече свято писаніе: попроси отца твоего, и възвѣститъ тебѣ. По молю вы са, боголюбци, дадите ми простыню, молитоубте о мнѣ; азъ бо есмь оумомъ грубъ, и словомъ невѣжа, худъ мнѣ разумъ и промышлъ предоуменъ, не бывавшю ми во лѣтнѣхъ отъ оупости, и по оуочихъ

ся оу философовъ ихъ ни плетена риторьска, ни вѣтскихъ глаголь, ни Платоновыхъ, ни Аристотелевыхъ бесѣдъ не стужахъ, ни философовъ, ни антропичи не навыхохъ, и спроста—отивоудъ весь недооумѣния наполнихся. Но надѣюся на Бога всемогущаго и всемогущаго, отъ негоже вся возможна соуть, иже дасть вамъ милость свою обильно своєю благостію, и молюся ему, преже прося оу него слова потребна; аще дасть ми слово надобно въ отверженіе оустъ моихъ, ижеже древо Исая пророкъ рече: Господь дасть ми языкъ сказанна вѣдати, вногда подобаетъ ми рещи слово; также и Давидъ пророкъ рече: Господь дасть глаголь. Сего ради прекланяю колѣнъ моихъ ко отцю Господа нашего Исуса Христа, отъ негоже всяко дающе благо и всякъ даръ свершенъ свыше есть сходий, протѣчяному роуцѣ простираю, безначальному сыноу Божию и слову, истинный даровавца, призываю Господа нашего Исуса Христа, отъ негоже и ниже вся быша, и вся тѣмъ быша, безъ негоже не бысть ничтоже, еже бысть; той бо рече: безъ мене не можете творити ничтоже; просите и дасться вамъ. Прошу же, да ми подасть благодать и даръ Святого Духа, тѣмъ воздыханіи-неглаголеными молю Пресвятого Духа, отъ негоже всякъ животь вдыхаетъ, о немже всячская живють и движются, отъ негоже точится всяка промудрость, отъ негоже точатся благодатныя воды, иже и Иовлець пророкъмъ рече: налѣю отъ духа моего на всякую плоть; и другой пророкъ рече: отвераю оуста своя, и исполню я! Тѣмъже отвераю оуста моя, и наполнятся духомъ и слово отрингоу, и глаголю азъ: Господи, оустнѣ мои отверзеша, и оуста моя възвѣстятъ хвалу твою; да исполнятся оуста моя похвалы, яко да восхваляю славу твою и приложю на всякую похвалу твою, яко вѣроую въ Бога Отца, тако славлю и чтоу Сына Христа, одинако благодарю и покланяюся Святохоу Духоу, и молюсь святѣи Троицѣ единосоущѣи и нераздѣлнѣи, прошю дара, да ми послеть благодать свою въ помощь мою, да ми подасть слово твердо, разумно и пространно, да ми воздвигнетъ оумъ мой, оягченый

оуминиенъ и дебелствомъ плотнымъ. да ми очиститъ сердце мое, остроуленое многими строуми душевными вредомъ и тѣлесныхъ страстей, яко да быхъ возмогъ поне мало иѣчто написати и похвалити доблаго Стефана, проповѣдника вѣрѣ и учителя Перчи и апостоломъ наследника, да аще Господь подасть; можетъ бо, аще хоцеть, ижеи сѣтлымъ свѣтъ даровати и истиннымъ проглаголати, и безплоднымъ плодъ и беззлосеснымъ слово, и безгласнымъ гласъ. И се явѣ есть отъ него, обрѣтаю бо въ вѣтсѣи писаньи, иже при Мойсѣи древо пророцѣ и съ камени истѣкомаго истъ временнаго воды потекоша и не хоудо, яко и потоци наводнишася, и истъ суха жезла плодъ процвѣте, и при Валацѣ царѣ бывшаго волхва Валава древо, подъ нимъже осли беззлосесное проглагола челоуѣческимъ глаголомъ, и истъ пламени росоу источи, еже есть чрезъ естество; возвеличиша бо ся дѣла Господня всегда. Тако и нынѣ да оудивитъ Господь милость свою съ ничтою моею, и да оутвердитъ оуничженіе мое, и азъ оуничженый не разоумѣхъ, яко скотъ быхъ. Щажу же ся и бою, ода како кто на мя взнощюсть и взнегодоуетъ, яко зазоры ми въ коениждо словѣ предлагаю. Но азъ грѣшныи смиренномудрѣмъ мало иѣчто събесѣдоую къ почитающимъ и слышящимъ, коупно же и молитвоу и простыню прося, ци боудеть ми иѣгдѣ положилася рѣчь зазорна, или неостросна, или неохитрена,—молю вы о семъ, не зарите на грубости и не боудите ми зазиратели; не бо отъ мудрости, но отъ грубости, ижеже и выше речеся, оубѣдихся; иѣ есмь бо доволенъ или досоуженъ на се, азъ неключимый рабъ прострохъ недостойному свою роукоу, оубѣдихъ свое злостное невиданіе дерзвоухъ подробноу писати, аще Богу помогающоу, и молитвамъ епископнымъ спосѣтшествоующимъ. Пачѣнъ же основу слову и зачало глаголемыхъ.

Зачало о житиі зго.

Снѣ преподобный отецъ нашъ Стефанъ бѣ оубо родомъ Роусинъ, отъ языка Словенска, отъ страны полоуновыи, глаголемыя Дениска, отъ града на-

рицасчаго Оусть-Юга, отъ родителю нарочитоу, сынъ иѣкогю христіюбца моужа вѣрна христіана, именъ Симеона, единого единия отъ крилъ къ великия соборныя церкви свята Богородица, иже на Оусть-Юзѣ, и отъ матере такоже христіяны, нарицаемыя Марія. И еще дѣтисемъ смѣ, измлада аданъ бысть грамотѣ; оучитию же вскорѣ извыче, всю грамоту яко до года, и конархатисемоу тачей чтець бысть во сборнѣй церкви; бѣ оубо президе наче многихъ сверстниковъ въ родѣ своемъ, добропамятствомъ и скоровиченіемъ преосусѣвал, и остроумьсмъ же и быстростию смысла превъходя, и бысть отрокъ доброразумиченъ зѣло, оусѣбѣаше же разумомъ доушевнымъ, и верстою тѣлеси и благодатию, къ дѣтємъ играющимъ по приставаше, иже въ поуостошъ текоущимъ и всюоу троужающимъ и тиетнаи гонящимъ по викиаше, ни водворшеса съ ними отъ всѣхъ дѣтскихъ обычаевъ и правъ и игръ отарашася, но точьо на словословіе оупражявася и грамотѣ приложаше, и книгамъ всякимъ вычению издавася. Ти тако Божиимъ дарованіемъ вналѣ много пзвыкнувшоу емоу, естествоною остротою ума своего, наоучи же ся въ градѣ Устѣюзѣ всей грамотичнѣй хитрости и книжной еилѣ. Возрастѣшоу емоу въ дѣвѣствѣ и во чистотѣ и въ цѣломудрии, и многи книги почитавшоу вѣтъаго и новаго завѣта, и оттоудоу расмотривъ житъо свѣта сего маловременное и скорожипоующее, и нимхождащее, акн рѣчнаа быстрина, или акн травный цвѣтъ, апостолю глаголющю: нимподеть слава мира сего акн травный цвѣтъ, и оусше трава и цвѣтъ еа отпаде, глаголь же Господень пребываеть въ вѣки; и другомоу апостолю глаголющю: во любито мира, ни аже соуть въ мирѣ; и третеемоу апостолю глаголющю: всѣчьмакъ явитися предъ соудищемъ Христовымъ; и еже во свитыахъ соуангельныхъ Господоу глаголющю: иже кто оставитъ отца и матеръ, жемоу и дѣти, братью и сестры, домы и вѣтина имени моего ради, сторицею прииметь и живи въчною насладитъ; и пакн: аще кто не отвержотся вселъ смъ предреченныхъ, не можеть ной оученикъ быти. И прочаи и аиа многа таковаа

подобна смѣ, иже во святомъ писаньи лежащая, о семъ глаголющая, семоу приде божиа любы, еже оставити очьство, и вся соущаа вѣтина, и просто рещи—вѣти добродѣтанимъ оукрашенъ бѣ отрокъ той, поспѣвая возрастомъ въ страхъ Божиа, страхомъ божиимъ оумилвса, и еще младъ боуда въ оуности, отрокъ сы верстою, пострижеса въ черныци, во градѣ въ Ростовѣ у святаго Григорія Богослова, въ манастири нарицаемѣй Затворѣ, близъ епископыа, яко книги многи бяхоу тоу доволны соуща емоу на потребу почитаниа ради при епископѣ Ростовскѣмъ Паресини; отъ рукоу же острижеса иѣкогю старца, прозвантера соуща савонѣ священника, именъ Максима игоумена, прозвище Калина, отъ того облечеса во мншеский чинъ, и добрѣ потроужавса во ическомъ житиѣ, подвизавса на добродѣтель, постомъ и молитвою, чистотою и смиреніемъ, воздержаніемъ и трезвѣніемъ, терпѣніемъ, безлюбнѣмъ, послушаніемъ же и любовію, наче же всѣхъ вниманіемъ божественныхъ писаний, иже много и часто почитавъ святаи книги, и оттоудоу всякоу добродѣтель приобрѣтая, и плоды спасенія приплодивъ и въ законѣ Господни поучяса день и ноць, и бысть яко древо плодовито, насажено при исходящихъ водахъ и часто напавемо разумомъ божественныхъ писаньи и оттоудоу прорастая грезнѣ добродѣтелиа, процвѣтаа виды благолеппа, тѣмъ и плодъ свой дастъ во время свое. Кня же плоды духовныа? Яже Павелъ апостоль ищитаеть, глагола: братьо! плодъ духовный естъ: любы, радость, миръ, долготерпѣніе, вѣра, кротость, воздержаніе и прочаа. Сице и оиа троудолубивыи сводивзалець разгѣбненіемъ божественныхъ писаний, разсоужая желаніемъ любоумдріа, цѣлоумдріа, добрѣ пзвыкъ святаи книги, и волнѣ прилежаніемъ въ нихъ поучяса, всѣмъ сердцемъ възмыкая Бога и его свѣдѣній, сего ради много разумѣ отъ Бога подастся емоу въ божественнѣмъ писаньи, елиа же со тшаніемъ чернычествоваше, со тшаніемъ всякоу добродѣтель творяше, якоже рече апостоль: тшаніемъ не лѣниви, духомъ горяще, Господеси работающе, молитвою претерпѣвающе. Также и си къ Богу присваеяа чл-

стою съвѣстью и благою мыслью, приближаясь и добрыми дѣлами, избранная и изрядная словеса Давыдова, со Давыдонъ пою и глагола: единого просишь отъ Господа, то взыщюу, да живюу въ домоу Господни вся дни живота моего, да врю красоты Господни, азъ же яко насланиа плодотвита въ домоу божни; Господи, възлюбихъ красоту домоу твоего и мѣсто вселенныя славы твоея, яко възлюблена села твоя; Господи силъ! желаетъ душа моя скончати въ дворы твоя, се покой мой въ вѣки вѣка, азъ вселюся, яко изволихъ, изволихъ же прииѣтитися въ домоу Бога моего паче, нежели жити ми въ селѣхъ грѣшничѣхъ; и прокая такова. Прилѣжно имаше обычай почитати почитанне книжное, и не бѣдно оучение рад оумедливая по оученью, но да дондеже до конца во истиннѣ оуразоумѣть о коимже стася словеса, о чемъ глаголетъ, ти тако протолковаше; съ молитвою бо и молоникъ разоуна сподобилася, и аще видаше моужа моудра и книжна и старца разоумична и духовна, то емоу соваросникъ и собесѣдникъ бѣаше, и съ нимъ соводворилася и общеваше и оутреневаше, распытая ищенихъ скоропытитъ; притча разоумна не гоняиаше отъ него и толкова и не удобъ вѣдомое възскаено бѣ и оувѣдаено отъ него, и всякоу повѣсть божественноюу възсхоташе слышати, словесе же и рѣчи и поученьи исповѣсти, и старческихъ не отстоунаше житя, аже святыхъ отецъ подражая, всегда почиташе, яко оттого болшему разоуму навикаше, (и премудрымъ) съ разоумными же гаданью его въ законѣ Господни бывахоу, аже Павелъ апостолъ Тимофееоу послыаше, глагола: чадо Тимофее, внимай чтению и оученью и оутѣшенью, вѣдѣи, отъ кого ся еси научилъ, яко святыя книги измлада оуиѣши, ногоущая ти оумоудрити о Христѣ Исусѣ.

Сице оубо емоу иночествующоу, тѣмже доброму аже о Христѣ житю его дивляхоуся и вози не точью иноци, но и протая чада. Подвизаше бо ся день отъ дне яко земля доброплодна, разоумныя бразды прогония и многоразличныя плоды благоизволенія привосять Богоу. Прежде бо всѣхъ вхожаше въ церковь на молитвою, и послѣ всѣхъ излазише; слоуха же своя оумно прикланише о чистыхъ по-

всѣхъ и оучительныхъ словесъ, и сими просвѣщашеся оубо наиболшее емоу добролюбие, и на болнше вѣданье возводилъ. Неграденъ же ирисно пребываше, но дѣлаше роукама своимя всегда трудолюбивѣ, и святыя книги писаше хитрѣи гораздо и борзо, и послужыштвоуи книги его многы, аже и до сего дни, аже своимя роукама написалъ, трудолюбивѣ стинивъ, аже соуть трудове его. Также емоу правимоу добрѣмъ благодати, имаше оуправленъ образъ дѣлъ его, и тако за многоую его добродѣтель поставленъ бысть въ диаконы отъ Арсенья князя и епископа Ростовскаго. Тачо по семъ, по преставленьи Алексия митрополита, повелѣишии наиѣстника его именемъ Михаила, нарицасмаго Митя, поставленъ бысть въ прозвитеры отъ Герасима епископа Коломенскаго. И изоучися самъ языкоу Пермьскомоу, и грамотоу новоу Пермьскоую сложи и азбуки незнаемы стини, но предложенноую Пермьскаго языка ажеже есть требѣ, и книги Роуския на Пермьскій языкъ переводе и проложи и преписа. Желая же болшаго разоума, яко образомъ любомоудриа изоучеся и Греческой грамотѣ и книги Греческия изымче добрѣ, почиташе я и ирисно ииѣаше и оу себя, и баше оумѣта глаголати тремъ языкомъ, также и грамоты три оумѣташе, аже есть: Роуския, Гречески, Пермьски яко обштыся о семъ словеси оному глаголющю, иже речеса, яко языки възглаголють новы; и пакы: ииѣи языки глаголати оустроим. И добрее обдержаше и помыслъ, еже ити въ Пермьскоую землю и оучити я. Того бо ради языкъ Пермьскій покоушашеся изоучити, и того дѣла и грамотоу Пермьскоую створи, понеже зѣлю желаше и велии хоташе еже шествовати въ Пермь, и оучити люди некрещеныя, и обращати нечѣрныя челоуѣки и приводити я ко Христу Богоу въ вѣроу христьянскоую. Не токмо же помысли, но и дѣломъ створи. И сице же емоу оумысльшоу, еже издавна то оу него слоумано баше, слышалъ баше преподобный свѣи о Пермьской земли, яко идолослужители въ ней соуть, яко дѣяство дѣавольское царюеть въ ней. Бяхоу бо въ Перми челоуѣци всегда жроуще глухымъ коумиромъ, и бѣсомъ молахоуся, възшвсвиомъ обдержими соуцо, вѣроующе въ бѣсованне.

и въ чарованьѣ, и въ коудесѣ, и о семъ зѣло сжалися рабъ божій и велии печаловаше о ихъ прелщеннѣ, и разгарашеся духомъ, понеже человекъ Богомъ сътворени и Богомъ почтени соуще, но врагу поработишася, і о семъ скорбаше не хоудѣ, како бы ихъ исхитилъ изъ руки вражїа?

Должно есть изыскovati и расмытовати и извѣствовати о Пермской землѣ, гдѣ есть и въ кнѣзѣхъ мѣстехъ отстоятъ, и промежи кнѣзи предѣлы поведается, и которыми рѣки обходятъ ю и проходятъ сквозѣ ю, и которыми языци обседать ю, съживоущи въ соудѣхъ около ея. А се нима мѣстомъ и странамъ и землямъ и иноязычникомъ, живоущимъ вкругъ Перми: Двиняно, Оустьюжано, Вилежано, Вычегжане, Иножане, Южене, Сырьяне, Гаване, Вятчене, Лопь, Корѣла, Югра, Печора, Вогоуличи, Самоодь, Пертасы, Пермь Великая, глаголемая Чюсокая. Рѣка же одна, еяже имя Вынь, си обходящию всю землю Пермскуюю, и вниде въ Вычеглоу; рѣка же другая именемъ Вычегда, си исходящию изъ земля Пермская и шествоующию ко сѣвѣрнѣй странѣ и своимъ оустемъ вниде въ Двиною, ниже града Оустюга за чотыредесать воприсы; рѣка же третья нарицаемая Ватка, аже течеть въ другую страну Перми, и вниде въ Камоу; рѣка же четверта именемъ Кама. Сїа есть, сїа оубо обходящию и проходящию всю землю Пермскуюю сквозѣ ю, по ней же мнози языци сѣдять, сїи оубо грядущи оустремленіемъ прямо яко къ югоу и своимъ оустемъ вниде въ Волгоу, близъ града нарицаемаго Болгарь. Познаемо же, како изъ одной страны истокостѣ двѣ рѣцѣ Вычегда и Кама, овы оубо воды грядяхоу на полнощи, овы же на полдник. Всякому жь хотящему шествовати въ Пермскую землю, оудобзениемъ поуть есть отъ града Оустюга рѣкою Вычегдою вверхъ: доидежъ видеть въ самую Пермь. Но остану о семъ много глаголати, да не постыгнеть ни иѣкая повѣсть о сїихъ: но ны на предлагащее слово возвратимся о Пермскѣй землѣ, о сейже рѣкѣ вынѣ и началъ глаголати, котори языци живоуть около ея аже въ полнощнѣй странѣ прележащихъ. Мню же, яко въ частехъ Хамовыхъ сїа оубо земля Пермская, осталася

въ первой прелести идолстѣй, непроставлена соущи святымъ крещениемъ, не наочена соущи вѣрѣ христіанствѣ, ни отъ когото бо бахоу слышали слово, дабы ни кто проповѣдалъ Господа нашего Ісусъ Христа. Не бахоу бо ни апостоли заходили къ нимъ, ни учителя, ни проповѣдатели, и никтоже ни благовѣстилъ слова Божїа. Но речеть иѣкто, какоже не заходили соуть апостоли въ Пермскуюю землю, а се пророкъ Давидъ рече: во всеѣ землѣ изидоша вѣщанїа ихъ и въ конца вселенныа глаголю ихъ? Азъ же рекоу, яко обѣишася апостоли, или небрегоша о проповѣди, но и зѣло трудшася каждо ихъ и до послѣднїаго издыханїа своего, скончаша теченіе свое, не престаша во всеѣхъ языцѣхъ проповѣдающе Христа, отъ нихъ же единъ Павелъ апостоль .д. языкъ наочилъ; такоже и друзи апостоли, оученицы Господни, аще и въ Перми не были соуть, но по (и) нимъ во многихъ земляхъ ходили соуть и во многѣхъ странахъ проповѣдаша слово Божїе, и вноси языци наочени и крещени быша отъ нихъ, понеже не единъ Пермскїй языкъ есть на земли въ поднебеснѣхъ, но мнози языци соуть кромѣ Перми во всеѣхъ вселеннѣхъ, ихже крестїа апостоли; аще и въ Перми не оустѣша быти, но по нимъ во многѣхъ странахъ проповѣдаша слово Божїе, и во многихъ земляхъ благовѣстоваша святое соуангелїе Христово, и во многѣхъ языцѣхъ ихъ проповѣдью вѣра христіанская провосна, якоже се глаголю: Петръ оубо проповѣдалъ слово Божїе и наочилъ въ Понтѣ и въ Галатїи, и въ Каподокии, во Іудѣи, во Антиохїи и Вританїи, и въ Вавонїи и въ Італїи, і во Асїи і въ Рїмѣ; а Іоаннъ богословъ во Асїи і въ Патокѣ островѣ, и во Ефесѣ; Матсей же евангелїстъ проповѣда и крестїа во Іерусалимѣ і въ Іудѣи, и въ Газѣ і въ Тавромении, въ Ефіопїи, і въ Еладѣ, і въ Пароснѣхъ островѣхъ; Філиппъ же отъ Веспанды Галилейскїа, во Фругїи, въ Самарїи и во Азотѣ, и въ Селевкїи и въ Кесарїи; Фома жь глаголемы близнецъ проповѣдалъ Паронїи и Мидїонѣ, и Вахтонѣ и Маргонѣ, и Камалитонѣ и во всеѣ Іудѣйской земли. Іуда жь апостоль, иже по плоти

братъ Господень, проповѣда въ Месопотании межюречни-
комъ, и въ Виратѣ, и въ Едесѣ и въ Асурин, и въ Аравин.
Симонъ Зилотъ Каманитлиниъ всю Мавеританію, Яерон-
скоую страну, иже отъ Кана Галилейскаго, Еядемо-
си, около Антиохіа, и Вританію и отъ Іерусалима, и
все поморіе наоучи и въ Фаоусѣ. Вароломѣй въ Ин-
дїи, и въ Лукаонѣ островѣ, и въ Липатрѣ островѣ, и
иже отъ Галады, и всю Фоуничскоую страну обонде.
Андрѣй же, братъ Петровъ, проповѣда слово Божіе Скоу-
фомонъ и Фракомъ и во Инатѣхъ и Воузан-
тин, и въ Патрѣ островѣ и во Арменни, и во Аханѣ,
и до Елады, и многи Еллинны-Гроки наоучи. Аще и въ
Роуской землѣ былъ, повѣдаютъ его. рѣкою Дибиромъ
отъ моря пришедша и подъ Киевомъ стоявша, а града
Киева тогда еще не было, но точюу бахоу поусты го-
ры тѣ. Вшедшу емоу и молитвоу створи, и крестъ по-
стави и прорекъ: на семь мѣстѣ, глагола, боудеть градъ
великъ и многочеловѣченъ и вѣра христьянская восма-
летъ и церкви святыя возградятся и монастыри оу-
строятся ти. Тако благословивъ мѣсто, и отиде во про-
чая грады и страны, творя обычное свое шествованіе
и благовѣствованье, проповѣдая слово Божіе во нѣхъ
странахъ, а въ Перми же не былъ. Божественъ Па-
велъ апостолъ великій, вселенскій свѣтланикъ миру,
истинный оучитель сбранамъ, вселенскій проповѣд-
никъ вѣрѣ, пречестованъ сосоудъ избранный, мно-
гохвалный благовѣстникъ соуангелью Христову, яко кри-
латъ, иже всю вселенуюю обтекъ, оуловн, проповѣдаа
слово Божіе, начень отъ Іерусалима донде доже и до
Лиркиа и Италіа и Испанна, и до самого Рима; всѣхъ
же языковъ .д. наоучи, и обративъ, приведе я ко Бо-
гоу святымъ крещенномъ, .д. епископи своихъ написа,
аже послалше по многимъ землямъ и по градомъ и
по странамъ. Но въ Перми жъ не былъ, да елма жъ
оубо никтоже отъ апостолъ не бывалъ въ Перми, то-
го ради Чермская земля осталася некрещена, полна
соущи идолослуженія и коумарьскыа прелести и вол-
швенна, и кобенна, и чарованна, и коудешенна; и тако
вѣтъ свой ижжвша въ соуѣтъ оума ихъ, и лѣта своа

скончаша, помрачени соущо тмоу неведѣнья, якоже
пророкъ Давидъ рече: не вѣдѣша, не разумѣша во тѣхъ
ходящо, и скончашесь въ соуѣтъ дн(и) ихъ, а лѣта ихъ
со тшаномъ. Но егда самъ небосный Владыка Господь
Богъ нашъ своею благодатью восхотѣ призрѣти на свою
си тварь, не дасть ихъ до конца погвбноути во прель-
сти идольствѣ; но по мнозѣхъ лѣтѣхъ милосердока о сво-
емъ си созданыи, въскотѣ ихъ спасти, привести и при-
своити ко своей благодати, въ послѣдняя лѣта, якоже въ .л.
годиную, яко самъ глаголаше во святѣхъ евангельи прит-
чю, реки: подобно естъ царство небосное челоуѣку до-
мовитоу, иже изыде рано изъ оутра нанимоватъ дѣлато-
ля въ виноградъ свой, и смолви съ ними по сребронни-
ку на день; и пшедъ во .г. часъ, видѣ друугия стоя-
ща празды, и тѣмъ рече: идѣте и вы въ виноградъ мой
и шедше дѣлайте, и еже боудеть въ правдоу, дамъ вамъ;
они же вдоша; наки же въ шестоую и девятоую годи-
ноу створи тако жъ. Во единоу же надесять годиниоу
обрѣте друугия стояща празды, и рече имъ: что здѣ
стоите весь день празды, Пермино, никтоже ли васъ
не паялъ? Они же отвѣщавше, глаголаша емоу: яко ни-
ктоже насъ не паялъ, рекше никтоже насъ не наоу-
чилъ вѣрѣ христьянствѣ, никтоже насъ не просвѣ-
тилъ святымъ крещеннемъ, никтоже насъ взоуль въ ра-
зоумный виноградъ, рекше въ законъ Господень; како
бо можемъ опастися, аще никтоже не наоучилъ насъ?
Якоже Филиппъ апостолъ рекъ кажеинику: разоумѣ-
еши ли, еже чтеши? онъ же отвѣща: како могу речъ
розоумѣти, аще никтоже не наоучитъ мене? И Павелъ
апостолъ рече: како ли могууть вѣровати безъ проповѣ-
дающаго? Но что рече господинъ винограда: что стои-
те весь день празды, празды отъ словословіа бо-
жественнаго и отъ законныа работы, что стоите весь
день празды? да еще празды есте, послушайте псал-
ма, глаголюща: упряднитесь и разоумѣйте, яко азъ
есмь Богъ; и наки рече: видите, яко азъ есмь Богъ
вашъ; что стоите весь день празды, что не вѣруете
Богу истинномуу, иже сътворилъ небо и землю, что не
служите Богу живоу? Тѣмъ же не служите идолоу и

не работайте дьяволу, но работайте Господеви съ страхомъ и радуйтеся ему съ трепетомъ; примите наказаніе Господне, да некогда прогнѣвается Господь и погибнете отъ пути праведнаго, егда вскорѣ възгорится Господь яростию. Блаженъ вси надѣющаеся на нѣ. Что стоите празды? аще не примете нга работнаго и арма законнаго, но възмите ярми мой на ся и наоучитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, і обрщете покой душамъ вашнимъ: нго бо мое благо есть и бремя мое легко есть. Что стоите весь день празды? По истинѣ бо весь день, рекше вся дни живота своего и вся лѣта своя стояша въ невѣрствѣи Пермяно, во идолослуженнн; но бѣ бо никтоже приходилъ къ нимъ, нже бы ннѣ благовѣстилъ слово Божіе. Но егда благоволи Спасъ нашъ, якоже и прежде рекохомъ, въ послѣдняя дни, во скончанье лѣтъ, во остаточнаа времена, на исходѣ числа седмыа тысяща лѣтъ, милосердова о ннхъ Господь нашъ, не дасть ннѣ погибнути въ прелести идолствѣ, но воздвнже Богъ оугодѣника своего Стефана въ та времена и оустрои его быти проповѣдника и слоужителя словоу истинноумоу и строителю тайнамъ его и оучителю Перми; яко древле во Израилѣ Всславила, наполни его мудрости и разуона и хитрости; еуже наполнился и теплоотоу вѣры Христовы ражжеся, и многимъ желаннемъ восхотѣ нти въ Пермьскую землю, и оучити я православной вѣрѣ христіанствѣа. И снче ему оумыслшоу, приде ко прежде реченноумоу владыцѣ Герасиму, епископоу Коломенскоумоу, начѣстнику на Москвѣ, соуцоу ему старцоу многолѣтноу и добродѣбноу, нже бѣ святилъ его на поставленне прозвнтерства, благословитися хотя отъ него, да его благословитъ благий онъ поуть и на право оумысленое шествіе и на доброе исповѣданье. Блше бо въ ты дни на Москвѣ не соуцоу никоумоуже итрополиту, Алексѣю оубо къ Господоу отшедшоу, а другому не оу пришедшоу; тѣмъ же подобно бѣ ему съ подобнымъ добротчествемъ потребовати благословенья и молитвъ и грамотъ и отпушенья отъ старѣйшимъ святигельскъ. Во единъ жъ отъ днии вынелъ къ нему, рече ему: о епископе, отче го-

споднне, благослови мя, владыко, да идоу въ поганьскоую землю, глаголемоую Пермь, во языки заблудшая, въ люди невѣрныа; хоцоу оучити я, крестити я, аща Богу помогающоу и сдѣйствоующоу и твоимъ молитвамъ споснѣштвоующа ми; да или наоучю я и обрщю ѹ и приведу я ко Христоу Богу, или и самъ главоу свою положоу за Христа и за вѣроу и за доброе исповѣданье, якоже рече апостолъ: дарова бо ся намъ не токмо вонъ вѣровати, но и занъ страдати; тѣмъ же терѣбннемъ течомъ на предлежащій намъ подвнжъ, взирающе къ началнкоу вѣрѣ и съвершителю Іисусоу; того ради нынѣ отпусти ми раба своего, владыко, по благословенноу твоемоу съ миромъ, и политвоу створи о ннѣ, да благовѣстоую въ странахъ, и Богъ шира да оуправитъ поуть мой, да исправитъ стопы моя и направитъ ноги наша на поуть миронъ; замъ бо дана бысть благодать молитися за ны.

Преподобный же старецъ епископъ Герасимъ, оголюбивый святигель, снн видѣ и слыша, въздвнися зѣло и чюдися великн, видѣ его благочестное предложене и доброе дръзновене, и много побесѣдовавъ съ нимъ о душеннолезныхъ, и отпустити его хотя, поннъ его, веде въ святоую церковь, и сотворивъ молитвоу и знамевавъ его честнымъ крестомъ воздвнжалымъ, благослови его, отпущая его и рече: Чудо Стефана, нже о святѣи Душѣ сынъ нашего смиренья, сослоужбннче нашъ и съпрозвнтере, и поиди, чадо, съ миромъ и съ Божнею помощоу и благодатю; Господь да благословитъ те и да те спасетъ и схранитъ; Господь славы да въ поуть шествуетъ съ тобою, аможе идѣже идеши, и да те сблюдетъ тамо, и защититъ и избавитъ восдѣ; Господь да те наоучитъ и дасть ти глаголь, еже благовѣститъ слоуу иногоу; Господь да ти поможетъ на все полезное и вся прошенія блага да подасть ти, да подасть ти слово благо во отверженне оустъ твоихъ, и да боудетъ слово твое въ благодати солюу растворено, вѣдати, како подобаетъ комоуждо отвѣщати; сего ради оубо, възлюблене, пренюаши истинноую чресла своя крѣпко, азы храбрый вопнъ Христовъ, вобронися во всео-

ружіе божественное, обоуй нозѣ на оуготованье благо-
вѣтствованна вѣры, облещися во броня правды, прими
же и щитъ вѣры и шелоу спасенна и мечъ духовный,
еже есть глаголъ Божій, да того ради оубо трезвися о
семъ, зѣло постражи, дѣло створи благовѣстника, слоуж-
бою свою извѣсти: доколѣ таишася аки свѣтильникъ въ тем-
нѣ мѣстѣ, доколѣ не явнши благодати Божия даиши ти,
соущая въ тебѣ? доколѣ покрывашши свѣтильникъ подъ
кровомъ, или подъ одромъ, а не паче на свѣщницѣ,
да свѣтитъ всѣмъ яко въ Перни? Иди оубо, освѣти
люди тѣ, сѣдѣщая во тѣхъ и въ сѣни смертнѣй, жи-
воущая въ странѣ во тѣхъ идолослуженья, прелести
коумирскыя, и рцы къ нимъ: разоувѣйте, азыци, пока-
рѣйтесь, сыново челоувѣчьи; доколѣ, тяжкосердши, во-
скоую любите соуветнаа? оувѣдайте, яко оудиви Господь
преподобнаго своего! Иди оубо, и буди и ты проповѣ-
дникъ вѣры, исповѣдникъ истинны и благовѣстникъ
соуангелью Христовоу; не скрывай таланта, еже изагъ
еси отъ Господа своего, приобрѣсти имъ коуплю седмьри-
цею потщися, и ты оуслышати (шиши) отъ Господа гласъ
онъ глаголющъ: благи рабе, вѣрне дѣлателью виногра-
да, надъ ивогнни ты поставлю, вниди въ радость Го-
спода своего! Не слыша ли псалма глаголюща, яко: съ-
ющи со слезами въ радости пожноуть? Сѣи имѣи въ
наставшемъ вѣцѣ въ радости пензлаголанѣ; иди оубо,
не яко мене послушав, но соуангельскаго гласа, иже
егда самъ Спасъ, оученики и апостолы своа носы-
лаа, глаголаше: идѣте, се азъ носылаю вы яко овца
всредѣ волкъ, не оубойтесе отъ оубивающихъ тѣло, а
душа не могоущихъ оубити; оубойте же ся паче могоу-
щаго и душоу и тѣло погубити въ езорѣ огниаиѣ!
И пакы рече: егда же предадати вы на соудница и пред-
станете на сборниахъ, не нецѣтесе, что отвѣщати, и
не прже проучайтесе, како рещи, или что возла-
голете, дасть бо ся вамъ въ тый часъ, что подобаетъ
глаголати; не вы бо есте глаголюще, но духъ Отца ва-
шего глаголаи въ васъ, Духъ бо свѣтмъ наочити васъ,
что подобаетъ глаголати; сего ради всякъ, иже испо-
вѣсть на предѣ челоувѣки, исповѣтъ его и азъ предѣ

отцемъ моимъ, иже есть на небесѣхъ: иже бо ство-
ритъ и наочитъ се, великъ наречетъ въ царствѣи не-
беснѣхъ: шедше бо, рече, наочити вся языки, кре-
стѣще во имя Отца и Сына и свѣтаго Духа, оучаще
и блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ, и се азъ съ
вами есмь во вся дни и до окончанна вѣка, аминь. По-
добаетъ соуангелью проповѣдатъ во всемъ мирѣ, того
ради рече имъ: шедше во весь миръ, проповѣдайте
соуангелью всей твари,—иже вѣру иметъ и крестится,
спасень боудеть, а иже вѣры не иметъ, не вѣроуетъ, не
крестится, осужденъ боудеть; знаменъ же вѣровавшихъ
послѣдоуютъ си: именемъ моимъ бѣсы ижженоуть и
языки возаголютъ новы, и въ роукахъ зѣла возноуть,
и аще смертно что испюютъ, ничтоже ихъ не вредитъ;
на недоужныя роуки возложати — здрави боудуть; и
власть отъ главы вашея не погнбнотъ: въ тернѣи ва-
шемъ стежитъ душа ваша, и прѣтърпѣиый до конца—
той спасень боудеть! Сего ради оубо повди, потроу-
жайся, троудомъ добрымъ подвижайся, течение скор-
чай, вѣроу сблюди, тѣже и щадитъ ти слѣбенецъ пра-
ведный, иже подасть ти Господь за твой троудъ, не
точью же тебѣ, но и всѣмъ возлюблшнмъ просвѣ-
щеню его, рокше, всѣмъ возлюблшнмъ свѣтое кре-
щенне.

И сна рекъ епископъ и ина множайшая, и благо-
словниъ его, отпуста и рече: поди, чадо, съ миромъ
и буди скрѣняемъ божью благодатью; благодатью бо
Господа нашего Исуса Христа Сына Божна, егоже бла-
говѣстати тѣщися, и любви Бога Отца і община свя-
того Духа да будеть всегда съ тобою і мнѣи и присно
и въ вѣки вѣкомъ, аминь.

Преподобный же Божій рабъ Стефанъ отвѣща къ епи-
скопу и рече: мнѣи отпущаещи раба своего, владыко;
буди мнѣи по глаголу твоему—съ миромъ. И тако лю-
безно целуя десницу епископаго, и рече: да якоже пре-
же приахъ отъ тебе херотонисаніе, рокше, рукополо-
женіе свѣщеничества, поставленіе прозваторства, тако и
мнѣи да приноу молитвоу отъ тебе и благословеніе,
и прощеніе, отпущеніе, яко да прже отъ руки твоея

принялъ благодать, сице и нынѣ же отъ оустъ твоихъ, яко злато, благодать восія, словесы наказаа ми; сего ради възрадоуя азъ о словесѣхъ твоихъ, яко обрѣтаа корысть многу; сѣна же сладка грѣтані мноуоу словеса твоя, наче меду устомъ моимъ, и блягъ мнѣ законъ оустъ твоихъ наче тысящъ злата и сребра, наче злата и топазіа, наче каменя драгаго многа, наче каменн самфира; і о нихъ насладихся, яко о всякомъ богатствѣ, рабъ же твой азъ възлюбихъ азѣло.

И бысть по глаголахъ сихъ, възде пренодобный отъ епископа, радоуяся, яко одаренъ, получивъ желасное, якоже Давидъ вѣща: желанье сердца его далъ еси емуоу, хотѣнія оустъ его нѣ еси его лишилъ. Воземъ съ собою отъ люци святыхъ антимысы и прочая цотребная, яко соуть надобна на освященію святѣй церкви, и святое миро и священное масло и ина таковаа подобо ключимаа, и тако пойдо дрзновсненіемъ и(и)огимъ оустренися во шествію преже роченнаго образа, и оутверда лице свое въ землю Перійскую, яко бѣ лице его градый къ преже роченнѣй землѣ, къ земли забовнѣй, невпроходнѣй и бозьгоднѣй, къ земли пустѣй и гладомъ одержнѣй. Гладъ же, глаголю — во гладъ хлѣбный, во гладъ еже во слышати слова Божіа, еже и Давидъ вѣща: въ дни глада насытятся. Пойдо въ землю, идѣже во ходиша негана сіи святни апостоли, оученицы Господни; во истиннѣ бо тѣхъ соуть красны нозѣ, бляговѣстоующихъ миръ: пойдо въ землю, идѣже не бывааи обиходи апостольстни, идѣже во възде вѣщанію и проповѣданье святыхъ апостолъ, идѣже не бѣ ни слѣда блягочестью и богоразоумца, идѣже ина Божье огниоудоу не именоваса, идѣже покланяются идолумъ, идѣже жрутъ жертвища, слоужаще глухимъ кумиромъ, идѣже молатся издолбенымъ болваномъ, идѣже вѣруютъ въ кудесы, и въ волвованья, и въ чарованья, и бѣсованья и въ прочаа прелести дьявольскія, идѣже соуть глаголемни иновѣзчыици невѣрнии, идѣже рекомни невѣгласи, прельщенни челоувѣца. И преже даже влодищу свою въ землю тоу, и помолися первѣе молитвою ко Господоу Богу, глаголя сице:

Молитва.

Владыко Божо вседержителю, оуслыши молитвою кою, принии молевье мое, сверши прошенье мое, исполни желанье мое, дай же ми смиренному рабоу твоемоу, да послоужю имени твоему божественному, яко да бьхъ шедъ въ люди сва невѣрныа и во языкъ сынъ заблюжшии, и проповѣдаю въ нихъ ина твоо святое и страшное. Ей Господи, буди ми помощникъ и заступникъ; тебе бо помогающеу и оукрѣпляющеу, да бьхъ възмогъ нѣколко отъ нихъ наоучити и обратити и привести ко твоей блягости. Вся бо можеши, елико хочеши; мощно бо ти есть и отъ каменнаа воздвигнути чада Авраамоу! Дароуи мнѣ сподобитися святому крещенью, и призови я въ разоумъ истинны твоой, приедниа и къ святѣй своей сборнѣй и апостольстѣй церкви, и причти я въ стадо твое избранное, да и ти съ нами славить пречестное и великолѣпное ина твоо, възспѣвають Отца и Сына и Святого Духа, и нынѣ и присно и въ вѣки вѣкомъ, аминь.

И тако помоласа Богу, и во молитвѣ дерзновсвіа наполнивса, и ревноуа во Господѣ вседержителѣ, дрзаяа во вѣрѣ а во блягочестни побараа, ревностію божественною ражжеса, крѣпко препоясавъ чресла свои, дрзноювъ, вииде въ ня, яко овца посреде волкъ, и начатъ оучити я о Бозѣ і о вѣрѣ христьянствѣа, да бы познали творца своего истиннаго Бога вседержителя, иже сътвориъ небо и землю и всю тварь видимоую и невидимоую, и прочаа многа словеса къ нимъ изъглагола, възнося слова о(т)ъ божественныхъ висаній, извода отъ святыхъ книгъ, иривода на разоумъ, яко да быша вѣровали и крестили.

Отъ нихъ оубо, слышавше проповѣдь вѣры христьянскаа, ови хотяху вѣровати и креститися, а друзи же не хотяху, во и хотяции възбраилюу вѣровати. Елико же первіе мало вѣкто отъ нихъ вѣровашиа и крещени быша отъ него, тѣ часто прихожаху къ нему и пристѣлаоу присно ему, събѣдѣюще и съвпрошающеся съ нимъ, и во всегда держадуса его и

дѣло его любляю; а яко не вѣроваша, тѣ не любить его и отбѣгаютъ и оубити помышляють. Но яко притоца въ святомъ евангеліи и Господу рече: си изыде съяти сѣмена, и егда сѣюща емоу, ово паде на камени, а другое при поутѣ, а третье въ тернии; си вси три безъ плода быша; ово же паде на земли добръ, и дастъ плодъ—ово тридцать, ово же ово ꙗ. Іоанъ же Златоустъ рече: еще не вси соуть послушливи, снхъ ради учителю не подобаетъ порицати свое дѣло и оставити оученіе непослушливыхъ дѣла, но непрестанно оучити, а да некии Господь Богъ дастъ имъ разумъ истинный. Сце же оубо и сеиоу быша адѣ: отъ вѣрныхъ и отъ крещеныхъ любить и чтенъ бываша, а невѣрнии же ненавидѣша его, и не чествоваша и побрөгаша о немъ. Писерва оубо сіи Степанъ много азапострада отъ невѣрныхъ Перманъ отъ некрещеныхъ: озлобленіе, роптаніе, хноухваніе, хоуленіе, оукореніе, оувичженіе, досажденіе, поношеніе и пакость, овогда оубо врещеніе: смертію прещахоу емоу, овогда же оубити его хотахоу, иногда же оставиша его обополы вкругъ около его съ олошым, и съ великими оуразамъ смерть емоу нанести хотаще, иногда же наги събрашася на ныи множество криволюющихъ и снесоша множество бременъ суха солонны, и огню принесавоу бышоу и солонѣ вкругъ около его обвесенѣ бывши, възсхотѣша хотѣніемъ творити запаленіе рабоу Божию, и снхъ оувѣслыша огнемъ немилостивно въ смерть выгнати его. І възгда еще сеиоу творилоу, божій же рабъ, видя предлежащую смерть и прозря Давидово слово, глаголющее: вси языци обышедше обыдоша мя, яко ичелы сотъ, и разгорѣшася, яко огнь въ тернии, именовъ Господини противляхся имъ, десница Господна створи силу; не оупроу, но живъ буду, исповѣмъ дѣла Господня; показа наказа мя Господь, и смерть не предасть мено; отъврзаете мнѣ врата правды, и шедъ въ ны, исповѣмся Господеві; Господь мнѣ помощникъ, и не оубоюся, что сътворитъ мнѣ человекъ? и не оубоюся отъ темъ людюи наждающихъ на мя окрестъ и враждующихъ мнѣ

всуд; елика же въ печали моеи призвавъ Господа, і оуслыша ны въ пространствѣ. Въ печали же такоу, яко въ тузѣ огненнѣй і акы посреди истершиаго пламене стоа, Бога призывая, глагола: оускори, щедрыи, и подщиса, яко милостивъ, на помощь мою, яко можеша, хотяи, Боже, въ помощь мою вниши; Господи, на помощь мою подщиса; Господи, что ся оумножиша стужающіи мнѣ? мнози вѣсташа на мя, мнози борющіи съ мною, зубы ихъ—оружіе и стрѣлы, языкъ ихъ—ночь остръ; сѣтъ оуготоваша ногами номиа, смѣриша душу мою и ископаша предъ лицемъ моимъ яну, помыслиша заплети стоны моя, скрыша сѣтъ мнѣ, оуже прещаша сѣтъ ногава номиа при стези, соблазны положиша мнѣ весь день словеса моя и мерзавоу азъ, весь день словесехъ моихъ гноушахоуся, весь день ополчахоу брани, весь день боравоу стоужини, весь день сѣтуа хожахъ; Господи, предъ тобою все желаніе мое, желаніе же мое се есть, еже обратити языкъ си Перискій отъ прелести идольския, понеже оуглабоша языци въ нагоубѣ, юже сотвориша, въ сѣти сей, юже сокрыша, оувязе нога ихъ; въ дѣлѣхъ роукоусво еи увязе грѣшникъ, дѣломъ руку своєю поклонившася—коуипронъ, и не вѣдаша, ни разумѣша, во тѣхъ ходяще; но да помянутся и обратятся къ Господу вси конци земли, и да поклонятся предъ нимъ вси отечественныи языки, яко господне есть царство, и тѣ обладаетъ языки; вси бо языци, елика сотвори азъ еси, Господи, придоуть и поклонятся предъ тобою, Господи, и прославятъ имя твоє въ вѣки, и жива боудоуть сердца ихъ въ вѣкъ вѣка; ты же, Господи, заступникъ мой еси, слава моя, превозноса главою мою, яко ты еси приближище оубогимъ, помощникъ во благо время въ печалехъ; да оуновають на ты вси знающіи имя твоє, яко итси оставилъ възыскающихъ тебе, Господи, и не забы званна убогавъ; помилуй мя, Господи, виждь сиреніе мое отъ врагъ моихъ, вознесавъ на отъ вратъ смертныхъ, яко да възвѣщю хвалы твоа въ стѣнѣ сей и въ людехъ тяжкихъ восхваляю ты и въ людехъ Перискихъ прославляю ты, да авно имя твоє человекамъ снхъ,

дабы ти познали истиннаго Бога; и ты оубогимъ чело-
вѣколюбче всемогаи, виждь немощь мою, посли помощь
свою въ помощь мою, помози ми, Господи Боже мой,
и спаси мя милости твоея ради, Господи; спаси же,
Господи, поспѣши, въ благоустроеннѣ помози, Гос-
поди, пособи обрати, Господи, люди сѣи и приве-
сти и къ тебѣ; събери Господи, люди своя расточены и
призови оца своа заблужшаа; самъ бо рекъ еси, Го-
споди: и ны оца взявъ, аже не соуть отъ двора сего,
и ты ми подобаетъ привести, и гласъ мой услышать,
и будетъ едино стадо и единъ пастырь; ты бо еси исти-
ный пастырь и похититель душъ нашихъ, единый безъ
грѣха, не презри дѣлъ роуку твою, отрѣши рабы своа
отъ соузъ дѣвольскѣи—отъ идолослуженья, просвѣти
ниъ очеса ихъ оумная и дай же имъ разоумъ, еже оу-
вѣдати тебе и познати тя единаго истиннаго Бога, яко
нѣсть иного Бога паче тебе, развѣе тебе иного Бога
не знаемъ: ныа твоа призываетъ, яко да прославится
имя твоо въ вѣки вѣкомъ, аминь.

О церкви Перьмьстѣи.

Божій же рабъ Степанъ поволился Богоу, и по мо-
литвѣ потщася заложити святоу церковь Божию. Той
же основаніи бывши и поставленъ, юже възгради пре-
многотоу вѣроу и теплоотоу прензлншнѣи любви, юже
воздвнже чистою свѣстьо, юже созда горящнѣи же-
ланнѣи, юже оукраси ю всякимъ украшеннѣи, яко
невѣсту добру преукрашенну, юже исполни исполнені-
емъ церковнымъ, юже свѣща по свершеніи исполненія
священія великимъ, юже сътвори високу и хорошоу, юже
оустрои красвою и добру, юже възариди чюдну впра-
вдоу и дивну; дивна бо по истинѣ естъ. Емоу же и Да-
видъ послушествуетъ, глагола: свѣта церквѣ твоа, дивна
вправду; дивна же многнхъ ради похваля еи, многнми
же похвалами ю похваляю, не того ради, ниже чело-
вѣчскими хитростми оутворена, или мастерскими кознь-
чи, оумышленна и догадками преоухорошена, но пре-
украшену божнєю славою и добродѣтельми преудоб-

рену, и божественными словословіи прнзмечтану, и
человѣчскимъ спасеннѣи преуспеценну, и правосла-
віа лѣптоотоу преодѣноу, въ ней бо великолѣпными тайны
являются, въ ней же свѣтаа литургіа сътворится, въ
ней же божественныхъ таинъ конканіе съвершается,
въ ней же многнхъ челоуѣкъ души спасаются, въ ней
же многнхъ людемъ прнбѣжище быдася, въ ней же
тѣлесныя грѣхи крещеннѣи омываются, въ ней же ду-
шевныя скверны покааннѣи и вѣроу очнщаются. По-
ставнхъ сїю церковь на нѣстѣ нарнцаннѣи на Усть-
Выни, вѣдѣже Вынь рѣка своияхъ устьемъ вѣшла въ
Вычегду рѣку, вѣдѣже послѣди создава бысть обитель
болшаа, еже по томъ епископѣи его наречена бысть.

(Егда же свѣща церковь сїю, яко быти еѣ, нарече
ю въ ныа пресвятѣи, пречнстѣи, прблженнѣи влады-
чнца наша Богороднца и прнсно Дѣвы Марѣа, чест-
наго ея Благовѣщенія. Устави же са таковыи прад-
ннѣи праздновати нѣснѣа марта 69 день, рекъ, яко
снѣи праднннѣи—со зачало всѣхъ праднннѣи великнхъ
Господннѣи, и яко се естъ начатокъ спасеннѣи нашому.
Емоу же и тропаръ настоящнѣи послушествуетъ, рекнѣ:
день спасеннѣи нашому начатокъ и вѣчнѣи таинѣи я-
вленіе. И яко се естъ мартъ нѣснѣа—начало всѣхъ нѣ-
снѣи, ннѣи и первый наречетса въ нѣснѣихъ, емоу
же свѣдѣтельствуетъ Моиснѣи законодавецъ, глагола: нѣ-
снѣа же ванъ первый въ нѣснѣихъ да будетъ мартъ, да
акоже учнны есмы, ннѣи научаемса нѣи, начало бы-
тнѣи: марта бо нѣснѣа начало бытаа, вса тварь Богоу
сотворена бысть отъ небытѣи въ бытѣи; марта бо на-
чало зданнѣи бытѣи, марта же нѣснѣа въ 69 день и пер-
восозданныи челоуѣкъ, родоначальннѣи Адамъ, рукоу
Божнєю созданъ бытъ; марта же нѣснѣа нѣкогда и Из-
раилстѣи древо люднѣи, акоже и Григорнѣи Богословъ
вѣща, отъ земли Егнпетскѣи и отъ работѣи Фарао-
ннѣи збыта, и моря Чернѣи пучнну немокрннѣи
стопами, яко по суху, пѣи шествоваша; марта же нѣ-
снѣа накі Израилѣи въ землю обѣтованнѣи видо-
та и Перусалнѣи составнша; марта же нѣснѣа накі
Израилѣи паску праднновати по вса лѣта оудержася

бывати; марта же мѣсяца и благовѣщеніе бысть свѣта Богородица, еже архангелъ Гавриль благовѣсти ей, егда Сынъ Божій за наше спасеніе съ небеси сииде и вселися въ пречистую утробу всеевитыя владычица наша Богородица и приснодѣвы Марья и безсѣмни плоть отъ неа възприни; марта же мѣсяца и распатіе Христось волею претерпѣ и смерть за ны пострада, і възкресеніе богодѣино нашь праздновати устави; марта же мѣсяца наки чаетъ възкресенія мертвымъ и втораго пришествія Христова, а страшнаго, грознаго, трепотнаго..... (без)пристрастнаго, неубуѣннаго, беспосоуднаго, всемірнаго суда, егда придетъ съ славою, хотя судити живымъ и мертвымъ и воздати коуждо по дѣломъ, емоуже слава въ вѣки. Но мы преудолжную бесѣду досдѣ изоставивше, и на предлежащее потреба слово возвратимся.

Да елма же оубо мартъ начало естъ всѣхъ мѣсяцевъ и всемоу лѣтоу и всѣхъ еже въ году временомъ, понеже бо мартъ естъ началый мѣсяць, и въ началомъ мѣсяцѣ началый праздникъ, да якоже Благовѣщеніе началый естъ праздникъ праздникомъ и спасенію нашему начатокъ и вѣчнѣй тайнѣ явленіе, такоже и церкви Перискія начатокъ спасенію Перискія земли и вѣрѣ Христове явленіе. Того бо ради божій ноужъ потпаса зѣдати святоую церковь Божию краснотворну и добротѣну, самъ собою прошедъ дѣло со тѣпаніемъ и трудомъ, и великъ подвигъ подъя, воли печаловаше о прелщени людстѣхъ и зѣло тужаше, видя изъ волшебствемъ одержимы и идолослуженіемъ омрачены, о семъ велии скорбаше и по вся дни и по вся ноци Богоу молашеса о обращенїи людстѣхъ, со стонаньомъ же и съ плачемъ Богоу молитву съ слезами приношаше, глагола: събери, Господи, люди своя расточенны и овца своя заблужшая, и введи въ церковь святоую твою, предпни я къ свѣтѣй своей сборнѣй и апостольстѣй церкви, причти я ко избранному твоему стаду, да ты съ нами славятъ въ вѣки, аминь. Обаче не престааше, по апостолу, учи и наказуя, моли и прѣти, оуказалъ нуть истинный и наставляя ихъ на стезю праву,

и суету гунирскую обличаа и предель въдолскую постремляа, хотя прикленн и въ разумъ божественный.

Но людье прежде омрачени, не разумѣюще языци благодати Божіа, аки тѣстоу си нишу ползу сущую имъ: не оудобъ вѣрвоваху, ни тоу абье въскорѣ послоушашу глаголемыхъ, но и гнѣвахуса на благовѣстиделя, и ненавидлаху добротворцаго имъ и ронтахоу наоучителя невъблагодарнии. Иногда же наки въ единъ отъ дний обрѣтоша раба божіа оудединшася, наидоша нашь иножество Перми невъѣрныхъ же и некрещенныхъ, и аки со оубѣйствомъ устремившася нашь, и нападающе нападлаху нашь съ яростью и со гнѣвомъ и съ воплемъ, яко убити и погубити и хотяще, онолчишася нашь еднводушнѣ, и аки лѣки ставше окрестъ его, наприаа наприагоша лоуки своя и зѣло патапуаше я на него, купно стрѣлаи смертоносимыи соущимъ въ лоуцѣхъ ихъ, и право лучными стрѣлами своими стрѣлати его жадахоу, и тако прочее смерти его предатѣ лотяхоу. Божій же стратотерпецъ никакоже оубойся отъ лица нападающихъ нашь и отъ устремленья ратующихъ, и не оубойся стрѣланиа ихъ, по реченому: не убоншася отъ стрѣлы летящая въ день. И егда стрѣлаютъ его, но не убонтся, и яко младенцовы стрѣбы, стрѣланиа ихъ амѣниаше си. Быше тако, о друзи, быше тако Давидова слова видѣти лѣвъ бывающа, еже рече: на Господа оуповахъ, како рече души носѣ—привитай по горамъ яко птица? яко се грѣшницѣ наприагоша лоуки своя и оуготоваша стрѣлы въ тулѣ—сострѣлати въ прѣкъ правыа сердцемъ, зане еже ты сътвориши, они разрушаша, а праведникъ что сотвори? елма же назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегоуетъ нашь зуобы своими, и сматреть оубити его, и ницетъ оумрѣвити его.—Господь не оставитъ его въ роукоу емоу, елма же безъ правды погнаша и; оружье извласкоша грѣшницѣ, наприагоша лоуки своя състрѣлати ница и убога, и заклати правыа сердцемъ; но лоукъ сильныхъ изнеможе, а немощныхъ препоясашася силою, луки скрушишася вражіа, грѣшницѣ бо наприагоша луки своя, но луки ихъ ск(р)ушатыся и оружіе сломитъся, и щитъ согрѣтѣся, иже воз-

стрина, яко оружїа, языкъ своя, напригоша лукъ свой, вещь горку, стрѣляти въ тайныхъ непорочнаго; везану стрѣляютъ его, но не убоятся, того бо ради не убоятся, понеже стрѣлы младенецъ быша язы ихъ.

Божїй же рабъ, обратився къ людямъ Перскымъ, и рече къ нимъ: о братво! обратитесь, сынове чловѣчстии, къ Господу Богу вседержителю вѣроу, покаанїемъ, крещенїемъ, обращенїемъ обратитесь! аще ли не обратитесь, оружье свое оцїстятъ и наострятъ лоукъ свой, наприже и уготова, и въ мѣнь уготова съсуды смертными—стрѣлы своя съ горящими сѣла; да елико то творите, на мя напригая напригающе лоуки своя и стрѣлами своими мнитесь въ мя стрѣляюще, еже на вы лоукою напризаемоу быти, и стрѣламъ пуцаемымъ: се бо яви пророкъ глагола Давыдъ: аще не обратитесь, оружье свое на вы оцїститъ и наостритъ лоукъ свой, наприже и уготова. Также и другїй пророкъ Аввакумъ рече: напризая наприжеша лукъ свой. Великий же въ пророцѣхъ Исаїа рече, аки отъ лица Господня глаголетъ: измѣнитесь, и чисти будете, рекше: креститесь. Еже бо рече: измѣнитесь, крещенїемъ волишь креститися. Аще бо креститесь, спасени будете; аще бо, рече, послушаете мене, земная и благая снѣсте, и жива будутъ въ благыхъ душа ваша; аще ли мене не послушаете, ночь вы поаетъ, оружье вы поаетъ, оуста бо Господня глаголаше со. Мнѣ бо вашихъ стрѣлъ не велено блюстися владыкою ною, тако бо пишеть въ святѣхъ евангелїи: идѣте, азъ посылаю вы яко овца посредѣ волкъ, не убоятся отъ убивающихъ тѣло, а душа не могущихъ убити, оубойте же ся наче могущаго и душѣ и тѣло погубити и не убьены въ геенноу огненную поврещи. Ей глаголю вамъ: того ся оубойте. Еже бо вашии стрѣлами наносила на ны телесная смерть, малоренниая есть и малогоняа, въскоре илнусаа смерть, паче же и не смерть, но живиъ исходатайствуетъ; горе же есть и люто зѣло, еже умрети чловѣку душевноу смертїю: смерть бо, рече, грѣшнику люта есть, рекше, душевная смерть; смерть бо души есть — нѣка вѣчная.

Въ единый же отъ днѣй Божїй рабъ преподобный, помоляся Богу, створивъ молитву и помолитвъ вшедъ въ стери мѣсто, идѣже нарочитая ихъ кумирница, и покушашеся идолы ихъ разорити, и опроверже требища ихъ, и боги ихъ раскопа, и Божїєю силоу нарочитоу ихъ кумирницу зажже и пламеномъ запали ю. Се же створи безо всякого чловѣка, идолослужителемъ того не вѣдущимъ и кумирникомъ не бывшимъ тоу и не соущоу избавляющемоу, ни отнимающемоу я. Створивъ же побѣду ту, не отбѣжа абїе отъ мѣста того, ни оттече ипамока, и не отиде никакоже оттуду, но сѣдѣше на мѣстѣ томъ и пребывашо, аки ожидаа нечѣго грядущаго на ся, но Божїєю благодатїю крѣплишеся. Везану же абїе онѣмъ увѣдающимъ, и тогда стекается прочее сборище ихъ, и срищующимся имъ съ многоу яростїю и великимъ гнѣвомъ и воплемъ, яко затрїе днѣи, устремшася на ны, единаче съ дреколїемъ, друозїи же отъ нихъ мнози похващашоу топоры обѣ одну страну остры въ рукахъ ихъ; обѣступиша же его отвсѣду, и напрасно острїемъ топоровъ своихъ хотяху сѣщи его, влчюще вкупѣ и полѣная глаголюще, и бесчинныи гласы испущающе на ны. I окруживше его, и сташа окрестъ его, а сокирами своими назахуса на ны. И баше видѣти его промежу нїи, яко овца посредѣ волкъ. Не сваршеша, ни боашеся съ ними, но съ кротостїю слово Божїе проповѣдающе имъ, и оучаше вѣрїи Христовѣ и наказаше я всѣхъ добродѣтели; и роуцѣ свои въздѣтъ, аки на смерть оуготовишася, со слезани къ Богу глаголаше: Владыко, въ роуцѣ твои продаю тебѣ духъ мой, и покрѣй мя подѣ крылома свооа си благостыни; се бо за ния твою святое вдахся и вѣнвхся яко овца на законїенїе, яко тебе ради изволихъ пострада вся си, да явилю ния твою чловѣкомъ симъ; обрати, Господи, поганыи въ христанство, да и тѣ боудутъ братья наша, приимше святое крещенїе, да ты съ нами вкушѣи славити, да и въ нихъ о семъ пречистое ния твою прославится въ вѣки вѣкомъ, аминь.

И тако помоляся Богу, пребысть цѣль отъ нихъ и никтоже не возложь руки на ны, яко не оубо бы оуда-

решъ или оузавенъ въ кого, но божиею благодатию цѣль сохраненъ бысть отъ нихъ і невредимъ отъ нихъ пребысть. И тако прошедъ посредѣ ихъ, идаше, Богоу съхраняшоу своего оугодинка и служителя, якоже рече Давидъ пророкъ, яко: не пуститъ Господь жезла грѣшныхъ на жребіи праведныхъ. Господь бо съхранитъ проподобныхъ своихъ, въ вѣки съхранятся; якоже Іеремія пророкъ глаголаше къ Богоу: Господи, се не умѣю глаголати, яко оумъ азъ есмь; Господь же рече къ нему, яко всяко, къ нимъже ты пошлю, і идеши, и елика ты глаголати волю, да глаголеши, и не оубойся въ лица ихъ, яко азъ съ тобою есмь по вся дни, избавляя ти и спасаю ти; и пакы Давидъ глаголаше: не предай же мене въ роуцѣ стужающимъ ми ся и не предаждь и мене обидящимъ ми, но возбрани борющимъ со мною, и да разумѣютъ языци, яко ты еси Господь Богъ, единъ славоу по всей земли.

Поученіе.

Тогда жь божій рабъ, Богоу помолася, покушася пакы оучити а, и ставъ на мѣстѣ равнѣ и нарочитѣ, и въ народѣ, начатъ учити а, яко о царствіи божи, і яко апостоловыи глаголахъ рече къ нимъ:

О человѣци, что се творите? І азъ такоже человѣкъ есмь, но благовѣстую вамъ слово божие и волю вамъ: отступите отъ снѣзъ суетныхъ идольскихъ жртвъ; оставите прелесть кумирскую; убъжите суда и огни вѣчнаго. Что ради поклоняетеся идоломъ, и чтете а, и боги шарцаете а? Болваны названы истуканья, кумири ваши—дрово суще бездушно, дѣла рукъ человѣчeskъ: оуста шмуть, и не глаголють, уши шмуть, и не слышать, очи шмуть и не узрять, ноздря шмуть, и не обоняютъ, руцѣ шмуть, и не осязаютъ, нозѣ шмуть, и не пойдутъ и не ходятъ и не ступаютъ ни съ мѣста, и не възгласятъ грѣшании своими, и не обоняютъ ноздрями своими, ни жртвъ приносимыхъ приимаютъ, ни шмють, ни адятъ. Подобни имъ да будутъ творящени а в вси надвѣющени на ны. А въ негоже вѣрують христьяне и чтутъ и славятъ, того и азъ вамъ проповѣ-

даю. то есть истинный Богъ и итеть много Бога развѣ этого. Тѣмъ же, моужи Прымскіи, братія и отци и чада, послушайте мене, добра вамъ хотящаго, вѣруйте въ Господа нашего Ісусъ Христа, егоже азъ вамъ проповѣдую. То бо есть Христосъ истинный Богъ нашъ. то бо есть Спасъ всѣмъ человѣкомъ, христьяномъ вѣроующимъ въ оны. Возлюбите свѣтъ разума, взрите на высоту разумную умными очима вашими, оставите болвановъ и кудесовъ и всѣхъ Прымскихъ пошанихъ, познайте истиннаго Бога и творца всемогущаго, спаси душа ваша. Азъ бо придохъ къ вамъ, братіе, сказая вамъ благодать, данную мнѣ, яко ище вѣруете и креститесь, спасени будете, і възвѣщавоу вамъ царство небесное; ащели не вѣруете и не креститесь, то осужени будете въ муку вѣчную.

І на мвозѣ же времени сіа емоу оучашоу, и многи увѣща отложати суетную Прымскую прелесть кумирскую і вѣровати въ Господа нашего Ісусъ Христа, и креститася общашася. Аще бо и съ яростию и гнѣвомъ преже устремшася на ны, по обаче увѣщавашася въ миръ кротостью его; аще и со убѣствомъ и съ дреколѣомъ преже нападаша на ны, по обаче благины словеса его и святыми ученьи его на кротость прелагахоуся и втихоу устроихоуся, мирно глаголахоу. Разходящесь, не сотвориша емоу зла никоегоже, но инокажини отъ нихъ крестихася. И тако погалу мвожашася стадо Христово и по-дробноу прѣбывашо христьянъ, подробно бо, рече, создается градъ; а прочіи оставаша некрещени, но всегда же обаче итихоу обычаи сбиратися якоупѣ и сходитися въ мѣсто едно,—или Пермиане къ нему къ новопоставленной церкви оной, о нейже преже рѣхомъ, или онъ къ нимъ во етеро мѣсто оуреченое, на совпрошенъ и на истязанъ. Но обаче отвалѣже церкви его создана бысть, по вси дни приихахоу Пермиане, и некрещении соущо, но на молитву частаще, не яко спасенія требующо, или молитвы ради пририщующо, но видѣти хотяще красоты и доброты и аданья церковнаго, и бяхоу наслажающися зрѣнью прѣбывахоу, и пакы отхожахоу; расходяще же съ не-

вѣрнии соуще, промежю собою другъ другому глагола-
хоу; велику быти Богу сему христьянскому; и видятъ,
якоже и вѣнтся намъ, ако разорити смоу древняя
храмы и давныя требища боговъ нашихъ, не можемъ
бо противитись словесы съ игуменовъ тѣмъ, яко отъ Мо-
сквы ново пришедши смоу; аще не силою и нужею
вроженіемъ его, язвами казнивше и раны доволны
взаложише намъ, ты тако прогнанъ боудеть отъ лица
земли нашея, да некако наполнена будеть вся земля
ученіемъ его: но обаче обычай лихъ имать, еже не тво-
рять начало бою: того бо отъ него ожидаемъ точію повсе-
гда, во не творить сего, но паче отъ насъ ожидать
починка бою, и того ради съ нимъ не скоро ся побѣ-
дѣтъ; аще бы друзнулъ творити начало бѣовіа, то
давно быхонъ растръзаа растръгнулі его и съ скоро-
стію взятъ бы былъ отъ земля животь его и память
его съ шумомъ: но понеже имать дѣготрѣбніе, и не
вѣнть, что иманъ сътворити ему.

Иже баше тогда видѣти люди разбираемы и раздѣ-
лаемы, і лучши раздѣлитися народу на двѣ части: и
едина страна нарицашеть христьяне новокрещенни, і
другая часть нарицашеть кумироджителици невѣр-
ни, и не бѣ промежу ими съгласіа, но распря, и
нѣсть мира въ нихъ, не разгласіе. Того ради кумир-
ници несприидяху христьянъ і не любиху съ ними въ
единствѣ быти, якоже Павелъ апостолъ рече: кая часть
есть свѣту съ тмоу, или кое причастіе есть вѣрну
съ невѣрнымъ, или кое общеніе церкви съ идо-
лы, или кое согласіе истиннѣ съ беззаконіемъ? Тѣмъ
же убо, якоже преди реченно есть, кумирници неспри-
идяху, хулу глаголюще в лауше на преподобнаго и на
христьяны новокрещеныя, ругающесь и подражающе и
дразнаще і пакостьствующе, и слико увѣдаху умно-
жающесь христьяны, толико свѣрѣняху на ны и не да-
даху нчъ житію опочивнѣ, но нападествоваху нмъ и
немалу нмъ обиду творяху. И снѣ видѣ преподобный,
не терпя видѣти христьяны досажаемы, да того ради
не худа баше печаль смуъ о томъ, но часто о семъ
слезами моляше Бога чловѣколюбца день и ноць, да

обратитъ я отъ прелести кумирьскыа къ своей истинѣ.

И пакы иногда, по неколицѣхъ днехъ, и въкоторы
отъ Пермянъ, суровѣйшии моужь, невѣрнии чело-
вѣцы и еще некрещени соуще; собравшеса мнози, и
отъ нихъ овн соуть волсы, а друзии кудесници,
нини же чаротворцы и прочии старцы ихъ, иже сто-
лаху за вѣру свою и за пошлину Пермьскна земля,
яко хотяху развращати вѣру христьянскую. И люгѣ по-
премногу смущающе, спирахуса съ нимъ, хвалище свою
вѣру, хулаще же и укариюще вѣру христьянскую. И
снѣ творяху, часть служаху ему, съпротивляющеса
ему о вѣрѣ. Стефанъ же божнею благодатью и сво-
нимъ досужествомъ всѣхъ снхъ препираше, аще и мно-
гу съпрашанію бывшю; аще и велику промежу ими
нстязанію сущу, но вси препрѣни быша отъ него. Ука-
зая бо, сказаше нмъ словеса многа отъ святыхъ книгъ,
отъ ветхаго и новаго завѣта, і одолѣвъ нни, пострах-
ляше я. І еще пакы многажды побѣжденъ быша отъ
него, и прочее оттолѣ никтоже кому нгдѣже ни
снѣ спиратись съ нимъ о вѣрѣ, всѣмъ бо нмъ уста
загражаше и противу глаголющая обличаше дивно съ
моужь, чудный дидаскаль, испо(л)нъ мудрости и разума,
иже бѣ възмлада научался всѣмъ вѣшнѣмъ философіи,
книжнѣмъ мудроти и грамотнѣмъ литрости, ктомуужъ еще
добраго ради исповѣданна и чуднаго ради наказанна
его, изряднаго ради ученья его, дастся ему даръ бла-
годатный и слово разума и мудрости, якоже Спасъ
рече въ святомъ еуангеліи: сего ради всякъ книжникъ,
научився царствію небесному, подобенъ есть чловѣ-
ку домовиту, иже износеть отъ сокровищъ своихъ вет-
хая и новаа. Снѣце убо и снѣ отъ ветхихъ и новыхъ
книгъ, отъ ветхаго и новаго завѣта, износѣя словеса,
научая, вразумляа, наказуя, обращаа, некийся о лю-
дохъ заблужшихъ, хотя нхъ отрѣшити отъ соуды
дьявольскыа и отъ прелести идольскыа. Того бо ради
и терпаше отъ нихъ по вся дни, зѣло стража, аки
твердый камень, утвержденъ вѣроу, въ толпцѣхъ
подвизѣхъ и искушеньяхъ и бѣдахъ, молясь Богу поли-
твою и постомъ, алач и жажа, жадалъ спасеніа Пермьска-

го, многи досады отъ нихъ принималъ, и за то не гнѣвался на нѣ о всѣхъ сихъ приключившихся ему, ни оскрѣбѣ, ни поропта, не круподушень сымъ и не злопоминивъ; но ваче приложись къ любви спасенія ихъ и желеа обращенія ихъ, всѣхъ уча и наказуа, моля и крота—старцевъ ихъ яко отца, средовѣчныхъ же яко и братію, ушва и младыа дѣти яко чада признаа.

Егда же изволи Богъ своего благодатью, възхотѣ просвѣтити землю Пермскую святыахъ крещеньемъ; услыша бо Богъ молитву и слезы угодника своего Стефана и не забы званія его, услыша Господь гласъ плача его і не презрѣ моленія и прошенія его, якоже Давидъ пророкъ рече: волю боящихся его творитъ и молитву ихъ услышитъ и спасетъ я, хотя всѣхъ чело-вѣкомъ спасенымъ быти и въ разоумъ истинный принѣти, не хотяи смерти грѣшникомъ, но обращенія и покаенія ожидаа въ животѣ ихъ. И тогда собрашеся Пермяне вскоупѣ живущи въ странѣ той отъ мала и до велика, и крещеніи и некрещеніи, яко удивлени быаше промежю собою, вачаша глаголати къ себѣ: слышасте ли, братіе, словеса мужа того, иже отъ Руси пришедшаго? видѣсте ли терпѣнье его и преналишнюю его любовь еже къ намъ? како въ толкахъ тѣснотахъ и не отступи отсюду! а мы велико небреженіе и непослушаніе показаемъ къ нему, и за то не гнѣвашеся на ны, но ні единому насъ не рече зла слова, ни отвратиса отъ насъ, ни сваршеся, ни быашеся съ нами, но съ радостію трѣпляше сіи вся; намъ на животѣ и на спасеніе Богомъ посланъ естъ, и еже глаголетъ царство небесное и муку вѣчную и отнесіе и възданіе кому-ждо по дѣломъ, аще бы се было не тако, не бы сиче терпѣлъ; немъ кумірници наша; разори и боги наша раскопалъ естъ, и не могоша его предати; се естъ вѣистину рабъ великаго и живаго Бога, иже сътворвалъ небо и землю, и елика словеса отъ него реченна быша, вся истинна соутъ; но шедше прочее, вѣруемъ Богу, егоже Стефанъ проповѣда, и рцемъ къ нему: слава ти, небесный боже, пославый къ намъ своего слугу, да спасетъ ны отъ прелесть дьявольския. Тогда възхотѣша креститися еже некрещенни Пермяне, и събрашася къ нему лю-

дѣе инозими, народъ мужи и жены и дѣти, яко на поученье. Онъ же, видя ихъ на крещеніе грядуща, и зѣло преобрадоса обращенью ихъ, и съ веселымъ сердцемъ и со тѣчаньемъ принять и, отверзъ уста своя, наки учяше по обычаю, и многа словеса изглагола къ нимъ и о Бозѣ и о законѣ его, и о вѣрѣ христіанствѣ, и о животѣ и о смерти, и о страшнемъ судѣ и о възданіи кому-ждо по дѣломъ его, и о пр(ес)трашнмыхъ и грозныхъ мукахъ и о жизни вѣчнѣй, привода на разумъ, износя словеса отъ святаго евангелія и отъ божественныхъ апостолъ и отъ богоглаголивыхъ пророкъ и отъ преподобныхъ и богоносныхъ отецъ. Они же оубо въ сласть послушаша ученія его и съ радостію приаша проповѣдь его, и съ тѣчаньемъ вѣроваша словесемъ его. Богъ бо милосердый и челоѣколюбець своею благодатью отарзѣо имъ умъ и очи сердечныи, еже къ спасенію, і всіи ему быху челоѣмъ, припадающе къ ногамъ его, просяще святаго крещенія и знаменія Христова. Онъ же, знаменавъ тѣхъ кождо ихъ рукою своею, прекрестивъ і огласивъ и молитву сътворивъ и благословивъ, отпусти я съ миромъ кождо во свояси, заповѣдавъ имъ по вся дни частити къ святѣй церкви божій, ко оглашенію же приходити оглашенныхъ. И по вся дни молитву творя надъ ними, і по малѣхъ временѣхъ урѣченыхъ молитвовавъ надъ ними доволнѣ, и тако тѣхъ научивъ православнѣй вѣрѣ христіанствѣ и съ женами ихъ и съ дѣтми, и крести я во имя Отца и Сына и святаго Духа; и научи ихъ грамотѣ ихъ Пермскѣй, юже бѣ дотолѣ ново сложилъ; но и всѣмъ имъ новокрещенымъ мужемъ и оумошамъ и отрокомъ младымъ и малымъ дѣтнцемъ заповѣдаа учити грамоту: Часословець явѣ и Осногласникъ и Пѣсница Давыдова, но и вся прочаа кнѣги. Учащихъ же ся грамотѣ, елици отъ нихъ изыкоша святымъ кнѣгамъ, и въ тѣхъ разбираше: оныхъ въ нощъ поставляше, оныхъ же въ дьяконы, другія же въ подьякы, четци же в иѣвци, иѣтію имъ перекрѣзаа и перелагаа и писати научал ихъ Пермскыи кнѣги; і самъ сислогоа имъ, преводяше съ Рускихъ кнѣгъ на Пермскыи кнѣги, и сіа предасть имъ. И такъ оттолѣ другъ

друга учашу грамотѣ, и отъ книгъ книгу переписующе, умножаху, исплъняюще. И снѣ видѣ преподобный, радовашеся душею и благодарственно не престааше день и ноць моля Бога за спасеніе и за обращеніе людей, всегда уча людей, да стадо Христово растеть и умножается по вся днѣ, а нечръныхъ стадо умалывается и убываетъ.

И тако помагавицу Богу, благоволицу же и сдѣлающую, постави другую церковь святую добру и чюдну, по образу предреченному указанному, и въ ней иконы и книги устрои. По и третью церковь на инохъ мѣстѣ. И снѣ изволися ему во едину церковь поставити, но многы, понеже бо людие Черныи новокрещаніи по въ единомъ мѣстѣ живяху, по здѣ и ондѣ, ово близу, ово же далѣ; тѣмъ-же подобаше ему разныя цркви на разныхъ мѣстѣхъ поставляти по рѣкамъ и по погостомъ, цѣже косяждо прилично, яко самъ мѣстѣ. И тако убо церкви святыя създадутся въ Черни, а идолы скрушашася.

Какову же ровность стѣжа преподобный на блъзаны, глаголемыя кумиры, како възношавидѣ я пренногіа ради ирзюсті ихъ, и съвршенною ненавистию възненавидѣ я і до конца опроверже а, идолы попра, кумиры скруши, богы ихъ раскопа, еже суть блъзаны истуканныя, названныя, издълбленыя, вырѣзомъ вырѣзанныи,—сна до конца испрѣверже и топоромъ постѣче я, и пламенемъ пожже я, и огнемъ испопелі а, и безъ остатка потреби я; самъ по лѣсу обходя безъ лѣности съ ученики своими и по погостомъ распытуя, и въ домѣхъ низскупя, і въ лѣсѣхъ находя, і въ привожѣхъ обрѣтая, и здѣ и ондѣ,—ездѣ находя я, домдеже вся кумирница ихъ испроврати, и до основанія искоренише я, и ни единаже отъ нихъ не избывъ. А еже повѣшаное оболо идолъ, іли кровля надъ ними, или на приношеніе, или на украшеніе ихъ привесенное, или соболі, или кунци, или горностан, или ласици, или бобры, іли ласици, или медвѣдья, или рыси, іли бѣлки,—то все събравъ въ едину кучу, съкладе і огнемъ предасть я. кумиры иже обухомъ въ лобъ

ударяше, ти поточъ топоромъ иссѣчаше я на малыя полѣнца, і огнь възгнѣтивъ, обою сгарашо огнемъ—и куча съ кунциами и кумиръ вкучѣ съ ними. Себѣ же въ приобрѣтеніе того прибытка не принимаше, но огнемъ сжегаше я, глаголя, яко се часть есть неприязнена. И о семъ зѣло дивляхуся Черныи, глаголюще: како не принимаше себе всего того въ корысть? како не искаше себе въ томъ прибытка, како отринуся и презрѣ толкико итѣна сн, како поврже я потонта нагана сн толка стѣжанія? И рѣша другъ ко другу: по истинѣ, сей есть божиѣ рабъ, се есть божиѣ угодинокъ, се поистинѣ на наше спасеніе Богомъ посланъ есть, и снѣ вся творить Бога ради и нашего ради спасенія, а не своего дѣла прибытка, или итѣна ради съкровища, и снѣ творить утверженія ради вѣры христьянска, а не своего ради приобрѣтенія корысти и прѣтяжанія, апостолу глаголющу: но ѣща своеса възамъ, но многыхъ, да снѣ спасеть, и еже рече: творити же и учити. Бѣ бо възбранилъ преподобный ученикомъ своимъ сн и отрокомъ своимъ, служащихъ ему, не повелѣ отинюдь взяти что отъ кумирницъ или златное, или серебряное, іли мѣдъ, или желѣзо, или олово или иное что и прочее отъ прѣжереченныхъ. Бяху бо въ Черни кумиры разнорачныи, овои болшии и меншии, друзи же среднии, а иви нарочити и словутнии, і иви ивозни, и никто можеть исчети ихъ; овѣхъ убо рѣдци малыхуся и худу честь въздаваху, а другимъ же ивози не токмо ближнии, но и дальнии погостове. Соуть же у нихъ етера кумиры, къ нимъже издалеча прихожаху и отъ дальнихъ мѣстъ поминки приношаху, и за три днѣ и за четыре и за недѣлю соущі, и съ всяцѣхъ тѣщаніемъ привосы и поминки присылаху. И како могу исказати дѣйствованія ихъ? бѣса бо, похвативше оуть и зволеніе Черни, и исплъниша всю страну и землю ту прелести кумирьскыа. Се же бысть ихъ отъ многіа грубости и невѣданія і нечѣстности. И тако пребывающыи имъ вся времяа днѣи своихъ и въ такой прелести живущиимъ имъ вся днѣи живота своего, домдеже постѣти ихъ Спасъ нашъ свышю милостию своею и устрои угодинокъ своего Сте-

сана, вдохну въ оны свою си благодать, еуже просвѣти ихъ, сѣдѣвшихъ въ тьмѣ и сѣни смертѣй, живущихъ въ прелести идолослуженія, и освѣти ихъ свѣтъчъ крещеніемъ, а вся идола ихъ погуби, а илѣбница ихъ разруши, а жрътвища ихъ разори, а кумирница ихъ до конца ивлжонивъ, испровръже, аки со иногю властію, и тако погубо память ихъ съ шумомъ.

И пакы о семъ излѣха двѣлахуся Пермяне, глаголюще: како идола побывал, а самъ цѣлъ и нескрушенъ есть, въ ноци и въ дни хода промежу кумиры и испрометахъ ихъ, и отъ нихъ пребысть цѣлъ и невредимъ, и не могоша его идола вредити и кудесы бѣсовскыя не могоша нанести наъ илкоокоже вреда, никакова ала не створиша ему? Бѣ бо у нихъ преже дотолѣ пошлѣна была въ Перми сицева до крещенія: аще который Перминъ прикоснется хъ кумиру, или возметъ что ото идолослуженія, или аданное я принесенное блѣваномъ, или наменное і оборченное бѣсомъ, или ино что неповелѣнное и възбраненное ими требно кумиромъ посяметъ, то извержаеть его и изламаеть и искритаеть; тако бо на се бѣяху кудесы кудесники ихъ, да того ради никтоже ничтоже не сѣяше взати или вѣзю или вѣзѣ, или что украсти отъ кумирницъ или отъ идоложрътвенныхъ и отъ кумиротребныхъ. Добрый же Стефанъ, мужественный доброповѣдникъ, не имый страхоуанія, но безъ боязни и безъ оужасти и по кумирницамъ ихъ хожаше і въ ноци и въ дни, и по лѣсу и по полю, и безъ народа и предъ народомъ, и обухомъ въ лобъ бѣяше идола и по ногамъ сѣкрушаше я и сѣкирою сѣчаше я, и на удеса расѣкаше я і на полѣвіе раздробляше я, и на ивереніе раскрошаше я, і до конца искореняше я, і огнемъ сжегаше я, и пламенемъ испепеляше я; а самъ отъ нихъ цѣлъ и невредимъ пребываше, и не могоша идола вредити его и никосогоже зла бѣс не могоша-ему створити. Что ли могутъ створити бѣси, или что могутъ вредити идола, что ли успѣютъ иделослужители, или что могутъ дѣйствовать кудесники, кумирники, чаровники, Богу хранящу своего раба и съблюдающу своего оугодника и плѣки ап-

гельскими огражающу. по реченному. Давиду глаголющу: оплѣчится аггелъ Господень окрестъ болящихся его и освѣнитъ еси надъ главою его въ день брани. Господь охранитъ вхожденіе твое и исхожденіе твое: не приидеть къ тобѣ зло и рана не приступитъ къ тѣлеси твоему, яко ангеломъ своимъ заповѣсть о тобѣ хранити ти во всѣхъ путехъ твоихъ, и на аспяду и василискъ наступиши и поирени лѣа и зміа? Якоже Иерѣмѣа пророкъ ко Господоу глаголаше: Господи, се не оумѣю глаголати, яко младъ азъ есмь. Господь къ нему рече: къ нимъ ти послю, и идеши и не оубойся отъ лица ихъ, яко съ тобою есмь во вся дни, избавляя ти и спасая ти; и пакы и Давиду глаголющу; ибо рука моя поможеть ему и мышца моя укрѣпитъ ихъ, и ничтоже уойѣетъ врагъ наъ, и сынъ безаконія не приложитъ озлобити его. И самъ Спасъ въ еуангелѣи рече: се дахъ вамъ власть наступати на зміа и на скорпіа и на всю силу вражію, и ничтоже васъ не вредитъ, обаче о семъ не радуѣтеса, яко бѣси вамъ повинуются, радуйте же ся о семъ, яко имена ваша написана суть на небесѣхъ; и пакъ рече: шедше научите вся языки, крестяща(о) я во имя Отца и Сына и Святого Духа, учаще я блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ, и се азъ съ вами есмь во вся дни и до скончанія вѣка, аминь; и пакы рече: съ вами буду и въ васъ пробуду и не оставлю васъ сирь. И пакъ же речеся: се азъ есмь съ вами и никтоже на вы. И Павелъ апостолъ рече: аще Богъ по насъ, то кто на ны? и кто поемлетъ на избранныя Божія? Богъ оправдаа ихъ, и кто осужаитъ? и кто ны разлучитъ отъ любви Божія: скорѣзь ли, или туга, или гоненіе, или гладъ, или нагота, или бѣда, или мечъ? пропирая бо ся, яко ни смерть, ни животь, ни аггели, ни власти, ни настоящая, ни грядущая, ни мытѣшная, ни будущаа, ни высота, ни глубина, ни ина нѣкаа тварь не можеть насъ разлучити отъ любве Божія, аже о Христѣ Исусѣ.

Въ одинъ же отъ дній прїидоша Прмяне къ нему и възпросиша его, глаголюще: молимъ тя, добрый нашъ учителю и правовѣрїа наставниче, рци намъ, что ради излюбилъ еси себѣ только богатства, еже предъ реченная вса обрѣ-

такая въ кумирницахъ нашихъ, и изволилъ еси огнемъ жженци наче, нежели къ собѣ въ казну взати и въ свою ризницу на потребу свою и сущиимъ съ тобою ученикомъ, но реченному: достоинъ бо есть дѣлатель мзды своей? Преподобный же отъцъ нашъ, рече мнѣ: ностѣ ли слышали божественнаго Павла апостола, Ефессомъ глаголюща: пощито, рече, яко три дѣла день и ночь не почивахъ, съ слезами уча и наказуя единого кождо васъ; и нощи: сребру или злату или ризамъ, или иному имѣнью — ни единомуже въскотѣхъ; сами вѣсте, яко требованію моему и сущиимъ со мною послужиста рудѣ ваши: вся указахъ вамъ, яко тако тружашеся подобаетъ подонати помощныя; благо бо есѣ дати, нежели взимати. 6

О нравѣхъ вѣхъ.

Приде кто вѣхъ, чародѣемъ старецъ лукавый и нечестивъ, нарочитъ кудесникъ, вѣхвомъ начальникъ, обавникомъ старѣйшима, отравникомъ болшій, иже на вѣхшобныя хитрости всегда упражняся, иже кудесному чарованію топлъ съ помощникъ, ина ему Памъ; сътникъ бо быше во странѣ той. Сего же дремле Пермяне покрощеніа чтаху наче всѣхъ прочихъ чаровниковъ, наставника и правителя его нарицающе собѣ, и глаголаху о немъ, яко того вѣхшвеніемъ управленіа быти Прямѣа земли, и яко того утверженіемъ утверждается идольская вѣра. Иже отънюдь нечѣренъ смъ и некрещенъ, присно ненавида вѣры христьянскыя и не любя христьянъ, некрещенымъ убо Пермяномъ и нечѣрныимъ не велашо вѣровати и креститись, хотящымъ же вѣровати възбранашо и запрещашо, вѣровавшихъ же и крестившихся раз(в)рацашо. Иже шедъ иѣкано, обрѣто иѣкіа христьяны, Пермяны новоученыя и новокрещеныя, и едначе еще неутвержены сущо въ вѣрѣ христьянствѣа, начатъ рас(в)рацати я, и расслаблаше ихъ ветхымъ ученыемъ своимъ прелестнымъ и суетнымъ, и многими словесы обавными и чаровными покушашеся утѣщати я; аще ли кого не можашо словесы и прѣтвѣи своимъ прелести и прелестити, то ласкави-

емъ и посулы дая въз; инако бо не можашо кого превабити отъ вѣры христьянскыя, аще не развѣ точно не издою и даиеніемъ: егоже бо многожды словесы не можашо утѣщати, то посулы хотяше оудолѣти. Быше же ученіе его на всякіа хулы и ереси, и порча и нечѣрствыя, и кощуны и дѣтскии сѣтѣхъ. Се же слышавъ преподобный, скалися зѣло и стужиса велики, яко и не любо емоу бысть, поноже рече: елико азъ съгражаю, толико же онъ наче разаряше. И многожды о семъ спирахуса промежу собою, и не бѣ равно бѣсѣдованію ихъ, и нѣсть конца рѣченъ емо: овъ бо тому не покоряшеса, овъ же сему не повишешеса, и другій другаго не послушашо, и пръвѣй прѣваго неразумна шеновашо, и нестройни раскожахуса, поноже овъ свою вѣру хвалише, овъ же свою, единъ же не признаше сего преданіа, и другій отарашашо сего повелѣніа. По кудесникъ часто приходя, овогда убо втаю, овогда жъ възъ, разарашо новокрещеныя люди, глагола: Братіа, мужи Прямѣи, отческихъ боговъ не оставляйте, а жртѣи и требъ ихъ не забывайте, а старыя пошлныи не покидывайте, давныя вѣры не пометывайте; еже творяша отци наши, тако творите; мене слушайте, а не слушайте Стефана, иже новопришедшаго отъ Москвы. Отъ Москвы можеть ли что добро быти намъ? Не отуду ли намъ тяжести быша, и даны тяжкіа и насилства, и тивуны и доволщиди и приставищиди? Сего ради не слушайте его, но мене наче послушайте, добра възъ хотящаго; азъ бо есмь родъ вашъ и единая земля съ вами, и единъ родъ и единоплемененъ, и единая колѣно и единъ языкъ; зѣло вы естѣ мене послушати наче; азъ бо есмь вашъ давно и учитель, и подобашо вамъ мене послушати, старца суща і вамъ аки отца наче, нежели ового Русина, наче же Москвитина — и млада суща предо мною вѣрстою гѣлесною, и маломѣтна, уна суща възрастомъ, зѣты же предо мною яко сына и яко внука мнѣ; да сего ради не слушайте его, но мене слушайте и мое преданіе дрѣжите, и крѣпитоса, да не побѣженъ будете, но наче побѣдите и. Людѣ же новокрещеніа отъцъ нашъ, рѣша: не побѣдиомъ, старче, но

паче всѣма побѣжденъ быхомъ, и бози твои, глаголюхъ кумири, паденіемъ падоша и не вѣсташа, изриновеши быша и не могутъ стати; ти спити быша и падоша, ны же вѣсташомъ и исправихомся, сътъ ихъ съкрушися и мы забавлени быхомъ, и нынѣ помощь наша отъ Бога, сътворшаго небо и землю; не можемъ противитися съ Стефаномъ противу смыслу и разуму его, ниже глаголаше, ниже ему съ нами крѣпко бравшуся словесы евангельскими, апостольскими, пророческими, паче же отеческими и учителскими, и побѣдени быхомъ словесы его, и лѣтними быхомъ ученикомъ его. И ако азъveni быхомъ любовію его, и яко стрѣлы унзоша въ насъ, и якоже сладкою уженіи стрѣлою утѣшеніемъ его, и того ради не можемъ, не хотимъ неслушати или противитися, не можемъ бо стати на истину, но во истинѣ. Кудесникъ же рече: едначо вы безъ разума есте, слаби же и груби и зѣло страшиви, и малодѣри; азъ же крѣпко навъ вооружуся и принесу холбище боганъ своихъ, и пожру жртвы, и створю о томъ кудесы, и наущу боги своя иногіа навъ, и вжденуть и утрашати и истѣрушати, в тако потребленъ будетъ отъ лица моего; огда же одолѣю ему, тогда вся вы примыку къ собѣ наки въ пръвую вѣру свою. Христьяне же, посмѣяшеся ему, и рѣша: Безумне старче, что все хвалиши на истиннаго раба Божиа? Се бо Стефанъ и боги ваша расконалъ есть, и не моглоша его вредити, ниже съ нарочитыхъ кумировъ стинавъ пелены, и помета отрочищу своему, именовъ Матеѣйку, и сътвори въ нихъ гаша и овуца и моганища, и износіа безъ пакости и безъ вреда; се же сътвори не яко прибытка ради, но на поруганію идолъ. Да аще миниможу (?) Матеѣйку, а нашего же рода былъ точ(ію) прже Перьминъ, послѣди же вѣровавъ и крестися и бысть ему ученикъ, и не моглоша ему кумири зла сътворити; да аще ученика не моглоша вредити, колима паче учителя? Тѣмъ отъ сего паче разумѣхомъ и познахомъ и вѣровахомъ, яко суетни суть и немощни и прелестни бози твои; ниже себе не могутъ пособити, тебѣ ли пособлятъ, ниже себѣ не моглоша оборонити, то-

(бо) боровитъ? Того ради отърѣгохомся идолския лети, и единаче реку: отрицаемъ сотонъ(ы) и всѣхъ дѣлъ его, и всѣхъ аггелъ его, и всѣхъ служебъ его, всего студа его, и общахомся Христови, и елика въ Христа крестихомся, и его знаменіемъ знаменахомся, и тако вѣруемъ въ единого Бога Отца и Сына и святаго Духа, въ святую Троицу, и якоже здержити преданіе събраная апостольская церковь, ксимъ же именовѣдемъ едино крещенію въ оставленію грѣховъ, и чаетъ въкресеніа мертвыхъ и жизнь будущаго вѣка, аминь. Ты же, чародѣивый старче, что ради, остави главу, и кѣноганъ бесѣдуешіи? аще еси силонъ словесы, то съ нимъ спарайся, а не съ нами. Аще ли немошонъ еси, то вскую стужаеша нама и смущаеша ны? но отойди, но блазимъ нами; вѣдмъ буди, ако не входиши двори въ дворъ овчій, но ниудѣ прокрадываошися, и испльменъ еси татьска гласа и разбойничя подобія; мы бо есмы овчата словеснаго стада, и своего пастуха гласъ знаемъ, и его повелѣнія слушася, и во немъ послѣдуемъ; но тебѣ же, но чюжомъ, не идемъ, но бѣжимъ отъ тебе, яко не знаемъ чюжого гласа. Онъ же уклонися, съ гнѣвомъ рече: яко вы младоумни есте и скудствонъ смысла ходише, того ради васъ онъ и гнѣмонъ переневѣда своимъ коварствомъ, оуродивъ суще, якоже и самъ, такоже и васъ, аки подобни себе, приобрѣлъ есть въ всяко; мене же не мошно ему коварствовать, яко азъ скоро низложу и.

И быше сіи кудесникъ лють супротивникъ ириводбному и злоратоборець волникъ, ноукротимъ супостатъ и боритель, хотя развратити вѣру христьянскую, и лють попрениогу възмущаше вѣрныи, повсегда спарашеся съ нимъ, часто супротивася ему о вѣрѣ, якоже древо Авни и Замирій въ Египтѣ противистася Моисію, и якоже въ исходѣ Израилевѣ еше отъ Египта въ сборѣ Иудѣйствѣи наки възпротавишася людіе Моисію, отъ нихъже есть Корѣи и Дафанъ и Авиронъ, на нихъже разгнѣвася Господь Богъ, и разврьсеса, зину земля подъ ними, и пожре а і домы ихъ поглоти; тацѣмъ бо каземъ повинни суть, ниже Богу и его повелѣнію супротиватся; и якоже въ дѣяніихъ святыхъ апостолъ (Влаума

взхвъ супротивалишеса апостолу Павлу, ища развратити Анофата отъ вѣры, еможе апостоль сотвори ослѣпнути, рече бо тогда Павелъ тому Елему взхвъ: о напльненіе всякаго лукавства и злобы сыну дьяволъ, враже всякоя правды, не простаеши развращая правыя пути Господня, и се нмѣя рука Господня на ти и буди слѣвъ, невидя и солнца и свѣта. И абіе въ тогъ часъ бысть слѣвъ взхвъ и хода ошупъ, и искашо вожа, и бысть страхъ на всѣхъ видящихъ и слышащихъ се. И якоже Симонъ злыи взхвъ предъ Петромъ царемъ спирашесь съ Петромъ апостоломъ, и зѣлю возгордѣси, възнесе душою и тѣломъ, и съ воздуха низпадъ разбися, и погибе и душою и тѣломъ, и якоже Александръ ковачь противалишеса Павлу апостолу, о вѣнже и рече Павелъ: Александръ кузницъ много ми зла сътвори, да вдасть ему Господь противу во дѣломъ его, зѣлю бо противитеса словесемъ нашимъ. О таковыхъ убо супротивницѣхъ пророкъ Михія, таковыи ради злобы людскія рыдая, глаголетъ: языкъ ихъ възгрѣдѣся въ устѣхъ ихъ, увы душе, яко погибе гортѣнъ отъ земля. И пророкъ Давидъ рече: гробъ отворѣсть гртѣнъ ихъ, языки своии ащаху, суди ихъ Богъ! И Соломонъ рече: злыи человекъ съ досажениемъ бѣдѣдуеть, и того ради изъ устъ безумныхъ жемъ досажению. Сице оубо сіи злыи взхвъ, чародѣивый кузеникъ, зѣлю възгрѣдѣся на раба Божіа и на Бога худина глаголы възнушая, укариаше же и уничижаше вѣру христьянскую и проповѣдь евангельскую похуляшо, и людемъ съ гнѣвомъ глаголаше: азъ вашего дядаскала Стефана но божья, супротивленія и суетловія и сущихъ съ нимъ ученикъ его, и единъ азъ на всѣхъ вооружаюся, ни во чтоже ми суть яже отъ тѣхъ глаголемая, аще и нмѣтеса мудри быти; азъ же мню, яко брѣлю низложу я, якоже колеблемо листвіе и вѣтромъ трисомо, тако низпадутъ, но могутъ бо стати предо мною, ниже предъ лицемъ жонь прити не стерпѣять, но яко воскъ противу пламени велику, приближитеса и пестаетъ: нежели словеса соврѣтиса со мною събѣтъ на гаданія и прѣсія и испланія. Божій же че-

ловѣкъ Стефанъ, укрѣпився благодатию Божією, и рече къ волхву: о прелестниче и развращенію начальниче, вавилонско еѣня, халдѣйскій родъ, хананейскоо племя, тми темныи помярочное чадю, Пентаполиевъ сынъ, Египетскія прелестныа тѣми внуоче и раздрюшеннаго стлѣпотворенія правнуче, послушай, тако глаголетъ Исана пророкъ: горе напаяющему блажнаго своего сѣтшенія мутна; и тако ти глаголетъ пророкъ Давидъ: что се хваліши о злобіи свію, безаконію весь день и неправду умысли, языкъ твой яко бритва изострена, сътворилъ еси лествъ, възлюбилъ еси злобу паче благостыни, неправду неже глаголати правду, възлюбилъ еси вся глаголы потопныи и языкъ лествѣвъ, сего ради Богъ разрушить дѣла де конца, въстрѣгнеть ти и коронъ твою отъ земля живущихъ, понеже укариаша вѣру христьянскую; рдіи ми, оканіе суетудрый старецъ, что ради хулити и уничижати начинаеши свасвѣтельную евангельскую проповѣдь, еможе темнии просвѣщеніи быша, еможе погибшими изобрѣтени быша, еможе тмами благаа сътворишася? Что сего лучши есть, емо служити живу Богу вседръжителю, и единородному Сыну его, и съ святымъ его Духомъ? гѣи бо есть Богъ боготъ, Господь господемъ, царь царемъ, еможе держава непремениа и слава непостижна, иже живеть въ свѣтѣ неизрочениѣ, непреступиѣ и неприкосновеніѣ, еможе предстоить съ страхомъ и съ тронетомъ небесныи воинства, бесалотныхъ чиново, и тми тмами архангелъ предстоить предъ нимъ и тысяща тысящами ангелъ служатъ ему; иже безпрестани славятъ, и вопіюще и глаголюще: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ, исильнъ небо и земля славы его; иже всяческая отъ по бытіа въ бытіе приведе, ижеже всяческая съдржѣтеса и съставляются, промыслонъ его правна суть? Въ того вѣрвати подобаетъ паче и того чтити добро есть, и тому служити лучши есть, нежели бѣсомъ пагубнымъ, и долочъ бездушнымъ вашимъ богамъ, кумиромъ глумимъ, блѣвномъ безгласнымъ, истуканнымъ безсловеснымъ, и дѣльбеннымъ, извааннымъ, всякаго страха и студа и снѣженнымъ, и всякіа сквер-

ны дѣлателемъ и всякаго зла обрѣтателемъ, и всякаго грѣха творителемъ. Да аци жѣ сами суть идоли, тацкижѣ и вѣрующіи въ нихъ, подобни имъ суще. Давидъ бо рече: подобіи имъ да будутъ творити и и вси надѣющіи ся на нѣ, иже въ шмышномъ вѣцѣ, побдутъ въ огнь вѣчный и неугасаемый, уготованный дьяволу и аггеламъ его.

Кудесникъ же и чаровникъ преже нача въ умѣ своемъ кичитися и величатися, словеса своя грьдася иривно, отвѣща, глаголя: коюю властію сія твориши, или кто есть давый тебѣ власть сію, или кто есть пославый тя въ землю нашу, да сія твориши, яко боги наша испоругалъ еси, и храмы ихъ разрушилъ еси и огнемъ пожегъ еси, и службу и честь нашу обезчестовалъ еси, и вѣру нашу накоронити градеши, и не точію же се, но и насъ самѣхъ всѣхъ прихватити хочещи своими ухищреніи и подобни себе сѣтворити желеши? И таковое лажохитръство сдѣлалъ еси, иже ни въ никтоже ни сотвори, ни имать, ни сибѣть, не можетъ сѣтворити; и такуюю вещь сдѣлалъ еси, еже и слухъ нашъ не вѣстать, и языкъ нашъ изглаголати не дръзеть. Яко творяція таковая, во суду моему, достойни суть казненъ и повинни смерти, еже и будетъ ти вскорѣ отъ мене. Азъ бо не обгнѣюся сѣтворити кудесь на твоо потребованіе, и мнози боги мои напушу на погубленіе твое, еже не потребити отъ земля память твою, и сотворю несть богомъ моимъ вскорѣ, и отищеніе всѣхъ моихъ, приишихъ отъ тебе спасити.

Божій же священникъ рече ему: и ниже хвалишися и ниже поминаши, бози твои, погубоша. Бози бо, рече, иже не сотвориша небеси и земли, да погибнутъ. Не си ли вси суть иже, отъ руку нашею низложены быша, и огнемъ пожежены быша, и немощни и безъ вѣсти быша? Слово честнаго пророка Моисія исполнися, глаголющее: бози, иже не сотвориша небеси и земли, да погибнутъ. И тѣмъ же боговидецъ Моисій, законодавецъ въ ветвѣхъ законѣ, въ своихъ книгахъ, глаголемыхъ Десятизаконіи, рекше во Второзаконіи, во второй ибснѣ, аки отъ лица господня, сице глаголетъ: гдѣ суть бози ихъ, о нихъже уповаша на нѣ, иже тукъ

жртвѣхъ ихъ ядате, и пьете вино требъ ихъ? Да въскрснутъ и да встанутъ и помогутъ вамъ, и будутъ вамъ покровители! Видите, видите, яко азъ есмь Богъ и итѣсть много развѣ мене: азъ убію и живи сотворю, поражаа изцѣлю, и итѣсть иже иметь отъ руку мою. Вы же постыдите(ся) о идолѣхъ своихъ, и не летитесь ими, надѣющесь на нѣ. И паки той же Моисій рече: не суть бо бози ихъ якоже Богъ нашъ! И Давидъ пророкъ къ Богоу рече: прострѣ ярость твою на языки, не знающая тебе, и на царствія, иже имени твоего не призвана!

Влѣшобный же кудесникъ рече: бози наша аще поругани быша отъ тебе, но милосердоваша и не погубиша тя; аще ли бы не стажали милосердіа, то давно бы ты сокрушили и искртали; и по сему разумѣвай, яко добри суть и милосерди, и яко вѣра наша многинъ начо лучше есть вашей вѣры; попоможе у васъ у христьянъ единъ Богъ, а у насъ мнози бози, мнози носѣшники, мнози поборники: тѣ намъ даютъ ловлю и все елико въ водахъ, и елико на воздухѣ, и елико въ блатехъ и въ дубравахъ, и въ борѣхъ и въ лузѣхъ, и въ порослехъ, и въ чащахъ, и въ березникѣхъ и въ соснахъ, и въ еликахъ, и въ раменѣхъ и въ прочихъ лѣсѣхъ, и все елико на деревѣхъ, бѣлки, или соболи, или кунци, или рыси и прочая ловля наша; отъ нихъ же и до насъ достигнутъ шмыѣ, нашею ловлею, и наши князи и бояре и вельможи обогащася суть, въ шже облачатся и ходять и величуются подолки рязъ своихъ, гордящася о народѣхъ людскихъ, толикими долгими времены избилующе и многовременными лѣты избилующе и промысльствующе. Но наша ли ловля и въ орду посылаются и досязаютъ даже и до самаго того инимаго царя? Но и въ Царьградъ и въ Нѣмци и въ Литву, и въ прочая грады и страны и въ дальни языки.

И паки другойци: наша (вѣра) лучши есть начо вашей, яко у насъ единъ человекъ, или самъ-другъ, многожды исходитъ на брань, еже братися съ медвѣдемъ, и брався, побѣдѣвъ, низложитъ его, яко и кожу его принесетъ; у васъ же на единого медвѣда мнози исходятъ, и

слово яко до ста или до двои сотъ, и многожды овогда привезуть обрѣтине подвида, иногда же безъ него възрацаются безъ усѣха, ничтоже везуще, но всеу тружашеся, еже намъ се вшитя смѣхъ и кощунъ.

И наки другойци: наша вѣра лучши есть: вѣсти у насъ вскорѣ бывають; еже бо что сдѣется на далитѣ страшѣ, на иномъ градѣ, на деватой земли, сего дни досидѣлося что, а сего дни въ томъ часѣ вѣсти у насъ умѣные обрѣтаются, егоче вы христьяне неудобъ возможете увѣдати, во многи дни и во многа времена не увѣдасте; да тѣмъ наша вѣра лучши есть многымъ наче ваша, ниже многи боги ни ны поспѣшествоваша намъ.

Божій же священникъ отвѣща, рече ему: снѣ ли хвалишися, окаянно, многобожіе вводя, и многи боги варицаши, ниже было подобало наче постыдѣтися, во реченному: да постыдѣтся вси кланяющеся истуканнимъ, хвалящсе о идолѣхъ своихъ? Слыши же и наки Давида глаголющ(а): Богъ же вашъ на небеси и на земли, вся елико восхотѣ, и сотвори; кто Богъ велий, яко Богъ нашъ? страшенъ есть надо всѣмъ боги! Яко вси божи измчестіи—бѣси суть, и идоли измчестіи—сребро и злато, дѣла рукъ чловѣчскъ: уста шутъ и не глаголютъ, очи шутъ и не видятъ, уши шутъ и не слышатъ, носдри шутъ и не нюхаютъ, рунѣ шутъ и не осязаютъ, нозѣ шутъ и не ступаютъ, и не воскликнуть грѣмъ своимъ; подобни ниже да будутъ творачи а и вси надѣющсе на на! Сого ради не подобаетъ вамъ во многи боги вѣровати, еже есть многобожіе, леств кумирская, но въ единаго Бога вѣровати. Тако бо святіи отци, на соборѣ вѣру устанавлиюще, рѣша: вѣрую въ единаго Бога. Единъ бо Богъ воистину, въ него же вси христьяне вѣрують, и нѣсть иного Бога ни на небеси вверху, ни на земли низу, но токио единъ Богъ Израилевъ, иже и Адама созданный, вѣки сотворивый, иже въ ветвѣхъ завітѣ древле глаголавый съ Моисеемъ на горѣ Синайскѣй, рѣкій: азъ есмь Богъ Авраимовъ и Исааковъ и Яковъ. И наки рече: азъ есмь Богъ пръвѣй, азъ же и по сихъ и

въ вѣки грядущая азъ есмь; и наки рече: азъ непрѣтнѣнсь. О немъ же Перемѣя пророкъ рече: се Богъ вашъ, и не приложитя ниже къ нему; і Давидъ пророкъ рече: яко ты еси единъ Господь Богъ, единъ славень по всей вселенитѣ! Его же и вси пророци прорекоса за многа лѣта многообразнѣ и многоразличнѣ, его же апостоли въ язычѣхъ проповѣдаша, въ странахъ провозвѣстивша і въ всемъ мирѣ прославивша, и евангелисти и благовѣстивци благовѣстивша, проповѣдници исповѣдаша; за него же мученици мучишася, страстотерици страсть прѣима, кровь свою пролиша, смерть претерпѣша; его же ради постинци посташася, въ негоже святіи отци вѣровати научивша, о немъже мнози святіи учителя, сказатели, спасатели многи святыи книги списаша, сложивша и предаша волицѣй святѣй соборнѣй апостолскѣй церкви, еже и ны дрѣжитъ. Павелъ бо апостолъ рече: единъ Богъ, единая вѣра, единое крещеніе: исповѣдую бо, рече, единое крещеніе во оставленіе грѣховъ. Нѣсть бо много евангеліа, на много благовѣщеніа, нѣсть мноа вѣры, разнѣ точию христьянская вѣра православная: си вѣра апостольская, си вѣра отчская, иже святыми апостолами провѣдана и святими отци установлена, утврѣжена и извѣствована, и соборнѣй апостолскѣй церкви предава, и на разныхъ и на различныхъ соборѣхъ обыскана и изложена и установлена, иже на седми соборѣхъ утвержена, иже многими святими отци укрѣплена, иже же числененъ изобрѣтаенъ, иже на пръвонъ соборѣ Никѣйскѣй святыхъ отецъ τ и π , иже на второнъ соборѣ въ Константиноградѣ святыхъ отецъ ρ и σ , и иже во Ефесѣ на γ соборѣ святыхъ отецъ ζ , иже въ Халкидонѣ на δ соборѣ χ и λ , и иже во Царѣградѣ на θ соборѣ святыхъ отецъ ϕ и ω и еже а другойци и въ Пикѣи святыхъ отецъ на ζ -мъ соборѣ, τ и δ , а всѣхъ ихъ едѣвъ тысящи. Сицева вѣра есть христьянская! Того ради подобаетъ вамъ отрещи отъ себе многобожіа леств кумирскую, удаляющсе и отрицайтсе идолослуженіа, устранилтсе суеты давнаго житія вашего. вашими отци вамъ преданнаго, якоже Павелъ апо-

столь рече: яко мнозычници ходять въ суотѣ ума ихъ, омраченнѣ помысли и чужы суци славы Божіа. Сіа же глаголю не точію тебѣ одному, но и всему азыку Пермыскому, и суцимъ ту и не суцимъ.

Отвѣща же кудесникъ и рече: азъ въ вѣрѣ, въ пенже родихся и восинтахся и возрастохъ, и изжихъ и сстарѣхся, въ ней же пребыхъ вся дни живота моего, въ той да умру; ебъ же обыкшу ми, и нивѣ на старость не могу ея отврещися и похулити; и не ни и мене единаго ти глаголюща, но и за вся люди, суца въ земли сей, не точію моя, отъ мене, иноу глаголи глаголомъ къ тебѣ, но яко си рѣчь отъ лица всѣхъ Прмянъ глаголю: ти: еда лучши есмь азъ паче отецъ моихъ, да сіа сотворю? Се бо отцы наши, дѣды и прадѣды и пращурь тако пожиша, азъ ли добрѣйши ихъ обрщуся? ні убо, да не будетъ. Скажи же ми, кую истину имате вы, христьяно, яко о вашей жизни тако преобадите дрязгающе?

Божий же перомонахъ, отвѣщавъ, рече ему: послушай Бога нашего и вашей вѣры тайны.

И нача глаголати о милосердіи Божіи, и о снотрѣни его еже къ намъ. И тако силою святыхъ писаній, наченъ отъ сѣтворенія мира, отъ созданія твари, еже есть отъ Адама, даже и до распятія Христова и възкресенія и възнесенія, таче и до скончанія мира. И пребыста самадва токмо, другъ другомъ истязавшеся словесы, весь день и всю ноць безъ брашна и безъ сна пребываше, ни проста януще, ни почитанія сѣтворяюще, ни сну адающеся, но присно о спраніи супротивалхуса, словесы упражнахуса. И оубо аще и много изглагола къ нему, но обаче мяншеся акы на воду сльвѣ; въ душу бо, рече, безумнаго не видеть мудрость, нивже нивже вкоренитися въ сердци оскверивѣт. Кудесникъ же аще и многоа поученія слышавъ, ни ни одномуже вѣрова и не внимаше глаголемыхъ, и не примаше прещореченныхъ, и супротивъ преса, отвѣщаваше, глагола: Азъ не вму вѣры, то все мивтъ ми ся лжа, и басни и кощунь, вашими умышлены. а азъ во вѣрую, аще не пріиму искушенія вѣры! И бысть во словесѣхъ сихъ, егда скончашася вся словеса сѣ, по мнозѣхъ распрѣвнѣихъ и супротиворѣчи, изаваше ина

обѣма и взбраса сѣбѣ обадва сама, і възсхотѣста пріидти искушенію вѣры, и рекоста другъ ко другу: пріидиѣ и възжвѣтъ огнь и видевѣ воиѣ, яко и сквозѣтъ огнь плащенѣтъ пройдова посреди пламени горяща. амѣстѣ купно пройдова оба, азъ же и ты, и ту пріидиѣтъ искушенію, и ту возмемо искушенію и извѣщенію вѣры; да нивже изыдетъ цѣль и невреженъ, сего вѣра права есть, и тому вси послѣдуимъ. И пакы другойци другоо извѣщенію пріимемъ тѣмъ же образомъ: пріидиѣтъ оба, нившесъ за рудѣ кождо, і видевѣ вкупѣ въ едину пролубѣ, и нивзидевѣ въ глубину рѣки Вычегды, и вустивѣся на низъ по подледію, и пакы по частѣ доволнѣ, нивже единаго мѣса, единою пролубью оба купно пакы възникновѣтъ: да еогоже аще вѣра права будетъ, сѣй цѣль изыдетъ и невреженъ, и тому прочее вси новинутся. И угодно бысть слово се предо всѣмъ народомъ людѣи, и рѣша вси людие: возстинну добръ глаголь, еже рѣсте днесь!

Сшедшимъ же сѣ безъ числа людемъ, и Стефанъ самъ посреди ихъ стоя, приглаша же прішедшимъ: мужи братіа, слышасте ли словеса сіа отъ устъ нашихъ? Воиѣте же разумно глаголемаа, и будите необмануся лица чловѣча и не стыдящеся ні единаго наю. но праведенъ судъ судите; нивъ бо подвигъ крѣнокъ предложитъ, и азъ съ радостію тшуся подвизатися и пострадати, и не точію же се, но и умерти ради есимъ за святую вѣру православную, но апостолоу: дарова бо сѣ намъ не токмо воиѣ вѣрватися, но и страдати заиѣ; нивъ бо, рече, еже жити — Христосъ, еже умерти прібытокъ есть. Обративъ же сѣ къ възхву и кудеснику, рече: подобаше бо тебѣ безъ пріа послушати мене, яко добрая възвѣщающа ти и благовѣствующа, и ничтоже болѣ истязати отъ мене, и достояше тебѣ прещореченному ученію повинуватися и кромѣ такового извѣщенія; но повеже не възсхотѣлъ еси сѣа вещи, превосходящія мое сивреніе и выше моего свѣлы, и чресъ достояніе мое; но надѣюся на щедроты вседръжителя Бога и уповаю на милость Его, яко нашего спасенія хочеть и вѣнѣго обращения ожидаетъ, нивъ глубиноу мудрості вся уст-

ронный, и еже на штыу прошения всѣхъ подаваа. И обратися къ предстоящимъ людямъ, рече: благословенъ Господь, возмѣте огонь, и принесете и сѣно, и възжето сѣно ошсѣю храниву окромнюю, отъверсту суцу, и зѣло разжжете ю, дондеже до конца разгорится. И семоу же бывшю, прендобный же сотвори молитву, глагола:

Молтва.

Владыко многимилюстиве всемогай, дай же намъ помощь отъ нечали, пошлѣ милость свою, яви челоуѣколюбие свое, покажи намъ истинную вѣру, да разумѣютъ люди сѣи сущіи здѣ, и разумѣше, постыдятся и познаютъ, яко ты еси Господь Богъ единъ, и азъ рабъ твой, тебѣ работая, стражу вся сѣи, и яко се врази твои възшумѣша и ненавидѣша тебѣ воздвигоша главу; положиша на небеси уста своя, и языкъ ихъ преиде по земли. Сего ради сотвори со мною знаменіе во благо, да узрять ненавидѣнціи мене, постыдятся. Яко ты, Господи! поможеши ми и утѣшиши мя, яко ты еси Богъ щедръ и всякого утѣшоваіа, утѣшаа ны на всякъ часъ утѣшеніемъ святого твоего Духа, утѣшителя наркнута, съ нимъже благословенъ еси въ вѣки, аминь.

И сотворше молитву, рекъ: аминь! И по аминѣ рече къ людямъ: миръ вамъ, спаситесь, просите и молитесь о нѣхъ: трѣпѣніемъ бо течемъ на предлежащій намъ подвигъ, взирающе къ началнику вѣрѣ свѣршителю Іисусоу. И тако тщашеся дръзаа внити во огонь, и обращеся ко влѣху, и рече ему: видѣвъ оба закупѣ, вишесь за рудѣ, якоже обѣщавоѣся. Онъ же во поиде: утѣшился шума огненнаго, ужасенъ бывъ, обаче не видо. Пароду же предстоящу, челоуѣкомъ собраннымъ, людямъ зрящимъ во очію лѣповидцемъ, огню горящу и пламени распалляющуся, прендобный же наче привлекаше, сѣтъ, понужая его, во и рукою явъ за ризу влѣхва и крѣпко сожевъ его, потващаше и нудыа влючаше ко огню очима. Чародѣй же наки възсияшася възсиять. И олжды сему бываему, толкраты же сѣи нагло влекохъ, вопіаше, глагола: не дѣйте мене, да поношю! Наки же третицею стяжнвси

прендобный, позывашо и глагола: поидѣвъ, да видѣвъ оба въ огонь палащъ, по словеси твоему и по суду твоему, якоже еси изволивъ. Онъ же не хоташе внити. И рече ему Стефанъ: не со ли суть твоя словеса, еже прже глаголаа еси, не самъ ли ты сѣа избравъ еси и тако восхотѣвъ еси искусити Бога жива! То како вынѣ сего сотворити не хочещи? Онъ же пометая себе, быашо челоуѣкъ, і припадая предъ ногана его, обавлаше вину суцу свою, немощь свою излагаа, суетство и прелесть свою обличаа. Люди же ту сущіи трикраты впросиша и глаголюще: побди, лишенно, что ради не идеши: Онъ же трижды отарѣжеса глагола: яко немощно ми итти, не дръзаю прикоснутися огню, шажуся и блюду приближитися множеству пламени горящу, и яко сѣно сѣи сухое, не сѣтѣю поврещися, да не яко воскъ тѣствъ отъ лица огню, растаю, да не ополѣю яко воскъ в трава сухая, да внозгану сторию и огнемъ уиру, и кому небуду; в кая будетъ полза въ крови моей, огда сииду во истлѣвіе? влѣхство мое перенметъ онъ: и будетъ дворъ мой пустъ, и въ ногоствѣ носѣтъ не будетъ живущаго! Прендобный же Стефанъ, побѣдився со влѣхонъ различными сѣиъ начиваніемъ, наки вынѣ образонъ побѣду въздвиже на нь: повнѣ его народонъ и привде къ рѣцѣ; и сътвориша дѣѣ величѣ пролуби: одну выше, а другую вдалѣ внизъ; ова убо, еже есть врхъ пла, оуду же вопрети нѣа обѣиа закупѣ ишшимся за рудѣ, ова же низкая, еюже низшедше во подледію, и наки высирь възникнути.м Чародѣивый же влѣхъ и тако побѣждошъ пострамиса, во и тако трикраты повужденъ бывъ, и иногажды отарѣжеса, глагола: яко немощенъ есмь свѣде сотворити, аще и тмами виновата мя сотворите. Мужн же впросиша и, глаголюще: обѣщаво алыми деними, се вынѣ присѣѣша лишенія твоя на тя; рци, обавиши, что ради не видѣе ниже въ огнь, ниже въ воду, но всячески пострамленъ еси? Отвѣща же влѣхъ, рече: азъ не невмыкохъ пресобидѣти огню и воду, а дидаскааъ вашъ, Стефанъ, въ дѣтствѣ сѣи и во уности своей, научился ествъ отъ своего отца влѣхвеніемъ и чарованіемъ умогълѣивати огню и воду, да не огнь его

жечь, ни вода его топить, понеже наученъ есть тому и уиѣтъ зѣло. Азъ же многи злокозненныя хитрости во всемъ своемъ житиі учились есмь, и уиѣю чары творити, волшебствія же и кудешенія, обаянія же и потворы, и прочая многи мечты, а сего одного не уиѣю, еже умоуъ вливати огнь и воду, или преоблѣти; а у батка своего сего не навыхохъ. Паки же людие въспросиша и, глаголюще: повѣмъ намъ, чародѣице, что ради сице сѣтворилъ еси? а вѣдѣи свою немоцъ и зловѣрїе держа, и невѣрстїемъ обдержимъ смѣи, и за вѣру дерзо общезаещиши противи огнь и воду? Онъ же отвѣща, рече имъ: и перебѣдалъ на Стефанъ; имъ же въспросившу его о уиѣвїи таковыя хитрости, онъ же ни отвѣща: не уиѣю азъ умоливати огни и воды, не учились азъ сего; азъ же сіа отъ него слышавъ, вѣровахъ слову его, и помыслихъ въ себѣ, глаголи: аще сіи не уиѣють, даже и рече, но азъ тѣмъ пострашу его, хотя самъ не уиѣю, но оному тогда невѣдущу моего неумнѣнїа, надѣхся своими ключами переклюкати его, и одолѣтъ, посрамити его и возлищенна ввезану оттрѣгати отъ руку его и привести а паки въ свой давнїи обичай; сахъ всѣхъ, увы мнѣ, не получихъ, и аму, юже ископахъ, впадохъ въ ню, и въ сѣти сои, юже скрыхъ, увязе нога моя, и ровъ нарыхъ ему, и самъ врипухся въ оны, и быша ми послѣдїиа горши первыхъ; понеже Стефанъ на одолѣтъ, посрамив, и суетна ми показа, а всего ми немоцїа явль, и мнѣ что сѣтворю или како бѣжю, невѣдѣ; покры срамота лице мое, и мнѣ иѣсть мнѣ отарести устъ поношенїю и студу: быхъ поношенїю соуздомъ мнѣ и страхъ знаемыхъ мнѣ, подраж(и)венїе и поруганїе сущїи окрестъ насъ; весь день срамъ мой предо мною есть, и студъ лица моего покры ми.

Людие же рѣша къ нему: всюду, оканне, самъ свое заглагола погыбелїе; ты творїши, яко Стефанъ чарованїемъ ты побѣдилъ; еже не буди того, а не льстїся суетными мїра сего; сего бо и не учились ест отиуде, но Стефанъ измлада училъ ест святыя кнїги, могуцїа его умудрити и како угодити Богу, и обрѣтеся ему трое со: вѣра, любви, надежа; надежа же не посра-

млетъ, вѣрою же святїи угасиша силу огненную, любви же, еже ничтоже супротивитеся; что бо им, рече, разлучити отъ любви Божїа? ни смерть, ни животъ, ни мечъ, ни огнь. И паки о вѣрующїихъ Спасъ рече: вѣрующему все возможна суть; ниѣте вѣру; аще имате вѣру, не сумнитеся, но аще и горѣ сои рече те: въздохнїся и верзїся въ море, и будеть вамъ, и все елико аще въ молитѣ просїте вѣрующїи, примїте; и апостолъ рече: безъ вѣры же неможно угодити Богу. Тѣмъ же добрѣ разумѣи, человекче, яко тремї сїми добродѣтелии възможно одолѣти, еже ест: вѣра, любви, надежа; надежу же велику стажа къ Богу, и любовїю божественною ражжеся и за вѣру побораа, дерзаетъ и на огнь и въ воду не обнуася, безъ всякого сумнѣнїа; ты же, человекче, вѣруеша ли, и болша силъ узрїши, хочещи ли убо вѣровати и креститїся, понеже уже препрїиъ еси?

Очарованный же волхвъ нечестивый не възмогъ разумѣти истиннаго разума, и тако необнуася рече: не хочу вѣровати и креститїся!

Преподобный же, възрѣвъ къ народу, и рече: вы же есте свидѣтели сїи всѣхъ; рцѣте ми: что се вамъ мнати?

Они жерѣша: повиненъ ест казни. Тогда мужи Перїестїи, приступльше, яша и, и нише, продаша и Стефану, глаголюще: возми сего и казни и, яко повиненъ ест казни и по нашей пошлїи должемъ ест умрети, понеже слова Божїа не слушають, евангелїе хулитъ, проповѣдїю евангелїею укараеть, благоуствозанїю ругается, вѣрѣ хрїстїанствїа насїхается, Богу не вѣрують, поученїа не прїемлетъ, сѣеть плевалы посреди шеницы, отходитъ, развращаетъ людїа новокрещенныя, велитъ тесати паки кумры, но и зѣло протївїтеся словесемъ нашихъ; мнѣ же, послѣ всѣхъ и надо всѣи сїми, и вконецъ слову тягался ест съ тобою словосы и не утигаль, но самъ утиганъ ест, спїрался о вѣрѣ и не упрѣлъ, но и самъ препрѣлъ бытъ, изматался, да не измогъ, но и самъ побѣженъ бытъ, и всюду посрамленъ ест и всячески поруганъ бытъ.—Казнїте, по наказати съ милостїю, по рекшому: покажетъ ми праведникъ милостїю своею и обличитъ ми, грѣшнїче

да не накаститъ главы моея, да обратять ся болившия тебе и вѣдущии свидѣнія твоа: ибо Христосъ во святѣхъ евангеліяхъ тако заповѣда, глаголя: шедше во весь миръ, научите вся языки, проповѣдайте евангеліе всей твари; иже кто вѣруеть и крестится, спасенъ будетъ, а иже вѣры не иметь и не крестится, осуженъ будетъ. Азъ же не обѣщанъ, но склѣ своей исполнѣхъ мое дѣло, плодъ устенъ моихъ предположихъ, или Божіе благовѣстїихъ, вѣру православную сказавъ, вже отъ ветхаго и новаго завѣта поученіе изъяснихъ и словеса многа изъ глаголахъ отъ ветхихъ книгъ и новыхъ, и ничто не утаихъ и ничтоже не скрѣхъ. Боле сего что хотѣхъ сѣтворити ему, и не сѣтворихъ, токмо надъ тѣмъ свѣде да сѣворю ему: запрещеніемъ запротнѣхъ ему, еже кому уже не учити ему ученіемъ своимъ ветхинъ, прелестнымъ. ниже отнуду да не услышано будетъ отъ него иже о кумпрслуженіи и о вѣрѣ о идолствѣ, ибъ да отлученъ будетъ отъ церкви и отъ воздѣсущаго собора, да отсѣчется нечемъ духовнымъ, да отлучится яко Симонъ волхвъ отъ Петра апостола, да извержется отъ среды правобѣрныхъ, да не обратится въ гостехъ и въ предѣлѣхъ христіанскихъ, да нѣсть ему ни части, ни жребиа съ поокрещенными, ни асти, ни вѣти съ ними нигдѣже никогдаже, ни въ чужже совокуплятися съ ними; коо бо причастіе свѣту къ ти нѣ, или кая община вѣрну съ повѣрными? Рече апостолъ: изверзете алое отъ среды всѣхъ вась самѣхъ, да не будетъ мало на квашеніи все нѣшеніе испорта.

Таче обратнѣся къ волхву, и рече: (слышалъ) лі еси вся си, о прелестничѣ?

Онъ же отвѣща: еи, отче честный, вся си предреченна слышалъ и съ твордостію вѣдоста въ слуха моя.

Паки вопрошенъ естъ: уже ли ти не накастити, ни разирапати вѣры?—Онъ же отвѣща: ні, отче честный, аще ли ти буду накастникъ, или вѣрѣ твоей развратникъ, тогда умру предъ ногама твоима.

Паки же преподобный рече къ нему: се засвидѣтельствую ти да съ многими послухы, и запрещеніемъ запрещаю. ти да не лавишия нигдѣже въ чьмъ

отъ предреченныхъ повиненъ; аще ли обратишися по дѣлѣхъ вѣколицѣхъ по запрещеніи и преступая наша словеса сна и перада о нихъ, тогда прочее канонскимъ епитопіемъ подлежаши, и градскаго закона казненъ повиненъ да будещи; да въсь повелѣваю пустити ти, изиди убо отъ лица нашего цѣль и неизвѣнъ. токмо прочее блюдиши потомъ, да не азъ постраждеша.

И се рекъ, мужи дрѣжащїи его испустиша и. Онъ же искочи отъ нихъ, яко елень, и иданше отъ лица събору, радуяся яко неопенъ. Отшешю же волхву, и се нѣщїи придоша къ Стефану, повѣдающе ему волхвова напрасное лжеумиленіе, како дивляшеся волхвъ разуму Стефану и пренудности словесъ его, и о дивнѣхъ отвѣтѣхъ его, и самъ обличающъ блаше отъ своея совѣсти, вѣдѣя, яко истинну глаголетъ Стефанъ и праведная наказуеть. Но влекохъ бѣ лукавнымъ своимъ обычаемъ, утвердившися въ немъ чарованіемъ яко бродящїи и уадою одрѣжимъ бѣ, яко тною опраченъ волхшвеніемъ своимъ, и къ свѣту истинному возрѣти не хотяще, паче же реку: не можаше, и того ради и вся словеса Стефанова забыть, паки во первый свой ятса давный алыи обычай.

Преподобный же рече: прѣнїе наше еже съ аляхвомъ, въ нещже мала не скончася надъ нами одно слово, глаголющее: проидохомъ сквозъ огнь и воду, и изведены въ покой; но обаче отшешю аляхву, обрѣтохомъ покой, но многыхъ распрѣнїи, отъ многыи истомы и отъ многословия изведены въ покой.

О волхвѣ убо слово, снѣ бо да скратнѣхъ, и ту абло нѣзоставнѣхъ конецъ. Межю же снѣхъ преподобный крещашо люди, азѣ и ондѣ обрѣтающихся, отъ различныхъ погостовъ приходящихъ мужи и жены и дѣти, сущаа младенца, елико вѣрныхъ и елико готовящихся къ святому просвѣщенію, елико хотящихъ породитися бабею пакыпорожденіа, и елико желяющихъ прнати Христова знаменіе, елико приходящихъ къ святому крещенію, снѣхъ всѣхъ оглашая, поучая, крещаше, яко же бѣ ему обычай, иже и присно творяше. Дѣло же бѣ ему: книги писаше, со Рускихъ перевода на Персї-

ския, но и съ Греческихъ иногда на пермския, и началу болѣзнь нѣтъ, о семъ прилежаше, овогда убо почиташе святыхъ книгъ, овогда же переписываше; то бо бѣ дѣло ему присно, тѣмъ и въ ноцехъ иногда безъ сна пребываше, и бдѣнія повсѣгдашняя сътворише, днью же иножицею непрадеиъ пребываше, овогда убо тружашеся еже въ дѣлѣхъ руку своею, ово же нарекаше и устраише яко надобно о церкви, или себѣ на потребу и сущиѣхъ съ нѣмъ.

О епископствѣ.

И умножившися ученикомъ, пребываху христіане, но и церкви святыхъ на различнѣхъ мѣстехъ и на различныхъ рѣкахъ, и на погостѣхъ, сдѣ и оудѣ создаемъ бываху. И мужа всяко бысть ему заискати, и поставити и прывести епископа, и съпроста рещи: всяческыи требуетъ земля та епископа, понеже до митрополита и до Москвы далече сущи, елико далече отстоятъ Царьградъ отъ Москвы, тако удалѣна есть отъ Москвы дальна Пермь. И како мощно быти безъ епископа, и кто можетъ тель далече путь надолѣзъ часто шествовати о епископствѣхъ вощѣхъ и о дѣлѣхъ руку его, и о церковныхъ управленіяхъ, или священника поставлати, или діаконъ и игумены, или на основаніе церкви, или на священіе церкви и прочая ина многа, въ нѣхъ же мѣстехъ ключается требѣ быти епископу.

И снѣхъ ради всѣхъ совѣтоваше со предшнни своими чиновачалникъ, и таковыи ради звыи воздвижесе отъ земля дальна, еже есть отъ Перми, на Москву ко князю великому Дмитрію Ивановичю и къ Пименоу, тогда сущу митрополиту, и вѣну сущу повѣда нѣтъ, елико ради отъ дальнаго оземствования пршшествова на Москву; юже яви, речъ: да ся пощеть и изобрѣщеть сице мужъ у васъ, егоче поставыше епископомъ, послѣте и со мною въ Пермскую землю; зѣло бо требуютъ та людие епископа, понеже жатва приспѣла есть и жатва убо многая, а дѣлатель мало, и сего ради молниися господиу жатвѣ, да изведеть дѣлателя на жатву

свою, яко да пришедши ему тако въ свою епископью, будетъ ни спомощникъ и спомощникъ на проповѣдъ, Богу съдѣйствующу и спомощствующу, и азъ буду ему сослужбникъ и сработникъ, и сострадалникъ яко на всяку потребу благоу.

Се же слышавъ князь великий и митрополитъ, удивльшася, похвалиста думу его, и угоди быша предъ ними словеса его, и посулиста быти прошеію его. Митрополитъ же не малу печаль нѣтъше, некийся о мирѣ всегда и о градѣхъ и о странахъ, и о прочныхъ спаринахъ, сущихъ въ его митрополиі, о множествѣ словесныхъ овецъ, начо же о новокрещенныхъ. И о семъ прилѣжно думаше и гадаше, вскаше и мыташе, кого изыскати, и обрѣсти, и избрати, и поставити и послати епископа въ Пермь, и како достовѣ епископу быти, какову подобаетъ ему достоинствомъ быти? Нарядише же Павла апостола сдѣ въспоминаше, еже къ Тимоѣю о семъ утверждающа и носылающа и глаголюща: подобаетъ епископу непорочну быти, трезбоу, цѣломудренну, учительну, не пивачиву, не битливу, разсмотрѣливу, не тяжбливу, правдіву, воздержливу, не гнѣбливу, не самолюбиву, не себеугодливу, страннолюбцу, не сребролюбцу, не надомницу, благолюбцу, проподобну, заступающу вѣрно слово ученіа, да силенъ будетъ утѣшати ученіе(мъ) здравымъ, да мощенъ будетъ въпреки глаголюща обличати, и еретикомъ уста загражати. И Петръ верховній апостолъ рече: насите стадо сущее въ васъ, не вужсю, но волюю, не яко обладающе кпирсомъ, но образъ бывающе стаду, да приимете вѣнецъ славы неувядаемый.

Они же сего поминаху, друзи же другого вдергіваху; митрополитъ же рече: ні убо, да не будетъ, но истинѣ бо добри суть и тѣ, но ні единъ же отъ нихъ обрѣщется, но ельма же убо обрѣтаю въ ветсѣхъ завітѣхъ слово оно глаголемо: обрѣтохъ Давида, сына Иессеева, мужа по сердцу моему; сице и азъ нынѣ обрѣтохъ того самого Стефана, мужа добра, мудра, разумна, слыслена, умна суща и хитра, и всесческыи добродѣтелии украшена, и такового дара достойна быша, еже при

мнози во мнози въ нынѣшнее время, досужна бывша, нию же яко пригожоу ему быти, и надѣюся, яко то дѣлецъ есть, еще же комуу имать благодать, вданую ему отъ Бога, и учительство даръ стѣжа, и талантъ порученый ему и слово премудрости и разума; но и грамоты розныи уиѣсть, и языки инѣи възлаголеть къ людямъ, и чувствви душевными и тѣлесными благопотребенъ есть.

Слышавше же архирѣи, старци и книжници и клирици, вси вкуупѣ, яко единѣи усты, рекоша: во истинну добръ мужъ, достоинъ есть таковыи благодати. Наипаче же князю великому зѣло за честь поставленіе его, бѣ бо ему знаемъ зѣло и люблѣше издавна. Митрополитъ же со княземъ великимъ сразсудивъ и подумавъ и поразсмотривъ, видѣвъ и слышавъ мужа добродѣтель, и благозволоніе, и доброе исповѣданіе и яко учительскимъ саномъ украшена суща, и яко апостольское дѣло начинающа же и свершающа, и таковыи благодати достойна бывша, избравъ епископы и священники и прочая клиросники, таче Божіею благодатию и изволеніемъ князя великаго и своимъ избраніемъ, и хотѣніемъ всего причта и людей, поставль его епископомъ въ Перискую землю, юже и просвѣти святымъ крещеніемъ, юже научи вѣрѣ христіанствѣи, въ нейже имя исповѣда Божіе предъ нечестивыми, въ нейже проповѣда святое евангеліе Христово, въ нейже сдѣла дѣла стравна, страшна и преславна, ихже ниъ никтоже тако преже его не створи, въ нейже идолы попра, сватыа церкви воздвиге и богопомлю устрои, и сватыа иконы постави, и люди Богу кланятися научи, сия же люди, аже отъ прельсти избави, отъ бѣсовъ отвелъ и къ Богу привелъ, сия же люди поставленъ бысть епископъ и архирѣи, надъ всѣми людьми поставленъ бысть святиель и законодавецъ, якоже Давидъ вѣща: постави, Господи, законодавца надъ ними, да разумѣють языци, яко чловѣци суть.

Поставленъ же бысть тогда и сій съ нимъ во едино время поставленъ быша. Бѣ же поставленіе его страннолюбно иѣкакъ и незнаемо, яко и чюдити ми ся хотя

щу. Но якоже обрѣтаемъ въ ветхонъ писави лежащихъ въ книгѣхъ, глаголемыхъ Тетровасиліосъ, четвероцарствіа, иже повѣщають сице о Саулѣ, сыну Кысову, иже быше посланъ отцомъ на възисканіе телать; онъ же шедъ, обрѣте пророка Самона, отъ него же помазанъ бысть на царство во Израили, и боле дѣла подѣле приобрѣте. Сице и преподобный отецъ нашъ Стефанъ епископъ наче дѣла подѣле внезапу обрѣте. Послалъ бо его баху Пормяне на Москву, глаголюще: изиди на възисканіе епископа, и изиди намъ святиеля, егоже обрѣтъ епископа, възвратися къ намъ, приди съ нимъ, ведый его собою. Онъ же, шедый на възисканіе епископа, пакы възвратися къ нимъ не привелъ его, единъ приде, никогождо ведый съ собою, иже шедъ на възисканіе епископа, внезапу токмо самъ обрѣтесе епископъ; но бо вѣдалъ бывающаго, яко быти ему епископомъ тѣмъ, и не добивался владычства, ни вертѣлся, ни тцалъся, ни насканивалъ, ни накузался, ни насылался посуамъ; не далъ бо никому ни чтоже, и не взялъ у него отъ поставленія никтоже ни чтоже, ни дара, ни посула, ни нады; нечего бо быше было и дати ему, не стѣжанію стѣжавшу ему, но и санону сдаваши, елико потребнаа, елико милостиви и христіолюбци и стравнолюбци, видяще Бога ради бывающее творимо; и митрополитъ Бога ради поставль его и спасенія ради обращающихся новокрещенныхъ людей.

Егда же по поставленіи его по днѣхъ доволныхъ отущенъ бысть княземъ великимъ и митрополитомъ, пакы отиде въ свою землю, одаренъ отъ князя и отъ митрополита и отъ бояръ и отъ прочихъ христіаненныхъ людей, и идяше путемъ своимъ, радуся, благодаря Бога, устроившаго вся добръ зѣло. И приѣхавъ въ свою епископью, пакы попервою держашеся устроеніе, и свое обычное дѣло иѣтѣше, и слово Божіе проповѣдаше съ дрзновеніемъ, и невозбранно учаше я. елико гдѣ осталось отъ некрещенныхъ, изискаа сюду и сюду; въ кмихъ продѣлахъ обрѣтая, сия отъ поганыхъ обращаше и крещаше. Всѣхъ же крещенныхъ своихъ учаше въ вѣрѣ пребывати, и напредъ носѣвати, яко-

же рече апостолъ: задѣла забывающе, а на предняя протѣзающеся. И гранотъ Периской учаше я, и кнѣги писаше мнѣ, и церкви святыя ставляше мнѣ и священше, иконами украшаше и кнѣгами исполняше, и монастыри варяжаше, и въ чернѣди постригаше и игумены мнѣ устроаше, и священники, попы и діаконы самъ поставляше. И попове его Перискимъ языкомъ служиху обѣдню, заутреню же и вечерню, Перискою рѣчию поиху, и конархи его по Перискимъ кнѣгамъ аконархаша, и чтецы чтеніе чтаху Перискою бесѣдою, пѣвцы же всяко пѣніе Перискимъ возглашаху. И быше видѣти члдо въ землѣ той: идѣже преже были идолослужители и бѣсомошцы, ту богомошцы явишася, идѣже преже были храмы идолская и кумирницы и жртѣвница и требища идолская, ту церкви святыя создахуся и навастыри и богомошны чинахуся, кумирская лествица и идолослуженіе прогнася, а благодать благоразумія восна, вѣра христіанская процвѣте.

И сіе услышаво бысть по многѣмъ землямъ, и по многѣмъ градомъ и странамъ. Слышавъ же людѣ, и о семъ прославиша Бога и возрадовашася зѣло. По истинѣ бо радоватися достойно, яко Спасъ рече: радость бываетъ на небесѣхъ о единомъ грѣшникѣ кающемся, а се ні единъ, ні два, но вся земля Периская. И кто не удивится о семъ, како лі не радоватися по истинѣ? и зѣло подобаетъ благодарити и славити Бога, давшего такую благодать свою въ землѣ Периской. Слава Богу о неизреченихъ его дарѣхъ, яко призываетъ языки заблужшая, невѣрныя въ вѣру, яко приводитъ къ собѣ искрещеныя во крещеніе. Что бо се лучше, еже языцы, невѣрны суще, въ вѣру обращаются къ Богу и отъ невѣрія въ вѣру приходяще, крещаются? Спасъ нашъ глаголаше въ святомъ евангеліи: подобаетъ бо, рече, проповѣдатися евангелію во всѣхъ языцѣхъ и во всѣхъ странахъ. Се сіце Марко пишетъ; Матеѣй же евангелистъ: проповѣсться, рече, евангеліе царствія во всей вселеннѣй, во свидѣтельство языкомъ. Павелъ же апостолъ рече: разумно же буди, яко странамъ спасеніе слово Божіе послано бысть;

и яки рече: всякъ языкъ исповѣсться, яко Господь Іисусъ Христосъ во славу Богу Отцу.

О призваніи и о взрваніи многыхъ языкъ.

О семъ и апостоли свидѣтельствуютъ, еже о обращеніи странъ и призваніи языкъ, яко подобаетъ во всѣхъ языцѣхъ проповѣдатися слову Божию и яко подобаетъ иноязычникомъ обратитися къ Богу и вѣрвати и крещатися. Благовѣстники и проповѣдники свидѣтельствуютъ о семъ и пророци согласуютъ, и сіа бо рече: се языкѣ, яко повѣдаютъ тебѣ, призовуть тя, и людѣ, яко незнають тебѣ, приближатъ къ тебѣ. И пророкъ Давидъ рече: хвалите Бога вси языкы, вси языкѣ восплещете руки, вси языкы пороботають ему, вси языкы ублажатъ, вси языкы придуть и поклонятся предъ тобою, Господи, и прославятъ имя твое въ вѣкъ; убоятся языкы имени Господня, убоятся его вси концы земли; услышите, вси языкы, изишите, вси живущіи во вселеннѣй, земліи же сынове челоувѣчестин, акии богатъ и убогъ, яко высокъ надо всѣми языки Господь и на небеси слава его, очи его на языки призираютъ; сказа Господь спасеніе свое, предъ языки откры правду свою, видѣша вси концы земли спасеніе Бога нашего; благословите, языкы, Бога нашего, слышавъ створите гласъ хвалы его, да познаемъ на землѣ путь твой, во всѣхъ языцѣхъ спасеніе твое; возвѣстите въ языцѣхъ, яко Господь воцарися, ибо исправн вселенною, яко не подвижится, яко царь всей земли Богъ воцарися надъ языки; блаженъ языкъ, омуже есть Господь Богъ его, и людѣ, яко избра въ достоиніе свое; милости Господни исполнися земля, и исполнитъ вся земля славы его, будетъ и будетъ, да подвижится отъ лица его вся земля; во псалмѣхъ воскликнетъ ему, яко Богъ велии и Господь царь велии по всей землѣ; воскликнете Господеви вся земля, вся земля (да поклонитъ ти ся); узрѣдете, яко той есть Богъ нашъ, то створи ны, а не мы себе; воспойте Господеви вся земля, воскликни Богу вся земля; вся земля да поклонитъ ти ся и да поетъ тебѣ, да поетъ же иныи твоему, выш-

нѣй, по всей землѣ; зѣло провознесетъ надъ всѣми богами; азъ познахъ, яко великъ Господь, и Богъ нашъ надо всѣми богами; великъ Господь и хвалень зѣло, страшенъ есть надо всѣми богами, Господи, Господь нашъ, яко чудно имя твое всей землѣ; вознесися на небеса, Боже, и по всей землѣ слава твоя, по имени твоему, Боже, тако и хвала твоя на концѣ землѣ; упованіе всѣхъ концевъ землѣ и сущихъ въ морѣ далече, вси и посѣти всѣхъ языкъ, и увѣдаютъ, яко имя твое Господь, и ты единъ еси вышній по всей землѣ; воскресни, Боже, суди землѣ, яко ты наследши во всѣхъ языцѣхъ; блаженъ, егже ты накажеши, Господи, и отъ закона твоего научиши, и нѣи иноплеменици покорятся; да постыдятся вси кланяющіися истуканнымъ, хвалящіи о идолѣхъ своихъ, яко не отринуть Господь людей своихъ и достояніа своего не оставитъ; но послѣ слово свое и исцѣли я, и избави я отъ пагубы ихъ, да рокутъ: избавиши насъ Господемъ, яко избави я отъ руки врага и отъ странъ собора я, отъ востока и запада и сѣвера и моря, заблудшая въ землѣ безгоднѣ, алчущо и жажущо, и душа ихъ въ нѣхъ изнеможе; воззаша къ Господу, егда въстужаша, отъ бѣдъ ихъ избави я и наведе я на путь правый; ибо благословеніе дастъ, законъ даде; того ради вознесутъ и въ церкви людстии и на сѣдалищи старецъ възхвалятъ его, и поклонятся ему вси царіе земстии, и всяго дыханна да хвалятъ Господа. Исаіа же рече: по днѣхъ оныхъ, глаголетъ Господь, се завіщамъ завітѣной людемъ новымъ, дамъ законы ноа въ помышленна ихъ і буду имъ Богъ и тии будутъ имъ людемъ, и будутъ вси научени Богу, и не научитъ кому каждо ближняго своего, глаголя: познай и увѣжь Господа, — яко вси увѣдаютъ мя отъ мала ихъ и до велика, понеже наполни ся вся земля познаті Господа, яко вода многа покры море; и будетъ корень Иессеовъ вставляяй власти надо языки и на въ языци уповають. Махія же рече: глаголетъ Господь, съберу сътрєную мою во оставокъ и прииму отриновєную въ языкъ крѣпокъ. и возвратюся въ нихъ. Исаіа же рече: яко глаголя увѣ-

комъ: изыдѣте, и сущіи во тмѣ, открытєся: се сии издалеча придуть, отъ севера и уга и моря, иими же отъ земля далниа, яко повилава Богъ люде свои и смиренныя люди свои ущедри; тогда проглаголютъ очи слѣпыхъ, и уши глухихъ услышатъ, и хромыя яко олень скочетъ, и ясенъ будетъ языкъ гугнѣваго; тогда въ день оныхъ услышатъ гласи слова книжна. Захарія рече: глаголя Господь: се азъ пошлю люди мои отъ земля вѣсточныа и отъ западныа, и введу я и вселю я посреди Іерусалима, и буду имъ въ Богъ и тии будутъ имъ въ люде; укрѣпитєся, слышашіи слова отъ устъ пророческъ. Пакы Исаіа рече: приложитъ Господь визската останка прочихъ людеи, яко отъ языкъ, яко осталоса отъ Асуріа и отъ Египта и отъ Вавилона, и отъ вѣстокъ солєчныхъ и отъ острововъ морскіхъ, и взметъ знаменіе въ языки: събереть гибнущаа чєловѣки, расѣянна събереть отъ чєтырь край земля; граду, рече, собрати всѣхъ племенъ язычєскъ, и пошлю спасєніе въ языки далниа: въ Тарсъ, Фоудъ, Лудъ, Мєспєовєль, въ Еладу, во островы далниа, яко не слышаша имени моего, яко не слышаша, нѣ вѣдаша славы моея; возвѣстятъ славу мою въ языцѣхъ, приведуть отъ всѣхъ языкъ даръ Господєви. И пакы рече Исаіа: благовѣстити имѣшимъ посла ми, возвѣстити славаа его всєлєннѣи, возвѣстити имя его по всей землѣ; разумѣйте, языци, и покарятєся; языци, ходиши во тмѣ неразуміа, людемъ, сѣдаци въ тмѣ, видѣша свѣтъ великъ, живущи во странѣ и стѣни смертнѣи — свѣтъ воснаетъ имъ. Сяце же убо и друзіи пророци прочіи рѣша о обращєнии и о спасєніи странъ и о призваннѣи языкъ и о проповѣди, еже по всей землѣ. Мнози бо страны суть по всей всєлєннѣи и мнози языци быша по всей землѣ. И тако убо пророкомъ добрѣ предрєкшимъ и апостоломъ добрѣ проповѣдавшимъ, ови и отъ языкъ въ проповѣдь апостольскую вѣроваша и крєстїшася, а прочіи оставаша во тмѣ невѣдѣніа, въ невѣрствѣи, въ прєлєсти идолослужєніа, и не крєстїшася; ови убо, слышавше проповѣдь вѣры, и не приаша слова божїа и не послушаша, а

друзиѣи осташи, занеже не нимаху проповѣдника и не сущу учащену я, и того ради пребыша въ невѣрствѣи.

Обрѣтохъ же нѣгдѣ еже въ главизѣи книжѣи пишется, въ словесѣхъ святого Феодорита, толькованіе отъ Пален, яко въ проповѣдь апостольскую послушаша слова божіа и вѣроваша и крестисаша языци, но не вси, но токмо числомъ ѿ, а осташи не крещены ка, всѣхъ бо языковъ во всей землѣ ѿ, яко и при столпотвореніи обрѣтаемы, егда раздѣлишася языци ѿ и размысашася, и развѣшася по лицу всея земля.

И пакы другое другоци слышахъ отъ етера дидаскала слово глаголемое, но не вѣизъ, аще ли истиньствуеть, или ни, еже рече: егда весь міръ приобрищомъ, тогда въ гробъ вселимся; опрѣчь, весь міръ возвѣроуетъ и по ряду вси языци крестятся въ послѣдняя времена, и вся земля и вся страны и вси языци вѣровати начнутъ.

Яко и снѣи нынѣ реченая Пермьская земля: коль долго время осталася, но многа лѣта стояла некрещена; егда же на послѣднее время крещена бысть милостію божією и состраданіемъ и съподвизаніемъ до благоуспѣшна Стефана, яко восна въ землѣи Пермьстѣи лучами святого ученія, просвѣщающа сѣдѣща во тѣхъ лѣтахъ кумирския. Что рече Петръ апостолъ: яко свѣтлыи сіающе въ темнѣи нѣстѣ, доидеже день просвѣтитъ и долинца воснаетъ въ сердцахъ ихъ? Якоже бо свѣтлыи нѣтъ, масломъ напоенъ бытъ, наче просвѣщають, точа свѣтъ присно, тако и снѣи, ражжогса лучами божественныхъ словесъ, ни же освѣти люди, прилѣжно научая, обращая, доидеже Христосъ просвѣтитъ живущая въ нихъ. И пакы яко угль ревностию божественною разгорѣвся, всю лѣсть ядольскую попали въ землѣи Пермьстѣи, а невѣрныя вѣрно просвѣтити. Снѣи убо епископъ много тищаніе сътвори и много терпѣніе показа, тружася и подвизася, наказыа люди, обращая и научая, яко вся богословныя глаголы православныя вѣрныя възвѣщающа, яко святое евангеліе изъ устъ говоря, къ снѣи же и божественными апо-

стольскими учении наказуя и рѣчи пророкъ и гадавіа, и збѣстѣдуя Богу ученый сѣи мужъ, яко ветхое и новое ученіе въ устѣхъ носи и божественными духомъ направлени же, и наставляени и сподвизани, просвѣщающа ихъ истинными богоразуміемъ.

О азбуцѣи Пермьстѣи.

Но токмо бо святыми крещеніемъ просвѣтити, аки грамотѣи сподоби я и книжный разумъ дарова ни и писаніе предасть ни, еже новую грамоту сложи, еже незнаемую азбуку Пермьскую съчини, и тѣи писменными словесы книги мнози написавъ, предасть ни, егже доголѣи вѣкъ свой не стажаша. Преже бо крещенія Пермяне не нѣмаху у себе грамоты и не разумѣваху писанія, и отипоудъ не знаху, что есть книги, но точію у нихъ баснотворцы были, яко баснями бяху о бытїи и о мнротвореніи, и о Адакѣи и о раздѣленіи языкъ, и прочая бяху бающа и лжуща наче, а не истиньствующа; и тако бѣша вѣкъ свой и вся лѣта своя истрошиша. Но Богъ милостивый чловѣколюбець, яко вся устара на молзу людемъ си и не оставлаа рода чловѣча безъ разума, но вселескии приводя на разумъ и на спасеніе, яко пошатъ и пошлѣла люди Пермьскаго языка, воздвизи и устрои ни, якоже древо Веселѣя во Израили, и наполни мудрости и хитрости, тако и сего мужа Стефана добра и благоуспѣшна, и посла къ нимъ; онъ же сътвори ни грамоту, нову азбуку Пермьскую съложивъ, съчини. И егда сему бывшу, мнози отъ чловѣкъ, видѣвши и слышавши, чюдисаша, но точію сущи въ Перми, но и по нимъ градомъ и землямъ, наче же на Москѣи днѣлахуса, глаголюще: како сѣи унѣтъ книги Пермьския досѣти, и откуду сему дана бысть промудрость? Друзиѣи же рѣша: се есть воистину филосоъ новыи. То бысть Костянтинъ нарицаемъ и Кирилъ философъ, яко сътвори грамоту Словенскую по тридесать и осми словъ; такоже и сѣи съложилъ числомъ чотыре неже десятиа словъ, подобяся Греческия азбуки числу словъ; ова убо слова по чину Греческихъ

письменъ, ова же по рѣчи Перискаго языка; первое же слово азъ у стиха, якоже и у Греческия азбуки. Прже же всѣхъ грамотъ бысть Жидовская грамота; съ тою сваша Еллинския грамотничци; таче по свѣхъ Римская, а прочия ниѣ мвози; по мнозѣхъ же лѣтѣхъ Руская, послѣ же всѣхъ Перискаая. У Жидовския же азбуки первому слову ниѣ алѣфъ, а у Греческия азбуки первому слову ниѣ алѣавита, а у Сирьянския алѣеѣбе, а у Югорскію аѣакавасака, а у Рускій азъ, у Перискій абуръ. Да не по единой глаголюще, умножится слово,—многи бо суть граматы и мнозѣ азбуки, во се ниѣна словомъ азбуки Перискаая: абуръ, ган, дои, ежон, джон, зата, зпта, нкоке, алемѣно; нѣно, воѣѣ, реи, снѣ, таѣ, цю, черы, шуяѣ, сюю.

Нѣциѣ же, скудинъ суще умомъ, рѣша: почто ли створени суть книги Перискаая, или что ради составлена бысть азбука Перискаая грамоты? И прже бо сего издавна въ Перии не было грамоты, пошлаѣна сущи такова, но ниущинъ ниѣ издавна у себѣ грамоты, а тако ажжившиѣ ниѣ вѣкъ свой безъ нея; ниѣна же въ скончаніи лѣтъ, въ послѣднія дни на исходѣ числа седмыа тысящи, наче же шала ради времени, точию за ꙗзъ лѣтъ до скончанія вѣку, грамота замышляѣти! Аще ли и се требѣ есть, достояшо наче Руская, готова сущи грамота, юже предати ниѣ и научити я; суть бо писмена книжная, ниѣже издавна по пошлаѣнѣ ниущѣ изыци у себо, якоже се Жидовски, Еллински, Римски.

Къ ниѣмъ же что достояѣт рѣши, или что подобаетъ отвѣщати? Явѣ же есть, якоже научаемся отъ писанія, а не внако како; но обаче въ писаніи сице есть, еже отъ Адаѣна первоизданнаго глаголю, егоже снѣвъ Снѣвъ, сѣи черѣѣ изучися грамотѣ Жидовскѣѣ, таче отъ Адаѣна до потопа прѣйде лѣтъ ꙗ. и ꙗм; по потопа же бысть столпотворѣніе, егда раздѣлишася изыци, якоже и въ Бытїи пишеть. Да якоже раздѣлишася изыци, такоже раздѣлишася и нравы, и обычаи, и уставы, и законы и хитрости на языки, якоже се глаголю: есть языкъ Египетскъ, смужѣ досталося землѣрїю, а Персомъ и Халдѣомъ и Ассурномъ астрономіе—звѣздоче-

ть, волшебствіе и чарованіе и прочая суетныя хитрости чловѣческия; Жидовомъ же святаѣ книги, повѣже тѣ научени суще, еужѣ грамотою и Моисїѣи по томъ писашѣ о бытїи всего мїра бытїѣскія книги, въ ниѣже есть писано, яко Богъ створилъ небо и землю и вся еже на немю, и чловѣка, и прочѣе все по ряду, якоже пишеть въ Бытїи. Еллинномъ же достася грамотїкѣи и риторикѣи и философиѣи. По исперѣя Еллинни не ниѣтаху у себо своиѣмъ языкомъ грамоты, по Аѣинейскою грамотою нужахуся писати свою рѣчь, и та бѣша по многа лѣта. И бысть иѣкто въ ниѣхъ философъ именовъ Панаѣидъ, иже послѣдїи пришедъ, створи Еллинномъ азбуку, наченъ сице: алѣа, вита, и положи слово числомъ ꙗ. токио Еллинномъ изобрѣте. Потомъ же, по иѣколицѣхъ лѣтѣхъ, ниѣ книжнїкѣи, именовъ Кадомъ Миллїсїи, приложи ниѣ три слова писменная. Тѣмъ же и по многа лѣта девѣтъвѣдесѣтью словъ свою азбуку своимъ письменомъ нужахуся писати. Потомъ же ниѣ граматикѣи, именовъ Симоѣидъ, обрѣте еще, приложи ниѣ два слова писменная, а уже слагаетсѣ число словъ ихъ ꙗа. Енихарїѣи же иѣкто, сказатель снѣи книгѣмъ, сѣи изобрѣте, приложи ниѣ три слова писменная; ти тако собрася азбука Греческая словъ числомъ ꙗд. Потомъ же по мнозѣхъ лѣтѣхъ Дионисѣи иѣкто, зѣмѣ граматикѣи, шесть двогласныхъ словъ изобрѣте; по свѣхъ же другїи философъ ниѣть словъ приложи, а ниѣ книжнїкѣи три слова, ниѣниѣже числа пишутсѣ: шестѣе лѣѣт и девѣтъдесѣтѣе и девѣтѣсотѣе. И тако по многа лѣта мнози философиѣи едѣа събрали суть азбуку Греческую словъ числомъ ꙗи. Потомъ же многыѣмъ лѣтомъ иконошѣдшиѣмъ, Божїиѣи промысловъ обрѣтѣшася ꙗ мужъ нудрецъ, иже преложиѣи книги отъ Жидовскаго языка на Греческїи.

Коль много лѣтъ мнози философиѣи Еллинскїи собирали и составлявали грамоту Греческую, и едѣа уставили мнозѣиѣи труды, и многыи времена едѣа сложили! А Перискую грамоту едѣиѣ чернѣецъ сложилъ, едѣиѣ составилъ, едѣиѣ счїнилъ, едѣиѣ калогоръ, едѣиѣ ниѣхъ, едѣиѣ инокъ, Стеѣанъ глаголю прїснѣи ниѣиѣиѣи

кувно исходящі отъ устъ его, и аки вѣкому спати хотящу или воздрѣнати начивающу, тихимъ своимъ тихо и безмятежно испусти духъ, преставися къ Господу на 7 недѣли по Велицѣ дни, егда бывають праздникъ преполовенія Пасхи, и межу Псидикостіа, вечеръ въ среду среди пятидесятици, мѣсяца апріля въ 12 межу десятна день, на память святаго отца Василиа епископа Амасійскаго, видима 7, а отъ сотворенія миру, еже есть отъ Адама, въ 770 7 девятсотное 7, во царство правовѣрнаго Гречьскаго цара Мануила, иже въ Цареградѣ царствовавша, при патриарсѣ Антоніи, архіепископѣ Константинополи, при Иерусалимстѣхъ Дорофеи, при патриарсѣ Александрійстѣхъ Маркѣ, при патриарсѣ Антиохійстѣхъ Шілѣ, при благовѣрномъ князи великомъ Василіи Дмитрѣевичи, въ седное 770 княженія его, при архіепископѣ Купріяніѣ, митрополитѣ всея Руси,—тогда бо въ ты дни сущу ему въ Киевѣ; при прочихъ же князехъ, благочестивыхъ и христіюбивыхъ князехъ: Владимірѣ, Юрьѣ, Андрѣи, Петрѣ, Константинѣ, Юрьѣ, Іоаннѣ, Синеонѣ, Афанасіи, Андрѣи, Василіи; Литовскою же всею землею обладающу въ ты дни князю великому Витовту Кестутьевичу, во дни христіюбца князя великаго Михаила Александровича Тверьскаго и Олга Рязаньскаго, и Андрѣя Ростовскаго и Пона Ярославскаго, въ шестоицесать 770 владычества Тактамыша царя, иже обладающу ему Манасевою ордою, Заволжское царство обдыржащю, второну царю иже иже Темір-Бутлюю, иже тою страню обладающу ему.

Въ ты дни бысть преставленіе его, апріля 12 епископа смерть постиже, апріля мѣсяца обрѣте смерть Стефана, иже епископъ-посѣтитель нарочется, и посѣтителя посѣтила смерть; онъ же тѣло поврѣтъ, яко и кожу, и яко ризы тѣла совлечеся, отъ тѣла отыде, къ Господу преиде, бѣжавъ отъ житійскаго многомутнаго моря и ничтоже виѣи притяжанія житійскаго; въ добрѣ бо житіи въспитанъ бывъ и добрѣ поживъ на землѣ, умеръ же и къ умершимъ предложися отцемъ и праотцемъ, дѣдомъ и прадѣдомъ, тѣло земное оставъ,

и радостію Господеви отдаде душу. дѣлателью душамъ и насадителю благимъ. Добрымъ нашъ поборникъ вѣрѣ преставися отъ сего житія къ тамошнему, усне о Господѣ своимъ вѣчнымъ и преиде отъ труда въ покой, по Нову, глаголющу: смерть покою мужу есть: опочивеніе отъ трудовъ приять и отъ подвиговъ, оставивъ тѣльное се житіе и маловременное, мимотекущее и скоромнующее и нестойщее вѣде, отиде овамо. идеже есть нѣзда по дѣломъ, идеже возданіе противу трудовъ его,—къ Господу отыде, егоже изымаде, возлюби, его же ради на земли подвизася, его же и предъ нечестивыми исповѣда, егоже и въ странахъ проповѣда, въ негоже и вѣровати научи.

И егда преставльшуся ему, собрася на провоженіе его много множество народа, князи, бояре, игумені, попове і гражданстѣи люди и прочии челоуѣци, и проводи его честно; и вѣше надъ нимъ нагробное обычное вѣнчіе, предаша гробу честное тѣло его, положивша его во пресловущомъ градѣ въ Москвѣ въ манастыри святаго Сваса, въ церкви каменной, входящия въ цорковь на лѣвой странѣ. И мнози скорбѣюще, тужаху по немъ, похваляюще добродѣтельное житіе его и душеполезное ученіе его, и благонравныи обычаи его; иже иже стадо его тужаше по немъ: новокрещенный языкъ Перскій.

Плачь Перскіихъ людей.

И егда приде къ нимъ вѣсть его, возвѣщающа къ нимъ и глаголюща: придѣте, новокрещении в Перскіи събори, и видѣте и слышите, како учитель вашъ преставися отъ васъ, къ Господу отыде, а васъ сирыхъ оставъ; мы бо есмы сами преставленію его самовидци и слугы, еже очи наши видѣша и рущѣ наши осязаша, яко на Москвѣ бѣ болѣзновавшу ему, тако и преставися, тако и положенъ бысть честно; аще ли не вѣруете словесемъ нашимъ, но яко яже предъ вами являютя глаголи наши, то придѣте и видѣте ризы его и ризницу его и кнѣги его и прочая его.

Онѣ же егда услышаша преставленіе его, вѣснѣ

каша со слезами и въ тузѣ сердечнѣй вопіаху милосіиенъ, жалостно сѣтующо, и вси начаша глаголати: горе, горе намъ, братіе! како остахомъ добра господина и учителя! горе, горе намъ, како лишени быхомъ добра пастуха и правителя! О како отъяся отъ насъ иже многа добра намъ податель: о како остахомъ отчистѣника душамъ нашимъ и началника тѣломъ нашимъ. Топерво остахомъ добра промышленника и ходатая, иже былъ намъ ходатай къ Богу и къ человекомъ: къ Богу убо моляшеся о спасеніи душъ нашихъ, а ко князи о жалобѣ нашей, и о льготѣ и о ползѣ нашей, и ходатайствоваше и промышляше ко бояромъ же, къ началомъ, властемъ міра сего былъ намъ заступникъ теплъ, иногажды избавляя ны отъ насилія, и работы, и тивульскія продажа и тяжкыя дані облегчая ны. Но и сами ти Новгородци, ушкудниці, разбойниці словесы его утѣщавани бываху, еже не восхотѣ ны; нѣмъ же обоуду погрѣшихомъ и отсюду лишени быхомъ: къ Богу не имамъ молитвенника тепла, къ человекомъ же не имамъ заступника тепла. О како и откуду со бысть поруха житию нашему! быхомъ новомшю сущдомъ нашимъ иноязычникомъ: Лопи, Вогулицамъ, Югрѣ и Пинезѣ. О епископо нашъ добрый, акы къ живому тебѣ глаголемъ: о добрый подвижниче правыя вѣры, о священноотавниче и богопрповѣдниче, иже Бога намъ проповѣдыви, а пядомъ неправый, неслестный нашъ возю и наставниче, провядниче заблужиниъ намъ! Аще быхомъ злато потеряли или сребро, то иноо въ того мѣсто обрящемъ, а тебе оставио, иноо таково но обрящемъ. Камо заиде доброта твоя, какомо отъиде отъ насъ, или камо ся дѣтъ, отъ насъ пѣмде, а насъ сврыхъ оставилъ еси, пастушо нашъ добрый? оставилъ еси свое стадо заблужатися и сѣтатися по горамъ, гороплѣнниимъ и волкохитциимъ быти. Кому приказалъ еси стадо свое, еже о пастыи и о печеніи? кто же ли тако попечется нами, овцями заблужиниимъ? но терпимъ бо безъ тебе быти. Быхомъ яко овца, не имущи пастуха, быхомъ имущи печаль безъ утѣшенія. Кто же ли утѣшитъ

печаль нашу обдержашую ны, къ кому ли прибѣгнемъ, или къ кому созримъ, гдѣ ли услышимъ словеса твоя сладкая, или гдѣ насладимся бесѣды твоея душеполезныя? видати ли ся намъ по тебѣ таково господина и учителя, или не видати? Да аще будетъ видати, то благословенъ Богъ; аще ли не видати, то воскую ны еси оставилъ, воскую ны отринувъ до конца? или прогнѣвася на овца пажити твоея? воскую же пустихомъ те и на Москву, да тамо почилъ еси! Лучши бы было намъ, дабы былъ гробъ твой въ земли нашей и прямо очима нашими, дабы былъ намъ утѣтъ не худъ и утѣха поне велика сиротству нашему, в акы къ живому къ тебѣ приходяще, благословлялися быхомъ у тебо, и по успевіи акы къ живому, повиннающе твоя Богомъ преданая словеса. Нынѣ же отпудъ всего по ряду лишени быхомъ: но токно бо тебо самого остахомъ, но в гроба твоего не сподобихомся. Почто же и обидя ся бысть на ны отъ Москвы? Се ли есть правосудье ея: пѣнюще у себо митрополиты, святители, а у насъ былъ единъ епископъ, и того къ себѣ взя, и нынѣ быхомъ не имущи ні гроба епископа. Единъ то былъ у насъ епископъ; тоже былъ намъ законодатель и законоположникъ, тоже креститель и апостолъ и проповѣдникъ, и благовѣстникъ и исповѣдникъ, святитель, учитель, чиститель, восѣтитель, правитель, исцѣлитель, архіерей, стражевожъ, пастырь, паставникъ, сказатель, отецъ, епископъ. Москва убо многа архиерѣя имущи, избилующи, излишествующи, ны же токно того одного пѣнхомъ, но и того единого не сподобихомся, и быхомъ скудствующи и недостаточствующи и сѣтующо, яко обвиняхомъ зѣло, яко смрихомся, яко о обожахомъ зѣло. Изумѣхомся, требуемъ бо руководителя и проводника; нынѣ же что сѣтворимъ въ скорби нашей, повежо жатва убо приспѣла естъ, якоже рече Іоиль пророкъ: поспѣѣто серпы, яко приспѣ жатва и яко пѣстопѣтъ жатва; и пакы: жатва убо многа, а дѣлатель мало; помолися убо, преподобниче, къ Господоу, помолися господиноу жатвѣ, да изведеть дѣлателя изъ жатву свою,

жю, юже искупн своєю кровію; азъ бо вѣдаю сєи, яко по отшествіи мюмъ выдуть въ вась волци тяжци, не щадящо стада, и отъ вась самѣхъ встануть мужи, глаголющо развращєннаа, и восторгати имуть учєники въ слѣдъ себє. Тѣмже, братіє, никтоже вась да не прекрадоуть лживыми учєвіи и ерєсью; никтоже вась да не прєльщаєтъ тщными слєбєми; но аще кто внадееть въ етерє прєгрѣшєнїемъ, имъ, духовнїи, сьврѣшають такового духомъ крєпкїмъ, блуднїи себє, еда и ты искушенє будєши, кє сьвршенїи суще, наказайте безумнїи, утѣшайте печалнїи, подимайте немощнїи, другъ друга поучайте на благоє, другъ друга покрѣплайте, другъ друга тяготы носите, и тако скончайте законъ Христовъ. Кончєше же слово року: се приказываю вась Богу, якоже Павелъ рече: се имѣѣ, братїє, продаю вы Богу и словєси благодати єго, мюгущєму вась възградити и устроити и спасти, то унасєтъ вы, то бо єсть спасєтъ нашъ, тому слава въ вѣкы вѣконъ, аминь

Овї же, слышавшо, рѣша: слава Богу, давшему ти мудрость, слава вразумившему тя, слава дающему тобою всѣмъ намъ прєсвѣщенїє!

Прєподобнїи же єпископъ Стефанъ, поучивъ люди доволнѣ, не точїю же тогда се творяше, но иногда прїсно: се бо бѣ дѣло єму, еже всегдашнее творити обичное поучєніє людемъ. Хоташє же исхожденїє сьтворити, тѣшє бо сє на прєдлежащїи путь. Сєго ради и за люди помолисє, сьтвори молитву, глаголя:

Молитва.

Благодарю тя, Господи отче святїи и всєдръжитєлю, и єдиночаднаго сына твоего и прєсвєтаго благого животворящаго твоего (Духа); прїзри, Господи, на люди сїа новокрєщеннїи и на словєснїи сїа овца твоє, иже ипою недостойнїмъ приведєннїи къ тебѣ въ вѣру, и очисти нїхъ душа и тѣлєса твоею благодатию, и посьти виноградъ своего, насажденнаго деснїцею твоею; да(и) жо нїхъ повєсичєски творити правду твою, и укрѣпи въ православити вѣрѣ крєстьянстѣи, извѣстїи въ нїхъ

завѣтъ свой, избави отъ ветхата идолослужєнїи и отъ всякїи прєлєсти дїавольскїи и отъ всякїи ерєси нагубнїи, и научи нїхъ творити волю твою, и помощи твоея не отъємили отъ нїхъ, да и сдѣ на землїи сподоби нїхъ пожити въ прєподобїи и въ правдѣ, и онако, въ будующємъ вѣцѣ, сподоби нїхъ вѣчныхъ блазъ наслѣднїки быти, яко благословєтъ сєи въ вѣкы, аминь.

Поучивъ люди и благословивъ и молитву сьтвори, изидє. Егда бо входяи прєвоє въ землю ту, начинаа учити, молитву сьтвори, и намы исхода, молитву сьтвори, и начинаа и окончєваа и свєршаа, все молитвою заключєа и запечатлѣ. И тако изидє отъ землїи Пермскїи на Москву.

Егда же прїде кончїна лѣтъ житїи єго и время отшєствєна єго наста и прїспѣ годнїи прєставлєнїа єго, прїлучисє єму въ тѣ дни прїѣхати на Москву къ Кєрїану митрополиту. Бѣ бо єму любнїи зѣло и люблєше и волнїи. Къ єму же потщєса долгъ путь гнати и многъ шєствовати о вѣкнхъ дѣлєсѣхъ священотайннхъ, и о церковнєхъ управлєнїи, и о законпрєвалѣхъ и о прочнхъ вѣпросѣхъ и потребнхъ, аже суть на спасєніє чєловѣконъ. И тогда прїключисє єму на Москѣ вѣколнко двїи поболѣвшу, и прєставитисє. Подобашє бо тому, по апостольскому гласу, иже воздержаннїмъ трудомъ добрѣ потрудившусє, и общаго естєства долгъ отдати. Но прєже прєставлєнїа єго на одрѣ болѣзнїи сложасю єму и болящу, братїамъ часто посѣщающнмъ єго, овѣтъ прєдстоивнїмъ окрєстѣ єго, овѣтъ же прєдсѣднїннхъ у него; но и самъ князь великїи прїложашє на посѣщєніє єго, и бояры и посп, многажды навєщаху єго.

Поучєнїє.

И сїцє же єму болящєму, въ єдинъ же отъ дни прїзєа своєа кїарїки и рїзничїи и падїки и всєа сущїа єго, єлєкє сѣ нїмъ прїѣхаша отъ землїи Пермскїи, и рече нїхъ: братїє, слышїтє словєса отъ устѣ нонѣхъ. Сє имѣѣ отшєщєнїє вы нїкї въ землю Пермскую; но мюмъ отшєствїи прїдєтє и рцїтє нїмъ, новокрєщеннїмъ людемъ Пермскїи.

и всѣмъ ближнимъ и дальнимъ, возвестите къ нимъ моя глаголы, елико къ нимъ приказываю, или еписколію написуя или нарочкомъ нарекуя, скажите имъ, елико слышасте и видѣсте. Се бо уже конечное слово хощу рещи, иже пакы кому уже потомъ прочее не проложу глаголати; постигнетъ бо мя кончина, и придетъ день и приближится часъ и приспѣ година. Но повоже добро есть сдержати доброе исповѣданіе и до послѣдняго издыханія, рцѣте отъ мене людемъ, глаголюще: се азъ отложу отъ васъ и кому прочее уже не живу съ вами; се азъ иду въ путь отецъ моихъ, ижеже и вси поидоша, се азъ умираю, аки же и вси на земли иже живуции. Внемлете, людие мои, законъ Божій, внимайте себѣ, чада, бдите и молитесь, стойте въ вѣрѣ неподвижни, мужайтесь, да крѣпится сердце ваше, станите о вѣрѣ твердѣ, блюдетесь отъ еретиковъ, стерегетесь отъ иже развратниковъ вѣрѣ, снабдитеся отъ приходящихъ расколъ церковныхъ и отъ находящихъ раздоръ, срамитеся отъ всякіа ереси нагубныа, блюдитеся отъ кумирскаго служенія вашего давняго, да никтоже васъ прельститъ злыми словесы. Вѣсте бо, братіе, колику скорбь пріяхъ, колику томленіе подъяхъ въ земли Перистѣи и колику пострадалъ въ странѣ той, утвержая вѣру, устанавливая крещеніе, законъ полагаа, зѣло повсегда некия, день и ночь моля Бога, да ми отвореть дверь милосердіа, да приметь молитву мою, да спасеть люди своя. Богъ же челоѣколюбець не презрѣ молитвы моея, но исполни прошеніе мое, привелъ люди въ вѣру. И се есто съвершени во крещеніи, и се нынѣ, братіе, предаю вы Богу и словеси благодати его, могущу ему васъ соградити и съхранити и спасти. Прочее же, братіе, стойте въ вѣрѣ крѣпцѣ, неподвижнѣ, держите преданіе, еже предахъ вамъ, и вѣру, юже есте отъ мене пріели; не приложите, ни уложите ко уставленому закону; слушайте закона Божія и все, елико заѣца Богъ во всемъ законѣ его, слушайте святое евангеліе Христово и святыхъ его божественныхъ апостолъ, слушайте заповѣдей святыхъ отецъ, иже великихъ и все-

ленскихъ седми соборовъ, святыхъ преподобныхъ богоносныхъ отецъ нашихъ, якоже правила ихъ повѣлываютъ. Ибо по моему отшествіи аще кто придетъ къ вамъ или еретикъ, или идолослужитель, или развратникъ, или иже нѣтъ расколъ и раздоръ церковный, или расхуликъ вѣрѣ христіанствѣи, или волхвъ, или кудесникъ, или злоѣрникъ, не приемлете такихъ, съ тацѣми ни ясті, ни пити, ни дружитися, ни совокуплятися; но по всему отвращайтесе отъ нихъ и ученія его не слушайте и словесъ его не внимайте, и повелѣній его не принимайте. Рече бо Павелъ апостолъ къ Тимоѣю: еретика челоѣка бѣгай, отвращайся, отрицайся, вѣдый, яко таковый совратился естъ и самъ осуженъ естъ. Аще бо кто начнетъ учити вы ученіа супротивно святымъ православнымъ вѣрамъ крестьянскіа, кроиѣ святыхъ соборныхъ апостольскихъ церквей, того ученія не приемлете, аще и мнитесе мудръ быти, аще и силы никаки начнетъ творити, не слушайте его; рече бо божественный Павелъ апостолъ: аще и ангелъ съ небеси пришедъ къ вамъ, начнетъ вамъ благовѣстити инако, а не тако, якоже вы благовѣстникомъ вамъ, апостолъ да будетъ, рекше, да будетъ проклятъ. Вы же убо, елико же азъ проповѣдахъ вамъ, тако пребудете; якоже азъ предахъ вамъ ученіе, тако и нѣйте; якоже отъ мене слышасте и научитесе, тако и творите и сохрани-те, — и Богъ ипра да будетъ съ вами, аминь.

О прѣставленіи его.

И мало побѣдовавъ промежу собою о душеполезныхъ, в вся добрѣ расправивъ и разрядивъ, в вся проуготовавъ и устроивъ, и все управивъ, и тако простеръ нозѣ свои на ложи свои, и братіямъ предстоящимъ и канонъ обычный поющимъ и славословящимъ, и самъ съ братіями бесѣдоваше наза нѣкая словеса: оному отъ прозвиртеръ кадилницею съ финяномъ покадити велише, оному же молитву отходную промовити, овѣмъ же канунъ по исходѣ души проглаголати. И ещо сущу благодаренію въ устѣхъ его и молитвѣ

апостолескъ и пророческъ, и еже добръ протокуа рѣчи пророкъ и гадаица, единъ точно отъ многыхъ поминается. И милостиво любяше подати, страннолюбие, нищекормие и гостенъ учрежденіе творити. Коль краты многожды лодьями жита привоза отъ Вологды въ Пермь, и сна вся истроушаше не на ино что еже на свой промыслъ, но точно на потребу странныхъ и проходящихъ и прочихъ всѣхъ требующихъ. Да якоже древле Носиѣвъ въ Египтѣ бысть пшеницедатель и люди прекорни и препитава во дни гладу, такоже и сесь новыи бысть житодавецъ; люди насытивыи. Но тотъ сдѣ и паче Носиѣва прекраснаго бысть. Носиѣвъ бо людямъ точно единъ житохѣриемъ кормитель бысть, и тоже не даромъ, но на цѣнахъ комуждо продаваше; сесь же добръ стронительство стужа, безъ цѣны продаше и даромъ комуждо раздаше, якоже пророкъ Исавъ рече: иже не янать хлѣба, шедше куните и ядите безъ сребра и безъ цѣны; во скоую цѣните хлѣбъ вашъ? Носиѣвъ же тѣлеса една точно препита, снѣ же не токмо тѣлеса една прекорни, ученіемъ, глаголю, божественныхъ писаній, соугубою нищю: тѣлеса убо брашны, еже отъ плодъ земныхъ, душамъ же поученіе, еже есть плодъ устенъ, и тако обояко (ко)рмивъ люди и препитава и въ гладъ. Гладъ же, глаголю, не токмо еже не сущу житу, но еже и другий гладъ приспѣ не менши перваго, еже отивуду не слышати слова Божія, и тако бѣваше земля та въ тѣ дни дѣшна гладома одоржнма сущи; азгубо же и пятв(а)ніе обрѣте. Но о хлѣбѣ бо, рече, единъ живъ будетъ человекъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ; и пакы: дѣлайте, рече, не брашно гиблющее, но брашно пребывающее въ жизнь вѣчную. Сего ради не точно бо бѣваше чювьствена трапеза видна предлагаема, но и духовнаа представляема, и поученіе божественное присно: и преже аденна, и при ядени, и по яденіи глаголашеса псаломъ и по нити пѣснь. Много бо учрежденіе творяше велие многия странныхъ и гостенъ пришелцемъ, приплывающихъ и оглазующихъ; и но дадше имъ мимоходити просто тако, якоже прилучашеса, но всякому приходящему преже

у него побывати и у него благословитися, и у него ясти же и пити, и у него прияти и увѣтъ и ученіе и учрежденіе и утѣшеніе, и у него прияти молитву; и благословеніа сподоблѣся, ти тако прочее отати на подлежащій путь, Богу наставляющу его на спасеніе многия душамъ.

Егда же бысть близъ времени преставленія его, яко мѣти за два мѣсяца или за боле, и созва люди ново-крещеныи Пермскіа, и собравъ я закупѣ, хотя имъ поученіе сотворити обычное, паче же послѣднее поученіе, и рече имъ, глаголю: братие, отцы и чада, мужи Пермстан! должни есмы благодарити и благохвалити Бога, отца Господа нашего Ісуса Христа, о вашей вѣрѣ и вашего ради обращенія и крещенія, иже многою милостію своею породивъ васъ бакою пакыно-роженіа во упованіе живо, въ наслѣдіе истлѣвно и нескверно и неуздающее, соблюдоно на небесѣхъ; и вы убо свободнестеса отъ грѣха и поработнестеса Богу; обручнестеса во обрученіе жизни вѣчныи, тму оставнесте, а въ свѣтъ облекостеса, позванн бысте во свободу славы чадъ божіихъ; разунѣйте, что есть воля Господня блага и благоугодна, и что есть заповѣдь его. Заповѣдь бо Господня издалеча просвѣщающа очи, издалеча же глаголю—издавна, во ветсѣхъ бо за-вѣтъ, еже въ Моусее въ законѣ, си есть первая за-повѣдь, еже рече: возлюбнши Господа Бога своего отъ всея душа твоя и ближнаго яко и самъ ся. Господь же во евангеліи рече: иже кто любитъ мя, а заповѣди моя сохранитъ, а не любяи мя и словесъ моихъ не хранитъ. Іоанъ же богословъ евангелистъ рече: аще кто речеть: Бога люблю, а брата своего ненавижу, ложъ есть; но аще любитъ Бога, подобасть и ближнаго любити: се есть любви свершена. Апостолъ же Павелъ рече: братие, любящіе Бога все посвѣтятся въ благо; тѣже, братіе, аще есте возлюбнши Бога и къ нему вѣросте и въ него же крестнестеса, то потчнестеса чисты, непорочныи и нескверныи обрѣтѣсја предъ нимъ, дѣлайте благое на основаніе вѣры. Вѣра бо безъ дѣлъ мертва есть, якоже рече апостолъ. Па-

ковъ, по плоти братъ Господень: яко вѣра безъ дѣлъ
мертва есть, тако и дѣла безъ вѣры, безъ вѣры же
не можно угодити Богу. Пишетъ же и верховный апо-
столъ Петръ, глаголя: потщитесь добрыми дѣлами ва-
шими, извѣсто званіе ваше творите; се бо творяще,
не согрѣшите николиже. Праведно же мнѣ, доидеже
есмы въ тѣлеси сѣмъ, убужати вы воспоминаніемъ, вѣ-
дѣмъ, яко вскорѣ есть оставленіе тѣлу моему, якоже
Господь нашъ Іисусъ Христосъ яви ми; потщю же ся
всегда имѣти васъ по моему исходу память сихъ тво-
рити. Но живыми бо баснию послѣдовавши, сказа-
хомъ вамъ Господа нашего Іисуса Христа силу и
пршествіе его. Тѣмъ же глаголю вы по апостолу, глаго-
лющу: отложите всяку злобу давнихъ дѣлъ вашихъ и
взвѣнчавшите вся дѣла лукавая, совокупшася ветхаго
человѣка, вставшаго въ похотѣхъ телесныхъ, да яко
поворождени младенци словесное и мелестное млеко
добродѣтели возлюбивше, пити, да въ немъ возрастѣше
достигнете въ разумъ свершенъ. Уже не будите акы
младенци зыблющеся умомъ, акы вѣтрома колоблю-
щеся, бурю тревопяща грѣховъ, и не дѣти бываите
умомъ, во злобою младенствуете, а умомъ совершени
бываите, во благое же крѣпци и тверди, и сѣтвореніи
умомъ бываите, достойно званію ходите, во нже по-
завави бисте, во съхраненіи заповѣдей Господень. Бѣсте
бо иногда тѣма, вынѣ же, яко чада свѣту, ходите во
всякой правдѣ и истинѣ, искушающе, что есть угодно
Господеву; и не премѣшайте ся дѣлѣхъ неподобныхъ и
токихъ, но наче облачавте я; ибо бывающая вѣтаю,
скверно есть и срамъ есть, и срамъ есть глаголати;
вся же, облачавшая свѣтомъ, являса. И се вынѣ время
отшествия моего наставти на уже, да будетъ вамъ
извѣстно; аще ли кто подумаотъ, изловѣренъ смѣи, и
наче же рещи, изловѣренъ смѣи, помыслити отити отъ
свѣта во тѣмъ, възхоцетъ отступити отъ Бога жива,
възоцетъ отириши вѣры христіанския, и еже съгра-
дивъ сіе, пакы разарятъ, — и противу сему что хо-
цетъ рещи? но такоу чистъ есмь азъ отъ сего и
кроу сіе мено да соудетъ, и самъ огаѣтъ въ страш-

ный день судный да въздастъ о собѣ, или безъ вся-
кого отвѣта да будетъ. Азъ бо силу свою исполнихъ
и многа словеса божественная сказахъ, и все, елико
долженъ всѣхъ створити, и створихъ, и уже усталъ
есмы, уча ихъ, но даи покоя челюстомъ моимъ, утру-
дихся, вопша, измолче гортань мою. Болѣ сего что хо-
тѣхъ створити, и не створихъ, токмо еще сице
глаголю: засвѣдѣтельствую вамъ и запрощаю страш-
ными клятвами и свѣдѣтельство предлагаю, якоже
древле Моисей и Исаія; сна бо, пророка суща, оба
равно засвѣдѣствоваша, но бо и землю на послу-
шество привадаста, оу рече есть, есть же Моисей во Вто-
ромъ законѣ, глаголя: возни, но бо, и възглаголю,
услыши, земле, глаголю устъ моихъ. Исаія же рече:
слыши, небо, и внуши, земле! Имама же и Павлово
слово рещи, еже рече: нже кто не любитъ Господа на-
шого Іисуса Христа, да будетъ проклятъ. Но бонте ли
са, еда како придетъ на вы писаніе оно, глаголющее:
лучши есть не общатися, нежелати общавшюся и не
воздати? И пакы апостолъ Петръ рече: лучши бы мнѣ
непознавшимъ мутти праведнаго, нежелати познавшо, во-
снати возвратишася отъ святыхъ преданныхъ мнѣ запо-
вѣдъ, и случаетса мнѣ истинная притча: несть обра-
тиса на своя блявотныи и свнвля, омывшася, и пакы
въ кагѣ и въ тинѣ заляетса, и бывааетъ послѣдняя
горши горныхъ. Не ложь бо есть река во святомъ
оуагелыи: се уже стѣвиря при кореніи древа лежить,
всяко древо, не творящее плода добра, постѣвасмо бы-
ваетъ и во огнь вметаемо. И пакы Павлова воспоми-
наю вѣщанія, еже рече: блюдетъ, еда како будетъ въ
стерѣ васъ сердце лукаво нечѣвствна, еже отступити
отъ Бога жива и отъ вѣры христіанския; будетъ бо,
рече, время, егда сдраваго ученія не примутъ. И пакы
рече, яко въ послѣдняя времена отступитъ вѣдѣи отъ
вѣры Іисусъ Христовы, внемлюще духомъ лествичнымъ и
ученію бѣсовскому. И пакы Павель, егда отъ Милита
въ Іерусалимъ грядый, и Евосткии попомъ рече: вни-
майте себѣ и всему стаду, въ помъ же вы Духъ свя-
тый постави стража наставити и блюсти церковь Бо-

епископъ, единъ въ едино время, а не по многа времена въ лѣта, якоже и онѣ, но единъ нпокъ, единъ во единеннѣ уединися, единъ уединенный, единъ единого Бога на поможь призываетъ, единъ единому Богу моляся и глаголя: Боже и Господи, иже премудрости наставниче и смыслу давче, несмысленнымъ сказателю и пишнимъ заступниче, утверди и вразуми сердце мое и даи же ми слово, отчею слово, да ти прославляю въ вѣки вѣковъ. И сїце единъ нпокъ къ единому Богу помоляся, и азбуку сложилъ и грамоту сътвори, и книги переволъ въ малыхъ лѣтѣхъ, Богу помогающе ему. А онѣ мнози философи многими лѣты, сень философовъ една азбуку уставили, а бѣ мужь мудрецъ преложению преложилъ, претолмачилъ книги, отъ Жидовска на Греческій языкъ пореводша. Тѣмъ же нпо, яко Русская грамота честивѣиши есть Еллинскїи: святъ бо мужь сътвори, ю есть, Кирила реку философа; а Греческую азбуку Еллині покращени, погани суще, составлявали суть. Также и потому же Перискаа грамота наче Еллинскїа, юже сътвори Стефанъ: тако Кирилъ, сдѣ же Стефанъ—оба снв мужа добра и мудра быста и равна суща мудрованїемъ: оба сдѣлако равонъ подвигъ обависта и подъяста и Бога ради оба потружаста, овъ спасенїа ради Словѣномъ, ово же Перманомъ, яко двѣ свѣтлѣ свѣтлѣ языки просвѣтїста. Каковы похвалы достойна быста? Память бо, рече, праведныхъ съ похвалами бываетъ, и похвалему праведнику, возвеселятся людїе. Си бо Бога прослависта и Богъ ою прослави; славящая бо, рече, прославлю. Но Кирилоу философу способише иногда братъ его Мефодїи или грамоту складывати, или азбуку составлявати, или книги переводити. Стефану же никтоже обрѣтося помощникъ, развѣ токно единъ Господь Богъ нашъ приближнше и сила, помощникъ въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ ны зѣло. Аще ли кто речеть слово на Перискую грамоту, яко похуля ю и глаголя, яко нѣсть гораздно устроена азбука сн, достойно есть починивати ея,—и еще тѣмъ къ снмъ речемъ: и Греческую грамоту такоже мнози починиваша: Агоу-

ла и Соунахова чадъ и нннн ннннн. Дивна бо есть тоговаго починити, удобѣе бо есть послѣди пострайти наче, нежели исперва начати и сътворити. Аще бо кто въпроситъ Греческаго книжника, глаголя: кто вы есть грамоту сътвори, или книги преложилъ и въ кое время тоя есть дѣлао? то рѣдїи отъ нихъ отвѣтъ дати могутъ и неинози вѣдаютъ. И аще въпросиши Русскїа грамотники, глаголя: кто вы есть грамоту сътвори, и книги перетолковалъ? то вси вѣдаютъ и вскорѣ отвѣщаютъ, ркоуще: святый Константинъ епѣлософъ, нарицаемый Кирилъ, той намъ грамоту сътвори, и книги преложилъ съ Греческаго языка на Русскїи съ братомъ сн приснымъ Мефодїемъ, иже бысть послѣди епископъ Моравскїи. Въ кое же время то быше? Въ царство Михаила царя Греческаго, иже въ Цариградѣ царствовавшаго, при патриарсѣ Фотїи, въ лѣта Бориса князя Болгарскаго и Растица князи Моравскаго и Костелѣ князи Блатевска, во княженїе князя великаго вснв Руснв Рюрика, погани суща и не крещена, за ꙗкъ лѣтъ до крещенїа Русскїа земля, а отъ созданїа шпру въ лѣто ^{отдѣ}. И аще намы въпросиши Чернива, глаголя: кто вы избави отъ работы идолослуженїа и кто вы есть грамоту сътвори, и книги преложилъ? то жъ жалостїю и съ радостїю ргуть и со многими тщанїемъ и со усордїемъ отвѣщаютъ, глаголюще: добрый нашъ дидаскаль Стефанъ, иже обомо просвѣтївый насъ, во тѣмъ идолослуженїа сдѣлачихъ, не токмо бо святымъ крещенїемъ просвѣтилъ ны есть, но и святыми книгами, обомоуду озаря ны, сугубы луча божнв благодати обильной испущая на ны; егоже намъ Господь Богъ далъ есть, но не безаконїемъ нашимъ даровалъ есть намъ его, ни по грѣхомъ нашимъ воздалъ есть намъ, но яко по высотѣ небеснїи отъ земля утвердилъ есть Господь милость свою на насъ, но отъ дѣлъ праведныхъ, яко сътворитомъ, но по своєй милости спасо насъ бавсею намыбытнскою и обновленїемъ святого Духа, вже излнз на ны обильно Исусъ Христосъ Спасомъ нашимъ, да оправдавшеся благодатїю его, будемъ послѣдннци по упован-

нію жизни вічній; свй Стефанъ многа добра намъ подаратель и великимъ благомъ ходатай: той намъ даровалъ есть намъ законъ, вѣру, крещеніе, той намъ даровалъ есть и грамоту умѣти и кнѣги разумѣти, той намъ азбуку самъ сложилъ есть единъ, грамоту нашу тотъ намъ сѣтворилъ есть, единъ гадалъ, думалъ, составлявалъ и никтоже ему полагаше, и никтоже его воучиваше, или починиваше, но единъ Господь Богъ помогаше ему и вразумляше и, иже сказаніе словесъ его просвѣщасть и вразумляеть и младенца, и благодать Божіа бѣ на немъ: Господь единъ вразумляше и Господь единъ вожаще и, и не бѣ съ нимъ Богъ чужъ и не вода и, акы овча Иосефа, иже пасы Парамла: единъ Господь Богъ Парамленъ, итиѣя велию милость, еуже возлюбилъ и насъ, пониллова насъ, даровалъ намъ своего угодики Стефана: и преложи намъ кнѣги отъ Русскаго на Пермскій языкъ. Когда же се бысть, или въ кое время? И недавно, но яко мню отъ созданія миру въ лѣто ^{смиг} въ царство Иоана царя Греческаго во Царѣградѣ царствовавшаго, при архіепископѣ Филофѣи, патриарсѣ Костантинна града, въ Ордѣ же и въ Саран надъ Татари тогда Мамай царствуетъ, но не вічноусть абию, на Руси же при велицѣи князи Дмитрии Ивановичи, архіепископу же митрополиту по сущу на Руси въ ты дни нікомуже, во ожидающихъ митрополита пришествіа отъ Царяграда, еогоже Богъ дастъ.

Тацѣ ти суть дарова, иже дарова Богъ земли Пернстѣи, тако вѣра зачало прииашо и злоба отъ среды отговіа бываше, тако ти крещеніе приаша, тако грамотѣ сподобилася, тако христане прибываху, тако стадо словесное исполняшеся, тако виноградъ госнода Савасафа добрѣ цѣташо, плодомъ добродѣтели гоубуя, тако чинъ церкви Христовы добродѣтѣи множашеся. И православию растуцу, епископъ же Стефанъ, вида людей своихъ крещающихся и обращающихся къ Богу и утвержающихся въ вѣрѣ, и о нихъ веселашеся, и о семъ благодарно прославляшо Бога добротливый сей отецъ, не себѣ угажая, но многимъ, да ся спасуть.

Единою же вѣкогда, хотя искусити люди своя и увѣдати, аще суть твердѣ вѣроваши, наче же хотя увѣрити я, или извѣстити я въ вѣрѣ, и глагола къ нимъ: до мнѣи влекомихъ питахъ вы, а уже отъселе твердою пищеню достойте кормити вы, и черствымъ брашномъ питати вы; мнѣи убо покажите ми первие отъ дѣлъ вашихъ вѣру свою; аще есте крѣпцѣ вѣроваши, то мнѣи знаменіе да примете извѣщенна вѣры; и аще кто вѣронъ и мудръ хотяи быти изо всѣхъ и боле всѣхъ любови мѣти ко мнѣ, да изыщеть испытають, ащег дѣ възвѣдають кумиръ сущъ таящъся, или въ своемъ дону, или у ближняго си, у сосѣда, или надѣ гдѣ скровенъ втаю, да обрѣтъ, изнесеть и на средѣ предъ всѣми, и ревнуа по вѣрѣ, ти тако своимъ рукама да сотреть и; да еще кто спие сѣтворитъ, сего азъ на до всѣми възлюблю и похваляю и подарю. Ови же то слышавше, кождо изъ тцашеся другъ предъ другомъ, дабы гдѣ увѣдати и изобрѣсти таящъся кумиръ, дабы кто, заривъ первѣе, показалъ свое тцаніе. И быше видѣти тогда дивно прошежу мнѣ: аще бы кто и хотѣлъ, лиценструа о вѣрѣ, свой кумиръ потаати, но не можаше; сами бо къ себѣ созрахуся, кождо бо блюдишеся, преже даже подругъ его не обличитъ; но и клеветари добри сами промежи собою бываху, бяху бо свѣдуще другъ друга тайная, сущѣи сущѣ нежи собою. И тацѣи вишани напоследокъ истребилася домовѣ ихъ, и до конца очистилася отъ кумиръ, и быша свершени о вѣрѣ и съ женами и съ дѣтии.

Быше же есть епископъ Стефанъ искусенъ смѣи кнѣги, иже сею добродѣтелью украшенъ бѣ, и дѣломъ и словомъ мощенъ смѣи противитася идолослужителемъ и супротивъ глаголющая обличати, но и умѣтельству кнѣгъ доволенъ бѣ, и все, едико мѣти. нужное и недодѣдомое, лежащее въ святонъ писаньи, удобъ сіа могъ разрѣшити и протолковати; добрѣ смѣи даръ ниаше отъ святаго Духа, яко чюдитися многимъ людемъ и дивитися о толицѣи Божіей благодати, даннѣи ему, еже по среди и нежю невѣрими единъ сіи, бысть въ лѣта ваша и вочинитъ сказатель, единъ дидаскаль словесъ

да чтобы былъ дѣлатель тѣ добръ, правища слова истинны, чтобы были дѣлатели непостыдны, непорочны, не себѣ угажающа и не ищуща своа ползы, но по многыхъ, да си спасуть. — дѣлателя неосрамны, не-сребролюбивы, не издонныи, дѣлателя вѣрны, строителя тайнамъ его, дѣлателя винограду Христову, дѣлателя, дѣлающа не брашио гиблющее, но брашио пробывающее въ жизнь вѣчную, дѣлателя полезны, посылшны въ проповѣдь евангельскую, дѣлателя, дѣлающа спасеніе чловѣкомъ. Тацѣхъ дѣлатель хоцемъ и просниъ, тацѣхъ требуетъ земля наша, якоже ты и самъ вѣси насъ не хужѣ, о четсиаа главо. Аще ли не тацѣ будутъ дѣлатели, то ничтоже отъ нихъ воззуютъ. О како не стѣуютъ, яко не на своенъ столѣ почилъ еси! Добро же бы было намъ, ащебы рака ноцнѣ твоихъ была у насъ, въ нашей странѣ, а въ твоей епископн, нежали на Москвѣ, не въ своенъ предѣлѣ. Не тако бо тебе Москвичѣ почтутъ, якоже мы, ні тако ублажатъ: знаемъ бо мы и тѣхъ, иже и прозвища ти издаху, отнюдуже иѣции яко и храпомъ та зваху, не разумѣюще силы и благодати божия, бываемы въ тебѣ и тобою. А мы быхомъ тебѣ должную честь воздали, яко должні суще тебѣ и яко твои есны ученицы, яко чада твоя приснаа; елиже тобою Бога познахомъ и истлѣннѣ изыдохомъ, тобою отъ прельсти бѣсовския избавихомся, крещенію сподобихомся. Тѣмъ же вѣрноту убо достонѣ намъ почтети тебе, яко достонна суща хвалы: достоннѣ бо, рече, дѣлатель надъ своен. Да како ты возможемъ по достонію восхвалити, или како ты ублажимъ, яко сѣтворилъ еси дѣло равно апостоломъ? Хвалитъ Римская земля обою апостолу, Петра и Павла; чтитъ же и блажитъ Асійская земля Іоана богослова, а Египетская Марка евангелиста, Антиохійская Луку евангелиста, Гроческая Андрѣя апостола, Руская земля великого Володимира, крестившаго ю; Москва же блажитъ и честитъ Петра итropolitanита, яко новаго чудотворца; Ростовская же земля Леонтія епископа своего. Тебе же, о епископе Стефане, Перискаа земля хвалитъ и честитъ, яко апостола, яко

учителя, яко вожа, яко наставника, яко наказателя, яко проповѣдника и яко тобою тмы изыхомъ, яко тобою свѣтъ познахомъ. Тѣмъ же чтенъ ти яко дѣлателя винограду Христову, яко тернію вѣстерзалъ еси, а домослуженіе отъ земля Перискаа, яко плугомъ, проповѣдью взоралъ еси, яко сѣменемъ, учениемъ словесъ книжныхъ настало еси въ браздахъ сердечныхъ, отнюдуже возрастають класы добродѣтели, иже яко серномъ вѣры сынове Перчестія жнутъ радостныи рукови, важаще сноны душеполезныи и яко сушиломъ воздержанія сушаще, и яко цѣны тернѣннѣа илатище, и яко въ житницахъ душевныхъ соблюдающе ишеницу, ти тако ядати пищу неоскудную: ядѣть бо, рече, нищии, насытятся и восхвалятъ Господа изискающіи его; жива боудутъ сердца ихъ въ вѣкъ вѣка. Но о приодобный нашъ отче священный епископе Стефане! аще и протавился еси отъ насъ духомъ, аще и гробъ твой далече удаленъ отъ насъ, но молитва твоя да будетъ съ нами всегда. Аще и ноци твои далече отстоятъ отъ насъ, но благословеніе твое да будетъ близъ, посреди насъ и на насъ присно. Понинъ насъ въ своихъ, съ молитвамъ помолися о своенъ си стадѣ. Мы бо людіе твои опришнн, и овца наствы твоя, еже ново началъ еси наствити стадо новоукое, стадо новоученое, новокрещеное Перискаго языка. Не мы бо тебе избрахомъ, но ты насъ избралъ еси и насъ научити полюбилъ еси, и къ намъ прити восхотѣлъ еси, и своинъ спостраданіемъ насъ приобрѣлъ еси, и святыхъ крещеніемъ насъ просвѣтилъ еси, да того ради не забывай насъ во святыхъ молитвахъ своихъ, да твоими молитвами возопіемъ къ Богу, егже проповѣдалъ еси намъ, и твоими молитвами возможемъ рещи: Господи, Господи, призри съ небеси и виждь, и посѣти винограда своего и соверши, еже насади десница твоя; призри на рабы своя, на новыи люди своя и на достоніе свое; Господи, рцы и къ намъ: не бойся, малое мое стадо, малое, рече меншее, мнзнное. Понже послѣ всѣхъ породихомся баиею накинороженіа; оноздехомъ бо яко въ первуюнадесять годпну младую, и меншии всѣхъ языкъ есныи

кренскихъ, послѣ всѣхъ языкъ крестихонся: яко, владыко, умалихонся наче всѣхъ языкъ и есмь смиренн по всей землѣ днесь грѣхъ ради нашихъ; аще и отъялъ еси. Господи, отъ насъ епископа нашего, но не отъини отъ насъ милости твоея; ты бо еси давый намъ его, ты же пакы и взъ. Рцѣмъ и ововымъ глаголютъ: Господь далъ, Господь же взятъ; яко Господеви угодно, тако и бысть; буди нма Господие благословено въ вѣки, буди слава Господня въ вѣки благословена, слава Господня отъ мѣста святаго его! Молитвами, Господи, твоего святителя, а нашего епископа Стефана, того молитвами, Господи Исусе Христе Боже нашъ, помилуй насъ.

Плачь церкви Периская, егда объѣздовъ и плакася по епископъ си.

Егда убо людехъ Перискиихъ печалующихъ и тужащихъ по своимъ си епископъ, обычай же есть людехъ повсегда къ церкви приходити, наче же въ началъ сущиихъ. Услышано же бысть се въ ушню церкви суща въ Перии, яко епископъ се преставися, почувтила печаль чадъ своихъ, услышала скорбь людей своихъ, яко услыша гласъ плача ихъ; услышавши, и снытоса зѣло, и пренѣлися измѣненіемъ красоты своея о людѣхъ вѣсти тоа страшныя и притранныя. Увы нѣхъ вѣсти тоа пламенная и горькая и печальная! жалую тя, Перискаея церковь! И пакы року: жаль ни тебе о злопрілучныя тоа вѣсти. Повѣдающа церкви печаль ту, кто скажетъ чадомъ церковнымъ, яко осиротѣша, кто възвѣститъ, невѣсте, яко овдовѣ? Егда же полную вѣсть услыша церковь, яко епископъ се умре, невѣсто увѣдавши, възматоса зѣло и смутиса велии, и печаль смѣниса съ горькимъ рыданіемъ: плачется церковь Перискаа по епископъ своимъ, глаголющи:

Увы и нѣхъ, улы нѣхъ, о чада церковная! почто таисте мене еже не утается? почто скрываете мене, (еже но) укрьтаете? гдѣ женихъ мой водворятся? аще ли глаголете его преставльшася, и аще пакы, якоже рѣсте, Московская церковь приагъ и въ хранилища своя.

почто нѣсте ревнители сыномъ Израилевымъ, иже вземше кости Носифа прекраснаго отъ земли Египетския, и принесоша въ землю обѣтованую, юже обѣща Богъ отцемъ ихъ Аврааму, Исааку, Иакову, и вы бысте такоже учителями дѣлующе послужили? почто его, вземше, не принесосте въ свою землю, въ его епископью, въ его церковь, юже ему Богъ дарова, юже ему Богъ поручи? Увы нѣхъ, женише мой и нѣсокрасителю! гдѣ въдворяшися, гдѣ витаеша, гдѣ почиашеши? О како не сѣтую, яко лишена быхъ тебе, рыдаю себе, яко остахъ тебе, плачу о себѣ, яко овдовѣхъ, сѣтую чадъ своихъ, яко осирѣша. Увы нѣхъ, кто дастъ очина жонна слезы и гласъ моея волю, да ся плачу о женихъ своимъ днесь и пощъ, да безпрестави рыдаю вдовства своего, да присно сѣтую о сиротѣхъ чадъ своихъ! Увы нѣхъ, кого въ рыданію поему призову на помощь, кто ни пособитъ плакаться, кто ни слезы отретъ, кто ни плачь утолитъ, кто ни печаль утѣшитъ? Епископа ли своего призову на утѣшеніе? Тому бо дана была така благодать и тогъ явше такую благодать—слово утѣшенія, еже утѣшати печальныя и съкрушенныя сердцемъ; явша бо ся, рече, благодать въ устѣхъ его; но обаче уже вѣсть его, не слышу бо гласа его въ церкви, устѣхъ его молчаніемъ затвористася, уста его не глаголютъ; а еже явлася благодать, ядана ему, отлетѣла прочь, гласъ его умолче, языкъ его преста глаголати, ученію уже пресыкло, источникъ ученія пресыче и река пресохла, оскудѣ поученіе въ Перии, не вижу бо лица его въ церкви, не вижу очью его въ церкви, очи церкви Христовы болѣть изею тѣло церковное и удове отъ части разболѣшася болѣзнію—чада церковная, не сущу врачу уврачующую я; балуютъ овцы, а волци наступаютъ, а свистати нѣкому, иже бы отполюштити и распудити волки, не сущу пастыреви: плаваеть корабль душевный по морю житийскому, сѣно и овамо натуписа, а кормику не сущу.

Велико бысть безвѣрныи въ земли Перистѣи и преставленіемъ епископымъ немала поруха учивиса.

иногда печаль людей, великъ плачь и рыданіе церкви Персской; понеже подпора церковная порушалася в столбъ церкви отъяся, основаніа церковнаа позыбашася, яко и сама церкви потрясеса; еретици волци, душегубцы, разбойницы, иноязычници Воуголицы наступаютъ, рать еретиковъ наступаютъ и рать еретичская лють зѣло взоружается на церковь, а воеводы иѣсть, иже бы ихъ порокотъ духовнымъ расшибалъ, и разгвалъ, и расточилъ и раснудилъ. И таковыя ради туги жалостно плачется церкви Персская неутѣшию и болѣзненно рыдаетъ, и не хоташе утѣшиться, яко иѣкому утѣшати ея. Якоже древо Персина пророкъ рече: гласъ въ Ганѣ слышанъ бысть, плачь и рыданіе и вопль многъ: Рахиль плакашеса чадъ своихъ и не хоташе утѣшиться, яко не(с)уть. Нынѣ же здѣ не Рахиль, но церкви Персская плачется; не чадъ своихъ, но мужа, епископа глаголю, благословіа вѣнецъ. Стефанъ бо вѣнецъ толкуется. О немже туго плачотъ Персская церкви, не хоташе бо утѣшиться, яко иѣсть его. Но аще бы и вси Персине свидутся, тѣшаще ю, и не можаху утѣшати ея и не хоташе утѣшиться, но и утѣшеніа не принимаше, глаголющи: не брѣзете мене, не брезете, да се манлачу, не дѣйте мене, да се насыщу плача. Обычай бо есть вдованъ новоавдѣвшихъ плакаться горко вдовства своего; почютыла тщету, еже истышися, тяжело вдова плачется, причитающа, поминающа, глаголющи:

Поманухъ дни древняя, гдѣ моя красота церковная, иже иногда украшася яко невѣста преукрашена жениху своему; нынѣ же по женихѣ плача, отложихъ красоту первую и облачихся въ ризы плачевныя, облачихся во вретнице. Азъ бо, рече, воегда оиаванне? творяху ми, облачихся во власявиду и спирныхъ постомъ душу мою, и молитва моя въ надра моя возвратится, яко плача и сѣтующа, тако сѣбрахся; быша слезы моя нынѣ хлѣбъ день и ноць, и смирихся зѣло, весь день сѣтующа хождяхъ, и свѣтъ очию и тѣмъ иѣсть со мною. Увы нынѣ, свѣте очию мою, како забде, откуда же ни просвѣтится луча, свѣтлу моюму

зашедшу, иже иногда нынѣ надъ главою мою свѣщю свѣтящуся; нынѣ же свѣща угасе на: иже иногда нынѣ скровнице скровено въ сосудѣ глинитъ, нынѣ же скровнице безъ вѣсти бысть, а сосудъ заданный обрѣтеса тощъ богатства вѣрныхъ; иже иногда веселася брачнѣ праздновахъ ликующи, нынѣ же унилемо сѣтую бѣды ради, стениюща; иже иногда праздновахъ, ликоствующа и радостотворныя иѣсни поюща, нынѣ же рыданныя и опечалныя и плачевныя и надгробныя иѣсни; иже иногда свѣтлыми облачахся одожами брачными и чертожными и многоцѣнными, нынѣ же облекохся въ студъ, облекохся въ ризы черныя, мрачныя, плачевныя; вси бо, рече, по мертвѣцѣхъ плачущеся, въ черно облачатся; понеже отъять бысть отъ мене женихъ мой, и азъ того ради напрасно плачемъ учернѣхся; иже иногда быхъ исполна богатства церковнаго и духовнаго, сіающа благодатныи при своемъ се женихѣ, нынѣ же нага, нища и убога обрѣтохся по своемъ се женихѣ, обманхся ономъ доброты. Увы нынѣ, како пренѣхся пренѣвѣемъ жалостнымъ, како пренѣхся напрасно отъ оного преукрашенія въ безкрасіе, како внезапно отъяся она утварь невѣстская, како внезапно отпаде цѣтъ, поистинѣ уше трава и цѣтъ ея отпаде, яко рѣка въ кровь прехиса, якоже древо при Фараонѣ въ Египтѣ, яко намы вода въ кровь пренѣвѣи. Увы нынѣ, печаль обиде на волна, амы Москва обѣтованна ради земля, въ нюже много трудися, нынѣ вниде, но точию съ горы узрѣвъ зналъ и порадовася. Сиде же и азъ зналъ пребыхъ обручхся женихови своему; зналъ порадовася, наслажаася желаній духовныхъ, зналъ повеселихся съ нимъ, но не до конца насытихся соуза любовнаго, и намы нынѣ лишена быхъ его. Увы нынѣ, печаль постыже на и обиде на и приять на, якоже древо Иелисея, сына Асафатова, огда Ила Фезвѣтливѣ къ Богу отъ земля яко на небо восхищенъ бысть на колесницѣ огнистѣ и четвероконитѣ. Не Ила убо илоть посла Иелисѣю плачущю и печалующю, утѣшеніе ему свѣтъ творя; здѣ епископъ

ной не животь, но ризницю свою съ рїзани посла ми въ Пермь, церкви своей утѣшеніе твоя симъ, купно же и воспоминаніе.

Бысть иѣкогда плачь людемъ гражаномъ града Невгїдска, но плачь онъ покаяніе и обращеніе сотвори и страхъ разрѣши. Бысть иѣкогда плачь Носифу во рѣѣ, отъ брата продаву сущу, и пакы другой плачь въ Египтѣ познавающуся съ братами. Бысть иѣкогда плачь Езекиа царя Израильтеска, аже царствова во Иудѣи и во Іерусалимѣ, иже обратився къ стѣнѣ, възплакася горѣѣ, и приложеніе лѣтъ животу испроси себѣ плача лѣтъ сї. Бысть иѣкогда плачь Давида царя, иже рече: утрудихся въздыханіемъ моимъ, и заныю на всяку ноць ложе мое, слезами моими постелю мою омочу; ти тако испроси себѣ отпущеніе грѣховъ. Бысть иѣкогда плачь Манасїа царя Паравльтеска, иже въ нѣдѣ затворену сущу ему и къ Богу возплакався горѣѣ, Богу же умилосердившюся нашь, и новелѣ развалитися нѣдѣ, и спасенъ бысть. Бысть иѣкогда плаканіе Алава царя Самарїйска, иже сїтуа хожаше и умиленіемъ умилися. Бысть иѣкогда плачь Иеремїа пророка, егоже бесѣды иѣкаки дряхлы рыданны, къ Богу присно плакаше о запусѣнїи града Іерусалима и печалу, рече: нутїе Сионови плачются. Бысть иѣкогда второй плачь Иеремїинъ, иже та словеса иѣкако си во Псалтыри зчинова, иже при преселенїи Вавилонстѣи сътвори, иже жалобно плакаше, глаголи: на рѣцѣ Вавилонстѣи—ту сѣдохомъ и плакахомся, поманувше Сиона, и на вербыи посредѣ обѣснхомъ органы наша; и како воспоимъ пѣснь господню на земли чужей? аще забуду тебе, Іерусалиме, забвена буди десница моя, прїяльни языкъ мой гортани моему! Мнѣ же, увы мнѣ, языкъ мой приплуль гортани моему и гласу истоуды заградилъ, и не мѣлѣмъ ни гласомъ плакати со восклицаніемъ; како ся възплачю соужитиа моего, како отверзаву устѣ, иже отъ многа плача захлпнася, како уснущу гласъ, иже безгласїемъ одрѣжика есмь; како уснущу рѣчь, иже отъ многа плача рѣчь претокаеть ни ся и токмо скудїи сѣва изношу слово?

Но повоздержите мя уже хотя мало, ослабите ми, да почию, да не иѣкако съкрушюсь отъ многоплачіа. Чюю бо ся чрезъ иѣру плачася женски или невѣстенски, паче же вдовствующи. Егда бо нѣцїи видятся въ глубокъ плачь входяще, обычай есть плачущиися причитати иѣчто иѣкако словеса, да не прадеиъ възнущается гласъ плача, восклицаящи. Къ кому же привергуся, да сътворитъ ми утѣшаніе, еже отъ печалы утѣшеніе? Обаче къ Павлинѣ словесемъ прикоснуса, ко апостолу прибѣгну, то бо есть вселенна апостолъ и учитель странамъ, и проповѣдникъ языкомъ, иже обручивый Богу отъ языкъ церковь, иже весь миръ ученїи своими научивый и утѣшивый и вселенную весели словомъ; надѣю же ся, яко и мене ухлѣбитъ и утѣщаеть и потишеть, и болѣзнь облегчитъ, и скорбь прїимитъ, и печаль преложитъ и отдохновеніе хотя мало сътворитъ ми; ослаби бо, рече, ми, да почию. Но Павелъ гораздо учить, добръ тѣшитъ, глаголи: о умершихъ, рече, не печалуйте, якоже и прочїи, немнущи надежда; и пакы рече: утѣшайте печальныя, утѣшайте другъ друга словесы утѣшительными. И пророкъ Давидъ рече: помилуехъ Бога, и возвеселихся, възверзи на Господа печаль свою, и тѣи ти прїипаееть; вечеръ водворится плачь, а завтра радость, обратилъ есть плачь мой и въ радость мнѣ, растеравъ вретїще мое и препояса на веселіемъ; радость моя забавитъ мя отъ обѣснхшихъ мя, око о немъ возвеселитца сердце наше. Добръ же и Соломонъ лѣчитъ печаль, велитъ бо печальны давати пити вино винограда дѣлательемъ, не сего уннванїа дѣлателя, иже нїанствоиъ уннваются, во вино, сердце веселеее животнѣишихъ раствореніемъ, избобилъ гоститися словесными брашны, яко нашь зѣло на веселіе прїимитися плачу. Да аще Соломонъ велитъ печальнымъ пити вино, и Давидъ рече: хлѣбъ сердце челоувку укрѣити, а вино възвеселитъ.

Но, о епископе мой учителю, азъ, церкви твои, вопїю ти: аще есть дѣла твои поистинѣ яко о Бозѣ сѣдѣла сѣтъ, аще еси получилъ быти со избранны-

ни, аще еси приахъ милость божію противу трудъ твоихъ, аще ти есть мѣзда спасаемыхъ, аще есть жребіи твои ачнинъ съ уговшими Богу, аще инаши дръзновеніе къ нему молитиса, помоліся, преподобніче, о людехъ своихъ, сътвори молитву за люди новокрещенія Перискія, молиса всегда о стадѣ своихъ, молитвами твоими стадо си съхранил отъ волкъ губящихъ о; такоже сътвори молитву за ни, за свою си церковь Перискію, иже нынѣ овдовѣвшую и плачущуюся, помоліся, преподобніче, и о нынѣ къ Богу всеславному и всемогущему, могущему печальныя утѣшати, иже отъ всякого лица всяку слезу отъишому. Къ нему же и азъ молитву си пролию, къ Господу, и тому възвѣщу печаль мою, яко утрудихся въздыханіемъ нощнѣ, исчезе сердце мое и плоть моя, и исчезоша яко дымъ днѣ мои, и кости моя яко сушило вехоша, и яко трава иже сердце мое, и азъ яко сѣно вехохъ; но въ печалі моеи призвахъ Господа, и услыша мя въ пространствѣ; поминухъ бо судьбы его отъ вѣка, и утѣшихся; нынѣ же призываюся къ Богу благо есть и полагати на Господа упованіе спасенія моего; къ нему же усты мои възвахъ, аще и въ Перин сущехъ ни, въ землѣ пустѣ, непроходѣи и безводѣи, Господна бо есть земля и конци ея, Господь есть упованіе всѣмъ концемъ земли и сущимъ въ нори далече. Но обаче и тако сего ради услыша мя Богъ и видѣхъ гласъ молитвы моея. Благословенъ Богъ, иже не оставитъ молитвы моея и милости своея отъ мене, понеже ждахъ, иже бы кто со мною поскорбѣлъ, и се не бѣ, и утѣшающаго не обрѣтохъ, обрѣтохъ же токмо Бога, иже есть помощникъ въ скорбѣхъ, обрѣтшихъ имъ зло, то бо есть отецъ сирыхъ и судія вдовицъ, Богъ всякого утѣшенія, утѣшая насъ на всякъ часъ утѣшеніемъ святого своего Духа, аминь.

О епископе мой священный учителю, се церковь твоя, иже еси приобрѣлъ и соградилъ многими труды и поты своими, иже еси просвѣтилъ и научилъ и обручилъ, се церковь твоя Перискаа вопіетъ ти жалостными гласомъ, възвѣщающа: о епископе мой, азъ

есмь церковь твоя приспан, тобою приведеная, обрученая, оубовѣщенная; прошу у тебе, прошеніе мое, еже послѣдніе прошеніе, конечное желаніе: помоліся за мя къ Богу, покажи свою любовь за свою си церковь, за иже много подвизался еси даже и до крове, противу грѣху стоя и въ смерть многожды вдался, и живота своего не щадя, и душу свою полагаю за ню. О епископе, о священная главо, помоліся за мя, за свою си церковь, сею Богоу молитвомъ, сице глагола:

Молитва за церковь.

Боже вседержителю, иже всей видимѣи и невидимѣи твари творче, иже словомъ въ начатцѣ утврждоу небеса разумомъ и небесаго круга ворѣи сотвори, иже надъ водани и небо утврждоу, второе иже утврждоу ни на чѣмъже землю нововѣиомъ си и распространитъ неодождимую земную тяготу, иже на тверди ея основавый надъ водани многини, яко и на водахъ повѣсивъ ю неодождимую, сдѣлательная сущи и сдѣржающая вся Божіа сила и мудрость, иже утврждаю в громы и зиждай духы, утврждоу сѣи твердое и недвижное, реченіе и утврждоу на ти надъиощимы, и ты еси утврждоу притекающимъ ти, Господи. И понеже яко неплоды ради отъ языкъ церкви язычнующую, неплоднующую церковь твою, утврди; Христо, иже стяжа силою креста твоего, иже отъ языкъ искуди, иже стяжа честною си кровію, иже утврди, Господи, на камені твердѣи, на камені неподвижномъ, на камені вѣрны, на камені заповѣдей твоихъ, на камені исновѣданія твоего, на камені церковныхъ; самъ бо реклъ еси, Господи: на семъ камені созижду церковь мою и врата адовы не удержатъ ея. И нынѣ утвори, Господи, православнень церковь твою, иже утврди непреклонну и недвижнующую, непогрисому и непоколебленую, непозыбленую и неосрабнующую, непорочнующую и незазорнующую, несквернующую и непостыднующую; избави, Господи, церковь твою отъ всякы ереси и отъ всякы нагубы и оретичьскыя шатаванія, и лица ихъ посрами, раздраванія церковная утолчи, гордость поганскую укроти, и языч-

нишь свершше угаси, встанія ореси разруши, и вѣрѣ развратныи скоро испроверзи, и расколы церковныи творящая изложі. Утверди, Господи, и устрои и укрѣпи и мирну сътвори сию святую церковь твою, яко да утвердишия вѣрою, возвеселитя отъ тебе церкви твоа, Христе, и непрестанно пѣсьныи поеть, зовущи, вопіюще: ты ми крѣпость, Господи, прибѣжище и утверженіе; единъ бо сси святъ, Господи, на святыхъ почиваи, и единъ свѣдѣй земныхъ существо, единъ праведенъ и безгрѣшенъ, единъ спасаи душа наша. Утверди, Господи, церковь свою сию, юже съхрани и до скончанія вѣка, нишѣ же присно соблюди ю, на юже очи твои да видятъ всегда, и будитъ уши твои исполюще гласъ молитвы ея, юже приносятъ; прими, Господи, молитву приносимую въ церкви твоой. Князю великому въ благовѣрствѣ многолѣтство даруй, и благоденство и тишину мирну и долготу днѣй устрои, итрополита же, правяща слово твоея истины, святительствомъ честно устроена и благочестіемъ преукрашена, и въ мирѣ долгоденствующа даруй, и христовыи люди въ православнѣй вѣрѣ соблюди, и миръ мирови твоему послѣ, яко благъ и челоуѣколюбецъ. Утверди, Господи, церковь свою до скончанія вѣка, до скончанія всего міра, дондеже миръ вселенныи стоить, дондеже придетъ второе пришествіе твое, дондеже отъинется луна, дондеже будетъ страшный праведный судъ твой, егда придеши въ славу твою, хотя судити живыхъ и мертвыхъ і въздати коуждо по дѣломъ. Христе истинный Боже нашъ! и тебе славу всмысль, съ безначальнымъ отцомъ и съ пресвятымъ, благымъ и животворящимъ твоимъ духомъ, нишѣ и присно въ вѣки вѣкомъ, аминь.

Плачь и похвала инока спасающа.

Азъ же, отче господине епископе, аще уже и умръшу ти, хошу принести хвалу или сердцемъ, или языкомъ, или умомъ, иже иногда, живу суцѣ ти, быхъ ти досадитель; нишѣ же похвалитель, иже вѣкогда съ тобою спирахся о вѣныхъ о приключшихся, или о словѣ

о стерѣ, или о космѣждо стисѣ, или о строцѣ, но обаче помниая нишѣ твое долготерпѣніе и твое многоразуміе и благопокореніе, самъ ся себе усрамлю и окаю, самъ ся обрыдаю и рыдаю: увы нишѣ, егда преставленіе честнаго тѣла твоего бысть, тогда множайшемъ и братнѣмъ, оступльшимъ одръ твой, увы нишѣ, нишѣ не суцѣ ту: не подобихся послѣдняго ти цѣлованія и конечнаго прощенія. увы нишѣ, нишѣ не суцѣ ту, увы нишѣ, какъ спона на отторже отъ лица твоего и азъ рѣхъ: отринухся отъ лица очю твоею, но приложу ли убо прирѣти ми; видати ти когда? Уже бо не иманъ видѣти ти коли, уже не иманъ прочее кому узрѣти ти азѣ, понеже тебѣ убо преставльшюся, якоже речено бысть, азъ же, увы нишѣ, остахъ на злы дни, уже бо нежею нами нежа велика сътворися, уже нежею нами пропастъ велика утвердися: ты убо яко онъ добрый Лазарь нишѣ почиваюши нишѣ яко въ лонѣхъ Аврамлихъ; азъ же оказанный, акы богатый онъ, пламенемъ некомъ сый. Увы нишѣ, быхъ богатъ грѣхи и лишенностудныхъ дѣлъ исполнихся, събрахъ много-различное бремя грѣховное тлетворныи страсти и душевныи вреди. Сна вся смисказъ и собравъ, скровищю себе сътворихъ, и смив оканьствіи зли разбогатѣхъ, яко древнии богатии лѣтъ и яко планокомъ страсть тѣлссыи лютѣ опалемъ, вопію: устуди уста мѣ, прохлади языкъ мой, яко перстонтъ, орошеніемъ твоихъ молитвъ, стражу во азѣ, яко пламенемъ плотолюбныхъ вреди опалемъ; но орошеніемъ своимъ си глаголь устуди уста моя и бестрастїа молитвою прохлади на, угаси мѣ пламень страстей моихъ. Увы нишѣ, кто нишѣ пламень угаситъ, кто ми тму просвѣтитъ? Се бо въ беззаконїи зачатъ есмь и беззаконїа моя умножишася зѣло, и беззаконїа моя волнахъ прилагаю морьскихъ, помышленїа же въ алицѣхъ противныхъ ми вѣтрѣ. Увы нишѣ, како преплову се море великое, пространное, широкое, печалное, многомутное, нестоящее, мутущееся? како препровожаю душевную ми лодью промежи волнами сверепыми, како пѣбуду тревовьныи страстей, лютѣ погружаяся въ глубинѣ золь и зѣло по-

талялся въ безднѣ грѣховнѣхъ? Увы мнѣ, возмущаю посреди пучины житейскаго моря, и какъ достигну въ тишину умиленія и како дойду въ пристанище покаянія? Но яко добрый кормщикъ смь, отче, яко правитель, яко наставникъ, изъ глубины мѣя отъ страстей возводи, молюся: пособьствуй и помози мнѣ спротивству, сътвори о мнѣ, отче, молитву къ Богу; тебѣ бо дана бысть благодать политися за ны. Се бо молитвы твоѣ и добродѣтели твоѣ навѣтны быша; но яко мнѣ дръзновение къ Богу, преподобнѣе, молюся и за мѣя. Азъ бо есмь рабъ твой, понию, лишнюю же мнѣ ко мнѣ любовь, елико на възлюбилъ, елико о мнѣ яко иногажды ся и прослезилъ. Аще же и умершу ты, акы къ живу къ тебѣ глаголю, поминая любовнаго давнаго предложенія, тѣмже похваляти ты гряду, но не умѣю; елика бо шарицаю, и та суть словеса скудна, худа бо, но истинѣ худа и грубости полна; но обаче приимши сѣя, отче честнѣйшій, яко отецъ шивованія отъ уст дѣтшу шивующу, или якоже отъ убогіа овоа вдовца два шднѣца цѣтъ, двѣ шднѣци наче прочихъ приаты быша. Тако и мое умаловое и худое, изъ устъ скверныхъ и грѣшныхъ изнесимое и приносимое, приими похваление.

Но что ты нареку, о епископе, или что ты именую, или чини ты прозову и како ты провѣщаю, или чини ты мню, или что ты приглашу, — како похваляю? како почту, како ублажу, како разложю и каку хвалу ты съплету? Тѣмже что ты нареку: пророка ли, яко пророческая прореченія протолковалъ еси и гаданія пророкъ уснилъ еси, и посредѣ людей невѣрныхъ и невѣгласныхъ яко пророкъ мнѣ былъ еси? Апостола ли ты именую, яко апостольское дѣло сътворилъ еси и равноапостоломъ равно образуюсь, подвижаса, стопаю апостольскимъ послѣдуя? Законодавца ли ты призову, или законоположника, ниже людей незаконнымъ законъ далъ еси и, не бывшу у нихъ закону, въру имъ установилъ еси и законъ положилъ еси? Крестителя ли ты провѣщаю, яко крестилъ еси люди многое, грядущая тебѣ на кроющіе? Проповѣдника ли ты приглашу, по-

неже яко биричъ на торю ключа, тако и ты въ амьцѣхъ велегласно проповѣдалъ еси слово божіе? Евангелиста ли ты нареку, или благовѣстника, ниже благовѣстилъ еси въ мѣрѣ святое евангеліе Христово и дѣло благовѣстника сътворилъ еси? Святителемъ ли ты именую, елика же болшии архіерѣи, старшійшии святители, священники поставля въ своей земли, надъ прочими священники былъ еси? Учителемъ ты прозову, яко учительски научилъ еси языкъ заблужшии і люди невѣрныи въ вѣру приведе и челоукомъ невѣгласныи суща? Да что ты прочее назову? Страстоторница ли, или мученика, яко мученически волю вдался еси въ руки людей сверопѣющихъ на нуку, и яко овца посредѣ волкъ дръзнулъ еси на страсть и на терпѣніе и на мученіе? Аще бо и не проліяся кровь твоѣя мученическою смертию, на нюже и приготавлися, но обаче иногажды стрѣтоша ты многи мученическия смерти, но отъ всѣхъ сихъ избавилъ ты есть Господь Богъ; аще бо и не вогрузися копие въ ребра твоѣя, аще и не постѣче мечъ главы твоѣя, но обаче по твоему хотѣнію и своимъ шivolеніемъ мученикъ бысть; хотѣша бо невѣрныи Періанне иногажды поразити ты напрасно, устремленіемъ нападающе на ты, овогда убо съ дрсколыми и съ посохи и ослоны и съ великими уразы, иногда же стрѣлами стрѣляюще, овогда же солону около тебе запалюще и снѣтъ жжонци ты хотящо, и многими образы умертвити ты мысляще. Но Господь Богъ Спасъ спасе ты своими судбами, ниже самъ съвѣсть, единъ избавитель избавилъ ты есть, еликоже ты проповѣдалъ еси, тои съхранилъ ты есть на службу свою; еще бы бѣ надобенъ еси ому и потребенъ на дѣло благопотребно. Да что ты приглашу? пастуха ли нареку, понеже наслъ еси Христово стадо христіанской словесныхъ овецъ на злацѣхъ разумитѣхъ жезломъ словесъ твоихъ въ паствишѣ ученія твоего, и мнѣ пастѣтъ пастухъ самъ пасомъ бываесть въ тайномъ злацѣхъ? Что ты нареку, о епископе, постѣтителя ли ты толкую, яко постѣти люди озлобленыи, яко постѣти землю Пормскую, постѣти землю и убои ю, и убоиются отъ обилья,

рекше упоются — умудрятся словесы книжными, словеса учения твоего? Люди Пермския поспѣвалъ еси и святымъ крещеніемъ просвѣтилъ еси. Врача ли ты наименоу, яко уязвенны отъ діавола в долослуженіемъ чловѣкъ исцѣлилъ еси и тѣломъ врожены и душою болицаа и духомъ недугующаа люди уврачевалъ еси? Что ты аменую, епископе? Отца ли ты нареку, или казателя Пермяномъ, о Христѣ бо Писусѣ святымъ евангелиемъ ты Пермяны породилъ еси и православіа вѣрѣ научилъ еси, сныи дни явилъ еси и чада свѣту наказалъ еси, и святымъ крещеніемъ просвѣтилъ еси, водою же и духомъ сынове бо ти ся родиша и нынѣ раждаются. Да что ты еще нареку, исповѣдника ли ты исповѣдаю, понеже исповѣдалъ еси Бога предъ невѣрными чловѣкъ? Самъ бо Спасъ рекъ есть: вже кто исповѣсть на предъ чловѣкъ, азъ исповѣю его предъ отцемъ моимъ, вже есть на небосѣхъ. Добрѣ воистину ты послушалъ еси гласа Христова, исповѣдалъ еси его въ Перми предъ чловѣкъ, и Христосъ сынъ Божій исповѣсть тебѣ предъ отцемъ своимъ, вже есть на небосѣхъ, предъ аггелы и архангелы и предъ всѣми небесными силами, вѣдѣже суть и ликове святыхъ и соборы праведныхъ, вже суть се: отци, праотци, патриарси, пророци, апостоли, евангелисти, благовѣстници, проповѣдници и исповѣдници, мученици, святители и учителя, священномученици, преподобномученици, отци святіи, и преподобни и богомосни, постници, пустыици, вѣдѣже суть ликове избранныхъ и души праведныхъ, и просто роци—вѣдѣже суть чинови всѣхъ святыхъ, отъ вѣка Богу угодившихъ. О каковыи славы и похвалы и чти улучити имаша, о епископе, яко дабы сподобилса еси у Спаса Христа такового благословесія, яко дабы предъ всѣми тѣми прежереченыи чинными святыми сынъ Божій и Христосъ спасъ нашъ дабы отцу своему исповѣдалъ о тебѣ, сице глагола: отче святій милосердый и безначальный, исповѣдаю ти: отче Господи, на небоси и земли: сій Стефанъ исповѣдалъ имя твое предъ чловѣкъ, сій вдался тебе ради на смерть и смерти не убояся, яко да явить имя твое

чловѣкомъ, сии проповѣдалъ въ языцѣхъ славу твою и възвѣствалъ велегдѣше чудеса твоихъ и множество бесчисленное благодати твоея сповѣдалъ; сій не токмо вѣренъ самъ бысть, но иныхъ вѣровати научилъ есть; сій извѣлъ есть четное отъ недостовнства: сій Пермяны, невѣрныи чловѣкъ, поганыи суца и невѣгласы, отъ бѣсовъ отвѣде учоениемъ своимъ и къ тебѣ, къ Богу, обратилъ есть и тѣхъ крестилъ есть во имя Отца и Сына и святого Духа, и научилъ и есть вѣровати во святую Троицу нераздѣлимую и единосущную, въ едино божество, и святыми книгами просвѣтилъ есть и божественными писаними вразумилъ есть, и пѣснословесники и славословники наказалъ есть; и молитвенники имени твоему сѣтвори и новопоклонники тебѣ введе, и похвалники славы величествія твоего наказа; да якоже Стефанъ прославилъ есть имя твое на земли предъ чловѣкъ, тако и ты, отче, прослави его самого на небосѣхъ предъ святыми аггелы твоими; и нынѣ прослави его, отче, у тебе самого славою славою и честью вѣнчай его, прослави его предъ аггелы и предъ чловѣкъ, отче святій, соблюди его во имя твое и свети его во истину твою, слово твое истина есть; яко да и мое слово збудется и свершится, еже глаголахъ во сватомъ своемъ евангелии, рекій: аще кто мнѣ служитъ, но мнѣ да ходитъ, да вѣдѣже есмь азъ, ту и слуга мой будетъ, и аще кто мнѣ служитъ, почтитъ и отецъ мой, яко въ дому отца моего обители многи суть; иже изаповѣди моя соблюдаа, то есть любяи мя, а любяи мя возлюбленъ будетъ отцемъ моимъ, и азъ възлюблю его и явлюся ему самъ; аще кто любитъ мя и слово мое соблюдетъ, и отецъ мой возлюбитъ его и къ нему введе и обитель у него сѣворитъ; и нынѣ, отче, прослави Стефана и почти съ, вже на земли прославльшаго ты прослави; славяша бо на, рече, прославлю, а укаря на безо чти будетъ; достоинъ бо есть дѣлатель мзды своея. Еда когда и Богъ отецъ дабы рекъ къ Скефану: благый рабе вѣрныи, добрый дѣлателью винограда Христова, и ты тяготу вара дневнаго понеслъ еси и по-

рученый ти талантъ добръ умножилъ еси; вналѣ бѣ вѣрнѣ, и во мнозѣ вѣрнѣ бысть; о жалѣ бѣ вѣрнѣ, надо многими ты поставлю, види въ радость Господа своего, радуйся и веселися, яко жда твоя многа на небесѣхъ; яже бо сътворитъ и научитъ, сей великъ нарочетъ во царствѣ небеснѣхъ.

Тѣмже, епископе, добро дѣло сдѣлалъ еси, достоинъ бысть похвалы; тебе бо Богъ похвали, еже есть Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, егже ты благословилъ еси, и Богъ тебе прослави, возмездно подая тебѣ противу трудъ твоихъ. Богъ бо прославилъ угодники своя, служащая ему вѣрно, тебѣ и Богъ прослави и ангели похвалиша, и человекѣ почтѣша, и Пермиане ублажиша, иноплеменици покоршася; поганѣи и усрамишася, кумири скрушишася, бѣси изчелоша, идоли поираи быша.

Да и азъ многогрѣшный и малоразумныи и послѣду словесенъ похваленій твоихъ, слово плотущи и слово илюдица, и словомъ почтити инящи, и отъ словесъ похваленіе събвряи и приобрѣтая, и пришегая ваки глагола: что еще ты нареку? вожа заблужыпниъ, обрѣтателя погмыбшииъ, наставника ирелщенииъ, руководителя умонъ ослѣпленнииъ, чистителя оскверненнииъ, изискателя расточенииъ, стража ратныиъ, угѣшителя печалныиъ, корнителя алчущнииъ, водателя требующнииъ, наказателя весмысленииъ, помощника обидныиъ, полытвеника тепла, ходатая вѣрна, поганнииъ спасителя, бѣсомъ проклинателя, кумиронъ потребителя, идоломъ полирателя, Богу служителя, мудрости рачителя, философию любителя, цѣломудрію дѣлателя, правдѣ творителя, книганъ сказателя, грамотѣи Перистѣи писателя? Многа имена твоя, о епископе, многоименитество стажалъ еси, многихъ бо даровъ достоинъ бысть, многими благодатныи обогатѣлъ еси. Да что ты еще прочее пароку, что еще требуеши именованій, что еще во стало на похваленіе прочихъ нароченій твоихъ? Аще и помудряхся на проглаголаніе словесы похвалити ти недоумѣнно, аще и должнъ ти быхъ словесы послужити азъ оканнии, грубнии, лишеннии, многогрѣшный въ

человѣчѣхъ и недостойный во мноцѣхъ, како похваляю ты, не гѣдѣ, како изреку, неразумно, чимъ ублажаю, недоумѣю. Елма же многа недоумѣнія наполнихся, и ако зель дупа моя наполнихся, и многа ми отягчихся грѣхы, недоумѣю по достоянню написати твоего житія и благоуравна и благоиребыванія, словесъ же и ученія и о дѣлахъ руку твою и всѣхъ прочихъ по ряду. Но якоже егда нѣкто будеть воинъ царя земнаго, или князя вѣка сего вовода, ты лучитя ему въ полку на рати мужествовати, или во иноплемѣнницѣхъ храбровати, или многожды воевати и бранѣи створити, и побѣдити иноплемѣнникъ и всячески одолѣти, тогда сущици писатели лѣтописцемъ пишутъ хвалу ему илюжити и писании повѣсть украсити мужествовавшии и храбровавшии за своего си царя или за князя. Не наче ли намъ подобаше хвалу ко хвалѣ приложити, ци ли негѣно есть намъ похвалити сего добраго храбраго воина, яже бысть воинъ не яко земному царю или князю вѣка сего, но воинъ царя небеснаго и вовода сый церковнии, яже добръ мужествовати, подвижася за вѣру и за святую церковь свою, побѣдѣи и одолѣваа вѣстающая на ню? Якоже Давидъ побѣди иноплемѣнника именемъ Голиафа, изложи его вѣрженіемъ пращныиъ, сице и добрый нашъ епископъ возхва чародѣи побѣди, иноплемѣнника и кудосника, именемъ Павъ сотника, яко пращныиъ вѣрженіемъ изложи его призваніемъ святыи Троица, именемъ духовныи отсѣче отъ церкви Божіи, но Павлу глаголющу: мечъ духовныи, еже есть слово Божіе. Не толико бо побѣдѣи его, изложи, но и прочыи отлучи и отъ стада своего отгна и отъ церкви своа отсѣче. Елма же не обратившися и некрестившися ему, якоже и врачевни хитрии творять: егда будеть уды вреденъ, гнѣющъ въ телеса, отрѣзають ножемъ и откыдаютъ прочъ, да не боольша отъ того порча будеть, да не прочее тѣло тояже язы постражеть и все тѣло илгитеть. Якоже Самсонъ сильный единою челюсткою ослекъ тысящу иноплемѣнники побѣди учениемъ прилежныиъ, по рекшему; не дахъ ногою искрапяча моча, рекше челюстечъ.

Оуъ чюго сѣнаго невѣченія и скудопаятства! по-
 что забыхъ еще его нарещя свѣтлника, яко освѣти
 люди очраченныя мракотю кумиролуженія, сунчал
 челоуѣкы просвѣтитъ еси, якоже слышь рече: тако да
 просвѣтитъ свѣтъ вашъ предъ челоуѣкы, яко да уви-
 дятъ дѣла ваша благая и прославятъ отца вашего, иже
 есть на небесѣхъ? И пакы рече: свѣтлникъ есть тѣлу
 око; и пакы: никтоже свѣтлника вжегъ, поставляеть
 его подъ одрочъ или подъ судомъ, но на свѣщни-
 цѣ, да свѣтитъ вѣчь, иже суть во храмнѣхъ. О свѣ-
 тлнику свѣтлю освѣщину, иже просвѣти Пермскыя лю-
 ди крещеніемъ и закономъ и вѣрою и святими книга-
 ми: о врачу хитру, иже вреженъ отъ діавола вс-
 хвтивъ изъ гортани его поглощенъ! Но токмо бо ис-
 торже я оттуду, но и душевныи вреды ихъ уврачева-
 сій убо епископъ, и дѣвство свое соблюде, и чистоту съ-
 храни, и цѣломудрію набѣдъ, и во бдѣніи пребывая и
 трезвѣніемъ преходя, и въ молитвахъ претрѣбвая, по-
 стоимъ въ оружаніи, надежою настаивая, любовію съвер-
 шенъ бысть, якоже отъ многихъ странъ и отъ раз-
 личныхъ мѣстъ и отъ многихъ градъ слышану быти
 имени его; не токмо бо житиомъ бывъ непороченъ, но
 и учитель нарочитъ и святитель явленъ, иже бла-
 говѣствова евангеліе Христово, и своимъ трѣ-
 біемъ князя тмы побѣдивъ, изложилъ и бысть подража-
 тель святыхъ апостолъ, Павла апостола всячески по-
 дражая, иже всѣмъ всякъ бывъ, да вси приобращеть,
 да вси спасеть, по вся дни стража, терпя за свое ста-
 до и за свою церковь и за свою епископію, яко да
 церкви сограженіе приметъ, о вѣхъ я за вся Богу мо-
 лясь, Бога възлюбивъ и отъ Бога влюбленъ бысть,
 Бога почтивъ и отъ него почтенъ бысть, Бога просла-
 ви, отъ него прославленъ бысть, церковь украсивъ и
 отъ нея святительствомъ украшенъ бывъ, женихъ ея
 по благодати бывъ. Кто не удивитъ о семъ и кто не
 почититъ, любимица, кто не похвалитъ доблаго сего
 епископа, кто не ублажитъ твердаго сего страданиа и
 храброго воиня? Како единъ брася со врагомъ и побѣди
 врага борющагося и дельныи иль руки его вся вохоще-

ныи, прельщенъ и поглощенъ! Елико имѣаше врагъ
 подъ рукою своею, но и въ челюстѣхъ своимъ и въ
 самохъ гортани обрѣтасмы, и тако красныча погана
 си наступилъ на зчіа и на челюсти его, но реченому:
 на асида и василіаска наступиши и попереши лва и
 змиа: и тако истергнувъ изъ самого гортани его дре-
 ло вохощенъя идолослуженіемъ и силъ обративъ и
 научивъ, овчата Христова крещеніемъ сотвори и и вѣ-
 рою приведе я ко Христу Богу. Егда бо виде въ зем-
 лю Пермскую, не бѣ до него никогоже отъ Пермякъ
 христіанъ, потомъ же вся христіанъ сотвори Божию
 благодатию, елико своими руками Пермяны кресті, чи-
 сломъ яко до .3. сотъ душъ, и елико Пермяти по-
 шове его своими руками: крестивша, како же брася со
 врагомъ и побѣди борющагося, яко мужественный храбръ
 рудъ свои расирстеръ и высиръ водѣвъ, образъ себе
 показуя яко крестаобразно. Якоже древо великий Мо-
 сий видимаго Амалика побѣди, тако же и сій не-
 видимаго Амалика изложилъ, побѣди, рекше діаво-
 ла побѣди, свободи люди, избави иже подъ властію его
 дражнныи, обративъ отъ тмы и приведе въ дневныи
 свѣтъ божий, покоривъ, повину къ небесному царю, вся
 добръ украсивъ и вся добръ и хитръ устроивъ, про-
~~свѣтъ~~ истинъ бывъ и многы приведе ко Христу
 вѣру христіанскую, и шилъ въ странъ из-
 браныхъ съ богоугодными православными христіанъ
 благочтиво славить Бога отца Вседръжителя и бла-
 годарить Господа нашего Іисусъ Христа Сына Божіа,
 спасителя душамъ нашимъ и корнителя тѣлоуъ на-
 шимъ, славословить и благохвалить параклита Душа
 святого Господа животорящаго, утѣшителя душамъ на-
 шимъ, вкунѣ благословить святую Троицу живовачалную,
 единосущную и нераздѣлимую, иже и проповѣда въ
 Пермскѣи странѣ: то бо есть Богъ нашъ, възвѣже крести-
 хомъ и вѣруемъ, о немъже живемъ и движемъ и есмь.

Но доколѣ не остану много глаголати, доколѣ не
 оставлю похваленію слова, доколѣ не престану пред-
 ложенаго и продлѣженаго хвалословна? Аще бо и мно-
 гажды восхотѣлъ быхъ изъоставити бѣсѣду, но обаче

любви его влечеть мя на похваление и на влечение словесъ. Изволися мнѣ послѣдѣе всѣхъ лужьшу, паче же аки изъврату мнѣ, написати яже о преподобитѣхъ отцѣхъ нашихъ Стефанѣхъ, бывшихъ епископе яже въ Перми. Азъ бо есмь мнѣ обѣхъ въ брати моихъ и лужьшии въ людехъ и меншии въ челоуцѣхъ, послѣдній во христіанѣхъ, исключимый во иноцѣхъ и не вѣжа слову. Подобаеть же уже окончати слово, но преже о семъ всѣхъ молю, елико въ писмена сіа принимающихъ и разгыбающихъ, и выивающихъ и послушающихъ, и внимающихъ и разсужающихъ. Господь нов, не въздвигите на мя окааннаго, не поклевите мя грѣшнаго. Молю братолюбие ваше и еже о Господѣ любовь: елици прочитающе грубаа сіа списательнаа писмена, пролейте за мя молитвы ваши къ Богу; можеже святыхъ отецъ житія похваляю. Увы мнѣ, а самъ глѣшнѣ живу; горе мнѣ глаголющу и не творящу, учашу и не чующу на бесплоднаа; улы мнѣ, явихся споконница, листѣе едино токмо мнѣю, листѣе книжное токмо обращаю и листѣемъ книжнимъ писаннымъ токмо хваляюся, а плода добродѣтели не мнѣю, воскую токмо упраздняю землю? И того ради боюся проклатія съ постыченіемъ, боюся речемаго: се уже секира при корени древа лежитъ; всако древо, не творящее плода добра, постыжаемо бываетъ и во огнь вѣтасно. Боюся Господа, речемаго: всаку розгу, не творящую о мнѣ плода, събирають ю и въ огнь влагаютъ, и згараеть. Боюся, апостолу глаголющу: не бо послушници закона прави будутъ, но дѣлатели. Того ради съ доброглашеніемъ молю вы и съ умиленіемъ припадаю и со смиренномудріемъ мнѣ ся дѣю, возниа: не презрети мене окааннаго, аще будетъ ми ся нѣгдѣ написала рѣчь зазорна и неудобрена, и не устроена и не ухищрена; мнѣ же мнитса, адо ми едливоже слово довольно есть или благопотребно

и стройно, но худа суть и грубости полна, но аще и негораздо нѣкая написана быша, но обаче возможно есть нѣкоему добрѣйшему и мудрѣйшему о Господѣ построи сиа и добрѣ починити, а неудобренаа удобрити и неустроенаа построи, неухищренаа ухищрити и несквернааа накочити; подобаше съкратити слово и мелише умудрити, не умѣя, или ухищрити къ сущимъ любомудрецемъ, исполнь сущимъ разума и паче насъ умомъ вышшимъ и вышшимъ. Мнѣ же обаче положитѣ еже уиолькути, нежели научно точная пристирати преденія, аки нѣги нѣхъ превыхъ тенеть ниутати, но не зазрите ми грубости моей. Елма же о семъ продолжихъ бесѣду и реченія умножихъ, но бо отъ мудрости, но отъ грубости сна изъглаголати пощахся, аки младенець нѣмуа предъ родительчи своими, или аки слѣпъ стрѣлецъ неумучно стрѣляа; снце и азъ отниуду скудоумный, нестѣдый восьма своеса шуица, мѣ десница; понудихъ свое невѣченіе, аки забыть. Увы мнѣ грѣхы своя и неисцѣлныа по истинѣ струны свои, протягая недостойную ся свою руку, отверзая нескверная своя уста, дрзнулхъ на сен убѣдихся, и молю съпроста всѣхъ васъ отъ мала и до велика, ако да сотворите о мнѣ молитву къ Богу, ако да молитвами вашими окончаая слово, въ многу рещи: слава ти, Господи, сътворившему вси, слава ти, свершителю Богу, слава давшому нахъ Стефана и намы влещему, слава вразумившему его и умудрѣвшю, слава укрьпившему его и наставльшю, слава иже тѣмъ постытившему и просвѣтившему землю Церискую, слава хотящему вса челоуцкы спасти и въ разумъ истинный привести, слава давшому мѣ живогъ, да сіа написала. слава Богу о всѣхъ, слава Отцу и Сыну и святому Духу, и мнѣ и присво и въ вѣкы вѣкомъ. Аминь.

ПОВѢСТЬ О ВВФРОСИНІИ ПОЛОЦКОЙ.

Мѣсяца мая 22 кѣ днѣ.

ПОВѢСТЬ ЖИТІЯ И ПРЕСТАВЛЕНІЯ СВИТЫИ И БЛАЖЕННЫИ И ПРЕПОДОБНЫИ ВВФРОСИНІИ,

Игуменни монастыря святаго Спаса и Пречистыя Его Матере, или во Полоцкѣ градѣ. Благослови, шты.

(Изъ Сборника XVI свѣда Троицкой Лавры, листъ 206 — 223.)

Благословенъ Господь и Богъ Израилевъ, Богъ Авраамовъ, Богъ Исааковъ и Богъ Іаковъ, вѣсть Богъ мертвыхъ, но живыхъ, праведни бо и по смерти живи суть, якоже Соломонъ въ притчахъ глаголетъ: праведницы въ вѣки живутъ, отъ Господа мзда ихъ и строеніе ихъ отъ Вышняго; сего ради примуть вѣнцы изъ руки Господни, яко и бысть. Яже напредъ пошепта скажемъ, о сихъ же сице есть: сидитеся, сущи въ пустыняхъ и въ горахъ житіи ангельская имуще, старіи немощь отложше, юніи же яко елени скачуще, всѣ сидитеся, дощу бо вы представити трапезу отъ брашенъ сихъ, да адше возвеселитеся душами вашими: се бо есть трапеза неглаголющихъ брашенъ, не яже гортань услаждаетъ и чрево насыщаетъ, но душа веселяща и умъ укрѣпляюща на подвигъ добрыхъ дѣлъ. Сея бо яди, братіе, аще кто насытится, не вжаждетъ пави, якоже речено есть въ писаніи: не заморитъ Господь голодомъ души праведныхъ. Наки же на предлагаеще намъ чѣ, о немъже начахомъ повѣсть сію. Вы же, блази послушницы, князи и бояре и церков-

ницы и честни собори святыхъ, сущи въ монастырѣхъ и простомъ люди, сидитеся на новое сію слышаніе и послушайте прилежно, отвершише ушеса своя, умлчнши мнвы сердцеъ вашихъ, приимите сѣмена много-спасеннаго житія послушаніемъ жемы сея преподобныи свитыи, подвиги ея и трудъ и любовь яже къ Богу, яже предомдуце, скажемъ, како родися и како воспитася и како возрасто, въ кою ли иѣру потече въ слѣдъ жениха своего Христа. о сихъ сице есть:

Бысть князь во градѣ Полоцкѣ именемъ Всеславъ, тобниѣ сынови многи. И бѣ же у него меньшій сынъ именемъ Георгій, отъ негоже родися сія блаженная отроковица. Родителя же ея возрадовастася о рождествѣ ея со всѣми домашними своими, и во днѣхъ иѣколицѣхъ поволѣста крестити ю; и крестиста ю во имя Отца и Сына и святаго Духа. И питома баше довланцею ея, дне отъ дне растяше отроковица: тѣло млекоу растяше, а душа святаго Духа наполняшеса; лучи же ея дѣвнцде-снаго (sic) естества и молитвы плодъ. И толма бысть любящи учение, якоже чудитися отцу ея о толицѣ любви

ученія ея. Вѣсти же разшедшейся по всѣмъ градомъ о мудрости ея и о блазѣмъ ученія ея и о тѣлеснѣй утварѣ.— бѣ бо лѣпа лицемъ, красота же ея многи славнымъ князи на любленіе приведе ко отцу ея: каждо ихъ тщашеся, дабы поати ю въ жону сыну своему, и всѣмъ часто присылающимся къ отцу ея, онъ же отвѣщавашо: воля Господня да будетъ. Единъ же продолжаваше славнымъ своимъ княженіемъ и богатствомъ, приславъ къ отцу ея, изпроси дщерь его за сына своего. И пришедши ея въ возрастъ 12 лѣтъ, и нача отецъ ея глаголати князю своей: нама уже лѣпо дати Предславу за князь; тако бо нарекоста ея имя преже крещенія ея. Она же глагола ему: да како Богъ хоцетъ и твоа, княже, воля, тако да будетъ. Тогда слышавши Предслава, размышляше въ себѣ, глаголющи, наче же реку, отъ святаго Духа наполяшеша мысль ея, и рече въ себѣ: како се будетъ, ако отецъ мой мыслитъ приричи ми нужеви? то аще тако будетъ, то почала міра сего на како желѣ гонѣзнути. Паки въ себѣ рече: что бо успѣша преже насъ бывшіи роди наши? женишася, посягаша и княжиша, но не вѣчноваша; житіе ихъ мило тече и слава ихъ погибе яко прахъ и хуже наутинны; а иже прежіи жены, вземше мужскую крѣпость, поидоша въ слѣдъ Христа жениха своего, продаша тѣлеса своя на раны и главы своя нечеви; а другіи аще зѣлѣзу выи своя не приклониша, но духовнымъ нечемъ отсѣкоша отъ себе плотскія сласти, предавшо тѣлеса своя на пость и на бдѣніе и колѣнное поклоненіе и на земли леганіе, и имена ихъ написана на небесѣхъ и тамо съ ангелы безпрестанн славятъ Бога; а си слава есть прахъ и пепелъ, и ако дымъ расходится и яко пара водная погибаетъ. И тако ей размышляючи въ сердцы своемъ, а умъ ея болна на Божію любовь подвизашеся, и единою положила на сердцы ея таково помышленіе, рече бо въ себѣ: не се ли бы лучше всего житія сего было, да быхъ ея постригла въ черницы и была подъ игуменьскою, повиновующися сестрамъ и учащися, како страхъ Божій утвердити въ сердцѣ своемъ и како теченіе скончати.

Ся на умѣ ея положивши и утаившися отъ отца своего и матери и всѣхъ домашнихъ, и иде въ монастырь.

Въ та же лѣта баше княгиня Романова игуменьско. Приде къ той, просящи пріятія ангельскаго образа и причтатися ту сущимъ ипокиннѣмъ и быти подъ игомъ Христовымъ. Видѣвши же она блаженная жена юность ея и возрастъ цѣлѣтцій онѣй, и смятеся и нача тѣломъ утерѣнати и сердцемъ ужасатися, и лицемъ на землю преклоньши, на долгъ часъ ничуци, и восклоньшися и возрѣвши на юность ея, воздохну и прослезвинься, глагола ей: чадо мое, како могу се сотворити? Отецъ твой увѣдѣвъ, со всякимъ гнѣвомъ возложитъ вредъ на главу мою, и еще же юна еси возрастомъ, не можеша попети тяготы мншескаго житія, и како можеша оставити княженіе и славу міра сего?

Отвѣщавши же блаженная отроковица: госпоже и мати, вся видная міра сего красна суть и славна, но вскорѣ ишчуютъ яко сонъ, или цвѣтъ увидаеть; вѣчная же, невидная, въ вѣки пребываютъ, якоже писаніе глаголетъ: око не видѣ, ни ухо слыша, ни на сердце человеку взыде, иже уготова Богъ любящимъ его; или отца моего ради не хоцеша менѣ: острица? Не бойся, госпоже моя; убойся Господа, владѣющаго всею тварію, и не отлучи мене отъ ангельскаго чина.

Блаженная же княгиня, удивившися разуму отроковицы и любве ея аже къ Богу, повелѣ воли ея быти; и огласивъ ю іерей, и остриже ю и нарече имя ея Евфросинія; и облоче ю въ черныя ризы. И благослови ю игуменія благословеніемъ святыхъ отецъ, и рече ей: буди, чадо, послѣдствующи преже тебя бывшимъ женамъ Февроніи и Евпраксии и инѣхъ множество, иже Христа ради пострадаша, и Господь Богъ дастъ ти побѣду и силу на супротивника нашего діавола. И тако ей рекши, отпусти ю въ колѣю свою.

Увѣдѣвъ же сія отецъ ея, скоро иде въ монастырь и жалостно терзаше власы главы своей и любовно цѣлюаше ю, глаголя: горе миѣ, чадо мое, почто ми сице сотворила еси и почаль души моей принесло? Почто ми преже

сего мысли еси не явила еси? Любѣ мнѣ, чадо мое сладкое, жалости сердца моего; о горе мнѣ, чадо мое милое! Какъ ты ищешь доброта твои вражье пронырство? Уже дохотѣ ми плакаться оструженію душею къ Богу моему, да виденни въ чертогъ царствія его.

Жалость же бѣ възя въ доу его о ней. Преподобная же Евфросинія сего всего небрежиша, жалости отца своего; но яко доблій храборъ вооружившися на супротивника своего діавола, пребываше въ монастыри, повинованіи и послушаніи и сестрачѣ всѣхъ, и всѣхъ преслѣбующи ностоя въ молитвахъ и бдѣніи пощинными. И оттоль наче подвижнѣйши нача быти, собирающаи мысли благія въ сердцахъ своихъ, яко пчела сотъ.

И пребывши нѣсколько время въ монастыри, и потомъ проси у епископа суща тогда, нарицаемаго Илію, правящаго столъ святыхъ Софін и въ Полотсцѣ, дабы ей велѣлъ ту пробити въ церкви святѣхъ Софін въ голбицѣ каменнѣ. И повелѣ ей, да пребываетъ ту. Вшедши же, начатъ подвижнѣйши подвигъ постническій воспримати, и начатъ книги писати своими руками и наомъ еялющи, требующимъ даише. Пребывающа же ея ту нѣсколько время, въ одну ноцъ возмже опочивати хотящи отъ иногаго столнія въ молитвахъ же къ Богу; видѣ видѣніе: воемъ ю ангель, и веде ю, идѣже бѣ церковца святаго Спаса нестолія святыхъ Софін, еже зовется отъ людей Сельце; и ту показа ей ангель Господень, глаголя: Евфросиніе, здѣ ти подобаетъ быти. Она же убудшися, дивлшися въ себѣ, глаголющи: что хочеть ми се быти? Той же ноци видѣ трици, и възбудившися отъ сна, со страхомъ воста, славословающе Бога и глаголюще: слава тебѣ, яко сподоби ми въ мышнѣнныи ноци видѣти святое лице ангельское. И посемъ нача исалочъ глаголати: готово сердце мое, Боже, готово сердце мое, и пакы къ тебѣ привертохся отъ утробы матери моея: Богъ мой еси ты, яко восхотѣ, тако и сотвори на мнѣ рабѣ твоей. И кончешаше утреннюю. Той же ноци явися епископу Ілію тотъ же ангель, глаголя: введи ю, рабу Божию Евфросинью, въ церковцу святаго Спаса, на рекомое Сельце, мѣсто бо то

свято есть, яко достойна есть царству небесному, яко миро благовоно входить молитва ея къ Богу, и яко вѣнецъ на главѣ царевѣ, тако почиваетъ Духъ святыхъ на ней, и яко солнце сіяеть по всей земли, тако житіе ея иросіяеть предъ ангелы Божиіи. Епископъ же воста вскорѣ со страхомъ и трепетомъ, прииде къ ней. Евфросинія же, видѣвши его, поклонися ему и рече: благослови, владыко святыхъ. Онъ же глагола: Богъ да благословитъ тя, чадо, и дасть ти тернѣніе и силу на всѣхъ вразѣхъ видимыхъ и невидимыхъ. Она же поклонившися, рече: аминь, буди мнѣ по глаголу твоему, владыко святыхъ. И сѣдоста. Отверзъ же блаженный епископъ уста своя, начатъ босѣдовати о спасовіи души. Блаженная же Евфросинія принаше словеса его яко стѣна въ житици души своей, и владыци ово 30, ово 60 или 100. Много же побосѣдовавъ съ нею, и се прирече ей, глаголя: дщи, хочу ти рече слово, ты же съ любовію приими е. Она же рече: рада, отче преподобный, прииму слово твое яко даръ многоцѣннѣ. И глагола ей епископъ: вѣси ли, чадо, се церковъ есть соборная, идѣже сѣдшии, ту вси челоувѣци собираются, и тебѣ нелино здѣ пребывати; то се есть церковца святаго Спаса въ Сельцѣ, идѣже братья наша лежатъ преже насъ бывшіи епископы; моглн Богъ посылити молитвами ихъ и трудомъ твоимъ, и возградитъ мѣсто то велико. Евфросинія же, слышавши отъ епископа, яко тако изглагола ей, и возрадовася душею и возвеселися сердцемъ, и явленію ангелову вѣру ниши, еже видѣ и слыша отъ него, глагола епископу: Богъ да посылитъ ми, отче, молитвами твоими святыми. Призвавъ же епископъ князя Бориса, сестры ея и отца ея Георгія и преподобную Евфросинию и честныи мужи, и постави я самъ послухы, рекъ: се отдаваю Евфросиніи мѣсто святаго Спаса при васъ, да по воемъ животѣ никтоже не посудитъ моего данія. Се слышавше князя оба в бѣдрѣ всѣ отъ епископа, поклонистася ему, глаголюще тако: ей, владыко святыхъ, се ти есть Богъ положилъ на сердце твоемъ, еще сице сіе умслагъ откровении сей понеченіе о ней. Евфросинія

же рѣша: ты же иди и послушай епископа, еже ти велитъ, тако створи, то есть отецъ взявъ мамъ, того подобаетъ слушати. Евросинія же, воззрѣвши на ня ослабленныиъ лицемъ, и рече нямъ: рада яду, яко Богъ повелитъ ми, тако и будетъ о мнѣ. Князи же и бояре всѣ, слышавше отъ преподобна Евросинія глаголь сей, возрадовашася, и приѣмше благословеніе отъ епископа и поклонившеся преподобной Евросиніи и цѣловавшю ю любезныиъ цѣлованіемъ, вѣлаша въ домъ свой. Евросинія же поклонившися въ святѣй Софіи и благословившися отъ епископа, и тоя ноци поивши съ собою едину черноризицу, приде на мѣсто, зовомое Сельцо, и дѣже есть церковьца святаго Спаса, и вшедши въ церковь и поклонившися, возгласи сице: ты, Господи, заповѣда святыхъ своихъ апостоломъ, рекъ: не носите съ собою ничесоже, токмо жезлъ; се азъ твою словеси послѣдствующи, изыдохъ на мѣсто се, ничтоже носяща, но точію твое слово въ себѣ имущи, еже рещи: Господи помилуй; еще же за все илѣіе илѣію князи сія, и ниже утѣшаетъ ни се душа и сердце веселитъ; лише же силъ трехъ хлѣбъ не имамъ ничтоже, но токмо тебе помощника и кормителя Ты бо еси отецъ убогихъ, нагимъ одѣіе, обидимымъ помощникъ, непадѣющимъ надѣіе, и буди ния твое благословено на рабѣ твоей Евросиніи отсель и до вѣка, аминь. Сице рещи и изшедши изъ церкви, нача подвижидши быти на молитву, ажъ къ Богу.

И ту ей пребывающе(а) нѣколько время, и тако посла ко отцу своему, глаголющи: нусти ко мнѣ сестру мою Гордиславу; тако ея бѣста ния нарекла родителя, — да научится, рече, грамотѣ. Онъ же нусти ю къ ней; она же съ прилежаніемъ учаше ея сиасноію души; сія же со прилежаніемъ приѣмаше, яко нива плодovitа, умягчивши сердце свое, и глаголаше: Господь Богъ да устроитъ ми на спасеніе души моея твоими святими, госпоже, молитвами. Сіе рекше ей, преподобная же Евросинія введши ю въ церковь, и повелѣ іерееви огласивши, облещи въ черническія ризы, и нарече ния ей Евдокіа. И по малѣхъ двехъ присла отецъ къ ней, гла-

голя: нусти уже сестру свою ко мнѣ. Она же отвѣща: еще не изыче, ласей грамотѣ. Увидѣвъ же отецъ ея, яко утаивши его постриже ю, и взырися на преподобную Евросинію, сердцемъ горя, приѣхавъ къ монастыреви, глагола: чадо мое, что сотвори? приложи чи сѣтованіе къ сѣтованію и души моея печаль къ печали. И сія ему глаголющу, отъ горести сердца своего рѣками слезъ часто изливаше отъ очію своимъ, любезно держа Евдокою и глаголя: чада моя, на се ли васъ родихъ? или на се васъ мати воспита? ужели вамъ бракъ уготовахъ? ужели чертогъ и брачныя ризы вамъ на сѣтованіе положихъ себѣ? чада моя мизам, что ми воздаста, въ радости хѣсто горькіи печали сердце мое наполниста. Всеи же бояре его, слышавши жалость князя своего, горько плакахуся о напраснѣй печали князя своего. Блаженная же Евросинія отвѣщаваше ко отцу своему: что ради печалуеши на мѣ? илѣіе печальника и помощника одного Бога. Отецъ же ея малу утѣху приѣмъ отъ словеси преподобна Евросинія, ѣха въ домъ свой. И Евдокея же пребываше въ монастыри, повинующіея сестрѣ своей.

Блаженная же Евросинія трудомъ многимъ моляшеся съ Богу о мѣстѣ томъ, моляше, дабы е устроилъ Богъ. Бѣше же во градѣ княжна Борисовна, именемъ Звонислава; та во единъ отъ днѣй приде въ монастырь и изнесе всю свою утварь златую и ризы многоцѣнны ко Евросиніи, и рече ей: госпоже и сестро, вся красная міра сего ни во чтоже яв се явить; сія вся даю святому Спасу, а сача хошу поклонити главу свою подъ нго Христово. Она же приять ю съ радостію, и повелѣ іерееви пострица ю и нарече ния ей Евпракіа. И тако начата пребывати въ монастыри въ едину мысль въ молитвахъ ажъ къ Богу; и тако бѣше видѣти, яко одна душа въ дву тѣлессу. И по семъ ближняя Евросинія заложилъ церковь каменну святаго Спаса, и отъ начатка доснѣ за 30 недѣль.

И се хошу вамъ, братіе, чудо сказати: бѣ мужъ именемъ Иванъ, приставникъ надъ дѣлатели, церков-

выми: къ нему же приходаша многожды гласъ, свѣтающу дни, глагола: о Иванѣ, встаня и поиди на дѣло вседержителя Спаса. И во единъ отъ днѣй встанъ, приде ко блаженной Евфросини и рече ей: ты ли, госпоже, прислазешь понужати мене на дѣло? Она же рече: ни. И пакы разсмотрѣвши премудрая жена, рече ему: аще и не азъ тя возбуждаю, а кто ты не позываешь на такое дѣло, того послушай прилежно съ потщаніемъ. И пакы другое чудо скажу вамъ, добрии послушницы. Уже скончаниѣ бывши церкви, и мало не доставши плитамъ, мечтѣмъ бѣше церковь скончати, и поискаваше, не обрѣтоша ничтоже; и печаловахмися о томъ Евфросинія, и воздохнувши, рече: слава тебѣ, Владыко вседержителю и человеколюбче, даровавъ ми намъ большая, подѣй намъ и меньшая, ижеже совершится церковь твоя. И тако ей помолихмися, заутра, по устроению Божию, обрѣтошася въ нещи плиты, и того дни свершися церковь и крестъ воставиша.

Преподобная же Евфросинія, видѣвше совершению церковь, возрадовася душею, и бысть священію ей—велия радость всѣмъ христіаномъ; и собравшася и князи и сильніи мужію, иноки и инокиня и простіи людію, и бысть торжество велие, и праздноваша многи дни; и разошася каждо во свояси.

Видѣвши же блаженная, яко исполнилъ есть Богъ желаніе сердца ея, и вшедши въ церковь, наде видѣти на землю и, воздохнувши изъ глубины души, лице свое мочаши слезами, и нача глаголати: Ты, Господи сердцеѣдче, благодателю, Боже боговъ, милостивый Господи, призри на зрамъ свой, аже создахъ во ния твои, якоже рече Соломонъ: Вышій не въ рукотворенныхъ церквахъ живетъ. Ты, Господи, призри на ны, на рабу твою Евфросинію, и на рабыни твои сіа, аже собрахъ во ния твои, да примышо иго твое легкое на выи свои, пойдутъ въ слѣдъ тебе, и сотвори я овцы двора твоего и буди имъ пастухъ и дверникъ, да ни единому отъ нихъ не будетъ вохищено волкомъ—губителемъ дьяволемъ, буди имъ, Господи, оружіе нивъ и щитоу, да не приидеть на ны зло, ни рана не подвижится къ тѣлесемъ нашимъ, и не

погуби насъ со беззаконіи нашими; на ты бо упованіе наше положихомъ, яко ты еси Богъ знающій ты и тебѣ явалу воссущаю до послѣдняго моего надыханія въ вѣки, аминь.—Сестры же еще учащо, глаголющи: се собрахъ вы, яко кокошь итеница подъ крылѣ свои и въ пастыню яко овца, да пасетея въ заповѣдахъ Божиихъ, да и азъ веселымъ сердцемъ подвизаюся учить васъ, видящи плоды ваша трудовная, и толмкъ дождь проливаю къ вамъ учениемъ, а нивы ваша во едину нѣру стоятъ, но растуще, ни постушающе горѣ, а голь приспѣваетъ въ совершению и лопата на гумнѣ лежитъ; но боюся, егда будетъ плесель въ васъ и предани будите огню негасимому; потщитесь, чада моя, убѣжати сихъ всѣхъ, и сотворитесь ишеница чиста и смелитесь въ жерновахъ сиреніемъ и молитвами и постомъ, да хлѣбъ чистъ принесете на трапезу Христову. Снце же и всегда учащо и безпрестани, яко мати чадолюбивая къ дѣтемъ своимъ любовь показующи.

Мы же на подлежащая возвратимся. Видѣвши же преподобная Евфросинія монастырь свой украшенъ и всего благого исполненъ, умысли создати вторую церковь каменну святѣй Богородицѣ. И ту свершивши, и иконы украси, и освятивши, предастъ ю нивомъ, и бысть монастырь велий. Видѣвши же ближняя монастыри два устроена превелика зѣло и прѣбогата, и рече въ себѣ: слава тебѣ, Владыко; благодарю ты, святый! что еси восхотѣла, подалъ еси ми и скончалъ, Господи, желаніе сердца моего; и пакы рече: помилуй ны, Господи, и сконча прошеніе мое, да быхъ видѣла пресвятую Богородицу Одигитрію въ сей святѣй церкви. И посла слугу своего Михаила въ Царьградъ къ цареви, нарицаемому именовъ Мануилу, и къ патриарху Луцѣ съ дары многоцѣнными, просяще отъ него иконы святыхъ Богородицы, еже бѣ евангелистъ Лука написа 3 иконы еще при животѣ святыхъ Богородицы, и постави едину во Іерусалимѣ, а другую въ Царѣградѣ, а третью въ Ефесѣ; она же съ прилежаніемъ проаше Ефескіи иконы святыхъ Богородицы. Видѣвъ же царь любовь ея, и посла въ Ефесъ сѣньсотъ оружанъ своихъ, и шед-

ше, привесоша икону святых Богородицы въ Царьградъ. Патриархъ же Лука собра епископы и соборъ весь во святую Союю, и благословивъ, дастъ ю слугѣ преподобныя Евфросини. Она же внесши въ церковь святых Богородицы, постави ю, вздѣвши руцѣ, и рече: слава тебѣ, Господи, слава тебѣ, и еще реку: слава тебѣ, Владыко, сподобивый мя видѣти въ днешній образъ матере своея. И се рекши, украси ю алатомъ и каменіемъ многоцѣннымъ, и устави по вса вторники носити ю по святымъ церквамъ. Украси же всю землю Полотскую своимъ благолѣпнымъ монастыремъ. И видѣвши, яко Богъ просвѣти монастыри ея, и вжелѣ глаголющи: абы ни дойти святаго града Иерусалима и поклонитися гробу Господню и всѣмъ святымъ мѣстомъ, видѣти и цѣловати, и тако животь свой скончати. Видѣвши же стадо божественныхъ овецъ совокуплено множество, и радовашеса имъ, яко своему спасенію, и на всякъ день учаще сестры своя, — старши учаще терпѣнію и воздержанію, юныя же учаще душевнѣй чистотѣ и безстрастію тѣлесному, говнѣнію образну, ступанію кротку, гласу смиренну, слову благочинну, аденію и шитью безполвну, при старѣйшей молчати, мудрѣйшихъ послушати, къ старѣйшимъ покоренію, къ точнымъ и меньшимъ любви безъ лицемерія; мало вѣщати, а множае разумѣти. Тако бо баше даръ сой данъ блаженной Евфросини отъ Бога: аще кто ея вопрошае о коей вещи, она ему разрѣшаше чену быти, и кто ея послушаше, тотъ добро получаше, не бо хотѣше видѣти кого которающася, ни князи со княземъ, ни боярныя съ боярникомъ, ни отъ простыхъ кого со своимъ другомъ, но всѣхъ хотѣше шитьи яко одну душу. Посла же по всей братья своей, новѣдающа имъ мысль свою, еже восхотѣ вти во Иерусалимъ. Они же слышавше вѣсть сію, съ жалостію многою съѣхашася отъсюду ко блаженнѣй Евфросини и молаху ея со слезами, дабы ихъ не оставила сирыхъ. Она же тѣшаше благимъ смысломъ своимъ, яко мати дѣти своя любящи.

И бѣ любимъ ей братъ Вячеславъ; прѣйха и той къ сестрѣ своей Евфросини со книжницею и съ дѣтми сво-

ими, и пришедъ, поклонися ей и рече: госпоже моя мати и сестро, что оставляеши мя, правителю душамъ моею и свѣти очію моею? И горько ему плачущася, блаженная же Евфросини повелѣ ему вти къ домова, дѣти же его повелѣ оставити у сестры своя Евдокеи. Данъ же бысть даръ блаженнѣй Евфросини отъ Бога сице: кого зряше очима своимъ, то разумѣюще, въ комъ челоуѣцѣ сосудъ будетъ избранъ Богови. Тогда же преблаженная Евфросини видѣвши братанѣ свои, и рече имъ: хошу вамъ обручити жену безсмертвону и ввести въ чертогъ царства его. Обѣи же послушаша, усладися душа ея наче сота медвона словесомъ преблаженныя Евфросини, и падше на ногу ея, глаголаста къ ней: воля Господня да будетъ и твоа святая молитва, яко хоцещи, сотвори намя, госпоже. Преподобная же Евфросини съ радостію и съ поспѣшеніемъ призавши брата своего, и рече ему: азъ хошу постричь Киравиу и Ольгу, — тако бо и баша нарекла родителя ея. Сняте же се отецъ ея о словесахъ семъ и рече: госпоже моя, что ми хоцещи сотворити? два плача прилагаша души моея, да плачуся отхода твоего ради и сѣтую чаду дѣла своему. Мати же ея жалобно терзашеса. Блаженная же Евфросини, пославши, призва епископа, тогда столъ правяща святѣ Союи, нарицаемаго Дионисіа, и введши ю въ церковь, и повелѣ острици ею и нарече имъ Киравиѣ Агаѣи, а Ольгѣ Евѣниіа; и благословивши и благословеніемъ святѣмъ отецъ, сама же блаженная Евфросини положивши великое устроеніе обѣи монастыремъ, братівъ и сестрамъ, и дастъ держати и радити сестрѣ своей Евдокеи обама манастиря, сама же, поклонившися въ церкви святаго Спаса и у святых Богородицы, и рече: Господи сердцевидче! се оставляю домъ твой незатворенъ никомуже; ты же, Господи, не затвори отъ насъ небеснаго ти царства. И тако поиде во Иерусалимъ, поимши съ собою брата своего Давида и сестру свою Емпраксию. Вся же братівъ горько плакашася отхода ради госпожи своея, и вса граждане выидоша проводить я; старшіи плакашю яко дщери, рекуще: оубы

ванъ, вожу старости вашей, просвѣщеніе душъ нашихъ, подпора немощи нашей; юніи же глаголаху: како заходиши, свѣте очію нашею? кто нашу юность укрѣпитъ, воздержанію юности нашей! не оставилъ насъ сиры, но въ молитвахъ своихъ не забывай насъ. Она же цѣловавши всѣхъ, благословивши и воззрѣвши на небо, рече: ты, Господи сердцевидче, ходивый со Авраамомъ, иди съ нами рабы твои, съ Евфорсинею, съ Давидомъ и съ Евпраксію. И тако пондоша всѣ, еже сущю съ нею. О дивное чудо, не бывавши ни въ коей странѣ, ни во градѣ, ни въ селѣ! Нимѣ же, вземши мужескую крѣпость, промину вся грады и власти, и принимаше отъ всѣхъ князей честь велику. И тако пришедше въ страны, и срѣте ю царь, идый на Угры, съ великого честію, посла ю въ Царьградъ. Она же пришедши и вшедши въ великую церковь святыхъ Софій, и поклонися, таже и всѣхъ святыхъ Божиихъ церкванъ, и благословися отъ патріарха. И покупивши различныя фиміаны и кадильницу злату, и иде во Іерусалимъ. И пришедши во Іерусалимъ, посла слугу своего Михаила тогда сущему патріарху, глаголюще: владыко святой, сотвори милость на мнѣ, повели, да отворятися врата Христова. Онъ же поволѣ прошенію ея быти. Пришедши же ко вратомъ, паде на земли, глаголющи: Господа Іисусе Христе, не виѣни ми сего въ грѣхъ, занеже изволихъ по стопамъ твоимъ ходити и внидохъ въ святой градъ сій. И цѣловавши врата и сущіи съ нею, и вниде во градъ и иде ко гробу Господню, и пришедши, поклонися и цѣлова гробъ Господень и сущіи съ нею, и покади гробъ Господень златою кадильницею и многоразличными фиміану, и изде и обита у святыхъ Богородицы въ Русскомъ монастыри. И во второй день иде второе ко гробу Господню и таже сотвори, поклонися и цѣлова и покадивши, изде. Въ третій же день таже сотвори, и давши злата много и поставивши кадильницу злату на гробѣ и многоразличныя фиміаны, воззрѣвши очима своими и рущѣ воздѣвши на небо и со слезами воздохнувши изъ глубины сердца, глаголаше: Господи Іисусе

се Христе сыне Божій, рожейся отъ приснодѣвы Маріи спасенія ради нашего, реклъ ей: просите и примете; азъ же грѣшная егоже, просихъ, получалъ отъ тебе, Владыко; се же и еще прошу у тебе, милостиво, да скончаю мѣсто прошенія моего: прими духъ мой отъ мене во святѣхъ градѣ твоихъ Іерусалимѣхъ и пресели на въ вышній градъ твой Іерусалимъ, и покои на ложи патріарха Авраама со всѣми угодиши, аминь.

И сице ей глаголавши, изде въ време реченный монастырь святыхъ Богородицы, идѣже бѣ обитала; ту же посѣщеніемъ Божиимъ впаде въ недугъ и нача болѣти. И лежащи на ложи своемъ, глаголаше: слава тебѣ, Владыко, яко восхотѣ, и сотвори мнѣ рабѣ твоей. И тоя же ради бѣдѣни не може ити на Іерданъ; иде братъ ея Давидъ и сестра ея Евпраксія и сущіи съ ними; она же, лежащи на ложи своемъ, хвалише Бога, глаголющи: Господи, приари не рабу твою Евфорсинею и конилуй мя. И придоша бывши на Іерданъ и принесша ея воды отъ Іордана; она же съ радостію воставши и приемши и пивши, и обліася по всему тѣлу своему, взолегши на ложи, и рече: благословенъ Богъ, просвѣщая всякаго челоуѣка, градущаго въ міръ! въ вѣки молюся челоуѣколюбивому Богу, ревнующю Петрову поканію, еже въ отверженіи не отчаивше себѣ, но плакася горко; Господи, примый того поканіе, прими и мене недостойную рабу твою Евфорсинею, молящуся на супротивника своего діавола, да не возглаголетъ ни на страшнемъ судѣ ничтоже предъ тобою, Господи, онъ злыи рабъ; вступивъ бо погана своимъ на змѣвую его главу, и супротивихся дерзости его окаяной, надѣющися на твоє челоуѣколюбіе, Господи. И услыша Богъ молитву ея, и посла ангела своего къ ней, глаголющи: блаженна ты еси въ женахъ, благословенъ трудъ твой; се уже отверзоша ти ся двери породныя, и вси ангели собратася, держаше свѣща, чающе твоего срѣтенія; а даръ, егоже просаши у Бога, дастъ ти ся. И се рекъ ангелъ, отыде отъ нея.

Блаженная же Евфорсинія возрадовася душею и вскорѣ

посла въ лавру святаго Саввы, глаголюща: се уже присиѣ время, даже ия Богъ поконтъ, и приимете ия, абыхъ легла въ церкви святаго Саввы. Отвѣща же ту сущіи иноцы, глаголюще: иѣмъ запрещеніе отъ святаго Саввы, еже жены не приимати никоележе; но се ти есть монастырь святаго Богородицы Феодосіевъ общій, въ немъже лежать святаи жены—мати святаго Саввы и мати святаго Феодосіа и мати святую безмезднику Козмы и Данила, именемъ Феодотія, и ииіи иноци святіи; ту ти подобаетъ лещи. Пришедши же посланному отъ нея, и возвѣсти Евфросиніи. Она же о всенъ похвали Бога, и пославши, куни гробъ въ понарѣ сватыа Богородицы. Ложаше же въ болѣзни своей 24 дни, и познася при скончаніи, и рече: призовите ми пресвитера, да ми дасть причащеніе сватыхъ ташцъ, уже бо зватая близъ предстоитъ, ядмй повелѣніа владычиа. И приде пресвитеръ, носый причащеніе. Она же вставши, поклонися трижды, и приеши аричестое тѣло и честную кровь Христову, и возлеже на одрѣ своемъ, и предасть душу свою въ рудѣ Бога жива, иѣсица маа въ 24 иде въ покой небесный. Давидъ же и Евпраксія и съ ариччии спраташа тѣло ея честно.

Кіишъ убо языкомъ, братіе, достонтъ ия похвалити свѣтозарную панать преблаженнаго вонѣоты Хри-

стовы Евфросиніи? Баше бо понощница обидимымъ, скорбящимъ утѣшеніе, нагимъ одѣіе, больнымъ постѣщеніе, и съ проста рещи.—вѣтъхъ всяка бысть. Евфросиніа убо сердце свое наизаше Божіа премудрости: Евфросиніа неувадающій цѣтъ райскаго сада; Евфросиніа небопарный орелъ, вонпарившіа отъ запада до востока, яко луча солнечиа просвѣтившіа землю Полотскую. Тѣмъже хвалитса Селунъ о сватыиъ Димитриіи, а Вышгородъ мученикоа Борисомъ и Глѣбомъ. Азъ же хвалюся: блаженъ се и ты, градъ Полотскій, такову лѣторасль возрастивый—преподобную Евфросинію. Блаженн людіе, живущи во градѣ томъ; блаженн родители твои; блажена утроба, отъ неяже изыде преподобная госпожа Евфросиніа, блажено рождество ея; блажено воспитаніе ея; блаженъ и возрастъ ея, Евфросиніи достохвальна; блаженъ трудъ твой и подвизи, яко къ Богу; блаженъ и монастырь твой; блаженн и живущи въ монастырѣ святаго Спаса и сватыа Богородицы; блаженн и людіе, послужившіи тебѣ. Но, о преблаженная невѣста Христа Бога нашего, молися къ Богу о стадѣ твоемъ, еже еси соловушила о Христѣ, яко Тому подобаетъ всяка слава, честь и поклоненіе со Отцемъ, и со Святымъ Духомъ ныѣ и присно и во вѣки вѣкомъ, аминь.

ПОВѢСТЬ О ВЫДРОПУССКОЙ ИКОНѢ БОГОМАТЕРИ.

ПОВѢСТЬ ДУШЕПОЛЕЗНА О ЧУДОТЕОРОМНОМЪ ОБРАЗѢ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, ИЖЕ БѢЗЪ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ БѢЗЪ ВСЯХЪ НАГРИДЪВЛЕНІЙ ВЫДРОПУСКЪ, БѢЗЪ ХРАМА СВЯТАГО ВЪДНОВАГО МУЧЕНИКА ХРИСТОВА ГЕОРГІЯ.

Вписано благоутрѣнымъ княземъ Георгіемъ Салнигородскимъ, иже ижепутемъ Такамотомъ (Токиановъ). Благомолю, шти.

(Импер. Публич. библиотекѣ Ц. Отд. I. № 259.)

Страшна повѣсть и дивно чудо, недоумѣнно сказаніе и невзреченовъ глаголѣхъ и испостиженіи хощу вамъ, боголюбцеиъ, повѣдати. Но ты, Владычице, помраченную душу мою, юже омрачихъ страстными своими дѣломъ, свѣтлаго солнца, иже слава нати, просвѣти свѣтомъ, иже просвѣщаеиъ смиръ твой Христосъ свѣтъ истинный, и духомъ пресвятимъ разшири оуста моя и наполи пренудрости и разума, да твоєю помощію, царице, возмогу повѣсть сію чудную писанію предати.

Бысть оубо въ лѣта царства благоутрѣнаго и христорлюбиваго царя государя и великаго князя Іоанна Василіевича, всея Русіи самодержца. И ходившу ему нѣкогда ратию на Великій Новъградъ подъ свою державу взяти, понеже Великій Новъградъ въ то время бысть въ своей воли; во области же Великаго Новграда на пути есть село, зовомо Выдропускъ, еже иже многими знаемо; въ томъ селѣ храни бысть во иже святаго великаго стратотерца и мученика славнаго чудотворца Георгія, иже отъ Каппадокии; въ томъ же иже преславномъ и чудномъ храни стояше икона у цар-

скихъ вратъ, образъ пречистыя Богородицы и приснодѣвы Маріи, честнаго и славнаго ея Одигитрія, сирѣчь иже крѣпкія заступницы.

Благочестивому же государю царю и великому князю Іоанну Василіевичу всея Русіи все во(а) ему и хотѣиши добръ управившу и все ему желаніе свершившу и Великій Новъградъ во область свою привавшу, и съ великою честію и съ побѣдою и съ иже иже и со многими богатствомъ ему къ царствующему славному великому граду Москвѣ возвратившуся, такоже и всему воинству его идущу вспять конуждо во свояси, иже иже же воинъ царя полку области града Муромъ, дерзнувъ взяти изъ церкви великаго мученика Христова Георгія на Выдропускъ образъ пресвятыя владычицы нашея Богородицы честнаго и славнаго ея Одигитрія, стояше ту у царскихъ вратъ, о иже иже иже повѣсть предлежитъ, и приносе ея въ вочтану свою въ область Муромскую, иже бѣ житіе его, и постави ю въ селѣ своемъ, во храни великаго чудотворца Николая. И мало ижекое время пренде, случися, въ субботу.

что предъ недѣлю святыхъ и равноапостольныхъ женъ Муромскихъ, послѣ утренняго пѣнія, повелѣ той воинъ іереемъ пѣти канонъ и молебствъ пренепорочнѣй владычницъ пресвятѣй Богородицѣ, еже есть акаѣнствъ наричаемыхъ, съ кондаки и икосы ея. По отиѣтїи же сего благодарнаго великаго канона акаѣнста, повелѣ воинъ іереемъ приложити другїй молебенъ, и рече: войми канонъ половецкїй, еже пречистѣй Богородицѣ Одигитрію, юже половецкїхъ въ Новгородской области. Іерей же повелѣвшее нїхъ сотвори, и начаша пѣти канонъ и прочиташа евангелїе; пѣвцы же рекоша: слава тебѣ, Господи. О великое чудо! везану трусъ бысть въ храмъ тотъ и приде взирѣ, и громъ великъ, и порассея нѣсто и храмъ весь, и разступися покровъ церковный и невидимою силою подъяся образъ отъ нѣста и изиде отъ нѣста верхомъ церковнымъ. Воинъ же той, іерей и вси людїе отъ страха надоша, и лежаша на многъ часъ яко мертвы. Егда же возбнувъ и повскавъ на многъ часъ образа пречистыя Богородицы, и не обрѣтоша, и нача воинъ плакати и рыдати и рече: охъ уми нѣтъ! согрѣшихъ азѣ, како нарекохъ нѣвѣннцемъ свободну сущу и свободавшаго отъ вѣка рождествомъ своимъ отъ нѣвѣннїа дїавола и отъ адовыхъ нѣдръ весь мїръ! И плачаша грѣховъ своихъ на многъ часъ, и отложи въ воинскїй санѣ, и вземъ на ся смиренїа образъ, полагаемъ обѣтъ, еже нти нѣшу съ великимъ трудомъ, въ кость и въ покаянїа, въ Новгородскую область, въ село наричаемое Выдропускъ, до церкви святаго великаго мученика Христова Георгїа, идѣже онъ взѣ чудотворный образъ, да тамо плачется грѣховъ своихъ.

Въ той же день и часть, въ первый часть дне, солицу восходящу и утру бывшу свѣтлу и тиху, нѣкто селянинъ села Выдропуска, именемъ Флоръ, изыде на ниву свѣти лу; и яко сѣющу ему, и се везану бысть нїме его шумъ, яко носиму дыханїю бурну, въ церкви святаго великаго мученика Христова Георгїа. Онъ же отъ страха того стояше усумѣвша, дивяся преславному чудеси. Нѣкїй же человекъ села Выдропуска пономарскую службу нѣвѣшо, и живяше

близъ церкви той, привеленъ смѣи и боялся Бѣга, обычаѣ бо ему по всѣ дни входить въ церковь святаго Георгїа и кадити въ церкви стоящїа иконы, повеже послѣ воинства того іереемъ не суну ту у церкви, но безъ пѣнія бывшу. И вниде въ церковь по обычаю покладити оставшїа отъ воинства святаго иконы, и зрѣть — дивное чудо и радости исполнено! образъ пренепорочной и пресвятой Богородицы честнаго и славнаго ея Одигитріа на престолѣ во алтари ницѣ лежащъ, юже изъ церкви взалъ онъ воинъ, и занесе въ вотчину свою Муромскую, и другїй образъ съ нею привеленъ пречистыя Богородицы Одигитріа. Человекъ же, онъ, покладивъ въ церкви святаго иконы, и видѣвъ тѣ святаго иконы, недоумѣнїемъ объять бысть; радости же и веселїа исполнивша, и рече въ себѣ: вѣнѣ воинству, яко сїа чудотворный образъ ратнїи нѣвѣннїа и поколени днѣи вхождахъ въ церковь сїю покладити святаго иконы, и никакоже видѣхъ чудотворнаго сего образа. Человекъ же той отъ очїю слезы испущая, душею радуясь, тѣломъ же тремоща и умомъ дивяся бывшему чудеси преславному, и въ радости шедъ, повѣда нуженъ, живущимъ въ нѣстѣ томъ, глагола: придите со мною и видите преславленное чудо Божїи матери, еже былъ исперва въ церкви чудотворца Георгїа чудотворный образъ пресвятыя Богородицы Одигитріа, иже всѣмъ вамъ знаемъ и чудеса многая точаща приходившїхъ съ вѣрою, о поже азъ вамъ нїмѣ повѣдаю та. Бысть въ лѣта отецъ нашихъ за грѣхи наша пожаръ великъ на нѣстѣ семъ, храмъ же великаго мученика Христова Георгїа до основанїа згорѣ со всѣмъ адамїонъ церковнымъ; послѣ же того великаго пожара начаша рощипати церковное нѣсто, и обрѣтоша образъ сей съ велелѣ въ земли ницѣ лежащъ, благодатїю Божїею сохранивъ, ничинъже врожентъ бысть отъ огня, но токмо мало съ тылу дска поспяде; послѣ же нѣвѣннїа сего не обрѣтеша чудотворный сей образъ въ храмъ нашомъ, но восхиченъ воинны; днесь же азъ многгрѣшнїй приходю въ церковь съ смиленїемъ покладити святаго иконы, и обрѣтохъ чудотворный той образъ во ал-

тари на престолѣ, ницъ лежащъ къ престолу: невиди-
но приде въ весь нашу въ храмъ святаго Георгія; и
нищъ азъ видѣхъ очима своими. Сели же, слышавше,
и скоро текоша во храмъ видѣти чудо Божіи Матере
съ женою и зъ дѣти и со младенцы, съ великимъ тща-
ніемъ, побрѣтоша по словеси понамаревѣ. И бысть ра-
дость велика въ весь той о чудеси заступницы Богороди-
цы, еще же отъ радости и слезамъ пролітію бышу мно-
гу. Сѣвмый же на полѣ леиъ человекъ онъ повѣда невиди-
мый бышій мимо его шумъ; слышавше же людѣ, нан-
аче дивишася о чудеси, жены же принесоша малыя дѣ-
тища и послани повиты, и изъ нѣдръ своихъ пометающе
предъ образомъ на помостъ церковномъ, плачуще и во-
июще: О всемилостивая еси Богородице! не прогнѣвайся
на ны грѣшныя до конца! И плачуще великимъ вопломъ,
другъ друга утѣшаяще и другъ друга приемоюще: уни-
лосердися, теплая заступнице, на рабы своя, не насъ ра-
ди грѣшныхъ, но сихъ ради младенцевъ, еже не винутъ грѣ-
ха, пощади ны, Владычице! Слышавше же окрестныя лю-
ди, іереи, діакони и вси людѣ, стекоса на великое то
чудо; отпѣше же вечерню и утрюю, и освятиша воду
и о мелебныхъ литургіи отпѣше, воздавше благодареніе
всемилостивому Богу и пречистѣй Богородицѣ, и рѣша
іерои и старѣйшими вси тои: благодаримъ Бога и пре-
чистую Богородицу, ако еще не оставили мѣста сего и
не забыли еси(сте) насъ въ скорбехъ нашихъ. И приима
утѣшеніе велико, и воздавше благодарныя молитвы,
отыдоша въ домы своя съ радостію великою. И от-
толѣ въ весь той, прочее же и во всей Новгородской
области начаша людѣ богатѣти духовнымъ богатствомъ,
паче же и тѣлесными потребани: вся земля обиліемъ
книи въ сѣвсмыи приплодохъ и въ скотскихъ ро-
дѣхъ, паче порыхъ лѣтъ. Сіе Богъ дарова и пречистая
Богородица. Азъ же мню, еже ницъ лежащу икону
ко престолу, ако любовь имущу къ мѣсту тому, и позволи
быти во храмѣ великаго мученика Георгія, во точію же
той, но и другій образъ съ нею пришедшъ пресвятыя
Богородицы Умиленія, иѣрою яко лакта еднаго. Той
же образъ Умиленія пречистыя приде изъ Муромъ и

пробысть ту на Выдропускѣ въ храмѣ томъ, и пакы во
обрѣтеса въ церкви, но обрѣтеса пакы въ Муромскѣй
области, въ храмѣ великаго чудотворца Николы на
своемъ прежде стоящемъ мѣстѣ. Той же воишь Муро-
мецъ слыша отъ іерея и отъ стража церковнаго, ако
образъ пречистыя Богородицы Умиленія обрѣтеса въ
церкви на своемъ мѣстѣ, и притокъ въ церковь чюдо-
творца Николы, нача плакати и молитися, припадая, но-
ность церковный слезами поливая и умильными словесы
моля Господа Бога и пречистую его Богоматерь, в рече:
о пречистая госпоже Богородице! Гдѣ бѣ в како
еси сѣмо возвратися? како азъ грѣшныи явлюся предъ
лицомъ твоимъ, владычице, а повиненъ съм! Охъ уми-
ни! Како заступницу всему міру назвахъ пономинкою!
И плакаса на много чась предъ образомъ пречистыя
Богородицы, и нѣтъ мелебная, и тако разгорѣса бо-
жественнымъ рвеніемъ воишь той, рече къ собѣ: мню
во истинѣ, ако изыде чюдотворный образъ пречистыя
Богородицы во свояси, и дѣже бѣ и прежде; занеже азъ
грѣшныи азъ согрѣшихъ, ако илѣтницею назвахъ.
И въ той чась не возвратися въ домъ свой. И вземъ
благословеніе у іерея, понеже бѣ ему отецъ духовный,
и отлагаеть сакъ воинскій и лѣпотныя ризы, и воспри-
ишь сниренія образъ, касашеса нуты нѣтъ. Жена же
и дѣти плакашася, моляше его, дабы послушалъ ихъ
и отложилъ обѣщаніе свое. Онъ же никакже внимаше
глаголомъ ихъ, но взявъ съ собою еднаго раба, и поведе
съ ними въ нуть, и въ велицѣ трудѣ, и востѣ, и по-
литѣ и слезахъ шведе нуть, и достаже на уреченное
мѣсто Новгородскія области села Выдропуска церкви
великаго мученика Георгія. И узрѣвъ образъ пречис-
тыя Богородицы Одигитріи стоящъ на своемъ мѣстѣ
ако солнце свѣтающа, онъ же отъ страха паде и лежа
на много чась яко мертвъ, нанпаче ста битися гла-
вою своею о помостъ церковный и умилиъ плакати, и
лосты врося, и кастися грѣховъ своихъ, и рече: О все-
милостивая еси, владычице Богородице, крѣпкая по-
мощице и всему христіанскому роду стѣна и приближаче
и заступленіе! Утоли свой праведный гнѣвъ и не отврати

лица своего отъ мене, неключимаго раба своего, аще и недостойнъ есмь не токмо милости просити или на образъ твой зрѣти, но и входа церковнаго сего недостойнъ суще, но надѣюся на милость благаутробія твоего, молю тя: помилуй мя многогрѣшнаго и непотребнаго раба твоего! О пресвятая дѣво, како не пожже мя огнь и како не пожре мя земля? О великое чудо! Како не обрѣтеса камень въ устѣхъ моихъ и како не увиде языкъ мой, и како не услоша рудѣ мои, еже дерзнухъ взяти образъ твой пречистый? не азъ бо тебе везохъ въ домъ свой, но ты, госпоже моя, мене отнесе мя. И стоя, плача три дни и три нощи въ велицѣхъ умиленихъ, и нища никакоже вкушаше, и только отъ труда изоможе, яко и обнирати нача. Люди же стекоса отъ многихъ странъ веси той и видѣша великій его трудъ, и дивишася. И повелѣша иѣти божественную литургію. По отпѣтїи же божественныя службы, восія радость въ сердце воина, и обрадовася душею, и мало удержася отъ слезъ, и причастися къ просварѣ, и приемъ нищу, укрѣпился. И начаша людїе вопрошати его: кояи страны еси и что суть пришествїе твое, и что есть вина плача его? Видѣхомъ бо тя въ велицѣхъ печалехъ. Онъ же ни въ вся слышася повѣда. И вопрошаше селянъ тѣхъ о пришествїи пречистыя Богородицы чудотворнаго образа: они же ему повѣдаша чудо, како Божїею благодатїю избавленъ чудотворный той образъ отъ пожара, и како приде отъ плѣненїа. Воинъ же той и ту живущїи людїе воздаша хвалу Господу Богу и пречистѣй его Матери. И бысть радость велия на иѣстѣхъ тонѣхъ въ челоуѣцѣхъ.

Азъ же сіе великое и предивное и неизреченное чудо слышашъ отъ нѣкоего богобоязненнаго и благоуважнаго мужа, именемъ Феодора, нарицаемаго Кор-

чемника, во иночествѣ же нареченъ бысть Феодорій; и удивихся и прославихъ Бога и пречистую его Богоматерь и писавїю предахъ, да никако забвенїа глубиною покрыветса и безъ писанїа и безъ памяти будетъ. Сей же Феодоръ много лѣтъ житїю иѣтише въ веси той, близъ храма святаго Георгїа, и притекая къ церкви той и припадая ко пречистѣй Богородицѣ чудотворному ея образу въ чистѣй совѣсти во вся дни живота своего, и въ мїрѣ жавый, держа правило червеческое неизмѣнно по вси дни, и отъ рожденїа чюжему браку не прикоснувся, и отъ младенства иныи совѣтъ духовный, и добродѣтели навикъ отъ Соловецкаго игумена Филиппа, именоваемъ Колычева, иже послѣжде Божїею благодатїю былъ на Москвѣ на велицѣхъ престолѣхъ митрополитовъ. Онъ же сіе повѣда ми, еже извѣстно слыша отъ родителей своихъ и отъ многихъ свидѣтелей. Той же Феодоръ похвалився Богу, и въ лѣто 7073 году понови образъ сей и обложи серебромъ и золотомъ и украси богатыно, и постави въ церкви святаго великаго мученика Георгїа, адѣже и до нынѣ стоятъ, Божїею благодатїю много исцѣлениа и милость подающе въ различныхъ недузѣхъ съ вѣрїю приходящихъ.

Мы же, вѣрїи отцы и братїе, старїи и юнїа, мужїе и жєны и всякъ возрастъ, слышавше повѣсть сію, такожде потщимся съ великимъ усердїемъ и тщанїемъ притекати къ церкви, во смиренїи и въ чистѣй совѣсти, со страхомъ и любовїю, и припадая къ чудотворнымъ образомъ, якоже къ самому Христу и пречистѣй его матери и къ великимъ угодиномъ его, и просити милости, о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ, Емуже слава со безначальнымъ его Отцемъ и съ пресвятымъ благимъ и животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ.

ПОУЧЕНІЯ КНЯЗЬЯЦІУ.

НАКАЗАНІЕ ВНИСЕАНУ.

кни дати еколотъ и сѣдъ на Богоконнымъ и ацкымъ мужемъ.

(Рукопись Троицкой Лавры, № 15, листъ 62.)

Рече пророкъ: Боже, судъ твои царевъ даждь и правду твою сынови цареву, зрѣши истину въ вѣки и твою судъ обидчивымъ, отца сирыхъ и судья вдовицъ, и честь царя—судъ любить, и правда съ небеси приищче, еже есть Христось, Божіа слава и премудрость, по авостолу. Князь, любя судъ и правду, небо есть земное, и душа его—престолъ Христовъ, по Соломону, рече бо: душа праведныхъ—столпъ премудрости; и пакы рече: бози будите и сынове Вышняго. Князи и вси судья земскія слуги Божіа суть, по Павлу. И Господь рече: послѣдуй мнѣ, адѣже буду азъ, ты и слуга мой; блюдетесь, да не будите чада гнѣву; всякъ бо творѣи грѣхъ, рабъ есть грѣху, а грѣхъ есть жало смертное. Бози бывше, изирете яко человекы и во пса мѣсто во адъ сведени будете, по Ефрему. Богъ въ себе мѣсто избра васъ на земли и на своемъ престолѣ, взнесъ, посади: милость и животъ положи у тебе, по Иезу; разумѣйте, яко отцы есте міру. Писано есть: князь міра сего правда. И вы въ себе мѣсто поставляете властели и тивуны мужи не богобояны, азычны, алохитры, суда не разумѣюще, правды не смотряще, пьяни судяще, спѣшаще судомъ, а Богъ повелѣлъ имъ единѣмъ днемъ вещь испытати, грабители и издоницы, гордостью и величаніемъ вознесшеся, солдають труды на повелѣ-

нію, и кто правъ, осуженъ отъ нихъ въ вину, принадесть къ князю, и князь не слушаеъ и. Какое судилъ на его душу? Палатъ ружѣ уковы, Исуса предавъ, рече: что мнѣ родъ твой? Жидове дали ти мнѣ; кровь твою взяли на ся и на чада своя. Смихъ Палатъ не оправдася, и Тиверій царь возложи на душу его, повелѣлъ поити Палата и жену его. О таковыхъ бо рече Господь въ евангеліи: аще око твое соблазняетъ тя, истини е, ли рука—отсѣши ю, а не огнилыхъ утѣхъ тѣлесныхъ. Сдержай истину въ неправдѣ и не боюса небеснаго серва, молвиши: како судилъ на его душу? А не ты ли пустагъ, ако нестова пса, на Христовы овцы, или бѣшена человекъ отрѣшиши и оружье давъ ему, и онъ не тѣлеса рѣжетъ, худо бы зло, во души губить? Что сѣботъ онъ, не на пустившаго ли душу? Тако и адъ погубленный отъ твоего суды: съ тобѣ, князю, влачуть, а ты не иствиши, держа истину въ неправдѣ, любя беззаконныя прибитки и тѣхъ дѣла запуставъ алаго судію на люди. Писано есть: во добръ позоръ лица въ курѣхъ, и нехѣно льву въ овцѣхъ поставити; единъ волкъ всю чреду смутитъ; одинъ тать на всѣ стороны мерзитъ; царю неправедну—всѣ слуги подѣяни беззаконны суть.

ПОУЧЕНІЕ ПЕТРА МИТРОПОЛИТА.

ПОУЧЕНІЕ ПЕТРА АНТРОПОДИИ КІВСКАГО, ВСЯКА РУСІА. ГОСПОДИ, БЛАГОСЛОВЕН.

Къ епископѣмъ, и попомъ, и архимандритомъ, и агу-
неомъ, и дьякономъ и ко всѣмъ православнымъ кре-
стьяномъ, какъ ходити по закону крестьянскому: пьян-
ства лишайтесь и лишнихъ пировъ; коли бываетъ го-
вѣдно, тогда бы лишнихъ пировъ не было, а вы, свя-
щенный чинъ вѣка сего, лишайтесь пьянства въ го-
вѣдно; а который священникъ учить ни до обѣда,
ни быти ему безъ ризъ, да предстоитъ въ церкви ко
всякому правилу церковному. А дѣти свои духовныя
учите къ церкви приходити, велите плакаться о сво-
ихъ грѣсѣхъ къ Богу, а постъ честно держаща, ни
козлогласованіемъ, ни обьяденіемъ, ни пьянствомъ, но
святыя дары няти съ году на годъ; а кто не емлетъ
святыхъ даровъ, попове тѣхъ людей не благословляй-
те, а проскуръ отъ нихъ не пріемлите и въ домъ ихъ не
входите; а гдѣ будетъ недаромецъ на пирю, или въ
братчину придетъ, и вы, попове, шлите ихъ вонъ, а съ
ними ни нешто, ни яхте, ни хлѣбца имъ Богороди-
цына не давайте: то есть не крестьяншия, не даро-
мцея, дара Христова не пріемлетъ: лучше бы не ро-
дился тѣмъ. Блудникъ человекъ ходитъ основою су-
противникъ вѣрѣ Христовѣ; а который попу не учить

нихъ, а ни въ петаконникъ; а проскуръ отъ нихъ не
пріемите, а въ церковь ихъ не шундайте; и который
попу хлѣбець Богородицынъ даваетъ, быти тому попу
безъ ризъ, заже поручникъ стаду: воленъ отецъ ду-
ховный сына вязати и разрѣшати. Святѣ отцы благо-
люте 318: егоже аще разрѣшите на земли, будетъ
разрѣшенъ на небеса. Тако ты, человекъ, хулиши слу-
ги Божіа, отцу своему духовному ласки или бѣши,
то есть дьяволъ; а по правилу святыхъ отецъ Василія
Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго и
всѣхъ святыхъ отецъ по уставу, таковыхъ руки отсѣчь,
а въ винѣ воленъ господинъ таковыхъ. И дѣти родима-
го отца и матери чѣйте, и вы долголѣтны будете; а лая
отцу или матери или бѣеть, той умретъ злою, лютою
смертію. Смерть грѣшнику люта, Давидъ глаголетъ. Ру-
ка отсѣчи, а въ винѣ воленъ. А который у васъ похочетъ
няти съ году на годъ святыя дары, то давали бы по
собѣ поруки, что имъ васъ слушать. А въ пирю случит-
ся до обѣда ятъ, Богородица хлѣбца не давай. А кото-
рый мужъ женится тремя женами, или женѣ три мужи,
тѣхъ по божественному правилу святыхъ отецъ великаго
Василія, не давати имъ причастія святаго; а отъ прави-

ла отъ церковнаго отлучити, а съ женою третью разлучити; аще кто будетъ добръ млада, а дѣтей не будетъ отъ нихъ отъ перваго брака или втораго, тому надобе разсуженіе съ великою епитимією поняти третью жену. Аще учите дѣтей духовныхъ отъ севернослова, не подобно что ляютъ отцѣмъ или матеря, занеже того въ крестьянѣхъ нѣтъ; тако учите родители своихъ дѣтей излага, чтобы не навикали говорити лихихъ словъ; а который не учить васъ слушать, тѣхъ отъ церкви отлучити, а святаго причащенія не давати имъ, ни даровъ, ни Богородицына хлѣбца; и пакы учите ихъ, чтобы басней не баали, ни лихихъ бабъ не примали, ни узовъ, ни приколеленія, ни зелье, ни вороженіе, занеже Божье того дѣла приходитъ разгнѣваніе; а гдѣ таковыя лихія бабы приходятъ, учите ихъ отъ такового обычая престати, да покаали бы ся; а инуть васъ, попове, не слушать, и вы ихъ не благословляйте; а крестьянонъ заказывайте, чтобы бабъ межн собою не держали, но гоняйте ихъ отъ себе, в сами бы отъ нихъ бѣжали; а кто не инетъ васъ слушать, и вы бы тѣхъ такоже отъ церкви отгонили. Яко ли творите вѣчаніе, по обѣднѣ, а въ молнии не вѣчайте. Брещеніе творите по предавію святыхъ апостолъ: не обливайте водою, но погружайте въ воду трижды, глагола на первое погруженіе: во имя Отца, на второе: и Сына, на третіе: и святаго Духа; да потомъ найте наслонъ; а кунъ одинъ, или кума одна: мужскъ полъ, или кунъ, а женскъ полъ, или кума. А который игуменъ или цовъ, или чернецъ торговалъ прежде сего или серебро давалъ въ рѣзы, а того бы отъ сѣхъ нѣсть не было, занеже вамъ казненымъ быти за то отъ Бога,—отцы святини и апостолы святини; но благословляютъ ихъ, и азъ не благословлю. А еще бы дѣвцы не вѣчали меньше 12 лѣтъ, но вѣчайте 13 лѣтъ. А въ одинонъ бы монастыри черницы съ черницами не жили, но собѣ въ опришкѣ монастыри; смотрите того, гдѣ черницы, тутъ бы и игуменъ; а гдѣ черницы, тутъ бы попы бѣльцы съ монадыни, а вдовца бы попа тутъ не было. А еще о семъ ти молю и пишу вамъ: аще который человекъ позовется на поле,

придеть коому попу да восхоцеть причаститися, и вы ему причастія святаго не давайте; а который поплъ дастъ ему причастіе святае, аще убьютъ на поли того, или тотъ поплъ нововства лишень будетъ чрезъ сію заповѣдъ; а кто лѣши на поли убьютъ, или душегубецъ именуется: по великаго Васпля слову, въ церковь ему не входитъ 30 лѣтъ, и святаго причастія не принять даровъ, ни Богородицына хлѣбца; а будетъ убить на поли, или его иномъ новрещи, а не проводити его; а который поплъ проводитъ, тотъ поплъ нововства лишень. А се о семъ пишу по правилу святыхъ отецъ: отца духовнаго чтите, печать есть твоего тѣла. А вшедши въ церковь, стой честно, се страхомъ слушайте чтенія апостола, и евангелія и всего пѣнія; а кто говоритъ въ церкви, то шепчетъ дьяволъ во уши ваши и сердца разжизаетъ на многое глаголаніе; велики грѣшно есть въ церкви говорити; то бо есть домъ Божій; приходитъ къ церкви илюстину приносяще о своемъ согрѣшеніи, илкатися, смертныи часть поняти на всяко время, молитися Господеви, да и на страшномъ судѣ твоемъ отвѣтъ добрый и гласъ твой слышати: придите, благословенія отца моего, наследуйте царство небесное отъ сложенія міра всего; се уготованное вамъ царство небесное отца моего; праведницы яко свѣтила сіяютъ; а грѣшнымъ Господь речеть: отыдите отъ мене, проклатіи, не знаю васъ, во огнь вѣчный и муку вѣчную: тогда будетъ плачь и скрежеть зубомъ; но выиѣ пощитесь къ покаянію, скороданныи муки избавитесь. Горе недаровицу! На что ся надѣеть? Творится человекъ Божій, и тѣла Христова не признаеть. Но вы, попове, не благословляйте ихъ, а въ церковь ихъ не пуцайте: то ходять пси; но песъ господина своего стережетъ. И сіа заповѣдъ Спасовы не признаеть, се есть дьяволъ, а не человекъ. Аще бы ти на земли ерей сильный человекъ, не бойся никого; се есть слуга Божій, еси учитель стаду своему; овцы пастуха своего слушаютъ, а по чужому не ходять; аще же видеть волкъ въ стадо и распудитъ овцы, о горе пастуху, иже овецъ своихъ не блюдетъ! руно съ нихъ съиметь пастухъ:

се овецъ своихъ не блюдетъ, да оставеть, отходить, въ грѣхъ не впадетъ. Но слышите слово Божіе: да кто церковь Божію, или слугу церковнаго приобидеть, а того Богъ приобидеть. А который іерей святую литургію священствовалъ, тогда царя честивъ: никто бы ни усидѣлъ противу него; аще кто усидеть, проклятъ тотъ человекъ есть отъ небесныхъ силъ; а кто се правилъ святыхъ отецъ не слушаетъ Васильевыхъ, Григорьевыхъ, Златоустовыхъ и всѣхъ святыхъ, и апостолъ-

скіа заповѣди и моя святительскія итроволичыя заповѣди, и хулить ю, да будутъ прокляты. Како начнется въ церкви Божіи вѣти на оба лика, скажемъ вратцѣ: Игнатій Богоносецъ, нше трепіи по апостолѣ Петрѣ епископъ бывъ Антиохіа Сиріастѣи, тотъ убо видѣ ликъ ангельскій на оба лика поюще хвалу трисвятѣи Троицѣ, и образъ тотъ видѣнный Антиохіастѣи церкви предаде, и отгуду предаче оное во вся церкви распростресе.

...и отъ апостолъскіа заповѣди и отъ святительскіа итроволичыа заповѣди, и отъ хуленія ю, да будутъ прокляты. Како начнется въ церкви Божіи вѣти на оба лика, скажемъ вратцѣ: Игнатій Богоносецъ, нше трепіи по апостолѣ Петрѣ епископъ бывъ Антиохіа Сиріастѣи, тотъ убо видѣ ликъ ангельскій на оба лика поюще хвалу трисвятѣи Троицѣ, и образъ тотъ видѣнный Антиохіастѣи церкви предаде, и отгуду предаче оное во вся церкви распростресе.

...и отъ апостолъскіа заповѣди и отъ святительскіа итроволичыа заповѣди, и отъ хуленія ю, да будутъ прокляты. Како начнется въ церкви Божіи вѣти на оба лика, скажемъ вратцѣ: Игнатій Богоносецъ, нше трепіи по апостолѣ Петрѣ епископъ бывъ Антиохіа Сиріастѣи, тотъ убо видѣ ликъ ангельскій на оба лика поюще хвалу трисвятѣи Троицѣ, и образъ тотъ видѣнный Антиохіастѣи церкви предаде, и отгуду предаче оное во вся церкви распростресе.

ПОУЧЕНІЕ СТАРЦА ФОТІЯ.

СТАРЦА ФАТІМЪ, УЧЕНИКА СВЯТАГО СТАРЦА ПАССІАНА БОСАГО,

осердано отъ Божественныхъ писаній, зѣло возгнуся, еже не оскорбосати языкомъ егѣмъ православныхъ христіаномъ, начи не
наимъ некогда, нима пакы рци матерне алаи брату своему: бладинъ сынъ, какоу яко челоуку крѣстьянскіа цѣлѣа кѣры
СЛАТМА.

(Рукопись Іосиф. Волоколам. монастыря, № 564.)

Приидете убо, отцы и братія о Христѣ, и слышите, вси боудіица Господа, реченнаго вамъ святымъ апостоломъ Павломъ, сице глаголюща: братія, алицы убо Духомъ Божіимъ водятся, сіа суть сынове Божіи. Разумѣете ли, господіе мои и отцы и братія о Христѣ, слова силу, что сіа глаголетъ святыи апостолъ? Елико бо насъ крестихомся во имя Отца и Сына и Святаго Духа, сынове Божіи нарицаемся и братія о Христѣ. Како же убо сѣбѣмъ: рци брату своему, какому: либо: челоуку христіанскіа: нашея вѣры, матерное ланіе, еже естъ: бладинъ сынъ? Ино то ны не брату своему сіа гнусное и скверное глаголетъ слово, но Господу Богу своему досажаетъ, ино Господа Бога отца себѣ нарицаетъ, тѣмже сквернымъ словомъ ому и согрѣшаетъ, и его святое имя на гнѣвъ зѣло воздвизаетъ и въ томъ негодование на себѣ отъ Бога наводитъ; понеже зѣло гнусно естъ слово и скверно, ащежеже намъ, якоже сущимъ, чуже естъ таковое скверное, и гнусное и скверное слово. Аще убо возбранено бысть намъ отъ Бога нашего Іисуса Христа во святѣмъ евангеліи

еже рци брату своему: уроде, повиненъ естъ гонѣнъ огненнѣмъ; то кольми наче подобаетъ намъ боятися и трепетати, еже рци брату своему: бладинъ сынъ, или иное каково либо скверное слово, и оскорбите святая уста своя и языкъ, нимаже Бога славимъ, тѣмжеже усты и святое тѣло Христово и кровь его святую приемлемъ, тѣмжеже усты и брата своего оскорбляемъ! О семъ бо учитъ насъ апостолъ, глагола: всяко слово гнѣло отъ устъ вашихъ да не исходитъ, да не оскорбится Духъ святыи Божіи. И пакы тойже глаголетъ святыи апостолъ Павелъ: братіе, вы есте церквѣ Бога живаго, якоже рече Богъ: вселюся въ ны и похожу, и буду нима Богъ, и тѣмъ будутъ нима люди; тѣмжеже нечистотѣ не прикасайтесь, и азъ прииму вы и буду нима отецъ, и вы будите нима сынове и дщери, глаголетъ Господь Вседержитель. Сіа же ишушо, братіе, общаіа, очистимся отъ всякіа скверны плотскіа и душевныа, творяще святыню со страхомъ Божіимъ. Глаголетъ же святыи Макарій Великій и прочіи святіи отцы глаголютъ тому же подобно, ако тѣло на-

ше домъ и палата есть, въ нейже небесный царь живетъ Христосъ; а душа наша — невеста Христова, умъ же нашъ престолъ божества есть, а духъ и уста наша трапеза Христова суть; да не убо на престолъ Божиимъ діавола посадимъ, ниже наки не изыдетъ слово скверно, идѣже Христосъ входитъ; а языкъ нашъ трость книжника борзописца, еже есть Духъ Святой; якоже бо трость безъ пишущаго не гибнется, сице и языкъ нашъ, дѣйствуемъ отъ Святаго Духа, износитъ словеса блага и полезна и утѣшительна; гиблемъ же языкъ нашъ отъ нечистаго бѣса, износитъ словеса скверная, и гнусная и нечистая, празднословия испущаетъ изъ устъ своихъ брату своему; каковъ бѣ источникъ, такова его и истеканія, сирѣчь: каковъ бѣ человекъ, таковы его и рѣчи. И другій кѣкто отъ святыхъ старецъ рече сице: глаголю скверныхъ да не возносятъ уста твои; лоза бо блага торіи не сотворитъ. Духовнымъ же и великимъ старцомъ, навпаче же превлущимъ, не подобаетъ таковыхъ скверныхъ и гнусныхъ словесъ глаголати и осквернати святая своя уста. Святинъ бо суть во истину уста ваша; повеже всегда Бога славятъ безъпрестани. И наки Господь рече въ святѣхъ евангеліи: не входящее въ уста сквернеть человекъ, но исходящая изъ устъ, то осквернеть человекъ. Ничѣ же виднѣи и слышнѣи кѣкіа не токмо отъ меншихъ братіи подобныхъ имѣ грубостію, но и отъ превлущихъ сіа скверная и гнусная словеса глаголюще, да и прочая братія отъ нихъ тонуже скверному слову навикона. А старецъ Іосифъ отъ тѣхъ гнусныхъ словесъ съ великимъ запрещеніемъ возбраняеть; но не имовася тогда то скверное и гнусное слово въ монастыри, еже глаголати брату своему: бляднѣ сынъ, или иному какому либо человекъу христіанскія нашей святыхъ вѣры, ниже нимъ гнусныхъ и скверныхъ словесъ не слышахомъ во святѣхъ нашей обители; ничѣ же зѣло умножилось то скверное слово во многихъ братіяхъ; а діаволъ о томъ болна веселится, видя ихъ скверныхъ и гнусныхъ словесъ исполнившихся, еже вскази своимъ злымъ коварствомъ. Глаголетъ бо святой Исаакъ

Сиринъ, яко аще не имаша сердца чиста, поне стажи уста чиста. Аще бо и брату своему сего гнуснаго слова не глаголемъ, но тако себе запросто речемъ и ни во чтоже себе вѣщаемъ, но в то оскверненіе устомъ есть и языку — в дѣлѣ — помяченіе и празднословіе есть, грѣхъ есть, сквернаво есть. Что речено бысть Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ во святыхъ евангеліи, яко всяко слово праздно, еже аще рекуть человеци, воздастъ о немъ слово въ день судный? Речено же бо есть и во святѣхъ дѣствіицѣхъ, сице глаголю: свѣтъ бо суть инокомъ ангели; свѣтъ же человекъу иноческѣмъ житію; ничѣ же соблазнъ есны всѣмъ человекъу сквернаго ради нашего языка. Но работъ Божіихъ и духовныхъ и великихъ старцемъ не подобаетъ таковыхъ скверныхъ и гнусныхъ словесъ глаголати, и осквернати святая своя уста, и душу помячати и совѣсть помячати, якоже и прежде рѣхъ; но и нимъ худомыныхъ, подобныхъ имѣ, отъ того возбраняети; не токмо бо своему брату черицу сего сквернаго слова не подобаетъ нашъ рещи; но и прочимъ человекъу христіанскія нашей святыхъ вѣры; но удерживати языкъ, якоже глаголетъ святой Максимъ. Невожднѣтъ: подобаетъ, рече, языкъ держати въ устѣхъ, яко царя въ податѣ, и не прашати оу вѣщати скверныхъ глаголю, якоже пона на уадѣ, яко ягуду въ виноградѣ, яко жениха въ чертозѣ, яко младенца въ нѣдрѣхъ, и глаголати сице самему собѣ: ты, душе моя, како смерти часши, а языка не затвориши? ама бо глубока устѣ неопаснаго, и грѣшнѣи издаеть въ ню. Глаголетъ бо премудрый Сирахъ: ивогдамы бо обрѣтается въ сладцѣхъ глаголаніи горько слышаніе; сего ради, человекъ, не буди языченъ, занеже замченъ мужъ не исправится на земли: сѣтъ бо мужу языкъ свой; невозможно бо есть снаотися хотащему много глаголати, якоже глаголетъ святой Исаакъ. Сего ради, братія, блюдомъ языкъ нашъ отъ всякаго сквернаго слова, да спасемъ душу отъ грѣха и тѣдо отъ напасти и всякіа печали, занеже всяко сквернословіе Богу мерзко есть и грѣху причастно. Глаголетъ бо свя-

тѣмъ Симеонъ новѣйшій Божесловъ, сице рече: не ужасашися ли, человекѣ, Богу всегда тебѣ глаголюшу: слово гнило да не и сходитъ изъ устъ вашихъ? аминь глаголю вамъ, и о пруднѣ словеса слово дасто въ день судный, и за студеную воду наду примито. И пакы рече свѣтѣйшій Иоаннъ Златоустъ, глаголи сице: согрѣшаютъ убо и мыслѣ мнози, и убійства творятъ, но не разумѣютъ; егда бо во члвчскѣ, но духовно убійствѣ брата своего, аще не оружіемъ, но языкомъ, албо мечѣ. Азъ бо, господію мовъ и отцы и братія о Христѣ, свидѣтель имъ естъ Господь Богъ, написавъ, иже азъ речено бысть, по отъ свѣтѣаго евангелія Христа Бога нашего и отъ свѣтѣахъ апостолѣа Его, потонъ же отъ свѣтѣахъ и Божесловныхъ Отецѣа нашихъ, а не отъ себе замыслихъ; аще ли же азъ азъ отъ себе сіа глаголю и пишу, то достоятъ не вѣровати словѣа написаннымъ; аще ли же божественная писанія вса сіа истинствую, то не смущайтоса на мя; глаголетъ бо о томъ свѣтѣйшій Никонъ, сице рече: по лицу писавшаго, или глаголавшаго, по слову линомое, аще имать силу отъ божественныхъ писаній, а аще не имать, ниже опасно, пытаю о таковыахъ. Идцы же и цнѣи не хотять и слышати, еже по свѣтѣахъ писаніихъ жити, якоже бо и не чинѣтъ.

написана суть и не подлежатъ еже въ вышнѣнемъ родѣ хранити та: истиннымъ же дѣлателемъ всегда отъ нмыѣ и до вѣка словеса Господня чиста, яко сребро разжено и очищено, и заповѣди его свѣтлы суть и возжеланнымъ паче алата и каменія честна и ослажаютъ ихъ паче меда и сота, и хранитъ ихъ, и всегда имъ сохранити та, воспринуть воздаяніа многа отъ Бога нашего Ісуса Христа. Не вѣруа же свѣтѣахъ и Божесловныхъ отцы, аще кто нми глаголемая аще кто не приемлетъ, Христу паче и апостоломъ его не вѣрують, а не слыѣ. Азъ бо не отъ своего ума изнесохъ сіа рѣчи, но еже лежить въ свѣтѣахъ писаніа; всако бо божественное писаніе, еже продано свѣтѣа церкви, непорочно естъ, и не подобеть о семъ перадити, но всею силою соблюдать и искати сихъ; не приемля же свѣтѣахъ апостолѣа и свѣтѣахъ отецъ писанія, ниже вѣренъ можеть быти; глаголетъ бо Господь въ свѣтѣахъ евангеліа: иже аще постыдится мене и понкъ словеса въ родѣ семъ прелюбодѣахъ и грѣшнѣахъ, и слыѣ члвческій постыдится того самаго, егда придетъ во славу. Отца своего со ангелы свѣтѣаи. Глаголетъ бо божественный Иоанъ Златоустъ, сице рече: убойся рекшаго: проробидя мена и моя словеса, проробидецъ будетъ и самъ той отъ мене.

ПОСЛАНІЕ СТАРЦА ІОСИФА (ВОЛОЦКАГО).

ПОСЛАНІЕ ПРЪПОДОБНАГО СТАРЦА ІОСИФА БЛАГОБЪРНОМУ НАРЪЗ,

ПРОСИШУ ЕМУ У НЕГО ПИСАТИ КЪ СЕБѢ ПОЛЪЗНАГО ПОУЧЕНІА.

(Рукопись Іосиф. Волоколам. монастыря, № 575.)

Велѣлъ еси себе навѣщать грамотами и поучении духовными того ради, занеже, господине, живешь по-средѣ стѣей многихъ и посредѣ огня ходиши, и частыя приключи грѣховныя азы, понеже тыяси привлачиши поночении. Но, господине, азъ человекъ грѣшныи и неразумныи и многою грубостію одержиши еси, но силѣ писати къ тебѣ; и какъ еси мнѣ прислалъ грамоту свою о томъ же, и азъ тебе прослушати не силѣ и твоего велѣнія, держухъ написати нѣчто мало отъ божественныхъ писаній, иже ты и самъ вѣси наче всѣхъ своихъ царскихъ остроуміемъ. Божественное писаніе повелѣваетъ дѣлать государемъ великимъ самодержцемъ женскимъ большую заповѣдь евангельскую хранить, сице глаголющую: будите щедри, якоже Отецъ вашъ небесныи щедръ есть; и аще отпустите человекъ согрѣшеніа ихъ, отпуститъ и вамъ Отецъ вашъ небесныи согрѣшеніа ваша; аще ли же не отпустите человекъ согрѣшеніа ихъ, ни Отецъ вашъ небесныи отпуститъ вамъ согрѣшеніа вашихъ; и якоже хотите, да творятъ вамъ челоуѣцы, тако и вы творите имъ, и какова хотите Бога къ себѣ имѣти, таковы будите къ подручникамъ своимъ.

И пакы глаголетъ: остави вамъ долги наша; якоже и мы оставимъ вамъ долги ваши; и не имайте судъ несоотвориши милости; и: блаженъ милостивъ, яко тѣи милостивыи будутъ. Ся убо заповѣдь пріиде всѣхъ еущихъ, иже въ волости области хотѣзани будутъ. Сего ради и Давидъ, пророкъ же и царь, со враги убо борася, единоплеменныхъ же милости сподобася. И константи, иже велику власть пріемъ, дателью области должонъ есть по силѣ подобитися: ничѣмъже тако мощно Богу подобитися, якоже милостию; глаголетъ бо божественныи Златоустъ: князь и властелин, милостивіи и заступленіи и правду покажите на нищихъ людехъ, сице заступленіи пріемлюще и укрѣпленіи о нихъ, а отъ сердца подающе любовь богодарованному царю нашему, воздающе ему должная покореніа, и послушаніа и благодареніи, и работающе ему по всей волѣ его и повелѣнію его, яко Господомъ работающе, а не человекъ. Понеже мнози суть борющіи и сопротивляющіи и обидящіи насъ, сего ради промышляйте съ ними о богоуважкомъ градѣ семъ и о прочихъ градѣхъ, печалуйтеса и о общемъ народѣ, печалуйтеса о странахъ и селѣхъ, Господни ради стра-

за, и бывайте братъ брату блази, милосерди, кротцы и смиренн, а сущимъ яко подъ вами и челоуколюбимы. Потому же и вторую великую заповѣдь хранити, якоже глаголетъ: ширь гоните и святиню, спрѣчь: чистоту тѣлесную, безъ неже никтоже узрѣтъ Господа, и бѣгайте, глаголетъ, блуда; всакъ бо грѣхъ, же аще творять челоукъ, кровѣ плоти есть, блудай же надъ своею плотію согрѣшають; блудъ бо и душу и тѣло оскверняетъ. Сего бо ради обычай есть омыватися и очищатися, яко скверняющуса тѣлу; на самонъ бо томъ тѣлѣ своемъ согрѣшають блудящій, оскверняетъ; лють бо есть блудный грѣхъ и плотскія нечистоты недугъ, бѣды великія и многія приносятъ, и плотское и душевное благородіе повреди и скверно и сирадно се содѣя; и ничтоже бо тако отгоняетъ челоука отъ Бога, якоже плотское вжельвіе и похоти, и страсти блудныя и нечистоты. Есакій убо блудникъ, рече, или скверненъ и лихонимѣтель—но нѣма части въ царствіи небеснѣхъ; блудъ бо и нечистота хранѣ Божій разрушаетъ и бѣсовское обиталище сдѣлають; аще, рече, кто растланъ хранѣ Божій, того растланъ Богъ. Сего ради блудящій оставленъ бывають отъ Бога и предани болѣзнемъ многимъ и недугомъ тяжкимъ, и бѣсовскимъ томленіемъ и наираснымъ смертемъ: блуда ради бѣ протопъ, погуби всю землю; блуда ради града Содомскія и Гоморскія адъ огнемъ сожжены быша и тако въ огнь неугасающъ ввержены быша; блуда ради въ одинъ день смерти предани быша 25 тысячъ сыновъ Израилевыхъ; блуда ради погибоша Оени и Финесъ, сынове Иліа жреца; блуда ради царь Валтасаръ погубѣ; блуда ради Продъ великаго Іоанна Крестителя уби и живъ черни сѣденъ бысть; блуда ради Сампсонъ великій ослѣпленіе пріемлетъ; блуда ради Соломонъ премудрый на идоложерты вѣбѣлся; блуда ради Давидъ прехвальный царь и пророкъ за смерть осуждается, аще не бы поканіемъ и слезами утолилъ гнѣвъ Божій; намыю бо, рече, ложе мое и слезами моиѣ постелю мою омоту; и Аммонъ сынъ Давидовъ блуда ради погибе. Аще же талицы нужи блуда ради погибоша, како мы

неощин не иманъ погнбути, не хранищеса отъ блуда? Сего ради бѣгаемъ блуда, потщимся скоро покаитися, дождеже осуждени будемъ отъ Бога въ вышнихъ вѣдѣхъ на томленіе и на мученіе, въ будущій же въ огнь неугасимый и въ червь неусыпающій. Како же подобаетъ сего бѣгати и хранищеса? Пржеже убо подобаетъ бѣгати отъ блудныхъ и нечистыхъ челоука и жити съ цѣломудренными и чистыми; глаголетъ бо Притчяникъ: съ лукавыми и нечистыми не вселися, да не навывнеша пути его. Давидъ глаголетъ: съ преподобнымъ преподобенъ будеша и со строптивымъ развратышися. И въ градѣ, въ немъже живеша, и во вышнихъ окрестныхъ градѣхъ понци единаго челоука, боищаго Бога и тому всюю силою служаща, и аще обращеша такового челоука, то уже не скорби, обрѣте бо ключъ царства небеснаго; въ тому вправдѣся душю и тѣломъ, и смотри житія его и хоженія, и сѣденія и взора, и адевія и нитія, и всего обычая его пытай; паче же блуди словеса его, не дай же единаму словеси его пасти на землю; дражайше бо бисера словеса святыхъ мужей; благихъ бо учителей ученіе благо, и той наставникъ будеть ти во всякой добродѣтели, братолюбію и чистотѣ. Аще еси отрелася плотскихъ похотей, блуда и нечистоты, вѣчна ради царствія, буди же направляемъ благодатію божественною и не соvertsа съ праваго пути; подвигнися всѣмъ сердцемъ работати Богу и тому угодити тѣломъ и духомъ, и вѣчанъ будеша въ вышнихъ Іорусалинѣхъ. Велико убо есть чистоты дѣло и много того наца, безсмертна убо есть и вѣчна и присвосущна, чистоты вещь блаженна, и та убо есть едина достойна ублаженію и похваленію и удивленію, понеже бо сдержанныхъ блаженныхъ и достойныхъ похваленію показуетъ. Сего ради хотящому вознстину чистоту тѣлесную нѣйти, подобаетъ соблюдать чувства отъ зрѣнія вреднаго, отъ обонанія блуднаго и отъ всякаго начинанія лукаваго, отъ зависти и клеветы, чисты нѣйти руки отъ похищенія и лихониманія, и всегда полагати упованію на Бога, яко да угожающе ему, наследники буденъ вѣчныхъ благъ о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ, емуже слава въ вѣки, аминь.

ПОСЛАНИЕ МЕТРОПОЛИТА ДАНИИЛА.

ПОСЛАНИЕ СМЯРЕННАГО ДАНИИЛА МЕТРОПОЛИТА ВСЕЯ РУСИ

о смиреніи и о сьединеніи и о согласіи и о любви и о сокращеніи преломленнаго вѣры и закона. ученіи и изказаніи вѣдѣхъ слово. Слово 39.

(Рукопись Іосиф. Волоколам. монастыря, № 514, л. 413 — 425.)

Мужію, братію и друзи любезніи, вѣрніи священноначальницы, пастырію и спаственницы, и еслужебницы и вси иже о Христѣ евангелиемъ духа роженая и духа любезная чада! Примите еже о смиреніи, и о сьединеніи, и о согласіи и о любви слово, и православія вѣру и благочестія догматы твердѣ соблюдаете. Тако убо Господа Іисуса Христа ради, азъ, рабъ вашъ и архіерей вашъ грубый и безумный Даниилъ, грѣшныхъ грѣшнѣйшій и злыхъ злѣйшій, ничтоже никогдаже добродѣтельно содѣявый, точію грѣхи, великаго и всеблагаго Бога милостію возмогаемъ и шлюемъ и хранимъ, любезнѣ о Христѣ сѣщоваемъ, и волю и глаголю любви вашей. Якоже бо свѣтлыинокъ вжигающе учительства, Божіе слово, и глаголетъ и учитъ и наказуемъ, не отъ своего нечистаго сердца сіа пашоу словеса; въ души бо законопреступниѣ и грѣшнѣ не ражаются ничтоже добро, ни слово душеполезно, ни содѣжанію нѣкое благо, но якоже вчера, снѣгъ и днесь, о сьединеніи и о согласіи, и о Христѣ всѣхъ и о смиреніи и о любви духовнѣи, и пакы о православнѣи вѣрѣ и о

законѣ и правыхъ велѣній благочестія догматы хранинѣ, и утверженія и соблюденія. Многую бо иже о Христѣ любовію и божественною ревностію возгараяся къ вамъ, искрый, и некиѣся, и тружался и жемая спасенія вашего и благихъ поученія, и въ настоящемъ и будущемъ, якоже бы праведнѣ всегда и истиннѣ но Бозѣ жителствовати и любонудрствовати въ согласіи о Господѣ и совершеннѣи христіанства разумѣ твердѣ соблюдать въ сьединеніи о Христѣ и еже всащескии художествонѣи достойнѣ, елика сила комуждо съ выгъждо смиренатися, и истиннѣи и совершеннѣи смиреніемъ вынущивъ что другъ на друга отъ сердца оставлати, и раздирати сѣтъ вражію и вся козми его разрушати смиреніемъ. Повележе ивогіа сѣти бѣсовскія всюду поучени суть, и всюду лемленія его приготоулена суть на вся челоуѣки, на всякъ часъ, до дне и въ ноци. Такоже рече верховный апостолъ Петръ, пріемный ключи царства небеснаго: трезвитесь, бдите, се совостатъ вашъ дивольз яко левъ рыкаа ходитъ, искій ного поглотити, оу же противитесь твердѣи вѣроу. Тѣмже на-

ваче прже всего, елико возможенъ, въ смиренноудрїи пробуденъ о Христѣ, яко да прже всего избави-са дїавольскихъ сѣтей, якоже великій отцѣмъ отцѣмъ Антонію видѣлъ есть, потомъ же алаго ведуга раздѣленїа и разгласїа очистишися, истиннымъ смиренїемъ познаете истину разузнїа божественныхъ писанїй. Смиренїа бо ради вся блага бывають намъ, смиренїа бо и кроиъ трудовъ ншега согрѣшенїа прощааетъ, кроиъ же смиренїа прощенїа грѣховъ не бывають, ниже нше, что исправляется. Отъ вѣка убо, святїа и праведнїа не точїю нужи, но и жены, пламенъ огня страстнаго угасиша истиннымъ умилениемъ и совершеннымъ смиренїемъ, безъ смиренїа же все невозможно и бѣдна суть. Сего ради глаголетъ Господь: научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрщете покой душамъ вашимъ. И на кого, рече, призрю? но на кроткаго и смиреннаго и трепещущаго мнѣхъ словесъ; и наки рече: о семъ познають всѣхъ всѣ, яко мнѣ есте ученицы, аще любовь имате между собой. И великій апостолъ Павелъ глаголетъ: любовь ицѣмъ другъ къ другу, понеже въ любви все законъ совершается; возлюбивши искреннаго своего яко самъ себе; аще ли же дусаете и сѣжаете другъ друга, блудите и сами, да не отъ другъ друга сѣдѣши будете. Сего ради подобаетъ вамъ свострадовати другъ другу во благое о Христѣ; утѣшайте бо, рече, малодушными, носите немощныя, долготерпите ко всѣмъ, блудите, да не кто зло за зло воздастъ кому, но всегда благое гоните и другъ другу и ко всѣмъ; сице бо есть заповѣдь Божїа, еже любите Господа Бога и искреннаго своего. И аще сице по божественнѣй любви искреннѣй пробуденъ, до уже въ истину соблюдаемъ заповѣди его и въ немъ пребываемъ; понеже всѣхъ добродѣтелей больше есть и высочайши любовь. Ицѣмъ любовь, соблюдаетъ заповѣди Господни; любяи бо на, рече, и заповѣди моя соблюдаетъ; и аще любите на, рече, заповѣди моя соблюдайте; сіа же есть заповѣдь моя, да любите другъ друга. И возлюбленный ученикъ и апостолъ Христовъ Іоаннъ Богословъ глаго-

летъ: яко се есть любовь Божїа, да соблюдаемъ заповѣди его и любимъ другъ друга, понеже отъ любви ближнаго заповѣди Господни соблюдаемъ суть и яко въ любви ближнаго весь животъ есть и все наше спасенїе есть; не любяи же ближнаго, заповѣди Господни не соблюдаетъ; не соблюдаи же заповѣди Господни, ниже Господа возлюбити можетъ; любяи же Бога и ближнаго, всако любитъ и вспомогаетъ ему во всемъ въ благое, понеже въ истину любитъ Бога и ближнаго своего, сего ради вспомошествуютъ ему въ благое. Дѣло же любви есть, еже къ ближнему отъ благоизволенїа сердца благотворенїе, свостраданїе, споможенїе, долготерпѣнїе, пожданїе; любяи Бога и ближнаго, се есть заповѣди Божїа соблюдаетъ. Любяи Бога не оскорбляетъ никогоже, ниже гѣвзается на кого малозрѣнныхъ ради глѣбныхъ вещей, суетнаго и прелестнаго сего вѣка, но ангельское житїе живеть на земли, все Бога ради творитъ и ближнаго ради, и всегда блага о всѣхъ мыслитъ, яко Бога любитъ и ближнаго своего, якоже божественный апостолъ глаголетъ: любяи Бога, любитъ и брата своего. Аще ли кто глаголетъ, яко любитъ Бога, брата же своего ненавидитъ, ложъ есть; но любяи бо брата своего, егоже видѣ, Бога же, егоже не видѣ, како можетъ любить? Любяи брата своего во свѣтѣ пребываетъ, и соблюдаи въ немъ ивѣсть; а ненавидяи брата своего въ тѣмъ есть и бо тѣмъ ходитъ и не ивѣсть како плдетъ, яко тѣмъ ослѣпи очи ему; но любяи бо брата пребываетъ въ смерти; всякъ не любяи брата своего челоукоубїица есть; всякъ челоукоубїица не имать живота вѣчнаго въ себѣ пребывающа. Богъ любовь есть, и пребываи въ любви, въ Бозѣ пребываетъ и Богъ въ немъ. И любяи брата своего никогоже зла на него не помышляетъ, но и свою душу за него полагаетъ. Любяи бо друга, рече великій апостолъ Павелъ, Законъ исполнивъ есть, еже бо: не прелюбодѣйствуи, не убїи, не укради, не лжесвидѣтельствуй, не обиди. И аще ицѣмъ инаа заповѣдь въ семъ словеси совершается, еже возлюбивши искреннаго своего, яко самъ себе, яко любовь искреннему зла

не судюваєть, исполненіе бо закону любовь есть, и единою сею заповѣдью, еже есть любви, все заповѣди свершаются. И начало и конецъ всѣхъ заповѣдей любовь есть, повеже и амыхъ обращенію и благихъ волученію любовь даруєть: сію заповѣдь Господь нѣтъ всѣхъ новолѣваєть, о сей заповѣди и апостолъ наказыєть: аще, рече, языки человѣчески глаголю или ангельски, любви же не имамъ, быхъ яко нѣдъ звѣнцѣи или аки кимвалъ бряцаѣи; и аще имамъ пророчество и нѣтъ тайны все и весь разумъ, и аще имамъ всю вѣру, яко и горы преставляю, любовь же не имамъ, ничтоже есмь; и аще раздаю все нѣтъ мои и аще предаю тѣло мое, да сожгутъ на, любовь же не имамъ, никакже польза ми есть. Любовь долготерпитъ, благодѣлаєть, любовь не завидитъ, не лукавствуетъ, не гордится, не злообразуется, не ищетъ своихъ си, не гнѣвается, не помышляєть злое, не радуєть о неправдѣ, радуєть о истинѣ, все любитъ, все пріемлетъ, все вѣруєть, все уповаєть, все терпитъ; любовь николиже отпадаєть, якоже и основанію, и верхъ, и начало и конецъ всѣхъ добродѣтелей есть любовь. Всѣхъ же амыхъ есть начало и конецъ разгласію и нестроєнію, сего ради речено есть: не всякому духу вѣруйте и бѣгайте отъ творящихъ распри и раздѣленія; и пакы глаголетъ Господь: внимайте собѣ отъ ложныхъ пророковъ, и гору шіру отъ соблазны; и яко всяко царство, раздѣльшоеся на ся, заустѣєть, и всякъ градъ или домъ, раздѣльшыйся на ся, не станеть; и дѣже бо есть зависть и расенію, ту нестроєнію и всяка зла вещь. Сего ради апостолъ Павелъ наказыєть, глаголя: люблю вы, братіе, блюстися отъ творящихъ распри и соблазны, уклонитися отъ нихъ; таковѣ бо Господу нашему Іисусу Христу не работаютъ, но своему чреву и ублажающимъ словесы и благохвалєніємъ лстать сердца незлобивыхъ; тлать бо обычанъ благи бесѣды злыя; блюдытєся убо, да никтоже васъ развращаетъ и прельщаетъ отъ творящихъ распри и соблазны и съ похвалєніємъ словопрєнію; облецєтєся убо, яко избранія Богу святіи возлюбленіи, въ утробу щедротъ и благость,

смирєнноудрію, кротость, долготерпѣнію, пріемлюще другъ друга и даряще собѣ, аще кто къ кому имать пореченію; якоже Христосъ дарова намъ, тако и вы; надъ всѣми же сице любовь, еже есть соузъ совершенію, и сирєнію Божію да пребываетъ въ сердцахъ вашихъ, въ неже и звани быте въ едино тѣло, и благодарни бывайте, слово Божіе да вселєтєся въ васъ богато во всякой премудрости, учаще и наказыюще себе и сице божественнымъ духомъ и премудростію; иже плоды духа исчитая, глаголетъ: яко плодъ духовный есть любовь, радость, аиъ яко духовная радость, а не плотская, сирєнію, долготерпѣнію, вѣра, кротость, воздержанію; на таковыхъ, рече, нѣсть закона, всачески и всѣхъ новолѣваєть во спасєніи быти тѣлеснѣ и духовнѣ. Сего ради пакы глаголетъ: всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ, но еже аще что благо къ созиданію вѣры, да даєть благодать слышашимъ, и не оскорбляйте Духа святаго Божія, нѣтъже знаменастєся въ день забавленія; всяка горость, и гнѣвъ, и ярость, и вопль и хула да возметєся отъ васъ со всякою злобою; бывайте же другъ другу блази, милосерди, милостивы, прощающе другъ друга, якоже и Богъ о Христвѣ дарова намъ; совѣтохъ же и сирєніємъ, и любовію все о Христвѣ творите; и со страхомъ, рече и съ трєпетомъ свое спасєнію судѣвайте, и все творите безъ роптанія и безъ сомнѣнія, якоже подобаєть достойно и праведно о Господѣ, и не лжите другъ на друга; понеже писано есть: погубитъ Господь все глаголющая лжу. Яко отъ начала діаволъ ложь есть, и всяка ложь отъ діавола есть, и всякъ лживый всегда безъ дерзавєніа есть и ненавидитъ отъ Бога и отъ чловѣкъ; лживый всегда гнѣвы и распри и раздѣленія издѣваєть въ чловѣцѣхъ, тайны открываєть, сокровєнная испытуєть, совѣты добро совѣщанныхъ разоряєть и любовь погубляєть, и отлучается и клевету прєстудяєть, и отъ Бога отлучается; и клеветєся и прочая все злая судѣваєть. Такоже и шепотниковъ и клеветниковъ изгоняйте, якоже писано есть: оклеветашаго тай, сего изгоняихъ. Шепотники бо и клеветники все злая имать вкушъ: шептанію, клевету

танію, ненависть, зависть; сицевымъ бо, рече, братоубійца бываетъ, немилосердія отнюду и немилостивъ; таковий же наче собѣ алая содѣваетъ и себе погубляетъ, якоже рече святыи Исакъ: оглушалъ брата своего въ злобѣ его, обрѣтаетъ Бога огульника собѣ; покрывавъ же брата во время искушенія его, и Богъ покрываетъ его и носитъ вся недостатки его. Винивавъ же собѣ и соблюдавъ себе о клеветахъ брата своего не радуется, но и скорбитъ о семъ; и на шептаніе и на клеветаніе не грядеть, и е чужихъ тайно не шутаеть и чужихъ согрѣшеній не сматраеть и помощью братнихъ не проноситъ, и е надоніа брата своего не радуется. Не любяи шепотниковъ и клеветниковъ—сеи Боголюбець и человеколюбець есть, сеи законъ соблюдаи есть и евангельскаго житія кунецъ есть, сеи истинный христіанинъ есть, сеи отъ грѣха и напастей себе избавилъ есть, якоже рече святыи Ееронъ: не оклеветая брата своего, сеи отъ грѣха братоубійства убѣжалъ есть; не водворяи се съ клеветникомъ, съ ангелы водворяется; не есквернивый устъ своихъ сирадомъ шепотницъ и клеветницъ, сего уста исполны плода Духа святаго суть. Сего ради восприиметь смиреніе, братолюбіе, любовь, да милость отъ Бога получитъ, и прощеніе грѣховъ отъ него прииметь. Идѣже бо есть цѣломудріе и смиреніе, братолюбіе и любовь, ту вся благая бывають. Писано бо есть: любовь покрываетъ множество грѣховъ; и: молитесь, рече, другъ за друга, яко да исцѣлите. Молитва же вся благая содѣваетъ, и грѣхи прощаетъ, и враги побѣждаетъ, и неизреченно дѣло есть молитва, и наче же по правдѣ, праведна бываема, не противна Божію предислу; много бо можетъ, рече, молитва праведнаго споспѣшествуема, яко волеи оружіе на діавола и на вся козни его молитва есть, и се есть благоприятво предъ Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, иже. хощеть исцѣлитъ челоуѣкомъ спастися и въ разумъ истинный приити. Не престанетъ убо молящася другъ за друга и добрая мысляще и творяще собѣ же и другъ другу. Прочая же по божественному апостолу: молитесь и о насъ, да слово Господне точеть и славится, якоже и

въ васъ, и да избавимся отъ безмѣстныхъ и лукавыхъ челоуѣкъ, а обидѣи же восприиметь еже обидѣ, и иѣсть лицу обновенія. И наки глаголетъ, еже не проступати и не лихоимствовати въ вещехъ брата своего, зане иститель Господь е всѣхъ смѣхъ, якоже и предрекохомъ вамъ, и засвидѣтельствовахомъ. О семъ же апостольскомъ словеси да не кто порочеть на насъ, не яко Богъ оглядуи кого, или инаковахомъ илиа кого, но наче себе воспоминава, себе уча и наказуа и послушающихъ. И наки хотя показати вину лѣтъ смѣхъ и временъ скоропроходныхъ и мимотокущихъ и якоже колотвращаетъ скоро, сице превращающихся, случающихся и послѣдующихъ всѣмъ челоуѣкомъ искушеній же и скорбей, несогласія же и пререканія, раздѣленія же и расирѣнія, яко да каждо по насъ въ себе зааритъ и порочеть собѣ; еже бо и заарити собѣ спасеніе есть; сего ради безъ трезвенія быти всякому немощно есть, и сице каждо смирится и спасется и козни и сѣти ѳисовскія разрѣшатся, и сице всѣмъ намъ Боголюбивымъ, пребывающимъ въ любовудрїи, и братолюбїи, и смиренїи и блазѣмъ житїи о Христѣ, вся на пользу и на спасеніе да будутъ. Прочая же: вся по Божѣ да любовудрѣтуите и смыслиаите и совѣтуаите вкупѣ. Писано бо есть: Богъ вселаетъ единомыслиемъ на доиъ; расколъ же и раздоры, раздвоеніе же и раздѣленіе, вся алая содѣвають. Откуда бо Израильскіи алая андоша въ начала? не отъ раздѣленія ли и расирѣнія и несогласія, и гордости же и самочинїа? Каждо бо чинъ свой и иѣру свою забываше и прехошаше, и не давше имъ восхипающе, оставаше божественная писанія и законы Божїа, упранишася въ челоуѣческіа преданїа, во еже угоудити единъ другому плотскїа ради любве и славы; Божїю же любовь и славу отринуша, яко отъ божественныхъ писанїи учиниу; возлюбивша бо славу челоуѣческую наче славы Божїа, якоже есть писано, тѣмъ же и екаивства она, еже: горе вамъ, яко преданїи ради вашихъ остависте законъ Божїи. И прочая подобная смѣхъ, якоже Господь въ евангелїи глагола; и обаче въ смѣхъ

убо они возраше, помялу же послѣже уклонишася въ совершенное законопреступленіе; и тако вслѣски преданы быша и расточени и порабощени во всѣхъ земцѣхъ, не хотяще Господеви работать и божественныи Его писаніемъ покоритися и повиноватися и повелѣніа и законы его соблюдать.

Вы же, возлюбленніи Божіи угодицы и христолюбцы, въ благочестивѣйшемъ отечествіи вашемъ возраше Россійствѣхъ и чистѣхъ православіи и въ величїихъ благочестїи, крѣпцѣхъ содержите и соблюдайте великое, честное и святое православіе, и преданіе и законы Божїа, яко приять святая великая Божїа соборная и апостольская церковь отъ Господа Бога, и отъ святыхъ его ученикъ, и апостолъ, и вселенскихъ святыхъ соборовъ и помѣстныхъ, и завіщанїи и законовъ и прочїихъ божественныхъ писанїи повелѣніа и уставована преданїа и законы, въ славу Господа нашего Іисуса Христа и пречистой Богородицы и всѣхъ святыхъ, яко всѣхъ намъ кунно на спасенїе и на пользу. Якоже бо о челоуѣческихъ тѣлесѣхъ недугующихъ и зѣльнѣ болящихъ много подобаетъ попеченїа и храненїа имѣти, сице и душею разболѣвшися много вѣщнаго подобаетъ попеченїа и храненїа и прилежанїа имѣти. Еще же и отъ неполезныхъ и душевредныхъ челоуѣкъ, и отъ дружества ихъ, и отъ общенїа ихъ и отъ бесѣдъ ихъ, и отъ ученїа ихъ и словесъ ихъ отлучатися, заже яко отъ бѣсовъ прелести, православныа вѣры и закона и устава церковнаго опаснаго ради храненїа, попеченїа и прилежанїа много вѣщнаго имѣти достоятъ; и отъ враждебныхъ и душегубныхъ челоуѣкъ и злаго мудрованїа и отъ предакїа ихъ бѣгати, елика сила, и не точїю же отбѣгати отъ нихъ, но и бранитися съ ними о вѣрѣ и о благочестїи, якоже глаголетъ святыи Григорїи Богословъ, яко лучши есть по(х)вальная брань наче мира, отлучающаго отъ Бога. Есть бо и азѣ спрятитися и добро которатися, точїю въ благое, о Господѣ; сего ради яко писано есть: вся искушающе, доброе содержите и отъ всякїа вещи злыа удалитесь. Мы же различная ученїа любовная и законъ

и служенїа слова, яко прихонъ отъ Бога, точїю яко во Бозѣ, любви ради духовныа, на всѣхъ показуемъ, свѣщающе, и волице, и глаголюще и учяще, и называюще, аще возмощемъ о Господѣ въ духовную любовь привести кого, въ единство православїа вѣры православныа, утвержденїа и соблюденїа, въ согласїе и съединенїе и исправленїе. Аще ли же не возмощемъ, тогда убо единѣхъ любовными нашими другомъ и братїихъ, аще произволятъ, аще ли и сіи не произволятъ и не возмощемъ обратити и исправити ихъ, якоже глаголетъ Василїи Великій: аще неудобъ отъ жєнъ имуть своихъ обычаевъ и сластоушїихъ плотскихъ наче работати хотять, неже Господевя, и еже во евангелїю житїе не приключутъ, ни единое намъ къ нимъ слово. Мы бо въ людехъ непокорныхъ и пререкующихъ научихомся слышати, яко спасая спаси свою душу. Не восхоуемъ убо съ чужини грѣхи погнубити, но убоявшеся тяжкаго суда и страшнаго день Господень предъ очїма явуща, съ таковыми погнубити не изволимъ, не засвидѣтельствовати имъ въ ночи и во дни, и влєнїи въ народѣ и особи, не должни есмы, вкупѣ же съ лукавствомъ изъ отъестїа не изволимъ; но лихъ же се наиваче приобрѣсти ихъ и изъяти отъ сѣти лукаваго. Аще ли же и сего не возмощемъ совершити, потщися моно свою душу отъ вѣчнаго осужденїа избавити. И сіа убо великій Василїи. Подобно же сему вспомянути и божественнаго инокса Павла, яко къ Тимошею посылая, глаголаше: яко себо самаго чювѣта соблюдай и не приобщайся чужини грѣсѣхъ, и въ кротости наказуй сопротивляющихся; и аще кто любоспорнїиъ есть, ты такового обычая не знамы, ни церкви Божїи; и аще кто инако учить и не приходитъ къ здравнымъ словесемъ Господа нашего Іисуса Христа и ученїю яко во благочестїю, разгордѣся таковыи, ничтоже вѣдый, во негоду о замыслихъ и о стязнїихъ и словоспренїихъ отъ нихъ не бываеъ зависть, пренїе, хулы, умышленїа лукавая, сирѣбленїа, сирѣчь сирѣбощенїа растлѣннїихъ челоуѣковъ и дивныхъ истинъ, нещущиныхъ бусеъ быти благочестїе. —

отступай отъ таковыхъ; есть же пріобрѣтеніе воле —
 благочестіе съ довольствомъ; и сія убо великій апо-
 столъ завѣщаесть и учитъ. И сице убо ны смиренія,
 слово Божіе ииуще, учаще же, наказующе и моляще,
 елико не смѣ. да не радимъ; учиненный бо въ учи-
 тельство, рече Великій Василій, Божія слова аще не-
 брешеть возвѣстати, яко убійца судится. Потчимся
 убо, якоже прехречеса, прилежно на молитву соборѣ
 и особнѣ, елико возможно, молитвы творяще, тѣсно о-
 нихъ моляще челоулюбобѣ Бога, хотащаго всѣхъ че-
 лоукомъ спастися и въ разумъ истинный пріити, про-
 кинити убо тѣхъ отъ лукаваго обычая и избавити отъ
 дьявола сѣти и пріобрѣсти и привести на сѣтъ, ра-
 зуна Божія, Отца и Сына и Святаго Духа, яко да и сво-

его тѣанія, иже о всѣхъ челоукахъ исправленія ра-
 ди, сугубу отъ Бога нуду пріимешъ, съ инокѣиши
 дерзновеніемъ молитвы творяще о нихъ в себѣ ии-
 мающе, безмолвно живуще, молчаніемъ враги вобѣ-
 дающе и любяще ихъ и добро творяще имъ, и мо-
 щеса о нихъ во божественныхъ завоудѣхъ, и ты
 и смиренно, и духовно поживешъ, и милости отъ Бога
 сподобися, и оставленіе грѣховъ кающеса пріимешъ, и
 адѣишихъ и будущихъ благихъ получиши, нѣхъ же бу-
 ди всѣхъ намъ получити благодатію и челоулюбоб-
 емъ Господа нашего Іисуса Христа, съ нимъ же От-
 цу слава со Святыиъ Духомъ нинѣ и присно и во вѣ-
 ки вѣкомъ, аминь.

[The following text is extremely faint and largely illegible due to the quality of the scan. It appears to be a continuation of the epistle or a commentary.]

ПОУЧЕНІЕ МИТРОПОЛИТА ДАНИЛА.

ПОУЧЕНІЕ ДАНИЛА МИТРОПОЛИТА ВСЯХЪ РУСІИ.

(Рукопись Іосиф. Волоколам. монастыря, № 492, л. 58.)

Подобаетъ намъ преже всего, о благоуменная ча-
да, возлюбити вниманіе и бржегіе о себѣ каждо насъ,
и всяко попеченіе и любомудріе състроити и о душахъ
нашихъ. Видите ли, како скоро мимо текутъ дніе лѣтъ
нашихъ? Яко конь скоро мимо течотъ и яко птица по
воздуху скоро мимо летать, тако и дніе наши и часы
и часци скоро мимо текутъ; якоже бо мимотеченіи адѣ
есмы въ настоящемъ семъ житіи и якоже въ гостехъ
пробываемъ; нѣсть бо прочно намъ сіе житіе, ни бо адѣ
есть намъ жити, но иже сего ради приведе насъ Гос-
подь Богъ въ настоящее сіе житіе, да не настоящему
внимаемъ и мимотекущая прочимъ, но да вся къ бу-
дущему животу промышляемъ и готовимъ. Не сіе бо
есть отечество наше, но преселеніе и паче, истинно ре-
ща, изгнаніе, ибо во изгнаніи адѣ есмы вси челове-
цы, якоже писано естъ, яко пришельцы есмы адѣ и
пресельницы. Взыщеть отечества нашего и не усво-
нимъ себѣ, иже прочимъ мимотекущаго сего житія;
нѣсть бо прочно и усвоенно и постоянно же комуже
отъ насъ, якоже и прежде написанъ: яко гостей при-

ать насъ и скоро яко гостей отпуститъ насъ на оно
житіе, и ничтоже намъ на путь дастъ, аще не сами
себѣ предуготовимъ благихъ дѣлъ; сего ради трезвити-
ся намъ подобаетъ и готовимъ быти на всякъ день и
часъ, и разсмотрити себе, аще въ часомъ согрѣши-
хомъ, или въ дѣлѣ, или въ словѣ, или въ помышленіи,
или во зрѣніи, или въ осужденіи, или въ гордости, или
въ щापленіи, и въ часомъ аще будетъ измыскати себе,
всегда подобаетъ и о случающихся живахъ каятися, и
рыдати и плакати, да проститъ намъ Господь Богъ со-
грѣшенія наша, и да помилуеть насъ въ семъ вѣцѣ и
въ будущемъ; понеже истязани и искушани будутъ о
всякихъ вещехъ вси человецы, и пастыри и учителя
и прочіи священической причеты, и мужи и жены, и
юви и старци, раби и свободни, и воиши и кунцы, и
художники и земледѣльцы, и воиши и князи, и вси,
иже въ велицѣи славіи сущи, ни откуду помощи не
обращутъ, развѣ точію отъ добрыхъ дѣлъ. Ино бо нѣ-
кое насъ отсюду приметъ живота устроеніе и судищу
предстанемъ страшному; подобаетъ намъ предстати

предъ судищемъ Христовымъ, да приметъ каждо, еже съ тѣломъ содѣла, или благо или зло. Сего ради не-забытно и во дѣяноство шествуемъ настоящій сей путь и подвигъ, и имѣемъ всегда въ себѣ страхъ Божій и страшный онъ день суда Христова, да благочестно и любодобродѣтельно житіе проживемъ на земли сей Божіей. Какъ убо намъ спасенія надежда будетъ, егда на земли живуще Божіей, небреженія мудрствуемъ? Какъ намъ польза срамно и зазорно житіе имѣти? Тѣмъ же паче всего вниманіе имѣемъ о себѣ, и паче же освященнымъ Богови отвсюду подобаетъ стажати опасное вниманіе, и бржеженіе, и въ одеждахъ и въ обу-щяхъ, и въ образѣ и въ зрѣніи, и въ хожденіи и на пути, и на торжищи и въ дому, извѣщающу и молчашу, и обѣдающу, и въ всѣхъ просто благостройное и полезное; Богъ бо, рече, на сердце зреть, человекъ же на лице, и сердечная убо умышленія знаема суть Богу; человекъ же отъ сущихъ виѣ знаменуютъ внутреняя и не явленная; аще убо узрять кого во въ благообразіи суща, или въ дѣлахъ, или въ словесѣхъ за-зреть, и тако отвиѣ сущаго безчестнаго шатанія судятъ и аже внутри, и соблазны и преткновеніе бывають многы. Сего ради глаголетъ великій апостолъ Павелъ: непротивленія бывайте Іудеомъ и Еллиномъ и царю Божіей. Но и въ священныхъ правилехъ написаша святіи апостоли, и о епископѣхъ, и о причетницехъ и о простыхъ человекѣхъ, еже яко не свѣтворное и не безчестное житіе имѣти имъ. Также по святыхъ апостолахъ настыри и учителя и преподавни и бого-воспѣи отцы наши укрѣпиша, и уставиша и въ священ-ныхъ правилахъ положиша на память и на утверженіе послѣднему роду. Велико бо прочитающихъ священ-ная правила и прочая божественная писанія пріобрѣ-теніе польза бывають, и кто разумѣвая сихъ, той утружался и подвизался и поты проливая, вскій уразумѣти лю-бобудрія сихъ и волю Божію, и отбѣгая, яко отъ зліа, отъ срамсловія, и суесловія и собранія бесѣдъ душа-вредящихъ, точію пріемля заповѣди Господня, и пре-данія и ученія святыхъ апостолъ и преподавныхъ и

богочестныхъ отецъ нашихъ, и въ спсѣвыхъ играеть и утѣшается, и радуется душа ихъ, еже скончавши, и пласци, и шахматы и тавѣями, ихъже отресоша свя-тін апостоли и святін отцы. Нимъ же суть иѣщии отъ священныхъ, еже суть сіи пресвитери и діакони, и внодіакони, и четци и пѣвци, глумися, играютъ въ гус-ли, въ дохры, въ смыки, въ семужъ и зернію, и шах-маты и тавѣи, и въ пѣснопѣ бѣсовскихъ, и въ без-нѣрномъ и промногомъ пѣанствѣ, и всякое плотское мудрованіе и наслаженіе паче духовныхъ любяще, и тако себѣ и инымъ великій вредъ бывающе. И ны от-вѣныи наказуемъ и святими писаніи воспоминаемъ, еже не быти таковому безчестному обычаю, всякаго студа и срама и зазрѣнія исполненному. И наипаче же во священнѣхъ семъ дому пречастія Богородицы, великія и святѣйшія митрополи всея Русіи, не глуми-тися, ни играти, ни пресвитеромъ, ни діакономъ, ни внодіакономъ, ни четцемъ, ни пѣвцомъ, ни свѣщенос-цемъ, ни нованаромъ, ни сторожемъ и всѣмъ прочимъ простымъ человекомъ, въ святѣмъ семъ иѣствѣ пречис-тля Богородицы и великихъ чудотворцевъ Петра и Алексѣя. Подобаетъ бо живущимъ во священнѣхъ семъ дому образъ благъ быти всѣмъ человекомъ. Святін же апостоли и богочестніи отцы заповѣдаша житіе неза-зорно и добродѣтельно и благочестно имѣти всѣмъ че-ловѣкомъ, и епископомъ и пресвитеромъ, и прочему священному причту, такоже и мирскимъ человекомъ, якоже глаголетъ святыхъ апостолъ правило 42: епис-копъ, или пресвитеръ или діаконъ въ зернехъ упраж-нялся или въ пѣанствѣ, или да престанеть, или да из-вержется. Тѣхъ же правило 43: внодіаконъ, или пѣвецъ или четецъ таковая же творя, или да престанеть, или да отлучится, такоже и простой человекъ. Толкованіе Ива-на Золароса: епископомъ и клирикомъ всѣмъ утѣше-ніе всѣхъ къ добродѣтели быти подобаетъ и первооб-разное и раздраженіе къ благодѣланію; понеже и отъ сихъ есть иѣкниѣ уклонитися отъ добраго, или шах-маты и зернію играти, или увнзатися; повелѣваетъ правило престати таковымъ, или убо епископомъ, и

презвитеромъ и діакономъ или изверзатися, и инодіакономъ же и чтецемъ и пѣвцемъ, аще ли же не престануть, отлучатися, такоже и мірскимъ челоѣвкомъ, шахматы и шашкы упражняющися; но нити бо вина въ шашкѣхъ, рече писаніе, и паки: но упивайтеса виномъ, въ немъ же есть блудъ. Но ниже корчменическому предстати дѣланію, или крикъ попущенъ есть, но девятому правилу нже въ Трудѣ сбора. Правило 9 нже въ Трудѣ сбора: но достонтъ причетникомъ корчменнаго храма имѣти. Аще бо возбранено есть причетникомъ въ корчменницу входить, множае ваче, еже въ корчменницѣ служить, и аже неѣбно есть ему дѣствовати. Аще же таковое что содѣлаеть, или престанеть, или да извержеться. Того же собора правило 30: ни единому отъ всѣхъ, или отъ клирикъ, или отъ простыхъ челоѣвкомъ играти зернью; отсалъ аще кто являеться такова содѣвая, аще клирикъ, да отверженъ будетъ, аще ли простой челоѣвкъ, да отлучитса. Того же правило 31: отнуду отметаеть святыи сей соборъ вселенскій глаголемыя глумотворцы и позорища ихъ, такоже и ласелія, и позорованія и писанія на въ домѣхъ, ни на торжищахъ не творити; аще ли кто сіа презреть и къ нѣкому отъ заповѣданныхъ сякъ себе вдасть, аще ли клирикъ, да отверженъ будетъ, аще ли простой челоѣвкъ, да отлучитса. Того же правило 61: нже волховствомъ себе предающе, или глаголемымъ сотникомъ или инымъ нѣкимъ таковымъ, да отъ тѣхъ навькнутъ, аще что имъ открыти хотать, но преже уставоннымъ о нихъ отъ святыхъ отецъ да повнпуетса опитоми на шесть лѣтъ. Тацѣмъ же за прещеніемъ покорити подобаеть и водящихъ медвѣда, или инымъ нѣкимъ таковымъ животнымъ, ва играніе и вредъ простѣйшимъ, и случай, и полученіе, и роженіе по звѣздословію, и таковыхъ нѣкихъ глаголѣ смущеніе по прелестнымъ бледеніемъ глашающихъ и глаголемыхъ облакопрогонниковъ, и чаровниковъ, и наузниковъ и волшебниковъ: пребывающихъ же въ тѣхъ и непретіясныхъ, и не отбѣгающихъ отъ пагубныхъ тѣхъ Едлинскихъ обычаевъ всена отметати отъ церкви по-

велѣваемъ, якоже и священнии канони повелѣвають. Кое общеніе свѣту со тною, якоже рече апостолъ, или кое сложеніе въ церкви Божіи съ кумпры, или каа часть вѣрному съ неѣрнымъ, или кое согласіе Христови съ діаволомъ? Тогоже правило 62: такоже глаголемыя каланды, или глаголемыя вота и нареченныя вруахія, и въ первый день марта нѣсаца совершаемое торжество, отнудъ отъ вѣрныхъ гражонствъ отъяти хотящихъ, такоже и женская предъ людьми писанія, яко нечестивыя и много вредъ и пагубу творити могутца, такоже и имененъ отъ Еллинъ ложное именовныхъ боговъ или отъ мужей или отъ женъ бывающае писанія и празднованія, но нѣкакону древнему обычаю и чужему христіанскаго житія, отнѣтаемъ, заповѣдающе и никоомуже мужевъ въ женскую одежду облачитиса, ни женѣ въ мужскія достояво; но ниже въ обличіа игрецевъ и ликовствениковъ или козлогласова ходити, ни сквернаго Діониса именов, грозныи тончюще въ точилехъ, призывать, ниже вина льюще въ дельи, смѣхъ подвижати неѣжестая образомъ, или суетою бѣсовскія лести дѣющихъ, отсалъ убо начинающихъ что преже реченныхъ творити въ разумѣ тѣхъ бывшихъ. Аще ли клирици суть, отврещи повелѣваемъ, аще ли простци, отлучатиса. Тогоже 6 собора правило 20: да неѣтъ будетъ кому во священническомъ причитаемыхъ чину, или нику, на урнстаніе конное ходити, или бѣсовскихъ игращъ наслажатиса; но аще кто клирикъ на браки заавъ будетъ, егда прелестныи и введутса, да встанеть, и абіе да отходитъ. Сиче отческону и учительскону намъ повѣлѣвающе; аще же кто въ семъ обличенъ будетъ, да или престанеть, или да извержеться. Изъ въ Лаодикин собора правило 33: ако не подобаеть христіаномъ, позванымъ бывшемъ на бракъ, влскати или влсати, но чество съ говнннотъ вечерати или обѣдати, якоже лѣво есть христіаномъ. Тогоже собору правило 80: ако не подобаеть священникомъ или клирикомъ нѣкихъ видѣній позоровати на брацѣхъ и на вечерахъ; но преже входа игрецевъ встати имъ и отходити. Нже въ Карвагенн собора отъ нже на концы правила нтагоннаде-

сать, яко чадомъ священническимъ позорищъ мирскихъ не творити, ниже позорствовать. Сие же и всѣмъ хрестьяниномъ всегда проповѣдано есть, да отъ таковыхъ удаляются, и идѣже хуленіе суть, не преступати.

Сіе убо тако глаголють священная правила. Подобно же сѣмъ и святыи Еѳремъ глаголетъ, яко не подобаетъ играти и глумитися, якоже и священная правила глаголють, яко хода на игрище со вделслужителя имати часть. Якоже и великій апостолъ глаголетъ: вѣсто ли, братія моя любимая, како возвращаетеся вспать, и наки почотесе творити камчская? Всякъ бо некійся плотскии, глумяся не Христа ли совлекается, яко не чая слова воздати въ день судный? Якоже глаголетъ Господь божественными своими усты, яко и о ираидѣ словеси слово чловѣцмъ воздати въ день опъ. Да аще о словесѣхъ сицева суть поослабиа, то елихъ убо како сіа будутъ? И пакы тойже рекъ: Христу зовущу пророки и апостолы и евангелисты, и отъ многихъ людей мало приходять; егда же диаволъ позоветъ гусльми и пласци и нѣсьми неприявленными, тогда мнози собираются на то; чловѣколюбецъ же Богъ призываетъ насъ и глаголетъ: придите ко мнѣ вси, то нѣси никтоже градый, никтоже подназаяся и тшася. А ненавидѣи чловѣковъ дьяволъ, аще наречетъ соборъ какомъ, то мнози стекутся; егда же зановѣтесе постъ или бдѣніе, то вси ужасуются и отпадутъ, и вси яко мертви будутъ; и аще нарекутся на пресе, или вечера, или гусли или свирѣли, или нѣсин неприявленными, то вси готовы будутъ и убудатся и потекутъ, другъ друга зовый, и стекутся на алыи той путь и борются на алыи томъ собраніи, не якоже хрестьяномъ подобаетъ, но якоже поганымъ. И пакы рече: проповѣдано ти ся есть, брате, отъ апостола вся въ славу Божию творити, да въ пласаніи ли есть слава Божіа? яко ты поганскими дѣлми дьяволу угожаши, а чловѣколюбца Бога не чтеш; заповѣдано ти ся есть безпрестани Бога молити, а ты безпрестани сѣшошия и играши. Аще ли хочеша разумѣти, яко бѣсовская есть служба и игра, послушай апостола, глаголюща: не будите бѣсомъ служители; писано бо есть, яко сѣдоша

людіе исти и исти, и всташа играти, и прогнѣваша Бога, и вогабе ихъ въ томъ грѣсѣ дѣи тиѣ и три тысящи; блюдися и ты, не люби игры, да не обратиши тано съ бѣсовскими слугами; кождо бо свое бремя повесетъ и покнетъ еже всѣлязъ; блюдися убо, и егда адѣ на-сѣши терніе сѣшомъ и глумленіемъ, а тамо жнеша слезы и рыданіе. Подобно сему и великій Іоаннъ Златоустъ глаголетъ: всяка убо лютость и студодѣніе отъ игранія и глумленія бывають, въ душахъ слышанихъ называема, и едино тшаніе есть всякоо цѣломудріе отъ основанія исторгнута и посярнито естество, исполнито лукаваго бѣса вождѣніа; ибо и глаголы студныи таме и образы студнѣишіа, и востриганіе таково и доженіе таково, и одежа и гласъ, и удовъ сложеніе, и очесъ развращеніе, и свирѣли, и сонѣли, и творенія и вини и вси просто послѣднѣаго студа дѣланіа полна; когда убо истрезавшися, рцы ни, только неударжаніе тебѣ блуженія заливающу дьяволу, только неударжаніа чаши растворяющу? И пакы тойже рече: да таковыи нитаенъ слышании, когда же о цѣломудріи потъ приности приимеши, но малу разливаеся отъ сѣша и нѣсней и студныхъ глаголъ сѣхъ? Ибо довольно отъ всѣхъ сѣхъ чествующе душѣ возможи быти честнѣи и цѣломудреннѣи, а не убо въ таковыхъ нѣснѣхъ обра-щанемъ; не вѣсто ли, яко къ злобѣ уклонительнѣише нѣнѣмъ; егда убо и художество сіе сотворишъ и дѣло, когда набѣжишъ нещи онаа огненныа? Не слышалъ ли еси, что рече Павелъ: радуйтесе, рече, о Господѣ; не рече — о дьяволѣ. Когда убо услышати воз-можеша Павла, когда чувство пріати прогрѣшенныхъ, нѣнѣствуа присно и непрестанно отъ зрѣніа онаго? И сіа убо священныи Златоустъ и святыи Еѳремъ и дру-зи мнози отъ таковыхъ рѣша. Но и священная пра-вила возбраняють сему бывати, якоже зналъ и на-предъ изъяснено бысть, яко священниковъ убо и ели-цы въ притчѣ причѣшени суть, запрещаютъ и взмо-тають, простыхъ же чловѣковъ отъ причащенія от-лучаютъ.

Сего ради молю васъ, не любите сквернословія и

игранія и глумленія, и отступайте отъ бесѣдъ душегубныхъ, и всякимъ храненіемъ соблюдайте свои сердца отъ нечистыхъ и скверныхъ помысловъ, и сохрانية свои очи отъ зрѣнія неислезного и отъ слышанія душевреднаго, и бѣгайте, яко отъ змія, отъ щипленія и гордости, и зависти и пилнства. Много бо намъ предстоитъ страха и боязни въ настоящемъ семъ житіи, а вниманію и трезвѣнію всегдашнему потреба. Тѣмъ же внимайте и трезвитесь, и многа смиренія и воздержанія во всемъ имѣйте, и никакоже отступайте отъ ученія божественнаго писанія, во всегда поучайтесь божественнымъ писаніемъ, прочитайте, пойте, молитвѣ

прилежно внимайте, руководѣвайтесь, влеченія суетная отъ помысловъ отсѣцайте, въ забытіе и мгнѣніе, скверная и тщеславная не уклоняйтесь. отъ собранія церковнаго не отлучайтесь, нищимъ давайте, о ранъ и царствы небесныхъ бесѣдуйте, смерть воспоминайте, прекрасную же и премудрую простоту, и кротость и смиреніе нате всего соблюдайте, да избавитъ насъ Господь Богъ отъ сѣтей вражнихъ и отъ всякаго злоускаго мученія и отъ прочихъ злокозненныхъ чловѣкъ, помилуютъ и спасетъ насъ молитвами преславными и пречистыми Богородицы и всѣхъ святыхъ, аминь.

ПОСЛАНИЕ ІОСИФА ВОЛОЦКАГО.

ІОСИФА СТАРЦА ПОСЛАНИЕ КЪ НѢНОВАМУ ХРИСТОАЮЩЕМУ.

(Рукопись Іосиф. Волоколам. монастыря, № 500, л. 568.)

Господину нашему о Христѣ возлюбленному грѣшныи чернецъ Іосифъ нищій твой, господине, челоуъ бѣю, надѣяся, господине, на твоѣ жалованіе, а ты, господине, Бога ради не зазри мою худость. Сказывалъ ми, господине нашъ слуга, что еси, господине, къ тебѣ писалъ о твоихъ челоуѣцѣхъ, и ты ден, господине, прочетши грамоту, да почалъ говорити: срѣзалъ ми ден, речеши, головы. Ино, господине, не пристонть твоему благородію тако творити, занеже, господине, божественное писаніе новелѣваетъ всякому челоуѣку, любящому Христа, имѣти попеченіе о рабѣхъ, якоже о чадѣхъ и наказывати ихъ всегда на блага дѣла, на Божій путь спасеныи, еже есть сіе: блуда не творити, прелюбодѣйства не дѣлати, не красти, не лгати, и всѣхъ замѣхъ ошати, и нещаси душами ихъ, еже поставити ихъ чисты и непорочны предъ Богомъ. Понеже всѣ еси создани рукою Божіею, и вса плоть едина, и вса единѣнъ крещеніемъ крестихося, и вса равно кровію Христовою искупленн быхомъ, и вса въ руцѣ Господни: егоже хочеть обнищаваетъ и егоже

хочеть обогатитъ. Аще и адѣ мало время помустилъ есть овому господствовать, овому же работати; но на страшномъ судищи Христовѣ имѣтъ раба, ниже свобода, но кождо по своимъ дѣломъ приметь; и аще будетъ князь или властелинъ благъ, и праведенъ, и милостивъ и имѣтъ рабы тако, якоже чада, и неклея душами ихъ, якоже божественное писаніе новелѣваетъ, за то приметь царства небеснаго наследіе. Писано, господине, въ правилахъ святыхъ отецъ: подобаетъ всякому Христолюбивому попеченіе имѣти о домашнихъ своихъ, прежде всего о чистотѣ: егда будетъ отрокъ пятнадесяти лѣтъ, ино ихъ имѣти господарю, и аще восхоцеть постригтися, ино ихъ отпустити; аще ли же не восхоцеть, ино отрока женити, а отроковицу занужъ дати. Аще ли тако не сотворятъ господіе, отвѣтъ имѣти Богу, аще отрокъ или отроковица въ блудное согрѣшеніе впадуть; а въ нашей, господине, земли того обычая по грѣхомъ имѣтъ. А въ мірѣ, господине, живучи челоуѣку младу чощо ли покаятися и престати, навыкшу ему сквернаи и гнусная дѣлати? Новелѣва-

еть, господине, божественное писаніе всякому челоѣку боголюбивому десятину Богу подавати отъ нѣдѣи и отъ чада и отъ работъ, аще кто восхоцеть Господу Богу работати, оставити мѣрскую пролость. Ино, господине, у васъ отъ множества работъ въ многія лѣта единъ восхотѣлъ работати Господу Богу, и тебѣ, господине, и то бранно; а вѣдомо, господине, аще живемъ, аще господствуемъ, аще наслаждаемся, но по малѣ умремъ, и отвѣтъ имамы дати о дѣлѣхъ, о словесѣхъ и о помышленіихъ. И ты, господине, аще и самъ не хочещи сего пути шествовати, но хотящимъ не возбраняи, наче же своимъ работѣ, но и понужай и учи на добрая дѣла, наче же на иноческое житольство, и того ради приимеша отъ Господа Бога прощеніе грѣхомъ и царствія небеснаго наслаженіе. Аще бо богатство тѣливое Богу давалъ и царствіе небесное за сіе принемъ, колыи наче иже душу бѣсмертную Господу Богу приведеть, еже недостовишь весь мѣръ? А вѣчто, господине, помыслишь, что постригнися, да почнуть жити не тако, якоже черницу вольно жити? Ино, господине, о томъ ты отъ Бога не точію не истязанъ будеша, но и совершеную изду приимеша, и виѣннъ Господь Богъ тебѣ въ жертву благовонну. А только, господине, то помышляти, ино никому не крестатся, ни съ чернецы не стряцся. То, господине, отъ начала міру вошло; у Сваса было дванадесять учениковъ, да да семдесятъ и два добрыхъ, да и нѣи инози ученицы ходили въ слѣдъ его, и пакы отбѣгоша отъ него, глаголюще: жестоко есть слово его; кто можетъ его послушати? А Іуда предасть его Іудеомъ. Святія же апостоли дванадесять и семдесятъ и два во зряху на прельстившихся и цогнившихъ; но себѣ точію внимающе, и послѣдоваша до смерти Христу Богу. У святаго же апостола Павла инози ученицы бѣша, но ови убо до смерти послѣдоваша ему, ови же развратишася, отбѣгоша: Фигель же и Ермогенъ, и Александръ ковачь, и Меней в Филиппѣхъ восхотѣша убити его; послѣдоваша иже Павлу, даже и до смерти не зряху на нилъ, но себѣ точію внимаху.

А и въ монастырохъ, господине, первыхъ подобно тому бысть; освященный Савва многія монастыра и ученики нилъ послѣдующихъ своему житію, нѣи же отъ нилъ развратишася числомъ шестьдесятъ и многъ митежъ и молву и смущеніе сотвориша святому Савѣ, и отбѣгоша. Также и святой Стефанъ новыи исповѣдникъ многія ученики нѣише послѣдующихъ ему; ови же развратишася только, яко и самаго святаго Стефана на смерть предати. Да во инозѣхъ монастырохъ и въ древицѣхъ и въ вынѣшнихъ тако творятся. Кто хоцеть истинно послѣдовати Христу, свою душу спасти, тотъ не внимаеть замкы, но благинъ; аще ли же кто хулитъ монастыра, или святаго иноческїи образъ, яко инози во иноческїи образъ облачатся, а не вси спасаются, такои хулятъ и Господа нашего Іисуса Христа, яко многія ученики нѣише, но не вси спасошася: такоже хулятъ и святаго апостола Павла и вса святыя апостоли, яко многія ученики нѣиша, но не вси спасошася, такоже хулятъ святаго и освященнаго Савву и великаго Стефана исповѣдника и вса святыя пренодобныи отцы наша, иже мнози ученики нѣиша и не вси спасошася. По малѣ же начнемъ хулити и святое, крещеніе, яко инози крещаются, а не вси спасаются, понеже Господь нашъ Іисусъ Христосъ, хотяи всякого челоѣка спасти и въ разумъ истинный привести, вѣсть, яко и во крещеніи имамы согрѣшати и святое крещеніе осквернити; сего ради повелѣ святимъ апостоломъ, и пренодобнымъ и богоноснымъ святымъ отцемъ нашимъ второе крещеніе предати, еже есть святаи ангельскїи образъ, ижеже вса грѣхи очистишася, яко отъ младенства быша. Свѣтъ же Іоаннъ Лѣствичникъ глаголетъ, яко большаи перваго крещенія сіе божественное крещеніе: первое убо крещеніе очищаеть скверну нашу и рукописаніе разрѣшаеть, еже отъ Адама на насъ бываше; сіе же послѣднее божественное крещеніе очищаеть насъ отъ всѣхъ сквернъ, еже отъ младенства нашего сотворихомъ; и первое убо крещеніе не мнози соблюдоша неосквернено; снѣ же послѣднимъ крещеніемъ и оно первое крещеніе очищаеть.

Сего ради глаголетъ великій исповѣдникъ Никифоръ, патриархъ Царяграда: аще кто отложитъ ангельскій иноческій образъ и начнетъ жити въ свѣтѣ, подобаетъ того проклинати, якоже еретика и отступника. Якоже Господь нашъ Іисусъ Христосъ, хотя всякаго чело-

ка спасти, второе крещеніе подасть на очищеніе грѣховъ, тако и врагъ нашъ діаволъ, хотя всякаго чело-вѣка погубити, влагаетъ въ сердцѣ чело-вѣкомъ алая и сопротивная, невѣдущихъ божественнаго писанія.

ПОСЛАНИЕ ЮСИФА ВОЛОЦКАГО

КЪ ШИТРОПОЛИТУ СИМОНУ.

(Импер. Публич. Библиотеки Омск. II. Q. № 68.)

Государю просвѣщенному митрополиту Симону всея Русіи грѣшной чернецъ Юсифъ нищій твой, господине, зъ братію челомъ бѣю. По грѣхомъ, государь, нашихъ князь Федоръ Борисовичъ, государь нашъ, началъ обидити монастырь пречистыя; что пречистая Богородица посмала милостыню въ монастырь свой, да которые христороубцы давали по своимъ душамъ, и онъ, государь, оучалъ оу насъ все то отнимати; и мы, государь, то не оучали давати ему, того ради, что ниѣ о томъ отвѣтъ Богу дати; и онъ, государь, того ради на насъ брань великую въздвигъ, меня, государь, захогълъ изъ монастыря изгнати и братію, государь, старцовъ добрыхъ хогѣлъ кнутіемъ бити; а Возницкому, государь, архимандриту велѣлъ на черныцовъ изъ монастыря подговаривати и наводити, и архимандритъ Алексѣй подговорилъ десять черныцовъ на Вознице, да пять черныцовъ и оуезъ, а тѣ черныцы взяли съ собою четверынацетеры книги, да иноу рулили монастырскую. И мы, государь, посмала бити челомъ князю Федору Борисовичу о томъ, и князь Федоръ нашъ отвѣчалъ:

тѣхъ до и не велю выдати, а ниимъ велю прогнати, да въпередъ денъ бы ко ниѣ не посмала. И мы, государь, позвала конечное нежалованіе въ вѣкиъ государя своего князя Федора Борисовича, и изъ хогѣлъ изыти изъ монастыря; ꙗ братіа, государь, учали ниѣ говаривати: господине Юсифе, пришли есиа къ пречистой да къ тебѣ, и животы есиа, государь, давали пречистой въ домъ да тебѣ, да и силу есиа истощилъ свою, работаючи монастырь пречистыя; а ниимъ, господине, ты хочешь изъ монастыря, а мы, господине, съ тобою; а которые христороубцы давали села и ниѣнія по родителейъ и по своимъ душамъ, и тѣхъ память погнеть съ шумомъ, а нашъ, господине, и тебѣ подъ старость волочитися по чюжииъ монастырехъ; а церковь, господине, пречистыя и монастырь запустѣеть; посмай, господине, бити челомъ государю великому князю Василію Ивановичу всея Русіи, чтобы, государь, Симонъ митрополитъ самъ жаловалъ, а государю великому князю Василію Ивановичу всея Русіи нежаловался, чтобы, государь, силевался Бога ради, не жало-

валъ, о насъ своихъ нищихъ промыслилъ, какъ ему Богъ положилъ на сердцѣ. И изъ, государь, послыалъ братію бити челомъ тебѣ, государю, чтобы ты, государь, самъ жаловалъ, а государю великому князю, сыну своему, печаловался, и твоишь, государь, благоволеніемъ и печалованіемъ государь князь великій смилевался: пожаловалъ Бога ради валъ въ свою державу монастырь пречистыя и насъ нищихъ; и ны, государь, отъ тѣхъ вѣсть въ тишинѣ и въ покои молили Бога за государя благоутрапаго великаго князя и за тебя, государя, и за великую княгиню и за все православное христіанство. И мытѣ, государь, вѣдомо тебѣ, въ великое гонѣніе праслалъ на мѣнѣ архіепископъ Новгородскій Сараніонъ граноту неблагословенную, а написалъ, государь, вину мою, слышаніе мое такое, что еси отказался отъ своего государя въ великое государство, и коли еси

такое великое безчynie сдѣлалъ, и ты чюжъ священства и нашего благословенія. Или вѣдомо тебѣ, государю нашему, что ни въ божественномъ писаніи, ни въ лѣтописцехъ, ни въ обычаяхъ земскихъ того не бывало: кто великое безчynie оучинилъ въ томъ, что послыалъ бити челомъ государю большому да тебѣ, государю большому святителю, чтобы церковь пречистыя да монастырь не занустѣлъ; ни въ святыхъ правилѣхъ не написано, что тѣхъ ради винъ отлучати отъ священства и не благословити кого. И ты бы, государь, Бога ради и пречистыя Богородица, пожаловалъ смилевался, самъ жаловалъ, а государю сыну своему великому князю печаловался, какъ еси въ началѣ жаловалъ. И изъ тебѣ, государю, нищій твой зъ братією челомъ быю и должень Бога молити о твоишь здравіи и спасеніи.

тѣмъ, что онъ не хотѣлъ и не хотѣлъ государю великому князю бити челомъ, а государю большому да тебѣ, государю большому святителю, чтобы церковь пречистыя да монастырь не занустѣлъ; ни въ святыхъ правилѣхъ не написано, что тѣхъ ради винъ отлучати отъ священства и не благословити кого. И ты бы, государь, Бога ради и пречистыя Богородица, пожаловалъ смилевался, самъ жаловалъ, а государю сыну своему великому князю печаловался, какъ еси въ началѣ жаловалъ. И изъ тебѣ, государю, нищій твой зъ братією челомъ быю и должень Бога молити о твоишь здравіи и спасеніи.

тѣмъ, что онъ не хотѣлъ и не хотѣлъ государю великому князю бити челомъ, а государю большому да тебѣ, государю большому святителю, чтобы церковь пречистыя да монастырь не занустѣлъ; ни въ святыхъ правилѣхъ не написано, что тѣхъ ради винъ отлучати отъ священства и не благословити кого. И ты бы, государь, Бога ради и пречистыя Богородица, пожаловалъ смилевался, самъ жаловалъ, а государю сыну своему великому князю печаловался, какъ еси въ началѣ жаловалъ. И изъ тебѣ, государю, нищій твой зъ братією челомъ быю и должень Бога молити о твоишь здравіи и спасеніи.

ПОСЛАНИЕ СЕРАПІОНА КЪ МИТРОПОЛИТУ СИЦІОНУ.

(Рукопись Іосиф. Волоколам. монастыря XVI в. № 500.)

Святѣйшему епископу богоспасаемаго града Москвы, отцу на и господиу Сиону, митрополиту всея Русіи, отъ Бога врученнаго ти порожденіа церковное оправданіе. Малѣйшій и смиренный владычества твоя смыш, заточенный архіепископъ Божіа церкви Великаго Новгорода и Пскова владыка Серапіонъ, въ благодареніи припадаю святости твоей и величеству чоловъ бѣю.

Что, господине, сказываете, что азъ не называювалъъ вины прехвальному вашему Іосифу? Ино ему се первая вина, что изъ моего предѣла отъ святыхъ церкви Божіа Премудрости изскочилъ, якоже вторый Іуда изъ лѣва апостольска, адался съ монастыремъ, а мнѣ того дѣла не сказалъ и своихъ обидъ ни малымъ писаніемъ къ намъ ни возвѣстилъ, нашего благословенія ни мало отъ насъ приалъ. О таковыхъ Богоотецъ Давидъ пророкъ глаголетъ: не восхотѣ благословенія и удалися отъ него, и облечеся въ клятву яко въ ризу; и шакн: прокляти уклоняющіеся отъ заповѣдей твоихъ. Но самъ се презоршій навесе сію клятву себѣ, уподобися онъ преждему Цемблаку, иже расколъ сотвори величій апо-

стольской церкви, святѣйшей величій митрополитъ, иже ложно себе поставилъ въ митрополиты; не восприалъ ли проклятія отъ своа неправды? А себъ абыдникъ не тоже ли сотворилъ? Не вражду ли устроилъ святѣйшей церкви и митрополитъ? Не ненависть ли сотворилъ промежи насъ своими ложными словесы на толкое время? Слыши, господине, и воиши разумно, иже въ Кареагентъ святото собора правило 17: прозвиреть аще будетъ епископъъ своихъ отлученъ отъ области твоей, митрополиту, епископъъ припадати не возбраняется; аще же къ тѣмъ не припадаетъ, не смирится, но расколъ творай, гордася, святыхъ Богови принесеть, рекше, наки начнетъ служити, да будетъ проклятъ: что убо онъ такому правилу не повиненъ ли бысть? Не расколъ ли сотвори? Не гордыню ли вознесе? Не уподоби ли ся преждему оному, иже бѣ ирже денница, ишпѣ же сверженъ бысть за гордость и нарочется тма, сирѣчь Сатона! Оне таковыя высокія гордыня, яко свидо въ пренсодній адъ темный! Къ симъ же аще ко злой себъ гордыни лжу прилето тѣмъ лестными своими словесы и

посланія, государя и великого князя обругова, на злобу сведе, и тебе, господина моего, ненавидѣти насъ сотвори; въ тѣхъ его злыхъ дѣлахъ мнози отъ государя въ темницахъ заключени, во многѣхъ мукахъ продолжаша, у многыхъ мѣстахъ восхищены и мнози и доселѣ отъ государя не въ любви. А не все ли, господине, того злою ложію? Не сбысть ли ся на немъ апостольское слово, еже о Аванин и Савенрѣ, иже украдоста отъ цѣны седе и хоташа Духъ святый искутити и обогати? Яко же глаголетъ Іоаннъ Дѣствичникъ о жи: никомо винитъ, яко малъ быти грѣхъ лжа, на се бо Духъ святый не меньше нмѣхъ грѣховъ хулу занесе. Ино убо, господине, явсть ли никакія вини на Іосеа? Безъ послуша ли сіа написашъ тебѣ? Не божественное ли писаніе его саваго обличашъ? Ты же, господине, что усмотриши? Какову правду его обыскали? Тако ли святыхъ апостолъ преданіе и святыхъ отецъ правила повелѣваютъ, еже изъ чужаго предѣла вѣскочившаго, отъ своего епископа неблагоговѣнна, никія ради вини во дѣль предѣлъ прїидеть, иноу епископу въ вриобщеніе таковаго не прїяти. Зри, господине, иже въ Лаодикинъ святата собора еже есть въ средцѣ правило 15-е. Ино, господине, вѣдомо тебѣ, что еси въ тебѣ носы носылашъ, да и грамоты многія, билъ еси тебѣ челомъ, чтобы ты самъ жаловалъ, а государю великому князю печаловалася, чтобы велѣли на Москвѣ быти нѣмъ. И вы, господине, моего посла зину изволочивъ, отпустили на отъ чѣмъ, а грамоты попомуже. И азъ, господине, самъ о себѣ хотѣлъ вѣдати, и князь великій велѣлъ намѣстникомъ дѣтей боярскихъ и коней поимать; а азъ хотѣлъ бити челомъ великому князю да и тебѣ митрополиту и всѣмъ епископомъ на соборѣ на того Іосеа жаловатися о его неправдахъ, якоже выше писашомъ; и вы нѣмъ быти къ себѣ не велѣли, а его еста приняли, а нѣмъ еста своего собору не сказали и ваки въ советѣ не приняли о таковомъ дѣлѣ, и азъ вашему собору неповинновъ. А не мощно было вамъ въ томъ дѣлѣ мене оставити, ни презрѣти. А еще, господине, тотъ Іосеа прїеждеть въ монастырь у себе поновъ чернь-

цовъ изъ митрополіи и епископа всѣхъ, и тотъ нѣмъ Іосеа у себя въ монастырь служити велитъ, а безъ нашего благословенія, ни намъ, ни нашимъ десятникомъ грамотъ ставленныхъ, ни отпускихъ не являютъ. Такъ ли, господине, правила повелѣваютъ? А въ ставленыхъ грамотахъ сами пишете, что не велити переходити отъ церкви къ церкви и отъ предѣла въ предѣлъ безъ отпускихъ грамоты; а который поитъ, или дьяконъ перейдетъ отъ предѣла въ предѣлъ, или нѣмъ ставленная грамота да и отпускии епископу града, гдѣ перейдетъ; аще ему повелитъ, да литургисаетъ, или десятнику явити ему грамота ставленная и отпуская. И тотъ Іосеа нѣмъ насъ во всемъ презрѣ, нашего благословенія не востребовалъ. Ты же, господине, еси есте въ Номоканонѣ по законѣ искали? Еси есте исправили святыхъ отецъ преданія? се ли уже исполнили еста нѣру святыхъ отецъ? Во истинну ли сбытеса на васъ истинное слово Владыки Христа: вы есте свѣтъ миру, вы есте соль земли? Аще во истинну нарекошеса такъ во владычню слово, во истинну благодарю Бога и всѣхъ васъ; в ащели же не тако будеть, аще соль обуметь, чимъ осолитса? но токмо вонъ насыпана бывзеть и пошраена челоуки. Вы же, господине, нѣмъ такового челоука, ни малу ни въ чемъ правду досѣваша, ни къ снпренію ни мала дѣла явниша, ваче же на буестъ и на гордость обращающася и презорствомъ обладаена, черезъ каноны святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ благословаете и прощаете, да и грамоту прощальную дали ему. Се ли есте изобрѣли въ канонѣхъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ? Се ваша правда въ неправду вопстивну, по Богоотцу Давиду: любяи неправду ненавидѣти свою душу; а видѣ пишеть: съ неправдою глаголы усть ихъ. А мене грѣшнаго преже суда отъ церкви отлучили и самъ снвали и заточенію предади еста. Се ли ваше благочестіе? Се ли ваша добродѣтель? Се ли есте исправили слово истинное, что душу неповинну анаемѣ предаете, не сотворша никакогого дѣла виновна? Помни, святѣйшій, на чемъ на есте ставили и что же еси заповѣдалъ. Общася еси, госпо-

дне, тебѣ, своему отцу, твоя заповѣди сохранили безъ вреда; исповѣдался еси, господине, тебѣ, святѣйшему митрополиту, и вѣствъ епископомъ и всему святому собору во святѣй Божіей церкви пречистыя Богородицы у цѣлебоносного гроба Петра чудотворца, что ни не боитися въ правдѣ великого князя, ни множества народа; понеже пишеть: правдою предъ царя не стыдяхся и глаголахъ; и далъ еси слово Богу и взялъ, что ни ходити по преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, и далъ ми еси хиротонію, но не яко велѣлъ еси ни творити, и далъ ми еси власть визати и рѣшати. И мнѣ азъ видѣхъ того Юсфеа неправду и гордыню и многого его ко мнѣ презорство, что живучи у насъ, въ нашемъ предѣлѣ, подъ нашею властію, и намъ повиненъ есть отъ древнихъ государей и прежнихъ многоимъ и братіи, архіепископомъ Новгородскимъ той области, и та пустынька и въ ней живущія, а отъ насъ благословенія не требуютъ; и азъ за то того Юсфеа не благословляю и чужа его ниѣю и изворжена по правиломъ святыхъ отецъ, якоже глаголетъ святый Леонасій Александрійскій ко Антиоку князю о нехотѣдомыхъ вѣщахъ о священныхъ. Вопросъ: аще нужъ святъ послѣть казнь и мученіе или бѣса, или смерти, или нѣкое показаніе на домъ, или на чада, или на существо чловѣку, и убо можетъ ли чловѣкъ оны умолити много святого и убѣжати осужденія, егоже послалъ рабъ Божій? Отвѣтъ. Аще нужъ святъ есть мученіе послалъ, явѣ, яко совѣтомъ Божіимъ сотворилъ;

и кто есть прочее, иже совѣтъ Божій возбранити хотя? Обаче же ни святи сами другъ друга ратуютъ, свидуще любовный союзъ, яко не услышитъ Господь святого, молитвою возбранити хотящаго на святаго молитву, ни бо есть се Богови подобно—единого убо оскорбити а другаго успокоити своего раба. Отнюдуже въ Коринѣхъ соблудившаго Павель связавъ, той и разрѣшилъ. И Пліи убо такоже небо связавъ, еже не одождити, той и разрѣшилъ наки такоже, Богу ниущу сень тысящъ святыхъ, иже не преклонивша колѣна Ваалу. Наки досаждену бывшу Іову отъ своихъ ему друзей, что сотвори Богъ? Прости ли мнѣ согрѣшеніе ихъ? Ни, но глаголахъ мнѣ: идѣте къ рабу моему Іову, и поволоитесь о васъ. Якоже во ангелѣхъ не сопротивно дѣется единъ другому, сице и о святыхъ ниущую. Слыши, господине, что глаголетъ писаніе: кто убо связавъ, сои и разрѣшати можетъ. Черезъ сія же правила и надписаніе кто дерзаетъ пріяти такового въ пріобщеніе, той самъ судъ ниѣтъ по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ преданію. Мнѣ же послѣднену не буди сотворити, якоже тебѣ обѣщався, еже повиноватися неправдѣ, а за правду дай же ми, Боже, пострадати. О сень вселенскій учитель апостолъ Павель учить, глагола: ниѣ убо еже жити—Христосъ, а еже умрети за нѣ—пріобрѣтеніе. Кто убо насъ разлучитъ отъ любви Христовы? Никтоже. Кровь же мою азыщеть Господь Богъ отъ рукъ вашихъ; азъ же чаю отъ Владыки Христа нады и воздаяніа праведныхъ.

СЛОВО

О ПРАВДѢ И НЕПРАВДѢ.

Варлаамъ дма.

(Изъ сборника XV в. Кирилловской библиотеки, № 6/1085.)

Первое сътворена бысть правда Богомъ въ человѣцѣхъ, потомуже же отъ неприязненна ума въста неправда, и нача боротися въ человѣцѣхъ, и приаша человѣци неправду, и правду отвергоша, и остави (а) правда въ свои воли ходити, да погибаетъ, якоже изволиша. Въста бо на дѣвство блудъ и погуби дѣвство, въста на чистоту скверна, лютость на протость, въста гнѣвъ на тихость, на любовь ненависть, въста несытость на пость и пианство на трезвость, въста обода на смиреніе, разбой на братолюбіе, въста скуность на щедрость и немилосердіе на милость, въста безаконіе на сохраненіе закона, и наа вся въсташа неправедная на праведная дѣла. Тѣже великое есть намъ требѣ въздержаніе; хотиши бо искати правды, еуже дойти жизни Божіа, да отвергнутся сея временныя и яко чужія отбѣгаютъ. Разумнии чловѣчески роде убогыя, како побѣженъ еси неправдою, увѣжъ нынѣ, кто есть силенъ, Богъ ли или врагъ, грѣхъ ли или законъ, тѣло ли или душа? Аще помыслиши Богу угодити и свою душу спасти, то врага убоявся, грѣхъ съвершаеши. О несмысленны роде чловѣчески, яко своиѣ повѣрствовѣхъ не боишия грѣха, а не уповаеши правдою! Никогдаже Богъ не

оставити и чловѣка праведна, хотяща милости; токо чловѣка помыслити съ вѣрою къ Богу, и Богъ вселится въ сердце его разумнымъ свѣтомъ, яко солнце сіае и просвѣщае умъ его и житіе. Тѣже лѣно ны ость держатися правды и просити милости Божіа. Велика сила Христова, могушая ны спасти. Да аще Бога добръ вѣсте и хочете милости его, ни вражіа прельсти боитеся, ни сея жизни брозѣте, правдѣ же держачеся съ вѣрою, спасетеся. Все бо сущее въ жизни сея сладко и красно: богатство, слава, власть, честь, пища, шитіе, одежда, раби, села, виногради и добрии храни, всякіа сладости. И азъ реку: вся си добранъ въ малъ годъ; да аще и велики любаны суть, но нехотаща вся та оставити ны ость, да понудимся преже смерти оставити сіа; и малы того причащатися еже довлѣеть къ спасенію, а то все дадимъ нищамъ, иже продають Божию милость, да купимъ вѣчную жизнь и получимъ оставленіе грѣховъ и избавленіе муки вѣчныя. Милостивену бо отъ Бога милость приниеть и во свѣтъ Христовъ вселимся. Сого ради презрѣти добрии сію жизнь и правдою ищутъ оная жизни вѣчныя, юже буди получитьи намъ.

СЛОВО

О СНѢХЪ НОЩНЫХЪ.

(Тамъ же, 32/1099.)

Брате, возставу ти глаголю, яко въ нѣмѣшная зренена, осудѣшииъ наставникомъ, но требуши ничтоже, да вѣруши, или внут(р)ь, или внѣ, или явственнѣ, или въ снѣ, или свѣтѣ, или нѣкая мечтанія—не приеми отнуду, понеже бо хочещи погибнути. Иже бо соніенъ и мечтаніемъ вѣруи, безо иного грѣха съ диаволомъ осудитса, яко еговъ слуга. Рѣхъ ти, чадо, яко безо иного грѣха, и иного,—токио да уверитса человекъ, не узритъ Господа. Что бо инаши, чадо, прибытокъ, яко аще естъ и что божественно, ты вся нѣи бѣсовская, и смотря грѣхы своя и плачи о нихъ, дондеже время инаши. Егда же видятъ Господь душу тренещую и боищуся прелести и лукаваго довленія, и не приемящую отнуду ничтоже, аще и добро естъ, тогда множае Господь съхраняеть его и приемяеть и ублажають, яко зрѣти его съ страхомъ и трепетомъ свое спасеніе създывающа. Что бо, не отъ сего ли ереси обыкоша възрацати и бѣсовская начинанія? Ты же, чадо, егда уариши себе, Господу поспѣшествую(щу) ти въ смиреніи, еже зрѣти себе никае бѣсовъ, мерзка и грѣшнѣйша, отсего да увиси, яко правѣ шествуеши. Пбо бѣсовская смиренія не подавають ни кротости, но супротивная снѣхъ. Ты

же снѣхъ не вишиши, но егда ти принесуть бѣсове мечтаніемъ память, еже въ ноци видѣлъ еси, хотяще ти увѣрити, тогда умъ твой въ смиреніи авери, и въ нѣиз преложи, да часто снѣхъ твоя, придеши въ обычан еже не вѣровати, ни память отнуду нѣи мечтаніемъ. Пичтоже бо не мерзко предъ Богомъ, точио сіа бѣды, еже въ мечтанія вѣровати. Ты же съхраниса еже рекохъ ти, и довлѣеть ти и Господь поможеть ти, чадо, иже всѣиъ хочеть спастиса и въ разумъ истинны приити. Никогдаже Богъ человека хочеть, да постражеть что зло, но человекъ своимъ неразуміемъ авѣкомъ и прелещаетъ, себѣ вѣровавъ, исконажаетъ погибель. Ты же сіа увидѣвъ, съблюдаи себе, и Господь съ тобою. Едино токио ищеть бѣсъ прелестнымъ отъ человека, яко да видятъ токио умъ ему, яко любить приимати мечты еговы, тогда съ дерзновеніемъ показуеть ему мечтанія различна, ово устрашая его, ово утѣшая и веселя, дондеже приведетъ его идѣже грѣбуеть. Оттоли аще и архистратигъ Михаилъ навазуеть его, не чуетъ, ни увѣряется глаголомнѣхъ. Сого ради и прелестъ глаголетса, яко не вѣруеть, что глаголемнѣхъ ему. Егда же умъ прелеститса и обыкнеть въ дѣлъ, и стагнетса ужн

СЛОВО

ОБЪ ИСЦѢЛЕНІИ БОЛѢЗНЕЙ МИРОМЪ.

(Тамъ же.)

Аще кто имать у себе миро святыя Богородици, или святаго миро Димитрія, и аще прилучится болѣзнь внутри, да повелитъ іерею литургію пѣти пресвятѣи Богородици, а миро да будетъ на святѣи трапезѣ. По скончаніи литургіи, да вложитъ пощъ миро въ уста больнаго, и да поглотитъ. Аще же болѣзнь очима, такоже, по скончаніи литургіи, помажетъ ерѣи малочко; такоже и на всомъ тѣлѣ, гдѣ коли прилучится болѣзнь. Іерѣи такоже взимають святаго мира и помазаетъ болящя. Аще же прилучится болячка на срамныхъ удѣхъ, аще у мужа или у жены, такоже по скончаніи литургіи вземъ іерей миро съ престола, и дастъ его нищену болячку, и носетъ въ домъ свои и воставитъ предъ святыми иконами, и свѣцу вжогъ, и покадитъ ѳиѳи-

монь, и поклонится до земли, елико по силѣ, поцѣлуетъ въ сосудъ, въ немже святое миро, и повелитъ всѣмъ изыти вонъ изъ храма; и тако вземъ своею рукою отъ мира святаго кистицю, и помажетъ самъ болячку свою, яко на танныхъ его удѣхъ; или мужъ, или жена, невозбранно есть; тогда съхраняется, мужъ къ женѣ, да не приближается въ той день и ночь, да не приближается къ пѣнству. Такоже подобаетъ и отъ святаго Димитрія о мирѣ: да поется литургія сватому Димитрію и по скончаніи литургіи помазаетъ іерѣи болящаго миромъ святымъ димитріевымъ сице, якоже предъ указано о мирѣ пресвятыхъ Богородица. Таковымъ же уставомъ и сіе створяемъ, о Христѣ Исусѣ Бозѣ нашемъ.

Аще кто кистицю подавится, да молится сватому Власію.

СЛОВО

О НЕПОМОЩНОСТИ ЖИВЫХЪ.

СЛОВО О ТОМЪ, ИКО НЕ ПОДОБАЕТЪ ПОМНИТИ СЕБЯ ЗА УПОНОЮ

изъ книгѣ сщмч., изъ св. пророкѣ, изъ св. сщмч., изъ третинъ, Аѳинъ, изъ мнѣ, изъ мнѣ христі(н)и помощи души твои, то покаянныи и мольбѣ, мольбѣ, мольбѣ, мольбѣ, мольбѣ и прочими добрыми дѣлами.

(Тамъ же, рукоп. XV стол.)

Глаголетъ же о томъ, яко не подобаетъ поминати себе въ поминаніи за упокои съ мертвыми, нъ другъ за друга творити, якоже рече Господь: азъ не есмь Богъ мертвыхъ, нъ въ живыхъ. И приидеи жертву живъ живу Богу, зажеже мертвіи не могутъ ничтоже творити, нъ живы творятъ за мертвыи, и прощенію грѣховъ въ животъ приати, зажеже рече: персть во гробѣ не поеть, не отъ грѣхи избавится мертвецъ, не вѣнчается. И Давидъ рече: персть въ гробѣ не поеть; Господи, во адѣ кто исповѣсть ти ся и въ мертвыхъ кто възсхвалитъ тя? И каки реченое есть: мертвіи не поминаютъ живыхъ, нъ живы поминаютъ мертвыи и приношеніе за нихъ приносятъ. А ты, человѣче, умъ си погубивъ, не слушаши святыхъ писаній, самъ си умираеши плотию, а души сущи въ тѣлѣ, велиши попомъ со- рокоустіе вѣти и въ вѣчное поминаніе нишешися. Егда первое речеть мнѣ, просѣнувшись: помини, Господи, умершаго сего мнѣ-река, и тогда ангелъ ужаснется и речеть: како украдена бысть душа его? О горе тому попомъ, тако дѣюще! а вѣнія не вѣвъ погрѣбавшаго, ни проводивъ его въ гробъ, ни молитвы надъ

нимъ створилъ пращальныи, егда въ гробъ владуть, ни въ исходъ души канона вѣвъ, како ли речеша покон- тиса душо умершаго сего мнѣ-река? а онъ еще живъ есть, асть, нѣтъ и богатство събрасть и грѣхи вѣкми творитъ; за м дни службу поеша заи, то за толико- же днен не дан ему нымъ асти, ни вѣти. О горе тво- реніа того! на радость бѣсовомъ творитъ и на осуже- ніе человекомъ. Да се вѣдуще, братіе, не творите се- го, ни послушайте таковыхъ невѣгласовъ новелѣнія, о нихже рече Іоаннъ Златоустыи, яко мнози лжехристи изыдоша въ миръ; таковыи новелѣвають, хотяще свое чрево наполнити. Таковыи бо суть попове, чреву уго- ница, а не Богу; аще быша Богу угаждали, то сего бы не новелѣли творити. Аще ли кто будетъ творилъ, то покаися, плачися; работнаго да свободитъ за то, а самъ да поживетъ въ волѣ Божіи, а своихъ волѣ отвер- жется. Се же ти есть заповѣдано, да благотворниши живъ сми, а не по смерти, да адѣ поживъ, въ заповѣ- дехъ Божіихъ, а тамо вѣчныхъ блѣгъ насладишися о Христі Іисусѣ, Господѣ нашемъ, смуже слеза нымъ и присно и въ вѣки вѣкомъ аминь.

СЛОВО

О ЖЕЛЮБЪ ОТПАДЕНІИ ДАТІНЦЪ. И О

ВЕРНОВАНІИ ВЪРАТЦЪ.

како и когдо ради дѣла отлучивша отъ насъ Датины, издржени есмы отъ ерѣсисти еяго, и отъ еяго помѣшуду, едѣни
ишцѣса, ерѣсисти патрїарси, въ актѣ, есмы.

(Тамъ же.)

Быше на седноу съборѣ Андрианъ глава Римскыи, и потоу Лео, тако Стефанъ, носехъже Паскаль, Евгение, Валентинъ, Григоріе, Сергіе, омуже презыма Полагіе, Лео, Вседвѣтъ, Стефанъ, Николае, Фотіе. — Фотіе бысть при царьствѣ Васила Македона, — Андрианъ, Іованнъ, Маринъ, Андрианъ, Стефанъ. Сии вси православни быша, исповѣдающе православное знаменіе, еже: вѣрую въ единого Бога, якоже предаво бысть отъ святаго вселонскаго перваго събора и потоу такоже шестии святыми вселонскыи съборы укрѣлено, предаво бысть и проповѣдано, яко отъ Отца единого исходитъ пресвятый Духъ; якоже и прочая церкви до днесь держать, яко суть сии: Константиныграда церкви і Александрыская и Антиоіская, Іерусалимская. По прохожденіи же седнаго собора, девятому наиѣ наставшю въ Римѣ Леоу, въ время же то бысть иконоборство въ Константиныградѣ, Лео же глава Римскыи призна къ себѣ тогда отъ внутренняша Фругія Карула, егоже царь сътвори. Отъ хѣта же оного Фружскаго послѣдоваша Карулу еретици иѣци, иже быху отъ ученія Аріева и Анолнариева едержими: и шедшими имъ въ Римъ, на-

чаша развращати люди Божіа, глаголюще, яко не отъ Отца единого токмо исходитъ Духъ святыи, но и отъ Сына, и ерѣсими хѣтбонъ подобаетъ таковыи жертвы творити, и другая многа неподобна церковному преданію учаше народъ. Видѣвъ же Лео глава Римскыи таковыи нечестивыми ереси гнѣбонъ люди Божіа, яко иже тогда мудрїи слову вѣдателя отгнати нечестивое оуѣхъ проповѣданіе и новое, въ Константиныградѣ, якоже реко(хо)мъ, иконоборствующу тогда, посла къ патрїарху Іерусалимскому Фотію, яко да послетъ ему словесныхъ мужъ, яко да отженуть нечестивое погубленіе отъ Римскаго града. Фотіе же патрїархъ Іерусалимскыи посла на се Михаила суггела, послѣдующиимъ ему и ученикомъ его Феодоръ и Феосанъ и Іовъ, иже нарекошася написанимъ. Многешдними же имъ Константиныградѣ, яко да православныи люди укрѣпятъ уклонившихся на иконоборство, елико возможно имъ провести ихъ на первое благоуѣрїе, они же тогда удержани быша нечестивыми иконоборци, тако бо Михаилъ суггелъ и Іовъ въ Константиныградѣ житіе свое скончаша; Феосанъ же и Феодоръ бѣши быша и напи-

савше лица ихъ, заточени бывше. Ересници же, пришедше отъ Фругія съ Каруломъ, проповѣдающе и учаще ересемъ своимъ люди Божія, отъ правыхъ вѣры отвращаху. Сего ради папа Лео, иже въ судохранительницѣ обрѣте положенія щиты, имѣюще на нихъ написаніе — святоо знаменіе православныхъ вѣры, еже есть: вѣрую въ единого Бога, сія щиты повѣсиша на Римской церкви на обличеніе ереси онѣхъ и на утвержденіе православныхъ людей. По Леови же папѣ Римскою наставшу Вендикту папѣ, и тамо такоже зряще люди Божія гibleмы, словесы Латинскими написана, Греческими же вѣщанми глаголати предасть: вѣрую во единого Бога; еже есть знаменіе православныхъ вѣры; ктому же и писаніе посла къ чотыремъ патриархомъ, яко по скончаніи его настоящихъ въ Римѣ папъ, яко не приимати тако, яко не прежде исповѣданіе онѣхъ приимлють о святѣмъ знаменіи, якоже исперва святіи \bar{z} вселенскіи събори предаша и непреложно быти укрѣпиша: отъ Отца единого исходити Духу святому, а не отъ Сына, якоже прісѣлаша тогда губители оны. До Андриана же и Стефана, бывши(хъ) папъ Римскихъ, единовѣрніи и единоудренни бѣху Латини съ прочими патриархи; но сихъ же вѣкто Формосъ именемъ папа въ Римѣ наста и ученію онѣхъ губитель причастникъ бывъ, посла убо и по знаменіе православныхъ вѣры, якоже и прежде сего папы носылаху, нищуше къ чотыремъ патриархомъ, яко отъ Отца единого пресвятыи Духъ исходитъ, тавно же учаще въ церкви своен на ученіе онѣхъ еретикъ, глаголю, яко отъ Отца и Сына Духъ святый исходитъ. По сихъ же папѣ Формоссу прѣятницы быша по ряду чужему сему и неправому ученію: Вивеантіе, Стефанъ, Романъ, Феодоръ, Іоаннь, Венедиктъ, Лео. Христофоръ же по сихъ папа Римскимъ бывъ, сии бысть

въ лѣта Василія царя Болгаро-убителя, и Сергіемъ патриархомъ Константинограда о православномъ знаменіи истязавъ бывъ, о исповѣданіи православномъ знаменіи, како глаголетъ: вѣрую въ единого Бога, — первымъ сеп Христофоръ исповѣда и яви, глаголю, яко пресвятыи Духъ отъ Отца и отъ Сына исхоженіе имать. Сего ради Сергіемъ патриархомъ Константинограда и прочими патриархи отъ книгъ, и дѣже писани суть патриархи, изверженъ бысть. Такоже и по сему Христофоръ предстатели бывши въ Римскѣи церкви, и ослѣпленіемъ Христофоровымъ и тѣм ослѣпоша, тому послѣдоваша, не восхотѣша пріяти первое свое благовѣріе и благолѣпіе неспорочими и православными вѣры, юже предаша благовѣрными и Христомонитыми челоукомъ святые церкви \bar{z} вселенскіи святіи събори; преступающіи же се предаше святыхъ седмихъ съборъ да суть отлучени отъ святые церкви Божія и да будутъ прокляти, завязани. Подобаеть же вѣдати, яко во Христофоръ, пераомъ исповѣдницѣ разарашенаго исповѣданіа его, написаша явѣ Латини въ Римскѣи церкви, яко и отъ Сына Духъ святый исходитъ. Бывшю же въ Римѣ папѣ, единоудрени Христофору оному, яд до днесь, иже погрѣшиша, отлучени быша отъ святые вселенскыи церкви и православныхъ християнъ. По Сергіи, иже прежде реченомъ патриарсѣ Константинограда, иже изверже Христофора отъ книгъ патриаршескихъ, якоже выше рѣкохъ, бысть патриархъ въ Константиноградѣ Кирюларіе, иже испрокладъ Латини, створшихса еретикъ явѣ. Курюларіесъ бысть въ лѣта Константинограда царя Мономаха, въ лѣто \bar{z} фаа. Вѣдомо да есть, яко патриархъ Константинограда Сергіе священныи первымъ тѣм, иже отлучи Латини отъ нашіа церкви. Бысть же сии патриархъ, по прішествіи двѣнадесятихъ лѣтомъ по седмомъ съборѣ, двадесять и вторымъ патриархъ по святѣмъ Тарасіи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.		стр.
Повѣсть о Цѣлѣнтѣ, епископѣ Новгородскомъ.	1	Поученіе старца Фотія.	189
Повѣсть о Моисѣѣ, архіепископѣ Новгородскомъ.	10	Посланіе старца Іосифа (Волоцкаго)	192
Повѣсть о Евоніѣ, архіепископѣ Новгородскомъ.	16	Посланіе митрополита Данила.	194
Повѣсть о Іоаннѣ, архіепископѣ Новгородскомъ.	27	Поученіе митрополита Данила.	200
Повѣсть о Михаилѣ Клопскомъ.	36	Посланіе Іосифа Волоцкаго.	205
Повѣсть о Мартиріѣ, основателѣ Зеленой пустыни	52	Посланіе Іосифа Волоцкаго къ митрополиту Симону	208
Повѣсть о Евросимѣ Псковскомъ.	67	Посланіе Серапіона къ митрополиту Симону	210
<i>Примѣчаніе</i> (къ повѣсти о Евросимѣ)	117	Слово о правдѣ и несправдѣ.	213
Повѣсть о Стефанѣ, епископѣ Перискомъ.	119	Слово о снѣгѣ ношнихъ	214
Повѣсть о Евросиміи Полоцкой	172	Слово объ исцѣленіи болѣзней иудей	216
Повѣсть о Выдропусской иконѣ Богоматери	180	Слово о немощи новгородскихъ живыхъ.	217
Поученіе князя	184	Слово объ отпаденіи латви	218
Поученіе Петра митрополита	186		

The KALMBACH
BOOKBINDING CO.
CERTIFIED
LIBRARY BINDERY
TOLEDO, OHIO

